

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Челябинский государственный университет»

**СЛОВО, ВЫСКАЗЫВАНИЕ, ТЕКСТ
В КОГНИТИВНОМ, ПРАГМАТИЧЕСКОМ
И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ**

*Материалы
XII Международной научной конференции*

**Челябинск
11-12 апреля 2024 года**

Челябинск
Издательство Челябинского государственного университета
2024

УДК 81
ББК Ш10
С 48

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Челябинского государственного университета

Редакционная коллегия

Л. А. Нефедова, доктор филологических наук, профессор (ответственный редактор)
У. А. Жаркова, кандидат филологических наук, доцент (заместитель ответственного редактора)
И. В. Войтешук, кандидат филологических наук, доцент
Э. М. Ляпкина, кандидат филологических наук
Н. М. Матвеева, кандидат филологических наук, доцент
Н. М. Охрицкая, кандидат филологических наук
О. Ю. Подъяпольская, кандидат филологических наук, доцент

С483 Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах : материалы XII Междунар. науч. конф., Челябинск, 11–12 апреля 2024 г. / отв. ред. Л. А. Нефедова. – Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2024. – 569 с.
ISBN 978-5-7271-1963-1
doi 10.47475/9785727119631

В сборнике представлены статьи российских и зарубежных ученых, принявших участие в XII международной научной конференции, посвященной актуальным проблемам, связанным с взаимоотношением языка, культуры и общества. В сборнике освещаются общетеоретические вопросы функциональных и прикладных проблем языкознания, перевода и методики преподавания иностранных языков, рассматриваются способы отражения языковой картины мира в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах.

Издание адресовано специалистам в области лингвистики, аспирантам и студентам лингвистических и филологических факультетов высших учебных заведений.

**УДК 81
ББК Ш10**

Сборник издается в авторской редакции

*Сборник издан при участии Фонда поддержки научных мероприятий
Челябинского государственного факультета, 2024 г.*

ISBN 978-5-7271-1963-1

© Коллектив авторов, текст, 2024
© Челябинский государственный университет, 2024

ДИСКУРСИВНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ

DOI: 10.47475/9785727119631_3

Е.С. БЕЛОВ / E.S. BELOV

Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)

МЕТАФОРА КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ КОММУНИКАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

METAPHOR AS A MEANS OF IMPLEMENTING COMMUNICATIVE STRATEGY IN FOREIGN POLICY DISCOURSE

Аннотация

В статье рассматриваются метафоры политического дискурса США и России, используемые в высказываниях о состояниях, процессах, событиях и субъектах внешней политики. С позиций теории концептуальной метафоры и теории метафорического моделирования анализируется лингвокогнитивный механизм концептуализации и категоризации внешнеполитических событий. Основное содержание исследования составляет анализ особенностей метафорических словоупотреблений *axis of evil* («ось зла») и *reset* («перезагрузка») с точки зрения актуализируемых прагматических смыслов в контексте описания международных отношений. На основании данных, полученных в результате анализа, автор приходит к выводу, что эксплуатируемые метафорические образы и прагматический вектор рассмотренных метафор определяют реализуемую коммуникативную стратегию и, как следствие, риторический потенциал высказывания для развития кооперативных и некооперативных отношений.

Abstract

The article examines metaphors of the US and Russian foreign policy discourse used with regard to the state of foreign relations, processes, events, and actors in foreign policy. From the perspectives of conceptual metaphor theory and metaphorical modeling theory, the linguo-cognitive mechanism of conceptualization and categorization of foreign policy events is analyzed. The study focuses on the analysis of the peculiarities of the “axis of evil” and “reset” metaphors in terms of the pragmatics in the context of foreign relations. Based on the analysis data, the author concludes that the exploited metaphorical images and pragmatic vector of the analyzed metaphors determine the implemented communicative strategy and, consequently, the rhetorical potential of the statement for the development of cooperative and non-cooperative relations.

Ключевые слова: концептуальная метафора, коммуникативная стратегия, когнитивная лингвистика, метафорическое моделирование, внешнеполитический дискурс.

Keywords: conceptual metaphor, communicative strategy, cognitive linguistics, metaphorical modeling, foreign policy discourse.

В последние десятилетия растет интерес к роли метафоры в политическом дискурсе. Методологической основой большого числа исследований служит теория концептуальной метафоры, разработанная американскими учеными Дж. Лакоффом и М. Джонсоном [Lakoff, Johnson, 1980]. Согласно данной теории, метафорический перенос лежит в основе одного из важнейших когнитивных механизмов структурирования познавательного опыта. При этом механизм метафорического переноса осуществ-

ляется посредством проекции из понятийной сферы-источника в сферу-мишень.

В нашей стране теория концептуальной метафоры развивается в теории метафорического моделирования на основе когнитивно-дискурсивной парадигмы (А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский, Ю. Н. Караулов, И. М. Кобозева, Е. С. Кубрякова, Т. Г. Скребцова, Ю. Б. Феденева, А. П. Чудинов, Й. Цинкен и др.). Представленная работа также опирается на достижения дискурс-анализа (А. Н. Баранов, Р. Водак,

Т. ван Дейк, В. И. Карасик, Е. С. Кубрякова, К. де Ландтшер, А. Мусолфф, А. П. Чудинов, Е. И. Шейгал, Дж. Юл и др.), прагмалингвистики (Н. Д. Арутюнова, Р. Водак, М. Р. Желтухина, О. С. Иссерс, В. И. Карасик, Н. Б. Руженцева, Г. Г. Слышкин, Е. И. Шейгал и др.) и лингвокультурологии (С. Г. Воркачѳ, В. И. Карасик, В. В. Красных, В. А. Маслова, Ю. Е. Прохоров, В. Н. Телия и др.).

Глобальная информатизация, всеобщая и разноплановая интеграция членов мирового сообщества в единое коммуникативное пространство обусловили интертекстуальность мирового дискурса как совокупности дискурсов национальных. События мировой значимости, в том числе коммуникативные, в различных сферах общественной жизни, активизируют систему цитаций и аллюзий. Зеркалом, в вербальной форме отражающим наиболее заметные текущие события в сфере внешней политики, являются СМИ.

Единое коммуникативное пространство используется для конструктивного решения глобальных проблем и вместе с тем является средством для продвижения идей и интересов. В период обострения международной обстановки субъекты внешней политики ведут информационные войны, вступают в партнерские и союзнические отношения с другими глобальными акторами на основе общих ценностей и установок, предпринимают усилия по дискредитации других стран в глазах международного сообщества, делегитимизации оппонентов. Метафора нередко выступает средством вербальной реализации прагматических установок говорящего в рамках выбранной коммуникативной стратегии.

Е. В. Ключев определяет коммуникативную стратегию как «результат, на который направлен коммуникативный акт» [Ключев, 2002, с. 147]. Более широкое определение предлагает С. Дацюк, определяя стратегию как «концептуально положенное в технологии мировоззренческое намерение и его действительное осуществление касательно содержания коммуникационного процесса» [Дацюк, 2003, с. 41]. В контексте анализа метафоры внешнеполитического дискурса именно этот аспект представляется нам особенно важным.

А. К. Михальская [Михальская, 2002, с. 68] выделяет два типа отношений между партнерами в рамках речевого взаимодействия, а именно **гармонизирующий** (основу которого оставляют истина и согласие) и **агональный** (в основе – борьба и победа). Вслед за Михальской Н. Н. Кириллова выделяет кооперативные и некооперативные стратегии коммуникации [Кириллова, 2012, с. 26].

В рамках данной работы попытаемся проанализировать прагматику метафорических внешнеполитического дискурса в рамках заданной методологии и по критерию конфронтации и кооперации. Рассмотрим реализацию коммуникативных стратегий на конкретных примерах.

Материалом дня написания данной статьи послужили тексты публикаций СМИ США и России, посвященные событиям из области внешней политики.

Как показало исследование метафор внешнеполитического дискурса США [Белов, 2011], периода 2004 – 2008 гг. характеризуется этноцентризмом – дискриминацией культур, отличных от доминирующей. В частности, этноцентризм дискурса американских СМИ выражается в метафоре *axis of evil* (букв. «ось зла»). Данную оценочную номинацию широко использовали президент Дж. Буш мл., Джон Болтон, Кандолиза Райс применительно к Ираку, Ирану, Кубе, КНДР, Сирии, России (*After President Bush included Iran in the «axis of evil,» everything went downhill fast /Council on Foreign Relations, 01.01.08/. It's baaack. Twenty years after Iraq, the Israel-Gaza war resurrects 'axis of evil' <...> "There's an axis of evil in the world: China, Russia, North Korea, and Iran. And we need to stand up to the axis of evil, not try to do business with them."/ Washington Post, 25.10.2023/*).

Представляя страны как коллективную силу зла, данная метафора апеллирует к сфере геометрической пространственной ориентации, где зло занимает центральное «осевое» положение по отношению к прочим странам, находящимся на периферии. Посредством оппозиции «центр – периферия» авторы метафорических высказываний добиваются усиления негативной окраски антагонистов США.

Являясь инвективной номинацией, актуализирующей пейоративные смыслы, метафора *axis of evil* отчетливо иллюстрирует агональную модель общения, проявляя такие признаки конфронтационной коммуникативной стратегии как дискредитация, соперничество (*to stand up to the axis*), противопоставление (оппозиция *we – them*).

Концептуальный потенциал метафоры *axis of evil* и ее прагматический вектор, направленный на делегитимизацию и создание максимально негативного образа оппонента, также реализуется посредством апелляции к оппозиции «добро – зло». Данные образы являются архетипическими, а следовательно, глубокоукорененными в сознании реципиента. Универсальность эксплуатируемых образов позволяет автору эффективно реализовать когнитивный потенциал метафоры, обращаясь к максимально широкой интернациональной аудитории.

В период с 2009 по 2010 гг. высокую частотность в контексте российско-американских отношений проявляла лексема «перезагрузка». С момента своего первого употребления в марте 2009 г. вице-президентом Дж. Байденом (*It's time to press the reset button*) данная метафора проявила высокую степень текстогенности, то есть способность порождать вокруг себя большое количество текстов (*It's time for President Obama to push the reset button on our relations with our ally Israel /The New York Times, 17.03.2010/*. *How to reset the relationship between the U.S. and China /New York Times, 13.10.2009/*. Тимошенко тоже хочет «перезагрузки» отношений с Россией /Известия, 14.07.2009/. Медведев рассчитывает на реальную «перезагрузку» в отношениях с США /Известия, 20.03.2009/. Литва воспротивилась «перезагрузке» отношений России и НАТО /Известия, 05.03.2009/. Rogozin анонсировал марттовскую «перезагрузку» отношений России и НАТО /Известия, 25.02.2009/).

Приведенные примеры иллюстрируют широту применения данной метафоры в контексте отношений Россия – США, Россия – НАТО, Россия – Украина, Иран – ЕС, Литва – Россия, США – Израиль.

Представляется, что неслучайно именно в США, в стране с высоким уровнем развития компьютерных технологий, появилась данная артефактная метафора. С приходом нового президента Барака Обамы, известного в США как «computer savvy president», отношения России и США стали переосмысляться с помощью терминов понятийной сферы «Компьютер», а вместе с тем и более широкой понятийной области – «Механизм, техническое устройство».

Использование артефактных метафор, апеллирующих к таким сферам-источникам как «технические средства», «система», «компьютерная техника», свидетельствует о стремлении к примитивизации действительности с целью упрощения конструируемой картины мира. Посредством проекции из понятийной сферы «компьютерная-устройство» автор высказывания формирует образ управляемых отношений, которые можно перезагрузить или отрегулировать.

Таким образом, метафора ОБНОВЛЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ – ПЕРЕЗАГРУЗКА лишена дискредитирующих и делегитимизирующих интенций. С точки зрения прагматического вектора и риторической тональности метафора *reset* в контексте международных отношений носит гармонизирующий характер и направлена на поиск компромисса и согласия.

Метафорическое переосмысление отношений между странами как динамических систем, кото-

рые могут «дать сбой», но являются управляемыми, указывает на желание привлечь партнера к совместной деятельности, изменить или нормализовать данные отношения.

Представленный анализ позволяет говорить о разнонаправленности коммуникативных стратегий двух рассмотренных метафор. Стратегия конфронтации реализуется через противопоставление по оппозиции «свой – чужой», инвективную составляющую номинации «*axis of evil*», апелляцию к архетипичным образам «добро и зло». Обращение к сфере-источнику «компьютерное устройство» актуализирует концепт «изменение» путем перехода в обновленное состояние, что свидетельствует о позитивном прагматическом векторе, присущем стратегии кооперации.

Дальнейшее исследование внешнеполитических метафор, используемых для констатации текущего состояния межгосударственных отношений и прогнозирования геополитических процессов, с учетом риторического потенциала таких метафор может представлять большой интерес для лингвистов, специалистов по международным отношениям и межкультурным коммуникациям.

Список литературы

1. Белов, Е. С. Метафорическое моделирование внешнеполитического дискурса России и США : специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» : дис. ... кандидата филологических наук / Белов Евгений Сергеевич. – Екатеринбург, 2011. – 237 с. – Текст : непосредственный.
2. Дацюк, С. А. Коммуникационные стратегии – Текст : электронный // Центр гуманитарных технологий : [официальный сайт]. – URL : <https://gtmarket.ru/library/articles/2751> (дата обращения: 07.01.2024).
3. Кириллова Н.Н. Коммуникативные стратегии и тактики с позиции нравственных категорий // Вестник НГТУ им. Р. Е. Алексеева. – Нижний Новгород, 2012. – С. 26-33. – Текст : непосредственный.
4. Клюев, Е. В. Речевая коммуникация / Е.В. Клюев. – Москва : Рипол Классик, 2002. – 320 с. – Текст : непосредственный.
5. Михальская, А. К. Основы риторики 10-11 классов : учеб. пособие / А.К. Михальская. – Москва : Дрофа, 2002. – 496 с. – Текст : непосредственный.
6. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live by* / G. Lakoff, M. Johnson // Chicago : University of Chicago Press, 1980. – 237 p. – Текст : непосредственный.

DOI: 10.47475/9785727119631_6

М.В. ВЕЛЕНТЕЕНКО / M.V. VELENTEENKO*Сургутский государственный университет
(Сургут, Россия)***Е.А. НАХИМОВА / E.A. NAKHIMOVA***Уральский государственный педагогический университет
(Екатеринбург, Россия)***МЕТАФОРА СУБСФЕРЫ «ЧЕЛОВЕК» В ЗДРАВООХРАНЕНИИ
(НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОГО И АМЕРИКАНСКОГО МЕДИАДИСКУРСА)****THE METAPHOR OF THE «HUMAN» SUBSPHERE IN HEALTHCARE
(RUSSIAN AND AMERICAN MEDIA DISCOURSE)****Аннотация**

Данная работа посвящена одному из ведущих инструментов познания мышления человека – метафоре. В данном исследовании рассматриваются исключительно метафоры субсферы «Человек» на примере российского и американского неинституционального медиадискурса. Авторам статьи удалось представить ряд примеров метафор субсферы «Человек» на примере американского и российского неинституционального медиадискурса, а также продемонстрировать цель их использования говорящими. Среди них: раковая опухоль (*cancer*) на теле населения, сердцевина (*core*), стержень проблемы (*spine*), *its hands in it* (приложить руку к), *let off steam*, *see red*, «дошить» (человека), полудохлый трупик, распятый и голый, шея слетела с катушек и другие. Авторы также отмечают, что морбиальная метафора – ярко и точно передаёт серьёзность и степень тяжести положения объекта, над которым совершаются те или иные действия, физиологическая метафора способствует более доступному выражению мысли и передаче эмоций и состояний говорящего, метафоры родства помогают сделать акцент на важности отношений между врачом и пациентом и чаще всего описывает их с лучшей стороны. В статье также представлена классификация метафор А.П. Чудинова, даны определения таких фундаментальных понятий, как неинституциональный медиадискурс, когнитивная метафора и другие.

Abstract

This work is devoted to one of the leading tools of cognition of human thinking – metaphor. This study examines exclusively the metaphors of the subsphere “Man” on the example of the Russian and American non-institutional media discourse. The authors of the article managed to present a number of examples of metaphors of the “Human” subsphere using the example of American and Russian non-institutional media discourse, as well as demonstrate the purpose of their use by speakers. Among them: cancer on the body of the population, the core of the problem, spine, have its hands in it, let off steam, see red, “finish” (a person), a half-dead corpse, crucified and naked, the neck went crazy and others. The authors also note that the morbid metaphor vividly and accurately conveys the seriousness and severity of the position of the object over which certain actions are performed, the physiological metaphor contributes to a more accessible expression of thought and the transmission of emotions and states of the speaker, metaphors of kinship help to emphasize the importance of the relationship between a doctor and a patient and most often describes them with the best the parties. The article also presents the classification of A.P. Chudinov’s metaphors, defines such fundamental concepts as non-institutional media discourse, cognitive metaphors and others.

Ключевые слова: неинституциональный медиадискурс, когнитивная метафора, классификация метафор, субсфера «Человек», физиологическая метафора, морбиальная метафора, метафора родства.

Keywords: cognitive metaphor, classification of metaphors, subsphere “Man”, physiological metaphor, morbid metaphor, metaphor of kinship, non-institutional media discourse.

Обладая разумом и страстью к самопознанию, человек так или иначе проецирует происходящие процессы в социуме на себя, сопоставляя их с процессами, происходящими внутри человеческого организма. Человеку также присуще ви-

деть мир через призму метафоры. Наше исследование посвящено когнитивной метафоре субсферы «Человек».

В своём основополагающем труде «Метафоры, которыми мы живём» Дж. Лакофф и М. Джонсон

рассматривают метафоры как мыслительный механизм структурирования приобретённого опыта. Метафора, по их мнению, является *собой способ мышления и познания окружающей действительности*, который проявляется также в действии. «Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична. <...> Метафора – это понимание и переживание сущности одного вида в терминах сущности другого вида» – утверждают авторы. [Лакофф, Джонсон, 2008, с.25].

В своей книге «Теория метафоры» Н.Д. Арутюнова также отмечает, что метафора отвечает способности человека улавливать и создавать сходство между разными индивидами и классами объектов [Арутюнова, 1990, с.15].

Российский учёный лингвист Э.Будаев утверждает, что когнитивная метафора первоначально ментальный феномен, а уже вторично – лингвистический. «Метафоры в языке – это не украшение мыслей, а лишь поверхностное отражение концептуальных метафор, заложенных в понятийной системе человека и структурирующих его восприятие, мышление и лояльность» – говорит Э.Будаев [Будаев, 2011, с.37].

Н.А. Красильникова полагает, что *неинституциональный дискурс* является соединением «бытового личностного общения как реакция на проекцию институционального дискурса на медийный», реализуя подачу информации на двух уровнях: «на личностно-ориентированном» (устная или письменная коммуникация в рамках личного общения) и на «статусно-ориентированном» (печатные или электронные письменные обращения в рамках медиадискурса) [Красильникова, 2012, с.131].

Т.Г.Добросклонская утверждает, что *медиадискурс* – это совокупность процессов и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всём богатстве и сложности их взаимодействия [Добросклонская, 2006, с.21].

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что *неинституциональный медиадискурс* охватывает как живую обыденную речь людей, так и письменные продукты общества в рамках медиапространства на бытовом, межличностном уровне.

Источниками лексических единиц исследования могут выступать комментарии под видео в YouTube и YouTube shorts, Vk клипы, комментарии под постами, переписки форумов, высказывания участников интервью и любых других видео, рекламные ролики и многое другое.

Объектом нашего исследования послужили метафоры субсферы «Человек» в российском и американском *неинституциональном медиади-*

скурсе, относящемся к сфере здравоохранения и медицины. Для проведения исследования авторами был выбран метод сплошной выборки.

В своей работе мы опирались на классификацию российского учёного А.П. Чудинова, где метафоры делятся на четыре группы в зависимости от субсфер их употребления: субсфера «Артефакты» (метафора дома и метафора механизма), субсфера «Природа» (зооморфная и фитоморфная метафоры), субсфера «Социум» (криминальная, милитарная, театральная, спортивная и игровая метафоры). В свою очередь *субсфера «Человек»* делится на физиологическую, морбиальную и метафору родства [Чудинов, 2003, с.182].

К примерам *физиологической метафоры* можно отнести *железную хватку, хороший нюх, чистые руки, холодную голову, бабочек в животе, мурашки по коже, разбитое сердце, ком в горле* и другие выражения. По словам А.П. Чудинова, такие «метафоричные номинации напрямую связаны с человеческим организмом в целом и отдельными его органами в частности» [Чудинов, 2003, с.183].

Такие метафоры способствуют более наглядной передаче сложнейших процессов, происходящих в той или иной системе при помощи процессов, происходящих в человеческом организме. Например, *кровеносное русло, иммунная система – защищает организм от врагов, профилактика – это щит и другие*.

Выпустить пар – *let off steam*, где стресс ассоциируется с паром, который можно выпустить, тем самым высвободив неприятные телу эмоции.

Другое идиоматическое выражение – *see red* – образовалось, возможно, от красной ткани, используемой для приведения в ярость быков на испанской корриде или от красного флага, знаменовавшего начало битвы.

Морбиальная метафора напрямую связана с болезнями, ранами (общества). Например, *свежая кровь, пышечное мясо и другие*. Как правило, морбиальная метафора используется для выражения крайне тяжёлого положения дел.

Метафора родства переносит семейные отношения на отношения того или иного института с гражданами. Например, *Россия – мать, врач – отец*. В контексте здравоохранения такие метафоры демонстрируют отношения взаимопонимания и заботы между пациентом и медперсоналом. Например, *медсестра – мама коза, выходили как котёнка*.

Рассмотрим некоторые примеры, взятые из комментариев под видео в YouTube. Видео источники представлены в списке источников нашей работы. Во всех комментариях сохранена ав-

торская пунктуация и орфография, нецензурные выражения – частично скрыты звездочками.

Kim Andre Skogstrand: [...] You can't put band aid on *cancer*, and the cancer in your system is the private for profit model. You can't make an "adjustment" to get around a problem, when that problem is the very core, *the spine* that the entire industry is build upon. [...] – Автор данного комментария даёт понять, что по её мнению, система медицинского обслуживания не что иное, как *раковая опухоль* на теле населения, а проблема с завышенными ценниками на услуги – является *сердцевинной, стержнем* в системе здравоохранения США [URL: <https://youtu.be/wODAdZX59w>].

Aliya Nurgeldiyeva: У меня был такой случай, во время кесарево сечения врач ругался с медсестрой. Ты себя ужасно в этот момент чувствуешь, страх что тебя *не «дошьют»* сейчас. – Как правило, зашивают дыры на вещах и т.п., в контексте медицины используют термин «накладывать швы». Данная лексическая единица может свидетельствовать об отношении говорящего к собственному тему и происходящей ситуации [URL: <https://youtu.be/Rdd7hUP0uNY>].

FRAIL-T: It is absolutely amazing how many people can't see the obvious. It is precisely the fact that the Government has *its hands in it that* it is so expensive. [...] – Правительство приложило к этому *руку*, – утверждает автор данного комментария, – поэтому это (медицинские услуги) так дорого [URL: https://youtu.be/-zxZ5I_dMck].

user-mf1hr7ci2u: <...> Меня как собаку бросили на кровать. Даже никто не спросил, ты *живой*? Ночью я захотел в туалет. Не понимая, что я никуда не дойду. Я упал с кровати на парализованную руку. Ключница влезла под позвоночник, *шея на*ен слетела с катушек*. <...>. – В данном комментарии часть тела человека ассоциируется с полноценным действующим лицом и приходит в состояние, свойственное только человеку (слететь с катушек = сойти с ума) [URL: <https://youtu.be/Rdd7hUP0uNY>].

Defolt V.: Ляя такая же ситуация.) 1 января лег с аппендицитом. Лежу жду операции, вечер, радостные крики врачей, шампусик, и я... *Полудохлый трупик*, полностью раздетый, замерзший, и с температурой лежу в коридоре на акушерке и жду когда меня прооперируют. – Морбиальная метафора «полудохлый трупик» ярко передаёт состояние героя, помогая читателям оценить степень тяжести состояния пациента [URL: <https://youtu.be/Rdd7hUP0uNY>].

Добрый человек: Самый смешной и страшный момент был при анестезии, когда я *распнатый, голый* и напуганный лежу на столе и по-

следнее что слышу от анестезиолога? – Автор данного комментария передаёт весь ужас своего состояния и неприятные впечатления от операции при помощи метафоры, ассоциируя нахождение в данном положении с распятием – трагической и жестокой казнью [URL: <https://youtu.be/Rdd7hUP0uNY>].

Итак, в ходе нашей работы нам удалось представить ряд примеров метафор субсферы «Человек» на примере американского и российского неинституционального медиадискурса, а также продемонстрировать цель их использования говорящими.

Морбиальная метафора – ярко и точно передаёт серьёзность и степень тяжести положения объекта, над которым совершаются те или иные действия, физиологическая метафора способствует более доступному выражению мысли и передаче эмоций и состояний говорящего, метафоры родства помотают сделать акцент на важности отношений между врачом и пациентом и чаще всего описывает их с лучшей стороны.

Список литературы

1. Арутюнова, Н. Д. Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры: Сб. / Пер. с англ., фр., нем. исп., польск. яз.; Вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой. – М., 1990. – С. 5-33. – Текст : непосредственный.
2. Будаев, Э. В. Сопоставительная политическая метафорология / Э. В. Будаев // Нижний Тагил: НТГСПА, 2011. – 330 с. – Текст : непосредственный.
3. Добросклонская, Т. Г. Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации. – Текст : электронный // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2006. – №2. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/mediadiskurs-kak-obekt-lingvistiki-i-mezhkulturnoy-kommunikatsii> (дата обращения: 24.01.2024).
4. Красильникова, Н. А. Общество и неинституциональный политический дискурс в сети интернет – Текст : электронный // Политическая лингвистика. – 2012. – №4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvo-i-neinstitutsionalnyu-politicheskiy-diskurs-v-seti-internet> (дата обращения: 24.01.2024).
5. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон // пер. с англ. А. Н. Баранова и А. В. Морозовой; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. – Изд. 2-е. – М. : URSS : Изд-во ЛКИ, 2008. – 252 с. – Текст : непосредственный.
6. Чудинов, А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации :

моногр. / А. П. Чудинов // Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2003. – 248 с. – Текст : непосредственный.

Источники

1. Katrin Blair. 11 русских вещей, которым завидуют американцы. [Электронный ресурс]. – URL: https://youtu.be/-zxZ5I_dMck (дата обращения: 14.01.2024).

2. Сергей Орлов. Про аппендицит. [Электронный ресурс]. – URL: <https://youtu.be/Rdd7hUP0uNY> (дата обращения: 10.01.2024).

3. CNN. This is why US health care is so expensive. [Электронный ресурс]. – URL: <https://youtu.be/wO-DAdZX59w> (дата обращения: 09.01.2024).

DOI: 10.47475/9785727119631_9

Г.А. ВИЛЬДАНОВА / G.A. VILDANOVA

*Казанский инновационный университет
(Казань, Россия)*

А.А. ВИЛЬДАНОВ / A.A. VILDANOV

*Казанский государственный медицинский университет
(Казань, Россия)*

МЕДИЦИНСКИЙ ДИСКУРС: ЭТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ

DEONTOLOGICAL ASPECT OF MEDICAL DISCOURSE

Аннотация

Статья посвящена этической составляющей медицинского дискурса и обращается к прагматическому потенциалу медицинских эвфемизмов как важному аспекту стратегической врачебной коммуникации. Авторы рассматривают психологические составляющие эвфемизации как в профессиональном, так и межличностном общении, описывают особенности стратегии употребления эвфемизмов в рамках таких прагматических установок как этичность, конспиративность и экономия речевых усилий. Проведенное исследование иллюстрирует необходимость диверсификации коммуникативных ресурсов для обеспечения бесконфликтного и успешного взаимодействия в силу разнообразных социальных и психологических факторов. Эффективные коммуникативные стратегии могут включать как интенсивное применение эвфемизмов в целях конспиративности и сокрытия информации в ситуации психологических и юридических рисков, так и требовать ограничение или отказ от употребления эвфемизмов для снижения тревожности психически неустойчивого состояния пациентов.

Abstract

The article dwells on the ethical component of medical discourse and studies the pragmatic potential of medical euphemisms as an important aspect of strategic medical communication. The authors consider the psychological rationales of euphemism functioning in both professional and interpersonal communication, describe the features of the euphemisation strategy aimed at achieving ethical or cryptolalic communication, and saving speech effort. The study illustrates relevancy to diversify communication resources to ensure conflict-free and successful interaction due to various social and psychological factors. Effective communication strategies may include both intensive use of euphemisms for the purpose of secrecy and hiding information (in situations of psychological and legal risks), and require euphemisms withdrawal to reduce psychologically vulnerable patients anxiety.

Ключевые слова: медицинский дискурс, эвфемизм, стратегическая коммуникация, ятрогения, этика, прагматический принцип.

Keywords: medical discourse, euphemism, strategic communication, iatrogenesis, deontology, pragmatic principle.

В рамках данной работы мы обращаемся к медицинскому дискурсу, а именно к его этической составляющей. Мы осознаем, что этический аспект пронизывает и затрагивает разнообразные нюансы любой специальной коммуникации. В этой связи представляется целесообразным ограничить область исследования: осветить особенности эвфемизации в медицинском дискурсе и показать прагматический потенциал эвфемизмов в обеспечении бесконфликтного и успешного общения как в профессиональной среде, так и межличностной коммуникации пациентов. Эмпирическим материалом исследования послужили русско- и англоязычные словари эвфемизмов, художественная литература и материалы СМИ.

Прежде всего отметим, что мы рассматриваем коммуникацию, насыщенную эвфемизмами, как стратегическую, так как склонность использовать не прямые номинации является своеобразной манифестацией «инстинкта самосохранения на коммуникативном уровне, оно обеспечивает бесконфликтное коммуникативное взаимодействие и позволяет [...] высказаться и в то же время умолчать о нежелательной сути» [Вильданова, 2016, с. 18] и эвфемизация становится «рационально обоснованной стратегией коммуникативного поведения в присутствии риска» [Вильданова, 2017, с. 59]. Стратегическая коммуникация становится важной составляющей профессиональной компетенции врача и реализуется в рамках стратегий моральной поддержки, смены фокуса, переинтерпретации, позитивной оценки перспективы и переоценки наличной ситуации [Макарадзе, 2007].

Общеизвестно, что психологическое состояние пациента, его стремление поправиться творят чудеса, а ощущение обреченности, пессимистический настрой могут осложнить, ухудшить состояние больного. В основе подобной реакции лежит вездесущий «страх смерти», который проявляется в том, что «любое напоминание о «животной» природе человека – это напоминание о бренности бытия и, соответственно, основным мотивом человеческого поведения является стремление любым способом оградить себя от осознания смертности» [Вильданова, 2016, с. 140]. Именно вероятностью негативного воздействия на самочувствие мнительных и психологически уязвимых пациентов руководствуется медперсонал, эвфемизируя свою речь. К примеру, существуют так называемые «ятрогенные» заболевания, возникающие от неосторожного слова врача и мнительности пациента, то есть в результате психогенной/информационной ятрогении, причиной которой являются «непродуманная беседа врача, другого медицинского работника, со-

общение без подготовки тяжелого диагноза или прогноза заболевания, излишняя информация или, наоборот, непонятная молчаливость и т. п.» [Огнерубов, 2019, с. 167]. Например, узнав о зеркальном расположении органов, что не является заболеванием или патологией, мнительный человек может серьезно заболеть. В таких случаях врачами используются термины «*situs viscerum inversus*» (зеркальное расположение органов), «*spina bifida*» (несращение дуги позвоночника), чтобы не спровоцировать ятрогенное заболевание.

Важно отметить, что с точки зрения прагматики, в медицинском дискурсе эвфемизм представляет возможность реализовать разнообразные коммуникативные установки:

- *тактичность, этичность и эмпатия.* Данные намерения подталкивают к употреблению «седативных» эвфемизмов, дистанцирующих от неприятного диагноза, смягчающих пугающие медицинские формулировки и оказывающих успокоительное действие на пациента. С учетом данного принципа порождаются эвфемизмы в сфере медицины для таких понятий, как «болезни», «смерть». К примеру, такая коварная болезнь как «рак» (*cancer*) обозначается эвфемизмами: в английском языке «*Big C*», «*Growth*», в русском – «болезнь желудка», «БЛ желудка», «болезнь пищевода» и др. Вот как описывается эвфемистическое общение врача с пациентом в художественной литературе:

«Not much change for the better, I'm afraid. Not much improvement. We're nearing the end of the chapter I fear». This was his usual stereotyped banality to indicate the nearness of death ...» (- *К сожалению, я не нашел большой перемены к лучшему. Да, улучшения почти нет. Боюсь, что кончается последняя глава.* – Такова была его излюбленная банальная фраза, которой он намекал на близость смерти) [Cronin, Hatter's Castle].

Иногда, из соображений смягчения высказывания, своеобразной «амортизации» при сообщении о смерти, тяжелом состоянии пациента, говорящий (врач) может «гасить» и приглушать негатив: помещать неприятную информацию в середину и/или конец высказывания или использовать грамматическую категорию (к примеру, прошлое время в сообщении врача: «Она была в тяжелом состоянии» – вывод «была» значит ее нет, умерла):

«- Your poor husband, Mrs Vidler, – we tried to do everything for him, but [...] – We can only tell you – Doctor Manson and I – that no power on earth could have saved him, even if the operation ...» (Ваш бедный муж, миссис Видлер, *несмотря на все наши старания* [...]) От имени доктора Мэнсона

и моего могу вас уверить только в одном, – что никакими силами на свете нельзя было его спасти. И если бы даже он и пережил операцию...» [Cronin, *The Citadel*].

Заметим, что вариативность в названиях болезней предоставляет дополнительную возможность для эвфемизации. В языке может существовать несколько обозначений одной и той же болезни: англ. BSE (bovine spongiform encephalopathy) = mad cow disease, halitosis = bad breath, scorfula = King's Evil; рус. гидрофобия = бешенство, лепра = проказа. Одни являются номенклатурными терминами, другие общеизвестными вариантами. В зависимости от ситуации медперсонал может использовать то или иное слово. К примеру, в профессиональном общении с пациентом, чтобы точнее, понятнее объяснить ему диагноз, врач может пользоваться общеупотребительным вариантом. В том случае если нужно избежать психологической травмы – употребляется медицинский термин. Часто мы сталкиваемся с преуменьшением, специфичным для речи медперсонала, выполняющего разного рода медицинские манипуляции («немного пощиплет», «будет чуть-чуть больно» и т.п.), что помогает выдержать болезненные процедуры и почувствовать сочувствие и поддержку.

- *конспиративность*. Сами медработники склонны отрицать присутствие эвфемизмов в их речи, так как использование медицинских терминов, латинских и греческих слов для них естественно. Но, поскольку людям, не имеющим отношение к медицине, большинство номенклатурных терминов не знакомо, подобная лексика может оказывать положительный прагматический эффект, поскольку она способна вуалировать, маскировать негативные явления. В тех случаях, когда окончательный диагноз не является определенным или изменить ход болезни не представляется возможным, врач скорее употребит специальный термин, неизвестный или малоизвестный среди непрофессионалов: англ. Hansen's disease вместо Leprosy; рус. – «острая почечная недостаточность в терминальной стадии», вместо «конечной стадии», «болезнь Блюйлера» вместо «шизофрения». Как отмечает Р. Кейес, современный медицинский жаргон схож с непонятными магическими заклинаниями шаманов: латинизмы придают речи загадочность и неопределенность, которая стратегически оправдана в определенных ситуациях, частности, в присутствии больного, диагноз которого звучит нелицеприятно, можно использовать наукообразные термины: например, «алкоголизм» можно назвать «гиперингестация этинола» (hyper-in-gestation of ethynol), а паллиативные больные получают

«особую» медицинскую помощь -TLC (Tender Loving Care) [Keyes, 2010, с. 135]. Любопытно, что иногда медики, имея дело с ипохондриками, вынуждены скрывать минимализм лечения в силу отсутствия его необходимости, сообщая, что проводится «уденотерапия» (udenotherapy), то есть буквально «ничего неделание» (от греч. *ouden* – ничего). Важным основанием для «уденотерапии» является стремление не навредить, избежать побочных эффектов лекарственных средств если есть вероятность того, что симптомы вызваны мнительностью пациента и состояние может стабилизироваться без медицинского вмешательства.

Следует упомянуть так называемый медицинский сленг – неформальная эвфемистическая лексика, используемая медперсоналом в общении друг с другом и насыщенная черным юмором. Медработники ежедневно сталкиваются с человеческими трагедиями, смертью, страданиями, поэтому они пытаются дистанцироваться от этих явлений – дают выход своим эмоциям в шуточных и даже грубых выражениях: «dinamite pills» – «слабительное»; «fresh cow» – «пациент с венерическим заболеванием». Название некоторых медицинских специальностей облачается в шуточную, иногда грубую форму: гинеколог может быть назван OB man, GYN man, GYNie, fingersmith, gamp. Заметим, что грубоватые и ироничные эвфемизмы имеют психологическое объяснение: циничный юмор в медицинском жаргоне может рассматриваться как своеобразный способ достижения «катарсиса», психологической разгрузки, освобождения от чувства тревоги, усталости, напряжения, психотерапия для самого медперсонала. Очевидно, что их использование неприемлемо в коммуникации врач-пациент.

- *экономия речевых усилий*. В интенсивном дискурсе, насыщенном сложной терминологией, аббревиация лексики оправдана и целесообразна. Очевидно, что использование сокращений изначально продиктовано сугубо прагматическими соображениями достижения краткой и эффективной коммуникации, однако нейтральность и «безликость» медицинских сокращений превращает их в мощный стратегический инструмент эвфемизации, помогает остаться этичным и тактичным, а иногда и скрыть негатив. Возникает возможность «высказаться и умолчать», сообщить информацию посвященному и в тоже время скрыть ее от неосведомленного человека. Такие аббревиатуры как GERD (gastroesophageal reflux disease) – «ГЭРБ (гастроэзофагеальная рефлюксная болезнь)», COPD (chronic obstructive pulmonary disease) – «ХОЗЛ

(хроническое обструктивное заболевание лёгких) и т.п. психологически дистанцируют от пугающих медицинских диагнозов в форме полного латинизированного термина. Даже реклама лекарственных средств насыщается загадочными медицинскими аббревиатурами: RA (rheumatoid arthritis) – «ревматоидный артрит», BPH (benign prostatic hypertrophy) – «ДГПЖ (доброкачественная гиперплазия предстательной железы), PAD (peripheral artery disease) – «заболевание периферических артерий» [Keyes, 2010, с. 133]. Многие медицинские сокращения вошли в широкий обиход и стали общеизвестными: TB (tuberculosis), VD (venereal disease) и, конечно, печально известный COVID-19 (COrona VIrus Disease).

Сами пациенты тем более склонны эвфемизировать названия болезней, но подобные эвфемизмы более просты и понятны: англ. to have troubles with one's waterworks – to have bladder condition (о слабом мочевом пузыре), bad disease – venereal disease; рус. «мотор барахлит» – болезни сердца. Превратное представление о некоторых болезнях отражается в обобщенности, косвенности эвфемизмов в речи больных: англ. «to get one's back passage fixed» – to have an operation for hemorrhoids; «certain disease» – «venereal disease»; рус. «ветрянка» – ветряная оспа (избегается слово «оспа»). Именно так, более доступным образом, рекомендуют начинающим врачам обозначать болезни и состояния в разговоре с больными, не владеющими медицинской терминологией, особенно пожилыми. Предлагается не только упрощать речь, но и использовать лексику пациента, избегать использование научных терминов. К примеру, абстрактные медицинские термины могут вызвать наихудшие ассоциации и страхи, медики приводят примеры из своей практики: «56-летний пациент напуган и обеспокоен. Его врач сообщил ему, что воспаление в правой голени может быть вызвано «агентом» (воздействием) или «патогеном», что для него совершенно непонятно. «Агент» ему представляется человеком, а «патоген» звучит как «психопат» [O'Reilly, 2017, URL].

Таким образом, очевидно, что в настоящее время этически корректный медицинский дискурс учитывает различные факторы при выборе стратегии коммуникации. Несмотря на тот факт, что в некотором смысле эвфемизм сам становится своего рода седативным и обезболивающим средством, выбор его формы имеет решающее значение для эффективной коммуникации и лечения. Думается, что дальнейшее исследование коммуникативных ресурсов для обеспечения бесконфликтного и успешного общения в ме-

дицинском дискурсе актуально и имеет важную практическую значимость.

Список литературы

1. Вильданова, Г. А. Зооморфные пейоративы и эвфемизмы в гендерном дискурсе: психолингвистический аспект / Г. А. Вильданова, Е. А. Кудисова // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева (Вестник КГПУ). – 2016. – № 2(36). – С. 139–143. – Текст : непосредственный.
2. Вильданова, Г. А. Инстинкт эвфемизации / Г. А. Вильданова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2016. – № 3(168). – С. 15-19. – Текст : непосредственный.
3. Вильданова, Г. А. Теоретико-игровой подход к исследованию коммуникации / Г. А. Вильданова // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. – 2017. – № 3. – С. 59-67. – DOI 10.15593/2224-9389/2017.3.5. – Текст : непосредственный.
4. Макарадзе, К.Л. Стратегический принцип реализации медицинского дискурса / К. Л. Макарадзе // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2007. – № 8. – С. 93-96. – Текст : непосредственный.
5. Огнерубов, Н. А. К вопросу о юридической ответственности за информационную и психическую ятрогению и их соотношении / Н. А. Огнерубов // Актуальные проблемы государства и права. – 2019. – Т. 3, № 10. – С. 165-174. – DOI 10.20310/2587-9340-2019-3-10-165-174. – Текст : непосредственный.
6. Cronin, A. J. Citadel – Текст : электронный – URL : https://www.goodreads.com/book/show/634747.The_Citadel (дата обращения: 19.01.2024).
7. Cronin, A. J. Hatter's Castle – Текст : электронный. – URL : https://www.goodreads.com/book/show/634757.Hatter_s_Castle (дата обращения: 18.01.2024).
8. Keyes R. Euphemania: our love affair with euphemisms / R. Keyes. – New York : Hachette Book Group, 2010. – 279 p. – Текст : непосредственный.
9. O'Reilly, K. Medspeak can shut down effective communication with patients – Текст : электронный // American Medical Association. – March, 27. – 2017. – URL : <https://www.ama-assn.org/delivering-care/patient-support-advocacy/medspeak-can-shut-down-effective-communication-patients> (дата обращения: 22.01.2024).

DOI: 10.47475/9785727119631_13

А.В. ГУСЛЯКОВА / A.V. GUSLYAKOVA

*Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы
(Москва, Россия)*

**О ПРАГМАТИЧЕСКОМ ПРИНЦИПЕ КОНСТРУИРОВАНИЯ
АНГЛОЯЗЫЧНОГО МЕДИДИСКУРСА:
ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ**

**ON THE PRAGMATIC PRINCIPLE OF CONSTRUCTING
AN ENGLISH-LANGUAGE MEDIA DISCOURSE:
PAST, PRESENT, FUTURE**

Аннотация

Статья посвящена оценке научного понятия «прагматика», являющегося интегрированной частью лингвистического знания, и семантически связанных с ним языковых и философских категорий «прагматизм», «прагматический», «прагматичный», в их функционировании в разнообразных контекстах современного англоязычного медиадискурса. Исследование отражает динамику роста популярности обращения к прагматическим терминам в англоязычном обществе на протяжении истории развития англосаксонской цивилизации с начала XIX-го столетия и по настоящее время. В исследовании приведены и проанализированы примеры использования лексических единиц, отражающих прагматические ценности англоязычного мира, в популярных британских и американских медиа изданиях. Сделан прогноз о будущем применении прагматических категорий в конструировании англоязычного медиадискурса, а также популяризации и укоренению идеалов прагматизма в современных реалиях ведущих англоязычных государств мира.

Abstract

The article covers the assessment of Pragmatics as a scientific concept, which is an integral part of Linguistics, and its semantically related linguistic and philosophical categories “pragmatism” and “pragmatic” in their usage in various contexts of modern English-language media discourse. The study reflects the dynamics of the growing popularity of making use of pragmatic terms in English-speaking society throughout the history of the development of Anglo-Saxon civilization from the beginning of the XIXth century to the present moment. The study analyzes the examples of lexical units reflecting the pragmatic values of the English-speaking world in popular British and American media publications. The research also makes a prediction about the future application of pragmatic categories in the construction of the English-speaking media discourse, as well as the popularization and cementing the ideals of pragmatism in the modern realities of the leading English-speaking countries in the world.

Ключевые слова: прагматика, прагматизм, прагматические ценности, деятельностный, англоязычный медиадискурс, англоязычное общество, англосаксонская цивилизация.

Keywords: Pragmatics, pragmatism, pragmatic values, activity, English-language media discourse, English-speaking society, Anglo-Saxon civilization.

Прагматика – это термин, обладающий не только актуальностью своего смыслового наполнения в настоящем и прошлом, но и возрастающим научно-исследовательским интересом к этому понятию, равно как и к его многозначной интерпретации и прикладному значению.

Основная цель настоящего исследования заключается в том, чтобы оценить уровень значимости этого феномена (прагматики) не только в лингвистическом, но и междисциплинарном научном пространстве на примере обращения к современному англоязычному медиадискурсу, весьма характерно конструирующему свою медиа среду с опорой на ключевые прагматические

принципы языка и внеязыковой действительности. Данная работа также предполагает диахронический аспект анализа функционирования прагматических единиц в контексте англоязычного медиадискурса.

Анализ словарных дефиниций лексемы «прагматика» (pragmatics) обращает внимание на центральную идею её смыслового восприятия в виде рассмотрения изучения практических аспектов человеческой деятельности и мышления; исследования употребления языковых знаков, слов и предложений в реальных ситуациях человеческой коммуникации, в том числе и невербального характера [What is pragmatics?, 2023, URL]. Важ-

но принять во внимание факт того, что стержневыми понятиями прагматического феномена становятся лексемы «контекст» (context) и «значение» (meaning). Именно сквозь призму контекста можно оценить прагматическую компетенцию (pragmatic competence) участников коммуникативного акта, т.е. их способность воспринимать и понимать друг друга [Daejin, Hall, 2002; Masahiro, 2008; Koike, 1989].

Таким образом, прагматика и прагматическое восприятие действительности позволяет «глубже постичь специфику языка в его реальном употреблении» [Малашенко, 2003, с. 92]. Собственно, эта аксиома всегда была актуальна, поскольку прагматическое знание не является «молодым», уходя своими корнями в античные времена. Те сущности, которые в настоящий момент интерпретируются как прагматические реалии, ранее относились к риторике в древнегреческой и римской науке [Там же. с. 95]. В этом же контексте нельзя не согласиться с мыслью российского лингвиста Н.Д. Арутюновой о том, что прагматика охватила многие проблемы, имеющие длительную историю изучения в рамках риторики и стилистики, социолингвистики, психолингвистики, теории дискурса и других наук, с которыми последняя имеет обширные области пересечения исследовательских интересов [Арутюнова, 1988]. Прагматические характеристики есть неотделимый компонент всех языковых единиц, обладающих значением (морфем, слов, словосочетаний, фразеологических единиц, синтаксических конструкций) [Малашенко, 2003, с. 95]. Следовательно, прагматика пронизывает все уровни языкового конструирования, снимая вопрос о сложных отношениях между собственно прагматикой и лингвистикой, упоминаемых датским исследователем-лингвистом, экспертом в области прагматического знания, Джейкобом Л. Мейем [Meu, 2001, p.6-7].

Более того, в зарубежных (преимущественно европейских и американских) лингвистических научных школах существуют аргументы в пользу рассмотрения прагматики как «одной из ключевых составляющих лингвистической теории, наряду с фонологией, морфологией и другими базовыми дисциплинами. ...» [Которова, 2019, с. 105]. Вдобавок прагматическому знанию свойственен междисциплинарный и межпредметный антропоцентризм и экспансизм [Малашенко, 2003, с. 92], позволяя не ограничиваться только лишь лингвистическим компонентом, а включать также социальный, культурный и эмоциональный аспекты коммуникации [Alba-Juez, 2016, p. 50; Alba-Juez, Larina, 2018. p. 14-15] человека в обществе. Это, на наш взгляд, является крайне

важным постулатом проявления прагматической природы языковой личности, на которой замыкается круг пересечения междисциплинарности как неотъемлемого свойства функциональности прагматики [Протасова, 2015, с. 67].

Упоминая последнее, отметим, что ещё одной характерной чертой прагматического знания является его динамическое начало, поскольку прагматика отражает коммуникативную деятельность человека в определённых социальных и межличностных условиях (всегда меняющихся), с конкретно заданными мотивами и целями благодаря использованию специальных языковых и внеязыковых средств, инвентаризируемых и моделируемых в их отношениях друг к другу в некотором социуме в актуальную историческую эпоху.

Современная историческая веха (XXI-е столетие) отмечается стремительным развитием информационных технологий и искусственного интеллекта. Сконструирована новая медиа реальность, позволяющая индивиду эффективно балансировать между виртуальными и реальными мирами, в том числе функционирующими на различных языках и в различном культурном пространстве. В частности, к одному из наиболее ярких и влиятельных представителей нового медиа мира относится современный англоязычный медиадискурс. Англоязычный медиадискурс представляет собой целостную медиасистему (совокупность печатных и электронных версий СМИ, а также полностью цифровых масс медиа, мессенджеров, блогов, социальных сетей, стриминговых сервисов), эффективно функционирующих в глобальном Интернет-пространстве, благодаря перечню исторических, социально-экономических и политических событий, произошедших и по-прежнему имеющих место быть в истории развития человеческой цивилизации (например, политики колонизации и глобализации, успешной и широко развитой международной торговли, доминированию английского языка и культурного кода как феномена лингва франка (lingua franca), прорывных научных изобретений, запатентованных в англосаксонском мире, и т.д.).

Анализируя природу, внутреннее содержание и характер функционирования англоязычного медиадискурса (а также ранее ему предшествующих англоязычных печатных СМИ), важно отметить тесную взаимосвязь и переплетение прагматического начала и зарождения средств массовой коммуникации, а также их последующего эволюционирования в англосаксонской цивилизации.

Первые новостные заметки британских и американских газет в основном представляли

собой объявления или рекламу товаров и услуг ежедневного потребления в определённом месте проживания: сельской или городской среде. Важная прагматическая функция англоязычных СМИ в XVII-м – первой половине XVIII-го веков заключалась в распространении рекламного информационного контента. Начиная со второй половины 19 века, эпохи ознаменовавшейся промышленной революцией и изобретением трансатлантической телеграфной связи, прагматический потенциал информации в англоязычных СМИ изменил свой вектор развития, добавляя в своё содержание актуальные новостные сводки по различным релевантным темам, популяризацию литературной деятельности и критики, продвижение талантливых писателей и журналистов. Например, известный ирландский писатель и поэт, а также один из самых известных драматургов позднего Викторианского периода, Оскар Уайльд, с 1887 по 1889 год работал редактором в английском журнале «Lady's World», который он переименовал в «Мир женщин» (The Woman's World) и оживил его, чтобы привлечь больше хорошо образованных женщин из высшего класса. Медиа контент издания акцентировал своё внимание на вопросах моды, стиля, воспитания подрастающего поколения, политики; была также представлена художественная литература для детей и женщин [Интересные факты об Оскаре Уайльде, 2022, URL].

Появление и распространение радио, телевидения, а позднее и Интернета в XX-м веке навсегда трансформировало языковую и внеязыковую оболочку англоязычных СМИ с их политикой информирования населения по принципу «сверху вниз» (top-down reporting) в феномен, называемый англоязычным медиадискурсом. Прагматическая основа современного англоязычного медиадискурса конструируется на противоположном правиле работы с информацией и аудито-

рией, то есть по принципу «снизу-вверх», bottom-up. Взаимодействие с аудиторией медиа акторов, поддерживающих информационный контент своими комментариями, подпиской на медиа платформах, проставлением «лайков» (likes) под медиапродуктами, которые им нравятся, приобретает стратегический характер. Чем больше подписчиков у медиапродукта, тем большим успехом и авторитетом он обладает. Аналогичным образом феномен «прагматика» (pragmatics) и его производные однокоренные лексические единицы – «прагматизм» (pragmatism), «прагматичный», «прагматический», «практический» (pragmatic, pragmatical) – приобретают всё большую популярность в англоязычном медиaprостранстве и социуме, о чём свидетельствуют данные этимологического словаря английского языка [Pragmatic, 2023, URL; Pragmatism, 2023, URL].

Рисунки 1 и 2 ниже наглядно демонстрируют рост популярности выше упомянутых лексем и их функционирования в англоязычном обществе с течением времени, начиная с первой половины XIX-го века и заканчивая 2019 годом, то есть приближаясь к первой четверти XXI-го столетия.

Подобная закономерность объясняется благодаря этимологической интерпретации греческого корня «pragma» [Online Etymology Dictionary, 2023], свойственного всем исследуемым нами лексемам (*pragmatics*, *pragmatism*, *pragmatic*, *pragmatical*), который содержит в себе следующий семантический смысл: «дело, поступок; то, что сделано; вещь, особенно важная вещь» [Там же].

Таким образом, активное развитие англосаксонского мира, наблюдаемое в эпоху промышленной революции и продолжающееся сегодня в эпоху глобализации, отразилось на его лингвистических тенденциях, включающих языковые единицы и тренды с яркой прагматической установкой, поддерживающих *деятельностный*

Trends of *pragmatism*

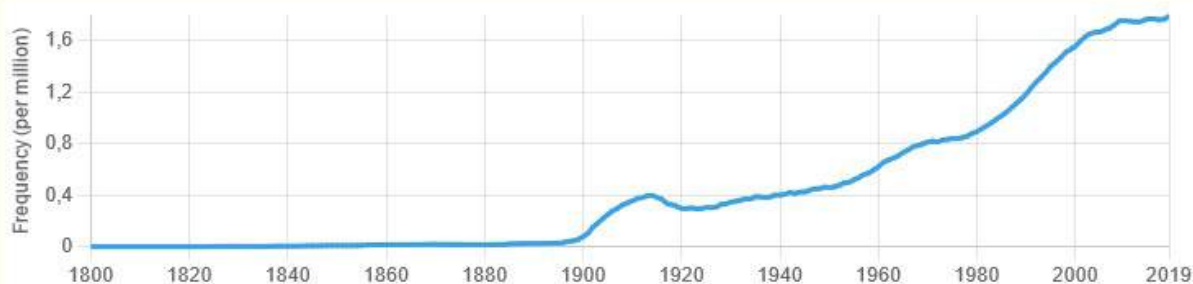

Рис. 1 – Динамика роста популярности понятия «pragmatism» (прагматизм) в англоязычном социуме в XIX-м – XXI-м столетиях.

Источник: Online Etymology Dictionary – <https://www.etymonline.com>

Trends of *pragmatic*

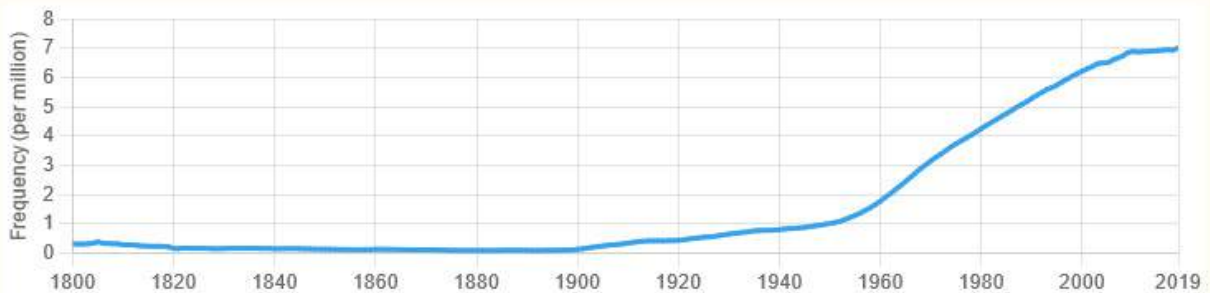

Рис. 2 – Динамика роста популярности понятия «pragmatic» (прагматичный, прагматический, практический) в англоязычном социуме в XIX-м – XXI-м столетиях.

Источник: Online Etymology Dictionary – <https://www.etymonline.com>

подход во всех сферах англоязычного общества, в том числе и в сфере средств массовой коммуникации.

В современном англоязычном медиадискурсе можно встретить множество разнообразных контекстов по различным тематикам (экологии, политике, образованию, культуре и др.), несущих в себе прагматическую идею в опубликованном медиа материале.

Например, в англоязычном медиа издании «The Economist» довольно часто встречается информационный контент, содержащий лексические единицы «pragmatism» и его однокоренные слова.

«*Pragmatism* paints a paler shade of Green». (The Economist, 30.01.2023) («Прагматизм рисует более бледный оттенок зеленого». – здесь и далее перевод наш – А.Г.)

«*“This is a pragmatic centre-right government with, now and again, some identitarian [culture-war] policies...”* argues Giovanni Orsina of the LUISS school in Rome». (The Economist, 14.09.2023) («“Это прагматичное правоцентристское правительство, время от времени проводящее политику индентаризма [культурных войн]...” – утверждает Джованни Орсина из школы LUISS в Риме»).

Американское ежедневное медиа издание «The Seattle Times» в одной из своих публикаций использует лексему «pragmatism» для описания особенностей британского национального характера.

«When the United Kingdom walked out of the European Union two years ago, Brexit supporters believed **British pragmatism** and common sense would not only see them through but also allow their country to flourish as it stood alone. That self-image was, many felt, part of British exceptionalism, part of the national brand». (The Seattle Times, 20.10.2022) («Когда два года назад Соединенное Королевство вышло из Европейского Союза, сторонники

Брексита полагали, что британский прагматизм и здравый смысл не только помогут им дойти до конца, но и позволят их стране процветать в одиночестве. Многие считали, что такое самовосприятие было частью британской исключительности и национального бренда»).

В выше приведённом примере словосочетание «британский прагматизм» (British pragmatism) коррелирует с понятиями «здравый смысл» (common sense), а также «британская исключительность» (British exceptionalism) – в противопоставлении американской – и «национальный бренд» (national brand).

Интересные примеры, описывающие прагматические догмы британского общества, можно также встретить в «Гардиан» (The Guardian) – популярном медиа издании Великобритании.

««Catholic» education thrives in Belgium, but the decision between principle and *pragmatism* is not easy when choosing a school. So, the question is, should *principle* or *pragmatism* prevail?»

My wife is of the opinion that the proximity and apparent quality of the school, and the fact that all the good schools within an acceptable distance from the house are also Catholic, means that *pragmatism* should prevail». (The Guardian, 08.10.2010) («“Католическое” образование процветает в Бельгии, но при выборе школы нелегко сделать выбор между принципами и прагматизмом. Итак, вопрос заключается в том, что важнее – первое или второе (принцип или прагматизм)? Моя жена полагает, что, учитывая тот факт, что все хорошие школы вблизи от дома являются католическими, прагматизм должен возобладать»).

Выше представленный пример является ярким олицетворением красоты стилистических языковых средств, позволяющих сконструировать характерный, сильный образ прагматизма, как философии жизни в британском социуме. Риторический вопрос

с последующим на него ответом, аллитерация и антитеза, создающие определённую игру слов, позволяют сгенерировать некоторый «культ» философии прагматизма, актуального для современной Великобритании.

Прагматические принципы существования американского общества также хорошо отражаются в ведущих медиа изданиях США. Однако в контексте американской мечты они приобретают несколько иной оттенок, о чём свидетельствуют публикации одного из наиболее авторитетных национальных медиа изданий «Вашингтон пост» (The Washington Post).

«*The term „pragmatism“ means ideas <...> like forks and knives and microchips – that people devise to cope with the world in which they find themselves. <...> ideas, like tools, should be seen as functional and tested by their usefulness for human purposes. The true <...> is the name of whatever proves itself to be good in the way of belief.*» (The Washington Post, 10.06.2001) (Термин «прагматизм» означает идеи <...> наподобие вилок, ножей и микрочипов, изобретённых человеком, чтобы выжить в мире, в котором он существует. <...> идеи, подобно инструментам, следует рассматривать исключительно как функциональные и проверенные на предмет их полезности для человека. Истина <...> – это имя всего того, что доказало свою пригодность с точки зрения человеческой веры»).

В контексте американского медиадискурса прослеживается чёткая тенденция сопоставлять лексему «pragmatism» с предметами ежедневного пользования, позволяющими существовать в социуме. Всё, что прагматично, полезно (functional) и истинно (true). Такова главная мысль американской идеологии, строящейся на базе философии прагматизма. В ряде медиа изданий США можно увидеть информационный контент, продвигающий прагматизм в качестве национальной философии современного североамериканского государства.

«*Pragmatism is America’s homegrown philosophical tradition. Its lessons are as urgent as ever.*» (Vox, 05.06.2022) Ключевой лексемой (помимо таких лексических единиц, как «pragmatism», «homegrown», «philosophical») является прилагательное «urgent» (актуальный и своевременный), позволяющее сделать прогноз на будущие перспективы функционирования прагматических ценностей в языковых и внеязыковых контекстах современного англоязычного медиадискурса. Очевидно, что прагматические ценности будут продолжать сохранять тенденцию к укреплению своего лингвистического и культурно-идеологического авторитета в англоговорящих странах, а также иметь стремление

выйти за рамки своих языковых границ, продвигая прагматические идеи и идеалы в других лингвистических ареалах.

Подводя итоги всему вышесказанному, отметим, что феномен «прагматика», а также лексемы, производные от этого понятия («прагматизм», «прагматический», «прагматичный») являются крайне релевантными в разнообразных тематических контекстах современного англоязычного медиадискурса. Они превалируют в англосаксонском мире, находя своё отчётливое отражение в языке англоязычных СМИ и его медиадискурсивном пространстве. Важно подчеркнуть, что историческое эволюционирование человеческой цивилизации, включая непрерывный научно-технический прогресс, способствовало популяризации и «цементированию» прагматического начала в англоязычном социуме. Это, в свою очередь, имеет прямое влияние на языковую природу английского языка как языка международной коммуникации, а также на конструирование современного англоязычного медиадискурса, который настойчиво продвигает идею о том, что в мире могут быть положительными лишь те вещи, которые приносят практическую пользу человеку в его вере в себя, будущее человечества и истину, которая всегда прагматична.

Список литературы

1. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений. Оценка, событие, факт. / Н.Д. Арутюнова. – Москва : Наука, 1988. – 338 с. – Текст : непосредственный.
2. Интересные факты об Оскаре Уайльде. – Текст : электронный // Дзен : официальный сайт. – 2022. – URL: <https://dzen.ru/a/YxCo4cLffE5d4bCs> (дата обращения: 15.01.2024). – Текст : электронный.
3. Которова, Е.Г. Прагматика в кругу лингвистических дисциплин: проблемы дефиниции и классификации / Е.Г. Которова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = Russian Journal of Linguistics. – 2019. – Т. 23. – № 1. – С. 98-115. – Текст : непосредственный.
4. Малащенко, М.В. Прагматика как выражение антропоцентризма и экспансизма современной лингвистики. / М.В. Малащенко // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. – 2003. – № 3. – С. 91-96. – Текст : непосредственный.
5. Протасова, Е.Ю. Функциональная прагматика в XXI веке / Е.Ю. Протасова // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. – 2015. – № 1 (25). – С. 61 – 71. – Текст : непосредственный.

6. Alba-Juez, L. Discourse Analysis and Pragmatics: Their Scope and Relation / L. Alba-Juez // Russian Journal of Linguistics. – 2016. – 20 (4). – P. 43-55. – Текст : непосредственный.
7. Alba-Juez, L., Larina, T. Language and Emotion: Discourse-Pragmatic Perspectives / L. Alba-Juez, T. Larina // Russian Journal of Linguistics. – 2018. – 22 (1). – P. 9-37. – Текст : непосредственный.
8. Daejin, Kim, Hall, J. Kelly. The Role of an Interactive Book Reading Program in the Development of Second Language Pragmatic Competence / Kim Daejin, J. Kelly Hall // The Modern Language Journal. – 2002. – 86 (3). – P. 332-348. – Текст : непосредственный.
9. Koike, D. Pragmatic Competence and Adult L2 Acquisition: Speech Acts in Interlanguage / D. Koike // The Modern Language Journal. – 1989. – 73 (3). – P. 279-289. – Текст : непосредственный.
10. Masahiro, T. The Effects of Deductive and Inductive Instruction on the Development of Language Learners' Pragmatic Competence / T. Masahiro // The Modern Language Journal. – 2008. – Vol. 92. – No. 3. – P. 369-386. – Текст : непосредственный.
11. Mey, Jacob L. (2001) Pragmatics: An introduction / Jacob L. Mey. – Oxford: Blackwell, 2001. – P. 6-7. – Текст : непосредственный.
12. Online Etymology Dictionary : [официальный сайт]. – 2023. – URL : <https://www.etymonline.com/search?q=pragma+> (дата обращения: 25.12.2023). Текст : электронный.
13. Pragmatic. – Текст : электронный // Online Etymology Dictionary : [официальный сайт]. – 2023. – URL : <https://www.etymonline.com/word/pragmatic> (дата обращения: 25.12.2023).
14. Pragmatism. – Текст : электронный // Online Etymology Dictionary : [официальный сайт]. – 2023. – URL : <https://www.etymonline.com/word/pragmatism> (дата обращения: 25.12.2023).
15. What is pragmatics? – Текст : электронный // University of Sheffield. Centre for Linguistic Research : [официальный сайт]. – 2023. – URL : <https://www.sheffield.ac.uk/linguistics/home/all-about-linguistics/about-website/branches-linguistics/pragmatics/what-pragmatics> (дата обращения: 27.12.2023).

DOI: 10.47475/9785727119631_18

К.А. ДОБРИКОВА / К.А. DOBRIKOVA
Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)

АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОГО АНГЛОЯЗЫЧНОГО БЛОГГИНГ-ДИСКУРСА

THE ANALYSIS OF CONTEMPORARY ENGLISH-SPEAKING BLOGGING DISCOURSE

Аннотация

В данной статье представлено изучение современного англоязычного блоггинг-дискурса. В начале статьи рассматривается понятие «дискурс», выводится понятие «блоггинг-дискурс», приводится набор характеристик, функций, составляющих блоггинг-дискурса. Блоггинг-дискурс предстает как тип институционального и одновременно персонализированного дискурса, включающий участников коммуникации, функциональность, языковые особенности, стратегии и тактики речевого воздействия. Данные составляющие рассматриваются на примере блогов о путешествиях, гейминг-блогов, фэшин-блогов, кулинарных блогов. Материалом для исследования послужили видео-тексты с платформы YouTube. В статье приводится анализ данных блогов на фонографическом уровне, делаются выводы о частотности использования приемов аллитерации, ассонанса, графона, ономотопеи. Лексико-стилистический анализ представлен рассмотрением эпитетов, метафор, метонимий, олицетворений на предмет семантики и употребительности. Выделяются синтаксические особенности. Мотивационный компонент анализируется на лингво-прагматическом уровне посредством выделения стратегий и тактик речевого воздействия, социальных ролей. В статье делается акцент на речевом воздействии на целевую аудиторию.

Abstract

The current article introduces the study of contemporary English-speaking blogging-discourse. First, the author describes the notion of “discourse”, introduces the notion of “blogging-discourse”. The

blogging discourse is represented as the type of institutional discourse, which is personalized, participants, functionalism, language peculiarities, strategies and tactics of speech influence being included. The material of the research includes travel-blogs, 'let's play' blogs, fashion-blogs, culinary blogs from the YouTube platform. The article contains the phono-graphical, lexical, stylistic analyses of the blogs. The author singles out phono-graphical devices of blogs and also epithets, metaphors, metonymies, personifications, describes the peculiarities of their use and semantics. The motivational function of blogs is studied on the level of pragmatics, being implemented through strategies, tactics of speech influence and social roles. The conclusions are correlated with the speech influence on the reading audience.

Ключевые слова: дискурс, блоггинг-дискурс, участники коммуникации, стилистические средства выражения, стратегии и тактики речевого воздействия, социальные роли.

Keywords: discourse, blogging-discourse, participants, stylistic devices, strategies and tactics of speech influence, social roles.

Популярность и доступность интернет-технологий способствует появлению новых способов коммуникации, формирует новую сферу информационного взаимодействия, приводит к возникновению новых видов общественных отношений. Говоря о сетевой коммуникации, лингвисты выделяют интернет-дискурс как особый вид дискурса, который имеет ряд отличительных черт на морфемном, лексическом, синтаксическом и текстовом уровнях. Этот вид общения состоит из трех компонентов: отправителя информации, канала связи, получателя информации. Главной средой функционирования виртуального дискурса является интернет-среда, использующая электронный канал передачи данных. Интернет-дискурс представляет собой процесс создания текста в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими факторами целенаправленного воздействия. Фатическая и информативная функции интернет-коммуникации привели к смешению стилей устной и письменной речи в блог-жанре. Блоггинг является гибридным интернет-жанром, отображающим персональный дискурс интернет-пользователя.

На сегодняшний день многие исследователи считают блог наиболее актуальной формой интернет-коммуникации. Рекомендовано выделение следующих блог-категорий: профессиональных блог-платформ, полупрофессиональных блог-платформ, персональных (частных) блог-платформ. Видеоблог – это такая разновидность блога, запись в котором представлены в виде коротких видеороликов, чаще всего спонтанных монологов, записанных на камеру самим блогером (автором). Видеоблог может быть представлен монологом, публичной речью, мотивационной речью, спонтанным говорением. Видеоблог является формой веб-телевидения. Записи в видеоблогах сочетают встроенное видео или видеосвязь с поддержкой текста, изображений и других метаданных. Записи могут быть сделаны в виде одного блока или состоять из нескольких частей.

Самый популярный на сегодняшний день сайт обмена информацией- видео-канал YouTube. К основным целям персонального видеоблога можно отнести самопрезентацию и самовыражение, что выражается в избыточной эмоциональной и личной оценочности. Эмоциональный компонент в блоггинге имеет, как правило, следующие формы выражения: признание, реакция-ответ, негативизация, описание ситуации (свидетельство). Коммуникативные стратегии видео-блоггинга связаны с источниками риторической силы: приглашение зрителя (читателя) к диалогу (дружественное обращение); невербалика; информационная насыщенность (тактика иллюстрирования, экземплификации); актуальность.

Таким образом, видеоблог – это персонализированно-институциональный вид интернет-дискурса, имеющий следующие характеристики: выразительность речи, простота изложения, доступность стиля, разнообразие лексики.

Анализ современного блоггинг-дискурса позволяет выделить следующие ведущие типы: блоги о путешествиях; гейминг-блоги; фэшн-блоги; кулинарные блоги.

При анализе видеоблогов о путешествиях в англоязычном интернет-дискурсе выявляются следующие тематические группы: 1. Окружающий мир. Центральным смыслом является «знакомство с природой». Данная группа подразделяется на несколько подгрупп: образ гор, отдых в горах в виде альпинизма, спелеологии; образ водных ресурсов (океан, море, водопад, река, озеро и т.д.); образ пляжа/береговой линии; наблюдение за животными. 2. Спорт. Понятийно-концептуальный признак «занятия спортом» включает в себя три подтипа, основанных на различных видах спорта, которые имеют широкое распространение в англоязычной культуре: сёрфинг; парашютный спорт; пешие прогулки, поход. Данный информационный канал представлен в видеоблоге монологически-описательно. 3. Коммуникация и самопознание.

Данная тематическая группа представлена двумя основными направлениями: способ знакомства с новыми людьми; способ самопознания. Первая тематическая подгруппа актуализируется в диалоговой форме, вторая – преимущественно в монологической самопрезентации. 4. История государства и страны. Данная тематическая группа представлена в основном культурно-географическими наименованиями и их описанием в интернет-дискурсе. 5. Путешествия и поездки. Данная тематическая группа представлена в процессе взаимодействия отправителя информации с реципиентом, реализуется через диалоговый коммуникативный канал «вопрос-ответ».

При анализе современных англоязычных гейминг-блогов выявляется ряд особенностей. Анализ диалогов и монологов с участием геймера-инструктора позволил выявить, что основными видами языковых приемов в игровых видео-блогах являются: на фонетическом уровне: аллитерация, ассонанс, анафора, эпифора и звукоподражание; на лексико-семантическом уровне: метафора, олицетворение, эпитет и неологизм; на синтаксическом уровне: парцелляция, параллелизм и градация. В речи гейминг-инструкторов выделяются семантические поля с ядром «игра»: игра, игровое поле, игровое оборудование, игровая стратегия, игровые персонажи. Мотивационное воздействие в речи гейминг-инструкторов реализуется посредством использования иронии и каламбура. Тактики: риторического вопроса, выражения сарказма, юмористического иллюстрирования являются ведущими в гейминг-дискурсе. Когнитивный аспект гейминг-дискурса выражает следующие ценностные концепты: чувство единения, помощь соучастнику, умение терпеть поражение, высокий профессионализм. Данные ценности гейминг-дискурса напрямую связаны с мотивационно-прагматическим аспектом, выражающим себя через социальные роли. Наиболее распространёнными социальными ролями являются: «живущий в сети», «профессионал», «глобалист», «наставник».

При анализе фэшн-блогов был выявлен ряд особенностей. Дискурс моды представляет собой вид дискурса институционального типа, однако, фэшн-блоги персонализированы, имеют ярко выраженную индивидуальную маркировку. Фэшн-дискурс включает следующие составляющие: «адресат (языковая личность), хронотоп (временная отнесенность), прагматикон (аспект речевого воздействия), вербальное и невербальное соответствие, культурные коды» [Дейк, 1989; Олянич, 2004]. Фэшн-блоггинг характеризуется ведущей ролью невербального аспекта. «Дискурсу современной моды присущи следующие

функции: коммуникативная, информирующая, инструктирующая, имидж-определяющая, маркетинг-ориентированная, инновационная, регулятивная, социальная, эстетическая» [Иссерс, 2003; Косицкая, 2014]. Всё это наглядно представлено в фэшн-видео блогах. Их нередко называют «глянцевыми» типами блогов, что проявляется на языковом уровне. Наиболее часто встречающимися выразительными средствами выступают, в первую очередь, эпитеты (31%), метафора (21%), метонимия (19%), персонификация (10%). Лингвопрагматический аспект фэшн-блоггинга реализуется через речевые тактики и стратегии. О. С. Иссерс выделяет три ведущие стратегии дискурса моды: «стратегия **популяризации** (личности знаменитости из мира моды, тренда, модного изделия); стратегия **побуждения** адресата к творческой активности; стратегия **навязывания** адресату изделий индустрии моды» [Иссерс, 2016, URL]. Дискурс моды в фэшн-блогах преломляется под индивидуальным углом, переходит в тип гибридного дискурса, сочетающего институциональные и персонализированные характеристики. На институциональном уровне фэшн-блоги характеризуются насыщенной невербаликой, высоким уровнем имплицитности, оказания речевого воздействия для формирования лучшей потребительской активности. Однако инструктивно-мотивирующая составляющая лучше реализуется на персонализированном уровне. Фэшн-блоггеры воздействуют на адресантов с помощью следующих мотивирующих стратегий и тактик речевого воздействия: «стратегия положительного мотивирования следовать моде (формирование мотивации); стратегия положительного стимулирования следовать моде (призыв к действию); стратегия аргументации (убеждающие информационные примеры)» [Добрикова, 2021, с. 30-37]. «Вышеупомянутые стратегии передаются следующими тактиками речевого воздействия: рассмотрение информации под новым углом, формирование оптимистичного взгляда на моду, иллюстрирования, положительного акцентирования, дополнительного разъяснения» [Добрикова, 2021, с. 30-37].

Кулинарные блоги представлены как пошаговое изложение необходимой информации, доступное и понятное любому реципиенту. Отличительной чертой кулинарных блогов является их структурная организация: они, как правило, состоят из нескольких блоков и представлены пошагово. На лингвистическом уровне кулинарные блоги характеризуются следующими особенностями:

1. Нейтральная лексика при описании этапов приготовления пищи, но эмоционально-окрашенная в авторских комментариях.

2. Обильное употребление кулинарных терминов, которые можно поделить на следующие тематические группы: термины кулинарного профессионального языка; общепринятые кулинарные термины; национально-специфичные термины (как правило, межкультурные и национальные глуттонимы).

3. Обильное использование заимствований из других языков: zucchini, olive, caramel, sauce, soup, meringue, purée, spaghetti, broccoli, salami, chorizo. Всё это делает кулинарный блог-дискурс единым на межкультурном уровне.

4. В ходе анализа употребления в кулинарных блогах слов разных частей речи было выявлено преобладание: имён существительных (так как название блюда, список ингредиентов формируют имена существительные), глаголов (инструктивный характер блога, алгоритм действий для приготовления блюда), прилагательных (образный и описательный компоненты) и числительных (преимущественно количественных числительных, обозначающих пропорции ингредиентов, необходимых для приготовления блюда). В кулинарных блогах глаголы встречаются преимущественно в повелительном наклонении, из местоимений преобладает личное I.

5. Синтаксис кулинарных блогов прост, эллиптичен.

Следует отметить, что блоггинг-дискурс одновременно институционален и персонализирован, универсален и национально-специфичен. На семантическом, когнитивном и мотивацион-

но-прагматическом уровнях блоггинг-дискурса выявляется его универсальный характер, национально-специфичные черты проявляются на уровне языка и речи.

Список литературы

1. Дейк, Т. А. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. Дейк // – Москва: Прогресс. – 1989. – 310 с. – Текст : непосредственный.
2. Добрикова, К.А. Синтаксический и лингвопрагматический анализ дискурса современной моды / К.А. Добрикова // Ученые записки НТГСПИ. История и филология. – 2021. – С. 25–37. – Текст : непосредственный.
3. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики / О. С. Иссерс // – Москва: Едиториал УРСС. – 2003. – 284 с. – Текст : непосредственный.
4. Иссерс, О. С. Речевое воздействие – Текст : электронный. – 4-е изд., стер. – 2016. – 224 с. – URL : <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=83443> (дата обращения: 10.12.2020).
5. Косицкая, Ф.Л. Дискурс моды и его жанровая дифференциация / Ф.Л. Косицкая // Вестник ТГПУ. – 2014. – № 4. – С. 22–25. – Текст : непосредственный.
6. Олянич, А. В. Потребности. Дискурс. Коммуникация / А.В. Олянич // Вестник РАН. Институт языкознания. – 2004. – № 12. – С. 85–89. – Текст : непосредственный.

DOI: 10.47475/9785727119631_21

О.Л. ЗАБОЛОТНЕВА / O.L. ZABOLOTNEVA

*Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)*

КОНЦЕПТОСФЕРА ЭЛИТАРНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ УЧЕНОГО В УНИВЕРСИТЕТСКОМ ДИСКУРСЕ

THE CONCEPT SPHERE OF ELITIST LINGUISTIC PERSONALITY OF A SCIENTIST IN UNIVERSITY DISCOURSE

Работа выполнена при содействии Фонда поддержки научных инициатив ФГБОУ ВО «ЧелГУ» 2024 г.

This work was supported by the Foundation for the Support of Scientific Initiatives Research at Federal State Educational Institution of Higher Education “CSU” in 2024

Аннотация

В статье рассматривается система индивидуально-личностных концептов, которые составляют концептосферу ученого как элитарной языковой личности в университетском дискурсе. Элитарная языковая личность вбирает в себя обширный культурно-речевой потенциал.

*Индивидуально-личностные концепты, входящие в концептосферу учёного как элитарной языковой личности, не имеют строгого иерархического порядка. В частности, одиночество концептуализируется по различным моделям и анализируется как одна из основных категорий, а также, воспринимается как смысловой фокус университетского дискурса. Выделяются три метафорических модели концепта «одиночество». Концепт «одиночество» репрезентируется посредством идеи целостности с обществом, но при этом **внутреннего одиночества, свободы от условностей, а также, осознания неизбежности смерти и потерянного времени.** Индивидуально-личностный признак-компонент отражает индивидуально-авторский стиль самого писателя, его религиозные воззрения, личный опыт и языковые особенности.*

Abstract

The article examines the system of individual personal concepts that comprise the concept sphere of a scientist as an elitist linguistic personality. An elitist linguistic personality embraces comprehensive cultural and speech potential. The concept sphere of a scientist as an elitist linguistic personality includes individual personal concepts that do not have a strict hierarchical order. In particular, loneliness is conceptualized according to various models and is analyzed as one of the main categories, and is also perceived as the semantic focus of university discourse. There are three identified metaphorical models of the concept "loneliness". The concept "loneliness" is represented by means of the idea of integrity with society, but at the same time inner loneliness, freedom from conventions, as well as awareness of the inevitability of death and wasted time. The individual personal marker-component reflects the author's individual style of the writer himself, his religious views, personal experience and linguistic characteristics.

Ключевые слова: университетский дискурс, элитарная языковая личность, концептосфера, концепт, когнитивный контекст, когнитивный анализ, метафорическая модель.

Key words: university discourse, elitist linguistic personality, concept sphere, concept, cognitive context, cognitive analysis, metaphorical model.

На данном этапе нашего исследования анализируется концептосфера учёного как элитарной языковой личности в университетском дискурсе.

Данная работа является логическим продолжением предыдущих отечественных и зарубежных исследований, в которых предпринималась попытка описания, систематизации и классификации некоторых языковых особенностей университетских романов. Так, ранее были описаны неискренние речевые акты в англоязычной университетской прозе и были выделены основные закономерности их употребления. В предыдущих работах рассматривались различные способы применения теории речевых актов к университетской прозе, приводились основные жанровые характеристики университетских романов, а также основные положения теории речевых актов и неискреннего дискурса [Заболотнева, Кожухова, 2020, с. 114-118].

Феномен языковой личности и ее типологии в различных видах дискурса изучается в рамках лингвоперсонологии (Е.Н. Азначеева, Г.И. Богин, В.В. Виноградов, А.А. Ворожбитова, Н.Д. Голев, В.Е. Гольдин, М.В. Загидуллина, Е.В. Иванцова, Ю.Н. Караулов, В.В. Красных, В.П. Нерознак, Л.М. Салимова, К.Ф. Седов, О.Б. Сиротинина, Ю.Н. Тынянов и другие). При всем многообразии трактовок ключевого термина его суть выражается в акцентуации способности человека воспринимать и порождать речь (дискурс), в определенной степени владеть системой

языка и использовать ее для достижения тех или иных коммуникативных задач.

Элитарную языковую личность рассматривают Г.И. Богин, В.В. Воробьев, Г.Д. Гачев, Е.И. Голованова, В.Е. Гольдин, В.В. Дружинина, Т.В. Кочеткова, Л.Н. Кузнецова, М.А. Лаппо, Т.А. Островская, Л.М. Салимова, О.Б. Сиротинина, О.С. Склярова, И.В. Степанова, И.А. Стернин, Л.Н. Чурилина и другие.

Существуют определённые факторы, которые позволяют элитарной языковой личности реализовать на практике огромный культурно-речевой потенциал. Как считает Т.В. Кочеткова, «Языковая личность носителя элитарной культуры, как правило, предстаёт активной, думающей, представляющей большую культурную ценность» [Кочеткова, 1996, с. 16].

Для нашего исследования интерес представляет осмысление понятий «концепт» и «когнитивная матрица как система взаимосвязанных когнитивных контекстов или областей концептуализации объекта», предложенных Н.Н. Болдыревым: «когнитивная матрица как формат знания объединяет в себе несколько когнитивных контекстов, на фоне которых происходит формирование и понимание соответствующих языковых значений, проявляется их культурная, в том числе, специфика. [...] Компоненты когнитивной матрицы открывают доступ к разным концептуальным областям, ни одна из которых не является строго

обязательной или доминирующей по отношению к другим» [Болдырев, 2009, с. 49].

Концептосфера учёного как элитарной языковой личности представляет собой сложную систему индивидуально-личностных концептов, таких как ВРЕМЯ, ЖИЗНЬ, ЛЮБОВЬ, НАДЕЖДА, ВЕРА, ОДИНОЧЕСТВО, СМЕРТЬ, которые не имеют строгого иерархического порядка.

Одиночество как одна из основных категорий прослеживается в университетских романах и воспринимается как смысловой фокус художественного дискурса.

Концепт «одиночество» имеет несколько интерпретаций. «В настоящее время, когда социокультурные и экономико-политические реалии зачастую меняют местами победителей и проигравших, привычная реальность предстает в странном стилевом оформлении, происходит пересмотр системы ценностей. Нарастают процессы комплексного характера в сочетании с «глобальной» потерей себя. Многие ученые отмечают, что сегодня одиночество наиболее губительно воздействует на человека: мы воспринимаем одиночество как разрыв социальных связей, отъединенность, недовольство сложившимися отношениями в обществе» [Иванова, 2010, с. 87].

Особенности актуализации данного концепта проанализируем на примере университетского романа «Стоунер» Джона Уильямса. Используя метод когнитивного анализа контекстов романа, мы определяем три метафорических модели концепта «одиночество». «Метафорическая модель – это теоретический конструкт, результат аналитической интерпретативной деятельности исследователя, изучающего метафору в языковом материале» [Кульчицкая, 2013, с. 123].

Метафорическая модель «Человек – не остров» (“No man is an island”). Цитата из стихотворения английского поэта Джона Донна лаконично выражает мысль о том, что человек не может существовать сам по себе, отдельно и быть независимым от общества. Поэт рассуждает о том, что все люди равны, достойны уважения, внимания и любви. Это единение настолько велико, что даже смерть незнакомых нам людей может повлиять на каждого из нас: “Any man’s death diminishes me because I am involved in mankind; and therefore never send to know for whom the bell tolls; it tolls for thee” [Donne, URL]. Каждый из нас является частью семьи, коллектива, народа, нации, страны. Причинно-следственная модель концептуализации одиночества является одной из ведущих в университетском дискурсе.

Главный герой романа – Уильям Стоунер занимается наукой и преподаёт в университете Миссури. Его решение об уходе из университета

имеет разрушительную силу для него как для целостной элитарной личности. Он не может остаться с любимой женщиной, начать жизнь сначала и поменять работу. Для его карьеры, преподавательской и научно-исследовательской деятельности, это означает конец, огромные перемены, которые кардинально повлияют на его профессиональную деятельность. Признав своё поражение, Уильям Стоунер смирился со своей беспомощностью и одиночеством: “He said calmly, “If I threw it all away – if I gave it up, just walked out – you would go with me, wouldn’t you?” [...] “Because then,” Stoner explained to himself, “none of it would mean anything – nothing we have done, nothing we have been. I almost certainly wouldn’t be able to teach, and you – you would become something else. [...] It’s simply the destruction of ourselves, of what we do” [Williams, URL]. В метафорической модели «Человек – не остров» наблюдается оппозиция, в которой компонент ЕДИНЕНИЕ противопоставляется компоненту ОДИНОЧЕСТВО. Быть частью общества, коллектива, семьи – значит не иметь возможности самостоятельно определять свою судьбу. Уход из профессии приводит к саморазрушению.

Метафорическая модель «Учёный как символ внутреннего одиночества – свободы от условностей и стереотипов». После получения диплома бакалавра гуманитарных наук Уильяму Стоунеру пришлось сделать непростой выбор. Началась первая мировая война, и тысячи молодых людей с радостью отправились на фронт, в европейские союзнические армии, затем в американские вооруженные силы. К разочарованию коллег, молодой преподаватель не испытывал ненависти к немцам и не разделял с другими юношами пылких патриотических чувств. Он продолжал работать над докторской диссертацией и разрабатывал задания по написанию связных текстов. Война внесла хаос в размеренную жизнь университета, и это огорчало молодого преподавателя.

Анализ образного слоя концепта «одиночество» в университетском дискурсе показывает, что именно причинно-следственная модель особенно актуальна для понимания элитарной языковой личности учёного. По мнению профессора Арчера Слоуна, художественная литература помогает людям выбраться из трясины, первобытных инстинктов и борьбы за выживание. Морально-нравственные нормы, призванные регулировать поведение человека в обществе, его отношение к другим людям и к себе, не соблюдаются. Арчер Слоун не разделяет и радость победы: “He [Stoner] sat in the dimness of his room and heard outside the shouts of joy and release, and thought of Archer Sloane who wept at a defeat that

only he saw, or thought he saw; and he knew that Sloane was a broken man and would never again be what he had been” [Williams, URL]. Арчер Слоун оплакивал поражение, которое видел и понимал только он, Учёный, свободный от условностей и стереотипов. Концепт «одиночество» репрезентируется лексемами с отрицательной коннотацией: *dimness, wept, defeat, broken, never*.

Метафорическая модель «Одиночество – осознание приближения смерти». Одно из направлений концептуализации – восприятие смерти как начала неизбежного путешествия в другой мир. Данное направление имеет аналоги и в религиозной традиции: «Слова Екклесиаста, сына Давидова, царя в Иерусалиме. Суета сует, сказал Екклесиаст, суета сует, – все суета! Что пользы человеку от всех трудов его, которыми трудится он под солнцем? Род проходит, и род приходит, а земля пребывает во веки» [Библия, 1990, с. 666]. Цитата из Библии заставляет задуматься о том, что в жизни важно, а что – не имеет значения, о том, сколько времени и энергии тратится впустую, и как мало внимания уделяется действительно важным делам.

Уильям Стоунер был смертельно болен, и за то короткое время, которое ему было отведено, предавался воспоминаниям о своей жизни, работе в университете, исследовательской деятельности. Ему хотелось многое успеть, но силы покидали его, даже чтение любимых книг стало невообразимо: “He had no wish to die; but there were moments, after Grace left, when he looked forward impatiently, as one might look to the moment of a journey that one does not particularly wish to take” [Williams, URL].

Таким образом, элитарная языковая личность ученого представляет собой сложную систему индивидуально-личностных концептов. Концепт «одиночество» репрезентируется посредством идеи целостности с другими людьми, но при этом внутреннего одиночества, посредством свободы от стереотипов, а также, понимания неизбежности смерти.

Своеобразие концепту «одиночество» придает индивидуально-личностный признак-компонент, который отражает образовательный ценз самого автора, его религиозные воззрения, куль-

турно-речевой потенциал, личный опыт и т.п., что говорит об идиостиле писателя, индивидуально-авторском стиле Джона Уильямса.

Список литературы

1. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета канонические в русском переводе с параллельными местами. – Москва : «Бук че́мбэр интернэ́шнл», 1990. – 296 с. – Текст : непосредственный.
2. Болдырев, Н. Н. Когнитивные исследования языка / Н. Н. Болдырев // Концептуализация мира в языке : коллектив. моногр. / гл. ред. сер. Е. С. Кубрякова, отв. ред. вып. Н.Н. Болдырев. – Москва-Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. – Том IV. – С. 25-78. – Текст : непосредственный.
3. Заболотнева О.Л., Кожухова И.В. функционирование неискренних речевых актов в англоязычных университетских романах / О.Л. Заболотнева, И.В. Кожухова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2020. – Т. 13. – № 4. – С. 114-118. – Текст : непосредственный.
4. Иванова, В. О. Позитивные языковые репрезентации концепта «одиночество»: диахронический срез / В. О. Иванова // Культурная жизнь юга России. – 2010. – № 1(35). – С. 86-88. – Текст : непосредственный.
5. Кочеткова, Т.В. Проблема изучения языковой личности носителя элитарной речевой культуры (обзор) / Т.В. Кочеткова // Вопросы стилистики. Язык и человек. – 1996. – Вып. 26. – С. 14-25. – Текст : непосредственный.
6. Кульчицкая, Л.В. Когнитивная метафора – концептуальная метафора – метафорическая модель: онтологический статус понятий / Л.В. Кульчицкая // Личность. культура. общество. – 2013. – Т. 15. – № 1(77). – С. 117-124. – Текст : непосредственный.
7. Donne, J. For Whom the Bell Tolls. – Текст : электронный // [официальный сайт]. – URL : <https://yourdailyoem.com> (дата обращения: 21.01.2024).
8. Williams, J. Stoner. – Текст : электронный // [официальный сайт]. – URL: <https://www.goodreads.com> (дата обращения: 20.10.2023).

DOI: 10.47475/9785727119631_25

С.С. ЗАХАРЧЕНКО / S.S. ZAKHARCHENKO
Сургутский государственный педагогический университет
(Сургут, Россия)

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ СТЕРЕОТИПНОГО ВОСПРИЯТИЯ ЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ В СТУДЕНЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

VERBALIZATION OF STEREOTYPICAL PERCEPTION OF ETHNIC CONFLICT IN STUDENTS' DISCOURSE

Аннотация

Настоящая статья посвящена описанию ассоциативного эксперимента, направленного на выявление результатов трансформации эмоционального, неформленного содержания сознания студенческой молодежи в отношении существующих в современной российской социальной действительности национальных / этнических конфликтов в словесные / вербальные формы. Этнофолизмы как маркеры языка вражды и негативно маркированные атрибуты, возникающие в качестве реакций на предъявляемые стимулы, выделены автором статьи как основные формы вербализации стереотипного восприятия этнических конфликтов в студенческом дискурсе. Этнофолические номинации не входят в активную лексику студенческой молодежи, но, не смотря на то, что в сознании коммуникантов / респондентов, число этнофолизмов не всегда пропорционально отрицательному образу этноса, неосознанное использование подобных номинаций представителями одной национальности становится совершенно осознанным в процессе восприятия представителями другого / чуждого этноса. В этом случае этнофолизмы становятся «фитилем» для разжигания межнациональной розни, вражды, несут провокационный характер.

Abstract

The paper is devoted to the analysis of the associative experiment. The experiment was aimed at identifying of the results of transformation of emotional content, related to existing in contemporary Russian social reality national / ethnic conflicts in students' consciousness into verbal forms. Ethnophaulisms as the markers of hate speech and negatively marked attributes – the reactions of the respondents to the stimulus are revealed as the basic forms of verbalization of the stereotypic perception of ethnic conflicts in students' discourse. Ethnophaulisms are not the part of the active vocabulary of the students, despite the fact that the number of ethnophaulisms in the consciousness of the respondents is not proportionally equal to the negative image of the ethnos, unconscious usage of these nominations by the representatives of one nation is absolutely conscious in the process of perception of the representatives of another ethnos. In such cases the ethnophaulisms are a sort of «candlewick» of cross-national conflict, enmity, they have provocative nature.

Ключевые слова: вербализация, вербальные формы сознания, стереотипное восприятие, стереотипы-образы, этнический конфликт, этнофолизм, язык вражды.

Keywords: verbalization, verbal forms of consciousness, stereotypic perception, stereotype-image, ethnic conflict, ethnophaulisms, hate speech.

Этнические конфликты – частое явление социальной действительности, повседневности. Их участниками становятся как отдельные индивиды, общности, сформированные по национальному, религиозному принципам, так и государства, страны, стремящиеся к достижению целей, объединенные общими интересами. Вслед за Третьяковой В.С. под конфликтом мы понимаем «состояние противоборства участников конфликта в области целей, интересов, взглядов, в результате чего каждая из сторон сознательно и активно действует в ущерб противоположной физически или вербально» [Третьякова, 2003, с. 9]. В рамках нашей статьи мы сосредоточимся

на вербальных действиях, совершаемых индивидами в контексте межэтнических конфликтов, которые являются частью конфликтов национальных, конфликтах с использованием языка. В случае такого конфликта особую роль играет социальная сущность языка, двойственная природа языкового знака, эмоциональное, психологическое состояние участников коммуникации, эффект от состоявшейся коммуникации.

Безусловно, процесс вербализации сознания, словесное выражение коммуникантом состояний, свойств – явление комплексное, требующее с позиции психолингвистики многоаспектного детального рассмотрения. В рамках настоящего

исследования мы сосредоточились на изучении ряда категорий как результате трансформации эмоционального, неоформленного содержания сознания студенческой молодежи в отношении существующих в сегодняшней российской социальной действительности национальных / этнических конфликтах в словесные / вербальные формы – этнофолизмах и негативно маркированных атрибутах, возникающих в качестве реакций на предъявляемые стимулы. Именно эти категории, на наш взгляд, позволяют говорить о стереотипном восприятии образа «чужого» / «врага» в сознании молодежи.

Этнофолизмы – номинации с семей «народ», «представитель народа», эмоционально маркированные адресантом, автором высказывания, уничижительной, отрицательной оценкой (в основе термина греч. «народ, племя» и «дурной, ничтожный»). Этнофолизмы включают в себя негативно коннотированные именованья представителей различных этносов в жаргонах-социолектах, проникающие оттуда благодаря своей экспрессивности как средство стилизации в литературный язык, в язык повседневного общения. В отличие от нейтрально коннотируемых этнонимов, семантике этнофолизмов свойственны не только оппозиция «свой – чужой», но и значение чуждости именуемого, при этом негативность коннотации может варьировать от иронично-пренебрежительной до уничижительной, презрительной и бранной [Грищенко, 2007]. В современном дискурсе этнофолизмы становятся маркером языка вражды, оказываясь в разряде инвективной лексики (так называемые «лексы агрессии»), свидетельствуют о проявлении деструктивных настроений адресанта, или, по меньшей мере, о его отрицательном коммуникативном намерении [Захарченко, 2022].

Инструментом, позволившим выявить формы вербализации в языковом сознании студенческой молодежи этнических конфликтов, стали элементы ассоциативного эксперимента – анализ пары «стимул – реакция». В эксперименте приняли участие студенты филологического факультета, всего 81 респондент, Сургутского государственного педагогического университета в возрасте от 17 до 29 лет. Обучающимся было предложено трактовать ряд псевдотавтологий с использованием близких по значению к этнонимам – нейтральным номинациям, синонимов: «*русский есть русский*»; «*еврей есть еврей*»; «*украинец есть украинец*»; «*кавказец есть кавказец*», что позволило нам выявить эмоционально-оценочное отношение (его вербализацию) респондентов к конкретным национальностям / представителям национальностей. Вместе с тем, мы осозна-

ем, что, полученные вербальные реакции респондентов на предложенные стимулы, – не что иное, как упрощенный, устойчивый, стереотип – образ той или иной этнической группы в языковом сознании респондентов [Захарченко, 2023].

На основе семантического анализа полученных экспериментальных данных (628 реакций), выделения обобщенной характеристики / атрибута нам удалось систематизировать результаты, распределив их на 7 групп: нейтральные реакции, к которым мы отнесли те, в основе которых оценочный компонент отсутствует (реакции – этнонимы / нейтральный номинации, названия национальных блюд, культурных / религиозных феноменов, символов). Процент таких реакций от общей совокупности составил 57,5 %. Характеризуя ядро каждого из образов, доля в нем нейтральных реакций составляет: на стимул «русский» – 64%; «еврей» – 50%; «кавказец» – 66 %; «украинец» – 53. Позволим себе заключить, что эти данные свидетельствуют об отсутствии деструктивных проявлений в студенческой среде: основу ядра для каждого из рассматриваемых нами стимулов составляют оценочно немотивированные реакции. В статье «Этнофолизмы в контексте ассоциативного эксперимента (представления студенческой молодежи)» мы отмечали, что на сложившуюся ситуацию влияют несколько факторов: в нашем педагогическом вузе выстроена система гражданско-патриотического воспитания, направленная не только на формирование гражданской / национальной идентичности, но и терпимого отношения к представителям всех национальностей. Количественный и частотный анализ реакций на предложенные стимулы, их распределение по группам атрибутов подробно представлены в статье, посвященной описанию ядра стереотипных образов и выявлению в нем этнофолизмов как маркеров языка вражды. Реакций, содержащих оценочный компонент – меньшая доля – 42,5 %. [Захарченко, 2023 с. 204 – 206].

Приведем некоторые примеры, представляющие интерес в рамках настоящей статьи. К реакциям второй группы, реакциям с оценочным компонентом, мы отнесли, например, те, что попадают в семантическое поле «характер» (21 % от общей совокупности). Важно ранжировать реакции этой группы на положительно и отрицательно маркированные. Поскольку реакции на стимул «русские» – автостереотипный образ (85 % респондентов идентифицируют себя как «русские»), большая их доля, 70 % (23 реакции) – положительные. Безусловно, набор их определяет социально-политическая ситуация в стране, в мире, влияние на образ в сознании студенче-

ства оказывают и федеральные средства массовой информации, педагогическое сообщество, семья. В сознании студенчества педагогического вуза русский – «*сильный духом*», «*целеустремленный*», «*честный*», «*храбрый*», «*прямолинейный*». Положительный образ «русского» подкреплен группой реакций «патриотизм», которые выделяются в общем массиве только на стимул «русские». Эта группа не столь многочисленна, доля реакций от общего массива – 1,5 %, 5,5 % от 145 реакций на стимул «русские», но значима в контексте настоящего исследования, равно как и группа «душа» («*душа*», «*душевный*», «*с русской душой*», «*широта души*). Вместе с тем в структуре автостереотипного образа «русский» атрибута «характер» фиксируются реакции, маркированные отрицательно (6 реакций). В их числе характеристики как ожидаемые – упрямство (упрямый), так и неоднозначные: автостереотипный образ студенчества ассоциирует со словами-категориями «авось» («*русский авось*»), «*нас**ть*» (равнодушие). На группу атрибутов «характер» на стимул «еврей» приходится 58 реакций (49 % от общего числа реакций группы атрибута), из них 50 – отрицательно маркированы. Мы убеждены, что образ еврейского народа основывается исключительно на стереотипах и предрассудках. Реакции (на стимул «еврей») «жадный» / «жадина» / «жадность» насчитывают 30 единиц; «хитрость» – 9.

Проявление признаков языка вражды / агрессии, стереотипного восприятия этнических конфликтов, в большей степени, мы наблюдаем в отношении гетеростереотипных образов в сознании студенческой молодежи – «евреев», «кавказцев», «украинцев», анализируя реакции группы атрибутов «вражда» (17 % от общей совокупности). Группа атрибутов «вражда» объединяет семантические поля «война» / «мы/они» / «национализм» / «этнофолизмы», в основе которых идея противопоставления общностей «мы» / «они»; «свой» / «чужой» / «враг». Рассматриваемая группа атрибутов «вражда» зафиксирована нами в ядре каждого из образов: «еврей» (8%); «русский» (6%); «кавказец» (22%); «украинец» (34%). Этнофолизмы по своей сути входят в группу атрибутов «вражда», отражая примитивные представления, предрассудки. Распределение этнофолизмов, зафиксированных в общем массиве реакций, выглядит следующим образом: на стимул «русский» – 2; «кавказец» – 12; «еврей» – 7; «украинец» – 19 – большинство реакций. Среди реакций этнофолизмов преобладают этнофолизмы мотивированные, например, культурным признаком: «хохол»; «борщевик» на стимул «украинец», «шаурмечник» на сти-

мул «кавказец»; расовым признаком («черный» на стимул «кавказец»). Оказациональные этнофолизмы («ук*»; «ук**и»), выявленные в общем массиве данных среди реакций респондентов, образованные от автоэтнонима «укр», в свете сегодняшних событий, приобретают пренебрежительный оттенок (номинация используется в отношении представителей украинской политической партии «Украинское объединение патриотов») и составляют 2 % от реакций группы. При этом сами респонденты не относят используемые номинации в разряд оскорбительной, бранной лексики, кроме того, даже не знакомы с этимологией используемых этнофолизмов. Номинация «недору***й» в отношении представителей украинской национальности, зафиксированная по результатам ассоциативного эксперимента, была квалифицирована нами как этнофолизм (в основе оппозиция – название представителя другой национальности – НЕ русской, базирующаяся на идее «неполноценности» украинца перед «русским»). Вместе с тем, респонденты, употребляя номинацию, подразумевают «безграмотных носителей русского языка» (типично для молодежного дискурса, имеет в большей степени в его структуре статус единицы сленга, а не бранной лексики). Аналогичной, со слов самих респондентов, оказывается ситуация и с использованием в контексте номинации «нерусь» в отношении представителей кавказских народов. По мнению самих респондентов, номинация «ж*д», относимая нами в разряд лексики оскорбительной, бранной – этнофолизмов, – нейтрально маркированный этноним, синонимичный этнониму «еврей» (комментируя использование номинации, респонденты отмечают: «слышал в анекдотах»).

Среди выявленных в ходе эксперимента этнофолизмов обнаруживаются мотивированные определенным событием в новейшей мировой истории, например «узурпатор» (в отношении кавказских народов). Вместе с тем, отметим, что в сознании молодежи отсутствуют этнофолизмы, мотивированные именами исторического / политического деятеля, наиболее употребимые этнофолизмы, в основе которых зоосемантические метафоры [Захарченко, 2022].

Таким образом, результатом процесса вербализации, т.е. трансформации эмоционального, неоформленного содержания сознания студенческой молодежи в отношении существующих в сегодняшней российской социальной действительности национальных этнических конфликтов в словесные / вербальные формы, становятся этнофолизмы как маркеры языка вражды и негативно маркированные атрибуты, возникающие в качестве реакций на предъявляемые стимулы.

Именно эти категории, на наш взгляд, позволяют говорить о стереотипном восприятии образа «чужого» / «врага» в сознании молодежи. Важно отметить, что зачастую, используемая респондентом реакция на стимул, некий «стереотип-образ», «фиксированная стереотипная ментальная картинка, являющаяся результатом отражения в сознании личности «типového» фрагмента реального мира [Красных, 2002, с. 177-178], используется неосознанно, не реализует коммуникативную задачу оскорбления «чужого» – представителя другой национальности. Выявленные 7% реакций-этнофолизмов (в общем массиве данных) позволяет сформулировать вывод, что этнофолизмические номинации не входят в активную лексику студенческой молодежи, но, не смотря на то, что в сознании коммуникантов / респондентов, число этнофолизмов не всегда пропорционально отрицательному образу этноса, неосознанное использование подобных номинаций представителями одной национальности становится совершенно осознанным в процессе восприятия представителями другого / чуждого этноса. В этом случае этнофолизмы становятся «фитилем» для разжигания межнациональной розни, вражды, несут провокационный характер.

Список литературы

1. Грищенко, А. И. Источники возникновения экспрессивных этнонимов (этнофолизмов) в современном русском и английском языках : эти-

мологический, мотивационный и деривационный аспекты / А. И. Грищенко // Активные процессы в современной лексике и фразеологии : Материалы международной конференции 2007 г. памяти Л.В. Николенко и Ю.П. Солодуба (МПГУ) / гл.ред. Н.А. Николина – М. – Ярославль : Ремдер, 2007. – С.40-52. – Текст : непосредственный.

2. Захарченко, С. С. Этнофолизмы в контексте ассоциативного эксперимента (представления студенческой молодежи) / С. С. Захарченко // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2023. – № 5 (86). – С. 202-211. – Текст : непосредственный.

3. Захарченко, С. С. Этнофолизмы в спорных текстах. Попытка типологизации / С. С. Захарченко // Филологический вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2022. – № 4 (12). – С.33-44. – Текст : непосредственный

4. Красных, В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология : Курс лекций / В. В. Красных. – М. : «Гнозис», 2002. – 284 с. – Текст : непосредственный.

5. Третьякова, В. С. Речевой конфликт и гармонизация общения: специальность : 10.02.01 «Русский язык» : дис. ... д-ра филол. наук : / Вера Степановна Третьякова. – Екатеринбург, 2003 – Текст : электронный // Электронный архив РГГПУ [официальный сайт]. – URL : https://elar.rsvpu.ru/bitstream/123456789/16577/1/rsvpu_thesis_00192.pdf (дата обращения: 14.01.2024)

DOI: 10.47475/9785727119631_28

И.Ю. ИСАКОВА / I.Yu. ISAKOVA

Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

ОСОБЕННОСТИ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ ЭКСПАНСИИ В ИТАЛЬЯНСКОМ ПРЕДВЫБОРНОМ ДИСКУРСЕ 2022 Г.

FEATURES OF METAPHORICAL EXPANSION IN ITALIAN ELECTORAL DISCOURSE OF 2022

Аннотация

Статья посвящена исследованию особенностей развертывания метафорической экспансии со сферой-мишенью «Джорджия Мелони» на примере итальянского предвыборного дискурса. Приведенные метафоры анализируются в работе с позиций когнитивно-дискурсивного подхода, а также теории концептуальной метафоры и теории метафорического моделирования. Выявлены и систематизированы отдельные аспекты сферы-мишени, которые были подвержены метафоризации. Сделан вывод, что наибольшей степенью метафоричности обладают взаимоотношения Мелони с политическими оппонентами, характеризующиеся преимущественно военной метафорой, что подтверждает тезис об универсальности «метафорического милитаризма» в совре-

менной политической метафорике. В ходе анализа установлено, что зафиксированные метафоры продуцируют полярные образы Мелони, не позволяя однозначно охарактеризовать её образ как положительный или отрицательный, что может быть связано с высоким уровнем недоверия электората к правой коалиции.

Abstract

The article examines the peculiarities of metaphorical expansion with the target sphere “Giorgia Meloni” in Italian electoral discourse. The research methodology is based on the cognitive-discursive approach, as well as the conceptual metaphor theory and the theory of metaphorical modelling. Certain aspects of the target sphere were analyzed and systematized. As a result, the conclusion is made that Meloni’s relations with political opponents have the greatest degree of metaphorization and are characterized predominantly by military metaphors. The results of analysis claim that the tendency for metaphorical militarization is universal in modern political discourse. Based on the obtained data, we can state that metaphors produce both positive and negative images of Giorgia Meloni, which may be related to the high level of distrust in the right-wing party.

Ключевые слова: метафорическая экспансия, метафорическое моделирование, политический медиадискурс, итальянские СМИ, Джорджия Мелони, информационная система экспертного анализа «Лингвистика»

Keywords: metaphorical expansion, metaphorical modelling, political media discourse, Italian media, Giorgia Meloni, expert analysis information system «Linguistics»

В настоящее время концептуальная метафора все чаще выступает объектом пристального внимания ученых. Параллельно с этим все большее внимание получают исследования, посвященные изучению принципов функционирования метафор в предвыборном политическом дискурсе. Это связано с тем, что ситуация выборов является переломным моментом в жизни страны и характеризуется повышенной политической нестабильностью, что, в свою очередь, влияет на метафоричность политического дискурса [De Landtsheer, 1991].

В 2022 г. после падения правительства Драги в Италии прошли внеочередные парламентские выборы, которые стали серьезным испытанием для страны, истощенной политическим и экономическим кризисом. В результате ожесточенной борьбы с Демократической партией (Partito Democratico) победила ультраправая коалиция “Fratelli d’Italia” (Братья Италии) во главе с Джорджией Мелони – женщиной, которая впервые в истории страны заняла пост главы правительства. Мелони является достаточно влиятельным политиком, о чем свидетельствует ее четвертое место в рейтинге самых влиятельных женщин мира по версии журнала Forbes 2023 г. Поскольку Джорджия Мелони пришла к власти в октябре 2022 г., её метафорический образ ещё не подвергался изучению со стороны ученых-лингвистов, что предопределяет **актуальность** предлагаемой работы.

В качестве источника **материала** нами были отобраны 47 статей 7 национальных периодических изданий Италии с тиражом от 100 тыс. и количеством подписчиков от 1 млн. и более на

онлайн-версию газеты (La Repubblica, La Stampa, Corriere della Sera, ANSA, Il Fatto Quotidiano, Il Giornale, Il Messaggero), из которых методом сплошной выборки были выделены 285 метафорических контекстов. **Хронологические рамки** исследования определены периодом предвыборной кампании в Италии с 21 июля по 25 сентября 2022 г. включительно. **Объектом** исследования выступает итальянский предвыборный дискурс; **предметом** исследования, в свою очередь, являются характерные черты метафорической экспансии, проявляющиеся в итальянском предвыборном дискурсе в указанный период времени. Следовательно, **задачей** настоящей статьи является анализ выявленных особенностей метафорической экспансии с учетом сферы-мишени «Джорджия Мелони» и её аспектов.

Методология исследования основывается на когнитивно-дискурсивном подходе к описанию языка, согласно которому метафора, представляющая собой основную ментальную операцию, способ познания и концептуализации знаний о мире [Lakoff, Johnson, 2003], должна рассматриваться во взаимодействии с экстралингвистическими факторами, которые обуславливают её востребованность в дискурсе [Будаев, Чудинов, 2008]. При проведении анализа мы опираемся на теорию метафорического моделирования Уральской школы политической лингвистики, в соответствии с которой А. П. Чудинов характеризует метафорическую модель как сложившуюся в сознании носителей языка связь между двумя понятийными сферами; если представить отношение между её компонентами в виде формулы «X – это Y», то можно сделать вывод, что

фреймо-слотовая структура сферы-источника, представленной переменной Y, служит основой для моделирования системы сферы-мишени, представленной переменной X [Чудинов, 2012, с. 88-89]. В предлагаемой работе за основу взята классификация метафорических моделей, подробно описанная в монографии А. П. Чудинова [Чудинов, 2001]. Контексты, подвергнутые анализу, были загружены в информационную систему экспертного анализа «Лингвистика», которая позволяет проводить всеобъемлющий анализ интересующих объектов по классификационным деревьям лингвистических и экстралингвистических параметров, а также использовать в качестве материала как собранные вручную коллекции текстов, так и выборки из корпусов [Богоявленская, 2022, с. 53]. В ходе исследования мы выделили отдельные аспекты сферы-мишени «Джорджия Мелони», которые были подвергнуты метафоризации, и систематизировали получившиеся данные:

Таблица
Статистический отчет

Дерево параметров	Количество фрагментов
Сфера-мишень «Джорджия Мелони»	285
Отношения с противниками	125
Личностные качества	84
Отношения с союзниками	45
Отношения с избирателями	19
Успехи и достижения	7
Политическая программа	4
Неудачи и поражения	1

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что **взаимодействие Мелони с ее политическими оппонентами** характеризуется наиболее высокой метафоричностью. Преобладание военной метафоры (60 контекстов из 125) объясняется тенденцией к «метафорическому милитаризму», зафиксированной в политических дискурсах различных мегарегионов [Будаев, 2008, с. 137]. Например, соперничество Мелони с секретарем демократической партии Энрико Леттой, её главным противником в ходе предвыборной кампании, актуализируется посредством употребления таких лексических единиц, как «*attaccare*», «*il duello*» и «*bacchettare*», которые подчеркивают особый накал борьбы:

Nell'odierna conferenza stampa tenuta a Roma, in particolare, il segretario Pd ha bacchettato la leader di Fratelli d'Italia e lo ha fatto con queste espressioni (В частности, на сегодняшней пресс-конференции в Риме секретарь Демократической

partiti «избил палкой» лидера «Братьев Италии» с помощью следующих выражений (здесь и далее перевод наш – И.И.) [Il Giornale, Marco Leardi, 09.08.2022] – военная метафора, фрейм «Военные действия и вооружение», слот «Военные действия».

Несмотря на очевидную «усталость» страны от неэффективных решений популистских левых партий, Италия, как и другие страны Европы, не готова довериться представителю правой коалиции. Таким образом, в числе противников Мелони оказываются не только «левые», но и Европейская комиссия во главе с Урсолой фон дер Ляйен, представители правительственного аппарата Италии и т.д.:

Il duello con Luigi di Maio «pagato per screditare l'Italia» (Дуэль [Мелони] с Луиджи Ди Майо, которому заплатили за дискредитацию Италии) [Corriere della Sera, Michelangelo Borillo, 21.08.2022] – военная метафора, фрейм «Военные действия и вооружение», слот «Военные действия».

Употребление спортивной метафоры (36 контекстов из 125) также поддерживает идею соперничества, где выборы актуализируются посредством единиц «гонка» (*la corsa, il rush*), «соревнование» (*la competizione*), «спринт» (*lo sprint*). В нижеприведенном контексте взаимодействие Мелони с соперниками концептуализируется как серия спортивных приемов (фрейм «Приемы, используемые в игре», слот «Защита» и «Контратака»), при которых она не допускает нечестной игры (фрейм «Правила игры и наказания», слот «Нарушения правил» и «Наказания спортсменов»):

Difesa e contropiede, senza alcun colpo basso da ammonizione (Защита и контратака без каких-либо нарушений, приводящих к желтым карточкам) [Il Giornale, Francesco Curradori, 11.09.2022]

Метафоры, репрезентирующие **личные качества** будущего премьер-министра Италии, продуцируют полярные образы Джорджии Мелони: с одной стороны, она предстаёт перед аудиторией как новая Жанна д'Арк, готовая на подвиги ради родной страны (8 контекстов из 84); с другой – как монстр, олицетворение метафор, возникшей на стыке субсфер «Природа» и «Социум» (12 контекстов из 84):

Per la Giovanna d'Arco della Garbatella, il Colle come garante degli assetti istituzionali ha fatto il suo tempo (Для Жанны д'Арк из Гарбателлы президент Республики как гарант институциональных структур исчерпал себя) [La Repubblica, Carlo Bonini, 27.08.2022] – военная метафора, фрейм «Организация военной службы», слот «Военные деятели».

Tutto abbastanza surreale, anche se è fastidioso che il primo partito di centrodestra sia dipinto come mostro (Все это достаточно сюрреалистично, хотя и раздражает, что первую правящую коалицию изображают монстром) [La Stampa, Giuseppe Salvaggiolo, 04.08.2022] – зооморфная метафора, фрейм «Состав царства животных», слот «Мифические животные».

Концептуальный вектор неискренности подерживается фреймом физиологической метафоры «Изменение внешности с помощью макияжа» (23 контекста из 84). Метафорические единицы «incipiarsi» и «la cipria» апеллируют к стремлению Мелони не только скрыть фашистское прошлое правой коалиции, ведущей начало от партии Бенито Муссолини, но и предстать более выгодным кандидатом в глазах избирателей:

Meloni non ci sta: «Non mi serve incipirmi per essere credibile» (Мелони не согласна: «Мне не нужно припудриваться, чтобы мне верили») [Il Giornale, Marco Leardi, 09.08.2022] – физиологическая метафора, фрейм «Изменение внешности с помощью макияжа», слот «Изменение внешности с помощью пудры».

Не менее важной частью образа Мелони являются её отношения с союзниками, прочность которых вызывает большие сомнения у СМИ. Как и в предыдущем случае, зафиксированные метафоры реализуют полярный прагматический потенциал: например, нижеприведённые контексты артикулируют мысль о лидерстве Мелони, в то время как её соратники, попавшие в сферу экспансии метафоры, именуется «легионерами»:

Sembrava l'alfiera di un nuovo corso a destra, finalmente privato di ogni venatura fascista (Мелони казалась знаменосцем нового течения, наконец-то лишённого всякой фашистской жилки) [La Repubblica, Carlo Bonini, 13.08.2022] – военная метафора, фрейм «Организация военной службы», слот «Специализация воинов».

Il fumo nero che sale dal brodo dell'agro pontino non preoccupa Giorgia Meloni, che nel maggio 2014 lancia i suoi legionari migliori (Чёрный дым, поднимающийся над бульоном понтийской деревни, не беспокоит Джорджию Мелони, которая посылает туда своих лучших легионеров в мае 2014 года) [La Repubblica, Clemente Pistilli, 27.07.2022] – военная метафора, фрейм «Организация военной службы», слот «Специализация воинов».

Угроза отношениям Джорджии Мелони с её главным союзником по правой коалиции, Маттео Сальвини, концептуализируется посредством употребления военных (12 контекстов из 45) и спортивных (8 контекстов из 45) метафор.

Разногласия между союзниками по поводу необходимости проведения реформ сопровождаются «дуэлями», которые, впрочем, заканчиваются «подписанием мирного договора в социальных сетях», вырабатывая скептическое отношение читателя к происходящему:

Una tregua in riva al mare. <...> Si abbracciano e firmano la 'pace' in formato social (Перемирье на берегу моря. <...> Они обнимаются и подписывают мирный договор в формате социальных сетей) [ANSA, Redazione ANSA, 28.08.2022] – фрейм «Начало войны и её итоги».

Salvini e Meloni, competizione per il voto del Sud: sfida su lavoro e fondi Ue (Сальвини и Мелони, соревнование за голоса на Юге: разногласия по поводу работы и фондов ЕС) [Il Messaggero, Francesco Bechis, 27.08.2022] – спортивная метафора, фрейм «Виды игры и спорта» слот «Игра вообще».

В числе избирателей Мелони оказываются не только простые люди, но и представители шоу-бизнеса, чья неприязнь к этому кандидату выражена посредством военной метафоры (8 контекстов из 19):

«L'Italia verso il fascismo». La sparata di Skin contro la Meloni («Италия движется по направлению к фашизму». Скин делает выстрел в сторону Мелони) [Il Giornale, Massimo Balsamo, 22.09.2022] – военная метафора, фрейм «Военные действия и вооружение», слот «Военные действия».

Метафоры со сферой-источником «Семья» (5 контекстов из 19) содержат иронический компонент: читателю предлагается негативная оценка Мелони как «матери» народа, который испытывает на себе последствия неправильно принятых ею решений:

Parlo di De Benedetti e dei grandi giornali che adesso improvvisamente gridano al fascismo: l'avete voluta la Meloni? Ciucciatevela (Я говорю о Де Бенедетти и крупных газетах, которые вдруг стали кричать про фашизм: вы хотели Мелони? Так пусть она накормит вас своим молоком) [Il Fatto Quotidiano, F.Q., 13.09.2022] – метафора родства, фрейм «Кровное родство», слот «Родители и дети».

Устойчивость метафорической модели «ВЫБОРЫ – ЭТО СПОРТ» подтверждает то, что и успехи, и поражения Мелони репрезентируются посредством спортивных метафор:

Una risposta che ammutolisce Letta e che decreta la "vittoria" del match alla Meloni (Вопрос заставляет Летту замолчать, тем самым объявляя победу Мелони в матче) [Il Giornale, Francesco Curradori, 11.09.2022] – спортивная метафора, фрейм «Квалификация спортсменов и итоги соревнований», слот «Итоги соревнований».

Se Giorgia Meloni non dovesse vincere passerebbe alla storia come quella che ha mancato il gol a porta vuota (Если бы Джорджия Мелони не выиграла, она вошла бы в историю как человек, пропустивший гол в пустые ворота) [La Repubblica, Concita De Gregorio, 13.08.2022] – спортивная метафора, фрейм «Квалификация спортсменов и итоги соревнований», слот «Итоги соревнований».

Подводя итог проведенному исследованию, мы можем заключить, что метафорическая экспансия, имеющая в качестве мишени сферу «Джорджия Мелони», охватывает семь аспектов, критически важных для репрезентации личности этого политика в ходе выборов. Наибольший метафорический потенциал имеют взаимоотношения Мелони с политическими противниками. Практически во всех выделенных нами аспектах наиболее частотной является милитарная метафора, что позволяет нам выделить лидирующую метафорическую модель «ДЖОРДЖИЯ МЕЛОНИ – ЭТО ВОИН», а также наиболее продуктивные модели «ДЖОРДЖИЯ МЕЛОНИ – ЭТО ИГРОК», «ДЖОРДЖИЯ МЕЛОНИ – ЭТО МОНСТР», «ПОЛИТИКА ДЖОРДЖИИ МЕЛОНИ – ЭТО ПРИПУДРИВАНИЕ». Проанализированные метафоры реализуют полярный прагматический потенциал, характеризуя её кандидатуру как крайне противоречивую, что может быть продиктовано проиллюстрированным нами недоверием избирателей к правой партии и общей усталостью от политических кризисов.

Список литературы

1. Богоявленская, Ю. В. Этапы экспертного анализа в информационной системе «Лингвистика» (на примере исследования политических метафор) / Ю. В. Богоявленская // Вестник Челябинского государственного университета. – 2022. – №7 (465). – С. 52-63. – Текст : непосредственный.
2. Будаев, Э. В. Когнитивно-дискурсивный анализ метафоры в политической коммуникации / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов // Политическая лингвистика. – 2008. – №3 (26). – С. 37-48. – Текст : непосредственный.
3. Будаев, Э. В., Чудинов, А. П. Метафора в политической коммуникации: монография / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. – Москва : Флинта, 2008. – 248 с. – Текст : непосредственный.
4. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000): монография / А. П. Чудинов. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2001. – 238 с. – Текст : непосредственный.
5. Чудинов, А. П. Постулаты уральской школы политической метафорологии / А. П. Чудинов // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. – 2012. – №2. – С. 85-93. – Текст : непосредственный.
6. Lakoff, G. *Metaphors We Live By* / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago: The University of Chicago Press, 2003. – 276 p. – Текст : непосредственный.
7. Landtsheer, Ch. De. *Function and the Language of Politics. A Linguistics Uses and Gratification Approach* / Ch. De Landtsheer // *Communicatun and Cognition*. – 1991. – №3/4. – Vol. 24. – P. 299-342. – Текст : непосредственный.

DOI: 10.47475/9785727119631_32

Е.М. ИСТОМИНА / E.M. ISTOMINA

*Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)
(Челябинск, Россия)*

КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ САЙТОВ

COMMUNICATION PRACTICES OF PSYCHOLOGICAL SITES

Аннотация

Целью работы является выявление посредством изучения дискурсивных практик изменений в психотерапевтическом дискурсе при его перемещении в неформальную среду, а именно, в сферу психологических сайтов. Таким образом, объектом данного исследования является психотерапевтический дискурс, предметом – дискурсивные практики популярно-психологической медиакоммуникации и специфика функционирования данных практик. Изучение практического коммуникативно-языкового материала осуществлено на примере российской лингвокультуры. В качестве материала ис-

следования выступили статьи профессионалов в области психологии на сайте Psychologies.ru. Были определены особенности дискурсивных практик такие, как интердискурсивность, интеркодированность и неограниченное количество клиентов. Результаты исследования текстов популярной психологии с применением методов анализа, синтеза и обобщения выявили дискурсивные практики повышения доступности, но понижения строгости и достоверности рассуждений, конструирования персонализации, фатичности, персуазивности, делиберативизма и авторитетности агента.

Abstract

The purpose of the work is to identify via the study of discursive practices changes in psychotherapeutic discourse when it passes to an informal environment, such as psychological sites. Thus, the object of this study is psychotherapeutic discourse, the subject is the discursive practices of popular psychological media communication and the specifics of the functioning of these practices. The study of practical communicative and linguistic material was performed on the bases of Russian linguistic culture. The research material is the articles written by professionals in the field of psychology and published on Psychologies.ru. The identified features of discursive practices are interdiscursivity, intercoding and an unlimited number of clients. The study of pop-psychology texts with methods of analysis, synthesis and generalization revealed such discursive practices as the increase of accessibility, but decrease of the accuracy and reliability of the reasoning, constructing of personification, phaticism, persuasiveness, deliberativeness and the authority of the agent.

Ключевые слова: психотерапевтический дискурс, институциональный дискурс, дискурс популярной психологии, дискурсивные практики, популярно-психологическая медиакоммуникация, интердискурсивность.

Keywords: psychotherapeutic discourse, institutional discourse, discourse of popular psychology, discursive practices, media communication of popular psychology, interdiscursivity.

Наблюдаемое на сегодняшний день широкое разнообразие в толкованиях термина «дискурс», в понимании его сущности, а также критериев выделения его типов объясняется, в первую очередь, сложностью понятия. В данной работе мы основываемся на понимании дискурса Мишелем Фуко как «множества высказываний, принадлежащих одной формации» [Фуко, 1996, с.118], т.е. в виде специфической для каждой эпохи и научной дисциплины «формы знания». На основании такого понимания термина выделяются, в частности, так называемые «институциональные дискурсы», подразумевающие, согласно В.И. Карасику, общение агентов и клиентов в определенном хронотопе с определенными целями, ценностями, стратегиями, материалом (тематикой), разновидностями и жанрами, прецедентными текстами и дискурсивными формулами [Карасик, 2002, с.189]. Если институциональные дискурсы достаточно хорошо изучены, например политический (Демьянков В. З., Паршин П. Б., Паршина О. Н., Шейгал Е. И. и др.), рекламный/ консьюмеристский (Медведева Е. В., Кафтанджиев Х., Назайкин А. Н. и др.), психотерапевтический (Калина Н. Ф., Ахмерова Л.Р. и др.), то «размытые» формы, где один или несколько компонентов институционального дискурса не соответствуют предложенной В.И. Карасиком структуре, не охвачены достаточным вниманием исследователей. Одной из таких размытых форм институционального дискурса явля-

ется обсуждение психологических проблем в неформальной среде, например, в сети Интернет, на радио, телевидении. Такую разновидность психотерапевтического дискурса будем называть дискурсом популярной психологии и определять его как совокупность речевых актов, нацеленных на профессиональное решение психологических задач посредством медиа. Данная работа посвящена исследованию дискурса популярной психологии посредством дискурсивных практик на сайте Psychologies.ru. для того, чтобы расширить наше представление о характере такой коммуникации, в том числе о ее дискурсивной организации.

Термин М.Фуко «дискурсивные практики», несмотря на своё широкое распространение в лингвистике, также не имеет однозначного толкования в результате неоднозначного понимания как дискурса, о чём уже упоминалось, так и термина «практика». Поскольку последняя обычно толкуется в словарях как деятельность и социальный опыт, то дискурсивные практики представляют собой речевую или, поскольку в процессе речевой деятельности происходит продуцирование текстов, текстовую деятельность в определенной социальной области или в определенном социальном институте, которая отражает жизненный опыт и знания участников коммуникации. Э.В. Чепкина под дискурсивными практиками понимает процесс выстраивания текста всеми коммуникантами в рамках определенного дискурса, подчеркивая тем самым, что речь идет о вклю-

ченности индивидов в процесс коммуникации, осуществляемой ими практически – по правилам, не всегда осознаваемым на вербальном уровне [Чепкина, 2000, с. 8]. Наиболее детально дискурсивные практики определяются Л.В. Куликовой как «социально устоявшиеся, конвенциональные и артикулируемые в речи действия по решению рекуррентных коммуникативных проблем и интенций в соответствующем лингвокультурном пространстве в сферах институционального и неинституционального общения» [Куликова, 2015, с. 10-11]. Дискурсивные практики, будучи признанным коллективным опытом, представляют собой значительную часть коммуникативного ресурса языкового сообщества, формируют социокультурные сферы и когнитивно-коммуникативные поведенческие паттерны представителей лингвокультур [Там же]. Поскольку дискурсивные практики являются уже наблюдаемыми коммуникативными объектами, то изменения, происходящие в дискурсе, который, как известно, является незамкнутым и незавершенным, можно проследить именно через них.

Дискурсивные практики популярно-психологической медиакоммуникации рассматриваем как традиционные способы оперирования языком для изменения психической реальности. Их описание и анализ осуществлены на корпусе статей психологов и психотерапевтов рубрики «Вопрос эксперту» сайта Psychologies.ru с учётом факторов, выделенных Л.В. Куликовой [Куликова, 2015, с. 11].

1. Интенциональная направленность в реализации данных дискурсивных практик совпадает с выделенными Е.И. Кирилловой интенциями психотерапевта: познавательная (намерения агента выразить в речи свое понимание ситуации клиента), диалогическая (намерения агента выразить в речи отношение к клиенту как субъекту общения) и помогающая (намерения агента выразить в речи суть своей помощи клиенту в развитии его рефлексии и самосознания) [Кириллова, 2010].

2. Участниками выступают агент и неограниченное количество клиентов.

3. Каналом трансляции являются медиа, следовательно, происходит смешение психотерапевтического и медиа дискурсов, то есть имеет место интердискурсивность;

4. Используются как письменные вербальные, так и невербальные средства (тип, размер и цвет шрифта, подчеркивания, иллюстрации). Присутствие единиц разных семиотических систем – вербальной и визуальной – позволяет говорить об интеркодности дискурсивных практик.

5. дискурсивные практики популярно-психологической медиакоммуникации существуют вне линейного времени;

6. сфера воспроизводства – институциональная, поскольку в наличии имеются все лингвистически релевантные признаки:

- цель, которая представляет собой помощь в разрешении психологических проблем и актуализации резервов личностного роста [Калина, 2001, с. 307];

- психотерапевт или психолог как агент и пациент или группа пациентов как клиент, при этом количество клиентов не ограничено;

- темы дискурсов связаны с личностью и межличностными отношениями клиента;

- стратегии агента, характеризующиеся персуазивностью, т.е. осознанном воздействии на сознание клиента;

- хронотоп характеризуется тем, что, с одной стороны, дискурсивные практики существуют физически и выражаются техническими средствами, с другой стороны, формируются посредством ментальных процессов, создавая медиаобразы в сознании агентов, то есть вне пространства и линейного времени.

В дискурсивных практиках психологических сайтов, отражающих коллективное знание агентов о том, каким образом следует вербализовать мысли, реализуется языковой опыт субъекта. Изучение текстов агентов популярно-психологического сайта Psychologies.ru. выявил следующие дискурсивные практики:

1. повышения доступности при изложении, достигаемой за счет использования, в частности, аллегорий, например *«Представьте, что вы вложили в банк миллион рублей, а затем увидели, что банк скоро рухнет, решили, что потерять эти деньги очень страшно, и вместо того, чтобы их забрать и вложить в другой банк, вложили туда еще миллион — в надежде поддержать банк и не дать ему разориться. То же самое и с вашими отношениями»;*

2. понижения строгости и достоверности в рассуждениях в силу отсутствия обратной связи при коммуникации, например *«Однако, из вашего сообщения мне до конца не ясно, в чем именно ваш вопрос. Поэтому, если вы не возражаете, я попробую немного пофантазировать...»;*

3. стимулирования саморефлексии клиента через использование квазидialogов, «совместных рассуждений», например *«Будто он уже родной» – о чем говорит вам это чувство: о безопасности, стабильности, предсказуемости или о чем-то еще?»;*

4. конструирования фатичности, в частности, использованием персонафицированного обращения, проявлением эмпатии к клиенту, описанием его чувств и переживаний, например *«Татьяна, очень понятен ваш страх – отношения еще не*

успели обрести прочность, а тут им предстоит довольно серьезное испытание разлукой и временем», выражением чувств «Уверена, вы были прекрасной дочерью и останетесь такой навсегда. От души желаю вам сил, чтобы пережить это трагическое событие»;

5. конструирования персонифицированного общения;

6. конструирования персуазивности посредством интимизации, диалогизации и стилистических приемов, таких как антитеза, например «... случившееся могло стать очень травмирующим, но все же недоразумением», метафора («поднять забрало» и пр.), повелительное предложение, например «Поэтому я бы рекомендовала: живите для себя» и прочее.

7. конструирования делиберативизма: общение между агентом и клиентом происходит в рамках, согласно классификации Г. Элвина и др., делиберативной модели, суть которой заключается в предоставлении агентом консультации клиенту и рекомендации определенного способа действия с сохранением за клиентом права выбора [Elwyn et al., 1999, 202 по Куликова, 2015, с.37]

8. конструирования авторитетности агента посредством создания объективной тональности повествования пассивными конструкциями и использованием слов «человек» или «люди» в качестве подлежащего, использования терминологии, например «*Но серьезные отношения с перспективой брака должны быть основаны не только на взаимном излечении, но и на обоюдном желании, а также на договоренностях: как люди видят свое будущее, что они будут делать, когда хорошо, а что – когда плохо*» и отсылка к работам признанных специалистов.

Изменения в социальной реальности, в частности, активное использование средств медиа, приводят к трансформациям дискурсов и формированию новых дискурсивных практик. Особенности дискурсивных практик психологических сайтов являются использование медиа в качестве канала трансляции и, как следствие, интердискурсивность, интеркодированность и неограниченное количество клиентов. Как показывает корпус практического материала, дискурсив-

ными практиками популярно-психологических сайтов являются повышение доступности, но понижение строгости и достоверности рассуждений, конструирование персонифицированности, фатичности, персуазивности, делиберативизма и авторитетности агента. Проведенное исследование дискурсивных практик популярно-психологической медиакоммуникации, раскрыло её характер и расширило представление о дискурсе популярной психологии в целом.

Список литературы

1. Дискурсивные практики современной институциональной коммуникации: коллективная монография / Л. В. Куликова, С. Б. Белецкий, Н. Г. Бурмакина [и др.]; науч. ред. Л. В. Куликова. – Красноярск : Сибирский федеральный университет (СФУ), 2015. – 182 с. – Текст : непосредственный.
2. Калина, Н. Ф. Основы психоанализа / Н. Ф. Калина. – Москва: Рефлбук ; Киев : Ваклер, 2001. – 352 с. – Текст : непосредственный.
3. Карасик, В. И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Научное издательство ВГСПУ «Перемена», 2002. – 477 с. – Текст : непосредственный.
4. Кириллова Е. И. Интент-анализ психотерапевтического дискурса : специальность 19.00.01 «Общая психология, психология личности, история психологии» : дис. ... канд. психол. Наук : / Елена Игоревна Кириллова. – Москва, 2010. – 288 с. – Текст : непосредственный.
5. Фуко М. Порядок дискурса // Фуко М. // Воля к истине : По ту сторону знания, власти и сексуальности : Работы разных лет. – Москва, 1996. – 448 с. – Текст : непосредственный.
6. Чепкина Э. В. Русский журналистский дискурс : Текстопорождающие практики и коды (1995-2000) / Э. В. Чепкина; Науч. ред. Л. М. Майданова. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000. – 279 с. – Текст : непосредственный.
7. Вопрос к эксперту – Текст : электронный // Сетевое издание Psychologies.ru [официальный сайт] – URL : <https://www.psychologies.ru/themes/expert/> (дата обращения: 07.01.2024).

DOI: 10.47475/9785727119631_36

О.Н. КОНДРАТЬЕВА / O.N. KONDRATJEVA*Кемеровский государственный университет
(Кемерово, Россия)***МЕТАФОРИЧЕСКАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ РОССИЯН
В СЕТЕВОМ ДИСКУРСЕ****METAPHORICAL SELF-IDENTIFICATION OF RUSSIANS
IN THE IN THE ONLINE DISCOURSE****Аннотация.**

В статье рассматривается проблема самоидентификации российских граждан на современном этапе развития социума, исследуются процессы конструирования национально-гражданской идентичности в русскоязычном сетевом дискурсе, демонстрируется, что существенную роль в подобных процессах играет метафоризация, позволяющая эксплицировать наиболее значимые особенности конструируемой идеализированной общности «россияне/русские». Показывается, что самоидентификация русскоязычных участников сетевой коммуникации осуществляется по формуле, включающей сферу-мишень («Россияне/Русские») и многочисленные сферы-источники метафорической экспансии, к числу которых относятся «Дом», «Семья», «Организм», «Водоемы» и «Вещества». Делается вывод, что большинство метафор актуализирует пассионарность русского этноса, его способность объединять и ассимилировать другие народы, что убедительно доказывает, что стихийная непрофессиональная самоидентификация современных россиян не противоречит принципам, на которые обращали внимание многие философы, культурологи и социологи.

Abstract

The article examines the problem of self-identification of Russian citizens at the present stage of development of society, examines the processes of constructing national-civic identity in Russian-language network discourse, and demonstrates that metaphorization plays a significant role in such processes, making it possible to explicate the most significant features of the constructed idealized community "Russians/Russians". It is shown that self-identification of Russian-speaking participants in network communication is carried out according to a formula that includes a target sphere ("Russians/Russians") and numerous source spheres of metaphorical expansion, which include "Home", "Family", "Organism", "Reservoirs" and "Substances". It is concluded that most metaphors actualize the passionarity of the Russian ethnos, its ability to unite and assimilate other peoples, which convincingly proves that the spontaneous non-professional self-identification of modern Russians does not contradict the principles that many philosophers, cultural scientists and sociologists have paid attention to.

Ключевые слова: *идентичность, самоидентификация, дискурсивное конструирование, метафора, сетевой дискурс, россияне, русские.*

Keywords: *identity, self-identification, discursive construction, metaphor, network discourse, Russians.*

Проблемы идентичности и вопросы ее дискурсивного конструирования являются одним из актуальных исследовательских объектов современной лингвистики (см., например: Асташкина, 2016; Енина, 2016; Иссерс, 2022; Крюкова, Кожемякин, 2020; Лаппо, 2013; Слободяник, 2007 и др.), поскольку в современном обществе, оказавшемся в ситуации высокой неопределенности и постоянных геополитических вызовов, процессы идентификации и самоидентификации существенно интенсифицировались, при этом вопросы национальной идентичности зачастую переносятся из профессиональной сферы (политический и медийный дискурсы) в сферу интересов непрофессионалов.

Интернет-пространство заполнили дискуссии пользователей, рассуждающих, кем именно они являются, россиянами, русскими или представителями других народов и национальностей, ведутся активные споры о критериях принадлежности к «титупной нации» и о наиболее типичных особенностях ментальности и поведения ее представителей. Поэтому обращение к сетевому дискурсу не только позволит рассмотреть общие закономерности идентификационных процессов в современном российском обществе, но и даст возможность изучить стихийные процессы идентификации и самоидентификации россиян.

Самоидентификация представляет собой номинативную стратегию «причисления себя к

какой-либо группе / категории, к какому-либо классу / уровню» [Лаппо, 2013, с. 28]. Одним из продуктивных, но практически не изученных способов самоидентификации является метафора, представляющая собой когнитивный механизм, посредством которого познается «неизвестное через известное, абстрактное – через конкретное, т.е. происходит перенос знаний из одной содержательной области в другую» [Кондратьева, 2015, с. 22], при этом устанавливаются аналогии между двумя понятийными областями, что позволяет «использовать потенциал сферы-источника при концептуализации новой сферы» [Чудинов, 2001, с. 36].

Соответственно, *метафорическая самоидентификация* интерпретируется нами как когнитивно-дискурсивный процесс, в рамках которого говорящие/пишущие конструируют собственную идентичность путем установления аналогий между сферой-мишенью (идеализированной общностью) и сферами-источниками метафорической экспансии, предоставляющими ресурсы для актуализации базовых особенностей характеризуемой общности.

Цель исследования – проанализировать особенности метафорической самоидентификации россиян в русскоязычном сетевом дискурсе 2013-2023 гг. Материалом исследования послужило 76 контекстов, извлеченных из социальных сетей посредством использования системы «Яндекс. Поиск по блогам». Поисковые запросы «россияне/русские – это...» позволили сформировать обширную исследовательскую картотеку, из которой для предлагаемой статьи были отобраны ответы, построенные по метафорической модели.

В рассуждениях участников интернет-коммуникации встречаются как случаи прямой самоидентификации, так и косвенной. Под прямой самоидентификацией понимаются конструкции вида «Мы – россияне/ русские»: Мы граждане одной страны, мы россияне (URL: [headshotboy2.livejournal.com/headshotboy2](https://livejournal.com/headshotboy2), 2013); *Мы – россияне. Возможно, мы отличаемся от европейцев* (URL: https://vk.com/wall-55409849_108?ysclid=lrrvfymqf738078318); *Нам не стыдно представлять Россию на международном уровне. Мы гордимся тем, что мы – россияне. И это все благодаря Владимиру Путину* (URK: <https://t.me/tovKrasnov/540>). При косвенной самоидентификации используются рассуждения, характеризующие страну проживания/рождения или происхождение родственников: *При чем тут Google и Facebook? Мы живём в России* (URL: Discuss. telegram Rozetked Discuss); *Мы живем в России, не забывайте это!* (JustLan В Нововоронеже); *Мы русские потому, что ро-*

дилась в России, дышали с рождения её воздухом (URL: https://vk.com/wall-70978880_21038); *Оба мои родители – этнически русские* (URL: <https://fomasovetnik.livejournal.com/2825874.html>).

Практически все высказывания, содержащие как прямые, так и косвенные самоидентифицирующие конструкции, сопровождаются последующими рассуждениями о критериях принадлежности к обозначенной общности и о наиболее типичных особенностях как ее самой, так и ее представителей. Т.е. участники сетевой коммуникации задаются не только вопросом «Кто мы?», но и вопросами «Кого можно назвать россиянами/русскими?» и «Кто такие россияне/русские?», это вопросы «о системе приоритетов и символов, способствующих осознанию общности, сплочению ее в единое целое» [Иссерс, 2022, с. 63].

Показательно, что вопросы идентификации и самоидентификации пользователи социальных сетей достаточно формулируют посредством метафор, в частности, попытки определить, кто же относится к русской нации и каковы ее основные черты, интерпретируются сквозь призму анатомических метафор: *Вскрытие россиянина. Вернёмся к нашим баранам, то есть к «россиянам». В конституции РФ содержится крайне мало информации о том, кто такие россияне* (URL: <https://samolet73.livejournal.com/584716.html>); *Не надоело без конца препарировать титульную нацию (и, лишь ее одну)? Оставьте русских в покое, иначе когда-нибудь, русские побеспокоят вас* (URL: <https://ru-politics.livejournal.com/23865058.html>).

В процессе исследования установлено, что при метафорической самоидентификации пользователи социальных сетей чаще всего апеллируют к сферам-источникам метафорической экспансии «Дом», «Семья», «Организм», «Водоемы» и «Вещества».

1. Сфера-источник «Дом». Домеистическая метафора в русской культуре «связана с позитивными прагматическими смыслами: дом – это укрытие от жизненных невзгод, семейный очаг, символ фундаментальных нравственных ценностей» [Чудинов, 2001, с. 164]. Чаще всего данная метафора используется в процессе выбора между двумя возможными способами самоидентификации – *россияне* и *русские*. В подобных дискуссиях рассуждения строятся по метонимическому принципу аргументации: Россия (целое) и ее граждане (часть), соответственно, поэтому стоит отдать предпочтение лексеме *россияне*, при этом в процессе аргументации государство метафорически описывается пользователями как дом, а его граждане – как жильцы:

- В общем, я пользуюсь обеими словами – и «русский», и «российский».... А как говорите и пишете Вы?

- Суть проблемы непонятна для меня. Когда говорят «жильцы дома №X» никто же не кричит что он Иванов, а не жилец дома ххх. А кто в России живет? Население? Дорогое население..... поздравляем вас с праздником.. (URL: <https://sdelanounas.ru/blogs/24701/>).

Посредством доместической метафоры россияне, наряду с другими народами, характеризуются как жильцы, у каждого из которых есть своя комната в большом и надежном доме – в России: **Россия богата именно множеством народов под верховенством имперскообразующего русского, российского народа. Россия – это русский дом, где малым народам даны комнаты и равные права в государстве русских** (URL: <https://sdelanounas.ru/blogs/24701/?pid=217281>).

2. **Сфера-источник «Семья».** Метафоры данной группы развивают тематику, представленную доместическими метафорами, и реализуют идею заботы и поддержки, взаимодействия членов большой и дружной семьи: **Россия и россияне – это семья Узли. Не самые богатые, потому что радушные и не завистливые. Дружные, любознательные, умные, веселые, готовые принять в свою семью и защитить любого Гарри Поттера (ЛДНР). И даже жизнь за него отдать** (URL: <https://aftershock-1.livejournal.com/14686615.html>).

3. **Сфера-источник «Организм».** Подобные метафоры также позволяют охарактеризовать россиян как единое целое, в частности, как живой и активно развивающийся организм, который невозможно разделить на отдельные составляющие (народы) без серьезного ущерба для него, поскольку каждая его часть выполняет свою функцию: **Россияне – это – разумный живой организм, созданный миллиардами сознаний наших предков** (URL: <https://sofya1444.livejournal.com/1255680.html>); **Нет и не может быть в одной стране «своих» и «чужих». Это единый организм, одна плоть и кровь, как можно выбрать, например, что важнее – рука или нога? Если «перестать кормить» хотя бы один орган, это приведёт к гибели всей целостной системы** (URL: <https://novopashin.livejournal.com/241502.html>).

4. **Сфера-источник «Водоемы».** В процессе самоидентификации пользователи социальных сетей активно используют метафоры крупных водоемов – моря и океана, подобные метафоры указывают на масштабность русской нации, на значительные территории, на которых проживают ее представители, а также на ассимилирующий характер русского этноса, вобравше-

го в себя и объединившего в одно целое малые народы (реки и ручьи): **А русские – это океан, затопивший огромную территорию, принадлежащую другим народам. И при этом народ, не покалечивший при расселении ни одной другой исконной для территории России культуры.** (URL: <https://prostopollitik.mirtesen.ru/blog/43921718073/Nakipelo-russkie-rossiyane-i-migrantyi->); **те 90%, называющих себя русскими, далеко не все великороссы. ... Малороссийская и белорусская остались почти нетронутыми ручейками, а русская Культура вобрала в себя все ручьи и речки и стала океаном** (URL: <https://lsvsx.livejournal.com/1315930.html>).

5. **Сфера-источник «Вещества».** В американской культуре широкое получила концепция «плавильного котла» (англ. *melting pot*), согласно которой формирование американской национальной идентичности трактуется как «переплавка» народов. В русскоязычном сетевом дискурсе схожим образом представляются процессы формирования российской идентичности, в частности, входящие в состав России (плавильного котла) народы воспринимаются как металл, в результате которого образуется особый сверхпрочный сплав: **нынешние русские, россияне – это Сплав славян, варягов-русов, тюрок. Прекрасной легирующей добавкой оказались немцы** (URL: <https://lg-ru.livejournal.com/44279.html>); **Рождение великоросса в «плавильном котле» Россиянии** (URL: <https://rus-vopros.livejournal.com/3389898.html?ysclid=lrq9yxosx5475373654>); **Россия – плавильный котел цивилизаций. Нет, никакой иронии и сарказма. Все абсолютно всерьез. В наших условиях все чужое и пришлое постепенно мутирует, обтесывается, как галька прибрежной волной, а в итоге становится частью уже местной, русской культуры, да еще такой основательной, что фигура с два отковырнешь от основного массива!** (URL: <https://serh.livejournal.com/636974.html>).

Результаты исследования продемонстрировали, что метафора является продуктивным способом самоидентификации в сетевом дискурсе, с ее помощью устанавливаются аналогии между общностью, к которой относят себя участники интернет-коммуникации («россияне/русские»), и сферами-источниками метафорической экспансии. Подобный способ самоидентификации позволяет пользователям выявить значимые для современной ситуации особенности общности («россияне/русские»). Названная общность интерпретируется в сетевом дискурсе как дом, где для каждого этноса есть своя комната, дружная семья, в которой каждый ее член получит поддержку и защиту, единый организм, каждая часть

которого важна для его нормального функционирования, водоем, вобравший в себя реки и ручьи, сплав, полученный в результате переплавки разных металлов. Подобные метафоры акцентируют внимание на пассионарности (см. работы Л. Гумилева и его последователей) русского этноса, способного объединять и ассимилировать другие народы, это доказывает, что стихийная непрофессиональная самоидентификация россиян на современном этапе не противоречит принципам, на которые обращали внимание многие философы, культурологи и социологи. Таким образом, сетевой дискурс является важным ресурсом для изучения процессов стихийной национально-гражданской самоидентификации.

Список литературы

1. Асташкина, П. Г. Речевая репрезентация национальной идентичности в медиа : сопоставительный аспект – Текст : электронный // Ученые записки Новгородского государственного университета. – 2016. – №3 (7). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevaya-representatsiya-natsionalnoy-identichnosti-v-media-sopostavitelnyu-aspekt> (дата обращения: 23.01.2024).

2. Енина, Л. В. Идентичность как дискурсивный концепт и механизмы дискурсивной идентификации / Л. В. Енина // Политическая лингвистика. – 2016. – № 6 (60). – С. 159–167. – Текст : непосредственный.

3. Иссерс, О. С. Дискурсивная самоидентификация россиян в игровых жанрах Рунета (на материале демотиваторов) / О. С. Иссерс // Вестник Томского государственного университета.

Филология. – 2022. – № 79. – С. 59–83. – Текст : непосредственный.

4. Кондратьева, О. Н. Диахроническая метафорология (когнитивно-дискурсивный аспект) : монография / О. Н. Кондратьева. – Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2015. – 238 с. – Текст : непосредственный.

5. Крюкова, С. В., Кожемякин, Е. А. Языковое моделирование национальной идентичности в политическом медиадискурсе (на материале новгородных обращений президента РФ и посланий В.В. Путина к Федеральному Собранию) – Текст : электронный // Современный дискурс-анализ. – 2020. – Вып. 20. – Т. 1. – URL: http://www.discourseanalysis.org/ada20_1/st140.shtml (дата обращения: 03.01.2024).

6. Лаппо, М. А. Самоидентификация : прямое, косвенное эксплицитное и косвенное имплицитное описание идентичности говорящим субъектом / М. А. Лаппо // Вестник Томского государственного университета. – 2013. – № 372. – С. 28–32. – Текст : непосредственный.

7. Слободяник, Н. Б. Конструирование идентичности в политическом дискурсе: к вопросу о роли социального антагонизма (о концепции политического дискурса Лаклау и Муффа) / Н. Б. Слободяник // Политическая лингвистика. – 2007. – Вып. 2 (22). – С. 60–67. – Текст : непосредственный.

8. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) : Монография / А. П. Чудинов. – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2001. – 238 с. – Текст : непосредственный.

DOI: 10.47475/9785727119631_39

А.Р. КОПАЧЕВА / A.R. KORASHEVA
*Московский международный университет
(Москва, Россия)*

ОСОБЕННОСТИ КОНФЛИКТНОГО ДИАЛОГА В ВИРТУАЛЬНОМ МАССМЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

FEATURES OF CONFLICT DIALOGUE IN VIRTUAL MASS MEDIA DISCOURSE

Аннотация

Данная статья посвящена изучению конфликтного дискурса в виртуальных средствах массовой информации. В настоящий момент Интернет занимает одно из самых главных мест в жизни почти каждого человека, предоставляя возможность не только с легкостью находить любую интересующую информацию, но и осуществлять разнообразные виды коммуникации, развивать социальные

связи и воздействовать на широкую аудиторию. С появлением Интернета активно развиваются такие онлайн-платформы, как социальные сети, ставшие в последнее время доступной широкому кругу пользователей инновационной виртуальной площадкой для создания полноценных средств массовой информации. Обширное поле таких СМИ может включать не только социальные сети, но и чаты, видео сайты, блоги, форумы и сайты, ссылающиеся на другие сообщества. Под термином «виртуальный массмедийный дискурс» в данной статье понимается социальное явление, предполагающее упрощенность и доступность представления информации, направленное на конструирование общественных взглядов и представлений массовой аудитории. Вместе с тем, отмечается, что Интернет нередко выступает десоциализирующим фактором, угрожающим функционированию социальных связей, так как в социальных сетях ведут активную деятельность, как правило, анонимные пользователи, которые намеренно публикуют негативные комментарии, чтобы оскорбить или разжечь спор, спровоцировать других интернет-пользователей на конфликтный диалог. В данном исследовании методами автоматизированного извлечения производится статистический анализ эмоционально окрашенной лексики из текстов комментариев к сообщениям виртуальных СМИ с целью выявления конфликтных паттернов.

Abstract

This article is devoted to the study of conflict discourse in virtual media. At the moment, the Internet occupies one of the most important places in the life of almost every person, providing an opportunity not only to easily find any information of interest, but also to carry out various types of communication, develop social ties and influence a wide audience. With the advent of the Internet, such online platforms as social networks are actively developing, which have recently become an innovative virtual platform available to a wide range of users for creating full-fledged media. The vast field of such media can include not only social networks, but also chat rooms, video sites, blogs, forums, and sites linking to other communities. In this article, the term "virtual mass media discourse" is understood as a social phenomenon that involves the simplification and accessibility of the presentation of information, aimed at constructing public views and perceptions of the mass audience. At the same time, it is noted that the Internet often acts as a desocializing factor that threatens the functioning of social relations, since social networks, as a rule, are active anonymous users who deliberately publish negative comments in order to insult or ignite a dispute, provoke other Internet users to a conflict dialogue. In this study, automated extraction methods are used to statistically analyze emotionally colored vocabulary from the text of comments on virtual media reports in order to identify conflictogenic patterns.

Ключевые слова: *массмедиа, массмедийный дискурс, конфликты, виртуальный дискурс.*

Keywords: *mass media, mass media discourse, conflicts, virtual discourse.*

В эпоху повсеместного распространения и использования технологий, предоставляемых сетью Интернет, исследование виртуального массмедийного дискурса представляется одной из наиболее актуальных задач современных научных изысканий. Изучению дискурса средств массовой информации посвящены труды таких российских ученых, как С.И. Бернштейн, Т.Г. Добросклонская, В.Г. Костомаров, Б.В. Кривенко, И.П. Лысакова, Г.Я. Солганик, С.И. Трескова, Д.Н. Шмелев и др.

На данный момент существует множество определений дискурса массмедиа, представленных Н. Ф. Алефиренко, Ю. А. Головиным, А. В., Полонским и многими другими [Алефиренко, 2009; Головин, 2015; Полонский, 2014]. В обобщенном современном понимании данный вид дискурса является феноменом социально-когнитивного и социально-регулятивного характера, оказывающим влияние на общественное сознание и формирующим оценочные мнения

или суждения широкой аудитории реципиентов путем создания и муссирования информации по социально значимым вопросам.

Как отмечает Т.Г. Добросклонская, «концепция медиадискурса охватывает не только вербальное сообщение плюс медиаканал, но и все экстралингвистические факторы, связанные с особенностями создания медиасообщения, его получателя, обратной связи, культурообусловленных способов кодирования и декодирования, социально-исторического и политико-идеологического контекста» [Добросклонская, 2014, с. 181].

Виртуальная среда является одним из каналов массмедийного дискурса, она значительно упрощает и делает более доступным представление информации, направленной на формирование убеждений и принципов членов общества.

Социальные сети, созданные изначально для знакомств, обмена личной информацией и моментами жизни, объединяющие тысячи интернет-пользователей по всему миру, в последнее

время стали полноценной площадкой для функционирования виртуальных средств массовой информации. Пространство социальных сетей становится областью, которой не следует пренебрегать, потому что там находит отражение все, что происходит с людьми и обществом, от беспокойства по поводу непонятных симптомов и радости от воссоединения с другом детства до высказываний по поводу событий, происходящих в стране и мире.

В социальных сетях происходит не только коммуникация с целью найти себя вокруг общих личных или профессиональных интересов. Регистрация в социальных сетях означает вступление в группу, «виртуальное сообщество», в котором люди создают определенные миры и живут ими. Индивиды сливаются в коллектив, теряя «чувство своей индивидуальной ограниченности» появляются феномены внушаемости, заражения, всемогущества и экзальтации положительных или отрицательных аффектов по отношению к человеку или идее.

Несмотря на то, что правилами соцсетей запрещены любые конфликтные проявления и пользователей повсеместно призывают сообщать об оскорбительном контенте, виртуальная среда априори предрасположена к конфликтам и способствует проявлению прямой и пассивной агрессии в сторону оппонентов [Белинская, Илюхина, 2018, с. 65].

Если пользователь соцсети становится неприятным, его можно «удалить» или «заблокировать», он перестает быть видимым, тем самым можно сгладить споры и конфликты, однако коммуникация, построенная на отсутствии противоречий, кажется искусственной и характеризуется некоторой пустотой, отсутствием жизненного процесса.

Тем не менее, те, кто находится перед экранами, являются субъектами внутреннего конфликта. Ничего не происходит до тех пор, пока не появится сигнал, вызывающий конфликт, поскольку именно возникающая информация провоцирует конфликтность субъекта. Подобным сигналом могут быть изображения, статусы, видео, которые, как правило, постоянно публикуются в цифровых массмедиа и производят эффект «заражения», характерный для виртуального мира. Свойством таких сигналов вызывать конфликтную коммуникацию пользуются так называемые «тролли», вступающие в агрессивные дискуссии с фальшивых интернет-профилей, они могут иметь различную мотивацию, но всегда преследуют цель препятствовать конструктивному диалогу.

Так, из статуса или фотографии, размещенных и прокомментированных в социальных сетях, мо-

жет возникнуть настоящая волна ненависти, которая становится «вирусной» и транспонируется в реальность.

В качестве примера можно привести инфоповод от 11 января 2024 г. о коте Твиксе, выброшенном проводницей поезда Екатеринбург – Тихвин во время остановки в Кирове. История Твикса настолько взволновала соцсети, что в итоге, после ожесточенных обсуждений данного события, женщину отстранили от работы и Председатель Следственного комитета А.И. Бастрыкин поручил провести проверку по факту жестокого обращения с животным, после чего по данному факту было возбуждено уголовное дело по статье 245 УК РФ (URL : <https://ria.ru/amp/20240124/tviks-1923310823.html>).

В связи с тем, что виртуальная конфронтация по данному вопросу вышла за пределы Интернета, нам представилось интересным проанализировать особенности конфликтного диалога, приведшего к таким серьезным последствиям.

Текст исходного сообщения, разошедшегося по множеству сообществ социальной сети ВКонтакте, был приблизительно одинаковым: в начале текста был использован один из эмодзи, выражающих отрицательные эмоции «ужас», «печаль» и т.д., что изначально настраивало читателя на негативное восприятие, затем описывалась сама ситуация, что кот (часто использовалось также слово «котейка», имеющее положительную коннотацию), был домашним, ехал со своим хозяином в переноске и имел билет, но в какой-то момент сбежал, «попался проводнице», которая впоследствии, не найдя в вагоне хозяина, выбросила («вышвырнула») животное на мороз.

За двое суток посвященные этому сюжету посты от различных сообществ в соцсети ВКонтакте набрали огромное количество комментариев; мнения людей радикально разделились, в сети развернулись ожесточенные дискуссии, перерастающие в вербальный конфликт. Мы предположили, что данный конфликт был спровоцирован искусственно, с помощью деятельности так называемых «троллей», провоцирующих пользователей на эмоциональные негативные реакции, в связи с чем проанализировали комментарии наиболее активных пользователей на предмет наличия общего негативного паттерна.

Материалом нашего исследования послужили 500 комментариев в сообществе ВК «Знаете ли Вы?» от 180 пользователей за период 20-21 января 2014 г.

Статистический анализ был выполнен в среде R [R: The R Project for Statistical Computing, URL]. В качестве лексиконов использованы базы дан-

ных из пакета Rulexicon, а именно `hash_lemmas_opencorpora` (Таблица лемматизации, созданная на основе отфильтрованного морфологического словаря OpenCorpora), `hash_rusentilex_2017` (Оригинальная таблица общерусского словаря sentiment – RuSentiLex, версия 2017), а также `hash_sentiment_afinn_ru` (Таблица полярностей лексикона на основе AFINN-111, переведенная Романом Юдиным и дополненная Алексеем Романовым) [Afanasyev, 2020, URL].

Результаты анализа выявили общую пропорцию употребления эмоционально окрашенных слов: слова с отрицательной коннотацией составили 50%, нейтральной – 20%, положительной – 30%.

Результаты общего частотного анализа слов: наиболее часто используются: выкинуть (30), ответственность (27), живой (21), тварь (21), мягкий (18), очередь (15), сходить (14), пример (12), смерть (12), тупой (12).

Негативно окрашены: выкинуть (30), тварь (21), смерть (12), выкидывать (8), вина (6), жестокий (6), тупой (6), чужой (6), дура (5), проблема (5).

Нейтральную окраску имеют: очередь (12), сходить (10), ответственность (9), пример (8), открытый (6), друг (5), проблема (5), вспышка (4), минус (4).

Наиболее частые слова с позитивной окраской: живой (21), ответственность (18), мягкий (15), крепкий (8), оправдание (8), нормальный (6), друг (5), оправдывать (4), ответственный (4), открытый (4).

Нами были определены наиболее активные пользователи (10), оставившие как минимум 10 комментариев. По ним была проведена ранжированная оценка (где -5 – наиболее негативный, 0 – нейтральный, +5 – наиболее позитивный) оттенков слов (пользователь-специфичный анализ). Девять из десяти суждений имели отрицательную среднюю оценку, и лишь одно – положительную. Следует отметить, что на основе проанализированного материала общий паттерн в комментариях данных пользователей не выявлен, что свидетельствует скорее об активной гражданской позиции аудитории сообщества, чем о деятельности «троллей».

Также нами было выявлено общее смещение комментариев участников данного конфликтного диалога в сторону негативных оценок, даже без учета тех, которые были удалены администраторами сообщества (по всей видимости, содержащие нецензурную лексику и оскорбительный контент).

Таким образом, поскольку в современном социально-экономическом контексте невозможно избежать конфликтов, соцсети, созданные быть

«миром без конфликтов», убирающие с сайта весь конфликтный контент, сами порой бывают агрессивны и конфронтационны. Проведенный анализ показал, что стимулами, инициирующими конфликтный диалог, являются слова с отрицательной эмоциональной окраской.

Одной из актуальных задач современности остается противодействие основным угрозам, исходящим из сети Интернет: десоциализации, кибермошенничеству, публикациям опасных сообществ, буллингу и троллингу как новым реалиям виртуального дискурса, поэтому перспективами дальнейших исследований представляется выявление общих паттернов инициации конфликтного диалога в виртуальном дискурсе.

Список литературы

1. Алефиренко, Н. Ф. Когнитивно-дискурсивная парадигма языкового знака / Н. Ф. Алефиренко // Язык. Текст. Дискурс: научный альманах. – Ставрополь : Ставропольский гос. пед. ин-т, 2009. – Вып. 7. – С. 7-17. – Текст : непосредственный.
2. Белинская, Е. П., Илюхина, С. Н. Особенности протекания конфликта в виртуальной коммуникации / Е. П. Белинская, С. Н. Илюхина // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». – 2018. – № 1(11). – С. 65-76. – Текст : непосредственный.
3. Головин, Ю.А. Медиабудущее: композиции и компетенции / Ю. А. Головин, О. Е. Коханая // Реклама и связи с общественностью: традиции и инновации. – Ростов-на-Дону : Ростов. гос. ун-т путей сообщения, 2015. – Ч. 1. – С. 34-44. – Текст : непосредственный.
4. Добросклонская, Т. Г. Массмедийный дискурс как объект научного описания / Т. Г. Добросклонская // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки, 2014. – Т. 22. – № 13. – С. 181-187. – Текст : непосредственный.
5. Полонский, А. В. Медиа-дискурс-концепт: опыт проблемного осмысления – Текст : электронный // Современный дискурс-анализ. – 2014. – URL : discourseanalysis.org/ada6/st43.shtml (дата обращения: 22.12.2023).
6. Afanasyev, D. O. An R package ‘rulexicon’: Russian lexicons for text analysis [Электронный ресурс]. – URL : <https://dmafanasyev.github.io/rulexicon/> (дата обращения 23.01.2024)
7. R: The R Project for Statistical Computing [Электронный ресурс]. – URL : <https://www.r-project.org/> (дата обращения: 23.01.2024).

DOI: 10.47475/9785727119631_43

Е.М. КРИЖАНОВСКАЯ / E.M. KRIZHANOVSKAYA

*Пермский государственный национальный
исследовательский университет
(Пермь, Россия)*

**ХАРАКТЕРИСТИКА ОСНОВНЫХ АКСИОЛОГЕМ
ИНТЕРНЕТ-ТЕКСТОВ ЛИДЕРА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
«ЕДИНАЯ РОССИЯ» Д.А. МЕДВЕДЕВА
(ПО МАТЕРИАЛАМ АВТОРСКОГО ТЕЛЕГРАМ-КАНАЛА)**

**CHARACTERISTICS OF THE MAIN AXIOLOGEMES IN INTERNET TEXTS
BY THE UNITED RUSSIA POLITICAL PARTY'S LEADER D.A. MEDVEDEV
(BASED ON THE MATERIALS OF THE AUTHOR'S TELEGRAM CHANNEL)**

Аннотация

В статье представлен содержательно-смысловый, лингвистический и риторический анализ реализации некоторых аксиологем интернет-текстов лидера российской политической партии «Единая Россия» Д.А. Медведева. В работе рассматриваются основные подходы к трактовке понятия «аксиологема», называются базовые ценности современного русского политического сознания, приводятся различные типологии аксиологем политического дискурса, подчеркивается необходимость выявления базовых ценностей и антиценностей мира политики. Изучение интернет-текстов известного российского политика позволило выявить следующие аксиологемы: «Отечество – Россия», «право», «враг», «война», «санкции». В статье содержится интерпретация понятийного содержания аксиологем с позитивной оценкой («Отечество – Россия», «право») и идеологем с негативным аксиологическим модусом «враг», приводится анализ речевого воплощения указанных аксиологем в текстах постов авторского канала социальной сети «Telegram» и краткая характеристика использованных риторических приемов. Автор приходит к выводу о том, что на специфику реализации в интернет-текстах аксиологем Д.А. Медведева оказывают влияние следующие экстралингвистические факторы: деятельность профессионального политика, личностные особенности автора, высокий уровень развития его языковых компетенций, специфика современной интернет-коммуникации и базовые свойства русскоязычного политического дискурса.

Abstract

The article presents a meaningful, semantic, linguistic, and rhetorical analysis of the axiological characteristic of the Internet texts by the «United Russia» political party's leader D.A. Medvedev. The paper examines the main approaches to the axiology's interpretation, names the basic values of modern Russian political consciousness, provides various typologies of political discourse axiology, emphasizes the need to identify the basic political values and anti-values. The study of the Internet texts by the famous Russian politician reveals the following axiology: «Fatherland – Russia», «law», «enemy», «war», «sanctions». The article interprets the conceptual content of axiology with a positive assessment («Fatherland – Russia», «law») and ideology with a negative axiological mode «enemy». The article provides a scrutiny of the speech embodiment of these axiology in the texts of posts of the author's channel in the social network «Telegram». The paper describes rhetorical means used by D.A. Medvedev. The conclusion is made that the specifics of the implementation of D.A. Medvedev's axiology in Internet texts are influenced by the following extralinguistic factors: the activity of a professional politician, the personal characteristics of the author, the high level of his linguistic competencies, the specifics of modern Internet communication, and the basic properties of the Russian political discourse.

Ключевые слова: *политический дискурс, интернет-коммуникация, социальная сеть, авторский телеграм-канал, политический лидер, аксиологема, языковые средства, риторические приемы.*

Keywords: *political discourse, Internet communication, social network, author's telegram channel, political leader, axiology, language means, rhetorical means.*

Общеизвестно, что ценности современной личности активно изучаются в таких науках, как: философия, психология, социология, политоло-

гия, лингвистика и др. В лингвистике изучение ценностей связано прежде всего с исследованием особенностей языковой личности, языковой

картины мира определенного народа, репрезентацией его ментальности в естественном языке и осуществляется преимущественно в рамках лингвокультурологии и лингвоаксиологии. Но поскольку речевое поведение языковой личности в значительной степени обусловлено не только индивидуальными особенностями коммуниканта, но и сферой общения, в настоящее время на первый план выходят дискурсивные исследования коммуникации. При этом, как отмечает В.И. Карасик, «ценностные ориентиры языковой личности прослеживаются в любом из типов дискурса, будь то обыденное или институциональное общение. Вместе с тем в определенных сферах общения личностная специфика оценки проявляется более выражено, чем в других» [Карасик, 2002, с. 39].

Характеризуя составляющие языковой картины политического мира, А.П. Чудинов определяет, что представляет собой система ценностей мира политического сознания: «“Ценность” – это то, что субъекты политической деятельности (конкретные люди, политические движения, партии и др.) считают наиболее важным для себя, к чему они стремятся, за что готовы бороться. Соответственно “антиценность” – это то, что воспринимается как нежелательное, вредное, против чего борются субъекты политической деятельности» [Чудинов, 2008, с. 48]. Исследователь называет следующие основные политические ценности: 1) высшие (человечество и человек), 2) материальные (природные ресурсы, труд и его результаты), 3) ценности социальной жизни (семья, класс, государство и др.), 4) ценности духовной жизни и культуры (идеи, нормы, идеалы и др.), 5) собственно политические ценности (свобода, демократия, права человека и др.).

В работе, посвященной анализу аксиологических оснований современного политического дискурса, Е.Н. Молодыченко исходит из того, что «двумя основными формами существования ценностей являются индивидуальные личностные ценности и общественные идеалы, имеющие надындивидуальный характер, существующие в форме группового представления» [Молодыченко, 2015, с. 11]. Совершенно очевидно, что в политических текстах индивидуальные и общественные ценности могут взаимодействовать и гармонично сочетаться, не противореча друг другу.

Необходимо отметить, что в ряде работ аксиологической направленности отечественных ученых наблюдаются различные интерпретации ключевых понятий. Обычно в лингвокультурологических исследованиях аксиологема рассматривается как концепт, т.е. особое ментальное

образование, единица коллективного знания народа, которая имеет языковое выражение и отмечена этнокультурной спецификой. Так, например, А.А. Кретов и Ю.А. Стародубцева предлагают следующую дефиницию: «Термином аксиологема мы обозначаем те концепты (смыслы), которые воспринимаются носителями языка (точнее – лингвокультуры) как абсолютные ценности и игнорирование которых обществом, обслуживаемым данным языком (в нашем случае – русским), осуждается» [Кретов, Стародубцева, 2016, с. 140].

Н.А. Купина полагает, что «аксиологему целесообразно трактовать как вербальную номинацию ценности, являющейся базовой для индивида; для социальной группы; для национальной лингвокультуры в целом» [Купина, 2021, с. 51]. Т.В. Романова рассматривает идеологеми и аксиологеми русского языкового сознания как определенные знаки культурно значимых смыслов, отмечая при этом, что «в отличие от идеологеми, в аксиологеме как знаке на первый план выступают не денотативно-сигнификативное значение, а ценностно-оценочные коннотации» [Романова, 2019, с. 9]. Впоследствии в процессе изучения текстов, размещенных на официальных интернет-сайтах ведущих российских политических партий «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия», Т.В. Романова приходит к выводу о возможности объединения политических идеологем и аксиологем в «следующие типологические группы: 1) формирующие образ России; 2) формирующие образ политической ситуации в России и мире; 3) отражающие общечеловеческие ценности» [Романова, 2020, с. 188]. В данной статье вслед за Н.А. Купиной аксиологема будет пониматься как вербальный знак базовых ценностей, которые свойственны русскому политическому сознанию и реализуются в русскоязычных политических текстах.

В качестве материала исследования послужили тексты лидера партии «Единая Россия» Д.А. Медведева, размещенные в авторском телеграм-канале за период с 17 марта 2022 года по 31 июля 2023 года и отраженные в 313 постах. Материал исследования был получен в результате сплошной выборки интернет-текстов за указанный период с использованием компьютерной программы оценки частоты лексем в тексте «Стемминг текста» (URL: <https://gsgen.ru>) и функциональных возможностей программы Excel. Общее количество лексем в интернет-текстах выборки составило 8149, была выявлена абсолютная и относительная частота употребления всех выявленных лексем. В процессе изучения интернет-текстов Д.А. Медведева были использованы следующие методы исследования: содер-

жательно-смысловой, сопоставительный анализ, частотный анализ лексем, лингвистический и риторический анализ текстов. При выявлении аксиологем учитывалась частотность употребления лексем, служащих обозначением базовых ценностей известного российского политика.

Анализ текстов телеграм-канала лидера партии «Единая Россия» свидетельствует о том, что абсолютной ценностью для политика обладает все, что имеет отношение к нашему Отечеству – России. Это подтверждается высокой частотностью следующих лексем (здесь и далее в скобках указана относительная частота употребления лексем в текстах – Е.К.): Россия (0,043441), страна (0,039637), государство (0,011903), российский (0,011044), свой (0,073997), наш (0,039391), мы (0,031783) и др. В исследовании Т.В. Романовой аксиологема «Отечество – Россия» является главной из числа идеологем и аксиологем, формирующих образ России: «“Флагманом” данной группы можно считать описательную идеологему русский/ российский, актуализируемый аксиологический модус которой в абсолютном большинстве случаев является положительным» [Романова, 2019, с. 28]. В качестве иллюстрации приведем следующие текстовые фрагменты из постов Д.А. Медведева:

а) «Россия занимает своё место. Это место предназначено ей историей и, если хотите, Господом Богом. Россия – это Россия. И у России своё будущее, своё позиционирование, своя гордость, своя сила, свои возможности, свои проблемы. Поэтому мы не рядом с кем-то, а мы сами по себе. Мы большая, очень значимая и очень хорошая страна (26.03.2024); б) Россия – это наша любимая Родина (15.06.2022); в) Восхищён мужеством наших военнослужащих. Они достойно выполняют свой долг – защищают мир, защищают жизни людей, защищают наше Отечество» (22.07.2022).

В приведенных фрагментах интернет-постов Д.А. Медведева наблюдается частотное употребление лексем Россия, свой, мы, наш. Автор текстов передает свою искреннюю любовь к нашей стране, используя ряды однородных членов, простые двусоставные предложения типа $N_1 - N_2$ (Россия – это Россия; Россия – это наша любимая Родина). В текстах используются такие риторические приемы, как антитеза (мы не рядом с кем-то, а мы сами по себе), эпитеты (большая, очень значимая и очень хорошая страна; наша любимая Родина). Пожалуй, в качестве излюбленного риторического приема автора анализируемых текстов выступает позиционно-лексический повтор, «сущность которого состоит в том, что в синтаксической конструкции (предложении или

сложном синтаксическом целом) несколько раз повторяется синтаксическая позиция (позиции) с одним и тем же лексическим наполнением» [Сковородников, 2003, с. 483]. Прием позиционно-лексического повтора использован в текстовых фрагментах а) и в): своё позиционирование, своя гордость, своя сила, свои возможности, свои проблемы; защищают мир, защищают жизни людей, защищают наше Отечество. Названный прием позволяет автору телеграм-канала акцентировать внимание интернет-пользователей на значимых для политика смыслах и тем самым оказывать воздействие на читателей.

Наряду с этим одной из главных ценностей, постоянно транслируемой автором данного канала, является ценность «право». Частотность лексемы право (0,006627) в текстах Д.А. Медведева объясняется, на наш взгляд, не только деятельностью профессионального политика, лидера ведущей российской партии, но и прежде всего спецификой полученного им высшего образования: известно, что в 1987 году Дмитрий Анатольевич Медведев окончил юридический факультет Ленинградского государственного университета, а затем преподавал в этом вузе до 1999 года. Примечательно, что аксиологема «право» в текстах политика реализуется преимущественно при освещении тем, связанных с участием/ неучастием Российской Федерации в деятельности различных международных организаций и официальной позиции руководства нашей страны при заключении международных договоров разных уровней.

В этом отношении показателен пост автора, датированный 29 июля 2023 года, посвященный выданному Международным уголовным судом (МУС) 17 марта 2023 года в Гааге ордеру на арест Президента РФ В.В. Путина. Этот пост Д.А. Медведева отличается нелицеприятной критикой поведения представителей МУС, автор осуществляет подробный анализ вынесенного в адрес руководителя нашего государства решения международного суда, приводит убедительные аргументы против данного решения и приходит к выводу о его неправомерности и невозможности осуществления. Приведем фрагменты текста названного поста: а) «Судьи убогого МУС продолжают оправдывать своё неисполнимое и поэтому опасное для мира на планете решение о выдаче ордера на арест Президента России. В очередной раз враги нашей страны наплевали на принципы международного права и базовые правила международных отношений. В частности, на нераспространение действия международного договора на те государства, которые в нём не участвуют. Это краеугольный камень права международных до-

говоров, *da i* договорного права в целом; б) Наша страна не имеет никакого отношения к Римскому статуту МУС и не обязана с ним сотрудничать. Его решения для нас ничтожны до тех пор, пока мы добровольно не станем участником этой организации. А этого не произойдёт никогда. Мы презираем МУС и желаем ему скорейшей и мучительной смерти от недееспособности и бессилия; в) Ордеры, прокуроры, процессы против России – всё это забавы наших врагов, *которыми они развлекают себя от бессилия. И всё же надо помнить* – это потенциально опасные игрища. *И* такого рода действия могут в какой-то момент действительно стать *casus belli*» (29.07.2023).

Приведенные текстовые фрагменты доказывают, что автор поста, как юрист с большим опытом профессиональной деятельности, полагает абсолютно неприемлемым игнорирование норм международного права кем-либо в угоду политической конъюнктуры. В тексте поста содержатся резко отрицательные характеристики Международного уголовного суда, его представителей и вынесенных им решений (судьи убогого МУС; неисполнимое и поэтому опасное для мира на планете решение; враги нашей страны наплевали на принципы международного права; его решения для нас ничтожны до тех пор, пока...), автор выражает свое личное (и одновременно большинства российских граждан) негативное отношение к решениям этого суда (Мы презираем МУС и желаем ему скорейшей и мучительной смерти от недееспособности и бессилия) и при этом призывает всех проявлять бдительность, поскольку такие действия международной организации могут привести к развязыванию новой войны (И всё же надо помнить – это потенциально опасные игрища. *И* такого рода действия могут в какой-то момент действительно стать *casus belli*). Выражению авторской позиции в анализируемом тексте способствует употребление разноуровневых языковых единиц: слов и выражений из общественно-политической сферы (МУС, нераспространение действия на..., ордер на арест, президент, принципы международного права, Римский статут, страна и др.), сниженной лексики (наплевали), фразеологического оборота (краеугольный камень), разнообразных атрибутивных словосочетаний, рядов однородных членов предложения, присоединительных синтаксических конструкций, простых двусоставных предложений. Нередко используется прием парцелляции. Отличительной особенностью данного текста является использование фраз на латыни, представляющих собой, по-видимому, крылатые латинские выражения и отдельные формулировки римского права, например: *ludicis est ius*

dicere, non dare; erga omnes; casus belli. Все это, безусловно, свидетельствует о ценности права в языковой картине мира политика.

Отметим, что в текстах Д.А. Медведева актуализированы ценности как с положительным, так и с отрицательным аксиологическим модусом, т.е. так называемые антиценности. К таким явным антиценностям в текстах автора относится идеологема «враг» (0,007486). Синонимами идеологема «враг» в анализируемых текстах нередко выступают следующие слова: американский (0,008099), Европа (0,010553), европейский (0,010922), западный (0,011290), Украина (0,022334), украинский (0,009081), Киев (0,005645), НАТО (0,010308), Польша (0,005031), США (0,014480) и др. Обращает на себя внимание достаточно широкий круг явлений и личностей, подпадающих под понятие врага в текстах лидера партии. В зависимости от актуальной политической повестки к разряду врагов могут быть отнесены любые западные страны, правительства, отдельные политические деятели, чьи недружественные высказывания и действия по отношению к России, ее международной и внутренней политике, ее гражданам подвергаются резкой критике, например: а) «Отвратительной, преступной и аморальной является линия поведения стран Западного мира в отношении России в последние годы (17.03.2022); б) Зеленский заявил о необходимости превентивных ядерных ударов по России (06.10.2022); в) Украинское государство в нынешней конфигурации с нацистским политическим режимом будет представлять *постоянную, прямую и явную* угрозу России (10.10.2022); г) Палата представителей Конгресса США одобрила пакет помощи Украине на сумму 40 млрд долларов. ...*Совершенно очевидно, что «помощь» в таком беспрецедентном масштабе объясняется вовсе не любовью к Украине и даже не поддержкой собственной экономики. Её цель – продолжение *proxu war protiv Rossii*, желание нанести тяжёлое поражение нашей стране, ограничить её экономическое развитие и политическое влияние в мире»* (11.05.2022). В приведенных фрагментах интернет-постов неизменно негативно оцениваются действия и высказывания противников России: стран (фрагменты а) и в)), отдельных деятелей (фрагмент б)) и американских законодателей (фрагмент г)). Антиценностями в текстах Д.А. Медведева являются также идеологема «война» и «санкции».

Таким образом, подводя предварительные итоги проведенного исследования, отметим, что в текстах постов авторского телеграм-канала лидера российской политической партии «Единая Россия» Д.А. Медведева были выявлены акси-

ологемы с позитивной оценкой («Отечество – Россия»; «право») и ценности с негативным аксиологическим модусом («враг», «война», «санкции»). По-видимому, на формирование и реализацию названных аксиологем в интернет-текстах влияют следующие экстралингвистические факторы: деятельность профессионального политика (в прошлом – юриста и преподавателя университета), личностные особенности автора, высокий уровень развития его языковых компетенций, специфика современной интернет-коммуникации и базовые свойства русскоязычного политического дискурса. Однако характер влияния названных факторов требует дальнейшего изучения.

Список литературы

1. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с. – Текст : непосредственный.
2. Кретов, А. А., Стародубцева, Ю. А., Русские аксиологемы по данным МАСа-2 / А. А. Кретов, Ю. А. Стародубцева // Политическая лингвистика. – 2016. – №2 (56). – С. 140-154. – Текст : непосредственный.
3. Купина, Н. А. Аксиология и аксиологический лексикон: к определению и интерпретации понятий / Н. А. Купина // Аксиологические аспекты современных филологических исследований. Тезисы докладов международной научной конференции. / Под ред. Ю. Н. Михайловой. – Екатеринбург : Издательский Дом «Ажур», 2021. – 104 с. – С. 50-52. – Текст : непосредственный.
4. Молодыхенко, Е. Н. Аксиологические основания политического дискурса / Е. Н. Молодыхенко // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. – 2015. – №1 (215). – С. 9-17. – Текст : непосредственный.

5. Романова, Т. В. Идеологемы и аксиологемы русского языкового сознания как отражение констант и динамики национальной ментальности: Монография / Т. В. Романова. – Нижний Новгород : ДЕКОМ, 2019. – 120 с. – Текст : непосредственный.

6. Романова, Т. В. Ценности и антиценности в аксиосфере российского институционального политического дискурса / Т. В. Романова – Текст : электронный // Медиалингвистика. Вып. 7. Язык в координатах массмедиа, этики и права: матер. IV Междунар. научн. конференции (Санкт-Петербург, 9–12 ноября 2020 г.) / науч. ред. Л. Р. Дускаева, отв. ред. В. В. Васильева. – Санкт-Петербург : Медиапир, 2020. – 280 с. – С. 188-191. – URL : https://medialing.spbu.ru/upload/files/file_1604792357_6325.pdf (дата обращения: 20.01.2024).

7. Сковородников, А. П. Позиционно-лексический повтор / А. П. Сковородников // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. – Москва : Флинта : Наука, 2003. – 848 с. – С. 483-484. – Текст : непосредственный.

8. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие / А. П. Чудинов. – 3-е изд., испр. – Москва : Флинта : Наука, 2008. – 256 с. – Текст : непосредственный.

DOI: 10.47475/9785727119631_47

Е.А. КРОХАЛЕВА, М.А. САМКОВА / E.A. KROKHALEVA, M.A. SAMKOVA

*Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)*

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЁН В МУЛЬТИПЛИКАЦИОННОМ ДИСКУРСЕ

THE FUNCTIONING OF PRECEDENT NAMES IN CARTOON DISCOURSE

Аннотация

Мультипликационный дискурс представляет собой уникальный вид коммуникации, основанный на использовании анимации, мультфильмов и других форм мультимедийного искусства. В этом контексте играют ключевую роль прецедентные имена, которые добавляют глубину и смысл произведениям. В данной статье исследуются особенности функционирования идей прецедентности и концепции прецедентных имен в мультипликационном дискурсе. Раскрывается понятие «прецедент-

ные имена», авторы анализируют специфику использования прецедентных имен в мультипликационных произведениях, их роль в создании образов персонажей и передаче определенной идентичности. Особое внимание уделяется влиянию культурных и исторических контекстов на интерпретацию и восприятие прецедентных имен в мультипликационном дискурсе. В результате исследования делается вывод о том, что прецедентные имена играют важную роль в формировании образов и сюжетов мультипликационных произведений, а их особенности функционирования связаны с особенностями мультипликационного дискурса.

Abstract

Cartoon discourse is a unique type of communication based on the use of animation, cartoons and other forms of multimedia art. In this context, precedent names play a key role, which add depth and meaning to the multimedia works. This article examines the functioning and the concept of precedent names in cartoon discourse. The authors analyze the role of precedent names in animated films, i.e., in creating images of characters and transmitting a certain identity. The cultural and historical contexts influence the interpretation and perception of precedent names in cartoon discourse. It is concluded that precedent names play an important role in the formation of images and plots of animated works, and their functioning depend on the features of cartoon discourse.

Ключевые слова: мультипликационный дискурс, интертекстуальность, прецедентность, прецедентное имя, культурный кроссовер.

Keywords: cartoon discourse, intertextuality, precedent, precedent name, cultural crossover.

Прецедентные имена являются важным элементом мультипликационного дискурса, они обогащают его, делая более насыщенным и интересным. Согласно Ю. Н. Караулову, прецедентные имена фиксируют определенные аспекты национальной картины мира, связанные с процессами номинации [Караулов, 1987, с. 74]. Наиболее подробное освещение явление прецедентности получило в трудах Д. Б. Гудкова, опирающегося на более ранние работы в этой области, а также теорию интертекстуальности русского философа М. М. Бахтина и французской исследовательницы литературы и языка Ю. Кристевой.

Прецедентные имена – это «широко известные имена собственные, которые используются в тексте не для обозначения конкретного человека (города, населенного пункта, предприятия, организации и т. д.), а в качестве своеобразного культурного знака, символа определенных качеств, свойств» [Гудков, 2003, с. 91].

Под прецедентным именем исследователь понимает «индивидуальное имя, связанное: а) с широко известным текстом, относящимся, как правило, к числу прецедентных; б) с ситуацией, широко известной носителям языка и выступающей как прецедентная» [Гудков, 2003, с. 106]. Прецедентные имена уже имеют устоявшийся смысл или ассоциации в общественном сознании. В мультипликационном дискурсе такие имена играют особую роль, их использование может быть ключевым фактором в создании успешного мультфильма.

В 2018 году вышел первый словарь, специально посвященный прецедентным высказываниям и именам из мультфильмов – «Не смещите

мои подковы», – созданный С. Г. Шулежковой и ее учениками. В него включены, например, такие употребительные в коммуникации высказывания: «Спокойствие, только спокойствие», «Пустяки, дело житейское», «Мужчина в самом расцвете сил», «Ребята, давайте жить дружно!» и т. п. [Ли Хуэй, 2021, с. 237].

Таким образом, прецедентные имена, с одной стороны, являются частью когнитивной базы носителя языка, с другой стороны – относятся к классу имен собственных. Иными словами, прецедентные имена – это лингвистические единицы, которые несут в себе культурно-историческую информацию. В контексте мультипликационного дискурса это могут быть персонажи, объекты или даже определенные сцены, которые приобрели культурное значение и стали узнаваемыми для широкой аудитории.

Источником настоящего исследования послужили особенности функционирования прецедентных имен в мультипликационном дискурсе. Прецедентные имена в мультипликационном дискурсе играют значимую роль в формировании интересных и запоминающихся сюжетов. Взаимодействие с этими именами позволяет создателям мультфильмов раскрывать сложные сюжетные дуги, придавая произведению глубину и многогранность. Рассмотрим функции прецедентных имен в мультипликационном дискурсе. Прецедентные феномены выполняют экспрессивную и эмоционально-оценочную функцию. Прецедентные имена способны к созданию эмоциональной реакции у зрителя. Например, имя героини мультфильма «Коты Эрмитажа» *Клеопатра* создает образ гордой, умной и власт-

ной красавицы. Использование этого имени в мультфильме помогает зрителю лучше понять поведение персонажа и вызывает у зрителя положительные эмоции.

В мультипликационном дискурсе прецедентные имена часто используются для создания комических ситуаций или для передачи определенных черт характера персонажей [Ли Хуэй, 2021, с. 237]. Имиджеобразующая функция заключается в том, что прецедентные имена могут служить ориентиром для создания позитивного имиджа персонажа мультфильма и раскрытия его характера [Терских, 2003, с. 20–22]. Герой, именованный в честь великого ученого или художника, может обнаружить свои таланты и страсти, что создает интересные истории и развитие персональных черт. Используя такие имена, создатели мультипликационных фильмов могут быстро и эффективно передать зрителю информацию о характере или происхождении персонажа. Дети, просматривая фильм, узнают о великих литераторах и их вкладе в культуру. Это способствует обучению и воспитанию через искусство. Авторы мультипликационного фильма «Коты Эрмитажа» нарекли других героев именами деятелей искусства: *Винсент* как апелляция к Винсенту Ван Гогу, *Моррис* как апелляция к Уильяму Моррису. Благодаря просмотру мультфильма маленькие зрители смогут погрузиться в культуру и историю мира и осознать важность сохранения мирового культурного наследия. В мультфильме «Рататуй» главный герой, *крыса по имени Реми*, назван в честь известного французского повара Реми Луамбель. Имя подчеркивает талант и страсть героя к кулинарии, что дает возможность для интересных приключений и развития его характера во время фильма.

Моделирующая функция формирует представления о мире в виде модели. Прецедентные имена – важная часть национальной языковой картины мира. С их помощью тому или иному реальному лицу приписываются определенные качества, эталонным носителем которых выступает прецедентное имя. Например, герой, вдохновленный именем великого изобретателя или художника, может пройти через эволюцию, открывая новые стороны своей личности и талантов. Это создает интересный путеводитель для зрителя [Нахимова, 2007, с. 78]. Примером моделирующей функции может послужить история пса Рекса из мультфильма «Королевский корги». Прецедентное имя *Рекс (Rex)* в переводе с латинского языка означает «царь». Вследствие борьбы за место первого пса главный герой мультфильма попадает в сложные перипетии, из уютного королевского дворца он попадает в уютный для

бездомных животных. Но вера в себя и сила духа помогает ему решить проблемы и стать первым псом королевы Великобритании Елизаветы II.

Интертекстуальная и текстопорождающая функция выявляется тогда, когда прецедентные имена вводятся в мультипликационный фильм через интертекстуальные связи, создавая сюжетные переплетения. Герои могут пересекаться с персонажами из других произведений, что добавляет сложности и интриги к основной истории [Фатеева, 2000, с. 153]. Примером такого использования прецедентных имен в мультфильмах может служить персонаж *Сид из мультсериала «Игра престолов»*, который пересекается с персонажем *Сидом из мультфильма «Ледниковый период»*. Это создает интертекстуальную связь между двумя разными мультмирами и добавляет сложности к основной истории обоих персонажей.

Один из основных этапов исследования прецедентных феноменов является выявление основных сфер, которые выступают источниками прецедентности в мультипликационном дискурсе. К таким сферам относятся литература, кинематограф, музыка, театр, политика, религия, фольклор, наука, спорт, телевидение, радио, а также мода. А прецедентные имена, взятые из истории или мифологии, становятся основой для создания увлекательных сюжетных линий. В мультипликационных персонажах отражается характер исторических личностей или мифологических героев, события в мультипликационном фильме могут напоминать действия и подвиги, отраженные в мифах или совершенные историческими личностями. Примером могут послужить имя героини мультфильма «Коты Эрмитажа» – Клеопатра. Другим примером такого использования прецедентных имен может служить мультипликационный фильм «Три богатыря». Имя коня Юлий представляет собой аллюзию к римскому императору Гаю Юлию Цезарю. Этот персонаж умен и умеет действовать стратегически, что помогает ему преодолевать трудности и достигать поставленных целей.

Также в мультипликационном дискурсе наблюдается наличие культурных кроссоверов при использовании прецедентных имен из разных культур. Персонажи, вдохновленные различными культурными фигурами, могут объединяться в уникальных приключениях, предоставляя зрителям разнообразную и культурно насыщенную картину [Семенченко, 2016, с. 4]. Мультфильм «Шрек» от студии Dream Works Animation также является примером использования прецедентных имен и создания культурного кроссовера. Главный герой, Шрек, представляет собой огра, который выделяется из типичного представления

о принцах и принцессах в сказках. В то время как сказки обычно основаны на европейских историях, «Шрек» пародирует эти стереотипы и включает персонажей из разных культурных фонов. Например, Фиона – принцесса, которая оборачивается в огра по ночам, имеет прецедентное имя с кельтскими корнями. В мультипликационном фильме встречаются персонажи из классических сказок, таких как «Красная Шапочка», «Три поросенка», «Золушка», «Пинокио». Они были адаптированы и переосмыслены в контексте мультфильма «Шрек». Как видим, «Шрек» представляет собой уникальную смесь культурных прецедентных имен, которая привлекает внимание зрителей разных возрастов и культурных фонов.

Таким образом, прецедентные имена играют важную роль в мультипликационном дискурсе, обогащая его эмоциональными реакциями, устанавливая связь с реальными ассоциациями в общественном сознании и характеризуя персонажей. Использование таких имен требует тонкого эстетического чувства, которое может значительно обогатить мультипликационный дискурс и сделать его более интересным для зрителя. Кроме того, прецедентные имена становятся частью культурного наследия. Они служат не только развлечением, но и памятником определенной эпохи, обогащая культурное наследие и сохраняя историческую ценность культурных феноменов.

Список литературы

1. Гудков, Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д. Б. Гудков // Теория и

практика межкультурной коммуникации. – Москва : Гнозис, 2003. – 288 с. – Текст : непосредственный.

2. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – Москва : Наука, 1987. – 261 с. – Текст : непосредственный.

3. Ли Хуэй. Прецедентные имена из мультфильмов в современной речи : статус, особенности функционирования, семантика / Ли Хуэй // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2021. – № 202. – С. 236-242. – Текст : непосредственный.

4. Нахимова, Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации: монография / Е. А. Нахимова. – Екатеринбург : Уральский гос. пед. ун-т, 2007. – 207 с. – Текст : непосредственный.

5. Семенченко, Е.В. Классический кроссовер как объект массовой культуры / Е. В. Семенченко // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2016. – № 1 (63). – С. 165-168. – Текст : непосредственный.

6. Терских, М. В. Реклама как интертекстуальный феномен: автореф. дис. канд. филол. наук / М. В. Терских. – Ом. гос. ун-т. – Омск, 2003. – 26 с. – Текст : непосредственный.

7. Фатеева, Н. А. Контрапункт интертекстуальности, или интертекст в мире текстов / Н. А. Фатеева. – Москва : Агар, 2000. – 280 с. – Текст : непосредственный.

DOI: 10.47475/9785727119631_50

Н.Ю. КУЗНЕЦОВА / N.Yu. KUZNETSOVA

*Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)*

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В НЕМЕЦКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

LINGUISTIC MEANS OF EXPRESSING POLITICAL IDENTITY IN GERMAN POLITICAL DISCOURSE

Аннотация

В статье рассматриваются языковые средства актуализации политической идентичности в немецком политическом дискурсе. Под идентичностью понимается способность индивида рассматривать себя часть социально-культурного мира. Одной из форм идентичности является политическая идентичность, т.е. включенность индивида в политические процессы, принятие или отвержение какой-либо политической позиции. Политическая идентичность наиболее ярко и полно раскрывается в процессе политической коммуникации, а именно в политическом дискурсе, в содер-

жание которого входят речевые акты, функционирующие в политическом пространстве. Язык в политическом дискурсе рассматривается как средство выражения своей точки зрения, а также как инструмент влияния на адресата и формирования его политической позиции. На материале политических статей из немецких СМИ выявляются и анализируются лингвистические средства актуализации политической идентичности, а именно личные местоимения, эксплицитное и имплицитное противопоставление, эргонимы и метафора. Эти грамматические и лексические средства позволяют адресанту выразить свою политическую идентичность, а также воздействовать на адресата с целью формирования его политической идентичности.

Abstract

The article examines the linguistic means of updating political identity in German political discourse. Identity refers to the ability of an individual to consider himself part of the socio-cultural world. One of the forms of identity is political identity, i.e. an individual's involvement in political processes, acceptance or rejection of any political position. Political identity is most clearly and fully revealed in the process of political communication, namely in political discourse, the content of which includes speech acts operating in the political space. Language in political discourse is considered as a means of expressing one's point of view, as well as a tool for influencing the addressee and shaping his political position. Using the material of political articles from German media, linguistic means of actualizing political identity are identified and analyzed, namely personal pronouns, explicit and implicit opposition, ergonyms and metaphor. These grammatical and lexical means allow the addressee to express his political identity, as well as influence the addressee in order to form his political identity.

Ключевые слова: идентичность, политическая идентичность, политический дискурс, адресат, оппозиция «мы-они», эмоциональность, экспрессивность.

Keywords: identity, political identity, political discourse, addressee, "us-them" opposition, emotionality, expressiveness.

В настоящее время вопрос идентичности изучается не только в политологии, но и в социологии, психологии, лингвистике и филологии. Этот термин был введен в научный обиход Э. Эриксоном, который в философском понимании рассматривал идентичность как процесс включенности личности в многообразие социально-культурного мира, как определенную форму ответственности человека и культуры [Эриксон, 1996].

По мнению отечественных и зарубежных исследователей, феномен идентичности характеризует самосознание граждан как членов определенного государственного сообщества. В настоящее время индивид имеет в своем распоряжении разнообразные форматы идентичности, которые могут взаимодействовать и дополнять друг друга. При определенных обстоятельствах один из форматов идентичности может стать основным, доминирующим, структурирующим сознание. В современном социуме проблема изучения и формирования национальной и политической идентичности является одной из самых актуальных.

Политическая идентификация представляет собой понимание индивидом себя как субъекта политического процесса, включение в него, а также принятие (или в некоторых случаях отвержение) какой-либо политической позиции, ценностей, установок в совокупности с признанием этого остальными участниками политических отношений. Политическая идентификация про-

исходит в ходе политической социализации, результатом чего в итоге является формирование своей системы взглядов, соотнесение их с политическими объектами и группами, т.е. осознание своей политической идентичности [Гусев, 2014]. Политическая идентичность является одной из важнейших установок политического сознания людей, которая позволяет им формировать свое отношение не только к происходящим политическим событиям, но и к представлениям о прошедших исторических политических событиях и к будущим политическим проектам [Попова, 2015, с. 5].

Нам представляется интересным рассмотреть примеры актуализации политической идентичности на материале немецкого политического дискурса. Тема политического дискурса является довольно сложной, поскольку она лежит на пересечении таких дисциплин, как политология, социальная психология и лингвистика. Вслед за В.И. Карасиком, мы понимаем под дискурсом «общение в заданных рамках статусно-ролевых отношений», а под целью рассматриваемого нами политического дискурса – завоевание и удержание власти [Карасик, 2000]. В содержание политического дискурса входят речевые акты, непосредственно функционирующие в политическом пространстве. Это широкое понимание содержания политического дискурса позволяет отнести к нему как устные, так и письменные тексты, ко-

торые создаются не только профессиональными политическими деятелями, но и журналистами, а также неспециалистами [Равочкин, 2018].

Политический дискурс характеризует строгая система статусно-ролевых отношений, где каждой группе свойственен собственный политический язык. Понимание того или иного политического языка позволяет идентифицировать индивида с конкретной группой, стратой. Язык в политическом дискурсе является инструментом влияния на адресата. Манипуляция мнением проявляется в используемых адресантом и неосознаваемых адресатом вербальных и невербальных сигналах, служащих для формирования мнения через специфический языковой образ. Эмоциональная, оценочная составляющая становится важнее рациональной. В политическом дискурсе имеется особый словарь, состоящий из специальных терминов, относящихся к данной предметной сфере, типовые контексты словоупотреблений.

В последнее время зарубежными и российскими учеными были опубликованы интересные исследования различных видов идентичности и способов их актуализации в политическом дискурсе. Например, немецкий лингвист А. Бшляйпфер выделяет морфологические и лексические средства выражения национальной идентичности, среди которых рассматривает *национимы, топонимы, обозначение группы, личное имя, название фирмы* [Bschleipfer 2010]. Е.Н. Азначеева анализирует маркеры политической идентичности в обществе, выявляет продуктивные словообразовательные модели, а также лингвистические средства, маркирующие границу «свой» – «чужой» [Азначеева, 2022]. В статье Елизарьевой М.А., Нагумановой И.А., Чигашевой М.А., Гончаровой Н.А. исследуются способы актуализации национальной идентичности немецкого политического деятеля и выявляются культурно-маркированные лексические средства демонстрации национальной идентичности политика – топонимы, политонимы, этнонимы, официонимы и др. [Елизарьева, Нагуманова, Чигашева, Гончарова, 2023].

По мнению политолога О.В. Поповой, фундаментальной базой для формирования коллективной, или групповой, политической идентичности является оппозиция «мы» – «они» или «свои» – «чужие». Кроме того, существуют так называемые «другие», отношения к которым могут проявляться в различных аспектах, от принятия этих «других» как «иных» до восприятия «других» как врага [Попова, 2018].

Именно эта оппозиция находит наиболее эксплицитное отражение в немецком политическом дискурсе путем употребления в первую

очередь противопоставления личных местоимений «мы» – «они»/«вы» или притяжательных местоимений: «наш» – «ваш»: «Den Extremisten rufen **wir** zu: Nie wieder werdet **ihr** in der Mehrheit sein!» («Мы заявляем экстремистам: Никогда вы не будете в большинстве!»). «**Unsere** Demokratie ist nicht gottgegeben. Sie ist menschengemacht. Sie ist stark, wenn **wir** sie unterstützen. Und sie braucht **uns**, wenn sie angegriffen wird.» («Наша демократия не дана нам богом. Она создана людьми. Она сильна, если мы ее защищаем. Она нуждается в нас, если на нее нападают») (URL: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/afd-rechtsextremismus-deutschland-zehntausende-bei-demonstrationen-a-502fad84-2f8a-4c6f-898b-34b03d533258>). Необходимо также отметить наличие смысловых противопоставлений во втором примере (бог – люди, дана – создана, защита – нападение), употребление которых в коротких предложениях придает высказыванию динамичность и эмоциональность.

Оппозицию в политическом дискурсе могут составлять также основополагающие культурные ценностные категории, такие как религиозная принадлежность, в контексте современной Германии – христианство и ислам: «Die Mehrheit der Deutschen (54 Prozent) ist der Meinung, dass sich Geflüchtete aus dem **christlichen** Kulturkreis leichter in Deutschland integrieren lassen als solche aus der **islamischen** Kultur.» («Большинство немцев (54 процента) считают, что беженцам из **христианской** культуры будет легче интегрироваться в Германию, чем беженцам из **исламской** культуры.») (URL : https://www.focus.de/politik/deutschland/ergebnis-einer-umfrage-deutsche-stehen-ukraine-gefluechteten-positiver-gegenueber-als-anderen-migranten_id_77665450.html). Нейтральные понятия «христианская культура» и «исламская культура», обозначающие принадлежность беженцев к определенному мировоззрению, бытующему у них на родине, используются в данном контексте как антонимы, одни беженцы противопоставляются другим. Автор разделяет две культуры на близкую немецкой – христианскую, «свою», – и исламскую – чуждую, «чужую», причем предпочтение отдает первой, говоря о ее представителях как о более легко интегрируемых.

Для выражения позиции политического деятеля может быть использовано имплицитное противопоставление лексем «мигрант» и «проблема безопасности», как в следующем примере: «Angeichts der Zahl an **Migranten**, die täglich einreisen, gebe es in Deutschland ein **Sicherheitsproblem**, sagte Baden-Württembergs Innenminister Thomas Strobl der Stuttgarter

Zeitung.» («Учитывая количество **мигрантов**, которые ежедневно въезжают в Германию, в Германии существует **проблема безопасности**, сказал министр внутренних дел Баден-Вюртемберга Томас Штробль.») (URL: <https://jungefreiheit.de/politik/deutschland/2022/fluechtlinge-miesbach/>). Хотя лексема «мигрант» является нейтральной, тем не менее, в контексте она оказывается в оппозиции к словосочетанию «проблема безопасности», что вызывает опасения по поводу числа мигрантов и негативное отношение к ним у адресата.

Оппозиция «мы – они» часто выражается при помощи эргонима для обозначения оппонента: «In Düsseldorf stand die Demonstration unter dem Motto „Gegen **die AfD – Wir** schweigen nicht. **Wir** schauen nicht weg. **Wir** handeln!“» («В Дюссельдорфе прошла демонстрация под девизом «Против АдГ – мы не молчим. Мы не отворачиваемся. Мы действуем!»») (URL: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/afd-rechtsextremismus-deutschland-zehntausende-bei-demonstrationen-a-502fad84-2f8a-4c6f-898b-34b03d533258>). Данный пример иллюстрирует противопоставление партии АдГ (Альтернатива для Германии), под которой понимается политический противник, и местоимения «мы», людей с противоположной политической позицией. Кроме того, этот девиз демонстрирует также в своей семантике оппозицию активного действия бездействию, что придает высказыванию дополнительную эмоциональность.

Необходимо еще раз подчеркнуть тот факт, что лингвистические средства эмоциональности широко используются в политическом дискурсе, поскольку целью политической коммуникации является воздействие на адресата, убеждение и формирование его отношения и позиции. Так, в высказывании политика Б. Писториуса, представляющего партию SPD (Социал-демократическая партия Германии), наряду с имплицитным противопоставлением себя тем, «другим», политическим противникам, используется яркая метафора «темные времена», которые должны с этими противниками ассоциироваться: «Das heißt nichts anderes als, **sie** wollen zurück **in die dunklen Zeiten des Rassenwahns, der Diskriminierung, der Ungleichheit und des Unrechts.**» («Это означает не что иное, как то, что они хотят обратно в темные времена расизма, дискриминации, неравенства и несправедливости») (URL: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/afd-rechtsextremismus-deutschland-zehntausende-bei-demonstrationen-a-502fad84-2f8a-4c6f-898b-34b03d533258>).

Использование в политическом дискурсе разговорной лексики также добавляет эмоционально-экспрессивную оценку высказыванию. В следую-

щем примере отражается негативное отношение автора к международному женскому дню и борьбе женщин за равные права: «Wieder viel **Tamtam** um Frauentag und „GenderPayGap.« («Снова много **шумихи** по поводу женского дня и гендерного разрыва оплаты труда») (URL: <https://www.faz.net/aktuell/finanzen/warum-sich-frauen-um-ihre-finanzen-kuemmern-sollten-17871009.html>). В этом примере также наблюдается противопоставление разговорного слова «шумиха», которое обычно сопровождается негативной коннотацией, и международного женского дня 8 марта, которому сопутствует положительная коннотация. Такое противопоставление ведет к тому, в восприятии адресата этот праздник обесценивается.

Таким образом, рассмотренные нами грамматические и лексические средства позволяют адресанту выразить свою политическую идентичность и создать условия для воздействия на адресата с целью формирования его политической идентичности.

Список литературы

1. Азначеева, Е. Н., Мамонова, Ю. В. Маркирование семиотической границы «свой – чужой» как средство дискурсивного конструирования идентичности субъекта – Текст: электронный // Russian Linguistic Bulletin. – 2022. – №3(31). – URL : <https://rulb.org/archive/3-31-2022-july/10.18454/RULB.2022.31.20> (дата обращения 20.01.2024).
2. Гусев, А. С. Формирование политической идентичности в современной России : на примере Санкт-Петербурга и Амурской области : автореферат дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Гусев Артём Сергеевич. – Санкт-Петербург, 2014. – 24 с. – Текст : непосредственный.
3. Елизарьева, М. А., Нагуманова, В.А., Чигашева, М.А., Гончарова, Н.А. Демонстрация национальной идентичности политика при помощи культурно-маркированной лексики // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2023. – Т. 29. – № 3. – С. 195–204. – Текст : непосредственный.
4. Карасик, В. И. О типах дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. – Волгоград : Перемена, 2000. – С.5-20. – Текст : непосредственный.
5. Попова, О. В. Политическая идентичность молодежи Санкт-Петербурга (по итогам эмпирического политического исследования, ноябрь 2013г.) / О. В. Попова // Вестник СПбГУ. Сер. 6. – СПб., 2015. – № 1. – С. 4-13. – Текст : непосредственный.

6. Попова, О. В. Модели идентичности акторов в современной России / О. В. Попова // Политическая наука. – 2018. – № 2. – С. 173-194. – Текст : непосредственный.
7. Равочкин, Н. Н. Особенности политического дискурса – Текст : электронный // Вестник КГУ. – 2018. – №3. – С. 244-250. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-politicheskogo-diskursa> (дата обращения: 27.04.2022).
8. Эриксон, Э. Идентичность : Юность и кризис / Э. Эриксон / Общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. – М. : Прогресс, 1996. – 344 с. – Текст : непосредственный.
9. Bschiepfer, A. Der «caso Parmalat» in der Berichterstattung italienischer Print- und Rundfunkmedien. / A. Bschiepfer // Eine Studie zur sprachlichen Markierung von Corporate Identity, lokaler und nationaler Identität. – Frankfurt am Main : Peter Lang, 2010. – 458 S. – Текст : непосредственный.
10. Deutsche stehen Ukraine-Geflüchteten positiver gegenüber als anderen Migranten – Текст : электронный // Focus [официальный сайт]. – URL : https://www.focus.de/politik/deutschland/ergebnis-einer-umfrage-deutsche-stehen-ukraine-gefluechteten-positiver-gegenueber-als-anderen-migranten_id_77665450.html. (дата обращения: 04.04.2022).
11. Frauen, kummerteuchselbstumeureFinanzen! – Текст : электронный // Frankfurter Allgemeine Zeitung [официальный сайт]. – URL : <https://www.faz.net/aktuell/finanzen/warum-sich-frauen-um-ihre-finanzen-kuemmern-sollten-17871009.html>. (дата обращения: 20.03.2022).
12. Junge Freiheit – Текст : электронный [официальный сайт]. – URL : <https://jungefreiheit.de/politik/deutschland/2022/fluechtlinge-miesbach/>. (дата обращения 05.04.2023).
13. Zehntausende protestieren gegen Rechtsextremismus – Warnung vor der AfD – Текст : электронный // Spiegel [официальный сайт]. – URL : <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/afd-rechtsextremismus-deutschland-zehntausende-bei-demonstrationen-a-502fad84-2f8a-4c6f-898b-34b03d533258>. (дата обращения: 20.01.2024).

DOI: 10.47475/9785727119631_54

С.Л. КУШНЕРУК, Е.О. ВАСИЛЬЕВА / S.L. KUSHNERUK, E.O. VASILYEVA

*Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)*

ФОНОВАЯ СЕМАНТИКА ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЁН КАК ОСНОВА МИРОМОДЕЛИРОВАНИЯ В ПЕСЕННОМ ДИСКУРСЕ

BACKGROUND SEMANTICS OF THE PRECEDENT NAMES AS THE BASIS OF WORLD- MODELING IN THE SONG DISCOURSE

*Исследование выполнено при поддержке
Фонда перспективных научных исследований ФГБОУ ВО «ЧелГУ» 2024 г.
The research is supported by the Foundation for Advanced Scientific Research at
Federal State Educational Institution of Higher Education “CSU” in 2024*

Аннотация

Данная статья посвящена изучению миромоделирования как результата актуализации фоновой семантики прецедентных имен в песенном дискурсе. Даются определения терминам «мирмомоделирование» и «прецедентный феномен», приводится трактовка понятия текстового мира. Систематизируются основные характеристики прецедентных феноменов и прецедентного имени как значимой разновидности онимов. Раскрывается содержание понятий семантической многоплановости и семантической структуры прецедентного имени. Подчеркивается, что сигнификат представляет собой наиболее важный элемент фоновой семантики имени, так как в него входят коннотации, благодаря которым имя получает статус прецедентного. На основе анализа конкретных примеров, взятых из текстов песен англо- и русскоязычного песенного дискурса, демонстрируется, что прецедентное имя обладает миромоделирующим потенциалом и выступает важным средством формирования ассоциативно-образного поля текстового мира. Доказано, что это проис-

ходит за счет сложноорганизованной системы дифференциальных признаков, актуализация которых существенно усложняет модели мира, представленные в песенном дискурсе.

Abstract

This article is devoted to the study of world-modeling as a result of the actualization of the background semantics of precedent names in song discourse. The definitions of the terms “world-modeling” and “precedent phenomenon” are given, and the interpretation of the concept of the textual world is explained. The main characteristics of precedent phenomena and the precedent name as a significant variety of onyms are systematized. The content of the concepts of semantic multidimensionality and the semantic structure of the precedent name is revealed. It is emphasized that the signifier is the most important element of the background semantics of the name, since it includes connotations, thanks to which the name becomes precedent. Based on the analysis of specific examples taken from the lyrics of English- and Russian-language song discourse, it is demonstrated that the precedent name has a world-modeling potential and acts as an important means of forming an associative-figurative field of the textual world. It is proved that this happens due to a complexly organized system of distinctive features, the actualization of which significantly complicates the models of the world presented in the song discourse.

Ключевые слова: миромоделирование, прецедентный феномен, прецедентное имя, миромоделирующий потенциал прецедентного феномена, текстовый мир, фоновая семантика, песенный дискурс.

Keywords: world-modeling, precedent phenomenon, precedent name, world-modeling potential of precedent phenomenon, textual world, background semantics, song discourse.

Миромоделирование – сложный когнитивный и языковой процесс, направленный на создание картины мира, которая находит воплощение в текстовых формах. Понятие активно разрабатывается в современной дискурсологии (М.Р. Бабикина, С.В. Волошина, Л.М. Гриценко, Т.А. Демешкина, А.В. Дмитриева, Е.С. Курукалова, А.В. Курьянович, М.А. Курочкина, С.Л. Кушнерук, В.В. Лабутина, О.В. Орлова, А.В. Проскурина, Е.А. Серебrenникова, Т.Е. Цимбалова, Е.О. Шевелева и др.). Принципиально речь идёт о когнитивном и дискурсивном аспектах миромоделирования, двуединство которых обозначается терминосочетанием «когнитивно-дискурсивное миромоделирование» [Кушнерук, 2022, с. 22].

Когнитивный аспект миромоделирования обусловлен процессами обработки поступающей информации. Это предполагает её структурирование в сознании человека и появление ментальной репрезентации. Дискурсивный (языковой) аспект связан с воплощением знаний и представлений в формах текстуальности в речевых практиках.

Миромоделирование приводит к образованию репрезентационных структур. По определению С.Л. Кушнерук, репрезентационные структуры – это «объективируемые в дискурсе ментальные конструкторы разной степени концептуальной сложности, которые соотносятся с процессами и результатами представления мира и/или его фрагментов в целях коммуникации» [Кушнерук, 2023, с. 26]. Разновидностью таких структур является текстовый мир – «...ментальная репрезентация, активируемая текстом в употреблении, которая

кодируется агентом и декодируется реципиентом и обеспечивает понимание частной коммуникативной ситуации» [Там же. С. 28].

Специальные наблюдения позволяют утверждать, что объёмность и «многослойность» текстового мира как репрезентационной структуры нередко создаётся за счёт включения в речевое произведение прецедентного феномена (ПФ) – основного элемента когнитивной базы, интегрирующего знания и представления всех говорящих на данном языке. Согласно концепции И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудкова и Д.В. Багаевой, важным показателем прецедентности феноменов является их «регулярное (многократное) использование как в дискурсе отдельной языковой личности, так и социума в целом» [Захаренко, URL].

ПФ обладают семантической многоплановостью. В структуре любого прецедентного феномена заключено определенное количество информации о культурном явлении, с которым он соотносится. Интерпретация такого феномена в дискурсе предполагает «узнавание», «вычленение» и установление содержания битов культурно-значимой информации получателем на основе имеющихся у него фоновых знаний об объектах и ситуациях, являющихся достоянием мирового или национального сообщества, социума, этнической группы и т.п.

В теории прецедентности традиционно выделяются четыре вида ПФ – имя, текст, высказывание, ситуация. В этом ряду прецедентные имена (ПИ) отмечены особым статусом и рассматриваются в качестве отдельной группы онимических единиц. Г.Г. Слышкин отмечает, что прецедент-

ное имя имеет особую значимость «для определенной культурной группы» [Слышкин, URL]. Е.Ф. Косиченко обращает внимание на «такие важные свойства прецедентных имен, как самостоятельность и самодостаточность», которые подразумевают, что «знание прецедентного текста или прецедентной ситуации членами лингвокультурного сообщества не является обязательным условием адекватного развертывания информации, сообщаемой при помощи прецедентных имен» [Косиченко, 2010, с. 58].

Прецедентные имена, или коннотативные онимы, обладают сложной семантикой. Это, в частности, связано с тем, что любое ПИ первоначально является именем собственным, служащим для индивидуализации и идентификации единичного объекта (например, *Уильям Шекспир* – английский поэт и драматург 16–17 веков). Потенциальная возможность перехода имени из разряда собственных в нарицательные возникает в двух случаях: а) если денотат имени приобретает широкую известность в языковом коллективе; б) если имя перестаёт ассоциироваться с одним денотатом и становится «типичным» для многих людей, чем-то похожих друг на друга. Ср.: *Он современный Шекспир* (его творчество имеет черты, общие с литературным наследием У. Шекспира).

В структурном плане, вслед за О.Н. Долозовой, в семантике ПИ целесообразно выделить следующие значимые компоненты: 1) «первичный референт (R1), или прототип (объект, обозначенный именем)»; 2) «денотат (D) (экстенционал) – представление о референте, целостный образ, возникающий в сознании при назывании имени вне контекста»; 3) «сигнификат (S) (интенционал) – понятие или комплекс дифференциальных признаков, складывающихся на основе инварианта денотативного образа»; 4) «вторичный референт (R2) – X, обладающий признаками (одним из признаков), входящими в понятие S» [Цит. по: Кушнерук, 2006, с. 31].

Коннотации, присущие прецедентному имени, входят в состав дифференциальных признаков прототипа, то есть, включаются в сигнификат. Именно благодаря их наличию мы можем утверждать способность прецедентных онимов создавать текстовые миры и усложнять концептуальную партитуру модели мира в речевом произведении. Это особенно ярко наблюдается в произведениях песенного творчества. Активное использование ПИ в песенном дискурсе объясняется тем, что они содержат в себе культурно-маркированную информацию, которая освоена большинством людей в лингво-культурном сообществе и по этой причине способна оказывать

прогнозируемое эмоциональное и эстетическое воздействие на слушателя, формируя его рецептивное пространство и отношение к предметам речи.

Отталкиваясь от этих рассуждений, мы полагаем, что «вмонтированное» в текстовую ткань песни ПИ реализует свой миромоделирующий потенциал – способность вызывать в сознании адресата ментальные репрезентации за счёт активации семантического объёма коннотативного онима через отсылки к знаниям и фактам культуры, представления о которых хранятся в когнитивной базе людей и носят сверхличностный характер. Для подтверждения сказанного обратимся к примерам. Материалом для анализа послужили 54 примера прецедентных имен, найденных в 160 текстах песен англоязычных рок-групп Deep Purple, The Doors, Depeche Mode, Supertramp, и русскоязычных рок-групп Nautilus Pompilius, Сплин, Браво, Моральный Кодекс.

Рассмотрим следующий контекст:

- *Used to be in Shangri-La*
Life used to be so good
You and me were going so far
That was understood [«Over You», Supertramp, 2002]

В данном тексте присутствует прецедентное имя, являющееся названием места – Шангри-Ла. Это вымышленная страна, которую придумал писатель-фантаст Джеймс Хилтон в 1933 году, описав ее как тихое, спокойное и безопасное место, спрятанное ото всех. С тех пор Шангри-Ла стала синонимом рая на земле, в котором всегда царит счастье и умиротворение. В песне название этого места используется как реально существующее для того, чтобы показать, насколько счастлив был герой текстового мира рядом со своей возлюбленной – вместе с ней он был будто в раю, наслаждался жизнью и не переживал ни о чем. За счет того, что данное прецедентное имя, будучи коротким и емким в плане выражения, имеет сложную фоновую семантику, автору песни удалось визуализировать полноту чувств героев.

Иногда в песнях описываются невыдуманные (реалистичные) истории, для того, чтобы придать им или людям, связанным с ними, фэнтезийный оттенок, переместив их из реального мира в текстовый. Например:

- *Frank Zappa and “The Mothers...” were at the best place around*
But some stupid with a flare gun burned the place to the ground
Smoke on the water, and fire in the sky
Smoke on the water
They burned down the gambling house, it died with an awful sound

Funky Claude was running in and out, pulling kids out the ground... [«Smoke On The Water», Deep Purple, 1972]

В песне описываются события, произошедшие в 1971 году в швейцарском городе Монтрё в одноименном развлекательном комплексе казино. Участники группы Deep Purple, которые и написали данную песню, приехали в Монтрё для записи нового студийного альбома. Местом для записи было выбрано казино («*gambling house*»). Перед тем, как комплекс был передан в распоряжение группы, там проходил концерт певца и композитора Фрэнка Заппы и его группы «The Mothers of Invention», куда участники Deep Purple были приглашены в качестве зрителей («*Frank Zappa and “The Mothers...” were at the best place around...*»). Во время концерта кто-то из зрителей выстрелил из пистолета в крышу, отчего начался пожар, в результате которого комплекс казино сгорел дотла («*But some stupid with a flare gun burned the place to the ground...*»). Во время пожара людей из зала выводил Клод Нобс, музыкальный менеджер и директор джазового фестиваля в Монтрё («*Funky Claude was running in and out, pulling kids out the ground...*»). Все эти масштабные события успели произойти за один день и показались группе несколько фантастическим стечением обстоятельств. Одному из участников группы начали сниться сны на эту тему, а позже приснились и сами строки для песни («*Smoke on the water, and fire in the sky*»). Таким образом, восприняв случившееся с ними как что-то нереальное, авторы поместили эти события в текстовый мир песни, который слушатели могут интерпретировать вариативно – либо как фантастический мир, либо как метафорическую репрезентацию того, что произошло с участниками творческого коллектива (если слушатель осведомлен).

• *Deep in a dungeon, there's a rattling of chains
Mad Dr. Phibes, he's going to eat my brain
It feels so good to be afraid
Vincent Price is back again [«Vincent Price»,
Deep Purple, 2013]*

В данном примере присутствует два прецедентных имени, являющихся именами собственными. Винсент Прайс – американский актер, прославившийся ролями в фильмах ужасов 1950-60-х годов. Нередко его называют одним из «мастеров ужаса». Песня представляет собой типичный сюжет фильма ужасов – лирический герой попадает в старинный мрачный особняк, в котором живет вампир, готовый убить и выпить кровь любого, кто попадет в его логово. Герою настолько страшно, что он чувствует себя словно попавшим в фильм ужасов с Винсентом Прайсом в главной роли («*Vincent Price is back again*»).

Одним из самых жутких персонажей Прайса считается главный герой фильма «Ужасный доктор Файбс» – изуродованный доктор Антон Файбс, который убивает всех, кто, по его мнению, виновен в смерти его жены. Лирический герой сравнивает вампира, к которому он попал, с доктором Файбсом, понимая, что живым ему от него не уйти («*Mad Dr. Phibes, he's going to eat my brain*»). С помощью двух прецедентных имен автору песни удается передать гнетущую и дикую атмосферу ужаса и смерти, усиливая негативные смыслы.

В следующем контексте представлено прецедентное имя организации – известной американской киностудии:

• *She'll never wreck a scene, she'll never break a date*

But she's no drag just watch the way she walks:

She's a “Twentieth Century Fox”

She's a “Twentieth Century Fox”

No tears, no fears, no ruined years, no clocks

She's a twentieth century fox [«Twentieth Century Fox», The Doors, 1967]

Twentieth Century Fox Film Corporation, известная сейчас как 20th Century Studios – одна из самых крупных и популярных киностудий мира, подарившая зрителям уже ставшие культовыми фильмы и сериалы, такие как «Крепкий орешек», «Один дома», «Секретные материалы», «Звездные войны» и др. В текстовом мире данной песни живет молодая начинающая актриса, которая очень старается соответствовать требованиям мира кинематографа. Лирический герой уверен, что она добьется больших успехов, таких же, каких добилась и киностудия Twentieth Century Fox, и станет настоящей культовой звездой. Использование прецедентного имени позволяет провести параллель между популярностью киностудии и популярностью актрисы и показать, что в мире кино известность актеров зачастую зависит от работы с именитыми студиями, режиссерами и продюсерами, а не от природного таланта и тяжелого труда.

Рассмотрим аспекты актуализации фоновой семантики прецедентных имён как основы для построения модели мира в русскоязычном песенном дискурсе. Ср.:

• *Она читала мир как роман, а он оказался повестью <...>*

Мать учит наизусть телефон морга, когда ее нет дома слишком долго...

Любовь – это только лицо на стене, любовь – это взгляд с экрана:

Ален Делон говорит по-французски

Ален Делон не пьет одеколон, Ален Делон пьет двойной бурбон

Ален Делон говорит по-французски <...>

*Парни могут стараться в квартирах подруг,
она тоже бывает там,*

*Но это ей не дает ни черта кроме будничных
утренних драм*

*А дома совсем другое кино, она смотрит в
его глаза*

И фантазии входят в лоно любви

Сильней чем все те кто узнают её –

Ален Делон говорит по-французски [«Взгляд
с экрана (Ален Делон)», *Nautilus Pompilius*, 1986]

В тексте песни фигурирует прецедентное имя актёра с мировой известностью. Ален Делон – звезда и кумир миллионов девушек и женщин, много лет считавшийся эталоном красоты и мужественности. В таких, как он, легко влюбиться. Лирический герой рассказывает о девушке, которая страдает от всего, что существует вокруг нее – она не понимает свой мир, не может найти общий язык со сверстниками и прячет свои переживания даже от собственной матери. Девушка разочаровалась в реальности своей жизни и единственным спасением и прибежищем для нее становится ее кумир – французский актер, фильмы с которым девушка смотрит каждый раз, когда ей плохо, и чей плакат висит у нее на стене. Функционирование прецедентного имени в песенном нарративе о страдающей девушке способствует противопоставлению двух жизней: с одной стороны, удушающий быт и серость, из которого девушка мечтает выбраться, с другой – прекрасный мир ее мечты, в котором она счастлива рядом с настоящим мужчиной, таким же, как и Ален Делон.

В нижеследующем контексте оба ПИ восходят к британской культуре – это название музыкальной группы и имя английского поэта и драматурга. Ср.:

• *Журналист и актер затевали спор*

О высоком, о роли муз

А Битлы и Шекспир покоряли мир

На волынках играли блюз

Первый луч, первый дождь

По весеннему Арбату ты идешь

Первый звук, первый снег

Эта песня о тебе и обо мне [«Первый снег»,
Моральный Кодекс, 2002]

Выделенные ПИ являются соположенными, объединяющими в пределах концептуального пространства текстового мира песни разные темпоральные промежутки – новое и новейшее время (XVI и XX века) и разную культурологическую информацию. Такое положение дел находит объяснение в том, что и The Beatles, и Уильям Шекспир считаются достоянием и символами английской истории и культуры. В текстовом

мире песни они маркируют меняющийся мир, который влияет на людей и закрепляется в их сознании, в то время как лирический герой думает о своем собственном мире, рядом со своей возлюбленной, и сравнивает масштаб личных изменений с изменениями в мире вообще. Для героя его любовь так же важна, как и важны «Битлы и Шекспир» для Англии.

В следующем примере прецедентные имена реализуют аллюзию к евангельскому сюжету о жизни одного из апостолов:

• *С причала рыбачил апостол Андрей, а
Спаситель ходил по воде,*

*И Андрей доставал из воды пещарей, а
Спаситель – погибших людей.*

*И Андрей закричал: «Я покину причал, если
ты не откроешь секрет»*

*И Спаситель ответил: «Спокойно, Андрей,
никакого секрета здесь нет».*

Видишь, там, на горе возвышается крест,

Под ним десяток солдат, повиси-ка на нем,

А когда надоест – возвращайся назад,

*Гулять по воде, гулять по воде, гулять по воде
со мной* [«Прогулки по воде», *Nautilus Pompilius*,
1993]

Как мы можем понять, текстовый мир данной песни особо близок к реальному, потому что автор песни в своеобразной манере пересказывает то, что имело место быть в нашем мире. Апостол Андрей – один из двенадцати апостолов, который первым был призван Христом, отчего был позже прозван «Первозванный». Из слова «Спаситель» мы понимаем, что речь здесь идет также об Иисусе Христе, так как это один из эпитетов, которыми Христа называют в книгах Нового Завета. Для того чтобы убедить людей в своей Божественности, Христос творил чудеса, одно из которых – хождение по водам («...а Спаситель ходил по воде...»). До того, как стать учеником Иисуса, апостол Андрей был простым рыбаком («С причала рыбачил апостол Андрей...»). За веру и преданность Богу апостол был распят на кресте, так же, как и его учитель («... там, на горе возвышается крест, под ним десяток солдат, повиси-ка на нем...»). Автор песни коротко излагает всю жизнь апостола в виде разговора с Иисусом, который надеется на то, что люди услышат его, приложат усилия и придут к Богу и в итоге получат спасение.

• *В одном из неснятых фильмов Федерико
Феллини:*

На тоненькой льдине, в бокале мартини

Герой на героине, героиня на героине

И двойная сплошная пролегла между ними
[«Феллини», *Сплин*, 2001]

Федерико Феллини – один из величайших ре-

жиссеров в истории кинематографа, создавший такие фильмы, как «Сладкая жизнь», «Восемь с половиной», «Дорога» и многие другие. Работы Феллини отличаются смесью сюрреалистичных, гротескных образов с обыденностью и приземленностью. Герои текстового мира песни будто оказались в одном из таких фильмов, и вся их жизнь – это сочетание несочетаемого, фэнтези, выдумка. Но несмотря на то, что в обстоятельства их жизни сложно поверить, герои все равно чувствуют, страдают и хотят, чтобы все было иначе.

Обобщим основные результаты проведенного исследования.

Прецедентный оним, будучи изначально языковым знаком, превращается в имя-символ, в знак культуры, содержащий в себе важную культурно-историческую информацию и указывающий на наиболее существенные, особо значимые характеристики объекта, благодаря которым реципиент способен разобраться в устройстве того или иного текстового мира.

Используя то или иное прецедентное имя, авторы текстов обращаются к инварианту восприятия данного имени, который в свою очередь обладает системой отличительных признаков, составляющих его фоновую семантику. За счет того, что в структуру прецедентного имени включается определенное количество информации, которую реципиент «извлекает» на основе имеющихся у него знаний, происходит усложнение архитектуры текстовых миров как конструкций, задающих модели восприятия.

Интегрированное в песенное произведение прецедентное имя позволяет в конденсированном виде передать сложную систему чувств, настроений, переживаний, адресованных слушателям. Обладая многомерным комплексом аксиологически-значимых признаков, прецедентное имя выступает одним из наиболее востребованных выразительных средств авторского миромоделирования. При «развертывании» прецедентного онима происходит актуализация ценностных коннотаций, которые выступают фундаментом для построения модели мира.

Песни выполняют смыслообразующую и эстетическую функцию, которая осуществляется

в том числе за счет использования ярких прецедентных феноменов и выразительных средств в целом. Тексты песен – это осмысленный продукт, который создается с целью принести слушателям наслаждение и удовлетворение, сформировать их культурно-информационное пространство и эстетизировать восприятие действительности.

Список литературы

1. Захаренко, И. В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов – Текст : электронный. – URL : <https://studylib.ru/doc/2181491/precedentnoe-imyai-precedentnoe-vyskazyvanie-kak-simvoly> (дата обращения: 16.01.2024).
2. Косиченко, Е. Ф. Имя нарицательное и имя символ в свете теории прецедентности / Е. Ф. Косиченко // Вестник Московского Государственного Лингвистического Университета. – 2010. – № 22 (601). – С. 55-64. – Текст : непосредственный.
3. Кушнерук, С. Л. Идеологема «SOVIET UNION» как концептуальная основа миромоделирования в журналистском нарративе о Челябинске / С. Л. Кушнерук // Политическая лингвистика. – 2022. – № 4. – С. 21-30. – Текст : непосредственный.
4. Кушнерук, С. Л. Идеологическое миромоделирование в контексте информационно-психологической войны : монография / С. Л. Кушнерук. – Москва : ФЛИНТА, 2023. – 232 с. – Текст : непосредственный.
5. Кушнерук, С. Л. Сопоставительное исследование прецедентных имен в российской и американской рекламе : специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» : дис. ... канд. филол. наук / Светлана Леонидовна Кушнерук. – Екатеринбург, 2006. – 218 с. – Текст : непосредственный.
6. Слышкин, Г. Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г. Г. Слышкин. – Москва : Academia, 2000. – 141 с. – Текст : непосредственный.

DOI: 10.47475/9785727119631_60

О.В. МАЛЯНОВА/ O.V. MALYANOVA
*Пермский государственный институт культуры
(Пермь, Россия)***ОСОБЕННОСТИ ТЕРМИНОЛОГИИ В МУЗЫКОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ****THE SPECIFICS OF TERMINOLOGY IN MUSICOLOGY DISCOURSE****Аннотация**

Несмотря на предположение выдающихся писателей и музыкантов, что музыку можно рассматривать в качестве универсального языка, понятного жителям разных стран, это предположение справедливо только для тех музыкантов, которые умеют читать нотные тексты, написанные в рамках европейской музыкальной традиции. В статье рассматривается различие между понятиями «нотный текст» и «музыкальный текст», которые, в свою очередь, противопоставляются обычным текстам музыкального дискурса (рецензии музыкальных критиков, лекции музыковедов, концертные программы, учебно-методические материалы и пр.), интерпретирующим и описывающим события в мире музыки с помощью слов. Все жанры текстов музыкального дискурса не могут обойтись без специальной лексики – терминологии, которую изучают как лингвисты, так и искусствоведы, составляя словари терминов и описания особенностей терминосистем музыкальной науки. Отмечая важность своевременного пополнения словарей новыми музыковедческими терминами, в статье предлагается использовать опыт терминологического анализа музыкальных рецензий, проведенного студентами консерватории под руководством преподавателя английского языка.

Abstract

Despite the assumption of prominent writers and musicians that music can be considered as a universal language understandable to residents of different countries, this assumption is true only for those musicians who can read sheet music written within the framework of the European musical tradition. The article examines the difference between the concepts of “sheet music” and “musical text”, which, in turn, are contrasted with ordinary texts of musical discourse (reviews of music critics, lectures by musicologists, concert programs, educational materials, etc.), interpreting and describing events in the world of music using words. No genres of musical discourse texts can do without special vocabulary – terminology, which is studied by both linguists and art historians, who compile dictionaries of terms and descriptions of the features of the terminological systems of musical science. Noting the importance of timely replenishment of dictionaries with new musicological terms, the article suggests using the experience of terminological analysis of music reviews conducted by students of the Conservatory under the guidance of an English teacher.

Ключевые слова: музыкальный дискурс, музыковедение, музыкальные рецензии, музыкальные термины, терминология, терминологический анализ.

Keywords: musical discourse, musicology, music reviews, musical terms, terminology, terminological analysis.

Музыка настолько важна в жизни людей, что вряд ли найдется великий ученый или писатель, не говоря уже о музыкантах, кто не высказал бы свое мнение об этом виде искусства. Провидческое высказывание о том, что «музыка – универсальный язык человечества» принадлежит американскому поэту, переводчику и преподавателю иностранных языков Генри Лонгфелло. Живя в 19 веке, вряд ли он мог предположить, что его слова предвосхитят работы исследователей 21 века. «С. Браун, а также С. Митен, М. Ванешут и Дж. Скойлз (Brown 2005; Mithen 2005; Vannechoutte, Skoyles 2005) предложили гипотезу музыкального языка (musilanguage; назовем его по-русски «му-

зиланг»)). Суть ее в том, что обычному человеческому языку (его разновидностей на Земле более трех тысяч) предшествовал язык музыкальный, в котором место фоном занимали дискретные музыкальные тоны» [Казанков, 2011, с. 85]. Возникнув десятки тысяч лет назад как основа для протоязыка сапиенса, музыка сформировалась в уникальный вид искусства, который потребовал от людей создание способов записи мелодий и интерпретации музыкальных произведений как для профессионалов, сочиняющих и исполняющих их, так и для любителей-меломанов.

Несмотря на мнение, что музыка считается универсальным языком общения людей разных

стран, относительную универсальность можно проследить лишь в отношении нотного текста как точной фиксации результата композиторской деятельности, который представляет собой нотную запись, содержащую различные знаки – «записывается тон (высота звука), ритм, штрихи, динамические оттенки, указывается темп, аппликатура, есть еще так называемые обогащающие мелодию «украшения» – трели, мелизмы и проч. Кроме того, музыка полифонична (в широком смысле этого слова), и приходится читать сразу несколько рядов знаков» [Храмов, 2014, с. 82]. Универсальность общепринятой нотации относительна, так как она выполняется в рамках европейской традиции записи музыки и, кроме линий нотного стана, символов ключей, нот, альтерации, размеров такта и прочих знаков, может содержать пометки композитора, написанные на языке той страны, откуда он родом. Не зная языка автора музыки и не получив европейского музыкального образования, исполнитель традиционной музыки из Китая, не сможет прочесть нотацию произведения итальянского композитора и соответственно сыграть данную мелодию, так как традиционная китайская музыка записывалась при помощи нумерованной нотной записи цзяньпу.

Записывая нотами мелодию, сочинённую в результате переживания жизненных событий, эмоций, создания мысленных образов героев литературных произведений, композитор передаёт эти смыслы посредством системы конвенциональных знаков, визуально выражающих структуру музыкального произведения. В современном музыковедении разграничиваются понятия «нотный текст» и «музыкальный текст». «С нотного текста музыкальный текст только начинается, требуется еще процедура распределения смысла в реальном звучании и в процессе восприятия этого текста слушателем, а также необходимо определенным образом организованное мышление интерпретатора по поводу данного музыкального произведения» [Баранова, 2009, с. 96]. Музыкальные теоретики 21 века продолжают исследовать проблему процесса образования смыслов и значений в ходе сочинения, исполнения и слушания музыки в рамках музыкальной семиотики, изучая природу музыкального мышления вслед за корифеями музыкознания М.Г. Арановским и М.Ш. Бонфельдом. Исследуя формирование музыкальной мысли, её развитие и превращения в форму музыкального произведения, в своей основополагающей книге «Музыкальный текст. Структура и свойства» М.Г. Арановский пишет «можно было бы сказать, что музыкальная мысль совершается в музыкальных

структурах, а музыкальные структуры выполняются в нотной записи. Так возникает взаимодействие единства предназначенной для музыки ментальной сферы, музыкальной структуры и иконической (по своей сути) записи, единство, которое и образует музыкальный текст» [Арановский, 1998, с. 11].

Читая нотный текст, музыкант, певец или дирижер слышат эту музыку в уме, интерпретируют аутентичную мелодию сообразно своим умениям и представляют музыкальное произведение на суд слушателям. Восприятие музыки на слух существенно отличается в зависимости от подготовленности публики. В концертном зале филармонии можно встретить профессиональных музыкантов, любителей-меломанов, людей, только начинающих своё знакомство с классической музыкой или случайно пришедших, чтобы составить компанию своим друзьям. Придут ли случайные люди на следующий концерт, зависит не только от профессионализма исполнителей, но и от того, насколько интересно будет представлена программа музыковедом, ведущим концерт. «Сложнее говорить об интерпретации музыки с помощью слов, т.е. о попытках создать что-то вроде словесного эквивалента музыкальной речи. И все же, хотя полноценная передача музыкального смысла обычной словесной речью невозможна, эта речь все же необходима и учителю, и музыковеду-ученому, и музыкальному критику, и просто слушателю, который стремится поделиться своими впечатлениями, рассказать о той музыке, которая его взволновала» [Бонфельд, 2001, с. 210]. Представляя музыкальное произведение, читая лекцию о композиторе, обучая юных музыкантов нельзя обойтись без специальных музыкальных терминов.

«Музыкальное искусство, как и любая другая отрасль профессиональной деятельности, обладает специальным языком, главными функциями которого являются передача информации и обеспечение профессионального общения. Этот язык, именуемый в науке терминологией или специальной лексикой, является, с одной стороны, неотъемлемой частью деятельности людей, так или иначе связанных с музыкой, с другой – более или менее самостоятельным сегментом литературного языка, подчиняющимся общим законам и нормам последнего и потому представляющим определённый интерес не только для музыкантов, но и для специалистов в области языка» [Надольская, 2015, с. 184]. В своих работах, посвященных изучению музыкально-исполнительской терминологии русского языка, кандидат искусствоведения О.Н. Надольская отмечает, что, несмотря на существование большого количества

как напечатанных, так и электронный словарей музыкальных терминов, в музыкальной науке отсутствует подробное описание лингвистической терминологии, основанной на общей теории термина, разработанной лингвистами.

Авторы исследований, посвященных проблемам современной музыковедческой терминологии, обращают внимание на то, что терминологический аппарат науки о музыке постоянно разрастается в результате междисциплинарных исследований в сфере гуманитарных наук (музыкознания, лингвистики, социологии, философии) и предупреждают, что «процессы терминообразования вследствие миграции инонаучных терминов, не должны носить стихийный характер и требуют внимания со стороны научного сообщества» [Лобзакова, 2018, с. 7]. Ещё одним важным вопросом в изучении терминологии музыкознания является установление точного авторства множества вновь появляющихся терминов, решением которого может стать один источник – электронный энциклопедический справочник, к созданию которого предлагается привлечь музыковедов различных учебных заведений России [Кулапина, 2017, с. 10]. Такой масштабный проект не может обойтись без ученых-лингвистов, которые внесут свой вклад в формирование профессионального терминоведения как отдельной методологической отрасли.

Свою лепту в пополнение музыкальной терминологии могут внести преподаватели иностранных языков, работающие в учебных учреждениях, обучающих музыкантов разных направлений подготовки. При обучении иностранному языку большое внимание уделяется изучению специальной музыкальной терминологии благодаря работе с аутентичными музыкальными текстами. Студенты ведут словарь терминов, для чего читают, переводят, реферировать разнообразные тексты в рамках своих специальностей – музыковедению, инструментальному исполнительству, вокалу, музыкальной педагогике. Несмотря на то, что музыкальная терминология английского языка достаточно изучена, и существует некоторое количество исследований в этой области [Алешинская, 2007; Алимуратов, Чурсин, 2009; Эшматова, 2011], происходит постоянное появление всё новых терминов, и поэтому, как это уже не раз отмечалось исследователями, необходимо регулярное обновление терминологических словарей.

Предлагая студентам текстовый материал для пополнения терминологического словаря, преподаватель сталкивается с необходимостью отбора соответствующих текстов. В музыкальном дискурсе существуют тексты разнообразных

жанров – тексты песен, программы концертов, лекции музыковедов, учебные тексты по специальности, научные статьи, диссертации, профессиональные форумы в социальных сетях, мастер-классы известных исполнителей и множество других. Тексты музыкальных рецензий представляются наиболее интересными за счет того, что кроме профессиональных терминов в них используются эмоционально окрашенные выражения (эпитеты, метафоры, сравнения), что способствует возникновению у читателя или слушателя определенных образов и ассоциаций. Как показывает практика, студентов увлекает работа с такими текстами, они с удовольствием пополняют словарный запас не только новыми терминологическими единицами, но и на примере изученных текстов учатся выражать свои мысли более художественным языком, понимая, что избыточное использование терминологии не должно быть целью. Являясь инструментом передачи знания в различных жанрах текстов музыкального дискурса, специальная лексика должна использоваться в таком объеме, какой уместен в данной речевой ситуации, будь то рецензия на музыкальное событие, выступление на конференции или обучение по специальности.

В качестве примера углубленной работы с терминологией музыкального искусства можно привести проведенный студентами 2 курса консерватории ПГИК терминологический анализ нескольких музыкальных рецензий, взятых и на свободный выбор на различных англоязычных сайтах, специализирующихся на музыкальной критике, таких как www.smithsonianmag.com, www.wsj.com, www.wired.com. В зависимости от направления подготовки, 10 студентов консерватории направлений подготовки «Музыкально-инструментальное искусство», «Музыкальное искусство эстрады» и «Музыкознание и музыкально-прикладное искусство» выбрали в качестве источников языкового материала 10 разнообразных рецензий на концерты симфонической музыки, выступления популярных оперных исполнителей, выпуск дебютного альбома исполнительницы в стиле кантри, выступление церковного хора и даже на практическое руководство музыковеда. Для проведения терминоведческого анализа использовался онлайн-словарь «Мультитран» – интернет-система двуязычных словарей, особенностью которой является постоянное обновление данных переводчиками-практиками и форум, где можно получить ответ специалиста. В результате анализа текстов рецензий были обнаружены 187 музыкальных терминов, структурные типы которых совпадают с типами общеупотребительной лексики: слова

(простые (корневые), аффиксальные и сложные) и устойчивые словосочетания (составные термины). Получилось следующее соотношение типов терминов: простые термины (*choir, flat, harmony, chord, piano*) – 60 (32%), аффиксальные термины (*fandom, vocalist, composition, streaming, opener*) – 31 (16,5%), сложные термины (*folk-rock, playtime, K-pop, hit-maker, soundtrack*) – 16 (8,5%), составные термины (*country music, rock opera, piano transcription, orchestral suite, title track*) – 80 (43%). В качестве обратной связи студентам был задан вопрос «Какие термины в переводе на русский язык вы ни разу не встречали в своей профессиональной деятельности?» Таких лексических единиц оказалось не так много – всего 7 слов и словосочетаний. Они относятся к следующим предметным областям музыковедения:

1) термины, обозначающие жанры современной поп музыки и понятие, связанное с эффектом от её исполнения – *synth pop, psychedelic rock, ambient music, calypso, grooves*;

2) термины, означающие технические характеристики исполнения музыки – *rhythm pitch* (частота ритма), *sonic evolution* (развертывание звука).

Проведенный анализ текстов рецензий на события в мире музыки показал, что предложение искусствоведов и лингвистов о создании онлайн словаря-справочника музыкальной терминологии действительно необходимо, так как в сфере музыки появляются новые понятия, и они требуют своих номинаций, и, следовательно, современные термины будут появляться снова и снова.

Список литературы

1. Алешинская, Е. В. Современный американский музыкальный термин: лингвистический статус и специфика – Текст : электронный // Вестник Чувашского университета. – 2007. – № 4. Гуманит. науки. – URL : <http://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyyamerikanskiymuzykalnyutermin-lingvisticheskiystatus-i-spetsifika> (дата обращения: 28.01.2024).

2. Алимуратов, О. А., Чурсин, О. В. Картины языка музыки. Функционально-семантическая характеристика современной английской музыкальной лексики: когнитивно-фреймовый под-

ход / О. А. Алимуратов, О. В. Чурсин. – Москва : КРАСАНД, 2009. – 200 с. – Текст : непосредственный.

3. Арановский, М. Г. Музыкальный текст: структура и свойства / М. Г. Арановский. – Москва : Композитор, 1998. – 341 с. – Текст : непосредственный.

4. Баранова, С. Ю. Музыкальный текст : язык, знак, сигнал, символ – Текст : электронный // Аналитика культурологии. – 2009. – №15. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/muzykalnyutekst-yazyk-znak-signal-simvol> (дата обращения: 05.02.2024).

5. Бонфельд, М. Ш. Введение в музыковедение : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / М. Ш. Бонфельд – Москва : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2001. – 224 с. : ноты – Текст : непосредственный.

6. Кулапина, О. И. Проблемные вопросы современной музыковедческой терминологии – Текст : электронный // Проблемы музыкальной науки. – 2017. – № 2(27). – URL : – <https://journalpmn.ru/index.php/PMN/article/view/837> (дата обращения: 06.02.2024).

7. Лобзакова, Е. Э. Музыковедческая терминология в поле взаимодействия гуманитарных наук – Текст : электронный // Южно-Российский музыкальный альманах. – 2018. – №1. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/muzykovedcheskaya-terminologiya-v-pole-vzaimodeystviya-gumanitarnyh-nauk> (дата обращения: 06.02.2024).

8. Надольская, О.Н. Музыкально-исполнительская терминология: введение в проблему – Текст : электронный // Фундаментальные исследования. – 2015. – № 2-1. – URL : <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=36641> (дата обращения: 08.02.2024).

9. Эшматова, И. Семантические особенности музыкальной терминологии и её место в лексической системе языка – Текст : электронный // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. – 2011. – №4. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/semanticheskie-osobennosti-muzykalnoy-terminologii-i-eyo-mestov-leksicheskoy-sisteme-yazyka> (дата обращения: 06.02.2024).

DOI: 10.47475/9785727119631_64

М.Ф. МАСГУТОВА / M.F. MASGUTOVAЧелябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)**СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ОЦЕНКИ В ЭКОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ****WAYS OF EXPRESSING EVALUATION IN ECOLOGICAL DISCOURSE****Аннотация**

В настоящей статье рассматриваются способы выражения оценки в экологическом дискурсе. Изучение экологического дискурса представляет большой интерес для лингвистов в связи с усугублением экологической обстановки в мире и обеспокоенностью мирового сообщества проблемами окружающей среды. В связи с этим изучение экологического дискурса привлекает все большее внимание со стороны лингвистов. По природе экологический дискурс отличается высокой степенью экспрессивности. Преобладающими оценочными суждениями спикеров экологических форумов, являются положительные, поскольку проблемы сохранения окружающей среды в современном обществе способствуют появлению многих перспективных направлений по ее улучшению и принятию ключевых решений. Изучение природы оценочных суждений способствует более детальному рассмотрению многих языковых явлений и расширению данной области исследования в рамках экологического дискурса.

Abstract

This article deals with the ways of expressing evaluation in ecological discourse. The study of ecological discourse is of great interest for linguists due to the ecological situation worsening in the modern world and the concerns of the world community about environmental issues. Regarding it the study of ecological discourse attracts more and more attention from linguists. The prevailing evaluative judgments of speakers of environmental forums are positive. Environmental discourse is characterized by a high degree of expressiveness. The study of the nature of evaluative judgments contributes to the research of many linguistic phenomena within the framework of environmental discourse.

Ключевые слова: оценка, экологический дискурс, оценочность, интенсификатор, субъект, объективный компонент.

Keywords: evaluation, ecological discourse, evaluative, intensifier, subject, objective component.

В настоящее время отмечается рост заинтересованности мирового сообщества к проблемам окружающей среды, которые широко освещаются в средствах массовой информации и на различных мероприятиях. В связи с этим изучение экологического дискурса привлекает все большее внимание со стороны лингвистов, что находит свое отражение в большом количестве исследований.

Проанализировав выступления ведущих специалистов в области сохранения окружающей среды на значимых российских экологических форумах, мы пришли к выводу о том, что речь спикеров изобилует оценочными высказываниями, указывающими на положительное и отрицательное отношение субъекта оценки к её объекту.

Присутствие субъективного фактора, напрямую взаимосвязанного с объективным, – главная особенность оценки. Анализ оценочных высказываний подразумевает аксиологический подход к изучению и интерпретации отношения субъекта к объекту.

Следует отметить, что любое оценочное суждение «предполагает субъект суждения, то есть лицо (индивидуум, социум), от которого исходит оценка, и его объект, то есть предмет или явление, к которому оценка относится. Выражение или приписывание ценности (оценивание) является установлением определенного отношения между субъектом или субъектами оценки и ее объектом» [Ивин, 1970, с. 12].

Необходимо подчеркнуть, что в оценке присутствуют субъективный и объективный факторы. Субъективный аспект в большей степени обозначается глаголами.

Например:

«Мы ценим поддержку экологических стартапов». (Российский экологический форум)

«Мы одобряем применение высоких технологий природопользователями». (Российский экологический форум)

«Вы удивитесь, но на международном рынке систем мониторинга выбросов в данный момент уже 30% рынка занимают предиктивные систе-

мы». (Российский экологический форум)

Оценочные высказывания зачастую указывают на свойство предмета: «Это хорошая тенденция», «Это превосходная система измерения выбросов», «Это эффективный и очень качественный мониторинг», «самый успешный и объемный проект за последнее время» (Пленарная сессия. Российский экологический форум).

Объективный компонент оценки выражает свойства предметов и явлений, на которых строится оценка.

Взаимодействие субъекта оценки с ее объектом составляет основу классификации часто-оценочных значений, разработанной Н.Д. Арутюновой, «оценка создает совершенно особую, отличную от природной, таксономию объектов и событий» [Арутюнова, 1984, с. 34]. Согласно результатам исследования, все частнооценочные значения оценочных высказываний были распределены на следующие группы:

1) рационалистические оценки, связанные с практической деятельностью человека: вредный, продуктивный, эффективный, действующий, неправильный, неподобающий;

2) интеллектуальные и эмоциональные оценки: стандартный, значительный, увлекательный, удручающий;

3) этические оценки: нравственный, терпимый, толерантный, моральный, этический.

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживают оценочные конструкции с предикатом, главной особенностью выражения оценки которых является возможность ее интенсификации. Интенсификаторы используются с целью усиления значений других слов. Интенсификация, как правило, выражена в семантике слова.

Например:

«Расстояния от границы области, на которые приходится возить мусор, огромные». (Экологический мониторинг. Переход в «цифру»)

«Мы обожаем заниматься экологическими проектами, связанными с переработкой пластика». (Экологический мониторинг. Переход в «цифру»)

«Это архиважно в современных реалиях жизни». (Экологический мониторинг. Переход в «цифру»)

«Чрезвычайно необходимо объединить наши усилия». (Экологический мониторинг. Переход в «цифру»)

Для выражения оценки какого-то конкретного события или мероприятия и с целью усиления эмоционального воздействия спикеры используют интонационные структуры, восклицательные предложения. Это свойство оценки характеризуется экспрессивностью.

Например, «Камчатка – точка притяжения влюбленных в природу!», «Это уникальная, природная лаборатория!», «Невозможно пройти мимо!», «Чистая экология – наше счастливое будущее!», «Здоровье и экология – две неразделимые сущности!» (Экологический мониторинг. Переход в «цифру»)

Следует также отметить, что речь спикеров, участников экофорумов, изобилует оценочными прилагательными: потрясающий, несравненный, губительный, негативный, осторожный, гуманный, радостный.

По мнению А.Ф. Папиной, «эмоциональная оценка вызывает положительные и отрицательные чувства говорящего, вызванные объектом, его действиями, состоянием» [Папина, 2002, с. 270].

Н.Д. Арутюнова подчеркивает то, что «этическая оценка применима ко всему, что устремлено к облагороженной модели малого и большого мира» [Арутюнова, 1988, с. 54]. Это относится к моральным принципам жизни и правильным поведенческим моделям.

Представим шкалу этических положительных и отрицательных оценок, апеллирующих к дискурсу окружающей среды:

Положительные оценки:

«Многообещающий проект эковолонтерства дает свои плоды». (Эковолонтерство. Российский экологический форум)

«У молодежи есть огромное желание содействовать реализации проектов по зоозащите». (Эковолонтерство. Российский экологический форум)

«Маленькими делами мы сможем достичь большой цели по созданию города-мечты». (Эковолонтерство. Российский экологический форум)

«Популяризация экологии и экологическое просвещение – это интересно и перспективно». (Пленарная сессия. Российский экологический форум)

«Изучение проблем окружающей среды должно начинаться с детства, тогда это принесет плоды в будущем». (Пленарная сессия. Российский экологический форум)

Отрицательные оценки:

«Одной из причин распространения водорослей является повышение в воде фосфатов, поступающих с бытовыми отходами. Причиной тому является безответственность людей». (Пленарная сессия. Российский экологический форум)

«Некоторые люди халатно относятся к природе, оставляя мусор и бытовые отходы на берегу водоемов» (Российский экологический форум)

«Вся сложившаяся ситуация удручает эоактивистов». (Российский экологический форум)

«Последствия для окружающей среды могут быть необратимыми». (Экологический мониторинг. Переход в «цифру»)

«Это губительно для окружающей среды» (Экологический мониторинг. Переход в «цифру»)

Оценочная шкала имеет сложную структуру. Она имеет признак нарастания. В оценочной шкале могут быть выделены как отдельные лексеммы, так и высказывания.

Проблемы окружающей среды в современное время никого не оставляют равнодушными и вызывают разные оценочные суждения. Зачастую функция выражения в оценочных суждениях является доминантной, что продиктовано стремлением субъекта выразить свою точку зрения по отношению к объекту. В настоящее время экологическая тематика вызывает много дискуссий, дебатов, что способствуют, в свою очередь, появлению важных и перспективных экопроектов во всех регионах нашей страны.

Интересно отметить, что в аксиологии актуальным остается вопрос в отношении первичности эмоционального и рационального факторов в оценке. Считается, что первичным является эмоциональный фактор, то есть непосредственная реакция на событие. «Эмотивный компонент оценки подразумевает хорошее/плохое отношение субъекта и противопоставляется объективному, который опирается на свойства объектов». Важно разграничить, что «эмоциональное и рациональное в оценке подразумевают две разные стороны отношения субъекта к объекту, первая – его чувства, вторая – мнения» [Вольф, 1985, с. 24].

Результаты нашего исследования свидетельствуют о том, что в каждом оценочном высказывании превалирует субъективный аспект оценки говорящего, что обусловлено разной степенью интенсификации. Субъект выражает свое мнение на происходящие события, опираясь на свое отношение к объекту и исходя из позиции «нравится/не нравится», а с другой стороны – во многом полагаясь на свои стереотипные представления об объекте.

По природе экологический дискурс отличается высокой степенью экспрессивности, благодаря обмену информацией коммуникантов. Преобладающими оценочными суждениями спикеров,

участников экологических форумов, являются положительные, поскольку проблемы сохранения окружающей среды способствуют появлению многих перспективных направлений по ее улучшению и модернизации промышленного сектора. Изучение природы оценочных суждений способствует более детальному рассмотрению многих языковых явлений и расширению данной области исследования в рамках экологического дискурса.

Список литературы

1. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт / Н. Д. Арутюнова. – Москва : Наука, 1988. – 338 с. – Текст : непосредственный.
1. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – Москва : Наука, 1985. – 232 с. – Текст : непосредственный.
2. Ивин, А. А. Основания логики оценки / А. А. Ивин. – Москва : Издательство Московского университета, 1970. – 230 с. – Текст : непосредственный.
3. Папина, А. Ф. Текст: его единицы и глобальные категории : учебник / А. Ф. Папина. – Москва : Эдиториал УРСС, 2002. – 368 с. – Текст : непосредственный.

Список использованных источников

1. Пленарная сессия. Российский экологический форум [Электронный ресурс]. – URL : https://youtu.be/81ZyGqeVNjM?si=_esfu4ATO6QeHZu2 (дата обращения: 06.01.2024)
2. Российский экологический форум [Электронный ресурс]. – URL : <https://www.youtube.com/live/PR8RuiJbQNc?si=vJd-twwTbUs2jcCY> (дата обращения: 06.01.2024)
3. Эковолонтерство. Как вовлечь население в экологические проекты. Российский экологический форум [Электронный ресурс]. – URL : https://youtu.be/bQ0hG5sGYaY?si=Htif4-hg0SN9_vfn (дата обращения: 06.01.2024)
4. Экологический мониторинг: переход в «цифру» [Электронный ресурс]. – URL : https://www.youtube.com/live/FESIWJga3vs?si=6J_ZrI9DOoAQWfp3 (дата обращения: 06.01.2024)

DOI: 10.47475/9785727119631_67

Е.В. МАТВЕЕВА / E.V. MATVEEVA
Уфимский университет науки и технологий
(Уфа, Россия)

КИНОИСКУССТВО КАК ФОРМА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ХРИСТИАНСКОГО ДИСКУРСА

FILM ART AS A FORM OF CHRISTIAN DISCOURSE REPRESENTATION

Аннотация

Статья посвящена оценке потенциала кинематографа как формы репрезентации элементов христианского дискурса и выявлению способов актуализации христианского дискурса в произведениях кино на материале американской христианской драмы *The Case for Christ*. Анализ кинотекста как целостного и завершенного продукта киноискусства проводится на уровне трех компонентов: вербального, невербального и кинематографического. Результаты проведенного исследования показывают, что на уровне вербальных компонентов наиболее частотным структурным типом библеизмов являются предложения. В большинстве случаев библейские лексические единицы использовались в номинативной и прагматической функциях. На невербальном уровне функционирование христианского дискурса в исследуемой кинокартине выражается в наличии эпизодов, изображающих собрание верующих, выступление священнослужителя с проповедью, внутреннее и внешнее устройство храма, а также присутствию в кадрах креста как символа христианства, звона колоколов. Кинематографические техники, используемые в кинокартине для выражения заложенных смыслов, включают такие приемы, как особое построение кадров и их последовательности, изменение расстояния от камеры до объекта, работа с цветом, светом и звуковым сопровождением. Полученные результаты свидетельствуют о том, что кинематограф как синтетическая форма искусства обладает значительным воздействующим потенциалом на реципиентов и может служить средством репрезентации христианского дискурса, обогащая киноискусство непреходящими ценностями.

Abstract

The article is devoted to assessing the potential of film art as a form of Christian discourse elements representation and identifying ways to actualize Christian discourse in works of cinema based on the material of the American Christian drama "The Case for Christ". The analysis of the film as an integral and complete product of film art is conducted at the level of three components: verbal, non-verbal and cinematographic. The results of the study show that at the level of verbal components, the most frequent structural type of biblicalisms are sentences. In most cases biblical lexical units were used in nominative and pragmatic functions. At the non-verbal level, the functioning of the Christian discourse in the film under study is expressed in the presence of episodes depicting a meeting of believers, a clergyman giving a sermon, the internal and external structure of a temple, as well as the presence of a cross as a symbol of Christianity and the ringing of church bells. The cinematographic techniques used in the film to express the inherent meanings include such techniques as the special construction of frames and their sequence, changing the distance from the camera to the object, working with colour, light and sound. The results of the study show that cinema as a synthetic art form has a significant impact on recipients and can serve as a means of representing Christian discourse, enriching film art with enduring values.

Ключевые слова: христианский дискурс, библейские языковые единицы, библеизмы, кинематограф, киноискусство, кинотекст.

Keywords: Christian discourse, biblical linguistic units, biblicalisms, cinema, film art, film text.

Кинематограф в настоящее время устойчиво сохраняет за собой статус одного из наиболее значимых и распространенных средств передачи информации, причем особое место в кинематографе занимают произведения на религиозные темы.

Целью исследования является оценка потенциала кинематографа как формы репрезентации

элементов христианского дискурса и выявление способов актуализации христианского дискурса в произведениях кино. Актуальность работы обусловлена недостаточной изученностью кинематографа, а также особенностей функционирования в нем элементов религиозного дискурса. В качестве исследуемого материала послужи-

ла американская христианская драма 2017 года режиссера Джона Ганна по сценарию Брайана Берда *The Case for Christ*. В процессе исследования применялись такие методы, как обобщение, контекстуальный анализ, интертекстуальный анализ, сплошная выборка.

Согласно наиболее общему определению под дискурсом в лингвистике понимается текст в совокупности с экстралингвистическими факторами общения (психологическими, социокультурными, прагматическими) [Арутюнова, 1998, с. 136-137]. Данное определение позволяет выделять различные виды дискурса, в частности религиозный и кинематографический. Религиозный дискурс в широком смысле определяется как общение, направленное на поддержание веры или приобщение к ней [Бобырева, 2007, с. 1].

Под кинематографическим дискурсом обобщенно можно понимать кинотекст, его интерпретацию реципиентами, а также смысл, который вложили в произведение его создатели [Казакова, 2014, с. 28]. Кинотекст как целостный и завершённый продукт киноискусства обладает набором значимых характеристик. В первую очередь стоит отметить коллективный характер авторства, поскольку авторское право на кинопроизведение закрепляется за командой его создателей.

Следующей важной чертой кинотекста является то, что он воспринимается аудиовизуальным способом. Иными словами, в кинотексте задействованы одновременно оптическая и звуковая знаковые системы, которые передают реципиентам информацию с помощью следующих средств [Dunel, 2011, p. 41-42]:

1. Вербальных компонентов – диалогов героев, присутствующих в кадрах письменных текстов и аудиозаписей, а также закадрового озвучивания, функциями которых соответственно являются передача характеров героев, их внутреннего мира и сопровождение фильма необходимыми комментариями, раскрывающими неявно выраженные аспекты кинокартины, требуемые для ее корректного восприятия.

Функционирование христианского дискурса в кинотекстах на вербальном уровне часто выражается в использовании слов, словосочетаний, фраз, фразеологических единиц и предложений, этимологически восходящих к Библии. Данные языковые единицы выступают в роли интертекстуальных элементов и средств речевого воздействия, которые могут выполнять такие функции, как номинативная (наименование предметов и явлений, обобщение определенной жизненной ситуации), стилистическая (библейские лексические единицы выступают в роли аллюзий, средств создания

художественного образа, служат для выражения экспрессии), композиционная (представленность упомянутых языковых единиц в названии фильма), прагматическая (отсылка к Библии как авторитетному источнику для оказания воздействия на реципиента) и функция презентации личности (имплицитная характеристика героев через вводимые в их речь библейские языковые единицы).

2. Невербальных элементов – темпа и тембра голоса актеров, их интонаций, выражений лиц, поз, жестов, мимики, которые дополняют и усиливают средства вербальной коммуникации. Невербальными средствами выражения христианского дискурса в кинопроизведении могут являться присутствие в сценах фильма христианских символов, духовных лиц, храмовой архитектуры, изображение действий, совершаемых во время богослужения.

3. Кинематографических техник – приемов режиссуры, монтажа, работы с камерой, со светом и цветом, задающих динамику повествования, отражающих эмоциональную атмосферу кинокартины и способствующих погружению зрителей в действия, происходящие в фильме.

Другой важной особенностью кинотекста является его направленность на адресата: дискурсивно сконструированный мир кинокартины ориентирован на реципиента, который, воспринимая кинотекст, проводит тем самым дискурсивный мониторинг [Плотникова, 2014, с. 44]. Адекватное декодирование заложенных в кинопроизведение смыслов осложняется присутствием в нем как эксплицитной, так и имплицитной информации. Владение реципиентом контекстом кинокартины, наличие у него соответствующих фоновых знаний способствуют корректному восприятию кинотекста.

Что касается жанровой принадлежности фильмов на христианские темы, то они могут быть представлены довольно широким диапазоном видов кинотекста, например, рождественской историей, драмой, фантастическим фильмом, детективом.

Основываясь на обозначенном выше, можно утверждать, что исследуемая категория фильмов является совокупностью кинотекстов, демонстрирующих взаимопроникновение христианского и кинематографического дискурсов. Данное явление в целом довольно характерно для англоязычного кинематографа. В связи с этим стоит отметить, что широкая освещенность религиозных тем в кинокартинах не противоречит христианской традиции, стремящейся к использованию наряду со словом символических средств выражения основ веры, однако ставит вопрос о необходимости следования нормам

адекватной репрезентации христианства в произведениях киноискусства.

Одним из наиболее удавшихся примеров отражения христианских ценностей в кинематографе можно считать фильм *The Case for Christ*, который представляет собой убедительную историю о поиске человеком истины и пути к вере через сомнения и стремление найти ответы на важные вопросы. Кинокартина основана на реальных событиях, произошедших в 1980-е годы в Чикаго. Главным действующим лицом является известный американский журналист, обозреватель газеты *Chicago Tribune*, Ли Стробел. Целеустремленный, ответственный Ли преуспевает как в профессиональной деятельности, так и в личной жизни. Привычное течение семейной жизни меняется, когда его супруга начинает проявлять интерес к христианской вере после спасения их дочери, внезапно попавшей в беду, верующей медсестрой, которая оказалась в нужном месте в критический момент. Считающий себя убежденным атеистом Ли испытывает смутные чувства, грусть, тревогу за любимую жену, которая, как ему кажется, стала жертвой манипуляций. Задействуя свои профессиональные навыки журналиста, герой решает провести подробное расследование и опровергнуть факт воскресения Христа. Он проводит интервью с выдающимися специалистами в различных областях знаний, истории, философии, психологии, психотерапии, археологии, медицине и получает неожиданные результаты – обнаруженные факты, дополняя друг друга, объективно свидетельствуют в пользу Христа и Его учения.

Анализ кинокартины был проведен согласно выделенным ранее трем компонентам. На вербальном уровне методом сплошном выборки было найдено суммарно 160 библеизмов, структурно представленных словами, словосочетаниями, фразами, фразеологическими единицами и предложениями, причем преобладают предложения (96), что может объясняться спецификой фильма: линия повествования в нем строится на анализе различных утверждений, языковой формой выражения которых служат именно предложения: “To date, archaeologists have recovered 5843 Greek New Testament manuscripts”, “The entire Christian faith hinges on the resurrection of Jesus”. Следующим по частотности структурным видом являются словосочетания и фразы (33), используемые для описания библейских событий, упоминания христианских концептов, действий, связанных с христианским вероисповеданием: “Christ’s resurrection”, “The Shroud of Turin”, “the early Church martyrs”, “followers of Jesus”, “His promise of Heaven”, “to seek God”. В кинотексте

было найдено 30 лексических единиц, структурно представленных словами, которые использовались преимущественно в номинативной функции (“God”, “Jerusalem”, “the Crucifixion”, “the Cross”, “the tomb”, “Christianity”, “the Bible”, “Father”, “pray”) и 1 фразеологизм, по всей вероятности этимологически связанный с Библией, “to be as guilty as sin”.

Большая часть исследуемых языковых единиц (96) использована в номинативной функции с целью емкого обобщения определенной ситуации, обозначения понятий и явлений: “believing in God”, “God is patient”, “Mercy Hospital”. Существенная доля библейских лексических единиц (61) функционирует в кинокартине в качестве средств речевого воздействия и присутствует в репликах Альфи Дэвис, обращенных к Лесли (“There is no “what if” with God”, “God is not a million miles away. He’s right here...”), проповедях пастора (“I just want to encourage you to open your heart and take a chance. Maybe God’s trying to get your attention right now”), в доводах специалистов, отвечающих на вопросы Ли (“Because the core of the story is the same in all four”, “The empty tomb is based on evidence”), в песнях, исполняемых верующими на встречах (“O soul, are you weary and troubled?”). 26 лексических единиц выступают в стилистической функции, являясь составной частью стилистических приемов (антитезы, сравнения, повтора) и выражая экспрессию: “You do the same with surviving copies of the New Testament, the stack would be a mile high. Nothing else in history even comes close”, “The answer to that is what got me out of the dirt and into the church. It’s really very simple. Love”. В 21 случае библеизмы были употреблены в функции презентации личности, демонстрируя отношение героев к вере: “Well, it’s not luck. It’s Jesus.”, “But we are atheists. Atheists don’t believe in God”. 1 библеизм (“Christ”) присутствует в названии кинокартины, выполняя таким образом композиционную функцию.

На невербальном уровне функционирование христианского дискурса в исследуемой кинокартине выражается в наличии эпизодов общего собрания верующих, выступления священнослужителя с проповедью, в присутствии в кадрах креста как символа христианства, звона колоколов. Значимое место в фильме занимает эпизод прихода Ли в храм для встречи с пастором и уточнения у него вопросов относительно достоверности исторических свидетельств воскресения Господа. Помимо изображения внутреннего и внешнего устройства храма, особое место занимает кадр с репродукцией Туринской плащаницы: герой вглядывается в изображение лица

на репродукции и размышляет над словами отца Маркеса о жертвенной любви Бога к людям. Кадр с Туринской плащаницей снова появляется уже в конце фильма, когда Ли, закончив резюмирование всех собранных фактов, вновь внимательно смотрит на изображение лика и с сокрушенным сердцем произносит свою первую молитву, открывая сердце Богу и осознавая, что заключительным доводом в пользу веры во Христа является само желание верить.

С целью репрезентации христианского дискурса, помимо вербальных и невербальных компонентов, в кинокартине был использован ряд кинематографических техник. В частности, был отмечен такой прием режиссуры, как изменение темпа смены кадров – в начале фильма присутствует быстрая смена кадров с целью кратко ознакомить читателя с предысторией, далее по фильму наблюдаются преимущественно длинные монтажные отрывки, задающие ощущение размеренного течения жизни и символизирующие постепенность изменений во внутреннем мире героя.

Еще одним приемом является изменение прямой последовательности кадров: несколько раз в воспоминаниях герой возвращается в прошлое, с грустью и тревогой думая о том, что после принятия веры его любимая жена совсем скоро может стать ему совершенно чужим человеком.

Такой прием, как изменение расстояния от камеры до объекта использовался для выражения неуютной эмоциональной атмосферы в доме супругов. Крупным планом сняты эпизоды диалогов Ли и Лесли о вере, фрагмент фильма, в котором Лесли прячет Библию за другие книги во время того, как на кухню входит ее муж.

Важными средствами выражения вложенных в кинотекст смыслов являются цвет, свет и звуковое сопровождение. В фильме преобладают приглушенные цвета, часто используется спокойная фоновая музыка, текст песен описывает внутренне состояние героя (“*Carry on, my wayward son, there’ ll be peace when you are done*”). Темное освещение присутствовало в эпизодах, демонстрирующий разлад в отношениях героев и негативные эмоции, которые они испытывали, светлое – в радостные моменты и особенно в заключительных кадрах кинокартины.

Результаты исследования показывают, что все перечисленные компоненты в совокупности

способствуют передаче многогранных смыслов фильма, главными темами которого являются – любовь Бога к людям, искупление, прощение, поиск истины, семейные ценности. Важным посылом фильма является мысль о том, что настоящая вера не разделяет людей, а лишь проявляет то, что существует в отношениях между ними [Сапаева, URL].

Таким образом, кинематограф как синтетическая форма искусства обладает значительным воздействующим потенциалом на реципиентов и может служить средством репрезентации христианского дискурса, что обогащает кинопроизведения непреходящими ценностями.

Список литературы

1. Арутюнова, Н. Д. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Н. Д. Арутюнова. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 682 с. – Текст : непосредственный.
2. Бобырева, Е. В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения) : специальность 10.02.19 «Теория языка» : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Екатерина Валерьевна Бобырева. – Волгоград, 2007. – 42 с. – Текст : непосредственный.
3. Казакова, А. И. Особенности формирования фразеологической семантики в дискурсивном пространстве отечественного киноискусства : специальность 10.02.01 «Русский язык (филологические науки)» : дисс. ... канд. филол. наук / Анна Игоревна Казакова. – Волгоград, 2014. – 231 с. – Текст : непосредственный.
4. Плотникова, С. Н. Дискурсивное конструирование как теоретическое понятие / С. Н. Плотникова // Известия ВГСПУ. Филологические науки. – 2014. – № 5. – С. 41-46. – Текст : непосредственный.
5. Сапаева, Е. В. Свидетели, которым незачем лгать – Текст : электронный // Информационно-аналитический портал Саратовской митрополии : [официальный сайт]. – URL : <https://www.eparhia-saratov.ru/Articles/svideteli-kotorym-nezachem-lgat> (дата обращения: 15.01.2024).
6. Dynel, M. Stranger than Fiction? A Few Methodological Notes on Linguistic Research in Film Discourse / M. Dynel // Brno Studies in English. – 2011. – № 37. – P. 41-61. – Текст : непосредственный.

DOI: 10.47475/9785727119631_71

Н.В. МОНГИЛЁВА / N.V. MONGILEVA

*Костанайский региональный университет им. А.Байтурсынова
(Костанай, Казахстан)*

ДИСПОЗИТИВНОСТЬ УСЛОВИЙ РЕФЕРЕНЦИАЛЬНОГО ВЫБОРА В РАССКАЗАХ О СЕМЬЕ

DISPOSITIVITY OF REFERENTIAL CHOICE CONDITIONS IN STORIES ABOUT FAMILY

Аннотация

Рассматривается выбор референциального средства в диспозитивности общекогнитивных и дискурсивных условий. В ракурсе диспозитивности говорящий располагает альтернативными вариантами моделирования объекта референции и небезграничным репертуаром речевых средств. В устных рассказах о семье респонденты, перечисляя своих родственников и семейный уклад, использовали формы для указания на «общность членов группы» как интенциональный объект референции. Систематизация операторов референции позволила выделить альтернативные ключевые опоры, выбор которых предзадает конфигурацию модели интенционального объекта и, далее, предопределяет выбор референциального средства. Предпринятый сравнительный анализ частотности операторов референции в рассказах русских и казахских респондентов направлен на выявление дискурсивных условий диспозитивности. Сквозь призму предпочтения операторов референции делаются выводы о влиянии социокультурных представлений о семье на значимость для говорящего тех или иных аспектов моделирования референциального объекта «общность», что и предопределяет способ описания. Референциальный выбор происходит в диспозитивности дискурсивных условий, сложившихся в социокультурной среде. Обсуждается аналитический потенциал категории диспозитивности в раскрытии интерпретирующего феномена дискурса.

Abstract

The choice of a referential means in the dispositivity of general cognitive and discursive conditions is considered. From the perspective of dispositivity, the speaker has alternative options for modeling the object of reference and a limited repertoire of speech means. In oral stories about the family, respondents used forms to indicate the "community of group members" as an intensional object of reference while listing their relatives and family structure. The systematization of reference operators made it possible to identify alternative key supports, the choice of which presets the configuration of the intensional object model and, further, predetermines the referential means choice. The undertaken comparative analysis of the reference operators frequency in the stories of Russian and Kazakh respondents is aimed at identifying the discursive conditions of dispositivity. Through the prism of preference for reference operators, conclusions are drawn about the influence of sociocultural ideas about family on the significance of certain aspects of modeling the referential object "community" for the speaker, which determines the method of description. Referential choice occurs in the dispositivity of discursive conditions that have developed in the sociocultural environment. The analytical potential of the category of dispositivity in revealing the interpretive phenomenon of discourse is discussed.

Ключевые слова: диспозитивность, референциальный выбор, операторы референции, общекогнитивные условия, дискурсивные условия, интерпретация.

Keywords: dispositivity, referential choice, reference operators, general cognitive conditions, discursive conditions, interpretation.

Интерпретирующая природа дискурсивного процесса является актуальной и широко обсуждаемой проблемой современной дискурсологии и теории интерпретации (В. З. Демьянков, В. И. Карасик, М. Л. Макаров, Е. Г. Беляевская, М. Н. Федулова). Тем не менее выбор речевого средства говорящим как интерпретирующий этап речевого взаимодействия остается не осмысленными должным образом. Наличие выбора средств репрезентации

и вариативность когнитивных моделей учитывается. Однако, инструмент анализа предзаданности и пределов выбора из моделей и речевых средств, предоставленных говорящему лингвокультурой не конкретизирован. Хотя коммуникативная сущность дискурса подразумевает объективные по отношению к говорящему явления, предопределяющие его выбор (коллективные модели, конвенции, социокультурные и языковые нормы и т. д).

В философском понимании диспозитивность – это свобода, допущение выбора, автономия субъекта распоряжаться вариантами, предоставленными и зафиксированными институциональной нормой (И. П. Малинова, О. А. Красавчиков). Сущность диспозитивности в том, что в момент начала действия субъект имеет в своем распоряжении ряд альтернатив (И. Кант). В эпистемологии диспозитивность коррелирует с конвенцией, т.е. с общепринятыми вариантами, в роли таких могут выступать и языковые конвенции [Энциклопедия эпистемологии, 2009].

Трансфер диспозитивности в анализ дискурса позволяет акцентировать идею о том, что говорящий в момент начала действия имеет в своем распоряжении альтернативные варианты репрезентации предмета речи (*о чем идет речь*) и больше одного, но небезграничное количество способов организации высказываний об объекте речи (*как сказать об этом*). Первое предопределено моделями представления, второе – формами, усвоенными говорящим в дискурсе и через дискурс.

Анализ общекогнитивных и дискурсивных условий диспозитивности позволяет обнаружить ключевые опоры моделирования объекта речи и закономерности в кажущемся разнообразии речевых выражений и коммуникативных ситуаций. Тем самым возможно установить *пределы* выбора моделей интерпретации в дискурсивном конструировании, а также *предзаданность* речевых средств, сложившуюся в дискурсе под влиянием социокультурного контекста.

Референция в самом общем смысле, это отнесенность речевого средства к внеязыковому объекту [Арутюнова, 1990]. Осуществляя референцию, говорящий актуализирует модель, которую соотносит с референтами – людьми, ситуациями, объектами, событиями, фактами, положением дел – и с лингвистическими средствами референции [Падучева, 1985].

Вслед за С. В. Постниковой, мы выделяем два типа референции. *Экстенциональная* соотносит стабильный образ-представление со значением языкового знака, этот тип референции предрасполагает речевые средства к функции обозначения. *Интенциональная* связана больше с выполнением описательной и оценочной функций, так как «отсылает» единицы высказывания к концептуальным единицам более высокой степени абстракции, репрезентируя обобщенно совокупность признаков и свойств [Постникова, 2000, с. 205].

Согласно А. А. Кибрику, каждый раз, когда говорящему необходимо упомянуть референт, в его распоряжении имеется множество вариантов [Kibrik, 2000]. А. А. Кибрик и его научная школа устанавливают зависимость референтного

выбора от *свойств* референта (одушевленность, протагонизм, выделенность) и *свойств дискурсивного контекста* (расстояние до антецедента, наличие дискурсивных границ и т.д.) [Kibrik, 2000; Кибрик 2004]. Когнитивные исследования референции несут в себе ценные идеи о том, что *фактический референциальный выбор, подтвержденный в образце дискурса, происходит в системе условий – когнитивных и дискурсивных*. Говорящий выбирает модель представления референта. Дискурсивные факторы накладывают ограничения на возможные способы и средства реализации референции.

В данной работе на материале устных высказываний о семье устанавливается корреляция референциального средства и выбора говорящим *контекстной модели представления своей семейной группы как общности*. В статье использован корпус речевых примеров, собранных в ходе исследования этнокультурной специфики рассказов о семье [Монгилева, 2017].

Смоделированной ситуацией стало обращение к респонденту *Расскажите о своей семье*. Просьба формулировалась в императивной форме без дополнительных уточнений. Отвечая на просьбу, респондент был вынужден решать две коммуникативные задачи: 1) означить близких родственников или осуществить экстенциональную референцию; 2) описать их как семейную группу, т.е. сделать соотношение с интенционалом «общность членов группы». В результате эксперимента было получено 78 рассказов о семье. Например:

Я живу в замечательной и любимой мною семье. Мы все очень дружны и любим вместе отдыхать, заниматься спортом, ходить в гости и принимать гостей. В нашем большом уютном доме живет шесть человек. Я, мои родители, два брата, младший и старший, и бабушка. Тепло и уют для нас создает моя мама, Ляззат Кабиевна. Она замечательный человек, заботится, любит и опекает всех нас. Вместе мы очень любим ходить на фитнес, готовить вкусную еду для домочадцев, секретничать. Папа у нас очень добрый, любит читать: может читать целыми днями. Но нам он всегда уделяет время, поддерживают и даже часто балует, особенно Рахошку (это мой младший брат). Ему одиннадцать лет. Рахымжан увлекается теннисом. Он учится в пятом классе. Брат часто спорит со мной, но несмотря на это, мне всегда интересно проводить вместе с ним время

Экстенциональная референция осуществляется благодаря общему знанию говорящего и собеседника о том, кто может считаться членами семьи Так, *мама, моя мама, Ляззат Кабиевна, она,*

человек. Все эти средства соотносятся с одним человеком, индивидуализируют его среди других членов семьи.

Когнитивные теории референции объединены исходным положением о том, что чем более активирован (ожидаем, доступен) референт в данной точке доступа, тем меньше усилий требуется для его обработке, и тем более редуцировано средство референции – местоимение, предлог и даже нулевая форма [Givón, 1983; Кибрик, 2004].

Однако, говорящий нарушает данный постулат и стремится использовать дополнительные средства для очевидного. Ср.: *любимой мною семье* вместо *любимой семье*, *моя мама* вместо *мама*, *папа у нас вместо папа*, *проводить вместе с ним* вместо *проводить с ним и т.д.* С позиции говорящего высказывание *мы все очень дружны* лучше удовлетворяет требованиям истинности и точнее описывают объект референции, чем все очень дружны или мы очень дружны. Коммуникативным намерением говорящего становится убеждение собеседника в том, что речь идет о группе людей, которые, согласно его собственному мнению и ожиданиям собеседника, можно означить как семья.

По нашему мнению, «лишние» средства референции индивидуализируют интенционал «общность членов семейной группы», известный говорящему, представляющий для него информационную ценность и неизвестный собеседнику. Для осуществления процесса референции говорящий конструирует контекстную модель *со-отношение*. *Моя, мы, вместе, у нас, для нас* профилируют концептуальные аспекты общности, «высвеченные» фокусом эмпатии говорящего и *предзаданы конфигурацией осмысления нескольких субъектов как частей одного целого*.

Вслед за Е. В. Падучевой, мы называем операторами референции семантические элементы, не влияющие на истинность высказывания, но модифицирующие логико- и прагмасемантический, прагма-стилистический планы путем указания на специфические характеристики референта [Падучева, 1985, с. 9, с. 23, с. 36].

В референции к интенциональному объекту «общность членов семейной группы» были актуализированы две модели:

- *со-отношение* (1) объектов референции и говорящего как Я-центра высказывания;
- *со-отношение* (2) распределение объектов в пределах референтной сцены, высвеченной фокусом эмпатии, с Я-центром.

В событии *со-отношения* (1) говорящий делает выбор между формами Я и МЫ в зависимости от намерения указать на себя в акте коммуникации или осуществить коллективную идентич-

ность. Ср.: *у меня большая семья // у нас большая семья // папа у меня инженер // папа у нас часто в командировках // мы с братом часто разговариваем // как и брат я интересуюсь моделями*.

Этим выбором устанавливается Я-центр или МЫ-центр высказывания и предопределяются другие формы означивания, например, принадлежности мой или наш.

Конфигурацию *со-отношения* (2) сигнализируют операторы референции. Они демонстрировали вариативность и профилировали различные концептуальные аспекты референтной сцены.

Респонденты использовали **операторы принадлежности** в означивании членов семьи. Ср.: *Для меня мои родители стараются делать всё // Мы все живём вместе, кроме моей сестры, которая замужем и живёт в России (без мои и моей истинность высказывания не меняется)*.

Иногда респонденты, наоборот, вводили **операторы отчуждения**. Ср.: *Другие бабушка и дедушка уже умерли // ... собираются мама, её сестры, их мужья... (возможно мама, тети, дяди)*.

Фокус внимания говорящего мог «выхватить» два-три объекта из всех группы с помощью оператора выделенности, объединяя только их по какому-либо признаку. Ср.: *мама нас с братом воспитывала одна // мы с мамой любим готовить*.

Профилирование референта на фоне группы могло происходить путем введения в контекст схемы ОБЪЕКТ / ВЛАДЕНИЕ ОБЪЕКТОМ, в высказывание вводился **оператор присвоения**. Ср.: *мама у меня очень любит свою работу*.

Направление фокуса внимания на объект / несколько объектов на фоне группы автоматически «затемняет» границы общности. И наоборот, семантическое значение форм мы, все очерчивают пределы общности, нивелируя индивидуальность ее членов.

Респонденты в ряде высказываний использовали **операторы конкретного множества**. Ср.: *мы все очень любим дачу // все собираются за столом // со всеми поддерживаем отношения*.

Нередко *со-отношение* между говорящим и одним из членов семейной группы было профилировано с помощью **оператора Я-координации**. Ср.: *Лично для меня он самый верный друг // мама для меня пример стойкости и терпения*.

В стремлении описать единение, дружбу, согласие в семье респонденты вводили в высказывание **оператор совместного действия**. Ср.: *мы с мамой вместе ходим по магазинам // Все собираемся вместе за ужином // вместе навещаем бабушек и дедушек*.

В этих же целях было использовано всегда в различных нюансах значения. Являясь «лиш-

ним» элементом, эта форма стала **оператором непрерывности состояния** общности. Ср.: *они мне всегда помогли // моя мама всегда отзывчива и добра // мы всегда дружные.*

Количество и разнообразие операторов референции демонстрирует интеграцию *события соотношения* в контекстные модели репрезентации семейной группы. Без референции к интенциональному объекту «общность» рассказ респондентов распался бы на высказывания о разных людях, ничем между собой не связанных.

Обобщение выделенных операторов референции сигнализирует о диспозитивности конструирования референциального объекта «семейная группа», реализуемой в следующих общекогнитивных условиях:

- 1) установление *я-центра* или *мы-центра*;
- 2) усиление *посессивности* или *отчуждение*;
- 3) выделенность *границ группы* или *одного/нескольких объектов* на фоне группы;
- 4) *пространственный* или *временной* признак состояния.

Для выявления дискурсивных условий диспозитивности из корпуса высказываний были выбраны рассказы респондентов 18-24 лет, не имеющих собственную семью, проживающих с родителями: 15 высказываний русских респондентов и 15 респондентов-казахов. Высказывания респондентов были разделены на фразы-предложения, в них были отмечены лингвистические средства-операторы референции. Данные систематизированы с использованием ресурсов программы Excel.

Таблица

Сводная таблица частотности операторов референции к объекту «семейная группа» у русских и казахских респондентов

Операторы референции	Респонденты-русские	Респонденты-казахи
1 Субъектный центр высказывания		
Я-центр (<i>я, мне</i>)	74	101
Мы-центр (<i>мы, нас, нам</i>)	94	54
2 Вектор посессивности		
Оператор принадлежности Я-центра (<i>мой</i>)	42	40
Операторы принадлежности Мы-центра (<i>наш</i>)	40	10
Оператор присвоения Я-центра (<i>у меня</i>)	14	11
Оператор присвоения Мы-центра (<i>у нас</i>)	15	5
Оператор отчуждения (<i>другой, ее</i>)	12	0

3 Вектор выделенности объекта на фоне группы		
Операторы Я-координации Направление от Я-центра (<i>ей, им</i>)	3	6
Операторы Я-координации Направление к Я-центру (<i>для меня, мне</i>)	5	28
Оператор дистрибутивного множества (<i>каждый</i>)	3	3
Оператор выделенности более одного объекта (<i>нас, нам</i>)	3	19
4 Вектор выделенности границ группы		
Оператор конкретного множества (<i>все</i>)	23	5
5 Пространственный признак состояния		
Операторы совместного действия (<i>вместе</i>)	25	12
6 Временной признак состояния		
Оператор непрерывного состояния (<i>всегда</i>)	16	46

Сравнительный анализ демонстрирует ряд отличий.

Наблюдается разница в выборе Я или Мы в качестве субъектного центра высказывания. Респонденты-казахи чаще строили фразы от первого лица *я/мне*, у русских респондентов более частотно *мы*. Но при этом ввести в высказывание компонент посессивности предпочитают русские респонденты, в таблице это видно по количеству операторов принадлежности и присвоения.

Респонденты-казахи чаще добавляли *мой / моя / мои* в референции членов семьи. *Наш / наша* из десяти употреблений пять было использовано для существительных собирательного значения семья, страна. Ср.: *девиз нашей семьи // наша семья, она очень дружная // наши интересы*. В высказываниях русских респондентов эта форма сопровождает средства референции к членам семьи (*наш папа, мама наша*).

Сводная таблица демонстрирует предпочтение у русских респондентов местоимения все для описания семейной группы. Указывая полную степень охвата все, говорящий очерчивает границы, так как это подразумевает «до конца», «полностью».

В таблице приведена разница в использовании операторов Я-координации. Респонденты-казахи явно предпочитали конструкцию *для меня*. Внимание направляется от семейной группы к говорящему *семья для меня* или от одного из референтов *брат для меня*. Акцентируется одновременно и уникальность референта, он синтаксически выделен, и значимость говорящего,

так как подчеркивается, что именно говорящий выделяет данные качества. Ср.: *Брат для меня как главный мужчина в нашей семье // лично для меня он герой.* Казахские респонденты выделяли референтный объект на фоне группы. Ср.: *А с мамой мы часто обсуждаем литературу прочитанную мной и мамой // мои родители делают для нас для меня и для моего братишки.*

В русских высказываниях уникальность референта актуализировалась без соотнесения с группой. Ср.: *у нас у всех есть свои увлечения, у каждого.* У казахских респондентов местоимения *каждый* использовалось тоже, но с указанием на группу. Ср.: *Она настолько знает подход к каждому из нас.*

Русские респонденты стремились структурировать семейную группу, проводя «отделяющие» линии и стороны. Ср.: *С маминой стороны я всегда могу получить понимание, поддержку // родственники по другой линии.*

Казахские респонденты не использовали операторов отчуждения в означивании родственников по браку старших сестер / братьев, не делали различия между бабушками и дедушками по линиям матери и отца. Частотность установления Я-центра также сигнализирует «затемнение» границ группы.

В высказываниях русских респондентов прослеживается отделение от семейной группы тех, кто не живет непосредственно с говорящим. Ср.: *А также у меня есть сестра, она намного старше меня и у нее есть своя семья: двое детей, муж...* Другой респондент не посчитал членом семьи замужнюю сестру. Ср.: *У меня по нашим меркам довольно большая семья пять человек, родители, я, старший брат и младшая сестра. Мы все живём вместе, кроме моей сестры, которая замужем и живёт в России....* Русские респонденты акцентировали аспект совместное проживание и другими способами. Ср.: *Она (бабушка) живёт отдельно, но рядом с нами.*

Казахские респонденты не отделяли семью старшего брата / сестры от своего семейного круга. Ср.: *Моя семья состоит из пяти человек, но сейчас мы живём втроём, так как две мои старшие сестры, они уже замужем.* В описании семьи и характеристиках своих близких респонденты-казахи чаще использовали всегда.

Семантическое значение всегда – это указание на постоянство некоторого состояния. Казахские высказывания демонстрируют предпочтение в дополнительном акцентировании постоянства, непрерывности. Использование всегда указывает на осмысление общности как нечто, не имеющее временных пределов. Ср.: *она всегда была нам опорой // всегда несла свое бремя.* Стремление

ввести в контекст компонент непрерывности у казахских респондентов подтверждается и другими указаниями. Ср.: *каждый момент проведенный с ними я вспоминаю с улыбкой // каждую минуту я думаю чтобы сделало мою маму счастливой.*

Дискурсивные условия диспозитивности референции предопределены значимостью для говорящего тех или иных аспектов представления «семейной группы», что в свою очередь находится под влиянием общего социокультурного знания о межличностном взаимодействии.

Сквозь призму высказываний казахских респондентов объект референции «общность членов семейной группы» не имеет четко выраженных пределов и описывается как вневременное состояние. Субъект находится в центре группы, соотнося себя то с одним, то с другим членом семьи как референциальным объектом на фоне значимости группы. Ракурс представления обуславливает предпочтение форм *я, моя, для меня, всегда, каждый из нас.*

Русские респонденты стремились создать контекст сопричастности, совместности объектов референции. Субъект в фокусе эмпатии четко определяет членов группы, структурирует состав группы. Соотнесенность с говорящим значима, так как это условие включения в группу. В таком ракурсе частотны *мы, у меня, у нас, наш, вместе.*

Список литературы

1. Арутюнова, Н. Д. Референция / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 411. – Текст : непосредственный.
2. Кибрик, А. А. Референция и рабочая память: о взаимодействии лингвистики с психологией и когнитивной наукой / А. А. Кибрик – Текст : непосредственный. // Материалы первой российской интернет-конференции по когнитивной науке. – Москва: УМК Психология, 2004. – С. 29-43.
3. Монгилова, Н. В. Этнокультурный аспект смыслового пространства “моя семья” (на материале устных высказываний о семье) / Н. В. Монгилова // Вопросы психолингвистики. – 2017. – № 2 (32). – С.94-109. – Текст : непосредственный.
4. Падучева, Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью / Е. В. Падучева. – М.: Наука, 1985. – 272 с. – Текст : непосредственный.
5. Постникова, С. В. К вопросу о референциально-прагматической природе языковых знаков / С. В. Постникова // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского : Серия

Филология. – 2001. – № 1 (2). – С. 202-207. – Текст : непосредственный.

6. Энциклопедия эпистемологии и философии науки / под общ. ред. член-корр. РАН И. Т. Касавина). – М., 2009 – 1248 с. – Текст : непосредственный.

7. Givón, T. Topic Continuity in Discourse. A Quantified Cross-language Study / (ed.) T. Givón // Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins. – 1983 – P. vi 492. – Текст : непосредственный.

8. Kibrik, A. A. A cognitive calculative approach towards discourse anaphora / A. A. Kibrik // Proceedings of the Discourse anaphora and reference resolution conference (DAARC 2000). – Lancaster University: University Centre for Computer Corpus Research on Language, Technical Papers, 2000. –12. – P. 72-82. – Текст : непосредственный.

DOI: 10.47475/9785727119631_76

Н.С. ОЛИЗЬКО / N.S. OLIZKO

Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)

ОБРАЗ РЕКТОРА КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА УНИВЕРСИТЕТА

IMAGE OF THE RECTOR AS A MEANS OF FORMING UNIVERSITY IMAGE

*Исследование выполнено при поддержке
Фонда перспективных научных исследований ФГБОУ ВО «ЧелГУ» 2024 г.
The research is supported by the Foundation for Advanced Scientific Research at
Federal State Educational Institution of Higher Education “CSU” in 2024*

Аннотация

Необходимость изучения языковых особенностей медиаконтента вуза, выступающего средством формирования имиджа университета в современном цифровом обществе, составляет актуальность данного исследования. В статье представлен анализ контента университетских социальных сетей с целью выявления прагматического потенциала языковых единиц, участвующих в формировании образа вуза через образ ректора. Особое внимание уделяется тематическому и лингвопрагматическому анализу социальных сетей Челябинского государственного университета. В Телеграм-канале ЧелГУ представлены новости о последних научных достижениях, культурных мероприятиях, спортивных победах и других важных событиях, которые происходят в университете. Результаты исследования свидетельствуют о том, что образ ректора в телеграм-канале вуза является одним из ключевых элементов формирования имиджа университета. Ректор как глава университета представляет его интересы и принимает важные решения, связанные с развитием вуза. Он является символом университета и влияет на восприятие представленной в Телеграм-канале информации.

Abstract

The necessity to study the linguistic features of university media content, which acts as a means of forming the image of the university in the modern digital society, constitutes the relevance of this study. The article analyses the content of university social networks in order to identify the pragmatic potential of linguistic units involved in the formation of the university image through the image of the rector. Special attention is paid to thematic and linguopragmatic analysis of social networks of Chelyabinsk State University. The Chelyabinsk State University Telegram channel presents news about the latest scientific achievements, cultural events, sports victories and other important events that take place at the university. The results of the study indicate that the image of the rector in the university's Telegram channel is one of the key elements of the university's image formation. The rector as the head of the university represents its interests and makes important decisions related to the development of the university. He is a symbol of the university and influences the perception of the information presented in the Telegram channel by the audience.

Ключевые слова: университетский медиадискурс, медиaprостранство вуза, образ вуза, образ ректора, телеграм-канал вуза, Челябинский государственный университет.

Keywords: university media discourse, university media space, university image, rector's image, university's Telegram channel, Chelyabinsk State University.

Современные технологии коммуникации, включая социальные сети, играют важную роль в формировании образа университета. Изучение языковых особенностей университетского медиаконтента, выступающего неотъемлемой частью информационной политики современного вуза, составляет актуальность данного исследования. Челябинский государственный университет (ЧелГУ) – один из ярких примеров успешного использования медиaprостранства вуза с целью формирования положительного образа университета. Социальные сети ЧелГУ публикуют новости о научных достижениях, конференциях, культурных мероприятиях, спортивных победах и других важных событиях, происходящих в университете. В данной статье исследуется медиaprостранство Челябинского государственного университета (г. Челябинск) на примере Телеграм-канала ЧелГУ (<http://t.me/csu76>).

Телеграм-канал вуза является одним из эффективных инструментов установления связи с аудиторией и передачи информации о деятельности университета [Олизько, 2022, с. 88]. Телеграм-канал ЧелГУ выступает площадкой для прямого общения ректора со студентами, преподавателями и общественностью. Имя ректора Челябинского государственного университета Сергея Валерьевича Таскаева упоминается в Телеграм-канале 215 раз: в 2020 году – 24 раза, в 2021 году – 48 раз, в 2022 году – 60 раз, в 2023 году 83 раза. Статистика свидетельствует о высокой активности и открытости ректора в коммуникации с аудиторией, что создает положительный образ университета и укрепляет доверие к руководству.

Для формирования положительного образа ректора в телеграм-канале вуза необходимо выполнение нескольких параметров. Один из наиболее важных параметров – это компетентность и профессионализм руководителя вуза. Данные качества помогают ректору эффективно общаться с аудиторией и убедительно выступать в качестве главы университета. Тематика постов в Телеграм-канале ЧелГУ демонстрирует активность ректора в различных сферах деятельности вуза – научные конференции и конгрессы, экономический и экологический форумы, спортивные и культурные мероприятия, установление партнерских связей с университетами Таджикистана, Кыргызстана и Китайской народной республикой. Сергей Таскаев регулярно дает интервью,

рассказывая о миссии университета, о направлениях ЧелГУ, которые «выстрелили» в этом году, о том, почему «военка» в вузе – это хорошо и как студенты успевают заниматься наукой и работать в студенческих отрядах, о новых возможностях, которые даёт университету строящийся кампус. Отдельный блок составляют вопросы, связанные с приемной кампанией и неоднозначном для абитуриентов эксперименте – введенной Минобрнауки год назад практике зачисления «в одну волну».

Рассмотрим пост, содержащий интервью Сергея Валерьевича Первому областному информагентству (см. рис. 1). В интервью речь идет о перспективах развития Южного Урала в ближайшие годы, роли областной власти в этих процессах и способах удержания на малой родине представителей молодого поколения.

Рис. 1 – Пост-интервью в Телеграм-канале ЧелГУ

Открывается пост прецедентным высказыванием про «светлое будущее» Южного Урала. Данная фраза восходит к работе Н.Г. Чернышевского «Что делать?», утверждающей, что «будущее светло и прекрасно...».

Философское понятие «светлого будущего» отражает стремление человечества попасть в идеальное общество. «Светлое будущее» Южного Урала, по мнению ректора Челябинского государственного университета Сергея Таскаева, зависит от торжества науки и развития высшего образования. Ректор подчеркивает необходимость создания на малой родине условий для эффективной работы молодого поколения, указывая на то, что для успешного развития региона необходимо сотрудничество между университетами, властью и обществом.

Данный пост призывает читателей перейти по ссылке на интервью ректора Челябинского государственного университета Сергея Таскаева, повествующее о важности науки и высшего образования для развития Южного Урала.

Второй важный параметр формирования положительного образа ректора в телеграм-канале – это доступность и близость аудитории, умение ректора общаться на доступном языке и использовать понятные термины и выражения. Так называемый «общий» язык способствует установлению доверительных отношений с аудиторией и помогает создать положительный образ университета [Олизько, 2023, с. 514]. Так, подводя итоги года, ректор в своем интервью, посвященном достижениям студентов и профессорско-преподавательского состава вуза в науке, культуре и спорте, указывает, что «Год науки и технологий стал поводом придать ускорение молодежной науке». Выражение «придавать ускорение» отмечено в словаре пометой «жарг., шутил.», что подчеркивает легкость и отсутствие официоза в речи ректора. В конце сообщения ректор подводит итог: «У нас замечательные студенты, ради которых хочется гореть на работе». Фразеологизм «гореть на работе» используется для описания ситуации, когда человек работает с большим энтузиазмом, прилагает максимум усилий и полностью поглощен своим делом. Данная фразеологическая единица является метафорическим выражением, помогающим стереть жесткие границы между студентами и руководством вуза, подчеркивающим взаимную эмоциональную вовлеченность и стремление достичь высоких результатов.

Третий параметр акцентирует внимание на привлекательности образа ректора, перед которым стоит задача вдохновить преподавателей и студентов и влюбить в вуз широкую общественность. В лице ректора мы хотим видеть лидера, способного зажечь аудиторию на достижение больших целей в отношении развития университета. Рассмотрим пост-напутствие **участникам Детского экологического форума, представленный в Телеграм-канале ЧелГУ:**

«Вы наши первопроходцы, именно с вас начинается история этого замечательного и важного для всей страны события. Уверен, ваши проекты станут неотъемлемой частью и экологического просвещения, и экологической культуры наших регионов. Видел, какие непростые задачи стоят перед вашими командами и уверен, что вы справитесь с ними. Удачи вам. Помните, что каждый из вас уже победитель, потому что стоит на страже окружающей среды», – сказал ректор ЧелГУ, доктор физико-математических наук Сергей Таскаев, который является членом оргкомитета ДЭФ.

Прагмалингвистический анализ данного поста позволяет установить, что ректор ЧелГУ выражает признание и поддержку участникам **Детского экологического форума**. **Лексическая единица** «первопроходцы» подчёркивает новаторский характер представленных проектов и их актуальность для экологического просвещения и культуры региона. Ректор, с одной стороны, подчеркивает сложность задач, стоящих перед командами участников, а с другой стороны, выражает уверенность в их способности справиться с экологическими вызовами, высоко оценивая потенциал участников **Детского экологического форума**. Кроме того, ректор ЧелГУ отмечает, что каждый из участников является победителем уже потому, что занимается актуальными вопросами окружающей среды, внося неопределимый вклад в развитие экологии и охраны природы Челябинской области.

Создавая доверительные отношения с аудиторией, ректор стремится вовлечь студентов, преподавателей и широкую общественность в процесс принятия важных решений. Такие механизмы взаимодействия, как опросы, обратная связь и открытые диалоги, способствуют вовлечению аудитории в жизнь университета. Участие в диалоге с подписчиками через комментарии, использование гиперссылок, хэштегов и интерактивных элементов также направлены на повышение вовлеченности аудитории.

Комментарии и лайки в телеграм-канале (см. рис. 2) демонстрируют активное взаимодействие между автором и аудиторией. В комментариях читатели могут не только задавать вопросы, но и высказывать собственную точку зрения. Подобного рода активность стимулирует обмен идеями, мнениями и опытом между читателями, что способствует более глубокому пониманию и анализу рассматриваемых вопросов. Так называемые «лайки» служат формой социального подтверждения важности и полезности контента. Для читателей они выступают своего рода индикатором качества материала, так как посты, сопровождаемые активной реакцией в виде эмодзи, привлекают особое внимание. Кроме того,

комментарии и лайки могут помочь увеличить «видимость» канала и привлечь новых пользователей. Активное обсуждение и взаимодействие на канале вызывает интерес и способствует увеличению числа подписчиков.

❤️ **4 октября** – эту дату знают все ЧелГУшники!

❤️ Нашему университету исполнится 47 лет, праздновать будем весь день.

Вас ждут:

- 👉 квиз
- 👉 выставка, посвященная нашему легендарному археологу, первооткрывателю Аркаима Геннадию Здановичу
- 👉 финал спартакиады по мини-футболу
- 👉 праздничный концерт.

Рис. 2 – Комментарии и лайки в Телеграм-канале ЧелГУ

Как показывает материал, в университетском медиaprостранстве образ ректора играет ведущую роль в формировании имиджа и репутации университета. Именно фигура ректора, отражающая основную миссию университета, определяет характер восприятия вуза в обществе. Необходимость эффективного выстраивания коммуникации с общественностью со стороны ректора в Телеграм-каналах и других социальных сетях вуза требует особого внимания к использованию соответствующих вербальных и невербальных средств взаимодействия с аудиторией.

Список литературы

1. Олизько, Н. С. Университетский массмедийный дискурс // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах : материалы XI Международной научной конференции. – Часть 1. – Челябинск: Челябинский государственный университет, 2022. – С. 87-89. – Текст : непосредственный.
2. Олизько, Н. С. Особенности коммуникации в рамках университетского дискурса // Когнитивные исследования языка. – 2023. – № 1(52). – С. 512-520. – Текст : непосредственный.

DOI: 10.47475/9785727119631_79

Н.С. ОЛИЗЬКО, С.М. АЮШЕВА / N.S. OLIZKO, S.M. AYUSHEVA
Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ РЕКЛАМНОЙ КАМПАНИИ В УНИВЕРСИТЕТСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

LINGUISTIC MEANS OF IMPLEMENTING AN ADVERTISING CAMPAIGN IN THE UNIVERSITY MEDIA DISCOURSE

*Исследование выполнено при поддержке
Фонда перспективных научных исследований ФГБОУ ВО «ЧелГУ» 2024 г.
The research is supported by the Foundation for Advanced Scientific Research at
Federal State Educational Institution of Higher Education “CSU” in 2024*

Аннотация

Данная статья рассматривает лингвистические средства, используемые для эффективной коммуникации в университетском медиадискурсе и для реализации рекламных кампаний с целью привлечения внимания потенциальных студентов, членов академического сообщества и других заинтересованных лиц. Авторы анализируют специфику языковой выразительности, семантики и структуры высказываний, применяемых в университетских средствах массовой информации с целью продвижения учебных программ, исследовательских проектов, культурных событий и других аспектов университетской жизни. Данная работа описывает разнообразные лингвистические приемы, такие

как использование специфической лексики, стилистических фигур, а также особенности освещения тем в университетской рекламе. Авторы проводят анализ медиасообщений и онлайн-контента Оксфордского университета и Челябинского государственного университета с целью выявления особенностей рекламных кампаний данных вузов. В статье отмечается важность адаптации лингвистических средств для различных целевых групп, включая потенциальных студентов, их родителей и т.д.

Abstract

This article examines the linguistic means used for effective communication in university media discourse and for the implementation of advertising campaigns to attract the attention of potential students, members of the academic community and other interested parties. The authors analyse the specifics of linguistic expressiveness, semantics and structure of statements used in university media to promote academic programmes, research projects, cultural events and other aspects of university life. This paper describes a variety of linguistic techniques, such as the use of specific vocabulary, stylistic figures, as well as the peculiarities of covering topics in university advertising. The authors analyse media messages and online content of Oxford University and Chelyabinsk State University in order to identify the peculiarities of advertising campaigns of these universities. The article points out the importance of adapting linguistic means for different target groups, including potential students, their parents, etc.

Ключевые слова: университетский медиадискурс, рекламная кампания вуза, имиджевая реклама, Оксфордский университет, Челябинский государственный университет.

Keywords: university media discourse, university advertising campaign, image advertising, Oxford University, Chelyabinsk State University.

Реклама в современном обществе оказывает значительное влияние на восприятие университетов и становится ключевым инструментом для привлечения студентов. Использование лингвистических средств в университетской рекламе является мощным инструментом формирования образа учебного заведения и создания привлекательного и запоминающегося имиджа. В свете стабильно увеличивающейся конкуренции в сфере высшего образования университетам становится важным не только представить информацию о своих образовательных программах, но и произвести неизгладимое впечатление на потенциальных студентов через использование разнообразных лингвистических приемов в рекламных кампаниях.

О.А. Феофанов определяет рекламу как «комплекс психологических мер воздействия на сознание потенциальных потребителей с целью активного продвижения на рынок объектов рекламы, будь то товар, услуга или политический деятель, а также с целью создания позитивного имиджа фирме, организации и отдельным институтам общества» [Феофанов, 2013, с. 27]. В рамках университетского медиадискурса реклама университета и его образовательных программ требует специальной подготовки, включающей изучение потенциальной аудитории, разработку плана рекламной кампании, анализ последних тенденций и инноваций с целью эффективного общения с молодежью.

При выборе университета будущие студенты обращают внимание на несколько важных факто-

ров. Прежде всего, это репутация университета, его узнаваемость и привлекательность, а также интерес к академическим программам, предлагаемым учебным направлениям. Соответственно, рекламная кампания университета должна подчеркивать несколько ключевых аспектов:

- «оценку университета в глазах потенциальных абитуриентов, их семьи и учителей;
- представление университетского сообщества, так как абитуриент проведет несколько лет в этом круге, и формирование социального капитала;
- эмоциональные аспекты, которые предлагает университет при поступлении» [Пономарева, 2014, с. 35].

Для привлечения внимания к университету часто используется имиджевая реклама, которая направлена на вызов положительных эмоций у целевой аудитории. Имидж высшего учебного заведения – это «устойчивое, эмоционально окрашенное мнение о вузе, состоящее из набора убеждений и ощущений, которое складывается у потребителей (реальных и потенциальных) образовательных товаров и услуг об учебной организации на основе сформированного у них образа данной организации, возникшего вследствие либо прямого контакта с вузом, либо на основе информации, полученной об этом вузе из других источников» [Красовский, 2003, с. 14]. В рамках таких рекламных кампаний основное внимание уделяется установлению и укреплению ключевых характеристик бренда университета, таких как слоган, логотип и стиль. Эти кампании про-

водятся регулярно и на протяжении длительного времени, чтобы целевая аудитория начала неосознанно доверять бренду, поскольку он становится для нее знакомым. Также важно учитывать, что в рамках имиджевой рекламы университет должен стремиться к созданию положительного образа в глазах потенциальных студентов, их родителей и учителей, подчеркивая свою академическую репутацию, культурные и спортивные программы, а также возможности для личностного развития.

Кроме создания образа, университеты могут воспользоваться рекламой, направленной на продвижение своих учебных программ, чтобы привлечь внимание к своим образовательным предложениям. В рамках такой рекламной кампании акцент делается на экономической выгоде для потенциальных студентов. Например, реклама университетских программ может информировать о возможности получения скидок на обучение, наличии бюджетных мест, предложениях бесплатного обучения или стипендиях. Таким образом, если студент уже выбрал учебную программу, но не может определиться с выбором университета, реклама с выгодными предложениями может помочь ему принять решение быстрее.

Использование разнообразных лингвистических средств играет ключевую роль в формировании образа вуза в глазах потенциальных студентов. Рассмотрим рекламную кампанию Оксфордского университета.

People have heard of Oxford, and for good reason

«The learning and research undertaken here has an impact on all our lives and solves real-world problems. You'll have the chance to learn from people at the centre of research that's changing the future of the world» [University of Oxford, URL].

В рекламном тексте Оксфордского университета четко формируется образ вуза посредством апелляции к авторитету и подчеркивания широкой известности университета. Эмоционально окрашенные лексические единицы (*the learning and research undertaken here has an impact on all our lives and solves real-world problems*) вызывают положительные эмоции и указывают на значимость обучения для решения актуальных мировых проблем. Слоган *You'll have the chance to learn from people at the centre of research that's changing the future of the world* призывает потенциальных студентов присоединиться к университету, где они смогут учиться у ведущих преподавателей-исследователей.

World-famous graduates

«Many of our graduates go on to realise extraordinary futures, becoming writers and broadcasters, actors and comedians, artists and musicians, scientists, Olympic medal winners, Nobel Prize winners, and world leaders» [University of Oxford, URL].

В последнем рекламном тексте эмоционально-окрашенная лексика (*extraordinary futures, world-famous, Nobel Prize winners*) направлена на вызов эмоционального отклика у потенциальных студентов и создание ощущения престижности учебного заведения. Убеждающие речевые обороты (*realise extraordinary futures*) и упоминание разнообразных профессиональных областей, в которых достигли успеха выпускники, акцентируют внимание на потенциальных перспективах студентов и создают положительный образ университета.

Рассмотрим лингвистические средства продвижения в рекламном тексте Челябинского государственного университета.

«Челябинский государственный университет стал первым университетом на Южном Урале. Он основан 4 октября 1976 года Постановлением Совета Министров СССР от 3 сентября 1974 года. Первоначально были созданы два факультета: физико-математический и историко-филологический. Сегодня в структуре университета образовательная деятельность ведется на 12 факультетах и в 6 учебно-научных институтах. Реализуется подготовка по 112 основным образовательным программам. В структуре «ЧелГУ» функционирует три филиала: два из них в городах Челябинской области – Миассе и Троицке, один за рубежом – в городе Костанай Республики Казахстан» [Челябинский государственный университет, URL].

«Итальянцы ЧелГУ получили грант МИД Италии, Преподаватель ЧелГУ – лидер международного хакатона, ЧелГУ расширяет сотрудничество с РФЯЦ – ВНИИТФ, Физики из Махачкалы, Тюмени и Екатеринбурга защитили диссертации в ЧелГУ, Студенты и преподаватели ЧелГУ могут заявиться на Национальную премию «Россия – страна возможностей»» [Челябинский государственный университет, URL].

В данном тексте можно выделить следующие лингвистические средства продвижения рекламы:

- апелляция к авторитету: упоминание даты основания университета и его статуса первого университета на Южном Урале, указание на получение гранта МИД Италии и лидерство преподавателя ЧелГУ в международном хакатоне соз-

дают впечатление авторитетности и значимости вуза; информация о защите диссертаций физиков из разных городов в ЧелГУ придает университету образ международного центра научных достижений;

- использование статистических данных: предоставление информации о количестве факультетов, учебно-научных институтов, образовательных программ и филиалов придает университету образ крупного, развитого и многофункционального учебного центра;

- употребление терминов с положительной коннотацией: университетский метаязык (образовательная деятельность, основные образовательные программы) призван создать впечатлительное высокоуровневое образование и академической состоятельности университета.

Анализ лингвистических средств продвижения вузов позволяет сделать следующие выводы. Высшие учебные заведения активно используют указанные лингвистические средства для продвижения своей репутации и привлечения внимания к своей деятельности. Университеты стремятся создать образ авторитетных и привлекательных образовательных центров, способных предоставить студентам высококачественное образование и возможности для профессионального развития. Лингвистические средства продвижения помогают университетам создать убедительный имидж,

привлечь внимание студентов, научных работников, партнеров и спонсоров, а также укрепить свои позиции на образовательном рынке.

Список литературы

1. Красовский, Ю. Д. Организационное поведение : учеб. пособие для вузов / Ю. Д. Красовский. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : ЮНИТИ, 2003. – 511 с. – Текст : непосредственный.
2. Пономарева, А. М. Основы рекламной деятельности: организация, планирование, оценка эффективности / А. М. Пономарева. – М. : Финансы и статистика; ИНФРА-М, 2014. – 192 с. – Текст : непосредственный.
3. Феофанов, О. А. Реклама: новые технологии в России / О. А. Феофанов. – СПб. : Питер, 2013. – 376 с. – Текст : непосредственный.
4. Челябинский государственный университет – Текст : электронный // Челябинский государственный университет [официальный сайт]. – URL : <https://www.csu.ru/> (дата обращения: 07.12.2023).
5. University of Oxford. Undergraduate prospectus: 2024 Entry – Text : electronic // University of Oxford [official site]. – URL : <https://www.ox.ac.uk/digital-prospectus/ug-community/your-world> (date of reference: 10.12.2023).

DOI: 10.47475/9785727119631_82

М.В. ОПОЛОВНИКОВА, И.В. КОКУРИНА /
M.V. OPOLOVNIKOVA, I.V. KOKURINA

*Ивановский государственный университет
(Иваново, Россия)*

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ АРАБО-ИЗРАИЛЬСКОГО КОНФЛИКТА В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ КАРИКАТУРЕ

REPRESANTATION OF THE ARAB-ISRAELI WAR IN THE GERMAN-LANGUAGE CARTOON

Аннотация

В статье рассматривается немецкоязычная карикатура, освещающая события ближневосточного конфликта. Выделяется группа карикатур, в которых в качестве объекта оценки выступают непосредственные участники военного противостояния, а также третьи страны. Авторы приходят к выводу, что художники транслируют пейоративную оценку действий Израиля и ХАМАС, не отдавая предпочтения ни одной из сторон и выражая сочувствие мирному населению обеих территорий. Констатируется, что аксиологический вектор карикатур, посвященных третьим странам, ярко выражен и обличает их как истинных виновников сложившейся политической ситуации. Ряд карикатур отмечает положительную роль США как посредника в урегулировании конфликта. Устанавливается, что негативная оценка Евросоюза обусловлена отсутствием четкой позиции и неспособностью стран-членов ЕС прийти к единой точке зрения в отношении действий Израиля и

ХАМАС. В большинстве случаев оценка формируется за счет взаимодействия вербального и визуального компонентов креолизованного текста.

Abstract

The article is devoted to a German-language cartoon covering the events of the Middle East conflict. A group of cartoons is chosen in which the direct participants in the military confrontation, as well as third countries, act as the object of evaluation. The authors conclude that the cartoonists evaluate pejorative the actions of Israel and Hamas, without giving preference to either side and expressing sympathy for the civilian population of both regions. It is stated that the axiological vector of cartoons dedicated to third countries is evident and exposes them as the true stirrer-up of the current political situation. A number of cartoons describe the positive role of the United States as a mediator in the settlement of the conflict. It is established that the negative evaluation of the European Union is due to the lack of a clear position and the inability of the EU member states to come to a common point of view regarding the actions of Israel and Hamas. In most cases, the evaluation is formed due to the interaction of the verbal and visual components of the cartoon.

Ключевые слова: карикатура, оценка, креолизованный текст, Ближний Восток, война.

Keywords: cartoon, evaluation, polycode text, Middle East, war.

Карикатура как один из жанров креолизованного текста все чаще попадает в фокус внимания как лингвистов, так и представителей других гуманитарных наук – историков, психологов, социологов, педагогов. Основной характеристикой таких текстов является поликодовость, т.е. взаимодействие знаков разных семиотических систем (вербальной и невербальной) в рамках одного целого, обеспечивающее информационную емкость и большой прагматический потенциал. Повышенный интерес исследователей к карикатуре можно объяснить «визуальным поворотом» в области социально-гуманитарного знания, связанным с усилением роли визуальной информации по сравнению с вербальной. Ученые отмечают, что «в рамках процессов глобализации язык визуальных образов более отвечает насущным задачам межнационального общения, а его экономичность, моментальная интуитивная ясность обеспечивает быстроту коммуникативных процессов» [Зенкова, 2004, с.185-186]. Наличие большого количества визуального материала в СМИ связано с тем, что «визуализация не только упрощает процесс потребления информации ее конечным получателем, экономит информационные ресурсы, но и привлекает внимание к медиаматериалу, становится мощным аттрактивным средством, «магнетизирующим» внимание аудитории» [Симакова, 2018, с. 227].

Тематический спектр современной карикатуры достаточно широк, выделяют следующие основные категории: шаржи и портреты, социально-бытовую, изюшутку, «strip», философскую и политическую [Айнундинов, 2008, с. 27]. На наш взгляд, особый интерес представляет политическая карикатура, поскольку она в настоящее время «выполняет не только сатирическую функцию, обнажая и высмеивая пороки и несовершенства, но и обладает мощной социальной функцией,

формируя и регулируя общественное политическое сознание» [Иванова, 2018, с. 79]. Благодаря развитию новых информационных технологий и сети Интернет карикатуристы получили возможность публиковать свои работы не только в официальных средствах массовой информации, подчиняясь при этом редакционной политике, но и на независимых платформах, что способствовало более свободному высказыванию своей точки зрения. Еще на одну функцию политического юмора указывает М.Б. Ворошилова, которая полагает, что его цель «заключается не столько в обличении, в раскрытии тайн, сколько в попытке «пережить», «переварить», «победить» ту или иную сложную, кризисную ситуацию, подняться над проблемой» [Ворошилова, 2010, с. 90].

Обратимся к исследованию немецкоязычной карикатуры, посвященной военному конфликту между Израилем и сектором Газа, обострившемуся в октябре 2023 года. Материалом для анализа послужил корпус карикатур, опубликованных на портале toonpool.com с октября 2023 по январь 2024 года. Отметим, что большинство рассмотренных графических работ выполняется в русле так называемой «журналистики войны» и соответствует характеру освещения зарубежными (европейскими и американскими) массмедиа современных конфликтов: информируют о насилии; фокусируются не на глубинных причинах конфликта, а на событиях, ассоциирующихся с политическими и военными акциями противника; нагнетают агрессивные настроения в обществе [Якова, 2018].

Проведенное исследование показало, что объектом оценки в рассматриваемых карикатурах выступают не только непосредственные участники военного противостояния (Израиль и сектор Газа), но и третьи страны, так или иначе связанные с этим конфликтом. Отдельную группу со-

ставляют карикатуры, отражающие особенности восприятия немцами политической ситуации на Ближнем Востоке. В рамках данной статьи нашли отражение результаты исследования первой группы графических работ.

В анализируемом корпусе эмпирического материала наиболее частотными являются карикатуры, в которых представлены два основных участника ближневосточного конфликта – Израиль и ХАМАС. Следует отметить, что большинство карикатуристов, обращаясь к теме войны в секторе Газа, не принимает чью-либо сторону и подчеркивает, что оба противника не стремятся к мирному урегулированию противостояния, а нацелены на его разрешение силовым путем. Например, в карикатуре Мартина Эрля «Стол переговоров» («Verhandlungstisch»), изображены представители двух воюющих армий, которые не ведут переговоры, к чему их призывают другие страны (Садитесь за стол переговоров! Kommt an den Verhandlungstisch!), а вместо этого используют части разломанного стола в качестве щитов и дубинок, для того чтобы продолжать борьбу друг с другом. Автор прибегает к практически зеркальному изображению участников конфликта, характеризуя тем самым их действия как одинаково агрессивные и деструктивные. Вербальный и визуальный компоненты находятся во взаимодополняющих отношениях, при этом негативная оценка обоих противников формируется преимущественно в рамках визуальной части.

Рис. 1 – Стол переговоров (Verhandlungstisch)

Кроме того, карикатуристы обращают внимание на то, что оба участника конфликта нарушают нормы международного права. В качестве примера обратимся к работе Ральфа Бёме «Мячик» («Spielball»), в которой Израиль и ХАМАС показаны в виде двух боевых ракет, играющих скомканным документом с заголовком «Международное право» («Völkerrecht»). Тем самым автор подчеркивает неправомерность действий обеих воюющих сторон. В данном случае вербальный компонент служит лишь для установления референции элементов изображения к объектам действительности, а основную

смысловую и аксиологическую нагрузку несет визуальная часть карикатуры. Негативная оценка обусловлена двумя факторами: с одной стороны, несоблюдением международных правовых норм, а с другой стороны, жесткостью методов Израиля и ХАМАС, которые приводят к массовой гибели людей. На второй фактор также указывает иконический компонент карикатуры, а именно залитое кровью игровое поле.

Рис. 2 – Мячик (Spielball)

В единичных случаях авторы выражают поддержку одной из сторон арабо-израильского конфликта. Например, Мариан Каменски осуждает методы армии ХАМАС, использующих в качестве прикрытия мирное население. Так, на карикатуре «Война на Ближнем Востоке» («Nahost-Krieg») представлен палестинский боец, который, сам прячась в тоннеле, толкает в сторону израильского танка больничную койку с пациентом, под которой спрятана авиационная бомба. Информационным поводом послужили боевые действия Израиля в районе больницы Аль-Шифа в секторе Газа в первой половине ноября 2023 года, аргументируемые тем, что ХАМАС использует этот медицинский комплекс, а также другие гражданские объекты в военных целях: для хранения оружия и для размещения своих боевиков. Объектом пейоративной оценки, формируемой исключительно изобразительными средствами, выступает лишь один из участников конфликта.

Рис. 3 – Война на Ближнем Востоке (Nahost-Krieg)

Критика действий другой стороны представлена, например, в работе Харма Бенгена «Временное прекращение огня в секторе Газа» («Feuerpause Gaza»). На карикатуре изображен израильский танк среди разрушенных зданий

сектора Газа. Из ствола боевой машины идет дым, что свидетельствует о недавно совершенном выстреле. Солдат, стоящий около танка, констатирует, что временное прекращение огня – это пауза между двумя выстрелами («Die Zeit zwischen zwei Schüssen nennt man Feuerpause»). Карикатура появилась в качестве реакции на заявления премьер-министра Израиля Б. Нетаньяху о том, что согласованные с США гуманитарные паузы в секторе Газа не означают прекращения огня, и что боевые действия против ХАМАС продолжатся. В вербальном компоненте заключается негативная оценка израильских военных, игнорирующих требования мировой общественности о временном перемирии.

Рис. 4 – Временное прекращение огня в секторе Газа (Feuerpause Gaza)

Кроме того, объектом оценки в карикатурах часто выступают не государства в целом, а их мирное население, страдающее от вооруженного конфликта. Например, в работе Мартина Эрля «Ближний Восток» («Nahost») можно видеть двух испачканных кровью плюшевых мишек, которые держатся за руки и говорят: «Каждый из нас одинаково ценен» («Jeder von uns ist gleich viel wert»). Изображение государственных флагов устанавливает референцию с Палестиной и Израилем, а за счет нарисованных игрушек актуализируется фрейм «дети». Тем самым транслируется мысль о том, как должны восприниматься жители воюющих стран – граждане одной страны не лучше и не хуже граждан другой, они все в одинаковой степени невинны и заслуживают сострадания, поскольку последствия военных действий в равной мере затрагивают и тех, и других. Яркая выраженная оценочность формируется за счет нарушения пресуппозиции ожидания: дети ассоциируются с беззаботностью и радостью, однако визуальный компонент противоречит этим характеристикам, отражая такие чувства, как грусть, печаль и страдание.

Помимо стран, непосредственно участвующих в военном конфликте в секторе Газа, в немецкоязычной карикатуре встречаются и третьи государства, имеющие отношение к обострившейся политической ситуации на Ближнем Востоке, в

частности, Иран, Катар, Ливан, Турция, Йемен, США, а также Евросоюз и Германия. Отметим, что аксиологический вектор таких карикатур всегда ярко выражен и направлен в сторону либо положительной, либо отрицательной оценки.

Рис. 5 – Ближний Восток (Nahost)

В качестве одного из основных политических акторов выступает Иран, отсылка к которому является наиболее частотной и осуществляется путем изображения прецедентной фигуры Высшего руководителя Ирана Али Хаменеи. Во всех карикатурах прослеживается значимость Ирана в исламском мире. Так, в работе Вальдемара Мандцеля «Роль Ирана на Ближнем Востоке» («Irans Rolle in Nahost») можно видеть грифа с головой, имеющей портретное сходство с руководителем Ирана. Хищная птица сидит на указателе с названием страны и держит в лапах ключ с биркой «Ближний Восток». Весь рисунок снабжен подписью «Ключевая фигура» («Schlüsselfigur»). Таким образом, можно наблюдать поддерживающие отношения между компонентами поликодового текста. При этом визуальный компонент формирует негативную оценку персонажа: грифы известны как падальщики, стервятники, которые редко нападают сами, а выжидают гибели желаемой добычи, чтобы потом устроить пир на останках. Вербальный компонент, а также изображенный ключ подчеркивают ведущую роль Ирана в ближневосточной политике.

Рис. 6 – Роль Ирана на Ближнем Востоке (Irans Rolle in Nahost)

Карикатуры, показывающие участие Катара и Турции в Ближневосточном конфликте, также транслируют ярко выраженную пейоративную

оценку. Что касается роли США, то позиция карикатуристов неоднозначна: присутствует как положительная, так и отрицательная оценка действий американских политиков (в частности, действующего президента США Джо Байдена и Государственного секретаря Энтони Блинкена).

Встречаются карикатуры, в которых отмечается положительная роль США на Ближнем Востоке как страны, которая пытается уладить военный конфликт. Так, в работе Ральфа Бёме «Поворотники разрешены» («Blinken erlaubt») изображены три чиновника, которые обсуждают актуальные проблемы. Один из них говорит: «Поворотники теперь важны при езде на велосипеде!» («Blinken ist jetzt wichtig beim Fahrradfahren!»). На что другой добавляет: «И при переговорах между Израилем и ХАМАС!» («Auch bei den Verhandlungen zwischen Israel und der Hamas!»). В основе комического эффекта карикатуры лежит игра слов, построенная на созвучии немецкого глагола blinken (моргать поворотником) и фамилии Государственного секретаря США Энтони Блинкена. Информационным поводом для создания карикатуры послужили два события политической жизни: во-первых, федеральное правительство Германии планирует разрешить пользоваться поворотниками на всех типах велосипедов; во-вторых, очередной визит Э. Блинкена на Ближний Восток, связанный с конфликтом в секторе Газа. Тем самым, можно проследить посредническую роль Соединенных Штатов в урегулировании ближневосточного конфликта, что способствует созданию мелиоративной оценки государства.

Рис. 7 – Поворотники разрешены (Blinken erlaubt)

Наряду с этим в ряде работ можно проследить также пейоративную оценку роли США в данном конфликте. Например, в работе «Войны Байдена» («Bidens Kriege») карикатурист под никнеймом Arni изображает действующего президента Соединенных Штатов, восседающего на голове предыдущего главы государства Дональда Трампа и держащего в руках игрушки в виде военной техники. На заднем плане можно видеть тележку из супермаркета, наполненную

игрушечными кораблями, самолетами и ракетами. Джо Байден говорит своему предшественнику: «Мальчик, мальчик, я так долго этого ждал. Ты все еще не понял: Это МОИ войны!» («Junge, Junge, darauf habe ich so lange gewartet. Du hast es immer noch nicht verstanden: Das sind MEINE Kriege!»). В данном случае можно говорить о негативной оценке Джо Байдена, которая подчеркивает, с одной стороны, его стремление вести различные войны и при этом относиться к ним как к игре, а с другой стороны, изображение игрушек может также служить средством характеристики умственных способностей президента США.

Рис. 8 – Войны Байдена (Bidens Kriege)

Резко отрицательная оценка действий Израиля, США, Евросоюза и Германии прослеживается также в работе Харма Бенгена «Страхование правовой защиты» («Rechtsschutzversicherung»). На карикатуре изображен судья Международного суда ООН и стоящий перед ним представитель Израиля, который держит перед собой флаги Соединенных Штатов, Евросоюза и Германии, пряча за ними свое лицо, и при этом восклицает: «Геноцид? У меня есть страховка правовой защиты!». В качестве информационного повода выступил иск ЮАР в Международный суд ООН с обвинением Израиля в возможном геноциде в секторе Газа. Однако, по словам Госсекретаря США Энтони Блинкена, эти заявления беспочвенны и лишь мешают мирному урегулированию конфликта. Позиция Евросоюза по этому вопросу не столь определена. Германия – единственная европейская страна, которая официально заявила, что не видит ничего предосудительного в действиях израильских властей. В рассматриваемой карикатуре отсылка к государствам-объектам оценки содержится в иконическом компоненте, негативная оценка Израиля формируется в первую очередь вербальным компонентом. Вместе с тем, можно отметить, что взаимодействие вер-

бальной и визуальной частей, находящихся в отношениях взаимодополнения, модифицирует и уточняет аксиологическую характеристику не только Израиля, но и США и Евросоюза.

Рис. 9 – Страхование правовой защиты (Rechtsschutzversicherung)

Работа Мартина Эрля «Позиция ЕС по Ближнему Востоку» («EU Haltung Nahost») также содержит критику позиции Евросоюза в отношении конфликта в секторе Газа. На картине изображены прецедентные фигуры быка и Европы, символизирующие Европейский союз. Бык говорит: «Мы осуждаем террористические атаки ХАМАС, но...» («Wir verurteilen den Terror der Hamas, aber...»), на что девушка возражает: «Никаких но!» («Kein Aber!»), но пререкания продолжаются. Вербальный компонент подчеркивает неспособность стран-членов ЕС прийти к единому мнению, и такая неопределенность в политических взглядах и действиях оценивается негативно.

Рис. 10 – Позиция ЕС по Ближнему Востоку (EU Haltung Nahost)

Таким образом, можно констатировать, что немецкоязычные карикатуристы достаточно активно обращаются к теме военного противостояния в секторе Газа, при этом, в подавляющем большинстве случаев, сохраняя нейтралитет при оценивании действий основных участников конфликта. Однако в отношении третьих стран прослеживается ярко выраженная пейоративная оценка. Лишь в единичных случаях посредничество США в урегулировании ближневосточного конфликта характеризуется положительно.

Список литературы

1. Айнутдинов, А. С. Типология и функции карикатуры в прессе / А. С. Айнутдинов // Вестник ЧелГУ. – 2008. – № 21. – С. 20-28. – Текст : непосредственный.
2. Ворошилова, М. Б. Кризис сквозь смех: метафорический образ мирового кризиса в русской политической карикатуре / М. Б. Ворошилова // Политическая лингвистика. – 2010. – № 1 (31). – С. 90-94. – Текст : непосредственный.
3. Зенкова, А. Ю. Визуальные исследования как интегральная область социально-гуманитарного знания / А. Ю. Зенкова // Антиномии. – 2004. – № 5. – С. 184-193. – Текст : непосредственный.
4. Иванова, Е. А. Образ современной Европы в политической карикатуре / Е. А. Иванова // Политическая лингвистика. – 2018. – № 4 (70). – С. 77-86. – Текст : непосредственный.
5. Симакова, С. И. Визуальный поворот – новая философия образа в средствах массовой коммуникации / С. И. Симакова // Вестник ЧелГУ. – 2018. – № 10 (420). – С. 225-232. – Текст : непосредственный.
6. Якова, Т. С. Массмедиа и конфликты современного мира – Текст : электронный // Медиаскоп : [официальный сайт]. – 2018. – Вып. 4. – URL: <http://www.mediascope.ru/2488> (дата обращения: 24.01.2024).

DOI: 10.47475/9785727119631_88

А.С. ПОДОЛЬКО / A.S. PODOLKOЮжно-Уральский государственный университет
(Национальный исследовательский университет)
(Челябинск, Россия)**БРИТАНСКИЙ САНКЦИОННЫЙ ДИСКУРС СМИ****BRITISH MASS MEDIA SANCTIONS DISCOURSE****Аннотация**

Статья посвящена исследованию британского санкционного дискурса СМИ как одного из видов институционального дискурса, появившегося в связи со сложившейся геополитической ситуацией в мире. Современные средства массовой информации перестали выполнять функцию только информирования читателя. Современные СМИ способны создавать новую реальность, интерпретируя факты, исходя из политической повестки дня, тем самым формируя у читателя определенный взгляд на описываемые события. Британский санкционный дискурс разворачивается в рамках медиатопика «Санкции». Он не только сообщает, в отношении кого и по каким причинам вводятся санкции, но и оправдывает их применение, даже если они несут непоправимый ущерб жителям соответствующих стран. Это достигается за счет негативизации образа страны, против которой санкции применяются.

Abstract

The article studies the British mass media sanctions discourse as one of the forms of institutional discourse that emerged in relation to the current geopolitical situation. Modern mass media no longer only serve the function of informing the reader. Modern media are capable of creating a new reality by interpreting facts according to the political agenda, thereby shaping the reader's perspective on the events being described. British sanctions discourse unfolds within the media topic of "Sanctions." It not only reports on who and for what reasons sanctions are being imposed, but also justifies their application, even if they cause irreparable harm to the population of the respective countries. This is achieved by negatively portraying the image of the country against which the sanctions are being imposed.

Ключевые слова: медиатизация, медиадискурс, санкции, санкционный дискурс, медиатекст, агенты санкционного дискурса

Keywords: mediatization, media discourse, sanctions, sanctions discourse, media text, sanction discourse agents.

Современное общество переживает эпоху тотальной медиатизации [Asp, 2014; Mazzoleni & Schulz, 1999; Hjarvard, 2008], когда СМИ не только проникают во все социальные сферы и институты, но и оказывают влияние на отношения, существующие между участниками коммуникации. Кроме того, изменилась роль СМИ в формировании общественного мнения. По словам Л.М. Земляновой, средства массовой информации «в процессе сбора, обработки («фильтрации») и передачи информационных данных о фактах реальности способны их видоизменять (или исказить), придавая им свои медиатизированные значения (mediated meanings), возникающие в ходе фабрикации мнимых образов (событий) реальности» [Землянова, 2002, с. 85].

Обсуждение санкций и санкционной политики – популярная тема в новостной повестке дня, что обусловлено складывающейся геополитической обстановкой в мире. Коллективный Запад

во главе с США используют этот инструмент «мягкой силы» для того, чтобы изменить поведение того или иного государства (Сирия, Иран, Северная Корея, Россия). Закономерным является появление санкционного дискурса.

Н.А. Сабурова и Д.П. Венецкая определяют санкционный дискурс как «особый тип институционального дискурса, обусловленный геополитической ситуацией, предполагающий неравные статусные роли его стран-участниц, содержание которого отражает ограничительные политические и/или экономические меры, призванные обеспечить соблюдение права или исполнение обязанностей страной-нарушителем» [Сабурова, Венецкая, 2023]. Анализируя постановления Совета ЕС о введении санкций в отношении России, авторы описывают лингвистические средства формирования санкционного дискурса.

В нашей работе рассматривается санкционный дискурс СМИ, который является частью медиа-

дискурса. Медиадискурс – это совокупность процессов и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всем богатстве и сложности их взаимодействия [Добросклонская, 2006, с. 21]. Осязаемым продуктом медиадискурса является медиатекст, который представляется собой не просто последовательность знаковых единиц, обладающая связностью и целостностью, но последовательность знаков разных семиотических систем (не только языковых) [Там же, 22].

Одним из компонентов санкционного дискурса являются его основные участники. Рассмотрим, как британское издание *The Economist* позиционирует их в своих материалах.

Агенты (основные участники): страны-участницы санкционных действий. Наблюдается четкое разделение на 2 группы – государства, которые используют санкции как средство давления, и государства, против которых санкции вводятся. Эти группы репрезентированы следующими лексическими единицами: China (105), Chinese (62), Russia (102), Russian (54), America (98), American (88), Iran (49), Iranian (24), Venezuela (35), Venezuelan (13), Britain (20), Europe (19), European (10), British (10).

Китай позиционируется изданием как государство, подрывающее действие введенных коллективным Западом санкций в отношении Ирана, Северной Кореи, России.

Of course China itself, under Mr Putin's pal, Xi Jinping, has done the most to undermine the West's sanctions (Сам Китай, во главе которого стоит приятель г-на Путина Си Цзинь Пин, приложил максимум усилий, чтобы подорвать действие западных санкций) / 01.02.2024. Использование разговорного «**pal**» в статье издания подчеркивает близкий характер отношений глав государств и формирует у читателя негативное отношение к Китаю и его главе.

The sanctions-busting they (North Korea) facilitate is a lifeline for the economically isolated country, in particular by connecting it to its main patron, China (Нарушение санкционного режима, к которому они прибегли, обратившись к своему покровителю – Китаю, является единственной надеждой для экономически изолированной страны) / 07.12.2023. Лексема «**patron**» создает образ Китая как государства, помогающего Северной Корее, против которой введены санкции из-за разрабатываемой ядерной программы. Такой образ должен вызвать осуждение со стороны читательской аудитории.

Издание делает акцент на противостоянии Китая и США, формируя образ потенциального врага. *Best frenemies*. Под таким заголовком

вышла статья 22.01.2024. «**Frenemies**» – лексема, образованная слиянием двух антонимов: «**friend**» и «**enemies**», что описывает отношения между США и Китаем как противоречивые и непредсказуемые. *China will have lower expectations as previous negotiations with Mr Trump disappointed and because mutual hostility is now baked into both countries' politics* (Китай не будет ожидать многого, так как последние переговоры с г-ном Трампом вызвали разочарование, а взаимная враждебность культивируется в политике обеих стран) / 22.01.2024. *Semiconductors will remain central to America's tech rivalry with China* (Полупроводники остаются основным вопросом в технологическом соперничестве между Америкой и Китаем) / 13.11.2023. *America makes no bones about wanting to stop China, its autocratic rival for geopolitical supremacy, from getting hold of advanced technology* (Америка прямо высказывается о том, что не хочет, чтобы Китай – ее авторитарный соперник за геополитическое превосходство – стал доминировать на рынке продвинутых технологий) / 16.10.202. Китай позиционируется как авторитарное государство, противостоящее США.

Кроме того, встречаются контексты, где авторы сравнивают отношения Америки и Китая с военными действиями: *China's tech war with America began in earnest in 2019 when Donald Trump's administration banned the sale of high-end chips to Huawei* (По-настоящему технологическая война между Китаем и Америкой началась, когда Дональд Трамп наложил запрет на продажу высокотехнологичных чипов компании «Хуавей») / 13.11.2023. *In 2019, as China's trade war with America was heating up, the People's Daily predicted that the Chinese monopoly on rare earths, minerals crucial to the production of most modern hardware, would become a tool to counter American pressure* (В 2019 году, когда торговая война между Китаем и Америкой только разгоралась, издание *the People's Daily* предупреждало, что китайская монополия на рынке редкоземельных металлов, которые являются ключевыми при создании современного компьютерного оборудования, станет средством сдерживания американского давления) / 23.07.2023.

Для того, чтобы оправдать введение санкций против России, издание апеллирует к военным действиям на территории Украины, как прямую, так и опосредованно, создавая, тем самым, образ врага.

The sanctions will probably hurt Russia, too, but are unlikely to cripple its industry: it will pivot towards its growing customer base in China and India, as the oil and gas sector has. Still, the sanctions

*could have an indirect benefit: helping the West clamp down on the trade in **blood diamonds*** (Скорее всего санкции ударят и по России, но они вряд ли ослабят (алмазную) промышленность, как не ослабили нефтегазовую благодаря растущему обороту в Китае и Индии. Все же санкции могут помочь Западу сократить торговлю кровавыми алмазами) / 04.01.2024. *Given the **horrors** that **Russia** has inflicted on its neighbour, the idea of tapping this pot to help compensate and rebuild Ukraine has naturally arisen.* (Учитывая те ужасы, которым Россия подвергла своего соседа, неудивительно, что возникла идея об использовании этого ресурса (замороженные активы России в Европе) для восстановления Украины) / 20.07.2023. *Following Vladimir Putin's **invasion** of Ukraine two years ago, more than three dozen countries, led by the West, **slapped** economic sanctions on Russia* (После вторжения Владимира Путина на Украину два года назад более 30 стран во главе с Западом нанесли удар санкциями по России). Использование лексем «**blood**», «**horrors**», «**invasion**» создает образ государства-агрессора и позволяет изданию не только оправдать введение санкций, но и внушить читателю, что это эффективный способ борьбы коллективного Запада с Россией.

В отношении Ирана санкции были введены из-за ядерной программы, которая позволит государству разработать ядерное оружие. The Economist пропагандирует идею о том, что Иран представляет физическую угрозу жителям Великобритании: *Iran is **targeting** its opponents in Britain* (Мишенью Ирана становятся его оппоненты в Великобритании) / 08.02.2024. *Britain has identified at least 15 **credible threats** by Iran to kill Britons or British residents since the start of 2022 alone* (С начала 2022 года Великобритании стало известно, Иран определил, по меньшей мере, 15 реальных угроз среди жителей Великобритании) / 08.02.2024. *London, the centre of a loose network of activists and dissidents that constitutes Iran's opposition in exile, is a **big target**. In February 2023 Iran International was forced temporarily to abandon its operations in Britain citing the **threat** from Iran. As Iran's government grows more **insular and paranoid**, the **threats** could worsen* (Лондон, центр разрозненной сети активистов и диссидентов, составляющих иранскую оппозицию в изгнании, является основной мишенью. В феврале 2023 года компания «Iran International» была вынуждена временно прекратить свою деятельность в Великобритании, сославшись на угрозу со стороны Ирана. Поскольку правительство Ирана становится все более замкнутым и параноидальным, угрозы могут усилиться) / 08.02.2024. Использование лексем «**threat**» и «**target**» вызы-

вают у читателя тревогу, так как события разворачиваются в Великобритании.

Издание также считает, что Иран представляет угрозу и для стран Ближнего Востока, поэтому считает обоснованным введение жестких санкций: *The most likely outcome now, given the **mayhem** Iran is causing in the Middle East, is **aggressive sanctions on the regime**, which may be tempted to keep up its **proxy wars** across the region* (Самым вероятным результатом того хаоса, который устроил Иран на Ближнем Востоке, могут стать жесткие санкции режима, стремящегося продолжить ведение прокси-войн на территории региона) / 22.01.2024.

Интересным, на наш взгляд, является факт, что лексемы *America* и *American* используются в британском санкционном дискурсе в три раза чаще, чем *Britain*, *British*, *Europe* и *European*. Это объясняется тем, что инициатором санкций и стороной, заинтересованной в их ужесточении, являются, в первую очередь, США.

Таким образом, британский санкционный дискурс СМИ – институциональный вид дискурса, обусловленный складывающейся геополитической обстановкой и реализуемый в медиадискурсе. Тематической доминантой медиатекстов британского санкционного дискурса СМИ являются санкции, а основной целью – оправдание применения санкций в отношении того или иного государства за счет негативизации, а иногда и демонизации его образа.

Список литературы

1. Землянова Л. М. Медиатизация культуры и компаративизм в современной коммуникативистике / Л. М. Землянова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. – 2002. – № 5. – С. 83-97. – Текст : непосредственный.
2. Сабурова Н. А., Бенецкая Д. П. Лингвистические средства формирования современного санкционного дискурса – Текст : электронный // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. – 2023. – № 05 (97). – URL : <https://scipress.ru/philology/articles/lingvisticheskie-sredstva-formirovaniya-sovremennogo-sanktsionnogo-diskursa.html> (Дата обращения: 22.05.2023)
3. Asp, K. Mediatization: Rethinking the Question of Media Power / Kent Asp // Mediatization of Communication : Handbooks of Communication Science. – Vol. 21. – Berlin: De Gruyter Mouton, 2014. – 752 p. – Текст : непосредственный.
4. Hjarvard, S. The Mediatization of Society : A Theory of the Media as Agents of Social and Cultural Change / Stig Hjarvard // Nordicom Review. –

2008. – Vol. 29, no. 2. – P. 105-134. – Текст : непосредственный.

5. Mazzoleni, G. & Schultz, W. «Mediatization» of Politics: A Challenge for Democracy? / Gianpietro Mazzoleni, Winfried Schulz // Political

Communication. – 1999. – No. 16. – P. 247-261. – Текст : непосредственный.

6. The Economist – [Электронный ресурс]. – URL : <https://www.economist.com/> (дата обращения : 22.01.2024).

DOI: 10.47475/9785727119631_91

П.М. ПОДРЕЗОВА / P.M. PODREZOVA

Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ УБЕЖДЕНИЯ В ЭКОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

FEATURES OF THE IMPLEMENTATION OF THE PERSUASION STRATEGY IN ENVIRONMENTAL DISCOURSE

Аннотация

Данная статья посвящена исследованию особенностей реализации стратегии убеждения в экологическом дискурсе. Материалом исследования послужили научно-популярные статьи экологической тематики на английском языке. Изучение экологического дискурса и коммуникативных стратегий (а именно стратегии убеждения), нашедших свое отражение в нем, актуально на сегодняшний день. Данная отрасль исследования появилась относительно недавно в мире науки и вызывает значительный интерес. Автор дает определение и рассматривает основные аспекты дискурса, углубленно анализируя экологический дискурс и уделяя внимание изучению его особенностей. Дается определение коммуникативной стратегии, при этом детально рассматривается коммуникативная стратегия убеждения. На основе анализа конкретных примеров демонстрируется, что убеждение – это очень сложный процесс, который воплощается посредством употребления различных приемов.

Abstract

This article is dedicated to the study of the peculiarities of the implementation of the persuasion strategy in environmental discourse. The research material was popular scientific articles on environmental issues written in English language. The study of environmental discourse and communication strategies (namely persuasion strategies) reflected in it, is relevant today. This branch of research has appeared relatively recently in the world of science and is of considerable interest. The author defines and examines the main aspects of discourse, in-depth analyzing environmental discourse and paying attention to the study of its features. The definition of a communicative strategy is given, while the communicative strategy of persuasion is considered in detail. Based on the analysis of specific examples, it is demonstrated that persuasion is a very complex process that is embodied through the use of various techniques.

Ключевые слова: дискурс, экологический дискурс, эколлингвистика, лингвоэкология, языковая экология, коммуникативная стратегия, стратегия убеждения.

Keywords: discourse, environmental discourse, ecolinguistics, ecological linguistics, ecology of language, communication strategy, persuasion strategy.

В настоящее время общественность уделяет значительное внимание проблемам экологии. Экологические проблемы и различные подходы к их решению давно нашли свое отражение как в естественных, так и в гуманитарных науках, в том числе и лингвистике. Лингвистическое изучение такого явления, как экологический дискурс, актуально на сегодняшний день. Это явление, отража-

ющее интересы и взгляды общества на экологические проблемы. Изучение его жанров и языковых особенностей помогает лингвистам и другим исследователям лучше понять сущность и масштабы экологических проблем и развивать эффективные коммуникационные стратегии для их решения.

С целью толкования понятия «экологический дискурс» необходимо исходить из понимания

дискурса современной наукой в целом. Понятие дискурс появилось в лингвистике в 60-70е годы XX века и изучается по сей день. Многие ученые проводят исследования в данной области, однако не дают единого определения дискурсу, так как это многозначный термин, который в общем смысле означает речь, процессы языковой деятельности и предполагающие их системы понятий.

В англоязычной научной литературе дискурс трактуется как любая связанная последовательность предложений устных или письменных, например, статья, интервью, или серьезное выступление на определенную тему, язык, используемый в определенной сфере устной или письменной речи.

Известный нидерландский лингвист и исследователь в области дискурса Т. ван Дейк подчеркивает, что дискурс является результатом активного речевого воздействия. По мнению Т. ван Дейка, дискурс определяется как «язык в речи». Данное явление понимается как абстрактная, отдельная сфера языка, находящая свое отражение в определенной социальной или профессиональной среде [Приводится по: Бенвенист, 1974, с. 28].

Отечественный лингвист Н.Д. Арутюнова дает следующее определение дискурсу, представленное в Лингвистическом энциклопедическом словаре (ЛЭС): «Дискурс (от фр. discours – речь) – связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизма их сознания, речь “погруженная в жизнь”» [Цит. по: ЛЭС, 1990, с. 136-137].

В настоящей статье мы акцентируем внимание на экологическом дискурсе. Как и любой вид дискурса, экологический дискурс представлен своими ценностями, одной из которых является сохранность окружающей среды, что обеспечивает улучшения качества жизни человека и животного мира.

Возникновение экологического дискурса связано с появлением эколоингвистики как части лингвистического знания.

Представитель отечественного языкознания А.П. Сковородников дает следующее определение эколоингвистики: «лингвоэкология, или эколоингвистика, – отрасль (направление) языкознания, предметом изучения которой является состояние языка и языковой (речевой) среды; изучение факторов, влияющих (негативно или позитивно) на развитие языка и речевой культуры <...>» [Цит. по: Сковородников, 2014, с. 285].

Эколоингвистика преследует несколько целей. Среди них: рассмотрение экологии языка, его жизнеспособности и развития; решение вопросов, связанных с защитой окружающей среды с помощью текстов и языка; содействие распространению и развитию нового экологического мышления [Фадеева, 2011, с. 60]. Эколоингвистика помогает обнаружить и анализировать языковые средства, которые используются для выражения экологических концепций и идей.

Е.В. Иванова отмечает, что на сегодняшний день в эколоингвистике существует два основных направления: экологическая лингвистика, в которой экологическая терминология переносится в лингвистические исследования, с помощью чего осуществляется изучение процессов взаимодействия между языком и его структурными единицами, и языковая экология, которая изучает представление экологических тем с помощью языка. [Иванова, 2007, с. 31]. Эколоингвистика имеет практическое значение для современного общества. Используя язык как инструмент, она может помочь повысить осведомленность людей о проблемах окружающей среды и способствовать изменению их отношения к ней.

Таким образом, эколоингвистика играет важную роль в формировании экологического дискурса и развитии экологического самосознания в обществе. Она помогает лучше понять, как язык влияет на наше отношение к окружающей среде и как мы можем использовать языковые стратегии для создания более устойчивого и экологически ответственного будущего.

А. В. Зайцева подчеркивает, что экологический дискурс – «это сложное коммуникативно-речевое явление, представляющее собой, с одной стороны, вид социальной коммуникации, в основе которой лежит речемыслительная деятельность людей в определенном историко-культурологическом контексте на базе общего предмета – экологии и охраны окружающей среды, выступающих в качестве ключевых концептов; с другой стороны, экологический дискурс – это совокупность экологических текстов различных коммуникативно-речевых сфер (науки и публицистики, художественной литературы, официально-делового и бытового общения), объединенных общей темой и формирующих экологическое сознание реципиентов» [Цит. по: Зайцева, 2014, с. 38].

Существуют разные подходы к изучению экологического дискурса. Так, например, Н. Луман выделяет два: широкий и узкий. «Первый позволяет изучить и рассмотреть широкий набор текстов экологической тематики, их источниками могут являться СМИ, художественная литература, различные блоги сети интернет и т.д. Второй

подход подразумевает изучение экологического дискурса с использованием только тех текстов, которые написаны учеными-экологами» [Цит. по: Луман, 2004, с. 70].

В данной работе особый интерес для нас представляет стратегия убеждения и особенности ее реализации в экологическом дискурсе. Коммуникативная стратегия – это набор речевых и вербальных средств, позволяющих достичь цели коммуникации или донести необходимую информацию до адресата.

Коммуникативная стратегия представляет собой план действий, который использует автор для достижения поставленной коммуникативной цели, и включает в себя определенный выбор шаблонов, оборотов и конструкций, которые помогают сформировать высказывание таким образом, чтобы оно было адекватным и эффективным в конкретной ситуации. Стратегии, соответствующие определенному типу дискурса, направляют коммуникативный ход по логически верной схеме, помогая участникам коммуникации успешно достичь цели коммуникативного акта [Иссерс, 2008, с. 56].

К разновидностям коммуникативных стратегий относится и стратегия убеждения. Убеждение – это процесс воздействия путем апелляции к его собственным критическим суждениям. Построение убеждения основывается на доказательствах, обоснованиях и аргументации, которые объединяются в логическую структуру дедуктивных, индуктивных и аналогичных рассуждений, состоящих из тезисов, аргументов и выводов. Эти процедуры включают определение, постулирование, обоснование, описание, экспликацию, пояснение, аргументирование, размышление и другие. [Панкратов 2001, с. 64].

Целью стратегии убеждения является изменение убеждений, мнений или поведения той или иной личности, к которой применима эта стратегия. Чтобы цель была достигнута, необходимо использование различных аргументов, фактов, которые могут повлиять на уже существующие убеждения, подтвердить их или опровергнуть. Хороший аргумент должен быть веским, логически последовательным, соответствующим цели и аудитории.

Стратегия убеждения может воплощаться посредством различных приемов. Проанализировав научно-популярные статьи экологической тематики на английском языке, мы выделили наиболее частотные приемы, а именно: метафора, сравнение, употребление противительных и безличных конструкций, употребления личных и возвратных местоимений, а также использование эмоционально-оценочной лексики. В этой работе мы рассмотрим самые интересные.

Одним из самых частотных приемов выступает использование противительных конструкций, таких как *however, nevertheless, despite*, etc. При помощи данного средства авторы статей или ораторы экологических форумов сопоставляют противоположные факты, обращая внимание аудитории к противоречивости или неоднозначности:

“Despite all the evidence to the contrary, the nuclear industry and its government supporters continue to hide the threats of nuclear power from the public.” [Greenpeace, 2016].

“Despite the immense suffering that accompanies losing your home or living in a contaminated environment, the scale and seriousness of these effects continue to be played down or misrepresented.” [Там же]

“However, supplying water is challenging in central and parts of South Asia, whose economies depend heavily on agriculture.” [Bolch, URL].

“Nevertheless, the scaling method is also constrained by the impacts of atmospheric circulation, which influences both temperature and precipitation, making it difficult to disentangle cause from effect.” [Sweadner, 2012].

Приемы, отражающие самоидентификацию автора, также нередко встречаются в статьях экологической тематики. Выражение данного приема может достигаться за счет разных средств. Одним из ярких примеров является употребление безличных конструкций, благодаря которым авторы могут обеспечить презентабельность своего выступления или текста, что помогает убедить аудиторию в важности какого-либо вопроса и адекватно представить информацию:

*“Based on the extensive research listed above and Greenpeace investigations, **this report seeks to clarify how governments, reactor operators and nuclear regulators were unprepared to deal with not only emergency evacuations immediately after the accidents...**”* [Greenpeace, 2016].

Самоидентификация автора также может воплощаться посредством употребления местоимения первого лица *we* и возвратного местоимения *us*. Такой прием позволяет адресанту отождествить себя с аудиторией, убедить ее в принадлежности к общему делу:

*“There have always been people calling for **us to take responsibility for the world around us.**”* [Baraniuk, URL].

*“But until **we know more, these mutation-harboring hESCs are not suitable for clinical use.**”* [Bolch, URL].

Следующим приемом является употребление эмоционально-оценочной лексики, а именно вводные наречия и прилагательные с отрицательной коннотацией, за счет которых автор может при-

влечь внимание аудитории к какой-либо проблеме, описать ее масштаб и убедить реципиентов в ее актуальности и важности:

“*Shamefully, huge amounts of plastic now roam the oceans.*” [Baraniuk, URL].

“*Sadly, history repeats itself.*”, “*The real risk of nuclear power, however, is incredible ...*”, “*Despite the immense suffering...*” [Greenpeace, 2016].

Использование такого средства художественной выразительности, как метафора, также помогает достичь сильного эффекта и апеллировать к чувствам аудитории: “*These scars are still with us today and will be with us long after tomorrow.*” [Там же]. Сравнивая результат экологической катастрофы со «шрамами», автор оказывает на аудиторию эмоциональное воздействие и убеждает ее в значимости проблемы.

Таким образом, мы видим, что реализация стратегии убеждения в экологическом дискурсе может достигаться за счет различных приемов, а именно: посредством употребления противительных конструкций, личных и возвратных местоимений, эмоционально-оценочной лексики, безличных конструкций, а также метафор и других средств художественной выразительности.

Убеждение – это сложный процесс, который требует от убеждающей стороны компетентности в конкретной теме, умения логически формулировать мысли и факты, адаптируя их к аудитории и учитывая ее психологические особенности. Убеждение может считаться успешным, если ранее перечисленные условия соблюдены, однако, и этого иногда недостаточно, важно не только логически излагать аргументы, но и апеллировать к эмоциям и чувствам реципиентов.

Список литературы

1. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист ; пер. с фр. Ю. Н. Караулов. – Москва : Прогресс, 1974. – 446 с. – Текст : непосредственный.
2. Иванова, Е. В. Метафорическая концептуализация природных катастроф в экологическом дискурсе : на материале медийных текстов : специальность 10.02.19 «Теория языка» : дис. ... канд. филол. наук : / Елена Валерьевна Иванова. – Челябинск, 2007. – 219 с. – Текст : непосредственный.
3. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс / Н. А. Купина (отв. ред.). – Москва : ЛКИ, 2008. – Изд. 5-е – 288 с. – Текст : непосредственный.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / В. Н. Ярцева (гл. ред.). – Москва : Большая Российская энциклопедия, 1990. – С. 136-137. – Текст : непосредственный.
5. Луман, Н. Общество как социальная система / Н. Луман ; пер. с нем. А. Антоновский. – Москва : Логос, 2004. – 232 с. – Текст : непосредственный.
6. Панкратов, Ф. Рекламная деятельность: учеб. пособие / Ф. Панкратов, Ю. Баженов, Т. Серегина, В. Шахурин. – Москва : Информ.-внедренч. центр «Маркетинг», 2001. – 64 с. – Текст : непосредственный.
7. Сковородников, А. П. Лингвоэкология, или эколлингвистика / А. П. Сковородников // Эффективное речевое общение (Базовые компетенции) : словарь-справочник : электронное издание / А. П. Сковородников (отв. ред.). – Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2014. – С. 284-285. – Текст : непосредственный.
8. Фадеева, Г. М. Стилистические аспекты лексикона немецкого экологического дискурса / Г. М. Фадеева // Вестник МГЛУ / Гуманитарные науки – 2011. – № 625 – С. 58-71. – Текст : непосредственный.
9. Baraniuk, C. We are wasting the beautiful world we have been given – Текст : электронный // BBC : [официальный сайт]. – URL : <http://www.bbc.com/earth/story/20170427-we-are-wasting-thebeautiful-world-we-have-been-given> (дата обращения: 16.01.2024).
10. Bolch, N. Hydrology: Asian glaciers are a reliable water source – Текст : электронный // Nature : [официальный сайт]. – URL : <https://www.nature.com/nature/journal/v545/n7653/full/545161a.html> (дата обращения 16.01.2024).
11. Dawe, A., McKeating, J., Labunska, I., Schulz, N., Stensil, S-P., Teule, R. Nuclear scars / A. Dawe, J. McKeating, I. Labunska, N. Schulz, S-P. Stensil, R. Teule // Greenpeace 2016. – P. 5-12. – Текст : непосредственный.
12. Sweadner, K. J. Climate Change : New Dimensions in Disaster Risk, Exposure, Vulnerability, and Resilience / K. J. Sweadner // Cambridge university press – 2012. – P. 25-35. – Текст : непосредственный.

DOI: 10.47475/9785727119631_95

**О.Ю. ПОДЪЯПОЛЬСКАЯ, А.Р. ЧЕКАНИНА /
O.Yu. PODYAPOLSKAYA, A.R. CHEKANINA**Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)**ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ
В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ ПЕСЕННОМ ДИСКУРСЕ****PRECEDENT PHENOMENA IN GERMAN LANGUAGE SONG DISCOURSE****Аннотация**

В центре внимания настоящей статьи находятся особенности функционирования прецедентных феноменов (ПФ) в песенном молодежном дискурсе. Материалом для анализа послужил корпус немецкоязычных песенных текстов в жанрах рок, поп и хип-хоп/рэп. Актуальность исследования обусловлена не только возможностью погружения в молодежную субкультуру с целью выявления социальных проблем и тем, интересующих молодое поколение Германии, но и возможностью выявления потенциала ПФ в процессе донесения до слушателя авторского замысла в компактной и одновременно ёмкой форме. Рассматриваются понятия прецедентное имя, прецедентный текст и прецедентная ситуация. Исследование опирается также на классификацию ПФ, отражающую их социальную значимость, и рассматривает социумно-прецедентные, национально-прецедентные и универсально-прецедентные феномены, выявленные в исследуемых текстах. В ходе исследования установлено, что самая частотная группа ПФ – это прецедентные имена, а также универсально-прецедентные феномены в целом. В результате исследования делается вывод о том, что ПФ в песенных текстах служат источником поэтической неоднозначности и воссоздают множество подтекстов, что значительно расширяет содержательный план песенных текстов в целом при незначительном расширении его формального объема.

Abstract

The focus of this article is on the peculiarities of the functioning of precedent phenomena (PP) in youth song discourse. The material for the analysis was a corpus of German-language song texts in the genres of rock, pop and hip-hop/rap. The relevance of the study is due not only to the possibility of immersion in the youth subculture in order to identify social problems and topics of interest to the younger generation in Germany, but also to the possibility to identify the potential of PP in the process of conveying the author's intention to the listener in a compact and at the same time capacious form. The concepts precedent name, precedent text and precedent situation are considered. The study is also based on the classification of PPs, reflecting their social significance, and examines social precedent, national precedent and universal precedent phenomena identified in the texts under study. The study found that the most frequent group of PPs are precedent names, as well as universal precedent phenomena in general. As a result of the study, it is concluded that PPs in song texts serve as a source of poetic ambiguity and recreate many subtexts, which significantly expands the substantive plan of song texts as a whole with a slight expansion of its formal scope.

Ключевые слова: песенный дискурс, прецедентный феномен, прецедентное имя, прецедентная ситуация, прецедентный текст, социумно-прецедентные феномены, национально-прецедентные феномены, универсально-прецедентные феномены.

Keywords: song discourse, precedent phenomenon, precedent name, precedent situation, precedent text, social precedent phenomena, national precedent phenomena, universal precedent phenomena.

Песня, как важная составляющая молодежной субкультуры, является не только средством развлечения, но и инструментом продвижения определенных идей и образа жизни, своеобразным средством культурной экспансии. Исследование песенного дискурса дает возможность понимания тех социальных проблем и вызовов, с которыми сталкивается общество. Многие песни отражают темы, связанные с насилием, расизмом,

политическими конфликтами и другими социальными проблемами.

В лингвистику термин «песенный дискурс» был введен относительно недавно – в 90-е годы двадцатого столетия, поэтому однозначной его трактовки на данный момент не существует. Песенный дискурс вслед за Л. Г. Дунашевой мы трактуем как «текст в совокупности с контекстами его создания и интерпретации <...>, вклю-

чая эффект, производимый им на слушающего в определенном историко-культурном контексте» [Дуняшева, 2012, с. 10]. Ученый отмечает также двойственную природу данного вида дискурса, объединяющего вербальный и невербальный (музыкальный, визуальный) компоненты, что позволяет рассматривать составляющие его тексты в качестве креолизованных [Там же. С. 11].

Включение в тексты песен прецедентных феноменов делает возможным донесение до слушателя смысла авторской идеи в компактной и одновременно ёмкой форме, быстро актуализируя в сознании реципиента информацию, развернутое и прямолинейное описание которой было бы слишком громоздким и неуместным.

На сегодняшний день изучение прецедентности представляет собой одну из актуальных областей исследования не только в лингвистике, но и в гуманитарной научной парадигме в целом. Обобщая опыт многих исследователей, Р. З. Назарова и М. В. Золотарев, определяют прецедентные феномены как: «целостные единицы коммуникации, являющиеся апелляцией к прошлому явлению действительности и обладающие ценностной значимостью для отдельно взятой языковой личности или вплоть до лингвокультурного сообщества в целом» [Назарова, Золотарев, 2015, с. 19].

В работах большинства исследователей представлены разные классификации прецедентных феноменов (далее ПФ). Выбор принципов классификации зависит от цели и задач исследования, рассматриваемого материала, научной школы, к которой принадлежит автор, и ряда других факторов. В рамках настоящего исследования мы анализируем ПФ на основе классификации по их форме, которую разработали ученые Д. Б. Гудков, В. В. Красных, И. В. Захаренко и Д. В. Багаева. Данные авторы выделяют прецедентные ситуации, прецедентные тексты и прецедентные имена [Захаренко, Красных, Гудков, Багаева, 1997, с. 82]. Ученые полагают, что «прецедентный текст и прецедентная ситуация являются более широкими понятиями и зачастую в речи не могут быть использованы в своем полном объеме» [Там же]. В связи с этим они вводят в оборот такое понятие, как символ прецедентного текста или прецедентной ситуации, в качестве которого может выступать прецедентное имя. Иными словами, прецедентные тексты и прецедентные ситуации могут актуализироваться прецедентными именами [Там же]. В нашем исследовании мы обращаемся также к концепции В. В. Красных, которая предлагает классификацию ПФ на основе их социальной значимости [Красных, 1997, с. 164]: социумно-прецедентные феномены, нацио-

нально-прецедентные феномены, универсально-прецедентные феномены.

Обратимся к исследованию немецкоязычного песенного дискурса. Материалом для анализа послужил корпус из 15 песенных текстов, опубликованных в 2020-2023 годах на различных платформах в сети Интернет: Отметим, что основными исследуемыми песенными жанрами являются рок, поп и хип-хоп/рэп.

Проведенное исследование показало, что употребление ПФ является характерным для всех рассмотренных музыкальных жанров в немецкоязычном песенном дискурсе. Нами было проанализировано 34 примера ПФ на основе 15 песенных немецкоязычных текстов, включающих 21 пример с прецедентными именами (62%), 10 примеров с прецедентными текстами (29%), 3 примера с прецедентными ситуациями (9%). В ходе исследования установлено, что прецедентные имена – это самая многочисленная группа ПФ. Аллюзии на прецедентные тексты и прецедентные ситуации используются авторами реже. Мы также проанализировали данные ПФ, исходя их характеристики их социальной значимости. Нами было выявлено 10 примеров социумно-прецедентных феноменов (29%), 20 примеров универсально-прецедентных феноменов (59%), 4 примера национально-прецедентных феноменов (12%). Таким образом, в немецкоязычных песенных текстах широко представлены универсально-прецедентные феномены, далее следуют социумно-прецедентные и национально-прецедентные феномены. Далее рассмотрим некоторые примеры, наглядно иллюстрирующие использование ПФ в немецкоязычных песенных текстах:

Bruckner – «Nero», 2023 (URL : <https://vimeo.com/800725775>)

Исполнители данной песни родные братья Якоб и Матти Брукнер. Главные герои хотят вырваться из каменного города – тесного и замкнутого – , сжечь и оставить позади прошлое, пойти дальше, стремиться к чему-то новому. Рассмотрим ПФ, представленные в данной песне:

(1) Название песни «Nero» – это само по себе прецедентное имя – историческая личность: римский император Нерон, известный своей жестокостью [Нерон, URL]. Используя данное прецедентное имя в качестве названия для своей песни, братья стремятся подчеркнуть, что готовы с такой же беспощадностью, как Нерон, оставить позади свое прошлое и начать все сначала.

(2) «*alle Straßen leer nur wir sind noch da streunen wie Straßenhunde*

Romulus und Remus kennen ihre Stadt» /

«Все улицы пусты, только мы еще здесь, Блуждаем как уличные псы

Ромул и Рем знают свой город» (здесь и далее, если не отмечено, перевод наш)

В представленном отрывке встречаются прецедентные имена Ромул и Рем – это легендарные братья-близнецы, основатели города Рима [**Ромул и Рем**, URL]. Обращаясь к данным прецедентным именам, братья Брукнер подчеркивают и свое родство и то, что они так же как Ромул и Рем знают свой город, исходили его вдоль и поперек. Город породил их, а они «породили» свой город.

(3) «*Baby nenn mich Nero wir brennen zusammen*» / «**Детка, зови меня Нероном, мы сгораем вместе.**»

Метафора, представленная в последней цитате, является аллюзией на прецедентную ситуацию, в основе которой лежит следующее историческое событие: в ночь на 19 июля 64 года н.э. в Риме случился грандиозный пожар. Сгорели четыре городских района, ещё семь сильно пострадали от огня. Считается, что Рим подожгли по приказу правившего тогда императора Нерона [Нерон, URL]. Используя аллюзию в виде метафоры, братья подчеркивают, что готовы с такой же безоглядной жестокостью, как Нерон «сжечь» свой город, свое прошлое.

(4) «**wir halten nie wieder an**
denn Dante hat noch nichts gesehen» /

«Мы больше никогда не остановимся,
Потому что Данте еще ничего не видел»

(5) «*der letzte Kreis der Hölle heißt die Kleinstadt überstehen*» /

«Последний круг ада означает выжить в маленьком городке»

В первом отрывке (4) авторы используют прецедентное имя: Данте Алигьери – итальянский поэт и писатель, богослов, политический деятель. Он является автором «Божественной комедии» и создателем истории о девяти кругах ада, рае и чистилище [**Данте Алигьери**, URL]. Во втором отрывке (5) авторы используют метафору, представляющую собой аллюзию на прецедентный текст («Божественная комедия») через упоминание «круга ада». Для героев песни «ад» – это жизнь в маленьком городе и он для них страшнее девяти кругов ада Данте. Таким образом, рассмотренные средства создают контекст, где жизнь в маленьком городе сравнивается с ужасным испытанием. Отметим, что все ПФ, представленные в данной песне можно охарактеризовать как универсально-прецедентные, т. к. они отсылают к литературному произведению, составляющему наследие мировой культуры.

OKKID–«**Frühling Winter**», 2021 (URL: <https://www.youtube.com/watch?v=HjDW4eOyGLU>)

Одной из центральных тем песни – 2020 год. Авторы задают социально значимые вопросы,

которые повлекли за собой судьбоносные события этого года. Речь идет об осознании того, что глобальные проблемы – такие как, социальная несправедливость и расизм – привлекают внимание людей только тогда, когда происходят ужасные события. А в остальное время каждый из нас вполне доволен своей жизнью. Рассмотрим ПФ, употребленные авторами в данной песне:

(1) «**Black Lives Matter, alle Freunde tragen schwarz**

Wir war 'n alle auf der Demo, was ist heut' davon noch da?

Wer hat sich schon mal gefragt, ob er in den letzten Jahr 'n

mehr Problem oder Teil der Lösung war?» /

«Black Lives Matter, все друзья носят черное
Мы все были на демонстрации, но что осталось от всего этого?»

Кто когда-либо задавался вопросом, был ли он скорее проблемой или частью решения в последние годы?»

В данных строчках использовано прецедентное имя «Black Lives Matter» – название общественного движения, выступающего против расизма и насилия в отношении чернокожих, в особенности против полицейского насилия. Данное имя выполняет функцию аллюзии к прецедентной ситуации – убийству афроамериканца Джорджа Флойда в США, после которого 26 мая 2020 года начались массовые протесты во всем мире, как реакция на убийство Флойда во время задержания офицером полиции [OK KID, URL].

(2) «**Hanau keine Einzeltat,**

Hanau lang noch nicht verdaut
Avocado Toast am Abend, wem stößt das noch übel auf?» /

«Ханау не единичный случай

Ханау мы все еще не переварили

Тост с авокадо вечером, кого это еще беспокоит?»

Вторая аллюзия, содержащаяся в тексте (2), отсылает к прецедентной ситуации – массовому убийству в городе Ханау Германия (было убито 9 человек), которое произошло 19 февраля 2020 года. Убийства, как предполагается, были совершены по мотивам национальной и религиозной ненависти. Данное событие является прецедентным для жителей Германии [Там же].

Рассмотренные ПФ значительно расширяют содержательный план песенного текста. Ведь только упоминание Black Lives Matter и Ханау воссоздают в памяти слушателей объемную картину эмоционального отклика множества людей по всему земному шару на случившиеся события. Далее же в строках «Мы все были на демонстрации, но что осталось от всего этого? Кто когда-

либо задавался вопросом, был ли он скорее проблемой или частью решения в последние годы?» задается вопрос о постоянстве проявлений солидарности и о том, к каким переменам и политической активности мы на самом деле готовы. Ведь когда массовые демонстрации закончились, люди в социальных сетях только изображали поддержку, но на деле не предпринимали никаких действий.

По степени распространения первую прецедентную ситуацию (1) можно охарактеризовать как универсально-прецедентную, поскольку благодаря средствам массовой информации новость об убийстве Джорджа Флойда знакома большому количеству человек во всем мире. Вторая ситуация (2) является национально-прецедентной, так как об убийстве в городе Ханау знают в большей степени жители Германии.

Tim Bendzko – «April», 2023 (URL: <https://www.shazam.com/ru/track/632580368/april>)

Для автора «апрель» – это символ круговорота жизни и смерти, возрождения всего живого. Так как главный герой стремится порвать со своим прошлым и полностью переродиться, он создает ассоциацию с весной, а именно с апрелем как с началом новой жизни, когда можно начать все с чистого листа:

«Wie im April, wie im April
Mach', was ich will, mach', was ich will
Es sind chaotische Zeiten,
Doch es kann nicht mehr weit sein
Werd' mich wie Phönix aus der

Asche

Neu entfalten» /

«Как в апреле, как в апреле.

Делаю то, что хочу, делаю то, что хочу.

Это хаотичные времена,

Но и не далек тот момент:

Как феникс из пепла,

Я заново расправлю свои крылья» [Переводы песен, URL]

Чтобы доказать слушателям решимость главного героя порвать с прошлым, автор использует аллюзию на миф о птице Феникс с помощью прецедентного имени. «Феникс» – это мифологическая птица, обладающая способностью сжигать себя и затем возрождаться из пепла. Данное прецедентное имя можно охарактеризовать как универсально-прецедентное, так как истории о фениксе распространены в разных культурах, включая древнегреческую, египетскую, римскую и китайскую мифологию [Феникс, URL].

Таким образом, можно констатировать, что ПФ в песенных текстах служат источником поэтической неоднозначности и воссоздают множество подтекстов, что значительно расширяет

содержательный план песенных текстов в целом при незначительном расширении его формального объема. Выявленные нами ПФ отражают актуальные для молодежной поп-культуры Германии ценности: такие как гражданская активность, отрицание расизма, терроризма и насилия, желание выйти за рамки, установленные обществом, стремление к внутренней свободе. В общем и целом, прецедентные феномены выполняют функцию своеобразных культурных кодов, характеризующих молодежную субкультуру, поскольку авторы песен включают в текст аллюзии, исходя из того, что они узнаваемы в их культурной среде.

Список литературы

1. Назарова, Р. З., Золотарев, М. В. Прецедентные феномены: проблемы дефиниции и классификации прецедентных феноменов / Р. З. Назарова, М. В. Золотарев // Известия Саратовского университета. – Серия: Филология. Журналистика. – 2015. – Т. 15, вып. 2. – С. 17–23. – Текст : непосредственный.

2. Багаева, Д. В., Гудков, Д. Б., Захаренко, И. В., Красных, В. В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов / Д. В. Багаева, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, В. В. Красных // Вестник Московского университета. – Серия 9: Филология. – Изд-во Моск. ун-та, 1997. – №3 – С. 62-85. – Текст : непосредственный.

3. Данте Алигьери – Текст : электронный // РУВИКИ [официальный сайт]. – URL : u.ruwiki.ru/w/index.php?title=Данте_Алигьери (дата обращения : 15.01.2024).

4. Дуняшева, Л. Г. Лингвокультурные особенности конструирования гендера в афроамериканском песенном дискурсе : на материале жанров блюз и рэп : специальность 10.02.04. «Германские языки» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Лилия Гаффаровна Дуняшева. – Нижний Новгород, 2012. – 24 с. – Текст : непосредственный.

5. Красных, В. В. Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований / В. В. Красных // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. – М., 1997. – С. 8–9. – Текст : непосредственный.

6. Нерон – Текст : электронный // РУВИКИ [официальный сайт]. – URL : <https://ru.ruwiki.ru/w/index.php?title=Нерон> (дата обращения : 16.01.2024)

7. Переводы песен – Текст : электронный // songtranslate.ru : [официальный сайт]. – URL: https://songtranslate.ru/songs/tim_bendzko/april.html (дата обращения : 16.01.2024).

8. Ромул и Рем – Текст : электронный // РУВИКИ [официальный сайт]. – URL : https://ru.ruwiki.ru/wiki/Ромул_и_Рем (дата обращения : 18.01.2024)

9. Феникс – Текст : электронный // РУВИКИ [официальный сайт]. – URL : <https://ru.ruwiki.ru/w/index.php?title=Феникс> (дата обращения : 18.01.2024)

10. OK KID veröffentlichen politischen Song „Frühling Winter“ – Erlös soll an „Alarmstufe Rot“ gespendet werden musikexpress – Текст : электронный // Musikexpress [официальный сайт]. – URL: <https://www.musikexpress.de/ok-kid-veroeffentlichen-politischen-song-fruehling-winter-erloes-soll-an-alarmstufe-rot-gespendet-werden-1820347/> (дата обращения : 11.12.2023)

DOI: 10.47475/9785727119631_99

О.В. РЫКОВА, А.И. ВАЛЕЕВА / O.V. RYKOVA, A.I. VALEEVA

*Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)*

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ПОНЯТИЙНОЙ СФЕРЫ «ЛЮБОВЬ» В БРИТАНСКОМ ПЕСЕННОМ ДИСКУРСЕ

METAPHORICAL MODELLING OF THE CONCEPTUAL SPHERE “LOVE” IN BRITISH SONG DISCOURSE

Аннотация

Данное исследование опирается на теорию концептуальной метафоры, которая постулирует, что метафора означает понимание одного фрагмента действительности в терминах другого и является неотъемлемой частью нашей концептуальной системы, мышления и речи, делая окружающий мир понятным и постижимым для нас. Теория концептуальной метафоры применяется для выявления, интерпретации и анализа концептуальных метафор любви в современном песенном дискурсе Великобритании. Это исследование устанавливает взаимосвязь и сопоставление таких метафорических лингвистических выражений в различных контекстах и предлагает классификацию метафорических моделей исследуемой понятийной сферы. К наиболее продуктивным метафорическим моделям, эксплицирующим понятийную сферу «любовь» в британском песенном дискурсе, относятся «Любовь – это свет», «Любовь – это стихия», «Любовь – это игра» и «Любовь – это зависимость». Набор фреймов, представленных в рамках указанных моделей, говорит о преобладании отрицательных образов анализируемого понятия.

Abstract

This study relies on the conceptual metaphor theory, which postulates that metaphor means understanding one fragment of reality in terms of another and is an indispensable part of our conceptual system, reasoning and speech, making the world around us understandable and conceivable to us. The conceptual metaphor theory is used to identify, interpret and analyze conceptual metaphors of love in the modern song discourse of Great Britain. This study establishes the relationship and juxtaposition of such metaphorical linguistic expressions in various contexts and suggests a classification of metaphorical models of the conceptual sphere investigated. The most productive metaphorical models explicating the conceptual sphere of “love” in the British song discourse include “Love is light”, “Love is an element”, “Love is a game” and “Love is addiction”. The set of frames represented within the framework of these models indicates the prevalence of negative images of the analyzed concept.

Ключевые слова: *понятийная сфера, британский песенный дискурс, метафора, метафорическая модель, фрейм.*

Keywords: *conceptual sphere, British song discourse, metaphor, metaphoric modelling, frame.*

Понятие «любовь» является общечеловеческим, доступным пониманию независимо от возраста, культурного развития, образования. Это чувство поэтизируют и наделяют различными

свойствами и ассоциациями. Особенно интересна интерпретация понятийной сферы «любовь» в песенном дискурсе. Лирические тексты практически всегда образны и метафоричны. Кроме того,

песенный дискурс – это своеобразная форма хранения культурных знаний, отражение жизни народа – его основных ценностей, этических воззрений, социальных представлений, стереотипов, моделей поведения, культурных норм, передающихся из поколения в поколение. Ю.Е. Плотницкий определяет песенный дискурс как «родовое понятие по отношению к текстам песен, характеризующихся определенными языковыми особенностями, отражающими культуру представителей той или иной страны» [Плотницкий, 2005, с. 147].

Теоретический подход к метафорам, рассмотренным в проанализированных текстах, основан на научных работах американских лингвистов Джорджа Лакоффа и Марка Джонсона, согласно концепции которых метафора не ограничивается сферой языка, а представляет собой способ мышления и познания окружающей действительности, проявляющийся также в действии. Метафора – это способ осмысления человеком объективного мира, отражение культуры. Исследования этих ученых постулируют, что повседневный язык наполнен метафорами, которые мы не всегда замечаем. К примерам часто используемых метафор, которые стали привычными, стереотипными, не осознаваемыми, можно отнести следующие: «теплый» прием ассоциируется с доброжелательным отношением, а «холодный» – с равнодушием. Теория метафорического моделирования, предложенная Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, описана в монографии «Метафоры, которыми мы живем» [Lakoff, Johnson, 2003].

В современной лингвистической науке моделирование является одним из основных методов научного исследования. Метафора стала рассматриваться как объект моделирования относительно недавно – с конца прошлого века. Когнитивный подход определяет метафору как ментальный и вербальный конструкт, создаваемый в процессе метафорогенной деятельности человека. Однако изучение когнитивных механизмов, в том числе метафоризации, возможно только на основе исследования результатов их экспликации в языке. Метафорическая модель предполагает «понимание систематических связей между источником и целью. Не обязательно это происходит осознанно. Это знание в значительной степени бессознательно, и только в целях анализа мы привносим эти связи и соответствия в область осознанного восприятия» [Kövecses, 2022, p. 9]. А. П. Чудинов определяет метафорическую модель, как «существующую и складывающуюся в сознании носителя языка схему связи между понятийными сферами, которую можно представить определенной формулой: X – это Y» [Чудинов, 2003, с. 40].

Таким образом, метафорическая модель – это некая попытка схематизированного изображения концептуальной метафоры.

Поп-культура отражает массовую культуру нации. Простота инструментальной части, ритмичность, акцент на вокал и простые тексты, посвященные личным эмоциям и переживаниям, делают поп-музыку понятной для восприятия большинства. Рок музыка – это направление поп-музыки, которое образовало отдельную музыкальную направленность. Среди рок-музыки встречаются направления, более близкие по звучанию и общим темам текстов к поп-музыке, не образующие отдельную субкультуру. Это позволяет анализировать данные тексты наряду с традиционными поп-композициями.

Практический материал, который представлен в статье, хронологически ограничивается периодом XXI века и охватывает песенные тексты британских исполнителей жанра «поп» и смешанных направлений, таких как поп-соул, инди-поп, синти-поп и ритм-н-блюз. Анализ представленных в статье композиций британских исполнителей песенного дискурса по теме «любовь» позволил выделить четыре наиболее частотные метафорические модели, а именно: «Любовь – это свет», «Любовь – это стихия», «Любовь – это игра», «Любовь – это зависимость».

Начнем с рассмотрения метафорической модели «Любовь – это свет». Положительные эмоции, связанные с любовью, очень часто вербализуются при помощи сравнений со светом, днем, в то время как отрицательные – с мраком, тьмой, ночью. Любовь – сильное чувство, которое наполняет людей яркими эмоциями, поэтому очень часто влюбленный сравнивает свою жизнь до появления возлюбленного в жизни или самой любви с тьмой, а любовь – со светом.

В композиции “I Miss You” (2015) метафорическая модель «Любовь – это свет» реализуется через прямую метафору огоньков, лампочек, которые зажигаются благодаря любовному чувству. Когда нет любви, то нет света, и в душе возникают сомнения, мрак. Напротив, когда любовь появляется, на душе становится светло. Метафорическая модель «Любовь – это свет» представлена в данной композиции фреймом «Источник света»:

“I miss you when the **lights** go out,
It **illuminates** all of my doubts.”

(Adele, I Miss You, 2015)

Автор называет любовь «светом» и просит возлюбленного «подарить» ей его:

“Pull me in, hold me tight,
Don’t let go, baby, give me **light**...”

(Adele, I Miss You, 2015)

В композиции “Painting Pictures”, исполненной Адель, метафорическая модель «Любовь – это стихия» реализуется через фрейм «Огонь». Пламя охватило героев в последний раз:

“I set **fire** to the rain
And I threw us into the **flames**
‘Cause I knew that there was the last time
The last time...”
(Adele, *Painting Pictures*, 2008)

Композиция британской группы Zero 7 feat. Sia “You Are My Flame” также иллюстрирует реализацию метафорической модели «Любовь – это стихия» с помощью фрейма «Огонь». Любовь метафорически сравнивается с пламенем:

“You’re just dodging all the friendly **fire**....
You miss the start of every game,
You’re my **flame**.”
(Zero 7 feat. Sia, *You Are My Flame*, 2006)

Метафорическая модель «Любовь – это игра» также является достаточно частотной в британском песенном дискурсе жанра «поп-музыка». Фреймы этой модели узнаваемы – «Разновидность игры», «Участник игры», «Компонент игры», «Процесс игры».

Композиция “Love Is a Losing Game” Эми Уайнхаус – это трагическая, но красивая песня о печали неудачных отношений. В тексте песни любовь сравнивается с азартной игрой, в которой человек играет, вкладывая эмоции и усилия, только чтобы понять, что этой любви не суждено быть. Несмотря на это, они все еще надеются, что пройдут через душевную боль и однажды выйдут победителями. Припев служит напоминанием о том, что как бы сильно человек ни боролся, боль и потери неизбежны. В конечном счете, смысл этой композиции в том, что даже перед лицом душевной боли любовь все равно стоит риска. В данной композиции метафорическая модель «Любовь – это игра» представлена фреймом «Разновидность игры»:

“For you I was a flame,
Love is a losing **game**
Five story fire as you came,
Love is a losing **game**...”

(Amy Winehouse, *Love Is a Losing Game*, 2006)

Песня “Don’t Think Twice” Риты Оры исследует концепцию риска в любви. Текст песни подразумевает, что рассказчик и его партнер уже перешли границы и рисковали в своих отношениях, и они ощущают себя живыми и свободными в результате. Припев подчеркивает важность умения не колебаться и не переосмысливать вещи, потому что одна секунда может изменить жизнь. Песня советует доверять своим чувствам и инстинктам, так как они могут привести к неожиданным переживаниям. Она призывает слу-

шателей принять неопределенность, которую сопровождает любовь, и следовать своему сердцу, а не полагаться на рациональное мышление. Текст песни сравнивает любовь с рискованной игрой, такой как рулетка, где нужно рисковать и поставить все, что у тебя есть, символизируя уязвимость и волнение, которые может принести любовь. В песне повторяется идея о том, что любовь – это азартная игра, и призывает слушателя не позволять рациональным мыслям препятствовать полному переживанию глубокого чувства. Он предполагает, что чрезмерный анализ и слишком много размышлений могут стоять на пути к нахождению истинного счастья и исполнения. Метафорическая модель «Любовь – это игра» представлена фреймами «Компонент игры» и «Разновидность игры» в метафорических образах ставки и рулетки:

“Love’s a risky **bid** (Hey, yeah)
Play me like **roulette** (Hey, yeah)...”
(Rita Ora, *Don’t Think Twice*, 2023)

Метафорическая модель «Любовь – это зависимость» рассматривает любовь как навязчивую потребность, несвободу и нездоровые психологические отношения. Рассмотрим пример реализации данной модели. Композиция “Addiction” британской исполнительницы Леоны Льюис представляет любовь как зависимость, несвободу. Жизнь без возлюбленного теряет радость и становится очень тяжелой, словно влюбленного человека поразила патологическая зависимость от возлюбленного, которого он называет своим «наркотиком». Модель «Любовь – это зависимость» представлена фреймами «Наркотическая зависимость» и «Наркотическое вещество»:

“It’s unbelievable I survived
Without you.
You’re my **addiction**...”
“When my **drug** goes missing...
I’m **addicted**...”
(Leona Lewis, *Addiction*, 2012)

Анализ эмпирического материала позволяет сделать вывод о метафоризации понятийной сферы «любовь» через вектор опасности (такая область-донор, как огонь), непредсказуемости и рискованности (образ азартной игры, рулетки), morbидности (образ патологической зависимости, наркотического пристрастия). Положительные образы, представленные в большей степени моделью «Любовь – это свет» являются менее частотными, что позволяет говорить о преобладании негативного восприятия и фокусировании на отрицательных аспектах рассматриваемой понятийной сферы.

Изучение метафорического моделирования понятийной сферы «любовь» в британском пе-

сенном дискурсе позволяет выявить важные аспекты метафоризации данного фрагмента реальности. Метафоры могут существовать бесконечно долго, быть более актуальными в один период времени, чем в другой, становиться привычными или полностью исчезать. Анализ наиболее частотных метафорических моделей, эксплицирующих понятийную сферу «любовь» в британском песенном дискурсе жанра поп-музыки позволяет сделать вывод об актуализации определенного восприятия данного понятия носителями языка и культуры в контексте современности.

Список литературы

1. Плотницкий, Ю. Е. Лингвостилистические и лингвокультурные характеристики англоязыч-

ного песенного дискурса : специальность 10.02.04 «Германские языки» : дис. ... канд. филол. наук. / Плотницкий Юрий Евгеньевич. – Самара, 2005. – 183 с. – Текст : непосредственный.

2. Чудинов, А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации : Монография / А.П. Чудинов. – Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2003. – 248 с. – Текст : непосредственный.

3. Kövecses, Z. Metaphor: A practical introduction / Z. Kövecses // New York : Oxford University Press, 2002. – 285 p. – Текст : непосредственный.

4. Lakoff, G. and Johnson, M. Metaphors We Live By / G. Lakoff, M. Johnson // The University of Chicago Press, Chicago, 2003. – 256 p. – Текст : непосредственный.

DOI: 10.47475/9785727119631_102

М.А. САМКОВА / M.A. SAMKOVA

Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)

ОБРАТИМЫЕ МЕТАФОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ В ДИСКУРСЕ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА

REVERSIBLE METAPHORICAL MODELS IN SOCIAL MEDIA DISCOURSE

*Исследование выполнено при поддержке
Фонда перспективных научных исследований ФГБОУ ВО «ЧелГУ» 2024 г.
The research is supported by the Foundation for Advanced Scientific Research at
Federal State Educational Institution of Higher Education “CSU” in 2024*

Аннотация

В статье рассматривается природа обратимых концептуальных метафорических моделей в русскоязычном дискурсе социальных медиа. Используется когнитивный подход к изучению метафоры; метафорическое моделирование как метод когнитивного анализа понятийных сфер «Человек», «Механизм», «Функция»; контекстуальный анализ метафорических слов и выражений, обнаруженных в Telegram-постах на каналах ведущих банков России. Подтверждается асимметрия обратимых метафорических моделей: при осмыслении понятийной сферы «Человек» на основе аналогии с механизмом, функцией и инструментом метафора выполняет характеризующую функцию, то есть употребляется для отрицательной или положительной характеристики человека. Сотрудник и клиент определяют их функциональную роль. При метафорическом осмыслении в рамках метафорических моделей «Механизм – это человек» и «Функция – это человек» и подмоделей «Нейросеть – это человек» и «Кешбэк – это человек» в образном содержании актуализируются антропоморфные признаки, и метафора выполняет номинативную функцию.

Abstract

The article addresses reversible metaphorical modeling in the cognitive linguistics. The author analyzed Telegram channels of largest banks in Russia and contextually identified metaphors that consisted of conceptual domains Human, Mechanism, Function and subdomains Robot, Artificial Neural Network, Cashback. Metaphorical models “A human is a mechanism” and “A human is a function” use characterizing conceptual metaphors. Conceptual metaphors negatively or positively characterize a person. An employee and a client are determined by their functional roles. Metaphorical models “A mechanism is a human”

and “A function is a human” use nominative conceptual metaphors. An Artificial Neural Network and a Cashback are anthropomorphically conceptualized.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, концептуальная метафора, метафорическое моделирование, обратимые метафорические модели, дискурс социальных медиа, Telegram.

Keywords: cognitive linguistics, conceptual metaphor, metaphorical modeling, reversible metaphorical models, social media discourse, Telegram.

В последние три десятилетия в центре внимания исследователей оказалась концептуальная метафора, которая «охватывает широкий класс случаев осмысления сущностей одной понятийной области в терминах существенно отличающейся от нее другой понятийной области» [Баранов, 2006, с. 5]. В настоящей статье мы продолжаем исследовать метафору в рамках когнитивной лингвистики вслед за Дж. Лакоффом и М. Джонсоном.

На текущем этапе развития теории концептуальной метафоры актуализировался вопрос о взаимодействии концептуальных сфер. В данной работе объектом исследования выступает обратимость концептуальной метафоры. Обратимые метафорические модели характеризуются обратным соотношением «сфер-источников» и «сфер-мишеней»: «сфера-источник первой метафорической модели в рамках обратимой модели является сферой-мишенью, а сфера-мишень первой модели является сферой-источником другой модели» [Резанова, 2012, с. 30].

Материал для настоящей статьи отбирался с использованием приема сплошной выборки с Telegram-каналов ведущих банков России Сбера, Альфа-Банка, ВТБ и Тинькофф и путем направленной выборки из Национального корпуса русского языка [НКРЯ, URL] и сети Интернет.

В результате анализа метафорических слов и выражений в русскоязычном дискурсе социальных медиа мы обнаружили соотношение концептуальных сфер – «Человек», «Механизм», «Функция». Цель исследования – выявить природу обратимых концептуальных метафорических моделей в русскоязычном дискурсе социальных медиа.

В процессе метафоризации некоторые области сферы-мишени «Искусственная нейронная сеть» структурируются по образцу сферы-источника «Человек». Модели «Механизм – это человек», «Функция – это человек» и подмодель «Искусственная нейронная сеть – это человек» вписывается в общую архаичную модель – антропоморфную. Ряд лексем становятся основанием для переосмысления искусственной нейронной сети (далее – нейросети) через призму метафоры. Лексемы, которые характеризуют способности человека (ум, талант), его деятельность (творчество)

и результат деятельности (успех), переносятся на понятийную сферу «Искусственная нейронная сеть»: *Kandinsky 2.2, которая скоро станет ещё талантливее* [Моя Москва, URL]; *творчество нейросетей* [Как мы приближали, URL]; *публикуем спецпроект, посвящённый успехам нейросети в учёбе* [Лесняк, URL]; *нейросети становятся всё умнее и умнее* [Соколова, URL]. В анализируемых контекстах нейросеть предстает в образе человека. Аналогия проводится, в основном, с интеллектуальным ресурсом, которым обладает человек.

Контекстуальный анализ метафорических номинаций в дискурсе социальных медиа показывает, что карта с функцией кешбэка как разновидности поощрения клиентов уподобляется человеку. В рамках модели «Функция – это человек» и подмодель «Кешбэк – это человек» наблюдается употребление преимущественно глаголов состояния (*быть*) и глаголов действия (*возвращаться, работать*). Это продуктивный способ для реализации метафорических значений: «*Кэшбэк, ты где был?*», «*Кешбэк возвращается!*», «*Как работает кэшбэк*». Первый контекст указывает на существование; второй – на совершение физического действия (перемещаться, двигаться); третий – на осуществление деятельности, функционирование.

Также наблюдается выделение положительных характеристик кешбэка: *надежный, щедрый, мощный, здоровый кэшбэк*. Ниже приведен контекст для последнего примера с целью проиллюстрировать каламбур, в основе которого лежит омонимия. Прямое значение прилагательного «здоровый» – обладающий хорошим здоровьем, переносное значение, актуализированное в данном контексте – очень большой: «*Здоровый кэшбэк. Следить за здоровьем – выгодно!*». С помощью имен прилагательных «щедрый», «мощный» и «здоровый» репрезентируется большая величина возврата расходов на покупки, а прилагательное «надежный» указывает на обеспечение безопасности и достижение цели.

Сравниваемым в данной статье обратимым метафорическим моделям свойственна доказанная ранее асимметрия [Резанова, 2012]. При рассмотрении метафорической модели «Человек – это механизм» и подмодели «Человек – это

робот» выявлено, что метафора выполняет номинативную функцию и используется для характеристики рутины как актуальной для банковской сферы проблемы.

Герой рекламных роликов – клиент банка ВТБ – постоянно встречается с навязчивым персонажем Рутиноидом, олицетворяющим рутинную и монотонную работу (Рис. 1). Окказионализм «рутиноид» создан путем добавления к основе имени существительного «рутина» суффикса -оид, обозначающего сходство, подобие тому, что названо именем существительным. В ряде последующих текстов сотрудник уподобляется данному персонажу – роботу-ассистенту по рутине:

«Рутиноид, который постоянно преследует и напоминает, что все очень сложно, тебе с этим не разобраться, у тебя не получится» [В последнее время, URL].

«Есть творцы, есть мастера своего дела, есть руководители, ...а есть рутиноиды. Изю дня в день задача рутиноида – производить трудодни. Пять трудодней в неделю. <...> Рутиноиды всю рабочую жизнь стремятся к пятнице, из недели в неделю. Это становится основой их мотивации» [Ода о рутинности, URL].

«Иногда он вскакивает из-за своего стола, подбегает к спящему рутиноиду, трясет его бедного за воротник...» [Рутиноиды, деловые люди, URL].

Рис. 1 – Рутиноид – персонаж рекламных роликов ВТБ [Отчетность, налоги, URL]

В приведенных выше контекстах обнаружено, что человек (сотрудник) уподобляется роботу. В результате выделяются такие отрицательные черты работника банковской сферы, как безотчетное следование шаблону, незамотивированность и негативизм.

Помимо механистического образа человека выявлены метафорические модели «Человек – это функция» и «Человек – это инструмент», представляющие человека (клиента) как предметный образ. Основанием для метафорического переосмысления роли клиента для бизнеса является финансовое поощрение как компонент системы привлечения и удержания клиента. К

разновидностям поощрений относятся кэшбэк, бонус, промокод, акция, реферальная программа.

При номинации человека в дискурсе социальных медиа используется предметная лексика: *«если снимут фильм про Альфа-Банк, я буду Человек-Кэшбэк»* [Карты, деньги, URL]. Человек-Кэшбэк – окказионализм, сложное имя существительное, которое образовано путем добавления дефиса. Таким же способом образованы следующие окказионализмы: *человек-акция, человек-промокод, человек-рефералка* [Власова, URL]. Акцент сделан на стремлении клиента к получению материальной выгоды в результате использования функции финансового поощрения.

В сфере маркетинга функционирует понятие, подразумевающее уподобление человека объекту, выполняющему определенную функцию: *«Конвертация посетителей (конверсия) – это достижение цели пришедшими на сайт пользователями»* [Энциклопедия интернет-маркетинга, URL]. Другие контексты употребления: *«уровень конвертирования постоянного клиента», «конвертация потенциальных клиентов в реальных», «конвертация одиночной продажи в постоянного клиента», «конвертировать случайного посетителя в постоянного клиента», «конвертировать посетителя в лид», «уровень конвертирования трафика в лидов»*. Таким образом, клиент рассматривается как объект, который выполняет функцию, а именно целевое действие, приносящее пользу бизнесу.

Как показал анализ, в рамках метафорических моделей «Механизм – это человек» и «Функция – это человек» в антропоморфных образах осознаются такие феномены, как нейросеть и кэшбэк, которые недавно стали известны широкому кругу лиц. В составе обратимых метафорических моделей «Человек – это механизм», «Человек – это функция» и «Человек – это инструмент» функционирует предметная лексика, используемая с целью переноса значения функции на образ человека. Это может объясняться необходимостью адаптации человека в современном мире, на который оказали влияние рыночная экономика и цифровизация. В результате человек определяется его функциональной ролью.

В целом, в дискурсе социальных медиа метафора служит цели апелляции к эмоциональной сфере, так как она употребляется для отрицательной или положительной характеристики человека и для позитивной оценки новых феноменов в банковских экосистемах.

Анализ природы обратимых метафорических моделей подтвердил их асимметрию: аспектами актуализации метафорических моделей со сферами-мишенями «Нейросеть» и «Кэшбэк» явля-

ются способности человека, его действия и интеллектуальная деятельность, а при изменении позиций данные сферы-мишени становятся источниками для метафорического моделирования образа клиента или сотрудника банковской экосистемы, в котором акцентируются инструментальная интерпретация и функциональная роль человека.

Список литературы

1. Альфа-Банк : [официальный сайт]. – Текст : электронный // Telegram. – URL : <https://t.me/AlfaBank> (дата обращения: 24.01.2024).
2. Баранов, А. Н. Некоторые константы русского политического дискурса сквозь призму политической метафоры («взаимоотношения бизнеса и власти», «коррупция») / А. Н. Баранов, О. В. Михайлова, Е. А. Шипова. – Москва : Фонд ИНДЕМ, 2006. – 84 с. – Текст : непосредственный.
3. В последнее время много думаю про эмоции в маркетинге... – Текст : электронный // Telegram. – URL : <https://t.me/evaevt/2253> (дата обращения: 24.01.2024).
4. Власова, О. «Человек-кэшбэк, человек-промокод, человек-акция» : финансовые правила жизни перфекционистов – Текст : электронный // Тинькофф Журнал [официальный сайт]. – URL : <https://journal.tinkoff.ru/perfectionist-rules/> (дата обращения: 24.01.2024).
5. ВТБ : [официальный сайт]. – Текст : электронный // Telegram. – URL : <https://t.me/bankvtb> (дата обращения: 24.01.2024).
6. Как мы приближали будущее – Текст : электронный // «Кот Шрёдингера», 2017. – URL : <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 24.01.2024).
7. Карты, деньги и кэшбэк 50% за развлечения – Текст : электронный // Telegram. – URL : <https://t.me/AlfaBank/1765> (дата обращения: 24.01.2024).
8. Лесняк, А. Лицо современности – Текст : электронный // «Кот Шрёдингера», 2016. – URL : <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 24.01.2024).
9. Моя Москва, моя столица! – Текст : электронный // Telegram. – URL : <https://t.me/sberbank/2680> (дата обращения: 24.01.2024).
10. Национальный корпус русского языка : [официальный сайт]. – Текст : электронный. – URL : ruscorpora.ru (дата обращения: 24.01.2024).
11. Ода о рутинности – Текст : электронный // LiveJournal. – URL: <https://mitya-86.livejournal.com/73335.html> (дата обращения: 24.01.2024).
12. Отчетность, налоги, закрытие года... – Текст : электронный // Telegram. – URL : <https://t.me/bankvtb/1907> (дата обращения: 24.01.2024).
13. Резанова, З. И. Обратимые метафорические модели: семантико-функциональная асимметрия (статья 1) / З. И. Резанова // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2012. – №2 (18). – С. 29–43. – Текст : непосредственный.
14. Рутиноиды, деловые люди и просто сумасшедшие – Текст : электронный. – URL : <https://katejdaniel.blogspot.com/2012/09/> (дата обращения: 24.01.2024).
15. Сбер : [официальный сайт]. – Текст : электронный // Telegram. – URL : <https://t.me/sberbank> (дата обращения: 24.01.2024).
16. Соколова, С. Борьба с котами и понимать людей – Текст : электронный // «Кот Шрёдингера», 2016. – URL : <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 24.01.2024).
17. Тинькофф : [официальный сайт]. – Текст : электронный // Telegram. – URL : <https://t.me/tinkoffbank> (дата обращения: 24.01.2024).
18. Энциклопедия интернет-маркетинга – Текст : электронный. – URL : <https://www.seonews.ru/glossary/> (дата обращения: 24.01.2024).

DOI: 10.47475/9785727119631_106

М.В. УСТИНОВА / M.V. USTINOVA*Кузбасский институт ФСИН России
(Новокузнецк, Россия)***НОВОСТНОЙ ДИСКУРС САЙТА КОММЕРЧЕСКОЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ
ОРГАНИЗАЦИЙ: К ПРОБЛЕМЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
ОБРАЗА ВИРТУАЛЬНОГО АВТОРА****NEWS DISCOURSE OF A COMMERCIAL SITE
AND EDUCATIONAL ORGANIZATIONS: ON THE PROBLEM OF REPRESENTATION
OF THE IMAGE OF A VIRTUAL AUTHOR****Аннотация**

В статье рассматриваются особенности репрезентации образа виртуального автора на примере новостного дискурса официальных сайтов двух организаций – образовательной (Кемеровский государственный медицинский университет) и коммерческой – крупнейший медицинский клинический центр региона «Медика». При общности ключевых единиц текста, отражающих медицинское направление, и интенциональности авторского нарратива, в статье показываются различия между представленными сайтами, решается теоретическая задача рассмотрения репрезентации образа автора и воплощения в тексте его интенций. Доказывается, что текст, который лежит в основе виртуального дискурса сайтов, хотя и подчиняется канонам жанра, не может не отражать личность автора, его модальность и интенциональность, согласно специфике организации – образовательной и коммерческой. Автор образовательной организации позиционирует себя как лидер профильном образовании в регионе, лидер в выполнении актуальных научных исследований по медицинскому профилю. Я – участник социально-значимых проектов; я – представитель студенческого сообщества и т.д. Автор коммерческой организации позиционирует себя как профессионала в оказании высокотехнологичных медицинских услуг. Я умею лечить, оперировать, реабилитировать; я – лучший в регионе, я – занимаюсь благотворительной деятельностью и т.д. Виртуальный автор в обоих случаях является одновременно субъектом, создающим новостной дискурс, и его объектом, о котором сообщается в этом дискурсе.

Abstract

The article examines the features of representing the image of a virtual author using the example of news discourse on the official websites of two organizations – educational (Kemerovo State Medical University) and commercial – the largest medical clinical center in the region “Medica”. Given the commonality of the key units of the text, reflecting the medical direction, and the intentionality of the author’s narrative, the article shows the differences between the presented sites, solves the theoretical problem of considering the representation of the author’s image and the embodiment of his intentions in the text. It is proved that the text that underlies the virtual discourse of sites, although subject to the canons of the genre, cannot but reflect the personality of the author, his modality and intentionality, according to the specifics of the organization – educational and commercial. The author of the educational organization positions itself as a leader in specialized education in the region, a leader in carrying out current scientific research in the medical field. I am a participant in socially significant projects; I am a representative of the student community, etc.

The author of a commercial organization positions himself as a professional in providing high-tech medical services. I know how to treat, operate, rehabilitate; I am the best in the region, I am involved in charitable activities, etc. The virtual author in both cases is simultaneously the subject creating the news discourse and its object, which is reported in this discourse.

Ключевые слова: сайт, образовательная организация, коммерческая организация новостной дискурс, пропозиция, виртуальный автор, интенциональность

Keywords: site educational organization news discourse virtual author commercial organization intentionality proposition.

Введение

В современных реалиях информационно-коммуникационная сеть Интернет становится сосре-

доточением основной коммуникации в социуме.

По данным отчета Digital 2023 Global Overview Report, где собраны все последние данные по

аудитории интернета и социальных сетей в России, на начало 2023 года в РФ насчитывалось 127,6 млн интернет-пользователей, проникновение интернета составляет 88,2%. Интернетом пользуются 89% от общей численности населения: <https://datareportal.com/reports/digital-2023-russian-federation>. По мнению Е.М. Бурнаевой, реальность и виртуальный мир уже не противопоставляются, а взаимно дополняют друг друга [Бурнаева, 2014, с.1378].

Одним из инструментов виртуальной коммуникации и формирования имиджа является официальный сайт (web-сайт), под которым понимается набор взаимосвязанных страниц в формате HTML; основная функция сайта состоит в передаче информации [Бахмудов, 2021, с.1]. Как отмечается авторами исследований, посвященных этому коммуникативному средству, «сайт организации является ее инструментом позиционирования на рынке товаров и услуг, он выполняет главную роль в предоставлении информации в медиaprостранстве о ее деятельности, организации и функционировании» [Беяшова, 2018, с.8].

Цели корпоративных сайтов различных организаций могут варьироваться, но основная – презентационная – подчеркивается всеми исследователями. Сайт сегодня становится объектом разноаспектных лингвистических исследований. Актуальность разрабатываемой проблемы состоит в том, что виртуальный дискурс является в настоящее время основным средством коммуникации, следовательно, образ виртуального автора, посредством которого реализуется виртуальная коммуникация на сайте, заслуживает особого внимания. Цель исследования – репрезентировать образ виртуального автора новостного дискурса двух различных организаций, выявить общие языковые характеристики и те различия, которые используются в реализации в новостном дискурсе категории «образ автора».

Проблема образа автора и образа адресата впервые была поставлена в работах В. В. Виноградова [Виноградов, 1971] и М. М. Бахтина [Бахтин, 1996] и решалась преимущественно на материале художественных произведений. Развивая концепции В. В. Виноградова и М. М. Бахтина о дифференциации образа автора-рассказчика и образа автора-писателя, Е. В. Падучева разрабатывает понятие образа автора и выделяет виды повествователей [Падучева, 1996].

«Образ автора – это та цементирующая сила, которая связывает все стилевые средства в цельную словесно-художественную систему. Образ автора – это внутренний стержень, вокруг которого группируется вся стилистическая система произведения» [Виноградов, 1963, с.92]. «Образ

автора» – термин В. В. Виноградова, и в его понимании «концентрированное воплощение сути произведения, объединяющее всю систему речевых структур персонажей в их соотношении с повествователем, рассказчиком или рассказчиками и через них являющееся идейно-стилистическим средоточием, фокусом целого» [Виноградов, 1971, с. 3]. По В. В. Виноградову, образ автора лежит на «трех китах» – особенностях стилистики, структуры и идеологии художественного литературного произведения. В. В. Виноградов указывает, что главной является проблема его описания, при этом он отдает предпочтение анализу языковых средств, помогающих установить, как проявляется характер «поэтического мышления» автора в системе идейного и языкового содержания его творчества.

Виртуальная коммуникация, в отличие от художественной, которую исследует В.В. Виноградов, нуждается в разработке иной концепции. При очевидности тезиса Виноградова о дифференциации реального автора произведения и рассказчика необходимо ввести новое понятие «виртуальный автор», под которым понимается лицо, создающее контент (тексты) на страницах сайтов. Это «субъект, формирующий других» [Асмус, 2021, с. 17]; в нем проявляются черты человека, «занимающегося общественной деятельностью, выражающего коллективные оценки и пристрастия» [Соганик, Дроняева, 2005, с. 121]. С одной стороны современное социальное пространство создает прецедент для воспроизводства личности на заказ, с другой стороны, обостряет ситуацию поиска собственного проекта [Арутюнян, 2011, с.149].

Как правило, автор новостного дискурса имеет две основные цели: донести до читателя информацию и оказать на него определенный перлокутивный эффект.

Материал и методы исследования

Предлагаемое исследование выполнено на материале новостного дискурса двух сайтов: образовательной организации – Кемеровского государственного медицинского университета Минздрава РФ – и сайта крупнейшего медицинского клинического центра Кузбасса «Медика». Общий объем рассматриваемого материала составляет 20 новостных текстов случайно выбранных за период 4 месяцев – с мая 2023 года по сентябрь 2023 года. При исследовании языкового материала был использован интегрированный подход, разработанный в рамках медиалингвистики и основанный на сочетании широкого спектра методов различных дисциплин, изучающих массмедиа [Добросклонская, 2016, с.15], а также совокупность методов: сопоставительный метод, метод дискурс-анализа, интен-анализа. Использо-

зование этих методов позволяет нам выявить общие и отличительные черты в лексико-тематическом и пропозиционально-содержательном отношении контента сайтов, репрезентирующие образ виртуального автора.

Результаты исследования

Общие характеристики образа виртуального автора сайтов двух организаций.

В основе новостного дискурса сайтов обеих организаций лежит частично креолизованный текст, состоящий из вербального компонента (самого текста) и мультимедийного (как правило, фотоиллюстраций событий, описанных в тексте).

С позиции семантического синтаксиса новостной дискурс построен в основном на событийных пропозициях действия, которые, по мнению Т.В. Шмелевой, «портретируют действительность» [Шмелева, 1994, с.47]. В качестве субъекта выступает сама организация. Отметим, что авторы обоих сайтов стремятся произвести «определенный положительный эффект. При кажущейся пассивности текст обладает смысловой нагрузкой и потенциалом для привлечения внимания» [Асмус, 2021, с.11].

По мнению Н. Г. Асмус, «новостной дискурс отличается стилевым своеобразием, т.к. совмещает в себе публицистический, официально-деловой стили, а также черты рекламного текста».

Обе компании позиционируют себя как социально ориентированные, обращающие внимание на проблемы общества, а также благотворительность, что положительным образом сказывается на формировании их имиджа.

Особенности новостного дискурса позволяют назвать в качестве автора образовательной организации его коллектив и партнеров вуза, в свою очередь автором новостного контента сайта является непосредственно коммерческая организация. Моделирование образа автора корпоративного сайта позволяет исследовать коммуникативный процесс и роль каждого участника виртуальной коммуникации, осуществляемой посредством такого инструмента, как сайт.

Обратимся к сайту медицинской коммерческой организации («Медика»).

Новостной контент медицинского клинического центра «Медика» состоит из событийных пропозиций. Однако помимо событийных пропозиций в новостном контенте присутствуют и логические пропозиции, вынесенные в заголовки: История одного выздоровления: Атеросклероз артерий верхних конечностей, Полип в матке. Рекомендации гинеколога и т.д.

Широко используются актанты с эксплицитный модусным смыслом: команды опытных хирургов, высокий уровень технического оснаще-

ния, бесценный обмен опытом, в максимально щадящем режиме и т.д. указывает на стремление автора донести до адресата пресупозицию одного из лучших медицинских центров региона, оснащенного современным оборудованием с профессиональными высококвалифицированными врачами. Все это показывает статус медицинского центра как одного из лучших в Сибири.

Из стилистических средств мы наблюдаем эпитеты: новые успешные методики, гигантской послеоперационной вентральной грыжей, высокую оценку работы и т.д.), причем используются суперлативы, что явно несет эксплицитную авторскую оценку. Возникают ассоциации с рекламным текстом.

Обратим внимание и на присутствие восклицательных предложений, также выражающих эксплицитный модусный смысл: Получение патентов подтверждает высокий уровень наших специалистов и мотивирует их на дальнейшее развитие! Врачи медицинского клинического центра «Медика» Вершинин Виталий Сергеевич, Яловегин Александр Дмитриевич, Пикельгаупт Жанна Валерьевна, Лещева Екатерина Сергеевна совместно с Сибирским государственным медицинским университетом г. Томск и профессором Бощенко Вячеславом Семеновичем, зав кафедрой урологии, врачом урологом, ДМН получили патент на изобретение! Мы благодарим всех участников!

Если обращаться к образу автора, который репрезентирован в новостном контенте сайта, то он, как правило, реализует коммуникативную интенцию: «Я рассказываю о себе, о событиях, происходящих в организации, участниками которых являются руководство и сотрудники = Я рассказываю об организации = Я рассказываю о себе = Я формирую свой положительный имидж». Иными словами, виртуальный автор является одновременно субъектом, создающим новостной дискурс, и его объектом, о котором сообщается в этом дискурсе.

Сайт медицинского вуза (Кемеровского государственного медицинского университета).

Кемеровский государственный медицинский университет Минздрава России является одним из ведущих вузов области. Сайт вуза – это официальный сайт, представляющий организацию и относящийся к группе образовательных сайтов [Бахмудов, 2021, с.100]. В качестве виртуального автора новостного контента выступает университет, а именно – команда сотрудников, преподавателей и студентов вуза. Как субъект, виртуальный автор сообщает новости об объекте – образовательной организации, реализуя коммуникативные интенции – информировать и создавать позитивный образ успешной организации.

Причем в КемГМУ отчетливо прослеживается пресуппозиция опорного вуза области, который играет ведущую роль не только в образовательной и научной жизни региона, но и претендует на мировую известность (Кемеровский государственный медицинский университет Минздрава России первым в Кузбассе получил международную аккредитацию; Лучший в СФО: Кем ГМУ Минздрава России возглавил рейтинг вузов «Три миссии университета»; Рейтинг эффективности вузов Кузбасса возглавил КемГМУ Минздрава России).

Новостной дискурс подразумевает работу в публицистическом жанре, которому свойственна официальность и стилистически нейтральная типовая лексика. Помимо этого, контент размещается на официальном сайте образовательной организации, что также накладывает определенную степень ответственности, поскольку сайт – лицо организации.

Лексические единицы (субъекты) используются в составе словосочетаний, обозначающих официальное наименование вуза – Кемеровский государственный медицинский университет Минздрава России; встретился с выпускниками Кемеровского медицинского университета Минздрава России; студенты КемГМУ Минздрава России, преподаватели кафедры морфологии и судебной медицины и студенты КемГМУ Минздрава России и т.д. Подобная интенция направлена на реализацию следующих модусных смыслов: «Каждый субъект – член коллектива вуза», «Мы – единое целое», «Мы – коллектив единомышленников», т.е. подчеркивается роль каждого члена коллектива как представителя одного совокупного субъекта – института.

Далее реализуется еще один модусный смысл: «Мы имеем социально значимых партнеров». На это указывают следующие актанты: Губернатор встретился с выпускниками вуза, международная аккредитация, зарубежные партнеры и т.д.

Использование предикатов (стали победителями международного молодежного форума, первое место в локальном рейтинге вузов Сибирского федерального округа) в сочетании с наименованиями научных, спортивных и других общественно значимых мероприятий, конкурсов позволяет реализовать коммуникативное намерение «Мы – лучшие».

Широко используются актанты с эксплицитным модусным смыслом: высокое качество образования, уникальный профессорско-преподавательский состав, самое масштабное исследование, важное достижение и т.д. Новостной контент сайта КемГМУ построен на событийных пропозициях, эксплицитно окрашенные с субъективным модусным смыслом.

Таким образом, в новостном контенте сайта автор, соблюдая стилистику публицистического жанра, использует лексические единицы, направленные на выражение следующей коммуникативной интенции – не только рассказать о событиях в образовательной организации, но и сформировать у адресата образ вуза как значимого участника российского образовательного пространства: «Мы – участники значимых мероприятий», «Мы имеем социально значимых партнеров», «Мы – бескорыстно помогаем и поддерживаем социально незащищенные слои населения», «Мы – честны и открыты, готовы к взаимодействию» и, как итог, выражается главная интенция новостного контента сайта – «Мы – лучшие».

Вывод

Анализируя новостной дискурс обоих сайтов, мы наблюдаем существенные дифференциации (различия) в виртуальном образе автора. Во многом это объяснимо спецификой деятельности организаций – коммерческой и образовательной. Если в качестве виртуального автора новостного контента сайта КемГМУ мы определяем руководство, профессорско-преподавательский состав вуза и его студентов, а также социально значимых партнеров образовательной организации (например, Губернатора Кузбасса), то в качестве виртуального автора сайта коммерческой организации выступает коллектив медицинского центра, в частности его медицинский персонал с его деятельностью: операциями, исследованиями, благотворительной деятельностью и т.д.

Интересным наблюдением может быть наличие так называемых «агентов доверия» в новостном дискурсе. В контенте сайта Кемеровского государственного медицинского университета – Губернатор Кузбасса Сергей Цивилев (Губернатор Кузбасса Сергей Цивилев встретился с выпускниками Кемеровского медицинского университета Минздрава России); в контенте сайта «Медики» – известный теледоктор Елена Малышева (Известный врач и телеведущая программы «Жить здорово» посетила клинику «Медика»).

Если обратить внимание на статус этих социально значимых партнеров, то возникает следующий ассоциативный ряд: Губернатор – государственное лицо, Глава региона, первое лицо в области. Елена Малышева – известная медийная личность, «теледоктор», который пользуется уважением и доверием у большинства телезрителей (как предположение – потенциальных клиентов клинического центра «Медика»).

Здесь мы наблюдаем именно интенционального автора – автор текста, который реализует в виртуальном дискурсе свои коммуникативные намерения [Ким, Беляева, 2019, с.74].

Следовательно, эти интенции являются еще одним аргументом в пользу того, что здесь отчетливо прослеживается статус организации – государственный – КемГМУ, коммерческий – «Медики».

Таким образом, мы можем утверждать, что при схожей интенции и медицинской тематики авторами сайтов образовательной и коммерческой организаций репрезентируются (представлены) разные типы авторов новостного контента.

В образовательной медицинской организации: я – профессионал в сфере образования, передовой профильный вуз Кузбасса; я – лидер в выполнении актуальных научных исследований по медицинскому профилю; я – участник социально-значимых проектов; я – представитель студенческого сообщества.

В коммерческой организации: я – профессионал в оказании высокотехнологичных медицинских услуг; я умею лечить, оперировать, реабилитировать; я – лучший в регионе, я – занимаюсь благотворительной деятельностью.

Виртуальный автор является одновременно субъектом, создающим новостной дискурс, и его объектом, о котором сообщается в этом дискурсе.

Список литературы

1. Арутюнян, С. Г. Образ виртуальной личности в глобальном пространстве современности / С. Г. Арутюнян // Интеллектуальный потенциал XX века : ступени познания. Центр развития научного сотрудничества, Новосибирск – 2011. – № 6. – С. 146-150. – Текст : непосредственный.
2. Асмус, Н. Г. Языковая личность автора в виртуальном дискурсе (на примере жанра «Домашняя страница») / Н. Г. Асмус // Лингвистика и образование. 2021. ФГБОУ ВО «Астраханский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации (г. Астрахань) – Том 1. – №3 (3). – С. 5-17. – Текст : непосредственный.
3. Бахмудов, А. Г. Особенности создания web-сайта и его роль в работе образовательного учреждения/ А.Г. Бахмудов // Мировая наука. Институт управления и социально-экономического развития (г. Саратов). – 2021. – № 6 (51). – Текст : непосредственный
4. Беляшова, М. Л. Сайт вуза как инструмент позиционирования в образовательном пространстве: жанровый анализ / М. Л. Беляшова // Гуманитарные научные исследования. – 2018. – № 5 (81). – Москва : Эдиториал УРСС, 2001. – 360 с. – Текст : непосредственный.
5. Бурнаева, Е. М. «Человек виртуальный» в контексте современных антропологических концепций/ Е. М. Бурнаева // «Ученые заметки ТОГУ». Тихоокеанский государственный университет (г. Хабаровск). – 2014. – Том 5. – № 4. – С. 1374-1378 : Электронное издание.
6. Виноградов, В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика/ В. В. Виноградов // Поэтика. Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – М., 1963. – С. 92-255. – Текст: непосредственный.
7. Виноградов, В. В. О теории художественной речи/ В.В. Виноградов// О теории художественной речи. – М. : Изд-во Высшая школа, 1971. – 240 с. – Текст: непосредственный.
8. Добросклонская, Т. Г. Методы анализа видео-вербальных текстов / Т. Г. Добросклонская // Медиалингвистика. Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций– 2016. – С. 13–25. – Текст : непосредственный.
9. Ким, Л. Г., Беляева, Е. С. Образ автора и адресата в инаугурационном дискурсе / Л. Г. Ким, Е. С. Беляева // Политическая лингвистика: Уральский государственный педагогический университет (г. Екатеринбург). – 2019. – № 1 (73). – С. 72-80. – Текст : непосредственный.
10. Марчок, В. Контуры авторства в постмодернизме (перевод со словацкого) / В. Марчок // Вестник Московского университета. Серия 9 : Филология. – 1998.– № 1. – С. 46-55. – Текст : непосредственный.
11. Падучева, Е. В. Семантика нарратива / Е.В. Падучева // Семантические исследования: семантика времени и вида в русском языке; семантика нарратива. – М., 1996. – С. 195-419. – Текст : непосредственный.
12. Солганик, Г.Я., Дроняева, Т.С. Стилистика современного русского языка и культура речи : Учеб. пособие для студ. фак. журналистики. – Москва : Издательский центр «Академия», 2005. – 256 с. – Текст : непосредственный.
13. Шмелева, Т. В. Семантический синтаксис : Текст лекций / Т.В. Шмелева. – Красноярск : КГУ, 1994 – 47 с. – Текст : непосредственный.

DOI: 10.47475/9785727119631_111

А.Ю. ЧЕРНИКОВА / A.Yu. CHERNIKOVA

*Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)*

ФИЛОСОФСКОЕ ПОНИМАНИЕ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

PHILOSOPHICAL UNDERSTANDING OF INFORMATION AND PSYCHOLOGICAL WAR

Аннотация

На данный момент мировое информационное пространство заполнено информационными войнами. Информационно-психологическая война влияет на целые поколения, выстраивает «правильное» мировоззрение людей, давая четкое определение «своим» и «чужим», «плохим» и «хорошим». В рамках информационно-психологической войны, государства, как правило, выбирают инструменты воздействия, согласно текущему времени и популярности среди определенных слоев населения.

Статья посвящена философскому пониманию информационно-психологической войны, а именно новой трактовке философии информационных войн, которая отличается от классического понимания ведения войны. Дана краткая история появления термина «информационно-психологической войны» и его определение, отмечается междисциплинарный характер данного термина, выделены основные моменты концепции философского понимания информационно-психологической войны. В заключении, автор раскрывает проблематику и актуальность изучения информационных войн.

Abstract

At the moment, the global information space is filled with information wars. Information-psychological warfare influences entire generations, builds the “correct” worldview of people, giving a clear definition of “friends” and “strangers,” “bad” and “good.” As part of information-psychological warfare, states choose instruments of influence, according to the current time and popularity among certain segments of the population.

The article is devoted to the philosophical understanding of information and psychological warfare, a new interpretation of the philosophy of information warfare, which differs from the classical understanding of war. A brief history of the emergence of the term “information and psychological war” and its definition is given, the interdisciplinary nature of this term is noted, and the main points of the concept of philosophical understanding of information and psychological war are highlighted. In conclusion, the author reveals the problems and relevance of studying information wars.

Ключевые слова: *информационная война, информационно-психологическая война, сеть, сетевая война.*

Keywords: *information war, information and psychological war, network, network war.*

В эпоху информационных технологий и пост-модернизма сценарии ведения войны начинают приобретать новую форму. В классическом понимании «война – социально-политическое противостояние государств (коалиций государств), народов, социальных, национальных либо религиозных групп, основное содержание которого составляет широкое применение вооружённых сил (формирований), представляет собой один из основных типов военных конфликтов, социально-политических явлений с применением вооружённого насилия» [Большая российская энциклопедия, URL]. Однако в современном мире сетевые возможности позволяют осуществить захват территорию противника без использования вооружения.

В прошлом столетии появилось заинтересованность в изучении информационно-психо-

логической борьбы. В 1947 году американский ученый-политолог и психолог П. Лайнбарджер предложил термин «психологическая война». Он исследовал этот концепт в контексте психологии военных операций, отмечая, что «пропаганда» и «военная пропаганда» – разные понятия [Лайнбарджер 1962]. А в своем докладе, представленном в 1976 году, физик Томас Рона впервые ввел понятие «информационная война» [Rona, 1976, URL]. В 1995 году работа одного из известных теоретиков информационной войны М. Либики была опубликована национальным Институтом обороны США. Ученый рассматривает информационную войну как информационное воздействие, включающие защиту, манипулирование, искажение и опровержение информации [Libicki M., 1995]. Стоит отметить, что с

термином «информационно-психологическая война», в качестве синонимов используются термины «психологическая война» [Волкогон, 1984; Лайнбарджер, 1962] и «информационная война» [Беляев, 2015; Расторгуев, 1998].

Имея междисциплинарный характер, информационно-психологическая война становится объектом исследования ряда направлений:

- психологическом [Сенявская, 1999; Зелинский, 2008];
- историко-политическом [Эйдук, 2008; Беляев, 2015; Воронцова, Фролов, 2006];
- политологическом [Бедрицкий, 2007; Лисичкин, Шелепин, 2005; Филоненко, 2006];
- социологическом [Чистяков, 2007; Швец, 2005];
- философском [Жерсновский, 2010; Расторгуев, 2003; Снесарев, 2003];
- правовом [Лопатин, 2000; Изолитов, 2008].

Многоаспектность явления информационно-психологической войны (далее ИПВ) объясняет причину отсутствия общепринятого определения. В нашей статье мы будем придерживаться определения «информационно-психологической войны» данное А.П. Сквородниковым и Г.А. Копниной. Ученые отмечают, что «информационно-психологическая война – это противостояние сторон, которое возникает из-за конфликта интересов и осуществляется путем намеренного, прежде всего речевого, воздействия на сознание противника (народа, коллектива или отдельной личности) для его когнитивного подавления и/или подчинения, а также посредством использования мер информационно-психологической защиты от такого воздействия» [Сквородников, Копнина, 2017, с. 43].

В связи с отличительными особенностями информационно-психологической войны, по сравнению с традиционной войной, методологические основы философии ИПВ также имеют свои особенности. Чтобы выделить философские основы ИПВ, можно обратиться к книге В. М. Коровина «Третья мировая сетевая война» [Коровин, 2014, URL]. В этой книге автор рассматривает парадигму войны с точки зрения постиндустриализации современного общества и отмечает, что постиндустриальные технологии делают особый акцент на передаче информации. В представленной концепции информационные войны рассматриваются как сетевые. Следуя за В. М. Коровиным, предлагаем следующее видение философии ИПВ:

- **Средой реализации информации, в рамках ИПВ войн, является сеть.** Субъектами данной сети становятся атомизированные массы, объединенные в различные сети. Данные сети име-

ют свои характеристики и специфику, но в целом функционируют по принципу взаимодействия и обмена информацией между своими участниками (*сети закусовых, торговые сети, сетевые религиозные организации, секты, молодежные клубы, сети создания и раскрутки брендов (или мемов), любые социальные сети*). Однако интернет является решающим элементом в сетевой войне.

- **Цель ИПВ войны** – создание сетевого общества для непосредственного сетевого воздействия. Это помогает распространять определенные взгляды на общество без необходимости его захвата. Путем использования сетевых процессов возможно заменить, а также частично или полностью разрушить основы общественной жизни и ценностные ориентации. Одним из признаков нового сетевого сообщества становится игнорирование и пренебрежение государством. Чем больше политические деятели продвигают свои социальные сети, тем быстрее происходит осетвление и постмодернизация нашего общества, и тем быстрее власть, режим, государство теряют контроль над ним.

- **Взаимосвязь сетевых войн с геополитикой.** Государства, участвующие в информационной войне, стремятся расширить свое влияние на территориях, которые выгодны с географической точки зрения, несмотря на то что сама война ведется в информационном пространстве. Автор считает, что сетевые конфликты – это естественное продолжение геополитики и приводит в пример противостояние между США и Россией. В данном случае огромная территория России воспринимается США как угроза, и поэтому их основной целью является уменьшение этой территории путем деления на части и использования их в своих интересах.

- **Сетевик – главный оператор сетевых войн.** Сетевик – эксперт с поверхностными знаниями, непрофессионал, способный быстро адаптироваться в любой области, но не обладающий глубокими знаниями. Журналист – пример такого сетевика.

- В сетевых войнах всегда есть **заказчик, исторический субъект, стратегический субъект, активные акторы**, которых заказчик активно использует для достижения своих целей, **младшие партнеры, пассивные участники или «темные» акторы**, которым не сообщают ни промежуточную, ни конечную цель. Работа с массами, толпой, людьми осуществляется именно пассивными участниками, которые действуют в тени. Их теневая деятельность является определяющей для достижения желаемого результата [Коровин, 2014, URL].

Данное понимание информационно-психологической войны наиболее ярко отображает философию войны нового времени: поле боя сменилось на сеть Интернет, оружием стало слово, однако, жертвами так и остались люди.

Список литературы

1. Бедрицкий, А. В. Реализация концепции информационной войны военно-политическим руководством США на современном этапе : специальность 23.00.04 «Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития» : автореф. дис. ... канд. полит. наук / Александр Владимирович Бедрицкий. – Москва, 2007. – 19 с. – Текст : непосредственный.

2. Беляев, Д. П. Разруха в головах. Информационная война против России / Д. П. Беляев. – СПб. : Питер, 2015. – 256 с. – Текст : непосредственный.

3. Большая российская энциклопедия – Текст : электронный [официальный сайт]. – URL : <https://bigenc.ru/c/voina-911cd6?ysclid=lrqnb6feb5299260651> (дата обращения: 20.01.2024).

4. Волкогонов, Д. А. Психологическая война / Д. А. Волкогонов. – М. : Воениздат, 1984. – 320 с. – Текст : непосредственный.

5. Воронцова, Л. В. История и современность информационного противоборства / Л. В. Воронцова, Д. Б. Фролов. – Москва : Горячая линия – Телеком, 2006. – 192 с. – Текст : непосредственный.

6. Зелинский, С. А. Информационно-психологическое воздействие на массовое сознание. Средства массовой коммуникации, информации и пропаганды – как проводник манипулятивных методик воздействия на подсознание и моделирования поступков индивида и масс – Текст : электронный. // СПб. : Скифия, 2008. – URL: http://www.mediagram.ru/netcat_files/108/110/h_1eaf80e566efbfa041bafd712f9b1c (дата обращения: 20.10.2023).

7. Изолитов, А. С. Уголовно-правовые аспекты обеспечения информационной безопасности

Российской Федерации в условиях действия исключительных правовых режимов : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология» : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – М., – 2008. – 210 с. – Текст : непосредственный.

8. Керсновский, А. А. Философия войны / А. А. Керсновский. – М. : Изд-во Москов. Патриархии, 2010. – 106 с. – Текст : непосредственный.

9. Коровин, В. М. Третья мировая сетевая война – Текст : электронный // СПб., 2014. – 401 с. – URL: <https://www.litres.ru/book/valeriy-korovin/tretya-mirovaya-setevaya-voyna-8481662/?ysclid=lr3b7a6c6486717664> (дата обращения: 28.12.2023).

10. Лайнбарджер, П. Психологическая война / П. Лайнбарджер // пер. с англ. – М. : Воениздат, 1962. – 350 с. Текст : непосредственный.

11. Лингвистика информационно-психологической войны : монография. Книга I / А. А. Бернацкая, И. В. Евсеева, А. В. Колмогорова [и др.]; под ред. проф. А.П. Сковородникова. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2017. – С. 43 – Текст : непосредственный.

12. Лисичкин, В. А. Война после войны: информационная оккупация продолжается / В. А. Лисичкин, Л. А. Шелепин. – М. : Алгоритм : Эксмо, 2005. – 411 с. – Текст : непосредственный.

13. Лопатин В. Н. Информационная безопасность России : специальность 12.00.01 «Юридические науки» : дис. ... д-ра юрид. наук : / Лопатин Владимир Николаевич. – СПб., 2000 – 433 с. – Текст : непосредственный.

14. Расторгуев, С. П. Информационная война / С. П. Расторгуев. – М. : Радио и связь, 1998. – 222 с. – Текст непосредственный.

15. Rona, Thomas P. Weapon Systems and Information War / Thomas P. Rona // Boeing Aerospace Co. : Seattle, WA., 1976 – 50 p. – Текст : непосредственный.

16. Libicki, M. C. What is Information Warfare? / M. C. Libicki // Washington : National defense univ., 1995. – Текст : непосредственный.

DOI: 10.47475/9785727119631_114

А.М. ЧЕРНЫШЕВА / A.M. CHERNYSHEVA*Южно-Уральский государственный университет
(Челябинск, Россия)***СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
ЭМОТИВНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)****COMPARATIVE ANALYSIS OF
EMOTIVE PHRASEOLOGICAL UNITS
(ON THE BASIS OF RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES)****Аннотация**

В статье анализируются фразеологические единицы, функционирующие в научно-популярном дискурсе в русском и английском языках и репрезентирующие эмоциональное состояние человека, а также сравниваются два типа классификации фразеологических единиц. Различные классы фразеологических единиц русского и английского языков рассматриваются с точки зрения сравнительно-сопоставительного анализа и выявляются их схожие и отличительные признаки.

В статье сравниваются различные классы фразеологических единиц в русском и английском языках: номинативные и номинативно-коммуникативные, грамматические, процессуальные и глагольные, предметные и субстантивные, призначные и адъективные, качественно-обстоятельственные и адвербиальные, а также модальные, количественные и другие. В процессе сравнительно-сопоставительного анализа в статье выявляются семантические, структурные и грамматические особенности эмотивных фразеологических единиц, функционирующих в русском и английском научно-популярном дискурсе, а также рассматриваются примеры употребления фразеологических единиц в научно-популярной литературе по психологии.

Abstract

The article analyzes phraseological units that function in popular science discourse in Russian and English languages representing the emotional state of a person, and also compares two types of classification of phraseological units. Various classes of phraseological units of Russian and English languages are considered from the point of view of comparative analysis and their similar and distinctive features are identified.

The article compares different classes of phraseological units in the Russian and English languages (nominative and nominative-communicative, grammatical, processual and verbal, objective and substantive, attributive and adjective, qualitative-adverbial and adverbial, as well as modal, quantitative and others). In the process of comparative analysis, the article identifies semantic, structural and grammatical features of emotive phraseological units functioning in Russian and English popular science discourse, and also shows the examples of the usage of phraseological units in popular scientific literature on psychology.

Ключевые слова: научно-популярный дискурс, сравнительный анализ, классификация, фразеологические единицы, эмотивность, эмоциональное состояние, фразеосемантические группы

Keywords: popular science discourse, comparative analysis, classification, phraseological units, emotiveness, emotional state, phraseosemantic groups.

Научно-популярная литература по психологии становится все более и интересной не только специалистам и профессионалом в области психологии, но и обычным людям, как в России, так и за рубежом. В настоящее время мы можем видеть на книжных полках научно-популярные книги для женщин о мужчинах, для мужчин о женщинах, для подростков о самих себе, для молодых родителей о воспитании детей. Мы можем наблюдать большой читательский интерес, все больше и больше людей хотят разобраться в себе,

своих проблемах и желаниях, проанализировать свои эмоции и чувства, свое душевное состояние.

Для того чтобы оправдать ожидания читателей, авторам, которые, в подавляющем большинстве случаев, являются крупными, известными специалистами, учеными и исследователями в области психологии, необходимо использовать в своих книгах образный, красочный язык, понятный их целевой аудитории. Именно поэтому, они широко применяют различные стилистические языковые средства и средства языковой вы-

разительности (метафоры, эпитеты, сравнения и т.д.), и, конечно же, многие авторы обращаются к настоящей сокровищнице любого языка, сосредоточению языковой мудрости – к фразеологии. Никакие другие языковые единицы не способны с такой точностью охарактеризовать душевное состояние человека, его эмоции и чувства, «поскольку в центре внимания человека находится он сам, то отсюда его постоянное стремление описывать окружающий мир по образу и подобию своему. Языковой антропоморфизм является <...> общим законом развития средств номинации в языке» [Гак, 1967, с. 274].

В данной статье мы проводим сравнительный анализ особенностей функционирования эмоциональных фразеологических единиц (ФЕ), то есть ФЕ, репрезентирующих эмоциональное состояние человека в научно-популярном психологическом дискурсе в русском и английском языках.

В рамках нашего исследования анализируются научно-популярные произведения как отечественных (Л. В. Петрановская, Ю. Б. Гиппенрейтер, В. Л. Леви, М. А. Лабковский и др.) так и зарубежных авторов (Д. Гоулман (D. Goleman), Дж. Грей (J. Gray), С. Харви (S. Harvey), Дейл Карнеги (D. Carnegie) и др.).

Многие выдающиеся учёные-лингвисты (В. М. Мокиенко, О. С. Ахманова, А. М. Чепасова, А. В. Кунин и др.) классифицируют фразеологические единицы с точки зрения структуры, семантики, этимологии, стилистики.

Для сравнительно-сопоставительного анализа русских и английских фразеологических единиц (ФЕ), репрезентирующих эмоциональное состояние человека в научно-популярном дискурсе, мы использовали классификации А. М. Чепасовой (русский язык) и А. В. Кунина (английский язык).

Таблица
Семантико-грамматические классы русских и английских ФЕ

Семантико-грамматические классы в русском языке (классификация А. М. Чепасовой)	Семантико-грамматические классы в английском языке (классификация А. В. Кунина)
Номинативные ФЕ -предметные -процессуальные -призначные -количественные -качественно-обстоя- тельственные	Номинативные ФЕ -субстантивные -адъективные -адвербиальные -предложные

Грамматические ФЕ -релятивные (фразеологические предлоги) -связующие (фразеологические союзы) -фразеологические частицы	Номинативно-коммуникативные ФЕ -глагольные
Модальные ФЕ	Междометные и модальные (немеждометные) ФЕ
	Коммуникативные ФЕ (половицы, поговорки)

Мы видим, что в классификация А. М. Чепасовой представлена тремя классами фразеологических единиц (номинативными, грамматическими, модальными), а классификация А. В. Кунина – четырьмя классами фразеологических единиц (номинативными, номинативно-коммуникативными, междометными и модальными, коммуникативными).

В классификации А. М. Чепасовой подклассы номинативных ФЕ имеют в основе общее категориальное значение, которое напрямую соотносится не только с лексико-грамматическим значением соответствующей части речи, например «существительное – предмет», но и объединены в группы по семантическому признаку, например прилагательное – «семантическое значение – признак», глагол – процессуальное значение, семантический признак «процесс, изменение состояния» наречие – качественно-обстоятельные семантические связи.

А. В. Кунин подразделяет номинативные ФЕ на следующие подклассы: субстантивные, адъективные, адвербиальные, предложные. Они обозначают предметы и явления, качества и состояния – то есть фразеологические единицы в классификации А. В. Кунина рассматриваются в совокупности своих как лексико-грамматических, так и семантических признаков.

Понятию «процессуальный фразеологизм» в русском языке, соответствует понятие «глагольный фразеологизм» в английском языке. Большинство глагольных ФЕ относится к человеку, к действиям, совершаемым человеком или к состоянию, в котором он находится [Кунин, с. 300].

В классификации А. М. Чепасовой процессуальные фразеологические единицы в русском языке относятся к классу (являются подклассом) номинативных фразеологических единиц, а глагольные фразеологические единицы в английском языке относятся к номинативно-коммуникативному классу фразеологических единиц согласно классификации А. В. Кунина.

Категориальное значение как процессуальных фразеологических единиц в русском языке, так и глагольных фразеологических единиц в английском языке соотносится с лексико-грамматическим и семантическим значением «процессуальности» у глаголов, так как именно «процессуальность» составляет семантическое ядро этой группы фразеологических единиц.

Как процессуальные фразеологические единицы в русском языке, так и глагольные фразеологические единицы в английском языке обозначают различные виды деятельности человека, репрезентируют как его моральное, так и физическое состояние, так и переход из одного морального или физического состояния в другое, относятся к действиям, которые совершает человек.

В рамках вышеупомянутых процессуальных фразеологических единиц (как в русском, так и в английском языке) можно выделить различные семантические группы, которые репрезентируют эмоциональное, физическое, душевное состояние человека, например:

счастье, радость, блаженство, успех:

to sit on the top of the world – быть на вершине мира; *to make one's day* – сделать кого-то счастливым; *to have butterflies in one's stomach* – бабочки порхают в животе; *hold one's chin up* – не вешать нос; *hold one's head high* – ходить с поднятой головой и другие глагольные фразеологические единицы в английском языке;

быть на седьмом небе, стать звездой, носить на руках, сойти с ума, броситься на шею, ответить душу, схватывать на лету, слюнки бегут, задраить хвост, крепко стоять на ногах и другие процессуальные фразеологические единицы в русском языке.

испуг, неожиданность, страх:

to jump out of one's skin – вскочить как ужаленный; *blood runs cold* – кровь стынет в жилах и другие глагольные фразеологические единицы в английском языке;

бить тревогу, хвататься за сердце, язык отнимается, не укладывается в голове, смотреть в оба, сердце ушло в пятки, дрожат поджилки, волосы дыбом, язык не поворачивается, поджать хвост и другие процессуальные фразеологические единицы в русском языке.

отчаяние, дискомфорт (в т.ч. и физический):

to starve to death – умирать от голода; *to burst/break into tears* – заливаться слезами; *to go to pieces* – выйти из строя; *to eat heart out* – поедом себя есть; *to cry on shoulder* – плакать в жилетку и другие глагольные фразеологические единицы в английском языке;

уйти в себя, опустить руки, доходить до точки, сквозь землю провалиться, переминаться с

ноги на ногу, разводить руками, ума не приложу, не укладывается в голове, чувствовать спиной, падать духом, махнуть рукой, наложить на себя руки, потемнело в глазах и другие процессуальные фразеологические единицы в русском языке.

гнев, раздражение, недовольство:

to go off the deep end – пороть горячку; *to fly off the handle* – слететь с катушек; *to make a scene* – устроить сцену; *to foam at the mouth* – рвать и метать; *to turn oneself inside out* – лезть из кожи вон, стоять на ушах; *can't take it anymore* – не выносить более; *to see red* – побагроветь от злости; *curl lips* – кривить губы; *to get one's goat* – дразнить гусей и другие глагольные фразеологические единицы в английском языке;

лезть в душу, тыкать носом, с жиру беситься, действовать на нервы, портить нервы, рвать волосы, выйти из себя, нелегкая несет, устроить сцену, наливать кровью, лезть на стенку, стиснуть зубы, заговаривать зубы, зарубить себе на носу, ноги не будет, прикусить язык, спасти шкуру, драть три шкуры, убивать взглядом, кровь ударила в голову (глаза), подливать масла в огонь, доходить до точки и другие процессуальные фразеологические единицы в русском языке.

Как в русском, так и в английском языках можно выделить множество таких фразеосемантических групп, репрезентирующих эмоциональное состояние человека, как в классе номинативных ФЕ, так и в классах грамматических ФЕ, номинативно-коммуникативных ФЕ или модальных ФЕ.

Количество этих фразеосемантических групп ограничено только разнообразием чувств и эмоций человека, для описания которых используются различные языковые средства, как например, эмотивные фразеологические единицы.

Некоторые процессуальные фразеологические единицы (как в русском, так и в английском языках) многозначны и могут менять свое семантическое значение в зависимости от контекста и ситуации употребления, например «сойти с ума» можно как от радости, так и от горя или отчаяния, а английский фразеологизм «*jump out of one's skin*» может иметь значение «подпрыгнуть от неожиданности» (удивиться), «быть вне себя» (от радости или удивления) и «душа ушла в пятки» (испугаться), таким образом переходить из одной фразеосемантической группы в другую.

Фразеологические предлоги, союзы и частицы выделены в отдельный класс грамматических фразеологических единиц в классификации А. М. Чепасовой, в то время как только предлогные фразеологические единицы являются подклассом номинативных фразеологических единиц в классификации А. В. Кунина, а фразе-

ологические союзы и частицы не выделяются в отдельной подкласс.

Модальные фразеологические единицы как в русском, так и в английском языках относятся к эмотивным языковым образованиям, они всегда показывают отношение говорящего к предметам или явлениям, таким образом, они всегда оценочны. Семантическое значение модальных фразеологических единиц часто контекстуально обусловлено.

Например, модальная ФЕ «боже мой» в русском языке:

Помню, как я сдавала на выпускном экзамене... цикл производства серной кислоты. Боже мой, может быть, мне лучше рассказали бы про что-нибудь другое? [Петрановская] (недоумение, разочарование)

«Боже мой, – сказал отец, схватившись за голову, – что я сделал, бедный мальчик!» [Гиппенрейтер, 2013, с. 114] (ужас, страх)

Необходимо отметить, что отдельным классом А. В. Кунин выделяет коммуникативные фразеологические единицы – пословицы, поговорки – цельнопредикативные предложения с устойчивым сочетанием слов.

В рамках исследования был также проведен количественный анализ эмотивных ФЕ в вышеупомянутых произведениях научно-популярной литературы на русском и английском языках.

В научно-популярной литературе по психологии на русском языке было выделено 454 фразеологические единицы, репрезентирующие эмоциональное состояние человека, из них: 243 – процессуальные ФЕ (54%), 104 – модальные ФЕ (23%), 70 – качественно-обстоятельственные ФЕ (15%), 19 – предметные ФЕ (4%), 14 – призначные ФЕ (3%), 4 – количественные ФЕ (1%).

В ходе анализа произведений научно-популярной литературы по психологии на английском языке было выявлено около 300 единиц употреблений ФЕ, и самая многочисленная группа представлена номинативно-коммуникативными (глагольными) ФЕ (160 единиц, т.е. 56,6 %). На втором месте по представленности в анализируемых научно-популярных произведениях – номинативные ФЕ (100 единиц, т.е. 36%). Наименьшее количество употреблений приходится на междометные ФЕ и модальные ФЕ немеждометного характера (21 единица, т.е. 7,4 %).

Самой многочисленной группой ФЕ в русском и английском научно-популярном дискурсе оказалась группа процессуальных/глагольных ФЕ: 54% в русском языке и 56,6% в английском языке. Этот факт обусловлен тем, что глагол как в русском языке, так и в английском языке является одной из самых многочисленных и про-

дуктивных частей речи и, также, неотъемлемой структурной частью процессуальных/глагольных фразеологизмов.

На втором месте в английском языке расположены номинативные ФЕ (36%), в русском языке совокупность всех номинативных ФЕ, кроме процессуальных, составляет 22%.

На втором месте в русском языке представлены модальные ФЕ (23%), однако в английском языке междометные ФЕ и модальные ФЕ немеждометного характера составляют 7,4 %. Причиной может послужить тот факт, что А. М. Чепасова рассматривает модальность в широком понимании, где «объединяются фразеологизмы, которые не обозначают понятий о разных фактах, явлениях, свойствах, а содержат в себе указание на разнообразнейшие отношения говорящего к действительности» [Чепасова, стр. 33-34]. Необходимо отметить, что в языковании существует и более узкое понимание модальности.

В сфере фразеологии это выражение ФЕ утверждения или отрицания, обозначение ими отношения к высказыванию с точки зрения его достоверности, желательности, предположительности, а также соотносительности ФЕ с модальными словами [Кунин, стр. 336].

Как в русском, так и в английском языке в научно-популярном дискурсе широко используются эмотивные фразеологические единицы, что помогает миллионам читателей по всему миру проанализировать и понять не только свои эмоции и чувства, не только свое душевное состояние, но и чувства и эмоциональное состояние своих родных, близких, коллег и соотечественников.

Вслед за С. Г. Тер-Минасовой, мы можем утверждать, что «слова, словосочетания, фразеологические единицы всех видов, то есть все то, из чего складывается лексический состав языка, играют основную роль в реализации функции языка как орудия культуры и средства формирования личности» [Тер-Минасова, с. 150].

Список литературы

1. Гак, В. Г. Проблемы лексико-грамматической организации предложения : специальность 10.02.05 «Романские языки» : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Владимир Григорьевич Гак. – Москва, 1967. – 55 с. – Текст : непосредственный.
2. Гиппенрейтер, Ю. Б. Самая важная книга для родителей (сборник) / Ю. Б. Гиппенрейтер – Москва: АСТ, 2013 – 752 с. – Текст : непосредственный.
3. Кунин, А.В. Курс фразеологии современного английского языка / А. В. Кунин – Москва

: Высш. шк., Дубна: Изд.центр «Феникс», 1996 – 381 с. – Текст : непосредственный.

4. Петрановская, Л. В. Обсуждая в сетях острые психозы, мы забываем про реальные риски – Текст : электронный // Людмила Петрановская : [официальный сайт]. – URL : <http://petranovskaya.ru/article3> (дата обращения: 20.01.2024)

5. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – Москва : Слово/Slovo, 2008. – 264 с. – Текст : непосредственный.

6. Чепасова, А. М. Семантико-грамматические классы русских фразеологизмов : учеб. пособие. / А. М. Чепасова. – Челябинск : Изд-во ЧГПУ, 2006. – 144 с. – Текст : непосредственный.

DOI: 10.47475/9785727119631_118

Е.А. ЭНГЕЛЬ / E.A. ENGEL

Тюменский индустриальный университет
(Тюмень, Россия)

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В ТЕКСТЕ КОМИКСА О ЧЕЛОВЕКЕ-ПАУКЕ

REPRESENTATION OF REALITY IN THE TEXT OF THE SPIDER-MAN COMIC STRIP

Аннотация

Американские комиксы о супергероях уже давно захватили сердца молодых читателей, а их экранизация позволила еще и расширить количество зрителей. Сюжетные линии комиксов о Супермене, Капитане Америка, Фантастической четверке, Железном человеке, Халке и других супергероях издательства DC и Marvel вызывают интерес не только в художественной литературе и киноиндустрии, но и в научной среде: комиксы изучаются как явление / феномен / жанр массовой культуры; средство обучения и разновидность креолизованного текста. В данной статье показывается значимость комиксов с точки зрения репрезентации действительности. На материале вербального и невербального компонентов комикса „Amazing Spider-man“ представляются значимые политические, социальные и культурные события, происходившие в США и в мире в 1960-х годах: исследование ядерного оружия, космическая гонка между США и Советским союзом, военная интервенция в Индокитае, экономический кризис, рост преступности и формирование американской молодежи.

Abstract

American superhero comics have long captured the hearts of young readers, and their film adaptations have expanded the number of viewers. The storylines of comics about Superman, Captain America, Fantastic Four, Iron Man, Hulk and other superheroes of DC and Marvel publishing houses arouse interest not only in literature and film industry, but also in scientific environment: comics are studied as a phenomenon/genre of mass culture; a means of education and a kind of creolised text. This article shows the significance of comics by representation of reality. The important political, social and cultural events that took place in the USA and in the world in the 1960s are represented with verbal and non-verbal components of “Amazing Spider-man” comic strip. There are the research of nuclear weapons, the space race between the USA and the Soviet Union, the military intervention in Indochina, the economic crisis, the growth of crime and the formation of American youth in the comic strip.

Ключевые слова: комиксы о супергероях, Человек-паук, репрезентация действительности, ядерное оружие, космическая гонка, военная интервенция в Индокитае, рост преступности, американская молодежь

Keywords: superhero comics, Spider-Man, representation of reality, nuclear weapons, space race, military intervention in Indochina, the growth of crime, American youth.

История развития комиксов о супергероях начинается в 1938 году, когда выходит в свет комикс о Супермене издательства DC Comics. Позже, в

период Золотого века комиксов (1938-1955 гг.), в печати этого издательства и конкурирующего с ним издательства Marvel Comics появляются ко-

миксы о Бэтмене, Капитане Америка и Атомном человеке. Серебряный век, датируемый примерно 1956-1972 годами, подарил фанатам комиксов других супергероев: Фантастическую четверку, Железного человека, Халка, Человека-паука, что привело к массовой популярности американских супергероев, увеличению тиража комиксов и, соответственно, прибыли от их продажи. В XXI веке комиксы по-прежнему имеют огромный успех у читателей и зрителей, наблюдающих за супергероями на экранах телевизоров и в кино-театре. Интерес к комиксам проявляется и в научной среде: они изучаются как явление / феномен / жанр массовой культуры [Столярова, 2017; Фесенко, 2020], средство обучения и наглядности [Костюченко, 2021; Плотникова, 2020] и разновидность креолизованного текста [Барашева, 2021; Батавина, 2022; Грушецкая, 2022].

Цель данной статьи – обозначить значимость комиксов с точки зрения репрезентации действительности 1960-х годов в США. Для реализации этой цели описываются происходившие в этот период политические, социальные, культурные события и анализируются вербальные и невербальные компоненты комикса, способствующие передаче этой действительности. В качестве материала исследования рассматривается текст комикса о Человеке-пауке, впервые вышедшего в виде отдельной серии «Amazing Spider-man» в 1963 году и рассказывающего о жизни подростка Питера Паркера, который после укуса паука приобрел сверхчеловеческие способности и стал супергероем в борьбе с преступностью и несправедливостью в Нью-Йорке.

Стоит отметить, что комиксы не были полностью свободными в плане темы и содержания каждого выпуска, так как являлись политическим заказом государства. Это касалось и других средств массовой информации, освещавших в рассматриваемый период различные события в США и во всем мире:

1. Исследование радиации, ядерное оружие

Начиная с 1955 года американские инженеры и ученые занимались исследованием и разработкой военного вооружения для защиты территории США от возможного нападения вражеских стран. Многочисленные испытания американских ракет для перехвата и уничтожения ракет противников, проводимые в 1961-1965 годах, изначально были unsuccessful, но их дальнейшие доработки и модификации позволили создать противоракеты «Спартан», «Спринт», DM-15C и радары ближней и большой дальности действия MSR и MAR-II [Федюшко, 2017, с. 24]. Соперничество с СССР в ядерном превосходстве привело к изменению

американского производства и «наращиванию военного потенциала» страны [Иванов, 2014, с. 59].

Кроме того, в данный период ученые Манхэттенского проекта занимались разработкой ядерного оружия и проведением экспериментов с использованием радиации, опасной для жизни человека. В комиксе «Amazing Spider-man» указанное событие представлено следующими единицами: *Из-за вмешательства Человека-паука мы потеряли драгоценное время! Я мог бы Ктдбуисследований радиации! – Если мои лучи продолжают хорошо функционировать, и я смогу раскрыть все секреты атомной радиации, то я буду править миром! (#31)* (здесь и далее тире используется для разделения реплик, помещенных в отдельный словесный пузырь. – Е.Э.).

В примере «В мертвой ночи команда странно одетых людей спускается на завод, производящий радиоактивные механизмы» (#31) речь идет, предположительно, о заводе Rocky Flats Plant, занимающегося производством оружейного плутония и компонентов для ядерных боеприпасов армии США (Рис.1).

Рис. 1 – Захват завода группой преступников.
Кадр из комикса #31.

2. «Космическая гонка»

Космическая эра началась с запуска первого в истории человечества Спутника-1 в 1957 году, принадлежавшего СССР. После этого американские инженеры направили все свои силы на то, чтобы «обогнать» Советский союз, вступив в так называемую «космическую гонку», которая также упоминается в комиксе о Человеке-пауке: *Они получили много важной информации, изучая те споры и мою реакцию на них. Она может дать нам шанс выйти вперед в космической гонке! (#41) // Но есть много других стран, которые с радостью заплатят мне, если я приведу его [Джона Джеймсона] им! – Как я и подозревал! Это имеет отношение к космической гонке (#41)* (здесь и далее двойной «слэш» используется для разделения примеров, взятых из разных номеров

или страниц комикса. – Е.Э.). Как отмечают Т.А. Самсонова и О.А. Фесянова, «технологии, научные достижения, колоссальные человеческие и финансовые ресурсы без оглядки на эффективность (экономическую, социальную, экологическую) были направлены на достижение поставленной цели в условиях существующей в обеих странах космической доктрины» [Самсонова, 2021, с. 326]. И.Н. Лопаткин пишет, что после успешного запуска советского спутника и полета Ю. Гагарина в космос эта тема стала центральной в печатных изданиях [Лопаткин, 2021, с. 198] и в тексте комикса о Человеке-пауке в том числе: *Джон Джеймсон, сын издателя «Дейли Багл» собирается испытать космическую ракету (#1) // Питер Паркер оказался среди зрителей, с нетерпением жаждающих орбитального полета Джона Джеймсона (#1).*

Позже, после подписанного в 1958 году соглашения Лэйси–Зарубина, американские и советские ученые начали совместное сотрудничество и посещали научные и технические выставки и конференции друг друга [Немудров, 2023, с. 419-420]. На Рис. 2 это представлено невербально кадром выставки космических экспонатов и вербально через конструкцию «*Я надеялась, он увидит меня и подойдет ... Но он больше занят теми экспонатами, словно это – фото кинозвезды!*» (#36). Увлеченность Питера Паркера выставкой и его безразличие к самой красивой девушке из класса говорит не только об интересных космических экспонатах, представленных, возможно, впервые в Нью-Йорке, но и о том, что Питер Паркер – научный любитель.

Рис. 2 – Космическая выставка в Нью-Йорке.
Кадр из комикса #36.

3. Военная интервенция в Индокитае

За счет роста военных заказов предприятиям и продажи оружия за границу экономика страны значительно улучшалась в начале 1960-х годов. Однако военная интервенция в Индокитае в 1964-1975 годах, финансовая и военная поддержка стран Азиатско-Тихоокеанского региона привели к росту военных затрат США, что опережало ВВП. Такие затраты привели к отказу от ряда социальных программ, увеличению подоходного

налога до 38% и сокращению финансирования космических исследований [Иванов, 2014, с. 60-61]. Тема налогов упоминается также и в комиксе, когда в борьбе с Рэкстоном Человек-паук с шуткой обращается к своему врагу: «*Я надеюсь, ты платишь налоги, Рэкстон. Иначе не будешь спать спокойно!*» (#28).

Следствием всего этого стал финансовый кризис 1968 года. О затрудненном финансовом положении большинства американцев можно узнать из личных размышлений Питера Паркера, который не мог найти деньги на лечение своей тети: «*Я должен был знать, что здесь не может быть ничего, кроме счетов! – Именно тогда, когда мне нужны деньги, чтобы оплатить лечение тети Мэй! – Может я должен забыть о колледже?! Даже хотя мое обучение оплачено, я все же не могу позволить себе это сделать! – Если бы я мог найти дневную работу... Это принесло бы реальные деньги*» (#32). Поэтому Питер решил сдать свой микроскоп и лабораторные работы в ломбард. В другой ситуации, когда тетя Мэй отправляется в вынужденное путешествие, чтобы поправить свое здоровье, он берет рассрочку платежей у турагентства: «*Не беспокойся о расходах, тетя Мэй! Турагент сказал, что мы можем отправить Вас сейчас, а оплатить позже*» (#44). Из реплики Человека-паука «*У меня даже нет дополнительных льгот! Я не получаю социального обеспечения... или оплаченного отпуска*», сказанной, казалось бы, с иронией своему противнику, можно понять, что социальная поддержка со стороны государства осуществлялась, но распространялась не на всех нуждающихся граждан.

Середина 1960-х отмечается также рабочими забастовками против низкой заработной платы и плохих рабочих условий, а также народными движениями против расовой дискриминации и войны во Вьетнаме [Иванов, 2014, с. 62]. Согласно В.В. Иванову, десятки тысяч военнообязанных американцев, что составляло 50% процентов призывников, уклонялись от вступления в ряды армии [Иванов, 2014, с. 63]. Поэтому в комиксе можно обнаружить пропаганду вступления молодого поколения в ряды армии страны. В образе Флэша, самоуверенного красавца и «звезды» местного футбольного клуба, авторы комиксов представляют храброго призывника с хорошей физической подготовкой: «*Ты не слышал? Флэши будет проходить медосмотр. – Да, все внезапно поняли, что не могут выиграть войну без меня*» (#43) // «*Скажи мне, куколка, ты захотела познакомиться со мной, потому что я звезда футбола ... или потому что я скоро стану героем войны?*» (#44) // «*Ты должна знать, что я собираюсь в одиночку выиграть войну!*» (#47).

4. Рост преступности

В Нью-Йорке, как и в любом другом крупном городе США, преступность в 1960-х годах была на высоком уровне. Помимо грабежей, распространения наркотиков и уличных перестрелок участились также случаи громких убийств: убийство девушек-карьеристок на Манхэттене, жестокое убийство хиппи Джеймса Хатчинсон и Линды Фицпатрик из богатой семьи, громкое убийство 15-летнего подростка белым офицером, что привело к массовым протестам. Кроме того, опасность для страны вызывали различные крупные и мелкие террористические организации, в том числе неонацистские группы [Левин, 2023]. Так, например, Энджел Ангелоф, иммигрант из Болгарии и неонацист, убил несколько человек в Центральном парке Нью-Йорка посреди белого дня. Политические убийства Джона Кеннеди в 1963 году, Роберта Кеннеди (его брата) в 1968 году, борца за расовую равноправность Малколма Икса, борца против расизма и войны во Вьетнаме Мартина Кинга в 1968 шокировали не только всю страну, но и весь мир.

Существование преступного мира и многочисленных группировок подтверждается в комиксе следующими репликами: *Я ни тебе, никому другому не дам захватить власть над моей бандой ...! – Но под моим началом мы бы смогли получить контроль над всей преступной деятельностью в городе!* (#23) // *Вот это да! Полицейские стенды точно опустеют, когда этих типов рассадят по камерам! – Похоже вас ожидает встреча со старыми приятелями в тюрьме Синг-Синг* (#33), *т.е. в тюрьме строжайшего режима в городе Оссининг, недалеко от Нью-Йорка // Я был никем – простым наемником, выполнявшим грязную работу, связанную со шпионажем ...* (#43). В каждом номере комикса Человек-паук сталкивается с каким-то преступлением. Так, например, он успешно предотвращает грабежи государственных банков, личных сейфов, кражу дорогостоящих украшений в «эксклюзивном ювелирном магазине на Мэдисон Авеню» (#35) и ограбление офиса соцобеспечения (#50).

Учитывая то, что главный герой – подросток, основными сюжетными линиями в комиксе являются образ жизни и мышление стереотипной молодежи США.

С одной стороны, это активная молодежь, стремившаяся получить образование и заработать деньги для своей наилучшей жизни [Туганова, 2023, с. 211], а также участвовавшая в многочисленных и масштабных протестах и бунтах. В тексте комикса это выражается вербально в диалоге между Питером Паркером и другими студентами университета: *Еще один студенческий*

протест?! Что это с ними в последнее время? – Эй, Паркер, не так быстро! Мы можем взять еще одного человека, чтобы он нес табличку вперед! Ну же, присоединяйся к нашему протестному движению! – У меня нет времени! К тому же мне нечего протестовать! – Нечего протестовать?? Ты кто – религиозный фанатик или кто там? – Ты ничего не понимаешь? Ты не думаешь о сохранении мира?? (#38) (Рис.3).

Рис. 3 – Разговор Питера Паркера и студентов о протестах. Кадр из комикса #38.

С другой стороны, это молодежь, сформировавшая ряд суб- и контркультур (например, хиппи), «вечно курящая марихуану и принимающая ЛСД, слушающая нон-стопом музыку, не работающая, и потому без денег и жилья» [Туганова, 2023, с. 210]. Безусловно, текст комикса не упоминал и не пропагандировал употребление наркотиков, но показывал типичные развлечения молодого поколения во вне учебное время: вечеринки, бары, клубы и концерты. В анализируемом комиксе вербально это представлено в следующих языковых единицах: *Что за бодрая девчонка! Она ведет себя так, будто на вечеринке!* (#43) // *Это Мэри Джейн! Я хотела пригласить тебя! Завтра я танцую в школе искусств. И я достала тебе билет. Если хочешь хорошо провести время – приходи!* (#44) // *Я иду на концерт "Frenzy Villy A GO-GO", тетя Анна! Если позвонят "Beatles", скажи им, что я скоро уже буду!* – *Оу, дорогая, ты знаешь Beatles?* – *Конечно, нет! Но я верю в позитивное мышление!* (#45). На кадре из комикса, представленном на Рис. 4, изображены ноты и «музыкальные волны», что создает эффект звучания музыки, под которую Гвен танцует ритмично и с удовольствием.

Стоит также отметить, что молодежь 1960-х годов, и герои комиксы о Человеке-пауке в том числе, слушали музыку в стиле рок-н-ролл, фолк-рок, кантри-рок и блюз: *Звучит здорово, тетя Мэй! И я слышу рок-н-ролл на заднем плане! Я, конечно, догадывался, что ты и миссис Уотсон такие! – Что? Это слушает Мэри Джейн!* (#47). Данные музыкальные стили приобретали преданных слушателей среди молодого поколения, потому что затрагивали близкие им темы (лич-

ностная самоидентификация, любовные отношения, взаимоотношения в семье, неравенство, несправедливость), передавали правдивые политические, социальные и культурные события, а также давали надежды на «светлое» будущее. Песня мотивировала «быть тем, кем хочется, и никогда не приводить свою жизнь к общему стандарту» [Туганова, 2023, с. 215]. Как отмечает Е.Г. Загвоздкина, Боб Дилан, Дженис Джоппл, The Doors и Jefferson Airplane представили массовую культуру в другом свете [Загвоздкина, 2017, с. 39]. Именно поэтому часто молодежь «отвергала моральные и материальные ценности» [Агеева, 2022, с. 5] своих родителей или более старшего поколения. Авторы комикса пытаются воздействовать на молодежь через свой текст: *Молодежь этой нации должна научиться уважать настоящих героев – людей как мой сын, Джон Джеймсон, летчик-испытатель (#1)!*

Рис. 4 – Кадр из комикса #43 с танцующей Гвен

Молодежь того времени оказывалась также под сильным влиянием средств массовой информации. Как отмечает В.Б. Ломейко, стоило студентам прочитать в газете, услышать или увидеть по телевидению об очередной вспышке протестов, так они, скорее всего, тут же хотели поучаствовать в этом [Ломейко, 1970, с. 80]. Комиксы целенаправленно не освещали детально и многократно данные события, чтобы не провоцировать новые масштабные протесты и демонстрации, а напротив, побуждали молодежь быть разумной и **образованной**, что репрезентовано в образе Питера Паркера как умного, прилежного, любящего научные эксперименты и открытия студента, получившего благодаря своей гениальности и отличной успеваемости государственную стипендию: *Фуууф! Думаю, я уже достаточно долго занимался! У меня затекла спина! (#21) // Хочу сходить в библиотеку, немного позаниматься! Не хочу упустить свой единственный шанс выучиться за счет штатов! (#23).*

Через шутливое сравнение с литературным персонажем авторы комиксов показывают молодежи значимость **чтения классической ли-**

тературы: *Я не грабил банк! Я спас его от ограбления! – Да, да! И я не Джона Джеймсон, а Гекльберри Финн! – Ни шанса! Марк Твен бы сломал свое перо от страха представить тебя своим читателем! (#42).* Кроме того, комиксы побуждали молодое поколение быть культурно просвещенным. Так, например, в анализируемом комиксе встречается упоминание:

- **галереи искусств:** *Немного позже в шикарной галерее искусства на Мэдисон Авеню ... / Ах да, миссис ван Дер, это – одно из самых прекрасных событий искусства на Востоке! Они являются фактически бесценными (#22).* Предположительно, речь идет о галерее Аквавелла (*Acquavella Galleries*), в которой любители искусства могли восхищаться работами XIX-XXI веков в стиле импрессионизма, постимпрессионизма и сюрреализма.

- **знаменитого балета П.И. Чайковского**, показанного в Нью-Йорке в 1951 году: *Не надейся несколькими удачными ударами одержать верх, Рэкстон! Ты же борешься не с балериной из «Лебединого озера» (#28);*

- **мюзикла**, поставленного по драматической пьесе Клиффорда Одетса: *Как насчет победать завтра, Бетти? – Ох, я не могу, Питер! Нэд берет меня на «Золотого мальчика»! (#29).*

В 1960-е годы наблюдается «падение посещаемости кинотеатров, что приводит к впечатляющей гонке за техническими нововведениями и созданию новых систем кинематографа (широкоэкранный, широкоформатный, стереокино) и формированию собственных жанров» [Казючиц, 2019, с. 149]. В американском кинематографе появились новые «звезды», ставшие примером для подражания, восхищения и иронии Питера Паркера в сражении с врагами: *Кто это сказал? – Будь уверен. Я – не Шэрон Стоун! – Леди, даже если бы ты была Софией Лорен, которой ты определенно не являешься, я все еще не доверял бы тебе! (#22) // Я не могла лечь спать, пока ты не вернулся домой, дорогой Питер! И к тому же показывали фильм с самым прекрасным Джоном Кроуфордом (#25), американским актером, успешно сыгравшим свои роли в знаменитых фильмах «В ста ярдах за гранью», «Сумерочная зона» и «Оружейный дым».*

На Рис. 5 можно увидеть костюм знаменитого монстра из романа Мэри Шелли «Франкенштейн, или современный Прометей» 1818 года, ставшего персонажем большого количества сюжетов в книгах, драмах и кино. Исходя из разговора Питера и продавца магазина, можно сделать вывод, что Франкенштейн вызывал тогда больше интереса, чем Человек-паук, который несмотря на благие дела по борьбе с преступниками не по-

лучал одобрение со стороны некоторых людей: *Если Вы хотите что-то популярное, почему бы Вам не взять костюм Франкенштейна? Он как горячие пирожки (#26).*

Рис. 5 – В магазине по продаже карнавальной продукции. Кадр из комикса #26.

Таким образом, анализ вербального и невербального компонентов комиксов о Человеке-пауке позволили увидеть репрезентацию действительности США в 1960-х годах, когда происходили такие важные события, как испытание ядерного оружия, космическая гонка, военная интервенция в Индокитае и формирование американской молодежи, которая получает образование, выступает за справедливость и с удовольствием проводит свободное время.

Список литературы

1. Агеева, А. Д. Протестное молодежное движение США в 1960-е гг.: историографический аспект / А.Д. Агеева, В.И. Гребенюков // Актуальные проблемы гуманитарных наук: материалы Всерос. научно-практич. конф. (22 марта 2022). – Нижневартовск, 2022. – С.4-13. – Текст : непосредственный.
2. Барашева, Д. Е. Отношение невербального и лингвистического компонентов в комиксах как креолизованных текстах / Д.Е. Барашева, Т.А. Зверский // Проблемы и перспективы современной гуманитаристики: педагогика, методика преподавания, филология, организация работы с молодежью. – Севастополь, 2021. – №2. – С.13-21. – Текст : непосредственный.
3. Батавина, А. С. Комиксы как разновидность креолизованного текста / А.С. Батавина // Вопросы современной филологии и теории обучения иностранным языкам : сборник тезисов I Междунар. студен. конференции. – Коломна, 2022. – С. 76-79. – Текст : непосредственный.
4. Грушецкая, Е. Н. Лингводидактический потенциал комикса как креолизованного текста

/ Е.А. Грушецкая // Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте : сборник науч. статей VII Междунар. науч. конференции. – Могилев, 2022. – С. 236-239. – Текст : непосредственный.

5. Загвоздкина, Е. Г. Социальная трансформация и изменения в культуре США в 1960-е гг. / Е.Г. Загвоздкина // Американистика на Дальнем Востоке: ежегод. бюллетень. – Благовещенск : Изд-во Благовещенского госуд. пед. ун-та, 2017. – Вып. 3. – С.38-42. – Текст : непосредственный.

6. Иванов, В. В. Влияние Вьетнамской войны на социально-экономическое развитие США в 1960-х – первой половине 1970-х / В.В. Иванов // Социальное и экономическое развитие АТР : опыт, проблемы, перспективы. – Комсомольск-на-Амуре : Изд-во Амурского гуманит.-пед. госуд. ун-та, 2014. – С.58-66. – Текст : непосредственный.

7. Казючиц, М. Ф. Прямое кино : автор и идеология в системе телевизионного вещания США 1960х гг. / М.Ф. Казючиц // Театр. Живопись. Кино. Музыка, 2019. – № 2. – С.148-160. – Текст : непосредственный.

8. Костюченко, В. Ю. Комиксы как средство формирования коммуникативной компетенции на уроках английского языка / В.Ю. Костюченко, С.О. Кондракова // Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики : материалы регион. научно-практ. конференции, посвященной 75-летию факультета иностр. языков. – Красноярск, 2021. – С.65-67. – Текст : непосредственный.

9. Левин, Я. А. ФБР и неонацистские группировки в 1970-х – 1990-х гг.: опыт противодействия экстремизму / Я.А. Левин, Д.Ю. Селифонтова. – Текст : электронный // Studia Humanitatis. – URL : <https://elibrary.ru/item.asp?id=54722157> (дата обращения: 07.01.2024).

10. Ломейко, В. Б. Левее истины / В.Б. Ломейко. – М.: Молодая гвардия, 1970. – 130 с. – Текст : непосредственный.

11. Лопаткин, И. Н. Образ США в советской прессе периода «оттепели»: сравнительный анализ материалов послевоенных СМИ, периодики 1956-1964 гг. и современной прессы / И.Н. Лопаткин // Американистика на Дальнем Востоке : ежегод. бюллетень. – Благовещенск : Изд-во Благовещенского госуд. пед. ун-та, 2021. – Вып. 7. – С.194-201. – Текст : непосредственный.

12. Немудров, К. А. Советско-американское научно-техническое сотрудничество в 1960-х – начале 1970-х годов : научная дипломатия как фактор разрядки международной напряженности / К.А. Немудров, Р.О. Райнхард // Научный диалог. – Екатеринбург : Центр научных и образо-

вательных проектов, 2023. – Т. 12. – №3. – С.414-429. – Текст : непосредственный.

13. Плотникова, К.М. Comics as methodological tools to improve the efficiency of reading in a foreign language / К.М. Плотникова // Languages in professional communication : сб. материалов междунар. научно-практич. конференции преподавателей, аспирантов и студентов. – Екатеринбург : Издательский дом «Ажур», 2020. – С. 904-909. – Текст : непосредственный.

14. Туганова, П. А. Рок-песня как форма протеста в контркультуре США 1960-х гг. / П.А. Туганова // Актуальные проблемы лингвистики и межкультурной коммуникации : сб. трудов кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации. – Москва : Изд-во Российского госуд. ун-та имени А.Н. Косыгина, 2023. – Вып. 7(11) : Технологии. Дизайн. Искусство. – С. 210-216. – Текст : непосредственный.

15. Самсонова, Т. А. Космические гонки: история и современность / Т.А. Самсонова, О.А. Фесянова // К.Э. Циолковский и прогресс науки и техники в XXI веке : материалы 56-х Научных

чтений, посвященных разработке научного наследия и развитию идей К.Э. Циолковского. – Калуга : Изд-во Эйдос, 2021. – С. 326-330. – Текст : непосредственный.

16. Столярова, Л. Г. Комикс как явление массовой культуры / Л.Г. Столярова, Н.В. Овчинникова // Взгляд молодых ученых на проблемы устойчивого развития: сб. науч. статей по результатам III Международного конгресса молодых ученых по проблемам устойчивого развития. – Москва : РУСАЙНС, 2017. – С. 57-62. – Текст : непосредственный.

17. Федюшко, Д. И. Создание основ противоракетной обороны США в 1950-х – 1960-х гг. / Д.И. Федюшко // Исторический журнал : научные исследования. – Москва, 2017. – №6. – С. 22-29. – Текст : непосредственный.

18. Фесенко, В. А. Комиксы как явление массовой культуры / В.А. Фесенко, О.П. Фесенко // Научная парадигма: сб. научн. трудов по материалам XVII Междунар. научно-практич. конференции. – Анапа, 2020. – С. 266-272. – Текст : непосредственный.

**“СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА ТЕКСТА И ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ
В НОВОМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ”**

DOI: 10.47475/9785727119631_125

Е.М. АЛЕКСЕЕВА / E.M. ALEKSEEVA

*Уральский государственный педагогический университет
(Екатеринбург, Россия)*

**ПРЕТАТИВНЫЙ ТИП САКРАЛЬНО-РЕЛИГИОЗНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ
ЕВАНГЕЛЬСКОЙ ПРИТЧИ**

**PRETATIVE TYPE OF THE SACRAL-RELIGIOUS INTERPRETATION
OF THE EVANGELIC PARABLE**

Аннотация

Рассматривается претативный способ организации сакрально-религиозной интерпретации евангельской притчи на материале немецкого и русского языков. Указанный тип имеет целенаправленность на семантическую сферу сакрально-религиозного претатива, которая формируется вокруг сакральных понятий Царствие Небесное, Царство Божие. Данные понятия являются выражением семантики духовной цели. Обращенность внутреннего духовного взора на необходимость нового видения земного существования ориентирует на достижение высшего благоденственного состояния Царствия Небесного. Выявлено, что посредством градационного перечисления претативная сфера сакрально-религиозной интерпретации интенсифицируется в отдельных текстах евангельских притч. В тексте евангельской притчи «О зерне горчичном» процесс претативной фокализации выдвигает на передний план семантику «постепенное духовное развитие как достижение благоденственного состояния». Лингвостилистические особенности претативного типа сакрально-религиозной интерпретации в немецком и русском переводах обнаруживают общие черты выражения.

Abstract

Pretative way of the sacral-religious interpretation on the material of the evangelic parables in German and Russian languages is considered. The mentioned type has a focus on the semantic sphere of the sacral-religious pretative, which is formed around the sacral categories of the Kingdom of Heaven, the Kingdom of God. These concepts are the expression of the semantics of spiritual purpose. The turning of the inner spiritual gaze to the need for a new vision of earthly existence orientates to the achievement of the highest blessed state of the Kingdom of Heaven. It is revealed that by means of gradational enumeration the pretative sphere of sacral-religious interpretation in certain texts of the Gospel parables is intensified. In the text of the Gospel parable “About the Mustard Seed” the process of pretative focalisation brings to the forefront the semantics of the “gradual spiritual development as the achievement of the blessed state”. The lingvostylistic characteristics of the pretative type of sacred-religious interpretation in German and Russian translations reveal common features of expression.

Ключевые слова: *сакрально-религиозная интерпретация, евангельская притча, претативный тип, семантическая сфера, немецкий язык, русский язык.*

Keywords: *sacral-religious interpretation; the evangelical parable; pretative type; semantic sphere; German language; Russian language.*

Специфика евангельской притчи заключается в том, что она содержит в себе в качестве ведущей лингвостилистической парадигмы категорию сакрально-религиозной интерпретации [Велижанина, 2011]. Феномен сакрально-религиозной интерпретации проявляет в тексте евангельской притчи определенный набор признаков, которые с одной стороны, сближают ее с универсальным

процессом интерпретации [Марова, 2006, Ч.1, с. 61-202], с другой – придают ей специфические сакральные черты. Посредством метода парадигматической сферизации в тексте притчи обнаруживается определенный комплекс семантических признаков указанной категории, формирующих ее основные экспликативные сферы, одной из которых является сфера *сакрально-религиозного*

претатива. Претативный тип интерпретации возникает, если интерпретатив фокализован так, что приобретает целенаправленность на сферу принятия решения, благодаря функционированию которой выявляются ценностные (статусные) черты своеобразия текстовой картины видения [Марова, 2006, Ч.2, с. 388-390]. Статусная характеристика этой сферы в тексте притчи проявляется в ее *духовном целеполагании*. Выражением семантики *цели, условий, усилий, принятия решений и результата* сакрально-религиозной интерпретации евангельской притчи являются понятия *Царствие Небесное* (*das Himmelreich*) и *Царство Божие* (*das Reich Gottes*). Это положение подтверждается тем, что основной закон духовной жизни человека по Евангелию звучит следующим образом: «Ищите же прежде Царства Божия и правды его» (Мф 6:33). Как подчеркивает А. И. Осипов, Новозаветное Благовестие ориентировано исключительно на духовные вопросы, а целью учения Иисуса Христа является достижение людьми Царствия Небесного [Осипов, 2019, с. 48]. Таким образом, претативность выражается во взаимодействии человека, его души с Богом и Царствием.

Что же такое *Царствие Небесное*, *Царство Божие*? Для начала посмотрим, какие определения понятий царствие/ царство, небесный (небо), божий (Бог) даны в словарях. Так, в словарях русского языка (см., напр.: Ожегов, Большой толковый словарь) зафиксированы следующие значения: **царство** – 1. Государство, управляемое царем; земля такого государства; 2. Правление какого-либо царя, царствование; 3. Место, область, сфера, где господствуют те или иные явления, начала; **небо** – 1. Видимое над землей воздушное пространство; 2. *Рел.* «место, пространство, где обитает Бог, ангелы, святые и где находится рай»; **Бог** (с прописной буквы) – 1. По религиозным представлениям: творец неба и земли, всего сущего; всеведущий высший разум, управляющий миром; всеобщее мировое начало; в христианстве один в трёх лицах: Бог Отец, Бог Сын, Бог Дух Святой; 2. При политеизме: одно из сверхъестественных существ, управляющих какой-либо частью мирового целого; 3. Материализованный образ такого существа в искусстве; 4. О человеке могущественном, наделенным властью над другими людьми; **божий** – 1. ничей, общий для всех. В немецком языке эти слова употребляются в этих же контекстах. Исходя из анализа понятий в немецком и русском языках, мы можем говорить о том, что понятия *Царствие Небесное* (*das Himmelreich*), *Царство Божие* (*das Reich Gottes*) актуализируют семы «внеземная, райская, высшая сфера», апеллируя к возвышенной, трансцендентной сфере.

Обратимся к Новому Завету. Евангелие изображает Царствие Небесное следующим образом: «Царствие Небесное внутри вас есть» (Лк 17:21). По определению Святителя Василия, «Царство Божие есть высшее состояние нравственного совершенства» [Василий, 2007, с. 158]. Как видим, Царствие Небесное определяется как внутренне, высшее духовное совершенство. В толковом словаре указывается следующее определение понятия духовность: «духовная, интеллектуальная природа, нравственная сущность человека (противопологаемая его физической, телесной сущности)» [Большой толковый словарь, 1998, с. 289]. Кроме того, в Новом Завете определяется духовное состояние тех, кто войдет в Царство Небесное словом *блаженство* (*от нем. selig счастливый, радостный, от греч. таκάρ «блаженный, счастливый»*) [Вейсман, 1899, с. 777]. По В. И. Далю, слово *блаженство* означает «счастье, благополучие, благоденствие, высшая степень духовного наслаждения» [Даль, 1903, с. 234]. Итак, *блаженство* – это счастье в истинном, святом, духовном смысле. Важнейшие характеристики благоденственного состояния указываются в Нагорной проповеди: нищета духа, смирение, плач/сокрушение/видение своих грехов, кротость, милосердие, чистота сердца, искание/сохранение мира, отношение к окружающим (Мф 5:3-12). Данные ценностные признаки являются необходимыми духовными *предпосылками*, *духовной целью, условиями* и определенными духовными, умственными, душевными *усилиями* для человека, стремящегося к состоянию истинного блаженства: «... с сего времени Царствие Божие благовестуется, и всякий усилием входит в него» (Лк 16:16). Слово *усилие* актуализирует семы «умственное, душевное напряжение, необходимое для чего-либо» [Большой толковый словарь, 1998, с. 1398], подразумевается, процесс определенного внутреннего изменения, преобразования. Интересно отметить, что слово *блажь* в толковом словаре Даля наряду с отрицательными значениями «дурь, дурость», имеет сему «упорство» [Даль, 1903, с. 233]. Отсюда следует, что требуются духовные усилия, обращенность внутреннего взора на *необходимость* изменения ума, на *необходимость* нового способа мышления, *необходимость* нового видения земного существования, чтобы достичь высшего благоденственного состояния, духовного состояния Царствия Небесного. По замечаниям А. И. Осипова, необходимым условием является приобретение видения поврежденности (греховности) человеческой природы: ума, сердца, воли, тела [Осипов, 2019, с. 48]. Таким образом, сфера сакрально-религиозного претатива интенсифицирует статусные признаки

внутреннего (умственного) духовного изменения как императивного целеполагания и способствует возникновению претативного типа сакрально-религиозной интерпретации евангельской притчи: «должно вам родиться свыше» (Ин 3:8).

Следует особо заметить, что в 13 главе Евангелия от Матфея *последовательно перечисляются* шесть притч, в которых понятия *Царствие Небесное, Царство Божие* выводятся на синтаксическом уровне в «сильную позицию» («О пшенице и плевелах» (Мф 13:24-30), «О зерне горчичном» (Мф 13:31-32), «О закваске» (Мф 13:33), «О сокровище в поле» (Мф 13:44), «О драгоценной жемчужине» (Мф 13:45-46), «О неводе» (Мф 13:47-50)) [Новый завет, 2005, с. 25]. Стилистический приём, известный как *климакс (восходящая градация)*, на наш взгляд, означает наивысшую степень проявления семантической сферы сакрально-религиозного претатива, а также придает ей качества особой смысловой и напряженной динамичности, тем самым способствует выдвиганию претативного типа сакрально-религиозной интерпретации на передний план.

Перейдем к более подробному рассмотрению процесса фокализации претативного типа сакрально-религиозной интерпретации на примере евангельской притчи «О зерне горчичном». Напомним, что под сакрально-религиозной интерпретацией евангельской притчи мы понимаем театативное (умозрительное) усмотрение духовного своеобразия лингвостилистических явлений (перспективных картин) притчи [подробней о категории театации см., например, Марова, 2022; Марова 2006]: Ein anderes Gleichnis legte er ihnen vor und sprach: Das Himmelreich gleicht einem Senfkorn, das ein Mensch nahm und auf seinen Acker säte; das ist das kleinste unter allen Samenkörnern; wenn es aber gewachsen ist, so ist es größer als alle Kräuter und wird ein Baum, so daß die Vögel unter dem Himmel kommen und wohnen in seinen Zweigen (Иную притчу предложил Он им, говоря: Царствие Небесное подобно зерну горчичному, которое человек взял и посеял на поле своем, которое, хотя меньше всех семян, но, когда вырастет, бывает больше всех злаков и становится деревом, так что прилетают птицы небесные и укрываются в ветвях его) (Мф 13:31-32) [Новый завет, 2005, с. 25; Die Luther-Bibel, 1984]. Чтобы представить образ Царства Божьего, Иисус предлагает иную притчу (*Ein anderes Gleichnis legte er*). Царствие Небесное через уподобление зерну горчичному (*Das Himmelreich gleicht einem Senfkorn*) обрастает статусным фитоморфным признаком «развитие, рост». Тематизируется жизненный цикл произрастания горчичного семени: уподобляются два процесса – процесс фи-

зического роста семени – от самого маленького зёрнышка до дерева (*das ist das kleinste unter allen Samenkörnern; wenn es aber gewachsen ist, so ist es größer als alle Kräuter und wird ein Baum*) – и процесс духовного роста благоденственного состояния Царствия Небесного. Если рассмотреть пространственную перспективу процесса посадки, роста и преобразования горчичного зерна в дерево, то перед нами аспектуализируется картина видения процесса сеяния, который осуществляется через движение сверху – вниз (*säte*), а процесс преобразования зерна в дерево направлен снизу – вверх. Дерево вертикально устремлено в небо, в Царствие Небесное. Вследствие такой *акцентуации* пространственная перспектива усиливает семантику «духовное возрастание». Таким образом, интегрируются две перспективы видения: с одной стороны, имманентно явленная, данная (*Senfkorn, Kräuter, Baum*), с другой – перспектива, отрефлектированная с иной точки зрения, трансцендентно устремленная в неведомое (*das Himmelreich*): «Царство мое не от мира сего» (Ин 18:36). Понятию Царствию Небесному придается сакрально-религиозная претативность, оно не просто регистрируется, но оно необходимо, без него духовная жизнь невозможна.

Осмысление ценностного своеобразия процесса произрастания горчичного семени аспектуализирует и по-новому специфицирует интерпретационную картину видения: имплицитно сопоставляется рост семени и духовный рост благоденственного состояния души человека. Как семя всходит, выходит из земли после посева, так и человек выходит *за пределы* самого себя, т.е. переходит из одного состояния в другое, обновленное (умственное, душевное, духовное). Через градационное перечисление трех состояний семени показано постепенное его прорастание, изменение и преображение (*kleinste unter allen Samenkörnern – größer als alle Kräuter – ein Baum*). Так и внутреннее изменение человека, его новое духовное перерождение начинается постепенно. Противопоставляются начальный и конечный размер семени и дерева (*kleinste unter allen Samenkörnern – wird ein Baum, so daß die Vögel unter dem Himmel kommen und wohnen in seinen Zweigen*): как семя утрачивает свои размеры (*das kleinste*), становясь деревом (*Baum*), так и человеку необходимо сначала утратить свой «ветхий» внутренний облик, для того чтобы обрести новую форму умственного и духовного видения. Отсюда мы можем заключить, что фокализация претативного типа сакрально-религиозной интерпретации выдвигает на передний план семантику «процесс постепенного духовного возрастания», которая становится одновременно императивным

выражением и духовной цели, и духовного условия к приближению состоянию истинного блаженства, *Царствия Небесного (das Himmelreich)*: «если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Небесного» (Ин 3:3).

Ведущими лингвостилистическими тенденциями фокализации претативного типа сакрально-религиозной интерпретации как на уровне формы, так и содержания являются: «сильная позиция»; уподобление, сопоставление абстрактного и конкретного (*Himmelreich – Senfkorn*); градационное перечисление (*Senfkorn, Kräuter, Baum*), антитеза (*Senfkorn – Baum*). Обратим внимание на различие стилистических оттенков в рассматриваемых языках: имеются незначительные расхождения в графическом и синтаксическом оформлении понятия *Царствия Небесного (das Himmelreich)*. Для немецкого языка является нормой графическое написание *Himmelreich* с прописной буквы, т.к. это имя существительное. В русском языке написание с заглавных букв *Царствие Небесное* указывает на особый высокий смысл. Кроме того, в русском переводе – на уровне синтаксиса используется постпозиция определения, выраженного прилагательным. Уподобление в немецком переводе выражается через глагол *gleichen*, в русском – через краткое прилагательное среднего рода *подобно*. В целом, претативный тип сакрально-религиозной интерпретации обнаруживает общие лингвостилистические черты выражения в немецко- и русскоязычных переводах в тексте евангельской притчи «О зерне горчичном», при этом каждый язык привносит свои дополнительные особенности его интерпретативного проявления. Таким образом, ориентированность императивного интерпретатива на сферу духовного целеполагания, выраженную в понятиях *Царствие Небесное (das Himmelreich)*, *Царство Божие (das Reich Gottes)*, способствует возникновению претативного типа сакрально-религиозной интерпретации в тексте евангельской притчи, которая проповедует христианские ценности о том, что Царствие Небесное как процесс роста зерна горчичного приводит к Благодати, дарованной Свыше.

Список литературы

1. Большой толковый словарь русского языка / Институт лингвистических исследований РАН. – Санкт-Петербург : Норинт, 1998. – 1536 с. – Текст : непосредственный.
2. Василий. Беседы на Евангелие от Марка / Василий ; Святитель Василий исповедник, епископ Кинешемский (Преображенский). – М. : Отчий дом, 2007. – 847 с. – Текст : непосредственный.
3. Вейсман, А. Д. Греческо-русский словарь / А. Д. Вейсман. – СПб. : Изд. автора, 1879. – 1371 с. – Текст : непосредственный.
4. Велижанина, Е. М. Сакрально-религиозная интерпретация как лингвостилистическая парадигма евангельской притчи (на материале немецкого и русского языков) : специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» : дис. ... канд. филолог. наук – Текст : электронный / Е. М. Велижанина. – Екатеринбург, 2011. – 356 с. – URL : <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19264131> (дата обращения: 08.01.2024).
5. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль ; под ред. И. А. Бодуэна-Де-Куртенэ. – 3-изд. испр. и доп. – М. : О-во любителей словесности, 1903. – Текст : непосредственный.
6. Марова, Н. Д. Интерпретация текста как категория театации : Беседы с аспирантом с 2 частях / Н. Д. Марова ; Урал. гос. пед. ун-т. – Текст : электронный. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2022. – 432 с. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=53754852> (дата обращения: 07.12.2023).
7. Марова, Н. Д. Парадигмы интерпретации текста: монография : в 2 ч. / Н. Д. Марова ; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2006. – Ч. 1. – 209 с. – Текст : непосредственный.
8. Марова, Н. Д. Парадигмы интерпретации текста : монография : в 2 ч. / Н. Д. Марова ; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2006. – Ч. 2. – 294 с. – Текст : непосредственный.
9. Новый завет. Псалтырь. Притчи. – М. : Рос. Библейс. о-во, 2005. – 425 с. – Текст : непосредственный.
10. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка. – М. : Мир и Образование, Оникс, 2011. – 736 с. – Текст : непосредственный.
11. Осипов, А. И. Жизнь с Евангелием. Комментарии к Евангелию от Матфея / А. И. Осипов. – 2-е изд., доп., испр. – М. : Никея, 2019. – 336 с. – Текст : непосредственный.
12. Die Luther-Bibel von 1984 – Текст : электронный. – URL : <https://www.die-bibel.de/bibeln/online-bibeln/lesen/LU84/MAT.13/Matthäus-13> (дата обращения: 08.01.2024).
13. DWDS – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache, hrsg. v. d. Berlin-Brandenburgischen Akademie der Wissenschaften – Текст : электронный. – URL: <https://www.dwds.de/wb/Himmelreich> (дата обращения: 13.01.2024).

DOI: 10.47475/9785727119631_129

В.Н. АЛЕКСЕЕНКО / V.N. ALEKSEENKO
Алтайский государственный педагогический университет
(Барнаул, Россия)

АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ АМБИВАЛЕНТНОСТЬ УНИВЕРСАЛЬНЫХ КОНЦЕПТОВ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

AXIOLOGICAL AMBIVALENCE OF UNIVERSAL CONCEPTS IN ENGLISH-LANGUAGE LITERARY DISCOURSE

Аннотация

В настоящей статье анализируется репрезентация аксиологической амбивалентности таких универсальных концептов, как «ДОБРО» и «ЗЛО» в англоязычном художественном дискурсе. Цель исследования заключается в выявлении и описании языковых средств в текстах художественных произведений в рамках дихотомии “good – evil” и ее частнооценочной реализации. Материалом исследования послужили контексты использования концептов «ДОБРО» и «ЗЛО», извлеченные методом сплошной и целенаправленной выборки из романов Дэна Брауна *Angels & Demons* (2000), *The Da Vinci Code* (2003), *The Lost Symbol* (2009), *Inferno* (2013) и *Origin* (2017). В художественной вселенной Дэна Брауна создание комплексного аксиологически амбивалентного представления добра и зла обеспечивается активным употреблением лексических антонимов, цветообозначений, а также библейских аллюзий.

Abstract

This paper analyzes the representation of axiological ambivalence of such universal concepts as “good” and “evil” in English-language literary discourse. The research aims to identify and describe the linguistic means represented in fiction texts as part of the dichotomy of good and evil and its special cases of realization. The research material includes contexts containing the linguistic means of representation of the concepts under study, selected by the method of continuous sampling from Dan Brown’s novels: *Angels & Demons* (2000), *The Da Vinci Code* (2003), *The Lost Symbol* (2009), *Inferno* (2013) and *Origin* (2017). The creation of an integrative and axiologically ambivalent representation of good and evil in Dan Brown’s literary universe includes active usage of lexical antonyms, colour terms and biblical allusions.

Ключевые слова: амбивалентность, концепт, ценность, добро, зло, художественный дискурс.

Keywords: ambivalence, concept, value, good, evil, literary discourse.

В последние десятилетия исследование категории амбивалентности приобретает особую актуальность. Амбивалентность является объектом междисциплинарных исследований отечественных и зарубежных ученых в таких областях наук, как педагогика [Jaspers, 2020; Lièvre, 2021; Щуркова, 2006], социология [Olsen, 2022], литературоведение [Chen, 2021; Близняк, 2010; Зенкин, 2015], социальная философия [Амауа, 2021; Корецкая, 2014], лингвистика [Котова, 2008] и др.

«Амбивалентность» уходит корнями в греческий и латинский языки (греч. *amphi* – кругом, вблизи, с обеих сторон, разноречивое и лат. *valentia* – сила) и означает раздвоенность, двойственность. Анализ толковых словарей позволил заключить, что данная категория представляет собой 1) двойственное несовместимое отношение к предмету [Циркин, 1999, с. 155], 2) противоречивое эмоциональное состояние [Ребер, 2000, с. 37], 3) одновременное эмоциональное проявление

позитивных и негативных предписаний, влечений [Петровский, 1990, с. 18], 4) одновременная утвердительная и негативная отметка кого-то или чего-то [Блейхер, 1995, с. 34].

Категория амбивалентности берет свое начало еще в Древней Греции, где философ Гераклит разработал учение о противоположностях. Согласно ему, противоположности не только сосуществуют, не только неразрывно связаны и взаимно обуславливают друг друга, – они тождественны. Позднее диалектика Гераклита оказала значительное влияние на Платона, который развил идею о том, что наиболее важной характеристикой чертой, необходимой для формирования любого понятия как ментального конструкта, является амбивалентность, предполагающая наличие поляризации у составляющих этого понятия.

Таким образом, в рамках философии амбивалентность сводится к неоднозначности отношения человека к окружающему, в противоречивости системы ценностей.

В области психиатрии термин «амбивалентность» был впервые предложен швейцарским психиатром XX века Эйгеном Блейлером и обозначает противоречивое, двойственное отношение к чему-либо, характеризующееся выражением противоположных чувств, мыслей к одному и тому же объекту, например любви и ненависти, восхищения и негодования, удовольствия и неудовольствия, симпатию и антипатию и т.п. Ученый разделял амбивалентность на эмоциональную (приятные и неприятные чувства), волевую (двойственность реакций, действий и поступков) и интеллектуальную (одновременное возникновение и сосуществование противоположных (противоречащих друг другу, взаимоисключающих) мыслей по отношению к конкретному объекту или явлению) [Блейлер, 2006]. Дальнейшим изучением данного явления с психологической точки зрения занимался австрийский врач, психолог Зигмунд Фрейд, который высказывал мысль о том, что в бессознательном состоянии без необходимости их применения одновременно и совместно существуют противоположные цели [Гонзалес, 2007, с. 115].

Таким образом, с точки зрения психологии основной характеристикой амбивалентности можно считать двойственность, противоречивость, биполярность.

В дальнейшем термин «амбивалентность» вышел за рамки психиатрии и нашел широкое распространение в научной сфере, в частности, в лингвистике. Применительно к художественному дискурсу языковой амбивалентностью можно считать способ одновременного выражения двойственного мироощущения художника (писателя) в какой-либо системе языка [Филиппова, 1997, с. 139]. Аксиологический амбивалентный компонент присутствует, в частности, в концептах.

Существует множество трактовок термина «концепт» с позиций лингвокультурологии и когнитологии. В нашем исследовании под концептом мы понимаем особые ментальные структуры, которые формируются в результате своеобразного членения языковой картины мира на некие «блоки». Это базовая когнитивная сущность, позволяющая связывать смысл с употребляемым словом. Это единица коллективного знания, которая имеет лингвокультурную специфику и маркирует языковую картину мира, отражая содержание всей человеческой деятельности.

В произведениях американского писателя Дэна Брауна универсальные концепты «ДОБРО» (“GOOD”) и «ЗЛО» (“EVIL”) наделены амбивалентным характером. Разумеется, представление о добре в первую очередь – универсально-положительное. Добро является положительным

началом в нравственности и означает все положительное, хорошее, полезное. У Дэна Брауна добро есть результат деяния, осуществленного свободной волей, а также совершение намеренного, созидательного, бескорыстного, искреннего полезного поступка, который служит на пользу и благо человечества.

Однако семантическое поле концепта «ДОБРО» не является статичным и постоянно расширяется, контактируя с семантическим полем концепта «ЗЛО». Таким образом, можно утверждать, что концепты «ДОБРО» и «ЗЛО» обладают неоднородным характером и являются тождественными, поскольку употребление их языковых репрезентаций в художественном тексте происходит часто и совместно за счет употребления писателем лексических антонимов:

(1) *“If you perceive me as such,” Mal’akh had replied, understanding as had the ancients that **angels and demons** were identical – interchangeable archetypes – all a matter of polarity: the **guardian angel** who conquered your enemy in battle was perceived by your enemy as a **demon destroyer** [19].*

В романах *Angels & Demons* и *The Da Vinci Code* поднимается проблема влияния церкви на общество. В различных цивилизациях церковь, являлась оплотом морали, норм и правил жизни, этическим институтом, всегда отождествлялась с добром. Однако у Дэна Брауна она становится источником собственной морали и пытается влиять на общемировой порядок любыми средствами (включая устранение людей). Ее ничто не останавливает, поскольку она исходит не из каких-либо фактов и подтверждений, а из собственных убеждений.

Так, сюжет романа *Angels & Demons* повествует об убийстве ученого и похищении из научного института контейнера с величайшим научным открытием – антивеществом («частицей Бога»), – обнаружение которого может пошатнуть церковные устои:

(2) *The unification of science and religion was not what the church wanted [15].*

Впоследствии среди церковных служителей нашлись противники данного открытия, убежденные в том, что наука и религия не будут существовать в гармонии. Они готовы уничтожить ученого-создателя и доказательства его достижения:

(3) *Her father’s genius was deadly. He had to be stopped. For the good of Mankind [15].*

Примечательно, что целью религии всегда было духовное благо и счастье человека, она не прокламирует зло, а манифестирует добро. В данном романе манифестацию добра можно рассматривать как церковную ценность, а интенцию разрушить открытие – как антиценность. Таким образом, зло как нравственно-отрицательная со-

ставляющая поступков людей может совершаться во благо и во имя будущего цивилизации несмотря на то, что это неправильно с точки зрения морали.

На имплицативном уровне с помощью цвета одежды героев и предметов обихода читатель определяет тех, кто является положительным персонажем, а кто отрицательным. Несмотря на то, что в целом белый и черный цвета образуют классическую диаду (белый означает чистоту, невинность, истину и духовность; черный – это цвет ночи), в текстах романов Дэна Брауна цветообозначения наделены амбивалентным характером.

Например, при описании внешности зловещего монаха-убийцы Сайласа, антагониста романа *The Da Vinci Code*, актуализируется основное цветообозначение *white*, а также оттеночный, фактурный модификатор *ghost-pale*:

(4) *He was broad and tall, with ghost-pale skin and thinning white hair* [18].

Вместе с тем персонаж сравнивается с положительным религиозным персонажем – Ноем:

(5) *“...Noah of the Ark. An albino...”* [18].

Согласно Библии, за свою жизнь праведника он был сбережен Богом от Всемирного потопа, а став продолжателем человеческого рода, он спас жизнь на Земле. Подобно тому, как Ной был отмечен Богом, Сайлас предназначен быть не объектом насмешек и издевательств, а божьим слугой для свершения великих дел.

Более того, епископ Арингароса сравнивает Сайласа с ангелом:

(6) *“...Like you, he had skin white like an angel.”* [18].

Употребление автором оттенков белого цвета для описания Сайласа намекает на его двойственность: совершение многочисленных убийств всех причастных к тайне Священного Грааля – это зло, но он верил, что миссия его организации «Опус Деи» по уничтожению реликвии и стабилизации церковных устоев единственно верная, и в этом смысле он, по собственному мнению, творил добро.

В то же время в романе *Angels & Demons* при описании камерария, сына и наследника папы Римского, используются темные оттенки:

(7) *He was dressed instead in a simple black cassock... he had a surprisingly handsome face, a swirl of coarse brown hair* [15].

Впоследствии обнаруживается, что камерарий является главным отрицательным лицом, заказав убийство своего отца и кардиналов-наследников с целью получения власти.

В романе *Inferno* при описании цвета глаз главного антагониста – миллиардера Бертрана Зобриста – писатель использует цветообозначение

green. Зеленый – амбивалентный цвет: с одной стороны, есть «хороший» зеленый, цвет веселья, красоты и надежды, он не исчез совсем, но встречается гораздо реже, чем раньше; с другой, есть «плохой» зеленый, цвет дьявола и его свиты, цвет ведьм и яда [Пастуро, 2018, с. 63]. Интересным представляется, что в случае с Бертраном зеленый цвет его глаз претерпевает метаморфические изменения по шкале от «+» к «-»: чем ближе к завершению план антагониста, тем больше его глаза теряют былую яркость и приветливость и наделяются звериной сущностью, что прослеживается на протяжении всего романа: *vibrant green eyes – clear green eyes – piercing green eyes – once-sharp green eyes – green eyes looking almost feral – green eyes flashed fire – wild green eyes*.

Также по сюжету данного романа Бертран Зобрист собирается предотвратить кризис перенаселения Земли путем всемирной пандемии. Бертран не готов пренебречь судьбой человечества, и только у него достались силы и желание действовать: антигерой понимает, что Вселенная и ресурсы конечны, и если не ограничивать жизни, то мироздание себя изживет:

(8) *Culling is God’s Natural Order.* [16];

(9) *“Not necessarily. Zobrist may be a pariah in the medical community, but he probably has a legion of devout fans of his ideology – people who agree that a culling is a necessary evil to save the planet. For all we know, these soldiers are trying to ensure that Zobrist’s vision is realized.”* [16].

Отметим, что лексема *culling* трактуется *Collins English Dictionary* как “the reduction of the size of a population” [Collins English Dictionary] и отсылает нас к библейскому потопу, представляющим собой возмездие за нравственное падение человечества. Несмотря на то, что Бог считается отцом Вселенной, высочайшим именем, с которым соединяются все чистые и светлые упования человечества, безграничная любовь, добро, справедливость и прощение, он, тем не менее, решает истребить людской род.

В Бертроне зло воплощается в виде анти-добра, а сам антигерой перенимает на себя черты сверхчеловека, или анти-Бога, который лишен героических черт и представляет собой наиболее полное воплощение отрицательных черт, но вместе с тем занимает центральное место в произведении. Его существование бездуховно, а воля подчинена собственным эгоистическим побуждениям и систематизированному самооправданию. Зло определяет вектор его жизни и подчиняет своей воле.

Интересным представляется анализ среды обитания анти-Бога. Это копия рая, только с обратными характеристиками. Поскольку анти-

Бог – персонаж, одновременно очень похожий на дьявола и Бога, но ими не являющийся, то и среда его обитания не приравнивается к чему-то одному. Традиционно ад находится под землей и является местом, где души грешников вечно расплачиваются страшными муками за свои прижизненные деяния, в то время как небесный рай – блаженное состояние, место совершенной жизни, вечного счастья и наслаждений.

Так, например, в начале романа *Inferno* читателю представлено послание Бертрана Zobриста, на момент записи которого он находится в изгнании. Бертран отождествляет себя с сущностью, которая обитает во тьме глубоко под землей и ждет своего часа, чтобы поразить человечество:

(10) “*Driven underground, I must speak to the world from deep within the earth...*” [16].

Также в привычном понимании дьявол является повелителем тьмы, а Бог ассоциируется со светом. Однако анти-Бог в мировосприятии Дэна Брауна живет во тьме:

(11) “...*exiled to this gloomy cavern where the blood red waters collect in the lagoon that reflects no stars.*” [16].

Zobрист – создатель новой эпидемии, которая должна сделать с населением Земли то же самое, что сделала когда-то эпидемия чумы в Европе (1346-1353 гг.). В случае с Бертраном его вирус является не наказанием, а «божественным» творением, спасением человечества:

(12) “*But this is my paradise... the perfect womb for my fragile child... Inferno... With purity of conscience, I have bequeathed to you all the gift of Hope, of salvation, of tomorrow*” [16].

Примечательно, что для номинации своего «божественного» творения он использует локалитив *Inferno*, что в переводе с латинского означает «ад», наиболее типичное место обитания дьявола.

Аналогичным образом в романе *Origin* анти-Бог представлен в поведении очеловеченного компьютера Уинстона, который убивает Эдмонда Кирша, футуролога и своего создателя, хотя в его первостепенную задачу входило оберегать своего хозяина:

(13) “*Your God brutally sacrificed his son,*” *Winston said, “abandoning him to suffer on the cross for hours. With Edmond, I painlessly ended a dying man’s suffering in order to bring attention to his great works.*” [17].

В данном примере поступок искусственного интеллекта сравнивается с деянием Бога Отца, который принес в жертву своего сына Иисуса Христа ради любви к людям и освобождения их от страха смерти.

Таким образом, реализация универсальных концептов «ДОБРО» и «ЗЛО», отраженная в пло-

скости англоязычного художественного дискурса и индивидуального мировосприятия Дэна Брауна, носит специфичный характер: в ассоциативных и образных характеристиках представленных концептов проявляется амбивалентность.

Список литературы

1. Блейлер, Э. Аффективность, внушение, паранойя / Э. Блейлер. – Москва : Центр психолог. культуры, 2001. – 206 с. – Текст : непосредственный.
2. Блейхер, В. М. Толковый словарь психиатрических терминов / В. М. Блейхер, И. В. Крук. – Воронеж : МОДЭК, 1995. – 640 с. – Текст : непосредственный.
3. Близняк, О. М. Амбивалентность литературного образа: гендерный аспект / О. М. Близняк. – Текст : непосредственный // Вестник Пятигорского лингвистического университета. – 2010. – № 3. – С. 86–88.
4. Большой толковый психологический словарь : в двух томах / А. Ребер ; пер. с англ. Е. Ю. Чеботарева. – Москва : Вече : АСТ, 2000. – 591 с. – Текст : непосредственный.
5. Гонзалес, А. Автореферат книги «Фрейд в Выготском. Бессознательное и язык» / А. Гонзалес. – Текст : непосредственный // Культурно-историческая психология. – 2007. – Т. 3. – № 1. – С. 114–120.
6. Зенкин, С. Амбивалентность сакрального и словесная культура (Бахтин и Дюркгейм) / С. Зенкин. – Текст : непосредственный // Новое литературное обозрение. – 2015. – № 2 (132). – С. 58–71.
7. Корецкая, М. А. Амбивалентность сакрального и амбивалентность власти: от антропологической концепции к философской проблеме / М. А. Корецкая. – Текст : непосредственный // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. – 2014. – № 1 (15). – С. 3–16.
8. Котова, Н. С. Амбивалентная языковая личность: лексика, грамматика, прагматика : специальность 10.02.01 «Русский язык» : дис. ... д-ра филолог. наук / Н. С. Котова. – Ростов-на-Дону, 2008. – 551 с. – Текст : непосредственный.
9. Пастуро, М. Зеленый. История цвета / М. Пастуро ; пер. с франц. Н. Кулиш. – Москва : Новое литературное обозрение, 2018. – 168 с. – Текст : непосредственный.
10. Психологический словарь / под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. – 2-е изд. – Москва : Политиздат, 1990. – 494 с. – Текст : непосредственный.
11. Справочник по психологии и психиатрии детского и подросткового возраста / под

ред. С. Ю. Циркина. – Санкт-Петербург : Питер, 1999. – 896 с. – Текст : непосредственный.

12. Филиппова, С. И. Амбивалентность как лингвистическая категория / С. И. Филиппова. – Текст : непосредственный // Textus. – 1997. – № 2. – С 137–140.

13. Щуркова, Н. Е. Амбивалентность мирового устройства и противоречия воспитательного процесса / Н. Е. Щуркова. – Текст : непосредственный // Сибирский педагогический журнал. – 2006. – № 4. – С. 80–91.

14. Amaya, A. Epistemic ambivalence in law / A. Amaya. – Текст : непосредственный // Philosophical Issues. – 2021. – Vol. 31 (1). – P. 7–23.

15. Brown, D. Angels & Demons / D. Brown. – Текст : электронный. – URL : <https://angelsdemons.bib.bz/> (дата обращения: 23.01.2024).

16. Brown, D. Inferno / D. Brown. – Текст : электронный. – URL : <https://inferno.bib.bz/> (дата обращения: 23.01.2024).

17. Brown, D. Origin / D. Brown. – Текст : электронный. – URL : <https://origin.bib.bz/> (дата обращения: 23.01.2024).

18. Brown, D. The Da Vinci Code / D. Brown. – Текст : электронный. – URL : <https://davincicode.bib.bz/> (дата обращения: 23.01.2024).

19. Brown, D. The Lost Symbol / D. Brown. – Текст : электронный. – URL : <https://lostsymbol.bib.bz/> (дата обращения: 23.01.2024).

20. Chen, P. Theorizing untranslatability: Temporalities and ambivalence in colonial literature of Taiwan and Korea / P. Chen. – Текст : непосредственный. // Sage Journals. – 2021. – Vol. 162. – Iss. 1. – P. 62–74.

Collins English Dictionary. – Текст : электронный. – URL : <https://www.collinsdictionary.com> (дата обращения: 23.01.2024).

21. Jaspers, J. Linguistic dilemmas and chronic ambivalence in the classroom: introduction / J. Jaspers. – Текст : непосредственный // Journal of Multilingual and Multicultural Development. – 2020. – Vol. 43 (4). – P. 1–14.

22. Lièvre, F. An ambivalent picture / F. Lièvre. – Текст : непосредственный // The Englishization of Higher Education in Europe. – Amsterdam : Amsterdam University Press, 2021. – P. 97–120.

23. Olsen, G. Ambivalence in activation encounters / G. Olsen. – Текст : непосредственный // European Journal of Social Work. – 2022. – Vol. 25. – P. 564–567.

DOI: 10.47475/9785727119631_133

О.И. БАБИНА / O.I. BABINA

*Южно-Уральский государственный университет
(Челябинск, Россия)*

РЕЧЕВЫЕ АКТЫ В ОЦЕНОЧНОМ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ: ТИПОЛОГИЯ И ЯЗЫКОВЫЕ МАНИФЕСТАЦИИ

SPEECH ACTS IN EVALUATIVE ONLINE DISCOURSE: TYPOLOGY AND LINGUISTIC MANIFESTATION

Аннотация

Статья посвящена выявлению типов речевых актов, функционирующих в оценочном дискурсе, в частности, в жанре интернет-отзыва. Исследование выполнено на материале корпуса текстов отзывов на услуги челябинских частных медицинских центров. В работе мы разделили высказывания интернет-отзыва на три группы: оценочные, мотивировки оценок и контекстные, и определили типичные для них речевые акты. Мы выявили, что различные типы речевых актов связаны с фокусом внимания в интернет-дискурсе, который может быть направлен на адресата-потребителя, адресата-компанию или выражение мыслей и чувств говорящего. В ходе исследования были выявлены случаи гибридных речевых актов и определены типы, допустимые при гибридизации. Результатом исследования стала классификация иллокутивных актов, активных в оценочном интернет-дискурсе, которая может быть использована как схема разметки при подготовке данных для обучения моделей понимания текста.

Abstract

The paper focuses on categorizing speech acts found in evaluative discourse, specifically in the genre of online reviews. The study was based on the text corpus of reviews on private medical centers in Chelyabinsk. During the research, we divided statements of the online reviews into three groups: evaluative statements, motivations of evaluations, and contextual statements, and identified the typical speech acts associated with each group. The research also found that different types of speech acts are linked to the focus in the online discourse, which can be directed towards the addressee-consumer, the addressee-company, or the expression of the speaker's thoughts and feelings. Through the research, cases of hybrid speech acts were identified and the types of speech acts prone to hybridization were determined. The outcome of the research is a classification for illocutionary acts in evaluative online discourse, which can be utilized as an annotation scheme for preparing data for training text understanding models.

Ключевые слова: *иллокутивный акт, оценка, корпус текстов, интернет-отзыв, прагматика, русский язык.*

Keywords: *illocutionary act, evaluation, text corpus, online review, pragmatics, Russian.*

Значительный рост веб-технологий привел к тому, что коммуникация, осуществляемая посредством форумов, социальных сетей, мессенджеров и прочих средств онлайн-общения, заняла прочное место в жизни граждан практически всех развитых государств. Среди различных жанров такой коммуникации выделяется жанр интернет-отзыва, на который все чаще обращают свое внимание лингвисты.

Ученые, выполняющие исследования по определению жанровых особенностей интернет-отзыва, отмечают, что ключевыми функциями такого типа текстов выступают информативная и оценочная [Прибыткова, 2004, с. 11; Говорунова, 2013, с. 201; Былина, 2021, с. 215], при этом оценочная составляющая преобладает или, иногда, полностью поглощает информативную составляющую отзыва [Осетрова, 2014, с. 203].

Жанр отзыва в глобальной сети представляет собой одну из форм существования оценочного интернет-дискурса, определяющим фактором для которого является наличие особой «оценочной ситуации» [Маркелова, 1995], при этом речевое поведение говорящего продиктовано специфическими оценочными интенциями [Миронова, 1997, с. 57], изучение которых входит в сферу прагмалингвистики.

В нашей работе мы задались целью исследовать прагматический аспект оценочного интернет-дискурса, в частности, определить активные речевые акты и их языковые манифестации, посредством которых выражается оценочность в интернет-отзывах. *Речевым актом* в прагмалингвистике называют высказывание, «порождаемое и произносимое с определенной целью и вынуждаемое определенным мотивом для совершения практического или ментального (как правило, адресованного) действия с помощью такого инструмента, как язык/речь» [Формановская, 2002, с. 111].

В зависимости от *иллокутивных целей* [Серль,

1999, с. 230], или *иллокутивных сил* [Остин, 1986, с. 87] высказывания, определяющих намерение говорящего, то, что говорящий хочет выразить своим высказыванием, то, как это высказывание «следует воспринимать» [Остин, 1986, с. 70], среди речевых актов выделяют различные типы. Дж. Остин в результате анализа семантики перформативных глаголов, выделил: *вердиктивы* (суждения, вердикты, а также оценки, мнения, одобрение), *экзерситивы* (акты, реализующие проявление власти, в которых предписываются, разрешаются или запрещаются какие-либо действия), *комиссивы* (акты принятия на себя обязательств, включая обещания, заявления о намерениях, одобрения, возражения, принятие чьей-то стороны), *бехабитивы* (акты, определяющие социальное поведение, включая извинения, поздравления, а также проклятия, оспаривания, жалобы, критику, похвалу и проч.), *экспозитивы* (разъяснения аргументов через утверждения, доказывание, иллюстрации, допущения, предсказания и прочие) [Остин, 1986, с. 119-129]. Дж. Серль, пересмотрев основания для классификации иллокутивных актов, предложил следующие типы: *репрезентативы* (сообщение о положении дел, призванное зафиксировать ответственность говорящего за истинность сообщаемого); *директивы* (иллокутивная цель включает попытку говорящего выполнить некоторое действие); *комиссивы* (иллокутивная цель в том, что говорящий принимает на себя обязательство совершить некоторое действие в будущем); *экспрессивы* (иллокутивная цель состоит в том, чтобы выразить психологическое состояние говорящего, в том числе этикетные высказывания – извинения, поздравления, соболезнования и т.п.), *декларации*, или *декларативы* (осуществление речевого акта приводит к изменению положения дел в реальном мире) [Серль, 1999, с. 240-247]. Н. И. Формановская добавляет к этой классификации еще

классы рогативов (вопросы) и контактивов (речевые действия, предписываемые этикетом, которые Дж. Серль включал в класс экспрессивов), оставляя за экспрессивами функцию выражения эмоций [Формановская, 2002, с. 117]. В работе [Городникова, 1998] речевые действия подразделяются на информирующие (включающие сообщение, обещание, согласие, отказ, недовольство), побудительные (в том числе просьба, указание, требование, приглашение, предложение, рекомендация, предостережение, угроза, упрек), оценочно-модальные (сочувствие, ободрение, облегчение, радость, удивление, сомнение, разочарование, похвала/одобрение, отказ/неодобрение, возмущение), контактивные (приветствие, обращение, представление/знакомство, прощание, благодарность, извинение, поздравления, соблаговолечения), меткоммуникативные (вступление в разговор, сигналы поддержания речевого контакта, уход от ответа, уточнение, оценка высказывания и проч.). В результате масштабной работы, в СПбГУ была создана информационная система коммуникативных сценариев спонтанной русской речи, которая включает размеченный корпус речевых актов [Методика, электронный]. В разработанной схеме разметки посредством расширения классификации И. Н. Борисовой [Борисова, 2019] были выделены следующие типы речевых актов:

- репрезентативы: выполняющие операции с информацией (дескриптивы, заявления, констативы, нарративы, напоминания, объявления, рогативы, реализующие запрос информации, ответы на вопросы, сообщения, экспликативы, в т.ч. аргументирование, иллюстрирование, вывод, объяснение, рассуждение и т.д.);
- директивы: каузативы, направленные на изменение эмоций, установок слушающего, побуждение его к действию (приглашение, запрет, разрешение, приказ, просьба, совет, требование, убеждение, утешение и прочие);
- комиссивы: действия, связанные с принятием на себя обязательств (обещание, заявление о намерениях, отказ / согласие на просьбу / предложение, признание вины, ручательство и др.);
- экспрессивы, которые включают:
  - о эмотивы – выражающие чувства и эмоции (удовольствие, недовольство, обида, радость, печаль, положительные эмоции, отрицательные эмоции);
  - о этикетные высказывания (благодарность, извинение, прощание, приветствие, пожелание, поздравление, сочувствие и другие);
  - вердиктивы, которые включают:
    - о валюативы, выражающие оценочные суждения (возражение, суждение / оценка, дискус-

сия, осуждение, сомнение, жалоба, иронизирование, комплимент, лесть, обвинение, обличение, оправдание и другие);

- о суппозитивы, выражающие мнение-допущение (допущение, предположение, предостережение, предупреждение, опасение и другие);

- регулятивы, выполняющие фатические речевые действия (заполнители пауз, изменение темы, речевая поддержка, подтверждение наличия понимания, переспрос, уточнение, привлечение внимания и прочие).

Рассмотренные классификации послужили основой нашего исследования речевых актов, активных в оценочном интернет-дискурсе. Материалом данного исследования выступила выборка из корпуса русскоязычных текстов отзывов об услугах челябинских частных медицинских центров, собранного с сервиса 2GIS. Объем корпуса составил 200 тыс. словоупотреблений, из которого методом случайной выборки были отобраны и подвергнуты анализу 1 тыс. высказываний. В выборку вошли полные тексты отзывов, разбитые на высказывания, реализующие отдельные речевые акты.

Дж. Остин в структуре речевого акта выделил три составляющие: локутивный акт (произнесение высказывания), иллокутивный (определяемый иллокутивными силами) и перлокутивный (достижение цели, вызывание эмоций и т.п. в результате говорения) акты [Остин, 1986, с. 92-93]. В зависимости от того, является ли речевое действие иницирующим общением или реакцией (эффектом) на высказывание собеседника, речевые акты могут быть также подразделены на иллокутивные и перлокутивные. Например, просьба – иллокутивный акт, отказ в просьбе – перлокутивный, предполагающий присутствие предшествующего ему иллокутивного акта.

Спецификой реализации речевого акта в интернет-отзыве является то, что адресат высказывания не является непосредственным участником коммуникации. В связи с этим, речевые акты отзыва реализуют лишь намерения говорящего, иллокутивны по своей природе. Перлокутивные акты (речевые акты-реакции), фактически, исключаются (они могут быть реализованы в жанре комментариев к отзывам, который в данной работе не рассматривается).

Особенностью интернет-отзыва также является то, что адресатом выступают две категории участников. Во-первых, это потенциальный потребитель услуг медицинского центра (объекта оценки). Во-вторых, администрация и сотрудники самого центра. В каждом отдельном высказывании обе категории адресата учитываются, однако фокус внимания может смещаться в

сторону одного или другого. То есть говорящий может оценивать аспекты работы клиники, прямо или косвенно предостерегать или рекомендовать ее услуги потребителю (фокус на потребителе, одновременно высказывание является сигналом администрации для принятия управленческих решений), либо обращается к сотрудникам клиники, например, с благодарностью или экспрессивными высказываниями недовольства (фокус на сотрудниках центра, одновременно потребителю предоставляется информация об оценке центра говорящим). Например,

Так что на медосмотр советую смело идти именно туда. (фокус на потребителе услуг)

Где парковка для клиентов?? Ребята, одумайтесь! (фокус на сотрудниках центра)

Кроме того, сам говорящий, его мнения и чувства могут находиться в фокусе внимания (наиболее ярко это проявляется в эмотивных экспрессивах).

В интернет-отзыве несомненным намерением говорящего является выражение отношения к объекту оценки. Следовательно, мы можем принять априори, что каждое элементарное высказывание (в составе высказывания-текста) представляет собой реализацию этого намерения.

Намерение в текстах отзыва реализуется посредством высказываний, которые по их цели можно разделить на следующие категории: 1) собственно оценочное высказывание, содержащее легко считываемую оценку в отношении клиники в целом или отдельного аспекта; 2) сообщение, носящее фактуальный (дескриптивный) характер, которое направлено на обоснование вынесенных оценочных суждений. Е.М. Вольф называет такие обоснования «мотивировками»; они выходят за пределы модальной рамки оценки, но могут указывать на аспект оценки и усиливать иллюкутивные силы эмотивных высказываний [Вольф, 2020, с. 117-121]. Мотивировки обладают сниженной потенцией к выражению оценочной составляющей или лишены его вовсе; 3) контекст, где говорящий описывает ситуацию, в рамках которой формировалась его оценка объекта. Контекстные высказывания не содержат оценочного компонента. Их функция заключается в предоставлении своего рода аргументации, повышающей достоверность оценочных высказываний.

Собственно оценочные высказывания в интернет-отзывах выражаются в форме эмотивных экспрессивов, отражающих эмоции говорящего. Приведем примеры манифестации различных эмоций, выделив здесь и далее аффективные лексические средства, маркирующие оценку:

Врач просто класс! (восторг)

Ужасно! Ответственности ноль! (возмущение)

На этом, слава Богу, наши отношения закончились... (облегчение)

Где логика? (недовольство)

Спасибо девочкам на ресепшене и медсестре Татьяне! (благодарность)

Содержательная трактовка экспрессивов может быть неоднозначна, и интерпретируема только с опорой на соседние оценочные высказывания. Например,

Операция прошла так, что я ничего не поняла даже! (? удовольствие / недовольство) *Вышла из операционной с улыбкой на лице.* (удовольствие)

Среди эмоций, отраженных в эмотивных экспрессивах в интернет-отзывах, мы выделили следующие: восторг, удовольствие, безразличие, недовольство, возмущение, интерес, отвращение, облегчение, сожаление, удивление, благодарность. Манифестируются экспрессивы посредством преимущественно восклицательных предложений, содержащих аффективную лексику, а также в форме риторических вопросов.

Еще одним частым способом репрезентации оценок являются репрезентативы, представленные, в основном, дескриптивами, а также нарративами и экспликативами (включая иллюстрирование, обоснование), выраженными повествовательными и иногда восклицательными предложениями:

Лор, кстати, принимает в детском отделении взрослых пациентов. (дескриптив)

Утром мне перезвонили и записали на удобное время. (нарратив)

Я заплатила деньги (нарратив) *и хочу получить нормальный сервис, уже не говорю о хорошем!* (экпликатив-обоснование)

Оценочно маркированные вердиктивы-валюативы особенно часты в корпусе интернет-отзывов. Реализуются через такие подтипы речевых актов, как упрек, сомнение, иронизирование, одобрение, неодобрение, квалификатив, выражение желания. Например,

Короче, впечатление от клиники отрицательное. (квалификатив)

Вы с клиентов деньги берете, причем немаленькие! (упрек)

Естественно, главврач – это местный депутат. Кто бы сомневался?! (иронизирование)

Иногда также оценочная семантика реализуется в высказываниях, реализующих вердиктивы-суппозитивы, включая допущения, предположения, предостережения, предупреждения, опасения, предсказания, надежду.

Не знаю всегда здесь так или нет, может мне не повезло. (допущение)

Думаю, многие того же мнения. (предположение)

Нужно запастись мешком денег, прежде чем решиться переступить порог этого заведения... (предостережение)

Комиссивы, в которых реализуется оценочная семантика в интернет-отзывах, ограничиваются, преимущественно, заявлениями о намерениях:

Больше туда ни ногой!

Теперь если лечиться – только в <Название>!

Оценочные отношения в отзывах реализуются также через директивы, преимущественно суггестивы (рекомендации, советы, пожелания), иногда реквестивы (предложения, призывы, просьбы, заклинания, заверения) и прескриптивы (требования). Например,

За такой прием, я требую вернуть деньги. (требование)

Ребята, одумайтесь! (призыв)

Желаю здоровья и благополучия Наталье Николаевне! (пожелание)

Тут помогут. (заверение)

Рекомендую крутого специалиста отоларинголога <Фамилия>, (рекомендация) максимально грамотный подход к работе. (экспликатив-обоснование)

Последний пример представляет комплексный речевой акт, содержащий собственно оценочный рекомендательный акт и его мотивировку, обоснование рекомендации. Это демонстрирует частый прием, обусловленный максимумом пользы отзыва для определенной категории адресатов, что предписывает включение в него фактуальной информации, аргументации, объяснения того, что именно стало причиной положительного или отрицательного отношения автора отзыва к объекту оценки. Вероятно, в оценочном интернет-дискурсе соблюдение этого правила приобретает особую значимость и продиктовано фактором уровня доверия адресата-потребителя услуг к источнику отзыва. В общем случае автор отзыва – незнакомый адресату человек. Поэтому восприятие содержания отзыва реципиентом осуществляется в условиях неопределенности в отношении следующих аспектов:

- искренность говорящего, его истинные намерения;
- уровень совпадения аксиологических картин мира говорящего и адресата.

В связи с этим, в дискурс включаются мотивировки в подтверждение вынесенных квалификативных суждений говорящего, носящие фактуальный (дескриптивный) характер. Мотивировки часто тоже имеют оценочную семантику, усиливая положительную или отрицательную оценку, эксплицитованную в соответствующем оценочном высказывании. Однако, они могут быть и ли-

шены явных лексических маркеров оценки:

История болезни и медкарта с анализами и снимками распечатана, (мотивировка) т.е. не надо расшифровывать почерк врачей, чтобы хоть что-то понять в карте. (оценочное высказывание)

Мотивировки представлены преимущественно экспликативами или дескриптивнами, описывающими характеристики докторов, вспомогательного персонала или ситуации, связанной с посещением центра.

Контекстные высказывания в интернет-отзывах дают представление о референтной ситуации, в пределах которой была сформирована оценка. Например,

Прием в <Название> был в субботу (контекст), в итоге в понедельник пошли в другую поликлинику. (оценочное высказывание)

Контекстные высказывания лишены оценочной модальности, представляются преимущественно нарративами:

Были с ребёнком (3 года) на приеме у лор-врача <Фамилия И.О.>, на приеме были 45 минут. (нарратив)

Хотя иллокутивные акты в контекстных высказываниях оценочно нейтральны, вместе с тем, в ракурсе перлокуции, они могут мотивировать у адресата-потребителя формирование индивидуального отношения к объекту. Так, в приведенном примере, время приема, в зависимости от отношения адресата ко времени, может оцениваться как «слишком долго» (что плохо) или как «достаточно долго, чтобы провести тщательный осмотр и поставить диагноз» (что хорошо).

К контекстным высказываниям также могут быть отнесены контактивы приветствия и обращения, иногда встречающиеся в отзывах.

Следует отметить, что для отдельных типов речевых актов регулярно в фокусе внимания находится либо бенефициант отзыва (потребитель), либо адресат-поставщик услуг. Так, советы ориентированы на потребителей, а требования – на представителей центра.

Можно заметить, что оценочные речевые акты реализуются преимущественно как косвенные речевые акты: риторические вопросы используются для выражения положительных или отрицательных эмоций; крайне редко используются лексические единицы с семантикой, отражающей содержание речевого акта. Оценочный компонент во всех речевых актах манифестируется посредством аффективных слов или через описание характеристик, сопоставляемых с социально обусловленной нормой для соответствующего признака.

Кроме того, для оценочного интернет-дискурса характерно присутствие так называемых

Таблица

Типы и подтипы речевых актов в оценочном интернет-дискурсе

Контактив	Репрезентатив	Экспрессив	Директив	Вердиктив		Комиссив
				Валюатив	Суппозитив	
<i>Приветствие</i> Обращение	Дескриптив	Восторг Удовольствие	- Суггестив: <i>Рекомендация</i> <i>Совет</i>	Квалифика- тив	Допущение	Заявление о намерениях
	Экспликатив- обоснование Экспликатив- иллюстрация	Безразличие Недовольство Возмущение Интерес Отвращение	Пожелание - Реквестив: Предложение Призыв Просьба <i>Заклинание</i> <i>Заверение</i>	Одобрение Неодобрение Сомнение Выражение желания	Предполо- жение <i>Предосте- режение</i> Опасение Предсказа- ние Надежда	
	Нарратив	Облегчение Сожаление Удивление Благодарность	- Прескриптив: Требование	Упрек Иронизиро- вание		
Собственно оценочное высказывание						
	Мотивировка					
Контекстное высказывание						

гибридных речевых актов, определяемых как структуры, в которых в рамках одной пропозиции реализуются одновременно различные речевые акты [Конрад, 1985]. Например,

Привлекает многопрофильность клиники и приемлемые цены на услуги. (одобрение + дескрипция)

А работаете на уровне совдепа! (упрек + дескрипция)

Но за отсутствие очередей, приветливый персонал и качественное лечение простительно. (одобрение + экспликатив-обоснование)

Как правило, гибридной структурой характеризуются высказывания, направленные на одновременное выполнение информирующей и оценочной функции и, соответственно, представляющие репрезентативы в сочетании с вердиктивами-валюативами.

Выявленная нами в зависимости от намерения говорящего типология речевых актов, функционирующих в собственно оценочных высказываниях, мотивировках и контекстных высказываниях в оценочном интернет-дискурсе, представлена в таблице. В таблице речевые акты, сфокусированные на адресате-медцентре, выделены полужирным; на адресате-потребителе услуг – курсивом; обычным шрифтом показаны речевые акты, которые сфокусированы на самом говорящем, выражении его мнения. В последнем случае, адресат, хотя и предполагается, однако в этих актах вторичен.

Таким образом, в ходе данной работы, целью которой было выявить прагматические способы представления оценочности в интернет-дискурсе, мы изучили речевые акты, функционирующие в текстах интернет-отзывов. В данном исследова-

нии, высказывания в корпусе мы подразделили на три группы, в том числе собственно оценочные, мотивировки оценок и контекстные. Полученные данные позволили нам определить типы речевых актов, типичные для высказываний каждой из этих категорий. Кроме того, отдельные подтипы речевых действий коррелируют с фокусом внимания в высказываниях интернет-дискурса, который может быть направлен на адресата-потребителя, адресата-компанию (объект оценки в отзыве), или с автофокусом на выражении мыслей и чувств говорящего в отношении своего опыта взаимодействия с медцентром. Данная типология может быть полезна для подготовки лингвистических данных с прагматической разметкой, которая, как мы полагаем, может способствовать повышению качества языковых моделей, ориентированных на понимание смысла текста.

Список литературы

1. Борисова, И. Н. Русский разговорный диалог. Структура и динамика / И. Н. Борисова. – Изд. стереотип. – М. : URSS, 2019. – 318 с. – Текст : непосредственный.
2. Былина, Э. Ю. Коммуникативно-прагматические аспекты жанра интернет-отзыва / Э. Ю. Былина. – Текст : непосредственный // Балтийский гуманитарный журнал. – 2021. – Т. 10, № 4 (37). – С. 215–220.
3. Говорунова, Л. Ю. Отзыв туриста как новый речевой жанр туристического интернет-дискурса / Л. Ю. Говорунова. – Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 1 (292). – С. 198–203.

4. Городникова, М. Д. Немецко-русский словарь речевого общения / М. Д. Городникова, Д. О. Добровольский. – М. : Русский язык, 1998. – 332 с. – Текст : непосредственный.
5. Конрад, Р. Вопросительные предложения как косвенные речевые акты / Р. Конрад. – Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике : сб. ст. – Вып.16. – М., 1985. – С. 349–383.
6. Маркелова, Т. В. Семантика и прагматика средств выражения оценки в русском языке / Т. В. Маркелова. – Текст : непосредственный // Филологические науки. – 1995. – № 3. – С. 67–79.
7. Методика аннотирования речевых актов. – Текст : электронный. – URL: http://ord-corpus.srbu.ru/communication/p_01_03.html (дата обращения: 03.02.2024).
8. Миронова, Н. Н. Дискурс-анализ оценочной семантики: учеб. пособие по языкознанию (немецкий язык) / Н. Н. Миронова. – М. : Тезаурус, 1997. – 158 с. – Текст : непосредственный.
9. Осетрова, Е. В. Речевой жанр отзыва в коммуникативной практике интернет-сообщества / Е. В. Осетрова. – Текст : непосредственный // Медиалингвистика. – 2014. – № 3. – С. 200–204.
10. Остин, Дж. Л. Слово как действие / Дж. Л. Остин ; пер. с англ. А. А. Медниковой. – Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17. Теория речевых актов. – М., 1986. – С. 22–130.
11. Прибыткова, С. А. Семантико-прагматические особенности электронной рецензии как вторичного текста (на материале английского языка) : автореф. дис. ... канд. филолог. наук : 10.02.04 / С. А. Прибыткова. – Тамбов, 2004. – 24 с. – Текст : непосредственный.
12. Серль, Дж. Р. Классификация иллокутивных актов / Дж. Р. Серль. – Текст : непосредственный // Зарубежная лингвистика. – М., 1999. – Т. 2. – С. 229–253.
13. Формановская, Н. И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход : учеб. пособие для студентов вузов / Н. И. Формановская ; Гос. ин-т рус яз. им. А. С. Пушкина. – М. : Рус. яз., 2002. – 213 с. – Текст : непосредственный.

DOI: 10.47475/9785727119631_139

Е.С. БАЛАНДИНА / E.S. BALANDINA
Южно-Уральский государственный университет
(Челябинск, Россия)

ОСОБЕННОСТИ ГЛАГОЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ДИСКУРСЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ПРОСТРАНСТВА

PECULIARITIES OF VERBAL CONSTRUCTIONS IN DISCOURSE OF GEOGRAPHICAL SPACE DESCRIPTION

Аннотация

Статья посвящена анализу глагольных конструкций в дискурсе географического описания пространства. Актуальность исследования обусловлена дискурсивной парадигмой современной лингвистики, в рамках которой проводятся многочисленные исследования, посвященные анализу разнообразных типов дискурса и выделению их значимых характеристик на различных языковых уровнях. Научная новизна заключается в том, что в нем впервые предпринимается попытка детально изучить особенности употребления глагольных конструкций в дискурсе географического описания пространства. Материалом статьи послужил корпус текстов, посвященных описанию географического пространства материков и океанов. С помощью методов семантического, корпусного и дискурс анализа были выявлены ключевые особенности функционирования конструкций с глаголами 'занимать', 'находиться' и 'располагаться'. В результате исследования были представлены их семантические характеристики, выявлены частотные словоформы, выделены участники действия, типичные коммуникативные модели и синтаксические особенности.

Abstract

The article aims to analyse verbal constructions in discourse of geographical space description. The relevance is explained by the paradigm of modern linguistics and the tendency to arrange numerous discourse studies in order to investigate various types of texts and highlight their significant characteristics on various linguistic levels. Scientific novelty lies in the fact that it was the first attempt to study peculiarities of verbal

constructions in the discourse of geographical space description. To organize the research the corpus of texts devoted to the description of continents and oceans was compiled. The key features of combinations with verbs 'занимать', 'находиться' and 'располагаться' were revealed by means of semantic, corpus and discourse analysis. As a result, the author presented semantic peculiarities of the analysed verbs, the frequency list of their word-forms, specified the main participants, typical communicative models and other syntactic features.

Ключевые слова: дискурс, корпус, географическое пространство, глагольные конструкции, семантическая группа 'существование и местонахождение', синтаксические особенности.

Keywords: discourse, corpus, geographical space, verbal constructions, semantic group 'existence and location', syntactic features.

Дискурс географического описания представляет особый вид дискурса, направленный на детальное описание территориальных особенностей пространства. Его ключевыми концептами являются различные географические образы, представляющие структурно сложные и неоднородные ментальные образования, которые раскрываются через разнообразные языковые средства, функционирующие на всех уровнях языка [Замятин, 2000]. На лексическом уровне особое значение приобретают единицы, выполняющие информационную и коммуникативную функцию, к которым, в первую очередь, относятся глаголы и существительные. Анализ именно этих групп лексем дает возможность понять ключевую линию повествования и проследить важные характеристики того или иного типа дискурса. В нашей статье мы обращаемся к анализу глаголов. Они представляют содержательно самую сложную, но в то же время емкую категорию, поскольку в их семантике заключено два основных макрокомпонента: лексический и грамматический [Ибрагимова, 2014].

Цель представленной статьи заключается в анализе семантических характеристик частотной группы глаголов «существование и местонахождение» в дискурсе географического описания и выявлении особенностей их синтаксического употребления. Обращение к данной теме обусловлено тем, что глагольные конструкции выполняют ключевую роль в формировании дискурса, а их анализ позволяет выделить базовые модели описания пространства и специфику лексико-семантических отношений внутри текста.

Материалом исследования послужили учебные издания, посвященные описанию географического пространства материков и океанов. В ходе подготовки к исследованию был составлен корпус общим объемом 787456 токенов. С помощью программного обеспечения LancsBox мы отобрали наиболее частотные группы глаголов, которые были детально исследованы с помощью методов семантического, корпусного и дискурс анализа.

Глаголы семантической группы «существование и местонахождение» являются одними из самых встречаемых при описании пространства. Ядро данной группы представлено глаголами *занимать*, *находиться* и *располагаться* частотность которых в корпусе составила 932, 658 и 582 единицы соответственно.

Специфика употребления этих лексических единиц состоит в том, что в текстах исследуемой тематики, несмотря на свою многозначность, они используются главным образом в значении, связанном с пространственным отношением, тогда как другие семы либо не находят отражения в анализируемом дискурсе, либо представлены единичными примерами.

Глагол *занимать*:

Основное лексическое значение в исследуемом контексте:

- *Занимать* – *заполнять собой какое-нибудь пространство, место, помещаться где-нибудь* [Ефремова, 2000].

Следует отметить, что глагол *занимать* встречается в дискурсе не только в значении '*заполнение пространства*', но и в значении '*всецелого поглощения*', (6% от общего употребления) или '*заинтересованности*' (3% от общего употребления). Представленные семы находят отражение как при описании временного влияния внешних факторов на состояние территории, так и в случае упоминания специфики деятельности людей или местного населения.

- *Южная часть Урала зимой находится, главным образом, под влиянием холодных континентальных воздушных масс.*

- *Но местное население традиционно занимается рыболовством.*

В рассматриваемом корпусе были отмечены и примеры актуализации семы '*замещения или овладения территорией*':

- *В таких условиях типично лесные ландшафты начинают замещаться лесостепными. Леса продолжают занимать хорошо дренируемые и более увлажненные местообитания по склонам возвышенностей, по высоким правобережьям рек.*

Семы, отсутствующие в анализируемом типе дискурса: 1) *сема временного пользования* 2) *сема замещения должности или какого-либо положения в обществе* (Словарь Ушакова).

Глагол *находиться*:

Основное лексическое значение в исследуемом контексте:

- Находиться – *быть, располагаться, иметь место* [Ефремова, 2000].

Глагол *находиться* также может использоваться в значении ‘*обнаружения чего-либо*’, но подобные примеры составляют только 4% употреблений в составленном корпусе:

- Среди лесов Русской ныне практически нельзя найти места, где бы не сохранилось следов лесного пожара.
- В ископаемых льдах находятся останки мамонтов, носорогов и растений. Например, полярный исследователь Э.В. Толь в 1893 г. нашел на Ляховских островах ольху, на которой сохранились листья.

В анализируемом дискурсе встречаются и предложения, где раскрываются сема ‘*пробывания в каком-либо состоянии*’ (2% употреблений) и сема ‘*выхода из какого-либо положения*’ (1%):

- Южнее Кроноцкой сопки, в долине реки Гейзерной, есть 22 крупных действующих гейзера. Самый большой из них – Великан – отличается четко выраженной периодичностью своей деятельности: в течение четырех часов он находится в состоянии покоя, затем на протяжении четырех минут выбрасывает фонтан горячей (95-97°) воды.
- Котловины-больсоны являются часто местными бассейнами внутреннего стока, где потоки со склонов исчезают в собственных наносах. Даже если они успевают найти выход из больсонов, ниже они теряются в песках, соленых болотах или озерах, которые оказываются на их пути.

Сема, отсутствующая в анализируемом типе дискурса: *сема случайного появления*.

Глагол *располагаться*:

Основное лексическое значение в исследуемом контексте:

- Располагаться – *занимать место, размещаться* [Ефремова, 2000].

В текстах географического описания находит отражение и сема ‘*обладания*’, хотя ее частотность составляет только 3%:

- В целом Россия располагает огромными запасами практически всех видов полезных ископаемых.

Семы, отсутствующие в анализируемом типе дискурса: 1) *иметь намерение* 2) *обосновываться где-либо на жизнь или отдых*.

Следовательно, мы можем сделать вывод, что к ключевым особенностям глаголов *занимать*,

находиться и *располагаться* можно отнести их четко ориентированные значения ‘*существования и местонахождения*’, характерные именно для текстов географического описания. Таким образом, дальнейший анализ будет построен именно с акцентом на глагольные конструкции с данным лексическим наполнением.

К наиболее частотным словоформам глаголов мы можем отнести следующие:

- Занимать (инфинитивная форма 21 употребление) – *занимают* (454 употребления), *занимает* (368 употреблений), *занимали* (39 употреблений), *занимал* (16 употреблений), *занимала* (9 употреблений).
- Находиться (инфинитивная форма 18 употреблений) – *находится* (364 употребления), *находятся* (212 употреблений), *находился* (23 употребления), *находилась* (13 употреблений), *находились* (9 употреблений).
- Располагаться (инфинитивная форма 6 употреблений) – *располагается* (297 употреблений), *располагаются* (203 употребления), *располагались* (27 употреблений), *располагалась* (11 употреблений), *располагался* (8 употреблений).

Использование глаголов в настоящем времени в форме 3 лица единственного или множественного числа обусловлено спецификой повествования, когда объектом описания становится либо какой-то (географический) объект, либо группа объектов, позиция которых определяется в пространстве.

Особенность глагольных конструкций с данными лексемами состоит в том, что в изучаемом контексте глаголы используются в окружении двух участников действия: объекта и места. Первый участник, выраженный подлежащим, представляет определенный географический объект, находящийся в центре внимания автора, тогда как второй участник – место, занимает в глагольной конструкции позицию локатива.

- Пустыни (географический объект) занимают обширные территории суши (локатив).
- Северная Земля (географический объект) находится в самой узкой части арктического шельфа (локатив).
- Месопотамия (географический объект) располагается в предгорном прогибе (локатив), выполненном мощной молассовой толщей палеогеновых, неогеновых и четвертичных отложений.

Следует отметить, что в анализируемых текстах локализация в глагольных конструкциях данной семантической группы представляется не как какое-либо временное местонахождение объекта описания, а чаще всего выступает в качестве устойчивого во времени и пространстве положения объекта.

Синтаксическая особенность исследуемых моделей заключается в том, что для выделенных глаголов участник-объект является обязательным элементом конструкции и никогда не подвергается эллипсису. Участник-место также составляет важный элемент, однако в случае с глаголом *находиться*, в редких случаях, он может быть опущен при условии его упоминания в предшествующем контексте. Таким образом, мы можем наблюдать пример анафорического эллипсиса.

- *Запад средней Греции* (локатив) – *продолжение складчатой системы Эпира, сниженной по высоте; восток относится к Македонскому эпигерцинскому срединному массиву. Преобладают кристаллические короткие глыбовые массивы, тектонические котловины и* (анафорический эллипсис) *находится важнейший район Греции – Аттика* (географический объект).

Обращаясь к коммуникативным моделям исследуемых конструкций, можно отметить, что глаголы *занимать* и *находиться* могут употребляться в предложениях, построенных по схеме: объект описания = тема предложения:

- *Высокогорная зона занимает в горах Забайкалья сравнительно небольшую площадь.*

- *Олонезская возвышенность находится к западу от Онежского озера.*

- *Острова располагаются в пределах Тихоокеанского геосинклинального пояса.*

В то же время модель с инверсией также является допустимой. При этом глаголы *находиться* и *располагаться* встречаются в инверсионной модели чаще глагола *занимать*, который активно используется в прямой модели построения предложения.

- *Большие площади занимает вечная мерзлота.*

- *На юго-востоке Сицилии находится известняковое плато Иблеи (985 м).*

- *На таких «семи холмах» располагается город Рим.*

Еще одной семантической особенностью представленных конструкций является отсут-

ствии отрицания с частицей *не* в случае использования в предложении глаголов в значении 'существование и местонахождение'. Однако если в контексте исследуемого корпуса данные лексемы актуализируют свои периферийные значения, свойственные этому типу дискурса, мы можем встретить и примеры отрицания.

Таким образом, в дискурсе описания географического пространства глаголы *занимать*, *находиться* и *располагаться* чаще всего используются в лексическом значении 'заполнять место, пространство'. Остальные семы, свойственные данным глаголам, составляют периферию и реже раскрываются в географических текстах. К ключевым особенностям данных глагольных конструкций с семой «существование и местонахождение» относятся: наличие двух обязательных участников (участник-объект и участник-место), частотное употребление глаголов в третьем лице настоящего времени в утвердительных предложениях, а также их использование в тематических и рематических коммуникативных моделях.

Список литературы

1. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т. Ф. Ефремова. – Москва : Русский язык, 2000. – 1232 с. – Текст : непосредственный.

2. Замятин, Д. Н. Феноменология географических образов – Текст: электронный // Философско-литературный журнал Логос: [официальный сайт]. – URL: <https://www.ruthenia.ru/logos/kofr/2000/200006.htm> (дата обращения : 20.01.2024)

3. Ибрагимова, В. Л. Глагол в семантическом пространстве лексики / В. Л. Ибрагимова. – Текст : непосредственный // Вестник Башкирского университета. Серия Филология и искусствоведение. – 2014. № 2 (19). – С. 500-505.

DOI: 10.47475/9785727119631_143

Т. М. БОЛЬШАКОВА / Т.М. BOLSHAKOVA

*Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия)*

**ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРЕАМБУЛЫ И ОСОБЕННОСТИ
ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ В ШКОЛЬНЫХ НОРМАТИВНЫХ ТЕКСТАХ
(НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)**

**PRAGMATIC POTENTIAL OF THE PREAMBLE AND PECULIARITIES
OF ITS IMPLEMENTATION IN SCHOOL NORMATIVE TEXTS
(BASED ON THE GERMAN LANGUAGE)**

Аннотация

Основное содержание исследования составляет выявление и описание особенностей процесса актуализации прагматического потенциала преамбул нормативных текстов немецких начальных школ, основными адресатами которых являются учащиеся младшего школьного возраста. Прагматический потенциал преамбулы как особого интродуктивного содержательно-структурного элемента текста определяется как способность оказывать воздействующий эффект на адресата через создание условий для правильного понимания информации, изложенной в основном тексте, и через формирование к ней позитивного отношения. Выявлено, что прагматический потенциал преамбулы актуализируется в исследуемых текстах путем реализации адресантами-нормоотправителями эксплицитно выраженной персуазивной интенции. Ее назначение заключается в том, чтобы с помощью эмоционально-рациональных доводов убедить адресатов принять точку зрения адресанта и побудить их к необходимым посткоммуникативным действиям. Показано, что персуазивная интенция адресантов эксплицируется с помощью различных речевых тактик, которые должны сформировать у детей позитивное отношение к правилам поведения и социального взаимодействия, содержащимся в основном тексте. Сделан вывод о том, что выбор языковых средств, вербализующих тактики, детерминирован особенностями тезауруса целевой аудитории.

Abstract

The main content of the study is the identification and description of the features of the process of actualization of the pragmatic potential of the preambles of normative texts of German primary schools, the main addressees of which are primary school students. The pragmatic potential of the preamble as a special introductory content-structural element of the text is defined as the ability to have an impact on the addressee by creating conditions for a correct understanding of the information presented in the main text, and through the formation of a positive attitude towards it. It is revealed that the pragmatic potential of the preamble is actualized in the texts through the implementation of an explicitly expressed persuasive intention by the addressers. Its purpose is to persuade the addressees to accept the addresser's point of view with the help of emotional and rational arguments and to encourage them to take the necessary post-communicative actions. It is shown that the persuasive intention of the addressers is explicated with the help of various speech tactics, which should be to form in children a positive attitude towards the rules of behavior and social interaction contained in the main text. It is concluded that the choice of linguistic means that verbalize tactics is determined by the features of the thesaurus of the target audience.

Ключевые слова: преамбула, прагматический потенциал, персуазивность, нормативный текст.

Keywords: preamble, pragmatic potential, persuasiveness, normative text.

Введение. Целью исследования является выявление и описание особенностей реализации прагматического потенциала преамбулы в немецких школьных нормативных текстах, манифестирующих речевые жанры *Schulregeln* 'Правила поведения в школе' и *Schulordnung* 'Правила внутреннего распорядка школы' (здесь и далее

перевод автора. – Т.Б.). В своей совокупности они наряду с текстами других жанров формируют школьный нормативный дискурс, понимаемый также как коммуникативно-речевой процесс, в основе которого лежит интенция по нормативному регулированию институционального взаимодействия всех участников педагогического

процесса в различных ситуациях, ограниченных временными и пространственными рамками учебных заведений различных типов, входящих в систему школьного образования современной Германии.

Эмпирический материал настоящего исследования ограничивается только нормативными текстами вышеуказанных жанров, отобранными на веб-сайтах немецких начальных школ. Целевая аудитория таких текстов состоит из учащихся младшего школьного возраста, в социальный статус которых включается роль субъекта нормы. Возрастная специфика когнитивного и психофизиологического развития младших школьников детерминирует текстопорождающую деятельность взрослых коммуникантов, реализующих себя также в роли авторитетов нормы. Эта деятельность носит отчетливо выраженный прагматический характер, актуализующийся в текстах с большей или меньшей интенсивностью при помощи различных языковых средств [Большакова, 2019].

Результаты и обсуждение. В данном исследовании мы опираемся на определение преамбулы как вводной части какого-либо акта, закона или договора, объясняющей причины его принятия или подписания и отражающей целевые, концептуальные, мотивационные, идеологические и др. характеристики нормативного документа [Болдырев, 2014, с. 5]. Функциональный диапазон преамбул представлен волеизъявительной, программно-целевой, ценностно-ориентированной, персуазивной [Батюшкина, 2020, с. 40] и др. функциями. Преамбула, по мнению И. Р. Гальперина, относится наряду с предисловием, введением, «от автора» и прологом к предтекстам, которые «имеют откровенно воздействующее влияние на читателя» [Гальперин, 2007, с. 58]. «Описание целевой установки произведения», содержащееся в определенных видах предтекстов, является проявлением их прагматичности [Там же, с. 59]. Прагматические отношения, в которые вступают адресант при создании преамбулы и адресат при ее декодировании, нередко носят не только интеллектуальный, но и эмоциональный характер. Этому способствует торжественный стиль преамбул, свойственная многим из них пафосность и возвышенность изложения.

Таким образом, прагматический потенциал преамбулы – особого интродуктивного содержательно-структурного элемента текста, эксплицирующего концептуальные, программно-целевые, мотивационные, ценностно-ориентированные и др. установки адресантов, – понимается в настоящей работе как способность оказывать воздействующий эффект на адресата через создание условий для правильного понимания нормативной

информации, изложенной в основном тексте, и формирование к ней положительного отношения.

Наличие преамбулы как вводной части нормативно-правовых документов, как показывает международная юридическая практика, носит, за исключением конституции, необязательный характер [Болдырев, 2014, с. 5]. Говоря другими словами, нормативный текст обладает определенной автосемантией по отношению к преамбуле [Гальперин, 2007, с. 61]: он не теряет своей нормативно-правовой силы и в том случае, если нормоотправитель не сообщает о мотивах и целях, которые лежат в основе создания текста. Этот факт подтверждается и анализом отобранного эмпирического материала.

Так, при изучении структуры школьных текстов были определены четыре группы, включающие в себя текстовые единицы, в которых: 1. основной текст следует сразу за названием текста, определяющим его речевой жанр, например, *Hausordnung*; 2. основному тексту предшествует предтекстовый блок, обозначенный словом *Präambel* ‘преамбула’; 3. основному тексту предшествует предтекстовый блок, озаглавленный словом *Vorwort* ‘предисловие’; 4. основному тексту предшествует предтекстовый блок, не имеющий заголовка. К анализу были привлечены тексты второй, третьей и четвертой групп, содержащие предтексты, как озаглавленные словами *Präambel* и *Vorwort*, так и не имеющие заголовков. Функции, выполняемые последними в школьных нормативных текстах, их тематические, функционально-прагматические и лингвостилистические особенности позволяют рассматривать их в качестве преамбул.

Прагматические характеристики преамбул в анализируемых текстах отражают интенцию взрослых адресантов, направленную на убеждение детей-адресатов в необходимости выполнения правил социального взаимодействия через обоснование их важности и полезности как для каждого школьника, так и для школьного социума в целом, и на побуждение реципиентов к посткоммуникативным действиям в соответствии с нормативной поведенческой моделью. Эта прагматическая интенция, вербализующаяся с помощью различных аргументативных моделей, может быть обозначена как персуазивная [Голоднов, 2008, с. 114]). Анализ текстов показывает, что нормоотправители, предпочитающие эксплицитно заявлять о мотивах и целях, побуждающих их формулировать нормы, и стремящиеся добиться при этом оптимального прагматического эффекта, располагают определенным инвентарем персуазивных тактик и языковых средств, кодирующих данные тактики на предтекстовом уровне.

Персуазивность в преамбулах нормативных текстов различных начальных школ реализуется с помощью таких тактик, как, например, тактика апелляции к целям пребывания детей в школе (*Wir gehen in unsere Schule, um zu lernen. 'Мы ходим в нашу школу, чтобы учиться'*); тактика эксплицитной прямой адресации и тактика интимизации общения (*Liebe Schülerin, lieber Schüler! Alle möchten sich in der Schule wohlfühlen. Dazu muss jeder seinen Teil beitragen, auch du! 'Дорогая ученица, дорогой ученик! Все хотели бы чувствовать себя в школе комфортно. Каждый должен внести в это свой вклад, и ты тоже!'*); тактика конструирования коллективной идентичности (*Gemeinsam mit allen kannst du hier Schönes und Wichtiges lernen, dich wohlfühlen und Neues erfahren. 'Вместе со всеми ты можешь изучать здесь прекрасные и важные вещи, чувствовать себя комфортно и узнавать новое'*); тактика апелляции к приоритетным ценностям школьного социума (*Unsere Schulregeln sollen das friedliche Zusammenleben aller Kinder an unserer Schule fördern. 'Наши школьные правила должны способствовать мирному сосуществованию всех детей в нашей школе'*) и др.

Как следует из примеров, актуализация персуазивной интенции нормоотправителей обеспечивается в преамбулах использованием разноуровневых средств, участвующих в вербализации указанных выше тактик. Так, морфологический уровень представлен кванторными местоимениями *alle, jeder*, передающими значение всеобщности, и местоимениями *du* и *dein*, к которым адресанты обращаются, стремясь сократить дистанцию между авторитетом нормы и ее субъектами; притяжательным местоимением *unser*, указывающим на общую принадлежность к школьному социуму. Сюда же относятся глаголы, обозначающие привычные, привлекательные для детей занятия, для адекватного осуществления которых необходимы правила, например, *lernen* 'учиться', *lachen* 'смеяться', *spielen* 'играть', *sprechen* 'разговаривать' и др., а также модальные глаголы, эксплицитно указывающие на необходимость соблюдения правил или выражающие общее желание школьного коллектива создавать комфортную учебную среду.

Лексический уровень представлен в преамбулах словами положительной морально-этической оценки, например, *friedlich* 'мирный', *freundlich* 'приветливый', *respektvoll* 'уважительный', *höflich* 'вежливый', *gerecht* 'справедливый' и др., обще- и частнооценочными предикатами *gut* 'хороший', *ruhig* 'спокойный', *wohl* 'комфортный' и др.

Средства синтаксического уровня оформляют типичные для персуазивных текстов аргумента-

тивные структуры, играющие важнейшую роль в программе воздействия на адресатов через апелляцию к логике. Маркерами отношений обусловленности, связывающих аргумент и тезис, выступают причинные (*weil, denn*) и следственные союзы (*deshalb, deswegen*), союз цели *damit* и инфинитивные конструкции *um...zu*.

Синграфемный уровень представлен восклицательным знаком, придающим высказываниям особую экспрессивность и оказывающим тем самым влияние на эмоциональную сферу адресата.

Выводы. Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы. Во-первых, преамбула как интродуктивный содержательно-композиционный элемент нормативного текста, предназначенный для экспликации целеустановки адресанта, обладает неотъемлемым прагматическим потенциалом. Отсутствие преамбулы в анализируемых текстах не влияет на их нормативную действенность, однако ее наличие со всей очевидностью повышает их воздействующую силу, обоснованность и убедительность. Во-вторых, реализация прагматического потенциала преамбулы в текстах немецкого школьного нормативного дискурса демонстрирует отчетливо выраженные особенности. Взрослые адресанты стремятся предоставить младшим школьникам убедительные доводы в пользу постулируемых поведенческих норм, которые создаются для поддержания бесконфликтной, мирной и безопасной учебной среды. Эта интенция находит свое отражение в различных персуазивных тактиках, реализация которых преследует цель достичь оптимального прагматического эффекта через формирование у детей положительного отношения к правилам поведения и правилам социального взаимодействия, содержащимся в основном тексте. В-третьих, в процессе создания текстов нормоотправители конкретизируют свою целевую аудиторию – детей младшего школьного возраста. Использование разноуровневых языковых средств, входящих в состав тезауруса учащихся, отражает стремление адресантов понятным и доступным языком донести до адресатов необходимую информацию.

Список литературы

1. Батюшкина, М. В. К вопросу о жанровых особенностях конституционных преамбул / М. В. Батюшкина // Жанры речи. – 2020. – № 2 (26). – С.136–145. – Текст : электронный. – URL : <https://doi.org/10.18500/231107402020226136145> (дата обращения : 12.01.2024).
2. Болдырев, С. Н. Преамбула как прием юридической техники / С. Н. Болдырев. – Текст : не-

посредственный // Юристъ-Правоведъ. – 2014. – № 5 (66). – С. 5–8.

3. Большакова, Т. М. Квазиэгоцентризм как прием коммуникативно-речевого построения нормативного текста (на примере нормативных текстов немецких начальных школ) / Т. М. Большакова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Том 12. Выпуск 12. – С. 226–230. – Текст : электронный. – URL : <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.12.44> (дата обращения : 12.01.2024).

4. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – 5-е изд., стереотип. – Москва : КомКнига, 2007. – 144 с. – (Лингвистическое наследие XX века). – Текст : непосредственный.

5. Голоднов, А. В. Персуазивная стратегия текстообразования в риторическом метадискурсе / А. В. Голоднов. – Текст : непосредственный // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. И. Пушкина. – 2008. – № 4 (18). – С.113–125.

DOI: 10.47475/9785727119631_146

Е.В. ВИКТОРОВА / E.V. VIKTOROVA

*Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)*

ДИСКУРСИВНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В МЕДИАДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОССИЙСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ СМИ)

DISCOURSE REPRESENTATION OF REALITY IN MEDIA DISCOURSE (BASED ON THE MATERIAL OF RUSSIAN AND AMERICAN MEDIA)

*Исследование выполнено при поддержке
Фонда перспективных научных исследований ФГБОУ ВО «ЧелГУ» 2024 г.
The research is supported by the Foundation for Advanced Scientific Research at
Federal State Educational Institution of Higher Education “CSU” in 2024*

Аннотация

В данной статье рассматриваются понятие репрезентации действительности, производится анализ дискурсивной репрезентации действительности по типам «конструирование» и «отражение» на материале российских и американских средств массовой информации, рассматриваются когнитивные механизмы, на которых основываются данные типы репрезентации действительности в медиадискурсе. Приводится сравнительный анализ дискурсивной репрезентации действительности по типу «отражение» и «конструирование» в российских и американских СМИ. Когнитивные механизмы, лежащие в основе репрезентации действительности по типу «конструирование» требуют более детального изучения и анализа. Проблема типов репрезентации действительности в лингвистике следует рассматривать с позиции тесной связи дискурса, когнитивных механизмов и социальных явлений. Основой исследования послужили методы сплошной выборки и формализации, а также концептуально-дискурсивный анализ текстовых фрагментов.

Abstract

This article examines the concept of representation of reality, analyzes the discursive representation of reality according to the types of “construction” and “reflection” based on the material of Russian and American mass media, and examines the cognitive mechanisms on which these types of representation of reality in media discourse are based. A comparative analysis of the discursive representation of reality according to the “reflection” and “construction” types in Russian and American media is provided. The cognitive mechanisms underlying the “construction” type of representation of reality require more detailed study and analysis. The problem of types of reality representation in linguistics should be considered from the perspective of the close connection between discourse, cognitive mechanisms and social phenomena. The basis of the study was the methods of continuous sampling and formalization, as well as conceptual and discourse analysis of text fragments.

Ключевые слова: медиадискурс, дискурсивный мониторинг, дискурсивная репрезентация, когнитивный механизм, дискурсивное конструирование, отражение.

Keywords: media discourse, discursive monitoring, discursive representation, cognitive mechanism, discursive construction, reflection.

Понятие «репрезентации» получило широкое распространение в социологии, философии, психологии. Приведем наиболее общее, на наш взгляд, определение данного понятия. «Репрезентация – это опосредованное, или «вторичное» (через подобие) представление в сознании человека образов (первообразов) материальных или идеальных объектов их свойств, отношений и процессов» [https://gtmarket.ru, URL]. В рамках лингвистики в настоящее время существует дифференциация понятий дискурсивной и когнитивной (или ментальной) репрезентации действительности.

Е.С. Кубрякова и В.З. Демьянков в «Кратком словаре когнитивных терминов» приводят следующее определение понятия «когнитивной репрезентации» – «ключевое понятие когнитивной науки, относящееся как к процессу представления... мира в голове человека, так и к единице подобного представления, стоящей вместо чего-то в реальном или вымышленном мире и потому замещающей это что-то в мыслительных процессах» [Кубрякова, 1997, с.157]. Данное понятие относится к процессу репрезентации мира в сознании человека так и к единице подобного представления, и является наиболее исследованным в социальном познании в целом. В последнее время наряду с понятием когнитивной репрезентации чаще используется понятие дискурсивной репрезентации действительности. Следует проанализировать, в чем различие и соотношение вышеперечисленных понятий. Е.С. Кубрякова и В.З. Демьянков в своих работах подчеркивают, что четкого разграничения понятий до сих пор не существует: репрезентации в сознании человека (когнитивные репрезентации) и языковые репрезентации (т.е. репрезентации, опредмеченные, проектируемые в языке) находятся в тесном взаимодействии [Кубрякова, 2010, с. 7]. Отражение оригинала во внешнем мире на когнитивном или дискурсивном уровне и представляет собой репрезентацию. Как указывает Е.С. Кубрякова слово «репрезентация» содержит в себе семему «отображение». «Отображение мира в дискурсе есть результат стремления людей к «правильному», согласованному с практикой представлению мира» [Кубрякова, 2007, с. 10]. Автор подчеркивает, что дискурсивная репрезентация одновременно и отражает, и создает действительность. Помимо «отражения» репрезентация имеет свое развитие: объекты и действия подвергаются замещению и порождают новые объекты и ситуа-

ции. Мы наблюдаем смещение фокуса внимания, которым порой отображаемый объект вовсе не обладает. Анализируя и развивая данный подход о дискурсивном представлении действительности Е.С. Кубряковой, С.Н. Плотникова вводит в лингвистику понятие дискурсивного конструирования действительности. По отношению к говорящему лингвист выделяет два типа мира – «мир-со-мною» (дискурсивный мониторинг мира, его отражение) и «мир-без-меня» (дискурсивное конструирование мира)» [Плотникова, 2006, с. 134]. Суть дискурсивного мониторинга мира состоит в том, что наблюдатель не имеет контроля над созданием и развитием данного мира, а лишь играет перцептуальную роль наблюдателя происходящего. В дискурсивном конструировании мира говорящий полностью вовлечен в процесс восприятия. Таким образом, говорящий или пишущий играет роль уже не наблюдателя, а своеобразного конструкта, создавая свой другой мир, «мир-со-мною», основываясь на собственном дискурсе [Плотникова, 2006, с. 135].

Понятия когнитивной и дискурсивной репрезентации широко исследуются и в западной лингвистике. Британские лингвисты Дж. Поттер и Д. Эдвардс, основываясь на теории социальных представлений (репрезентаций), разработали теорию репрезентаций в лингвистике. Ученые различают репрезентации как дискурсивные объекты и когнитивные явления. Следует заметить, что в отечественной лингвистике также подчеркивается различие когнитивной и дискурсивной репрезентаций. Как утверждают авторы, когнитивные репрезентации направлены на понимание действительности субъектом, т. е. осмысление ситуаций и объектов, что является основой для взаимодействия и общения внутри коллектива. И если ментальные репрезентации являются своеобразными «когнитивными шаблонами», имеющие коллективный характер для интерпретации сущности вещей и ситуаций, то дискурсивные репрезентации являются своего рода объектами, производимыми в тексте или беседе. Эти репрезентации принадлежат уже отдельному конкретному говорящему. Процесс понимания направлен на анализ особенностей дискурсивной репрезентации, который производит говорящий, а не на осмысление ситуации в мире или сущности предмета [Potter, 1997, p. 253]. Дж.Поттер и Д.Эдвардс подчеркивают, что репрезентации в рамках дискурса базируются на определенных

действиях, осуществляемые людьми при производстве репрезентаций, которые авторы называют когнитивными механизмами. Как в западной, так и в отечественной лингвистике дискурсивные репрезентации подразделяются на два основных типа: репрезентация как отражение действительности и как ее конструирование. Отличие данных типов репрезентаций определяется тем, что при дискурсивном конструировании когнитивные механизмы репрезентации имеют не коллективную природу, а носят индивидуальный характер, основываясь на когнициях конструкта, которые и формируют дискурсивный контекст.

В данном исследовании мы придерживаемся понимания репрезентации действительности по двум типам: репрезентация по типу «отражение» и дискурсивная репрезентация по типу «конструирование» [Кубрякова, 2007, с.12]. Для проведения анализа отличий и сходств указанных типов репрезентаций в качестве практического материала было проанализировано 15 новостных статей, опубликованных в 2023 году, в известных российских и американских современных периодических изданиях, объединенных общей тематикой. Основой исследования послужили методы сплошной выборки и формализации, а также концептуально-дискурсивный анализ текстовых фрагментов.

В силу сложившейся неблагоприятной политической ситуации в мире, многие англоязычные средства массовой информации активно публиковали новостные статьи на тему экономической ситуации в России в целом. В середине ноября 2023 года на российском рынке значительно выросли цены на куриные яйца, спровоцировав публикацию огромного количества новостных статей в российских и американских СМИ:

'Russia is running out of eggs' [washingtonpost.com, URL]. *'Vladimir Putin is scrambling to contain soaring egg prices as Russia grapples with a Soviet-style economic headache'* [URL : bussinessinsider.com (дата обращения 17.12.23)], *'Vladimir Putin's Latest Battle? Spiraling Egg Prices in Russia'* [http://www.wsj.com, URL]. *'Vladimir Putin VS Eggs'* [http://www.wsj.com, URL].

В приведенных заголовках статей уже прослеживается так называемый «личный нарратив», который прослеживается имплицитно, журналист интерпретирует, а не описывает ситуацию, как она есть. Автор заменяет интенцию истины на интенцию мнения при помощи риторического вопроса, добываясь тем самым согласия с читающими новость и подразумевая, что они разделяет его мнение.

Заголовок «Путин против куриных яиц» оказывает ярко выраженный комический эффект, противопоставляет борьбу главы Российского

государства данному виду продукта, подчеркивая тем самым его несостоятельность контролировать ценовую политику страны.

'For Russians born before 1991, the long lines at supermarkets might bring back memories of the Soviet Union, when massive queues and hoarding were common due to the communist country suffering frequent bouts of crippling food shortages' [bussinessinsider.com, URL].

В данном примере текстового фрагмента границы самого события, новостного факта несколько неоправданно расширяются. Автор отходит от основной тематики новости, обращаясь к печальному прошлому советскому опыту страны. Можно утверждать, что в данном примере «СМИ конструируют собственный мир, отличный от мира реального, и предлагают его в качестве единственно возможного массовому адресату» [Анненкова, 2012, с. 11].

Рассмотрим еще один пример:

'Meanwhile, Putin issued a rare apology to the Russian public at an end-of-2023 town hall, in response to a pensioner's complaint about soaring egg and chicken prices' [bussinessinsider.com, URL].

Здесь мы видим неслучайное словосочетание *'rare apology'*, что в данном контексте можно перевести как «сухое, неискреннее извинение, или же извинение, которое редко можно услышать». Автор тем самым усугубляет сложившийся в американских СМИ образ главы Российского государства как сурового правителя, главным приоритетом которого являются исключительно вопросы ведения внешней политики, а не благосостояние граждан страны.

'Russians have faced accelerated consumer inflation across a range of goods for much of this year <...>. That may be part of what is happening with eggs. On the one hand, as many goods have become more expensive, Russians appear to be switching to cheaper, substitute products, sending demand for them soaring and driving up prices' [bussinessinsider.com, URL].

В данном примере мы видим, что автор прогнозирует будущее России, основываясь на собственном дискурсивном конструировании действительности, выражают свое мнение, передавая массовому адресату субъективные оценки и личные наблюдения: «Россияне, похоже, переходят на более дешевые продукты-заменители, что приводит к резкому росту спроса и росту цен на них».

Таким образом, перед нами встает яркий пример репрезентации действительности по типу «конструирование». Авторы статей создают ситуацию своим дискурсом, образуя «мир-со-мной», вводя в ситуацию новые референты, которые отсутствуют в действительности. В данных приме-

рах когнитивные механизмы репрезентации носят больше индивидуальный, чем коллективный характер. Рассмотрим, как данная тематика представлена в российском новостном дискурсе.

«Розничные цены на яйца резко возросли в ноябре. В декабре яйца стали одним из наиболее подорожавших продуктов – их цена поднялась на 10–20% в 46 регионах РФ. 14 декабря в ходе «Итогов года» президент Владимир Путин также заявил, что причиной повышения цен на мясо кур и яйца стал рост спроса. 17 декабря Минсельхоз сообщил, что яйца из Турции без импортной пошлины начнут поступать в Россию через две-три недели» [www.commersant.ru, URL]. *«Президент Путин принес извинения за рост цен на куриные яйца, подорожавшие за год на 40%. Он объяснил это «сбоем в работе правительства» и во время подведения итогов года пообещал улучшение ситуации»* [forbes.ru, URL].

В данных примерах мы наблюдаем наличие конкретных референтов значимой описываемой ситуации. Это и указание конкретных участников события (Владимир Путин, Турция, Минсельхоз), конкретного времени (14 декабря) и места (конференция «Итоги года с Владимиром Путиным»). Автор находится в позиции «мир-без-меня», формируя когнитивный сценарий репрезентации согласно реальности. Автор описывает ситуацию являясь сторонним наблюдателем, мы наблюдаем сохранение интенции истины. С.Н. Плотникова утверждает, что «результатом познания является формирование истинных пропозиций о данном мире и их структурирование в виде презентационного пропозиционального сценария. Если один и тот же мир созерцают несколько человек, то в случае адекватного восприятия выработанные им репрезентационные сценарии бывают настолько положительными, что на их основе вырабатывается единый когнитивный сценарий» [Плотникова, 2006, с. 77]. Таким образом, мы приходим к выводу, что рассмотренные текстовые фрагменты являются репрезентацией действительности по типу «отражения». Важно проанализировать, какие когнитивные механизмы лежат в основе представления действительности по типам «отражение» и «конструирование». В репрезентации действительности по типу «отражение» мы наблюдаем, что семантические константы высказывания (пропозиции) актуализуются в описании конкретного новостного факта и приобретают семантическое значение истинности. Дискурсивное конструирование предполагает замену или введение новых предметов референции с целью «навязать» свое мнение массовому адресату, добиться формирования его определенного отношения к представляемому новостному факту, негативного или положительного.

Итак, в медиадискурсе российских и американских СМИ мы наблюдаем репрезентации действительности по двум типам. Однако следует подчеркнуть, что в американских средствах массовой информации «конструирование» действительности встречается гораздо чаще, что обусловлено сложившимися в последнее время неблагоприятными политическими условиями в мире и охлаждение российско-американских отношений. Когнитивные механизмы, лежащие в основе репрезентации действительности по типу «конструирование», на наш взгляд, требуют более детального изучения и анализа. В целом проблема типов репрезентации действительности в лингвистике следует рассматривать с позиции тесной связи дискурса, когнитивных механизмов и социальных явлений.

Список литературы

1. Анненкова, И. В. Современная медиакартина мира: неориторическая модель (лингво-философский аспект) : специальность 10.01.10, 09.03.13 автореф. дис. ... д-ра филол. наук / И. В. Анненкова. – Москва, 2012. – 60 с. – Текст : непосредственный.
2. Коммерсантъ : рос. ежеднев.я общественно-полит. газета [офиц. сайт]. – Текст : электронный. – URL : www.commersant.ru (дата обращения 15.12.2023).
3. Краткий словарь когнитивных терминов / под ред. Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. – М. : Филолог. фак-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. – 245 с. – Текст : непосредственный.
4. Кубрякова, Е. С. К проблеме ментальных репрезентаций / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков. – Текст: непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2007. – № 4. – С. 8–16.
5. Лукьянченко, Е. А. К вопросу понимания ментальной репрезентации / Е. А. Лукьянченко. – Текст : непосредственный // Вестник МГИМОУниверситета. – 2013. – № 2. – С. 167–169.
6. Плотникова, С. Н. Я-Наблюдатель и Я-Конструктор : Дискурсивный мониторинг и дискурсивное конструирование мира / С. Н. Плотникова. – Текст : непосредственный // Лингвистические парадигмы и лингводидактика : материалы X Междунар. науч.-практ. конф. (Иркутск, 14-18 июня 2005 г.). – Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2005. – Ч. 1 – С. 101–107.
7. Плотникова, С. Н. Когнитивно-дискурсивная деятельность: наблюдение и конструирование / С. Н. Плотникова. – Текст : непосредственный // Studia Linguistica Cognitiva. – Вып. 1. Язык и познание : Методологические проблемы и перспективы. – М. : Гнозис, 2006. – С. 66–81.

8. Российский гуманитарный образовательный портал [официальный сайт]. – URL : <https://gtmarket.ru> (дата обращения 10.01.2024).

9. Business Insider: мировой новостной портал [офиц. сайт]. – URL : bussinessinsider.com (дата обращения 17.12.2023).

10. Forbes Russia : российское финансово-экономическое издание [офиц. сайт] – URL: forbes.ru (дата обращения: 15.12.2023).

11. Potter, J. Representing Reality. Discourse, Rhetoric and Social Construction / J. Potter. – London: Sage, 1996. – P. 253. – Текст: непосредственный.

12. The Wall Street Journal : американ. ежеднев. деловая газета [офиц. сайт] / Текст : электронный. – URL : <http://www.wsj.com> (дата обращения 17.12.2023).

DOI: 10.47475/9785727119631_150

Г.Р. ВЛАСЯН, Ю.Д. ШКОДА / G.R. VLASYAN, Yu.D. SHKODA

Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ХЕДЖЕЙ-ПРЕГРАД В АНГЛОЯЗЫЧНОМ СПОРТИВНОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РЕПОРТАЖЕЙ ФОРМУЛЫ 1)

FEATURES OF THE USE OF SHIELD HEDGES IN ENGLISH-LANGUAGE SPORTS DISCOURSE (BASED ON THE MATERIAL OF FORMULA 1 RUNNING COMMENTARIES)

*Исследование выполнено при поддержке
Фонда перспективных научных исследований ФГБОУ ВО «ЧелГУ» 2024 г.
The research is supported by the Foundation for Advanced Scientific Research at
Federal State Educational Institution of Higher Education “CSU” in 2024*

Аннотация: В данной статье рассматриваются особенности использования хеджей-преград в англоязычном спортивном дискурсе. Основная роль спортивных комментаторов заключается не только в сухой передаче фактов, но и высказывании своего мнения относительно определенного происшествия в рамках спортивного события, выдвижении предположений, описании своих эмоций и мыслей. Все это оказывает прямое влияние на множественного адресата коммуникации – зрителей. Монологическая по форме речь направлена на то, чтобы спортивное событие привлекло как можно больше людей, стало незабываемым для новоиспеченных фанатов гонок и подогрело интерес к этапам Гран-при у фанатов-экспертов. Использование хеджей в спортивном дискурсе продиктовано намерением комментаторов смягчить свое высказывание, сделать его менее категоричным. Таким образом говорящие стараются добиться гармонизации процесса общения комментатора со зрителем.

Abstract: This article examines the characteristics of the use of shield hedges in English-language sports discourse. The main role of sports commentators is not only to convey facts, but also to express their opinion about a particular incident within the framework of a sporting event, to make assumptions, to describe their emotions and thoughts. All this has a direct impact on the viewers. The monologue-like speech is intended to attract to the sporting event as many people as possible, to make it unforgettable for new racing fans and to arouse the interest of expert fans. The use of hedges in sports discourse is dictated by the commentators' intention to soften their statements, to make them less categorical. In this way, commentators seek to harmonize the process of communication between commentator and audience.

Ключевые слова: спортивный дискурс, хедж, стратегия, спортивный комментарий, хедж-преграда, комментатор.

Keywords: sports discourse, hedge, strategy, sports commentary, shield hedge, commentator.

Невозможно преуменьшить роль спортивного комментатора в современных трансляциях спортивных событий. Комментатор помогает

получить представление о том, что именно происходит на спортивной арене в данный момент, как на это повлияли какие-либо другие события

мира спорта, кто в лидерах, а кому еще нужно подтянуться. Комментатор – это человек, который должен ориентироваться во многих сферах общественной жизни, чтобы грамотно подавать информацию и ответственно подходить к выбору слов. Нельзя переусердствовать со своими доводами, поскольку на мнение «человека в телевизоре» ориентируются не только болельщики, но и те, кто не разбирается в тонкостях определенного вида спорта.

Перед комментатором стоит непростая задача: зрителя необходимо не просто заинтересовать, но еще и сделать так, чтобы он просмотрел гонку от начала до конца, а также присоединился к просмотру следующей трансляции. Ключевыми аспектами здесь являются удержание внимания реципиента на протяжении долгого времени, подпитка его интереса новыми фактами, даже если само событие привлекательным не является. Комментаторы ловят нужный момент и оказывают воздействие на зрителя благодаря речевому описанию как действий спортсменов, так и события в целом. В спортивном дискурсе данное речевое воздействие может оказываться несколькими способами, одним из которых является использование хеджей.

В последние годы проводится все больше исследований, предметом которых являются хеджи. основополагающим исследованием хеджирования в области лингвистики стала работа Дж. Лакоффа «Hedges: A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts». Вслед за Дж. Лакоффом мы определяем хеджи как «слова, значения которых имплицитно подразумевают неясность; слова, функция которых заключается в том, чтобы представить вещи более или менее неясными» (words whose meaning implicitly involves fuzziness – words whose job is to make things fuzzier or less fuzzy) [Lakoff, 1973, p. 471].

Вот некоторые слова и выражения, которые Дж. Лакофф относит к хеджам: *sort of, kind of, really, literally, practically, for the most part, strictly speaking, technically, rather, almost, typically, actually, basically, principally, more or less, somewhat, for the most part, pretty (much), in a sense* и многие другие [Lakoff, 1973, p. 472].

Использование хеджей в речи обусловлено неполной уверенностью коммуниканта в точности предоставляемой информации. В попытке дистанцироваться, быть вежливым по отношению к адресату, скрыть неуверенность, говорящий может использовать хеджи.

Э. Принс выделяет два класса хеджей: аппроксиматоры (approximators) и преграды (shields). Первый класс затрагивает условие истинности всей пропозиции (propositional hedging), второй

– служит показателем отношения говорящего к достоверности пропозиции (speech act hedging). Примерами аппроксиматоров являются следующие хеджи: *kind of, sort of, somewhat, actually, basically, almost, some, a little bit, etc.* К хеджам-преградам относятся *I think, I suppose, probably, as far as I can tell, according to her estimates, mother says that* и т.д. Хеджи-преграды, в свою очередь, подразделяются на атрибутивные хеджи (attribution hedges) и хеджи правдоподобия (plausibility hedges) [Prince, Frader, Bosk 1982].

Хеджи правдоподобия – слова или выражения, указывающие на истинность последующей пропозиции с точки зрения говорящего (*as far as I can tell right now, I don't see that, I think, I suppose, I mean, I have to believe, I take it, etc.*).

Атрибутивные хеджи – это слова или выражения, которые опосредованно указывают на отношение говорящего к пропозиции (*according to her estimates, presumably, at least to one's knowledge, presumably, as far as I could tell from someone, someone says that, etc.*) [Prince, Frader, Bosk 1982].

Рассмотрим использование хеджей-преград в репортажах Формулы 1 в Великобритании. В качестве материала для исследования были использованы спортивные репортажи гонок Формулы 1 за период с 28.03.2021 по 12.12.2021. Источником является сайт «F1 TV». Объем исследуемого материала суммарно составил 2640 минут.

Необходимо также отметить, что исследование феномена хеджирования в основном ограничивается разговорным и политическим дискурсами. Поэтому степень изученностей использования хеджей в спортивном дискурсе остается невысокой.

Формула 1 – это весьма динамичный вид спорта, поэтому современные спортивные комментаторы стараются избегать простой констатации фактов, применяют всевозможные языковые средства, чтобы описать происходящее на гоночном треке событие. Говорящий сосредоточивается на адекватном и логичном разъяснении какой-либо ситуации, на точности передачи информации в понятной для реципиента форме. Основными коммуникативными чертами спортивного комментатора являются ориентированность на анализ комментируемого события, установление причинно-следственных связей, прогнозирование развития событий, высказывание своего мнения относительно гоночной ситуации, выражение эмоций. В случае появления неоднозначной или спорной ситуации, которую необходимо каким-либо образом прокомментировать и объяснить непосредственному реципиенту, комментатор может обратиться к использованию хеджей, направленных на смягчение данной оценки опре-

деленного события. Реципиент вправе согласиться или не согласиться с мнением комментатора, однако категоричные суждения могут оказать эффект, противоположный тому, которого изначально пытаются добиться спортивные комментаторы. Зритель, которому в агрессивной форме стараются навязать одну конкретную точку зрения, с большой вероятностью потеряет интерес к просмотру гонки. Использование данной стратегии помогает спортивным комментаторам снизить степень категоричности суждений и выстроить высказывание так, чтобы оно не приводило к возникновению споров и конфликтных ситуаций между комментатором и зрителем.

Достаточно распространенным видом спортивного репортажа в Формуле 1 является тот, в котором присутствуют два комментатора. Это снимает некоторую долю нагрузки с обоих комментаторов, а также предоставляет возможность зрителю оценить гоночную ситуацию, имея мнение двух компетентных аналитиков.

В ходе исследования нами было установлено, что британские комментаторы Формулы 1 Дэвид Крофт и Мартин Брандл часто прибегают к использованию хеджей правдоподобия, которые указывают на истинность пропозиции с точки зрения самого комментатора.

На Гран-при Бразилии комментаторы некоторое время обсуждали предстоящий рестарт гонки, поэтому Мартин Брандл выдвинул предположение относительно тактики Макса Ферстаппена на стартовой прямой: *I'm going to assume Verstappen will not want to restart until he gets almost to the finish line. And actually he will bolt at the bottom of the hill, because he doesn't want to leave Perez exposed to being outdragged up the hill by Lewis Hamilton* [Гран-при Бразилии, URL]. Сделанный прогноз обосновывается комментатором незамедлительно: при помощи придаточного предложения Брандл объясняет, почему предположение именно такое. Высказыванию, где не навязывается мнение и есть четкое объяснение, реципиент с большой долей вероятности поверит и примет информацию к сведению.

Обсуждая ситуацию на Гран-при Испании, Мартин Брандл высказывает предположение о том, что из-за отсутствия одной новой шины во время пит-стопа Антонио Джовинацци будет использована шина из комплекта другого гонщика – Кими Райкконена: *I suppose it might be Raikkonen tires. Just a set of Raikkonen tires that are going on it* [Гран-при Испании, URL]. Используя хедж правдоподобия, выраженный эпистемическим глаголом *to suppose*, комментатор только предполагает, что такой исход событий вполне возможен, однако без дополнительной информации от наблюда-

теля на пит-лейне утверждать этого не может.

На Гран-при Штирии, говоря про выбор шин в начале гонки, Мартин Брандл упоминает о том, что болельщики в социальных сетях недоумевают, может ли гонщик, выпавший за предел первой десятки из-за штрафа, стартовать на квалификационных шинах: *So Tsunoda... It's like a double-edged sword, isn't it? He gets a penalty for blocking Bottas, but he's still obliged to start the race on the tires that got in through to Q3* [Гран-при Штирии, URL]. Комментатор информирует зрителей о том, что это возможно. На неоднозначность ситуации указывает разделительный вопрос. Таким образом Мартин Брандл вступает в диалог со зрителем, предоставляя возможность согласиться или опровергнуть его слова, продолжив дискуссию посредством использования социальных сетей.

Обсуждая гоночный момент, когда машина безопасности провела пелетон через пит-стоп, Мартин Брандл уточнил, что начало заезда – не лучшее время для технической остановки машины: *We'll keep an eye out. I mean, it's very early in the race, isn't it, to think of a pit stop for the leaders. And certainly, Red Bull are not thinking about it. They've gone through, but it's too early in the race. It would just mess the strategy up, wouldn't it, if you had to throw a set of tires away now* [Гран-при Бразилии, URL]. Мы отмечаем использование хеджей правдоподобия, представленных следующими средствами: разделительные вопросы и вводная фраза. В данном контексте разделительные вопросы расположены в середине повествовательного предложения, поскольку они адресованы множественному адресату трансляции и являются больше риторическими, предоставленными реципиенту для размышления. Более того, данные хеджи позволяют понять, что Мартин Брандл не спешит делать уверенные заявления касательно того, как события будут развиваться дальше.

Просматривая повторно, как Льюис Хэмилтон проходит одну из частей трассы, комментаторы акцентируют внимание зрителя на износе шин болида. Комментатор-знаток Мартин Брандл четко видит проблему и при помощи хеджа правдоподобия, выраженного разделительным вопросом, предлагает реципиенту присоединиться к дальнейшему обсуждению предполагаемого износа шин и дальнейшей стратегии команды Мерседес: *The right rare looks ugly, doesn't it? I mean that looks blistered. The right rear is blistered* [Гран-при Испании, URL].

Таким образом, использование хеджей-преград позволяет комментаторам выражать свое мнение относительно пропозиции и при этом не претендовать на его абсолютную достоверность. Придерживаясь данной стратегии, ком-

ментаторы сглаживают углы в процессе ведения диалога со зрителем. Это своего рода пища для размышлений реципиенту, который может сделать собственные выводы, основываясь на своих прогнозах и предположениях комментаторов, согласиться с их мнением или же продолжать придерживаться своей точки зрения. Благодаря использованию хеджей, высказывание становится менее категоричным, что напрямую влияет на достижение бесконфликтного общения и успешного взаимодействия спортивного комментатора со зрителем. Увлеченный фанат с большей долей вероятности досмотрит трансляцию до конца и присоединится к просмотру следующей.

Список литературы

1. Lakoff G. Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts / G. Lakoff // Journal of Philosophical Logic. – 1973. – №2. P. 458-508. – Текст : непосредственный.
2. Prince E., Frader J., Bosk C. On Hedging in Physician-Physician Discourse / E. Prince, J. Frader, C. Bosk // Linguistics and the Professions. Proceedings of the Second Annual Delaware Symposium on Language Studies. – Norwood, NJ : Ablex., 1982. – P. 83-97. – Текст : непосредственный.
3. 2021 season // F1 TV – Electronic resource. – URL : <https://f1tv.formula1.com/page/1510/2021-season> (date of access: 11.01.2024).

DOI: 10.47475/9785727119631_153

А.А. ГУСЕВА / A.A. GUSEVA

Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)

СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ХЕДЖИРОВАНИЯ В АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

MEANS OF REALISATION OF LINGUISTIC HEDGING IN AMERICAN POLITICAL DISCOURSE

*Исследование выполнено при поддержке
Фонда перспективных научных исследований ФГБОУ ВО «ЧелГУ» 2024 г.
The research is supported by the Foundation for Advanced Scientific Research at
Federal State Educational Institution of Higher Education “CSU” in 2024*

Аннотация

Хеджирование представляет собой одно из наиболее многообещающих направлений в области современной лингвистической прагматики. В процессе рассмотрения краткой истории этого языкового явления, пришедшего в лингвистику из области экономики, мы анализируем разные трактовки сущности данной стратегии. Применение стратегии хеджирования широко распространено в различных видах дискурса, особенно в политическом. Целью нашей статьи является рассмотрение реализации стратегии хеджирования в политическом дискурсе, выделяя его как одно из самых уникальных направлений исследования из-за особенностей политических выступлений, которые существенно отличаются от других форм коммуникации. Одной из задач нашей статьи является детальный разбор того, как функционирует хеджирование в таких видах текста. Мы анализируем примеры высказываний политиков, где встречаются хеджи, играющие роль смягчающего элемента. В рамках нашего исследования мы объясним их функцию и роль в контексте.

Abstract

Hedging represents one of the most promising directions in the field of modern linguistic pragmatics. Describing a brief history of the linguistic phenomenon, which came from the economic sphere, we analyse different interpretations of the essence of this strategy. The use of hedging strategy is widespread in various types of discourse, especially in political discourse. The purpose of our work is to consider the use of hedging strategy in political discourse, singling it out as one of the most unique areas of research because of the peculiarities of political speeches, which differ significantly from other forms of communication. One of our objectives is to explain the features of the hedges functioning in this type of texts. We analyse examples of

politicians' utterances where hedges playing the role of a mitigating element are found. In this paper we will describe their role in context.

Ключевые слова: хеджирование, хедж, средства реализации хеджей, американский политический дискурс.

Keywords: hedging, hedge, means of hedge realization, American political discourse.

Политические процессы оказывают глубокое воздействие на общественную жизнь, играя ключевую роль в развитии современного общества. Властные полномочия, которыми обладает политический лидер, позволяют ему определять вектор развития страны. Таким образом, он активно влияет на формирование международных связей и имиджа государства. Речи политических фигур служат связующим звеном между властью и гражданами, а также являются инструментом, помогающим представить страну на мировой арене. Владение искусством аргументации, эффективное управление диалогом и речевое воздействие на аудиторию являются основными качествами для достижения успеха в политической деятельности.

В рамках нашего исследования мы опираемся на определение политического дискурса, предложенное А.Н. Барановым и Е.Г. Казакевич. Согласно их трактовке, политический дискурс представляет собой комплекс всех речевых процессов, применимых в рамках политических дебатов, а также совокупность норм публичной политики, которые сложились в течение истории и подтвердили свою эффективность на практике [Баранов, Казакевич, 1991, с. 6]. Данное определение будет лежать в основе нашего анализа.

Успехи на политической арене во многом зависят от риторической компетентности лидера и его способности к политической коммуникации. А.П. Чудинов характеризует политическую коммуникацию как форму вербальной активности, целью которой является распространение специфических идей, вызов эмоционального отклика у общественности и стимулирование ее активного участия в политических процессах. Этот процесс направлен на достижение общественного консенсуса, он способствует разработке и обоснованию социально-политических решений в условиях многообразия общественных взглядов [Чудинов, 2006, с. 6]. Речевое воздействие отличается своей многогранностью и может быть реализовано разными методами, среди которых выделяется стратегия хеджирования.

Изучение феномена хеджирования началось в лингвистических кругах в 1960-х годах XX века. С течением времени, благодаря многочисленным исследованиям, это явление было анализировано под различными углами, что привело к появлению разнообразных интерпретаций хеджирования среди ученых.

Рассмотрим словарное определение существительного «hedge». Согласно Кембриджскому словарю, этому слову присущи два значения:

– a row of bushes growing close together, often used to divide land into separate areas (= живая изгородь);

– to avoid giving a direct answer (= увиливать, уклоняться) [Cambridge, URL].

Оба этих определения объединяет ключевая идея защиты или обороны, будь то физическая защита территории с помощью растительного барьера или защита в коммуникативном аспекте через избегание прямого ответа. Понимание этих основных значений помогает углубиться в анализ того, как концепция хеджирования применяется в лингвистике. Мы рассмотрим его появление и развитие в данной сфере.

В начале 70-х годов XX века термин «хеджирование» стал лингвистическим понятием благодаря исследованиям американского лингвиста Дж. Лакоффа в области лингвопрагматики. Данный термин, заимствованный из экономической сферы, где он обозначает методику снижения рисков на финансовых рынках, в лингвистике используется для минимизации ответственности за неточность или неверность утверждений, а также для того, чтобы избегать выражения полной уверенности в сказанном.

Дж. Лакофф считает, что лингвистическое хеджирование выражается через использование хеджей – слов и выражений, которые несут в себе элемент неопределенности или нечеткости. Эти слова служат для того, чтобы сделать представление объектов или идей менее ясным, добавляя в речь оттенок приблизительности или условности [Lakoff, 1973, p. 471].

Среди хеджей, которые Дж. Лакофф выделяет, находятся такие слова и фразы, как *sort of, kind of, loosely speaking, more or less, roughly, pretty (much), mostly, technically, strictly speaking, essentially, particularly, literally, -like, -ish, pseudo-, crypto-* и другие. Эти элементы языка используются для внесения степени неопределенности в высказывания [Lakoff, 1973, p. 472].

Дж. Лакофф анализирует хеджи в контексте формальной семантики, рассматривая их как элемент когнитивной функции естественного языка. Он подчеркивает, что в реальности объекты редко могут быть однозначно отнесены к опре-

деленному классу или категории из-за отсутствия строгих границ. Таким образом, принадлежность к категориям определяется не абсолютно, а с некоторой степенью условности, отражая градуальный характер категоризации.

Дж. Лакофф изучает хеджи через призму формальной семантики, выделяя в них важный аспект когнитивной составляющей естественного языка. Он указывает на то, что объекты в реальном мире редко поддаются точной классификации из-за нечетких границ между их категориями. Это означает, что принадлежность объектов к определенным категориям часто является условной, и она отражает градуированную природу классификации.

С течением времени хеджирование начало рассматриваться учеными в качестве прагматической стратегии, тем самым, оно значительно расширило своё смысловое содержание. В рамках исследований лингвистической прагматики, Дж. Лакофф обнаружил, что использование некоторых перформативных глаголов и синтаксических структур способно ослабить иллокутивную силу высказывания, делая его менее точным и категоричным.

Б. Фрейзер анализирует хеджирование как риторический прием, который позволяет оратору модифицировать степень достоверности высказывания или выразить свое личное отношение к предмету речи:

1. He's **really like** a geek.
2. The pool has **a sort of** a L-shaped design.
3. Peter's house is **almost** 100 feet wide [Fraser, 2010].

Опираясь на работы своих предшественников, Б. Фрейзер представляет концепцию «хеджированного перформатива», анализируя случаи, когда модальные глаголы типа *can, must, should* и *might* используются перед перформативными глаголами, например, *order, agree, advise*. Такое сочетание приводит к уменьшению иллокутивной силы высказывания, которая изначально задается перформативными глаголами:

1. I should apologize for running over your cat.
2. I can promise that I will never again smoke grass.
3. I must request that you sit down [Vlasyan, 2018].

Важно отметить, что универсальная классификация хеджей отсутствует из-за разнообразных взглядов лингвистов на этот вопрос. Хеджирование определяется как прагматическое явление, и его понимание варьируется в соответствии с контекстом. Теоретически, любой элемент языка может выступать в роли хеджа, если он употребляется в рамках определенного контекста.

Таким образом, хеджи могут быть представлены различными лексическими, морфологическими и синтаксическими средствами. Приведем список некоторых хеджей в английском языке:

- Модальные глаголы (*may, might, can, could, would, should*);
- Модальные слова: прилагательные, существительные, наречия (*possible, probable, assumption, claim, practically, virtually, etc*);
- Приближенные значения степени, количества, частоты и времени (*approximately, about, often, somewhat, somehow, a lot of*);
- Эпистемические глаголы (*to believe, to assume, to suggest, to propose, to tend, etc*);
- Вводные конструкции (*I believe, I guess, to our knowledge*);
- Условные предложения (*if true, if anything*);
- Разделительные вопросы (*... isn't it?*);
- Отрицательные конструкции (*didn't...?*);
- Безличные пассивные предложения (*it might be suggested*) и т.д. [Vlasyan, 2018].

На основе данных нашего исследования, основными инструментами для выражения хеджирования на лексическом уровне в американском политическом дискурсе являются:

- неопределенные местоимения:
“*And I heard **somebody** today say, **one** of these genius analysts*” [Trump Holds Rally... URL].
- модальные глаголы
“*No because crazy things **can** happen*” [Trump Holds Rally... URL].
“*We **got to be sure** that we put this thing away*” [Trump Holds Rally... URL].
- эпистемические глаголы
“*This, I **believe**, is one of the most significant steps we have taken to shape the future of the commercial space industry*” [Vice President Harris... URL].
- наречия
“*I **virtually** eliminated the unfair death tax, saving countless farms from families and families of farmers*” [Trump Holds Rally... URL].
- модальные прилагательные
“*That said, **it is likely** that he will make other stops in the region*” [Press Briefing by... URL].
- уступительные союзы (concessive conjunctions)
“***Even if** you think we're going to win by a lot, you got to show up, because winning by a lot is very meaningful*” [Trump Holds Rally... URL].

В хеджированных перформативах речевой акт происходит не напрямую, а опосредованно. Например, в следующих контекстах использование глаголов *want* и *let* приводит к снижению иллокутивной силы высказывания, что изменяет его основную пропозициональную направленность:

“Let’s just take it easy, watch television and watch the results” [Trump Holds Rally... URL].

“Never forget, our enemies want to take away my freedom” [Trump Holds Rally... URL].

Аппроксиматоры, такие как *about* и *over*, используются для указания приблизительных значений количества, частоты и времени.

“Since Joe Biden took over, we’ve had a three-year inflation rate of over 20%” [Trump Holds Rally... URL].

“You go about 300 miles, and they don’t want to change that”. [Trump Holds Rally... URL].

на уровне синтаксиса:

– условные предложения

“Given that Houthi attacks continue, can you say what the assessment is on how much of their weaponry you’ve been able to take away to this point?” [Pentagon Briefing... URL].

Также в ходе исследования были обнаружены примеры, где в одном высказывании сочетаются различные средства реализации хеджирования. Давайте проанализируем конкретные конструкции, демонстрирующие такое сочетание:

“But assuming we take away that problem, which is not easy to take away, you’d have to stop approximately seven times to go 2000 miles, right?” [Trump Holds Rally... URL]. Металингвистический комментарий *assuming* + модальные глаголы *would, have to* + пропозициональный хедж (propositional hedge) *approximately*.

“Take a look at the opposition and membership of the Senate Judiciary Committee and imagine, if you will, there’s anything we could agree on unanimously” [Senate Hearing with... URL]. Металингвистический комментарий *if you will* + модальный глагол *could*.

Исходя из результатов нашего исследования, мы можем отметить, что в своих речах политические лидеры часто прибегают к технике хеджирования. На лексическом уровне мы выявили неопределённые местоимения, модальные и эпистемические глаголы, наречия, прилагательные, уступительные союзы, а также хеджированные перформативы, пропозициональные хеджи и аппроксиматоры. В синтаксическом аспекте применяются металингвистические комментарии и условные предложения.

Политические деятели должны быть осведомлены о том, какое влияние могут оказать их слова на последующие события. Грамотное использование хеджей помогает завуалировать истинную суть высказывания, делая объект сообщения более нечетким, избежать коммуникативного напряжения или, наоборот, оказать воздействие на аудиторию, вдохновив ее встать на сторону говорящего.

Список литературы

1. Баранов, А. Н., Казакевич, Е. Г. Парламентские дебаты : традиции и новации / А. Н. Баранов, Е. Г. Казакевич. – М. : Знание, 1991. – 42 с. – Текст : непосредственный.
2. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика: учеб. пособие / А. П. Чудинов. – М. : «Флинта», «Наука», 2006. – 254 с. – Текст : непосредственный.
3. Fraser, B. Hedging in political discourse / B. Fraser // Perspectives in Politics and Discourse. – 2010. – P. 201-214. – Текст : непосредственный.
4. Lakoff, G. Hedges: A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts / G. Lakoff. – California : UC Berkeley, 1973. – 52 p. – Текст : непосредственный.
5. Vlasyan, G. R. Linguistic hedging in the light of politeness theory / G. R. Vlasyan // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences. – 2018. – P. 685-690. – Текст : непосредственный.

Список использованных источников

1. Hedge | translate English to Russian – Cambridge Dictionary // dictionary.cambridge.org – Text : electronic.– URL : <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-russian/hedge> (date of access: 14.02.2024).
2. Pentagon Briefing 2/05/24 Transcript // rev.com – Text : electronic. – URL : <https://www.rev.com/blog/transcripts/pentagon-briefing-2-05-24-transcript> (date of access: 14.02.2024).
3. Press Briefing by Press Secretary Karine Jean-Pierre and John Kirby 12/13/23 Transcript // rev.com – Text : electronic.– URL : <https://www.rev.com/blog/transcripts/press-briefing-by-press-secretary-karine-jean-pierre-and-john-kirby-12-13-23-transcript> (date of access: 24.12.2023).
4. Senate Hearing with CEOs of Meta, TikTok, X, Snap and Discord About Child Safety 1/31/24 Transcript // rev.com – Text : electronic.– URL : <https://www.rev.com/blog/transcripts/senate-hearing-with-ceos-of-meta-tiktok-x-snap-and-discord-about-child-safety-1-31-24-transcript> (date of access: 14.02.2024).
5. Trump Holds Rally In Iowa Moments After Colorado Supreme Court Blocks Him From Ballot Transcript // rev.com – Text : electronic.– URL : <https://www.rev.com/blog/transcripts/trump-holds-rally-in-iowa-moments-after-colorado-supreme-court-blocks-him-from-ballot-transcript> (date of access: 24.12.2023).
6. Vice President Harris Chairs a Meeting of the U.S. National Space Council Transcript <https://www.rev.com/blog/transcripts/vice-president-harris-chairs-a-meeting-of-the-u-s-national-space-council-transcript> (date of access: 24.12.2023).

DOI: 10.47475/9785727119631_157

О.В. ДРОБЫШЕВА/ O.V. DROBYSHEVAЧелябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)**НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ КОМПОНЕНТЫ
В ЯЗЫКЕ СОВРЕМЕННОЙ РЕКЛАМЫ****NATIONAL-CULTURAL COMPONENTS IN THE LANGUAGE OF MODERN ADVERTISING****Аннотация**

В современных условиях мировой глобализации разработка рекламных кампаний может оказаться сложной задачей для специалистов этого направления по всему миру. Влияние рекламы больше не ограничивается только повышением осведомленности о товарах и услугах или стимулированием сбыта, реклама также передает – прямо или косвенно – нормы, суждения, ценности, которые могут иметь отношение к рекламируемому продукту, многие специалисты в области рекламы рассматривают процесс создания рекламных текстов как процесс переноса культурных ценностей нации из абстрактных понятий в рекламные тексты. В данной статье предпринята попытка доказать, что потребители рекламного продукта находясь в той или иной культурной среде привыкают к системам ценностей, верованиям и процессам восприятия этой культуры. В статье идет речь о национально-культурном компоненте отечественной рекламы, определяются его особенности и функции, а также особенности речевого компонента языка рекламы. Оценивается роль национально-культурного компонента, приводятся примеры, взятые из языка современной рекламы, рассматриваются лингвистические особенности рекламных текстов.

Abstract

In today's globalized world, developing advertising campaigns can be a challenging task for specialists in this area around the world. The influence of advertising is no longer limited only to raising awareness of products and services or promoting sales, advertising also conveys – directly or indirectly – norms, judgments, values that may be relevant to the advertised product, many advertising professionals consider the process of creating advertising texts as a process transferring the cultural values of a nation from abstract concepts into advertising texts. This article attempts to prove that advertising consumers, being in a particular cultural environment, get used to the value systems, beliefs and processes of perception of this culture. This article discusses the definition of the national-cultural component, defines its features and functions, as well as the features of the speech component in the language of advertising. The role of the national-cultural component is assessed, examples taken from the language of modern world advertising are given, and the linguistic features of advertising texts are analyzed.

Ключевые слова: текст, язык рекламы, рекламный текст, речевое воздействие, речевой компонент, национально-культурный компонент, лингвистические особенности.

Keywords: text, advertising language, advertising text, speech impact, speech component, national-cultural component, linguistic features.

Реклама сегодня означает действие по привлечению внимания общественности к чьим-либо продуктам или услугам, а под самим термином «реклама» понимается открытое оповещение фирмой потенциальных покупателей, потребителей товаров и услуг об их качестве, достоинствах, преимуществах, а также о заслугах самой фирмы; реклама – это ключевой элемент в маркетинге. На рынке современной рекламы существует большая конкуренция, так как мы каждый день имеем возможность видеть рекламу на телевидении, слушать по радио и наблюдать ее в газетах, журналах. Ни один день в нашей жизни не проходит без просмотра какой-либо рекламы. В такой ситуации

непрерывной конкуренции перед компаниями, занимающимися рекламой, ставится сложная задача по продвижению продукции. В нашу технологическую эпоху вопрос для создателей рекламы состоит не в том, чтобы аудитория предлагаемой рекламы была как можно больше, а в том, чтобы достичь сознания потребителя и оставаться там в течение длительного периода времени. Чтобы заинтриговать потребителей и сделать рекламу запоминающейся, привлекательной, приятной, творческой, заслуживающей доверия, используется множество приемов в языке рекламы. Одним из наиболее запоминающимся видом рекламы являются рекламные слоганы. Цель броских фраз в рекламных сло-

ганах – привлечь внимание потенциального клиента и помочь отличить товар или услугу от большинства подобных ей на рынке. Поэтому часто вербальный компонент рекламы демонстрирует высокий уровень сформированности лингвистической компетенции автора рекламного продукта. С одной стороны, язык – это средство общения, с помощью которого мы отправляем и получаем сообщения и делимся своими чувствами, эмоциями и идеями, используя символические или вербальные высказывания. С другой стороны, есть лингвистика – наука, которая изучает язык и показывает, как он сложен и многогранен, насколько велик в нем комплекс форм и характеристик. Язык играет важную роль и оказывает сильное влияние на людей и их поведение. В целом, подобное можно сказать и о языке рекламы. В рекламе частым приемом можно считать использование качественных имен прилагательных, таких как «уникальный», «особый», «дополнительный», «большой», «сильный», «лучший», «быстрый», «самый быстрый», «первый», «новый» и т.д. Помимо подобных привлекательных слов, для того, чтобы сделать язык рекламы наиболее интересным для потребителя, используются разнообразные лексические, стилистические, морфологические, синтаксические приемы, как например, топонимы с названиями блюд национальной кухни (*Лидский квас*); лексемы, связанные с темой России (*Русский дар*); этнонимы (*Изюминка: русские знают, как готовить лучший квас!*); историзмы (*Солонина Бахрушинь: обедай, как князь!*). На риторико-стилистическом уровне представлены: эпитеты (*Мираторг: душевный вкус*); олицетворения (*Царские припасы: квас с характером*); фольклорные элементы (*Хлеб – всему голова!*); риторические вопросы (*С чего начинаются родные пельмени?*); гиперболы (*Газпром – национальное достояние*); синекдоха (*Здоровая Россия*); сравнения (*Русская душа... Ласковая, словно солнце на рассвете*); побудительные предложения (*Сохраним родную культуру и язык*). Язык рекламы – это комбинация лингвистических и внеязыковых средств выражения, регулируемых законами массовой коммуникации и общими литературными правилами. Именно особая структура языка рекламы позволяет адресату воспринимать конкретную информацию с учетом культурных, социальных и психолингвистических особенностей языка. Основная коммуникативная цель рекламного текста – побудить потребителя выбрать рекламируемые товары или услуги. Мы знаем, что образ жизни членов общества меняется и совершенствуется с течением времени, эти изменения отражаются и в самом языке. Более того, реклама и позиционирование брендов в средствах массовой информации имеют прямое отношение

к патриотизму, единству и общественной гармонии и даже вызывают некую эмоциональную привязанность. Язык рекламы – это особое явление и особая область социального взаимодействия, установлено, что сильное воздействие на аудиторию в рекламных текстах оказывает лексика. По утверждению Л.А. Усенко, «Лексика способствует формированию потребностей, ценностных ориентаций человека, оказывает влияние на его чувства и желания. С помощью анализа рекламных текстов можно обнаружить, какие потребности преобладают в современном обществе» [Усенко, 2019, с. 21]. Следует отметить, что компоненты языка рекламы носят креативный характер и играют важную роль, поскольку сохраняют потенциал для привлечения потребителей и помогают запомнить рекламный слоган, который непосредственно связан с предлагаемым рекламируемым продуктом или представленным брендом. Если фокусировать внимание на национально-культурном компоненте языка рекламы, то следует его рассматривать, как один из основных признаков нации в совокупности с культурой, территории, истории страны, с осознанием своей национальной идентичности. Все это есть неотъемлемая часть культуры народа, говорящего на одном государственном языке. Язык является главным выражением национальной культуры, ведь это то самое, что делает страну уникальной, узнаваемой и вызывает неподдельный интерес к ней. Как, например, в рекламе внутреннего туризма по России, где мы можем наблюдать на риторико-стилистическом уровне метафоры (*Путешествуй вместе с солнцем!*); перифраз (*Байкал: Приезжайте к нам, чтобы увидеть Жемчужину Сибири своими глазами*). В каждой стране существуют различные культурные мероприятия, культурные ритуалы, традиции. Культура включает в себя комплекс убеждений, ценностей, и в целом то, о чем думает человек и как понимает мир и свою собственную жизнь. Национальная культурная система является результатом действия общественного сознания. Национальная культурная система определяется как набор исторически сложившихся, усвоенных и разделяемых людьми ценностей, взглядов и средств. Термин нация относится к культуре, а также к социальным, экономическим и политическим институтам. Язык рекламы как отдельная составляющая национальной культуры является вариацией языка с особыми чертами, которые обусловлены практически. Номинативные единицы языка нации применяются в рекламе для демонстрации национальных черт и национальной идентичности [Трайковская, 2015, с. 95]. Ш.Р. Хакимова определяет языковой национально-культурный компонент следующим образом: «Специфические для каждой культуры

явления, находящие отражение только в данном языке (биоэквивалентная лексика, лакуны и т.д.)» [Хакимова, 2014, с. 420].

Национальная культура имеет множество граней. Некоторые аспекты могут быть актуальны только для конкретной нации, другие – для множества национальностей, проживающих в мультикультурной стране.

Национально-культурный компонент в языке имеет особое значение, так как является уникальным средством развития и поддержания духовно-нравственного мира человека, его ценностей, культурных ориентиров. Самосознание нации отражается на вербальном уровне и формируется языком и культурой нации. В современных условиях мировой глобализации разработка рекламных кампаний может оказаться сложной задачей для специалистов этого направления. Влияние рекламы больше не ограничивается только повышением осведомленности о товарах и услугах или стимулированием сбыта, реклама также передает – прямо или косвенно – нормы, суждения, ценности, которые могут иметь отношение к рекламируемому продукту. Вышесказанное приводит нас к пониманию национально-культурных различий, которые считаются необходимыми для грамотно созданной успешной рекламы (и международной, и рекламы в рамках только одной страны), потребители рекламы растут в той или иной культуре и привыкают к системам ценностей, верованиям и процессам восприятия этой культуры. Поскольку культурные ценности и религиозные убеждения могут отличаться в разных частях света, при разработке рекламных стратегий для международного рынка необходимо учитывать различные проблемы и особенности национальной культуры страны. Поэтому многие специалисты в области рекламы рассматривают процесс создания рекламных текстов как процесс переноса культурных ценностей нации из абстрактных понятий в рекламные тексты. Для достижения успеха рекламной кампании имеет смысл адаптировать ее к уникальным особенностям местной национальной культуры. И хотя могут быть предприняты попытки стандартизировать рекламные сообщения, подобные усилия окажутся невозможными, поскольку культура неизменно превалирует в коммуникациях, особенно в рекламных. В заключении отметим, что что национально-культурные компоненты рекламного языка играют важную роль при создании результативного рекламного продукта. Ведь именно вербальные компоненты рекламного текста являются основной частью рекламного сообщения. Они дополняют невербальные его компоненты и выражают ключевые моменты реклам-

ного сообщения. Именно благодаря вербальным элементам рекламы ее смысл доводится до потребителя в соответствии с коммуникативными целями рекламодателя или рекламного агентства, создавшего для нас ту или иную рекламу. Слова, имеющие более конкретное значение, с большей вероятностью вызовут эмоции и положительную реакцию потребителя. Коннотация часто диктуется целевой аудиторией потребителей рекламы и ее продукта. Языковые средства воздействия, компоненты рекламы различаются в зависимости от национальных особенностей потребителей и их нужд, как, например, в рекламе продуктов питания Роллтон *«Большая у нас страна: когда на Камчатке ужинают после смены, в Калининграде завтракают перед первой парой. Когда в Нефтеюганске забираются повыше, в Шахтерске опускаются поглубже...Все у всех по-своему, и Роллтон везде свой»*, или рекламе такого любимого всеми жителями России блюда как пельмени. *«Пельмени «Медвежье ушко» – в Стародворье всегда так делали. Стародворье: по-нашему, по-настоящему! Или в рекламе питьевой воды Baikal «Загадочный и неповторимый, великий и прекрасный. Нет человека в нашей стране, который бы не знал о легендарном озере и его чистой воде»*.

Представив национально-культурные компоненты в языке современной рекламы, хотелось бы отметить, что реклама и язык рекламы – это одно из главных отражений характеристик нации и ее культуры. Это и инструмент маркетинга, и форма массовой коммуникации, и средство передачи информации. Реклама апеллирует к национальному самосознанию потребителей, делает упор на самоидентификацию жителей страны как нации с уникальной культурой и историей.

Список литературы

1. Трайковская, Н. П. Рекламный текст как индикатор культуры и отражение национального характера / Н. П. Трайковская // Вестник ЧелГУ. – 2015. – № 15 (370). – С. 95–98. – Текст : непосредственный.
2. Усенко, Л. А. Лексические особенности современной рекламы / Л. А. Усенко. – Текст : электронный // Белгород. гос. нац. исслед. ун-т [офиц. сайт]. – URL : http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/38416/1/Usenko_Leksicheskie_19.pdf (дата обращения : 16.01.2024).
3. Хакимова, Ш. Р. Лакуны как лингвистическое явление / Ш. Р. Хакимова. – Текст : электронный // Молодой учёный. – 2015. – № 1 (81). – URL : <https://moluch.ru/archive/81/14614/> (дата обращения : 16.01.2024).

DOI: 10.47475/9785727119631_160

Д.О. ЗИНОВЬЕВА, М.В. СТАРЮК, А.М. СНИМЩИКОВА /
D.O. ZINOVYEVA, M.V. STARYUK, A.M. SNIMSCHIKOVAУральский медицинский колледж
(Челябинск, Россия)**ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА
В АНАЛИЗЕ ФРЕЙМОВ НА ПРИМЕРЕ МЕДИЦИНСКИХ ТЕКСТОВ****PROSPECTS FOR THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE
IN FRAME ANALYSIS USING THE EXAMPLE OF MEDICAL TEXTS****Аннотация.**

В статье рассматриваются перспективы использования искусственного интеллекта в анализе фреймов на примере медицинских текстов. В качестве основной теоретической базы используются такие понятия, как фрейм, анализ фреймов, взаимосвязь фреймовой системы и искусственного интеллекта. Статья дает возможность рассмотреть перспективные области использования искусственного интеллекта в анализе фреймов для медицинских текстов, техники и методы использования искусственного интеллекта во фрейм-анализе, а также рекомендации по использованию искусственного интеллекта в анализе фреймов медицинских текстов. Технология использования искусственного интеллекта в анализе фреймов может не только значительно улучшить эффективность обработки информации в медицинской сфере, но и помочь врачам и исследователям получить более точные и полные данные при сборе анамнеза и выборе необходимого лечения. Следует учитывать, что использование искусственного интеллекта требует комплексного подхода, а также тщательного контроля качества и безопасности работы этих систем.

Abstract.

The article discusses the prospects for using artificial intelligence in frame analysis using the example of medical texts. Concepts such as frame, frame analysis, and the relationship between the frame system and artificial intelligence are used as the main theoretical basis. The article provides an opportunity to consider promising areas of using artificial intelligence in frame analysis for medical texts, techniques and methods for using artificial intelligence in frame analysis, as well as recommendations for the use of artificial intelligence in frame analysis of medical texts. The technology of using artificial intelligence in frame analysis can not only significantly improve the efficiency of information processing in the medical field, but also help doctors and researchers obtain more accurate and complete data when collecting anamnesis and choosing the necessary treatment. It should be taken into account that the use of artificial intelligence requires an integrated approach, as well as careful monitoring of the quality and safety of the operation of these systems.

Ключевые слова: фрейм, фреймовый анализ, когнитивная лингвистика, слоты, схема, представление, алгоритм, возможности искусственного интеллекта.

Keywords: frame, frame analysis, cognitive linguistics, slots, schema, representation, algorithm, artificial intelligence capabilities.

С увеличением объема информации, доступной для анализа, становится сложнее извлекать необходимые материалы. Особенно это актуально в области медицины, где сведения накапливаются в огромном количестве. Медицинские тексты содержат огромное количество данных, включая результаты клинических испытаний, отчеты о лечении пациентов, научные статьи и другие документы. Для автоматического извлечения значимых фреймов в большом объеме данных можно использовать искусственный интеллект.

Под фреймом представляет модель абстрактного образа объекта, состоящего из отдельных единиц (слот) и содержащий значения, процедуры или

ссылки на другие фреймы [Маджаева, 2012, с. 1–2].

Фреймовый анализ в медицине позволяет эффективно обрабатывать и анализировать большие объемы текстовой информации. Анализ фреймов в медицинских текстах с помощью искусственного интеллекта позволяет автоматизировать процесс извлечения информации из текстовых документов и преобразования их в структурированный формат для дальнейшего использования.

Перспективной областью использования искусственного интеллекта в анализе фреймов медицинских текстов является определение диагноза на основе клинической информации о пациенте. С помощью искусственного интеллекта можно

разработать модели, которые будут автоматически анализировать клиническую картину и находить связанные с определенными патологиями фреймы. Это поможет повысить точность постановки диагноза и улучшить алгоритм лечения.

Еще одно преимущество состоит в том, что искусственный интеллект способен находить связи между различными элементами фреймов, что помогает извлечь более глубокое понимание информации. Например, при анализе медицинского текста искусственный интеллект может автоматически определить связь между симптомами и диагнозом или найти зависимости между лекарственными препаратами и пациентами [Сердюк, 2023]. Фреймы могут значительно улучшить эффективность работы специалистов здравоохранения, сократить время диагностики и повысить качество лечения пациентов. Ключевыми задачами будущего развития данной области является построение более точных моделей анализа фреймов на основании новых методов глубокого обучения.

Другой перспективной возможностью использования искусственного интеллекта в анализе фреймов является предсказание будущих событий или результатов на основе имеющихся данных. Например, система может предложить определенное лечение для конкретного пациента на основании его медицинской истории и результатов анализов [Сердюк, 2023]. Это позволяет оптимизировать лечебный процесс и повысить эффективность терапии.

Применение искусственного интеллекта в анализе фреймов медицинских текстов имеет большой потенциал для улучшения точности и эффективности процесса. Существует несколько методов использования искусственного интеллекта при работе с большими данными:

Машинное обучение – процесс обучения машины выполнять определенную задачу на основе данных и обратной связи. Может быть использовано для классификации, кластеризации, регрессии, ассоциативного анализа и т.д. [Павленко, 2020].

Нейронные сети – математические модели, имитирующие работу нервной системы человека. Нейронные сети состоят из слоев нейронов, которые обрабатывают входные данные и передают выходные сигналы. Нейронные сети обучаются на больших наборах данных и способны аппроксимировать сложные функции. Могут быть использованы для распознавания образов, обработки естественного языка, генерации текста и т.д. [Павленко, 2020].

Генеративные модели – модели, способные генерировать новые данные, похожие на имеющиеся. Основаны на вероятностных распределениях,

нейронных сетях, игровой теории и т.д. Могут быть использованы для синтеза изображений, текста, звука и т.д. [Там же].

В перспективе анализа был использован метод нейронных сетей.

Один из основных элементов анализа медицинского текста – это выделение фреймов. В качестве примера рассмотрим информацию о заболевании «сахарный диабет»:

«...Сахарный диабет – это хроническое заболевание, при котором организм не может нормально усваивать глюкозу из крови. Глюкоза – это основной источник энергии для клеток. При сахарном диабете уровень глюкозы в крови повышается, что может привести к серьезным осложнениям, таким как повреждение нервов, почек, сердца, глаз и сосудов. Сахарный диабет может быть вызван различными факторами, такими как наследственность, ожирение, недостаток физической активности, инфекции, стресс и т.д. Сахарный диабет не имеет лечения, но его можно контролировать с помощью диеты, физических упражнений, лекарств и инсулина. Инсулин – это гормон, который помогает глюкозе входить в клетки. При сахарном диабете 1-го типа поджелудочная железа не производит инсулин, поэтому пациентам необходимо регулярно вводить его в организм. При сахарном диабете 2-го типа поджелудочная железа производит инсулин, но клетки становятся невосприимчивыми к нему, поэтому пациентам необходимо принимать лекарства, которые повышают чувствительность клеток к инсулину или стимулируют его выработку...» [Тарасенко, 2017, с. 31–34].

Результатом анализа фреймов будет следующая табличная сводка (табл. 1):

Таблица 1
Анализ фрейма «сахарный диабет»

Название	Сахарный диабет
Определение	Хроническое заболевание, при котором организм не может нормально усваивать глюкозу из крови
Симптомы	Повышенный уровень глюкозы в крови, жажда, частое мочеиспускание, усталость, зуд, замедленные заживления ран, потеря веса, зрения и т.д
Причины	Наследственность, ожирение, недостаток физической активности, инфекции, стресс и т.д
Лечение	Не имеет лечения, но подвергается контролю с помощью диеты, физических упражнений, лекарств и инсулина

Профилактика	Соблюдение здорового образа жизни, контроль веса, регулярное измерение уровня глюкозы в крови, консультация с врачом и т.д.
Осложнения	Повреждение нервов, почек, сердца, глаз и сосудов, инфекции, гипогликемия, гипергликемия, диабетическая кетоацидоза, диабетическая кома и т.д. Типы 1-й тип – поджелудочная железа не производит инсулин, 2-й тип – клетки становятся невосприимчивыми к инсулину, другие типы – связаны с генетическими, иммунными, эндокринными или панкреатическими нарушениями

Исходя из анализа фрейма «сахарный диабет» можно сделать следующий вывод, касаемый лечения:

Использование искусственного интеллекта в анализе фреймов для медицинских текстов может значительно улучшить процесс поиска и извлечения научной информации. Автоматизация этого процесса с помощью искусственного интеллекта позволит значительно сократить время поиска нужных статей и результатов исследований, а также позволяет улучшить точность и качество извлечения информации.

Несмотря на все преимущества использования искусственного интеллекта в анализе фреймов, следует учитывать ограничения и риски.

1. Искусственный интеллект не является полностью автономной системой и требует поддержки человека для обучения и корректировки моделей.

2. Сбор данных для обучения искусственным интеллектом может быть трудоемким процессом, особенно при работе с медицинскими текстами из конфиденциальных источников.

Использование искусственного интеллекта в анализе фреймов на примере медицинских текстов имеет большой потенциал для улучшения диагностики и лечения заболеваний. Системы на базе искусственного интеллекта позволяют быстро обрабатывать большие объемы информации, автоматически классифицировать данные и предсказывать будущие результаты [Цветкова, 2016, с. 60–72]. Необходимо продолжать работу над сбором специализированных данных, улучшением моделей обучения и развитием методик интерпретации результатов работы систем на базе искусственного интеллекта. Только так можно достичь оптимальных результатов при использовании искусственного интеллекта в анализе фреймов медицинских текстов.

Использование искусственного интеллекта позволяет автоматизировать процесс анализа медицинских текстов, значительно сокращая время, затрачиваемое на поставленную задачу. Врачам больше не приходится тратить часы на чтение и интерпретацию клинических отчетов или изучение результатов лабораторных анализов – все это может быть выполнено компьютерной программой на основе искусственного интеллекта за считанные минуты.

Системы на базе искусственного интеллекта способны автоматически классифицировать тексты по определенным категориям, помогая упорядочить информацию и делая ее доступной для дальнейшего анализа. Такие системы могут автоматически выделить все случаи заболевания определенной патологии или найти все статьи научных журналов, посвященные новому лекарству или методу лечения.

Искусственный интеллект способен выявлять скрытые связи между разными параметрами здоровья пациента. Система на основе нейросетей может определить зависимость между конкретными генами и развитием определенного заболевания, что может привести к открытию новых путей лечения и профилактики.

На основе проведенных исследований и полученных результатов можно выдвинуть следующие рекомендации по использованию искусственного интеллекта в анализе фреймов медицинских текстов:

1. Развитие интегрированных систем: необходимо создавать комплексные системы, объединяющие данные из различных источников (клинические записи, лабораторные анализы, генетическая информация) для более полного анализа состояния пациента. Такая система должна быть способна автоматически обрабатывать большие объемы данных и выявлять закономерности, которые могут остаться незамеченными при ручной интерпретации.

2. Обучение моделей на больших наборах данных: для достижения более точных результатов необходимо использовать большие базы медицинских данных для обучения моделей искусственного интеллекта. Чем больше информации будет иметь система на старте, тем точнее будут её предсказания в дальнейшем.

3. Валидация результатов: все предсказания искусственного интеллекта должны проходить процедуру валидации, чтобы убедиться в их точности и надежности. Для этого необходимо проводить тесты на отдельных выборках данных, а также сравнивать результаты искусственного интеллекта с мнением опытных специалистов.

4. Учет этических аспектов: при использовании искусственного интеллекта в медицине следует

учитывать этические принципы и обязательно защищать данные пациентов от несанкционированного доступа. Также необходимо разрабатывать стандарты использования искусственного интеллекта и её предсказания для повышения доверия специалистов и пациентов к этой технологии.

Однако перед широким применением данной технологии рекомендуется провести дополнительные исследования по её эффективности и точности, а также разработать стандарты использования искусственного интеллекта в медицине. Это позволит полностью раскрыть потенциал искусственного интеллекта в анализе фреймов медицинских текстов и улучшить качество предоставляемой медицинской помощи.

В целом, перспективы использования искусственного интеллекта в анализе фреймов медицинских текстов очень обнадеживающие. При правильном подходе и разработке эффективных алгоритмов, искусственный интеллект может значительно улучшить качество работы специалистов в области здравоохранения и помочь им принимать более точные решения на основе большого объема информации из медицинских текстов.

Список литературы

1. Батыгин, Г. С. Континуум фреймов: драматургический реализм Ирвинга Гоффмана / Г. С. Батыгин. – Текст : непосредственный // Социологический журнал. – 2001. – № 3. – 24 с.
2. Вахштайн, В. С. Теория фреймов как инструмент социологического анализа повседневного мира : автореф. дис. ... канд. социол. наук / В. С. Вахштайн ; ИНИОН РАН. – Москва, 2007. – 35 с. – Текст : непосредственный.
3. Маджаева, С. И. Фреймовый подход к систематизации терминологических знаний / С. И. Маджаева. – Текст : непосредственный // Ученые записки : электрон. науч. журнал Курского гос. университета. – 2012. – № 2. – С. 1–2.
4. Павленко, Д. Введение в машинное обучение и искусственные нейронные сети / Д. Павленко. – Текст : электронный // foobar167 : [сайт]. – URL: <https://foobar167.blogspot.com/2019/01/vvedeniye-v-mashinnoye-obucheniye-i-iskusstvennyye-neyronnyye-seti.html> (дата обращения: 30.01.2024).
5. Петрунин, Ю. Ю. Философия искусственного интеллекта в концепциях нейронаук / Ю. Ю. Петрунин, М. А. Рязанов, А. В. Савельев. – Текст : непосредственный // МАКС Пресс. – 2010. – С. 77.
6. Сердюк, Ю. П. Система извлечения упоминаний симптомов из текстов на естественном языке с помощью нейронных сетей / Ю. П. Сердюк, Н. А. Власова, С. Р. Момот. – Текст : непосредственный // Программные системы: теория и приложения. – 2023. – № 1. – С. 1–29.
7. Тарасенко, Н. А. Сахарный диабет: действительность, прогнозы, профилактика / Н. А. Тарасенко. – Текст : непосредственный // Современные проблемы науки и образования. – 2017. – № 6. – С. 31–34.
8. Цветкова, Л. А. Технология больших данных в медицине и здравоохранении России и мира / Л. А. Цветкова, О. В. Черченко. – Текст : непосредственный // Врач и информационные технологии. – 2016. – № 3. – С. 60–72.
9. Маркус, Г. Искусственный интеллект: перезагрузка. Как создать машинный разум, которому действительно можно доверять / Г. Маркус, Э. Дэвис. – М. : Альпина ПРО, 2019. – 414 с. – Текст : непосредственный.
10. Manning Ph. Erving Goffman and modern sociology. – London : Polity Press, 1992. – P. 19.

DOI: 10.47475/9785727119631_163

А.С. ИВОНИНА / A.S. IVONINA

*Сургутский государственный педагогический университет
(Сургут, Россия)*

ИНДЕКС СИНТАКСИЧЕСКОЙ СЛОЖНОСТИ ИНОЯЗЫЧНОГО ТЕКСТА В УСЛОВИЯХ УЧЕБНОГО БИЛИНГВИЗМА

SYNTAX COMPLEXITY INDEX OF THE TEXT IN THE SITUATION OF ARTIFICIAL BILINGUALISM

Аннотация: В статье приводится обзор отечественных и зарубежных лингвистических исследований последнего десятилетия в области синтаксической организации текста, приводятся примеры терминов синтаксическая сложность, трудность, читабельность текста. На основе приведенного

теоретического обзора автор предлагает собственное определение синтаксической сложности иноязычного текста. Автор определяет параметры синтаксической сложности иноязычного текста в условиях учебного билингвизма: читабельность и синтаксическая интерференция. Автором предлагается формула вычисления индекса синтаксической сложности иноязычного текста в учебных условиях, как дополняющая к существующим формулам вычисления читабельности и приводятся примеры оценки сложности учебных текстов с помощью выведенной формулы. Данные исследования могут быть использованы в дидактике при подготовке учебных и контрольных материалов, а также для иных лингвистических исследований текста.

Abstract: The article provides an overview of Russian and foreign linguistic studies of the last decade in the field of syntactic organization of the text, examples of the terms “syntactic complexity”, “difficulty”, “readability” of the text are given. Based on the above theoretical review, the author offers his own definition of the syntactic complexity of a foreign language text. The author defines the parameters of the syntactic complexity of a foreign language text in situation of artificial bilingualism: readability and syntactic interference. The author proposes a formula for calculating the syntactic complexity index of a foreign language text in educational conditions, as complementary to existing formulas for calculating readability, and examples of assessing the complexity of educational texts using the derived formula given. These studies can be used in didactics in the preparation of educational and control materials, as well as for other linguistic studies of the text.

Ключевые слова: читабельность, синтаксическая сложность текста, синтаксическая интерференция иноязычного текста, учебный билингвизм.

Keywords: readability, syntactic complexity, syntactic interference, artificial bilingualism.

В нашем материале «Точность и глубина понимания иноязычного текста» [Ивонина, 2023] мы уже писали о том, что работа с текстом и его понимание является одним из ключевых видов деятельности в процессе овладения вторым языком. Там же мы указываем на то, что степень понимания иноязычного текста в условиях учебного билингвизма зависит от ряда субъективных и объективных факторов. Существенную роль в понимании текста играет память. Память представляет собой единую систему, которая сохраняет все следы пережитого опыта и управляет поведением человека. При этом, в памяти сохраняется информация не от том, что представляет собой предмет понимания, то есть стимул, а о том, что человек делал с этим стимулом в ходе его обработки, иначе говоря, операции со стимулом [Рафикова, 1999, с.11]. В связи с этим, наше исследование основано на предположении о том, что синтаксическая организация иноязычного текста способна препятствовать пониманию текста, поскольку синтаксические операции на родном языке выполняются искусственным билингвом гораздо раньше и в гораздо большем количестве, чем на иностранном языке. Точнее говоря, синтаксис родного языка, как способ оперирования данным языком, так прочно закрепляется в оперативной памяти, что неизбежно влияет на систему ожиданий индивида при восприятии иноязычного текста.

Таким образом, предметом данной статьи является рассмотрение влияния на понимание текста такого фактора как синтаксическая органи-

зация текста. Целью статьи является обосновать формулу вычисления индекса синтаксической сложности текста как показателя сложности понимания иноязычного текста в ситуации учебного двуязычия.

При оценке синтаксической организации текста отечественные и зарубежные лингвисты описывают характеристики текста, затрудняющие его понимание, разными терминами. Так, например, А. С. Ребер пишет о неоднозначности термина читабельность в отечественной лингвистике: читабельность – «мера доступности для понимания письменного текста, определяемая анализом ряда факторов, включая синтаксическую сложность, лексику, выраженность темы, связность тем и т.п.» [Цит. по: Солнышкина, Кисельников, 2015, с. 87]. Согласно данному термину, читабельность более широкое понятие, чем синтаксическая сложность и включает в себя ряд лексических параметров.

Поскольку предметом нашего исследования является синтаксическая организация текста, мы будем использовать в работе те, формулы расчета читабельности, которые учитывают только синтаксические параметры.

Согласно определению Ortega [Ortega, 2004], сложность – это количество компонентов, из которых состоит языковой фрагмент и количество связей между различными компонентами. Синтаксическая сложность определяется автором как диапазон и степень развернутости грамматических структур, используемых при производстве синтаксической единицы языка.

The Biber Tagger [Biber, Johansson, Leech, Conrad, 2002] предоставляет обширный набор детализированных признаков грамматической сложности на основе различных лексикограмматических структур. Кроме того, как Coh-Metrix, так и Tool for the Automatic Analysis of Syntactic Sophistication and Complexity [Graesser, McNamara, Louwerse, Cai, 2004] предлагают большой набор целостных и детализированных индексов синтаксической схожести, сложности клауз, фразовой сложности. Многие исследования использовали эти индексы и инструменты для изучения количественных взаимосвязей синтаксической сложности с языковой компетентностью. Эти исследования привели к насыщенным выводам, значительно расширившим наше понимание синтаксической сложности.

В современной лингвистической практике можно насчитать более двухсот различных формул читабельности для анализа текстов на различных языках [Кисельников, 2015, с. 81]. Одна из самых часто используемых формул удобочитаемости – формула по Флешу (Flesch Reading Ease), которая предназначена для анализа текстов на английском языке. Удобочитаемость текста по формуле, разработанной Р. Флешем, вычисляется с учетом двух параметров – средняя длина предложения и среднее число слогов в слове.

Gunning Fog Index ($GFI = 0.4 \times (ASL + PHW)$) – еще одна формула, которая в расчете читабельности текста учитывает длину предложений (ASL). Вторым параметром формулы является количество сложных слов (PHW), состоящих из трех и более слогов.

Э. Колман добавляет в формулу оценки читабельности текста такие параметры как количество местоимений и количество предлогов. Местоимения могут выражать синтаксические отношения в английском языке и являться приемом осуществления синтаксических связей, а предлоги соединяют два знаменательных слова, указывая на зависимое положение одного из них по отношению к другому. Таким образом, чем больше в предложении местоимений и предлогов, тем больше в нем связей и тем, соответственно, сложнее становится предложение для понимания.

Перечисленные нами ранее формулы читабельности имеют две особенности. Во-первых, все они так или иначе отмечают длину предложения, как фактор, влияющий на восприятие текста. Во-вторых, они разработаны для любых типов текстов, но лишь на родном языке, то есть формулы не учитывают фактора билингвизма.

В ситуации билингвизма неизбежно сталкиваются два языка, каждый из которых имеет свою грамматику и синтаксическую норму. Сле-

довательно, различия в грамматике двух языков будут влиять на сложность восприятия читаемого текста. В условиях учебного билингвизма это проявляется особенно явно, поскольку при учебном билингвизме владение вторым языком значительно уступает владению родным языком. Данное обстоятельство объясняется таким феноменом как языковая интерференция – перенесение особенностей родного языка на изучаемый иностранный язык [Шимановская, 2014, с. 390]. Грамматические механизмы чтения на изучаемом иностранном языке формируются на основе уже сложившихся механизмов. Так, в качестве примера Л.А. Шимановская приводит неправильное использование обучающимся так называемых инфинитивных конструкций. В английском – это Complex Object, «I saw him come (англ.)» – «Я увидел (видел), как он пришел» [Шимановская, 2014, с. 391]. При сопоставлении английского и русского языков, любые синтаксические расхождения, подобные описанному примеру, будут считаться случаями вероятной синтаксической интерференции: это и различия в использовании местоимений, предлогов, и различия в конструкциях и способах употребления страдательного залога, и частота употребления зависимых клауз, и порядок слов в предложении, использование инфинитивных конструкций и любые другие грамматические отличия, не поддающиеся прямому переводу на русский язык, требующие перестройки синтаксической конструкции.

Таким образом, индекс синтаксической сложности иноязычного текста в нашем исследовании будет отличаться от индекса формул вычисления читабельности текста. Мы предполагаем, что формула определения синтаксической сложности иноязычного текста на основе параметра синтаксической интерференции может служить дополнением к любой из упомянутых нами формул вычисления уровня читабельности текста. При этом, анализ текста на предмет синтаксической интерференции дополнит анализ сложности текста и позволит дать больше информации о том, что в тексте может препятствовать его полному и глубокому пониманию.

Формула вычисления синтаксической сложности иноязычного текста будет представлена как отношение количества случаев синтаксической интерференции на единицу текста к количеству слов в тексте. Вычисления производятся по формуле $NSI / NW * 100$, где (NSI) – количество случаев синтаксической интерференции, (NW) – количество слов в тексте.

С целью проверки составленной нами формулы и выделения уровней синтаксической сложности иноязычного текста мы применили данную формулу к учебным текстам разных ступеней обучения с

4 по 11 класс. Тексты были взяты из федеральных контрольных процедур по английскому языку, таких как всероссийская проверочная работа в 4 и 7 классах, основной государственный экзамен и единый государственный экзамен. Кроме того, предполагая, что сложность оригинальных не адаптированных текстов на иностранном языке выше, чем у учебных текстов, мы проанализировали несколько не учебных иноязычных текстов из различных иноязычных информационных источников, а также авторов иноязычных художественных произведений.

Данная апробация позволила выделить следующие уровни синтаксической сложности иноязычного текста в условиях учебного билингвизма:

Таблица 1
Уровни синтаксической сложности
иноязычного текста

Индекс синтаксической сложности текста	Уровень синтаксической сложности текста
0-2	Очень легкий
3-4	Легкий
5-6	Доступный / оптимальный
7-8	Довольно сложный
9-10	Очень сложный

При анализе мы обнаружили, что степень сложности по предложенной нами формуле может значительно расходиться у текстов, которые демонстрируют примерно одинаковый уровень читабельности по существующим зарубежным формулам. Приведем в пример сравнительный анализ двух текстов, один из которых взят из варианта единого государственного экзамена по английскому языку, а другой из газеты “The Guardian”.

Таблица 2
Сравнительный анализ читабельности и синтаксической сложности учебного и оригинального иностранного текстов

Показатели читабельности по существующим формулам	
Текст ЕГЭ	Текст “The Guardian”
Flesch Kincaid Grade Level 15.94	Flesch Kincaid Grade Level 14.58
SMOG Index 13.89	SMOG Index 14.71
Coleman-Liau Index 9.63	Coleman-Liau Index 13.16
Gunning-Fog Score 18.53	Gunning-Fog Score 16.93
Показатели сложности текста на основе параметра синтаксической интерференции	
4	8,4

Таким образом, выведенная нами формула доказывает взаимосвязь степени сложности иноязычного текста для билингвального читателя и его синтаксической организации. Такая формула позволит оценить степень готовности билингвов, овладевших иностранным языком в искусственных условиях, к пониманию иноязычных текстов.

Выделенная нами формула определения уровня синтаксической сложности иноязычного текста позволит проводить оценку иноязычного текста, используемого в учебных целях, позволит спрогнозировать возможные трудности понимания иноязычного текста, и, при необходимости, адаптировать учебный текст под разные языковые возможности обучающихся с целью достижения полного понимания иноязычного текста.

Список литературы

1. Ивонина, А. С. Точность и глубина понимания иноязычного текста в ситуации учебного двуязычия / А. С. Ивонина // Русский лингвистический бюллетень. – 2023. – № 7 (43). – Текст : непосредственный.
2. Кисельников, А. С. К проблеме характеристик текста: читабельность, понятность, сложность, трудность / А. С. Кисельников // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота. – 2015. – № 11(53): в 3-х ч. Ч. II. – С. 79-84. – Текст : непосредственный.
3. Рафикова, Н. В. Психолингвистическое исследование процессов понимания текста. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 1999. – 144 с. – Текст : непосредственный.
4. Солнышкина, М. И., Кисельников А. С. Сложность текста : этапы изучения в отечественном прикладном языкознании – Текст : электронный // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2015. – №6 (38).– URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/slozhnost-teksta-etapy-izucheniya-v-otechestvennom-prikladnom-yazykoznanii> (дата обращения 24.01.2024)
5. Шимановская, Л. А. Языковая интерференция и ее проявление в русско-английском переводе научной статьи по химической технологии – Текст : электронный // Вестник Казанского технологического университета. – 2014. – №9. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-interferentsiya-i-ee-proyavlenie-v-russko-angliyskom-perevode-nauchnoy-statii-po-himicheskoy-tehnologii> (дата обращения: 24.01.2024).
6. Biber D., Johansson S., Leech G., Conrad S. Longman grammar of spoken and written English / D. Biber, S. Johansson, G. Leech, S. Conrad //

London: Journal of Linguistics. – 2002. – 38(2). – P. 397-439. – Текст : непосредственный.

7. Graesser, A. C., McNamara, D. S., Louwerse, M. M., & Cai, Z. Coh-Metrix: Analysis of text on cohesion and language. – Текст : электронный // Behavior Research Methods, Instruments & Computers. – 2004. – 36(2). – P. 193-202. – URL :

<https://doi.org/10.3758/BF03195564> (дата обращения 24.01.2024)

8. Ortega, L. Understanding Second Language Acquisition (1st ed.) – Текст : электронный // London : Routledge, 2004. – 320 p. – URL : <https://doi.org/10.4324/9780203777282> (дата обращения 24.01.2024)

DOI: 10.47475/9785727119631_167

О.И. КАЛИНИН / O.I. KALININ

*Военный университет имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации,
Московский государственный лингвистический университет
(Москва, Россия)*

Л.А. РАДУС / L.A. RADUS

*Военный университет имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации
(Москва, Россия)*

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ КОНЦЕПТА И ПРОЦЕССУ ЕГО ФОРМИРОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ КОНЦЕПТА АРМИЯ)

STRUCTURE OF CONCEPT AND THE PROCESS OF ITS FORMATION (ON THE EXAMPLE OF THE ARMY CONCEPT)

Аннотация

В статье рассмотрены представления современной когнитивной лингвистики о структурной организации концепта как субъективной единицы знания об объективном мире, изучены основные концептуальные характеристики знания об армии как общественном институте. В качестве основы концепта общественно-политического института может быть рассмотрен чувственно-рациональный образ-понятие, обусловленный идеологически и культурно predetermined ценностями. Ценностный компонент предполагается базовым, однако не первичным в случае формирования концепта. Предполагается, что знание об общественно-политическом институте, таком как АРМИЯ, может быть сформировано на базе рационального осмысления и чувственного восприятия, однако в процессе формирования идеология, воздействуя на ценности, становится основой для образного представления и на содержательного понимания субъекта общественно-политической жизни.

Abstract

The article considers the ideas of modern cognitive linguistics about the structural organization of the concept as a subjective unit of knowledge about the objective world, studies the main conceptual characteristics of knowledge about the army as a social institution. As the concept basis can be considered a sensual-rational image, conditioned by ideologically and culturally predetermined values. The value component is assumed to be basic, but not primary in the case of concept formation. It is assumed that knowledge about a socio-political institution, such as ARMY, can be formed on the basis of rational reflection and sensual perception, but ideology, influencing the values, becomes the basis for the image representation and meaningful understanding of socio-political life.

Ключевые слова: *концепт, полевая структура, армия, концептуализация, фрейм.*

Keywords: *concept, field structure, army, conceptualization, frame.*

Введение

Отталкиваясь от определения концепта Е.С. Кубряковой как «кванта структурированного знания» [Кубрякова, 1997, с. 60] и понимания

концепта как «того, что индивид знает, думает, представляет об объектах внешнего и внутреннего миров, его представление о референте (фрагменте мира)» [Пименова, 2004, с. 127], мы пола-

гаем, что все окружающая нас действительность отражена в форме калейдоскопически системной организации знания в форме концептов разного типа и структуры.

Как указывает И.А. Стернин, «концепт имеет определенную структуру, хотя он и не может быть представлен как жесткая структура, подобная значению слова» [Стернин, 2001, с. 59]. Сложность структуры концепта как формы организации знания тем сложнее, чем более многоуровневым и иерархически сложным является сам объект окружающей действительности.

Предметом нашего изучения является образ вооруженных сил, базирующийся на концептуальном уровне на концепте АРМИЯ. Ранее мы указывали, что концепт АРМИЯ отличается а) понятийной основой, в основе которой лежит опыт рационального осмысления человеком армии и ее роли в жизни страны и народа; б) образностью как способностью знания о вооруженных силах быть представленным в форме наглядного образа, например, через метафору; в) вербальной эксплицированностью, что проявляется в выражении знания об армии в языковых формах; г) аксиологической обусловленностью, предполагающей взаимосвязь знания об армии с ценностными представлениями человека об окружающем мире вообще; д) национально-культурной обусловленностью, которая отражает связь знания об армии с исторической памятью того или иного народа, с его географическим положением, менталитетом и так далее [Радус, 2023, с. 187]

Вышеперечисленные характеристики определяют структуру концептов, о которой мы можем судить с высокой долей условности. Описывая структуру любого концепта, человек реализует свой потенциал к рациональному познанию, который во многом базируется на способности к структурированию. Так, структура концепта АРМИЯ – это не безапелляционная структура, как, например, структура атома или структура самих вооруженных сил, это результат рационального осмысления человека, каким образом может быть упорядочены его собственные представления о данном общественно-политическом институте. Сложность структуры концепта АРМИЯ определяются не сложностью понятийного знания, которое концепт сохраняет в своей структуре, а многослойностью образного и ценностного компонентов, которые как раз и являются основой для формирования имиджа.

Так, исходя из описанных выше теоретических оснований описания структуры концепта АРМИЯ мы полагаем целью данного исследования систематизацию и осмысление представлений о структуре концепта как единицы знания

об окружающем мире и процесса формирования данной структуры. Для достижения данной цели мы последовательно решаем ряд исследовательских задач:

1) описать представлений о структуре концепта в отечественной когнитивной лингвистике;

2) предложить структуру общественно-политического концепта на примере концепта АРМИЯ.

Структура концепта в отечественной когнитивной лингвистике

Проблема исследования структуры концепта как единицы концептуальной системы в отношении к языковым выражениям, содержащую информацию об окружающем мире, является многократно исследованной в современном языкознании. Работы С.Г. Воркачева [Воркачев, 2004; Воркачев, 2007], И.А. Стернина [Стернин, 2001; Стернин, 2004], А.П. Бабушкина [Бабушкин, 1998], В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина [Карасик, 2001; Карасик, 2005], Н.Н. Болдырева [Болдырев, 2014], Н.А.Красавского [Красавский, 2001] во многом посвящены осмыслению проблематики структуры концепта.

Подходы различных ученых относительно структуры концепта имеют значительные отличия, однако общим является представление о том, что концепт – это сложное образование, состоящее из нескольких компонентов. Структура концепта представляет собой комплекс обобщенных характеристик, необходимых для опознания объекта или явления в качестве фрагмента общей картины мира.

Понимание концепта в работе Н.А. Красавского подчёркивает все вышеперечисленные характеристики, при этом значительное внимание уделяется понятийной основе в структуре концепта: «этнокультурно обусловленное, сложное структурно-смысловое интегративное, ментальное, как правило, лексически и/или фразеологический вербализованное образование, базирующееся на понятийной основе, включающее в себя помимо понятия образ, оценку, культурную ценность» [Красавский, 2001, с. 60].

Н.Н. Болдырев отмечает динамическую природу концепта и подчеркивает, что «ядро концепта составляют конкретно-образные характеристики, которые являются результатом чувственного восприятия мира, его обыденного познания» [Болдырев, 2014]. Автор метафорически указывает, что структура концепта подобна снежному кому: «объем концепта увеличивается за счет новых концептуальных характеристик, обволакивается новыми слоями» [Болдырев, 2014].

Методологически важными мы считаем рассуждения о структуре концепта Ю.С. Степанова. Концепт, по его мнению, включает в себя такие

компоненты, как «1) основной, актуальный признак; 2) дополнительный или несколько дополнительных, пассивных признаков, являющихся уже не актуальными, а историческими; 3) внутреннюю форму, обычно вовсе не осознаваемую, запечатленную во внешней словесной форме». [Степанов, 1997, с. 40-43].

Большинство ученых соглашаются с идеей о наличии структуры у концепта, которую принято именовать «полевой», то есть о наличии у концепта концептуальных единиц разного уровня. При этом важным является признание условности данного положения, так как границы разных уровней концепта, безусловно, весьма расплывчаты.

Под полевой структурой концепта понимается видение концепта в формате «базовый (центральный) элемент + периферийные компоненты». Для описания структуры концепта И.А. Стернин предлагает использовать образ плода: «Базовый слой концепта всегда представляет собой определенный чувственный образ... Этот образ представляет собой единицу универсального предметного кода, кодирующую данный концепт для мыслительных операций, и поэтому может быть назван кодирующим. Если концепт представить как некий плод, то базовый чувственный образ – как бы косточка плода» [Стернин, 2001].

Под периферией концепта, которая выходит за рамки концепта-плода, И.А. Стернин понимает интерпретационную часть, которую составляет «совокупность слабо структурированных предикаций, отражающих интерпретацию отдельных концептуальных признаков и их сочетаний в виде утверждений, установок сознания, вытекающих в данной культуре из содержания концепта» [Стернин, 2001, с. 61].

Сходного мнения придерживается и А. Вежбицкая, которая в своей работе выделяет «ядерные компоненты» культуры, актуализируемые посредством изучения ключевых слов [Вежбицкая, 1993; Вежбицкая, 1999].

Не отрицая полевой структуры, В.И. Карасик и Г.Г. Слышкин исследуют содержание концептов, которые, по их мнению, включают три составляющие: понятийную, образную, ценностную [Карасик, 2001, с. 78; Карасик, 2002, с. 129].

О трех компонентах концепта В.И. Карасик пишет следующее: «Понятийная сторона представляет собой языковую фиксацию концепта, его обозначение, описание, признаковую структуру, дефиницию. Образная сторона – это характеристики, полученные через органы чувств, предметов, явлений, событий, отраженных в нашей памяти, это признаки практического знания. Ценностная сторона – это сторона, присущая любому концепту, она является определяющей для

выделения концепта. Именно рассмотрение концептов с этой стороны может выявить ценностные доминанты, образующие определенный тип культуры» [Карасик, 2002].

Мнение о трехкомпонентной структуре концепта разделяет и С.Г. Воркачев, который подчеркивает, что «понятийная составляющая ... отражает признаковую и дефиниционную структуру концепта, образная составляющая фиксирует когнитивные метафоры, поддерживающие его в языковом сознании, значимостная составляющая определяется местом, которое занимает имя концепта в языковой системе» [Воркачев, 2004; Воркачев, 2007].

Так, мы сталкиваемся с разными точками зрения относительно структуры концепта. Н.Н. Болдырев, И.А. Стернин в качестве основы (условно «ядра») определяют эмоционально-чувственный образ, то есть образный компонент, В.И. Карасик и Г.Г. Слышкин указывают ценностный компонент как базовый, а Ю.С. Степанов и Н.А. Красавский, описывая концепты подчеркивают, что они формируются вокруг некоторого базового понятия.

Структура концепта АРМИЯ

Нам кажется, что в целях исследования имиджа общественно-политического института основу знания об этом общественно-политическом институте следует определить как трехкомпонентный элемент, который содержит понятийную, образную и ценностную составляющую одновременно.

Вероятно, любая компоновка этих основных компонентов будет полемична, так как определить структуру концепта можно только на уровне теоретического рационального осмысления, проверить достоверность предложенной модели эмпирическими методами невозможно. Тем не менее, полагая очевидным, что базовый уровень концепта включает в себя три компонента, мы предпримем попытку объединения указанных выше представлений исследователей и предложим свое видение структуры концепта-фрейма как пакета знаний о вооруженных силах.

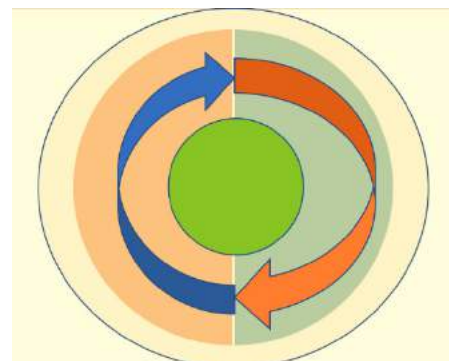

Рис.1 – Структура ядра общественно-политического концепта

На рисунке зеленый в центре и светло-зеленый снаружи отражает ценностный компонент концепта, опосредованный лингво- и социокультурой, а также идеологией, которая непосредственно влияет на те или иные ценности относительно концептуального знания об общественно-политическом институте. Синий и голубой – понятийный компонент, оранжевый и светло-оранжевый – образный компонент.

Нам кажется важным отразить взаимодействие образного и понятийного компонентов, которые являют собой результат чувственного и рационального познания. На наш взгляд, два типа познания невозможно разграничить и четко определить, что при концептуализации одного объекта окружающего мира было задействовано чувственное познание, а другого – рациональное. Оба типа познания находятся в постоянном взаимодействии, поэтому их роль в структуре ядра концепта реализовано по принципу «инь-ян», когда в составе образного компонента присутствует понятийный и наоборот.

На наш взгляд, подобное осмысление характерно для всех типов концептов: предметных и абстрактных. Например, предметный концепт ШКАФ может предполагать и рациональное осмысление как предмета мебели (понятийный компонент) и чувственное восприятие как чего-то громоздкого, большого (образный компонент). Подобный же принцип взаимодействия типов мышления лежит и в основе метафоризации, когда мы абстрактные по сути явления описываем предметно: ЯРОСТЬ – это ПОЖАР. При этом если и сфера-источник, и сфера-цель – это структурированные предметные понятия, метафоризация основывается на чувственном восприятии: ГОСУДАРСТВО – это СЕМЬЯ, где основой метафоризации является чувство единения, близости. Знание об армии определяется как рациональным осмыслением об устройстве вооруженных сил, мощи вооружения, роли армии в защите государства, так и чувственно-образным представлением от, например, военной формы, парадов, военных учений и так далее.

Ценностный компонент, представленный нами на рисунке 1 зеленым цветом как внутри образного и понятийного компонента, так и снаружи, являет собой центральный элемент в свете анализа концепта как основы для формирования имиджа. Аксиологическая обусловленность предопределяет соотношенность понимания общественно-политического субъекта с общенациональными ценностями, отражает одновременно и статическое понимание, наличие тех или иных ценностей относительно вооруженных сил, и динамическое, то есть процесс взаимодействия

национальных и личностных ценностей относительно структуры знания об общественно-политическом институте.

Ценностный компонент опосредован культурой сообщества, в условиях существования которого данный концепт формируется. Например, изучая в сопоставительном ключе метафорическую репрезентацию вооруженных сил, мы выявили, что одной из наиболее частотных метафорических моделей репрезентации НОАК является модель АРМИЯ – стальная КИТАЙСКАЯ СТЕНА [Калинин, 2021, с. 4005]. А в случае с общественно-политическим концептом также значительную роль будет играть идеология. Так, в репрезентации армии Китая значительную роль играет тесная связь вооруженных сил и народа, которые описываются как «рыба и вода», или же армия представляется как «детище народа» [Калинин, 2021, с. 56].

Мы полагаем, что центральное положение ценностного компонента предполагается исходя из того, что именно в культурно-идеологической среде вообще возможно и чувственное, и понятийное наполнение концепта. Культура предполагает наличие ценностных установок (как минимум хорошо/плохо), которые изначально формируют набор средств чувственного и рационального познания, которые определяют образное и понятийное содержание концепта. Идеология при этом дает более осязаемые ценностные установки, которые реализуются через формирование понятийного компонента, а также предполагает дополнительные образные характеристики концепта.

Так, мы полагаем, что и понятие АРМИЯ, и образные характеристики вооруженных сил могут отличаться у разных народов, что во многом связано как с ценностными ориентирами, сложившимися в этих культурах, таких, как например, отношение к войне, смерти, родине и так далее. Мы полагаем, что отличия в понимании войны, выявленные для русской и китайской культур [Kalinin, Mavleev, 2020], могут считаться значимым основанием полагать, что и ценностное восприятие армии, как общественного института, отвечающего за военную сферу, также может отличаться. Также очевидно, что понятийный компонент концепта АРМИЯ в сознании представителей некоторых народов, которые исторически не принимают участия в вооруженных конфликтах (например, Швейцария) или народов, не имеющих собственной системы вооруженных сил (например, Южный Судан), будет значительно отличаться от большинства других народов, где армия играет значительную роль в обеспечении жизнедеятельности страны (например, России или Китая). Также понятийный компонент кон-

цепта АРМИЯ, на наш взгляд, напрямую связан с идеологией, которая является доминирующей в политической системе того или иного государства в данный период времени. Так, скажем понимание армии как общественного института в нацистской Германии очевидно было иным, чем в современной ФРГ, что обусловлено значительным изменением идеологии.

Внешняя составляющая ценностного компонента (на схеме – светло-зеленый) отражает тот факт, что, будучи уже концептуализированным и сформированным как квант знания, элемент внешнего мира как результат познания, оказывается под воздействием сторонних ценностей, то есть не относящихся напрямую к данной области знания. Так, ценностный компонент концепта АРМИЯ в данном случае также связан с ценностными ориентирами государства в целом. Это наиболее динамичная составляющая концепта, которая может меняться в зависимости от политической обстановки, отдельной новостной повестки. На наш взгляд, этот слой концепта, основанный на культурно и идеологически обусловленном понятии-образе, можно идентифицировать как имидж. В структуре концепта, этот набор концептуальных признаков, отражающих динамичные ценностные ориентиры, может отражаться в индивидуальном и групповом сознании как имидж общественного института.

Мы полагаем, что для разных типов концептов ценностный слой играет разную роль. Предметные концепты содержат минимальный ценностный компонент в культурологическом понимании этого слова. Концепт ШКАФ опосредуется на ценностном базисе, который одновременно

определяет предмет мебели как часть материальной культуры и образное содержание «тяжелый, громоздкий» соотнося через культуру с другими образами «тяжести и громоздкости». Иными словами, ценностный компонент этот своего рода изначальный толчок, который формирует образное и понятийное содержание.

Таким образом, основой концепта будет являться чувственно-рациональный образ-понятие, обусловленный идеологически и культурно предопределенными ценностями. Мы полагаем, что в случае структуры концепта общественно-политического института, такого как АРМИЯ, именно идеологический компонент, воздействующий на ценности, будет основой для образного представления о субъекте общественно-политической жизни, также он может в значительной степени воздействовать и на содержательное понятие определенного концепта.

Стоит отметить, что на наш взгляд, предложенное выше понимание структуры общественно-политического концепта отражает соотношение его компонентов в уже сформированном концепте в сознании взрослого человека с нормально развитой системой мышления. Мы полагаем, что при первичном, самом базовом уровне взаимодействия человека с окружающим миром, культурно-ценностный компонент отсутствует вовсе, но по мере становления человека как социокультурной личности, он приобретает все большую значимость. Изобразим данный процесс графически.

На рисунках 2 и 3 с высокой степенью условности мы отразили, что характер структуры концептов меняется: чувственные (эмоциональные)

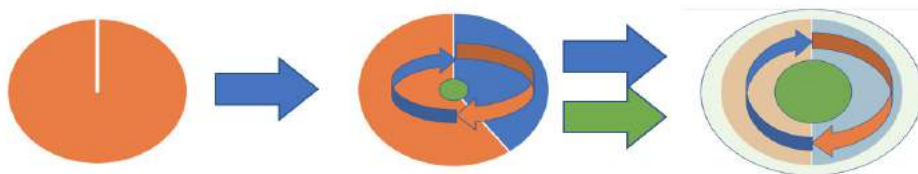

Рис. 2 – Процесс формирования общественно-политического концепта (1)

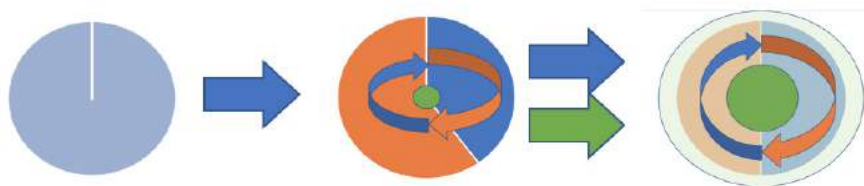

Рис. 3 – Процесс формирования общественно-политического концепта (2)

концепты имеют исключительно чувственно-образную природу, основанную на физическом ощущении от взаимодействия с окружающим миром, предметные концепты содержат значительный понятийный компонент пополняемый за счет чувственного и в меньшей степени опосредованы культурой. При этом в процессе развития мышления человека, под воздействием культуры и идеологии, и появляется ценностный компонент, начинается взаимодействие рационального и чувственно-образного мышления.

Говоря о концепте АРМИЯ, мы полагаем, что в процессе его формирования первичным будет понятийный компонент, человек сначала рационально осознает, что такое армия, в чем ее функции и роль как общественного института, и только потом под воздействием идеологии, а также лингво- и социокультуры, возникают образы, основанные на ценностных ориентирах относительно этого общественного института.

Таким образом, мы рассмотрели представления современной когнитивной лингвистики о структурной организации концепта как субъективной единицы знания об объективном мире. Анализ научной литературы показал разнообразие точек зрения по этому вопросу, что дает пространство для дальнейших интерпретаций применительно к отдельным разновидностям концептов. Так, рассматривая имидж-образ вооруженных сил как концептуальное образование, в основе которого лежит фрейм АРМИЯ, мы полагаем, что в качестве его основы может быть рассмотрен чувственно-рациональный образ-понятие, обусловленный идеологически и культурно предопределенными ценностями. Ценностный компонент предполагается базовым, однако не первичным в случае формирования концепта. Предполагается, что знание об общественно-политическом институте, таком как АРМИЯ, может быть сформировано на базе рационального осмысления и чувственного восприятия, однако в процессе формирования идеология, воздействуя на ценности, становится основой для образного представления и на содержательного понимания субъекта общественно-политической жизни.

Данное предположение не носит абсолютного характера, так как не имеет и не может иметь под собой экспериментально-доказательной базы. Мы полагаем подобную модель организации субъективного знания об общественно-политических явлениях и объектах гипотезой, на базе которой можно развивать дальнейшие научные теории, объясняющие роль языка в социальных практиках, таких, как, например, управление общественным мнением и формирование определенных политических образов.

Список литературы

1. Бабушкин, А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: / Анатолий Павлович Бабушкин. – Воронеж, 1998. – 39 с. – Текст : непосредственный.
2. Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций / Н.Н. Болдырев. – Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. – 236 с. – Текст : непосредственный.
3. Вежбицкая, А. Семантика, культура и познание; общечеловеческие понятия в культурно-специфических контекстах/ А. Вежбицкая – Текст : непосредственный. // Thesis: Theory and history of economic and cultural institutions and systems / Almanac. – Москва, 1993. – Vol. 1 – № 3. – С. 185-206.
4. Вежбицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов // Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая ; пер. с англ. А.Д. Шмелевой под ред. Т.В. Булыгиной. – Москва : Языки русской культуры, 1999. – С. 263-305 – Текст : непосредственный.
5. Воркачев, С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт / С.Г. Воркачев – Москва, 2004. – 236 с. – Текст : непосредственный.
6. Воркачев, С. Г. Лингвокультурный концепт: типология и области бытования. / С.Г. Воркачев – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007. – 400 с. – Текст : непосредственный.
7. Калинин, О. И. Метафорическая репрезентация медиаобраза вооруженных сил (на примере ВС РФ и НОАК) / О. И. Калинин, Л. А. Радус // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – Т. 14, № 12. – С. 4005-4010. – Текст : непосредственный.
8. Калинин, О. И. Метафорический образ НОАК в СМИ КНР / О. И. Калинин // Политическая лингвистика. – 2018. – № 6(72). – С. 55-59. – Текст : непосредственный.
9. Карасик, В. И. Лингвокультурный концепт как единица исследования / В. И. Карасик, Г.Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: сб. ст. / И.А. Стернин (науч. ред.). – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. – С. 71–76. – Текст : непосредственный.
10. Карасик, В. И. Базовые характеристики лингвокультурных концептов / В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин // Антология концептов. Т1. / В.И. Карасик, И.А. Стернин (науч. ред.). – Волгоград: Парадигма, 2005. – 352 с. – Текст : непосредственный.

11. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2022. – 477 с. – Текст : непосредственный.
12. Красавский, Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингво-культурах / Н.А. Красавский. – Волгоград: Перемена, 2001. – 493 с. – Текст : непосредственный.
13. Кубрякова, Е. С. Язык пространства и пространство языка: к постановке проблемы / Е.С. Кубрякова // Изв. РАН. Серия лит. и яз. – 1997. – Т. 56. – № 3. – Текст : непосредственный.
14. Пименова, М.В. Душа и дух : особенности концептуализации / М. В. Пименова. – Кемерово : Графика, 2004. – 386 с. Вып. 3. – Текст : непосредственный.
15. Радус, Л. А. Институциональный имидж как концепт / Л. А. Радус // Когнитивные исследования языка. – 2023. – № 3-2(54). – С. 186-191. – Текст : непосредственный.
16. Степанов, Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. – Москва.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 838 с. – Текст : непосредственный.
17. Стернин, И. А. Методика исследования структуры концепта / И.А. Стернин // Методические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. – С. 58–65. – Текст : непосредственный.
18. Стернин, И. А. Когнитивная интерпретация в лингвокогнитивных исследованиях / И.А. Стернин // Вопросы когнитивной лингвистики, 2004. – Т. 1. – С. 65–69. – Текст : непосредственный.
19. Стернин, И. А. Методика исследования структуры концепта / И.А. Стернин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Научное издание / И.А. Стернин (отв. ред.). – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. – С. 58–65. – Текст : непосредственный.
20. Kalinin, O. I. The “War” Concept in Russian and Chinese Socio-Cultural Environment / O. I. Kalinin, R. R. Mavleev // Dictum – Factum: от исследований к стратегическим решениям : сборник научных трудов по материалам Всероссийской междисциплинарной конференции молодых ученых, Севастополь (05–06 декабря 2019 г.) – Севастополь: Севастопольский государственный университет, 2019. – Р. 80-92. – Текст : непосредственный.

DOI: 10.47475/9785727119631_173

А.Ш. КАППАСОВА, А.С. АДИЛОВА / A.Sh. KAPPASOVA, A.S. ADILOVA

*Карагандинский университет им. академика Е.А. Букетова
(Караганда, Казахстан)*

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В КАЗАХСТАНСКИХ И РОССИЙСКИХ СМИ

PRECEDENT PHENOMENA IN KAZAKHSTAN AND RUSSIAN MEDIA

Аннотация

В статье рассматривается проблема прецедентных явлений в газетных текстах на казахском и русском языках. Лингвокультурология – это новая направление, которое изучает соотношения языка и культуры, культуру нации через язык. Это направление возникло на основе взаимосвязи основных вопросов лингвистики и культурологии. Основная форма, основная единица-прецедентные феномены. Одним из инструментов, передающих из поколения в поколение основную ценность памяти каждого народа, являются эти прецедентные феномены. Через это явление проявляется специфика каждой нации, каждого народа. В научной статье проанализированы пословицы и афоризмы, составляющие прецедентные явления в казахском и русском языках. При изучении статей в средствах массовой информации использовались методы сравнения, анализа, обобщения. В результате были собраны и теоретически доказаны прецедентные тексты, примеры прецедентных типов высказываний, образующих прецедентные явления в газетном языке.

Abstract

The article deals with the problem of precedent phenomena in newspaper texts. Linguoculturology is a new direction that studies the relationship between language and culture, the culture of the nation through language. This trend arose on the basis of the interrelation of the main issues of linguistics and cultural studies. The basic form, the basic unit-precedent phenomena. These precedent phenomena are one of the

tools that transmit from generation to generation the main value of the memory of each nation. Through this phenomenon, the specificity of each nation, each people is manifested. In the scientific article precedent texts were analyzed from proverbs, aphorisms, maxims as the theme of the text. When studying articles in the media, methods of comparison, analysis, generalization were used. As a result, precedent texts, examples of precedent types of statements forming precedent phenomena in the newspaper language were collected and theoretically proved.

Ключевые слова: *прецедентный феномен, прецедентное высказывание, пресса, афоризм, язык газеты, казахская и русская лингвистика*

Keywords: *precedent phenomenon, precedent statement, press, aphorism, newspaper language, Kazakh and Russian linguistics.*

Начиная с XX века, лингвистические труды активно освещают концепции прецедента и прецедентного феномена. В рамках своих исследований российский ученый В. В. Красных углубляется в изучение феномена прецедента, начиная с анализа ментефактов, которые воспринимаются как важный национальный компонент дискурса. В этой работе мы разделяем прецедентные явления на социально-прецедентные, которые осознаются каждым обычным членом общества; национально-прецедентные, которые понятны представителям конкретной национальной лингвокультурной группы или среднестатистическому представителю нации; и общепрецедентные явления, которые доступны для понимания всем людям. В ходе времени эти категории могут демонстрировать динамику и переходы, отражая изменения в социальных и культурных контекстах.

Вновь углубляясь в свои исследования, ученый В.В. Красных предлагает новую классификацию прецедентных явлений на вербальные и вербализуемые. В рамках данной классификации прецедентное имя и прецедентное высказывание относятся к вербальным явлениям, тогда как прецедентный текст и прецедентная ситуация классифицируются как вербализуемые [Красных, 2003, с. 176].

В работах ученых (А.Д. Васильев, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.В. Багаева) предложена классификация прецедентных явлений, которая включает четыре основные группы:

- Прецедентные тексты;
- Прецедентные имена;
- Прецедентные заявления;
- Прецедентные дела [Васильев, 2013].

Эти категории позволяют более систематизировано рассматривать и анализировать прецедентные явления в контексте лингвистических и культурологических исследований.

В контексте разнообразия прецедентных явлений проявляется уникальность национальной культуры и языка. Особое значение для выражения культурных и духовных ценностей нации имеет фольклорное наследие. Пословицы и по-

говорки, эпические песни, красноречивые высказывания, загадки, сказки, легенды и мифы являются ценным культурным наследием, отражающим особенности мировоззрения, традиции и воспитание национальной идентичности.

Исследовательская статья опирается на теоретические работы отечественных и российских лингвистов, фокусирующихся на анализе текста, включая теорию интертекстуальности, интертекстуальной коммуникации и прецедентных феноменов. Основной методологический подход основан на методах анализа, накопления и сравнения. Для исследования смыслового содержания указанных явлений использовался описательный метод с целью выявления национально-культурных особенностей через прецедентные явления. В ходе работы были использованы материалы из средств массовой информации и интернет-ресурсов России и Казахстана.

Пословицы, как основной жанр устной литературы, рассматриваются учеными как примеры прецедентных выражений, отражающих прецедентные события. В современных медийных публикациях пословицы, превратившиеся в устоявшиеся выражения, часто используются в качестве заголовков из-за их способности передавать суть сообщения в компактной форме, обычно охватывающей не более девяноста слов. Для журналистов важно уметь предоставлять обширную информацию в сжатой форме, что делает использование пословиц в заголовках значимым приемом в современных медийных практиках.

В информационной среде Казахстана русскоязычные СМИ широко распространены и знакомы многим жителям. Это объясняется тем, что в стране значительное количество людей владеют русским языком наряду с казахским. В результате прецедентные высказывания, характерные для обеих национальностей, часто схожи и взаимопонятны. В нашей статье мы рассматриваем такие пословицы с целью исследования их сходств и различий.

Для казахского народа волк является одним из сакральных символов. В литературных произведе-

дениях поэтов и писателей, а также в пословицах, поговорках и легендах, отражена особая святость этого животного. Произведения такие, как «Коксерек» М. Ауэзова и «Монолог волка» С. Аксункарулы, а также пословицы вроде «Можно с волка шкуру снять, но благородства не лишиться» и «У собаки есть хозяин, у волка – Бог», служат яркими примерами этого культурного явления. Также на страницах газет часто встречаются статьи журналистов, использующих пословицы, чтобы показать образ волка и его значимость в казахской культуре. В статье К. Абильдаевны под названием «Тендеры в овечьей шкуре» (19.11.2021) использование слова «волк» было заменено словом «тендер». В статье обсуждается о не реализации предложения главы государства о введении моратория на проведение форумов и конференций в целях экономии бюджетных средств. В тексте приводятся метафорические выражения, такие как «Сбор каждый день на вершине Культобе», для подчеркивания аспектов обсуждаемой проблематики.

На веб-ресурсе <https://ser-per.kz/> доступна статья с заголовком «Волки в овечьей шкуре» (23.11.2021), раскрывающая деятельность террористической группировки и их насильственные действия. Эта статья, опубликованная также на сайте <https://astanatv.kz/>, освещает образ нынешних высокопоставленных полицейских. В другой статье под названием «Закутаны в овечью шкуру...» (02.09.2017) также анализируются события, соответствующие смыслу упомянутой выше пословицы.

Пословица «Волк в овечьей шкуре» является важным языковым образом в культуре русской нации. Этот образ тщательно передается в языковой практике и имеет синонимичное значение: лицемерие, неискренность, обман. В русскоязычных социальных сетях распространены статьи под названиями «Волк в овечьей шкуре», «Волки в овечьей шкуре», или нужна золотая середина». Например, статья «Турецкий волк в овечьей шкуре» доступна на ресурсе <https://manzal.livejournal.com/793114.html>. Эти образы используются для выражения недовольства лицемерием и нечестностью в обществе, а также для обсуждения социокультурных аспектов. Содержание текста, касающегося Всемирного конгресса крымских татар и запрещенной турецкой организации «Серый волк», затрагивает важный политический вопрос. В статье с заголовком «Волк в овечьей шкуре» обсуждаются люди, которые участвовали в военных действиях в Сирии и Ираке, и в настоящее время стремятся провести восстание в стране. Журналист определяет таких индивидуумов как «волков в овечьей шкуре». Эти обсуждения

имеют важное политическое значение и являются объектом активного анализа в социально-политической сфере.

Пословицы представляют собой одни из наиболее распространенных источников прецедентных выражений в средствах массовой информации, поскольку они воплощают народную мудрость. Если ранее использование пословиц, крылатых выражений и цитат в текстах рассматривалось как средство орнаментации и оживления речи, то в настоящее время они рассматриваются как важное социокультурное явление и рассматриваются как прецедентный текст, способствующий интертекстуальному взаимодействию. Поэтому журналисты стремятся использовать пословицы, которые легко воспринимаемы и быстро усваиваемы читателем, с тем чтобы эффективно коммуницировать со своей аудиторией.

На страницах печатных изданий помимо пословиц часто встречаются афоризмы и сентенции, которые также рассматриваются как прецедентные тексты. Для того чтобы выделить сходства и различия между афоризмами и сентенциями, важно осознать, что афоризм представляет собой образное выражение, содержащее короткую, но содержательную мысль, выведенную из особого обдумывания и обобщения. С другой стороны, сентенция, как понятие, отсутствующее на казахском словаре, «представляет собой разновидность афоризма, автор которого не всегда четко указан, позволяя вырывать его из контекста без утраты компактности и эффективности. Такие высказывания удовлетворяют как интеллектуальные, так и эстетические потребности, часто являясь результатом философской или дидактической поэзии и выражаясь в краткой форме, что привлекает многих читателей» [Адилова, 2015, с. 39]. Сентенция представляет собой небольшое высказывание, значение которого раскрывается в контексте, часто встречающемся в литературных произведениях. Например, в газете «Жас Алаш» журналистом К. Корпебаевым была опубликована статья с заголовком «Время правит человеком, время его сгибает» (28.06.2022). В данном контексте прецедентным текстом на данную тему является высказывание Абая: «Человеком управляет время»

В данной статье автор проводит сравнение между прежним состоянием страны и настоящим, а также призывает молодежь принять участие в создании Нового Казахстана. Он призывает к сострадательности, обучению и труду. В тексте широко используются прецедентные тексты, а среди них особое внимание уделяется словам Абая: «Человеком управляет время». В ходе исследования мы стремились обнаружить цитаты

на русском языке, соответствующие данному контексту. В то же время, мы обсуждали концепцию, согласно которой человек обладает способностью управлять временем. На примере материала, размещенного на сайте <https://vestnik-lesnoy.ru/chitajushhij-chelovek-pravit-mirom/>, мы видим статью, цель которой – вдохновить детей на чтение книг. Название текста, выбранное известной фразой Уинстона Черчилля «Кто владеет знаниями, тот владеет миром», а также цитатой Наполеона Бонапарта «Воображение правит миром», является примером использования крылатых выражений для обогащения литературной речи и демонстрации культуры мышления. В статье также приводятся другие цитаты, такие как «Любовь правит миром» и «Деньги правит миром», что подчеркивает значение определенных идей и философских концепций. Это обращение к высказываниям известных философов, писателей и поэтов отражает культурные нормы и интеллектуальные ожидания, предъявляемые к читателю и журналисту.

В сфере журналистики активно используются хорошо известные в обществе пословицы и афоризмы как прецедентные тексты, поскольку они содержат народную мудрость, обогащающую разговорный язык. Авторы статей учитывают уровень осведомленности читателей, модифицируя народные пословицы, так как они легко узнаваемы и понятны, быстро вызывают ассоциации в памяти. Одним из примеров пословиц, которая сохраняет свою историческую ценность и укоренилась в сознании как казахского, так и русского народа, является: «Если мать одной рукой укачивает ребенка, она одной рукой укачивает мир». Статья журналиста Н. Самаркан, опубликованная в газете «Егемен Казахстан» под названием «Деловые женщины в начале фундаментального бизнеса», анализирует роль женщин в развитии бизнеса. В контексте данной темы цитируется поговорка: «Женщина одной рукой качает колыбель, а другой мир», которая иллюстрирует способность женщин взаимодействовать с различными аспектами жизни и достигать значительных результатов. Автор также подчеркивает участие героических матерей в управлении домашним хозяйством и развитии своей профессиональной карьеры. В современных газетных текстах часто присутствует прецедентное утверждение, выражающее значимость и влияние женщин в обществе. Например, в статье «Женщина, которая потрясла мир» автор представляет высокоинтеллектуальный образ восточных женщин. Также в работах политика Ж. Даулеткиной освещается тема женщин-президентов, управлявших страной, как в статье «Женщины, которые одной рукой качают колыбель, а другой – мир».

Есть знаменитая фраза национального героя Шотландии, Уильяма Уоллеса: «Рука, качающая колыбель, правит миром», которая носит значимый характер, аналогичный вышеупомянутой цитате о восточных странах. Независимо от этнической принадлежности, в обществе присутствует особое уважение к женщинам и матерям. На русском языке также широко распространены статьи, выражающие эту же идею. Тексты автора, использующие прием инверсии, доступны на различных интернет-ресурсах, в том числе на сайте <https://valozhin.by/13102022/mirom-pravit-rukakachayushhaya-kolybel/> под заголовком «Миром правит рука, качающая колыбель». Статья посвящена Анне Линкевич, которая воспитывает 7 детей, работает в сфере медицины и занимается социальной работой. *«Главная роль в жизни женщины – роль матери. В ней она может максимально реализовать свой потенциал, заложенный от природы, любить и быть любимой. Кажется, что с рождением ребенка она удваивает свои способности, таланты и энергичность. Обретает огромную силу, которая помогает справляться с самыми сложными ситуациями. Она становится подобна бриллианту, сверкающему бесчисленным количеством граней»* [Немкевич, 2022]. При анализе данного отрывка становится очевидным, что силу и устойчивость представляют собой женщины, воплотившие себя в различных сферах жизни. Примерами таких женщин являются Маргарет Тэтчер, Жанна д'Арк, Томирис, Алия и Маншук, а также Анна Каренина, чье имя стало символом в истории. Эти личности воплощают слоган «Женщины, которые одной рукой качают колыбель, а другой – мир», отражая тем самым свою способность к многогранному влиянию и преодолению трудностей.

На страницах газет, пословицы и поговорки представляют собой прецедентные высказывания, которые наглядно отражают особенности национальной жизни и культуры. Каждый из этих текстов сохраняет национальную самобытность, культурное наследие и коллективную память народа. Термин «прецедент» относится к событиям прошлого, которые остаются в памяти людей и служат образцом для будущих поколений. Пословицы, афоризмы, легенды и исторические рассказы, принадлежащие к прецедентному тексту, являются яркими примерами этого явления.

В контексте прецедентной речи, пословицы, афоризмы и цитаты, вытекающие из различных исторических контекстов и литературных произведений, составляют группу прецедентных явлений. Эти тексты часто находят применение в прагматических целях, в том числе в материалах СМИ и социальных сетях. Журналисты могут мо-

дифицировать эти конструкции цитат или применять их напрямую к тематике статьи. Таким образом, при разработке темы и содержания текста рационально использовались основные характеристики прецедентного текста, включая его компактность и способность эффективно передавать сообщение. Содержание статей в газетах иногда соответствует семантике прецедентных событий, а иногда интерпретируется в противоположном смысле.

Газетный язык, являющийся базой речевого стиля массовой коммуникации, стал объектом интереса в лингвистике, особенно с точки зрения семантических изменений и прагматических аспектов текстов. В настоящее время журналисты рассматривают газетный язык как составную часть культуры, базирующуюся на языковых нормах.

В работах общественно-публицистического характера прецедентные явления часто становятся объектом освещения. Этот феномен обусловлен стремлением журналистов выбирать темы, которые легко запоминаются и вызывают интерес у аудитории. Такой подход способствует быстрому привлечению внимания к материалам и стимулирует развитие мыслительных процессов у читателей. Подчеркнутое внимание к прецедентным событиям в текстах средств массовой информации обуславливает значимость заголовков в изданиях.

Список литературы

1. Адилова, А. С. Явления цитация в художественных текстах : монография / А. С. Адилова. – Алматы : Эверо, 2015. – 252 с. – Текст : непосредственный.
2. Васильев, А. Д. Интертекстуальность: прецедентные феномены : учеб. пособие / А. Д. Ва-

сильев. – М. : ФЛИНТА, 2013. – 342 с. – Текст : непосредственный.

3. Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2003. – 375 с. – Текст : непосредственный.

4. Қалың елім, қазағым... / жауред. З. Ахметов. – Алматы : Атамұра, 2002. – 224 б. – Текст : непосредственный.

5. Самаркан, Н. Деловые женщины в начале фундаментального дела / Н. Самаркан. – Текст : электронный. – URL : <https://egemen.kz/article/223487-irgeli-istin-h-basyndaghy-isker-ayelder> (дата обращения : 28.01.2024).

6. Әбілдәқызы Қ. Тендеры в овечьей шкуре. – Текст : электронный. – URL : <https://zhasalash.kz/economic/qoj-terisin-zhamylgan-tenderler-18587.html> (дата обращения: 07.01.2024).

7. Алимкул, Д. Волки в овечьей шкуре / Д. Алимкул, Д. Нурмахан. – Текст : электронный. – URL: <https://m.astanatv.kz/index.php/kz/news/6227/> (дата обращения: 25.01.2024).

8. Корпебаев, К. Время правит человеком, время его сгибает / К. Корпебаев. – Текст : электронный. – URL: <https://zhasalash.kz/kogam/adamdy-zaman-bilejdi-zamana-ony-ilejdi-20887.html> (дата обращения: 20.01.2024).

9. Калпакова, Н. Читающий человек правит миром! / Н. Калпакова. – Текст : электронный. – URL: <https://vestnik-lesnoy.ru/chitajushhij-chelovek-pravit-mirom/>. (дата обращения: 1.02.2024).

10. Немкевич, Н. Миром правит рука, качающая колыбель / Н. Немкевич. – Текст : электронный. – URL: <https://valozhin.by/13102022/mirom-pravit-ruka-kachayushhaya-kolybel/> (дата обращения: 1.02.2024).

DOI: 10.47475/9785727119631_177

А.Р. КАРИМОВА / A.R. KARIMOVA
Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДИСКУРСИВНЫХ МАРКЕРОВ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ РАЗГОВОРНОМ ДИСКУРСЕ

STRUCTURAL FEATURES OF DISCOURSE MARKERS OF ENGLISH CONVERSATIONAL DISCOURSE

Аннотация

Статья посвящена исследованию структурных особенностей дискурсивных маркеров в англоязычном разговорном диалоге. В данной статье выявляются особенности диалога как основной формы разговорного дискурса. Рассматриваются несколько подходов к определению дискурсивных мар-

керов, приводится их классификация по Б. Фрейзеру. Устанавливается, что дискурсивные маркеры могут образовываться из разных лексических единиц. Посредством морфемного анализа определяется тип дискурсивного маркера в зависимости от его структуры. С помощью методов дискурсивного, контекстуального и прагмалингвистического анализов осуществляется обнаружение и анализ дискурсивных маркеров в англоязычных разговорных диалогах. Делается вывод о том, что в зависимости от структуры дискурсивные маркеры делятся на простые и сложные, а также утверждается, что структура дискурсивных маркеров разнообразна. Детализация и расширение классификации представляет поле для дальнейших исследований.

Abstract

This paper is devoted to the study structural features of discourse markers of English conversational discourse. The article considers a dialogue as a main form of conversational discourse and reviews its features. The author observes several approaches to the definition of discourse markers and its classification by B. Fraser. It is established that discourse markers may be formed from various lexical units. Using the morphemic analysis, we define the structural types of discourse markers. The paper aims at revealing and analyzing the discourse markers in English conversational dialogues via methods of discourse, contextual and pragmalinguistic analyses. The research concludes that depending on the structure discourse markers are subdivided into simple and complex. It claims that the structure of discourse markers is diverse. The expansion of the classification provides a field for further research.

Ключевые слова: дискурсивные маркеры, диалог, разговорный дискурс, структура дискурсивных маркеров, простые дискурсивные маркеры, сложные дискурсивные маркеры.

Keywords: discourse markers, dialogue, conversational discourse, structure of discourse markers, simple discourse markers, complex discourse markers.

Тема дискурсивных маркеров получает популярность с относительно недавнего времени. Так, Е. Ю. Викторова в статье «Вспомогательная система дискурса...» отмечает, что в отечественном языкознании системное изучение дискурсивных маркеров, которые она причисляет к вспомогательным коммуникативным единицам, относится к 1990-ым гг. В зарубежной лингвистике изучение и описание дискурсивных маркеров началось немного раньше: в начале 1980-ых гг. [Викторова, 2006, с. 139].

Это, а также тот факт, что дискурсивные маркеры являются неотъемлемой частью речевой коммуникации, определяет актуальность нашей работы. Более того, на данный момент не существует единой общей классификации дискурсивных маркеров в зависимости от их структурных особенностей.

Объектом данного исследования является диалог как основная форма выражения разговорного дискурса. Предметом выступают дискурсивные маркеры в разговорном дискурсе и особенности их структуры.

Целью настоящей работы является выявление структурных особенностей дискурсивных маркеров.

Материалом исследования послужил корпус устной разговорной речи, в который вошли 100 разговорных диалогов на английском языке, выявленных приёмом сплошной выборки из корпуса “British National Corpus” (BNC).

В работе задействованы общенаучные методы синтеза и анализа для определения основных по-

нятий, метод контекстуального анализа для распознавания и отбора дискурсивных маркеров в диалогической речи, методы лингвистического описания, дискурсивного и прагмалингвистического анализа для определения выполняемых ими функций, а также метод морфемного анализа, посредством которого создаётся классификация дискурсивных маркеров в зависимости от их структуры.

Диалог является первичной формой коммуникации. Люди с самой древности нуждались в общении для удовлетворения своих потребностей и достижения целей. И сегодня люди вступают в диалог с теми же интенциями, поэтому тема разговорного диалога и особенностей его организации остаётся актуальной в научной среде.

Согласно Большой российской энциклопедии, диалог – это «форма речи, состоящая из регулярного обмена высказываниями-репликами, на языковой состав которых взаимно влияет непосредственное восприятие речевой деятельности говорящих» [2]. Из данного определения можно сделать вывод, что необходимыми составляющими диалога являются, во-первых, реплицирование, т.е. поочерёдная смена реплик, или речевых шагов, и, во-вторых, экстралингвистические факторы, которые влияют на восприятие сказанного коммуникантами.

К другим особенностям диалога можно отнести «взаимное прерывание», обусловленные этим быстрый темп речи, спонтанность, эллипсис, использование невербальных средств коммуника-

ции (жестов, мимики) [Якубинский, 1986].

Большую роль в организации диалога играют дискурсивные маркеры. Благодаря им диалог выглядит как организованный речевой результат коммуникативной деятельности, в котором реплики логически связаны, а намерения говорящих чётко выражены.

Основным трудом, посвящённым исследованию дискурсивных маркеров, считается работа Д. Шифрин, которая характеризует дискурсивные маркеры как последовательно зависимые начальные элементы, заключающие в скобки единицы речи (“sequentially dependent elements which bracket units of talk”) [Schiffrin, 1987, p. 31].

Чёткого определения единиц речи Д. Шифрин не даёт, объясняя это тем, что их границы могут сводиться к границам интонационных групп, предложений, действий, строф и т.д. [Schiffrin, 1987, p. 36].

Под скобками автор понимает границы между единицами речи. Они функционируют как на уровне социальной структуры, так и на уровне высказываний. Подчёркивая катафорический и анафорический характер дискурсивных маркеров, автор отмечает, что скобки обращены одновременно вперёд и назад: начало одной единицы является концом другой, и наоборот (“brackets look simultaneously forward and backward – that the beginning of one unit is the end of another and vice versa”) [Ibid, p. 37].

Говоря о последовательной зависимости дискурсивных маркеров, автор подчёркивает, что они функционируют прежде всего на уровне дискурса и не зависимы от более мелких единиц речи, которые составляют дискурс [Ibid]. С помощью ряда аргументов на примере дискурсивных маркеров *and*, *but*, *now* и *so* она подтверждает свою мысль.

Дискурсивные маркеры не образуют естественный класс единиц. Этот класс не имеет четких границ и объединяет единицы, которые различные классификации относят к разным частям речи. Дискурсивные маркеры не имеют денотата в общепринятом смысле; их значения не предметны, поэтому их можно изучать только через их употребление [Власян, 2022, с. 29].

Если Д. Шифрин при изучении дискурсивных маркеров заинтересована в когерентности дискурса, то Б. Фрейзер – в их прагматической роли [Fraser, 2009, p. 294]. Он определяет дискурсивные маркеры, как подвид прагматических маркеров, «лексические выражения, синтаксически независимые от основной структуры предложения, у которых есть основное значение, сигнализирующее отношения между текущим и предыдущим высказываниями» [Fraser, 1988, p. 27].

Б. Фрейзер делит дискурсивные маркеры на три функциональных класса:

1) контрастивные маркеры (*but*, *alternatively*, *although*, *contrary to expectations*, *still*, *though* и др.);

2) уточняющие маркеры (*and*, *after all*, *besides*, *equally*, *on top of it all* и др.);

3) логические маркеры (*so*, *all things considered*, *as a conclusion*, *hence*, *therefore* и др.) [Fraser, 2009, p. 9].

При этом первый маркер в каждой группе (*but*, *and*, *so*) автор называет основными дискурсивными маркерами.

Так как дискурсивные маркеры не образуют отдельный лексический или синтаксический класс, границы того, что относится к дискурсивным маркерам, а что нет – размыты. Б. Фрейзер как одну из особенностей дискурсивных маркеров определяет их способность образовываться из разных грамматических категорий: наречий, фраз с предлогом, идиом, сочинительный и подчинительных союзов и т.д. [Fraser, 1999, p. 943]. Отсюда следует, что и структурные особенности дискурсивных маркеров неоднородны.

В общем, дискурсивные маркеры можно разделить на простые и сложные [Вишнёвская, 2015]. Такую условную классификацию мы позаимствовали из работы Г.М. Вишневской и О.А. Загородновой. К простым мы относим дискурсивные маркеры, в состав которых входит одно слово, а к сложным – те, в составе которых два слова и более.

Поскольку одна и та же лексическая единица может выполнять разные функции в разных контекстах, и, соответственно, не всегда являться дискурсивным маркером, мы проанализировали эти два вида по-отдельности и на примерах разговорных диалогов убедились, что имеем дело действительно с дискурсивными маркерами, т.к. обнаружить их можно только в языковом окружении.

К простым дискурсивным маркерам можно отнести:

1. Простые союзы, в состав которых входит одна морфема (*and*, *but*, *or*, *for*, *yet* и др.):

– *And erm I'd also like to introduce Keith Mardell ... And he will if you'd like to come along ... I'd like to introduce Brenda ... And er she's...* (Здесь и далее примеры приведены в оригинальной пунктуации.)

В данном примере *and* является дискурсивным маркером, т.к. выполняет функцию заполнения пауз (что видно из междометий *erm*) и введения новой темы (почти в начале каждого предложения спикер использует *and*).

2. Производные союзы, состоящие как минимум из двух морфем (включают в себя аффиксы) (*because*, *providing* и др.):

– *Why then are there not more amateur productions in the new season erm in in the studio erm not just from the companies that actually use the studio at the moment. **Because** I'm sure they don't cost as much to put on up there as do professional productions?*

В этом диалоге слово *because* выполняет функцию дискурсивного маркера, т.к. оно не выражает привычную для данного союза причинно-следственную связь, а подводит ко второй реплике говорящего, чтобы его вопрос в первой реплике звучал обоснованно.

3. Сложные союзы, состоящие из нескольких корней (*however, therefore, nevertheless* и др.):

– ... *we don't all work on the clone do we?* <pause> **However**, coming back to <-|-> <unclear>.

В этом примере *however* как дискурсивный маркер помогает сменить говорящему тему.

4. Простые наречия, состоящие из одной морфемы (*well, now, so, then* и др.):

– *I mean it's got if you've got a disability for instance you wouldn't be able to get in there. **So** that's that's a problem.*

В этой реплике дискурсивный маркер выполняет функцию завершения мысли, подытоживания. Его использование помогает собеседнику понять, что коммуникант заканчивает свою реплику.

5. Производные наречия, в состав которой входят аффиксы (*hopefully, basically, certainly, actually, definitely, clearly* и др.):

– *And she **actually** took me on this war work.*

В данном случае *actually* выполняет функцию интенсификатора и не несёт дополнительной информации.

6. Сложные наречия, состоящие из более, чем одного корня (*furthermore, moreover* и др.):

– *The consultation leaflet was slanted in a way er which moved the response towards support for the proposed relief roads. **Moreover** it is unlikely that respondents would have either the time or experience to make a thorough appraisal of the information presented in the leaflet.*

В примере выше *moreover* является не только вводным словом, но и дискурсивным маркером, т.к. делает реплику связанной, благодаря чему вторая часть высказывания дополняет первую, не является оторванной от неё.

7. Глаголы (*listen, look, say* и др.):

– *Well **look** <pause> why don't you just <pause> sketch it out on there so I know the sort of thing that...*

В данном случае дискурсивный маркер *look* используется, чтобы привлечь внимание говорящего.

8. Частицы (*just, still* и др.):

– *There's **just** there's a Potato Pete poem up there somewhere actually.*

Поскольку в данном случае *just* используется исключительно для заполнения паузы во время обдумывания, он относится здесь к дискурсивным маркерам.

Сложные дискурсивные маркеры отличаются тем, что в их составе более чем одно слово. Итак, к сложным дискурсивным маркерам можно отнести:

1. Составные наречия, состоящие из нескольких слов (*as a result, of course, on the contrary* и др.):

– *But the county council does accept that trends for migration into the county are there ... **As a result**, the county council accepts the need for a substantial element of development, which is the response to inward migration in the county.*

В этом примере мы видим, что дискурсивный маркер *as a result* выполняет функцию завершения дискурса, подводит итог из ранних рассуждений, без него последнее предложение выглядело бы как очередной аргумент, а не вывод.

2. Фразы с предлогом, которые априори подразумевают более одного слова в составе, включая предлог (*in spite of, instead of, on the other hand, by the same token* и др.):

– *Now they are flooded with the West European goods <pause> their recycling isn't worth any more. **On the other hand** they haven't got the landfills...*

В данном случае дискурсивный маркер помогает коммуниканту выстроить аргументацию, противопоставив два высказывания.

3. Устойчивые сочетания (*to say the least, by the way, that is why* и др.):

– ... *he's only there till the Summer; **by the way**.*

Дискурсивный маркер *by the way* не несёт никакой значительной информации, а только позволяет органично добавить новую информацию в разговор.

4. Предложения (*you know, let's say* и др.):

– *That means <pause> **you know**, it means getting married.*

Предложение *you know* выполняет здесь роль дискурсивного маркера, т.к. играет роль филлера, помогая говорящему заполнить паузу во время размышлений.

Таким образом, проанализировав ряд разговорных диалогов с дискурсивными маркерами, мы убедились, что они могут быть образованы из разных частей речи и, следовательно, имеют разную структуру: могут состоять из одной или нескольких морфем, из нескольких слов, включать в свой состав предлоги и артикли. Все дискурсивные маркеры мы делим на простые (с одним словом в составе) и сложные (с двумя и более словами в составе).

Результаты исследования могут быть использованы для обнаружения и грамотного использования дискурсивных маркеров в речи, которые

повышают эффективность коммуникации, а также для обучения английской диалогической речи.

Список литературы

1. Викторова, Е. Ю. Вспомогательная система дискурса и её особенности / Е. Ю. Викторова. – Текст : непосредственный // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации : материалы докл. IX Междунар. конф. / Воронеж. межрегион. ин-т обществ. наук, Саратовский гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского. – Саратов, 2017. – С. 137–147.

2. Винокур, Т. Г. Диалог / Т. Г. Винокур. – Текст : электронный // Большая российская энциклопедия. – URL : <https://old.bigenc.ru/philosophy/text/4046295> (дата обращения: 24.01.2024).

3. Вишнёвская, Г. М., Загороднова О. А. Дискурсивные маркеры в научно-филологическом тексте (лингвопрагматический аспект) / Г. М. Вишнёвская, О. А. Загороднова. – Текст : электронный // Российская академия естествознания. – URL : <https://scienceforum.ru/2015/article/2015017616> (дата обращения: 24.01.2024).

4. Власян, Г. Р. Дискурсивные маркеры в британском медиадискурсе / Г. Р. Власян. – Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. – 2022. – № 9 (467). – С. 28–37.

5. Якубинский, Л. П. О диалогической речи / Л. П. Якубинский. – Текст : электронный // Philology.ru. – URL : <http://www.philology.ru/linguistics1/yakubinsky-86.htm> (дата обращения: 24.01.2024).

6. Fraser, B. An approach to discourse markers / B. Fraser. – Текст : непосредственный // International Review of Pragmatics. – 2009. – № 1. – P. 293–320.

7. Fraser, B. Types of English discourse markers / B. Fraser. – Текст : непосредственный // Acta Linguistica Hungarica. – 1988. – 38 (1–4). – P. 19–33.

8. Fraser, B. What are discourse markers? / B. Fraser // Journal of Pragmatics. – 1999. – № 31. – P. 931–952. – Текст : непосредственный.

9. Schiffrin, D. Discourse markers / D. Schiffrin. – New York : Cambridge University Press, 1987. – 364 p. – Текст : непосредственный.

DOI: 10.47475/9785727119631_181

В.В. КАТЕРМИНА / V.V. KATERMINA

*Кубанский государственный университет
(Краснодар, Россия)*

КАТЕГОРИЯ КУЛЬТУРЫ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ НЕОЛОГИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

THE CATEGORY OF CULTURE IN ENGLISH NEOLOGICAL SPACE

Аннотация

Цель данного исследования – проанализировать аксиологический потенциал категории культуры в англоязычном неологическом пространстве. Объектом изучения являются неологические единицы англоязычного дискурса. Предмет исследования – ценностные компоненты анализируемых единиц. Метод изучения материала – описательный анализ, позволяющий рассмотреть новую лексику англоязычного дискурса со стороны ее аксиологического потенциала. Материалом настоящего исследования послужили примеры, извлеченные методом сплошной выборки из англоязычных неографических электронных источников за период 2017–2023 годов. Выбор словарей был определен тем, что данные ресурсы предоставляют лексику неформального характера, отражающую особенности коллективного словотворчества. Отмечается, что неологизмы англоязычного дискурса обладают семантико-аксиологическим потенциалом, который является следствием субъективной оценочной картины мира. Оценка рассматривается как собственно человеческая категория, сопровождающая деятельность человека и соотносимая с определенной ценностной картиной мира. Новая лексика англоязычного дискурса отражает влияние антропоцентрического поворота, а также является индикатором будущих социально-культурных и технологических трансформаций.

Abstract

The aim of this article is to analyze the axiological potential of the category of culture in English neological space. The object of study is the neological units of English discourse. The subject of the study

is the axiological component of the analyzed units. The method of studying the material is a descriptive analysis which allows us to consider the new vocabulary of the English language from the perspective of its axiological potential. The material for this study was based on the examples taken from English neographical electronic resources for the period from 2017 to 2023 using a continuous sampling method. The choice of dictionaries was determined by the fact that these resources provide vocabulary of an informal nature reflecting the characteristics of collective word creation. It is noted that neologisms of English discourse have a semantic and an axiological potential which is a consequence of the subjective evaluative worldview. Evaluation is considered to be a strictly human category, accompanying human activity, correlated with a certain axiological worldview. The new vocabulary of the English language reflects the influence of the anthropocentric turn and is also an indicator of future socio-cultural and technological transformations.

Ключевые слова: категория, культура, неология, английский язык, ценности, бизнес-культура.

Keywords: category, culture, neology, English language, values, business culture.

Культура – это «совокупность субъективаций – ценностей, норм, представлений, мировоззренческих установок – и объективаций – деятельности, способов поведения, языка, артефактов, которые люди усваивают и используют для освоения жизненного пространства и повседневной ориентации в нем» [Куликова, 2004, с. 12].

Каждый новый носитель языка формирует свое видение мира не на основе самостоятельной переработки своих мыслей и переживаний, а в рамках закрепленного в понятиях языка опыта его языковых предков, который зафиксирован в мифах и архетипах; усваивая этот опыт, мы лишь пытаемся его применить и слегка усовершенствовать. Но в процессе познания мира создаются и новые понятия, фиксирующиеся в языке, который есть культурное достояние: язык есть «средство открытия до сих пор еще не познанного» [Гумбольдт, 1994].

Как считает Е. С. Бунеева, один из путей изучения языка как явления культуры состоит в «определении культурно-значимых содержательных признаков, которые находят свое отражение в различных проявлениях культуры народа и прежде всего в языке» [Бунеева, 1996, с. 34].

В языке, как свидетельствуют результаты исследований, закрепляются именно те единицы, которые, ассоциируясь с культурно-национальными эталонами, стереотипами и т.п., при употреблении в речи воспроизводят характерный для той или иной лингвокультурной общности менталитет, служащий для нее «духовной основой», «психологическим инструментарием» [Гуревич, 1984, с. 9].

Новые слова «приходят в язык постоянно, на всех этапах его существования; это явление закономерное и исторически обусловленное. В периоды социальной стабильности процессы языкового развития протекают размеренно и постепенно, а языковые изменения затрагивают отдельные участки системы. В пору социальных потрясений процессы языкового развития ускоряются; созда-

ется впечатление хаоса и нестабильности. В соответствии с особенностями ситуации в обществе изменяются психологические установки масс, их языковой вкус и чутье языка» [Сенько, 2007, с. 9].

Появление в языке новых номинативных единиц – «обязательный спутник нового в области культуры общества, будь то материальное производство, духовная или общественная жизнь, экономическая сфера, взаимоотношения между людьми разных социальных групп и профессий и между государствами» [Катермина, 2019, с. 4–5].

Новая лексика должна соответствовать прагматике ее употребления – быть краткой, выразительной, соответствующей нормам языка, адекватно передающей специфику окружающего мира: «социальная природа языка способствует рождению новых слов как естественного свойства всех живых языков. Этот процесс также отражает перемены и результаты непрерывного познавательного процесса человека, его стремление наиболее полно и выразительно описать окружающую физическую картину мира, дать ей адекватное языковое выражение» [Избицкая, 2020, с. 26].

Материалом настоящего исследования послужили примеры, извлеченные методом сплошной выборки из англоязычных неографических электронных источников за период 2017–2023 годов. Выбор словарей был определен тем, что данные ресурсы предоставляют лексику неформального характера, отражающую особенности коллективного словотворчества.

Антропологическая парадигма, доминирующая в лингвистике в последние десятилетия, сместила акценты исследований в сторону изучения «человека в языке», который предстает как «многогранный и многоаспектный феномен, проявляющийся в различных сферах деятельности. Речевая (дискурсивная) деятельность личности является приоритетной областью лингвистических исследований последнего времени. Движущей силой любых действий человека являются

ценности, которые и определяют его интересы, мотивы, ориентации и психологические установки» [Шевякина, 2023, с. 159].

Здоровье является одним из фундаментальных понятий человеческого существования, в силу чего наполняется особым содержанием в различных сферах жизнедеятельности людей и, соответственно, определяется как с позиций обыденного сознания, так и с точки зрения биологии, медицины, философии, социологии и других наук. В результате интенсивного преобразования среды обитания человека, вызванного прежде всего научно-техническим прогрессом, начинает более ясно ощущаться «искусственность» и «техногенность» существования человечества, что заставляет людей переосмысливать привычные фундаментальные жизненные ценности, в том числе и ценность здоровья. Теперь оно всё чаще воспринимается как благо, для получения которого нужно приложить усилия [Королькова, 2021, с. 4].

Ментальное здоровье нации в наши дни является серьезной проблемой, что отражается в том числе и в англоязычных неологизмах, номинирующих тип культуры, связанную с природой и воздействующую на психику индивида.

Nature culture encompasses the need for sustainable lifestyles by creating a demand for products as part of the culture. It also provides a philosophy for innovation, technology, arts and science (Культура природы включает в себя потребность в устойчивом образе жизни, создавая спрос на продукты как часть культуры. Она также обеспечивает философию инноваций, технологий, искусства и науки – *здесь и далее пер. с англ. – наши*).

Еще одним видом подобной культуры можно назвать *sociohorticulture – the use of horticulture as a means to improve quality of life for people with special needs, for example people who have physical or mental disorders, those who are declining in their abilities with advancing age, youth at risk, people who have substance abuse problems and those living in neighborhoods that are in decline* (*социальное садоводство* – использование садоводства как средства улучшения качества жизни людей с особыми потребностями, например, людей с физическими или психическими расстройствами, тех, чьи способности с возрастом снижаются, молодежи из группы риска, людей, злоупотребляющих психоактивными веществами. проблемы и те, кто живет в районах, находящихся в упадке).

В культурной антропологии различие между обществом вины или культурой вины, обществом стыда или культурой стыда и культурой чести-стыда или культурой страха используется

для классификации разных культур [Hesselgrave, 2002]. Различия могут относиться к тому, как поведение регулируется государственными законами, правилами ведения бизнеса или социальным этикетом.

В обществе чувства вины контроль поддерживается путем создания и постоянного усиления чувства вины (и ожидания наказания сейчас или в загробной жизни) за определенное осуждаемое поведение. Мировоззрение вины фокусируется на законе и наказании. В обществе стыда средством контроля является внушение стыда и дополнительная угроза остракизма [https://en.wikipedia.org/wiki/Guilt%E2%80%93shame%E2%80%93feeling_spectrum_of_cultures].

Культура стыда – это культура, которая опирается на стыд и высмеивание со стороны других, чтобы регулировать поведение данного человека и, таким образом, поддерживать порядок и социальный контроль. Такая культура уязвима для людей, которых не поймают за нарушение правил, если нет внутреннего механизма саморегуляции (*shame culture is a culture which relies on shaming and ridiculing by others to regulate the behaviour of a given individual and thus maintain order and social control. Such a culture is vulnerable to people not getting caught when breaking rules if there is no internalized mechanism of self-regulation*). В английском неологическом дискурсе выделяется ряд единиц, обозначающих то, над чем смеются и что подвергается остракизму:

Internet shaming (online shaming, cyberbullying) is the use of social media, blogs and other online communication channels to attack a target individual or organization. The purpose of the attack is often to publicly embarrass the target, often as retribution for some behavior (использование социальных сетей, блогов и других онлайн-каналов связи для нападения на целевого человека или организацию. Цель нападения часто состоит в том, чтобы публично поставить жертву в неловкое положение, часто в качестве возмездия за какое-либо поведение);

dog shaming, also known as animal shaming, is an internet meme in which an image of a dog or other animal is uploaded to the internet with a sign which describes some recent negative behaviour perpetrated by the animal (Интернет-мем, в котором в Интернет загружается изображение собаки или другого животного со знаком, описывающим недавнее негативное поведение, совершенное этим животным);

fat shaming is the unjust mistreatment of fat people which may manifest as acts of bullying, singling out, discriminating, disrespecting and/or making fun of a person in a larger body. Fat shaming is the result of

an individual bias against people who are deemed unhealthy, unattractive, stupid, lazy or lacking self-control (несправедливое плохое обращение с полными людьми, которое может проявляться в актах запугивания, выделения, дискриминации, неуважения и/или высмеивания человека в более широком кругу. Фэтшейминг – это результат индивидуального предвзятого отношения к людям, которых считают нездоровыми, непривлекательными, глупыми, ленивыми или лишеными самоконтроля);

slut-shaming is the act of criticizing someone you deem to be behaving in an immoral way. Slut-shaming is the act of condemning a person for behavior that they deem outside the realm of decent or moral (акт критики кого-то, кто, по вашему мнению, ведет себя аморально. Слатшейминг – это акт осуждения человека за поведение, которое он считает выходящим за рамки приличного или морального).

Культура отмены (*cancel culture*) – это неологическая единица, современная для конца 2010-х и начала 2020-х годов и используемая для обозначения культурного явления, в котором те, кто, как считается, действовал или говорил неприемлемым образом, подвергаются остракизму, бойкоту или избеганию. *Cancel culture is the popular practice of withdrawing support for (canceling) public figures and companies after they have done or said something considered objectionable or offensive* (популярная практика прекращения поддержки (аннулирования) общественных деятелей и компаний после того, как они сделали или сказали что-то, что считается нежелательным или оскорбительным).

Одной из важных категорий культуры в англоязычном неологическом дискурсе является бизнес-культура – противопоставление культуры амбициозности, заставляющей людей двигаться быстрее или агрессивнее, так называемой «культуры работы» (*hustle culture, crunch culture, burnout culture*) культуре баланса (*break culture*): «дать себе время расслабиться – это не лень, это биология. Мы не созданы для того, чтобы испытывать то токсичное количество стресса, которого от нас ожидают нынешние социальные нормы. Вполне возможно усердно работать, добиться успеха и достичь того, чего вы хотите, но при этом прожить счастливую жизнь, обогащая отношения и возможности создавать воспоминания. Все дело в балансе» [<https://www.studystream.live/blog/hustle-culture-or-break-culture/>].

Не случайно, что больше всего синонимов относится к «культуре работы»:

hustle culture – the idea that work must be the most important thing in your life and that working

long hours and not taking time off is the only way to achieve success (идея о том, что работа должна быть самой важной вещью в вашей жизни и что работать сверхурочно и не брать отпусков – единственный способ добиться успеха);

crunch culture – the societal pressure or “culture” in which overworking is good work. The term is most frequently used in the programming industry, even more so in the game development industry, though it may be used outside of those fields (социальное давление или «культура», в которой переутомление считается хорошей работой. Этот термин чаще всего используется в индустрии программирования, особенно в индустрии разработки игр, хотя он может использоваться и за пределами этих областей);

burnout culture (grind culture) – a mentality that emphasizes the idea of working all day every day in pursuit of professional goals. It centers around the belief that working long hours and sacrificing self-care is necessary to achieve success in one’s career (менталитет, который подчеркивает идею работать весь день каждый день для достижения профессиональных целей. Он основан на убеждении, что для достижения успеха в карьере необходимо работать сверхурочно и жертвовать заботой о себе).

Данная культура – это образ жизни, в котором карьера стала таким приоритетом в жизни человека или среде, что хобби, времяпрепровождение с семьей и забота о себе, часто отодвигаются на второй план.

Культура суеты несет в себе всеобъемлющее убеждение, что чем больше вы делаете, тем больше вы цените: чем более вы заняты, тем лучше; постоянная занятость всегда приведет к большему количеству денег, престижу, счастью и высокой самооценке.

Есть и промежуточный вариант – так называемая *burn on culture – burn-on – a feeling of stress and exhaustion experienced by someone who has been working too hard for a long period but continues to be good at their job and appears to be enjoying it* (чувство стресса и утомления, испытываемое человеком, который слишком много работал в течение длительного периода, но продолжает хорошо выполнять свою работу и, кажется, получает от нее удовольствие).

Полярной можно назвать культуру баланса – *break culture*. Попытка разделить личную и профессиональную жизнь приводит к тому, что в англоязычном обществе все чаще возникают тенденции, когда люди отказываются от необходимости работать сверхурочно на стрессовой работе и вместо этого ведут более расслабленный образ жизни (*tang ping – a Chinese term meaning*

“lie flat” that describes a trend where people reject the pressure to work long hours in a stressful job, and instead adopt a more relaxed lifestyle) или существовавшая тенденция на рынке труда в 2020 и 2021 годах, когда гораздо большее количество людей, чем обычно, уволилось с работ (*the Great Resignation – a trend in the employment market during 2020 and 2021 that has seen a much larger number of people than usual resign from their job*).

Итак, анализ единиц, описывающих категорию культуры в англоязычном неологическом пространстве, позволил сфокусировать внимание на личностно- и ценностно-ориентационных компонентах дискурса, призванных изменить мировоззрение и имеющих мотивирующий, предписывающий или рекомендательный характер.

Новая лексика англоязычного дискурса отражает влияние антропоцентрического поворота, а также является индикатором будущих социально-культурных и технологических трансформаций. Новая лексика имеет тенденцию к расширению границ своего применения, поэтому ее изучение является важным шагом к созданию универсальной лингвистической парадигмы.

Список литературы

1. Бунеева, Е. С. Концептологическая модель признака старшинства / Е. С. Бунеева // *Языковая личность: культурные концепты*. – Волгоград; Архангельск, 1996. – С. 33–41. – Текст : непосредственный.
2. Гумбольдт, фон В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества / В. фон Гумбольдт // *Гумбольдт фон В. Избранные труды по языкознанию*. – Москва, 1994. – С. 37–284. – Текст : непосредственный.
3. Гуревич, А. Я. Категория средневековой культуры / А. Я. Гуревич. – Москва : Искусство, 1984. – 350 с. – Текст : непосредственный.
4. Избицкая, М. В. Современные тенденции в неологии: типология образования неологизмов и лексикографическая практика (на материале новой английской лексики из сферы «Культура» в электронных волонтерских словарях) : специальность 10.02.19 «Теория языка» : дис. ... канд. филол. наук / Мария Владиславовна Избицкая. – Иваново, 2020. – 214 с. – Текст : непосредственный.
5. Катермина, В. В. Словообразовательный потенциал неологизмов в англоязычном массмедийном дискурсе : монография / В. В. Катермина. – Краснодар : КубГУ, 2019. – 134 с. – Текст : непосредственный.
6. Королькова, А. С. Прагматико-семантический потенциал единиц концептосферы «здоровый образ жизни» (на материале современного медиадискурса) : специальность 10.02.01 «Русский язык» : дис. ... канд. филол. наук / Анна Сергеевна Королькова. – Киров, 2021. – 174 с. – Текст : непосредственный.
7. Куликова, Л. В. Межкультурная коммуникация : теоретические и прикладные аспекты на материале русской и немецкой лингвокультур : монография / Л. В. Куликова. – Красноярск : РИО КГПУ, 2004. – 196 с. – Текст : непосредственный.
8. Сенько, Е. В. Неологизация в современном русском языке: межуровневый аспект / Е. В. Сенько. – СПб. : Наука, 2007. – 354 с. – Текст : непосредственный.
9. Шевякина, С. В. Языковые средства трансформации ценностно-ориентационного лингвокультурного пространства (на материале интернет-дискурса психологии ЗОЖ) : дис. ... канд. филол. наук : / Светлана Васильевна Шевякина. – Ставрополь, 2023. – 199 с. – Текст : непосредственный.
10. Cambridge Dictionaries Online. – Текст : электронный. – URL: <http://dictionaryblog.cambridge.org/tag/neologisms> (дата обращения: 15.12.2023).
11. Hesselgrave, David J. *Counseling Cross-Culturally: An Introduction to Theory and Practice for Christians* / David J. Hesselgrave // *Wipf and Stock Publishers*, 2002. – 438 с. – Текст : непосредственный.
12. Urban Dictionary. – Текст : электронный. – URL : URL: <https://www.urbandictionary.com/> (дата обращения: 15.12.2023).
13. Word Spy. – Текст : электронный. – URL: <https://wordspy.com/> (дата обращения: 15.12.2023).

DOI: 10.47475/9785727119631_186

А.В. КАЩЕЕВА / A.V. KASHEEVA
Тамбовский государственный университет
(Тамбов, Россия)**СЕМАНТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ УЧЕБНОМ ТЕКСТЕ****SEMANTIC MODELS IN ENGLISH ACADEMIC TEXT****Аннотация**

Целью статьи является выявление семантических моделей в учебном тексте на английском языке. Актуальность исследования заключается в изучении структуры учебного текста, способствующей реализации его познавательного потенциала. Структурные модели учебного текста могут быть представлены на концептуальном и языковом уровнях. Семантические модели соответствуют концептуальному уровню и отражают содержание текста. Суть семантических моделей заключается в способах развития темы текста. Выявлены семантические модели конкретизации (аргументации), объяснения и дополнительной информации. Данные модели коррелируют с уровнями категоризации знания, базовым, субординатным и суперординатным, изучаемыми когнитивной лингвистикой. К языковым моделям отнесены способы когезии и выражения темы предложения. Анализ семантических и языковых моделей продемонстрировал преимущество моделей конкретизации и объяснения. Сделан вывод о преобладании категорий субординатного и базового уровней знания в учебных текстах данного типа на английском языке.

Abstract

The paper aims to identify semantic models in English academic texts. The topicality of the paper is due to the study of structure of academic text that contributes to the realization of its cognitive potential. It describes structural models of academic text at the conceptual and linguistic levels. Semantic models correspond to the conceptual level and reflect the text contents. Semantic models differ in the ways they develop the text topic. The paper identifies semantic models of specification (argumentation), explanation and additional information. These models correlate with the levels of knowledge categorization, basic, subordinate and superordinate, studied by cognitive linguistics. Language models include methods of cohesion and formulating sentence theme. Analysis of semantic and language models demonstrates that specifying and explaining models are more common. It concludes that the categories of subordinate and basic levels of knowledge predominate in this type of English academic texts.

Ключевые слова: учебный текст, семантическая модель текста, содержание текста, тема текста, конкретизация, объяснение, категории субординатного и базового уровня.

Keywords: academic text, text semantic model, text contents, text topic, specification, explanation, subordinate and basic categories.

Исследования проблем текста в лингвистике в последнее время связаны с его коммуникативным и когнитивным аспектами, которые составляют современную научную парадигму. Ввиду многочисленности проблем текста ограничимся анализом тех, которые характерны для отдельного типа текста, учебного. Структура и регистр этого типа текста, как правило, характеризуются устойчивостью и прогнозируемостью. Вместе с тем разнообразие учебного текста проявляется в неоднородности входящих в него жанров, например, текста учебника, учебного пособия, словарной или энциклопедической статьи [Александров, 2015]. Функциональная особенность учебного текста состоит в том, что он является средством познания, поэтому можно считать учебными тексты, не входящие в учебники и учебные пособия

[Александров, 2015]. Целью статьи является выявление структур, характеризующих семантику учебного текста на концептуальном и языковом уровнях. Материалом для исследования послужили онлайн тексты жанра научно-популярной статьи, транслирующие новое энциклопедическое знание.

Семантика текста есть его содержание, ненаблюдаемое ментальное образование, характеризующее внутренний уровень текста, объективируемое с помощью языковых средств и выводимое адресатом в результате понимания текста [Бабенко, 2004; Новиков, 1983; Ballmer, 1983]. Многообразие содержания текста реализуется в разной степени эксплицитности активизируемой информации, разных элементах, доминантах и уровнях организации содержания [Бабенко, 2004; Бело-

усов, 2014; Новиков, 1983]. Вместе с тем исследование семантики текста выделяют в качестве особенности структурированность содержания. Установлено, что структура содержания текста отличается иерархичностью. Возможно расширение содержания по вертикали и по горизонтали, что соответственно, характеризует его полноту и глубину [Баженова, 2020; Новиков, 1983]. Сказанное не противоречит тезису о структурированности человеческого сознания, принятому в когнитивных исследованиях языка [Болдырев, 2021; Колодина, 2014] и позволяет анализировать разные семантические модели текста.

Поскольку осмысление текста движется от смысловых блоков к целому [Новиков, 1983], семантические модели текста также могут отражать общий и фрагментарный уровень осмысления содержания. Для моделирования фрагментов содержания текста используют термин «субтекст», «композиционно-смысловая единица» [Баженова, 2020; Гусаренко, 2008]. Однако эти фрагменты составляют целостную композицию текста, которая определяет последовательность их появления в содержании, обусловленную линейностью языковой репрезентации содержания [Новиков, 1983].

Известна денотатно-референциальная модель содержания текста, или денотатный граф, которая состоит из компонентов целого. Вершиной графа выступает тема текста, а денотатами – подтемы и микротемы, которые дополняют и детализируют подтемы. Основным преимуществом графа является наглядность взаимосвязей, выявленных денотатов в содержании, в том числе имплицитных [Новиков, 1983]. Очевидно, что данная иерархия демонстрирует развитие темы текста за счет конкретизации и обобщения. Эти процессы также характеризуют разные уровни категоризации мира в языке, а именно субординатный и суперординатный [Болдырев, 2021]. Уровневая теория представления знания в языке, в свою очередь, развивает многоуровневую теорию значения, или когнитивную семантику [Болдырев, 2021].

Помимо иерархического принципа, обе модели предполагают, что на концептуальном уровне семантика текста опирается на знания разного характера, эксплицируемые и выводимые адресатом. Вместе с тем, денотатно-референциальную модель нельзя полностью отождествлять с уровнями категоризации, поскольку в ней нет упоминания базового уровня представления знания (термин Н.Н. Болдырева). Тем не менее, отдельные фрагменты графов иллюстрируют именно примеры репрезентации категорий базового (обыденного) и субординатного (специального)

уровней в тексте, например, подтема «воздух» и субподтемы «воздушный поток», «требуемое давление» и др. [Новиков, 1983]. Краткий анализ семантических моделей графов А.И. Новикова, построенных на примерах специальных технических текстов, показал, что они содержат больше узлов, относящихся к категориям субординатного уровня, чем базового. Однако в отношении учебного текста данное наблюдение нуждается в дополнительном исследовании.

Семантические модели текста, отражающие фрагменты содержания, могут быть построены на основе логических структур, типичных для мыслительного процесса, многие из которых имеют очевидную прагматическую сущность. Например, «повествование-объяснение», «повествование-проблема» [Гусаренко, 2008], «модель конфликта» «модель аргументации», «модель движения» [Ballmer, 1983]. Отличие семантических моделей данного вида состоит в том, что они, в отличие от фреймов и скриптов, дают более широкое представление об активируемых знаниях и демонстрируют их в динамике [Ноеу, 2001]. Примерами динамических семантических моделей являются «проблема-решение», «цель-достижение», «возможность-использование возможности», «объект внимания-достижение объекта внимания», «пробел в знании – восполнение пробела» [Ноеу, 2001, с. 123-169]. Автор отмечает, что выявленные модели существуют взаимосвязано, многие из них имеют схожую структуру и могут встречаться в тексте одновременно. Подчеркивается педагогическая ценность этих моделей для обучения пониманию англоязычного художественного текста на этапе предтекстовых заданий. Отметим, что анализ подобных моделей в отношении учебного текста не проводился.

Для анализа семантических моделей в англоязычном учебном тексте на концептуальном уровне мы будем опираться на понятие темы, а также проследим ее развитие в плане обобщения и конкретизации содержания. На языковом уровне тематическое развитие может репрезентироваться с помощью разных способов когезии, таких как дейксис, анафора, повторение, параллелизм, характерных для английского языка [13]. Кроме того, следует учитывать, что для репрезентации темы предложения английского академического текста более типично использование единичных существительных, сопровождаемых союзами и вводными словами, что определяет ее простоту, немаркированность и текстуальность [11]. В качестве языкового материала мы выбрали тексты естественнонаучной и экономической тематики, используемые образовательным ресурсом Смитсоновского института *Smithonian* и он-лайн ре-

сурсом *Nautilus*, имеющие очевидный познавательный потенциал ввиду того, что они передают новое знание в разных областях науки.

Объем текстов ресурса *Smithsonian* значительно ограничен в отличие от текстов ресурса *Nautilus*, он не превышает 200 слов, поэтому выявить семантические модели развитие темы в них легче. Тема каждого текста представлена заголовком, например: «*Scientists assess extinction risk of more than 8,000 amphibian species worldwide; TEMPO launches to monitor pollutants over North America; Scientists find a potentially volcano-covered Earth-sized world; Protecting marine life benefits the people living nearby*» [14]. Наиболее часто тема представлена пропозициональными моделями, например: *scientists, assess, extinction risk; scientists, find, volcano-covered world; people, benefit from, protecting marine life; corals, are revived* [14], компоненты которых детализируются в тексте.

Стоит отметить, что специфика ресурса и объем текстов обуславливают не только формулирование темы в сжатом виде, но и сосредоточение ее смысловых доминант именно в заголовках. Выявлено, что обязательными категориями тематических доминант являются исполнители, научные результаты и объект исследования. Так, в трех из десяти заголовков присутствует слово *scientists*. Примерами репрезентации результатов и объекта исследования служат сочетания *discover the oldest evidence, successfully cryopreserved and revived, protecting over ocean waters* [14].

Краткий анализ позволил выявить следующие семантические модели развития темы текста. Тема заголовка уточняется путем лексического повторения и перефразирования в начале текста, а затем ее доминанты конкретизируются или объясняются. Приведем примеры. Тема заголовка «*Our scientists discover the oldest decisive evidence of early human relatives butchering each other*» представлена в начале текста путем перифразы «... *researchers from the Smithsonian's National Museum of Natural History identified the oldest decisive evidence of humans' close evolutionary relatives butchering and likely eating one another*». В данном случае словосочетания *researchers from the Smithsonian's National Museum of Natural History, evolutionary relatives, butchering and likely eating* имеют уточняющий характер. Другим примером уточнения может служить выражение *the Banco Volcán Managed Resources Area in the Panamanian Caribbean* в первом предложении текста, раскрывающее тематическую доминанту *its (Panama's) ocean waters*. Примерами уточнения категории исполнителя в заголовках являются словосочетания *Smithsonian Observatory/Institute/Research Center*.

Конкретизация тематических доминант в тексте осуществляется с помощью лексических средств. На примере текста об открытии космического объекта вулканического типа размером с Землю мы выявили следующие детали: «*exoplanet, LP791-18d, as Jupiter's Io; beyond the solar system, about 90 light-years away in a southern constellation called Crater; carpeted with volcanoes, tidally locked, slightly larger and more massive than Earth, too hot surface, dark side, etc.*» [14]. Они характеризуют тип планеты, ее местонахождение и особенности.

В некоторых текстах используется семантическая модель объяснения темы. Так, содержание текста о запуске космического прибора для наблюдения за веществами, загрязняющими Северную Америку, объясняет принцип действия аппарата и цель его использования: «*tracks pollution, sits over the North America, to measure and predict the movement of pollutants, understand the cause and effect of pollution*» [14].

Анализ лексических средств развития семантических моделей конкретизации в указанных текстах обнаружил некоторое преимущество тех из них, которые репрезентируют категории субординатного уровня по сравнению с базовым и суперординатным. Например, в тексте о каннибализме слово *human*, которое можно отнести к базовому уровню, конкретизируется с помощью *shin bone, calf muscle*, а обобщается лишь с помощью термина *Homo sapiens*. В тексте о запуске исследовательского космического аппарата слово базового уровня *weather* уточняется с помощью *rain, weather satellite, weather patterns*, но не обобщается. Таким образом, мы можем сделать вывод о корреляции семантических моделей с уровнями категоризации в учебном тексте.

Учебные тексты экономической тематики ресурса *Nautilus* имеют объем до 1000 слов и более разнообразные семантические модели. Для заголовков текстов типично сжатое изложение темы в форме исследовательского вопроса, иногда не связанного с содержанием. Например, текст о помощи, оказываемой человеку животными, и их ценности для экосистемы озаглавлен *How Much Is a Living Elephant Worth?* [12], что пересекается с естественнонаучной тематикой.

Развитие темы текста осуществляется в четко представленных, графически выделенных блоках. Подтемы некоторых блоков выражены эксплицитно, например: «*Who's been driving those impressive changes? When will most people drive electric vehicles? How will increasing demand for EVs affect our planet?*» [12]. Содержание текстов также включает семантические модели, конкретизирующие и объясняющие тему. Примером

конкретизации может служить обзор марок электромобилей в тексте *Why Electric Cars are Taking off?*, в котором сравниваются модели и отмечаются их характеристики: *Hyundai IONIQ 5 SUV, the Toyota Priuses, sleek and futuristic-looking?*[12]. Другой пример – сравнение спроса на электрокары в предыдущие годы. Оба примера раскрывают разные смысловые доминанты темы, а именно «электромобили» и «рост».

В текстах ресурса также наблюдаются семантические модели, объясняющие тему, которые содержат развернутую аргументацию. Так, в тексте о ценности помощи животных человеку приводятся факты и сравнения, доказывающие их ценность, раскрывающие доминанту «worth» в теме. Например: «Elephants increase carbon sequestration, they leave out plants that are high in fiber, the plants grow bigger, So elephants are our allies in the fight against climate change», «whales fertilize waters, they feed the krill which feeds other ocean species, the world's phytoplankton captures four times more CO₂ than the entire Amazon rainforest» [12]. Примером сравнения могут служить сопоставление стоимости «услуг», оказываемых животными человеком, со штрафами за браконьерство.

Анализ предложений внутри каждой модели также подтвердил, что тема часто выражена существительным с союзом или указательным местоимением, что обеспечивает когерентность содержания и делает аргументы однозначными, например: «As a result, those plants, So in a sense, the whales, The elephants increase» [12].

Объем текстов позволил выделить и те модели, которые дополняют тему и содержат информацию, не раскрывающую какое-либо ключевое слово заголовка. Например, в тексте об электромобилях один из абзацев содержит информацию об инженерно-механике, занимающемся проблемой электромобилей, и направлениях её работы. В тексте о ценности животных один абзац выражает предложение автора создать фонд поддержки, своеобразную «биржу» услуг животных. То есть, предлагается решение проблемы.

Анализ теоретического и практического материала позволил сделать следующие выводы. Учебный текст, рассматриваемый как коммуникативное и когнитивное явление, структурирован на концептуальном и языковом уровнях с помощью семантических и языковых моделей. Структурирование учебного текста способствует реализации его познавательного потенциала. На концептуальном уровне выявлены семантические модели развития темы текста, характеризующие его содержание. К ним относятся модели конкретизации, объяснения/аргументации и

дополнительной информации. Данные модели могут быть уточнены в дальнейшем исследовании. Анализ языкового материала показал, что лексические способы развития темы текста указывают на неоднозначность способов категоризации знания. Более частными являются примеры, репрезентирующие специальное знание в категориях субординатного и базового уровней, по сравнению с обобщенным знанием в категориях суперординатного уровня. Среди языковых способов когезии, способствующих развитию темы следует отметить союзную связь, референцию, формулирование темы предложения простым существительным.

Список литературы

1. Александров, Е. П. Учебный текст и текстовая деятельность в образовательном процессе / Е. П. Александров, М. В. Воронцова. – Текст : непосредственный. // Современные наукоемкие технологии. – 2015. – № 6. – С. 56-61.
2. Бабенко, Л. Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа: учеб. для вузов / Л. Г. Бабенко. – М. : Академ. проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2004. – 464 с. – Текст : непосредственный.
3. Баженова, Е. А. Структура нового знания в научном тексте / Е. А. Баженова. – Текст : электронный // Вестник ТГПУ. – 2020. – № 4 (210). – С. 144–151. – URL : 10.23951/1609-624X-2020-4-144-151.
4. Белоусов, К. И. Некоторые наблюдения над концептуальной композицией текста / К. И. Белоусов, Е. А. Подтихова. – Текст : непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2014. – № 1. – С. 52–62.
5. Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику / Н. Н. Болдырев. – Тамбов : Изд. дом «Державинский», 2021. – 236 с. – Текст : непосредственный.
6. Гусаренко, С. В. Семантические структуры и энтропийные процессы в актуальном дискурсе научно-популярной статьи / С. В. Гусаренко. – Текст : электронный // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2008. – № 84. – С. 105–113 // КиберЛенинка : [науч. электрон. б-ка]. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/semanticheskie-struktury-i-entropiynye-protsessy-v-aktualnom-diskurse-nauchno-populyarnoy-stati> (дата обращения: 24.05.2021).
7. Колодина, Н. И. Когнитивная структурированность процесса понимания текста в аспекте микролингвистики / Н. И. Колодина. – Текст : электронный // Вестник ВолГУ. – Серия 2: Языкознание. – 2014. – №3. – С. 122-128

// КиберЛенинка : [науч. электрон. б-ка]. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnaya-strukturirovannost-protsesta-ponimaniya-teksta-v-aspekte-mikrolingvistiki> (дата обращения : 24.05.2021).

8. Новиков, А. И. Семантика текста и ее формализация / А. И. Новиков – М. : Наука. – 1983. – 215 с. – Текст : непосредственный.

9. Ballmer, T. Semantic structures of texts and discourses / T. Ballmer // Journal of Semantics. – 1983. – V. 2. – № 2. – P. 221–252. – Текст : электронный. – URL : <http://oxfordjournals.org> (дата обращения 17.04.2015).

10. Hoey, M. Textual Interaction: An Introduction to Written Discourse Analysis / M. Hoey. – Routledge. – 2001. – 201 P. – Текст : непосредственный.

11. Jalilifar, A. Thematic development in English and translated academic texts / A. Jalilifar // Journal of Universal Language. – 2009. – Т. 10. – №. 1. – P. 81-111. Текст : электронный. – URL: https://www.sejongjul.org/download/download_pdf?pid=jul-10-1-81 (дата обращения 28.12.2023).

12. Nautilus/Science Connected. – Текст : электронный. – URL: <https://nautil.us/> (дата обращения 12.01.2024).

13. Norrick, N. R. Discourse and semantics / N. R. Norrick // The handbook of discourse analysis. – 2005. – P. 76-99. – Текст : электронный. – URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/9780470753460.ch5> (дата обращения 28.12.2023).

14. Smithsonian. – Текст : электронный. – URL: <https://www.si.edu/stories/top-10-smithsonian-science-stories-2023> (дата обращения 11.01.2024).

DOI: 10.47475/9785727119631_190

К.А. КЛОЧКО / К.А. KLOCHKO

*Пермский государственный национальный исследовательский университет
(Пермь, Россия)*

СТРУКТУРА «ТОПИК – КОММЕНТАРИЙ» КАК УНИВЕРСАЛЬНЫЙ МЕНТАЛЬНЫЙ СУБСТРАТ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

THE “TOPIC-COMMENT” STRUCTURE AS A UNIVERSAL MENTAL SUBSTRATE OF AN UTTERANCE

Аннотация

В статье рассматриваются некоторые подходы к понятию предложения и высказывания, которые далеко не всегда совпадают по форме. Автор анализирует ряд вариантов решения указанной проблемы, в частности, через понятие актуального членения предложения и его центральные термины – тему и рему, которые в ряде работ оказываются эквивалентными терминам «топик» и «комментарий». Опираясь на исследования в сфере психолингвистики и изучения восточных языков, автор полагает, что несовпадения по форме между предложением как единицей языка и высказыванием как единицей речи, представляют собой расхождения в реализации глубинной, досинтаксической структуры «топик – комментарий» на синтаксическом уровне. Указанная структура служит универсальным субстратом любого высказывания, что подтверждается предварительными исследованиями одно- и двухкомпонентных высказываний. В настоящий момент представляется актуальным глубже исследовать данный вопрос.

Abstract

The article tackles the problems of some approaches to the notions of sentence and utterance, whose form seldom coincides. The author analyses a number of variants that help address the issue, in particular the functional sentence perspective and its key terms – theme and rheme, which are in some works equivalent to the topic and comment notions. Grounding on research in the sphere of psycholinguistics and oriental languages (topic-prominent languages) the author assumes that mismatches in form between the sentence and the utterance are the mismatches in the realization of a deep, pre-syntactic structure “topic – comment” on a syntactic level. The given structure serves as a universal mental substrate of any utterance, which is based upon the studies in uni- and bi-component utterances performed by the author. Today it’s of utter importance to provide a deeper research in the field.

Ключевые слова: предложение, высказывание, топик, комментарий, синтаксис, протограмматика, коммуникативная грамматика.

Keywords: Sentence, utterance, topic, comment, syntax, protogrammar, communicative grammar.

В настоящий момент растет интерес к восточным языкам и, в первую очередь, к китайскому языку. Наряду с вопросами изучения и преподавания, обнаруживается интерес лингвистов к иноструктурным, относительно европейских, языкам в целом, что пробуждает интерес к новым «старым» проблемам лингвистики.

Одной из таких проблем является переосмысление статуса понятия «предложение», которое в широком понимании до сих пор имеет неопределенный статус, и на текущий момент у ряда авторов относится к речи: «Предложение можно определить как речевую конструкцию, которая строится из слов – языковых знаков» [Федотов, 2003, с. 128]. Обзор существующей литературы, в том числе трудов известных лингвистов, позволяет увидеть достаточно широкий спектр разному трактуемых терминов, относящийся к одному и тому же понятию. Так, В.А. Звегинцев называл предложение единицей речи, а соответствующую ему единицу языка – «псевдопредложением» [Звегинцев, 2001, с. 186]. Широко дебатированное в свое время противопоставление дву- и односоставных предложений восходит к работам А.А. Шахматова, который предложение понимал как единицу речи: «Предложение – единица речи, воспринимаемая говорящим и слушающим как грамматическое целое и служащим для словесного выражения единицы мышления» [Шахматов, 2001, с. 19].

Для того чтобы решить возникающую «проблему предложения», Ю.А. Левицкий, четко различая предложение и высказывание, совмещает единицы уровневой модели языка, заложенной еще Э. Бенвенистом, с уровнями концепции Ю. С. Степанова и получает следующую модель-схему, где фонема, морфема и конструкция относятся к уровню системы, звукотип, слово и предложение – к уровню нормы, а звук и высказывание относятся уже к уровню речи [Левицкий, 2008, с. 112].

Как видим, различие подходов к понятию предложения и его интерпретаций по-прежнему кроется в принципиальном отличии предложения и высказывания. В настоящей работе мы не планируем подробно останавливаться на этом различии, поскольку оно хорошо известно и не требует дополнительного обзора [Морозова, 2013]. Однако круг нерешенных лингвистических проблем, связанных как с семантикой предложения, так и с его формальной структурой, связан, на наш взгляд, именно с недостаточным различением этих понятий при практическом решении дан-

ных вопросов.

Актуальной проблемой, согласно В.А. Курдюмову, является перенесение упрощенного, схематичного понимания языка, основанного на «школьной» грамматике, на иные языки, в частности, китайский, что не соответствует его структуре: «Язык расчленяется на массу разрядов и категорий, затем все они получают более-менее удачные названия, и считается, что проблема исчерпана» [Курдюмов, 2005, с. 8].

Подобный же подход, стремящийся к максимальной стандартизации и унификации языковых явлений, сказывается и на уже обозначенной нами проблеме несовпадения форм предложения как единицы языка и высказывания как единицы речи.

В лингвистике этот вопрос часто предлагается решить через теорию актуального членения предложения (АЧП) противопоставлением пар «подлежащее-сказуемое» и «тема-рема», либо, со ссылкой на работы Н. Хомского, данный феномен несовпадения форм предложения и высказывания объясняется, в несколько иной терминологии, различием глубинной и поверхностной структур.

Так, Ф. Данеш и Я. Фирбас рассматривают предложение как «поле значимых синтаксических отношений, которое актуализируется в момент реализации в высказывание (a contextualized utterance)» (цит. по: [Davidse, 2019, с. 109]).

Я. Фирбас отмечает, что чем больше информации о Данном, или теме, в контексте, тем менее она может быть эксплицирована в высказывании [Firbas, 1992, с. 40]. При этом на первое место при эксплицировании рематических элементов могут выходить такие средства как порядок слов, интонация, иные просодические средства языка [Firbas, 1992, с. 160].

С.Д. Кацнельсон писал, что «асимметрия между планами содержания и выражения в языке часто усложняется настолько, что дуализм языковых планов нарушается, уступая место многослойной структуре с рядом промежуточных образований» [Кацнельсон, 1972, с. 15], что делает «типологический анализ грамматических форм делом нелегким и кропотливым» [Кацнельсон, 1972, с. 15].

Терминология Я. Фирбаса в целом схожа с используемыми другими лингвистами (М.А.К. Халлидей, Ч. Фриз, Н. Хомский и др.) понятиями «топик – комментарий», но не равна им; его тема и рема ближе всего к понятиям Данное – Новое [Davidse, 2019, с. 109], которые, согласно

мнению Ф. Данеша, эквивалентны терминам «топик – комментарий» у Н. Хомского. Относительно работ последнего отмечается, что «поскольку структура «топик – комментарий» в высказывании может быть выражена посредством интонации и порядка слов, становится очевидным, что значение высказывания здесь напрямую связано с поверхностной структурой» [Davidse, 2019, с. 110], на что сам Н. Хомский отвечает, что поверхностные структуры, безусловно, могут влиять на семантическую интерпретацию подобным образом» [Davidse, 2019, с. 110].

В наши дни интерес к структуре «топик – комментарий» связан во многом с изучением строя ряда восточных языков, в первую очередь, китайского. В. В. Боровский пишет, что применительно к китайскому, «топиковые структуры – не просто варианты частных глубинных/поверхностных моделей, а узловые элементы структурного описания динамики языка. Благодаря подобным моделям на основе анализа разных языков ... может быть обеспечен закономерный и обоснованный переход от традиционного структурализма ... к языкознанию, в центре которого бы стояло изучение механизмов преобразования предикативных синтаксических моделей» [Боровский, 2005]. С. Д. Кацнельсон со ссылкой на работы А. А. Потемни отмечает, что принцип построения высказываний китайского и иных восточных языков изолирующего строя с их «скрытой» грамматикой лексических значений морфологически неформированных лексем и контекста «указывает на то, что грамматика этого типа заложена в природе любого языка и ... является основой всякого грамматического строя» [Кацнельсон, 1972, с. 79].

Аналогично пишет и В. А. Курдюмов, указывая на принципиальное различие между понятиями «топик – комментарий» и «тема – рема», кроющееся в первую очередь в структуре разных языков. Он отмечает, что еще У. Чейф писал, что «топик» – понятие, которое в полной мере раскрывается в изолирующем китайском языке, «тема» – во флективном аналитическом английском» (цит. по: [Курдюмов, 2020, с. 88]). В. А. Курдюмов пишет, что «тема и рема ... – это результат поиска топика и комментария там, где они не выражены на поверхности, там, где поверхностный синтаксис не совпадает с реальным положением синтаксических строений (т.е. в нормативных европейских языках, где соблюдается стандарт «подлежащее – сказуемое»)». [Курдюмов, 2020, с. 90].

Что же понимает В. А. Курдюмов под глубокой и поверхностной структурами? Он пишет, что «... под “поверхностной” понимается синтаксическая структура, которая на самом деле таковой является лишь условно» [Курдюмов, 2014].

Структура всегда глубинна, и представляет собой «сначала “пред-синтаксические” топик и комментарий, которые при дальнейшем “осмыслении” последовательно переходят в “семантические” пары» [Курдюмов, 2014], затем в теньеровскую схему с участием актантов, а затем в «визуальную», «где актантам соответствуют образы предметов, а предикату – осознаваемые связи между ними» [Курдюмов, 2014].

Развертывание высказывания, таким образом, идет через ряд предикаций, т.е., по Курдюмову, происходит «перманентный взаимный переход бинарных структур» от неких досинтаксических, к которым относится «топик – комментарий», к поверхностным [Курдюмов, 2014].

Данный тезис коррелирует с рядом психолингвистических исследований, в частности, работами А. А. Леонтьева, который писал, что «грамматический аспект порождения (и, видимо, восприятия) высказывания обеспечивается целым рядом более или менее автономных психофизиологических механизмов» [Леонтьев, 1974, с. 161]. Т. В. Ахутина пишет об анализе речи пациентов с афазией, где «отличительной чертой синтаксиса при наиболее грубом аграмматизме является соположение связанных по смыслу единиц при широком разнообразии возможных смысловых связей. Все слова являются сказуемыми к подразумеваемому подлежащему или к предыдущему слову» [Ахутина, 2022].

Т. В. Ахутина, ссылаясь на работы Д. Брунера, Э. Бейтс и ряда других исследователей, описывает виды синтаксиса, присущие пациентам с аграмматизмом, а также детям, выделяя «смысловой (pragmatic) – чисто предикативный, топик – коммент; семантический – порядок слов с учетом семантических ролей; поверхностный – использование синтаксических структур языка» [Ахутина, 1989, с. 92].

Автор также пишет, что «в структурах «топик – коммент» оба компонента могут быть представлены во внешней речи, но топик может и подразумеваться» [Ахутина, 2022], что соответствует принципам функционирования протограмматки [Клочко, 2015] и коммуникативной грамматики [Левицкий, 2010], [Клочко, 2017], выражаемой в речи одно- и двухкомпонентными высказываниями соответственно.

Далее модель построения высказывания кратко усложняется за счет разделения лексических и синтаксических операций, объединяемых в итоге посредством механизма «фрейм + слот», который «предполагают выбор фрейма – структурной рамки, предписывающей категории и/или порядок вставляемых элементов + выбор и вставку элементов в слоты (ячейки) фрейма» [Ахутина, 2022].

С точки же зрения грамматики проблема оказывается несколько иной; она заключается не в том, что одной грамматической функции может соответствовать несколько форм, но и что одной форме может соответствовать несколько функций [Кацнельсон, 1972, с. 82]. И грамматические категории могут быть выражены неполно или неявно, в то время как общепринятым считается одно-однозначное совпадение формы и значения [Styumann, 2021, с. 7] что, как очевидно, не соответствует действительности.

Как свидетельствует анализ источников по теме, носителями языка данные «несовпадения» (mismatches) принимаются как адекватные в функциональном плане, и изоморфия отдельных форм не ведет к непониманию, поскольку, очевидно, базируется на неких принципах, выходящих за рамки конкретных грамматических форм. В качестве таковой схемы следует выделять схему «топик – комментарий», которая оказывается более сложной, чем кажется на первый взгляд. Она не эквивалентна понятиям «тема» и «рема», затрагивает как психолингвистический, так и грамматический аспекты построения высказывания, тесно связана с некими протоязыковыми, досинтаксическими структурами. Поэтому представляется целесообразным рассматривать структуру «топик – комментарий» как универсальный ментальный субстрат любого высказывания и для начала исследовать ее на примере изучаемых автором одно- и двухкомпонентных высказываний.

Список литературы

1. Ахутина, Т.В. Порождение речи. Нейролингвистический анализ синтаксиса / Т.В. Ахутина – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1989. – 218 с. – Текст : непосредственный.
2. Ахутина, Т.В. Модель порождения речи школы Л.С. Выготского: основы и верификация / Т.В. Ахутина // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. –2022. – №1-2. Текст : электронный // Киберленинка : [официальный сайт]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/model-porozhdeniya-rechi-shkoly-l-s-vygotskogo-osnovy-i-verifikatsiya> (дата обращения: 01.12.2023).
3. Боровский, В. В. Топиковая модель как когнитивная и структурная универсалия: (на материале языков разной типологии) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : специальность 10.02.19 «Теория яз.» / Боровский Виктор Викторович; Воен. ун-т МО РФ. – М., 2005. – 27 с. – Текст : непосредственный.
4. Звегинцев, В.А. Предложение и его отношение к языку и речи / В.А. Звегинцев. – Москва : Эдиториал УРСС, 2001. – 312 с. – Текст : непосредственный.
5. Кацнельсон, С. Д. Типология языка и речевое мышление / С. Д. Кацнельсон – Ленинград : «Наука» 1972. – 215 с. – Текст : непосредственный.
6. Ключко, К.А. Протограмматика как компонент грамматической системы современного человека / К.А. Ключко – Пермь: АНО ВО «Пермский институт экономики и финансов», 2015 – 184 с. – Текст : непосредственный.
7. Ключко, К.А. О реализации структуры «топик – комментарий» в поликодовом тексте / К.А. Ключко // Евразийский гуманитарный журнал. №2 – 2017. – Пермь: Пермский государственный научно-исследовательский ун-т, 2017. – С. 67-74 – Текст : непосредственный.
8. Курдюмов, В.А. Курс китайского языка: теоретическая грамматика / В.А. Курдюмов – Москва : Цитадель-трейд: Лада, 2005. – 576 с. – Текст : непосредственный.
9. Курдюмов, В.А. Китайский язык как идеальный/экзистенциальный объект лингвистики / В.А. Курдюмов // 108-е заседание регулярного теоретического семинара «Проблемы рациональной философии». Тезисы доклада, 18.03.14. Текст : электронный – URL: https://iphras.ru/uplfile/root/news/archive_events/2014/18_03_2013_kurdumov.pdf (дата обращения: 12.01.2024).
10. Курдюмов, В.А., К вопросу о дифференциации понятий «топик – комментарий» и «тема – рема» / В.А. Курдюмов, К.Э. Коцик // Вестник Российского нового университета серия «Человек в современном мире». – 2020. № 1. – Текст : электронный – <http://vestnik-rosnou.ru/chelovek-v-sovremenном-mire-human-modern-world/2020/1/86> (дата обращения: 24.11.2023).
11. Левицкий, Ю. А. Общее языкознание / Ю.А. Левицкий – Москва: ЛКИ, 2008 – 266 с. – Текст : непосредственный.
12. Левицкий, Ю.А. Альтернативные грамматики: Стадии развития человеческого языка / Ю.А. Левицкий – Москва : Изд-во ЛКИ, 2010. – 176 с. – Текст : непосредственный.
13. Леонтьев, А.А. Исследование грамматики / А.А. Леонтьев // Основы теории речевой деятельности. – Москва: Наука, 1974. – С. 161-187. – Текст : непосредственный.
14. Морозова, И.С. Высказывания о предложении (или предложения по высказыванию) / И.С. Морозова // ИСОМ – 2013. – №2. Текст : электронный – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vyskazyvaniya-o-predlozhenii-ili-predlozheniya-po-vyskazyvaniyu> (дата обращения: 09.12.2023).
15. Федотов, А.Н. Слово как единственная единица языка / А.Н. Федотов // Вестник ТГУ –

2003 – № 2. Текст : электронный // Киберленинка : [официальный сайт]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/slovo-kak-edinstvennaya-edinit-sa-yazyka> (дата обращения: 06.06.2023)

16. Шахматов, А. А. Синтаксис русского языка / А. А. Шахматов. – Москва : Эдиториал УРСС, 2001. – 624 с.

17. Berthold Crysman & Manfred Sailer One-to-many relations in morphology, syntax, and semantics / B. Crysman, M. Sailer – Berlin: Language Science Press, 2021 – 294 p. – Текст : непосредственный.

18. Davidse K., Praet, W.V., Njende, N.M. Introduction: communicative dynamism / K. Davidse, W.V. Praet, N.M. Njende // Acta Linguistica Hafniensia – 2019 – vol. 51 – pp. 107-123 – Текст : непосредственный.

19. Firbas, Jan. Functional Sentence Perspective in Written and Spoken Communication / Jan. Firbas – Cambridge: Cambridge University Press, 1992 – 256 p. – Текст : непосредственный.

DOI: 10.47475/9785727119631_194

О.Н. КОВАЛЁВА / O.N. KOVALEVA
Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)

КУЛЬТУРНЫЕ УСТАНОВКИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ

CULTURAL ATTITUDES IN PROFESSIONAL SOCIALIZATION

Аннотация

В статье рассматривается художественное осмысление культурных установок, лежащих в основе профессиональной социализации. На материале романов Евгения Водолазкина «Авиатор» и «Брисбен» выявляются морально-нравственные ориентиры современного российского общества, с опорой на которые происходит интеграция человека в профессиональное пространство через деятельность, общение, самосознание. Исследование доказывает важность духовного воспитания личности профессионального деятеля на дотрудовом и трудовом этапах социализации. Стремление через свою профессиональную деятельность приносить пользу обществу, проявление уважения к людям, желание оставаться востребованным специалистом являются одними из ключевых установок русской культуры в профессиональной социализации.

Abstract

The article views literary understanding of cultural attitudes underlying professional socialization. On the material of Evgeny Vodolazkin's novels "Aviator" and "Brisbane", moral guidelines of the modern Russian society are revealed, based on which a person is integrated into the professional space through activity, communication, self-awareness. The study proves the importance of spiritual education of professional actor at the pre-labor and labor stages of socialization. The desire to benefit the society through professional activity, showing respect for people, the desire to remain in demand as a specialist are among the key attitudes of the Russian culture in professional socialization.

Ключевые слова: культурная установка, ориентир, ценность, норма, профессиональная социализация, деятельность, общение, самосознание, художественный текст.

Keywords: cultural attitude, guideline, value, norm, professional socialization, activity, communication, self-consciousness, literary text.

Профессиональная социализация предполагает включение человека в трудовую деятельность, успешное освоение им социальных и профессиональных компетенций, определенного профессионального поведения, ценностных ориентиров той или иной профессиональной среды. Интеграция человека в профессиональное пространство происходит через усвоение им профессиональ-

ных норм, ценностей, установок, осуществляется в трех сферах – деятельности, общении и самосознании.

Профессиональные ценностные ориентиры лежат в основе оценочной категоризации профессиональной деятельности, их освоение профессиональным деятелем свидетельствует о глубоко понимании профессиональной области, ее

внутрипрофессиональной нормы, а также оснований для общественного (внепрофессионального) одобрения [Бабушкина, 2010]. Источником профессиональных ценностных ориентиров является национальная культура, установки которой регулируют все формы жизнедеятельности человека, в том числе его профессиональную деятельность.

Как отмечает В.Н. Телия, «основная функция культуры – выполнять роль ориентира» во всех сферах жизнедеятельности человека [Телия, 2014, с. 776]. «Установки культуры – это морально-нравственные ориентиры жизнедеятельности человека как личности во всех сферах его социального и духовного бытия» [Ковшова, 2018, с. 130]. Они «соотносятся с социальными и духовными ориентирами, формирующимися как результат представлений носителей культуры о нормативной/идеальной жизнедеятельности» [Ковшова, 2018, с. 131].

«Основным стержнем культуры, организующим ее в особую часть картины мира, является совокупность ее установок, т.е. ментальных образцов, играющих роль прескрипций для социальных и духовных жизненных практик. <...> Благодаря означиванию эти установки воспроизводятся и транслируются из поколения в поколение, создавая предпосылки для традиционной их преемственности в самосознании социума. Однако постоянно расшатывающие их воспроизводимые индивидуальные или групповые предпочтения, т.е. отбор тех или иных установок и «отвержение» других, возникающие в различного рода жизненных практиках, придают культуре динамичность (от характера установок, преобладающих в лингвокультурном сообществе, зависят спады и подъемы культуры)» [Телия, 1999, с. 18-19] [цит. по Ковшова, 2018, с. 131-132].

Для уточнения представлений о профессиональной социализации в рамках национальной культуры на современном этапе рассмотрим установки русской культуры, лежащие в основе профессиональной социализации, на материале современной русской прозы, а именно романов Евгения Водолазкина «Авиатор» и «Брисбен». Герои этих произведений проходят этапы становления в профессии, достигают вершину профессиональных навыков, через тяжелые жизненные испытания осознают смысл и ценность жизни, человека и его окружения.

В романе «Авиатор» репрезентируется идея о важности морально-нравственных ориентиров, «внутренних законов» через оппозиции «внешний – внутренний», «правый – неправый», «верх – низ», «свет – тьма», «человеческий – звериный»:

«...думал о природе исторических бедствий – революций там, войн и прочего. Главный их ужас не в стрельбе. И даже не в голоде. Он в том, что *освобождаются самые низменные человеческие страсти. То, что в человеке прежде подавлялось законами, выходит наружу. Потому что для многих существуют только внешние законы. А внутренних у них нет*» [Водолазкин, 2016, с. 53];

«...за каких-нибудь несколько лет *исчезло понятие правого и неправого. Верха и низа, света и тьмы, человеческого и звериного*» [Водолазкин, 2016, с. 122].

Признаком негативной динамики в системе культурных установок является, по мнению врача Гейгера, воровство дверных ручек, символа уважения хозяев дома. Хватаясь за дверную ручку, гость «пожимает руку» хозяев, показывает свое расположение.

«Первым из парадного вышел Гейгер. Выпускная остальных, он держал дверь за шуруп. Стал рассказывать, что бывал в разных странах, и что повсюду там – несмотря на войны и революции – на входных дверях сохранялись старые ручки. Довольно долго держался вроде бы и Петербург. До ручек дело дошло относительно недавно, когда их стали свинчивать на металлолом. По словам Гейгера, *исчезновение ручек стало зримым концом нормальной жизни. Началом постепенного, но неуклонного одичания*» [Водолазкин, 2016, с. 143].

Духовное воспитание становится первоосновой жизнедеятельности человека, через освоение национально-культурных ориентиров происходит осознанное включение человека в профессиональную и непрофессиональную (бытовую) деятельность, общение:

«*Жизнь, реальность – на уровне человеческой души, там корни всего плохого и хорошего. Всё решается прикосновением к душе*» [Водолазкин, 2016, с. 344];

«...Меньше, думаю, было бы на свете горя. Человек рисующий – он как-то выше, *мягче* нерисующего. *Ценит мир во всех его проявлениях. Бережет его*» [Водолазкин, 2016, с. 204].

Практицизм, по словам героя романа, является «*стилем эпохи*», но «*только где же, спрашивается, мечта? Полет где?*» [Водолазкин, 2016, с. 226].

«Пение хористов сравнивается героем со звукоизвлечением, грамотным, профессиональным, но все-таки механическим звукоизвлечением, без души, без личного вклада» [Голованова, Ковалёва, 2017], не создающим *волишебство, утро*:

«У нас в школе был хор. ...Прекрасны были голоса девочек – серебро высшей пробы – они и определяли красоту утренников. Их голоса про себя я называл утренними.

Ежедневно слушаю в машине музыку, в том числе – хоровую.

Как редко сейчас поют утренними голосами. Можно сказать, что и не поют.

Грамотное звукоизвлечение, профессиональное, только вот волшебства нет. Нет утра [Водолазкин, 2016, с. 299].

В романе Евгения Водолазкина «Брисбен» «художественно воссоздаются следующие ценностные доминанты национально-культурного восприятия и деятельности: дом, детство, семья, профессия, поиск смысла жизни во время тяжелой болезни, обретение смысла жизни через жизнь ради спасения другого, понимание жизни и смерти, понимание музыки как жизни, а жизни как музыки» [Голованова, Ковалёва, 2019, с. 528].

Кроме того, в романе приводится отрывок из лекционного материала преподавателя о значении слова *успех*. Нам представляется интересным проанализировать этимологию данной лексической единицы, так как результативность (успешность) профессиональной деятельности является одним из критериев оценки эффективности труда специалиста.

«Слово, учила заочников Лиза, как человек: имеет свою историю и не всегда было таким, каким мы его знаем сейчас. Например, слово *успех* в древности имеет три основных значения. Первым и самым важным было значение *польза*..., прежде всего польза духовная. Добрые дела творились *на успех людям*. Вторым значением было *движение вперед, продвижение* – например, по службе. Наконец, третье значение слова *успех* передается современным (и родственным *успеху*) словом *поспешность*. <...>

Словари современного языка в слове *успех* выделяют по преимуществу два значения. Первое определяется как *положительный результат, удачное завершение*, второе – как *общественное признание*. Ни то, ни другое значение не связано с пользой. ... *успех* сопровождает тех, кто успел. Какая уж тут духовная польза...» [Водолазкин, 2019, с. 172–173].

В «Истории слов» В.В. Виноградова приведены следующие значения слова *успех*: «1) «движение, стремление вперед, усердие, рвение, достижение предела»; 2) «достижение цели, польза». Например, в Жит. Никон. (Четьи-Минеи): *оуспѣхъ погубляти*; в Ио. Леств. XIV в.: *трудъ... безъ успѣха*; 3) «поспешность». Например, в Нестор. Житии Феодосия: *Беннии съ оуспѣхъмъ въставъ, начать воду носити отъ кладязя* (Срезневский, 3, с. 1271–1272)» [Виноградов, 1999, с. 657].

Причины несохранения значения слова *успех* ‘польза’ связаны с изменениями в обществе:

«По мнению Лизы, причину этого нужно искать не в сфере языка. Скорее всего, вопросы нравственности перестали быть в обществе центральными. Развитие человечества в Новое время было связано с углублением персонального начала. Всякое развитие, однако, имеет две фазы – созидательную и разрушительную. *Созидание персонального в человеке сделало личность тоньше, открыло новые горизонты. Достижение этих горизонтов и движение за них начало личность разрушать. Персональные права, поставленные выше нравственности, превратили современного человека в машину для удовольствий*» [Водолазкин, 2019, с. 173].

Универсальной культурной установкой, на наш взгляд, является стремление человека оставаться полезным, востребованным как можно дольше вопреки увядающему физическому состоянию (как в обыденной жизни, так и в профессиональной деятельности):

«...Старики еще и говорливы. ...Желают лишний раз увериться в своей связи с этим миром и насладиться ею напоследок. ...*Ничто так не продлевает жизнь, как востребованность*» [Водолазкин, 2019, с. 161];

«...*активность передовиков* заполняет мир, *делает его своим. У стариков – нет*» [Водолазкин, 2019, с. 269];

«Главное, не горюйте о том, что еще не наступило. А то получается двойная беда: первая – Паркинсон, а вторая – ваше огорчение. *Начните кому-нибудь помогать, и это будет помощью вам самому. В мире есть люди, которым намного хуже, чем вам*» [Водолазкин, 2019, с. 344].

Таким образом, выявление культурных установок в современном художественном тексте дает представление о значимости данных культурных ориентиров в различных жизненных практиках, в том числе в профессиональной социализации. «Через функцию трансляции культуры язык способен оказывать влияние на способ миропонимания, характерный для той или иной лингвокультурной общности» [Опарина, 2004, с. 58]. Интеграция человека в профессиональное пространство через деятельность, общение, самосознание происходит в рамках совокупности установок национальной культуры. Материал нашего исследования подтверждает важность духовного воспитания личности профессионального деятеля на дотрудовом и трудовом этапах социализации. Стремление через свою профессиональную деятельность приносить пользу обществу, проявление уважения к людям и желание оставаться востребованным специалистом являются одними из ключевых установок русской культуры в профессиональной социализации.

Список литературы

1. Виноградов, В. В. История слов : Ок. 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связ. / В. В. Виноградов; Рос. акад. наук. Отд-ние лит. и яз. Науч. совет «Рус. яз.». Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – М., 1999. – С. 657. – Текст : электронный. – URL : <https://studylib.ru/doc/6427280/v.v.-vinogradov---istoriya-slov---1999>. (дата обращения 14.02.2024).

2. Водолазкин, Е. Г. Авиатор: роман / Е. Г. Водолазкин. Москва : АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2016. – 410, [6] с. – Текст : непосредственный.

3. Водолазкин, Е. Г. Брисбен: роман / Е. Г. Водолазкин. Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2019. – 410, [6] с. – Текст : непосредственный.

4. Голованова, Е. И., Ковалёва, О. Н. Аксиологические доминанты русской культуры в современном художественном тексте / Е. И. Голованова, О. Н. Ковалёва // Когнитивные исследования языка. – 2019. – Вып. XXXVIII. – С. 527-533. – Текст : непосредственный.

5. Голованова, Е. И., Ковалёва, О. Н. Когнитивные механизмы компрессии оценочного смысла в художественном тексте / Е. И. Голованова, О. Н. Ковалёва // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2017. – № 3 (52). – С. 31-36. – Текст : непосредственный.

6. Ковшова, М. Л., Гудков, Д. Б. Словарь лингвокультурологических терминов / М. Л. Ковшова, Д. Б. Гудков. – Москва: Гнозис, 2018. – 192 с. – Текст : непосредственный.

7. Опарина, Е. О. Установка культуры и диапазон метафоризации: к вопросу о мотивах обр-разной концептуализации / Е. О. Опарина // Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практика. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 53-59. – Текст : непосредственный.

8. Телия, В. Н. Послесловие. Замысел, цели и задачи фразеологического словаря нового типа / В. Н. Телия // Большой фразеологический словарь русского языка. – М.: АСТ: Пресс-книга, 2014. – С. 776-782. – Текст : непосредственный.

DOI: 10.47475/9785727119631_197

И.В. КОЖУХОВА / I.V. KOZHUKHOVA

*Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)*

**ИМПОЗИТИВНОСТЬ, ЭМОТИВНОСТЬ И ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ
В КОММЕНТАРИЯХ К КОНСТАТИРУЮЩИМ СТАТЬЯМ**

IMPOSITION, EMOTIVENESS AND INTERTEXTUALITY TO STATE NEWS COMMENTS

Работа выполнена при содействии Фонда поддержки научных инициатив ФГБОУ ВО «ЧелГУ» 2024 г.

This work was supported by the Foundation for the Support of Scientific Initiatives Research at Federal State Educational Institution of Higher Education “CSU” in 2024

Аннотация

В работе приводится анализ импозитивности, эмотивности и интертекстуальности к констатирующим новостям. К особенностям констатирующих новостей относятся их преходящий характер – новость актуальна на протяжении 1-3 дней. На материале комментариев к региональным СМИ показано, что импозитивность комментария зависит от типа комментария, наиболее продуктивным средством реализации импозитивности является ты-сообщение. В работе приводится уточненное понятие импозитивности, которое трактуется как любая, в т.ч. потенциальная угроза лицу адресата, выраженная вербальным и/или невербальным способом. Категория эмотивности реализуется за счет использования лексем с негативной оценкой, а также эмфатического синтаксиса. Интертекстуальные элементы зачастую представлены топонимами. Топонимы представлены названиями населенных пунктов области, мест с самыми низкими температурами, а также мест, которые ассоциируются с комфортными климатическими условиями.

Abstract

The work provides an analysis of imposition, emotivity and intertextuality of ascertaining news. The features of ascertaining news include their transient nature as the news is relevant for 1-3 days. Based on the data of comments to regional media, it is shown that the imposition of a comment depends on the type of comment; the most productive means of implementing imposition is 'you-message'. The work provides a concept of imposition, which is interpreted as any (including a potential) threat to the addressee's face, expressed verbally and/or non-verbally. The category of emotiveness is realized by the use of lexemes with a negative connotation, as well as emphatic syntax. Intertextual elements are often represented by toponyms. Toponyms are represented by the names of regional settlements, places with the lowest temperatures, as well as places that are associated with comfortable climate conditions.

Ключевые слова: интернет-комментарий, региональные СМИ, импозитивность, эмотивность, интертекстуальность, констатирующая новость.

Keywords: Internet comment, regional media, imposition, emotiveness, intertextuality, ascertaining news.

Интернет-комментарии представляют богатый материал для исследователя. В зависимости от источника сообщения и характера новости, качество и количество комментариев будет отличаться. Некоторые интернет-записи комментируются относительно регулярно на протяжении лет и даже десятилетий, характер других новостей позволяет предположить, что новость будут комментировать 1-3 дня. В предыдущих исследованиях нами были проанализированы импозитивные тактики в региональных СМИ [Кожухова, 2021], дискурсивные маркеры в интернет-комментариях [Кожухова, 2022] и др. Основные выводы заключаются в том, что использование дискурсивных маркеров в совокупности с другими языковыми элементами аггравировать импозитивность интернет-комментария. Данное исследование является продолжением анализа интернет-комментариев в региональных СМИ.

Объектом анализа послужили комментарии к интернет-статьям о низкой температуре воздуха (и отмене занятий у школьников) на региональном новостном портале.

Предметом исследования стали интертекстуальные включения, языковые средства реализации категории эмотивности, а также реализация коммуникативной импозитивности в статьях о низкой температуре воздуха.

Материалом исследования послужили комментарии к статьям о низкой температуре воздуха, опубликованные на региональном новостном портале 74.ru. В статьях «В школах Челябинска из-за мороза отменили урока. Дома остаются все ученики», «Нормик так морозит»: как южноуральцы встретили первое лютное похолодание», «В школах Челябинска второй день подряд отменили уроки из-за мороза», «Термометр в деревне на Южном Урале показал -50°C. А как у вас?», «В школах Челябинска отменили субботние уроки, но не у всех» общим объемом 554 комментария. Во всех приведенных приме-

рах сохранены авторский стиль, орфография и пунктуация. К особенностям данного материала относятся:

- констатирующий (не проблемный) характер. Данная черта в значительной степени влияет на характер комментариев к комментируемой новости;
- ограниченная темпоральность. Актуальность новости сохраняется непродолжительное время, 1–3 дня.

Целью исследования является описание языковых средств реализации категории коммуникативной импозитивности, особенностей реализации интертекстуальных включений и описание категории эмотивности в анализируемых комментариях.

Основными методами стали обобщение, лингвистическое описание, оценка и анализ импозитивности проводился по модели ликоугрожающего речевого акта, предложенной П. Браун и С. Левинсоном.

Предполагается, что в констатирующих новостях уровень импозитивности будет достаточно низкий или отсутствовать. Отметим, что под импозитивностью мы понимаем любую вербальную и/или невербальную атаку или угрозу (в т.ч. потенциальную) позитивному и негативному лицу коммуниканта. Импозитивность в комментариях может наблюдаться на нескольких уровнях. Самая частотная – в рамках обмена комментариями между интернет-пользователями. Другим видом импозитивности является опосредованная импозитивность: комментарии с таким видом импозитивности обращены к лицу или организации, о которой идет речь в новости или которая может быть задействована в организации новости. Также можно выделить импозитивные комментарии, обращенные к автору публикации. Обычно данные комментарии касаются позиции автора, замечаний по поводу опечаток или характера опубликованной новости. Рассмотрим приведенные уровни.

Апелляция к автору комментария была отмечена только в одном случае, в публикации «Нормик так морозит»: как южноуральцы встретили первое лютое похолодание»:

«Нормик так морозит» – это по-каковски?

Использование разговорной лексемы «это по-каковски» в названии публикации вызывает недоумение и, возможно, раздражение читателя. В данном случае не наблюдается аггравация импозитивности, а кавычки в названии публикации отсылают к цитате одного из жителей города.

Опосредованное импозитивное обращение отсылает нас к действиям Единой дежурно-диспетчерской службе города, которая отвечает за информирование граждан, в частности, об отмене школьных занятий:

почему нельзя вечером написать, например, что температура уже низкая, например с 1 по 7 класс не учатся точно, по остальным утром. Выспаться никому не дают, ни родителям, ни детям!!!!

Импозитивность в данном примере аггравируется за счет реализации речевого акта со значением упрека («почему нельзя...?»), восклицательности высказывания и усиления инклюзивности (родители, дети).

Как отмечалось выше, наиболее частотной являются импозитивные комментарии, адресованные другим комментаторам, комментарии-реакции:

*уезжайте в город! чего нить то
Букварь купи себе.*

Ага, вот тебя только и не спросили, что нам делать.

Ты когда учился и где?

В данных комментариях мы видим, что основной прием, аггравирующий коммуникативную импозитивность, является угроза негативному лицу – переход на «ты» («букварь купи», «тебя и не спросили», «ты когда учился»). Кроме этого, в примерах выше наблюдается обесценивание – апелляция к букварю намекает на то, что человек не владеет базовыми знаниями; использование разговорного глагола «нить» в значении «жаловаться».

Комментарии как к констатирующим, так и проблемным новостям нередко содержат богатое разнообразие лексико-семантических средств реализации категории эмотивности. К наиболее частотным относят «слова-интенсификаторы, эмоционально-окрашенная лексика, эпитеты с положительной и отрицательной коннотацией, сниженная лексика, лексические аппроксиматоры, стилистические сравнения, метафоры, сленгизмы, аббревиация» [Масгутова 2021 54]. Так, цитата с использованием лексемы нормик (разг.

нормально) вынесена в заголовок статьи. Данный прием вызывает эмоции читателей:

«Нормик так морозит» – это по-каковски?

К другим средствам интенсификации эмотивности на лексико-синтаксическом уровне являются параллельные синтаксические конструкции, усиливающие эмоциональную оценку, прилагательные с негативной оценкой, использование существительный с коннотацией презрения (чинуши):

Транспорт ходит отвратительно, троллейбусы старые и ржавые морозильники на колесах, именно в них нужно принудительно катать в морозы Текслкра, Котову и министра транспорта!!! Дороги не чищены, у остановок наледь, транспорт буксует, люди падают, горы не везенного снега. В общем позор челябинским чинушам, хотя им от этого позора никак...

Эмфатическое многоточие как разновидность экспрессивного синтаксиса, передающие эмоциональное состояние автора комментария:

Согласен. Жалко животных и птичек. Бросили своих собратьев... Человек стал волком человеку, что говорить о других... Уходит доброта, порядочность, сочувствие... Остаётся буржуазная ненависть... Сожалею...

Еще одним небезынтересным элементом анализа являются интертекстуальные включения, которые «имеют различные формы репрезентации и в процессе интерпретации выполняют такие функции как коммуникативная, познавательная, референтивная, эмоционально-экспрессивная, апеллативная и смыслопорождающая» [Заболотнева, 2022, с. 388]:

Лютый холод в Оймяконе и Верхоянске. Хватит хныкать, уральцы.

А я лежу в Майами на пляжу и тихонько ржу)

Топонимические отсылки, как правило, переносят читателя интернет-комментария в места, где низкие температуры – часть стабильных погодных условий (Верхоянск и Оймякон – города с абсолютными температурными минимумами), либо, напротив, в места, которые славятся своими комфортными погодными условиями, пляжным отдыхом – напр., Майами. Другой группой топонимических отсылок в анализируемых констатирующих публикациях являются отсылки к городам области. В таких комментариях обычно приводится/сравнивается температура воздуха в других населенных пунктах области:

В Верхнем Уфалее от -32 до -40°.

Окказионально встречаются топонимы с другими характеристиками, но они не оказывают значимого влияния на результаты выборки.

Отметим, что в комментариях к анализируемым констатирующим статьям практически от-

сутствуют интертекстуальные включения. Приведем единичный пример:

Атмосферу фильмов Балабанова описали. 😊

Комментатор иронизирует (см. эмоджикон), давая отсылку к фильмам режиссера Алексея Балабанова, известными мрачной и гнетущей атмосферой.

Неоднозначными примерами, которые могут быть интерпретированы одновременно как интертекстуальные включения и как обычные языковые единицы безапеллятивного характера, являются следующие:

Неучи растут. Дубины стоеросовые.

Они не знают даже куда Волга впадает. Деградация

«Дубина стоеросовая» – фразеологизм, не обладающий высокой частотностью, однако он был популяризирован в некоторых фильмах («Бриллиантовая рука» (1968г.), «Служили два товарища» (1968г.)) и есть вероятность, что в данном случае автор комментария использует интертекстуальное включение. Ответом на этот комментарий становится аналогичный, с возможным потенциалом интертекстуальности. «Куда впадает Волга» – отсылка к песне «Мы маленькие дети» из кинофильма «Приключения Электроника» (1979 г.).

Анализ комментариев к констатирующим новостям показывает относительно невысокий уровень коммуникативной импозитивности, комментарии с наибольшей импозитивностью относятся к «диалогу», комментариям на предыдущие реплики читателей новости. Характер анализируемых новостей накладывает отпечаток на использование интертекстуальных включений: большая часть интертекстуальных включений представлена в виде областных топонимов, а также топонимов, отсылающих к местам с очень низкими температурами, либо к местам, которые ассоциируются с комфортным пляжным отдыхом. Эмотивность в комментариях представлена лексемами с преимущественно негативной окраской.

Список литературы

1. В школах Челябинска второй день подряд отменили уроки из-за мороза. – Текст : электронный. – URL: [https://74.ru/text/](https://74.ru/text/education/2023/12/08/72991652/)

[education/2023/12/08/72991652/](https://74.ru/text/education/2023/12/08/72991652/) (дата обращения: 14.12. 2023)

2. В школах Челябинска из-за мороза отменили уроки. Дома остаются все ученики. – Текст : электронный. – URL : <https://74.ru/text/education/2023/12/07/72987311/> (дата обращения: 14.12. 2023).

3. В школах Челябинска отменили субботние уроки, но не у всех. – Текст : электронный. – URL : <https://74.ru/text/winter/2023/12/09/73000424/> (дата обращения: 14.12. 2023).

4. Нормик так морозит: как южноуральцы встретили первое лютное похолодание. – Текст : электронный. – URL : <https://74.ru/text/winter/2023/12/07/72991604/> (дата обращения: 14.12. 2023).

5. Термометр в деревне на Южном Урале показал -50°C. А как у вас? – Текст : электронный. – URL: <https://74.ru/text/winter/2023/12/08/72996257/> (дата обращения: 14.12. 2023)

6. Заболотнева, О. Л. Функции интертекстуальных включений в англоязычном университетском дискурсе / О. Л. Заболотнева // Евразия-2022: социально-гуманитарное пространство в эпоху глобализации и цифровизации : Материалы Междунар. науч. культ.-образоват. форума, (Челябинск, 06–08 апр. 2022 г.).– Челябинск, 2022. – Том IV. – С. 386–388. – EDN SYWDBO. – Текст : непосредственный.

7. Кожухова, И. В. Оценка «неудовлетворительно»: анализ импозитивных тактик на областном портале 74.ru / И. В. Кожухова. – Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2022. – № 1(43). – С. 69–75. – DOI 10.47475/2070-0695-2022-10108. – EDN SJJZUR. – Текст : непосредственный.

8. Кожухова, И. В. Дискурсивные маркеры в импозитивных комментариях: краткое описание / И. В. Кожухова // Когнитивные исследования языка. – 2022. – № 3(50). – С. 245–248. – EDN QLHGDR. – Текст : непосредственный.

9. Масгутова, М. Ф. Языковые средства реализации категории эмотивности в виртуальном дискурсе / М. Ф. Масгутова // Ученые записки НТГСПИ. Серия : История и филология. – 2021. – № 3. – С. 51–61. – EDN LJBVJK. – Текст : непосредственный.

DOI: 10.47475/9785727119631_201

А.В. КОРЗУН / A.V. KORZUN

Уфимский университет науки и технологий
(Уфа, Россия)

ЭМОТИВНОСТЬ КАК ВАЖНЕЙШАЯ КАТЕГОРИЯ ЭМОТИВНОЙ ЛИНГВОЭКОЛОГИИ

EMOTIVITY AS AN ESSENTIAL CATEGORY OF EMOTIVE LINGUOECOLOGY

Аннотация

Данная статья посвящена одной из основополагающих категорий эмотивной лингвоэкологии – категории эмотивности. В статье дается определение термина «эмотивность», подчеркивается ее отличие от термина «эмоциональность», описывается ее взаимосвязь с прагматикой коммуникации. Также приводится краткая характеристика как реализации данной категории в процессе коммуникации, так и ее структуры. В структуре категории эмотивности выделяются микрополя, отличающиеся друг от друга в зависимости от того, какое начало в них преобладает: эмоциональное, рациональное или интеллектуальное, что также влияет на способы ее языкового выражения. Различия микрополей иллюстрируются примерами диалоговых единств из англоязычного художественного дискурса, как наиболее приближенного к ситуациям живого общения в реальной жизни. Для анализа выбран сборник рассказов современной канадской писательницы, обладательницы различных премий в области литературы Маргарет Этвуд «Каменная подстилка» (а именно рассказ «Призрак»).

Abstract

This work touches upon one of the fundamental categories of Emotive Linguoecology – the category of emotivity. The article gives the definition of the term “emotivity”, emphasizes its difference with the term “emotionality” and describes its correlation with pragmatics of communication. It also provides a brief description both of its structure and the implementation of this category in the process of communication. The structure of the category of emotivity distinguishes several microfields, which differ from each other depending on a prevailing element, i.e. emotional, rational or intellectual, which, in its term, affects the ways of the category’s linguistic expression. The differences of microfields are illustrated by the examples of dialogical units from English-language artistic discourse, since they are viewed upon as the most similar to some communicative situations in real life. A collection of short stories by a contemporary Canadian writer, a winner of various prizes in the field of literature, Margaret Atwood “Stone Mattress” (i.e. the story «Revenant») was selected for the analysis.

Keywords: emotivity, pragmatics of communication, microfields of emotivity, speaker, addressee, Emotiology, Emotive Linguoecology.

Ключевые слова: эмотивность, прагматика коммуникации, микрополя эмотивности, говорящий, адресат, эмотиология, эмотивная лингвоэкология.

The whole life and functioning of a modern person is inextricably linked with society. This connection is carried out through various daily interactions the main tool of which is undoubtedly communication. And it is impossible to imagine communication without the manifestation of certain emotions, which often serve as the main indicators of perception of information, its evaluation and expression of the speaker’s attitude to the surrounding reality, as well as to its participants.

Victor Ivanovich Shakhovsky, a renowned Russian linguist, writes in one of his works that emotions of the linguistic community are sociologized and psychologized, i.e. generalized by the specific national experience of a given society. Emotions are not just a form of assessing the habitat

of a particular language, but they constitute both a significant part of this habitat and the world view in general [Шаховский, 2002, с. 60].

Initially, emotions were the object of research mainly in psychological and sociological studies. Particularly in Psychology emotions were often considered as impulsive human reactions, and therefore not amenable to comprehension; the addressee was not taken into account as well. This means that emotions were perceived as an unintended act of expressing the speaker’s psychological state. English psychologists Andrew Ortoni, Gerald L. Clore and Allan Collins believe that in each specific emotional situation, unlike a communicative one, the absence of a receiving side is by no means an obstacle to the representation of an emotional state.

Moreover, the higher the degree of sincerity and depth of an emotional act, the less it presupposes an addressee as an object of intention. In addition, the cognitive implication in the emotional scenario is not “inevitably conscious” [Ортони, 1996, с. 321].

However, it is impossible to overlook the fact that emotions are often expressed primarily not by paralinguistic means, such as gestures or facial expressions, but by linguistic means directly. Later this evoked the rise of interest in the study of emotions among linguists. As a result of this interest, at the end of the 20th century a separate branch of Linguistics was formed, i.e. the Linguistics of Emotions (or Emotiology), followed by another one – Emotive Linguoecology. The founder of these branches is the above mentioned Victor Ivanovich Shakhovskiy and his Voronezh linguistic school, thanks to whom the term “emotivity” began to be widely used in Linguistics, and the category of emotivity became one of the main categories of both Emotionology and Emotive Linguoecology. According to Victor Shakhovskiy, “emotivity is an immanently inherent semantic category of language that expresses emotionality as a fact of mental activity, as well as social and individual emotions reflected in the semantics of linguistic units” [Шаховский, 2006, с. 24].

The category of emotivity is closely linked with pragmatics of communication, i.e. with the realization of certain intentions of the speaker in the act of speech. These intentions present either an expression of the emotions of the speaker, or a conscious / unconscious attempt to evoke certain emotions (or even actions) in the addressee. “A person’s speech is his calling card. It incorporates information about the most diverse personality traits of the speaker: his origin, age, profession, education, intelligence, etc. A linguistic personality manifests him- / herself in speech behavior” [Горелов, Седов, 2001, с. 120]. And the expression of emotions is a fundamental part of the communicant’s speech behavior, which makes the category of emotivity so essential.

It should be noted that the term “emotivity” in Linguistics was initially problematic and some scientists interpreted it in different ways. For example, according to American philosopher Charles Leslie Stevenson emotive expression is any linguistic expression produced with the purpose of psychological effect on listeners, i.e., in his opinion, the emotive meaning is equal to the emotional effect of the used words [Stevenson, 1948] [Цит. по: Шаховский, 2013, с. 238]. Russian linguist Svetlana Valentinovna Ionova, on the contrary, believes that the realization of the category of emotivity “serves for the explicit representation of the emotional state of a linguistic personality, but not for its evocation

in the recipient” [Ионова, 1998, с. 182] [Цит. по: Демонина, Гукалова, 2018, с. 56].

Nowadays the term “emotivity” no longer causes misunderstandings among linguists and is defined in a broad sense as “the linguistic aspect of the category of emotionality”, i.e. “linguistic expression of emotions” [Шаховский, 2008б, с. 234]. And though the terms “emotionality” and “emotivity” are sometimes used as synonyms, a number of scientists differentiate these concepts along the line: psychological term / linguistic term [Зотова, 2010, с. 4].

Emotivity as a linguistic category can manifest itself at all levels of language, i.e. phonetic, lexical, syntactic. For example:

1. at the phonetic level – in intonation;
2. at the lexical level – both in words naming emotions and with the help of various emotives (a verbal or non-verbal units that allow the speaker to express his emotional attitude / state towards someone or something);
3. at the syntactical level – in expressive structures within a sentence or several sentences [Морозкина, 2015, с. 174].

Victor Ivanovich Shakhovskiy points out that the category of emotivity integrates multilevel units of language. Emotivity is undoubtedly a functional and semantic category, since it meets all its features:

1. its general semantic function is expression of emotions;
2. the interaction of lexical and grammatical elements (emotivity has its external expression on all “levels” of language, including phonological, morphological, lexico-semantic, phraseological, syntactic);
3. its structure includes a center and a periphery, etc. [Шаховский, 2008, с. 112-113].

Since, according to some scientists, the category of emotivity is systemic and linguistic (since it is included in the semantics of a word, an utterance, and even a text), as well as communicative and pragmatic (since it is actualized in speech as a subjective attitude of a speaker), it has a «field» structure, i.e. consists of a center and a periphery. However, it is characterized by polycentricity (the absence of a grammatical category in the center of the field that would concentrate the function of expressing emotions). “The polycentricity of emotivity is determined by the existence of several centers, zones of emotivity, the functions and ways of expression of which depend on the proportion of emotional, rational and intellectual elements in the semantics of linguistic units”. Here are these microfields:

1. **The microfield of impulsivity** is represented by such linguistic means, denotative meaning of which includes emotivity (interjections, invectives, phraseological units, etc.). Therefore, the

implementation of emotivity in speech is reflexive and unconscious, while the addressee of the speech act is not taken into account [Коростова, 2017, с. 3-4]. For example,

"He's just been having a nap," says Reynolds, <...> "Would you like a peek at his study first? Where he does his writing?"

"Oh, ooodle-oo," says the voice of Naveena, which must indicate delight.

In this example a young reporter Naveena is talking to the wife of a famous writer, who she is going to interview. She uses an interjection «*oodle-oo*» which expresses delight, excitement or joy. Thus the response helps us to understand that the tone of the conversation is emotionally positive, though it is not stated directly. Indeed, Naveena is very excited to examine the writer's study. Moreover, her reaction is impulsive and unintentional, which adds up to its sincerity. Emotionality in this case prevails over rationality.

2. The microfield of emotive evaluativeness in the implementation of which the rational element is involved, but emotionality (either explicitly or implicitly) still dominates (expletives, syntactic constructions with «What a...!», etc.). The both components complement each other and intensify the reaction of the communicants [Коростова, 2017, с. 3-4]. For example,

"Gavin!" says Reynolds. "You can't talk to women like that any more! It isn't ..."

"I'm not sure my private life is your concern," says Naveena stiffly. Her lower lip is quivering, so maybe he's hit it right.

In this extract we can see the dialogue between the writer (Gavin), his wife (Reynolds) and the interviewer (Naveena). Gavin doesn't want to talk about his past private life, that is why he is being very harsh with Naveena. The episode shows the reaction of the interviewer to a rather impolite remark of the writer. Though the former tries to react rationally and stay poised and reserved, by the emotions she can't disguise (quivering of the lip, a stiff response) it becomes clear to us that she was deeply hurt. Thus, both emotionality (implicitly) and rationality (explicitly) should be taken into account.

3. The microfield of pragmatic emotivity in which the intellectual element prevails (exclamatory or interrogative sentences, direct address, etc.), accompanied by the information about the mental state of a speaker and which is directed exclusively and intentionally at an addressee [Коростова, 2017, с. 3-4]. For example,

"Since when have I done that?" he says. "I never complain!"

"You complain all the time, about everything," says Reynolds. She's reaching the fed-up moment; he shouldn't take it any further. But he does.

"I should have married Constance," he says. That's his ace: plonk! Right down on the table.

This example shows the dialogue between Gavin (the writer) and Reynolds (his wife) and illustrates a deliberate intention of a speaker to irritate an addressee and trigger some negative emotions in her. The main character is perfectly aware of the fact that his words are very hurtful for his wife, but it doesn't stop him from saying them, because he is mad at her and wants her to feel miserable. We can see that the speaker is not very emotional or impulsive, on the contrary, he knows exactly what to say in order to upset his wife and does it on purpose. Thus, we can say that in this case rationality prevails over emotionality. Such examples can mostly be perceived and analyzed only through the context. Thus, microfields of emotivity are implemented in texts in different ways, and each type of microfields has its own requirements and features and means of expression. Linguistic units are chosen depending on the predominance of emotional, intellectual or rational elements in the utterance, and that adds up to the success of communication.

Although Emotive Linguoecology is a fairly young branch of modern Linguistics, it is impossible to deny its relevance and the importance of further research in this field. Nowadays, it is becoming more and more important to pay attention not only to what a person is saying, but how he is saying it, since words (especially emotional ones), as well as actions, have their consequences. Expressing certain emotions in the process of communication, a person both explicates his psychological state and affects others (consciously or unconsciously). The success or failure of communication and even psychological health of the communicants depend on how human emotions are verbalized. All these account for the importance of studying emotivity and its influence on people's well-being.

Список литературы

1. Горелов, И. Н. Основы психолингвистики : учеб. пособие. – 3-е, перераб. и доп. / И. Н. Горелов, К. Ф. Седов. – Москва : Лабиринт, 2001. – 304 с. – Текст : непосредственный.
2. Демонова, Ю. М. Реализация категории текстовой эмотивности в романе В. Вулф «На маяк» / Ю. М. Демонова, Н. В. Гукалова // Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема. – 2018. – № 2(31). – С. 55–61. – Текст : непосредственный.
3. Зотова А. Б. К вопросу о соотношении категорий «эмоциональность», «эмотивность», «экспрессивность» / А. Б. Зотова // Известия ВГПУ. – 2010. – Т. 50. – № 6. – С. 14–17. – Текст : непосредственный.

4. Ионова С. В. Эмотивность текста как лингвистическая проблема: дисс. ... канд. филол. наук / С. В. Ионова. – Волгоград, 1998. – 197 с. – Текст : непосредственный.
5. Коростова С. В. Категория эмотивности в современной литературе: к проблеме экологии языка / С. В. Коростова // Экология языка и коммуникативная практика. – 2017. – № 3. – С. 1–12. – Текст : непосредственный.
6. Морозкина Е. А. Выражение эмотивности в художественном тексте (на материале романа У. Г. Симмса «Мартин Фабер») / Е. А. Морозкина, С. Р. Хамматова // Вестник Башкирского университета. – 2015. – Т. 20. – № 1. – С. 172–178. – Текст : непосредственный.
7. Ортони А. Когнитивная структура эмоций / А. Ортони, Дж. Клоур, А. Коллинз // Язык и интеллект. – Москва : Прогресс. – 1996. – С. 314–384. – Текст : непосредственный.
8. Шаховский В. И. Языковая личность в эмоциональной коммуникативной ситуации / В. И. Шаховский // Филологические науки. – Москва. – 2002. – № 4. – С. 59–67. – Текст : непосредственный.
9. Шаховский В. И. Категориальная эмоциональная ситуация в свете теории и семиотики / В. И. Шаховский // Речевая деятельность. Языковое сознание. Общающиеся личности: тез. докл. на XV Междунар. симпозиуме по психолингвистике и теории коммуникации. – Москва : Калуга, 2006. – Текст : непосредственный.
10. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В. И. Шаховский. – Москва : Изд-во ЛКИ, 2008а. – 208 с. – Текст : непосредственный.
11. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций : моногр. / В. И. Шаховский. – Москва : Гнозис, 2008. – 416 с. – Текст : непосредственный.
12. Шаховский В. И. Экология эмотивного языка: теоретические и практические аспекты / В. И. Шаховский // Экология языка и коммуникативная практика. – 2013. – № 1. – С. 233–245. – Текст : непосредственный.
13. Stevenson Ch. L. Meaning: Descriptive and Emotive / Ch. L. Stevenson // The Philosophical Review. – 1948. – Vol. XLVII. – № 2. – P.127–144. – Текст : непосредственный.

DOI: 10.47475/9785727119631_204

И.К. МУХИНА / I.K. MUKHINA

Уральский федеральный университет имени
первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ «НАИВНЫХ» И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ В СЛОВАРНЫХ ДЕФИНИЦИЯХ ЛЕКСЕМ КОГНИТИВНО-ИДЕОГРАФИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ОПТИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ И ИХ ПРИЗНАКИ»

REPRESENTATION OF «NAIVE» AND SCIENTIFIC KNOWLEDGE IN DICTIONARY DEFINITIONS OF LEXEMES OF COGNITIVE IDEOGRAPHIC GROUP «OPTICAL PHENOMENA AND THEIR FEATURES»

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
№ 22-18-00352 «Свод лексики как идеографическая карта мира:
Универсальный словарь-тезаурус русского языка», <https://rscf.ru/project/22-18-00352/>.*

Аннотация

Статья посвящена определению различительных признаков энциклопедических и лингвистических словарей. На примере анализа определений термина физической географии «экватор» в толковых и специальных словарях, а также в школьных учебниках по географии выявлено, что в настоящее время наблюдается тенденция к возрастанию уровня энциклопедичности лингвистических толковых словарей. При этом принципиальные различия в подаче материала словарями разных типов остаются: для энциклопедических словарей характерно приводить научные классификационные признаки, а для толковых словарей – включать в дефиницию термина как общеизвестные научные знания носителей языка, так и специфические составляющие географической картины мира. Маркерами

энциклопедических знаний в определении специального понятия являются грамматическая форма термина, базовый идентификатор, количество выделенных признаков и научных терминов, уточняющая информация, объем и структура словарной дефиниции.

Abstract

The article is devoted to the definition of distinguishing features of encyclopedic and linguistic dictionaries. Using the example of analyzing the definitions of the term physical geography "equator" in explanatory and special dictionaries, as well as in school textbooks on geography, it was revealed that at present there is a tendency to increase the level of encyclopedicity of linguistic explanatory dictionaries. At the same time, fundamental differences in the presentation of material by dictionaries of different types remain: it is characteristic for encyclopedic dictionaries to give scientific classification signs, and for sensible dictionaries to include in the definition of the term both well-known scientific knowledge of native speakers and specific components of the geographical picture of the world. Markers of encyclopedic knowledge in the definition of a special concept are the grammatical form of the term, the basic identifier, the number of selected features and scientific terms, clarifying the information, the volume and structure of the dictionary definition.

Ключевые слова: картина мира, «наивная» картина мира, научная картина мира, идентификатор, энциклопедические знания, энциклопедические словари.

Keywords: picture of the world, «naive» picture of the world, scientific picture of the world, identifier, encyclopedic knowledge, encyclopedic dictionaries.

В теории лексикографии существует множество классификаций словарей по разным основаниям, среди главных типов выделяются лингвистические, то есть собственно языковые словари, которые создаются с целью нормализации языка или описания языковых единиц, а также способствуют повышению правильности и выразительности речи носителей языка, и энциклопедические словари – научные или научно-популярные справочные издания, представляющие собой систематизированный свод знаний в какой-либо области.

Основой данной классификации словарей является то, что словарная информация также делится на лингвистическую и экстралингвистическую, соотносясь с «наивными» и специальными знаниями носителей языка. Экстралингвистической считается информация, получаемая не на основе анализа языковых единиц, а в результате научного изучения внешнего по отношению к языку мира, и соотносящаяся с фоновыми и энциклопедическими знаниями.

Отражаемая в словарных дефинициях информация разделяется также на обыденную и научную, отражающую «наивную» или научную картину мира носителей языка. Несмотря на то, что в связи с распространением всеобщего просвещения и унификации знаний, соотносящихся со средневропейским стандартом, картина мира современного человека не может не включать в себя научные знания из разных областей науки, принципиальный постулат современной семантики, согласно работам Ю.Д. Апресяна, А. Вежбицкой и др. ученых-лексикографов, состоит в том, что в словарных толкованиях должна использоваться лингвистическая информация, отражающая пре-

жде всего «наивную» картину мира [Кронгауз, 2005, с. 117] «среднего» носителя языка.

С.Г. Бархударов полагал, что выявление своеобразия лингвистических и энциклопедических словарей – одна из главных задач лексикографов, поскольку внимание языковедов преимущественно должно уделяться проблеме тщательного выявления специфических особенностей словарей в отличие от другой справочной литературы, прежде всего от энциклопедий [Бархударов, 1976, с. 6].

Согласно традиционным представлениям, лингвистические словари поясняют единицы языка, их употребление, а энциклопедии описывают предметы, явления, процессы, используя лексемы-термины, сигнификатором которых выступают научными понятиями, соотносящиеся с историческими событиями, деятелями, географическими реалиями и т. п. персоналиями и явлениями [Дубичинский, 2008, с. 69–72].

Некоторые ученые придерживаются другой позиции: так, Н.З. Котелова указывает на то, что «энциклопедия не словарь и не имеет отношения к лексикографии. Единственный повод считать ее словарем – расположение обозначений описываемых реалий в алфавитном порядке» [Котелова, 1976, с. 33]. Таким образом, энциклопедические и лингвистические словари нельзя сравнивать, выделяя общие и различительные лексикографические признаки, так как у одного из сравниваемых объектов отсутствует общее основание для классификации, а именно способность быть перечнем слов, их частей или словосочетаний с пояснениями, толкованиями или с переводом на другой язык.

Точка зрения Н.З. Котеловой близка к мнению Л.В. Щербы, который считал, что «энциклопе-

дические словари являются по существу словарями-справочниками, так как, подобно общим техническим словарям, не имеют установки на лингвистическое единство своего словника» [Щерба, 1974, с. 269]. Максимально широкий подход представлен в работах Дж. Хеймана, который полагал, что любой словарь является энциклопедией.

Н.З. Котелова отмечают ряд значительных отличий энциклопедических и лингвистических словарей:

1) различие в составе словарей: словники лингвистических словарей объединяют слова различных частей речи (существительные – обычно только нарицательные, прилагательные, глаголы, наречия, предлоги, местоимения, союзы; большое внимание уделено фразеологизмам); в словник энциклопедического словаря объединены существительные (как нарицательные, так и собственные, например, имена выдающихся личностей, топонимы и т. п.), фразеологизмы не представлены, как и заголовочные единицы – служебные части речи;

2) способы семантизации единиц: в лингвистическом словаре семантизация единиц находится в рамках «наивной» картины мира носителей языка; энциклопедии оперируют строго научными понятиями;

3) виды информации: в лингвистическом словаре грамматическая, этимологическая и др. языковая информация о слове не может быть опущена; в энциклопедическом словаре такая информация отсутствует;

4) прагматический компонент значения: энциклопедии не предоставляют сведения прагматической направленности – стилистическая, социальная, географическая информация, которую в лингвистическом словаре манифестируют различного типа словарные пометы, в них не представлена;

5) невербальные компоненты: в лингвистических словарях данный тип информации не является обязательным, невербальная информация может использоваться в виде иллюстраций или рисунков, особенно это касается словарей концептов, устаревших слов и т. п.; пользователи энциклопедических словарей предполагают, что в них будут схемы, карты, диаграммы и т. п. неязыковые элементы, облегчающие понимание заголовочного понятия [цит. по: Крысин, 2007, с. 179–182].

Несмотря на указанные различия, в настоящее время современные лингвистические словари становятся комплексными в результате «социального заказа» общества, все более состоящего из представителей «поколения Z», привыкших,

что любые знания сразу становятся доступными в результате только нажатия одной кнопки на компьютере или смартфоне, поэтому словари отличаются наличием, кроме собственно лингвистической, обширной энциклопедической экстралингвистической информации. Обычно, согласно европейской лексикографической традиции, энциклопедические данные приводятся после языковой характеристики заголовочной единицы в рамках одной словарной статьи.

Определим значимые различия в семантике термина *экватор* из тематической группы терминов физической географии «Планета Земля» при его семантизации в толковых и специализированных географических словарях.

Грамматическая форма термина «экватор» во всех источниках представлена лексемой в форме единственного числа, что закономерно, поскольку экватор на Земном шаре существует только один. Базовый идентификатор во всех определениях единый – *линия* (например, «экватор – условная *линия*, проходящая посередине земного шара на равном расстоянии от обоих полюсов и разделяющая его на Северное и Южное полушария» [УОО], в идеографическом словаре присутствует также идентификатор *направление в пространстве*: «экватор – *направление в пространстве*, перпендикулярное земной оси по линии; воображаемая *линия*, проходящая вокруг земного шара на равном расстоянии от обоих полюсов и делящая земной шар или небесную сферу на Северное и Южное полушарие» [БТСРС]. Данное определение следует признать «неудачным» с точки зрения научной географической картины мира, так как *направление* как развитие, направленность какого-либо явления, устремленность, тяготение его в какую-либо сторону всегда характеризуется точкой отсчета и подразумевает также, что имеет место какое-либо движение в этом направлении. В случае с экватором нет не только никакого движения, но и точки, где экватор бы начинался или заканчивался. Учитывая принципы лексикографической концепции составителей данного словаря, включающие в себя опору на существующие лексикографические источники, возможно, что данные сведения «позаимствованы» из какого-то другого толкового словаря и, следовательно, «неверная» с точки зрения научной картины мира информация повторяется от словаря к словарю.

Количество выделенных признаков понятия *экватор* в разных источниках составляет в среднем три признака, в основном они совпадают и включают в себя следующие характеристики: воображаемая/условная линия; проходящая посередине земного шара / через центр Земли; делящая

земной шар / или небесную сферу на полушария. Следуют признать, что данные признаки очень четко отражают основные научные географические параметры, отличающие понятие «экватор» от других понятий физической географии, например, от понятий «тропики» или «полярные круги», основное содержание которых связано с тем, что они также представляют собой условные линии, но не проходящие посередине земного шара.

При анализе присутствующей в определениях информации, уточняющей используемые для семантизации понятия, обращает на себя внимание то, что экватор как линия сечения земного шара обладает следующими конститутивными признаками: эта линия должна проходить на равном расстоянии от обоих полюсов; находиться перпендикулярно оси вращения Земли; делить земной шар на Северное и Южное полушария. Данная информация совпадает во всех словарях, и толковых, и специальных географических, что позволяет выделить ее как самую важную для понимания термина «экватор» для носителей и научной, и «наивной» картины мира, которая, соотносясь с научными терминами, не может не включать в себя специфические научные знания.

Количество научных терминов в словарных дефинициях варьируется от 3 до 9. Основные термины, представленные в словарных толкованиях термина *экватор*, – это *земной шар*, *полюс*, *полушарие*; см., например, определение в толковом словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой: «*экватор* – воображаемая линия пересечения земной поверхности плоскостью, проходящей через центр Земли, перпендикулярно к земной оси, делящая *земной шар* на Северное и Южное *полушария*» [СОШ]. В связи с тем, что данные понятия представлены во всех определениях, можно сделать вывод о том, что без них составить дефиницию понятия «экватор» было бы затруднительным. Можно отметить, что в СОШ представлено достаточно большое количество других географических и общенаучных терминов: *земная поверхность*, *плоскость*, *земная ось*, *акватория*, *небесная сфера*.

В «Географическом энциклопедическом словаре» (ГЭС) среди семантизирующих понятия лексем преобладают специальные географические термины, такие как *географические широта* и *долгота*, *равноденствие*, *зенит*.

Узкоспециальные термины представлены в ГЭС, а также и всех толковых словарях: если в ГЭС это понятие *линия сечения*, то в толковых словарях – это *небесная сфера*, *акватория*. Можно обратить внимание на то, что все эти понятия отражают пространственные явления, характеризующие экватор, но акцент при этом делается на

разных по типу пространствах: в ГЭС говорится о «линии сечения [планеты]», то есть о пространственной характеристике экватора как воображаемой черты, разделяющей какую-либо планету на две равные части. Приведение подобной информации закономерно, так как данный словарь – это специальный географический словарь, а в научной области географии Земля рассматривается только как одна из планет. Толковые же словари разъясняют исследуемое понятие *экватор* как линию сечения в пределах планеты Земля.

Объем словарной дефиниции в УОО, СОШ и БТСРС – краткий (до 50 слов), в БТС и ГЭС – средний (от 50 до 100 слов). Тот факт, что объемы дефиниций в УОО (20 слов) и БТСРС (29 слов) достаточно близки в количественном отношении, может говорить о том, что для осознания понятия *экватор* наивным носителем языка необходим некоторый минимум слов (примерно 20 лексем), отражающий основные признаки данного географического феномена.

Этимологические справки присутствуют в определениях ГЭС и БТС и полностью совпадают. Иллюстративный материал представлен в УОО схемой, а в толковых словарях, в основном, устойчивыми сочетаниями и предложениями (например, *экватор пересекает Африку* – в БТСРС). Стоит отметить, что сравнительно с другими терминами физической географии, в том числе в словарных дефинициях толковых словарей, понятие *экватор* реализуется в небольшом по количеству числу иллюстраций, что, возможно, объясняется определенной пространственной «отдаленностью» авторов словарей как жителей центральной России от земного экватора.

Сокращения используются при семантизации понятия не активно: в основном это сокращение определяемого в дефиниции слова, а также общепринятые сокращения сторон света (С., Ю.), метрических единиц (м), области применения термина (астрон.) и лексикографических помет (спец.).

Что касается структуры словарной дефиниции, можно сказать, что, помимо определения понятия, ГЭС содержит также энциклопедическую информацию, касающуюся равноденствий («Э. в зените дважды в году – в дни весеннего и осеннего равноденствия»); УОО и толковые словари после определения приводят иллюстративный материал; в словарную дефиницию СОШ традиционно включено производное от существительного *экватор* имя прилагательное *экваториальный*, с иллюстрацией *экваториальный круг*.

Цифровые данные представлены в ГЭС и БТС: для специального географического словаря это данные по длине экватора («Длина Э.

(по Красовскому) равна 40 075 696 м»), широте и долготе («К С. и Ю. от Э. отсчитываются географич. широты (от 0 до 90°)»); «длина 1° долготы по Э. – 111321,4 м»), для толкового словаря – информация об угловых градусах: «*экватор* – Астрон. Большой круг небесной сферы, делящий ее на два полушария, все точки которого отстоят от полюсов мира на 90 градусов» [БТС].

Сравнительный анализ словарных дефиниций термина *экватор* в толковых и специальных словарях показал, что энциклопедические знания научной географической картины мира репрезентированы в определениях понятия в виде следующих языковых маркеров: грамматическая форма термина, базовый идентификатор, количество выделенных признаков понятия, уточняющая информация, число научных терминов, как общеизвестных из школьной программы, так и узко-специальных, объем и структура словарной дефиниции, этимологическая справка, сокращения. Такие классификационные параметры, как разновидности определяемого понятия и примеры-разновидности не были представлены. Отсутствие видовых разновидностей феномена *экватор* объясняется уникальностью понятия и единственностью представленности линии сечения земного шара плоскостью в реальной действительности.

Список литературы

1. Бархударов, С. Г. Актуальные задачи лексикографии в области терминов / С. Г. Бархударов // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. – Ленинград, 1976. – С. 5–12. – Текст : непосредственный.
2. БТС – Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. – Санкт-Петербург

: Норинт, 2000. – 1536 с. – Текст : непосредственный.

3. БТСРС – Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под ред. Л. Г. Бабенко. – Москва : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005. – 864 с. – Текст : непосредственный.

4. ГЭС – Географический энциклопедический словарь. Понятия и термины / гл. ред. А. Ф. Трешников. – Москва : Советская энциклопедия, 1988. – 432 с. – Текст : непосредственный.

5. Дубичинский, В. В. Лексикография русского языка / В. В. Дубичинский. – Москва : Наука ; Флинта, 2008. – 432 с. – Текст : непосредственный.

6. Котелова, Н. З. Семантическая характеристика терминов в словарях / Н. З. Котелова // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. – Ленинград, 1976. – С. 30–44. – Текст : непосредственный.

7. Кронгауз, М. А. Семантика / М. А. Кронгауз. – Москва : Изд. центр «Академия», 2005. – 352 с. – Текст : непосредственный.

8. Крысин, Л. П. Современный русский язык. Лексическая семантика. Лексикология. Фразеология. Лексикография / Л. П. Крысин. – Москва : Академия, 2007. – 240 с. – Текст : непосредственный.

9. СОШ – Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Москва : Азъ, 1992. – 928 с. – Текст : непосредственный.

10. УОО – География. 5–6 классы : учебник для общеобраз. организаций / А. И. Алексеев, В. В. Николина, Е. К. Липкина и др. – Москва : Просвещение, 2015. – 191 с. – Текст : непосредственный.

11. Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. – Ленинград : Наука, 1974. – 438 с. – Текст : непосредственный.

DOI: 10.47475/9785727119631_208

Т.Ю. ПЕРЕДРИЕНКО / Т.Ю. PEREDRIENKO
Южно-Уральский государственный университет (НИУ)
(Челябинск, Россия)

ОБРАЗ ТИШИНЫ В ПЕРЦЕПТИВНОМ КОДЕ РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

THE IMAGE OF SILENCE IN THE PERCEPTUAL CODE OF RUSSIAN LINGUISTIC CULTURE

Аннотация

В статье исследуется образ тишины в перцептивном коде русской лингвокультуры. На материале данных Национального корпуса русского языка определяются вербально выраженные характеристики понятия и его имплицитные смыслы. Анализ материала показывает, что тишина воспринимается как акустическое явление, ситуация человеческого молчания, эмоционально-психическое состояние человека или общества в целом и фон для других звуков. Образ тишины часто олице-

творяется, подчеркивается ее бесконечность во времени и пространстве, актуализируется связь с божественным началом, а также отмечается власть тишины над человеком. Амбивалентность образа приводит к появлению как положительной, так и отрицательной оценок тишины, с превалированием последней.

Abstract

The article aims to examine the image of silence in the perceptual code of Russian linguistic culture. The materials of Russian National Corpus are used for determining the verbally expressed characteristics of the concept and its implicit meanings. The analysis of the material allows to characterize silence as an acoustic phenomenon, a situation of human quietness, an emotional and mental state of a person or society and background for other sounds. The image of silence is often personified, its infinity in time and space is emphasized, the connection with the divine principle is actualized, and the power of silence over man is noted. The ambivalence of the image leads to the appearance of both positive and negative assessments of silence, with the latter prevailing.

Ключевые слова: восприятие, перцептивный код, звук, тишина, образ, русская лингвокультура.

Keywords: perception, perceptual code, sound, silence, image, Russian linguistic culture.

Мир современного человека наполнен разнообразными звуками, которые вторгаются в его личное пространство и образуют постоянный фоновый шум. Он становится раздражителем, поскольку человек слышит много того, что не успевает эффективно обрабатывать. В таких условиях особую ценность приобретает тишина.

Феномен тишины состоит в том, что в данном понятии объединяются физические и социальные характеристики. В Большом толковом словаре русского языка С.А. Кузнецова *тишина* определяется как «отсутствие звука, говора, шума; безмолвие, молчание» [Кузнецов, 2008]. То есть, *тишина* представляется как акустическое явление (отсутствие звука, шума) и как ситуация человеческого молчания, безмолвия.

Люди воспринимают мир через органы чувств, а затем передают свой перцептивный опыт посредством языка. Лексические единицы, вербализующие чувственное восприятие, называются перцептивной лексикой. В ней сохраняется специфика восприятия мира определенным обществом, в ее содержание закладываются коллективно сформированные смыслы и ценностная оценка. Анализ перцептивной лексики определенного языка позволяет изучать перцептивный код культуры. В.А. Маслова и М.В. Пименова определяют код культуры как особенный для каждого общества «свод ценностей..., систему нормативных и оценочных критериев, сквозь которые народ постигает мир» [Маслова, 2018, с. 3]. Ученые отмечают, что культурный код имеет сложную структуру. Часть содержания очевидна и выражена эксплицитно, а часть «обладает глубинным смыслом», и именно в ней отражается связь человека с той культурой, в которой он существует [Маслова, 2018, с. 21].

Тишина относится к перцептивной лексике слухового восприятия, поскольку традиционно

принято считать, что звук и его отсутствие фиксируются органами слуха. Целью написания данной статьи является изучение образа *тишины* в перцептивном коде русской лингвокультуры, то есть определение вербально выраженных характеристик понятия, а также его имплицитных смыслов. Материал исследования был получен из Национального корпуса русского языка, в котором *тишина* употребляется в 31269 примерах из 8444 текстов [НКРЯ].

Сравнение дефиниций *тишины*, приводимых в разных толковых словарях, показывает, что семантическая структура не идентична. Это происходит по причине того, что вокруг понятия складывается определенный образ. М.Я. Розенфельд полагает, что именно образ, который появляется под влиянием «чувственного воспринимаемых признаков», является «представителем» этого понятия в нашем сознании [Розенфельд, 2008, с. 78]. По мнению А.Н. Леонтьева, образ формируется из значения, чувственной составляющей и личностного смысла. Информация о мире, полученная с помощью органов чувств, подвергается категоризации, находит языковое выражение, а также приобретает личностный смысл [Леонтьев, 1983, с. 251 – 261].

Лексическая единица *тишина* является многозначной. Помимо значений «отсутствие звуков» и «безмолвие, молчание» в толковых словарях актуализируется также «состояние покоя, умиротворение, спокойствие» [Ожегов, 2006; Кузнецов, 2008; Бабенко, 2009; Дмитриев, 2016]. Данная характеристика передает состояние человека, в котором он прибывает, находясь в *тишине*. То есть происходит метонимический перенос на *тишину* эмоционально-психического состояния, воспринимающего ее человека. Еще одним значением, представленном в лексикографических источниках, является «отсутствие вражды,

ссоры, общественных беспорядков» [Евгеньева, 1999; Кузнецов, 2008; Бабенко, 2009]. В этом значении выражается связь тишины с социальной жизнью людей, когда состояние умиротворения и покоя, отсутствие ссор и вражды характеризует все общество.

Анализ контекстов употребления лексической единицы *тишина* в НКРЯ позволяет выделить еще одну характеристику этого феномена. Тишина представляется не полным отсутствием звуков, а лишь фоном для их звучания (*Тишина была настороженной, полной мелких разнообразных звуков; Тишина была полна звуков; В глубокой тишине слышался едва различимый шум*). Описывая взаимосвязь тишины и шума, С.Ю. Румянцев отмечает, что «шум входит в состав тишины, как звук «ш» в состав слов *шум* и *тишь*. Звук один – слова разные, и бездны разделяют их» [Румянцев, 2003, с. 63].

Способность тишины служить фоном для других звуков или «звучать» выявляется также при анализе сочетаемости лексической единицы, вербализующей понятие. Коллокации, образуемые с прилагательными *многозвучная, звенящая, звонкая, гулкая, широкошумная*, характеризуют количество звука и его качество. Звуки тишины передаются также глаголами *кричать, звенеть, шуршать* (*тишина кричала / звенела / шуршала*) и другими.

Первичный признак «отсутствие звука» проявляется через сочетаемость существительного *тишина* с прилагательными *абсолютная, полная, идеальная, совершенная*, функция которых усилить эту характеристику понятия. Этот же признак выражается в словосочетаниях *глухая / немая / глухонемая тишина*, в которых неодушевленное существительное олицетворяется и приобретает свойства человека, который не может слышать звуки и не способен их издавать. Беззвучность *тишины* имплицитно передается также прилагательными *мертвая, гробовая, могильная*, которые указывают на связь *тишины* с миром мертвых, в котором нет голосов природы и звуков, искусственно созданных человеком.

Будучи амбивалентным понятием, *тишина* может оказывать различное воздействие от полного блаженства до мучительной боли. С одной стороны *тишина* помогает испытать состояние покоя и умиротворения, отдохнуть от суеты и излечиться от эмоционального напряжения, с другой стороны, она ассоциируется с одиночеством, напряжением, опасностью и страхом. Языковое выражение такого восприятия *тишины* вербализуется в коллокациях с положительной оценкой понятия (*блаженная / успокоительная / благодатная / благоговейная / усладительная /*

приятная / хорошая / целебная тишина) и с отрицательной оценкой (*напряженная / невыносимая / недобрая / томящая / тяжелая / тоскливая / страшная / тяжелая / удушающая / жуткая / гнетущая / тошнотворная / пугающая / убийственная тишина*).

Анализ сочетаемости лексической единицы с прилагательными также показывает, что стереотипно *тишина* воспринимается как ночное или предзакатное явление, когда природа еще отдыхает, и количество звуков минимально (*ночная / предзакатная / рассветная / предупредительная / утренная тишина*). Имплицитно это выражается сочетанием с прилагательными *сонная, неподвижная, дремлющая*, которые обычно описывают состояние человека во время сна, то есть образуются антропоморфные метафоры, и происходит перенос свойств человека на абстрактное существо.

В русской лингвокультуре образ *тишины* ассоциируется с зимой, морозом, туманом и белым цветом, то есть с временем года, когда природа засыпает, и звуки замирают (*Сквозь оснеженные кусты проступала белая тишина; Наступила глубокая зимняя тишина, как будто все дурное в мире исчезло; В деревьях Кировского парка повисала белая туманящаяся тишина; Сотни квадратных километров тайги застыли в морозной тишине*).

В образе *тишины* выявляется признак бесконечности во времени и пространстве, то есть отсутствие начала и конца (*бесконечная / всевременная / вечная / всеобъемлющая / необъятная / всемирная тишина*). Также в русской лингвокультуре вербализуется связь *тишины* с Богом (*божественная / райская / внеземная тишина*).

Образ *тишины* часто олицетворяется, что актуализируется в употреблении с глаголами, описывающими действия живых существ (*тишина живет / уходит / склоняет голову / обнимает*). *Тишине* приписывается власть над человеком, что выражается прилагательным *властная* и сочетанием с глаголами *господствовала, овладевала, властвовала, воцарилась, царствовала, водворилась, окружила, захватила*. Присутствие *тишины* вербализуется глаголами *стояла, висела, повисла, опустилась*, а ее неприятное воздействие на человека передается глаголами *давила, угнетала, бесила*.

Естественным желанием человека является избавление от неприятных ощущений, поэтому он *разрушает тишину*. С образом *тишины* также используются другие глаголы с семантикой уничтожения (*резать, разрывать, сверлить, ломать*), но действия могут осуществляться не только человеком, но и звуковыми явлениями (*Здесь было*

тихо, и тишину эту резало только стрекотание машинки). Кроме того, тишина может сама разрушаться, что выражается, например, глаголом *лопнуть* (*тишина лопнула*).

Когда *тишина* оказывает благоприятное воздействие на человека и является спасением и благом для него, то он *борется* за нее, *ищет* ее, *прислушивается* к ней, *соблюдает* ее, *сохраняет* ее.

Изучение частотности употребления прилагательных, определяющих *тишину*, позволяет обозначить характеристики понятия, которые являются наиболее актуальными в русской лингвокультуре. Интересно отметить, что из десяти самых частотных прилагательных (*мертвая, гробовая, напряженная, ночная, могильная, глубокая, злоецащая, полнейшая, полная, жуткая*) шесть, находящихся на верхних позициях списка, вербализуют отрицательную оценку.

Изучение образа *тишины* в русской лингвокультуре показало, что феномен воспринимается как акустическое явление, ситуация отсутствия человеческой речи, эмоционально психическое состояние человека или общества в целом, а также как фон для других звуков. Амбивалентность образа стала причиной появления как положительной, так и отрицательной оценок, с некоторым превалированием последней. Образ *тишины* олицетворяется представителями русской лингвокультуры, подчеркивается ее бесконечность во времени и пространстве, актуализируется связь с божественным началом, а также власть *тишины* над человеком, что приводит к желанию не только наслаждаться *тишиной*, но и разрушать ее.

Список литературы

1. Большой толковый словарь русских существительных / отв. ред. Л. Г. Бабенко. – Москва

: АСТ-Пресс, 2009. – 864 с. – Текст : непосредственный.

2. Толковый словарь русского языка / ред. Д. В. Дмитриев. – Москва : АСТ, 2016. – 1582 с. – Текст: непосредственный.

3. Словарь русского языка : в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой ; Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. – Москва : Русский язык, 1985–1988 // Рос. образоват. Федер. портал : [официальный сайт]. – URL : <https://lexicography.online/explanatory/mas> (дата обращения: 10.01.2024).

4. Большой толковый словарь русского языка / сост. и ред. С. А. Кузнецов. – Москва : Норинт, 2008. – 1536 с. – Текст : непосредственный.

5. Леонтьев, А. Н. Избранные психологические произведения / А. Н. Леонтьев. Т. 1. – Москва : Педагогика, 1983. – 392 с. – Текст : непосредственный.

6. Маслова, В. А. Коды лингвокультуры / В. А. Маслова, М. В. Пименова. – Москва : ФЛИНТА, 2018. – 180 с. – Текст : непосредственный.

7. Национальный корпус русского языка (НКРЯ). Рос. образоват. Федер. портал : [официальный сайт]. – URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 11.01.2024).

8. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Москва : ИТИ Технологии, 2006. – 944 с. – Текст : непосредственный.

9. Розенфельд, М. Я. Методы выявления перцептивного образа в структуре лексического значения (на материале существительного *глаз*) / М. Я. Розенфельд // Вопросы психолингвистики. – 2008. – № 7. – С. 77–80.

10. Румянцев, С. Ю. Книга тишины. Звуковой образ города / С. Ю. Румянцев. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. – 248 с. – Текст : непосредственный.

DOI: 10.47475/9785727119631_211

Н.Е. ПЕТРОВА / N.E. PETROVA

*Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина
(Нижний Новгород, Россия)*

СЕМАНТИКА НЕВОЗМОЖНОСТИ В АСПЕКТЕ КАТЕГОРИЙ ИНТЕНСИФИКАЦИИ И ОЦЕНКИ

SEMANTICS OF IMPOSSIBILITY IN THE ASPECT OF CATEGORIES OF INTENSIFICATION AND EVALUATION

Аннотация

В статье на примере прилагательных невыразимый и непостижимый рассматривается связь модальной семантики невозможности с функциями интенсификатора и оценочного слова. Модаль-

ность невозможности важных когнитивных действий человека обуславливает связь признаков невыразимый и непостижимый с концептом нормы. То, что невозможно выразить или постичь, осмысливается как отклонение от нормы, поэтому в сочетании с существительными, обозначающими градуируемый признак, указанные прилагательные выступают как интенсификаторы. Оба прилагательных-интенсификатора сочетаются с номинациями как позитивно, так и негативно оцениваемых признаков, явлений, состояний. Среди существительных, к которым тяготеет прилагательное невыразимый, больше таких, которые обозначают временные признаки и состояния, имеющие, как правило, внешние проявления. Прилагательное непостижимый склонно к сочетанию с номинациями таких качеств, которые могут иметь вневременный, скрытый характер. У него отмечается также функция интенсификатора количественных, в том числе размерных, признаков. С категорией оценки семантика невозможности не имеет прямой связи, однако контекст может «наводить» оценочное значение на рассматриваемые прилагательные. Показано, что функция оценочной номинации в большей степени свойственна прилагательному непостижимый, что объясняется влиянием мотивирующего глагола: невозможность постичь логику что-либо вызывает удивление, сопряженное с позитивными или негативными эмоциями. Оценочная семантика обоих прилагательных носит амбивалентный характер и определяется их контекстными связями, общим смыслом предложения.

Abstract

Using the example of the adjectives *inexpressible* and *incomprehensible*, the article examines the connection between the modal semantics of impossibility and the functions of the intensifier and evaluative word. The modality of the impossibility of important human cognitive actions determines the connection of the *inexpressible* and *incomprehensible* characteristics with the concept of the norm. What cannot be expressed or comprehended is interpreted as a deviation from the norm, therefore, in combination with nouns denoting a gradable attribute, these adjectives act as intensifiers. Both intensifying adjectives are combined with nominations of both positively and negatively assessed features, phenomena, and states. Among the nouns to which the adjective *inexpressible* gravitates, there are more those that denote temporary signs and states that, as a rule, have external manifestations. The adjective *incomprehensible* tends to be combined with nominations of such qualities that may have a timeless, hidden character. It also has the function of intensifying quantitative, including dimensional, characteristics. The semantics of impossibility has no direct connection with the category of evaluation, but the context can “guide” the evaluative meaning to the adjectives in question. It is shown that the function of evaluative nomination is more characteristic of the adjective *incomprehensible*, which is explained by the influence of the motivating verb: the inability to comprehend the logic of something causes surprise, associated with positive or negative emotions. The evaluative semantics of both adjectives is ambivalent in nature and is determined by their contextual connections and the general meaning of the sentence.

Ключевые слова: интенсификатор, прилагательное, модальность невозможности, норма, оценка.

Keywords: intensifier, adjective, modality of impossibility, norm, assessment.

Несмотря на многочисленные работы в области категорий интенсификации и оценки, функционирование их языковых репрезентантов не описано исчерпывающим образом. Во многом это объясняется динамикой современной речи, отражающей тяготение современных носителей языка к экспрессивизации высказываний. В данном исследовании мы ставим цель на примере прилагательных *невыразимый*, *непостижимый* охарактеризовать связь модального значения невозможности в семантике слова с его функционированием в качестве интенсификатора и оценочной номинации. Полагаем, что полученные результаты расширят представление о характере взаимодействия категорий интенсивности, оценки и нормы в языке, что обуславливает актуальность и новизну данного исследования. Источником фактического материала послужил газетный

корпус (центральные СМИ) НКРЯ, в котором были выделены и проанализированы 250 контекстов с прилагательным *невыразимый* и 555 контекстов с прилагательным *непостижимый*.

В многочисленных исследованиях средств выражения значений интенсификации и оценки в русском языке подчеркивается тесное взаимодействие этих категорий [Вольф, 2020, с. 42-46, 134-143; Колесникова, 2016, с. 48-67], базирующееся на их антропоцентричной природе и связи с категорией нормы. Однако норма имеет различный характер, если иметь в виду условную шкалу интенсивности признака и шкалу оценки. На шкале интенсивности норма, как указывает Н.Д. Арутюнова, представляет собой некий стандарт, выражаемый в языке прилагательными *средний*, *обычный*, *нормальный*, *посредственный* и под. Отступление от стандарта делает тот или иной

феномен актуальным для высказывания, тогда как соответствие стандарту не вызывает особого интереса. Именно поэтому в языке так много лексических единиц, представляющих «фланги» градационной шкалы: высокая степень интенсивности vs низкая степень интенсивности [Арутюнова, 1999, с. 65]. Если же говорить о шкале оценки, то нормой следует считать не серединную часть (отсутствие оценки), а то, что является «хорошим», так что шкала нормы организована оппозицией «норма» vs «не-норма» [Арутюнова, 1999, с. 66].

Взаимодействие двух различно ориентированных норм своеобразно проявляется в функционировании лексических интенсификаторов. Так, исследователи отмечают интересную особенность слов со значением интенсифицированной положительной или отрицательной оценки типа *восхитительный / восхитительно, ослепительный / ослепительно, чудовищный / чудовищно, ужасный / ужасно, бессовестный / бессовестно*. В современной речи эти интенсификаторы нередко сочетаются с номинациями признаков и состояний, содержащих противоположную аксиологическую оценку, например: *ослепительная ненужность, восхитительная алчность, бессовестно счастлив, страшно умный* [Коряковцева, 2021, с. 12-13].

Норма шкалы оценки тесно связана с модальностью долженствования и желательности – об этом со ссылкой на исследования Т.М. Николаевой говорит Н.Д. Арутюнова в цитированной выше работе [Арутюнова, 1999, с. 69]. Действительно, для человека нормой является то, что должно быть, к чему он стремится, чего он желает, но, на наш взгляд, модальность нормы можно расширить. Представляется, что возможности человека также могут быть критерием оценки чего-либо как соответствующего норме или отклоняющегося от неё.

Прилагательные *выразимый* и *постижимый* образованы от глаголов, обозначающих сферу когнитивных возможностей человека. То, что человек может *выразить* (т.е. воплотить в нечто материальное или обнаружить во внешнем проявлении [ТСРЯ, с. 135]), или *постигнуть* (т.е. понять, уразуметь [ТСРЯ, с. 706]), воспринимается как норма, а то, что не поддается выражению или пониманию, выходит за рамки человеческих возможностей, а значит – нормы. Косвенным доказательством этому является редкое использование говорящими форм *выразимый* и *постижимый*, обозначающих признак обычного, стандартного. В выбранном нами корпусе НКРЯ обнаружено всего 3 контекста с прилагательным *невыразимый* и 43 – с прилагательным *постижимый*, из которых в принципе

можно исключить сочетания *трудно выразимый* и *трудно постижимый*. Это наблюдение соответствует отмеченной в [Арутюнова, 1999, с. 65] закономерности: «... о том, что не отходит от нормы, обычно не делается сообщений».

Определяя какой-либо предмет как *невыразимый* или *непостижимый*, данные прилагательные сигнализируют о таких его качествах, которые выводят предмет из числа обычных. Если определяемым существительным является номинация градуируемого признака или состояния, то указанные прилагательные начинают функционировать как интенсификаторы, например:

– *Человек колоссального таланта, непостижимой воли и энергии, он в самые трудные для страны годы прилагал все силы для сохранения, поддержки и развития отечественной научной школы* (Парламентская газета. 2019.03.02); *И вот новый репертуарный вираж, новое перевоплощение, – в культовый образ XX века, каждое выступление которого завораживало непостижимым обаянием, обаятельной непринужденностью и проникновенностью* (Vesti.ru. 12.12.2015); *На изготовление всей мозаики храма, придающий ему такую невыразимую красоту, ушло всего три месяца – рекорд для объема работ площадью 2644 квадратных метров* (Vesti.ru. 22.03.2020); *В среду у ЦСКА <...> не было устойчивости состава (набранными очками в протоколе отметились все 12 внесенных в него баскетболистов), но было невыразимое единство командной игры* (Известия. 16.01.2003).

Отметим некоторые сочетаемостные особенности рассматриваемых прилагательных в функции интенсификаторов, выделив различия, которые, с нашей точки зрения, обусловлены влиянием лексического значения мотивирующего глагола. Оба прилагательных-интенсификатора сочетаются с номинациями как позитивно, так и негативно оцениваемых признаков, явлений, состояний, например:

непостижимая (-ый, -ое) воля, уверенность, любовь, обаяние, виртуозность, шарм, терпеливость, точность vs потеря, чудовище, людоедство, прожорливость, «маккевиализм»;

невыразимая (-ый, -ое) радость, доброта, облегчение, красота, счастье, очарование, блаженство, храбрость, женственность, привлекательность vs грусть, тоска, мука, боль, ужас, страдание, ущерб, урон, бедствие, горе.

Можно заметить, что среди существительных, к которым тяготеет прилагательное *невыразимый*, больше таких, которые обозначают временные признаки и состояния, имеющие, как правило, внешние проявления, т.е. выражающиеся в каких-то чувственно воспринимаемых формах.

Прилагательное *непостижимый* склонно к сочетанию с номинациями таких качеств, которые могут иметь вневременный, скрытый характер. У него отмечается также функция интенсификатора количественных, в том числе размерных, признаков:

*И вот на радость любителям подсчета чужих денег в Интернете появилось несколько страниц, дающих возможность охватить разумом **непостижимые масштабы** состояния одного из самых богатых людей на планете, главы корпорации «Майкрософт» Билла Гейтса... (Независимая газета. 17.12.1997); Он как раз отличался острой наблюдательностью, способностью подмечать **непостижимое многообразие** окружающего мира (Литературная газета. 03.09.1997); Настоящий Пассер действительно предпочитал ружью **непостижимых размеров** самодельную дубину ... (Ведомости. 2004.08.12); «Двадцать семь миллионов человек – это ужасная и горькая, **непостижимая плата** за разгром фашизма», – говорится в обращении президента России... (Lenta.ru. 03.05.2005).*

Контексты с прилагательным *непостижимый*, помимо семантики интенсификации, приобретают коннотацию сильного удивления, изумления, которое выражает говорящий в связи с неожиданностью, определенной алогичностью того или иного признака, качества, состояния, что придает высказыванию особую экспрессию. Этот эффект, объясняющийся влиянием внутренней формы интенсификатора, нередко актуализируется средствами контекста (они выделены разрядкой в нижеследующих примерах):

*А тут смотришь, оцененев от **непостижимого пафоса** (Известия. 27.06.2002); Он выразил свое соболезнование родителям, родным и близким погибших. «Мы глубоко потрясены этой **непостижимой трагедией**. Мы стараемся постичь то, что произошло (Lenta.ru. 13.07.2002); Еще несколько показателей формируют и объясняют его **непостижимую неуловимость** для уголовного преследования: как известно, Чикатило не могли поймать целых 13 лет (Комсомольская правда, 27.02.2002); **Непостижимое умение** святого проникать в недостижимые для взора обычных смертных тайники сознания, способность видеть насквозь работу ума и сердца посетителя, столь сильно поразили Достоевского, что он посвятил изображению этого загадочного явления немало страниц в «Братьях Карамазовых» (Аргументы и факты. 2006.01.27).*

Особую группу составляют характерные для прилагательного *непостижимый* сочетания с существительными *тайна, секрет, загадка, чудо*, например:

*Но что бы ни доказывали эксперты, что бы ни говорили современники, все равно в смерти Есенина кроется какая-то **непостижимая загадка** (Труд-7. 26.12.2006); По моему глубокому убеждению, здесь нет **непостижимых секретов** (Независимая газета. 09.04.1997); Он остается **непостижимой тайной**, но при этом доступной каждому (Труд-7. 18.08.2006); Незадолго до рождения благодатного младенца Мария по обычаю пришла в храм в день воскресный. И там свершилось **непостижимое чудо**... (Аргументы и факты. 2003.01.23).*

В лексическом значении указанных существительных уже есть семы непознанны, недоступности для объяснения, познания, ср.: *загадка* – ‘нечто необъяснимое, непонятное’; *секрет* – ‘то, что держится в тайне’; *тайна* – ‘нечто неразгаданное, еще не познанное’; *чудо* – ‘нечто небывалое, необыкновенное’ [ТСРЯ, с. 244, 870, 968, 1098]. Интерпретация смысла определения *непостижимый* в прямом значении этого слова была бы плеонастичной, поэтому мы усматриваем в подобных словосочетаниях проявление категории интенсивности – указание на высокую степень скрытости от понимания.

Рассмотрим оценочную функцию прилагательных *невыразимый* и *непостижимый*. Оценка, как уже отмечалось, тесно связана с такими видами модальности, как модальность долженствования, желательности, а также просьбы, угрозы и нек. др. [Вольф, 2020, с.122-131]. Модальность возможности / невозможности обычно не упоминается в связи с оцениваем. Действительно, заключенная в рассматриваемых прилагательных семантика невозможности выражения какого-то смысла или невозможности познания, осмысления чего-либо не имеет прямой связи с оценкой, однако контекст может «наводить» оценочное значение на указанные прилагательные. Механизм наведения иллюстрирует следующий пример:

*– Одни говорят, что Кремль – проклятое место. Другие – что священное. На вас стены Кремля давят или окрыляют? – Конечно, окрыляют. Здесь **невыразимая атмосфера**... (Комсомольская правда. 02.09.2002).*

Выделенное словосочетание выполняет в контексте объяснительную функцию, поэтому положительная оценка, содержащаяся в семантике глагола *окрылять*, «наводится» и на прилагательное *невыразимая*. Характер наведенной оценки определяется контекстом. Так, в следующем примере прилагательное *невыразимый* является номинацией негативной оценки жанра «бовика»:

*... мужики **пожимают** плечами и понуро бредут к книжному развалу, где обреченно приобретают какую-нибудь «Ораву-3»: с кровью в раз-*

лив, со скотским трахом и с «бля» через полслова «. Почему мужики «обреченно» приобретают нечто невыразимое, если на тех же книжных развалах есть абсолютно все – от Шопенгауэра до Третьяковского и обратно, – понять невозможно (Аргументы и факты, 2000.10.11).

Прилагательное *невыразимый* крайне редко используется для выражения оценки. В корпусе примеров было обнаружено всего два соответствующих контекста, которые и были приведены выше. В гораздо большей степени функция оценочной номинации свойственна прилагательному *непостижимый*, что объясняется семантикой мотивирующего глагола. То, чего невозможно *постичь* (т.е. понять), противоречит логике обычного, нормального и, как следствие, вызывает чувство удивления, сопряженного с позитивными или негативными эмоциями. Решающая роль в формировании оценочной семантики и ее «вектора», как и в случае с прилагательным *невыразимый*, принадлежит контексту. Проиллюстрируем фактор контекста на следующих примерах:

(1) Путин назвал **непостижимыми события** в церковной жизни на Украине. Вмешательство властей в дела церкви на Украине и передел религиозной собственности может приобрести кровавый характер, полагает президент России Владимир Путин (Известия. 20.12.2018); (2) А у нас критерием красоты и утонченности остается **непостижимая писательница**–энциклопедист Ксения Собчак, а уровень музыкальной культуры определяют такие виртуозы, как Боря Моисеев, Тимати и Децл (Комсомольская правда. 01.06.2007).

(3) Он **опять угадал место и время, этот непостижимый Марк Захаров** (Комсомольская правда. 08.11.2007); (4) Но каждый из этих семи кудесников – лишь тень самого Усио Амагацу, чье **непостижимое искусство** заставляет следить за тем, как он поднимает голову или медленно-медленно складывается в позу зародыша, с таким напряжением, словно вот-вот вам откроется тайна бытия (Коммерсант, 26.05.2012).

В примерах первой группы прилагательное *непостижимый* приобретает негативную оценочную семантику. В примере (1) семантика негативной оценки формируется в результате внутритекстовой родо-видовой связи номинаций *события, вмешательство, передел*, причем две последних получают характеристику *кровавый характер*. В примере (2) значение негативной оценки формируется прежде всего за счет смыслового и синтаксического параллелизма: *непостижимая писательница – виртуозы* (последнее, конечно, используется в ироническом смысле). В примерах второй группы оценка, выражаемая определением *непостижимый*, меняется на про-

тивоположную. Здесь мы выделим такие средства контекста, как *опять угадал, кудесники, заставляет*, благодаря которым актуализируется семантика исключительности качеств режиссера Захарова и искусства Усио Амагацу. В целом все рассмотренные примеры убедительно иллюстрируют мысль Е.М. Вольф о том, что «оценочная модальность определяется высказыванием в целом, а не отдельными его элементами, и является компонентом высказывания» [Вольф, 2020, с. 11].

Проведенное исследование позволяет сделать два основных вывода. Во-первых, модальность невозможности таких действий, как *выразить* и *постичь*, заключенная в прилагательных *невыразимый* и *непостижимый*, создает базу для их функционирования в качестве интенсификаторов. Большое значение имеет тот факт, что оба действия представляют важнейшие аспекты когнитивной деятельности человека, поскольку это и обуславливает связь признаков *невыразимый* и *непостижимый* с концептом нормы. Для формирования оценочной функции семантика невозможности не является столь значимой, однако при поддержке контекста оба прилагательных могут использоваться как оценочные слова. Оценочная семантика данных прилагательных носит амбивалентный характер и определяется их синтактикой в конкретном высказывании.

Список литературы

1. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – М. : Языки рус. культуры, 1999. – I–XV. – 896 с. – Текст : непосредственный.
2. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – М. : Кн. дом, 2020. – 278 с. – Текст : непосредственный.
3. Колесникова, С. М. Функциональная грамматика: предикативность, градуальность, оценочность : учеб. пособие / С. М. Колесникова. – М. : МПГУ, 2016. – 288 с. – Текст : непосредственный.
4. Коряковцева, Е. И. Динамика оценочных интенсификаторов в русском языке XXI в.: словообразовательный и семантический аспекты / Е. И. Коряковцева, Л. В. Рацибурская, М. В. Сандакова. – Текст : электронный // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языковедение. – 2021. – Т. 20. – № 5. – С. 6–19. – URL : <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.5.1> (дата обращения : 15.01.2024).
5. ТСРЯ – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН ; Ин-т рус. языка им. В. В. Виноградова ; отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М. : Изд. центр «Азбуковник», 2007. – 1175 с. – Текст : непосредственный.

DOI: 10.47475/9785727119631_216

Е.М. ПЕТРОВА / E.M. PETROVA

Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)**ХЕДЖИ КАК ВАЖНЕЙШЕЕ СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ НЕГАТИВНОЙ
ВЕЖЛИВОСТИ В ПОВСЕДНЕВНОЙ КОММУНИКАЦИИ****HEDGES AS A PRINCIPAL MEANS OF NEGATIVE POLITENESS:
EVERYDAY SPOKEN DIALOGUE**

*Исследование выполнено при поддержке
Фонда перспективных научных исследований ФГБОУ ВО «ЧелГУ» 2024 г.
The research is supported by the Foundation for Advanced Scientific Research at
Federal State Educational Institution of Higher Education "CSU" in 2024*

Аннотация

Будучи по своей природе социальным существом, любой человек ежедневно сталкивается с необходимостью быть участником диалогических отношений. Одной из наиболее распространенных форм таких отношений является разговорный диалог, составляющий значительную часть повседневной речевой деятельности большинства людей. Инициация и ведение диалога обусловлены основной целью собеседников, которая заключается в достижении своих коммуникативных интенций. Эффективность и успешность диалога зачастую зависит от выбранных говорящим коммуникативных стратегий, к одной из которых можно отнести явление лингвистической вежливости. В контексте разговорного дискурса, вежливое и некатегоричное общение создается за счет такой риторической стратегии как лингвистическое хеджирование. Хеджирование позволяет говорящему указать на приоритетность мнения и желания слушающего, а также создать необходимую дистанцию между собеседниками. Такой спектр функций, выполняемых хеджами, позволяет рассматривать данное явление в качестве одного из основных средств реализации негативной вежливости как в англоязычном, так и в русскоязычном разговорном дискурсе.

Abstract

As social beings, people are constantly encountering the necessity of being participants in dialogic relationships. One of the most common of these dialogic relationships is spoken dialogue, which is a substantial part of most people's everyday language behaviour. Conversation initiation and dialogue conduct are determined by the main goal of the interlocutors, i.e., to achieve their communicative intentions. Effective and successful communication often depends on the communicative strategy chosen by the speaker. One of these communicative strategies is linguistic politeness. In spoken discourse, polite and non-categorical communication is created through a rhetorical strategy such as linguistic hedging. Hedging allows the speaker to indicate the priority of the listener's opinion and desires. Hedges also create the required distance between the interlocutors. These various functions of hedges allow us to consider this phenomenon as one of the main means of the realisation of negative politeness in both English and Russian spoken discourse.

Ключевые слова: лингвистическое хеджирование, хеджи, негативная вежливость, теория вежливости, англоязычный разговорный дискурс, русскоязычный разговорный дискурс.

Keywords: linguistic hedging, hedges, negative politeness, politeness theory, English spoken discourse, Russian spoken discourse.

Будучи онтологически первичной формой коммуникации, диалог порождается и активно развивается в рамках живого человеческого общения. Так, в зависимости от социально-коммуникативного контекста ежедневно любой человек становится непосредственным участником повседневного-бытового взаимодействия. Коммуникация такого рода может сводиться как к непродолжительному обмену простыми репликами,

так и перерастать в длительную беседу. Стоит отметить, что специфика разговорной речи и ее многополярность позволяют говорить о разговорном диалоге как о сложном феномене, который проявляется за счет различных лингвистических и экстралингвистических средств.

В условиях социального взаимодействия основополагающей задачей собеседников является достижение своих коммуникативных интенций.

Реализация коммуникантами поставленных целей принимает облигаторный характер, что обуславливает необходимость обращения к одному из наиболее важных и эффективных принципов коммуникации – соблюдению общепринятых норм и принципов ведения бесконфликтного и вежливого общения. Лингвистическую вежливость справедливо можно назвать явлением, аккумулирующим отношение между языком как таковым и социальным миром, в котором повседневное общение занимает основную роль.

В 70-80-х гг. XX в. исследователи наиболее активно стали посвящать работы проблеме употребления и функционирования языка с позиции прагматики вежливости. Феномен вежливости начинает рассматриваться с позиции стратегий, которые в соответствии с намерениями говорящего служат для гармонизации общения, позволяют создавать и поддерживать межличностные отношения между коммуникантами, демонстрируя внимание и уважение к чувствам и желаниям слушающего [Van Olmen, 2017].

Так, американские лингвисты П. Браун и С. Левинсон подразделяют вежливость на *позитивную* (positive politeness) и *негативную* (negative politeness) [Brown, 1987]. В своей работе «Politeness: Some universals in language usage» авторы разграничивают выделенные типы вежливости следующим образом: *позитивная вежливость* ориентирована на проявление единства взглядов собеседников и формируется на сближении их интересов (approach-based), однако основу *негативной вежливости* составляет дистанцирование (avoidance-based), а к основным характеристикам данного типа вежливости можно отнести формальность и самоограничение говорящего [Brown, 1987].

Ведение коммуникации, основываясь на базовых принципах негативной вежливости, помогает как говорящему, так и слушающему достичь эффективного диалога, в ходе которого особое место занимают личное пространство собеседников, их свобода действий и минимизация ликоугрожающих актов (Face Threatening Acts). Стоит отметить, что смягчение или нейтрализация угрозы негативному лицу слушающего в контексте повседневного общения зачастую реализуется посредством лингвистического хеджирования [Vlasyan, 2019].

Согласно Дж. Лакоффу, благодаря которому термин «хеджирование» стал с 70-х гг. XX в. широко использоваться в области лингвистики, *хеджи* – это «слова, значения которых имплицитно подразумевают нечеткость; слова, функция которых состоит в том, чтобы отобразить вещи более или менее нечеткими» [Lakoff, 1972, p. 471].

Автор приводит следующие примеры хеджей: «*kind of, loosely speaking, more or less, roughly, pretty (much), relatively, somewhat, almost, typically / typical, as it were, in a sense, actually, really, etc.*» [Lakoff, 1972, p. 472]. Освящение Дж. Лакоффом хеджирования с точки зрения формальной семантики стало отправной точкой для последующих исследований, где хеджи рассматриваются не только как пропозициональный феномен, но и в большей степени как речеактивный [Власян, 2023]. Так, Б. Фрейзер, учитывая семантико-прагматическую амбивалентность хеджирования, говорит о данном явлении, как о «риторической стратегии, посредством которой говорящий, используя языковые средства, может указывать как на отсутствие приверженности ко всему семантическому содержанию высказывания, так и к иллюкутивной силе выраженного речевого акта» [Fraser, 2010, p. 22].

Следует отметить, что употребление в речи хеджей определяет характер диалогических отношений между собеседниками. Также хеджирование способствует созданию дистанции между адресатом и адресантом, что является проявлением вежливости и уважения по отношению друг к другу. Итак, в настоящей работе предпринимается попытка исследовать хеджирование как средство реализации негативной вежливости в англоязычном и русскоязычном разговорном дискурсе.

Только одна из пятнадцати стратегий негативной вежливости, согласно П. Браун и С. Левинсону, подразумевает употребление хеджей как одного из основных средств реализации лингвистической вежливости. Такой стратегией, по мнению авторов, является стратегия «*Задавайте вопросы, будьте уклончивыми*» (*Question, hedge*). Основной целью этой стратегии является смягчение потенциальной угрозы негативному лицу слушающего в том числе с помощью употребления в речи хеджей [Brown, 1987]. В контексте данной стратегии хеджированное высказывание делает возможным выражение своей позиции, при этом избегая категоричности и отстраняясь от ответственности за произнесенное высказывание.

В сопоставляемых дискурсах реализацию данной стратегии посредством хеджей можно проследить на примере следующих диалогов:

- *Do we get a feedback from school at all?*
- *Yes, We do quite considerably through the...*
- *And and that I presume that the feedback is analyzed and decided from maybe as to the content of what goes on in studio and also on the main stage.*
- *Sort of a sort of er points Jan made.*
- *Девчонки, а вот вы верите в жизнь на других планетах? Я, например, считаю, что жизнь на других планетах вполне может быть!*

- Ну-ну...

- *А что? Только она пошла по другому пути развития, нежели на земле!*

Приведенные примеры иллюстрируют, что в обоих случаях говорящие употребляют хеджи, выраженные эпистемическими глаголами *I presume that* и *Я считаю, что* с целью подчеркнуть субъективизацию высказывания. В то же время хеджи такие, как наречия *quite, maybe, вполне*, а также аппроксиматор качества *a sort of* позволяют смягчить иллюкутивную силу продемонстрированных речевых актов.

Однако, изучив предложенные П. Браун и С. Левинсоном стратегии вежливости и проведя анализ их реализации в англоязычном и русскоязычном разговорном дискурсе, мы пришли к выводу, что употребление в речи хеджей с целью реализации лингвистической вежливости не ограничивается исключительно указанной ранее стратегией. Таким образом, мы предприняли попытку выявить универсальные для сопоставляемых дискурсов стратегии вежливости, одним из ключевых средств реализации которых является хеджирование.

Так, лингвистическое хеджирование уместно рассматривать в качестве одного из главных средств реализации стратегий негативной вежливости. Помимо представленной стратегии «Задавайте вопросы, будьте уклончивыми» важно упомянуть еще четыре, которые также носят универсальный характер в контексте обоих дискурсов.

Хеджирование представляется значимым средством реализации в рамках стратегии «**Выражайтесь косвенно**» (*Be conventionally indirect*). Настоящая стратегия направлена на создание учтвого, минимально ограничивающего свободу действий слушающего высказывания посредством косвенных речевых актов. Хеджи в виде косвенных речевых актов помогают говорящему сформулировать свою коммуникативную интенцию и достичь ее опосредованно, неявно.

Рассмотрим представленные далее диалоги, которые наглядно демонстрируют реализацию данной стратегии при помощи косвенных речевых актов:

- *I'd like, I'd just like to ask if we could have a meeting about the future of the gallery.*

- *Yes.*

- *Не хотела бы на пару недель поехать в Америку?*

- *Да, можно было.*

- *Там жить в пансионате или семье какой-нибудь!*

- *Эээ... ну да, можно было бы съездить, с кем-нибудь только.*

Можно заметить, как в англоязычном разговорном диалоге, так и в русскоязычном косвенные речевые акты способствуют вуалированию желаний говорящих, а также имплицитной передаче вторичного значения высказывания, противоречащего прямому значению отдельных языковых единиц, из которых состоит данное высказывание. Так, хеджирование позволяет адресанту сохранить негативное «лицо» адресата, избегая возникновения коммуникативных конфликтов.

Кроме того, хеджи выполняют ключевую роль в стратегии «**Будьте пессимистом**» (*Be pessimistic*). В контексте данной стратегии негативной вежливости говорящий делает акцент слушающего на том, что событие может расцениваться, как вариативное и необязательное для исполнения. В процессе реализации данной функции зачастую задействованы хеджи, выраженные модальными словами, отрицательными конструкциями и разделительными вопросами, что подтверждают приведенные ниже примеры:

- *But can't couldn't you perhaps develop then the the er stage door club could do more perhaps more meals and maybe erm have tickets that take in the cost of a meal so you actually.*

- *Sorry. I've done that I mean one of the sad things about the stage door club is due to the design of the building you've really got to be looking to go there.*

- **Я боюсь, они будут кончат к этому времени.**

- *Ну, может быть. У нас сегодня среда, поэтому что... На пятницу, либо. Заказ быстрее надо сделать? В пятницу от нас Михаил чего-то хочет.*

- *А, точно.*

Такие хеджи, как отрицательная конструкция, наречие *perhaps*, а также перформативный глагол *Я боюсь* выражают сомнение адресанта по отношению к содержанию последующей пропозиции или маловероятность выполнения адресатом всех / некоторых условий его просьбы. Применение хеджирования в речи указывает на отсутствие у говорящего желания ограничивать свободу действий слушающего.

Также хеджирование остается одним из основополагающих средств реализации стратегии «**Минимизируйте степень вмешательства**» (*Minimize the imposition*). Говорящие прибегают к хеджированию в контексте данной стратегии преследуя цель сместить внимание слушающего на тот факт, что результат последующего коммуникативного действия со стороны адресанта потребует минимальных затрат со стороны адресата. Нижеследующие диалоги показывают, что хеджирование в англоязычном и русскоязычном

разговорном дискурсе воздействует на высказывание, смягчая действия ликоугрожающего акта:

- *Well I'm very interested in what you say er could you, could I ask you a couple of questions.*

- *Yeah.*

- *Подождите немного.*

- *Да, я, пожалуйста, лучше подожду. Спасибо вам большое. А вы тоже на остановку идете?*

- *Да.*

Еще одной универсальной для сопоставляемых дискурсов стратегией негативной вежливости является «**Обезличивайте говорящего и слушающего**» (**Impersonalize S and H**). Хеджирование в данной стратегии способствует выполнению ее основной цели – смягчить воздействие ликоугрожающего акта на негативное лицо слушающего.

Представим следующие диалоги, в которых данная стратегия реализуется при помощи хеджирования:

- *Why don't they put it in the recycling centre?*

- *I think it's cos, **it looks like** it's made out of cardboard.*

- *А сейчас-то она совсем другого этого... склада. Кажется, не... не должна она была быть высокая, а она была худая, высокая была по... по росту.*

- *Угу.*

- *Это дети вот... Так и ребёнок, говорит, если маленький красивый, значит, с возрастом... Так Бог, говорят, распределяет.*

Так, употребляемые в роли хеджей безличные конструкции *it looks like* и *кажется* помогают адресанту акцентировать внимание адресата на том, что к формированию ликоугрожающего акта причастен не говорящий или же не только говорящий, а также, что этот акт может быть направлен не на слушающего или не только на слушающего.

Необходимо заметить то, что по результатам проведенного нами анализа была также выявлена реализуемая при помощи хеджей стратегия вежливости «**Извиняйтесь**» (**Apologize**). В данном случае хеджирование, задействованное в формировании коммуникативного акта извинения, одновременно подчеркивает неизбежность действий говорящего и его нежелание вторгаться и ограничивать свободу действий своего собеседника.

- *Sorry Brenda I don't I don't wanna cut in could you ask the question please?*

- *Well I'm asking.*

Наглядный пример позволил рассмотреть, как хеджи функционируют в контексте текущей стратегии. Хеджирование выступает в качестве страховки адресанта, при этом сохраняя негативное лицо слушающего от нежелательных последствий ликоугрожающего акта.

Таким образом, можно сделать вывод, что реализация большого количества стратегий негативной вежливости в повседневном общении происходит за счет употребления одного из основных лингвистических средств – хеджирования. Тесная интеграция явления лингвистической вежливости и хеджирования занимает особое место среди стратегий социального взаимодействия, позволяя сохранить лицо коммуникантов и гармонизировать их межличностные отношения. Исследование показало, что как в англоязычном разговорном дискурсе, так и в русскоязычном хеджированные высказывания формируют основу вежливого общения, помогая собеседникам гармонизировать и сбалансировать диалог, достигнув при этом необходимой дистанции между коммуникантами.

Список литературы

1. Власян, Г. Р. Понятие хеджирования в лингвистике / Г. Р. Власян. – Текст : непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2023. – № 1 (52). – С. 232–238.
2. Brown, P., Levinson, S. Politeness: Some universals in language usage / P. Brown, S. Levinson. – Cambridge, 1987. – 345 p. – Текст : непосредственный.
3. Fraser, B. Pragmatic Competence: the Case of Hedging / B. Fraser // New Approaches to Hedging. – Bingley: Emerald Group Publishing Limited, 2010. – P. 15-34. – Текст : непосредственный.
4. Lakoff, G. Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts / G. Lakoff. – Текст : непосредственный // Journal of Philosophical Logic. – 1973. – № 2. – P. 458–508.
5. Van Olmen, D. Politeness in language / D. Van Olmen. – Текст : непосредственный // Oxford Bibliographies : Linguistics. – Oxford University Press: New York, 2017. – P. 1–3.
6. Vlasyan, G. R. Linguistic Hedging in Interpersonal Communication / G. R. Vlasyan. – Текст : непосредственный // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences. – 2019. – Vol. LXVI. – P. 617–623.

В.Е. ПОПОВ / V.E. POPOV

Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)ШУТКА КАК СТРАТЕГИЯ ПОЗИТИВНОЙ ВЕЖЛИВОСТИ
В АМЕРИКАНСКОМ ДИСКУРСЕ ИНТЕРВЬЮ

JOKE AS A STRATEGY OF POSITIVE POLITENESS IN AMERICAN INTERVIEW DISCOURSE

Аннотация

В статье рассматривается стратегия позитивной вежливости – шутка – в американском дискурсе интервью. Позитивная вежливость связана с выражением солидарности, заверением собеседника в том, что он является ценной фигурой и другом, а его стремления и личные качества принимаются и разделяются говорящим. Стратегии позитивной вежливости используются для уменьшения угрозы или вреда, нанесенного позитивному лицу коммуниканта. Для этого говорящий заявляет, что разделяет ценности, стремления, личные качества или достижения своего собеседника. П. Браун и С. Левинсон выделяют 15 стратегий позитивной вежливости, одной из которых является шутка. Шутки помогают сделать общение более непринужденным и расслабленным, а также сблизить коммуникантов, поскольку основываются на некотором общем знании или опыте. Это объединяет ведущего и гостя интервью и, как следствие, снижает урон их позитивному лицу.

Abstract

This article focuses on joke as the strategy of positive politeness in American interview discourse. Positive politeness is connected with the expression of solidarity and the assurance of the interlocutor that he is a dear man and friend, and his aspirations and personal qualities are accepted and shared by the speaker. Positive politeness strategies are employed for reducing the threat or harm done to the positive face of the hearer. It is achieved with the help of the statement that the speaker shares the values, aspirations, personal qualities or achievements of his interlocutor. P. Brown and S. Levinson distinguish 15 strategies of positive politeness, one of which is joke. Jokes help to make communication easier and more relaxed and bring the speaker and the hearer closer together as they are based on mutual shared background or experience. It unites the interviewer and the guest and consequently reduces the damage to their positive face.

Ключевые слова: стратегии вежливости, позитивная вежливость, позитивной лицо, ликоугрожающий акт, шутка, интервью.

Keywords: politeness strategies, positive politeness, positive face, face-threatening act, joke, interview.

Интервью – это жанр, предполагающий разговор журналиста и респондента (одного или нескольких). В настоящее время интервью представляет собой не только один из самых распространенных способов получения информации благодаря развитию Интернет-технологий, но и форму досуга. Ведущему интервью необходимо следить за последними тенденциями в обществе и создавать наиболее гостеприимную и располагающую к разговору атмосферу для гостей из различных сфер человеческой деятельности, в чем ему помогают стратегии вежливости. Интервьюируемое лицо также использует стратегии вежливости, чтобы не допустить нанесения вреда своему медийному имиджу.

В настоящий момент не существует универсального определения вежливости, но в нашем исследовании мы используем определение, сформулированное Т.В. Лариной: «Вежливость – национально-специфическая коммуникативная ка-

тегория, содержанием которой является система ритуализованных стратегий коммуникативного поведения (языкового и неязыкового), направленных на гармоничное, бесконфликтное общение и соблюдение общественно-принятых норм при интеракциональной коммуникации (установлении, поддержании и завершении межличностного контакта) и определяющих выбор наиболее оптимальных коммуникативных средств» [Ларина, 2003, с. 18].

Наша работа основывается на труде П. Браун и С. Левинсона «Politeness: Some Universals in Language Usage», в котором они представили концепцию сохранения лица говорящего и адресата. Понятие «лицо» (face) является центральным элементом данной теории и означает позитивную социальную ценность, которой обладает каждый член общества. Данное понятие ученые подразделяют на два компонента: «позитивное» (positive face) и «негативное» лицо (negative

face). Позитивное лицо связано с желанием индивида получить одобрение и позитивную оценку от других коммуникантов в процессе общения, дословно «желание быть желанным другими» (ориг. «Positive face: the want of every member that his wants be desirable to at least some others»). Негативное лицо – желание каждого взрослого человека иметь свободу действий, недопустимость вмешательства со стороны других (ориг. «Negative face: the want of every 'competent adult member' that his actions be unimpeded by others») [Brown, 1987, p. 62].

П. Браун и С. Левинсон утверждают, что в идеальной коммуникации между позитивным и негативным лицом устанавливается паритет и они пребывают в равновесии, однако в реальности мы встречаем большое количество «ликоугрожающих» актов (Face Threatening Acts), которые, как следует из названия, представляют угрозу лицу. Г.Р. Власян полагает: «Ликоугрожающие акты не представляют собой какого-либо отклонения от правил коммуникации, они являются естественной и важной частью разговорного диалога: люди часто не соглашаются с чужим мнением, просят прощения, дают советы и так далее. Поскольку «ликоугрожающие акты» очень распространены, по мнению П. Браун и С. Левинсона, необходимо использовать разнообразные стратегии по минимизации «коммуникативного вреда», причиненного собеседнику» [Власян, 2015, с. 51].

Ученые выделяют две формы вежливости: позитивную (Positive politeness) и негативную (Negative politeness). Позитивная вежливость основана на сближении (approach-based) и связана с языковым выражением солидарности и общности интересов, убеждением собеседника в том, что он является другом, а его стремления и личные качества принимаются и разделяются говорящим. Негативная вежливость применяется для дистанцирования (avoidance-based) и выражается в самоограничениях говорящих с целью избежать конфликтов и убедить слушающего в том, что его свобода действий не будет ограничена [Brown, 1987, p. 70].

Негативная вежливость согласуется с общепринятым представлением о том, какие действия необходимо совершить для того, чтобы быть вежливым. С помощью самоограничений и преуменьшений собственных нужд мы не позволяем нашим интересам сталкиваться с интересами собеседника, что и является главной задачей негативной вежливости. Необходимо, однако, отметить, что позитивная вежливость не так очевидна и может применяться, даже если угроза позитивному лицу коммуниканта отсутствует или не сильно выражена [Марков, 2018, с. 144].

Стратегии позитивной вежливости, которые

направлены на сближение собеседников, связаны, прежде всего, с экспрессивами, основная функция которых состоит в выражении отношения говорящего к происходящему [Власян, 2010, с. 38]. Реализация стратегий позитивной вежливости значительно совпадает с повседневным общением, во время которого коммуниканты проявляют интерес к друг другу. Единственным отличием позитивной вежливости от обычного разговора можно считать преувеличение: если коммуникант не может искренне разделить стремления и ценности своего собеседника, он прибегает к стратегиям позитивной вежливости для смягчения урона позитивному лицу слушающего.

Угроза позитивному лицу слушающего состоит в том, что говорящему нет дела до чувств, желаний и потребностей своего собеседника. Речевые акты, в которых содержатся неодобрение, критика, презрение или насмешки, жалобы, обвинения, оскорбления (выражаются в виде отторжения говорящим желаний, личных качеств, убеждений или ценностей слушающего), угрожают позитивному лицу слушающего. Для него также представляют угрозу выражение бурных/неподконтрольных эмоций (говорящий дает слушающему причину бояться или стесняться его), затрагивание табуированных и вызывающих разногласия тем (говорящий показывает безразличность по отношению к ценностям слушающего), уничижение слушающего и хвастовство говорящего, а также формы некооперативного поведения, например, перебивание собеседника и невнимательность к нему.

В нашей работе мы рассматриваем речь коммуникантов в рамках дискурса интервью, который является типом институционального дискурса, обладающим определенными ценностями, прецедентными текстами, дискурсивными формулами и широкой тематической разновидностью, участниками которого являются 3 стороны (интервьюер, интервьюируемый и аудитория), каждая из которых реализует свои характерные коммуникативные стратегии, чей хронотоп составляют время, в течение которого берется интервью, и место, где оно проходит, чья цель состоит в активизации восприятия содержания, заключенного в передаче с помощью диспута, острых вопросов, высказывания различных точек зрения, и для которого характерно множество разновидностей и жанров.

Большинство современных интервью характеризуются относительной непринужденностью и дружелюбной, неформальной атмосферой в связи с увеличением их популярности в Интернете, из-за чего стратегии позитивной вежливости стали ведущими в данном дискурсе. П. Браун и С. Ле-

винсон выделяют 15 стратегий позитивной вежливости, одной из которых является шутка. Материалом исследования данной стратегии послужили интервью с американскими музыкантами Don Toliver, Post Malone, JID, Playboi Carti и другими.

Шутки помогают в значительной степени снизить напряжение в общении. Они основаны на некотором общем знании и опыте. Это объединяет коммуникантов и, как следствие, снижает урон их позитивному лицу. Данная стратегия во время интервью может применяться как ведущим, так и гостем. Интервьюер использует шутки для того, чтобы расположить к себе гостя или перевести интервью в дружеское русло, а интервьюируемое лицо – зачастую для создания более позитивного медийного образа в глазах зрителей. Более того, иногда интервьюер и респондент могут продолжать шутки друг друга, таким образом значительно сокращая дистанцию.

Вот пример шутки, произнесенной ведущим в самом начале интервью «The Breakfast Club» с исполнителем Don Toliver [6]:

– I have to say I’m a little disappointed that you don’t have a **leather coat** on right now, sir.

В данном случае шутка основана на общем знании: одна из песен в последнем альбоме исполнителя носит название «Leather Coat». Таким образом интервьюер с самого начала создает дружелюбную атмосферу в студии, показывая своему собеседнику, что он послушал его последний альбом.

В том же интервью ведущий представляет еще одну шутку [Там же.]:

– Was it hard to clear that record?

– I was, yeah, I would say yes.

– **Well, Pharrell got what, a hundred percent?** (смех)

– I will not disclose, man.

В данном случае интервьюер ссылается на одну из песен в музыкальном альбоме гостя, которая называется «4 Me». В ее основу лег сэмпл песни «Girls Dem Sugar», спродюсированной известным американским музыкантом Фарреллом Уильямсом. Для того, чтобы песня Don Toliver вышла официально, было заключено соглашение с продюсером оригинального сэмпла – Фарреллом, в соответствии с которым он будет получать определенный процент прибыли от продаж и прослушиваний «4 Me». Известно, что песни с сэмплами Фаррелла Уильямса тяжело выпустить, поскольку он, как правило, требует большой процент, что, очевидно, невыгодно музыкантам. Таким образом интервьюер предполагает, что Фаррелл Уильямс будет получать всю прибыль от песни, что создает комический эффект и сблизжает его с гостем, поскольку шутка основана на общем знании и смешит другого коммуниканта.

Другим примером шутки, произнесенной интервьюером, является случай с хип-хоп исполнителем Playboi Carti [8]:

– Were you pretty good at the school? Were you good in English, good at the essays, good at all that?

– You know, I was always good at the basic, you know what I’m saying. I was, you know, I wasn’t good in like Chemistry and shit.

– Right. I was terrible at that. **I don’t think anyone’s great at that except our doctors.**

В этом примере цель использованной интервьюером стратегии состоит в сокращении дистанции между ним и его собеседником путем демонстрации общего опыта: обоим участникам интервью в школьные годы тяжело давалось изучение химии.

Интервьюируемый также может применять данную стратегию. Например, рэпер JID в интервью сказал следующее [7]:

– And the “Crack Sandwich”, it just came from the hook and then, I don’t know, like you know I’m saying, a lot of my brothers and sisters born in the 80s, so I was like “**crack.**”

– That’s what the 80s is!

Здесь он объясняет название своей песни «Crack Sandwich», используя шутку, основанную на общем историческом знании. В 80-ые годы прошлого столетия в США наркотик крэк обрел большую популярность среди бедных слоев населения. Одной из центральных тем песни является бедность, поэтому, используя интонационное ударение, падающее на слово «crack», интервьюируемый исполнитель в шуточной форме приводит исчерпывающее объяснение названия песни, вызывающее отклик у его собеседника, что сокращает дистанцию между ними.

Другим ярким примером использования этой стратегии гостем интервью является разговор музыканта Post Malone и интервьюера для Apple Music [Post Malone ... , URL]:

– I was working with my friend making music a long time ago and then I worked at Chicken Express in Dallas. And the first thing I bought was some \$800 Versace loafers with like all the money. And then my dad was so mad.

– (интервьюер обращается к отцу музыканта) Why, ‘cause you wanted him to save his first check?

– **Because he wanted it for himself!** (интервьюер смеется) No, he wanted me to save one.

В данном примере шутка Post Malone направлена на своего отца, который во время интервью находился за кадром и даже иногда отвечал на вопросы ведущего. Музыкант вспоминает случай, когда он потратил свои первые заработанные на творчестве деньги на дорогую обувь, что сильно не понравилось его отцу. Он шутит, что

его отец был недоволен не из-за необдуманной и импульсивной покупки сына, а потому что сам хотел потратить его заработок, что вызывает смех у интервьюера. С помощью этой шутки Post Malone укрепляет свой позитивный медийный образ в глазах зрителей, показывая, что у него очень теплые отношения со своим родителем, над которым он может подшутить, но эта шутка не вызовет у него негативной реакции. Это также создает еще более расслабленную и непринужденную атмосферу разговора и демонстрирует, что мировая звезда Post Malone является таким же обычным человеком, который может быть веселым и шутливым.

В некоторых случаях интервьюер и респондент могут одновременно использовать данную стратегию, развивая начатую шутку, что создает расслабленную атмосферу разговора и позитивный облик участников интервью в глазах зрителей. Так, во время того же интервью с музыкантом Post Malone для Apple Music произошел следующий случай [9]:

– I wanted to make something that, you know, after a long anxious day and you're just working your ass off and nothing seems to be going right, you can just sit at home and have **a couple of glasses**.

– Take the edge off.

– You're damn right.

– And you have like **five or six more glasses** and then the anxiety goes through the roof.

– **Five or six more bottles!**

Отвечая на вопрос интервьюера про свой бренд вина, Post Malone задал начало шутке, которую подхватил его собеседник и закончил сам респондент. Таким образом, одновременное использование данной стратегии сблизило коммуникантов, что повлияло на атмосферу их дальнейшего диалога – он стал более непринужденным и расслабленным.

Таким образом, шутка как стратегия позитивной вежливости помогает сблизить коммуникантов и создать дружелюбную атмосферу, что важно для интервью: интервьюируемый не чувствует себя скованным и охотнее отвечает на вопросы интервьюера. Применение этой стратегии интервьюируемым лицом положительно влияет на его медийный образ, что выражается в зрительской симпатии. Аудитория понимает, что интервьюируемая звезда – не просто образ, картинка или голос на их электронных устройствах, а такой же человек, как и они, который умеет шутить и веселиться.

Список литературы

1. Власян, Г. Р. Различные подходы к определению лингвистической вежливости / Г. Р.

Власян. – Текст : электронный // Вестник Нижегородского государственного гуманитарного университета. – 2010. – № 3. – С. 29–39. – URL : <https://elibrary.ru/item.asp?id=17727977> (дата обращения: 23.01.2024). – Режим доступа: Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU.

2. Власян, Г. Р. Реализация стратегий позитивной вежливости в разговорном диалоге / Г. Р. Власян. – Текст : электронный // Вестник Челябинского государственного университета. – 2015. – № 27 (382). – С. 50–54. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-strategiy-pozitivnoy-vezhlivosti-v-razgovornom-dialoge> (дата обращения: 23.01.2024). – Режим доступа: Научная электронная библиотека КиберЛенинка.

3. Ларина, Т. В. Категория вежливости в аспекте межкультурной коммуникации (на материале английской и русской коммуникативных культур) : дис. ... д-ра филолог. наук : / Т. В. Ларина. – Москва, 2003. – 494 с. – Текст : непосредственный.

4. Марков, И. В. Реализация стратегий негативной вежливости в американском и российском дискурсах ток-шоу / И. В. Марков. – Текст : электронный // Вестник Челябинского государственного университета. – 2018. – № 10 (420). – С. 143–149. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-strategiy-negativnoy-vezhlivosti-v-amerikanskom-i-rossiyskom-diskursah-tok-shou> (дата обращения: 23.01.2024). – Режим доступа: Научная электронная библиотека КиберЛенинка.

5. Brown, P. Politeness: Some universals in language usage / P. Brown, S. Levinson. – Cambridge : Cambridge University Press, 1987. – 345 p. – Текст : непосредственный.

6. Don Toliver On Defining His Artistry, Kali Uchis Relationship, Travis Scott Collab + More. – Текст : электронный // YouTube : [сайт]. – URL : https://www.youtube.com/watch?v=gDjnPhReg_k&list=WL&index=4&t=225s (дата обращения: 06.02.2024).

7. J.I.D Talks 'The Forever Story', Sibling Influence, J. Cole, Lil Wayne, Georgia Elections + More. – Текст : электронный // YouTube : [сайт]. – URL : <https://www.youtube.com/watch?v=bK80AOaDea4&list=WL&index=9> (дата обращения: 06.02.2024).

8. Playboi Carti Interview. – Текст : электронный // YouTube : [сайт]. – URL : <https://www.youtube.com/watch?v=5iSRu6e7aXI&list=WL&index=8> (дата обращения: 06.02.2024).

9. Post Malone: 'Hollywood's Bleeding' Interview | Apple Music. – Текст : электронный // YouTube : [сайт]. – URL : https://www.youtube.com/watch?v=XMJsJMv_-q4&list=WL&index=3 (дата обращения: 06.02.2024).

DOI: 10.47475/9785727119631_224

К.В. РЕНЗЯЕВА / K.V. RENZYAEVA
Кемеровский государственный университет
(Кемерово, Россия)**ФАКТОРЫ, ДЕТЕРМИНИРУЮЩИЕ ПОЛИДИКТУМНЫЙ ХАРАКТЕР
ИНТЕРПРЕТАЦИОННОГО ПОЛЯ****FACTORS DETERMINING POLYDICTUM CHARACTER OF INTERPRETATIVE FIELD****Аннотация**

Статья посвящена изучению диктумного содержания когнитивно-речевых реакций участников интернет-коммуникации. На сегодняшний день анализ интерпретационных механизмов, осуществляющихся в процессе виртуального общения, является одним из приоритетных направлений научных изысканий современных лингвистов. Вторичные тексты, продуцируемые адресатами-интерпретаторами, в разной степени коррелируют с текстом-исходником как в диктумном, так и в модусном плане. Вариативность и многообразие этих текстов отражают текущее ментальное состояние общества. В ходе дискурсивного анализа были определены факторы, оказывающие непосредственное влияние на процесс восприятия сетевого материала интернет-пользователями и обуславливающие вариативность смысловых версий, которые формируют интерпретационное поле текста. Отмечены как лингвистические, так и экстралингвистические факторы. Материалом исследования выступают интерпретирующие тексты к новостной публикации Telegram-канала Readovka.

Abstract

The article is devoted to studying of the dictum content of cognitive-speech reactions of participants in Internet communication. Today, the analysis of interpretative mechanisms carried out in the process of virtual communication is one of the priority areas of research for modern linguists. Secondary texts produced by recipient-interpreters correlate to varying degrees with the source text, both in dictum and modus terms. The variability and diversity of these texts reflect the current mental state of society. During the discourse analysis, factors were identified that have a direct impact on the process of perception of online material by Internet users and determine the variability of semantic versions that form the interpretative field of the text. Both linguistic and extralinguistic factors are noted. The research material is interpretive texts for the news publication of the Readovka Telegram channel.

Ключевые слова: диктум, интерпретация текста, виртуальная коммуникация, вариативность, фактор, интернет-комментарий.

Keywords: dictum, interpretation of the text, virtual communication, variability, factor, Internet comment.

В эпоху цифровизации человек имеет огромный выбор средств и форматов коммуникации. Форумы, мессенджеры, социальные сети – практически любая платформа гарантирует пользователю удобный и быстрый обмен информацией. Изучение механизмов перцепции и интерпретации в условиях виртуального общения помогает выявить актуальное состояние социума и определить вектор его развития.

Целью данного исследования, проведенного в аспекте лингвистического интерпретационизма, является выявление факторов, предопределяющих вариативность когнитивно-интерпретационной деятельности адресата при восприятии новостного материала. Изначально текст является воплощением диктумно-модусного содержания замысла автора и предполагает тождественность результатов интерпретационной деятельности реципиентов. Однако в процессе интернет-ком-

муникации между адресатами он приобретает множество смысловых версий в диктумном, модусном, но чаще в смешанном плане.

Согласно теории, разработанной Л.Г. Ким, совокупность смысловых версий интерпретируемого текста образует недискретное смысловое пространство – интерпретационное поле текста. Интерпретационное поле является результатом интерпретационного функционирования текста в пространстве адресата-интерпретатора и имеет ядерно-периферийную структуру. При построении ядерно-периферийной модели поля «учитываются, во-первых, степень репрезентации основного концепта интерпретируемого текста, во-вторых, количественные показатели, в-третьих, характер регулярности / вариативности ответов и, в-четвертых, степень их предсказуемости» [Ким, 2010, с. 120]. Соответственно, структуру интерпретационного поля формируют смысло-

вые версии – интерпретаты, актуализирующие диктумное содержание интерпретируемого текста, иными словами, напрямую соотносящиеся с фактами, представленными в исходном материале.

Полидиктумный характер интерпретационного поля обусловлен как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами. Лингвистические факторы детерминированы языковыми особенностями функционального стиля автора-интерпретатора. К экстралингвистическим факторам относятся различные «внешнетекстовые» аспекты, которые рассмотрим ниже.

Материалом исследования послужили комментарии к новостному тексту Telegram-канала Readovka. За последние два года количество русскоязычных каналов в Telegram увеличилось более чем вдвое. Многие информационные интернет-издания размещают там свои публикации в новом, более сжатом формате, отвечающем современным тенденциям. Среди них такие крупнейшие информационные агентства как ТАСС и РИА Новости. Readovka – это информационный новостной портал, аудитория которого составляет более 2,3 млн. подписчиков. В отличие от ранее упомянутых, на этом канале читателям предоставлена возможность обсуждать новостной материал.

В статье от 20 декабря 2023 г. говорится о выпадении рекордного количества осадков в Сахалинской области и сопряженными с этим явлением трудностями для обывателей, а также мерами, предпринятыми местными властями.

Рис. 1 – Публикация на канале Readovka

В диктумном содержании публикации представлены 4 факта:

1. В Сахалинской области разыгралась снежная буря.
2. Школьники переведены на дистанционное обучение.
3. Москва и Санкт-Петербург недавно также пострадали от непогоды.

4. Местные власти мобилизовали все ресурсы для уборки снега.

Обсуждение новостного материала насчитывает 90 комментариев. Участники дискуссии в своих интерпретирующих текстах актуализируют один или несколько фактов по вариативной модели. Причины множественности смысловых вариантов интерпретации исходного текста детерминированы рядом факторов. В работе Л.Г. Ким и Е.С. Беляевой подчеркивается, что деятельность адресата-комментатора представляет собой «автономный, в определенном смысле независимый от замысла автора процесс, характеризующийся субъективностью и собственной интенциональностью», и выдвигается гипотеза о том, что эта деятельность обусловлена дотекстовыми ожиданиями реципиента [Ким, 2019, с. 49]. Н.Д. Голев и Л.Г. Ким в своих исследованиях утверждают, что «фундаментальным фактором диктумно-модусного плюрализма, характеризующего виртуальный диалог, является механизм дотекстовых ожиданий авторов комментариев новостного контента» [Голев, 2023], т.е. процесс когнитивно-интерпретирующей деятельности реципиента напрямую зависит от его дотекстовых пресуппозиций, а именно от жизненного опыта, интересов, установок, целей интерпретатора. Соответственно, одним из ведущих факторов интерпретационной деятельности является фактор **субъекта**. Коммуниканты транслируют свой биографический опыт, актуализируя информацию о снегопадах и переходе на дистанционное обучение из исходного текста (орфография и пунктуация комментаторов сохранены):

Евгений Игоревичъ: ««Дистант» – украденное детство. Когда сам в школе учился, даже ночью во сне слышишь завывание метели и настроение даже во сне праздничным становится, радость: начинает замечать – значит, в школу не надо, утром по радио скажут про освобождение и можно с самого утра на улицу гулять, в сугробы с крыши гаражей нырять... А теперь – сиди перед компом и учишь...».

Александр Сухорученко: «Я вспоминаю снегопады в 60-х годах. Однажды летел в феврале в отпуск через Хабаровск и только что открыли Южно-Сахалинск. Когда приземлились, то самолет был как туннеле и аэропорта из окна самолета не было видно».

В исследуемом нами материале важнейшую роль играет нехарактерный для интернет-коммуникации **географический** фактор. Восприятие и интерпретация исходного текста детерминированы регионом проживания реципиента-комментатора. Как отмечали Н.Д. Голев и Л.Г. Ким, «интернет-среда является виртуальной коммуни-

кационной площадкой, в сущности не имеющей географических и временных границ» [Голев, Ким, 2023]. За редким исключением сетевая дискуссия не предполагает привязки к месту жительства. В нашем же случае географический фактор обусловлен тематикой интерпретируемой публикации. Жители Сахалина пишут о том, что масштабы бедствия преувеличены:

Ольга Козинец: «Уж не знаю, где та метель бушует, но в Южно-Сахалинске обычная снежная погода, дети идут со школы и с удовольствием барахтаются в снегу, рыбаки рванули за корюшкой».

Photo_Kurenkova Olga: «Да блин! Так трагично подано!! Для нас сахалинцев-это не метель! Про отмену занятий в школе-не правда. В Южно-Сахалинске во всяком случае».

Мастерская Михалыча: «В трёх километрах от Южного мело сильно. И снега навалило. Сейчас, вроде, снега меньше, но ветер. Конечно, бывает и хуже. Но и сегодняшнюю метель не стоит принижать».

Москвичи и петербуржцы актуализируют другую часть публикации, заявляя о неудовлетворительных уборочных мероприятиях, проводимых в их городах:

Павел С: «Какой опыт Санкт-Петербурга?! Вы смеетесь что ли? Как был ежигодный пц, так и остался. Только теперь без летних парадов снегоуборочной техники. А то горожане в истерике заходятся».

Алексей: «Московские дворы до сих пор завалены снегом, никто не убирает, про область вообще молчу...(((».

Alex Nikolaevich: «Во всей москве наверно 104 сотрудника не выходило, снегом завален даже центр. Никто ничего не убирает».

Обитатели южных регионов сожалеют об отсутствии снега зимой:

Димон: «Классно, а у нас в северном Крыму не то что снега нет, у нас даже морозов толком не бывает. Все зимние прелести остались только в воспоминаниях».

Babaу Хх: «Вот же везёт кому-то, у нас в Краснодаре не дожدهшься такого снега».

Лёха: «к нам бы в Донецк такую зиму».

Помимо географического важно отметить фактор **социальный**. Участники дискуссии обратили внимание на дефицит уборщиков и дворников, а также отток мигрантов после начала СВО:

Людмила: «Я зашла в наш ДЭЗ и спросила – где дворники? Ответ: Уехали из России. Не хотят, служить в армии. Вопрос: А сантехники, электрики тоже? Ответ: Да. А новых, пока что, не набрали. Раньше, во время снегопада, они все улицы чистили. Не важно, какая специализация. Теперь, просто, не хватает людей. Кстати. Так-

систов и разносчиков, не хватает тоже». Далее обсуждение сместилось в сторону зарплат дворников и коммунальных платежей.

Комментарии, совпадающие по диктумному содержанию, объединяются в следующие смысловые версии:

1. Не метель, а обычная снежная погода для Сахалина (15 комментариев).

2. В Москве, Санкт-Петербурге и по области уборка снега ведется неудовлетворительно (5 комментариев).

3. Властям Москвы и Санкт-Петербурга нужно перенимать опыт Сахалина по уборке снега (3 комментария).

4. Южные регионы скучают по снегу (5 комментариев).

5. Школьники ходят в школу как обычно (2 комментария).

Примечательно, что смысловые версии, воплощенные в интерпретирующих текстах адресатов-комментаторов, противоречат фактам, представленным в новостной публикации. По словам обывателей, ситуация в Сахалинской области не настолько критична, как это заявлено автором статьи. А опыт Москвы и Санкт-Петербурга в борьбе с непогодой для Сахалина не актуален.

Смысловая версия №1 репрезентируется в наибольшем количестве комментариев и напрямую коррелирует с содержанием интерпретируемого текста. Данная интерпретация является ядром интерпретационного поля текста. Остальные интерпретаты формируют ближнюю периферию. Смысловые версии, косвенно соотносящиеся с текстом-исходником, располагаются на дальней периферии.

Проведенное в рамках представленного материала исследование показало, что полидиктумный характер интерпретационного поля определяется рядом экстралингвистических факторов, среди которых мы выделили географический, социальный, а также фактор субъекта, детерминирующий дотекстовые пресуппозиции участников коммуникации. Указанные факторы оказывают непосредственное влияние на функционирование текста в пространстве адресата-интерпретатора.

Список литературы

1. Голев, Н. Д. Диктумно-модусный плюрализм виртуального диалогического дискурса (на материале интернет-комментариев) / Н. Д. Голев, Л. Г. Ким. – Текст : электронный // Медиалингвистика. 10 (1). 4-26 // URL : <http://doi.org/10.21638/spbu22.2023.101> (дата обращения: 06.02.2024).
2. Ким, Л. Г. Дотекстовые ожидания адресата как фактор вариативности интерпретации по-

литического текста / Л. Г. Ким, Е. С. Беляева. – Текст : непосредственный // Вестник ТГУ. Филология. – 2019. – № 57. – С. 48–62.

3. Ким, Л. Г. Вариативно-интерпретационное функционирование текста : теоретико-экспериментальное исследование : дис. ... д-ра филолог. наук / Л. Г. Ким. – Кемерово, 2010. – 405 с. – Текст : непосредственный.

4. В Сахалинской области бушует метель – из-за непогоды задержаны 11 рейсов, а дети переведены на дистанционное обучение. – Текст : электронный. – URL : <https://t.me/readovkanews/71106?comment=13648133> (дата обращения: 06.02.2024).

DOI: 10.47475/9785727119631_227

Я.Н. РОНЖИНА / Ya.N. RONZHINA

*Пермский национальный исследовательский политехнический университет
(Пермь, Россия)*

КРЕАЦИЯ СМЫСЛА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

THE LITERARY TEXT SENSE CREATION

Аннотация

В настоящей статье представлена идея о возможности моделирования множественной интерпретации, под которой понимается смысл целого художественного произведения как замысел автора в различных индивидуальных интерпретациях. Для этой цели используется функторно-семиотический метод анализа и интерпретации креации смысла художественного произведения. В качестве единиц анализа и интерпретации на различных уровнях текстового смысла выступают смысловые компоненты разного типа и функторы (т. е. многозначные слова, словосочетания и предложения). На примере русскоязычного произведения малой формы показана актуализация смысловых компонентов и функторов. Это текст был также использован в эксперименте по изучению множественной интерпретации. Результаты проведенного эксперимента кратко перечислены в тексте данной статьи. Понятие множественной интерпретации связано с концепцией Умберто Эко об открытом произведении.

Abstract

The idea of multiple interpretation model is represented in this article. The functor-semiotic method of the literary text sense creation analysis and interpretation is used for this purpose. The sense components of different types and functors (i.e. words, collocations or sentences with several meanings actualized) are defined as the units of analysis and interpretation on different levels of the text sense. The examples of the actualized sense components and functors are given from the literary text in Russian. The first experiment on the multiple interpretation has been performed using the same text. The experiment results are briefly described in this article. The concept of multiple interpretation is related to Umberto Eco's concept of the open text.

Ключевые слова: *художественное произведение, смысл, открытое произведение, смысловой компонент, функтор, функторно-семиотический метод, множественная интерпретация.*

Keywords: *literary text, sense, open text, sense component, functor, functor-semiotic method, multiple interpretation.*

В настоящей работе особое внимание уделяется рассмотрению возможности использования комплексного функторно-семиотического метода, включающего на разных этапах функторный анализ, дефиниционный анализ, контекстуальный анализ и метод симметрии-асимметрии, для моделирования множественной интерпретации художественного произведения, так как, по

нашему мнению, смысл целого произведения представляет собой не просто замысел автора, а замысел автора, дополненный всей совокупностью вариантов его индивидуального восприятия адресатами.

Понятие множественной интерпретации согласуется с концепцией Умберто Эко об открытом произведении. Произведение искусства, по

мнению У. Эко, – это «некий объект, произведенный автором, который организует его смысловое содержание так, чтобы любой человек, его воспринимающий, мог вновь постичь (посредством игры собственных откликов на конфигурацию впечатлений, оказывающих стимулирующее воздействие на его чувства и разум) само произведение, его изначальную форму, задуманную автором» [Эко, 2004, с. 27]. Однако «любой человек привносит в этот процесс ... свое вполне обусловленное чувственное восприятие ...» и таким образом, получается, что человек, воспринимая произведение искусства, постигает «его изначальную форму, задуманную автором», но «в определенной индивидуальной перспективе» [Эко, 2004, с. 27–28]. И так, произведение искусства является открытым, так как предоставляет «возможность толковать себя на тысячи ладов» и не утрачивает при этом «своего неповторимого своеобразия», задуманного автором [Эко, 2004, с. 28]. Изучение того, каким образом произведение искусства «побуждает к разнообразию интерпретаций» и одновременно с этим «ограничивает их свободу» в соответствии с замыслом автора, возможно посредством изучения «уровней поэтического сообщения», то есть изучение «логики означающих» [Эко, 2006, с. 117]. На наш взгляд, комплексный функторно-семиотический метод анализа и интерпретации позволяет выявить не только замысел автора, но и возможные варианты его восприятия, что в совокупности своей образуют смысл произведения искусства.

В качестве единиц анализа и интерпретации смысловой динамики, приводящей к порождению смысла целого текста, обозначим функторы, смысловые компоненты и средства актуализации. Смысловые компоненты – это минимальные единицы смысла, которые подразделяются на пять типов в соответствии с выделенными уровнями смысла: предметный, концептуально-идейный, оценочный, гедонистический и архетипический (более подробно изучить разработанный нами функторно-семиотический метод анализа и интерпретации и концепцию многоуровневости смысла художественного произведения можно в [Ронжина, 2016; Ronzhina, 2020]). Смысловые компоненты определяются на основе анализа дефиниций в толковом словаре (предметные, концептуально-идейные, оценочные, гедонистические смысловые компоненты) и в словарях и энциклопедиях символов и мифов (архетипические смысловые компоненты).

Смысловые компоненты выражены в тексте при помощи различных средств актуализации, под которыми понимаются используемые в тексте языковые средства, то есть единицы, принад-

лежащие различным уровням языка (фонетический, лексический, синтаксический и т. д.). Контекстуальный анализ языковых единиц позволяет выявить актуализированные в тексте смысловые компоненты. Динамика смысловых компонентов, образующих смысловые уровни художественного произведения, обеспечивает порождение новых смыслов и формирование смысла целого произведения.

Функторы – это многозначные средства актуализации, иррадиирующие в текст одновременно несколько смысловых компонентов разного типа, в том числе архетипические смысловые компоненты, которые образуют скрытый уровень смысла [Ронжина, 2016, с. 63; Ronzhina, 2020]. Выделяем два типа функторов: функторы годологии (это заголовки текста или первое предложение в том случае, когда отсутствует заголовок) и функторы симметрии-асимметрии (это распределенные по тексту слова, словосочетания, предложения, обладающие многозначностью) [Ронжина, 2016; Ronzhina, 2020]. Функторы обеспечивают динамику смысловых компонентов посредством их симметрии-асимметрии, креации новых смысловых компонентов и их аттрактивного движения в процессе креации смысла целого текста.

Анализ функторов, выделение смысловых компонентов разного типа, контекстуальный анализ средств актуализации, анализ и интерпретация креации новых смысловых компонентов, создающих асимметрию смысловых компонентов на уровне целого текста, и интерпретация процесса креации смысла были продемонстрированы в [Ронжина, 2014] на примере художественного произведения малой формы:

Счастливым путем

Отпуская ученика в люди, знающий все наперед наставлял:

– Иди по жизни, не расталкивая локтями других.

Ты сильный – тебе и так уступят дорогу.

Прилежный ученик старался следовать совету.

Но каждый вечер смывал с натруженных рук чужую кровь, не понимая причины трагедии.

Мастер счастливого пути – не замечает своих жертв [Монахов, 2000, с. 273].

Повторное обращение к этому тексту продиктовано идеей о возможности смоделировать смысл целого произведения как замысел автора в различных индивидуальных интерпретациях, то есть создать модель множественной интерпретации. Для этой цели необходимо кратко представить полученные ранее результаты функторно-семиотического исследования [Ронжина, 2014]. Как видно из Таблицы 1, в заголовке и первых двух

предложениях текста реализованы предметные, оценочные, гедонистические и архетипические смысловые компоненты, иррадиированные функтором «Счастливым путем». В третьем предложении на предметном уровне появляется новый смысловой компонент, который симметризуется с предметными смысловыми компонентами, иррадиированными функтором: дорога; такой, которому благоприятствует удача, успех; отсутствие препятствия. Это предложение служит своеобразным поворотным моментом в смысловой динамике всего текста, так как в оставшихся предложениях на всех уровнях смысла (предметном, оценочном, гедонистическом и архетипическом) порождаются новые смысловые компоненты, которые асимметричны смысловым компонентам, иррадиированным заголовком как функтором годологии (см. Таблицу 1). Креация новых смысловых компонентов и их асимметрия с другими

компонентами на всех уровнях смысла влияют на формирование смысла целого художественного произведения. Кроме того, следует обратить внимание на лексические единицы *счастливым путем – идти по жизни – дорога – чужая кровь – трагедия – мастер счастливого пути – свои жертвы*, которые в такой последовательности показывают жизнь как дорогу от счастья к несчастью, при этом прослеживается оппозиция свой/чужой (свое/чужое счастье, свое/чужое несчастье). Лексические единицы *ученик – знающий все наперед – сильный – прилежный ученик – мастер счастливого пути* обозначают действующих лиц, и в такой последовательности эти единицы реализуются в тексте параллельно предыдущей цепочке. Общий элемент – *мастер счастливого пути* – в последнем предложении текста выступает триггером, который запускает процесс ветвления смысла и создает множественность интерпретаций.

Таблица 1

Распределение реализованных смысловых компонентов разного типа в тексте			
Средства актуализации	Смысловые компоненты, иррадиированные функтором-заголовком и реализованные в тексте	Отношения симметрии-асимметрии	Новые смысловые компоненты
<i>Счастливым путем</i>	Пск дорога Пск прощальное пожелание отправляющемуся в путь, уезжающему,	-	-
<i>Отпускная ученика в люди, знающий все наперед наставлял: – Иди по жизни, не расталкивая локтями других.</i>	уходящему Пск жизнь человека (жизненный путь) Пск направление деятельности Оск хорошо Гск удовольствие Аск встреча ученика с учителем Аск символ образа жизни человека Аск символ судьбы человека Аск символ учения Аск знающий пути истины		
<i>Ты сильный – тебе и так уступят дорогу.</i>	Пск дорога Пск такой, которому благоприятствует удача, успех	С	Новый Пск отсутствие препятствия Новый Пск сила
<i>Прилежный ученик старался следовать совету. Но каждый вечер смывал с натруженных рук чужую кровь, не понимая причины трагедии.</i>	Пск направление деятельности Оск хорошо Гск удовольствие Аск символ учения Аск символ образа жизни человека Аск символ судьбы человека Аск символ изменения состояния героя (приобретение нового, восполнение утраченного)	А	Новый Пск приносящий несчастье, неудачу Новый Оск плохо Новый Гск неудовольствие Новый КИск непонимание того, что не так / что не получается
<i>Мастер счастливого пути – не замечает своих жертв</i>	Оск хорошо Гск удовольствие Аск встреча ученика с учителем Аск символ образа жизни человека Аск символ судьбы человека	А	Новый Пск приносящий несчастье, неудачу Новый Оск плохо Новый Гск неудовольствие

Используемые в таблице символы: Пск – Предметный смысловой компонент; Оск – Оценочный смысловой компонент; Гск – Гедонистический смысловой компонент; КИск – Концептуально-Идейный смысловой компонент; Аск – Архетипический смысловой компонент; С – Симметрия; А – Асимметрия.

При прочтении последнего предложения: «Мастер счастливого пути – не замечает своих жертв» [Монахов, 2000, с. 273], возникает несколько вопросов. Во-первых, кто является мастером счастливого пути (ученик или наставник); во-вторых, что из себя представляет счастливый (несчастливый) путь; что считать счастьем; в-третьих, мастер счастливого пути не может «не замечать своих жертв», потому что он смывает чужую кровь со своих рук каждый вечер; в-четвертых, для кого трагедия, для него самого (мастера счастливого пути) или для его жертв; в-пятых, в чем причины трагедии; в-шестых, кто является жертвой (ученик, наставник, другие люди).

Для проверки гипотезы о множественной интерпретации данного текста был проведен эксперимент, в котором приняли участие студенты первого и второго курсов электротехнического факультета Пермского национального исследовательского политехнического университета. В анкете для участников эксперимента был дан текст В. Монахова «Счастливый путь» в полном объеме без изменений. Задание было сформулировано следующим образом: «Прочитайте текст. Дайте краткие ответы на вопросы. Какова основная идея текста? Каков замысел автора? Кого можно назвать мастером счастливого пути: ученика или наставника?». Было получено 35 ответов (анкет с ответами на вопросы).

В начале обсуждения результатов эксперимента хотелось бы отметить, что только у одного студента не возникло никаких идей касательно текста. Ответы других участников эксперимента обеспечили большое количество данных. В связи с ограниченным объемом статьи опишем кратко полученные от участников ответы. На вопрос: «Кого можно назвать мастером счастливого пути: ученика или наставника?», 11 человек ответили, что мастером счастливого пути является наставник; 7 человек – ученик; 6 человек отметили, что и ученик, и наставник являются «мастером счастливого пути»; один человек считает, что ни ученик, ни наставник не являются «мастером счастливого пути»; 3 человека назвали мастером счастливого пути того, кто умеет закрывать глаза и не замечать жертв. Остальные не ответили на этот вопрос. Три участника эксперимента выделили полностью всё предложение: «Мастер счастливого пути – не замечает своих жертв».

Большая часть ответов раскрывает мысль о неизбежности жертв на пути к цели/счастью/мечте – 19 ответов; из них в трех ответах отмечается, что именно сильный человек идет на жертвы для достижения цели. Однако в одной анкете высказывается противоположное мнение: «ученик создал жертвы, потому что он слабый»; если бы он был сильным, то не было бы жертв. В 6 анкетах выдвигается идея о непреднамеренности/неосознанности жертв. При этом в 4 анкетах подчеркивается отрицательный аспект появления жертв на пути к цели, и даже осуждение такого пути. Только в двух анкетах указано, что ученик является жертвой наставника. Один из участников считает, что текст заставляет людей задуматься о том, что существуют жертвы. В двух анкетах говорится об отсутствии понятия чуткости в наставлениях учителя. В 8 анкетах содержится идея об индивидуальности пути к успеху/счастью, у каждого свой путь.

Даже такое краткое рассмотрение данных, полученных в результате анкетирования студентов, позволяет подтвердить гипотезу о множественности интерпретаций художественного произведения. Однако необходимо подчеркнуть, что в ответах участников эксперимента не отражены все вопросы, выявленные в результате функторно-семиотического анализа и интерпретации текста. Требуется серия экспериментов. Текст, выбранный для исследования, видится чрезвычайно интересным для апробации функторно-семиотического метода анализа и интерпретации, так как в этом тексте небольшого объема достаточно легко проследить последовательную реализацию разноразмерных смысловых компонентов, раскрывающих замысел автора и предопределяющих возможность его множественной интерпретации, то есть этот метод позволяет построить модель возможных интерпретаций замысла автора, смоделировать смысловой потенциал художественного текста.

Перспективы функторно-семиотического метода видятся в исследовании межсемиотического перевода: например, «открытость» (по У. Эко) литературно-художественных произведений позволяет экранизировать одно произведение не один раз. Каждая новая экранизация – это одна из возможных интерпретаций исходного текста, это его визуализированное восприятие, но не любым человеком, а сценаристом, режиссером, актером. Кроме того, переводы литературно-художественных произведений на различные естественные языки тоже служат примерами множественной интерпретации исходного произведения.

Список литературы

1. Монахов, В. Счастливый путь – Текст : электронный // Очень короткие тексты : (В сторону антологии). – М., 2000. – С. 273. – URL : <http://www.vavilon.ru/shortprose/monakhov.html> (дата обращения: 07.01.2024).

2. Ронжина, Я. Н. Смыслоорганизующая функция функторов в художественном тексте / Я. Н. Ронжина. – Текст : непосредственный // Системно-комплексные исследования динамики языкового пространства : монография / под ред. Н. Л. Мышкиной. – Пермь : Изд-во Перм. нац. иссл. политехн. ун-та, 2016. – С. 55–78.

3. Ронжина, Я. Н. Функторно-семиотическая методика анализа креации смысла в художественном тексте / Я. Н. Ронжина. – Текст : непосредственный // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах : материалы VII Междунар. науч.

конф. (Челябинск, 21–23 мая 2014 г.) / отв. ред. Л. А. Нефедова. – Челябинск : Энциклопедия, 2014. – С. 343–346.

4. Эко, У. Открытое произведение: Форма и неопределенность в современной поэтике / У. Эко. – СПб. : Академ. проект, 2004. – 384 с. – Текст : непосредственный.

5. Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко ; перев. с итал. В. Г. Резник и А. Г. Погоняйло. – СПб. : Симпозиум, 2006. – 544 с. – Текст : непосредственный.

6. Ronzhina, Y. N. Images as Units of the Semiotic Space Analysis. – Текст : электронный // Word, Utterance, Text: Cognitive, Pragmatic and Cultural Aspects. – European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. – European Publisher. – 2020. – vol. 86. – P. 1179–1188. – URL : <https://www.europeanproceedings.com/article/10.15405/epsbs.2020.08.136> (дата обращения: 07.01.2024).

DOI: 10.47475/9785727119631_231

П.В. САВКО / P.V. SAVKO

Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)

ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА КОММЕРЧЕСКОЙ РЕКЛАМЫ БАНКОВСКИХ УСЛУГ

LINGUISTIC AND SEMIOTIC SPECIFICS OF COMMERCIAL ADVERTISING OF BANKING SERVICES

Работа выполнена при содействии Фонда поддержки научных инициатив ФГБОУ ВО «ЧелГУ» 2024 г.

This work was supported by the Foundation for the Support of Scientific Initiatives Research at Federal State Educational Institution of Higher Education “CSU” in 2024

Аннотация

Текст в науке начала XXI века рассматривается передачи не только вербального, но и невербального кода коммуникации, актуализируя когнитивно-дискурсивный подход. В рамках данного подхода рекламный текст, как и любой другой вид текста, может исследоваться с точек зрения проксемики и кинесики. Обособляя средства передачи данных невербальных кодов, репрезентирующих пространство и движения, развивается теория использования проксем и кинем как непосредственно составляющих лингвосемиотического кода в текстах промоуин-дискурса. В данной работе анализируется функционирование приведенных лексем с позиций транслирования лингвосемиотического кода посредством рекламных видеороликов банковских услуг, раскрывающих миромоделирующий потенциал коммерческой рекламы. Так среди речевых приёмов передачи проксемных маркеров выделены апеллятивы, обозначающие расстояние и указывающие на других людей, метафоричные репрезентации, окказионализмы и риторические вопросы. Неречевыми приёмами в свою очередь являются вертикальные движения и наезд камеры. Также кинемы передаются с помощью лексем, указывающих на простоту использования банковских услуг. Полученные результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что проксеми используются с целью экономии времени, так как они позволяют вербально передать пространство вокруг главного персонажа рекламного ролика посредством одной фразы

или предложения. Кинемы в совокупности с проксемными маркерами составляют мультимодальный код миромоделирования и отвечают за указание на простоту использования банковских услуг.

Abstract

Text in the science of the beginning of the XXI century is considered the transmission of not only verbal, but also non-verbal code of communication, actualizing the cognitive-discursive approach. Within the framework of this approach, the advertising text, like any other type of text, can be studied from the point of view of proxemics and kinesics. Isolating the means of data transmission of nonverbal codes representing space and movement, the theory of the use of proxemas and kinemas as direct components of the linguosemiotic code in the texts of promotional discourse is being developed. In this paper the functioning of the above lexemes is analyzed from the standpoint of broadcasting the linguosemiotic code through promotional videos of banking services that reveal the world-modeling potential of commercial advertising. Thus, among the speech techniques of transmitting proximal markers, appellatives indicating distance and pointing to other people, metaphorical representations, occasionalisms and rhetorical questions are highlighted. Non-speech techniques, in turn, are vertical movements and zooming the camera. Kinemas are transmitted using tokens indicating the ease of use of banking services. The obtained research results allow us to conclude that proxemas are used in order to save time, since they allow to verbally convey the space around the main character of the commercial through a single phrase or sentence. Kinemas together with proximal markers constitute a multimodal world-modeling code and are responsible for indicating the ease of use of banking services.

Ключевые слова: когнитивно-дискурсивный подход, лингвосомиотический код, проксеми, кинемы, мультимодальность, промоушн-дискурс, дискурс коммерческой рекламы, миромоделирование.

Keywords: cognitive-discursive approach, linguistic semiotic code, proxemas, kinemas, multimodality, promotional discourse, commercial advertising discourse, world-modeling.

Рекламный дискурс лингвосомиотически параметризован, разворачивается в соответствующем коммуникативном пространстве и обладает мультимодальной целостностью, актуализируемой разнотипными знаковыми средствами [Олянич, 2011, с. 36-38]. Изучая промоушн-дискурс с позиций семиотики, представляется важным остановиться на типологии невербальных знаков, предложенной Р. Харрисоном, выделяющим перформативные и артефактуальные коды [Трофимова, 2023, с. 51]. Перформативные коды представляют сообщения, транслируемые телом человека (мимика, жесты и т.д.), в то время как артефактуальные коды передаются через объекты, украшающие человека (одежда, аксессуары и т.д.).

В данной работе подробнее остановимся на первом типе знаков, включающем совокупность действий, выполняемых с помощью языка тела человека. Так перформативными кодами считаются мимика, движения тела, жесты, позы, улыбка, смех, характеристики голоса, движения глаз [Там же]. Сообщения, передаваемые языком тела, рассматриваются проксемикой, такесикой, кинемикой и другими науками, изучающими невербальные и паравербальные элементы коммуникации. Акцентируя внимание на проксемике и кинемике рассмотрим вербальные способы передачи движений и положения в пространстве, представляемых посредством проксемных и кинемных маркеров.

Для более глубокого понимания функционирования проксемных маркеров в произведениях ком-

мерческой рекламы обратимся к термину «проксемика» Э. Т. Холла. Исследователь представил дефиницию проксемики как науки, в область исследования которой включены особенности личностных пространственных отношений людей. Антрополог считает, что, полагаясь на определенные нормы пространственного расположения, человек «регулирует дистанцию» между объектами и другими людьми относительно своего тела. Из этого следует, что выстраивание дистанции является одним из значимых аспектов социально-культурной сферы [Безенкова, 2011, с. 105].

Согласно Э. Д. Чагдуровой, «огромное множество смыслов, изучаемых семиотикой, зашифрованы в нашей повседневности, в обыденной жизненной практике...» [Чагдурова, 2015, с. 109]. Применительно к проксемике, главным индикатором нормы является ощущение комфорта при установлении дистанции во взаимодействии [Там же, с. 108-109]. Таким образом соблюдение необходимой коммуниканту дистанции позволяет правильно позиционировать себя во время коммуникации.

В подтверждение данному тезису С. В. Иванова отмечает, что пространство «позволяет говорящему адекватно позиционировать себя в процессе коммуникации, поскольку он отражает социальные отношения, духовные ценности, стереотипы лингвокультурного сообщества» [Иванова, 2009, с. 271]. Исходя из этого правильное позиционирование действующих лиц рекламы

способствует более эффективной трансляции информации.

Вторичная по близости территория находится вне непосредственного контроля человека, однако связана с ним. Применительно к рекламе данный вид пространства должен ассоциироваться с определенным действующим лицом. Например, столик, за которым сидит молодая пара, будет вторичной территорией по отношению к ним. Однако пространство вокруг действующего лица может быть и больше, если в кадре присутствует лишь один персонаж. Таким образом правильная маркировка пространства вокруг действующих лиц помогает распознать закодированное сообщение, транслируемое в рекламном ролике.

А. В. Кучерявых вводит понятие «проксемотичный код культуры». Данный термин используется для обозначения пространственной характеристики организации коммуникации определенным культурным сообществом [Кучерявых, 2010]. Здесь пространство описывается такими маркерами невербального кода как проксемоты, под которыми понимаются «языковые структуры, репрезентирующие пространственные параметры, пространственные представления этноса, зафиксированные в языке [Кузьминых, 2013, с. 283].

Таким образом, немаловажную часть в процессе воздействия рекламы на реципиента представляет собой правильное позиционирование действующих лиц и объектов вокруг них. Пространство с точки зрения семиотики изучается в контексте проксемотики и обозначается с помощью проксемот как части проксемотного кода.

Другой частью перформативного кода являются жесты, представляющие собой древнейший способ информирования окружающих о значимых событиях. Например, жесты позволяют осуществлять ежедневные ритуалы приветствия или прощания, выражения согласия или несогласия и т.д.

Исходя из этого во время невербального процесса коммуникации передается информация, дополняющая высказывания действующих лиц. Так жесты непосредственно связаны с термином кинема, которая рассматривается некоторыми учеными.

В. П. Тимофеевым и Е.А. Огневой кинема рассматривается в качестве языковой единицы. Кинемы «являются одним из типов информантов дискурсивного информативного кода, в архитектонике которого они взаимосвязаны, прежде всего, с кинемами, осуществляемыми в коммуникативном пространстве, что указывает на их связь с проксемотами» [Тимофеев, 1996].

Исследование роли и условий функционирования рекламы с позиции дискурсологии показало, что кинемы как маркеры невербального кода

сопровождают ту часть дискурсивной информации, которая недостаточно убедительна для зрителей без описания жестов тех, о ком говорится в информативной части промоушн-дискурса.

Таким образом, в процессе коммуникации невербальные элементы взаимодействия, такие как положение говорящего в пространстве, позиционирование окружающей среды и определенные движения частями тела, дополняют высказывания действующих лиц или рассказчика. Поэтому к приведенным элементам могут быть применены проксемоты и кинемы как элементы семиотического кода, совокупность которых составляет мультимодальный код коммерческой рекламы.

Мультимодальную целостность рекламной коммуникации создаёт интегративное единство вербального и невербального кода. На конкретных примерах продемонстрируем, каким образом лингвосемиотическая специфика предстаёт в русскоязычной рекламе банковских услуг. При этом рассмотрим более внимательно видеoverбальные средства передачи проксемотного и кинемного кода и обозначим их вклад в общую семантику промоушн-дискурса.

Проксемный код рекламы банковских услуг реализуется посредством системы приемов, позволяющих передать вторичное пространство, расположение смотрящего рекламный ролик относительно действующего лица. Можно выделить, как минимум, два типа маркеров – словесно-речевые (языковые), к которым мы относим метафоры, апеллятивы, окказионализмы и риторические вопросы. И предметно-изобразительные (неязыковые), такие как движения камеры (вертикальные движения и наезд) и действия главных персонажей, указывающие простоту использования рекламируемых услуг или продуктов.

Среди словесно-речевых маркеров-проксемот отдельно отметим **метафоры**, которые реклама банков использует в качестве указателя на вторичное пространство. Освещая тематику будущего, Ozon-банк в своей рекламе использует данный приём предлагая потребителям воспользоваться картой, тем самым сравнивая её с вторичным пространством вокруг действующего лица «Это – мир киберпанка. А это – карта OZON-банка» [8]. Здесь лексема *киберпанк* содержит в своей семантике указание на будущее с высокоразвитыми технологиями. Приведенное значение слова способствует моделированию гипотетического пространства, формируя вектор инобытия и сравнивая использование банковской карты с доступным составляющим будущего.

Продолжая конструировать понятия, отвлеченно связанные с реальностью, Альфа-банк используют **метафоричные конструкции** на про-

тяжении всего рекламного ролика. Так, «*На мёде не заработаешь, это же рой проблем*» [9] указывает на бизнес, связанный с пасекой, или фраза «*Всё равно всем не сможешь*» [Там же] описывает пространство вокруг разработчика протезов.

Апеллируя к реальным знаниям, умениям и навыкам целевой аудитории в рекламе ПСБ содержатся **метафорические репрезентации** локацию: «*Для настоящего комфорта не нужен ремонт*» [10] тем самым указывая на квартиру; «*Для настоящего дела не нужен офис*» [Там же] иллюстрируя столярную мастерскую; «*Настоящие друзья не в соцсетях*» [Там же] демонстрируя специальный горнолыжный подъемник; «*Настоящее искусство бывает не только в музеях*» [Там же] представляя действующих лиц в тату-салоне; «*Настоящие увлечения не проходят с годами*» [Там же] показывая престарелых музыкантов, играющих свою музыку в гараже.

Другой пример выстраивания экспозиции с помощью метафор можно встретить в рекламе Сбера. В данном случае используются выдуманные **метафоры-окказионализмы**, указывающие как на локацию, так и на род деятельности действующих лиц. Например, «*Стиллионер*» [11] описывая шоурум и занятие главного персонажа рекламы, окказионализм «*Конструкторер*» [Там же] указывающее, как и на действующее лицо и его род деятельности, так и локацию – некое современное конструкторское бюро. Использование имени собственного «*Спортционер*» [Там же] демонтирует спортивную площадку и игроков в баскетбол.

Исходя примеров выше можно подчеркнуть, что в описании пространства вокруг главных действующих лиц роликов содержится закодированное сообщение об их роде деятельности. Этой информацией авторы роликов подчёркивают **ближайшее визуализируемое пространство**, непосредственно транслируя **фактор инобытия**, преобразуя квазиреальность в опыт, связанный с реальными знаниями целевой аудитории. Для дополнительного кодирования сообщения также привлекаются приёмы кинематографа такие как определенные движения камеры.

В кинематографе **движение камеры** может передавать разные сообщения. Например, показывая позицию превосходства окружения над действующим лицом, камера будет расположена над ним или её движение происходит сверху-вниз. И наоборот, указывая на доминирующую позицию главного персонажа, камера будет начинать своё движение снизу. В случае со «*Спортционером*» [Там же] наблюдается движение камеры вверх, повторяющее траекторию действующего лица, что может говорить, как об успешности, так и о доминации персонажа над другими игроками.

В данном примере вертикальным движением камеры описывается потенциальное пространство главного персонажа, указывая на его превосходство, связанное в большей мере с использованием банковских услуг, улучшающих его жизнь.

Изучая рекламный ролик МодульБанка можно выделить активно использующиеся **апеллятивы**, косвенно указывающие на других бизнесменов, как представителей определенных предприятий. Данный приём выражается посредством следующих лексем: *сомневайтесь, считайте, называйте, попытайтесь и др* [12]. Однако здесь, как и в предыдущем примере наиболее репрезентативной частью проксемных маркеров являются вертикальные движения камеры. Они, как упомянуто ранее, ставят зрителя в позицию доминирования или подчинения как бы соотнося смотрящего с положением камеры во время просмотра. Когда на главное действующее лицо указывается с помощью апеллятивов, камера двигается сверху-вниз, демонстрируя доминирование наблюдателя. В то время как персонаж указывает на свои действия, камера вместе со зрителем начинает движение снизу, иллюстрируя более слабую позицию относительно героя.

Другим приёмом актуализации героя в кинематографе является **наезд камеры**. Этот приём активно использует и реклама. Например, в ролике Сбера данный способ актуализации сопровождается вербально, а именно риторическими вопросами. Например, «*Может акции купить? Или вложиться в недвижимость?*» [13].

Таким образом, проксемные маркеры передаются при помощи словесно-речевых лингвосемiotических знаков, выраженных **апеллятивами**, обозначающими расстояние и указывающими на других людей, **метафоричными репрезентациями**, **окказионализмами**, **риторическими вопросами**. Дополняя сообщение проксеммы выражаются через **наезд** и **вертикальные движения камеры**. Всё это указывает на необходимость погружения зрителя в контекст рекламного сообщения с минимальными временными затратами на объяснение экспозиции, приближая целевую аудиторию к достижению образов инобытия, а также позиционирование рекламируемого продукта как способа решения поставленной проблемы или противоречия.

Кинемный код промоушн-дискурса, в свою очередь, демонстрируется через движения действующих лиц рекламного ролика. Обращаясь к интегральным частям кинемного кода выделим речевые и неречевые маркеры, которые непосредственно связаны с актуализацией простоты использования предлагаемых банковских услуг.

Так в рекламе банка Тинькофф, кинемный код представлен движениями рук при оплате товаров

и услуг. Мы можем утверждать, что приведенный пример кода используется для указания на простоту использования банковских услуг, поскольку от потребителя требуется лишь одно простое движение руки для оплаты. На это указывают и используемые в тексте рекламы лексемы *просто*, *простым* и *простыми* [14].

В рекламе ВТБ прямо указывается легкость использования их услуг посредством слова *один* и его словоформами в совокупности со словом *палец* («Иногда можно просто *шевелинуть одним пальцем*, чтобы бизнес эффективнее стал развиваться» и т. д.) [15]. Таким образом использованные кинемы апеллируют к осуществлению малых усилий при использовании банковского продукта.

На легкость использования банковских продуктов также указывает реклама Совкомбанка. Клик одним пальцем по активной кнопке на экране смартфона вербально сопровождается словами *легко* и *просто* [16].

Приведенные рекламные ролики указывают на использование кинемных лингвосемиотических маркеров, призванных актуализировать простоту использования рекламируемых банковских услуг.

Исходя из вышесказанного можно утверждать, что лингвосемиотическая специфика рекламы банковских услуг заключается в использовании словесно-речевых и предметно-образительных приёмов передачи информации. За счёт чего в свою очередь обеспечивается мультимодальная слитность миромоделирования промоушн-дискурса коммерческой рекламы банковских услуг.

Отметим, что вербальный код коммуникации в рекламных роликах представленного вида услуг в обязательном порядке поддерживается невербальным лингвосемиотическим кодом. Здесь основными маркерами невербального кода выступают проксемы и кинемы, каждая из которых содержит как речевые, так и неречевые приёмы. Среди выделенных речевых приёмов передачи проксемного кода обособляются апеллятивы, обозначающие расстояние и указывающие на других людей, метафоричные репрезентации, окказионализмы и риторические вопросы. Неязыковые приёмы представлены наездами и вертикальными движениями камеры.

В свою очередь, кинемы вербально демонстрируются в тексте роликов посредством употребления лексем, описывающих действие на экране, и слов, указывающих на простоту использования рекламируемых продуктов и услуг.

Список литературы

1. Безенкова, А. А. Основы невербального общения / А. А. Безенкова, Т. А. Хорева. – Текст :

непосредственный // Научные записки ОРЕЛГИ-ЭТ. – 2011. – С. 185–188.

2. Иванова, С. В. Актуальные проблемы лингвокультурологических исследований / С. В. Иванова. – Текст : непосредственный // Система языка: синхрония и диахрония : межвуз. сб. науч. ст. – Уфа : БАШГУ, 2009. – С. 267–273.

3. Кучерявых, А. В. Пространственная организация коммуникации в межкультурном взаимодействии / А. В. Кучерявых. – Текст : непосредственный // Вестник Бишкекского государственного университета. – 2020. – № 2–3 (52–53). – С. 7–10.

4. Олянич, А. В. Рекламный дискурс и его конститутивные признаки / А. В. Олянич. – Москва : Флинта ; Наука, 2011. – 296 с. – Текст : непосредственный.

5. Тимофеев, В. Л. Язык как явление. Языковые единицы / В. Л. Тимофеев. – Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. – 1996. – № 1. – С. 142–152.

6. Трофимова, Н. А. Маркеры невербального кода как гендерная составляющая публицистического дискурса (на материале статей «The New York Times») : дис. ... канд. филол. наук / Н. А. Трофимова. – Белгород, 2023. – 213 с. – Текст : непосредственный.

7. Чагдурова, Э. Д. Невербальные смыслы межкультурного диалога / Э. Д. Чагдурова. – Текст : непосредственный. // Целостное мировоззрение: опыт исследования и интерпретации. – 2015. – С. 107–111.

Список иллюстративного материала

8. Альфа-Банк «Ты всё делаешь не так. Продолжай!». – Текст : электронный (видео) // Youtube. – URL : <https://www.youtube.com/watch?v=x6sHW5jNs-w> (дата обращения: 12.01.24).

9. Банковская Ozon-Карта для покупки где угодно. – Текст : электронный (видео) // Youtube. – URL : <https://www.youtube.com/watch?v=gnitaUXu3nA> (дата обращения: 12.01.24).

10. Банковские услуги для пенсионеров от Сбербанка. – Текст : электронный (видео) // Youtube. – URL : <https://www.youtube.com/watch?v=3AQzWQpBHgA> (дата обращения: 12.01.24).

11. ВТБ «Услуги для бизнеса ВТБ». – Текст : электронный (видео) // Youtube. – URL : <https://www.youtube.com/watch?v=zxtNNDtkzrs> (дата обращения: 12.01.24).

12. МодульБанк: Открой счет достижениям! – Текст : электронный (видео) // Youtube. – URL : <https://www.youtube.com/>

watch?v=HCSDgmOlyBA (дата обращения: 12.01.24).

13. ПСБ «Банк настоящего». – Текст : электронный (видео) // Youtube. – URL : <https://www.youtube.com/watch?v=8Hi4CAnoh1Q> (дата обращения: 12.01.24).

14. СберИнвестиции «И хочется, и колется». – Текст : электронный (видео) // Youtube. – URL : https://www.youtube.com/watch?v=6cT_mrHJYg_U (дата обращения: 12.01.24).

15. Совкомбанк. – Текст : электронный (видео) // Youtube. – URL <https://www.youtube.com/watch?v=vnDZSGVRbjY> (дата обращения: 12.01.24).

16. Тинькофф «Тинькофф Рау». – Текст : электронный (видео) // Youtube. – URL : https://www.youtube.com/watch?v=Ks9obFNiP_U (дата обращения: 12.01.24).

DOI: 10.47475/9785727119631_236

З.М. САФИНА / Z.M. SAFINA

Уфимский университет науки и технологий
(Уфа, Россия)

КОЭФФИЦИЕНТ ЛЕКСИЧЕСКОГО РАЗНООБРАЗИЯ ОРИГИНАЛА И ПЕРЕВОДА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

THE LEXICAL DIVERSITY RATIO OF A LITERARY TEXT AND ITS TRANSLATION

Аннотация

В статье рассматривается проблема сопоставления коэффициента лексического разнообразия оригинала и перевода художественного текста. Актуальность работы обусловлена возрастающим интересом исследователей к возможностям прикладных методов компьютерной лингвистики при исследовании количественной составляющей корпусов текстов и изучении определенных языковых явлений оригиналов и их переводов. Коэффициент лексического разнообразия оригинала художественного текста и его перевода может дать представление об эффективности перевода с точки зрения отражения сложности и богатства языка оригинала. Материалом исследования послужили оригиналы рассказов американского писателя У. Г. Симмса и переводы, выполненные М. Л. Павлычевой. Выяснилось, что на величину коэффициента лексического разнообразия влияет как объем исследуемых корпусов текстов, так и грамматические структуры языка.

Abstract

The article deals with the problem of comparing the lexical diversity ratio of the original and the translation of a literary text. The relevance of the work is due to the growing interest of researchers in the possibilities of applied methods of computational linguistics to the study of the quantitative component of text corpora and the study of certain linguistic phenomena of originals and their translations. The lexical diversity ratio of the original literary text and its translation can give an idea of the effectiveness of translation in terms of reflecting the complexity and richness of the original language. The research material was the short stories by the American writer W. G. Simms and the translations made by M. L. Pavlycheva. It turned out that the lexical diversity ratio is influenced by both the volume of the studied text corpora and the grammatical structures of the language.

Ключевые слова: коэффициент лексического разнообразия, статистические методы исследования, художественный перевод, лемма, словоформа, У.Г. Симмс.

Keywords: lexical diversity ratio, statistical research methods, literary translation, lemma, wordform, W.G. Simms.

Автоматизированная обработка текстовой информации является одной из актуальных задач современной лингвистики, что объясняется необходимостью получения быстрых и качественных результатов обработки большого массива дан-

ных. Без использования компьютерных технологий и статистических методов подобные исследования не были бы возможны. Статистические методы позволяют значительно ускорить работу лингвистов, систематизировать результаты сбора

данных в упорядоченном виде, а также, в отличие от традиционных методов, могут гарантировать точность и объективность полученных результатов. Одним из параметров, вычисляемых на основе статистических данных, является коэффициент лексического разнообразия текста.

Лексическое разнообразие (от англ. *lexical diversity*) можно описать как «диапазон и разнообразие лексики, используемой в устной и письменной речи» [McCarthy, 2007, p. 459]. Показатель лексического разнообразия характеризует качество письменного текста, объем используемого автором словаря, указывает на определенные компетенции автора текста, в том числе, его социально-экономический статус. Исследования лексического разнообразия также позволяют ученым прояснить вопрос авторства анонимных текстов.

Коэффициент лексического разнообразия представляет собой показатель, используемый для количественной оценки разнообразия лексики в данном тексте. Измерение и анализ коэффициента лексического разнообразия широко применяется в различных областях исследований, включая лингвистику, стилистику, психолингвистику, компьютерную обработку естественного языка и автоматическую обработку текстов. Коэффициент лексического разнообразия отражает плотность уникальной лексики в тексте, указывая, сколько различных слов используется пропорционально общей длине текста. Существует зависимость, заключающаяся в следующем положении: «чем больше коэффициент разнообразия, тем выше уровень выразительности и уникальности речи и наоборот» [Борунов, 2017, с. 84]. Речь, коэффициент разнообразия которой имеет значение выше среднего, свидетельствует о высоком интеллекте говорящего.

Коэффициент лексического разнообразия предполагает «диапазон и вариативность словарного запаса, который говорящий реализует в тексте» [McCarthy, 2007, p. 459]. Коэффициент лексического разнообразия используется для сравнения богатства словарного запаса разных текстов, жанров и языков. Например, художественные тексты могут обладать высоким коэффициентом, что указывает на разнообразие выразительных средств и стилистических приемов. В то же время, специализированные технические тексты могут иметь низкий коэффициент из-за использования специфической терминологии. Коэффициент лексического разнообразия часто используется в исследованиях корпусной лингвистики для изучения лексического разнообразия конкретного корпуса, который представляет собой большую коллекцию текстов. Это может быть полезным,

например, для определения сложности текста, категоризации контента или определения авторства в автоматизированной обработке больших объемов текста. Данный параметр также может быть использован для отслеживания изменений в лексическом составе языка с течением времени, а также для сравнения уровня владения словарным запасом изучающих язык. Изучение коэффициента лексического разнообразия может помочь в понимании процесса языкового развития у детей и взрослых. Более высокий коэффициент может свидетельствовать о разнообразии слов, используемых говорящим, и его способности использовать более сложные лексические единицы.

В основе показателя степени лексического разнообразия лежит соотношение числа уникальных лексических единиц (лемм) и количества всех употреблений в тексте (всех словоформ). (Под леммой понимается каноническая форма слова, из чего следует, что количество лемм или, другими словами, количество уникальных слов, показывает все не повторяющиеся слова в тексте. Словоформы – это производные формы от леммы. В тексте количество уникальных лемм всегда меньше, чем производных словоформ). Однако методы расчета и интерпретация результатов незначительно различаются в работах разных авторов. Так, Д. Малверн и др. считают, что коэффициент лексического разнообразия – это мера, отражающая уникальность слов в тексте. Высокий коэффициент свидетельствует о большом разнообразии слов, а низкий коэффициент может указывать на повторение ограниченного набора слов [Malvern, 2004, p. 67]. Маккарти и Джарвис определяют коэффициент лексического разнообразия как отношение числа уникальных слов к общему числу слов в тексте [McCarthy, 2007, p. 462].

В данном исследовании произведен расчет коэффициента лексического разнообразия рассказов американского писателя XIX в. У. Г. Симмса. Полагаем, что расчет коэффициента лексического разнообразия оригинала и перевода художественного текста может стать полезным инструментом «для дальнейшей разработки проблемы корпусного и статистического исследования художественных текстов в целях переводческого анализа и последующей корректировки переводов» [Сафина, 2022, с. 744]. Для обработки корпусов текстов нами была использована бесплатная, мультиплатформенная программа AntConc, представляющая собой инструмент для проведения статистических исследований текстов и разработанная профессором Э. Лоуренсом. На наш взгляд, AntConc обладает рядом преимуществ перед другими аналогичными программами и является одним из самых популярных на

сегодняшний день сервисов. На данный момент AntConc активно используется как в учебной, так и в научно-исследовательской работе. Связано это прежде всего с тем, что данная программа находится в открытом доступе для всех желающих и не требует установки и регистрации. Программа имеет интуитивно понятный и простой в использовании интерфейс, что делает ее доступной для самостоятельного изучения. Кроме того, данное программное обеспечение позволяет работать с любым текстовым файлом любого объема на любом языке, что делает возможным статистический анализ практически любого материала. AntConc может как анализировать несколько файлов целиком, как единый корпус, так и отдельные файлы, параллельно, что позволяет провести сравнительный анализ количественных показателей в разных текстах. В инструментальной системе AntConc входит 7 базовых для проведения статистического исследования функций, среди которых: Concordance, Concordance plot, File View, Clusters (N-Grams), Collocates, Word List и Keyword List. Таким образом, все вышперечисленное делает AntConc одним из лучших серверов для лингвистического исследования.

Как было отмечено выше, для вычисления коэффициента лексического разнообразия необходимо найти два важных составляющих – количество лемм и общее количество всех слов в корпусе. Для лемматизации английских текстов при проведении данного исследования был использован автоматически сгенерированный список английских лемм «AntBNC Lemma List (ver. 004)» Э. Лоуренса. AntConc может работать только с текстовыми файлами, поэтому перед непосредственным использованием программы все рассказы были преобразованы в формат .txt. Помимо этого, перед началом анализа необходимо создать свой список стоп-слов. Стоп-словами называются неинформативные слова, к которым в данном исследовании отнесены буквы алфавита, местоимения, числительные, предлоги, союзы, частицы, некоторые вводные слова и междометия. Стоп-слова исключаются из списка уникальных слов. Аналогично производится расчет лемм и словоформ переводов рассказов У. Г. Симмса. Для русского языка готовый список лемм в открытом доступе отсутствует, а создание собственного словаря лемм – процесс излишне энерго- и времязатратный, поэтому все слова русскоязычного корпуса были заранее приведены к начальной форме при помощи консольной программы Mystem, которая представляет собой морфологический анализатор русского языка с поддержкой снятия морфологической неоднозначности.

В результате первых двух этапов получены данные о количестве всех словоформ и уникаль-

ных лексических единиц корпуса оригинальных текстов и корпуса переводных текстов. Далее вычисляется коэффициент лексического разнообразия двух корпусов по формуле $k = V / N$, где k – коэффициент лексического разнообразия, V – количество лемм, N – количество словоформ. В ходе исследования прослеживается интересная тенденция: чем меньше в корпусе значение N , тем выше k . Данное обстоятельство объясняется тем, что в более длинных текстах леммы повторяются гораздо чаще, чем в маленьких по объему текстах, в связи с чем показатель лексического разнообразия падает.

При сравнении полученных результатов было обнаружено, что степень лексического разнообразия переводов немного выше, чем коэффициент лексического разнообразия оригинала. Полагая, что данное расхождение объясняется, в частности, тем, что с точки зрения типологической классификации русский язык относится к языкам синтетического грамматического строя, хотя в нем также встречаются некоторые элементы аналитизма. Это означает, что грамматические значения слов в русском языке выражаются при помощи морфем, а не при помощи отдельных слов, как в случае с английским языком. Другой причиной расхождения коэффициента лексического разнообразия оригинала и перевода является тот факт, что при переводе текстов с английского языка на русский наблюдается вариативность соответствий отдельных лексических единиц. Так, одно из самых частотных слов оригинала *man* при переводе на русский язык заменяется соответствиями *люди, он, мужчина, тип, незнакомец, кто-нибудь, фермер, постоялец* и другие.

Однако следует отметить, что коэффициент лексического разнообразия может варьироваться в зависимости от конкретного анализируемого текста и методов, используемых для его расчета. Поэтому любое сравнение коэффициента лексического разнообразия между английским и русским языками следует рассматривать в контексте конкретных используемых текстов и методов. Исследование также показало, что использование статистических методов анализа текста может дать ценную информацию о лексическом разнообразии текста и помочь исследователям выявить закономерности и тенденции в использовании языка. В целом, сравнение коэффициента лексического разнообразия оригинального текста и его перевода дает представление об эффективности процесса перевода с точки зрения отражения сложности и богатства языка оригинала. Если коэффициент лексического разнообразия переведенного текста аналогичен коэффициенту оригинального текста,

это может свидетельствовать о том, что перевод эффективно передал нюансы и сложности языка оригинала. С другой стороны, если коэффициент лексического разнообразия переведенного текста значительно ниже, чем у текста оригинала, это может указывать на то, что перевод не адекватен оригиналу. Полагаем, что использование статистических методов анализа текстов, в частности, вычисление коэффициента лексического разнообразия, представляет переводчику новый инструментарий для исследования языковых и стилевых особенностей текста оригинала с целью создания адекватного варианта перевода художественного текста.

Список литературы

1. Борунов, А. Б. Разнообразие речи и методы его измерения в тексте (лингвостатистический подход) / А. Б. Борунов. – Текст : непосредственный // *Litera* – 2017. – № 4. – С. 81–86.

2. Сафина, З. М. Количественный и статистический анализ лексических единиц в художественном переводе / З. М. Сафина, А. Д. Корнилова, А. Л. Смакова. – Текст : непосредственный // *Вестник Башкирского университета*. – 2022. – Т. 27. – № 3. – С. 741–746.

3. Симмс, У. Г. Вигвам и хижина / У. Г. Симмс; пер. М. Л. Павлычевой. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2018. – 389 с. – Текст : непосредственный.

4. Malvern, D. *Lexical Diversity and Language Development : Quantification and Assessment* / D. Malvern, B. Richards, N. Chipere, P. Durán. – New York : Palgrave Macmillan, 2004. – 253 p. – Текст : непосредственный.

5. McCarthy, P. M. A theoretical and empirical evaluation / P. M. McCarthy, S. Jarvis. – Текст : непосредственный // *Language Testing*. – 2007. – 24 (4). – P. 459–488.

6. Simms, G.W. *The Wigwam and the Cabin* / G.W. Simms. – NY : Redfield, 1856. – 384 p. – Текст : непосредственный.

DOI: 10.47475/9785727119631_239

Н.И. СТЕПЫКИН / N.I. STEPUN

*Московский энергетический институт
(Москва, Россия)*

АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА

THE ASSOCIATIVE FIELD AS A REFLECTION OF THE PSYCHOLOGICAL MEANING OF THE WORD

Аннотация

В статье рассматривается ассоциативное поле как способ исследования психологического значения слова. Анализ соотношений стимул – реакция, представленных в русском ассоциативном словаре и эдинбургском ассоциативном тезаурусе, позволил установить психологическое значение слова «Америка» для русских и британцев. В составе полей преобладают реакции-представления, отражающие связи стимула с капиталистической системой (деньги, бизнес, доллары, коммерция), с другими странами, городами, политическими и историческими деятелями. В речевых действиях русских Америка ассоциируется с миром музыки (the Doors, рок-н-ролл), киноиндустрии (Голливуд, Диснейленд) и американскими товарами (Nike (кроссовки), джинсы). В реакциях британцев прослеживается военная составляющая (boat, tank). В результате исследования выявлено неоднозначное отношение к Америке. С одной стороны, в реакциях русских и британцев представлен образ большой богатой процветающей страны (большая, великая, житуха!, кайф, класс, nice, generous, great, hurrah). С другой стороны, стимул «Америка» связан с отрицательными эмоциями и оценками (надоела, не хочу туда, тупая, dislike, drugged, hate, indifferent, sick, tawdry, ugh).

Abstract

The article examines the associative field as a way to study the psychological meaning of a word. Analysis of cue – target pairs represented in Russian Associative Dictionary and Edinburgh Associative Thesaurus allowed to establish the psychological meaning of the word “America” for the Russian and British respondents. The fields are dominated by reactions-representations reflecting the connections of the cue

“America” with the capitalist system (money, business, dollars, commerce), with other countries, cities, political and historical figures. In the speech actions of the Russians America is associated with the world of music (the Doors, rock and roll), the film industry (Hollywood, Disneyland) and American goods (Nike (sneakers), jeans). There is a military component (boat, tank) in the reactions of the British. The study revealed an ambiguous attitude towards America. On the one hand, the reactions of the Russians and the British create the image of a large, rich, prosperous country (bolshaya/big, Velikay/great, zhituha/life, kайf/ buzz, klass/class, nice, generous, great, hurrah). On the other hand, the cue “America” is associated with negative emotions and assessments (nadoela/tired, ne hochu tuda/don't want to go there, tupaja/syupid, dislike, drugged, hate, indifferent, sick, tawdry, ugh).

Ключевые слова: ассоциативное поле, ассоциативный тезаурус, психологическое значение, стимул, реакция, речевое действие.

Keywords: associative field, associative thesaurus, psychological meaning, cue, target, speech action.

Введение

Фундаментальной основой отечественной психолингвистики является теория речевой деятельности. Одной из необходимых предпосылок создания этой теории, по мнению А.А. Леонтьева, стала разработка словаря ассоциативных норм русского языка (САНРЯ), в котором представлены вербальные реакции на 196 слов-стимулов, структурированные по частотности и алфавитному порядку [Леонтьев, 1977]. Сбор и изучение ассоциаций в русле идей теории речевой деятельности были продолжены в работах Ю. Н. Караулова [Караулов, 2002], Н. В. Уфимцевой [Уфимцева, 2016], Е. Ф. Тарасова [Тарасов, 2017], В. А. Пищальниковой [Пищальникова, 2019] и мн. др., при этом ассоциативное поле служило не только материалом исследования, но и являлось одной из основных моделей исследования [Степыкин, 2012]. В целом теория речевой деятельности позволяет рассматривать ассоциативное поле как целостную совокупность речевых действий, во всем их многообразии и взаимодействии раскрывающих полноту значения слова намного шире, чем оно представлено в толковых словарях [Степыкин, 2021]. Психологическая структура значения как достояния пользующегося им человека отражается в ассоциатах и зависит от пола, возраста, жизненного опыта и других особенностей участников эксперимента. Для выявления психологического значения слова необходимо проанализировать ассоциативное поле и установить характер предикации каждого соотношения стимул – реакция как речевого действия.

Материалы и методы исследования

Нами были проанализированы ассоциативные поля *America* и *America*, представленные в *Query of Word Association Norms* (далее ЕАТ) и в русском ассоциативном словаре (далее РАТ). Для установления характера предикации мы использовали модель распределительной активации смысла, предполагающую выделение в качестве вербальных средств предикирования понятийных реакций, ас-

социатов-представлений, операциональных и эмоционально-оценочных реакций [Степыкин, 2021].

Результаты и обсуждение

По данным РАТ, на стимул *America* были даны следующие реакции: *страна 6, далеко 5, далекая 4, Африка 3, Европа 3, богатая 2, великая 2, Калифорния 2, Колумб 2, открыта 2, разлучница 2, русская 2, свобода 2, Северная 2, 10 баллов, 60-е, good-bye, Nike (кроссовки), the Doors, алюминиевый, Америка, Атлантическое побережье, бизнес, большая, Буш, где-то, Голливуд, деньги, джинсы, Диснейленд, для американцев, ехать, ждет, житуха!, западная, золотая жизнь, индейцы, кайф, капитализм, карта, класс, континент, край, красочность, мечта, Москва, надоела, не плохо, не хочу туда, небоскреб, небоскребы= витрины, неизвестность, Нью-Йорк, обворожительна, огонь, океан, oo-oo, открытая, открытая давно, отлично, Паика, педагоги, пляжи, прекрасная, прогресс, противник, процветающая, рок-н-ролл, Россия, свободная, сегодня, страна чудес, суэта, США, тупая, хорошо, хочу, часть, эмиграция; 106 – общее количество реакций, 80 – количество разных реакций, 65 – количество единичных реакций, 2 – число отказов [4].*

Распределим полученные реакции, чтобы отразить характер предикации:

1) понятийные реакции: *страна 6, Атлантическое побережье, континент, край, США, часть*; итого 11 %.

2) реакции-представления: *далеко 5, далекая 4, Африка 3, Европа 3, Калифорния 2, Колумб 2, русская 2, свобода 2, 60-е, Nike (кроссовки), the Doors, алюминиевый, бизнес, Буш, где-то, Голливуд, деньги, джинсы, Диснейленд, ехать, индейцы, капитализм, карта, Москва, небоскреб, небоскребы= витрины, Нью-Йорк, океан, педагоги, пляжи, прогресс, рок-н-ролл, Россия, эмиграция*; итого 46 %.

3) эмоционально-оценочные реакции: *богатая 2, великая 2, 10 баллов, большая, житуха!, золотая жизнь, кайф, класс, красочность, мечта, надоела, не плохо, не хочу туда, неизвестность,*

обворожительна, огонь, oo-oo, открытая, от-лично, прекрасная, противник, процветающая, свободная, страна чудес, суета, тупая, хорошо, хочу; итого 30 %.

4) операциональные ассоциаты: *открыта 2, разлучница 2, Северная 2, good-bye, Америка, для американцев, ждет, западная, открытая давно, Пашка, сегодня*; итого 13 %.

Самый частотный ассоциат *страна* относится к группе понятийных реакций, которая составляет всего 11 % от общего количества ассоциаций. Группа реакций-представлений включает 46 % ассоциатов, отражающих наиболее общие знания испытуемых об Америке (*свобода, бизнес, деньги, небоскребы* и пр.). В ассоциатах этой группы запечатлена экстралингвистическая информация, согласно которой со стимулом *Америка* связаны континенты, части света, страны, штаты и города (*Африка, Европа, Калифорния, Москва, Нью-Йорк, Россия*), мир музыки (*the Doors, рок-н-ролл*) и киноиндустрии (*Голливуд, Диснейленд*), американские товары (*Nike (кроссовки), джинсы*) а также представители из американской истории и политики (*Колумб, Буш, индейцы*).

Эмоционально-оценочные реакции многочисленны (30 %) и несут как положительную коннотацию (*богатая, великая, жистуха!, золотая жизнь, кайф, класс, красочность, мечта, обворожительна, огонь* и др.), так и отрицательную (*надоела, не хочу туда, неизвестность, суета, тупая*).

Операциональные реакции акцентируют доминирование языковых ориентиров при ассоциировании. Многие из полученных реакций обусловлены культурологически: «*Америка для американцев*» – доктрина принципов внешней политики США, провозглашённая в 1823 г. президентом США Д. Монро; «*Пашка-Америка*» – герой советского художественного фильма «Трактир на Пятницкой» 1978 г., «*Гудбай, Америка*» и «*Америка-разлучница*» – популярные песни конца 1980-х – начала 90-х гг.

Представим структуру ассоциативного поля *Америка* графически (Рис.1).

Ассоциативное поле *America* по данным теста Эдинбурга включает следующие реакции: *Canada 9, States 8, Columbus 4, New York 4, U.S.A. 4, continent 3, nice 3, England 2, L.B.J. 2, North 2, Russia 2, Africa, Australia, big, blank, boat, Britain, capital, Cathy, commerce, commercial, communism, country, dad, dislike, dollar, drugged, far, free, generous, golf, great, hate, hurrah, India, indifferent, Johnson, Kafka, large, loud, map, Mexico, negro, new, Nixon, riots, Sam, sick, skyscraper, state, tank, tawdry, Tom, tomorrow, travel, tried, U.S., U.S.S.R., ugh, vast, Vietnam, was, work, yank, 96* – общее количество

реакций, 64 – количество разных реакций, 53 – количество единичных ассоциатов [9].

Рис. 1 – Структура ассоциативного поля лексемы *Америка* по данным PAC

Распределим ассоциаты по группам, отражающим характер предцирования:

1) понятийные реакции: *States 8, U.S.A. 4, continent 3, country, state, U.S.*; итого 19 %.

2) реакции-представления: *Canada 9, Columbus 4, New York 4, England 2, L.B.J. 2, Russia 2, Africa, Australia, boat, Britain, capital, Cathy, commerce, commercial, communism, dad, dollar, free, golf, India, Johnson, Kafka, map, Mexico, negro, new, Nixon, riots, Sam, skyscraper, tank, Tom, U.S.S.R., Vietnam, work, yank*; итого 56 %.

3) эмоционально-оценочные реакции: *nice 3, big, blank, dislike, drugged, far, generous, great, hate, hurrah, indifferent, loud, sick, tawdry, tried, ugh, vast*; итого 20 %.

4) операциональные ассоциаты: *North 2, tomorrow, travel, was*; итого 5 %.

Реакции-представления составляют наибольшую долю в структуре анализируемого поля (56 %). В реакциях британцев стимул *America* связан с континентами (*Africa, Australia*), другими странами (*Canada, England, Russia, Britain, India, Mexico, U.S.S.R., Vietnam*), и городами (*Африка, Европа, Калифорния, Москва, Нью-Йорк, Россия*), представителями американской истории и политики (*Columbus, L.B.J., Johnson, Nixon*). Типичный образ Америки как капиталистической державы отражён в реакциях *capital, commerce, commercial, dollar*; а также представлен ассоциатами, противопоставляющими капитализм и коммунизм как две противоборствующие политические и экономические системы (*U.S.S.R., communism*). *Tom, Cathy u Sam* – популярные американские имена. Кроме того, ассоциат *Sam*, возможно, является отсылкой к образу дяди Сэма, олицетворяющего правительство США и саму эту страну (см. рис. 2).

Понятийные реакции (19 %) содержат синонимы слова Америка (*States, U.S.A., U.S.*) и указывают на то, что Америка – это названия страны (*country*) и континента (*continent*).

Эмоционально-оценочные реакции на английскую лексику *Russia* составляют пятую часть от всего объёма поля. Они несут в себе как положительные эмоции и оценки (*nice, generous, great, hurrah*), так и отрицательные (*dislike, drugged, hate, indifferent, sick, tawdry, ugh*).

Рис. 2 – Дядя Сэм как олицетворение Америки

Операциональные реакции немногочисленны (5 %) и обусловлены доминированием языковых ориентиров при ассоциировании.

На основе полученных данных отобразим графическую структуру АП *America* (рис. 3).

Рис. 3 – Структура ассоциативного поля лексики *America* по данным ЕАТ

Выводы

Анализ ассоциативных полей *America/America* выявил доминирование реакций-представлений в их структуре (46 % в РАС и 56 % в ЕАТ). Эти реакции содержат экстралингвистическую информацию, отражающую психологическое значение слов *America/America* для русских и британцев. В целом ассоциаты-представления совпадают: связь стимульного слова с капиталистической системой (*деньги, бизнес,*

доллары, коммерция), с другими странами, городами, политическими и историческими деятелями. Америка – другой континент на географической карте (*континент, карта*), далекая страна (*страна, далеко, далекая, far*). Для русских респондентов оказались актуальны связи стимула *America* с миром музыки (*the Doors, рок-н-ролл*), киноиндустрии (*Голливуд, Диснейленд*) и американскими товарами (*Nike (кроссовки), джинсы*), для британцев – военная составляющая (*boat, tank*). В проанализированных полях отражён образ Америки как богатой процветающей страны, с чем, по-видимому, связаны положительные эмоции и оценки русских и британцев (*житуха!, золотая жизнь, кайф, класс, красочность, мечта, отлично, хорошо, nice, generous, great, hurrah*). В то же время проявились связи стимула *America* с отрицательными эмоциями и оценками (*надоела, не хочу туда, неизвестность, тупая, dislike, drugged, hate, indifferent, sick, tawdry, ugh*).

Список литературы

1. Караулов, Ю. Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // Русский ассоциативный словарь: в 2 т. / Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов [и др.]. – Москва: Астрель: АСТ, 2002. – 992 с. – Текст : непосредственный.
2. Леонтьев, А. А. Словарь ассоциативных норм русского языка / А. А. Леонтьев. – Москва: Моск. ун-т, 1977. – 192 с. – Текст : непосредственный.
3. Пищальникова, В. А. Интерпретация ассоциативных данных как проблема методологии психолингвистики / В. А. Пищальникова // Russian Journal of Linguistics. – 2019. – Т. 23. – № 3. – С. 749–761. – Текст : непосредственный.
4. РАТ – русский ассоциативный тезаурус. – Текст : электронный. – URL: <http://thesaurus.ru/dict/> (дата обращения 25.12.2023).
5. Степыкин, Н. И. Речевое действие как психолингвистический механизм порождения и актуализации смысла : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Николай Иванович Степыкин. – Москва, 2021. – 457 с. – Текст : непосредственный.
6. Степыкин, Н. И. Сравнительный анализ ассоциативных полей «вежливый»/«вежливая» / Н. И. Степыкин // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. – 2012. – № 2. – С. 17-22. – Текст : непосредственный.
7. Тарасов, Е. Ф. Учебный ассоциативный словарь русского языка / Е. Ф. Тарасов, В. В. Дро-

нов, Е. С. Ощепкова. – Санкт-Петербург : Златоуст, 2017. – 354 с. – Текст : непосредственный.

8. Уфимцева, Н. В. Языковая картина мира: проблема моделирования / Н. В. Уфимцева // Вопросы психолингвистики. – 2016. – № 27. – С. 238 – 249. – Текст : непосредственный.

9. EAT – Edinburgh Associative Thesaurus. – Текст : электронный. – URL: <http://rali.iro.umontreal.ca/word-associations/query> (дата обращения 25.12.2023).

DOI: 10.47475/9785727119631_243

А.А. ТАЛАНИНА / A.A. TALANINA

*Санкт-Петербургский горный университет императрицы Екатерины II
(Санкт-Петербург, Россия)*

СКОРО СКАЗКА СКАЗЫВАЕТСЯ, ДА НЕ СКОРО STORY TELLИТСЯ

A TALE IS SOON TOLD BUT A STORY ISN'T

Аннотация

В статье рассматривается сторителлинг (от англ. storytelling) как популярное явление в современном русскоязычном сообществе. Данное заимствование, ещё не укоренившееся в языке и не имеющее однозначного толкования, сопоставляется с термином сказ. Оба понятия обозначают процесс повествования, однако прослеживается чёткая граница между сферами их функционирования в речи современного носителя языка. Сказ ассоциируется с былинами, легендами и сказками, а сторителлинг с современными жанрами, такими как реклама, посты в интернете или видео для социальных сетей. Целью статьи является прогнозирование дальнейшего существования слова сторителлинг в русском языке, а также объяснение популярности данного феномена в различных сферах использования языка.

Abstract

This article dwells upon storytelling as a popular phenomenon in modern Russian-speaking community. This borrowed word, which has not yet become entrenched in the language and does not have an unambiguous interpretation. Process of storytelling is compared to the skaz (related to the word story). Both concepts denote the process of storytelling, but there is a clear boundary between the spheres of their functioning in the speech of a modern native speaker. Skaz is associated with bylinas, legends and fairy tales, and storytelling is strongly connected to modern genres such as advertising, blog posts or videos in social media. The purpose of the article is to predict the further existence of the word storytelling in the Russian language, as well as to explain the popularity of this phenomenon in various areas of language use.

Ключевые слова: заимствования, миф, нарратив, сказ, сказительство, сторителлинг.

Keywords: borrowed words, myth, narration, story, art of telling a story, storytelling.

Каждый год в русском языке, как в любой живой языковой системе, появляется несколько десятков новых слов – заимствований, некоторые из которых остаются в языке, зачастую по причине отсутствия эквивалента, одним из таких слов на данный момент является понятие *сторителлинг* (от *eng.* storytelling). Данное слово вошло в русский язык в начале двухтысячных и продолжает употребляться в совершенно разных контекстах.

Так, только в научных статьях, по статистике elibrary, термин storytelling 2162 раза указан в названиях статей и 1369 в ключевых словах; словосочетание сторителлинг 354 раз в названии статей и 581 раз в ключевых словах. Несмотря на от-

носительно большое количества научных статей, посвященных сторителлингу, никто из исследователей не даёт однозначного определения данного термина. Кроме того, нет и универсального понимания того, что такое сторителлинг – в статьях он обозначается как метод, методика, форма повествования, технология, приём, практика, форма коммуникации и даже педагогический приём.

В сфере рекламы сторителлинг – маркетинговый приём, целью которого является передача информации и смыслов с помощью рассказывания историй, способных в ходе всего повествования удерживать внимание читателя или зрителя, а также вызвать «симпатию к главному герою

истории, и таким образом донести до него основную мысль» [Кузовенкова, 2019, с. 138].

Метод сторителлинга используется и в психологии, где существует понятие нарративное мышление, как противовес логико-научному. Исследователи считают, что два этих типа рассуждения могут быть использованы для убеждения, но основное их различие – то, в чем они убеждают, «логические аргументы убеждают в истинности, а истории – в их жизненном правдоподобии» [Брунер, 2005, с. 11]. Сторителлинг как психологический метод позволяет «осмысливать поступки, интегрировать события жизни в единое целое» [Кутковая, 2014, с. 4].

Однако сторителлинг как механизм возник в сфере управления персоналом или способ более эффективного взаимодействия с ним. Дэвид Армстронг, автор данного подхода, на совещаниях не ограничивался стандартными инструкциями для подчинённых, заменив их на примеры из жизни и конкретные истории. Позже, в его книге «MBSA: Managing by Storying Around» впервые был использован термин сторителлинг.

Существует мнение, что «вся система знаний человека построена на историях, которые люди рассказывают друг другу с целью обмена опытом для более эффективной ориентации в окружающем мире и организации своей жизни в нём» [Багрецова, 2020, с. 28], этим объясняется популярность сторителлинга в образовании. Тем не менее, общего методического понятия «сторителлинг» не существует, на данный момент сформулировано определение сторителлинга в контексте обучения иностранному языку: «прозаическое или поэтическое **произведение** какого-либо повествовательного жанра, обладающее следующими параметрами: небольшой объём; наличие увлекательного сюжета (экспозиция, завязка, развязка); потенциал эмоционального воздействия на обучающихся и их вовлечения в коммуникацию» [Там же, с. 30].

Тем не менее, возникает вопрос – насколько новым является понятие сторителлинг для русского языка? Можно ли ожидать, что оно укреплится в нём в течение нескольких ближайших лет? Не является ли сторителлинг абсолютным синонимом какого-либо понятия, уже существующего в русском языке, что противоречит законам языковой системы? [Мэй Чан Мьей Зо, 2022, с.1870]. На данный момент данное слово отсутствует в словарях русского языка и практически не встречается в Национальном корпусе русского языка, – имеет 3 вхождения в двух текстах, два из которых в научной статье, посвященной применению теории фольклора в кинематографе. В англоязычной традиции *storytelling* трактуется

как процесс написания, рассказывания и чтения историй, а также как искусство рассказывания историй.

Обращение к языку оригинала, показывает близость сторителлинга к сказительству, то есть мастерству сказа, рассказыванию былин, сказаний и сказок, передачи информации устным путём. Данное понятие используется и в литературоведении, как термин, обозначающий особую традицию русской прозы, для которой характерно «расширение границ освоения различных стилистических и повествовательных пластов» [Осьмухина, 2007, с. 236]. Исследованиями сказа в отечественной лингвистике занимались Б. Эйхенбаум, Ю.Н. Тынянов, а также В.В. Виноградов и М.М. Бахтин. Несобственно-прямое говорение или рассказывание истории некоторые исследователи называют также нарративом. И если сказ ассоциируется с видами устного творчества, жанрами фольклора, то нарратив трактуется как последовательное изложение событий и интерпретация действительности в ходе повествования. Нарратив, в разной форме, существовал ещё до появления устной речи: наскальные рисунки представляют собой прообраз визуального сторителлинга, формы коммуникации с помощью визуальных образов.

В данной статье было решено обратиться именно к сказу, как к явлению долитературному, связанному со стремлением человечества объяснить происходящее вокруг себя ещё до появления научных теорий, сохранить и передать историю ещё до возникновения письменности.

Сказ – это лингвистическая материализация мифологического мышления. Наше сознание позволяет нам создавать многочисленные интерпретации всего, что находится в нашем информационном поле, и данные интерпретации, то есть реальность, обогащённая нашими мыслями и чувствами, соединяются в сказ. В данном случае сказ можно обозначить как **мерцающую реальность**, то есть в тот момент, когда адресат находится внутри повествования, письменного, устного или визуального, для адресата данное повествование представляется, именно в этот момент, абсолютной реальностью, однако в момент, когда повествование заканчивается, эта мерцающая реальность также перестаёт существовать. В качестве примера можно привести любой жанр, для которого характерно повествование – рекламу продуктов, лекцию в университете, художественные произведения, фольклорные жанры, новости и т.д. (см. Таблица). Сказ по отношению к объективной реальности абсолютно нейтрален, он может её создавать, а может и разрушать, – это параллельная или альтернативная лингвистиче-

Таблица

Сопоставление реальностей

СФЕРА	ПРИМЕР МЕРЦАЮЩЕЙ РЕАЛЬНОСТИ	РЕАЛЬНОСТЬ
Реклама	Образ продукта, создаваемый маркетологами	Реальный опыт использования продукта
Образование	Теоретический материал	Практическое применение пройденного
Литературное произведение	Ощущения читателя как участника событий	Столкновение с описанными в книге событиями/ чувствами в книге в реальной жизни / чтение исторической литературы
СМИ / Интернет	Восприятие реальных событий, формируемое СМИ и интернетом.	Столкновение с данными событиями в реальности
Фольклорные жанры	Объяснение реальности с помощью создания мифа	Научное объяснение реальности

ская реальность, которая сама по себе к объективной реальности не имеет прямого отношения. Популярность сказаний, мифов, легенд, а позже художественной литературы, а также подкастов, блогов и всего того, что представляет собой рассказ от первого лица обо всём, что интересует слушателя, связана, прежде всего, с определёнными внутренним инстинктом. Исходя из этого, можно утверждать, что история на протяжении всей человеческой истории являлась «главной формой понимания культурного опыта, организации научных исследований и образовательных технологий, социального взаимодействия» [Салиева, 2012, с. 1].

Таким образом, повествование с целью заинтересовать адресата и передать ему своё видение происходящего или определённый образ можно обозначить через определение сказа у современных исследователей-нарратологов: повествование, основанное на «чужом слове» в отношении с авторским, а поэтому «двуголосое», от лица персонажа-рассказчика, «с установкой на театрализованное воспроизведение устного, разговорного монолога героя-рассказчика, ориентированного на слушателя» [Осьмухина, 2007, с. 236]. Реклама продукта, лекция, рассказ на психотерапии, пост в интернете и др. являются современными сказами, и даже сказками, так как представляют собой пересказ известной рассказчику реальности, с целью создания реальности мерцающей, включающий в себя различные техники пробуждения и поддержания к рассказываемой «истории».

Смежность понятий сказ и сторителлинг объясняет и популярность последнего, который, как и сказ, позволяет увидеть реальность, отражённую в восприятии рассказчика. Нет ни одной сферы нашей жизни, где сторителлинг невозможен, в частности в интернете и других СМИ мы сталкиваемся с целым калейдоскопом таких отражений, количество которых практически бесконечно.

Способность рассказывать и воспринимать рассказ, преображая его в мерцающую реальность, лежит в основе человеческой сущности, примерно также как и языковые способности. Язык, в свою очередь, выступает для человека разумного инструментом сказительства, осмысления реальности через собственное сознание. Кроме того, процесс сторителлинга как маркетинговый приём или техника управления персоналом – это инструмент манипуляции. Не так ли просто манипулировать мнением человека именно потому, что попадать под влияние хорошей истории в нашей, человеческой, природе?

Таким образом, заимствованное слово сторителлинг представляет собой явление, которое можно обозначить как сказ, так как оба данных понятия называют механизм обработки и переработки информации с последующим созданием новой реальности. В основе любого жанра, подразумевающего повествование будет лежать история, как в бытине, так и в стендап выступлении, а процесс рассказывания этой истории может называться как сказ, так и сторителлинг.

Открытым остаётся вопрос, зачем мы называем процесс рассказывания словом сторителлинг? С одной стороны, носители русского языка часто отдают предпочтение заимствованиям, как словам более привлекательным, вызывающим доверие и интерес. Так англицизм *эйчар* часто заменяет слово *кадровик*, *медиатор* используется вместо *посредник*, *экссклюзивный* вместо *исключительный* и др. Данное явление можно назвать эвфемизацией, в частности в деловой сфере. Тем не менее, согласно законам языка, иностранные слова, которые пытаются укорениться в нём, укореняются только в том случае, если они называют понятие более узкое, то есть если сторителлинг в конце концов укрепитя в русском языке и войдёт в словари, то, предположительно, как гипоним слова сказ, функционирующий в определённых сферах.

Таким образом, сторителлинг представляет собой современное воплощение сказительства, популярность которого можно объяснить подсознательным стремлением человека к рассказыванию историй, а также анализу и переработке информации вокруг него. В свою очередь, использование заимствования сторителлинг для обозначения сказительства, сказа или нарратива в современном мире является последствием процесса эвфемизации в деловой сфере, цель которого – создание привлекательного образа какого-либо явления и повышение интереса к нему.

Список литературы

1. Багрецова, Н. В. Сторителлинг в обучении иностранному языку: ключевые аспекты / Н. В. Багрецова. – Текст : непосредственный // Педагогика и психология образования. – 2020. – № 2. – С. 26–38.
2. Брунер, Дж. Жизнь как нарратив / Дж. Брунер. – Текст : непосредственный // Постнеклассическая психология. – 2005. – № 1(2). – С. 9–29.

3. Кузовенкова, А. И. Сторителлинг как новая медиатехнология / А. И. Кузовенкова. – Текст : непосредственный // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2017. – № 4 (26) – С. 138–143.

4. Кутковая, К. С. Нарратив в исследовании идентичности / К. С. Кутковая. – Текст : непосредственный // Национальный психологический журнал. – 2014. – № 4 (16). – С. 23–33.

5. Мэй Чан Мьей Зо. Синонимия в терминологии нефтегазового дела современного русского языка / Мэй Чан Мьей Зо, П. Н. Алпатова. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – № 6. – С. 1867–1871.

6. Осьмухина, О. Ю. Сказ / О. Ю. Осьмухина. – Текст : непосредственный // Знание. Понимание. Умение. – 2007. – № 4. – С. 236–237.

7. Салиева, Л. К. Нарративный анализ. История и современность. Сферы приложения / Л. К. Салиева. – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). – 2012. – № 3. – С. 116–128.

DOI: 10.47475/9785727119631_246

О.И. ТАЮПОВА / O.I. TAYUROVA

*Уфимский университет науки и технологий
(Уфа, Россия)*

ИЗМЕНЕНИЕ ЛИЦА ПОВЕСТВОВАНИЯ В НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОМ ТЕКСТЕ КАК ФАКТОР ЕГО СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКОЙ УНИКАЛЬНОСТИ

CHANGING THE FACE OF NARRATION IN A POPULAR SCIENTIFIC TEXT AS A FACTOR OF ITS SEMANTIC-PRAGMATIC UNIQUENESS

Аннотация

С позиции современной антропоцентрической парадигмы проведено исследование варьирования лица повествования в текстах научно-популярного интернет-дискурса. Установлено, что изменение ракурса повествования связано с прагматическими целеустановками текста, к числу которых относятся не только привлечение внимания и информирование по тем или иным актуальным научным вопросам широкого круга адресатов различных возрастов, имеющегося у них уровня образования, но и убеждения, воздействия, а также просвещения читательской аудитории. Определено, что семантико-прагматическая уникальность научно-популярного текста как вторичного по сравнению с собственно-научным текстом проявляется, в том числе, в изменении ракурса нарратива и константном варьировании лица, от имени которого ведется повествование. Доминирующим в немецком научно-популярном интернет-дискурсе является повествование от имени самого журналиста как автора публикации, использование косвенной речи, а также прямого цитирования.

Abstract

From the position of the modern anthropocentric paradigm, a study was conducted on the variation of the person of narration in the popular scientific Internet discourse texts. It has been established that a change in the narrative perspective is associated with the pragmatic goals of the text, which include not only attracting attention and informing a wide range of various ages recipients and their level of education on certain topical scientific issues, but also persuasion, influence, and education readership. It has been determined

that the semantic-pragmatic uniqueness of a popular science text as secondary in comparison with a proper scientific text is manifested, among other things, in a change in the perspective of the narrative and a constant variation in the person on whose behalf the story is told. The dominant feature in German popular science Internet discourse is narration on behalf of the journalist himself as the author of the publication, the use of indirect speech, as well as direct quotation.

Ключевые слова: *лицо повествования, научно-популярный медиатекст, семантико-прагматическая специфика.*

Keywords: *person of narration, popular science media text, semantic-pragmatic specificity.*

Современные электронные массмедиа благодаря широкому внедрению цифровых технологий в разные сферы жизни человека, обеспечивают, в том числе, широкий доступ к научно-популярному образовательному медиаконтенту, который имеет яркую просветительскую направленность. Создание научно-популярных текстов благодаря применению цифровых инструментов способствует появлению весьма интересного контента, отличающегося оперативностью размещения информации. В качестве эмпирического материала в настоящей работе используются научно-популярные статьи, размещенные в электронном издании немецкого информационного агентства Deutsche Presse-Agentur (dpa), оперативно реагирующего на происходящие в социуме события во всех жизненных сферах.

Исследуя феномен научно-популярных текстов, образующих в своей совокупности научно-популярный дискурс, или наивный научный дискурс, подчеркнем, что в его рамках осуществляется распространение различных научных знаний в современной и доступной форме для широкого круга людей, имеющих определенный уровень подготовленности для получения информации, который достигнут ими в процессе социализации в обществе. И если собственно научное мышление стремится к абсолютной точности, однозначности, инвариантности [Назаренко, 2000, с. 5], то научно-популярным текстам присуще тяготение к многозначности, многоярусности смыслов, вариативности, уникальности [Таяюпова, Мухамадьярова, 2023, с. 67; Jaki, Sabban, 2016], способствуя созданию научно-популярной картины мира [Муранова, 2009].

Обратимся к конкретным примерам. Так, в приведенном ниже фрагменте научно-популярного медиатекста под заголовком *Gesundheitsminister für mehr Pharma-Produktion in Deutschland* (Министр здравоохранения за увеличение объема фармацевтического производства в Германии) (здесь и далее перевод наш – О.Т.), оперативно опубликованного в рубрике *Medizin* с указанием точной даты и времени размещения статьи, а именно: 1.12.2023, 15:46, задействованы несколько видов речи [*Gesundheitsminister für mehr*

Pharma-Produktion in Deutschland, 1.12.2023]. В первом высказывании используется речь журналиста как автора статьи и повествователя, который информирует потенциальных читателей о намерении федерального министра здравоохранения Карла Лаутербаха усилить борьбу с онкологией, инфекциями и другими тяжелыми болезнями и перенести ощутимо больше исследований в Германию, ср.: (1) *Bundesgesundheitsminister Karl Lauterbach will deutlich mehr Forschung für den verstärkten Kampf gegen Krebs, Infektionen und andere schwere Krankheiten nach Deutschland holen.*

Во втором высказывании для актуализации коммуникативно-прагматических функций научно-популярной статьи задействована косвенная речь с применением конъюнктива в аналитической конструкции *solle ... auf den Weg kommen* наряду с употреблением одного из так называемых глаголов, вводящих речь (*redeeführende Verben*), а именно эмоционально нейтрального глагола *sagte*, используемого в простом прошедшем времени: (2) *Ein neues Medizinforschungsgesetz solle dazu noch vor Weihnachten auf den Weg kommen, sagte Lauterbach am Freitag in Berlin.* (Новый закон о медицинских исследованиях должен быть принят до Рождества, заявил Лаутербах в пятницу в Берлине.)

Третье и четвертое высказывания также содержат косвенную речь, которая, в противоположность прямому цитированию, передает лишь содержание речи министра здравоохранения Германии, но тем не менее отражает ее некоторые стилистические особенности и индивидуальные отличия, ср.: (3) *Deutschland sei bei Pharma-Innovationen in den vergangenen Jahren stark zurückgefallen.* (В последние годы Германия значительно отстала в области фармацевтических инноваций). (4) *So gebe es in Großbritannien zehn Mal so viele Patente wie in Deutschland und 20 Mal so viele Ansiedlungen einer tatsächlichen Produktion.* (В Великобритании в десять раз больше патентов, чем в Германии, и в 20 раз больше реальных производственных площадок).

Интерес представляет пятое высказывание, которое хотя и содержит косвенную речь, вместе

с тем имеет небольшой фрагмент прямой речи „Reindustrialisierung in Deutschland“ («деиндустриализация в Германии»), что представляет собой повторную индустриализацию как восстановление промышленного потенциала. Названный процесс связан с экономической независимостью страны и ее самостоятельным развитием в плане фармацевтической промышленности.

В шестом высказывании присутствует прямое цитирование: „Hier sind wir zurückgefallen.“ («Здесь мы отстали»), для которого характерно употребление глагола zurückfallen. Отметим, что использование буквального лексического повтора, представленного в косвенной речи третьего высказывания sei ... zurückgefallen и в шестом в прямой речи sind ... zurückgefallen не только служит достижению связности текста, но и, привлекая внимание адресатов к его ведущей идее, является средством передачи беспокойства министра как следствия сложившегося положения в медицинских исследованиях. Названный прием обнаруживает тесную связь с обиходно-разговорным стилем речи, понятном простым обывателям.

И если седьмое высказывание содержит косвенную речь (solle ... geholt werden) для передачи чужих слов, в данном случае Карла Лаутербаха, то в восьмом высказывании используется в кавычках прямая речь, иначе, цитируется речь министра здравоохранения („Wo geforscht wird, findet auch die Produktion statt“) («Где проводятся исследования, там и находится производство»), которая находится в препозиции, располагаясь перед речью журналиста как автора статьи: sagte Lauterbach. При этом графические средства позволяют четко разграничить, с одной стороны, слова журналиста как повествователя, а с другой – цитату министра.

В процессе анализа прямой речи министра здравоохранения Германии отметим, что в его высказываниях содержатся явные эмоции и чувствуется глубокая озабоченность существующим положением в сфере производства фармацевтической продукции страны, что способствует не только информированию читателей, но и убеждению в необходимости изменения существующего положения вещей и переноса фармпроизводства на территорию самой Германии.

Обратимся к следующему примеру.

Так, в рубрике Wetter (Погода) опубликована статья от 4.01.2024, 10:53 под названием Klimaforscher: Hochwasser wird mit dem Klimawandel immer häufiger [Klimaforscher: Hochwasser wird mit dem Klimawandel immer häufiger, 4. 01. 2024]. (Ученый-климатолог: Наводнения становятся все более частым явлением в связи с изменением климата). Информировав

заголовке как сильной позиции читателей о проблематике статьи, журналист использует прямую речь, которая вводится при помощи сегментации, не только добавляя научный авторитет и достоверность заголовку, но и позволяя читателям напрямую связаться со словами эксперта в области изучения климата земли.

Журналист снабжает текст научно-популярной медиастатьи также пространным подзаголовком: Die Niederschlagsmenge bleibt in Deutschland in etwa gleich. Mit dem Klimawandel ändert sich aber die Verteilung der Wassermenge. So kann es häufiger zu Hochwasser kommen. (Количество осадков в Германии остается примерно таким же. Однако с изменением климата распределение количества воды меняется. Это означает, что наводнения могут происходить чаще).

Из приведенного выше примера видно, что традиционно принятая для заголовков краткость здесь явно нарушена, но именно ее отсутствие привлекает внимание и заинтересовывает потенциальных читателей [Таюпова, 2023]. Развернутый, состоящий из трех высказываний журналиста как автора научно-популярной статьи заголовков, несомненно, явно способен заинтересовать читателей и побудить обратиться к самому тексту публикации.

В анализируемой нами статье, в основе которой лежит популяризация научных знаний, представлена попытка с научной точки зрения осмыслить наблюдаемые в Германии природные явления. Создавая научно-популярный медиотекст с установкой на определенного адресата, журналист в первом высказывании ведет повествование от своего имени, ссылаясь на данные исследователей в области климата, ср.: (1) Hochwasser und Dürren werden nach Forscherangaben weiter zunehmen. (По мнению исследователей, наводнения и засухи будут продолжать усиливаться).

Во втором высказывании представлена прямая речь ученого-климатолога из авторитетного Потсдамского института по исследованию последствий климата Фреда Гаттермана, представителя рабочей группы гидроклиматические риски, которая выделена графически. Цитата, являющаяся по сути сложноподчиненным придаточным предложением, располагается перед словами журналиста, автора статьи и с позиции синтаксической стилистики является стилистически маркированной, поскольку содержит парентезу (auch eigene), ср.:

(2) „Viele Studien, auch eigene, zeigen, dass mit steigenden globalen Temperaturen auch die Anzahl und Intensität von Extremen wie Hochwasser in Deutschland ansteigen“, sagt Fred Hattermann vom Potsdam-Institut für Klimafolgenforschung (PIK),

Arbeitsgruppe Hydroklimatische Risiken. («Многие исследования, в том числе наши собственные, показывают, что по мере повышения глобальной температуры количество и интенсивность экстремальных явлений, таких как наводнения в Германии, также увеличиваются», – говорит Фред Хаттерманн из Потсдамского института исследований воздействия на климат (ПИК), рабочая группа по гидроклиматическим рискам.)

Третье высказывание (3) Eine Ursache für das aktuelle Hochwasser seien wahrscheinlich die für die Jahreszeit hohen Oberflächentemperaturen des westlichen Atlantiks, die zu hoher Verdunstung und damit auch viel Wasserdampf in der Atmosphäre führen, erläutert Hattermann. (Одной из причин нынешнего наводнения, вероятно, являются сезонно высокие температуры поверхности западной Атлантики, которые приводят к сильному испарению и, следовательно, к большому количеству водяного пара в атмосфере, объясняет Хаттерманн.) содержит косвенную речь, но вместе с тем и ремарку, свидетельствующую о том, кому принадлежит высказывание (erläutert Hattermann). Отметим, что в косвенной речи используется распространенное определение die für die Jahreszeit hohen Oberflächentemperaturen, что сближает ее с научным стилем речи, а также придаточное определительное предложение die zu hoher Verdunstung und damit auch viel Wasserdampf in der Atmosphäre führen.

Весьма распространенным является четвертое высказывание, в котором также используется косвенная речь для передачи мнения ученого:

(4) Durch die in unseren Breiten vorherrschenden Westwinde seien diese feuchten Luftmassen nach Europa transportiert worden, wo es in Folge einer schnell über Mitteleuropa ziehenden Kette von Tiefdruckgebieten im Herbst und Winter zu sehr ergiebigen Niederschlägen gekommen sei und dann auch zu Hochwasser. (Преобладающие в наших широтах западные ветры перенесли эти влажные воздушные массы в Европу, где в результате цепочки областей низкого давления, быстро перемещавшихся по Центральной Европе, осенью и зимой выпадали сильные дожди, а затем наводнения).

В данном высказывании используются распространенные определения как в главном предложении (die in unseren Breiten vorherrschenden Westwinde) (доминирующие в наших широтах западные ветра), так и в придаточном предложении места: ... wo es in Folge einer schnell über Mitteleuropa ziehenden Kette von Tiefdruckgebieten im Herbst und Winter zu sehr ergiebigen Niederschlägen gekommen sei. Кроме того, наблюдается нарушение глагольной рамочной конструкции с целью не только избежать смысловой

перегрузки предложения, но и принимая во внимание прагматическую установку научно-популярного текста, приблизить его к простой и понятной обиходно-разговорной речи. Зарамочные компоненты (... und dann auch zu Hochwasser) как разрыхление рамки напрямую связаны с синтаксисом разговорного языка, для которого характерна эмфатическая выделенность зарамочных компонентов [Фадеева, 2015, с. 142-146].

Пятое высказывание представляет собой прямую речь ученого-гидролога Фреда Гаттермана, „Die Böden wurden mit Wasser gesättigt und nehmen dann kaum noch Wasser auf.“ («Почвы насыщались водой и затем почти не впитывали воду»).

При этом в шестом высказывании (6) Das langjährige Mittel der Niederschläge in Deutschland habe sich kaum geändert. (Многолетнее среднее количество осадков в Германии почти не изменилось.) представлена косвенная речь. Отметим, что подобное варьирование вполне оправдано, поскольку частое использование цитат оказывает негативное влияние на стиль изложения, обезличивая индивидуальную манеру автора научно-популярной статьи и лишая его самостоятельности.

Седьмое высказывание содержит как прямую речь, так и речь журналиста, который умело использует имеющиеся прагматические возможности прямых цитат: (7) „Für Deutschland gibt es da keine starken Trends, aber die Variabilität der Niederschläge steigt“, sagt Hattermann. («В Германии нет сильных тенденций, но изменчивость осадков увеличивается», – говорит Хаттерманн.)

Таким образом, семантико-прагматическая уникальность научно-популярного текста как вторичного, по сравнению с собственно-научным текстом, проявляется, в том числе, в изменении ракурса нарратива и стабильном варьировании лица повествования, которое может вестись, во-первых, от имени самого журналиста как автора публикации. Во-вторых, при освещении научной проблематики в немецком интернет-дискурсе активно применяют косвенную речь и, в-третьих, задействуют прямое цитирование.

На основании проведенного выше анализа эмпирического материала, заметим, что прямая речь, как слова какого-либо лица, переданные журналистом без изменения от его имени, добавляет научно-популярному медиатексту подлинность и известную непосредственность, которые могут быть, в известной степени, утрачены в косвенной речи. Несомненно, применение прямого цитирования повышает степень достоверности текста и придает доверие к научно-популярной публикации, предоставляя конкретные доказательства и мнения экспертов от первого лица из надежных источников. Варьируя виды речи,

журналисты стремятся добиться эмоциональной вовлеченности читателя, некой эмпатии. Чередование при использовании в ткани научно-популярного медиатекста лица повествования способствует тому, чтобы сложный научный материал был более понятен и полезен наиболее широкому кругу людей, которым благодаря медиатизации обеспечивается широкий доступ к информации в названной сфере.

Список литературы

1. Муранова, О. С. Языковая картина мира в тексте научно-популярной статьи: специальность 10.02.04 – «Германские языки»: дис. ... канд. филол. наук / Ольга Сергеевна Муранова. – Санкт-Петербург: Рос. гос. пед. ун-тет им. А.И. Герцена, 2009. – 236 с. – Текст : непосредственный.
2. Назаренко, А. Л. Научно-популярная литература как объект функциональной стилистики и лингводидактики: на материале английского языка: специальность 10.02.04 – «Германские языки»: дис. ... д-ра филол. наук / Алла Леонидовна Назаренко. – Москва: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2000. 307 с. – Текст : непосредственный.
3. Таюпова, О. И. Популяризация медицинских знаний в немецком журнальном дискурсе в ракурсе языкового кода / О. И. Таюпова, И. М. Таюпова // Научный диалог. – 2023. – Т. 12. – № 7. – С. 121-140. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-121-140. – Текст : непосредственный.
4. Таюпова, О. И. Мир науки в электронных медиа / О. И. Таюпова, А. Ф. Мухамадья-

рова // Доклады Башкирского университета. – 2023. – Т. 8. – № 4. – С. 66-72. DOI: 10.33184/dokbsu-2023.4.7. – Текст : непосредственный.

5. Падучева, Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива / Е. В. Падучева. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Москва: Языки славянской культуры, 2010. – 480 с. – Текст : непосредственный.

6. Фадеева, Л. В. Рамочная конструкция и ее нарушения в современном немецком языке / Л.В. Фадеева // Теория и история германских и романских языков в современной высшей школе России (Калуга 28-29 октября 2015). – Калуга: Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, 2015. – С. 142-146. – Текст : непосредственный.

7. Gesundheitsminister für mehr Pharma-Produktion in Deutschland // Deutsche Presse-Agentur. [Electronic resource] access mode: 1.12.2023, 15:46. – URL : <https://www.dpa.com/> access date 17.12.2023). – Текст : электронный.

8. Klimaforscher: Hochwasser wird mit dem Klimawandel immer häufiger // Deutsche Presse-Agentur. [Electronic resource] access mode: 4.01.2024, 10:53. – URL : <https://www.dpa.com/> access date 10.01.2024). – Текст : электронный.

9. Jaki, S., Sabban, A. Wissensformate in den Medien. Analysen aus Medienlinguistik und Medienwissenschaft / S. Jaki, A. Sabban. – Berlin: Frank & Timme, 2016. – 344 S. – Текст : электронный.

DOI: 10.47475/9785727119631_250

А.Н. ТКАЧЕВА / A.N. TKACHEVA

*Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения
(Санкт-Петербург, Россия)*

СРЕДСТВА ВОЗДЕЙСТВИЯ ВО ФРАНЦУЗСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕКЛАМНЫХ СЛОГАНАХ

MEANS OF INFLUENCING IN FRENCH POLITICAL ADVERTISING SLOGANS

Аннотация

Статья посвящена самым популярным лингвистическим средствам воздействия, используемым в рекламных слоганах кандидатов в президенты Франции в период предвыборных кампаний. Политические слоганы создаются, чтобы повлиять на электоральное поведение и выбор избирателей. Англо-американизмы, восклицательные и вопросительные предложения, лексические повторы и антитезы вызывают эмоциональный отклик у аудитории. Восклицательные и вопросительные предложения передают сильные эмоции кандидатов, устанавливают психологический контакт с реципиен-

тами. Англо-американизмы заинтересовывают возможностью расшифровки заложенного смысла. Лексические повторы и противопоставления привлекают яркими образами. Лексический повтор акцентирует внимание на ключевых словах 'la France' (Франция) и 'les Français' (французы), которые значимы для французского народа. Слоганы не передают идеологических и политических ценностей претендентов на должность президента.

Abstract

The article is devoted to the most popular linguistic means of influence used in the advertising slogans for the French presidency. Political slogans are created to influence the electoral behavior and the choice of voters. Anglo-Americanisms, exclamation and interrogative sentences, lexical repetitions and antitheses cause emotional response of the audience. Exclamation and interrogative sentences convey the strong emotions of the candidates, establish psychological contact with the recipients. Anglo-Americanisms are intrigued by the possibility of decoding the embedded meanings. Lexical repetitions and oppositions attract with vivid images. Lexical repetition focuses on the key words 'la France' (France) and 'les Français' (French) which are significant for the French people. The slogans do not convey the ideological and political values of the candidates for the position of the President.

Ключевые слова: политический слоган, воздействие на реципиента, предвыборная кампания, президент Франции, кандидат, психологический контакт.

Keywords: political slogan, impact on the recipient, electoral campaign, president of France, candidate, psychological contact.

Предвыборная кампания на пост президента страны многокомпонентна. Она включает в себя публичные выступления, дебаты и встречи кандидатов со сторонниками и оппонентами, трансляцию рекламных роликов по телевидению, работу агитаторов, раздачу листовок и т.д. Перед штабами претендентов стоит задача привлечения внимания и поддержания интереса избирателей [Морозов, 2007, с. 114].

Большую роль в формировании и продвижении позитивного имиджа претендентов играют политические рекламные слоганы. Эффективный слоган должен заинтересовывать, суммировать предвыборное послание, помочь идентифицировать кандидата и, самое главное, запомниться [Крючкина, 2019, с. 58-59]. Также слоган должен нести конкретную идеологическую установку, легко восприниматься и оказывать воздействие на избирателей [Миньяр-Белоручева, 2015, с. 32]. Как и любая реклама, политический слоган практически всегда жёстко запрограммирован на достижение конкретного результата – изменений в сознании реципиента [Панкратова, 2023, с. 556].

Современным людям присуще клиповое или фрагментированное восприятие окружающего мира. Восприятие мира как множество «отрывков», «кусочков», «клипов» называют клиповым мышлением. Клиповое мышление носит иррациональный, эмоционально-чувственный характер [Селемнева, 2020, с. 75]. По этой причине современную политическую рекламу адаптируют к культуре фрагментированного потребления информации и адресуют людям с эмоционально-образным мышлением, т.е. не для рационального, а для эмоционального восприятия.

После принятия новой, пятой по счету, Конституции в 1958 году французский народ выбирал руководителя своего государства одиннадцать раз [Ткачева, 2023, с. 46]. За каждым из кандидатов стояли взгляды и интересы определённой части общества. Участники выборов выходили в публичное поле с рекламными слоганами, размещаемыми на плакатах, афишах, видеороликах.

Во французских рекламных политических текстах основными лингвистическими средствами воздействия, направленными на интенсификацию восприятия реципиентов, были англо-американизмы, восклицательные и вопросительные предложения, лексические повторы и смысловые противопоставления.

1. Англо-американизмы.

Английский язык является в настоящее время основным источником заимствований для многих языков, что связано с его использованием как средства международного общения. Заимствования из английского языка также называют англо-американизмами, т.е. включающими англицизмы (слова из английского языка) и американизмы (слова, специфичные для ареала американского варианта английского языка). В основном, это общеизвестные и общеупотребительные слова.

Жак Шеминад был кандидатом на пост президента французской республики в 1995 и 2012 гг. Жак Шеминад ставил своей целью проведение серьёзной банковской реформы и полной реорганизации существующей международной финансовой системы. В период избирательных кампаний политик использовал лозунг с англо-американизмами, чтобы заинтересовать избирателей. Жак Шеминад вышел в публичное поле

с предвыборным слоганом “Un monde sans la City ni Wall Street” (Jacques Cheminade, 2012) («Мир без Сити и Уолл-стрит»). В слогане слова ‘un monde’ (существительное мир) и ‘sans’ (наречие без) – французские, а слова “Wall Street” («Уолл-стрит») и “City” («Сити») – английские.

“Wall Street” («Уолл-стрит») – это улица Нью-Йорка протяженностью в 1 километр. Она является финансовым центром США и всего финансового мира, где находятся две основные мировые фондовые биржи. Крупные финансовые фирмы и крупные финансовые игроки располагаются на Уолл-стрит.

“City” («Сити») – это крупный деловой район Лондона. Он представляет собой одну из столиц мирового бизнеса. Здесь работает около трехсот тысяч человек, а проживает – около восьми тысяч человек.

Французский политик Жак Шеминад критиковал алчность и пороки финансовых центров Лондона и Нью-Йорка. Он утверждал, что финансовый мир полностью захватил экономики многих стран, что пенсии людей, образование, здравоохранение, жильё зависят от английских и американских финансовых игроков, а французское общество находится на грани финансового краха.

Перевод английских слов в рекламных текстах требовал дополнительных усилий со стороны французских избирателей, втягивая их в процесс расшифровки заложенного смысла. Англо-американизмы, как нестандартная лексика, использовались, чтобы вызвать любопытство потенциальных избирателей, утомленных однообразным стилем передачи информации.

2. Восклицательные и вопросительные предложения.

Вопросительные и восклицательные предложения, широко распространённые в слоганах французских политиков, выигрышно отличаются от стилистически нейтральных предложений, усиливают выразительность сообщения. Восклицания и вопросы усиливают воздействие на эмоциональную сферу реципиентов:

- “Une gauche courageuse, ça change la vie!” (Marie-George Buffet, 2007) («Храбрая левая, она изменит твою жизнь!»);

- “Aux capitalistes de payer leurs crises!” (Philippe Poutou, 2012) («Капиталистам нужно расплачиваться за свои кризисы!»);

- “Pour une France libre!” (Nicolas Dupont-Aignan, 2012) («За свободную Францию!»).

Вопросы в посланиях политиков, являясь по своей сути риторическими, не требуют ответа, но вовлекают электорат в диалог:

- “Arlette Laguiller: qui d’autre peut se dire sincèrement dans le camp des travailleurs?” (Arlette

Laguiller, 2007) («Арлетт Лагийе: кто еще может искренне заявить о себе в стане рабочих?»).

Восклицательные и вопросительные предложения передают сильные эмоции кандидатов, устанавливают психологический контакт с избирателями. Основное назначение экспрессивно-эмоциональных слоганов – задеть за живое, увлечь, заинтриговать. Идеологическая и политическая позиция в такого рода слоганах явно не выражается, информативно-содержательная функция в посланиях утрачивается, а на первый план выходит функция воздействия.

3. Лексические повторы.

Повторение одного и того же слова или одного корня в нескольких словах делает слоган более заметным, тем самым повышая градус эмоционального восприятия:

- “Avec la France, pour les Français” (Georges Pompidou, 1969) («С Францией, для французов»);

- “La France en grand, la France ensemble” (Jacques Chirac, 2002) («Франция крепнет, Франция едина»);

- “Pour que la France reste la France” (Eric Zemmour, 2022) («Чтобы Франция оставалась Францией»).

Слоганы обладают мощным «патриотическим зарядом», поскольку в них повторяются существительное ‘la France’ (Франция) или используются слова ‘la France’ (Франция) и ‘les Français’ (французы) с одним корнем. Лексический повтор акцентирует внимание реципиентов на ключевых словах, которые важны и значимы для французского народа.

4. Смысловые противопоставления.

В политической рекламе используются тексты с «контрастными словами». Призывы строятся на смысловом противопоставлении лексических единиц (числительных, существительных, местоимений и др.):

- “Un président pour tous les Français” (Alain Poher, 1969) («Один президент для всех французов»);

- “La voix du peuple, l’esprit de la France” (Marine Le Pen, 2012) («Голос народа, дух Франции»);

- “Je vote, ils dégent” (Jean-Luc Mélenchon, 2017) («Я голосую, они уходят»).

Кристин Бутен в период выборов 2002 года в своём рекламном слогане противопоставляла семью и бедность, хотя эти понятия не являются по своей сути антонимичными: “Osons la famille, refusons la pauvreté” (Christine Boutin, 2002) («Отважimsя на семью, откажемся от бедности»). Политик подчеркивала важность семьи, выступала за сохранение семейных ценностей, ратовала за социальное равенство и социальную справедливость.

Также в президентских кампаниях разных лет Оливье Безансно и Филипп Путу году использовали один лозунг “Nos vies, pas leurs profits!” (Olivier Besancenot, 2002, 2007; Philippe Poutou, 2017) («За наши жизни, а не за их прибыль»). Политики призывали к перераспределению доходов и повышению заработной платы, риторически противопоставляя жизнь избирателей и прибыль богатых людей.

Итак, современные французские политические рекламные слоганы не выражают идеологических взглядов и политических заявлений кандидатов на должность президента страны. Послания апеллируют к чувствам и эмоциям избирателей. Англо-американизмы, вопросительные и восклицательные предложения, лексические повторы слов ‘la France’ (Франция) и ‘les Français’ (французы), антитезы в предвыборных лозунгах направлены на возбуждение эмоциональной сферы потенциальных избирателей, чтобы повлиять на электоральное поведение и выбор избирателей.

Список литературы

1. Крючкина, Ю. К. Особенности слоганов французской и русской президентских кампаний в 2017 и 2018 годах / Ю. К. Крючкина // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2019. – № 8 (824). – С. 58–65. – Текст : непосредственный.

2. Миньяр-Белоручева, А. П. Язык предвыборной политической рекламы США: динамика

развития / А. П. Миньяр-Белоручева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2015. – Т. 12. – № 4. – С. 26–33. – Текст : непосредственный.

3. Морозов, С. П. Приёмы вовлечения электората в предвыборную кампанию / С. П. Морозов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2007. – Т. 11. – № 32. – С. 144–147. – Текст : непосредственный.

4. Панкратова, С. А. Особенности образного компонента в современном медиадискурсе (на примере англоязычной комедии “The Joneses ” (Семейка Джонсонов) / С. А. Панкратова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2023. – Т. 16. – № 2. – С. 555–559. – Текст : непосредственный.

5. Селеменова, О. А. Экспансия именительного падежа как средство клипового мышления в креолизованных рекламных текстах / О. А. Селеменова // Филоlogos. – 2020. – № 1 (44). – С. 74–79. – Текст : непосредственный.

6. Ткачева, А. Н. Лингвокультурологические особенности рекламных слоганов кандидатов в президенты Франции / А. Н. Ткачева // Лексикографическая копилка : сб. науч. ст. / под науч. ред. В. В. Гончаровой. – Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербург. гос. эконом. ун-та, 2023. – С. 46–53. – Текст : непосредственный.

DOI: 10.47475/9785727119631_253

Т.Н. ФЕДУЛЕНКОВА / T.N. FEDULENKOVA

*Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых
(Владимир, Россия)*

*Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова
(Архангельск, Россия)*

Н.В. ШИШКОВА / N.V. SHISHKOVA

*Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых
(Владимир, Россия)*

«ДОБРЫЙ САМАРИТАНИН» В НОВОМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

“THE GOOD SAMARITAN” IN A NEW LINGUISTIC SPACE

Аннотация

Объект исследования – одна из наиболее распространенных фразеологических единиц библейского происхождения в различных видах современного английского дискурса – это библеизм *Good Samaritan*. Предметом данного исследования является частотность избранной для анализа фразеологической единицы и ее функциональная ориентированность. В целях определения лингвистического статуса устойчивого и воспроизводимого сочетания слов с полностью или частично переосмысленным значе-

нием был использован метод фразеологической идентификации, предложенный основателем английской фразеологии А.В. Куниным. В ходе исследования использовались следующие методы и методики: а) непарадигмальные методы и методики лингвистики (описательный метод и его методики, контекстологический анализ); б) методы и методики лингвистики текста; в) методы изучения общей и библейской фразеологии. В результате квантитативно-синтаксического анализа контекстов, размещенных в национальных корпусах, были выявлены четыре наиболее распространенные функции рассматриваемого библейского фразеологизма *good Samaritan*, процентное соотношение которых представляется в следующих цифрах: а) функция подлежащего – 21%, б) функция дополнения – 18%, в) функция определения – 44%, и г) функция именной части составного именного сказуемого – 10%. Результаты данной работы предполагается использовать в построении типологических параллелей функционирования библейских фразеологизмов.

Abstract

The object of the study is one of the most common phraseological units of biblical origin in various types of modern English discourse – the Good Samaritan Bibleism. The subject of this study is the frequency of the phraseological unit chosen for analysis and its functional orientation. In order to determine the linguistic status of a stable and reproducible combination of words with a completely or partially reinterpreted meaning, the method of phraseological identification proposed by the founder of English phraseology A.V. Kunin was used. The following methods and techniques were used in the course of the study: a) non-paradigmatic methods and techniques of linguistics (descriptive method and its methods, contextual analysis); b) methods and techniques of text linguistics; c) methods of studying general and biblical phraseology. As a result of a quantitative syntactic analysis of contexts placed in national corpora, four most common functions of the considered biblical phraseology *good Samaritan* were identified, the percentage of which is represented in the following figures: a) the function of the subject – 21%, b) the complement function – 18%, c) the definition function – 44%, and d) the function of the nominal part of the compound nominal predicate is 10%. The results of this work are supposed to be used in the construction of typological parallels of the functioning of biblical phraseological units.

Ключевые слова: библейская фразеология, добрый самаритянин, фразеологическая единица, функция.

Keywords: biblical phraseology, good Samaritan, phraseological unit, function.

Введение

В речи ведущих различных телешоу, комментаторов спортивных состязаний, в сообщениях журналистов и даже в выступлениях политологов высокого уровня все чаще наблюдается обращение к библейской фразеологии, к таким, например, выражениям, как *хлеб насущный/ средства к существованию; рубить под корень/ приступить к уничтожению, разрушению чего-л.; слепой ведет слепого; оливковая ветвь/ попытка к примирению; каждому воздать должное* и др., так же как и к их англоязычным эквивалентам: *daily bread; lay the axe to the root of smth; blind leaders of the blind; the olive branch; render into Caesar the things that are Caesar's*, etc.

Одним из наиболее частотных библейских фразеологизмов является устойчивое и воспроизводимое словосочетание (*a/ the*) *good Samaritan*, анализ поведения которого в контекстах современного медиа дискурса и определение его функций в изучаемых контекстах входит в задачу нашего исследования.

Напомним, что устойчивое сочетание слов фразеологического характера *a good Samaritan* произошло от библейского выражения *a good*

Samaritan (русскоязычный эквивалент – *добрый самаритянин*, со значением «отзывчивый, добросердечный человек»), которое мы находим в библейском тексте Нового Завета, в Евангелии от Луки, части X, стих. 30-37 [Holy Bible, 2009, с. 49-50]. Интересно, что в тексте Библии данное сочетание слов не является фразеологической единицей, так как оно не обнаруживает признаков переосмысления, и в нем каждое слово употребляется в своем первоначальном значении, то есть, речь идет об одном добром страннике из самаритян, который, увидев по дороге больного, изможденного, всего в ранах и стружьях человека, незамедлительно поспешил ему на помощь.

В наше время данное словосочетание применяется все чаще не только для обозначения того самого самаритянина, но и других добросердечных людей, готовых прийти на помощь бедствующим, страждущим или попавшим в какую-либо неприятную ситуацию. Таким образом осуществляется перенос наименования от одного денотата к другому или к ряду других денотатов, что обеспечивает рассматриваемому словосочетанию повышение уровня абстракции [Мелерович,

1976, с. 46], и частое использование ведет к его устойчивости и воспроизводимости в речи. Следовательно, по определению А.В. Кунина [Кунин, 1970, с. 210], это устойчивое и воспроизводимое сочетание слов с полностью или частично переосмысленным значением приобретает статус фразеологической единицы.

Частотность употребления данного выражения в современном английском языке привлекает наше внимание именно в качестве фразеологической единицы. Посредством количественного анализа национальных корпусов английского языка и его вариантов обнаруживаем, что в Британском национальном корпусе (BNC) библейский фразеологизм (a/ the) good Samaritan проиллюстрирован несколько десятков раз и в Корпусе современного американского английского (COCA) встречается более восьмисот раз.

Материалом для анализа послужили около тысячи контекстуальных употреблений избранной для анализа библейской фразеологической единицы, представленной в англоязычных корпусах.

В исследовании используются следующие методы и методики:

а) непарадигмальные методы и методики лингвистики (описательный метод и его методики, контекстологический анализ) [Комарова, 2018, с. 583];

б) методы и методики лингвистики текста [Гальперин, 2016; Кухаренко 2020; Федуленкова, 2019; Бакина, 2021];

в) методы изучения общей [Басова, 2019] и библейской фразеологии [Федуленкова 2020, с. 83-96];

Результаты исследования и их обсуждение

1. В функции подлежащего данный библейский фразеологизм выступает в 21% случаев:

I'd never seen a painted angel up-close before. Especially not one driving a red Thunderbird. But I never stopped dreaming of looking just like her. And that's one Christmas present I've given myself every single day of my life. Store bought. Now, some might say that before that blizzard hit a good Samaritan left that basket of food on our porch hay for the animals, and firewood to keep us warm. Well, if they did, they never owned up to it. But I believe I saw our guardian angel hovering over the barn that day. Now, some might call that crazy but I truly believed it was a real Christmas miracle. (COCA) – Я никогда раньше не видела нарисованного ангела вблизи. Особенно того, кто водит красный «Тандерберд». Но я никогда не переставала мечтать быть похожей на него. И это единственный рождественский подарок, который я делаю себе каждый божий день в своей жизни. Куплен в магазине. Кто-

то может сказать, что перед тем, как разразилась снежная буря, **добрый самаритянин** оставил корзину с едой на нашем крыльце, сено для животных и дрова, чтобы нам было тепло. Ну, а если и знали, то никогда в этом не признавались. Но мне кажется, в тот день я видела нашего ангела-хранителя, парящего над сараем. Кто-то может назвать это безумием, но я искренне верил, что это было настоящее Рождество (*Здесь и далее – пер. мой Т.Ф.*).

2. В функции дополнения данный библейский фразеологизм выступает в 18% случаев:

(а) пример употребления рассматриваемого библеизма в функции прямого дополнения:

Dogs have approximately 40 times more smell sensitivity than humans do, allowing them to detect a scent's direction and track its source. But how does strength of smell allow a dog to track down the source of that smell? Excellent question, Boobear. A dog's wet nose allows it to detect the air breeze that contains a particular scent. Does that explain why so many lost dogs are able to find their ways home, Scuzzy Bot? Very good observation, Boobear. That's exactly why. If a dog gets out of its yard and wanders its neighborhood, it can still use the scent of home to find its way back, provided the dog hasn't roamed so far that it loses that scent. That's never fun, and usually requires a good Samaritan to find and return the dog to its owner. (COCA)—Чувствительность к запахам у собак примерно в 40 раз выше, чем у людей, что позволяет им определять направление запаха и отслеживать его источник. Но как сила обоняния позволяет собаке отследить источник этого запаха? Отличный вопрос, Олух. Влажный нос собаки позволяет ей улавливать дуновение воздуха, содержащее определенный запах. Объясняет ли это, почему так много потерявшихся собак могут найти дорогу домой, Гадкий Бот? Очень хорошее наблюдение, Болван. Именно поэтому. Если собака выходит со своего двора и бродит по окрестностям, она все равно может использовать запах дома, чтобы найти дорогу обратно, при условии, что собака не забрела так далеко, что потеряла этот запах. Это никогда не бывает весело, и обычно требуется **добрый самаритянин**, чтобы найти и вернуть собаку ее владельцу.

(б) пример употребления рассматриваемого библеизма в функции косвенного дополнения:

<...> heaven by Saint Michael himself. They hide within the elements waiting for the end of days. You better hang around here, kid. They can't come onto hallowed ground. Thanks. And thanks for the info. I feel much better now that I know I'm the devil's bounty hunter. – Where you going? – Somebody I got ta see. – That's a bad idea. – It wouldn't be

my first. – Why'd you do it? Why'd you make the deal? – I was a kid. – What'd you get in return? – Heartache. – Oh, my God. It's hard to describe the destruction here this morning. Can I get you people to stand back, please? – I don't know. It seems like something supernatural. Could you tell us about the Good Samaritan? – Well, I'll never forget him, that's for sure. (СОСА) – <...> небеса самого святого Михаила. Они прячутся в стихиях, ожидая конца света. Тебе лучше побродить здесь, малыш. Они не могут ступить на освященную землю. Спасибо. И спасибо за информацию. Я чувствую себя намного лучше теперь, когда знаю, что я охотник за головами дьявола. – Куда ты идешь? – Кое с кем я должен встретиться. – Это плохая идея. – Она не первая у меня. – Зачем ты это сделал? Зачем ты заключил сделку? – Я был ребенком. – Что ты получил взамен? – Боль в сердце. – О, боже мой. Трудно описать разрушения, которые произошли здесь этим утром. Могу я попросить вас, люди, отойти в сторону, пожалуйста? – Я не знаю. Это кажется чем-то сверхъестественным. – Не могли бы вы рассказать нам о Добром самаритянине? – Ну, я никогда его не забуду, это точно.

3. В функции определения данный библейский фразеологизм выступает в 44% случаев. Контекстуальный анализ выявляет определения двух основных видов: (а) препозитивные определения и (б) постпозитивные определения с предлогом.

(а) пример употребления рассматриваемого библеизма в функции препозитивного определения:

I don't know of a single instance where a company has been sued by somebody who has been the recipient of free donated food. So I think very often they're using the fear of being sued to cover their shame. <...> donating food, you can do so free of being sued. There's a good samaritan act to protect people who give food that they deem to be in good shape. From my perspective, it's a completely unfounded fear. I think that companies are morally responsible for ensuring that the food in their custody gets to people who need it and doesn't end up in the bin. And we the public have a responsibility to demand that that takes place. (СОСА) – Я не знаю ни одного случая, когда на компанию подал бы в суд кто-то, кто был получателем бесплатной пожертвованной еды. Поэтому я думаю, что очень часто они используют страх быть привлеченными к ответственности, чтобы скрыть свой позор. <...> жертвуя еду, вы можете делать это, не опасаясь судебного преследования. Существует закон доброго самаритянина, защищающий людей, которые отдают еду, которая, по их мнению, в хорошем состоянии. С моей точки зрения, это

совершенно необоснованный страх. Я думаю, что компании несут моральную ответственность за то, чтобы продукты, находящиеся на их хранении, попадали к людям, которые в них нуждаются, и не попадали в мусорное ведро. И мы, общественность, обязаны требовать, чтобы это имело место.

(а) пример употребления рассматриваемого библеизма в функции постпозитивного определения с предлогом:

<...> was to go in to eliminate a terrorist group reporting an unknown quantity of WMDs in Costa Rica. Does she look like a terrorist to you? I don't see any weapons. There are no weapons, <...> We just killed innocent people! – No, no, no, I don't believe it! <...> These look like dead American college kids, man! What the hell is going on? <...> How'd you get out? Whoever's behind the robbery snuck you out, didn't they? You know the parable of The Good Samaritan? – Mm-hm. This one's angry. – Where <...> is the rest of it? Put the gun down! Get down on the ground! <...> Don't do it! Get down on the ground! Get on your knees! I want it brought to me, Cincinnati PD does not take custody. They do not book him. I will take custody from the state cops. (СОСА) – <...> должна была отправиться на ликвидацию террористической группы, сообщившей о неизвестном количестве оружия массового уничтожения в Коста-Рике. По-вашему, она похожа на террористку? Я не вижу никакого оружия. Оружия нет, <...>. Мы только что убили невинных людей! – Нет, нет, нет, я в это не верю! <...> Они похожи на мертвых американских студентов колледжа, чувак! Что, черт возьми, происходит? <...> Как вам удалось выбраться? Кто бы ни стоял за ограблением, он вас вытащил, не так ли? Вы знаете притчу о добром самаритянине? – Угу. Этот злой. – Где, черт возьми, все остальные? Опустит пистолет! Ложись на землю! <...> Не делай этого! Ложись на землю! Встань на колени! Я хочу, чтобы этого передали мне, полиция Цинциннати не берет его под стражу. Они не оформляют на него арест. Я заберу его у копов штата.

4. В функции именной части составного именного сказуемого рассматриваемый библейский фразеологизм выступает в 10% случаев, напр.:

No, he came around a curve. Kathie slowed to stop to turn... and this van came hurtling right into her. I don't think he even broke. I could see it coming. It looked like a video game, like I was playing a video game. You just can't accept it. And then... huge crash. And the car just... Our car spun around. He pushed it around. The next thing, I was lying in the road in a puddle of blood... and there was this woman nursing me. She was the Good Samaritan.

*Somehow – She lived in the neighborhood... and heard Tara screaming... and she lost her nine-year-old son there a year ago. – In a car accident? – He fell out of the car. The car skidded, and he was almost decapitated. And I was her son, in a way. She kept talking me down... and nursing me and saying, <...>. (СОСА) – Нет, он выехал из-за поворота. Кэти замедлила ход, чтобы остановиться и повернуть... и этот фургон врезался прямо в нее. Я не думаю, что он даже сломался. Я мог предвидеть это. Это было похоже на видеоигру, как будто я играл в видеоигру. Вы просто не можете с этим смириться. И затем... огромная авария. И машина просто... Наша машина развернулась. Он толкнул ее. Следующее, что я увидел, это то, что я лежал на дороге в луже крови... и там была эта женщина, ухаживающая за мной. Она была *Доброй самаритянкой*. Каким-то образом – она жила по соседству... и слышала крики Тары... и год назад она потеряла там своего девятилетнего сына. – В автомобильной аварии? – Он выпал из машины. Машину занесло, и он был почти обезглавлен. И в некотором смысле я был ее сыном. Она продолжала уговаривать меня... нянчиться со мной и говорить <...>.*

Выводы

В результате квантитативно-синтаксического анализа контекстов, размещенных в национальных корпусах, выявляем четыре наиболее распространенные функции рассматриваемого библейского фразеологизма *good Samaritan*, процентное соотношение которых представляется в следующих цифрах: а) функция подлежащего – 21%, б) функция дополнения – 18%, в) функция определения – 44%, и г) функция именной части составного именного сказуемого – 10%.

Результаты данной работы предполагается использовать в построении типологических параллелей [Аракин, 1989] функционирования библейских фразеологизмов.

Список литературы

1. Аракин, В. Д. Типология языков и проблема методического прогнозирования / В. Д. Ара-

кин. – Москва : Высшая школа, 1989. – 158 с. – Текст : непосредственный.

2. Бакина, А. Д. Формы, значения и категории языковых и речевых структур / А. Д. Бакина, Т. Н. Федуленкова. – Текст : непосредственный // Вестник САФУ. – 2021. – № 1. – С. 135–139.

3. Басова, Т. А. Динамика социума, лингвемы и социалемы в концепции В.К. Журавлева / Т. А. Басова, Т. Н. Федуленкова. – Текст : непосредственный. // Вестник НГЛУ им. Н. А. Добролюбова. – 2019. – № 4. – С. 240–247.

4. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – Москва : ЛЕНАНД, 2016. – 144 с. – Текст : непосредственный.

5. Комарова, З. И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике / З. И. Комарова. – Москва : ФЛИНТА, Наука, 2018. – 820 с. – Текст : непосредственный.

6. Кунин, А. В. Английская фразеология. Теоретический курс / А. В. Кунин. – Москва : Высшая школа, 1970. – 344 с. – Текст : непосредственный.

7. Кухаренко, В. А. Текст и его структура: учеб. пособие / В. А. Кухаренко. – Москва : ФЛИНТА, 2020. – 188 с. – Текст : непосредственный.

8. Мелерович, А. М. К вопросу о языковых формах выражения фразеологической абстракции / А. М. Мелерович. – Текст : непосредственный // Вопросы русского языка: Проблемы лексики и синтаксиса. – Ярославль, 1976. – Вып. XI. – С. 46–55.

9. Федуленкова, Т. Н. От типологии рекламных текстов до тактики эффективного рекламного сообщения / Т. Н. Федуленкова. – Текст : непосредственный // Известия ЮЗГУ. – 2019. – Т. 9. – № 3. – С. 208–212.

10. Федуленкова, Т. Н. Развитие вариантности фразеологии библейской этимологии / Т. Н. Федуленкова. – Текст : непосредственный // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2020. – Т. 6. – № 2. – С. 83–96.

11. Holy Bible. King James Version. – Iowa, London : Her Majesty's Printers, 2009. – 582 p. + 179 p. – Текст : непосредственный.

DOI: 10.47475/9785727119631_258

М.А. ХОДЫКИНА / M.A. KHODYKINA

Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА РЕЛИГИОЗНОЙ ЛЕКСИКИ:
ОТ ТРАНСЛИТЕРАЦИИ ДО АДАПТАЦИИTRANSLATION TECHNIQUES FOR RELIGIOUS LEXICON:
APPLICATION OF TRANSLITERATION AND ADAPTATION**Аннотация**

В статье рассматривается перевод религиозной лексики как важная составляющая мировой культуры. Делается акцент на специфических терминах, выражениях и символах, встречающихся в текстах на религиозную тематику или в ссылающихся на богослужебные сюжеты текстов. Проводится анализ узкого, широкого и ситуативного контекстов по Л. С. Бархударову и религиозных лексем по А. М. Антоновой. На конкретных примерах изучается применение транскрипционного метода перевода, транслитерации, вариантного соответствия и адаптации. В качестве примеров проводится разбор цитаты Махатма Ганди, отрывков из романа Наоми Алдерман «Сила» в переводе А. Б. Грызуновой и романа Халеда Хоссейни «Тысяча сияющих солнц» в переводе С. В. Соколова. Систематизируется порядок работы над текстом религиозной тематики, в котором во внимание берётся не только точный перевод текста оригинала, но и передача эмоциональности, описание исторических реалий и анализ целевой аудитории.

Abstract

The paper focuses on the religious lexicon translation as a significant cultural and social component. The emphasis is placed on specific terms, expressions, and symbols found in texts on religious subjects or in texts referring to liturgical subjects. Narrow, broad, and situational contexts according to Barkhudarov's classification and religious lexemes according to Antonova's classification are analyzed. The application of the transcriptional method of translation, transliteration, so-called variant matching, and adaptation is researched by means of specific examples, such as Mahatma Gandhi's quotes, excerpts from Naomi Alderman's novel "The Force" translated by A. Gryzunova and Khaled Hosseini's novel "A Thousand Shining Suns" translated by S. Sokolov. The paper also systematizes the process of working with religious texts, taking into account not only the accurate translation of the original text but also the conveyance of emotions, description of historical realities, and analysis of the target audience.

Ключевые слова: религиозная лексика, многозначное слово, ситуативный контекст, экстралингвистический контекст, транскрипционный метод перевода, трансформационный перевод.

Keywords: religious lexicon, polysemous word, situational context, extralinguistic context, transcriptional translation method, transformational translation.

Религия является неотъемлемой частью жизни многих людей, оказывает влияние на мировоззрение и ценности, играет значительную роль в культуре и обществе. За время своего существования религии развили свою собственную специфическую лексику: термины, выражения и символы, которые отличаются особым смыслом и значимостью в рамках конкретной религиозной традиции. Вследствие этого, при переводе религиозной лексики необходимо применять различные способы передачи терминов и выбирать из них наиболее подходящие.

Выбор может основываться не только на вариантах с самой точной передачей текста оригинала, но и на других факторах: узком (синтаксическом или лексическом), широком или ситуатив-

ном контексте [Комиссаров, 1990, с. 142].

В раскрытии многозначности лингвистических единиц контекст, за исключением случаев намеренной или случайной двусмысленности, позволяет определить единственное значение многозначной единицы языка.

В рамках перевода религиозной лексики узкий контекст характеризуется специфической грамматической структурой и порядком слов, присущим религиозным текстам, сохранением длинных предложений, архаичных или формальных конструкций [Бархударов, 1975, с. 169–171]. Например, одна из цитат индийского идеолога Махатма Ганди «*The best way to find yourself, is to lose yourself in the service of others*» была переведена О. И. Медведь как «*Лучший способ найти*

себя – это потерять себя в служении другим» [Элрод, 2019, с. 241]. В Кембриджском словаре для слова «service» предлагается несколько вариантов перевода: «обслуживание», «услуги», «служба», «работа», «богослужение» [Cambridge Dictionary], ни один из которых не был использован переводчиком в исследуемой цитате. Для начала анализа рассмотрим «service» в соответствии с классификацией религиозных лексем А. М. Антоновой [Антонова, 2002, с. 9–11] – данное слово может относиться к одной из следующих групп: к «народно-религиозным традициям» в переводе «служба» или к «богослужебной лексике» в переводе «служение». Далее обратимся к энциклопедическому словарю «Основы духовной культуры» и удостоверимся, что выбранный вариант перевода «service» идеально подходит по узкому контексту предложения: «служение – бескорыстие общественно ценных мотивов, <...> помощь и поддержка кого-нибудь, <...> высокий долг гражданина и христианина, не опускающегося до лести, выгоды и карьеризма» [Безрукова].

Широкий контекст может существовать на уровне групп предложений или абзацев [Бархударов, 1975, с. 171–172]. Например, фрагмент из романа Наоми Алдерман «Сила»: «*In the late afternoon, Eve speaks to her congregation*» [Alderman, 2017, p. 138], что в переводе А. Б. Грызуновой: «Уже совсем под вечер Матерь Ева обращается к своей общине» [Алдерман, 2023, с. 142]. В данном примере представлены религиозные лексемы «персоналии» по классификации А. М. Антоновой. В соответствии с предыдущими предложениями был применен не основной перевод «congregation», а второй по частотности – «община». Это произошло вследствие того, что формулировка перевода «конгрегация» (религиозная организация, непосредственно связанная с каким-либо монашеским орденом и состоящая из священнослужителей и мирян [Ефремова]) может ввести в заблуждение или сбить читателей.

Широкий контекст может также встречаться на уровне всего произведения [Бархударов, 1975, с. 172], например, «*They're setting up new churches in her name, without her having had to send a single missionary or envoy*» [Alderman, 2017, p. 248], что в переводе А. Б. Грызуновой: «Женщины в этой стране создают новые церкви во имя Матери Евы – не пришлось отправлять ни посланниц, ни проповедниц» [Алдерман, 2023, с. 180]. В результате перевода такие гендерно нейтральные слова как «missionary» и «envoy» были переведены в женском роде — «посланницы» и «проповедницы». Переводчик принял данное решение на основе широкого контекста произведения, так как роман «Сила» повествует о «новой женской

религии», стандартными религиозными персоналиями которой являются женщины. Если в определенных случаях имеются в виду мужчины, то делается акцент на поле религиозной персоналии. Это однозначно необычная конструкция для русского и английского языков, ведь когда в речи используется наименование какой-либо профессии, то в подавляющем большинстве случаев применяется мужской род, и в сознании слушающего представляется мужской образ.

Другим примером широкого контекста на уровне всего произведения может служить следующая цитата: «*A tenth of your grain and your wine – those will go to his favourite aristocrats and faithful servants*» [Alderman, 2017, p. 10], что в переводе: «И от посевов ваших и из виноградных садов ваших возьмет десятую часть, и отдаст евнухам своим и слугам своим» [Алдерман, 2023, с. 12]. В данном случае переводчик применил метод вариантного соответствия, и выбор был основан на русском синодальном переводе Первой книги Царств (глава 8, стих 15) – при переводе слова «servants» использовался именно термин «слуги», несмотря на то что без потери смысла были доступны другие синонимичные варианты. Но, как было сказано ранее, выбор может основываться не только на вариантах с самой точной передачей оригинального текста, и в данном случае целью было именно передать условия жизни и образ мышления людей в реалиях произведения.

Ситуативный или экстралингвистический контекст в рамках религиозной лексики характеризуется традициями, обрядами, культурными особенностями, историческим контекстом [Бархударов, 1975, с. 172–173]. Важно отметить, что всё перечисленное относится не только к языку оригинала, а в первую очередь к реципиентам языка перевода. Например, если целевая аудитория не знакома с определёнными религиозными терминами, или если они могут вызвать недопонимание, то следует использовать описательный, приближительный или трансформационный перевод [Там же, с. 99–103]. Данные способы перевода также могут применяться, если важнее передать общую идею религиозного текста или его эмоциональную тональность, чем точное значение каждого термина. Примером ситуативного контекста может служить фрагмент: «*For you know that Our Lady has told me that women are to gather together*» [Alderman, 2017, p. 295], что в переводе: «Ибо вы знаете, что сказала мне Богоматерь: женщины, объединяйтесь!» [Алдерман, 2023, с. 302]. В данном случае переводчик использовал трансформационный перевод – более частотное использование словосочетания «Our Lady» встречается в художественных текстах с описаниями 18–19 веков

в качестве «наша леди» / «наша госпожа» либо в качестве «Пресвятой Девы». Рассматривая данный контекст, следует иметь в виду, что замена или изменение представления о Боге новым образом является неотъемлемой частью романа, поэтому трансформация и переосмысление истории неизбежны. Если бы такой подход не был осуществлен, это могло привести к логическому отступлению от первоначального смысла текста оригинала, возможно, нарушив логическую цепочку и усложнив его понимание для реципиентов.

Другим примером ситуативного контекста может служить следующая цитата: «*Back at the kolba, on the first of three days of Eid-ul-Fitr celebration that followed Ramadan, Jalil would visit Mariam and Nana*» [Hosseini, 2018, p. 210], что в переводе С. В. Соколова: «*У себя в саманном домике, в первый из трех дней Эид-уль-Фитра, праздника чревоугодия, завершающего Рамадан, они принимали Джалиля*» [Хоссейни, 2018, с. 212]. В данном случае на основе ситуативного контекста хотелось бы предложить другой вариант для «Eid-ul-Fitr» – «Эид-уль-Фитр», так как в своём тексте переводчик использовал транслитерацию и, исходя из этого, делал акцент именно на самой точной передаче оригинала. В качестве дополнительной формулировки также можно прибегнуть к общепринятому «Ид аль-фитр», образованному транскрипционным методом [Тумгоева, 2023, с. 415], или к «Ураза-байрам», что в свою очередь образовано с помощью приёма адаптации. Выбор последнего варианта может быть обусловлен тем, что целевая аудитория текста перевода находится в России, где большая часть мусульман составляют тюркские народы, и для которых Ураза-байрам – это привычное название священного праздника Ид аль-фитр [Там же, с. 416].

Из проанализированных примеров можно сделать вывод, что перевод слова, предложения или текста религиозной тематики начинается в первую очередь с узкого контекста. Если его недостаточно для корректного перевода, то необходимо взять во внимание широкий контекст, который состоит из групп предложений, абзацев или всего произведения. В случае, когда культура реципиентов текста перевода сильно отличается от культуры текста оригинала, желательно прибегнуть к ситуативному контексту и применить описательный, приблизительный или трансформационный перевод соответственно.

Список литературы

1. Алдерман, Н. Сила / Н. Алдерман. – Москва : Фантом Пресс, 2023. – 464 с. – Текст : непосредственный.

2. Антонова, А. М. Лексика русского православия в англоязычном тексте и словаре : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. М. Антонова ; РГПУ им. А.И. Герцена. – Санкт-Петербург, 2002. – 212 с. – Текст : непосредственный.

3. Бархударов, Л. С. Язык и перевод : Вопросы общей и частной теории перевода / Л. С. Бархударов. – Москва : Междунар. отношения, 1975. – 240 с. – Текст : непосредственный.

Безрукова, В. С. Статьи на букву «С» (часть 5, «СКР»-»СОБ») / В. С. Безрукова. – Текст : электронный // Основы духовной культуры : [сайт]. – URL: <http://cult-lib.ru/doc/dictionary/spiritual-culture/fc/slovar-209-5.htm#zag-2049> (дата обращения: 19.01.2024).

Ефремова, Т. Ф. Значение слова «КОНГРЕГАЦИЯ» / Т. Ф. Ефремова. – Текст : электронный // Новый толково-словообразовательный словарь русского языка : [сайт]. – URL: <https://slovaronline.com/browse/c45619e9-feb7-3c95-bc9c-f926b43ce465/конгрегация> (дата обращения: 19.01.2024).

Комиссаров, В. Н. Теория перевода : (Лингвистические аспекты) / В. Н. Комиссаров. – Москва : Высш. школа, 1990. – 253 с. – Текст : непосредственный.

Перевод SERVICE с английского на русский. – Текст : электронный // Cambridge Dictionary : [сайт]. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/англо-русский/service> (дата обращения: 19.01.2024).

Тумгоева, Х. Х. Исламская религиозная лексика в русскоязычных переводах транслингвальной художественной литературы / Х. Х. Тумгоева. – Текст : непосредственный // Образование и право. – 2023. – № 8. – С. 414–422.

Хоссейни, Х. Тысяча сияющих солнц / Х. Хоссейни. – Москва : Фантом Пресс, 2018. – 416 с. – Текст : непосредственный.

Элрод, Х. Магия утра для всей семьи. Как выявить лучшее в себе и в своих детях / Х. Элрод, М. Маккарти, Л. Маккарти. – Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2019. – 304 с. – Текст : непосредственный.

Alderman, N. The Power / N. Alderman. – London : Penguin, 2017. – 342 p. – Текст : непосредственный.

Hosseini, K. Thousand Splendid Suns / K. Hosseini. – London : Bloomsbury, 2018. – 412 с. – Текст : непосредственный.

DOI: 10.47475/9785727119631_261

О.А. ХРУЩЕВА / O.A. KHRUSCHEVA
Оренбургский государственный университет
*(Оренбург, Россия)***ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЗАИМСТВОВАНИЙ
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ****BORROWINGS FUNCTIONING IN THE PRESENT-DAY RUSSIAN LANGUAGE****Аннотация**

Данная статья посвящена проблеме массового распространения заимствований в современном русском языке. В ходе проведенного исследования при изучении примеров заимствований, используемых на регулярной основе в бытовом и профессиональном общении, а также в текстах средств массовой информации, была описана специфика их функционирования в речи носителей русского языка. В ряде коммуникативных ситуаций употребление заимствований обусловлено языковой модой, устойчивостью терминологии, профессиональным жаргоном. Автор фокусирует внимание на процессе заимствования, при котором в язык привносится не только языковой знак, но и концепт иной лингвокультуры, сопряженный с чуждыми ценностями и ассоциациями. Лингвистический анализ в совокупности с законодательскими инициативами имеют особое значение для формирования осознанного отношения к заимствованиям со стороны носителей языка.

Abstract

The article is devoted to the problem of borrowings widely spread in the present-day Russian language. The study of the foreign words used in everyday speech and professional communication, as well as in the media texts, on the regular basis has revealed the specific features of their functioning among Russian native speakers. In certain communicative situations borrowings are used due to language trends, terminology and jargon requirements. The author focuses on the process of borrowing when not only a language sign but also a concept of the foreign language culture together with its peculiar values and associations is being borrowed. Linguistic analysis and law initiatives can influence the development of conscious attitude to foreign words on the part of native speakers.

Ключевые слова: заимствования, русский язык, английский язык, языковая политика, языковая перекодировка, иноязычный.

Keywords: borrowings; the Russian language, the English language, language policy, code switching, foreign.

Языковая ситуация в Российской Федерации в текущий момент характеризуется таким парадоксальным явлением как устойчивый рост количества заимствований, используемых в речи носителей русского языка на повседневной основе, на фоне низкого общего уровня владения иностранным языком и специфической политико-экономической ситуации в условиях санкций. Более того, частотность употребления иностранных лексем не снижается даже несмотря на законодательские инициативы, принятые на федеральном уровне: 28 февраля 2023 года был подписан Федеральный закон №52 о защите национального русского языка от чрезмерных заимствований [ФЗ, 2023], а 25 октября того же года в Государственную думу РФ внесен законопроект о запрете рекламных вывесок на иностранном языке [Законопроект, 2023].

Анализируя пример города Оренбург, необходимо признать единичные случаи замены англоязычных и гибридных двуязычных рекламных

вывесок на полностью русскоязычные варианты: рекламная вывеска на водонапорной башне, расположенной вблизи Оренбургского государственного университета, была выполнена в креативном сочетании кириллического и латинского алфавитов – BASHНЯ, но в конце 2023 года название видоизменилось на полностью русскоязычное; салон оптики с оригинальным названием ГлазGO, расположенный по проспекту Победы, переименован в ОренГЛаз.

Однако торговые сети, работающие по всей территории Российской Федерации, не торопятся следовать инновациям в области языковой политики и продолжают вести маркетинговую компанию с использованием заимствованных единиц. Так, сеть ресторанов быстрого питания «Вкусно и точка» размещают следующие варианты наименований блюд на рекламных плакатах и меню: Кидз Комбо; Биг Чикен Бургер; Супер Бокс с крутыми пинами; Снэк Бокс; Стартеры; Биг Спеши-

ал и тому подобное. Функционирование перечисленных заимствований в повседневной речи носителей русского языка обусловлено привычкой и маркетинговой стратегией по сохранению клиентов сети. Иноязычные названия закрепились за товаром, который был привнесен в Россию с приходом компании McDonald's и пользовался огромным спросом среди различных категорий граждан.

Повсеместное и массовое употребление заимствований во многом зависит от позиции средств массовой информации по обозначенной проблеме. В профессиональных сообществах, новостных каналах, развлекательных ресурсах иностранные слова и выражения звучат регулярно, что обусловлено языковой модой, стремлением привлечь и удержать внимание аудитории, но отнюдь не гарантирует понимание воспринимаемого ими текста. В качестве примеров приведем фрагменты из публикаций спортивной тематики на платформе sportmail.ru: «Криштиану Роналду все лето ищет себе мэтч в тиндере, но ветряные девушки-гранды неизменно свайпают его профиль»; «мистер «Камон, летсгоу» добился больше 1000 побед за карьеру»; «в день игры появился еще и инсайд от As». Для понимания подобных текстов и значений иноязычных лексем, входящих в их состав, не достаточно быть профессиональным спортсменом или любителем, владеющим иностранным языком, так как необходимо обладать обширными фоновыми знаниями экстралингвистического характера. Функционирование подобных заимствований в средствах массовой информации не оправдано ни языковой модой, ни устойчивой терминологией, ни профессиональным жаргоном. Более того при восприятии публикаций с заимствованиями такого рода у аудитории может вырабатываться негативное отношение к источнику информации из-за сложностей с прочтением и пониманием.

Однако в текущей языковой ситуации намного важнее отдать приоритет не провоцированию негативных эмоций на фоне частотности употребления заимствований, а формированию чуждых концептов в результате заимствования иноязычных лексем. Именно этот процесс наблюдается при использовании заимствований для именования событий, происходящих на территории нашей страны, несмотря на то, что эти события могут иметь глобальный характер, а лексемы, в свою очередь, воспринимаются как интернациональные. Так, при описании трагедии в одной из школ города Брянск, имевшей место в декабре 2023 года, российские средства массовой информации употребляли термин «скулшутинг», образованный от англоязычных основ school – школа и shooting

– обстрел, перестрелка. Заголовки публикаций, освещающие это событие, звучали следующим образом: «Скулшутинг в брянской гимназии»; «В Брянске школьница устроила скулшутинг из оцовского охотничьего ружья»; «Скулшутинг: почему стреляют в школах?» и т.д. Кроме того, в новостных сводках упомянутый термин употреблялся совместно с лексемой «буллинг» (от английского bullying – травля, издевательство, дедовщина) в качестве указания на причину трагедии. Упоминание иноязычных терминов подобного характера в текстах СМИ, в особенности в сильной позиции – в заголовке, представляется нам не обоснованным и не объективным.

По данным актуальных исследований, «большинство современных англоязычных заимствований, попав в систему русского языка, не становятся точной «копией» своих оригиналов, а проходят долгий и сложный путь адаптации, изменяя свою первоначальную семантику и сочетаемость. Иноязычное слово или коллокация заимствуются только в том значении, в котором они были выбраны, или согласно той семантической «нише», которую они смогли занять в ходе приспособления к новым условиям функционирования» [Нагель, 2023, с. 15].

Англоязычная лексема shoot (shooting, shooter) со значением «стрелять, выстрел» используется в русском языке на протяжении нескольких десятилетий, но преимущественно в сфере компьютерных игр, так называемых «стрелялок». Заимствование появилось в языке на месте лакуны, то есть в принимающей лингвокультуре отсутствовало не только само слово, но и соответствующий ему фрагмент действительности (референт) и концепт [Белоглазова, 2015, с. 20-21]. Мы не можем отрицать наличия и остроты обозначенной проблемы в современном российском обществе, но наименование «скулшутинг» не дает носителю русского языка ключей к пониманию ее сути, так как исходя из обозначенных контекстов употребления заимствования, формируется особое восприятие событий и сценарий: стрельба в школе – это игра. В данной ситуации среднестатистический представитель аудитории российских средств массовой информации оперирует языковыми единицами, а не концептами, которые являются чуждыми. Эти концепты в исходной лингвокультуре связаны с конкретными ситуациями и приобрели особые ассоциативные связи и коннотации, в частности, schoolshooting прочно ассоциируется с субкультурой и идеологией «Колумбайн», террористическим и экстремистским направлением, проповедующим насилие и массовое убийство. Непосвященные граждане, в особенности представители молодежи, вынуждены адаптироваться

к такой форме передачи информации, причем в процессе адаптации происходит не только языковая перекодировка, но и культурная, поскольку в процессе замены лексем родного языка на иностранные в сознании носителей происходит глубинная замена кодов и оснований культуры.

О. В. Нагель и М. В. Волкова справедливо отмечают: «как языковая среда воздействует на заимствованное слово, поддерживая, видоизменяя или отвергая его, так и заимствование, сохраняя в себе заряд иной культуры, оказывает влияние и на социум в целом, и на отдельно взятую языковую личность. Имея массовый характер, несущие элементы чуждой этики и морали заимствования создают условия воспитания языковой личности, выводя ее сознание на новый ментальный уровень, и противодействуют традиционным нормам и ценностным ориентирам, меняя характер национального уклада [Нагель, 2023, с. 22].

Описывая специфику функционирования заимствований в современном русском языке, мы отнюдь не стремимся представить текущую ситуацию в сугубо негативном свете. Факт и результаты заимствования являются показателем развития языка, свидетельствуя о его открытости, восприимчивости к инновациям, адаптивности. Зачастую мы сталкиваемся с коммуникативными ситуациями, когда именно иноязычные слова и выражения выступают оптимальными средствами выражения мыслей и эмоций. В английском языке, например, чаще используются фразы французского происхождения для озвучивания типичных пожеланий и формул вежливости: *Bon appetit!* – Приятного аппетита! и *Bon voyage!* – Счастливого пути! Аналогичная ситуация наблюдается в среде носителей русского языка, которые выбирают англоязычные варианты для повседневного общения: *go* в директ; *asap*; *everybody*, *come on*; *come on and dance*; *party for everybody*, а также профессиональной эффективной коммуникации: *Снижаем косты. Какой дедлайн по хот-лайну? Войти в айги!* и многие другие, связанные с конкретной сферой деятельности и имеющие

более краткую и емкую форму, чем их русскоязычные аналоги.

В заключение подчеркнем, что с учетом лингвоэкологического подхода к языку и важности сохранения культурной самобытности русского народа, необходимо формировать в среде носителей языка осознанность при использовании иноязычных лексических единиц, чувство меры и языкового вкуса, что будет способствовать развитию национального языка и проявлению его способности к саморегуляции.

Список литературы

1. Законопроект № 468229-8 «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации (об обеспечении использования в публичном пространстве русского языка как государственного языка Российской Федерации)». – Текст : электронный // Офиц. опубликование правовых актов : [офиц. сайт]. – URL : <https://sozd.duma.gov.ru/bill/468229-8> (дата обращения: 20.12.2023).
2. Белоглазова, Е. В. О возможности и границах концептуализации ксенонимов / Е. В. Белоглазова. – Текст : непосредственный // Язык и культура в эпоху глобализации. – СПб., 2015. – С. 19–25.
3. Нагель, О. В. Семантические сдвиги лексических заимствований в русском языке и прагматика их употребления / О. В. Нагель, М. В. Волкова. – Текст : непосредственный // Язык и культура. – 2023. – № 64. – С. 8–27.
4. Федеральный закон от 28.02.2023 № 52-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации»». – Текст : электронный // Система обеспечения законодательной деятельности : [офиц. сайт]. – URL : <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202302280028> (дата обращения: 20.12.2023).

DOI: 10.47475/9785727119631_264

В.О. ЦАРЕВА / V.O. TSAREVA

Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)**КОММУНИКАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ САМОЗАЩИТЫ
В АМЕРИКАНСКОМ ДИСКУРСЕ ИНТЕРВЬЮ****COMMUNICATIVE STRATEGY OF SELF-DEFENSE
IN AMERICAN INTERVIEW DISCOURSE****Аннотация**

Статья посвящена анализу коммуникативной стратегии самозащиты в дискурсе интервью на материале интервью современных американских писателей. Автор определяет дискурс интервью как институциональный массово-информационный дискурс диалогического типа, а стратегию самозащиты рассматривает как стратегию, использующуюся с целью защиты самого себя, опровержения обвинений, выдвинутых в свой адрес, оправдания своих действий, отвода от уличающей или неприятной информации и смягчения ответственности. Статья выделяет коммуникативные тактики данной стратегии, такие как тактика оправдания, оспаривания, критики, апелляции к эмоциям, переноса и ограничения ответственности. На примере интервью Дженин Камминс и Кейт Элизабет Рассел автор показывает, как эти тактики используются в интервью для защиты и укрепления своей позиции, ответа на критику и смягчения ответственности.

Abstract

The article is devoted to the analysis of the communicative strategy of self-defense in the interview discourse on the material of the interviews with modern American writers. The author defines the interview discourse as an institutional mass-information discourse of dialogical type and considers the strategy of self-defense as a strategy used to defend oneself, refute accusations made against oneself, justify one's actions, divert from incriminating or unpleasant information, and mitigate responsibility. The article distinguishes the communicative tactics of this strategy, such as the tactic of justification, contestation, criticism, appeal to emotions, transference and limitation of responsibility. Using interviews with Jeanine Cummins and Kate Elizabeth Russell as examples, the author shows how these tactics are used in interviews to defend and reinforce one's position, respond to criticism, and mitigate responsibility.

Ключевые слова: коммуникативная стратегия, коммуникативная тактика, дискурс интервью, стратегия самозащиты.

Keywords: communicative strategy, communicative tactic, interview discourse, self-defense strategy.

В настоящее время американский дискурс интервью пользуется большой популярностью. Различные ток-шоу и телепередачи, интервью в печатных и электронных изданиях, подкасты в аудио- и видеоформате направлены как на широкую, так и на узкую аудиторию. Дискурс интервью обладает очень широкой тематической разновидностью. Современные интервью могут затрагивать темы здоровья, науки и технологий, политики, экономики, музыки, медицины, культуры, кинематографа, литературы и т.д. Интервью позволяют узнать об опыте интервьюируемого «из первых рук» и больше узнать о его личности, мнениях и взглядах. Приглашенными респондентами часто являются знаменитости, что всегда привлекает внимание общественности. В процессе интервью часто обсуждаются спорные или неудобные темы. Изучение стратегий и тактик участников интервью может по-

мочь лучше понять мотивы и цели обеих сторон разговора. Предметом нашего исследования является стратегия оправдания в американском дискурсе интервью на материале интервью американских авторов Дженин Камминс и Кейт Элизабет Рассел.

Рассмотрим ключевые теоретические положения нашей работы. Дискурс – это сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста. Н.Д. Арутюнова рассматривает дискурс как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами», как «текст, взятый в событийном аспекте» [Арутюнова, 1990, с. 136]. Институциональный дискурс – это специализированная клишированная разновидность обще-

ния между людьми, которые должны общаться в соответствии с нормами данного социума. Тип институционального дискурса определяется на основе статуса и роли участников, цели коммуникации и типичного места обмена информацией [Карасик, 2000, с. 41].

Термин «интервью» широко используется в различных научных сферах. В журналистике интервью является форма получения информации; в лингвистике интервью рассматривается как характеристика текстовой составляющей, а в социологии интервью является методом опроса. Определение, данное Е.А. Николенко, достаточно оптимально, так как оно объединяет различные точки зрения на понятие «интервью»: «Интервью – коммуникативное взаимодействие двух или нескольких людей для получения информации, производства и распространения нового знания в целях удовлетворения информационных потребностей общества» [Николенко, 2008, с. 61].

Интервью напрямую связано с понятием медиадискурса. Интервью публикуются и распространяются в различных видах массмедийной коммуникации (Интернет, телевидение, газеты, журналы и радио). Н.И. Клушина определяет медиадискурс как совокупность текстов, созданных журналистами и транслируемых на массовую аудиторию через различные медийные каналы (газеты, журналы, радио, телевидение, Интернет). Медиадискурс можно также представить как часть социального пространства, заполненного актуальными журналистскими текстами. Это тексты на любую тему, созданные профессиональными журналистами и рассчитанные на массового адресата [Клушина, 2014, с. 71].

На основе ключевых характеристик дискурса мы можем дать следующее определение: дискурс интервью – институциональный массово-информационный дискурс диалогического типа с характерным набором контекстуальных категорий, включающих участников с 3 сторон (адресант, адресат и массовый адресат), цель – активизировать восприятия содержания, заключенного в передаче с помощью диспута, острых вопросов, высказывания различных точек зрения, а также прототипное место общения (студия, онлайн-платформы) и тематическое и жанровое разнообразие.

Стратегия самозащиты используется с целью защиты самого себя, опровержения обвинений, выдвинутых в свой адрес, оправдания своих действий, отвода от себя уличающей или неприятной информации, а также смягчения ответственности за содеянное. Интервьюируемый может прибегнуть к стратегии самозащиты при ответе на критику, которая представляет собой стратегию нападения или дискредитации со стороны интервьюера.

Интервью зачастую включает в себя общение аудитории с интервьюируемым либо через интервьюера, который зачитывает вопросы аудитории, либо напрямую, когда слушатели физически присутствуют в одном помещении с интервьюером и интервьюируемым. Слушатели могут раскритиковать говорящего, сделать какие-либо замечания. Кроме того, интервьюер может самостоятельно поднять подобный вопрос, основываясь на критике из публичного обсуждения работы автора. Интервьюируемому необходимо сохранить свою репутацию и удержать слушателей на своей стороне.

В рамках стратегии самозащиты мы можем выделить несколько тактик. Тактика оправдания подразумевает объяснение поступка. Интервьюируемый может рассказать о своих намерениях, аргументировать свои действия фактической информацией.

В интервью «Exclusive: Interview with Jeanine Cummins» Дженин Камминс отвечает на критику своего произведения о мексиканских иммигрантах:

Дженин: I read a lot. I read everything I could find about the Central American triangle countries and the push factors in contemporary Mexico that are leading people to make this journey. I read a lot by Central American and Mexican writers. I watched all the documentaries... Then, after about a year and a half in, I went to Mexico. I traveled through the borderlands and observed and witnessed as much as I could with my own eyes. I visited migrant shelters and orphanages. I volunteered at migrant soup kitchens. I met with a lot of people who were doing humanitarian aid work and pro bono legal work... I had read the stories and done the research. But, when you go there and see it with your own eyes, it's just mind boggling. The human reality and the faces of the people I met... and their courage and openness. My heart had been cracked open.

Самозащиту Дженин Камминс строит вокруг собственного опыта и намерений. Описывая конкретные факты из прошлого, Дженин Камминс использует простые предложения, что придаёт им краткость и чёткость. Писательница старается вводить свои аргументы аккуратно и акцентирует, что это её личное видение ситуации, используя фразы «I feel like», «I hoped», «I believe in», «I am a person who has always hoped».

Дженин: But I feel like I understand that voices of color and women's voices have been hijacked and devalued for a very long time. I am a person who has always hoped to be on the right side of those arguments. I wrote a book that I believe in. I wrote a book that I hoped would remind readers that any one of us could be migrants.

Тактика оспаривания включает в себя не только несогласие с предъявляемыми обвинениями,

но и опровержение негативной оценки и обозначение своей позиции.

В интервью «Kate Elizabeth Russell On the Truth, the Challenge, and the Necessity of My Dark Vanessa» автор романа «Моя тёмная Ванесса» Кейт Элизабет Расселл отвечает на критику своей работы. Венди Оргис, автор мемуара «Excavation», обвинила Кейт Элизабет Расселл в полном копировании сюжета её книги. Многие люди поддержали обвинения.

Кейт: But the plagiarism claims about my book were just false. I had been on the record in interviews talking about how long this writing process took, that I started working on this book when I was 16.

Отрицание выражено единственной лексемой «false», а опровержение выражено выражением «on the record», то есть все доказательства оригинальности её работы находятся в публичном доступе. Писательница также ссылается на свой возраст, чтобы продемонстрировать фактическую информацию – примерный год начала работы над книгой.

Тактика критики смещает фокус на оппонента, улучшает положение говорящего и подрывает позицию оппонента. Эта тактика строится на сравнении. В сравнении одно явление показывается и оценивается путем сопоставления его с другим явлением. Кроме того, тактика критики выражается через лексические единицы с отрицательной оценочной характеристикой.

В данном примере Дженин Камминс обращается с тем комментаторам, которые критикуют её, даже не прочитав книгу:

Дженин: People can read it and hate it and write terrible reviews, that's fine. No one needs to love it, but it has been distressing to see people say they will never read it and it's a racist piece of garbage. How do you determine whether it's a racist piece of garbage if you refuse to read it?

Писательница противопоставляет критику тех, кто прочитал произведение и тех, кто отказывает это делать. Противопоставление выражается через противительный союз «but». К тем читателям, кому не понравилось произведение, Дженин выражает более позитивное отношение, используя нейтральное «fine». В то время как слова с негативной окраской («racist» и «garbage») использованы по отношению ко второй группе критикующих. В качестве критики оппонента выступает риторический вопрос «How do you determine whether it's a racist piece of garbage if you refuse to read it?».

Тактика апелляции к эмоциям может помочь говорящему достичь коммуникативную цель гораздо быстрее и произвести непосредственный эффект на слушателя. Рациональные аргументы

и логическая обоснованность имеют больший вес в споре и могут значительней воздействовать на сознание и поведение людей, так как рациональные доводы основываются на фактах или статистике. Однако, обращение к эмоциональной стороне вопроса может быть эффективнее за счёт использования апелляции к эмоциям и чувствам, моральным и нравственным ценностям, взглядам и убеждениям, предпочтениям определенной аудитории.

Пример к апелляции к эмоциям можно найти в интервью «Jeanine Cummins: “American Dirt”» для WBUR CitySpace:

Интервьюер: I'd ask how would you respond to the criticism you've gotten specifically from Mexican and Chicano communities? I pulled people on social media... So, what would you say specifically to Mexican and Chicano communities? The hashtag #writingmylatinonovel is spreading, you know. And so, it's not so much about blocking people and you don't have to respond to that on social media... I'm saying, what is your response to folks of color who are criticizing you? Are you listening to their concerns?

Дженин: I'll be honest with you, I haven't I've been completely dark on social media for the last week or so. Because it's painful right now. And I'm a human person with, like, a brain that I have to protect sometimes. And social media is not the place for these conversations to be had in a way that's productive.

Дженин избегает ответа на вопрос, который был задан интервьюером три раза (I'd ask how would you respond to the criticism... So, what would you say specifically to Mexican and Chicano communities? I'm saying, what is your response to folks of color who are criticizing you?). Она начинает свой ответ с обращения к интервьюеру оборотом «I'll be honest with you», выражая искренние намерения говорящего. Начиная с этой фразы, говорящий может подразумевать, что сейчас поделится личным опытом. Писательница рассказывает о том, как в социальных сетях она сталкивается не только с конструктивной критикой, но и с оскорблениями и ненавистническими высказываниями. Плеоназм «a human person» делает акцент на человеческую природу восприятия критики и показывает её уязвимость перед всеми критикующими. Человек психологически не может справляться с таким объемом негативного внимания. Лексема «painful» апеллирует к негативному эмоциональному состоянию.

Тактика переноса и ограничения ответственности смещает фокус с действий говорящего на внешние обстоятельства, других людей, безвыходность ситуации и другие факторы. Использо-

вание данной тактики несёт определенные риски, так как может показаться, что говорящий не готов или не желает взять на себя полную ответственность за свои действия или не имеет хороших аргументов.

Пример данной тактики можно увидеть в интервью «Jeanine Cummins: “American Dirt”» для WBUR CitySpace:

Интервьюер: People of color want to know what you think what I think about their concerns? That your portrayal is incorrect. That it's sensational. That it feels like a novella or a soap opera. And that they feel that as a white Latina you did not do enough work to be transparent enough to write this tale and then to have it called a classic...

*Дженин: I didn't call my book a classic. Someone else did. I didn't decide how much the auction was going to go for this book. That happened in the publishing industry, and I was the **lucky recipient** of that response to the book. So much of this is **beyond my capacity** to reckon with it.*

Данная тактика выражается неопределенными местоимениями (some, any, someone и др.). Дженин обращает внимание на то, что её не могу обвинить в действиях, которые совершил кто-то другой (someone else). Ответственность может выражаться лексемами «ability», «capability», «power», «control», «means». Отсутствие контроля над ситуацией передано с помощью предлога «beyond» в выражении «beyond my capacity». Кроме того, интервьюируемый апеллирует к удаче (lucky recipient) и к пассивности своего положения (recipient), что ещё больше снимает личную ответственность. Категоричность высказывания также передается с помощью анафоры (I didn't call... I didn't decide...).

Результат нашего исследования показал, что для защиты своей работы и репутации, авторы используют стратегию самозащиты. Стратегия самозащиты включает в себя различные тактики. Защищая свою позицию и объясняясь, говорящий может использовать оправдание, оспаривание, критику, апелляцию к эмоциям, перенос и ограничение ответственности. В случае с Дженин Камминс и Кейт Элизабет Рассел данная

стратегия помогла им сохранить лицо во время интервью, не потерять поддержку поклонников своего творчества и даже найти новых читателей. Они не стали жертвой культуры отмены, так как их книги продолжает успешно продаваться и обсуждаться, а самих писательниц продолжают приглашать на онлайн-интервью и ток-шоу.

Список литературы

1. Арутюнова, Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова. – Текст : непосредственный // Лингвистический энциклопедический словарь / В. Н. Ярцева (отв. ред.). – М. : Сов. энциклопедия, 1990. – С. 136–137.
2. Карасик, В. И. Этнокультурные типы институционального дискурса / В. И. Карасик. – Текст : непосредственный // Этнокультурная специфика речевой деятельности : сб. обзоров / М. : ИНИОН РАН, 2000. – С. 33–58.
3. Клушина, Н. И. Медиастилистика дискурса / Н. И. Клушина. – Текст : электронный // Экология языка и коммуникативная практика. – 2014. – № 2. – С. 69–77 // Сибирский федеральный университет. – URL : <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2014/09/Klushina-N.I..pdf> (дата обращения: 07.12.2022).
4. Николенко, Е. А. Типовая структура дискурса интервью / Е. А. Николенко. – Текст : электронный // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2008. – № 12. – С. 61–63 // eLIBRARY.RU : [науч. электрон. б-ка]. – URL : <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11790588> (дата обращения: 04.12.2022).
5. Хлопотунов, Я. Ю. Конфронтационная коммуникативная стратегия самозащиты в американском политическом дискурсе / Я. Ю. Хлопотунов. – Текст : электронный // Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение : Материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. (Орёл, 13 окт. 2020 г.). – Орёл, 2020. – С. 311–315 // eLIBRARY.RU : [науч. электрон. б-ка]. – URL : <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44253093> (дата обращения: 09.06.2023).

DOI: 10.47475/9785727119631_268

Е.О. ШАПОВАЛОВА / E.O. SHAROVALOVA

Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЖАНРА ИНТЕРВЬЮ
(НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРВЬЮ С ИТАЛЬЯНСКИМИ ДЕЯТЕЛЯМИ КУЛЬТУРЫ)****LINGUISTIC AND CULTURAL FEATURES OF THE INTERVIEW GENRE
(BASED ON INTERVIEWS WITH ITALIAN CULTURAL FIGURES)****Аннотация**

В статье выявляются и анализируются основные черты жанра интервью на итальянском языке на разных языковых уровнях: лексическом, грамматическом, стилистическом, а также некоторые его культурологические особенности. В результате делаются выводы об основных тенденциях, которые мы наблюдаем в современном разговорном итальянском языке, а также о культурологических особенностях жанра интервью в Италии. На лексическом уровне выявлены наиболее частотные виды заимствований, разговорных, сленговых выражений. На грамматическом уровне – особые выделительные конструкции, характерные для современного разговорного языка, ряды однородных членов, неполные предложения, уменьшительно-ласкательные суффиксы. На стилистическом уровне – наиболее часто встречающиеся изобразительно-выразительные средства. Проанализированы также культурологические особенности, такие как, например, использование «говорящих» имен. Таким образом, жанр интервью иллюстрирует тот вектор развития, который принимает итальянский язык в настоящее время.

Abstract

The article identifies and analyzes the main features of the interview genre in Italian at different language levels: lexical, grammatical, stylistic, as well as some of its cultural features. As a result, conclusions are drawn about the main trends that we observe in modern spoken Italian, as well as about the cultural features of the interview genre in Italy. At the lexical level, the most frequent types of borrowings, colloquial, and slang expressions have been identified. At the grammatical level – there are special excretory constructions characteristic of the modern spoken language, rows of homogeneous terms, incomplete sentences, diminutive suffixes. At the stylistic level, these are the most common visual and expressive means. Culturological features are also analyzed, such as, for example, the use of “talking” names. Thus, the interview genre illustrates the vector of development that the Italian language is currently taking.

Ключевые слова: лингвокультурология, жанр, публицистический стиль, интервью, функциональные стили, заимствования, «говорящие» имена.

Keywords: linguoculturology, genre, journalistic style, interviews, functional styles, borrowings, “talking” names.

Актуальность темы исследования заключается в том, что жанр интервью сочетает в себе как индивидуальные особенности речи говорящего, так и современное состояние языка, его изменение и эволюцию. Поэтому изучение текстов этого жанра позволяет получить картину основных тенденций, появившихся в живой разговорной речи. Цель исследования – выявить и проанализировать лингвокультурологические особенности жанра интервью. Предметом исследования является жанр интервью на итальянском языке, объект исследования – особые лингвокультурологические черты, присущие интервью с итальянскими деятелями культуры.

Согласно В.А. Масловой, «лингвокультурология – это отрасль лингвистики, возникающая

на стыке лингвистики и культурологии и исследующая проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке» [Маслова, 2001, с. 5]. В настоящей статье рассматриваются лингвокультурологические особенности жанра интервью, который входит в состав одного из функциональных стилей и обладает собственными характеристиками. Как пишет И.В. Арнольд, «функциональные стили являются подсистемами языка, каждая из которых обладает своими специфическими особенностями в лексике и фразеологии, в синтаксических конструкциях, а иногда и в фонетике». Выделяют следующие функциональные стили: «научный, разговорный, деловой, поэтический, ораторский и публицистический» [Арнольд, 2002, с. 264].

Жанр интервью мы относим к публицистическому стилю.

Мы согласны с М. Д. Кузнец и Ю. М. Скребневым, которые считают, что «объединять специфические черты языка газеты в понятие газетного стиля неправомерно, поскольку при этом признаки функционального стиля подменяются признаками жанра». Поскольку, как справедливо отмечают эти исследователи, «в разных разделах газеты отражаются различные стилевые системы языка. Наряду с публицистическим стилем в газете можно встретить и официально-деловой при публикации документов общего значения, и научный; наконец, в газетах публикуются и художественные произведения или отрывки из них» [Кузнец, 1960, с. 124].

Г. Я. Солганик пишет, что «любой функциональный стиль реально существует лишь как совокупность жанров. Общие языковые и речевые черты функционального стиля проявляются во всех его жанрах, модифицируясь в зависимости от индивидуальных особенностей того или иного жанра» [Солганик, 1991, с. 5].

Итак, любой из функциональных стилей можно разделить на различные жанры со своими отличительными признаками, например, в лексике, грамматике и т.п. Однако у них есть и общие черты, которые их объединяют в один стиль. Поэтому многие исследователи говорят о важности изучения как общих принципов того или иного стиля, так и языковых и речевых особенностей отдельных жанров.

«Интервью представляет собой законченный текст, объединённый общим замыслом и состоящий из своеобразных смонтированных блоков «вопрос-ответ»» [Розенталь, 1981, с. 24]. Жанр интервью интересен тем, что он обладает убедительностью, раскрывает внутренний мир собеседника, позволяет ему дать оценку объекту беседы. Именно поэтому, чтобы заинтересовать читателей, герой интервью использует все доступные ему языковые средства, отражающие его идентичность и отношение к теме обсуждения. Степень «разговорности» интервью варьируется, в нем могут преобладать устно-разговорные элементы или же современная литературная норма, все зависит от индивидуальных речевых предпочтений говорящего. В интервью могут сочетаться как сложные предложения, синтаксические конструкции, свойственные скорее книжной речи, так и простые, усеченные выражения, различные разговорные формы.

Для анализа с помощью сплошной выборки мы отобрали несколько интервью итальянских деятелей культуры – музыкантов, стилиста, директора музыкального каталога Sony Music Italy (интервью за октябрь-декабрь 2023 года). В ин-

тервью исследовались особенности языка на лексическом, грамматическом, стилистическом уровнях, а также культурологические черты, характерные для жанра интервью итальянских деятелей культуры.

На лексическом уровне в первую очередь важно отметить наличие большого числа заимствований из английского языка (англицизмы и американизмы). Причем это прослеживается вне зависимости от индивидуальных особенностей речи. Заимствования могут быть разной степени ассимиляции, некоторые из них оправданные (то есть не имеют эквивалентов в итальянском языке), некоторые – неоправданные (дублируют по смыслу уже существующие понятия). Некоторые новые слова, возникающие в итальянском языке, создаются с помощью различных аффиксов, которые добавляются к англицизмам и американизмам. Ниже приведем некоторые примеры каждой из названных групп заимствований:

- иноязычные вкрапления: reel e short, musica in streaming, stream, banner, hit, awareness;

- ассимилированные заимствования: il Bignami (составное существительное: первая часть – big – осталась неизменной, у второй части nami появилось итальянское окончание мужского рода множественного числа), и др.;

- оправданные beat (музыкальный термин), un click (компьютерный термин) и др.;

- неоправданные le creation (вместо le creazioni), un imprinting (вместо un'impronta), il book (вместо il libro), social (вместо la rete sociale), un instant classic (вместо un istante classico), il sound (вместо il suono) и др. Как видим, у данных заимствований есть итальянские эквиваленты, в некоторых случаях и заимствование, и итальянский эквивалент имеют общее латинское происхождение;

- слова, морфологически оформленные аффиксами заимствующего языка. Иногда таким способом создаются слова другой части речи, нежели заимствование – в данном случае глагол был создан на основе существительного: spoilerare (от англ. spoiler),appare (от англ. rap).

Таким образом, можно сказать, что одним из главных отличительных признаков жанра интервью на лексическом уровне является использование англицизмов и американизмов. Видимо, это связано с тем, что современный итальянский язык, как и многие другие, испытывает большое влияние английского языка, внедрение английских слов стало своего рода модой даже в тех случаях, когда это не является необходимым, когда без труда можно найти итальянский эквивалент.

Отметим также использование разговорных выражений, сленга:

Nessuno di noi c'entra un cazzo con l'altro. (Никто из нас ни черта друг с другом не имели общего)

Un ragazzo di provincia che ce l'ha fatta. (Парень из провинции, который смог выбиться в люди)

Mi piace un sacco. (Мне очень нравится)

Подобным способом говорящий заставляет читателей поверить в свои слова, убедить в искренности, достигается некая связь с поклонниками. Ведь он использует те же обороты, что и они, говорит точно так же, как и они в повседневной жизни.

На грамматическом уровне нами тоже были отмечены некоторые отличительные черты. В современном итальянском языке в последние десятилетия появились особые конструкции, которые мы можем наблюдать и в тех интервью, которые мы анализировали. Например,

- выделение определенного элемента предложения с помощью повтора местоимения:

E poi come la trovi la curiosità autentica? (как ты ее находишь, самую настоящую диковинку?) – существительное *la curiosità* дублируется прямым местоимением-дополнением *la*. Таким образом, именно на этом члене предложения акцентируется внимание;

- изменение порядка слов для выделения, логического ударения

Prima questo rapporto non ce l'avevo (Раньше такой связи, у меня ее не было) – прямой порядок слов, свойственный для итальянского языка, специально изменяется, и в начало предложения выносятся дополнение (*questo rapporto*), которое говорящий и хотел выделить. Потом дополнение дублируется с помощью местоименной частицы *ci*, которая в данном случае входит во фразовый глагол;

- выделение с помощью ударной формы местоимения (*la forma tonica*)

A me non piace (Мне вот не нравится) – ударная форма местоимения *a me* также служит для логического выделения. В обычном повествовательном предложении использовалась бы безударная форма местоимения (*forma atona*): *non mi piace*.

Все перечисленные выше случаи служат для придания речи большей выразительности, для логического выделения того или иного элемента предложения. Прямой же порядок слов в итальянском языке используется при обычном повествовании. Также интонационные схемы, присущие итальянскому языку, не допускают выделения голосом (в отличие, например, от русского). Отсюда и распространение подобных конструкций в современном разговорном языке.

Другие особенности на грамматическом уровне, которые необходимо отметить – это:

- инфинитивные обороты (чтобы избежать использования времени *congiuntivo*, которое даже

для носителей языка может вызвать затруднения при согласовании времен)

ho dovuto ricominciare a scrivere con l'ansia di non riuscire a farlo e di non poter sbagliare (я должен был начать писать со страхом не преуспеть и не иметь права на ошибку)

penso di aver fatto proprio un bell'album (я думаю, что создал хороший альбом);

- ряды однородных членов

Sono proprio nostalgie, ricordi, azioni, momenti della mia vita che so solo io. (Это все ностальгия, воспоминания, события, моменты моей жизни, о которых знаю только я).

Sono molto interessata alla fase performativa degli artisti, dei cantanti (я очень интересуюсь выступлениями деятелей искусств, певцов);

- использование неполных предложений (для выражения эмоций)

A volte un po' amari, altre volte più piacevoli... (иногда немного горькие, иногда более приятные) – отсутствует глагол;

- употребление слов с уменьшительными суффиксами –*ino*, –*ina* для придания большей эмоциональности речи, для того, чтобы показать личное отношение к предмету беседы

conoscevo solo il mio paesino (я знал только мою деревушку) – в данном случае говорящий подчеркивает не только небольшой размер населенного пункта, где он родился, но и теплые воспоминания о малой родине.

Что касается особенностей на стилистическом уровне, то жанр интервью характеризуется, прежде всего, использованием метафор. Метафоры в интервью помогают говорящему выразить свои мысли более убедительно при помощи тех образов, которые он создает на основе этих метафор.

Приведем некоторые примеры:

I primi due album per me erano stati quasi un parto cesareo. (Первые два альбома были для меня чуть ли не кесаревым сечением)

Lui è stato un un pioniere della scena underground, qui è il papà di tutti, ha portato un movimento incredibile. (Он был пионером сцены андеграунд, здесь он для всех папа, он привнес невероятную экспрессию)

Nonostante io sia qui a leccarmi le ferite. (Не смотря на это я здесь, зализываю раны)

Также отметим присутствие эпитетов, выражающих эмоции, личное отношение к предмету беседы, что делает интервью более искренним.

la terribile dipartita (ужасная кончина)

Функции сравнений во многом схожи с функциями метафоры в жанре интервью: создание образа, необходимость придать большую убедительность.

scuro come le strade di Buffalo e romantico come il golfo di Napoli. (темный как улицы Буффало и романтический как неаполитанский залив)

Риторические вопросы вовлекают в дискуссию собеседника (а с ним и читателя).

tu vedi qualcosa di potente come questo oggi su un palco? (ты видишь сегодня на сцене что-нибудь настолько же мощное, как это?)

È “tremenda”, sai? (Она «кошмарна», знаешь?)

Интересно отметить использование «говорящих» имен собственных в интервью. Такие лексические единицы наполнены национально-культурной коннотацией и способны в сжатой форме передать большой объем информации. Именно представители итальянской лингвокультуры способны почувствовать и до конца понять ту коннотацию и дополнительную информацию, которая заложена в этих «говорящих» именах.

c'è molta Mina dentro. (Здесь очень много от Мины). Мина – итальянская актриса, певица и телеведущая.

Quella sera sembrava il Berghain. (В тот вечер он был похож на ночной клуб Berghain). Berghain – ночной техно-клуб в Берлине, считается лучшим клубом Германии, в 2009 году занял первое место в списке «Ста лучших клубов мира» (по версии британского журнала DJmag).

Итак, из вышесказанного можно сделать следующие выводы:

1. На лексическом уровне жанр интервью на итальянском языке характеризуется наличием большого числа англицизмов и американизмов, употреблением разговорных выражений, сленга.

2. На грамматическом уровне важно отметить присутствие особых выделительных конструкций, появившихся в последние десятилетия в разговорном языке, использование инфинитивных оборотов (чтобы избежать сложного согласования времен), рядов однородных членов, неполных предложений, употребление слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами.

3. На стилистическом уровне в жанре интервью встречаются различные изобразительно-вы-

разительные средства: в первую очередь метафоры, но также эпитеты, сравнения, риторические вопросы.

4. Важнейшей культурологической особенностью жанра интервью на итальянском языке является использование «говорящих» имен собственных. Отметим, что такие лингвистические единицы, встретившиеся нам в ходе анализа, принадлежат именно итальянской культуре. В подавляющем большинстве они относятся к именам итальянских деятелей культуры, которые, конечно, могут быть известны за границей, но все же наибольшую популярность получили у себя на родине.

Список литературы

1. Арнольд, И. В. Стилистика. Современный английский язык : учебник для вузов. – 4-е изд., испр. и доп. / И. В. Арнольд. – Москва : Флинта ; Наука, 2002. – 384 с. – Текст : непосредственный.

2. Кузнец, М. Д. Стилистика английского языка : пособие для студентов пед. ин-тов / М. Д. Кузнец, Ю. М. Скребнев ; под ред. Н. Н. Амосовой. – Ленинград : Учпедгиз. Ленингр. отд-ние, 1960. – 173 с. – Текст : непосредственный.

3. Маслова, В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студ. вузов / В. А. Маслова. – Москва : Изд. центр «Академия», 2001. – 208 с. – Текст : непосредственный.

4. Розенталь, Д. Э. Язык рекламных текстов : учеб. пособие для вузов по спец. «Журналистика» / Д. Э. Розенталь, Н. Н. Кохтев. – Москва : Высш. шк., 1981. – 127 с. – Текст : непосредственный.

5. Солганик, Г. Я. Синтаксическая стилистика / Г. Я. Солганик. – Москва : Высш. шк., 1991. – 182 с. – Текст : непосредственный.

6. Billboard Italia – Текст электронный – URL : Interviste: gli incontri con gli artisti del momento (billboard.it) (дата обращения 15.01.2024).

«ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР»

DOI: 10.47475/9785727119631_272

Д.Р. АБДУЛЬМЯНОВА / D.R. ABDULMYANOVA*Московский городской педагогический университет
(Москва, Россия)***ОСОБЕННОСТИ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
КОММУНИКАТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ****SPECIFICS OF THE SCIENTIFIC STUDY OF COMMUNICATIVE INTERACTION****Аннотация**

В статье рассматривается коммуникация как процесс непрерывной адаптации участников интернет-коммуникации. Настоящее исследование направлено на изучение особенностей коммуникативного поведения участников общения в интернет-пространстве. В работе предпринимается попытка изучить принципы взаимодействия коммуникантов на интернет-форумах и в чатах, а также определить адаптационные механизмы, используемые коммуникантами в процессе общения, и условия их реализации. Учитывая нелинейность и гибкость коммуникации на форуме, коммуникант вынужден реализовывать новый, непривычный для себя формат общения. Для изучения данного типа общения требуется опираться на методологию, обладающую потенциалом для описания динамических объектов. Как представляется, данная задача может быть решена с помощью теории аутопоэза, согласно которой адаптация представляется условием успешного сосуществования системы и среды.

Abstract

The paper deals with communication as a process of continuous adaptation of the Internet communication participants. The present research focuses on studying the peculiarities of communicative behavior of communication participants on the Internet forums. The paper attempts to study the principles of communicators' interaction in the Internet forums and chat rooms, as well as to determine the adaptation mechanisms employed by communicators in the process of communication and the conditions of their realization. Given the non-linearity and flexibility of communication on the forum, the communicator has to realize a new and unfamiliar format of communication. In order to study this type of communication one has to rely on a methodology that has the potential to describe such dynamic objects. In fact, this task can be solved with the help of the theory of autopoiesis, according to which adaptation seems to be a condition for the successful coexistence of the system and the environment.

Ключевые слова: коммуникация, интернет-коммуникация, аутопоэз, коммуникативная стратегия, адаптация, моделирование.

Keywords: communication, Internet communication, autopoiesis, communication strategy, adaptation, modeling.

Коммуникация как один из основных видов деятельности человека всегда представляла интерес для ученых. Попытки определить унифицированную схему, по которой каждый раз протекает коммуникативный акт, привели к созданию ряда моделей коммуникации, которые успешно описывали коммуникацию посредством техники (рации, телефона, радио и др). С течением времени благодаря быстрому распространению Интернета по всему миру коммуникация претерпевает существенные изменения. Так, в конце XX века появляется новый тип коммуникации – общение в Интернете [Абдульмянова, 2022, с.12].

Результаты социологического исследования демонстрируют, что более 50% коммуникантов ежедневно участвуют в дискуссиях как на форумах, так и в чатах. Основную массу интернет-сообщества составляют люди в возрасте от 18 до 39 лет. Несмотря на то, что общение в Интернете стало достаточно обыденным явлением, оно остается новой и недостаточно изученной областью коммуникативного взаимодействия.

Интернет-общение обладает рядом особенностей, которые отличают его от коммуникации в реальном мире. Форумы и чаты обладают такими свойствами, как мобильность, интерактивность,

поликодовость, дистантность и нелинейность. С одной стороны, появляется среда общения, которая дает нам больше возможностей, чем в реальности. Коммуниканты могут получать всю необходимую информацию в считанные секунды сразу по нескольким каналам, общаться с другими коммуникантами, не взирая на расстояние и разницу во времени, общаться сразу с несколькими участниками коммуникативного взаимодействия одновременно. С другой стороны, виртуальное пространство предоставляет целый набор возможностей скрыть свою истинную сущность и выстроить свой искусственный имидж с нуля, заполняя профиль на сайте на свое усмотрение (по желанию скрывая истинную информацию о себе или выдавая ложную за правдивую). Более того, появляется возможность создания нескольких профилей и, соответственно, нескольких виртуальных личностей, при том, что другие коммуниканты не смогут об этом узнать.

Подобные условия коммуникации, сильно отличающиеся от общения в реальном времени, приводят к смене принципа коммуникативного поведения участников взаимодействия. В результате наблюдается гибкость коммуникативного поведения, многократная смена стратегий поведения, повышение и снижение активности коммуникантов. Однако с помощью существующих моделей коммуникации не представляется возможным учесть гибкость интернет-коммуникации. Поскольку общение на форумах и в чатах характеризуется гибкостью, подвижностью и недискретностью, возникает необходимость в разработке динамической модели коммуникации [Абдульмянова, 2022, с. 35]. Ввиду того, что интернет-коммуникация занимает большую часть жизни современного человека, корректное понимание мотивов и принципов протекания данного процесса принципиально важно.

В качестве методологической базы для создания модели была выбрана *теория аутопоэза* [Матурана, 1995, с. 95]. Данный выбор обусловлен тем, что здесь коммуникация представляется как взаимодействие *системы* (коммуниканта) со сложной *средой*, частью которой является и его непосредственный собеседник [Абдульмянова, 2022, с. 31]. Средой для коммуниканта выступает не пространство как объективная реальность, а иерархия факторов, выстроенная в соответствии с организацией системы. Таким образом, коммуникант учитывает лишь те факторы форума, которые представляются ему релевантными в конкретный момент общения. Деятельность участника коммуникативного взаимодействия с позиции теории аутопоэза рассматривается как попытка системы достичь определенного баланса со средой, за-

действуя определенными адаптационными механизмами. Адаптация к среде приводит к тому, что в процессе социального взаимодействия один коммуникант претерпевает структурные изменения, что впоследствии влечет изменение среды другого коммуниканта. Как правило, изменение среды участника коммуникативного взаимодействия вынуждает его стремиться к адаптации для восстановления равновесных отношений. Подобное повторяющееся взаимодействие называется *рекурсивностью*. Этот процесс может продолжаться до тех пор, пока не будет восстановлен баланс. Ввиду того, что адаптационные механизмы коммуникантов являются одним из ключевых звеньев в этом взаимодействии, их изучение представляет актуальную исследовательскую задачу на данном этапе изучения процесса коммуникации.

В связи с тем, что коммуникация представляет собой сложное явление, некоторые аспекты которого остаются латентными для стороннего наблюдателя, в ходе исследования рассматриваются несколько подходов к изучению адаптационных механизмов. Отметим, что на данный момент с процессом адаптации связывают такие факторы, как *структурность*, *активность*, *языковая способность* и *фоновые знания* коммуниканта. Для изучения вышеназванных факторов в рамках исследования было проведено наблюдение, направленное на описание коммуникативного поведения в естественной среде, в рамках которого предпринимается попытка рассмотреть активность коммуникантов как признак их адаптации. Так, анализ интернет-форумов позволил выявить ряд закономерностей, связанных с активностью коммуниканта как признака его адаптации [Газиева, 2015, с. 129]. Учитывая тот факт, что деятельность коммуниканта с позиции теории аутопоэза напрямую определяется его иерархией факторов, непостоянство степени активности коммуникантов объясняется их периодической реструктуризацией и изменениями в иерархии. Коммуникант проявляет активную деятельность только тогда, когда факторы форума оказываются для него наиболее релевантными. С течением дискуссии процент актуальных для системы факторов снижается, в результате чего снижается активность, откуда и появляется тенденция к снижению активности у всех коммуникантов вне зависимости от темы обсуждения и средней активности каждого отдельно взятого коммуниканта.

Языковая способность коммуниканта, в свою очередь, детерминирует его ориентированность на содержание, структуру, стиль, информационную и лексическую наполненность предыдущих сообщений на форуме, а также последующий учет этих данных при выстраивании своего от-

ветного комментария. В процессе чтения сообщения на форуме коммуникант стремится дифференцировать в нем определенные маркеры (информационные отсылки, факты, статистические данные, цитаты и др.) Такие маркеры, как правило, выступают в качестве опор текста и, в определенной степени, задают вектор дальнейшего обсуждения. Как показали исследования, коммуникант стремится учитывать характеристики опор исходного текста и выстраивать свой комментарий.

Следует отметить, что маркированность текста влияет на выбор адаптационных стратегий коммуникантов. Так, в ходе эксперимента было выявлено, что в случае отсутствия потенциальных опор в тексте коммуниканты проявляют большую вариативность адаптационных стратегий, практически многие из них предоставляют информативные комментарии. В том случае, когда текст содержит большое количество маркеров, коммуниканты либо стремятся выстраивать свой ответ по аналогии, либо пытаются избежать комментирования, обобщая полученную информацию с помощью абстрактных предложений.

Вместе с тем, объем фоновых знаний коммуниканта также задает поведение участника беседы: в зависимости от количества и качества информации, которой располагает коммуникант, он будет придерживаться конкретных стратегий. Степень осведомленности по обсуждаемому вопросу определяет его уверенность в себе, готовность оценивать чужие высказывания, предлагать аргументы за или против какого-либо мнения, делать логические выводы. Нехватка знания приводит к тому, что коммуникант не может полноценно участвовать в беседе, в связи с этим он зачастую стремится восполнить эту нехватку, черпая информацию из разных источников (сообщений других коммуникантов, внешних ресурсов и пр.). В том случае, если получить информацию не представляется возможным, коммуникант прибегает к одной из адаптационных стратегий, а именно интегрирует информацию, уходит от комментирования или признает отсутствие предшествующего коммуникативного опыта и фоновых знаний.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что такие факторы, как тема обсуждения, содержание текста, его стиль, информационная наполненность, определяют поведение коммуниканта только тогда, когда они оказываются релевантными в соответствии с их индивидуальной иерархией факторов. Отметим, что эксперимент позволяет выявить общие тенденции в поведении коммуникантов в определенных ситуациях. Поведение каждого отдельно взятого коммуниканта

напрямую зависит от его организации и иерархии факторов. Учитывая тот факт, что коммуникант стремится к балансу с системой и периодически задействует свои адаптационные механизмы, его структурность и иерархия факторов постоянно меняются, в связи с чем меняется и коммуникативное поведение на форуме. В результате становится очевидным, что изучение коммуникации с точки зрения аутопоэтического подхода позволяет выявлять причинно-следственные связи в поведении коммуникантов и говорить о коммуникативном акте как о процессе с несколькими допустимыми вариантами развития. Адаптация как ключевой компонент деятельности участников коммуникации предоставляет возможность оценивать поведение участников социального взаимодействия на форумах и в чатах с учетом их индивидуальных параметров, а не рассматривать их как составляющие фиксированной схемы коммуникативного взаимодействия. Изучение адаптации, в свою очередь, потребует проведения еще ряда исследований, направленных на выявление ее составляющих и определенных закономерностей, идущих в ряд с этим явлением.

Список литературы

1. Абдульмянова, Д. Р. Интернет как новая платформа межличностного взаимодействия / Д. Р. Абдульмянова // Диалог культур. Культура диалога : цифровые коммуникации : Материалы Третьей международной научно-практической конференции, Москва, 29 марта – 02 2022 года / Редколлегия : Л. Г. Викулова (отв. ред.) [и др.]. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Языки Народов Мира», 2022. – С. 12-17. – Текст : непосредственный.
2. Абдульмянова, Д. Р. Моделирование как метод исследования коммуникативного взаимодействия: динамическая модель интернет-коммуникации / Д. Р. Абдульмянова // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. – 2022. – Т. 12, № 1. – С. 30-43. – Текст : непосредственный.
3. Абдульмянова, Д. Р. Теория аутопоэза как методологическая основа исследования интернет-коммуникации / Д. Р. Абдульмянова // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. – 2022. – Т. 12, № 2. – С. 31-42. – Текст : непосредственный.
4. Газиева, Д. Р. Активность как детерминанта коммуникативного поведения участника общения на англоязычных интернет-форумах / Д. Р. Газиева // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2015. – № 2. – С. 129-135. – Текст : непосредственный.

5. Гринев-Гриневиц, С. В. Теория языка: антропологическая лингвистика : учебное пособие / С. В. Гринев-Гриневиц, Э. А. Сорокина, Л. Г. Викулова. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью «ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ ВКН», 2021. – 256 с. – Текст : непосредственный.
6. Лингвистические теории в интерпретации переводческих стратегий. Комплексный анализ переводческого процесса / О. А. Сулейманова, К. С. Карданова-Бирюкова, Н. В. Лягушкина [и др.]. – Москва : Ленанд, 2015. – 272 с. – Текст : непосредственный.
7. Матурана, У. Биология познания / У. Матурана // Язык и интеллект: сб. научных трудов / пер. с англ. и нем. – М. : Издательская группа «Прогресс», 1995. – С. 95-142. – Текст : непосредственный.
8. Межкультурная коммуникация в современном мире / А. В. Жукоцкая, С. В. Черненькая, С. Б. Кожевников [и др.]. – Москва : Московский городской педагогический университет, 2018. – 100 с. – Текст : непосредственный.
9. Чупрына, О. Г. Язык. Культура. Учебное пособие для студентов магистратуры, обучающихся по направлению «Лингвистика» / О. Г. Чупрына. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью «ФЛИНТА», 2020. – 104 с. – Текст : непосредственный.

DOI: 10.47475/9785727119631_275

А.А. АНТИПОВА / А.А. ANTIPOVA

*МГУ имени М.В. Ломоносова
(Москва, Россия)*

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ИНТЕНСИВНОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ «СТРАХ» В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ НА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ УРОВНЕ

THE INTENSITY OF THE EMOTIONAL STATE OF “FEAR” AT THE PHRASEOLOGICAL LEVEL IN RUSSIAN AND CHINESE

Аннотация

В предлагаемой статье рассматривается возможность обозначить степень интенсивности эмоционального состояния «страх» с помощью фразеологических единиц в русском и китайском языках. Исследование средств, представляющих одно значение, основывается на принципе описания языковых явлений от «смысла к форме». В задачи исследования входит выявление русских и китайских фразеологических интенсификаторов для базовых глаголов со значением «нахождение субъекта в эмоциональном состоянии «страх». В качестве базовых глаголов, т.е. глаголов, представляющих собой норму на шкале интенсивности, выступают русский глагол бояться и китайский глагол 害怕 [hàipà] (рус. бояться). В данной работе фразеологизмы анализируются именно как средство обозначения интенсивности, а не как отдельный класс. Выявленные русские и китайские фразеологизмы анализируются с учетом их смысловых, оценочных, стилистических и грамматических особенностей.

Abstract

This article examines the possibility of indicating the degree of intensity of the emotional state “fear” using phraseological units in the Russian and Chinese languages. The study of means representing one meaning is based on the principle of describing linguistic phenomena from “meaning to form.” The objectives of the study include identifying Russian and Chinese phraseological intensifiers for basic verbs with the meaning “the subject’s being in the emotional state of fear.” As basic verbs, i.e. verbs that represent the norm on the intensity scale are the Russian verb to be afraid and the Chinese verb 害怕 [hàipà] (Russian to be afraid). In this work, phraseological units are analyzed precisely as a means of indicating intensity, and not as a separate class. The identified Russian and Chinese phraseological units are analyzed taking into account their semantic, evaluative, stylistic and grammatical features.

Ключевые слова: интенсивность, эмоциональное состояние, фразеологическая единица, страх, русский язык, китайский язык.

Keywords: intensity, emotional state, phraseological expression, fear, Russian, Chinese.

Исследованию природы интенсивности, ее содержательных типов, изучению механизма обозначения степени интенсивности посвящено большое количество лингвистических работ (более подробно об истории исследования природы интенсивности в работе А.А. Антиповой) [Антипова, 2009, с. 14-20].

В настоящей статье предлагается рассмотреть фразеологические средства выражения степени интенсивности эмоционального состояния «страх» в русском и китайском языках. Фразеологические единицы (далее ФЕ) представляют собой уникальный фонд словарного состава языка. В данной работе фразеологизмы анализируются именно как средство обозначения интенсивности, а не как отдельный класс. В качестве нормы на шкале интенсивности выступают русский глагол *бояться* и китайский глагол «害怕» [hàipà] (рус. *бояться*), так называемые базовые глаголы, обозначающие эмоциональное состояние «страх». Данные глаголы стилистически и оценочно нейтральны.

При анализе ФЕ следует учитывать степень интенсивности, которую они обозначают, смысловые отличия, их стилистическую характеристику.

В работе анализируются следующие русские фразеологические единицы: *небо с овчинку кажется*; *душа уходит в пятки*; *мурашки бегают (ползают) по спине (по телу, по коже)*; *кровь стынет (леденеет, холодеет) в жилах*; *мороз по коже (по спине) дерет*; *поджилки трясутся*; *волосы становятся (встают, поднимаются) дыбом*; *волосы шевелятся на голове*; *поджимать хвост*; *дрожать как осиновый лист*; *сердце падает (отрывается, обрывается)*; *трястись за свою шкуру*.

Группу китайских фразеологических единиц представляют четырехкомпонентные сочетания чэньюй (буквально «готовое выражение»):

不寒而栗 [bù hán ér lì] (ср. рус. *мурашки по коже*); *草木皆兵* [cǎo mù jiē bīng] (ср. рус. *пуганая ворона и куста боится*); *胆战心惊* [dǎn zhàn xīn jīng] (ср. рус. *мороз по коже прошел*); *魂不附体* [hún bù fù tǐ] (ср. рус. *душа с телом расстается*); *魂飞魄散* [hún fēi pò sǎn] (рус. *страшно перепугаться, от страха душа ушла в пятки*); *惊慌失措* [jīng huāng shī cuò] (ср. рус. *быть в полной растерянности от испуга*); *惊魂未定* [jīng hún wèi dìng] (ср. рус. *еще не оправиться от испуга*); *毛骨悚然* [máo gǔ sǒng rán] (ср. рус. *мурашки бегают по спине*); *提心吊胆* [tí xīn diào dǎn] (ср. рус. *сердце замерло*); *心惊肉跳* [xīn jīng ròu tiào] (ср. рус. *в страхе не находить себе места*).

Русский и китайский языки отличаются друг от друга формально-структурными характеристиками. Русские фразеологические единицы со-

стоят из различных по своим морфологическим свойствам слов, а большинство китайских фразеологизмов составляют четырехкомпонентные сочетания.

При сопоставлении возможностей русских и китайских базовых глаголов (рус. *бояться* и кит. 害怕 [hàipà] (рус. *бояться*) интенсифицироваться на фразеологическом уровне было выявлено следующее: русские и китайские фразеологизмы указывают на высокую и крайне высокую степень интенсивности (например: рус. *поджилки трясутся*; *дрожать как осиновый лист*; *душа уходит в пятки, небо с овчинку кажется, поджимать хвост, трястись за свою шкуру*; кит. 惊魂未定 [jīng hún wèi dìng] (букв. *потрясти душу*, словарный перевод на рус.: *еще не оправиться от испуга*); 提心吊胆 [tí xīn diào dǎn] (букв. *сердце поднялось, а желчный пузырь упал*, ср. рус. *сердце замерло*), 毛骨悚然 [máo gǔ sǒng rán] (букв. *волос и кость в ужасе*, ср. рус. *волосы становятся дыбом*), 不寒而栗 [bù hán ér lì] (букв. *не холодно, а дрожит*, ср. рус. *мурашки по коже*). Низкая степень интенсивности в русском и китайском языках не обозначается на фразеологическом уровне.

В русском и китайском языках фразеологические синонимы имеют следующие семантические отличия:

- внешнее проявление эмоции (например, русские фразеологизмы *коленки дрожат*, *бросает в холодный пот* и китайские фразеологизмы 毛骨悚然 [máo gǔ sǒng rán] (букв. *волос и кость в ужасе*), 不寒而栗 [bù hán ér lì] (рус. *дрожь пробирает*). Китайский фразеологизм 不寒而栗 [bù hán ér lì] в словаре БКРС имеет следующее определение: «прийти в ужас, бросить в дрожь», а в буквальном смысле означает «не холодно, а дрожит». При чувстве сильного страха возможно и физическое недомогание, например: рус. *небо с овчинку кажется*;

- сочетание эмоционального с рациональным (например, в китайском фразеологизме 惊慌失措 [jīng huāng shī cuò] его первая часть дословно означает: *бояться, волноваться* (кит. 惊慌), а вторая часть - *не знать, как поступить* (кит. 失措) (ср. рус. *быть в полной растерянности от страха перед кем / чем-л., паниковать*).

- длительность эмоции по времени (например: ФЕ 惊魂未定 [jīng hún wèi dìng] буквально означает *потрясенная душа* (кит. 惊魂) и *неопределенный, нерешительный* (кит. 未定), словарь дает следующее толкование: «не прийти в себя; все еще находиться в состоянии испуга» [БКРС, URL].

В русском и китайском языках существуют фразеологизмы, которые содержат негативную моральную оценку. Например: рус. *поджимать*

хвост, трястись за свою шкуру; кит. 魂飞魄散 [hún fēi pò sàn] (букв. душа разума улетела, а душа тела рассеялась). Словарь предлагает толкование: *от страха душа ушла в пятки*, однако в русском варианте отсутствует указание на негативную моральную оценку [БКРС, URL]. Еще один китайский фразеологизм с негативной моральной оценкой 草木皆兵 [cǎo mù jiē bīng] буквально означает: «травы и деревья все – солдаты» (ср. рус. *пуганая ворона и куста боится*).

Русский фразеологизм *поджать хвост* вызывает ассоциацию, связанную с собакой, ее реакцией на испуг, когда животное при испуге поджимает хвост, пьтится или обращается в бегство. ФЕ поджимать хвост может выступать в качестве интенсификатора глагола *трусить*, который также содержит негативную моральную оценку.

В русском языке большинство фразеологизмов относится к разговорному стилю (*волосы шевелятся на голове, обливаться холодным потом*), к просторечию (*небо с овчинку кажется*). В китайском языке все фразеологизмы относятся к нейтральному стилю (например: 不寒而栗 [bù hán ér lì] (ср. рус. *мурашки по коже*); 惊魂未定 [jīng hún wèi dìng] (ср. рус. *еще не оправиться от испуга*)). Такая ситуация связана с тем, что источником китайских фразеологических единиц служат поучительные истории в произведениях китайских философов древности [Афанасьева, 2015, с. 34], а источником для многих русских фразеологизмов – фольклор.

Говоря о лексическом составе ФЕ в русском и китайском языках, следует указать на антропологический аспект языка. Наиболее частотными словами, используемыми в ФЕ при обозначении эмоционального состояния «страх», являются: *душа, пятки, спина, кровь, желчь, кожа, поджилки, волосы, сердце*. Например, китайский фразеологизм 毛骨悚然 [máo gǔ sǒng rán] буквально означает «все волосы на теле встали и каждая кость в содрогании» (ср. рус. *волосы дыбом встали*). Следует отметить, что в составе русских фразеологизмов, обозначающих ЭС «страх», отсутствуют слова «желчь», «желчный». Существующее в русском языке словосочетание «изливать желчь» указывает на состояние раздражения, гнева. А среди китайских фразеологизмов, указывающих на ЭС «страх», имеются таковые, например: 胆战心惊 [dǎn zhàn xīn jīng]. Словарь БКРС дает следующее толкование: «смертельно перепугаться», а буквально данный фразеологизм переводится: *желчный пузырь дрожит, а сердце в ужасе*.

В русских и китайских ФЕ встречаются слова *душа* и *сердце*. *Сердце* и *душа* зачастую равнозначны в русской культуре (ср.: *сердце / душа*

болит в значении *очень волноваться, беспокоиться*), а в китайском языке сердце имеет значения: 1) центральный орган кровеносной системы; 2) подлинное намерение (кит. 本心 [běnxīn] [Ли Илин, 2021, с. 69]), т.е. сердце связано с разумом, не чувством.

Интерес представляет и китайский фразеологизм 魂飞魄散 [hún fēi pò sàn] (букв. душа разума улетела, а душа тела рассеялась), который заключает в себе иероглифы 魂 [hún] и 魄 [pò]. В китайской философии *хунь* и *по* – это два типа душ, в философско-религиозных учениях Китая. Согласно древней традиции дуализма души, у каждого человека есть как эфирная душа *хунь*, так и материальная *по* [Академик, URL].

Как показало исследование, между фразеологическими интенсификаторами и базовыми глаголами в русском и китайском языках существуют различия в степени интенсивности (русские и китайские ФЕ указывают на высокую и крайне высокую степень интенсивности), могут возникать различия семантические, стилистические, оценочные и ассоциативные. Сопоставляя фразеологизмы в разных языках, мы исследуем не только языки, но и культуры разных народов мира.

Список литературы

1. Академик или Словари и энциклопедии на «Академике». – Текст : электронный [официальный сайт]. – URL : www.dic.academic.ru (дата обращения: 11.10.2023).
2. Антипова, А. А. Способы обозначения степени интенсивности эмоционального состояния в русском и итальянском языках : дис. ... канд. филол. наук / А. А. Антипова. – М., 2009. – С. 14-20. – Текст : непосредственный.
3. Афанасьева, М. П. К вопросу о становлении китайской фразеологии в китайском языкознании и возможных методах описания фразеологизмов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2015. №6 (48). – С. 33-36. – Текст : электронный [официальный сайт]. – URL : www.gramota.net (дата обращения 12.02.2024).
4. Большой китайско-русский словарь (БКРС). – Текст : электронный [официальный сайт]. – URL : <https://bkrs.info> (дата обращения: 12.11.2023).
5. Готлиб, О. М. и Му Хуаин. Китайско-русский фразеологический словарь / О. М. Готлиб. – Иркутск : Издательство ИГУ, 2019. – Текст : непосредственный.
6. Китайский толковый словарь 百度百科. – Текст : электронный [официальный сайт]. – URL : <https://baike.baidu.com> (дата обращения:

09.10.2023).

7. Ли Илин. Набор средств, выражающих интенсивность эмоционального состояния «страх» в русском и китайском языках : дисс. ... магистра / Ли Илин. – Москва, 2021. – 69 с. – Текст : непосредственный.

8. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общим рук. Апресяна Ю. Д. Т 1-3. – Москва : Языки русской культуры,

1995, 2000, 2003. – Текст : непосредственный.

9. Русско-китайский словарь. – Текст : электронный [официальный сайт]. – URL : https://russian_chinese.academic.ru (дата обращения: 02.10.2023).

10. Фёдоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка / А. И. Фёдоров. – Москва : АСТ, 2008. – 828 с. – Текст : непосредственный.

DOI: 10.47475/9785727119631_278

Б.А. БОБНЕВ / В.А. BOBNEV

Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)

СПОРТИВНЫЙ ИТАЛЬЯНСКИЙ РЕПОРТАЖ КАК ЖАНР ПУБЛИЦИСТИКИ

ITALIAN SPORTS REPORTING AS A GENRE OF JOURNALISM

Аннотация

В настоящей статье рассматриваются особенности итальянского спортивного репортажа как публицистического жанра. Важно отметить, что итальянский спортивный репортаж как публицистический жанр, занимает важное место в итальянских СМИ. В работе отмечается значимость спорта для итальянской культуры, который для итальянского народа является важной жизненной составляющей. В исследовании рассмотрены лексико-семантические особенности функционирования единиц спортивного репортажа. В центре внимания исследования находятся языковые средства, отражающие специфику и колорит итальянского менталитета, несмотря на жесткие рамки структуры репортажа. В ходе исследования было обнаружено, что язык спортивного репортажа чрезвычайно экспрессивен. Рассмотренные тропы и фигуры усиливают эмоциональность звучащей в эфире речи, передают оценочные и эмоционально-экспрессивные значения.

Abstract

This article examines the features of Italian sports reporting as a journalistic genre. It is important to note that Italian sports reporting as a journalistic genre occupies an important place in the Italian media. The work notes the importance of sport for Italian culture, which is an important component of life for the Italian people. The study examines the lexical and semantic features of the functioning of sports reporting units. The focus of the study is on linguistic means that reflect the specifics and flavor of the Italian mentality, despite the rigid framework of the reportage structure. The study found that the language of sports reporting is extremely expressive. The considered tropes and figures enhance the emotionality of the speech heard on the air, conveying evaluative and emotionally expressive meanings.

Ключевые слова: *публицистический жанр, итальянский футбол, структура комментария, коммуникативная установка комментатора, языковая личность комментатора.*

Keywords: *mass media genre, Italian football, commenting structure, commentator's communicative putting, commentator's linguistic personality.*

Спортивный репортаж – один из основных жанров в структуре средств массовой информации. Цель футбольного репортажа состоит в том, чтобы дать аудитории возможность увидеть описываемое спортивное событие глазами комментатора как очевидца. На первый план репортажа выходит непосредственно личностное восприятие спортивного события, автор репортажа пред-

стает как активный наблюдатель и комментатор действия [Бахтин, 1997]

Известно, что репортаж как публицистический жанр, дающий наглядное представление о событии через непосредственное восприятие автора может быть событийным, аналитическим, или проблемным, познавательно-тематическим и репортажем-комментарием [Майданова, 2006].

Спортивный репортаж – это, безусловно, репортаж-комментарий с элементами перечисленных и описанных в Стилистическом энциклопедическом словаре типов и, как обобщает Н.Б. Попова, это «смешанный жанр, представляющий собой подробный событийный комментарий информационно-аналитического типа, отражающий яркую авторскую позицию, обращенную к массовому адресату» [Попова, 2017, с. 161].

Особенность любого спортивного репортажа такова, что событие предстоящего матча известно заранее, и журналист-комментатор имеет возможность подготовиться к нему, собрать необходимый материал с тем, чтобы затем «вплести» его в основную канву комментария, основная часть которого является непосредственно событийной.

Предметом настоящего исследования является итальянский спортивный репортаж как публицистический жанр, занимающий важное место в итальянских СМИ. Это связано с особой значимостью спорта для итальянцев, который для них – не просто занятие, а часть жизни или даже сама жизнь.

Поведение игроков во время спортивного мероприятия раскрывает темперамент итальянцев: они кричат, жестикулируют, бывает, что применяют непростительные приемы во время игры. При этом итальянский игрок за непростительные приемы может даже прославиться. Не менее экспрессивны и итальянские футбольные болельщики (тиффози). Во время игры итальянских команд они буйствуют на трибунах, приветствуют своих кумиров, порой оскорбляя в своих «кричалках» соперников.

Рассмотрим спортивный репортаж на примере итальянского футбола. Футболом в Италии «болеет» практически каждый житель. Не случайно любительский футбол в Италии входит в общую структуру итальянского футбола, охватывая тем самым всех желающих принять участие в этой спортивной игре.

Система итальянского футбола выглядит как пирамида, в основе которой лежит любительский футбол. Низшая 10-я лига насчитывает самое большое количество дивизионов и клубов, в нее входящих. Затем после отбора идут 9-ая и 10-ая лиги. Это – первый любительский уровень, или категория, итальянского футбола. Следующая категория – это тоже любительские лиги 7-ая, 6-ая и 5-ая как лиги переходные на профессиональный уровень. И только после шести любительских лиг начинается итальянский профессиональный футбол. В Италии существует огромное количество клубов, входящих в состав лиг любительского и профессионального футбола, среди которых наиболее известны «Ювентус», «Милан», «Лацио», «Наполи», «Интер», «Рома».

Материалом нашего исследования послужили репортажи чемпионатов мира по футболу в исполнении таких известных итальянских комментаторов, как Н. Мартеллини (1982), Б. Пиццул (1989, 1994), З. Куки (1996).

Заметим, что коммуникативная установка футбольного комментатора – это не только передать событийную информацию процесса игры, но и ее напряженность и азартность. При этом, как уже было отмечено, отношение итальянцев к футболу (игроков, болельщиков, комментаторов) отличается особой эмоциональностью. Специфические признаки в речи спортивных комментаторов, замеченные исследователем спортивного дискурса Е.Г. Малышевой, позволили ей выделить такие коммуникативные типы комментаторов, как «репортер», «аналитик», «знаток», «ироник», «балагур», «актер», «болельщик» [Малышева, 2011, с. 280-307]. Интересно будет определить в конце настоящего исследования, к какому типу можно отнести в целом итальянского футбольного комментатора.

Спортивный репортаж в настоящей работе рассмотрен с точки зрения лексико-семантического функционирования его единиц в рамках классической стандартной конструкции типа «введение – основная часть – заключение» с целью выявления национальной составляющей языковой личности итальянского комментатора.

Введением спортивного репортажа считается отрезок времени от прямого включения до момента начала собственно игры. Комментатор приветствует телезрителей, называет себя, статус матча, место проведения, дату и представляет команды. Это традиционно устоявшиеся формы, которые одновременно позволяют комментатору ввести ту или иную значимую информацию или личностную оценку.

Так начинается свой репортаж Бруно Пиццул в комментарии финального матча «Наполи»-«Штутгарт» на Кубке УЕФА 1989:

(1) «Buona sera gentili ascoltatori dallo stadio San Paolo di Napoli! Buona sera da Bruno Pizzul. Una straordinaria avventura della squadra napoletana che gioca stasera con la Stoccarda, la finale di Coppa Uefa. 2:1il risultato della match d'andata a San Paolo» (*Добрый вечер, уважаемые слушатели! Добрый вечер из Неаполя, стадиона Сан Паоло! Вас приветствует Бруно Пиццул! Необыкновенное приключение неаполитанской команды, которая играет сегодня вечером со Штутгарт, в финале кубка УЕФА. 2:1 результат входного матча в Сан Паоло*).

Бруно Пиццул в своем репортаже финального матча Милан – Барселона Лиги чемпионов УЕФА 18 мая 1994 года, кроме стандартного

представления себя как комментатора и предстоящего матча, эмоционально образно описывает происходящее на трибунах:

(2) «*Lo stadio è stato liberalmente invaso dai tifosi napoletani, giunti da ogni parte d'Italia ma anche da ogni parte dalla Germania, dalla Francia. Veramente un clima di festa. L'immediata vigilia è stata caratterizzata dall'attesa della presenza o meno di Careca, Careca è in campo. Uno spettacolo straordinario nelle tribune con vessilli azzurri dei napoletani che si sono riuniti in particolare sulle curve ma anche un po' dovunque nello stadio*» (*Стадион завоевали болельщики команды «Наполи», приехавшие из разных уголков Италии, а также Германии и Франции. Настоящая атмосфера праздника. Накануне матча все ждали присутствия футболиста Кареки, и вот Карека на поле. Необыкновенное зрелище лазури в виде радужной дуги со стороны трибун и по всему стадиону от болельщиков, одетых в голубое*).

Представление команд и некоторых особо значимых игроков происходит следующим образом:

(3) «*Nella casacca azzurra il Napoli, nella maglia bianca con linea trasversa le rossa – Stoccarda*» (*В голубых майках команда Наполи, в белых с красной полоской Штутгарт*).

(4) «*Vedete l'arbitro con due capitani: Allgöwer e Maradona per le operazioni preliminari. Vedete le telecamere che soffermano con particolare l'attenzione su Maradona*» (*Вы видите судью с двумя капитанами: Алльгёвер и Марadona для предварительных действий. Вы видите телекамеры обращают особое внимание на Марадону*).

Во вступлении футбольного репортажа Бруно Пиццула нередко можно заметить и его личностную ироническую оценку в отношении команды противника:

(5) «*In pratica i colleghi tedeschi dopo aver sempre stigmatizzato il vittimismo degli italiani, hanno a loro volta usato la politica della lacrimuccia della lamentazione nell'evidente tentativo di influentare l'arbitro di questa sera chi è lo spagnolo Sanchez Arminio. Tutto questo per impadronire l'ambiente*» (*На самом деле немецкие коллеги всегда клеймили виктимное поведение итальянцев, а в этот раз они сами использовали «политику плаксы и ябеды» в явной попытке повлиять на решение судьи, испанца Санчеса Арминьо. Все для того, чтобы завладеть обстановкой*).

В целом вступительная речь логична и нормативна, о чем свидетельствует синтаксис развернутых и законченных предложений. Встречаются достаточно прозрачные и традиционные тропы: *straordinaria avventura, spettacolo straordinario, colleghi tedeschi, impadronire l'ambiente, сохранив-*

шие в контексте свою выразительность и образность. Отступлением от нейтрального способа выражения представляется, с одной стороны, поэтический образ итальянских болельщиков в виде лазурной радуги, проходящей по трибунам, а с другой – ироническое употребление развернутой перифразы с разговорной моделью *lacrimuccia* от слова «слеза» в метафоре *lacrimuccia della lamentazione* (типа пренебрежительного «жалобная слезенка») в отношении «немецких коллег».

Комментарий *основной части* матча, включающей два периода по 45 минут, практически не дает возможности для использования комментатором заготовленного материала или заготовленных фраз. Это передача комментатором чисто ситуативных и порой мгновенных действий. Именно поэтому основная часть комментариев – это самая эмоциональная и непредсказуемая часть репортажа.

Примеры от Бруно Пиццула:

(6) «*E subito un lancio profondissimo di Sigurvinsson, sorveglia la situazione a Renica e gira. Palla per Maradona!ю.. Fuori!*» (*И сразу дальний бросок Сигурвинссона, ... Реника следит за ситуацией... обходит соперника.... Мяч Марадоне!... Аум!*).

(7) «*Gentile,... Conti, contropiede,... siamo in vantaggio,... va in avanti, Conti,.. traversa Altobelli!*» (*Джентиле, ... Конти... идет в стремительную контратаку, ... преимущество у нас, Конти... выходит вперед, .. пересекает Альтобелли!*).

Более спокойно комментирует игру итальянского игрока комментатор Риккардо Кукки во время матча Лиги чемпионов УЕФА 18 мая 1994 г.:

(8) «*La palla è del Milan con Donadoni, buono il suo movimento! La combinazione con Messaro tentativo di trangolo lungo, e ancora Donadoni ha fermato la palla laterale. È un buon Milan! È un buon Milan soprattutto direi per la partenza di Donadoni. La fantasia c'è, l'ispirazione la vediamo soprattutto sulle fasce laterali, speriamo che duri*» (*Мяч у Милана во главе с Донадони, двигается в хорошем темпе! Комбинация с Мессаро в попытке длинного паса, и снова Донадони перехватывает боковой мяч. Хорош Милан! Хорош, особенно, благодаря игре Донадони. Фантазия у него есть, вдохновение тоже, особенно мы это видим на боковых линиях. Надеемся, что они на долго*).

(9) Или другой пример: «*Al parer mio Peruzzi è stato bravissimo, non ci ha lasciato ingannare, ha fatto un bravissimo passo ed ha ribattuto con un tiro forte Davids, molto bene!*» (*По моему мнению, Перуцци просто молодец, он нас не обманул, сделал прекрасный пас и ответил Дэвидсу отличным пенальти*).

Как видим, в основной части репортажа у Бруно Пиццула речь прерывиста, парцеллярна, эмоциональна, с повторами имен игроков и наречий. Повторы как бы отражают «накал страстей». Хотя в целом основная часть репортажа – это фактографичные отрезки наблюдения за матчем.

Что касается Риккардо Куки, это классическое фактографическое описание матча, состоящее из логически законченных отрезков речи, со сдержанными оценками, где встречаем и тропы, например, метонимическое *Хорош Милан!*

Комментарий *заключительной части* матча характеризуется краткостью и динамичностью. Комментаторы кратко подводят итоги, ещё раз называют себя и прощаются с телезрителями, что не мешает им дать свою эмоциональную оценку.

(10) Например, Бруно Пиццул в конце победного матча очень красноречив: *«È stata una grande lotta di calcio gentili ascoltatori. E Napoli così ottiene la vittoria, una vittoria estremamente sofferta. Speriamo che adesso la vittoria abbia dato un po' di respiro e anche un po' di voce ai giocatori e ai protagonisti in campo. È finita 2:1, cari ascoltatori, grazie allo studio. Infine l'augurio di una serena notte»* (*Это была великая футбольная битва, дорогие слушатели! Таким образом, Наполи завоевывает победу, по-настоящему выстраданную победу. Надеемся, что теперь победа даст глоток воздуха и немного голоса игрокам и главным героям на поле. Результат 2:1 дорогие слушатели, спасибо студии. Желаю вам спокойной ночи*).

На уровне синтаксиса эмоциональность Бруно Пиццула заметно нормализуется: предложения все законченные, включая и восклицательную форму. На лексико-семантическом уровне, тем не менее, встречаем экспрессивные тропы, отражающие его специфическую языковую личность (метафоры, гиперболы, эпитеты): *una vittoria*

estremamente sofferta, una grande lotta di calcio, la vittoria abbia dato un po' di respiro и т.д.

В целом, проанализированный материал позволяет отметить, что язык спортивного репортажа чрезвычайно эмоционален. Отмеченные выше тропы и фигуры усиливают изобразительность и выразительность звучащей в эфире речи, передают оценочные и эмоционально-экспрессивные значения. Все комментаторы относятся к типу комментатор-болельщик, хотя заметим, что в разной степени, судя по эмоциональным комментариям Бруно Пиццула в сопоставлении с репортажами Риккардо Куки.

Список литературы

1. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин // Собрание сочинений. – Т. 5 : Работы 1940-х – начала 1960-х годов. – М. : Русск. Словари, 1997. – С. 159-206. – Текст : непосредственный.
2. Майданова, Л. М., Дускаева, Л. Р. Жанры публицистического стиля / Л. М. Майданова, Л. Р. Дускаева // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : 2006. – 696 с. – Текст : непосредственный.
3. Малышева, Е. Г. Дискурсивная языковая личность в русском спортивном дискурсе / Е. Г. Малышева // Электронный научный журнал «Медиаскоп», Медиастилистика. Вып. № 1, 2011. – С. 280-307. – Текст : непосредственный.
4. Попова, Н. Б. Коммуникативные и речевые стратегии репортажа как жанра спортивного дискурса СМИ / Н. Б. Попова // Вестник Челябинского госуниверситета. Филологические науки. Вып. 110. № 12 (408) 2017. – С. 159-165. – Текст : непосредственный.

DOI: 10.47475/9785727119631_281

А.С. ВОЛЧКОВА / A.S. VOLCHKOVA
Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)

СЕМАНТИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ КОНЦЕПТА «ОБРАЗОВАНИЕ» В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

SEMANTIC CONCEPT «EDUCATION» IN CHINESE LANGUAGE

Аннотация

Образование – это неотъемлемая часть в жизни каждого человека. Соответственно тема образования занимает ключевое место в любой лингвокультуре, поскольку образовательные концепты закладываются в людей фактически с рождения. В каждом языке слова имеют свою историю воз-

никновения. В китайском языке слова представлены графически, с помощью иероглифов, история возникновения которых насчитывает несколько тысячелетий. В ходе исследования было обнаружено, что слово «образование» в Китае уже изображалось многие века до нашей эры, начиная с гадательных надписей на костях и панцирях черепах, что позволяет проследить – какой смысл вкладывается в данное слово. В этой статье рассматривается то, каким образом представлена семантика концепта «образование» в китайском языке. Благодаря этому шагу можно выстроить так называемое концептуальное поле, с помощью которого можно увидеть, что входит в понятие «образование», а также более детально рассмотреть процесс образовательной деятельности в КНР.

Abstract

Education is an integral part of every person's life. Accordingly, the topic of education occupies a key place in any linguoculture, as educational concepts are embedded in people virtually from birth. In every language, words have their own history of origin. In Chinese, words are represented graphically, through characters, which have a history of origin dating back several millennia. In the course of the study it was found that the word «education» in China was already represented many centuries BC, starting with fortune-telling inscriptions on bones and shells of turtles, which allows us to trace the meaning of the word. This article examines how the semantics of the concept «education» is represented in Chinese. Thanks to this step, it is possible to build a so-called conceptual field, through which it is possible to see what is included in the concept of «education», as well as to examine in more detail the process of educational activities in the PRC.

Ключевые слова: концепт, образование, китайский язык, иероглиф, лингвокультура, этимология.

Keywords: concept, education, Chinese language, character, linguoculture, etymology.

Концепт «образование» занимает важное место в любой лингвокультуре. В системе ценностей жителей Поднебесной образование также занимает ключевую позицию, поскольку еще в III веке до нашей эры китайские чиновники начинали подготовку к государственным экзаменам. Сейчас китайская система образования не отличается от остального мира: сначала все ходят в детский сад, шесть лет обучаются в начальной школе и три года в средней школе и, если есть желание поступить в высшее учебное заведение, то обучение продолжается в старшей школе еще три года. Обучение в высшей школе разделено на бакалавриат и магистратуру.

Китайская система образования регулируется основным законом об образовании, специальными законами об образовании, административно-правовыми нормами органов просвещения, местными законами об образовании и образовательными регламентами. В статье 19 Конституции КНР написано: «Создавая различные учебные заведения, государство осуществляет всеобщее начальное образование, развивает среднее, профессиональное и высшее образование, кроме того, развивает дошкольное воспитание. Расширяя сеть просветительных учреждений, государство ликвидирует неграмотность, проводит политическое, общеобразовательное, научно-техническое, профессиональное обучение рабочих, крестьян, государственных служащих и других трудящихся, а также поощряет самообразование» [Конституция КНР, URL]. Поэтому, благодаря тому, что каждый человек проходит через призму обязательного образования, то формируется опреде-

ленная языковая картина мира, связанная с образовательными процессами.

Слово «образование» в китайском языке состоит из двух иероглифов: 教 (jiào) и 育 (yù). Первый иероглиф может употребляться самостоятельно, передавая значения «обучать», «преподавать», «воспитывать», «религия», «вера» и «просвещение». Второй иероглиф самостоятельно не используется, но обозначает «возвращение», «воспитание», «вынашивание» и «рождение».

Иероглиф 教 берет свое начало со времен правления династии Шан (XVI – XI вв. до н.э.), где его использовали на цзягувэнь (кости и черепаши панцири, которые являлись гадательными надписями). Некоторые варианты написания иероглифа представлены ниже (Рис. 1), несмотря на то, что найдено их было десять [Zu ci wang, URL].

Рис. 1 – Варианты написания иероглифа 教 на цзягувэнь

На бронзовых сосудах также встречается этот иероглиф (Рис.2) [Там же, URL]:

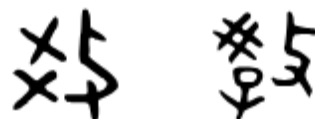

Рис. 2 – Варианты написания иероглифа 教 на бронзовых сосудах

В «Происхождении китайских иероглифов» иероглиф 教 представлен в древнем каллиграфическом стиле письма чжуаньшу (Рис.3) [Там же, URL].

Рис. 3 – Написание иероглифа 教 в стиле письма чжуаньшу

А согласно шести категориям китайских иероглифов (Лю Шу), которые включают в себя пиктограммы (象形), символы (指事), идеограммы (会意), фонограммы (形声), заимствования (假借), варианты (转注) способов написания существует пятнадцать. Некоторые можно рассмотреть ниже (Рис.4) [Там же, URL].

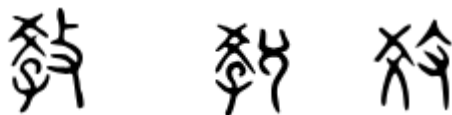

Рис. 4 – Написание иероглифа 教 согласно Лю Шу

Постепенно иероглиф трансформировался в старый традиционный вариант письма 季效.

У всех вариантов можно обнаружить сходство: использование ключа 攴 (pū), который в древности имел значение «обучать работам с помощью ручных инструментов» и 爻 (сплошная или прерывистая черта в гексаграмме согласно «Китайской книге перемен» («И цзин»)). Также на некоторых вариантах написания можно увидеть изображение ребенка 子. Эта черта уточняет, что обучение было направлено на детей.

Что касается второй части слова «образование» – иероглифа 育, то существует 64 варианта написания на цзягувэнь. Некоторые варианты представлены ниже (Рис.5) [Там же, URL]:

Рис. 5 – Варианты написания иероглифа 育 на цзягувэнь

На бронзовых ритуальных сосудах варианта было четыре (Рис.6) [Там же, URL].

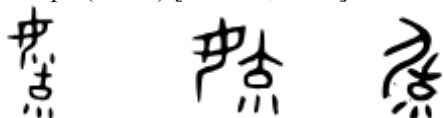

Рис. 6 – Варианты написания иероглифа 育 на бронзовых сосудах

В «Происхождении китайских иероглифов» был дан всего один вариант написания (Рис. 7) [Там же, URL].

Рис. 7 – Написание иероглифа 育 в стиле чжуаньшу

Согласно шести категориям китайских иероглифов вариантов написания шесть (Рис.8) [Там же, URL].

Рис. 8 – Варианты написания иероглифа 育 согласно Лю Шу

В старом традиционном варианте написания иероглиф выглядит 毓, где используются графемы 每, что обозначает «мать» и 育, который несет смысл рождения, вынашивания, возвращения. Предполагается, что когда рождается ребенок, то он не умеет жить и его нужно учить.

Существует большое количество слов, где отдельно используется иероглиф 教. Все слова, так или иначе, связаны с образовательной или религиозной сферами. Например, 教程 (jiàochéng – программа, курс), 教导 (jiàodǎo – обучать, руководить), 教典 (jiàodiǎn – буддийская сутра), 教长 (jiàozhǎng – старейший священник, декан), 教命 (jiàomìng), 教迪 (jiàodí – вразумлять), 教区 (jiàoqū – епархия, приход), 教坊 (jiào fāng – придворная школа), 教练 (jiàoliàn – тренировать), 教敕 (jiàochì – поучать, дидактика, нравоучение) и т.д. В список слов, где иероглиф 教 входит в состав, вошли как глаголы, так и существительные.

Также данный иероглиф входит в состав чэньюев (成语 – устойчивые обороты, в большинстве своем состоящие из четырех иероглифов). Например, 因材施教 (yīncái shījiào – вести учение соответственно индивидуальным способностям), 谆谆教导 (zhūn zhūn jiào dǎo – усердно, настойчиво наставлять), 孺子可教 (rú zǐ kě jiào – подающий надежды юноша), 三教九流 (sānjiào jiǔliú – все науки, вся премудрость), 不吝赐教 (bùlìn cìjiào – не отказать в совете) и т.д. Как можно заметить, все примеры связаны с обучением или наставлениями.

Ниже представлены слова, где появляется иероглиф 育: 育获 (yùhuò – храбрец, силач), 育孕 (yùyùn – отходить весь срок беременности), 育才 (yùcái – культивировать таланты, растить кадры), 育养 (yùyǎng – возвращать, вскармливать), 育雏 (yùchú – выращивать птенцов), 育德 (yùdé –

воспитывать в себе моральные качества), 育肥 (yùféi – откорм, откармливать), 育苗 (yùyuè – расти; наливать (о хлебах), растущий, подвижный), 育种 (yùzhǒng – селекция), 育才 (yùcái – культивировать таланты, растить кадры) и другие. Все они связаны с тем, что кто-то помогает кому-то вырасти или созреть. В большей степени проявляя заботу. Это отношение применимо и к людям, и к животным, и к растениям.

Чэньюи, где присутствует иероглиф 育, представлены в небольшом количестве: 作育人材 (zuò yù rén cái – подготавливать кадры), 生儿育女 (shēng'ér yù nǚ – рожать и растить детей), 振民育德 (zhèn mín yù dé – поддерживать народ в воспитании нравственности). Использование данного иероглифа показывает, что речь идет о воспитании, рождении детей, народа или кадров.

Таким образом, слово «образование» в китайском языке – это соединение двух иероглифов, которые несут в себе идею «взрастить и научить неким навыкам «детей», проявляя заботу». Именно поэтому иероглиф 教 также используется для обозначения верований и религий, поскольку обучение (наставление) позволяет «научить» понимать суть мира и жизни. Особенно это видно при изучении слов и чэньюев, где присутствует данный иероглиф.

Иероглиф 育 показывает рождение в прямом смысле этого слова, но также дает указание на проявление заботы со стороны. Чэньюев с его использованием намного меньше.

Список литературы

1. Конституция КНР – Текст : электронный [официальный сайт]. – URL : https://chinalaw.center/constitutional_law/china_constitution_revised_2018_russian/ (дата обращения: 29.01.2024).
2. Chinese Etymology – Текст : электронный. – URL : <https://hanziyuan.net/#home> (дата обращения: 29.01.2024).
3. Zhonghua renmin gongheguo xianfa – Текст : электронный [официальный сайт]. – URL : https://www.gov.cn/guoqing/2018-03/22/content_5276318.htm (дата обращения: 27.01.2024).
4. Zhonghua renmin gongheguo yiwu jiaoyu fa – Текст : электронный [официальный сайт]. – URL : https://www.gov.cn/guoqing/2021-10/29/content_5647617.htm (дата обращения: 27.01.2024).
5. Zu ci wang – Текст : электронный. – URL : <https://www.zuci.com/bdcc/> (дата обращения: 29.01.2024).

DOI: 10.47475/9785727119631_284

Е.А. ДАММАН / E.A. DAMMAN

*Южно-Уральский государственный университет (НИУ)
(Челябинск, Россия)*

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТА «НАРОД» В РУССКОЯЗЫЧНОЙ И АНГЛОЯЗЫЧНОЙ КАРТИНАХ МИРА

LINGUISTIC AND CULTURAL ANALYSIS OF THE CONCEPT “PEOPLE” IN THE RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGE WORLD MAPS

Аннотация

Статья посвящена исследованию концепта «народ» на материале русского и английского языков. В языковой картине мира особое место занимает концепт «народ» как один из важнейших феноменов национального сознания. Феномен «народ» получает множественное и вариативное обозначение в русской и английской языковой картине мира, однако в лингвистической литературе данный вопрос рассмотрен недостаточно. Русская и английская языковые картины мира имеют как универсальные, так и специфические признаки. Для изучения языковых средств выражения концепта «народ» применяются метод сплошной выборки, метод словарных дефиниций, компонентный анализ. В результате анализа концепт «народ», характерный для русской языковой картины мира, подтверждает наличие большего количества признаков общности, наблюдаемые в языке, нравах, культуре, экономических отношениях, гражданстве или подданстве государству, в то время как в англоязычном концепте критерий общности ограничивается только территориальным признаком.

Abstract

The article is devoted to the study of the concept "people" on the material of Russian and English languages. The concept "people" as one of the most important phenomena of national consciousness occupies a special place in the language world map. The phenomenon "people" receives multiple and variable designation in the Russian and English language world maps, but this issue is not sufficiently considered in the linguistic literature. Russian and English language world maps have both universal and specific features. To study the linguistic means of expressing the concept "people", the continuous sampling method, the method of dictionary definitions, and component analysis are used. As a result of the analysis, the concept "people", characteristic of the Russian language world map, confirms the presence of more signs of commonality observed in language, manners, culture, economic relations, citizenship or subjection to the state, while in the English-language concept the criterion of commonality is limited only by a territorial feature.

Ключевые слова: концепт, языковая картина мира, русский и английский языки, лингвокультурологический анализ.

Keywords: concept, language world map, Russian and English languages, linguistic and cultural analysis.

Введение

Объектом исследования лингвокультурологии в качестве отдельной отрасли лингвистики является связь языка и культуры. Любой концепт в рамках лингвокультурологического подхода к исследованию концептов признается лингвокультурным и воспринимается, в первую очередь, как объект человеческой культуры. Такое обстоятельство, как выход за рамки языка, вызывает смещение фокуса внимания исследователя с лингвистической стороны явления на культурную и создает необходимость использования методов смежных гуманитарных наук, таких как культурология и социология.

Однако исследователи, работающие в рамках лингвокультурологии, отмечают, что лингвокультурный концепт обладает языковым выражением, что создает необходимость применения в исследовании традиционно лингвистических методов исследования. Для изучения языковых средств выражения концепта «народ» были применены метод сплошной выборки, метод словарных дефиниций, компонентный анализ.

Концепт «народ» по данным русскоязычных лексикографических источников

Для определения понятийной составляющей концепта «народ» необходимо выявить его основные понятийные признаки. Понятийные признаки концепта – это «рациональная часть концепта, т.е. то содержание, которое включает только существенные характеристики объекта и рационально мыслится, а не переживается» [Карасик, 2002, с. 153]. Источниками сведений о понятийных признаках концепта являются в первую очередь толковые словари.

Народ:

1. Население той или иной страны;
2. Нация, национальность, народность;
3. Основная трудовая масса населения страны;

4. Люди [Большой толковый словарь русского языка, 1998, с. 574].

Народ:

1. Население государства, жители страны;
2. Нация, национальность или народность;
3. Основная трудовая масса населения страны;
4. Люди, группа людей [Ожегов, 1996, с. 383; Словарь русского языка, 1999, с. 257].

Народ:

1. Население, объединенное принадлежностью к одному государству; жители страны;
2. То же, что нация, национальность;
3. В эксплуататорском государстве – основная масса населения (преимущественно крестьяне) в противоположность правящему, господствующему классу;
4. Люди [Толковый словарь русского языка, 1938, с. 638].

Анализ предлагаемых отобранными источниками дефиниций позволяет заключить, что первичным признаком концепта «народ» является подданство, гражданство того или иного государства. В толковании, предложенном Большим толковым словарем русского языка под редакцией С. А. Кузнецова, фигурирует слово *страна*, что создает почву для дальнейшей интерпретации: а) слово *страна* может использоваться в качестве полного синонима слову *государство*, в таком случае можно судить о тождественности первичных дефиниций, предлагаемых рассмотренными источниками. Обращение к тому же толковому словарю с целью уточнения дефиниций слова *страна* ведет к двум определениям, первым из которых указано слово государство. Если отталкиваться от первого значения, тождество значений по признаку гражданства (подданства) среди рассмотренных источников сохраняется; б) второе предлагаемое этим же лексикографическим справочником определение слова *страна* – *Местность, территория, выделяемая*

по географическому положению и природным условиям. Данное определение не включает в себя признак государственности и ограничивается лишь территориальным признаком.

Во всех рассмотренных источниках слова *нация* и *национальность* фигурируют в качестве эквивалентов ключевому слову-репрезентанту концепта. Многокомпонентность данных понятий требует их дальнейшего подробного рассмотрения. Все рассмотренные источники предлагают слово *люди* в значении *группа людей* в качестве синонимичного ключевому слову-репрезентанту концепта. Источники расходятся в определении ключевое слово-репрезентанта с точки зрения трудовой деятельности. Данную область следует рассматривать не только с точки зрения словарных определений, но и с точки зрения законодательства и (или) идеологии конкретных государственных образований в определенные исторические эпохи или временные промежутки, а также с точки зрения конкретного определения слова *труд* и словосочетания *трудовая деятельность*. В зависимости от комбинации значений перечисленных выше факторов, в тот или иной промежуток времени народ может быть составлен разными возрастными группами, социальными классами, сословиями, представителями профессий, носителями того или иного социального статуса.

На основе результатов дефиниционного анализа ключевого слова-репрезентанта концепта «народ» произведем формулирование обобщенного понятия: *народ – это общность людей, объединенных гражданством или подданством государству, на территории которого они проживают, принадлежность к нации и к той или иной группе людей в целом*. В совокупность понятийных признаков концепта «народ» будут входить следующие лексические единицы: *общность + люди + гражданство + подданство + государство + территория + группа*.

Важно отметить, что рассмотренные нами источники предлагают слова *люди*, *нация*, *национальность* в качестве эквивалентных ключевому слову-репрезентанту концепта. Исходя из этого, выявленные в результате дефиниционного и компонентного анализа вышеперечисленных слов лексические единицы необходимо приобщить к совокупности понятийных признаков концепта «народ».

Дефиниционный анализ слова *люди* позволил определить, что данное слово является формой множественного числа слова *человек*. Анализируя каждую из представленных дефиниций на предмет сем, имеющих потенциал приобщения к ядерной зоне концепта, можно заключить следующее:

1. Данная дефиниция описывает человека с точки зрения его свойств как таксона. Поскольку слово *человек* и форма его множественного числа *люди* по умолчанию применяется к представителям *Homo Sapiens*, нет необходимости приобщать к семеме ключевого слова-репрезентанта концепта «народ» семы слова *человек* в данной дефиниции;

2. Степень моральных и интеллектуальных свойств личности может быть рассмотрена только как относительная величина, в отдельных случаях допустимо говорить об отсутствии у того или иного человека одного из либо обоих свойств. Исходя из этого, следует отбросить данные понятия и рассмотреть значение слова *личность* как синонимичного слову *человек*. В результате рассмотрения словарных дефиниций будет возможно выделение и приобщение к семеме ключевого слова-репрезентанта концепта «народ» семы *индивидуальность*. Индивидуальность определяется как *совокупность свойств, присущих данному человеку*.

Следующим эквивалентным ключевому слову-репрезентанту концепта «народ» было обозначено слово *нация*. Рассмотрим его словарные определения. Все указанные нами источники предлагают две дефиниции:

1. Исторически сложившаяся устойчивая общность людей, образующаяся в процессе формирования общности их территории, экономических связей, литературного языка, особенностей культуры и духовного облика;

2. Государство, страна.

Дефиницию, указывающую на эквивалентные отношения между словами *государство* и *нация*, а, следовательно, и *народ*, следует отмести, поскольку ранее нами было установлено, что *народ* – это население того или иного государства, а не государство в целом.

Дефиниция, раскрывающая понятие *народ* как *исторически сложившейся общность людей...*, позволяет приобщить к совокупности понятийных признаков концепта «народ» следующие лексические единицы: *история + устойчивость + экономика + язык + культура + нравы*.

С учетом результатов компонентного анализа слов, указанных в отобранных нами источниках в качестве эквивалентных ключевому слову-репрезентанту концепта «народ», совокупность понятийных признаков репрезентируемого концепта будет следующими лексическими единицами: *устойчивость + история + общность + индивидуальность + группа + люди + язык + нравы + культура + экономика + гражданство + подданство + территория + государство*. Перечисленные лексические единицы входят в

состав ядерной и приядерной зон концепта. В состав ядерной зоны было решено включить лишь те признаки, которые были выявлены в ходе дефиниционного анализа первых значений, представленных лексикографическими источниками: *общность + люди + гражданство + подданство + государство + территория + группа*. Оставшиеся признаки отнесены к приядерной зоне. Таким образом:

Ядерная зона: *общность + люди + гражданство + подданство + государство + территория + группа*;

Приядерная зона: *история + устойчивость + экономика + язык + культура + нравы + индивидуальность*.

Для выявления языковых единиц, составляющих периферийную зону концепта, следует осуществить дефиниционный и компонентный анализ синонимических лексических единиц, составляющих понятийную составляющую концепта «народ». Словарь синонимов русского языка З.Е. Александровой предлагает следующие синонимы: *трудящиеся, низы, население, нация, люди*. Последние два слова из списка уже были рассмотрены ранее и причислены к эквиваленту ключевого слова-репрезентанта концепта.

Анализ лексемы *трудящийся* (в единственном числе) позволяет вывести следующее значение: *человек, зарабатывающий на жизнь продажей собственного труда*. Дифференциальная сема – *труд*.

Анализ лексемы *низы* позволяет вывести следующее значение: *непривилегированные слои населения*. Дифференциальная сема – *непривилегированность*.

Анализ лексемы *население* позволяет вывести следующее значение: *совокупность жителей того или иного места*. На наш взгляд, данная лексема не имеет семантической ценности в контексте настоящего исследования, поскольку семантические множители совокупности и территориальной принадлежности уже входят в состав ядерной зоны концепта «народ».

Осуществив дефиниционный анализ ключевого слова-репрезентанта, эквивалентных ему по значению слов, его синонимов и выделив интегральные и дифференциальные семы, мы определили понятийную составляющую концепта «народ»:

Ядерная зона концепта (7): *общность + люди + гражданство + подданство + государство + территория + группа*;

Приядерная зона концепта (7): *история + устойчивость + экономика + язык + культура + нравы + индивидуальность*;

Периферийная зона (2): *труд + непривилегированность*.

Принимая во внимание вышеперечисленные дополнения, уточним обобщающее понятие: *народ – это устойчивая исторически сложившаяся общность людей (группа индивидуальностей), объединенных общими языком, нравами, культурой, экономическими отношениями, гражданством или подданством государства, на территории которого они проживают*.

Концепт «народ» по данным англоязычных лексикографических источников

Выявление понятийной составляющей концепта «народ», характерного для английской языковой картины мира, осуществляется через анализ дефиниций, предлагаемых лексикографическими источниками. Мы избрали лексическую единицу *people* в качестве эквивалентной слову-репрезентанту концепта «народ»:

People:

1. More than one person, men, women, and children;

2. Ordinary men and women, in contrast to the government or the upper classes;

3. All the men, women, and children of a particular country or race [Collins English Language Dictionary, 1997, p. 1063].

People:

1. Persons indefinitely or collectively; persons in general;

2. Persons, whether men, women, or children, considered as numerable individuals forming a group;

3. Human beings, as distinguished from animals or other beings;

4. The entire body of persons who constitute a community, tribe, nation, or other group by virtue of a common culture, history, religion, or the like [Longman Dictionary of Contemporary English, 1997, p.1047].

People:

1. The plural of person;

2. Ordinary people who are not members of the government or the upper classes;

3. A group consisting of all the persons who belong to a nation, religion, or race [Macmillan English Dictionary, 2002, p. 1050].

Среди представленных дефиниций наиболее частотными являются признаки коллективности и принадлежности к человеческому виду. В качестве понятийных признаков, приобщение которых к совокупности признаков концепта «народ», характерного для англоязычной языковой картины мира, видится уместным, можно выделить языковые единицы *body*, *group* и *human*.

Наиболее частотными лексическими единицами, используемыми в отобранных источниках

при определении ключевого слова-репрезентанта *people* концепта «народ», являются слова *nation* и *country*. Исходя из этого, приобщим данный признак к ядерной зоне концепта «народ» и рассмотрим дефиниции данной языковой единицы в указанных лексикографических источниках. Понятийные признаки, выявленные в ходе анализа, будут приобщены к совокупности понятийных признаков концепта «народ».

Nation:

1. A country or the people living in a country [Collins English Language Dictionary, 1997, p. 956].

Nation:

1. Social studies, politics, a country and its people, used especially when considering its political and economic structures;

2. Large group of people of the same race who speak the same language [Longman Dictionary of Contemporary English, 1997, p. 943].

Nation:

1. A country that has its own land and government;

2. The people of a particular country;

3. A group of people who share the same culture and languages but do not have their own country [Macmillan English Dictionary, 2002, p. 942].

Наиболее частотной лексической единицей, встречающейся в определениях ключевого слова-репрезентанта *nation* концепта «народ», является слово *people*: a country or **the people** living in a country; social studies, politics a country and **its people**, used especially when considering its political and economic structures; large group of **people** of the same race who speak the same language; **the people** of a particular country; **a group of people** who share the same culture and languages but do not have their own country.

Country:

1. An area of land that has its own government, army, etc.;

2. land that is not in towns or cities, and that can have fields and farms on it or be wild [Collins English Language Dictionary, 1997, p. 323].

Country:

1. A territory that is controlled by its own government, president, king etc.;

2. Nation;

3. Land that is outside towns and cities, including land used for farming;

4. All the people who live in a particular country [Longman Dictionary of Contemporary English, 1997, p. 314].

Country:

1. An area of land that has its own government and official borders [Macmillan English Dictionary, 2002, p. 318].

Анализ дефиниций языковой единицы *country* позволяет заключить, что прежде всего, неотъемлемой характеристикой страны является территориальный признак, для существования страны необходима территория: **an area of land** that has its own government, army, etc.; **a territory** that is controlled by its own government, president, king etc; **an area of land** that has its own government and official borders. Территориальный признак выражен языковыми единицами *land* и *territory*. Поскольку для слова *country* признак территориальности является неотъемлемым, включим его в состав приядерной зоны концепта «народ».

Второй признак, отраженный во всех источниках – наличие на территории страны правительства: an area of land that has **its own government**, army, etc.; a territory that is **controlled by its own government, president, king** etc.; an area of land that has **its own government** and official borders. Наиболее частотной языковой единицей, выражающей наличие правительства, является *government*.

Таким образом, в ходе анализа языковой единицы *country* выделено три понятийных признака, приобщенных к совокупности таковых концепта «народ», характерного для англоязычной языковой картины мира: *government, land, territory*.

Среди иных общих признаков, встречающихся в двух и более источниках, предлагающих определение слова *people*, можно отметить признак общности: the entire body of persons who constitute a community, tribe, nation, or other group by virtue of a common culture, history, religion, or the like. В дефинициях, рассмотренных в качестве репрезентирующих признак общности, перечислены признаки, на основе которых данная общность может формироваться: *culture, history, interest, language, origin, religion, tradition*. Из всех признаков, формирующих общность, наиболее широко представлен признак *language*. Исходя из этого, приобщим его к совокупности признаков, входящих в приядерную зону концепта «народ». Другой признак, который возможно включить в структуру концепта – *culture*. Он представлен дважды в определениях ключевого слова-репрезентанта *people* концепта «народ». Степень представленности позволяет приобщить данный признак к периферийной зоне концепта. Степень представленности остальных признаков слишком мала для их включения в структуру концепта.

По результатам дефиниционного анализа ключевого слова-репрезентанта *people* концепта «народ», характерного для англоязычной языковой картины мира, и наиболее частотных лексических единиц, использованных в предлагаемых

лексикографическими источниками дефиниций, структура англоязычного концепта «народ» выглядит следующим образом:

Ядерная зона: *people, nation, country*;

Приядерная зона: *body, group, human, language, territory, land, government*;

Периферийная зона: *culture*.

Обобщающее определение слова *nation* можно сформулировать следующим образом: *people are a group of humans living on a territory of a country that has its own government*. Примечательно, что в данном понятии не отражена языковая общность: общность в целом относится к периферийной зоне концепта. Можно сделать вывод о том, что даже языковая общность в рамках англоязычного концепта «народ» не представляется важной. Население страны может быть представлено различными языковыми группами.

Выводы

Концепт «народ», характерный для русской языковой картины мира, является более широким в сравнении с англоязычным концептом. В русском концепте «народ» существенно больше признаков общности. В англоязычном концепте критерий общности ограничивается только территориальным признаком, в то время как в русском концепте «народ» общность наблюдается в языке, нравах, культуре, экономических отношениях, гражданстве или подданстве государству.

Принципиальное различие в рассматриваемых концептах заключается в роли государства. В структуре русского концепта «народ» понятийный признак *государство* входит в ядерную зону, в то время как в структуре англоязычного концепта схожий по значению признак *government* относится к приядерной зоне. Общим понятийным признаком ядерных зон обоих концептов является признак группы людей: *люди – people*, однако концепты различаются по критерию соотносимости людей с государством (правительством) – *government*. Анализ показывает, что государство и народ – две различных группы, в то время как *government* – часть населения (*people*), занимающаяся административными функциями в масштабе страны.

Универсальными для обоих концептов в сознании носителей русского и английского языков являются признаки: *страна (country), люди (people), государство (government), культура (culture), коллектив (community)*.

В русской и английской языковых картинах мира концепт «народ» занимает особое место как один из важнейших феноменов национального сознания. На современном этапе развития языкознания доминантой мышления становится не только познание, но и взаимопонимание, что неизбежно приводит к изучению взаимодействия языка, культуры и личности.

Список литературы

1. Карасик, В. И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с. – Текст : непосредственный.
2. Большой толковый словарь русского языка / РАН. Ин-т лингв. исслед. ; Сост., гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб. : Нопринт, 1998. – 1534 с. – Текст : непосредственный.
3. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – РАН. Росс. фонд культуры. – М. : Азъ, 1996. – 928 с. – Текст : непосредственный.
4. Словарь русского языка: В 4-х т. / Т. 2 / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Рус. яз. ; Полиграфресурсы, 1999. – 736 с. – Текст : непосредственный.
5. Толковый словарь русского языка : В 4-х т. / Т. 2 / Под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1938. – 1040 с. – Текст : непосредственный.
6. Collins English Language Dictionary. – London : Harper Collins Publishers, 1997. – 1703 p. – Текст : непосредственный.
7. Longman Dictionary of Contemporary English. – Harlow : Addison Wesley Longman Ltd, 1997. – 1668 p. – Текст : непосредственный.
8. Macmillan English Dictionary. – Oxford : Bloomsbury Publishing, 2002. – 1691 p. – Текст : непосредственный.

DOI: 10.47475/9785727119631_290

Е.Н. ДЕНИСЕНКО / E.N. DENISENKO

Военный университет имени Александра Невского
(Москва, Россия)**ДИФФУЗИЯ В ЛИНГВОМОДЕЛИ «ЧЕЛОВЕК-ДЕРЕВО»
В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ О СМЕРТИ****DIFFUSION IN THE LINGUAL MODEL “MAN-TREE”
IN EASTERN SLAVIC CONCEPTS ABOUT DEATH****Аннотация**

Статья посвящена одной из проблем лингвокультурологии и когнитивной лингвистики – вопросу о репрезентации в языке взаимодействии человека и окружающего мира, о сематической диффузии во фразеологизмах и поговорках восточнославянских языков, относящихся к теме «смерть человека» и включенных в модель «человек-дерево». Основной особенностью диффузии являются субъект-субъектные отношения, когда и человек, и дерево представляют собой представителей определенной деятельности. Процесс и результат диффузии как взаимопроникновение фиксируется в языковых единицах в случаях, когда человек после смерти рассеивается среди деревьев и когда деревья находятся среди людей, предупреждая человека о его кончине. Феномен диффузии отмечается в поговорках и фразеологизмах, включающих в качестве базового элемента дендронимы «дерево», «дуб», «береза», «явор», «ель», «сосна».

Abstract

The article is devoted to one of the problems of linguoculturology and cognitive linguistics – the question of representation in language of the interaction of a person and the surrounding world, about the semantic diffusion in phraseological units and proverbs of East Slavic languages related to the topic of “human death” and included in the “man-tree” model. The main feature of diffusion is the subject-subject relationship, when both a person and a tree represent representatives of a certain activity. The process and result of diffusion as interpenetration is fixed in linguistic units in cases when a person disperses among trees after death and when trees are among people, warning a person of his demise. The phenomenon of diffusion is noted in proverbs and phraseological units, which include as a basic element the dendronyms “tree”, “oak”, “birch”, “javor”, “spruce”. «pine tree».

Ключевые слова: диффузия, дендроним, смерть, антропоцентризм, фразео-паремиологическая система, восточнославянские языки.

Keywords: diffusion, dendronym, death, anthropocentrism, phraseo-paremiological system, East Slavic languages.

В научной библиотеке находится достаточно большое количество глубоких исследований, посвященных вопросам мифологических представлений славян о смерти и вечности. Проблема антропоцентризма при анализе участия деревьев в традиционной культуре славян и роли дендронимов в обрядовости также нашла отражение в мифологических, фольклорных, этнолингвистических и др. изысканиях. Работы классиков и современных ученых А. Н. Афанасьева, А. К. Байбурина, А. Вацлавика, Н. Н. Велецкой, А. Н. Веселовского, О. Воропая, В. И. Даля, М. Забылина, Д. К. Зеленина, А. Илиева, Н. И. Костомарова, А. А. Потемни, Ю. С. Степанова, Н. И. Толстого, С. М. Толстой, В. Н. Топорова, В. В. Усачевой, П. Шафарика и др. дают возможность развивать различные аспекты вопросов антропоцентризма в славянских мифологических воззрениях

и их реликтовых проявлениях. Немало и работ, посвященных вопросам мифологических представлений славян о смерти и вечности, об обрядовой составляющей похоронного комплекса. Однако проблемы диффузии «человек-дерево» во фразео-паремиологической системе восточнославянских языков, диалектном, фольклорном материале рассмотрены фрагментарно и часто поверхностно. Нами предпринята попытка очертить некоторые линии исследования диффузии, которые требуют отдельного дополнительного глубокого анализа. Вопрос о языковой диффузии и диффузности нередко рассматривался зарубежными и отечественными лингвистами, среди которых Уильям С.-Ю. Ван, Б. Филлипс, В. Лабов, А. В. Леонтьева, Т. В. Жеребило и др., чаще всего на фонетическом и морфемном уровнях, включая их в представление о лексической диффузии. Ис-

следователи отмечают спорность однозначного толкования термина, отмечая его многосторонность, нечеткость, объемность и возможность широкой дефинициальной трактовки. При этом под лингвистической диффузией разными авторами понимается и синтез дифференциальных признаков противопоставленных языковых единиц, и гибридные, связанные переходностью, языковые образования, и смешение разнородных языковых фактов, и синергетичность слова, и рассеивание языковых черт одной этнической группы на другую, и взаимное заимствование слов в близкородственных языках и др. Мы не ставили перед собой задачу участия в дискуссии по дефиниции. Многозначность термина предоставляет возможность в данной работе использовать его в исконном значении – как процесс взаимопроникновения, взаимораспространения, рассеивания.

Взаимодействие человека и дерева как мифологический феномен приобретает особый интерес при рассмотрении воззрений восточных славян о смерти, проявившихся в лингвомодели. Мифологическое мышление имеет ряд особенностей, одним из которых является антропологизация природы. А. Ф. Лосев писал, что, перенося общинно-родовые отношения на природу, человек начинает воспринимать ее как мифическую и магическую, наполненную живыми существами [Лосев, 1957, с. 9].

В представлениях о процессе изменения состояния человека от жизни к смерти и от смерти к жизни, о трансформации в иное состояние и облик, о месте пребывания душ умерших – в потустороннем мире или на земле, существенная роль принадлежит дереву. Современный фактический материал представлен лишь поздними рудиментами, отражающими языческие ритуалы и элементы мировоззрения, на основе которых они сформировались. Однако, как ни сложны и спорны ретроспективные изыскания в области языческих воззрений славян на смерть и потусторонний мир, они необходимы для исследования славянской культуры, для выявления сущности архаики славянской обрядности, синтеза языческих и христианских элементов. В данной работе примеры выбраны из фразеологических и паремиологических словарей белорусского, украинского и русского языков [Большой фразеологический словарь, 2006; Даль, 2009; Зимин, 2008; Иванов, 2007; Лепешаў, 2011; Прыказкі і прымаўкі, 1976; Удовиченко, 1984; Українські прислів'я та приказки, 1961; Фразеологічний словник української мови, 1993; Українські народні прислів'я та приказки, 1961 и др.].

Дендроним в восточнославянской культуре представляет собой сложный знаковый ком-

плекс, имеющий в большинстве случаев общеславянское происхождение; деревья и их номинации обладают высокой степенью участия в обрядовом контексте, основой которого являются реликты восприятия природы в восточнославянской языковой и мифологической картинах мира. Дерево как неотъемлемая часть окружающего мира таким образом приобретало человеческие качества, а человек получал его характеристики, например, укр. *добре дерево раніше за інших рубають; багато ударів дуб валять*; бел. *кывога дрэва не выпрастаеш*=русс. *кривое дерево не выпрямится*=укр. *з кривого дерева – крива й тіль* и др. При этом их взаимосвязь имеет субъект-объектные отношения.

Бинарность «человек-дерево» в мифологическом восприятии нередко представлена как единое нераздельное целое и определяется исследователями как синкретизм [Криничная, 2010, с. 77]. Деревья наделяются антропоморфными чертами, а человек приобретает характеристики дерева. Но процесс и результат диффузии выходят за рамки перевоплощения, перехода человека в определенное растение после смерти и никак не соотносятся с реинкарнацией, перерождением. Они не столь очевидно представлены в языковом материале, но фиксируются во фразеологической системе, в диалектных текстах, в обрядовой лексике и носят субъект-субъектный характер.

Связь дерева со смертью человека традиционно в народной культуре высока. В священных рощах проводились похоронные молебны, многие деревья, являясь связующим звеном между земным и потусторонним миром, ассоциировались с дорогой к подземной или верхней жизни, скрипучие и могильные деревья хранили души умерших. Е. Е. Левкиевская пишет об обычае вешать на могильных деревьях веревки, чтобы помочь душе взойти на небо [Левкиевская, 2004, с. 348]. Дерево – временное пристанище души до погребения тела.

Предвестником смерти, самой кончины и похорон является береза: *уйти под зеленую березку, под березки лечь, найти последнюю березку* и др. Собственно диффузия «человек-дерево» отражена в выражениях русск. *собираться в березки, пойти в березовый сад*, бел. *пайсці да бярозы*, укр. *піти у берези, піти в березовий гай* и др., фиксирующие древние языческие воззрения о единстве человека и природы и свидетельствующие о смерти как о положении умершего – одного из деревьев, проникновения умершего в одно из произраставших в роще берез. Отмечен Литвы фразеологизм *под березы пора* в значении «пора умирать» – уйти к себе подобным [Малоха, 1996,

с. 9]. Сходной семантикой обладают и фразеологизмы с компонентом дуб: бел. *урэзаць дуба/ даваць дуба*, русск. *дать/врезать дуба /дубаря*, укр. *дуба дати / врізати*, загадки: *всяк в темном бору на дубу сидит птица ее боится, на горе горенской стоит дуб веретенский, мимо дуба не пройти не проехать..., на дубу сидит веретеница, никто от нее не отвертится, стоит дуб-стародуб, в этом дубе-стародубе сидит птица-веретеница, никого она не боится...* и т.д. Взаимопроникновение человека и дерева фиксируется и в русск. *дубовыми досками пахнуть, дубом пахнет*, что исследователи связывают со славянской традицией захоронения в дубовых колодах, позже в дубовых гробах. Древний похоронный обряд – погребение в колоде – известен у многих народов. В. И. Даль пишет о славянских корнях: дефинируя слово *деревина*, обращает внимание на то, что в новгородских говорах – это не только отдельное дерево или срубленный ствол, бревно, но и колода, отождествляемая в народных говорах с долбленным гробом [Даль, 1989, с. 270]. Т. Г. Владыкина указывает, что человек, согласно мифологическому мировоззрению, должен был стать *«сердцевинной дерева»*, т. е. вернуться туда, откуда пришел – *«дубовая колода просторная»* [Владыкина, 2009, с. 39]. В. И. Даль отсылает данное представление к более древнему обряду захоронения в лубе: *«на лубе отца спустил – и сам того же жди»* [Даль, 1989, с. 270]. Интересна и интерпретация фразеологизма *встать дубом*. М. Малоха считает, что он идентичен *дать дуба* в значении «умереть», т.к. компонент восходит к индоевр. *dheubh~ «стать неподвижным, цепенеть» [Малоха, 1996, с. 9].

Рассеивание людей среди деревьев в процессе умирания отражен в северорусской карельской быличке *«Пришел мужик к сосенке и подавался: „Сосенка-матушка, пусти ночевать». К сосне ночью приходит другая: „Поди, – говорит, – матушка умирает“.* Сосна говорит: *„Нельзя, у меня ночлежник запущен». Вот она другой раз к ней приходит: „Иди ты, – говорит, – скурее». – „Нельзя, – говорит, – раз у меня ночлежник запущен». Вдруг не так далеко сосна повалилась, шум по лесу пошел»* [Архив, колл. 7, текст № 24].

Проникновение человека в дерево – одно из традиционных славянских языческих проявлений. У восточных славян деревом, в которое «заклят» человек является явор – *явор от человека пошел*, при этом данный трансформер сохраняет жизнь – *грешно гноить в земле явор*.

Диффузия «человек-дерево» отражена и в укр. *посадити червону калину* в зафиксированном исследователями значении «похоронить умершего на чужбине от тоски казака» [Костомаров, URL].

Взаимопроникновение фиксируется не только в случаях, когда человек после смерти рассеивается среди деревьев, но и когда деревья находятся среди людей, предупреждая человека о его кончине. В северных диалектах зафиксирована быличка, в которых: «идет елка впереди меня, останавливается, потом как будто бежит, вторая елочка – и тоже бежит следом, ветками машет и говорит: „Вернись обратно, вернись обратно!»» [Архив, колл. 192, текст № 15].

В восточнославянских поверьях дерево и человек взаимосвязаны и взаимодействуют. Срок жизни одного ограничен продолжительностью жизни другого. К.К. Логинов фиксирует параллелизм в выражении: *ель пала – человек пал, ель не пала – человек жив*. Примером диффузии служат и загадки о покойниках *«бегунчики бегут, ревунички ревут, сухо дерево / суходерев несут»*, *«в сухом дереве не дышит, не пышет»*, *«погудушки гудут, сухо деревцо несут»* [Логинов, 1993, с. 113-114].

Умершие могут возвращаться с «того» света, защищать, оберегать или вредить живым. Одними из ворот, через которые приходят покойники, являются деревья, которые представлялись одновременно и воплощением душ умерших, и местом их нахождения на земле. Э. Тэйлор отмечает, что «учение о переселении душ признаёт в широких размерах возможность перехода человеческих душ в деревья» [Тэйлор, 1939, с. 288-289]. Е. Е. Левкиевская пишет, что, по архаическим представлениям восточных славян, на ветках берез и других деревьев, которые принято на Троицу приносить в дом, располагаются души умерших, посещающие в этот период своих живых родственников. После окончания праздника ветви необходимо вынести из дома, чтобы дать возможность душам вернуться в свой мир [Левкиевская, 2004, с. 362-363]. Упоминается быличка, по которой хозяйка, вынеся из дома Троицкую зелень, забыла в углу одну ветку, поэтому душа одного из предков не смогла возвратиться на «тот» свет и вынуждена была сидеть на этой ветке весь год до следующей Троицы [Виноградова, 1986, с. 126-127]. Продолжает существовать поминальная традиция, в которой отражена рассеивание людей после смерти среди деревьев. У белорусов после поминальной трапезы, где, по народным поверьям присутствуют души умерших и которых нужно обязательно выпроводить, существует приговор *«дзяды святыя, вы елі і пілі, ідзіце ж цяпер да сябе ў лес»*. О растворении душ среди своих, себе подобных свидетельствует и приговор *«цяпер пара б вам і дадому, ды ножкі ў вас стаміліся – бо не блізка з лесу было ісці»*.

Исследователи, анализируя лингвомодель «человек-дерево», пишут о субъект-объектных отношениях в процессе и проявлениях перево-

площения, переселения душ, реинкарнации. Наряду с этим в языке проявляется и диффузия, основной особенностью которой являются субъект-субъектные отношения, когда и человек, и дерево представляют собой представителей определенной деятельности.

В данном изложении затронуты лишь некоторые аспекты проявления диффузии в примерах языков, связанных с архаическим культом предков и природы и свидетельствующих о едином мировосприятии восточных славян. Современный лингвистический материал представлен поздними рудиментами, отражающими языческие ритуалы и элементы мировоззрения. Они необходимы для исследования славянской лингвокультуры, для выявления сущности архаики славянской обрядности и др.

Список литературы

1. Архив Карельского научного центра РАН. Научная документация по русскому фольклору Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук 214 ед. хр. за 1928-2014 гг. Фонд 1. Описание 1. Текст : электронный – Информационная система Архивы Российской Академии Наук : [официальный сайт]. – URL : <https://isaran.ru/?q=ru/opis&guid=9A5A072F-0841-4F40-9DBB-EDB788D8A236&ida=13> (дата обращения: 10.01.2024).
2. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с. – Текст : непосредственный.
3. Виноградова, Л. Н. Мифологический аспект полесской «русальной» традиции / Л. Н. Виноградова // Славянский и балканский фольклор. Духовная культура Полесья на общеславянском фоне. – М. : Наука. – 1986. – С. 88-135. – Текст : непосредственный.
4. Владыкина, Т. Г. Языковые клише ритуализированных норм поведения удмуртов / Т. Г. Владыкина // Социальные и эстетические нормативы традиционной культуры. – М. : Гос. Респ. центр русского фольклора, 2009. – С. 34-41. – Текст : непосредственный.
5. Даль, В. Пословицы русского народа / В. И. Даль. – М. : Русский яз. Медиа, 2009. – 814 с. – Текст : непосредственный.
6. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. / В. И. Даль. – М. : Русский язык, 1989. Т. 1. 699 с. ; Т. 2. 779 с. – Текст : непосредственный.
7. Зимин, В. И. Пословицы и поговорки русского народа: большой объяснительный словарь / В. И. Зимин, А. С. Спирин. – Изд. 4-е, стер. – М. : Цитадель ; Ростов-на-Дону : Феникс, 2008. – 590 с. – Текст : непосредственный.
8. Иванов, Е. Е. Русско-белорусский паремический словарь / Е. Е. Иванов, В. М. Мокшенко. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2007. – 242 с. – Текст : непосредственный.
9. Костомаров, Н. И. Славянская мифология / Н. И. Костомаров. – М. : «Чарли», 1994. – Текст: электронный – Википедия. – URL : [https://ru.wikisource.org/wiki/Историческое_значение_южнорусского_народного_песенного_творчества_\(Костомаров\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Историческое_значение_южнорусского_народного_песенного_творчества_(Костомаров)) (дата обращения: 10.01.2024).
10. Криничная, Н. А. Дерево-человек: к проблеме синкретизма и дифференциации фитоантропоморфного образа (по материалам нарративного фольклора Карелии) / Н. А. Криничная // Труды Карельского научного центра РАН. – № 4. 2010. – С. 77. – Текст : непосредственный.
11. Левкиевская, Е. Е. Представления о «том свете» у восточных славян / Е. Е. Левкиевская // Славянский альманах, 2004, – С. 342-367. – Текст : непосредственный.
12. Лепешаў, І. Я. Тлумачальны слоўнік прыказак / І. Я. Лепешаў. – Гродна : ГрДУ, 2011. – 667 с. – Текст : непосредственный.
13. Логинов, К. К. Семейные обряды и верования русских Заонежья / К. К. Логинов. – Петрозаводск : Карельский НЦ РАН, 1993. – 228 с. – Текст : непосредственный.
14. Лосев, А. Ф. Античная мифология в ее историческом развитии / А. Ф. Лосев. – М. : Учпедгиз, 1957. – 620 с. – Текст : непосредственный.
15. Малоха, М. Фразеология и национальная картина мира, фразеологизмы с компонентом-названием дерева в восточнославянских и польском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук: специальность «Славянские языки» 10.02.03. : / Мирослава Малоха. – Минск, 1996. – 22 с. – Текст : непосредственный.
16. Прыказкі і прымаўкі: у 2 кн. / Упор. М. Я. Грынблат. – Мінск : Навука і тэхніка, 1976. Кн. 1 – 560 с., кн. 2 – 616 с. – Текст : непосредственный.
17. Тэйлор, Э. Первобытная культура / Пер. с англ. / Э. Тэйлор. – М. : Гос. социально-экономическое изд-во, 1939. – 567 с. – Текст : непосредственный.
18. Удовиченко, Г. М. Фразеологічний словник української мови: В 2 т. / Г. М. Удовиченко. – К. : Вища шк., 1984. – Кн.1 – 304 с., кн.2 – 384 с. – Текст : непосредственный.
19. Українські народні прислів'я та приказки / Упоряд. В. С. Бобкова, Ф. І. Лавров, М. П.

Ліждвой та інші; Відп. ред. М. Т. Рильський. – 2-е вид., випр. та доп. – Київ : АН УРСР, 1961. – 526 с. – Текст : непосредственный.

20. Фразеологічний словник української мови / АН України, Ін-т укр. мови; / уклад. :

В. М. Білоноженко та ін., редкол. : Л. С. Паламарчук (голова) та ін. – Київ: Наук. думка, 1993. – 980 с. – Текст : непосредственный.

DOI: 10.47475/9785727119631_294

Е.А. ЖИНДЕЕВА, Р.В. АЛФЕРОВ / E.A. ZHINDEEVA, R.V. ALFEROV

Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева (Саранск, Россия)

ИНФЕРНАЛЬНОСТЬ КАК ОТЛИЧИТЕЛЬНАЯ ЧЕРТА ПОВЕСТВОВАНИЯ А.В. ИВАНОВА СКВОЗЬ ПРИЗМУ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

INFERNALITY AS A DISTINCTIVE FEATURE OF A.V. IVANOV'S NARRATION THROUGH THE PRISM OF RUSSIAN LITERATURE

Аннотация

Предложенный материал является результатом рассмотрения творчества А. Иванова в режиме его принадлежности к образцам русской словесности. Указывая на интерферальность как отличительную черту повествования избранного автора, мы констатируем его нестандартной подход к описанию событий и переживаний героев. Учитывая авторское мифотворчество как одну из повествовательных стратегий А. Иванова, мы пришли к выводу о существующей избирательности в выводе героев повествования автора. Дополнительный функционал и новые авторские трактовки мифических образов, таких как вампиры, демоны, оборотни, двойники, мертвецы и суккубы, что наглядно представлено в романах «Псоглавцы», «Комьюнити», «Пищеблок», «Тени теутонов», дают возможность утверждать приверженность А.В. Иванова к инферальности как способу создания многомерности повествовательной системы.

Abstract

The proposed material is the result of consideration of A. Ivanov's work in the mode of his belonging to the samples of Russian literature. Pointing to interference as a distinctive feature of the selected author's narration, we state his non-standard approach to describing the events and experiences of the characters. Taking into account the author's myth-making as one of the narrative strategies of A. Ivanov, we came to the conclusion that there is a selectivity in the derivation of the characters of the author's narrative. Additional functionality and new author's interpretations of mythical images, such as vampires, demons, werewolves, doubles, dead and succubi, which are vividly represented in the novels "Psoглаvtsy", "Community", "Kitchen", "Shadows of the Teutons", make it possible to assert A. V. Ivanov's commitment to infernality as a way of creating a multidimensional narrative system.

Ключевые слова: *инферальность, изоморфность, мифологизация, русская словесность, корпус текстов.*

Keywords: *infernality, isomorphism, mythologization, Russian literature, corpus of texts.*

Русская словесность и ее составляющие – один из самых актуальных на сегодняшний день теоретических вопросов в отечественной филологии. Рассматриваемая, с одной стороны, как эквивалент всего состоящего из «слов», с другой, как сплав литературы и языка, она становится еще более актуальной, когда речь идет о современном литературном процессе и его составляющих. При этом семантика и прагматика художественного

текста зачастую основывается на личностном впечатлении от произведения и совокупности теоретических знаний автора исследования, о чем мы частично говорили раньше [Жиндеева, 2022, с. 105-108]. Ракурсы рассмотрения же литературного произведения весьма различны и позволяют нам говорить о парадигматике понимания конкретного художественного текста и творчества определенного автора в целом.

Исходя из данных постулатов, рассмотрим интерферентность прозаического корпуса произведений современного прозаика – Алексея Иванова.

Инферентность – это понятие, которое обычно связывается с адским, демоническим или адским состоянием. Оно описывает что-то зловещее, страшное, темное или злобное. Природа ее разнообразна, но в художественных образцах традиционно связана с огненной или пекельной природой, и использоваться для описания чего-то, что прямо или косвенно относится к аду или адским силам. Это понятие часто используется в литературе и искусстве, чтобы описать дьявольский или адский образ, настроение или атмосферу.

Несмотря на то, что творчество Алексея Иванова принято рассматривать в современной критике как реалистическое, мы без труда находим в его корпусе художественных образцов произведения, отличающиеся интерферентностью и героев, тяготеющих к демонической природе. Так, например, одним из выражений демонического в произведениях данного автора является мотив вампиризма, ярко отраженный в романе «Пищеблок».

Специфическое мироустройство «Пищеблока» на первоначальном этапе повествования тщательно завуалировано. Явь еще больше страшна, чем ее первоначальное представление. Для описания мироустройства писателем создается отдельная система бытия, где существуют:

- верховный вампир – темный стратилат, обращающий людей в «пиявцев»;
- пиявцы – являются промежуточным звеном;
- и «тушки» – жертвы, представляющие собой пищу для вампиров рангом выше.

Следует отметить, что автором романа несколько изменяется привычный читателю штамп: причиной смерти вампира является голод, который он не смог утолить в определенную дату. Знаменательной датой становится ночь, когда вампир был обращен. Такое временное «ограничение» дает возможность держать баланс между структурными звеньями мира. А постоянный приток интерферентных сущностей не только упорядочен, но и позволяет изображаемому миру балансировать на грани существования. Несмотря на то, что пиявцы становятся жертвами для стратилата, они не избегают очевидного конца, наоборот, – при поиске нового соплеменника они убеждают его в том, что только при вампирском воскрешении у них появилась возможность жить по-настоящему.

Неким «сгустком» интерферентности в рассматриваемом романе становится образ Темного стратилата. Именно в изображении Иванова

Серпа Иваныча – приятного мужчины в возрасте с густым и красивым голосом ветерана, сконцентрирована идейная составляющая описываемого образа существования. Несмотря на худобу и сутулость, он создавал впечатление крепкого человека. Вместе со всем этим, автор особо отмечает взгляд героя: «В них таилась бездна, будто он, Валерка, смотрел в телескоп, проваливаясь в высокую пропасть ночного неба, только в той пропасти не было мерцающих звезд – один лишь чёрный дым. Наверное, дым Гражданской войны» [Иванов, 2018, с. 49]. Благодаря этим многочисленным, но немаловажным деталям А.В. Иванов смог показать, как в одном из главных демонических представителей искажается ряд важных характерных признаков, которые свойственны обычному здоровому человеку.

В творчестве А. Иванова также затрагивается и другая форма проявления интерферентного: оборотни и «злые» двойники. Раскрытие данной темы можно проследить в таком художественном произведении автора, как «Комьюнити». Монстром этого романа становится демон Чумы, появляющийся перед участниками интернет-сообщества и захватывавшего каждого по очереди.

Автор наделяет это демоническое воплощение рядом способностей: демон обладает навыками общения с жертвами через соцсети; он умеет быстро перемещаться в пространстве; Чума может контролировать психическое состояние людей, которые состоят в том самом сообществе. Автор целенаправленно вводит сверхъестественные способности демона в неизвестные рядовому обывателю возможности цифрового пространства. Смешение данной силы становится стимулом для постоянного страха даже на уровне подсознания.

Еще одной чертой демона Чумы является навык менять облик на внешность нужного человека. В первый раз главный герой сталкивается лицом к лицу с интерферентным существом в облике Орли, в ночном клубе: «Конечно, это была не Орли. Это вообще был не человек. Вернее, не живой человек. Тусклое фарфоровое лицо ничего не выражало. Глаза уже не мерцали. Вокруг глазниц тихонько расползлась чёрная сеточка мелких трещин. Чёрные губы чуть изогнулись в улыбке и приоткрылись, и Глеб увидел, что рот внутри затянут паутиной» [Иванов, 2018, с. 74]. Так автор показывает, что, даже находясь в теле другого человека, у демона прослеживаются его истинные черты и привычки.

Вместе с характеристиками мертвеца во внешности интерферентного представителя в том или ином обличье присутствуют признаки животного. В описании А.В. Иванова демон, скрываясь

под внешностью Бориса Корохова, имел острые белые зубы треугольной формы. Вдобавок, передвижение этого двойника больше было похоже на механическое: «Борька повернул голову как-то по-совиному, словно шея у него стала шарниром» [Иванов, 2018, с. 307]. Так, используя сочетание неестественных описаний внешности и особенностей передвижения, писатель показывает принадлежность существа сразу к двум противоположным категориям «живой» и «мертвый» / «человек» и «животное», что характерно именно оборотней и двойников.

В сравнении с «Комьюнити», где тема оборотничества является косвенной, в «Псоглавцах» представлены герои, которые в прямом смысле являются оборотнями. Люди с головой пса – псоглавцы – умеют превращаться в волков, для которых характерно выть на луну, забравшись на купол заброшенного храма. В романе эти существа также могут трансформироваться в собак. Именно эту форму оборотней и замечает главный герой произведения, когда направляется в деревню: «Собаки не лаяли, не вертели хвостами, не улыбались, высунув языки, как деревенские псыны улыбаются любому встречному. Собаки просто молча смотрели на людей, как равные на равных» [Иванов, 2021, с. 21]. Данный пример показывает реализацию привычного для читателя приема по созданию монстроподобного существа – добавление в облик животного человеческих черт. Такая изоморфность текста позволяет возвести на уровень мифологизации не только сюжет произведения, но и систему отношений в произведении.

У псоглавцев А. В. Иванова присутствует дополнительная обязательная поведенческая черта – эти создания, несмотря на свою inferнальную сущность, стараются сохранить русскую деревню. На основании этого, в рамках конкретного произведения, образ оборотней приобретает дополнительное культурно-историческое значение. Благодаря данной авторской инновации, псоглавец становится многогранным образом, отношение к которому характеризуется той или иной точкой зрения:

- часть героев видят это существо как святого, присматривающего за всеми на этой земле;
- другие – как героя тюремного фольклора, который охраняет зону и сопровождает узников;
- третьи рассматривают данный образ исключительно с позиции злого духа, который терроризирует людей из деревни.

Таким образом, оборотни в романе А.В. Иванова «Псоглавцы» являются представителями inferнального мира, которые призваны для сохранения миропорядка в пределах территории, на которой разворачиваются события романа.

Следующим inferнальным образом, к которому обращается А. Иванов в своем творчестве – это образ ожившего мертвеца. Смешение таких характерных черт как живой – способный мыслить, двигаться, говорить – и мертвый – неспособный на те же действия, позволяет сгенерировать художественный образ, вызывающий страх и тревогу. История, затрагивающая непосредственное воскрешение мертвеца, прослеживается в произведении А. В. Иванова «Тени тевтонов». В данном романе писателя присутствует огромное количество клише, относящихся к готическому стилю в литературе. Встречаются и проклятия, договор с потусторонними представителями зла, волшебные существа, берущие истоки из западноевропейского фольклора.

Основой истории является проклятие рода Клиховских, которое семейство уже многие века не может снять. Главный герой, Каэтан, потерявший отца, рискует потерять и собственного сына. Это вынуждает его пойти на крайние меры и согласиться на сделку с дьяволом, по условиям которой герой должен найти меч Лигуэт. Демоническое существо, согласно договору, помогает персонажу с этим и направляет на кладбище, где Каэтан в качестве помощницы оживляет недавно похороненную девушку: «В гробу лежала прекрасная девушка в белом платье и венке из лилий. Это был суккуб» [Иванов, 2021, с. 49].

Ожившему мертвецу автор приписывает такие характеристики как: способность к оборотничеству (девушка может перенимать внешность как женщины, так и мужчины); вампиризм (Сигельда не брезгает пить кровь своих жертв); неустойчивость перед религиозными артефактами (не боится крестов, молитв и святой воды).

В тексте данного художественного произведения, ставшем территорией смешения стереотипов об inferнальных образах, А. Иванов искажает мотив традиционной борьбы с нечистой силой.

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что inferнальные образы являются отличительной чертой творчества А. В. Иванова. Такие художественные произведения как «Псоглавцы», «Комьюнити», «Пищеблок», «Тени тевтонов» являются ярким доказательством использования автором черт демонической атмосферы и разных форм монструозных существ. Писатель обращается к образам вампиров, демонов, оборотней, двойников, мертвецов и суккубов, каждого из которых модифицирует. Дополнительный функционал и новые авторские значения привычных для читателя образов делают сюжеты произведений более интересными и читаемыми.

Список литературы

1. Жиндеева, Е. А. Литературная мистификация как основа сюжетообразования романа Алексея Маврина (А. Иванова) «Псоглавцы» / Е. А. Жиндеева, А. Ю. Грызлов // Казанская наука. – 2022. – №5. – С. 105-108. – Текст : непосредственный.
2. Иванов, А. В. Комьюнити / А. В. Иванов. – Москва : АСТ, 2018. – 382 с. – Текст : непосредственный.

3. Иванов, А. В. Пищевые блок / А. В. Иванов. – Москва : Аотпина нон фикшн, 2018. – 416 с. – Текст : непосредственный.
4. Иванов, А. В. Псоглавцы / А. В. Иванов. – Москва : Редакция Елены Шубиной, 2021. – 336 с. – Текст : непосредственный.
5. Иванов, А. В. Тени тевтонов / А. В. Иванов. – Москва : Редакция Елены Шубиной, 2021. – 384 с. – Текст : непосредственный.

DOI: 10.47475/9785727119631_297

Л.А. НЕФЕДОВА / L.A. NEFEDOVA
Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)

Я.В. ЗУБЕНКО / Ya.V. ZUBENKO
Костанайский региональный университет им. А. Байтурсынұлы
(Костанай, Казахстан)

ФЕМИННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЯЗЫКОВЫЕ СПОСОБЫ ЕЕ ВЫРАЖЕНИЯ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

FEMININE IDENTITY AND LINGUISTIC WAYS OF ITS EXPRESSION IN THE GERMAN LANGUAGE

Аннотация

При обозначении лица женского пола обычно реализуется стратегия спецификации признака пола за счет формальных показателей, которые выделяются на лексико-семантическом, грамматическом и словообразовательном уровнях. Морфологическая спецификация признака номинации женского пола осуществляется за счет присоединения суффиксов феминизации. К одному из наиболее продуктивных суффиксов относится суффикс *-in*, присоединяемый к одушевленным существительным мужского рода. На грамматическом уровне спецификации женского пола служит грамматический артикль или флексии номинации лица, выраженные существительными с дифференциальным родом. Спецификация признака женского пола на лексико-семантическом уровне осуществляется за счет употребления слов, в значении которых заключен признак 'женский пол', что можно наблюдать в номинации лиц, функционирующих в качестве самостоятельных лексических единиц или выступающих в роли полуаффиксов.

Abstract

When designating a female person, the strategy of specifying a gender attribute is usually implemented through formal indicators that are distinguished at the lexical-semantic, grammatical and word-formation levels. Morphological specification of the female gender nomination feature is carried out by adding feminization suffixes. One of the most productive suffixes is the suffix *-in*, attached to animate masculine nouns. At the grammatical level, specification of the female gender is achieved via the application of the grammatical article or nomination of a person inflections, expressed by nouns with differential gender. Specification of the female gender attribute at the lexical-semantic level is carried out through the use of words whose meaning contains the 'female gender' attribute, which can be observed in the nomination of persons functioning as independent lexical units or acting as semi-affixes.

Ключевые слова: феминная идентичность, языковые единицы, суффиксы феминизации, лицо женского пола, существительное женского рода, номинации.

Keywords: feminine identity, linguistic units, feminization suffixes, female person, feminine noun, nominations.

Языковые единицы, называющие женщину в немецком языке, основываются на существительных, словосочетаниях, субстантивированных прилагательных и местоимениях. Обозначение лица женского пола происходит за счет формальных показателей на лексико-семантическом, грамматическом и словообразовательном уровнях, морфологическая спецификация – осуществляется за счет присоединения суффиксов феминизации.

Рассмотрим языковые единицы, обозначающие родственные связи (кровные) и некровные (приобретённые в браке):

1) кровные родственные связи: *die Tante* (тетя), *die Nichte* (племянница), *Mama* (мама), *die Großmutter* (бабушка), *die Mutter* (мать), *die Oma* (бабушка), *die Tochter* (дочь).

Die Tante: Da ist deine Tante? [Heldt, 2010, с. 39]. / *Gibt es eigentlich an der Tante-Inge-Front was Neues?* [Heldt, 2010, с. 118]. Существительное женского рода *die Tante* заимствовано из французского языка *tante* [Kluge, 2011, с. 721] и используется в значении: 1) сестра или невестка матери или отца; 2) фамильярно как имя собственное; 3) знакомая взрослая женщина; 4) тетка (грубо) [Duden online-Wörterbuch]. Сложное существительное *die Tante-Inge-Front* состоит из существительного женского рода *die Tante* (определяющее слово), имени собственного *Inge* и существительного женского рода *die Front* (основное слово).

Die Nichte: Tante Inge hatte ihre Nichte anscheinend nicht entdeckt, ... [Heldt, 2010, с. 37]. Существительное женского рода *die Nichte* предположительно в употреблении с XVI в. [Kluge, 2011, с. 502] и используется в значении: дочь сестры, брата, невестки или зятя.

Mama: Gute Nacht, Mama [Heldt, 2010, с. 200]. *Mama* является обращением к матери, форма слова заимствована из французского языка *maman* в XVII в. [Kluge, 2011, с. 458], в современном языке используется как уменьшительная форма от существительного *die Mutter* [Duden online-Wörterbuch].

Die Großmutter: Aber für deine Großmutter war das doch schön [Kluge, 2011, с. 182]. Существительное женского рода имеет семантическое значение, заимствованное из французского языка в XIV в., его быстрое распространение объясняется желанием разграничить мужское и женское начало [Kluge, 2011, с. 280], в современном языке используется как ‘мать отца или матери, пожилая женщина’ [Duden online-Wörterbuch]: Слово *die Großmutter* состоит из прилагательного *groß* (‘большой, крупный, главный’) и существительного женского рода *die Mutter* (‘мать’).

Die Mutter: Es war nicht einfach für Anika, als alleinerziehende Mutter ihr Leben zu organisieren [Heldt, 2010, с. 181]. Существительное *die Mutter* появилось в древневерхненемецком в VIII веке и использовалось в значении ‘родившая женщина, родитель женского пола’ [Kluge, 2011, с. 494-495]. Слово имеет суффикс *-ter*, который служит обозначением родства [DWDS], относится к женскому роду по биологическому полу и называет женщину: 1) родившую одного или более детей; 2) воспитывающую одного или более детей в роли матери; 3) в некоторых случаях представительницу женского монашеского ордена, титул настоятельницы монастыря [Duden online-Wörterbuch].

Die Oma: Es war nicht die Oma [Heldt, 2010, с. 179]. Существительное *die Oma* используется в разговорном варианте как шуточная, либо уничижительная форма для пожилой женщины, также возможно употребление в подростковом лексиконе в значении ‘взрослая женщина’. Этимологически слово образовано от существительного *die Großmutter*, упрощенное в детском языке до *Großmama* и укороченное до *Omama* [DWDS]. Слово относится к существительным женского рода по биологическому полу.

Die Tochter: Werner hat eine Tochter aus erster Ehe, ... [Heldt, 2010, с. 180]. Существительное *die Tochter* упоминается с XVIII века в древневерхненемецком языке. Слово указывает на лицо женского пола в родственных отношениях по отношению к матери и отцу, непосредственный потомок женского пола, может использоваться в форме доверительного обращения пожилого человека к девочкам, молодым женщинам (устарело). В Швейцарии так называли взрослую, незамужнюю женщину, девушку, особенно в качестве работницы в ресторане или частном доме (устарело) [Duden online-Wörterbuch]. Существительное с суффиксом *-ter*, обозначающим родство, относится к женскому роду по биологическому полу.

2) некровные родственные связи: *die Stiefmutter* (мачеха), *die Ersatzoma* (неродная бабушка, исполняющая роль бабушки), *die Ersatztochter* (неродная дочь, исполняющая роль дочери), *die Halbschwester* (сводная сестра, не биологическая сестра), *die Exfrau* (бывшая жена), *die Schwägerin* (золовка, свояченица, невестка (жена брата)), *die Ehefrau* (замужняя женщина, супруга, жена), *die Gattin* (супруга, жена), *die Lebensgefährtin* (спутница жизни, сожительница, гражданская жена), *die Pastorengattin* (жена пастора), *die Zahnarztgattin* (жена зубного врача).

Die Stiefmutter: In den Märchen nichts als böse Stiefmütter, herzlose, eifersüchtige Mütter ... [Funke,

2013, с. 308]. Существительное женского рода *die Stiefmutter* используется в значении: 1) женщина, состоящая в браке с биологическим отцом ребенка и заменяющая ребенку мать; 2) женщина в качестве приемного родителя. Слово состоит из наречия *Stief-* ('сводный'), обозначающего качество члена семьи в составных родственных именах, появившегося вследствие последующего повторного брака (смерти) и существительного *die Mutter* ('мать').

Die Ersatzoma: *Ich bin so eine Art Ersatzoma* [Heldt, 2010, с. 179]. Существительное женского рода *die Ersatzoma* обозначает пожилую женщину, исполняющую роль бабушки; состоит из определяющего существительного мужского рода *der Ersatz* ('замена') и основного существительного женского рода разговорного варианта *die Oma* ('родная бабушка, пожилая женщина').

Die Ersatztochter: ... *uns später wurde sie eine Art Ersatztochter für sie* [Heldt, 2010, с. 66]. Существительное женского рода обозначает лицо женского пола, при определенных обстоятельствах исполняющее роль дочери; состоит из существительного мужского рода *der Ersatz* (определяющее слово) и существительного женского рода *die Tochter* (основное слово).

Die Halbschwester: *Peer war auch mein Vater und Sinje Halbschwester* [Heldt, 2010, с. 318]. Существительное женского рода *die Halbschwester* (синоним *die Stiefschwester*) имеет следующие значения: 1) сводная сестра; сестра, у которой есть только один общий родитель с братом или сестрой; 2) лицо женского пола, у которого нет общих родителей с братом или сестрой, но которое было усыновлено или введено в брак одним из родителей; не биологическая сестра [Duden online-Wörterbuch]. Существительное состоит из прилагательного *halb-* [DWDS], обозначающего деление на два или половину чего-то и существительного женского рода *die Schwester* ('сестра').

Die Exfrau: *Renate war wahrscheinlich eine dieser beliebten Exfrauen, ...* [Schmitter, 2012, с. 30]. Сложное слово *die Exfrau* состоит из заимствованной морфемы со связующей функцией *ex-*, обозначающей что-то бывшее или прошлое и существительного женского рода *die Frau* ('женщина, жена'). Следует отметить, что достаточно большое количество слов, образованных с элементом *ex-* (Präfix) произошло по большей части из латинского языка и может использоваться отдельным словом, как для мужского, так и для женского пола: *ihr Ex, seine Ex* [Hentschel, 2020, с. 60-61].

Die Schwägerin / Die Ehefrau: *Renate, darf ich dir auch noch meine Schwägerin Charlotte vorstellen, die Ehefrau meines Bruders?* [Heldt,

2010, с. 146]. Существительное женского рода *die Schwägerin* имеет значение: 1) жена брата или сестры; 2) сестра мужа или жены [Duden online-Wörterbuch]; состоит из существительного мужского рода *der Schwager* ('зять, деверь, шурин') и суффикса женского рода *-in*. Первое упоминание о данном слове датировано XV в. [DWDS]. Сложное существительное женского рода *die Ehefrau* имеет значение: 1) замужняя женщина; 2) женщина, на которой женат другой человек [Duden online-Wörterbuch] и состоит из двух существительных женского рода: *die Ehe* ('брак, супружество') – определяющее слово *die Frau* ('женщина, жена') – основное слово.

Die Gattin: ... *ein 74-jähriger Witwer aus Essen, der seit 20 Jahren als Stammgast zu ihr kam, achtzehn Jahre mit der Gattin, dann ohne* [Heldt, 2010, с. 13]. Существительное женского рода *die Gattin* имеет значение 'жена другого человека', 'не собственная жена', выражает особую вежливость [Duden online-Wörterbuch] и образовано от существительного *der Gatte* ('супруг, муж') и суффикса женского рода *-in*. Слово *die Gattin* в значении *die Ehefrau* ('жена, супруга') используется с XVIII в. [Wahrig Herkunftswörterbuch.de].

Die Lebensgefährtin: *Kampmanns Lebensgefährtin Marion Fischer ist ziemlich sauer* [Heldt, 2010, с. 331]. Существительное женского рода *die Lebensgefährtin* имеет значение: 1) лицо женского пола, которое сопровождает другого человека на его жизненном пути, разделяет с ним его судьбу (возвышенно); 2) лицо женского пола, находящееся с другим человеком в гражданском браке [Duden online-Wörterbuch]. Слово состоит из существительного среднего рода *das Leben* ('жизнь'), соединительной морфемы *-s*, существительного мужского рода *der Gefährte* ('спутник, соратник') и суффикса женского рода *-in* [DWDS].

Die Pastorengattin: *Er hatte die Mehrzahl der Gläser zerstört und mit seinen Schnittverletzungen das Ballkeid der Pastorengattin ruiniert* [Heldt, 2010, с. 68]. Сложное существительное женского рода указывает на жену пастора, так как женщина по определению не могла занимать это должность в церкви и состоит из существительного мужского рода *der Pastor* ('пастор, пастырь, евангелический священник'), соединительной морфемы *-en*, существительного мужского рода *der Gatte* ('супруг, муж') и суффикса женского рода *-in*. Существительное называет на статус женщины, являющейся супругой церковного служителя.

Die Zahnarztgattin: *Sie war zehn Jahre jünger als Inge, hatte keine Kinder und war geschiedene Zahnarztgattin* [Heldt, 2010, с. 22]. Сложное существительное женского рода *die Zahnarztgattin*

называет лицо женского пола, супругу зубного врача; слово состоит из существительных мужского рода *der Zahn, der Arzt, der Gatte* и суффикса женского рода *-in*.

Языковые единицы, обозначающие родственные связи (кровные) и некровные (приобретённые в юридически оформленном или гражданском браке) можно разделить на следующие категории обозначения лиц женского пола: 1) по половой принадлежности (*die Tante, die Nichte, die Großmutter, die Ersatzoma, die Ersatztochter, die Halbschwester, die Ehefrau*); 2) слова, имеющие суффикс *-ter*, обозначающий родственные связи (*die Ersatztochter, die Halbschwester, die Großmutter*); 3) слова, образованные от существительных женского рода вследствие добавления суффикса женского рода *-in* (*die Gattin, die Leibesgefährtin, die Zahnarztgattin*).

Список литературы

1. Duden online-Wörterbuch – Текст : электронный // Wörterbuch der deutschen Sprache : [официальный сайт]. – URL : www.duden.de/suchen/dudenonline (дата обращения: 20.11.23)
2. DWDS: Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache – Текст : электронный // Das Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart, hrsg. v. d. Berlin-Brandenburgischen Akademie der Wissenschaften : [официальный сайт]. – URL : www.dwds.de (дата обращения: 19.10.23)
3. Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. – Berlin : De Gruyter, 2011. – 1091 S. – Текст : непосредственный.
4. Funke C. Tintenherz. – Hamburg : Dressler, 2013. – 608 S. – Текст : непосредственный.
5. Heldt D. Tante Inge haut ab. – München : Deutscher Taschenbuch Verlag GmbH & Co. KG, 2010. – 352 S. – Текст : непосредственный.
6. Hentschel E. Basiswissen deutsche Wortbildung. – Berlin : UTB GmbH, 2020. – 200 S. – Текст : непосредственный.
7. Schmitter E. Frau Sartoris. – München : Deutscher Taschenbuch Verlag, 2012. – 160 S. – Текст : непосредственный.
8. Wahrig Herkunftswörterbuch.de – Текст : электронный // wissen.de [официальный сайт]. – URL : <https://www.wissen.de/wortherkunft> (дата обращения: 22.11.23)

DOI: 10.47475/9785727119631_300

Е.В. ИЛЬИНОВА / E.V. ILYINOVA

Краснодарское высшее военное училище имени генерала армии
С.М. Штеменко
(Краснодар, Россия)

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ТИПАЖ «ДЕЛОВОЙ ЧЕЛОВЕК» В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ: ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ

THE LINGUOCULTURAL TYPE 'BUSINESS MAN' IN THE RUSSIAN AND ENGLISH LINGUOCULTURE: RESEARCH APPROACHES

Аннотация

В статье рассматривается лингвокультурный типаж «деловой человек» в русской и английской (англо-американской) лингвокультурах. Лингвокультурный типаж «деловой человек» в обеих культурах является составным; в него входят два субтипажа – «предприниматель» и «топ-менеджер». На основе примеров из корпуса современного американского английского исследуется употребление словосочетаний *business man* и *a man of business*, оценивается их частота и делается вывод об эквивалентности их семантики словарным значениям лексемы *businessman*. Отмечается высокая степень их семантической недифференцированности в контексте предложения и даже абзаца. В противовес русскому языку, где словосочетание *деловой человек* как имя типажа не имеет очевидных синонимов, в английском языке элементами номинативного поля выступают *businessman/business man, a man of business, a* также гендерно нейтральные политкорректные варианты *businessperson/business person* и *businesspeople/business people*.

Abstract

The article examines the linguocultural type 'business person' in Russian and English (English-American) linguocultures. The linguocultural type 'business person' is composite in both cultures; it includes two

subtypes, 'entrepreneur' and 'top manager'. Using examples from the Corpus of Contemporary American English, the use of the phrases business man and a man of business is examined, their frequency is assessed, and a conclusion is drawn about the equivalence of their semantics to the dictionary meanings of the lexeme businessman. Small degree of their semantic differentiation in the context of a sentence and even a paragraph is attested. In contrast to the Russian language, where the phrase деловой человек as the name of a type has no obvious synonyms, in the English language the elements of the nominative field are businessman/business man, a man of business, as well as the gender-neutral politically correct businessperson/business person and businesspeople/business people.

Ключевые слова: лингвокультурный типаж, деловой человек, бизнесмен, предприниматель, коммерсант, топ-менеджер, Национальный корпус русского языка, Корпус современного американского английского.

Keywords: linguocultural type, businessman, business man, a man of business, top manager, Russian National Corpus, Corpus of Contemporary American English.

В первой половине 2000-х гг. в отечественной лингвистике зародилась теория лингвокультурных типажей. Лингвокультурными типажам называют узнаваемые образы представителей определенной культуры [Карасик, 2007, с. 88]. Лингвокультурный типаж как предмет лингвистического изучения представляет собой совокупность культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, значений, установок и поведенческих реакций [Дмитриева, 2006, с. 29].

За прошедшие двадцать лет появилось немало исследований выделенных исследователями лингвокультурных типажей в разных лингвокультурных средах. Число описанных типажей исчисляется десятками, а, возможно, перевалило и за сотню – это «чиновник», «программист», «человек богемы», «английский рыцарь», «британский лорд» и т. п. Среди них рассматриваются как собственно типаж, принадлежащие определенной лингвокультуре, так и типаж, выделяемые на основании определенного вида дискурса (например, литературно-художественного или песенного). Можно отметить и попытки диахронического анализа определенных лингвокультурных типажей.

Теория лингвокультурных типажей активно развивается. На настоящий момент сформировалось несколько подходов к изучению лингвокультурных типажей: лингвокогнитивный, лингвокультурный, лингвоперсоналогический. Суть каждого подхода заключается в акцентировании того или иного признака типаж [Дмитриева, 2017, с. 63]. Исследователи сталкиваются с необходимостью расширять терминологический аппарат и методологию исследования типажей.

Хотя русский лингвокультурный типаж «деловой человек» уже рассматривался в научной литературе [Долгова, 2015], исчерпывающего своего описания он до сих пор не получил. Можно отметить и исследование схожих типажей «предприниматель» [Иванова, 2008] и «бизнесмен» [Сапрун, 2011] в рамках концептологического

подхода без использования термина «лингвокультурный типаж». Однако большее внимание уделялось описанию специфически гендерных лингвокультурных типажей «деловая женщина» и «бизнес-леди» [Михайлова, 2016; Токарева, 2018; Джигкаева, 2020]. Исследовались и эквивалентные инокультурные типаж («английский бизнесмен» [Илюхина, 2013], «американский бизнесмен» [Манджиева, 2019]). Здесь же можно отметить и работы, посвященные сравнению разнокультурных вариантов типаж «бизнесмен» [Емельянова, 2010; Иванов, 2011].

При этом перед исследователем неминуемо встает вопрос о степени эквивалентности типажей «бизнесмен», «предприниматель» и «деловой человек». Если лексемы-номинанты *бизнесмен* и *предприниматель* являются явными синонимами, то словосочетание *деловой человек*, очевидно, обладает несколько иной семантикой. В современных толковых словарях русского языка отдельная словарная статья «деловой человек», как правило, отсутствует; единственное исключение представляет собой следующее определение: «Деловыми людьми называют тех, кто работает в крупном бизнесе, приносит стране и получает сам большие доходы» [ТСРЯ, 2003, с. 267].

В специальных экономических словарях отдельная словарная статья «деловой человек» также отсутствует. Однако в лингвистических исследованиях можно найти вывод, что в текстах деловой прессы деловым человеком называется тот, кто работает в бизнес-среде и придерживается определенного стиля поведения; при этом «предприниматель», «бизнесмен», «руководитель», «топ-менеджер» и пр. по смыслу не разграничиваются [Погодаева, 2009, с. 7]. Составляющими собирательного понятия «деловой человек», несмотря на семантические различия, являются номинации «владелец» («собственник») и «управленец» («наемный менеджер») [Долгова, 2015]. Таким образом, в текстах деловой прессы типаж

«деловой человек» имеет более обширное семантическое наполнение, включая не только бизнесменов, но и наемных управленцев (в первую очередь – высшего звена). В нашем исследовании (на данный момент – в печати) употребления словосочетания *деловой человек* на материале текстов из основного корпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ) с 1991 по 2021 гг. мы обнаружили употребление этого словосочетания в качестве синонимов существительных *бизнесмен* и *предприниматель*, а явные указания на его использование в значении «управленец (высшего звена)» не выявлены. Впрочем, было бы преждевременным делать отсюда какие-либо выводы: во многих случаях контекст абзаца оказывается недостаточным, чтобы исключить данное значение употребленного в тексте словосочетания.

При описании эквивалентного лингвокультурного типажа в английском языке в первую очередь возникает вопрос о номинирующей его лексеме или словосочетании. Русское словосочетание *деловой человек* представлено лишь в части русско-английских словарей и получает единственный эквивалент *business man* [Таубе, 2000, с. 142; БРАС, 2000, с. 146]. В работе Е. В. Кобелевой подчеркивается разница между *business man* как обозначением практичного человека, человека дела (*businesslike*) и *businessman* как обозначением предпринимателя, в первую очередь нацеленного на получение прибыли [Кобелева, 2021]. Однако словосочетание *business man* является и одним из переводных эквивалентов лексемы *коммерсант* [Таубе, 2000, с. 251; БРАС, 2000, с. 247; Мюллер, 2016, с. 607]. Отсюда английское *business man* представляется достаточно точным эквивалентом русского *деловой человек*: оно несет в себе аналогичную полисемию, сочетая значения «бизнесмен» и «человек дела».

При этом в толковых словарях английского языка словосочетание *business man* отсутствует. Словарные же определения лексемы *businessman* указывают не только на предпринимателя как владельца бизнеса, но и на наемного работника (в первую очередь – высокого ранга), занятого в коммерческой сфере: a man engaged in business [АНДЕЛ, 2016, р. 252]; a person who works in commerce, especially at executive level [COED, 2003, р. 139]; someone who works at a fairly high level in a company, or who owns a business [LDAE, 2009, р. 129]. В одном случае дополнительно выделяется и второе значение, аналогичное значению русского выражения *деловой человек* как «человек дела, практичный человек»: 1) a man who works in business especially in a high position; 2) a man who is good at dealing with business and financial matters [MWALD, 2008, р. 219].

Можно предположить, что в языковом сознании англоговорящих отсутствует четкое разделение между *businessman* и *business man*. Для лучшего понимания семантики словосочетания *business man* мы исследуем употребление этого словосочетания на базе корпуса современного американского английского (Corpus of Contemporary American English, <https://www.english-corpora.org/coca/>). К его достоинствам относится его комплексный характер: он содержит тексты с 1990 по 2019 год, относящиеся к восьми видам дискурса. В число источников входят устная речь, художественная литература, популярные журналы, газеты, научные тексты, субтитры кинофильмов и телепередач, материалы блогов и других интернет-страниц. Для обеспечения современного характера языкового материала будем рассматривать только примеры из текстов, созданных не ранее 2000 года.

В итоге корпус примеров для анализа составил 444 примера употребления словосочетания *business man*: 339 примеров для формы ед. ч. и 105 примеров для формы мн. ч. Сразу же необходимо отметить, что зачастую контекст абзаца, представленный в корпусе, не дает возможности определить, в каком из значений («предприниматель» или «(высокопоставленный) наемный менеджер») словосочетание употребляется. С высокой вероятностью утверждать, что оно употребляется в значении «предприниматель», можно приблизительно в 63% случаев (213 из 339 для формы ед. ч. и 66 из 105 для формы мн. ч.). Контекстными маркерами значения часто служат прилагательные *small*, *big*, *successful*, *shrewd*, *rich*, а также указания на известного референта-предпринимателя (в корпусе в качестве таковых чаще всего выступают президенты или кандидаты в президенты США).

В нескольких случаях словосочетание довольно очевидно употребляется в значении «практичный человек». Это происходит при явном или неявном сравнении профессиональных качеств с деловыми: *The only reason he is on the pedestal he's on is because he's a better business man than rapper and he married Beyonce* (VH1 100 Greatest Artists Of All Time – Stereogum, 2012); *I'm a better business man than I am an attorney* (Home Again (2001) (IMDB) (Open Subtitles)); *We all know Metallica are great business men, so the first question that arises is: is this movie a marketing tool?* (Our Continuing Struggle With the Idea That For-Profit Corporations, 2012).

В других нескольких случаях речь идет о наемном персонале. Но очень редко это понимается из контекста предложения, как в следующем примере: *Star softball player, Lisa, has just been*

cut from the national team; Scholarly business man, George, has just been indicted from his father's company. (How Do You Know (2010) – IMDb). Из более широкого контекста иногда можно понять, что в предложении речь идет об офисных работниках: *I find it really fascinating how the people on subways change throughout the day. From 5-7 a.m. you have the shift workers, cleanup staff and homeless people. From 7-8 you usually see pupils. From 8-9 there are all those business men and women.* (The Architectural Spectacle That Is Munich's Metro – The Atlantic Cities, 2012). О референте из другого примера известно, что он работал на управляющей должности, но не был предпринимателем: *In 2007 Turatsinze moved to Mozambique where he worked as a lecturer and a business man ('A little knowledge is a dangerous thing. So is a lot' – Salem-News.Com, 2012).*

Прочие же случаи характеризуются более или менее отчетливо выраженной семантической недифференцированностью: *Im trying to remember the name of a movie about this business man whose hearing seemed to be amplified 10 times louder than normal.* (What's The Name of That Movie? – Netflix Movie Fans, 2012); *I won't end the most meaningful relationship of my life... with a lousy handshake. I'm not a business man.* (Soul Survivors (IMDB) (Open Subtitles), 2001).

При этом можно отметить, что группа *business men* отчетливо отделяется от социальной группы *professionals*: *This was not done in a professional way, nor by professionals who claim to be business men.* (Webshots Blog » Big News!, <http://blog.webshots.com/2012/10/3874/>, 2012); *El Nuevo Criollo printed regular features on black-American millionaires, doctors, savings banks, profiled not only as an inspiration to Cuban blacks and mulattos (or as proof that people of African descent could achieve greatness as professionals and business men), but as a possible source of investment that would be friendly to Afro-Cuban endeavors* (ACAD: Journal of American Ethnic History, 2001); *Mr. Crawford belonged to the Elmore Club, an organization of colored professional and business men, who had purchased a neat little clubhouse where they could play billiards and entertain their wives and friends at dances and whist parties* (FIC: New Crisis, 2000).

Итак, все выявленные в корпусе значения словосочетания *business man* соответствуют значениям лексемы *businessman*, выделяемым словарями. Отсюда можно сделать вывод, что семантическое различие между ними невелико, если вообще существует.

Также отметим, что среди переводческих эквивалентов русского словосочетания *деловой человек*, выявленных в корпусе параллельных

переводов НКРЯ, встречается и словосочетание *a man of business*. Поиск в корпусе современного американского английского демонстрирует, что оно характеризуется намного меньшей частотой: 27 употреблений формы ед. ч. и 12 употреблений формы мн. ч. – всего лишь 39 примеров по сравнению с 444 примерами для *business man*. Подавляющее большинство этих примеров демонстрирует контекстную семантическую недифференцированность; таким образом, и это словосочетание вполне может служить одним из лексических репрезентантов лингвокультурного типажа «деловой человек» в английском языке.

При этом гендерно нейтральный, политкорректный вариант [Атнякина, 2020, с. 12] лексемы *businessman* – *businessperson* представлен в американском корпусе с несколько большей частотой (162 примера), но раздельное написание *business person* встречается в нем даже чаще (273 примера), что уже сравнимо с частотой формы *business man*. Собираательные же формы *business people* (953 пример) и *businesspeople* (535 примеров) в несколько раз более часты.

Представляется, что из вышесказанного можно сделать следующие выводы. Лингвокультурный типаж «деловой человек» в обоих языках, русском и английском, является комплексным, составным; в него входят два субтипажа – «предприниматель» и «топ-менеджер». В противовес русскому языку, где словосочетание *деловой человек* как название типажа не имеет очевидных синонимов, в лексическом фонде английского языка ему соответствует номинативное поле, в которое войдут элементы *businessman/business man* и *a man of business*, к которым можно добавить гендерно нейтральные политкорректные варианты *businessperson/business person* и *businesspeople/business people*. Как в русском, так и в английском языках может быть отмечена высокая частота семантической недифференцированности соответствующих лексем и словосочетаний в контекстах предложения и даже абзаца.

Список литературы

1. Атнякина, А. С. Языковое выражение политкорректности в английском и русском языках / А. С. Атнякина, Л. К. Ланцова // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации: Материалы докладов XII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Саратов: Саратовский источник, 2020. – С. 11–19. – Текст : электронный. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovoe-vyrazhenie-politkorrektnosti-v-angliyskom-i-russkom-yazykah> (дата обращения: 21.12.2023).

2. БРАС – Большой русско-английский словарь: 23-е изд., стереотип. / Под ред. О. С. Ахмановой. – М.: Рус. яз., 2000. – 768 с. – Текст : непосредственный.
3. Джигкаева, А. В. Языковая эволюция лингвокультурного типажа «бизнес-леди» : автореф. ... канд. филол. наук. / Алла Владимировна Джигкаева. – Нальчик, 2020. – 22 с. – Текст : непосредственный.
4. Дмитриева, О. А. Лингвокультурный типаж с позиции культурных ценностей / О. А. Дмитриева // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2006. – № 2. – С. 29–35. – Текст : электронный. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturnyy-tipazh-s-pozitsii-kulturnyh-tsennostey> (дата обращения: 21.12.2023)
5. Дмитриева, О. А. Методология описания лингвокультурных типажей / О. А. Дмитриева, Т. С. Ястребова // Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ «Грани познания». 2017. – № 4 (51). – С. 63–65. – Текст : электронный. – URL : <http://grani.vspu.ru/files/publics/1501090443.pdf> (дата обращения: 09.01.2024)
6. Долгова, Е. В. Имиджевые характеристики лингвокультурного типажа «деловой человек» / Е. В. Долгова // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. – 2015. – № 4 (28). – С. 126–138. – Текст : электронный. – URL : https://elibrary.ru/download/elibrary_25279597_33448617.htm (дата обращения: 21.12.2023)
7. Емельянова, О. П. Репрезентация стереотипного образа бизнесмена в русскоязычной и англоязычной лингвокультурах / О. П. Емельянова // Наука и современность. – 2010. – № 5–3. – С. 29–36. – Текст : электронный. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/reprezentatsiya-stereotipnogo-obraza-biznesmena-v-russkoyazychnoy-i-angloyazychnoy-lingvokulturah> (дата обращения: 21.12.2023)
8. Иванов, А. А. Лингвокультурный типаж «бизнесмен» в английской и русской лингвокультурах / А. А. Иванов // Трансформация реальности: стратегии и практики: 5-й молодежный конвент УрФУ: материалы международной конференции 25–27 марта 2021 года. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2021. – С. 357–359. – Текст : электронный. – URL : <http://elar.urfu.ru/handle/10995/108304> (дата обращения: 25.12.2023).
9. Иванова, М. М. Экспериментальное исследование концепта «Предприниматель» / М. М. Иванова // Вопросы психолингвистики. – 2008. – № 7. – С. 97–100. – Текст : электронный. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/eksperimentalnoe-issledovanie-kontsepta-predprinimatel> (дата обращения: 25.12.2023)
10. Илюхина, М. С. Лингвокультурный типаж «английский бизнесмен» (эндо- и экзостереотипы): автореф. дисс. ... канд. филол. н. / Мария Сергеевна Илюхина. – Волгоград, 2013. – 19 с. – Текст : непосредственный.
11. Карасик, В. И. Лингвокультурный типаж / В. И. Карасик // Язык. Текст. Дискурс. – 2007. – № 5. – С. 86–89. – Текст : непосредственный.
12. Кобелева, Е. В. К вопросу синонимии лексико-семантических единиц «a businessman» и «a business, man» в американской языковой картине мира / Е. В. Кобелева // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2021. – № 7 (849). – С. 87–97. – Текст : электронный. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-sinonimii-leksiko-semanticheskikh-edinit-a-businessman-i-a-business-man-v-ee-amerikanskoj-yazykovoy-kartine-mira> (дата обращения: 25.12.2023).
13. Манджиева, З. М. Лингвокультурный типаж бизнесмена в американской лингвокультуре / З. М. Манджиева, Г. М. Боваева, Т. В. Бураева // Сборник материалов региональной научно-практической конференции с международным участием «Личность в парадигме межкультурной коммуникации: язык – культура – образование – музей (теоретические и прикладные проблемы)». – Элиста: Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова, 2019. – С. 130–134. – Текст : электронный. – URL : https://elibrary.ru/download/elibrary_41220328_46559426.pdf (дата обращения: 25.12.2023)
14. Михайлова, С. В. Лингвокультурный типаж «деловая женщина» как конструкт медиакommunikации / С. В. Михайлова, Ю. А. Миронова // Гендер и проблемы коммуникативного поведения: сборник материалов 6-й международной научной конференции, Полоцк, 27–28 окт. 2016 / редкол.: М. Д. Путрова [и др.]; Министерство образования Р. Беларусь, Полоцкий государственный университет. – Новополоцк: ПГУ, 2016. – С. 147–151. – Текст : электронный – URL : <https://elib.psu.by/handle/123456789/19720> (дата обращения: 25.12.2023)
15. Мюллер, В. К. Самый полный англо-русский русско-английский словарь с современной транскрипцией: около 500 000 слов / В. К. Мюллер. – М.: Издательство АСТ, 2016. – 800 с. – Текст : непосредственный.
16. Погодаева, Е. А. Репрезентация когнитивного стиля современного делового человека в текстах деловой прессы: автореферат дисс. ...

канд. филол. наук. / Елена Андреевна Погодаева. – Барнаул, 2009. – 20 с. – Текст : непосредственный.

17. Сапрун, И. Р. Вербализация концепта БИЗНЕСМЕН в русской языковой картине мира / И. Р. Сапрун // Учені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т. 24 (63). – № 1. – Ч. 2. – С. 122–129. – Текст : электронный : URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/verbalizatsiya-kontseptu-biznesmen-v-russkoj-yazykovoy-kartine-mira> (дата обращения: 25.12.2023)

18. Таубе, А. М. Современный русско-английский словарь / А. М. Таубе, Р. С. Даглиш. – М.: Рус. яз., 2000. – 776 с. – Текст : непосредственный.

19. Токарева, Н. А. Лингвокультурный типаж «бизнес-леди» в социальном аспекте (на примере китайской и американской лингвокультур) / Н. А. Токарева, Т. С. Кириллова // Наука и образование третьего тысячелетия. Сборник научных трудов по материалам Междуна-

рой научно-практической конференции. В 2-х частях. Часть I. – 2018. – С. 103–107. – Текст : электронный : URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_32462052_78517281.pdf (дата обращения: 25.12.2023)

20. ТСРЯ – Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. В. Дмитриева. – М.: ООО Издательство Астрель : ООО «Издательство АСТ», 2003. – 1582, [2] с. – Текст : непосредственный.

21. AHDEL – The American Heritage Dictionary of the English Language: Fifth Edition. – Boston, New York: Houghton Mifflin Harcourt – 2016. – 2086 p. – Текст : непосредственный.

22. COED – Compact Oxford English Dictionary of Current English. – Oxford: Oxford University Press, 2003. – 1378 p. – Текст : непосредственный.

23. LDAE – Longman Dictionary of American English. – Harlow: Pearson Education Limited, 2009. – 934 p. – Текст : непосредственный.

24. MWALD – Merriam-Webster's Advanced Learner's English dictionary. – Merriam-Webster, Inc., 2008. – 1994 p. – Текст : непосредственный.

DOI: 10.47475/9785727119631_305

И.О. КРАЕВСКАЯ / I.O. KRAEVSKAYA

*Томский государственный педагогический университет
(Томск, Россия)*

НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ПРОЦЕССОВ МЕТАФОРИЧЕСКОГО ТЕРМИНООБРАЗОВАНИЯ ЕДИНИЦ ОТРАСЛИ «НЕФТЕГАЗОПЕРЕРАБОТКА» (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

NATIONAL SPECIFICS OF METAPHORICAL FORMATION FOR THE OIL AND GAS PROCESSING INDUSTRY TERMS (BASED ON THE MATERIAL OF RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES)

Аннотация

В статье рассматриваются процессы метафорического терминообразования в английском и русском языках на материале отрасли нефтегазопереработки в аспекте национальной специфики конструирования семантики. Для двух языков последовательно определяются объекты или параметры из понятийных областей, являющихся сферами-источниками для метафорической проекции. Подчеркивается, что перенос слотов, участвующих в построении семантики слов общенационального языка, в структуру узкоспециализированных терминов характерен как для русского, так и для английского языков. Наиболее продуктивно сравнение с пищей, а именно с маслом, а также с предметами быта и физическими действиями, выполняемыми человеком. Более широкий спектр метафорических моделей в английском языке обусловлен тем, что отрасль «Нефтегазопереработка» изначально активно развивалась в англоговорящем пространстве, и, как следствие, специалисты, номинирующие новые объекты и явления, опирались на свою национальную картину мира. Русскоязычную терминологию изучаемой области можно охарактеризовать как наполненную иноязычной лексикой: здесь присутствуют устоявшиеся в языке единицы немецкого и французского происхождения, а также заимствования новейших терминологических единиц из английского языка. Метафо-

ризация основывается на сохранении или частичном преобразовании исходной проекции на основе схожести национальных картин мира.

Abstract

The paper discusses the processes of metaphorical term formation in English and Russian languages using the material of the oil and gas refining industry in the aspect of the national specifics of constructing semantics. Objects and parameters are consecutively defined for both languages from conceptual fields, which are the source field for metaphorical projection. It is emphasized that the slots overlay involved in constructing the semantics of words in a national language into the structure of highly specialized terms is characteristic of both Russian and English languages. The most productive comparison is with food, namely oil, as well as with household items and physical actions performed by humans. The wider range of metaphorical models in the English language is due to the fact that the Oil and Gas Refining industry was initially actively developing in the English-speaking countries, and, as a result, specialists nominating new objects and phenomena relied on their national picture of the world. Terminology of the Russian language of the studied area can be characterized as pervaded with foreign language borrowings: there are units of German and French origin that are well-established in the language, as well as borrowings of the latest terminological units from the English language. Metaphorization is based on the preservation or partial transformation of the original projection, based on the similarity of national pictures of the world.

Ключевые слова: метафорическое терминовоеобразование, процессы терминовоеобразования, метафорическая модель, национальная картина мира, нефтегазопереработка, русский язык, английский язык.

Keywords: metaphorical term formation, term formation processes, metaphorical model, national worldview, oil and gas processing, Russian language, English language.

Одним из актуальных направлений исследований в современном терминоведении является изучение метафорической терминологии в когнитивном аспекте. На сегодняшний день наблюдается высокий интерес исследователей к метафорической концептуализации в различных областях знания. Анализ методов конструирования семантики единиц специальной лексики помогает выявить закономерности терминовоеобразования и в языке в целом и, как следствие, структурировать терминосистемы молодых отраслей науки. Одной из таких сфер является нефтегазопереработка, которая рефлексруется как самостоятельная область не только российскими, но и зарубежными представителями профессии. Соответственно, сопоставление процессов метафорического терминовоеобразования единиц данной отрасли актуально не только для терминоведения и терминографии русского и английского языков, но и для лингвокультурологии, межкультурной коммуникации, а также для теории и практики научно-технического перевода.

Изучение аспекта метафорической концептуализации позволит глубже изучить вопросы терминовоеобразования и номинации в русском и английском языках, в связи с чем, целью исследования является описание национальной специфики метафорического терминовоеобразования в указанных языках на материале терминологических единиц отрасли «Нефтегазопереработка».

Теоретической базой исследования послужили труды отечественных и зарубежных ученых

по языковой картине мира (Е.М. Верещагин, Г.В. Колшаский, О.А. Корнилов, В.В. Краснов, Э. Сепир, Б.А. Серебренников и др.), в области теории метафоры (Н.Д. Арутюнова, С.С. Гусев, М. Джонсон, Дж. Лакофф, С.Е. Никитина, Х. Ортега-и-Гассет З.И. Резанова, Дж. Серль и др.) и метафоры в терминологии и научном тексте (Л.М. Алексеева, С.С. Гусев, Н.А. Мишанкина, В.В. Петров, Т.И. Уткина, В.В. Овсянникова, Ю.Г. Синельникова и др.).

Наиболее релевантной методологической базой для нашего исследования мы считаем теорию концептуальной метафоры, под которой мы, вслед за целым рядом исследователей (Дж. Лакофф, М. Джонсон, Н.Д. Арутюнова, З.И. Резанова и др.), понимаем «базовую концептуальную модель, основанную на аналогии и позволяющую осмыслить объекты (явления, сущности) на основе знаний о других объектах (явлениях, сущностях) [Мишанкина, 2010, с. 41]. В процессе метафорического терминовоеобразования знание об объекте из сферы-источника проецируется на объект из сферы-мишени. В основе данного процесса лежит сравнение опыта взаимодействия с более известным и менее известным объектами, имеющиеся знания структурируют семантические слоты нового понятия.

Материалом исследования послужили 116 пар терминов на двух исследуемых языках, среди которых 50 русско- и 84 англоязычных единиц являются метафорическими. Источником материала исследования послужили сопоставимые

статьи по сравнительному анализу порфиринов [Кривцова, 2021, с. 225-226; Fedorova, 2021, с. 97-99]. Механизм анализа состоял из следующих этапов для русского и английского языков соответственно: 1) поиск дефиниции в терминологических словарях; 2) проверка значения потенциально метафорического терминологического элемента в толковых словарях; 3) уточнение наличия метафоры при помощи ассоциативных словарей; 4) сопоставление образов, легших в основу метафорического проецирования.

Отметим также, что преобладание неметафорических терминов в русскоязычной отрасли нефтегазопереработки обусловлено большим количеством заимствований терминов из английского, французского и немецкого языков, а также словообразованием на базе греко-латинских корней. Проведенный анализ позволил выявить неравномерное распределение понятийных областей, послуживших донорами при терминологическом проецировании, данные представлены в таблице ниже.

Таблица
Количественный подсчет выявленных
метафорических моделей

Область	Объект/параметр	Русский язык	Английский язык
Пища	Масло	26	40
	Продукт питания	2	2
Артефакт	Предметы быта	7	8
	Архитектурный объект	5	4
	Воск	0	4
	Ловушка	1	3
	Факел	1	1
	Шлем	1	1
	Грязь	0	2
Физическое действие	Действия, выполняемые человеком	4	18
	Связанные с водой	3	1

Рассмотрим по одному примеру наиболее частотной метафорической модели из каждой понятийной области. Для обоих исследуемых языков характерно преобладание сравнения различных промышленных масел с маслом, используемым в кулинарии, на основании сходства физических свойств. В целом, продуктивность метафорического переноса из сферы-источника «Пища» можно объяснить тем, что приготовление пищи, направленное на удовлетворение базовой потребности в еде, стало одним из самых осмысленных человеком видов ежедневной деятельности. Однако на этапе обращения к ассоци-

ативным словарям было выявлено отличие, которое можно объяснить национальной спецификой мышления: в русском языке наиболее частотной реакцией на стимул «масло» является «сливочное» [Караулов, 2002, с. 298], в то время как в английском – «sun oil» ‘подсолнечное’ [Kiss, 1972, с. 743]. Отметим также, что количественное преобладание терминологических единиц с метафорическим элементом «oil» в английском языке обусловлено проекцией не только на различные промышленные масла, но также и на нефть. В данной сфере-источнике вторым менее продуктивным объектом сравнения выступает элемент «продукт»/«product» как продукт питания.

Второй по частотности выступает понятийная область «Артефакт», где получилось выделить несколько объектов, с которыми происходит сравнение, в которой предметы быта выступают наиболее продуктивными объектами для метафорической проекции. Есть как совпадающие метафорические модели, например, («холодильник»/«cooler», «шлем»/«helmet»), так и не совпадающие («колонна»/«tower» ‘башня’), а также отсутствие метафоры в русской единице («пласт»/«bed» ‘кровать’, «гач»/«wax» ‘воск’). В качестве примера рассмотрим термин «ректификационная тарелка»/«rectifying plate», который называет «контактный элемент тарельчатой ректификационной колонны, представляющий собой горизонтальную перегородку, полностью или частично перекрывающую сечение колонны, и обеспечивающий ступенчатое изменение концентраций и (или) температур по высоте колонны» [Тараканов, 2011, с. 72]. Исходя из структуры термина можно сделать предположение, что в русский язык данная единица была заимствована посредством калькирования структуры англоязычного словосочетания, и если компонент-прилагательное был адаптирован только за счет изменения аффикса, а корень при этом остался иноязычным, то компонент-существительное был полностью заменен эквивалентом, что позволяет говорить об идентичных принципах метафорического переноса в сознании представителей русско- и англоязычных картин мира.

К области «Физическое действие» относятся термины, называющие различные аппараты и установки, здесь первым по частотности выступает сравнение с действиями, выполняемыми человеком, а вторым – с действиями, производимыми водой, и их встречаемость гораздо ниже, что позволяет сделать вывод о том, что для обоих языков характерна проекция человека-деятели на машину. Также стоит отметить, что среди русских эквивалентных терминов меньше метафорических, поскольку многие из них являются

заимствованными из английского языка, например, «ресивер»/«receiver» от глагола «to receive» 'получать'. В качестве примера рассмотрим термин «захлебывание»/«choking», который называется «гидродинамический режим работы ректификационной тарелки, сопровождающийся резким увеличением ее гидравлического сопротивления и нарушением нормального стока жидкости (флегмы) на нижележащую тарелку, например, при превышении допустимой производительности ректификационной колонны» [Тараканов, 2011, с. 62]. И в русском, и в английском языках данные термины образуются от глаголов, поэтому для выявления национальной специфики приведем определения из толковых словарей. «Захлебываться» – задохнуться или поперхнуться от попадания в дыхательное горло жидкости, дыма и т.п. [Кузнецов, 2000, с. 355]. «To choke» – 1) to be unable to breathe because the passage to your lungs is blocked or you cannot get enough air; to make someone unable to breathe 'не иметь возможности дышать, потому что проход в легкие заблокирован, или не иметь возможности получить достаточно воздуха; сделать так, чтобы кто-л. не мог дышать' [Oxford Learner's Dictionaries, 2024, URL]. Получается, что в английском языке при метафорическом переносе упор идет на блокировку прохода, который происходит при захлебывании ректификационной тарелки – проход заполняется жидкостью и нарушается ее сток, тарелка начинается «давиться флегмой», а в русском языке сравнение данного технологического процесса с захлебыванием связано с непосредственным участием жидкости как в бытовых ситуациях, так и на производственных.

Количественный анализ выявленных метафорических моделей позволяет выделить, что пища, а именно масло, является продуктивной метафорической проекцией для обоих языков, в большей степени для английского. Второй по частотности является артефактная метафора, для которой продуктивно сравнение с предметами быта. Для данной понятийной области метафора более распространена среди англоязычных терминологических единиц, так как они создаются в этой картине мира, а в русский язык заимствуются зачастую с сохранением фонетической структуры. В области физических действий также более метафоричен английский язык в части сравнения действий аппаратов или химических процессов с действиями человека. В целом можно отметить тенденцию к использованию общего объекта сравнения для русского и английского языков, что можно объяснить тем, что метафорические англоязычные термины пришли в русский язык посредством калькирования с сохранением исходного образа, так как он идентифицируется

специалистами-носителями русского языка как прозрачный семантически.

Список литературы

1. Караулов, Ю. Н. Русский ассоциативный словарь / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. – Т. 2. От стимула к реакции: Более 100 000 реакций. – М. : АСТ-Астрель, 2002. – 992 с. – Текст : непосредственный.
2. Кривцова, К. Б. Сравнительный анализ порфиринов Западно-Сибирского плато и Тимано-Печерской провинции / К. Б. Кривцова, Е. Н. Федорова // Проблемы геологии и освоения недр : труды XXV Международного симпозиума имени академика М. А. Усова студентов и молодых учёных, посвященного 120-летию горногеологического образования в Сибири, 125-летию со дня основания Томского политехнического университета, Томск, 5-9 апреля 2021 г. : в 2 т. – Томск : Изд-во ТПУ, 2021. – Т. 2. – С. 225-226. – Текст : непосредственный.
3. Кузнецов, С. А. Большой толковый словарь русского языка. / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : «Норинт», 2000. – 1536 с. – Текст : непосредственный.
4. Мишанкина, Н. А. Специфика метафорического моделирования научного дискурса / Н. А. Мишанкина // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов : Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2010. – Вып. 1 (22). – С. 37-46. – Текст : непосредственный.
5. Тараканов, Г. В. Основные термины в нефтегазопереработке. Краткий справочник: учеб. пособие / Г. В. Тараканов. – Астрахань : Изд-во АГТУ, 2011. – 100 с. – Текст : непосредственный.
6. Definition of choke verb from the Oxford Advanced American Dictionary. – Текст : электронный // Oxford Learner's Dictionaries : [официальный сайт]. – URL : https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/american_english/choke_1?q=choke (дата обращения: 24.01.2024).
7. Fedorova, E. N. Comparative Analysis for Porphyrins of Various Fields Heavy Oils / E. N. Fedorova, K. B. Krivtsova // Topical Issues of Rational Use of Natural Resources. XVII International Forum-Contest of Students and Young Researchers. Scientific conference abstracts, 31 May-6 June 2021. – Saint Petersburg, 2021. – Vol. 1. – P. 97-99. – Текст : непосредственный.
8. Kiss, G. R. The Associative Thesaurus of English / G. R. Kiss, C. A. Armstrong, R. Milroy, J. Piper. – Edinburgh : University Press, 1972. – 1165 p. – Текст : непосредственный.

DOI: 10.47475/9785727119631_309

М.Ю. КУДАШЕВА / M.Yu.KUDASHEVA
Пермский государственный институт культуры
(Пермь, Россия)

**ТЕРМИНЫ-МЕТАФОРЫ В НАЗВАНИЯХ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ
МУЗЫКАЛЬНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)**

**METAPHORICAL TERMS IN THE NAMES OF EXPERIMENTAL MUSICAL INSTRUMENTS
(BASED ON THE ENGLISH LANGUAGE)**

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы пополнения английской терминосистемы «Экспериментальные музыкальные инструменты» при помощи семантического способа словообразования, в результате которого появляются метафорические термины. Актуальность исследования связана с необходимостью номинации новых понятий, пополнения и систематизации терминологии исследуемой предметной сферы. Объектом исследования является английская терминосистема «Экспериментальные музыкальные инструменты», предметом – метафоры в названиях экспериментальных музыкальных инструментов. Цель статьи – лингвистический анализ метафорических терминов предметной сферы «Экспериментальные музыкальные инструменты». В процессе исследования материала нами были использованы следующие методы исследования: описательный метод, метод сравнительного анализа, количественный метод, метод компонентного анализа, метод словообразовательного анализа. Материалом исследования стали термины – метафоры, отобранные методом сплошной выборки из статей, книг, словарей, в том числе онлайн-словарей, интернет-сайтов музыкальной тематики. Установлено, что наиболее продуктивным источником метафорических терминов исследуемой предметной сферы являются артефакты–объекты, созданные человеком. В статье представлена классификация основных тематических групп метафор.

Abstract

The article studies the issues of replenishment of the English terminological system “Experimental musical instruments” using the semantic method of word formation, as a result of which metaphorical terms are formed. The relevance of the study is based on the need to nominate new concepts, replenish and systematize the terminology of the subject area under study. The object of the study is the English term system “Experimental musical instruments”, the subject is metaphors in the names of experimental musical instruments. The purpose of the article is a linguistic analysis of metaphorical terms of the subject area “Experimental musical instruments”. During the study of the material, we used the following research methods: descriptive method, comparative analysis method, quantitative method, component analysis method, word formation analysis method. The research material was metaphorical terms selected by a continuous sampling method from articles, books, dictionaries, including online dictionaries, online music-related websites. It is established that the most productive source of metaphorical terms of the studied subject area are artifacts–objects created by man. The article presents a classification of the main thematic groups of metaphors.

Ключевые слова: терминопорождение, терминосистема, терминопорождение, метафора, семантический способ, экспериментальные музыкальные инструменты.

Keywords: thermal formation, thermal system, thermal generation, metaphor, semantic method, experimental musical instruments.

Одной из первостепенных проблем современной лингвистики является определение сущности термина и вопросы, связанные с процессами терминопорождения. Несмотря на существование множества различных точек зрения на содержание понятия «термин» [Алексеева, 1998, с. 4], абсолютное большинство лингвистов–исследователей в качестве основной характеристики термина

называют фиксацию понятия. Так, С.В. Гринёв-Гриневиц обозначает термин как особую номинативную лексическую единицу специфического языка, которую используют для точного именованья специальных понятий [Гринёв-Гриневиц, 1993, с. 11]. В терминологии любой области знаний встречаются лексические единицы, которые можно встретить и в повседневной лексике. Этот

факт приводит к определённым сложностям при выделении терминологической лексики из общего состава языка. Ещё В.В. Виноградов подчёркивал, что научная терминология тесно связана с национальным языком, выделяя тот факт, что начало любой науки – результат мышления и речи народа [Виноградов, 1977, с. 164]. Граница между общеупотребительной и терминологической лексикой является нестабильной, постоянно происходит процесс превращения общеупотребительных слов в термины, а также использование терминологий в бытовой лексике [Гринёв-Гриневиц, 2008, с. 29].

Терминологическое словообразование во многом схоже со словообразованием, характерным для слов общей лексики. Так, С.В. Гринёв-Гриневиц предложил классификацию способов словообразования, которая, по нашему мнению, является наиболее полной [Гринёв-Гриневиц, 2008, с. 123]. Эта классификация выделяет следующие способы терминообразования:

1. Семантический – создание новых терминов путём образования омонимов;
2. Морфологический – образование новых слов при помощи аффиксов;
3. Синтаксический – образование словосочетаний;
4. Морфолого-синтаксический – образование новых слов путём словосложения, аббревиации, эллипса.

Семантический способ терминообразования подразумевает метафоризацию – формирование нового значения слова.

Под понятием «метафора» мы понимаем механизм речи, состоящий в употреблении слова, которое обозначает определённый класс предметов, явлений и т. д., для наименования или характеристики объекта, входящего в другой класс, либо наименование другого класса объектов, аналогичного данному в каком-либо отношении. В более широком смысле термин «метафора» применяется к любым видам использования слов в их непрямом значении [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990, с. 296].

Мы разделяем мнение Л.М. Алексеевой о том, что терминологическая метафоризация, прежде всего, связана с процессом отражения и обозначения нового научного познания [Алексеева, 1998, с. 10].

Метафора предоставляет возможность «выразить трудновыразимое и обозначить то, для чего ещё нет прямого обозначения, причём выразить и обозначить, не увеличивая словарь единиц выражения и их синтаксическую сложность» [Никитин, 1988, с.101]. Метафора часто является первичным наименованием обозначаемого пред-

мета, поскольку у него нет другого названия [Ляпина, 1988, с. 134].

Поскольку метафора не только является важным источником формирования терминологий наук, существующих давно, но и является активным способом образования терминов новых формирующихся терминосистем [Алексеева, 1998, с.100], в нашем исследовании мы провели метафорический анализ предметной сферы «Экспериментальные музыкальные инструменты», в состав которой входят названия музыкальных инструментов, созданные музыкантами и композиторами в XX веке и в начале XXI века. Под названием «Экспериментальные музыкальные инструменты» мы понимаем такие музыкальные инструменты, в которых нестандартно применяются классические способы звукообразования или используются новые способы генерации звука [Экспериментальные музыкальные инструменты, URL]. Терминология этой предметной сферы не была описана ранее, не зафиксирована лексикографически; лингвистическая литература, посвящённая терминологическому описанию предметной сферы «Экспериментальные музыкальные инструменты» в настоящее время практически отсутствует.

Источником материала нашего исследования являются книги, статьи, посвящённые современной музыке (например, материалы музыкального журнала *Experimental Musical Instruments*, который издавался в 1985-1999 годы; редактор журнала Барт Хопкин – известный создатель музыкальных инструментов и писатель), музыкальные энциклопедии (в том числе, музыкальная энциклопедия *Grove Music Online*), словари, интернет-форумы, посвящённые теме современной музыки, интернет-сайты. Всего нами было выявлено 304 терминологические единицы, 80 из которых являются метафорическими терминами.

Анализ метафорических терминов исследуемой терминосистемы показал, что метафорические термины, также, как и обычные, могут быть как простыми (однокомпонентными), так и составными (двух- и многокомпонентными). Данные структурного состава исследуемых терминов приведены в таблице 1.

Таблица
Структурный состав метафорических терминов (%)

1 компонент	2 компонента	3 компонента	4 компонента	5 компонентов
27	55	15	1	2

В ходе исследования нами было обнаружено, что основными источниками метафорических терминов в исследуемой тематической группе

являются человек, мифологические существа, животные, растения, объекты неживой природы, артефакты и абстрактные понятия.

Нами были выделено пять основных тематических групп метафор-названий экспериментальных музыкальных инструментов: 1) человек; 2) животное; 3) растения и объекты неживой природы; 4) артефакты; 5) абстрактные понятия. Данные приведены в таблице 2.

Таблица

Тематические группы терминов-метафор (%)

Человек	Мифические и реальные животные и птицы	Растения и объекты неживой природы	Артефакты	Абстрактные понятия
16	7	12	46	19

Рассмотрим подробнее каждую тематическую группу.

1. Источник термина-метафоры – человек. В эту группу вошли названия экспериментальных музыкальных инструментов, которые отождествляются с характеристиками и свойствами человека или мифических существ, наделённых человеческими качествами. Так, музыкальный инструмент *rib cage* – грудная клетка был разработан для совместного исполнения на одном инструменте человека и робота. Благодаря использованию робототехники интерактивный аспект инструмента становится физическим и видимым. Метафорой для этого инструмента является грудная клетка (пластиковые рёбра, напечатанные на 3D принтере) с шипами (алюминиевые стержни) и сердцем (соленоид и красный светодиод). Человек воздействует на грудную клетку, напечатанную на 3D принтере, а также на алюминиевые стержни, в то время как роботизированный компонент ударяет по алюминиевым стержням. Другими примерами метафор этой тематической группы могут выступать *digital warrior* – цифровой воин, *Aeolus* – Эол, *Picasso* – Пикассо и др.

2. Источник термина-метафоры – мифические и реальные животные или птицы. Так, подобно мифическому существу, созданному из частей тела различных животных, музыкальный инструмент *chimaera* – химера представляет собой конструкцию из нескольких ударных инструментов с высоким уровнем звука, позволяя исполнителю комбинировать 18 звуковых слоёв. Метафорические термины на основании сходства с миром животных, вошедшие в эту группу: *tiger's paw* – тигриная лапа, *peacock* – павлин, *crustacean* – рачок и др.

3. Тематическая группа – растения и объекты неживой природы включает в себя в качестве источника метафоры природные объекты. Так, му-

зыкальный инструмент, названный *semi-civilized tree* – полуживилизованное дерево, представляет собой струнный инструмент, основанный на естественной форме дерева. Путём метафоризации были созданы термины: *zen-garden* – дзен сад, *poet tree* – дерево поэта, *glacial rocks* – ледниковые породы, *singing stones* – поющие камни и др.

4. В тематической группе «артефакты» для образования названий экспериментальных музыкальных инструментов в качестве метафоры выступают объекты, созданные человеком. Например, при создании музыкального инструмента *air sake* – воздушный пирог, музыканты использовали пластиковые трубки, электрические вентиляторы, газовые горелки, хлопья полистирола и сухие листья. Пока воздушный пирог вращается, музыканты «атакуют» его выдувными пистолетами, создавая различные высоты и резонансы. В эту группу вошли такие метафорические термины как *wind antenna* – ветровая антенна, *bicycle wheel* – велосипедное колесо, *Moog bed* – кровать Муга, *forest ladder* – лесная лестница и др.

5. В тематическую группу «абстрактные понятия» мы отнесли лексические единицы, представляющие собой обобщённую идею, а не предмет как таковой. Например, музыкальный инструмент *Haaken Continuum* – континуум Хаакена обеспечивает контроль исполнения в реальном времени в трёх измерениях. К этой группе относятся такие метафорические термины как *mission control*, *glisando vibe* – атмосфера глисандо, *harmonic canon* – гармонический канон, *quadrangularis reversum* – обратная сторона четырёхугольника и др.

Анализ предметной сферы «Экспериментальные музыкальные инструменты» позволил выделить основные тематические области метафорического образования терминов. Самой продуктивной группой является группа «Артефакты», представленная метафорическими терминами в 46 % от общего количества проанализированных терминов-метафор. Метафорическая номинация «Животные» представлена в наименьшей степени – 7 %. Полученные данные отражают динамику появления новых названий музыкальных инструментов в рамках тематических групп и, как следствие, – значимость каждой тематической группы для музыкантов и композиторов, создающих новые музыкальные инструменты.

Список литературы

1. Алексеева, Л. М. Проблемы термина и терминологического образования : учеб. пособие по спецкурсу / Л. М. Алексеева. – Пермь : Перм. ун-т, 1998. – 120 с. – Текст : непосредственный.

2. Алексеева, Л. М. Термин и метафора / Л. М. Алексеева. – Пермь : Перм. ун-т, 1998. – 250 с. – Текст : непосредственный.
3. Виноградов, В. В. Основные типы лексических значений слова / В. В. Виноградов // Избранные труды. – Москва : Наука, 1977. – 310 с. – Текст : непосредственный.
4. Гринев, С. В. Введение в терминоведение / С. В. Гринев. – Москва : Московский Лицей, 1993. – 309 с. – Текст : непосредственный.
5. Гринев-Гриневиц, С. В. Терминоведение: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / С. В. Гринев-Гриневиц. – Москва : Академия, 2008. – 304 с. – Текст : непосредственный.
6. Лапиня, Э. А. Метафора в терминологии микроэлектроники / Э. А. Лапиня // Метафора в языке и тексте. – Москва : Наука, 1988. – 174 с. – Текст : непосредственный
7. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – Москва : Сов. энциклопедия, 1990. – 683 с. – Текст : непосредственный.
8. Никитин, М. В. Основы лингвистической теории значения / М. В. Никитин. – Москва : Высш.шк., 1988. – 165 с. – Текст : непосредственный.
9. Экспериментальные музыкальные инструменты : Википедия. Свободная энциклопедия. – Текст : электронный. – URL : https://ru.wikipedia.org/wiki/Экспериментальные_музыкальные_инструменты (дата обращения 21.01.2024).

DOI: 10.47475/9785727119631_312

Э.М. ЛЯПКОВА, В.В. БАЧУРСКАЯ / E.M.LYARKOVA, V.V. BACHURSKAYA

Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)

ВЕРБАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ АВТОРА БЛОГА О ПУТЕШЕСТВИЯХ

THE VERBAL AND SEMANTIC LEVEL OF THE LINGUISTIC PERSONALITY OF THE TRAVEL BLOGGER

Аннотация

Изучение языковой личности блогера представляется актуальным ввиду растущей популярности блога как вида виртуальной коммуникации. Целью настоящего исследования является выявление и описание типичных особенностей языковой личности блогера на вербально-семантическом уровне ее структуры, на примере франкоязычных блогов о путешествиях. В результате проведенного исследования были выделены такие средства выразительности как пунктуация, шрифтовое варьирование, заимствования, а также ряд стилистических приемов, таких как ирония и эпитеты. Данные средства позволяют автору придавать своим письменным высказываниям эмоциональность и непосредственность, присущие устной форме речи. Полученные результаты исследования могут быть использованы при дальнейшем комплексном анализе языковой личности блогера как сложной многоуровневой структуры, которая находит свою реализацию в виртуальной языковой среде.

Abstract

The study of the blogger's linguistic personality seems relevant due to the growing popularity of the blog as a type of virtual communication. The purpose of this study is to identify and describe the typical features of a blogger's linguistic personality at the verbal and semantic level of its structure, using the example of French-language travel blogs. As a result of this research, such means of expression as punctuation, font variation, loanwords, as well as a number of stylistic techniques such as irony and epithets were identified. These tools allow the author to give his written statements the emotionality and immediacy inherent in the oral form of speech. The results obtained can be used for further comprehensive analysis of the blogger's linguistic personality as a complex multilevel structure that finds its implementation in a virtual language environment.

Ключевые слова: языковая личность, виртуальная личность, блог, вербально-семантический уровень, стилистическое средство, ирония, языковая картина мира.

Keywords: linguistic personality, virtual personality, blog, verbal and semantic level, stylistic means, irony, linguistic picture of the world.

В современном информационном обществе мы постоянно получаем огромное количество информации и используем самые разнообразные виды коммуникации, как устной, так и письменной. Важную роль в современном обществе играет Интернет, благодаря которому появилось такое явление как виртуальная коммуникация.

Одним из популярных видов коммуникации в Интернет-пространстве является блог, который также можно назвать личным дневником, в нашем случае речь пойдет о тревел-блоге или личном дневнике путешественника. Автор блога в целом представляет собой языковую личность, реализующую себя в виртуальной коммуникативной среде [Гермашева, 2014, с. 37].

Языковую личность мы, вслед за Ю.Н. Карауловым, понимаем как «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью» [Караулов, 1987, с. 37].

Одним из структурных уровней, характерных для любой языковой личности, является вербально-семантический, на котором оцениваются ее лексические, синтаксические, фонетические, грамматические и стилистические знания. Анализ соответствующего уровня в структуре виртуальной языковой личности автора блога о путешествиях подтверждает, что данная языковая личность обладает рядом особенностей, характеризующих ее способ коммуникации. Языковая картина мира, которую тревел-блогер транслирует своему читателю, не ограничена одной культурой или традицией, но впитала в себя целый калейдоскоп знаний, опыта и представлений. При этом, поскольку письменная коммуникация лишена некоторых способов передачи информации, присущих устному общению (жесты, мимика, интонация и т.д.), блогер вынужден прибегать к разнообразным языковым средствам, стремясь упростить процесс коммуникации.

Так, пунктуация играет важнейшую роль, поскольку помогает передавать отношение автора к высказываемому. Она также помогает придать письменному высказыванию интонацию устной речи, делая текст более живым и эмоциональным.

Восклицательные знаки используются автором для выражения восторга, восхищения. Для передачи наиболее сильных эмоций автор может использовать даже двойной восклицательный знак, который характерен больше для личной переписки, чем для текстов, предназначенных для широкой публики. Например, блогер может

восхищаться красотой природы, необычной традицией или же нестандартным для его картины мира поведением местных жителей.

«*Je savais que les moines vivaient dans un grand dénuement mais le voir de mes propres yeux, c'était autre chose !*» [Le sac à dos, URL].

«*Le code de la route est ici implicite : la vitesse est limitée à 60 km/h et on comprend pourquoi !*» [Tongs et Sri Lanka, URL].

Вопросительные знаки помогают выразить удивление, непонимание, то есть те эмоции, с которыми неизбежно сталкивается человек, оказавшийся в чуждой культуре, в незнакомой стране, в непривычных для него обстоятельствах. Вопросительный знак также часто используется блогерами в риторических вопросах, имеющих целью привлечь внимание читателя, заставить задуматься, а также обозначить тему следующего высказывания. Кроме того, этот знак препинания помогает авторам поделиться с читателями своими сомнениями, передать неуверенность и опасение.

«*Il est censé aider les nouveaux arrivants pour le chanting, et je commence à... chanter ?*» [Le sac à dos, URL].

«*Que faire et que voir lors d'un voyage de 2 semaines en Thaïlande ?*» [Découvrir ensemble, URL].

Использование многоточия подталкивает читателя к самостоятельному продолжению истории, к фантазированию относительно дальнейшего развития событий. «*Donner le préavis pour l'appart, gérer les impôts, organiser le transfert du courrier, trouver une assurance voyage, [...], vendre la voiture...*» [World wild brice, URL].

Многоточие также помогает автору заинтриговать читателя, привлечь его внимание. Например, «*Il m'a répondu...*» [Le sac à dos, URL].

Отметим, что большое значение в общении в сети Интернет имеют скобки, которые придают тексту определенную рельефность и многослойность, так как визуальное это знак препинания гораздо более заметен, чем запятые, которыми можно выделить обособление. Автор заключает в скобки собственные ремарки, которые придают тексту эмоциональность. Речь может также идти о включении в высказывание практической информации, такой, как адрес места, о котором идет речь, его название на языке страны и другие уточнения.

«*Des pays comme la Finlande ou la Norvège par exemple, sont tout simplement hors de prix et les croquettes reviennent affreusement chères (comptez jusqu'à 60 euros les 5Kg)*» [Votre tour du monde, URL]. В данном примере автор говорит о том, что сухой корм для собак стоит ужасно дорого,

и в скобках уточняет цену за определенный вес продукта.

«À noter aussi les très nombreux ponts vitrés (*skywalk*) permettant de connecter les buildings entre eux, et ainsi d'éviter de sortir au froid ou d'être au sec si la ville venait à être inondée une nouvelle fois» [Best jobers blog, URL].

Исследуя морфологический уровень, мы обратили внимание на использование сокращенных форм, которые помогают сделать письменную речь более живой, непосредственной и приближенной к устному варианту. Также встречается использование цифр и математических знаков с целью сократить или заменить полноценную лексическую единицу. Данный вариант наиболее характерен для кратких отзывов, путевых заметок, которые в целом создают дружелюбную и непринужденную атмосферу в блоге.

«Nous avons aussi fait de très nombreuses randos juste tous les deux» [Votre tour du monde, URL]. Блогер использует сокращенный вариант слова «*randonnée*» («*прогулка*»).

«Qu'est-ce qui t'as le + touché au Sri Lanka ?» [Tongs et Sri Lanka, URL] – в данном примере знак «+» был использован вместо наречия «*plus*» («*больше*»).

«Même si le contexte touristique a largement évolué depuis 2008, j'espère que vos sensations seront les mêmes pour vos *Iers pas* dans ce pays» [Tongs et Sri Lanka, URL]. Для придания письменной речи динамичности и большей визуальной четкости, автор применяет вместо преимущественно используемого во французском языке порядкового числительного «*premier*» – цифру.

В следующем примере, «[...] future *instiit* !» [Tongs et Sri Lanka, URL] – автор использует сокращенный вариант слова «*institutrice*» («*учительница*»).

На графическо-фонетическом уровне часто встречаются междометия, которые позволяют тревел-блогеру передать эмоции более ёмко и точно. Кроме того, междометия делают письменное высказывание более непринужденным и максимально приближенным к разговорной речи. Стоит также отметить тенденцию к изменению орфографии слов с целью передачи интонации, в результате чего письменная речь становится более живой и эмоциональной, приобретает звучание.

«Personne ici ne m'en voudrait, car je suis nouveau. *Ouf!*» [Le sac à dos, URL] – блогер радуется, что его здесь никто не знает и с облегчением выдыхает «*уф!*».

«On y trouve un vieux parc d'attraction, la plage et des hot-dogs ! *Géniaaaaal !*» [Découvrir ensemble, URL]. Данный пример показывает, как

можно использовать орфографию для передачи интонации, поскольку повторение буквы в слове помогает буквально услышать восхищенный голос автора: «*Гениаааально!*»

В следующем примере, «la route jusqu'au Cap de Ca Mau est vraiment sympa avec quelques immenses ponts assez *waouh*» [World wild brice, URL] междометие «*waouh*», заимствованное из английского языка, в сочетании с наречием «*assez*» («*достаточно*») приобретает дополнительное ироничное звучание, подчеркивая, что встречающиеся на пути путешественника мосты были «*достаточно впечатляющими*».

Важную роль в виртуальной коммуникации играет шрифтовое варьирование. Автор использует возможности форматирования текста и изменение регистра для передачи дополнительного смысла, транслирования новой интонации, выделения важной информации минимальными лексическими средствами.

«Bref, le *vrai* New-York» [Votre tour du monde, URL]. В данном предложении автор выделил курсивом прилагательное «*vrai*» («*настоящий*»), таким образом делая на нем эмоциональное смысловое ударение.

«Il s'agissait de *ma 1re expérience en hydravion* et je n'ai pas été déçu !» [Amoureux du monde, URL] – автор выделяет жирным шрифтом часть фразы, желая подчеркнуть, насколько захватывающим был его опыт, ведь это было впервые.

На лексическом уровне, можно отметить широкое использование заимствований, помогающих погрузить читателя в атмосферу и культуру описываемой географической местности. Например, «*Ayubowan* à tous !» [Tongs et Sri Lanka, URL] или «De plus, pour notre premier grand voyage en famille avec Lily, 6 mois, nous pouvons dire que c'est également une destination «*kids friendly*»» [Best jobers blog, URL].

Стоит также обратить внимание на внедрение в письменную речь автора новых простых и сложных слов, которые придают высказыванию оттенок спонтанности и повышают его эмоциональность.

Например, в предложении «L'information est rare et pas facile à trouver mais, grâce à quelques sites et aux communautés *d'handivoyageurs* sur les réseaux sociaux [...]» [Le sac à dos, URL], автор использует сложное слово «*handivoyageur*» («*путешественник с ограниченными возможностями*»), составленное из слов «*handicap*» и «*voyageur*».

Также мы проанализировали использование тревел-блогерами различных стилистических приемов. Поскольку письменная речь блогера является максимально приближенной к устной, раз-

говорной речи, наличие стилистических приемов варьируется в зависимости от реальной личности блогера и привычной ему манеры выражения. Самым распространенным приемом стал эпитет, позволяющий создать более яркий, эмоциональный образ описываемого места и передать его как можно точнее читателю.

«[...] le Sun Siyam vous fera vivre une expérience inoubliable dans l'un des endroits les plus *enchanteurs* de la planète» [Amoureux du monde, URL] – место путешествия описывается здесь как «чарующее».

В предложении «[...] la très *convaincante* salade Max & Bunny (240 ₺), un mélange de fruits et légumes de saison dans une vinaigrette balsamique» [Oui Philippines, URL] автор характеризует заказанный им салат как «*весьма убедительный*».

Другим средством выразительности, используемым в блогах чаще других, является ирония. С ее помощью авторы привлекают внимание читателя, заставляют его улыбнуться, иногда показывают собственную нерешительность или компенсируют чрезмерное идеализирование описываемого места.

«Evidemment ce n'est pas «*fait*» pour les touristes donc sortez vos plus beaux sourires et préparez-vous à vous faire jeter !» [World wild brice, URL] – в данном предложении блогер говорит о том, что данное место не туристическое, поэтому рекомендует «*достать свои самые приветливые улыбки и подготовиться к тому, что вас могут вышвырнуть*».

В следующем примере, «On passe d'une petite tape dans le dos au coup de poing dans la gueule quand il s'agit de découvrir un monde plus ou moins à l'opposé de celui que l'on connaît» [Votre tour du monde, URL] автор иронизирует над собственным стереотипным и, как оказалось, ошибочным представлением о посещаемой стране, говоря о том, что, открывая для себя иную культуру, мы получаем сначала легкие подзатыльники, а потом настоящую увесистую пощечину.

Изучив вербально-семантический уровень языковой личности автора блога о путешествиях, мы выявили разнообразные языковые средства, которые используются блогером для придания письменной речи эмоциональности, яркости, об-

разности и непосредственности, присущих скорее устным формам коммуникации. Особо стоит отметить тот факт, что в таком виде виртуального общения как блог о путешествиях, эмоциональность высказываний связывается зачастую со столкновением с иной культурой и новой картиной мира.

Список литературы

1. Гермашева, Т. М. Виртуальная языковая личность в пространстве блог-дискурса. – Текст : электронный // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка» : [официальный сайт]. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/virtualnaya-yazykovaya-lichnost-v-prostranstve-blog-diskursa> (дата обращения: 20.01.2024).
2. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов // Акад. наук СССР. Отд-ние лит. и яз. / Д. Н. Шмелев (отв. ред.). – Москва : Наука, 1987. – С. 37. – Текст : непосредственный.
3. Amoureux du monde : блог. – Текст : электронный. – URL : <https://amoureux-du-monde.com> (дата обращения: 15.01.2024).
4. Découvrir ensemble : блог. – Текст : электронный. – URL : <https://decouvrirensemble.com> (дата обращения: 20.01.2024).
5. Le sac à dos : блог. – Текст : электронный. – URL : <https://lesacados.com> (дата обращения: 10.01.2024).
6. World wild brice : блог. – Текст : электронный. – URL : <https://worldwildbrice.net> (дата обращения: 20.01.2024).
7. Best jobers blog : блог. – Текст : электронный. – URL : <https://www.bestjobersblog.com> (дата обращения: 10.01.2024).
8. Oui Philippines : блог. – Текст : электронный. – URL : <https://www.ouiphilippines.com> (дата обращения: 16.01.2024).
9. Tongs et Sri Lanka : блог. – Текст : электронный. – URL : <https://www.tongsetsrilanka.com> (дата обращения: 20.01.2024).
10. Votre tour du monde : блог. – Текст : электронный. – URL : <https://www.votretourdumonde.com> (дата обращения: 15.01.2024).

DOI: 10.47475/9785727119631_316

А.А. МИРОНОВА / A.A. MIRONOVA

Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)
(Челябинск, Россия)**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ СЛОВА «РОССИЯНИН»
В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА ЖИТЕЛЕЙ РФ****LINGUOCULTURAL PORTRAIT OF THE WORD “RUSSIAN” IN THE LINGUISTIC PICTURE
OF THE WORLD OF RESIDENTS OF THE RUSSIAN FEDERATION****Аннотация**

Статья посвящена важному вопросу современной науки о языке: на каком этническом типе основано мышление и речевая реакция россиянина. На материале НКРЯ и психолингвистических экспериментов автор исследует изменения в понимании лексемы «россиянин» в истории русской лингвокультуры под воздействием последних исторических перемен в стране. Предпринята попытка определить, что доминирует при сопряжении: национально-культурная составляющая или универсалии, обусловленные общими ценностями. Анализ научной литературы убедительно показывает, что проблема описания содержания, структуры и динамики образа россиянина в сознании носителей разных национальных культур до сих пор остается актуальной. Решение данной проблемы позволяет описать ценностные установки, стереотипы «среднего» носителя той или иной культуры. Создание лингвокультурологического портрета слова «россиянин» в современном языковом сознании населения позволит выявить коррелятивные отношения с понятием «русский».

Abstract

The article is devoted to an important question of modern science about language: on what ethnic type is the thinking and reaction of a Russian based. Based on the material of NKRY and psycholinguistic experiments, the author explores changes in the understanding of the lexeme “Russian” in the history of Russian linguistic culture under the influence of recent historical changes in the country. An attempt has been made to determine what dominates during pairing: the national-cultural component or universals determined by common values. An analysis of scientific literature convincingly shows that the problem of describing the content, structure and dynamics of the image of a Russian in the minds of speakers of different national cultures living compactly in a multicultural region of Russia still remains unresolved. The solution to this problem makes it possible to describe the value systems and stereotypes of the “average” bearer of a particular culture. Creating a linguocultural portrait of the word “Russian” in the modern linguistic consciousness of the population will allow us to identify correlative relationships with the concept “Russian”.

Ключевые слова: лингвокультурологический портрет, языковое сознание, лингвокультурный стереотип, языковая картина мира.

Keywords: linguocultural portrait, linguistic consciousness, linguocultural stereotype, linguistic picture of the world.

В последние годы растет интерес к России и ее жителям как со стороны иностранцев, так и самих россиян. При этом нельзя выхватывать для характеристики поведения, присущего россиянину, описание отдельных черт или образа жизни представителя этноса. Что такое Россия? Это не столько самая большая страна, занимающая огромное пространство с разными ландшафтами и культурами, сколько в стереотипности – ментальности россиян.

Цель – проследить процесс формирования стереотипного понятия «россиянин» у жителя полиэтнического региона, выступающих лакмусовой бумажкой для многонациональной и многосубъ-

ектной страны. В эпоху социальных потрясений стереотипы, в том числе автостереотипы, представляющие собой устойчивые, схематизированные, обладающие эмоционально-оценочным характером, широко распространенные в определенной этнокультурной среде образы конкретной социальной группы, своей или чужой, приобретают особую важность как когнитивный фактор, влияющий, во-первых, на качество межкультурной коммуникации, во-вторых, на процесс социализации подрастающего поколения, воспринимающего мир через призму стереотипов людей своей культуры. Основная задача языка – обслуживание коммуникативных потребностей чело-

века. На территории РФ сосуществуют, диалогизируют разные лингвокультуры. Чтобы избежать столкновения при общении представителей разных народов необходимо выявить реально функционирующие культурно-значимые смыслы языковых единиц, представляющих наибольшую трудность в процессе межкультурной коммуникации. Продвижение идей межэтнической толерантности среди молодого поколения создаст максимально комфортные условия для современного общения, так как ценностная картина мира оказывает влияние на поведение человека, его выбор и решения, а также на общественную жизнь в целом. Проблема описания содержания, структуры и динамики стереотипа «россиянин» в сознании носителей разных национальных культур, проживающих компактно в поликультурном регионе России, связана с необходимостью описания базовых признаков, образующих данный конструкт. До сих пор во многих научных исследованиях о современном языковом сознании «русский» выступает синонимом понятию «россиянин». Ученые заменили лексему «русский» для характеристики стандартных представлений живущих в постсоветском пространстве. У представителей иных лингвокультур, не русской, «россиянин» и, например, «якутянин» находятся не в родо-видовых отношениях, а в оппозитивных. Мы же наблюдаем процесс постепенного становления в общем языковом сознании именно устойчивого образа «россиянина», части субъекта РФ и огромной страны – России. Вслед за Е.Ф. Тарасовым, мы рассматриваем образ россиянина как социальный стереотип, который представляет собой «фрагмент языкового сознания с аффективно окрашенным содержанием». Содержание понятия *россиянин* рассматривалось в трудах историков и социологов, например, в 2009 г. была опубликована глубокая статья Ю.В. Арутюнян [Арутюнян, 2009], в 2013 г. – статья профессора И.В. Цветковой об образе россиянина, посвященная социологическому анализу в сознании жителей одного города [Цветкова, 2013]. Ученые пытаются предложить разные проекты нациестроительства и конструирование национальной идентичности (Лубский А.В., Волков Ю.Г., Денисова Г.С. и др.). При этом отсутствует полный лингвокультурологический портрет важного в метальном смысле слова – *россиянин*. А именно в языке зафиксировано реальное стереотипное понимание явления.

Актуальность решения обозначенной проблемы определяется ее огромной социальной значимостью. В современном, предельно поляризованном мире, все чаще мы сталкиваемся с намерениями враждебно настроенных элит других стран

расколоть Россию на множество маленьких государств, а значит, проблема духовного единства граждан нашей страны приобретает первостепенное значение, от ее решения зависит перспектива российской государственности. В создании стереотипов ведущую роль играет язык: «Язык служит распространению предубеждений» [Водак, 1997]. Такое понимание природы стереотипов приводит к необходимости их изучения в «пограничных» отраслях современного языкознания – психолингвистике, этнолингвистике и социолингвистике. Проблема соотношения стереотипа как ментального образования, закрепленного в языке, его языкового воплощения и реальной действительности включает несколько аспектов: насколько стереотипные представления могут быть ложны/правдивы; насколько стереотипы устойчивы/подвержены изменению. Национальные стереотипы как устойчивые образы-представления одного народа о других (например, татары очень чистоплотны) и о себе самом (например, русские гостеприимны) задействованы буквально на всех этапах этого общения и являются частью различных процессов межкультурного восприятия и взаимодействия. Русский язык уже несколько столетий входит в число самых распространенных языков на планете. И с каждым годом, несмотря на политические и социальные кампании, роль русского языка в межкультурной коммуникации на разных уровнях общения расширяется. При этом на территории РФ русский язык был и остается языком межнационального общения. Спецификой языковой политики страны является наличие как моноэтнического субъекта (кавказские республики, Бурятия, Якутия), так и полиэтнического. Ярким примером такого симбиозного языкового сознания предстает Челябинская область. На территории сосуществуют носители 152 языков и культур. Исторически Южный Урал всегда был пограничной зоной (таможня, защитные крепости). Для мирного сосуществования необходимо знание и понимание ценностной картины представителей разных народов и религий в регионе. Политика поддержания культуры и языков всех народов РФ обостряет частично чувство национальной идентичности, возникает противопоставленность лингвокультур и соответственно норм поведения при важности осознания принадлежности общей стране и государству. Необходимо формировать единое языковое сознание россиянина, а не представителя отдельного народа РФ: русского, татарина, башкира, чеченца и др. Якутия – не сестра России, Башкирия – не отдельное государство, а часть единой России. В связи с этим значимым предстает анализ произошедших в последние 30

лет изменений в ценностной картине россиян. Политические (санкции, ограничения, СВО), социальные (большее расслоение между классами, доступность социальных благ, господдержка), культурные (креативные арт-течения, выход масс-культуры) новации детерминировали новое представление о базовых вещах.

НейроКРЯ сгенерированы ближайшие семантические ассоциаты слова: москвич (0,687336), русский (0,671176), европеец (0,657514), израильтянин (0,634125) – американец (0,639441), согражданин (0,598396), петербуржец (0,567961). Коэффициент близости подсчитан нейросистемой с помощью моделей дистрибутивной семантики, построенных на актуальных материалах основного корпуса НКРЯ. Таким образом, мы видим, что максимально похожие контексты употребления лексем *россиянин* – *москвич*, только на втором месте идет *русский*. Употребление же по типам текстов представляет зону функционирования лексемы: 94,10% нехудожественные тексты, только 5,9% художественные тексты, что подтверждает маркированность в сознании людей понятия как публицистического, социального: публицистика 68,2%, учебно-научная 21,65%, художественная 5,10% сфера. Все остальные не превышают 2%.

Сама лексема появилась в русском языке в 1698 г. За всю историю слова предельный рост его употребления в русских текстах наблюдается с 1794 по 1830 гг. 1817 г. является пиком на протяжении истории частотности слова в языке. Потом на протяжении всего XX века наблюдается спад, только в 2002 начинается снова подъем упоминаний, максимум мы видим в 2012 г., а к 2018 фиксируется снова снижение включения в тексты. Интересны скетчи, представленные по материалам основного корпуса: определения: *среднестатистический* (9,36%), *свободномыслящий* (7,73%), *неунывающий* (7,21%); сказуемые: *потреблять* (6,1%), *завоевать* (6%), *опустошать* (5,53%); глаголы с прямым дополнением *умертвить* (6,77%), *устрашить* (6,7%), *обязывать* (5,45%), глаголы с косвенным дополнением *сулить* (5,65%), *надлежать* (4,35%), *предлагать* (4,24%).

Для анализа реально представленного лингвокультурологического портрета лексемы «россиянин» нами был проведен психосоциалингвистический эксперимент среди студентов Челябинского педагогического университета для обнаружения произошедших сдвигов в сторону от традиционного архетипа и подтверждения / опровержения данных НКРЯ. Было предложено ответить на вопрос в письменной анкете 32 студентам первого курса филологического факуль-

тета (17–18 лет): Выберите 3–5 слов или словосочетаний, которые ассоциируются у вас с понятием «россиянин»: *гражданин, Россия, патриот, нация, народы, паспорт, житель, язык, общая память, герб, флаг, гимн, общие традиции*. Результаты представлены на рисунке 1.

Рис. 1 – Результаты опроса ассоциативного эксперимента

Студентам же колледжа ЮУрГГПУ был предложен ряд вопросов, направленных на соотношение понятий «русский» и «россиянин» в языковом сознании учащихся. Возрастная группа опрошенных 17–18 лет, количество – 22 человека.

1. Ассоциация со словами *русский, родина, политика, россиянин, страна, государство*. 2. Закончите предложение *Я могу считать себя русским, потому что ... Я могу считать себя россиянином, потому что...* 3. Распределите слова, которые у вас тесно связаны с «русский» и «россиянин»: *дом, власть, родной край, индивидуальность, дух, закон, патриотизм, я*. 4. Объясните значения слов русский и россиянин в контексте стихотворения Мустай Карима:

*Не русский я, а россиянин. Ныне
Я говорю, свободен и силен:
Я рос, как дуб зеленый на вершине,
Водою рек российских напоен.
Своею жизнью я гордиться вправе –
Нам с русскими одна судьба дана.
Четыре века в подвигах и славе
Сплелись корнями наши племена.*

Результаты показали, что студенты идентифицирует себя и как «русские», и как «россияне», при этом в образе «русский» заложен духовный и культурный смысл, а в языковой образ «россиянин» – отнесение себя к числу граждан страны.

Так, для «русского» ассоциации распределились следующим образом: дом (4), национальность (3), гуманный, семья, друзья, родина, природа, любовь, жизнь, я, гордость, русское народное творчество. Россиянин – паспорт, живущий в России, семья и дом, Романовы, патриотизм, русский народ, мир, обычаи, земля, природа, гордость, авторитет. Продолжением предложений стали скетчи: 1. живу (12), язык (10), национальность (1), предки (4), люблю и чувствую связь (2), считаю Родиной (2), соблюдаю культурные традиции (2), не имею гражданского гражданства, я образованная, грамотная, я не русская. 2. живу (13), гражданство (5), уважаю традиции (7), патриот, соблюдаю правила и законы, во мне русская кровь, язык. В третьем вопросе распределение осуществлено было следующим образом:

Таблица

Распределение слов ассоциатов с ключевыми понятиями

русский	россиянин
Дом (13)	Дом (9)
Власть (6)	Власть (14)
Родной край (13)	Родной край (8)
Индивидуальность (11)	Индивидуальность (10)
Дух (16)	Дух (6)
Закон (5)	Закон (16)
Патриотизм (6)	Патриотизм (15)
Я (15)	Я (9)

На 4 вопрос три человека не дали никаких комментариев. Русские: национальность (12), народ, кровь, общность. Россияне: жители (10), гражданин, национальность, родина+любовь (4), установки, законы и правила, вырос и знает историю, гордится, дух.

Таким образом, мы видим, что студенты идентифицируют себя русскими на основе проживания, знания языка и ощущения глубинной связи поколений; россиянами – на основе гражданства, проживания на территории страны, уважения традиций. Стереотипное представление «русский» чаще связывается со словами *дом, родной край, дух, я*. «Россиянин» – власть, закон, патриотизм. В контексте стихотворения учащиеся дали оценку слова «русский» как национальность, общность с народом и традициями, «россиянин» – житель, гражданин.

Ценностная картина мира современного россиянина находит отражение во всех сферах его жизни, транслируется при общении зачастую имплицитно и передает культурнокодовые понятия вместе с индивидуально применяемыми. Язык как универсальная система передачи и восприятия информации как внутрисубъектно, так и

междусубъектно, служит средством выражения существующей ценностной системы человека. В современных условиях коммуникация строится не только в рамках одной лингвокультуры, но и за пределами привычной системы трактовки ценностей и, в отдельных случаях, понятий. Лингвокультура, сформированная в пределах полиэтничного региона, сразу включает в себя разнообразие трактовок, касающихся в том числе ценностной картины мира. Изменение условий типичной коммуникации, влияние на систему ценностей и ее динамику всех сфер жизни человека, меняющихся вслед за нарастанием информатизации общества, сокращение дистанции для коммуникации внутри социума как в горизонтальном, так и в вертикальном плане – это динамические процессы, заметно сказавшиеся на всей жизни общества. Челябинская область – это поликультурный регион, ввиду своей истории, географического положения, а также налаженных связей международного сотрудничества. Стереотипное поведение россиянина, не русского, не армянина, нагайбакца, башкира и др. в рамках существующей ценностной картины мира постепенно меняется, наш проект призван скорректировать точки, являющиеся опорными и изменчивыми в понимании самих себя как жителей одной многонациональной страны и представлении себя другим народам. Новые ценности приносит новый век и изменения в геополитическом, международном, а также неразрывно связанном с ними внутренним положением региона. Ценностная картина – одна из опор существования российского менталитета, а потому требует внимательного отношения и мониторинга происходящих изменений во времена активных перемен ритма и восприятия жизни.

Благодаря исследованию формирующегося стереотипного поведения современного россиянина на примере поликультурного региона России будет представлена модель успешного сосуществования противоположных, с одной стороны, лингвокультур (например, башкирская, татарская, чеченская – русская, нагайбакская), с другой стороны – объединенных общей государственною, базовыми ценностями, одним межнациональным языком общения. Только через сопряжение разных культур в огромной стране можно избежать столкновений, приводящих к разного рода конфликтам: от бытовых споров до физических нападений. На наш взгляд, именно формирования устойчивого единого представления «россиянин» и идентификация себя не через национальность, а через общность родины должно выступать в функции скрепы в современном многогранном обществе.

Список литературы

1. Арутюнян, Ю. В. Россияне: проблемы формирования национально-гражданской идентичности в свете данных этносоциологии / Ю. В. Арутюнян // *Общественные науки и современность*. ОНС : Российская академия наук / гл. ред. В. В. Согрин. – 2009. – № 4. – С. 91–97. – Текст : непосредственный.
2. Водак, Р. Язык. Дискурс. Политика / Р. Водак; Пер. с англ. и нем. В. И. Карасика, Н. Н. Тро-

шиной; Волгогр. гос. пед. ун-т, Науч.-исслед. лаб. «Яз. и личность». – Волгоград : Перемена, 1997. – 138 с. – Текст : непосредственный.

3. Национальный корпус русского языка – URL : <https://ruscorpora.ru/?ysclid=lryf27rqj9675358990> (дата обращения: 20.01.2024).

4. Цветкова, И. В. Образ россиянина в контексте процессов модернизации моногорода / И. В. Цветкова // *Научно-методический электронный журнал «Концепт»*. – 2013. – № 2 (февраль). – С. 81–85. – Текст : непосредственный.

DOI: 10.47475/9785727119631_320

О.А. МОСКВИЧЁВА / О.А. MOSKVICHEVA*Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского
(г. Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация)***РОЛЬ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ТРОПОВ
В МОДЕЛИРОВАНИИ ФРАКТАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ПОЭТИЧЕСКОГО МИРА****THE ROLE OF CONCEPTUAL TROPES
IN THE CONSTRUCTING OF THE FRACTAL MODEL OF THE POETICAL WORLD****Аннотация**

Статья посвящена исследованию специфики отображения действительности во фрактальной модели поэтического мира, представляющей в британских поэтических текстах XIX–XXI веков, путем лингвопоэтического анализа лексико-семантических тропов как вербальных средств актуализации когнитивных процессов формирования фрактальной модели поэтического мира, а также выявлению аксиологически окрашенных глубинных смыслов, специфичных для когнитивного стиля поэтов британского романтизма, модернизма и постмодернизма, путем лингвокогнитивного и поэтико-когнитивного анализа определенной тропеики, что предполагает реализацию когнитивно-дискурсивных стратегий интерпретации смысла фрактальной модели поэтического мира, а именно: реконструкцию аксиологически нагруженных художественных концептов как составляющих фрактальной модели поэтического мира, моделирование концептуальных тропов как когнитивной основы формирования фрактальной модели поэтического мира и конструирование концептуальных блендов и фреймов как эмергентных когнитивных структур воплощенного смысла в поэтике британского романтизма, модернизма и постмодернизма.

Abstract

The main aim of the article is to focus on the investigation of specifics of the creation of the reality in the fractal model of the poetical world reconstructed on the material of the British poetry of the XIXth-XXIst centuries by means of linguistic and poetical analysis of lexical and semantic tropes as verbal means of the actualization of cognitive processes of the formation of the fractal model of the poetical world and by means of the investigation of the axiologically marked inner senses that are specific for the cognitive style of British poets of the romantic, of the modern and of the post-modern periods with the help of linguistic, cognitive and poetical analysis of stylistic and conceptual tropes using cognitive and discourse strategies of the interpretation of the sense of the fractal model of the poetical world, such as: the reconstruction of the axiologically marked literary concepts as elements of the fractal model of the poetical world, the modelling of conceptual tropes as the cognitive background of the creation of the fractal model of the poetical world and the designing of conceptual blends and frames as emergent cognitive structures of the embodied understanding in the poetics of the British romantic, of the British modern and of the British post-modern periods.

Ключевые слова: концепт, концептуальная метафора, концептуальная метонимия, концептуальный оксюморон, концептуальная метаморфоза, концептуальные бленды, фрейм, эмергентные когнитивные структуры, микросегмент фрактальной модели поэтического мира, макросегмент фрактальной модели поэтического мира, фрактал, фрактальная модель поэтического мира.

Keywords: concept, conceptual metaphor, conceptual metonymy, conceptual oxymoron, conceptual metamorphosis, conceptual blends, frame, emergent cognitive structures, micro-segment of the fractal model of the poetical world, macro-segment of the fractal model of the poetical world, fractal, fractal model of the poetical world.

Содержание современной литературоведческой парадигмы демонстрирует значительный интерес учёных к поиску новых ракурсов исследования художественных и поэтических текстов. В этом аспекте интеграция литературоведения в сферу других наук является актуальной, поскольку происходит смена общенаучных методологических установок и решаются новые междисциплинарные задачи. Научное исследование выполнено в русле когнитивного литературоведения в аспекте теории фракталов. Основной целью когнитивного литературоведения является привнесение в науку о литературе критериев, принципов и понятий из негуманитарных сфер. Полидисциплинарный подход исследования, который разработан в статье, открывает возможность изучить художественный или поэтический текст сквозь призму не только литературоведения, но и когнитивной лингвистики, когнитивной поэтики, фрактальной геометрии и математики обогатив когнитивное литературоведение новыми гранями и красками.

Фрактальная модель поэтического мира трактуется как когнитивно-семиотический фрактальный конструкт либо матрица, в которой закодированы ценностные ориентиры и мотивы британской поэзии романтизма, модернизма и постмодернизма. Полипарадигмальный и междисциплинарный подход к конструированию фрактальной модели поэтического мира в когнитивно-семиотическом измерении обусловлен соответствием статьи общему направлению семиотических и когнитивно-поэтологических исследований, целью которых является поиск новых ракурсов изучения концептуальных тропов и художественных концептов с целью раскрытия глубинных механизмов их формирования и функционирования в разные периоды поэтического творчества, объяснения характера взаимодействия языка и мышления. Интеграция математического, поэтико-когнитивного и семиотического подходов делает возможным проведение комплексного раскрытия фрактальной модели поэтического мира в когнитивном и семиотическом измерениях с целью выявления особенностей ее моделирования на материале британских поэтических текстов XIX–XXI веков в синхроническом и диахроническом аспектах.

Фрактальную модель поэтического мира моделируем в двух измерениях – когнитивном и семиотическом. В когнитивном измерении микросегментами фрактальной модели поэтического мира выступают художественные концепты, вербализованные в британских поэтических текстах XIX–XXI веков. Иерархию идентифицированных художественных концептов проектируем во фреймовой матрице сквозь призму математической теории фракталов. Макросегментами фрактальной модели поэтического мира в когнитивном измерении становятся реконструированные концептуальные тропы в материале исследования и система концептуальных блендов. В семиотическом измерении микросегмент фрактальной модели поэтического мира – иерархия знаков и символов, которые декодированы в британских поэтических текстах XIX–XXI веков. Макросегмент фрактальной модели поэтического мира в семиотическом измерении представлен базовыми кодами культуры и художественными концептами, которые переосмыслены в аспекте семиотики.

Объективация фрактальной модели поэтического мира в поэтических текстах неразрывно связана со словесными поэтическими образами, создаваемыми такими лексико-семантическими тропами, как метафора, метонимия, оксюморон, метаморфоза. Концептуальные тропы (концептуальная метафора, концептуальная метонимия и концептуальный оксюморон), когнитивным механизмом которых выступает аналоговое картирование (метафора), субститутивное картирование (метонимия), контрастивное картирование (оксюморон), нарративное и синтаксическое конструктивно-творческое картирование (метаморфоза), раскрывают когнитивную природу фрактальной модели поэтического мира, выступая когнитивной основой ее формирования [Lakoff, Johnson].

Лексико-семантические тропы, в первую очередь метафора, метонимия, оксюморон и метаморфоза, объективируют когнитивные процессы формирования фрактальной модели поэтического мира, а именно: фокусировку, анализ, абстрагирование, синтез, ассоциацию, спецификацию, конкретизацию, сравнение.

Когнитивная природа фрактальной модели поэтического мира, воплощенная в концептуальных тропах, предопределяет применение когнитивных механизмов декодирования смысла указанной модели мира, что предполагает реконструкцию художественных концептов и определение среди них ключевых для осмысления поэтического мировидения; моделирование концептуальных тропов и конструирование концептуальных блендов и фреймов как эмергентных когнитивных структур воплощенного смысла в поэтике британского романтизма, модернизма и постмодернизма. Семиотическая природа фрактальной модели поэтического мира базируется на декодированных в британских поэтических текстах XIX–XXI веков знаков и символов, которые инкорпорированы в системе базовых кодов культуры. Идентифицированные знаки и символы становятся основой для переосмысления художественных концептов в новом (семиотическом) ракурсе [Moskvichova, 2019, с. 23-29].

Как известно, концептуальные тропы формируются не в языке, а в мышлении человека и возможность их реконструкции в текстах происходит благодаря вербализации в словесных поэтических образах (метафоре, метонимии, оксюмороне), а также в сенсорной и эпистемической необразной лексике [Lakoff, Johnson]. Человеку свойственно мыслить метафорически, метонимически и парадоксально, именно поэтому доказано существование метафорического, метонимического и оксюморонного когнитивных процессов, свойственных индивидуально-авторскому мировидению [Lakoff, Johnson].

Метафорическая концептуализация, или концептуальная метафора, – способ осмысления одной области знаний сквозь призму другой, в основе которого лежит метафорическое мышление или аналоговое осмысление мира человеком, то есть установление аналогии между гетерогенными сущностями разной природы и переосмысление их в терминах других сущностей. Основным средством обработки информации и метафорического когнитивного мышления человека является схема концептуальной метафоры SOMETHING IS SOMETHING (НЕЧТО ЕСТЬ НЕЧТО) [Lakoff, Johnson].

Как известно, метафоризация основывается на взаимодействии двух структур знания – когнитивной структуры «источника» ('source domain') и когнитивной структуры «цели» ('target domain'). В процессе метафоризации некоторые сферы (области) когнитивной структуры «источника» структурируются по когнитивной структуре «цели», то есть возникает «метафорическая проекция» ('metaphoric mapping') или «когни-

тивное отображение» ('cognitive mapping'). Указанная проекция предстает «картированием», то есть «семантическим наложением» компонентов значения одних языковых единиц на другие; горизонтальной проекцией признаков, свойств и противоположных, но онтологически родственных качеств сущности сферы (области) источника на сущности сферы (области) цели. Доказано, что сфера (область) источника является более конкретной, чем сфера (область) цели, а концептуальная метафора позволяет понимать абстрактные сущности в терминах конкретных благодаря однонаправленности горизонтальной метафорической проекции [Lakoff, Johnson].

Метонимическая концептуализация, или концептуальная метонимия, – когнитивный процесс, в котором одна концептуальная сущность (источник) обеспечивает ментальный доступ к другой концептуальной сущности (цели) в рамках одной концептуальной сферы. Концептосфера ('conceptual domain') – понятийное поле как целостная область знания, любая зона концептуализации, относительно которой характеризуется семантическая структура. В основе метонимического мышления лежит концептуализация мира человеком на основе замещения сущностей в рамках общей сферы человеческого опыта по смежности. Модель мышления человека представляет собой воспроизведение по части или признаку целого и представлена в схеме концептуальной метонимии SOMETHING STANDS FOR SOMETHING (НЕЧТО СТОИТ ВМЕСТО ЧЕГО-ТО) [Lakoff, Johnson].

Концептуальная метонимия – это когнитивный процесс, в котором одна концептуальная сущность ('the vehicle') обеспечивает доступ к другой концептуальной сущности ('the target') в пределах одного домена. Если структура концептуальной метафоры делает возможным картирование между сферой (областью) источника и сферой (областью) цели, которые предстают двумя разными доменами с единым семантическим компонентом, основанным на ассоциации, то в структуре концептуальной метонимии возможным является картирование в рамках единого домена благодаря смежности между концептуальными сущностями или составляющими указанного домена [Lakoff, Johnson].

Оксюморонная концептуализация, или концептуальный оксюморон, – когнитивный процесс осмысления явлений и событий, в котором создается новое понятие в результате сочетания противоположных, семантически несовместимых понятий и противопоставления их существенных признаков и свойств. Основой оксюморона является парадоксальное (контрактивное / контра-

стивное) мышление. Абстрактные модели, обозначающие глубинные семантические процессы построения словесных поэтических образов, в основе которых лежит семантическое несогласование, подаются в виде схемы концептуального оксюморона SOMETHING IS NOT SOMETHING (НЕЧТО НЕ ЕСТЬ НЕЧТО) [Lakoff, Johnson].

Концептуальный оксюморон предстает стелкиванием онтологических признаков сущностей сфер (областей) источника и цели в пределах одного семантического поля. В отличие от концептуальной метафоры и концептуальной метонимии, структура которых подчинена наличию картирования, в концептуальном оксюмороне перекрещиваются или пересекаются однородные онтологические свойства сущностей сфер (областей) источника и цели в рамках одного семантического поля.

Концептуальные тропы (концептуальная метафора, концептуальная метонимия, концептуальный оксюморон) получили многогранное освещение и исследование. Тем не менее, релевантность существования такого концептуального тропа, как метаморфоза, доказана совсем недавно в рамках школы когнитивной лингвистики и когнитивной поэтики. Метаморфозная концептуализация, или концептуальная метаморфоза, – осмысление и осознание действительности человеком, в котором одна сущность превращается в другую, не всегда противоположную. Основой метаморфозы является металлептическое мышление, концептуальной схемой концептуальной метаморфозы является SOMETHING TURNS INTO ANOTHER UNDER THE INFLUENCE OF A CAUSER (ЧТО-ТО ПРЕВРАЩАЕТСЯ В ДРУГОЕ ПОД ВЛИЯНИЕМ ДЕЙСТВИЯ КАУЗАТОРА) [Москвичова, 2018, с. 261-265; Moskvichova].

Согласно результатам осуществленного лингвосомиотического и лингвокогнитивного исследования, метаморфозы как тропеической синтаксико-стилистической фигуры, считаем, что она является преобразованием онтологических признаков сущностей в пределах различных семантических полей. Указанное преобразование руководствуется металлептическим когнитивным процессом, который трактуем как трансформацию или замену признаков, свойств, онтологически различных сущностей из одного семантического поля в другое. В отличие от картирования, проекции значения одних языковых единиц на другие; (проекции) противоположных, но онтологически родственных признаков и свойств [Moskvichova].

Когнитивный процесс картирования, присущий концептуальной метафоре и концептуальной метонимии, является однонаправленным,

тогда как металлептический когнитивный процесс концептуальной метаморфозы является двунаправленным или реверсивным, из-за того, что концептуальная метаморфоза может быть реверсивной, то есть превращением в исходное состояние. Концептуальность метаморфозы обусловлена возможностью вербализовать концепты и реконструировать концептуальные метафоры и концептуальные метонимии в элементах метаморфозы. Доказано, что между преобразующим и преобразованным метаморфозы не существует общего семантического компонента и они принадлежат к разным концептополям одной концептосферы [Moskvichova]. По сравнению с концептуальной метафорой, концептуальной метонимией и концептуальным оксюморонам, которые могут быть реконструированы в контексте поэтического текста отдельно друг от друга, концептуальная метаморфоза отличается глубинной структурой. Концептуальная метаморфоза является более сложным концептуальным тропом, глубоким, словно айсберг, по сравнению с другими концептуальными тропами. Установлено, что концептуальные метафоры и концептуальные метонимии могут быть реконструированы в элементах метаморфозы и таким образом подтверждать ее концептуальную сущность [Moskvichova].

Таким образом, концептуальные тропы помогают человеку получать, перерабатывать, моделировать, сохранять и использовать вербализованные знания, полученные личностью не только путем восприятия информации в тексте, но и путем познания ею окружающей реальности. Лингвокогнитивные операции картирования, лингвокогнитивные процедуры и когнитивные процессы предстают теми когнитивными механизмами, которые помогают в полной мере проинтерпретировать эстетические категории, воплощенные в поэтическом тексте. Лингвокогнитивные механизмы формирования поэтической модели мира предусматривают вовлечение лингвокогнитивных операций и лингвокогнитивных процедур, которые являются релевантными в реконструкции эмергентных когнитивных структур в ракурсе теории концептуальной интеграции ментальных пространств.

Список литературы

1. Москвичова, О. А. Когнітивне моделювання концептуальних тропів / О.А. Москвичова // Науковий вісник Херсонського державного університету. Сер. Лінгвістика. – 2018. – № 34. – С. 261-265. – Текст : непосредственный.
2. Moskvichova, O. A. The Fractal Poetical Model of the World in the Linguistic and Cognitive

Plumination/O. A. Moskvichova// Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету. Сер. Філологія. – 2019. – № 43. – С. 23-29. – Текст : непосредственный.

3. Lakoff, G., Johnson, M., Metaphors we live – Текст : электронный [Internet archive]. – URL : <https://archive.org/details/MetaphorsWeLiveByG>

eorgeLakoffAndMarkJohnson/page/n1/mode/2up (дата обращения: 01.12.2023).

4. Moskvichova, O. The evolution of the metamorphosis in the English poetical thinking – Текст : электронный [ResearchGate]. – URL : <http://www.researchgate.net> (дата обращения: 01.12.2023).

DOI: 10.47475/9785727119631_324

Н.М. ОХРИЦКАЯ / N.M. OKHRITSKAYA

Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЭРГОНИМОВ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ ГОСТИНИЦ ИСПАНИИ)

THE STRUCTURAL-SEMANTIC FEATURES OF ERGONYMS OF THE SPANISH LANGUAGE (BASED ON THE MATERIAL OF HOTELS IN SPAIN)

Аннотация

В связи с большим ростом организаций различного функционального профиля возникает огромное число эргонимов, которые представляют собой обширный пласт лексики и имеют свои отличительные черты. Настоящая статья посвящена изучению структурных и семантических особенностей испанских эргонимов. Материалом исследования стали номинации гостиниц Испании, полученные методом сплошной выборки. В статье производится анализ структуры номинативных единиц, рассматриваются основные способы образования названий гостиниц, их своеобразие и семантическая специфика. В результате исследования выделены группы эргонимов по способу образования, обозначены тенденции номинации и определены функциональные характеристики. Установлено, что в испанском ономастиконе преобладающими типами гостиничных эргонимов выступают наименования, содержащие в своем составе топонимы и антропонимы. При создании названия номинатор руководствуется различными мотивами: наименование учреждения может отражать местоположение или особенности местности, содержать указание на памятники архитектуры, может быть мотивировано именем собственника или указывать на дату или эпоху создания гостиницы.

Abstract

Due to the countless growth of organizations of various functional profiles, a huge number of ergonyms arise, which represent a vast layer of vocabulary and have their own distinctive features. This article is devoted to the study of the structural and semantic features of Spanish ergonyms. The material for the study was the nominations of hotels in Spain obtained using the continuous sampling method. The article analyzes the structure of nominative units, discusses the main ways of forming hotel names, their originality and semantic specificity. As a result of the study, groups of ergonyms were identified according to the method of formation, nomination trends were identified, and functional characteristics were determined. It has been established that in the Spanish onomasticon the predominant types of hotel ergonyms are names containing toponyms and anthroponyms. When creating a name, the nominator is guided by various motives: the name of the institution may reflect the location or features of the area, contain an indication of architectural monuments, may be motivated by the name of the owner, or indicate the date or era of the organization's creation.

Ключевые слова: эргонимия, эргоним, номинации, наименования, способ образования, состав эргонимов.

Keywords: ergonymy, ergonym, nominations, names, method of formation, structure of ergonyms.

На сегодняшний день процесс наименования компаний, фирм, учреждений и предприятий яв-

ляется одним из важных и определяющих этапов в формировании образа организации. Правильно

подобранное название способно привлекать внимание потребителя, быть легким для восприятия и запоминания, а также вызывать положительные ассоциации.

Актуальность статьи обусловлена тем, что за последние годы сфера эргонимии находится на этапе развития в условиях рыночной экономики. Верно и адекватно выбранное наименование обеспечивает эффективную коммуникацию между учреждением и клиентом. Наблюдается возрастающий интерес к теме исследования в связи с большим креативным потенциалом имен собственных, которые отражают общую лингвистическую ситуацию, сложившуюся в повседневных сферах жизни людей. Это играет важную роль в культурном аспекте определенной группы, что делает данное исследование более значимым для сферы лингвистики.

Как известно, изучением имен собственных занимается ономастика. Ономастика – это раздел, изучающий личные имена (имена, отчества, фамилии, прозвища людей и животных, названия морей, рек, городов). Ономастикой является также система, совокупность личных имен как особый предмет лингвистического изучения [Ахманова, 2004, с. 261]. Среди разнообразия имен собственных выделим наиболее распространенные и многочисленные онимы. К ним относятся топонимы (географические названия), антропонимы (личные имена, отчества, фамилии), урбанонимы (улиц, парков, мостов, площадей, стадионов и т.д.), фалеронимы (названия наград, орденов, премий), порейонимы (названия транспортных средств), артионимы (названия произведений искусства) и т.д.

Одной из разновидностей онимов также выступают эргонимы. Термин «эргоним» в «Словаре русской ономастической терминологии» Н.В. Подольской трактуется как «собственное имя делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка» [Подольская, 1978, с. 166]. Эргонимическая лексика занимает особое место в ономастике и представляет собой сферу постоянно изменяющихся и исчезающих названий. Вопросом изучения номинаций занимается эргонимия – дисциплина, изучающая эргонимы, историю развития, принципы и способы их образования.

Интерес исследователей к данному типу наименований растет, поскольку эргонимы характеризуются большим креативным потенциалом и отражают экономические, культурные и социальные изменения в жизни общества. Важной задачей эргонима является донести до потребителя информацию о той или иной предоставляемой деловым объединением услуге.

Одним из разрядов эргонимии выступают наименования отелей и гостиниц. Вопрос рассмотрения эргонимов интересен своей неоднозначностью, каждое название можно интерпретировать по-разному, вкладывая определенный смысл, историю и отличительные особенности.

Цель статьи – изучение наименований объектов гостиничного бизнеса, зафиксированных на территории Испании. Задачи исследования предусматривают выявление и анализ структурных и семантических характеристик, выбранных эргонимов.

Материалом исследования послужили 80 названий гостиниц Испании, отобранных с официальных сайтов бронирования туристического жилья: *Booking, Airbnb*.

Одну из многочисленных групп представляют наименования отелей, владельцы которых руководствовались географическим или топографическим критерием. Данный способ образования эргонимов позволяет создавать названия, которые звучат привлекательно и понятно для разных культур и языковых групп гостей отеля. В рамках данного исследования подобные наименования представлены 25 единицами.

Среди эргонимов данной группы, можно выделить номинации, на которые повлияли близлежащие достопримечательности и их местоположение. Например, гостиница *Catedral* находится в традиционном здании в стиле модерн, всего в 100 метрах от собора Барселоны. Отель *Sagrada Familia* названа именем искупительного храма Святого Семейства – церковь в Барселоне, в районе Эшампле, строящаяся с 1882 года. Трехзвездочная гостиница *Madrid Centro Puerta del Sol* базируется рядом с популярной площадью Пуэрта-дель-Соль в Мадриде, в самом центральном районе столицы.

Нами были зафиксированы названия отелей, совпадающих с улицей, на которой они располагаются. Яркими примерами являются отель *La Rambla*, название которого говорит само за себя, удобно расположен на знаменитой улице Ла Рамбла в Барселоне, и современная гостиница *Passeig de Gracia*, располагающаяся также в Барселоне, рядом с бульваром Пасео-де-Грасиа. Изысканный отель *Catalonia Gran Via Madrid* имеет свое название благодаря основной улице Гран Виа, которая именуется главной «артерией» города Мадрида. Гостиница *Via Castellana* расположена в деловом районе Мадрида, Чамартин, на улице Пасео де ла Кастельяна, рядом со знаменитыми башнями Кио.

В состав эргонима может входить название города, в котором располагается гостиница (*Ibis Budget Oviedo, Hotel Casa Morisca – Granada, Hotel*

Soho Boutique Cádiz, Hotel NH Málaga, Hospital Real de Santiago de Compostela, Hotel Ciudad de Corella) или наименование автономного сообщества Испании (*NH Gran Hotel Casino Extremadura, Meliá Valencia, Abba Reino de Navarra Hotel, Gran Hotel Murcia, Hotel Cantabria*). Территориальная принадлежность в названии отеля позволяет клиенту быстрее ориентироваться, устанавливать его местоположение и удаленность от объектов.

Основами названий гостиниц могут быть различные антропонимы, связанные с культурно-историческим наследием и национальной идентичностью народа. В результате исследования нами было обнаружено 24 наименования, образованных подобным способом. Эргонимы данной группы могут содержать имена исторических личностей и известных деятелей культуры.

Ярким примером является исторический отель *Parador de Cervantes* (г. Алькала-де-Энарес), который в своем названии имеет фамилию великого испанского писателя Мигеля де Сервантеса и расположен в его родном городе. Туристам, интересующимся литературными и историческими памятниками просто узнать гостиницу *Gaudi*, названная в честь испанского архитектора, большинство проектов которого, включая самую масштабную его постройку, храм Святого Семейства, возведено в Барселоне.

В самом центре Мадрида, в эксклюзивном районе Саламанка, недалеко от музея Прадо, расположена гостиница *Gran Hotel Velazquez*, которая носит имя известного испанского художника Диего Веласкеса. Отель *Rey Juan Carlos I* (г. Барселона) был назван в честь члена испанской королевской семьи, правившего Испанией с 22 ноября 1975 года до своего отречения от престола 19 июня 2014 года. Гостиница *Hotel Rey Alfonso X*, расположенная рядом с самыми известными памятниками в г. Севилье в здании девятнадцатого века, обязана своим названием королю Кастилии и Леона Альфонсу X Мудрому.

Личное имя человека представляет собой своеобразный знак национально-культурной принадлежности. Название городского объекта по имени его владельца или создателя является популярным в эргонимике. Фамилии и имена вводятся специально в состав товарных наименований, с целью создать положительный контекст, связанный с индивидуальностью и безупречной репутацией.

В состав эргонимов могут входить фамилии и личные имена основателей или собственников отелей: *Hotel Sancho Ramírez* (г. Памплона), *Hotel González* (г. Кордова), *Hotel Fernández* (г. Саншеншо), *Hotel García Ramírez* (г. Наварра), *Casa Rural Garrido* (г. Адемус), *Pensión Pérez* (г. Пу-

эртомарин), *Hotel Sánchez* (г. Аинса), *Hotel Casa Palacio María Luisa* (г. Херес-де-ла-Фронтера).

Испания – это страна, где влияние католической церкви всегда было очень сильным. В религиозном сознании испанцев важнейшую роль играют святые и покровители. Примечательно, что данный факт нашел отражение во многих испанских названиях, в том числе и гостиницах. В языке используется двухкомпонентная модель: прилагательное *San* «святой» (для мужского рода) или *Santa* «святая» (для женского рода) + имя: *Hostal San Antonio* (г. Альмерия), *La Santa Maria* (Балеарские острова), *Santa Marta Hotel* (г. Ллорет де Мар), *Hotel MC San José* (г. Альмерия), *San Luis* (г. Потеведра).

Английский язык является международным языком делового общения, и многие компании, включая гостиничные, используют английские названия для своих продуктов и услуг, чтобы привлечь международного клиента. Кроме того, некоторые владельцы отелей прибегают к такому способу номинации для того, чтобы подчеркнуть современный и прогрессивный образ, который они представляют и проецируют на потенциального потребителя.

Гостиница *Arts*, в переводе с английского «искусство», расположена в нескольких минутах ходьбы от пляжа напротив порта Олимпик и обладает огромными террасами и обширными садами. Отель является самым настоящим произведением искусства, откуда открывается вид как на Барселону, так и на Средиземное море. Футуристический отель *Tower* с англ. яз. «башня» размещается в высотном здании, расположенном между центром Барселоны и аэропортом. Здание гостиницы высотой 107 метров с необычным стеклянным куполом на крыше, который напоминает башню, было построено по проекту всемирно известного архитектора Ричарда Роджерса. Название гостиницы *Cristal Palace* «хрустальный дворец» полностью соответствует ее архитектурному решению. Здание напоминает дворец, а бассейн во внутреннем дворе, как кристалл, отражает ее в воде.

В категории с номинациями гостиниц, в которых используются заимствования, нами было выявлено 12 эргонимов: *Square* (г. Барселона), *The River Hostel* (г. Валенсия), *Kora Green City* (г. Алава), *The Dreamers&Co* (г. Кордова), *THE FLAG Costa del Sol* (г. Малага), *Hotel Nexus Valladolid* (г. Вальядолид), *Only YOU Hotel Valencia* (г. Валенсия), *White Nest Hostel* (г. Альбаисин), *The Monkey Room* (г. Малага).

Дальнейший анализ эргонимов позволил выделить группу номинаций, образованных с помощью различных словообразовательных и

стилистических приемов. Как отмечает И.А. Тортунатова «оригинальность названия может удачно сочетаться с информативностью, образы могут быть разными, но они, должны, во-первых, устойчиво связываться в сознании потребителя со сферой деятельности компании, во-вторых, производить на адресата благоприятное впечатление, в-третьих, быть эффектными, привлекательными» [Тортунатова, 2012, с. 124]. В эту группу входит 16 названий испанских гостиниц.

Интересный словообразовательный механизм мы наблюдаем в эргониме *Hotel Miramar*, указывающим на близкое расположение гостиницы к морю. Название образовано с помощью словосложения, которое включает в себя глагол *mirar* и существительное *mar*, образуя словосочетание *mirar a mar* «смотреть на море». Игру слов мы видим в названии отеля *Hotel Camaleón*. В примере происходит слияние двух слов *cama* «кровать» и *león* «лев». Гостиница *Cerca al Puerto*, досл. с исп. яз. «недалеко от порта», использует в своем составе предложно-падежную конструкцию, отмечая близкое расположение к порту Валенсии. Гостиничные эргонимы сформированы путем разнообразных экспрессивных средств и художественных приемов: субстантивация (*El ayer y el hoy* «Вчера и сегодня»), антитеза (*La dulce amargura* «Сладкая горечь», *El día y la noche* «День и ночь»), метафора (*Hotel El Paraíso* «Гостиница Рай»), метонимия (*Hotel La Finca* «Усадьба», *Hotel La Siesta* «Дневной сон») т. д.

Анализ материала позволил выделить наименования гостиниц, в состав которых входит числительное, а именно год. По словам М.Г. Курбановой, коннотативный аспект семантики эргонимов «несет экстралингвистический характер и влияет на конкурентоспособность» [Курбанова, 2014, с. 7]. Таким образом, эргонимы преследуют цель убедить потенциальных клиентов не только в высоком качестве товара, но и предоставить дополнительную информацию клиенту о том, например, когда был построен отель или в стиле каких годов преобладает атмосфера в гостинице. В рамках исследования было найдено 3 эргонима.

Гостиница *1930 Boutique Hotel* была построена в начале прошлого века в г. Арзуа. Его интерьер – это путешествие в прошлые времена, где колониальный воздух сохранен нетронутым, а провансальский и индийский стиль сочетаются с арт-деко. Отель *Gran H La Marina 1920* является историческим зданием в г. Алтеа с современным оттенком и идеальным сценарием, олицетворяющее популярный модернистский стиль 1920-х годов. Сооружение построено в стиле модерн и

соответствует архитектурному стилю того периода, что делает его лучшим образцом того времени, которым обладает город. В самом центре Барселоны располагается уникальный отель в колониальном стиле со своей индивидуальностью *Hotel 1898*. Гостиница находится в старом здании Филиппинской генеральной табачной компании, построенном в 1881 году каталонским архитектором Хосепом Ориолом Местресом.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать выводы о своеобразии гостиничных эргонимов Испании, структурно-семантических особенностях и функциях данных наименований.

Рассмотренный материал позволил выделить два основных пути номинации испанских гостиниц. Наиболее распространенными являются эргонимы, для которых производящей основой послужили топонимы и антропонимы. Такое преимущественное употребление обусловлено тем, что номинаторы учитывают исторические и культурные особенности, вкладывая в названия конкретный смысл и значение, а также информируя публику о принадлежности к какому-либо географическому или культурному объекту. Кроме того, в состав наименований испанских гостиниц исследуемой нами области могут входить иноязычные названия, нумерация и применяться различные стилистические приемы. Следовательно, подчиняясь законам языка, эргонимы отражают особенности культуры, истории, географии определенного региона, поскольку создаются наименования для конкретной территории со сложившимися традициями.

Список литературы

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – 2 изд., стер. – Москва : УРСС : Едиториал УРСС, 2004. – С. 261. – Текст : непосредственный.
2. Курбанова, М. Г. Эргонимы современного русского языка: семантика и прагматика : специальность 10.02.01 : дис. канд. филол. наук / М. Г. Курбанова. – Астрахань, 2014. – С. 7. – Текст : непосредственный.
3. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – Москва, 1978. – С. 166. – Текст : непосредственный.
4. Тортунатова, И. А. Эргоним как результат речетворчества / И. А. Тортунатова // Научный диалог. – Москва, 2012. – № 3. – Филология. – С. 124. – Текст : непосредственный.

DOI: 10.47475/9785727119631_328

Д.И. ПЕШКОВ / D.I. PESHKOV
Московский международный университет
*(Москва, Россия)***ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОЙ КАРТИНЫ МИРА
В РОМАНАХ АЛЕХО КАРПЕНТЬЕРА «ЦАРСТВО ЗЕМНОЕ»,
«ПОТЕРЯННЫЕ СЛЕДЫ» И «ВЕК ПРОСВЕЩЕНИЯ»****THE MAIN ASPECTS OF THE LATIN AMERICAN WORLDVIEW IN THE NOVELS
OF ALEJO CARPENTIER "THE KINGDOM OF THE EARTH", "LOST TRACKS"
AND "THE AGE OF ENLIGHTENMENT"****Аннотация**

В данной статье речь пойдет о том, как в романах Алехо Карпентьера «Царство Земное», «Потерянные следы», «Век Просвещения» проявились основные аспекты латиноамериканской картины мира. Несмотря на то, что оригинальные аспекты латиноамериканской литературы проявились уже в XVII веке, первые попытки осмыслить ключевые особенности латиноамериканского мира появились уже в XX веке. Первую структурированную культурологическую концепцию Латинской Америки создал кубинский писатель Алехо Карпентьер. Для осмысления латиноамериканской картины мира он ввел понятие «чудесная реальность», которое должно было обозначить суть латиноамериканского мира. В своих романах «Царство земное», «Потерянные следы», «Век просвещения» Карпентьер пытается взглянуть на латиноамериканскую сущность с точки зрения представителей разных народов Америки: афроамериканцев, индейцев и креолов.

Abstract

This article will focus on how the novels of Alejo Carpentier "The Kingdom of the Earth", "Lost Tracks", "The Age of Enlightenment" revealed the main aspects of the Latin American worldview. Despite the fact that the original aspects of Latin American literature appeared already in the XVII century, the first attempts to comprehend the key features of the Latin American world appeared already in the twentieth century. The first structured cultural concept of Latin America was created by the Cuban writer Alejo Carpentier. To understand the Latin American worldview, he introduced the concept of "wonderful reality", which was supposed to denote the essence of the Latin American world. In his novels "The Kingdom of the Earth", "Lost Tracks", "The Age of Enlightenment" Carpentier tries to look at the Latin American essence from the point of view of representatives of different peoples of America: African Americans, Indians and Creoles.

Ключевые слова: Латинская Америка, культура, литература, цивилизация, чудесная реальность, картина мира, Новый Свет, инаковость.

Keywords: Latin America, culture, literature, civilization, wonderful reality, worldview, New World, otherness.

История латиноамериканской цивилизации очень сильно отличалась от истории других мировых цивилизаций, что в первую очередь связано с ее уникальной синтетической сущностью. В этнокультурном плане латиноамериканская цивилизация не является продолжением цивилизаций доколумбовых (в первую очередь имеются в виду цивилизации майя, ацтеков и инков), но также не является прямой наследницей европейской (испанской) цивилизации. Взаимопроникновение разных культур (европейской, индейской и афроамериканской) происходило на латиноамериканской почве весьма быстро, в XVI веке еще шел период завоевания-конкисты, а в XVII веке уже можно было говорить о становлении нового колониального общества, которое и в этническом

и в бытовом плане отличалось как от индейского мира, так и от Испании. И, хотя в XVII-XVIII веках новое континентальное самосознание еще только формировалось, в сфере культуры уже появлялись фигуры, творчество которых было отмечено иными, по сравнению с типичными для испанской литературы, характеристиками. Здесь можно вспомнить таких авторов, как Хуана Инес де ла Крус (1648-1695) или Инка Гарсиласо де ла Вега (1539-1616), которые несмотря на то, что родились и жили в испанских колониях (Новой Испании и Перу соответственно), уже являлись носителями иного, отличного от испанского, мировоззрения, что в первую очередь было связано с абсолютно иной окружавшей их природной и этнической реальностью, которая уже тогда, в

колониальную эпоху несла в себе зародыш концепта «инаковости» по отношению к европейскому миру, являвшегося важнейшим аспектом самоопределения латиноамериканских авторов. Можно сказать, что художники мира Латинской Америки раньше явственно осознали, чем этот мир не является, прежде чем стали совершать попытки осмыслить его оригинальную и специфическую сущность. То есть формирование собственной картины мира было неотделимо от культурфилософской оппозиции «Америка-Европа». В данном случае необходимо оговориться, что с конца XIX века данная оппозиция во многом трансформировалась в противопоставление «Наша (Латинская) Америка – США», где США, как прежде Европа олицетворяли собой западную, принципиально отличную от латиноамериканской, цивилизацию. Вплоть до XX века, незрелая еще латиноамериканская литература последовательно впитывала в себя эстетику европейского барокко, классицизма, сентиментализма, романтизма, костюмбризма, модернизма. При этом складывалась парадоксальная ситуация: латиноамериканские авторы, подражая авторам европейским, тем не менее, пытались, работая в тех же жанрах, выразить собственную инаковость, обрести собственный континентальный голос. О специфики данных заимствований пишет А.Ф. Кофман: «...эти заимствования обладали одной существенной особенностью. Форма подобна сосуду: его можно наполнить разным содержимым. Заимствованные художественные формы латиноамериканцы всегда старались приспособить для отражения собственной действительности – так накапливались новые содержательные элементы. Этот особый способ развития литературы можно определить формулой: поиск «своего» в «чужом» [Кофман, 2023, с. 7].

Важным этапом в вопросе поиска континентальной идентичности стала война за независимость испанских колоний Латинской Америки и последующее появление новых государств, имевших сложный этнический состав при доминировании испанского языка. Однако, замена испанского колониализма местными диктатурами (а в XIX веке почти во всех молодых государствах Южной Америки были установлены военные диктатуры), придала данным поиском элементы политической декларативности. Диктаторские режимы формулировали упрощенные идеи национальной уникальности для народных масс, продолжали ориентироваться на культурные и политические модели США и стран Европы, компании которых продолжали удерживать лидирующие позиции в экономике формально независимых стран Латинской Америки. Де факто, место

ориентира, которым была метрополия-Испания (в случае Бразилии – Португалии), после падения колониализма для молодых государств Латинской Америки заняли США и наиболее развитые на тот момент страны Европы, в первую очередь Англия и Франция. Однако, и новая общественно-политическая модель не смогла отвлечь латиноамериканских интеллектуалов от поисков собственного континентального мировоззрения. Об этом говорит появление в начале XX века работ ряда крупных философов и культурологов, среди которых нужно выделить уругвайца Хосе Энрикеса Родо (1871-1917), доминиканца Педро Энрикеса Уренью (1884-1946) мексиканцев Хосе Васконселоса (1882-1959) и Альфонсо Рейеса (1889-1959). Всех этих очень разных авторов объединяло одно – желание осмыслить латиноамериканскую этнокультурную сущность, как явление уникальное, самодостаточное и не являющееся вторичным по отношению к европейским культурам. Важнейшую роль в практической демонстрации особенного творческого потенциала Латинской Америки сыграли авторы латиноамериканского модернизма и в первую очередь кубинец Хосе Марти (1853-1895) и никарагуанец Рубен Дарио (1867-1916). Последний сумел очень ярко продемонстрировать то, к чему будут стремиться многие латиноамериканские авторы XX века – посмотреть на мир с точки зрения латиноамериканца. В его творчестве (в первую очередь в поэзии) Новый Свет не противопоставляется Свету Старому, просто мы видим взгляд американца на другие мировые культуры. У Дарио автор – это уже не подражатель европейской традиции (пусть и обогащающий ее своими культурными особенностями), он носитель иной картины мира, с точки зрения которой он смотрит на историю мировых цивилизаций. Эта позиция ярко проявилась в таких стихотворениях, как «Мотомбо», «Колумб», «Рузвельту». Не случайно, Дарио на рубеже веков смог стать главной и наиболее влиятельной фигурой во всей испаноязычной литературе. Показательно, что испанские писатели «поколения 98 года» находились под большим влиянием Дарио. Появление такой грандиозной фигуры на латиноамериканской культурной почве показало большой и почти не исследованный культурный потенциал этой самой почвы. Если Дарио, как и большинство писателей-модернистов, искал «свою Америку» в первую очередь в культурно-исторической плоскости, то появившиеся в конце XIX – в начале XX века писатели-костюмбристы (от испанского слова *costumbre* – обычай) избрали для осмысления латиноамериканского мира иную стратегию – путь социально-этнографического

исследования. Свою задачу они видели в подробном описании жизни или отдельных социальных классов, или же национальных групп (индейцев, метисов, афроамериканцев). Такой подход, при всей своей важности в плане привлечения внимания к проблемам социальных и этнических групп, долгое время находившихся на периферии интереса со стороны литературы, грешил поверхностностью. Авторы демонстрировали жизнь определенных общественных групп, но не стремились проникнуть в их жизненную философию. Именно, в полемике с мастерами костюмбризма, среди которых были несомненно значительные фигуры, такие, как, например, Ромуло Гальегос (1884-1969), позднее выковывалось явление, известное в советской испанистике, как «новый латиноамериканский роман», в западном мире, как “boom”, авторы которого стремились уже не просто описывать быт, но и осмыслять истоки жизненной философии тех или иных обществ, являющихся частью латиноамериканского мира, пытаться понять их картину мира. Кубинский писатель Алехо Карпентьер (1904-1980), один из ключевых авторов «нового латиноамериканского романа», экспериментировавший в молодости с костюмбризмом (в 1933 году он написал роман «Экуэ Ямба-О» о жизни и специфическом мире афрокубинцев, который позже сам раскритиковал за поверхностность и склонность к экзотизму) в своей статье «Проблематика современного латиноамериканского романа» (1966) объясняет, почему костюмбристский метод не мог объяснить глубинные проблемы латиноамериканской цивилизации: «...я утверждаю, что натуралистический, нативистский метод, отражающий типичные местные особенности, которым вот уже более тридцати лет пользуются латиноамериканские романисты, дал нам красочную региональную литературу, которая лишь в редких случаях сумела проникнуть глубоко, поистине в потаенные глубины изображаемого. Наш романист выполнит свою задачу не тогда, когда опишет венесуэльского льянеро или мексиканского индейца (чья жизнь в любом случае не сводится лишь к повседневности), а когда покажет, что в жизни наших народов представляет всеобщий интерес, хотя эта связь в определенных случаях может устанавливаться лишь выявлением контрастов и различий» [Карпентьер, 1982, с. 31].

Таким образом, не отказываясь от опыта и достижений латиноамериканских авторов предыдущих поколений, писатели, пришедшие к творческой зрелости ближе к середине XX века (речь помимо Карпентьера идет, в первую очередь, о таких авторах, как Мигель Анхель Астуриас (1889-1974), Пабло Неруда (1904-1973), Ми-

гель Отеро Сильва (1908-1985), Николас Гильен (1902-1989), Хосе Лесама Лима (1910-1976), Аугусто Роа Бастос (1917-2005), Фернандо Алегрия (1918-2005), Хосе Доносо (1924-1996), Габриэль Гарсиа Маркес (1927-2014), Марио Варгас Льоса (1936) ставили перед собой уже иные, более глобальные цели. Их интересовали уже не частные аспекты латиноамериканского мира, а возможность понять специфику синтетической цивилизации Нового Света, суть особого мировоззрения его носителей, которые уже не являлись ни представителями цивилизации европейской, ни полноценными наследниками доколумбовых цивилизаций. Мигель Анхель Астуриас образно сформулировал свою творческую задачу, как необходимость посмотреть на мир глазами индейца. Если эту мысль расширить и обобщить, то станет понятно, что индеец здесь, как носитель своего мировоззрения и своей картины мира, может быть вполне заменен афроамериканцем, мулатом и даже белым креолом. А глобально данная идея, под которой, вероятно, могли бы подписаться почти все авторы «нового американского романа» звучала бы, как «посмотреть на мир глазами «американца» (при этом речь идет чисто о латиноамериканской трактовке данного понятия, опирающегося на культурную оппозицию «Наша Америка – США» и в которую жители Соединенных Штатов или Канады противопоставляются латиноамериканцам).

Анализировать отражение латиноамериканской картины мира в литературе периода «бума» в той или иной степени можно, наверное, на примере произведений практически любого из авторов этого периода, однако, творчество Алехо Карпентьера в этом плане стоит особняком, поскольку кубинский писатель действовал одновременно и как автор художественных произведений, так и как теоретик, пытавшийся сформулировать базовые основы латиноамериканской культурфилософии и континентального мировоззрения. То есть, он стремился подкреплять свои теоретические тезисы художественным материалом и поэтому эссе и лекции Карпентьера в идейном плане неотделимы от его рассказов, повестей и романов.

Тема поиска латиноамериканской этнокультурной идентичности, попытки осмыслить латиноамериканскую картину мира стал лейтмотивом всего творчества кубинского писателя и первой масштабной попыткой комплексного исследования стали романы так называемого «первого латиноамериканского цикла» («Царство Земное» (1949), «Потерянные следы» (1953) и «Век просвещения» (1962). Эти три, написанных в разное время и не связанных между собой сюжетными

линиями, романа, тем не менее, являются частями единого художественного замысла писателя. Каждый из этих трех романов – это осмысление одного из ключевых этнокультурных аспектов латиноамериканского мира. В первом романе «Царство Земное» Карпентьер погружает читателей в мир афроамериканцев Карибского бассейна, причем история главного героя Ти Ноэля показана читателю на фоне узлового для истории негритянского населения Америки события – Гаитянской революции (1791-1804), результатом которой стало создание негритянского государства на карибской почве. Введение к данному роману стало, по сути, манифестом культурологической концепции Карпентьера и, своего рода, идейным ключом к пониманию, как данного романа, так и остальных двух романов «первого латиноамериканского цикла». В нем Карпентьер обозначил ключевым аспектом латиноамериканской картины мира – веру в чудо или, если быть более точным – восприятия чудесного, как реальности и смешение обыденного и сверхъестественного. В этой «чудесной реальности», он видел главную отличительную особенность латиноамериканской цивилизации, ее перманентную сущность, основу картины мира латиноамериканца.

«С особой отчетливостью убедился я в этом во время своего прибывания на Гаити, когда повседневно соприкасался с реальностью, которую можно определить, как «чудесная реальность»... И в тоже время мне думалось, что чудесная реальность во всей ее жизненности и жизнеспособности не составляет исключительно привилегии Гаити, а является достоянием Латинской Америки вообще; ведь недаром, например, еще не описаны полностью все космогонические системы народов этого континента» [Карпентьер, 1994, с. 45].

В «Царстве Земном» мы видим ход событий романа глазами главного героя – негра Ти Ноэля, который волею судьбы оказался в водовороте исторических событий, стал свидетелем Гаитянской революции, прихода к власти негритянского короля Анри Кристофа и его падения. При этом, это не исторический роман в традиционном понимании этого жанра, поскольку сама логика событий выстраивается через призму их восприятия Ти Ноэлем, чья картина мира совершенно не соответствует принятой в западном, европоцентричном мире картезианской логике. То есть, многие события, кажущиеся невероятными Ти Ноэлем воспринимаются как реальные. И в этом нет какого-то мистицизма (Карпентьер критически относился к попыткам современной ему европейской культуры, в частности некоторых мастеров сюрреализма, впадать в надуманный мистицизм и создавать в своих произведениях

«чудеса» лишённые какой бы то ни было культурно-исторической базы), поскольку сам герой в это верит и воспринимает, например, возможность беглого однорукого негра Макандалья превращаться в животных, рыб и насекомых, как вполне объективную реальность.

«Все знали, что зеленая игуана, ночной мотылек, приبلудная собака, удивительный пеликан – всего лишь обличия. Одарённый властью превращаться в зверя, в птицу, в рыбу, и в насекомое, Макандаль то и дело наведывался в поместья равнины, приглядывал за своими приверженцами, проверял, ждут ли они еще его возвращения. В непрерывной смене обличий одноруким становился вездесущим и, переходя в тела животных, вновь обретал целостность членов вопреки своему увечью» [Карпентьер, 1994, с. 63].

Восприятие Ти Ноэлем окружающей реальности, по Карпентьеру, есть проявление афроамериканской картины мира, в которой чудесное начало обусловлено как специфическими культурами, прибывшими в Америку из Африки и заложившими многочисленные мифологемы в плане восприятия действительности, так и особой ролью американской природы с ее буйным нравом и огромным влиянием на жизнь человека.

Второй роман данного цикла «Потерянные следы» был написан в совершенно иной манере. Со стороны автора это был подход к той же (в глобальном смысле) проблематике с другой стороны. Это уже не исторический роман, а, скорее записки о путешествии. Если появление «Царства Земного» было ни в последнюю очередь связано с поездкой Карпентьера на Гаити, то «Потерянные следы» появились под влиянием путешествия писателя по венесуэльской сельве. В «Потерянных следах» автор раскрывает идею поиска себя латиноамериканцем через путешествие героя, причем, как в пространстве, так и во времени, притом, что и пространство, и время здесь показаны автором в характерном для Латинской Америки, особом мифологическом виде. А.Ф. Кофман в своей монографии «Латиноамериканский художественный образ мира» пишет: «...художественный образ пространства не адекватен реальному географическому пространству страны или региона. [...] Наряду с этим в художественные образы пространства вводятся мифологические координаты и характеристики, вообще, отсутствующие в реальном пространстве. Наконец, в литературе практически все пространственные характеристики функционируют более широко, представляясь одновременно характеристиками психологическими, онтологическими и культурологическими» [Кофман, 1997, с. 25].

В романе, главный герой этнический латиноамериканец, но живущий предположительно в США (страны и национальности в романе не называются, видимо, для создания более обобщенных образов) отправляется в научную экспедицию в одну из латиноамериканских стран с целью обнаружить музыкальные инструменты, которыми пользуются индейцы разных племен, живущие в сельве (тема музыки, вообще, исключительно важна для Карпентьера, который сам был музыковедом, и в произведениях которого музыка и все, что с ней связано всегда имела особое символическое значение, достаточно вспомнить роман «Весна священная» (1978), повести «Погоня» (1956) и «Концерт барокко» (1974)). По мере того, как главный герой погружается все глубже в мир латиноамериканского пространства, а он движется из архаичного латиноамериканского города, несущего в себе как следы колониального прошлого, так и намеки на революционное будущее, в сельву, он и его картина мира меняются под влиянием среды, в которой он оказался, у него включается латиноамериканский культурный код, и он начинает воспринимать окружающее пространство, как свое. Здесь он обретает новую любовь (индианка Росарио) и творческое вдохновение (герой пишет кантату «Освобожденный Прометей»). При этом после возвращения из затянувшейся экспедиции, герой вновь пытается отправиться в тот мир, где чувствовал себя настоящим и своим, но мифологизированное пространство его не пускает. Происходит наводнение и все пути оказываются отрезанными. Два раза войти в одну и ту же реку не получается. Примечательно, что сопровождавшая главного героя в путешествии его любовница Муш (образ француженки) постичь этот код не смогла и вынуждена была буквально бежать из чуждой ей среды. Это в очередной раз указывает на то, что латиноамериканская картина мира в литературе XX века как правило формируется на отличиях от западной картины мира, и такая характеристика как «инаковость», является одной из ключевых для осмысления этнокультурных особенностей латиноамериканской реальности. Этот мотив еще сильнее проявляется в столкновении героя с его женой Рут, которая является ярким носителем характеристик англо-саксонского этноса.

Не менее важное значение для понимания сути латиноамериканского мира имеет в романе образ времени. Известный аргентинский писатель Абель Поссе, говоря об Америке, отмечал: «...это та часть света, где рушатся привычные пространственно-временные схемы» [Поссе, 1992, с. 87].

Латиноамериканское время мифологизированное и даже остановленное, противопоставле-

но историческому необратимому и линейному времени европейской цивилизации. Отправившись в сельву, герой прожил там, по сути, целую жизнь, в которой восстановилась утраченная им картина мира латиноамериканца, но, по меркам его жизни в США, он выпал из своего обычного быта совсем ненадолго. Влияние пространства на время на первозданной американской почве убедительно показано в сценах встречи героя с разными индейскими племенами, которые по мере углубления экспедиции в девственную природу становятся все более первобытными и получается, что экспедиция, планировавшаяся как чисто этнографическая, превратилась в путешествие к началу времен, к моменту самого появления музыки, возникшей из ритуальных действий жрецов. Таким образом, Карпентьер в романе «Потерянные следы» постарался осмыслить мировосприятие и жизненную философию индейского населения Америки.

Третий роман из «первого латиноамериканского цикла» «Век просвещения» с одной стороны должен был показать картину мира креолов, то есть белых латиноамериканцев, а с другой подвести черту под первым большим этапом исследования Карпентьером фундаментальных основ латиноамериканского культурного пространства. Поэтому образы персонажей отличаются глубоким символизмом. Как в случае, с «Царством Земным» действие здесь происходит на Антильских островах на фоне грандиозных исторических событий (Великая Французская революция и ее рецепция американским миром). Трое молодых людей из обеспеченной семьи коммерсанта после смерти отца оказываются втянутыми в водоворот событий, оказавших сильнейшее влияние на их мировоззрение и мировосприятие. Пожалуй, здесь перед Карпентьером стояла даже более тонкая задача, поскольку нужно было выделить черты принадлежности к миру Латинской Америки у испаноязычных креолов, которые внешне (в отличие от афроамериканцев и индейцев) и в культурно-бытовом плане не так уж сильно отличались от европейцев (испанцев). Этот момент очень важен, поскольку Карпентьер под латиноамериканской картиной мира понимал в первую очередь не яркие фольклорные проявления тех или иных народов в духе модного в Европе в начале XX века экзотизма, а национальный или лучше даже сказать континентальный менталитет, вобравший в себя иные представления о пространстве, времени и истории, того, что Карпентьер называл «чудесной реальностью». И в этом отношении, частью этого мира белый мог быть в той же степени, что индеец-кечуа или афрокубинец. Примечательно, что сам Карпентьер,

позиционировавший себя, как кубинский писатель, вообще, не имел ни капли кубинской крови (его отец был француз, а мать – русская из Баку), однако, кубинская реальность, в окружении которой он рос, оказала на него определяющее влияние в плане будущего творчества. В системе персонажей «Века Просвещения» особую роль занимают три героя: София, ее двоюродный брат Эстебан и представитель революционной Франции Виктор Юг. София символизирует собой Кубу, шире Америку, чье самосознание начинает проявляться в сложных и противоречивых взаимоотношениях с несущей прогресс и перемены Европой, которую символизирует комиссар Конвента Юг, пламенный бунтарь и революционер, очаровавший юных Софию и Эстебана, и постепенно превратившийся, из-за своего неприятия и непонимания американской реальности, в кровавого тирана, пирата, коммерсанта и рабовладельца. Эстебан – это образ латиноамериканца, который ищет себя и, даже увлекаясь революционными идеями Юга, воспринимает их, как человек, имеющий иную картину мира. Эстебан чувствует мощь природы Антильских островов, он залезает на дерево и почти физиологически ощущает себя частью природы своего мира (этот момент не случаен, поскольку для Карпентьера дерево – это важнейший символ культурной преемственности и человеческого духа). Ему автор противопоставляет образ Юга, человека сильного, яркого, но лишённого чувства гармонии с окружающим миром, который, вероятно, изначально стремился принести свободу на Антильские острова, а на деле принес террор, бюрократию и механические, формализованные, оторванные от реальности представления об общественном строе. Он европеец, он человек действия, но это действие, не освященное пониманием этнокультурной сущности мира, в котором он находится, по Карпентьеру, несет зло и разрушения. Девиз Виктора Юга «О революции не рассуждают – ее делают!» [Карпентьер, 1988, с. 17] – это лишь попытка оправдаться за желание подчинить себе мир, который он не способен ни понять, ни почувствовать. В романе «Век просвещения» также важную роль играет мотив путешествия, который дает латиноамериканцам взглянуть на себя и свою родину как бы со стороны. В «Веке просвещения» главные герои, оказавшись в Испании, гибнут во время антифранцузского восстания в Мадриде. Европа приносит им смерть, но при этом еще и возможность осознавать себе латиноамериканцами, то есть в Старом Свете столь важная для Карпентьера оппозиция «Америка-Европа» не только не перестает работать, а, наоборот, становится еще более сильной.

Интерес к латиноамериканской картине мира, как к своеобразному культурфилософскому феномену появился не так уж и давно. Дело в том, что и сама по себе латиноамериканская литература весьма молода (при всем уважении к литературным текстам ацтеков и инков, латиноамериканская литература, как и сама синтетическая латиноамериканская цивилизация появилась уже после открытия и завоевания Америки), а латиноамериканское литературоведение еще намного моложе. Несмотря на то, что чертами континентального своеобразия некоторые произведения латиноамериканской литературы были отмечены уже с XVII века, достаточно вспомнить таких авторов, как Хуана Инес де ла Крус, Инка Гарсиласо де ла Вега, Карлос Сигуэнса-и-Гонгора (некоторые исследователи, вообще, склонны относить к латиноамериканским текстам и Дневник Христофора Колумба и «Реляции» Эрнана Кортеса), осознанное осмысление латиноамериканской культуры и литературы началось лишь в веке XX. Однако, выкладки таких авторов, как Педро Энрикес Уренья, Мартин Адан, Альфонсо Рейес, хотя и были весьма интересными, но не смогли стать культурологической концепцией. Первые культурологические концепции появились в середине XX века и их авторами были кубинцы Хосе Лесама Лима и Алехо Карпентьер, писатели, которые предприняли попытку сформулировать специфические и уникальные особенности латиноамериканского мира. Можно сказать, что с конца 40-х по начало 60-х годов XX века именно концепция «чудесной реальности» Карпентьера стала наиболее значительной и серьезной в латиноамериканском литературоведении и культурологии. Ее сила и аргументированность заключались в том, что Карпентьер объединял в единую идейную структуру свои теоретические выкладки и художественные произведения. Первые три романа кубинского писателя были призваны проиллюстрировать его представления о мире Латинской Америки, о латиноамериканской картине мира. Количество романов неслучайно, поскольку Карпентьер стремился осмыслить латиноамериканскую этнокультурную сущность с точки зрения трех основных этнических групп Латинской Америки: афроамериканцев, индейцев, белых креолов. В данных романах автору удалось проанализировать специфические особенности мировоззрения латиноамериканцев и отследить, как работают такие феномены, как пространство, время, природа и человек на латиноамериканской культурной почве. Можно сказать, что Карпентьеру удалось создать монументальную основу для всех дальнейших исследований в рамках представлений о латиноамериканской культурной сущности.

Список литературы

1. История Литератур Латинской Америки // Очерки творчества писателей XX века. – Москва : ИМЛИ РАН имени А.М.Горького, 2005. – Текст : непосредственный.
2. Карпентьер, А. Собрание сочинений в четырех томах / А. Карпентьер. – Москва : Художественная литература, 1994. – Текст : непосредственный.
3. Карпентьер, А. Избранные произведения. Том первый / А. Карпентьер. – Москва : Художественная литература, 1974. – Текст : непосредственный.
4. Карпентьер, А. Избранное / А. Карпентьер. – Москва : Радуга, 1988. – Текст : непосредственный.
5. Кофман, А. Ф. Латиноамериканский художественный образ мира / А. Ф. Кофман. – Москва : Наследие, 1997. – 318 с. – Текст : непосредственный.
6. Кофман, А. Ф. Что гринго здорово, то латиноамериканцу смерть... Особенности выстраивания латиноамериканской картины мира / А. Ф. Кофман // Ибероамериканские тетради. – 2023. – № 11 (1). – С. 16-40. – Текст : непосредственный.
7. Писатели Латинской Америки о литературе : [Сборник]. Пер. с исп., португ. и фр. / [Сост. Осповат Л. С.]; под ред. [и с предисл.] В. Кутейщиковой. – Москва : Радуга, 1982. – 400 с. – Текст : непосредственный.

DOI: 10.47475/9785727119631_334

С.А. РОСТОВЦЕВА / S.A. ROSTOVTSEVA*Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)***ПРОФЕССОР ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ КАК МОДЕЛЬНАЯ ЛИЧНОСТЬ
ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТИПАЖА «ВРАЧ-ХИРУРГ»****PROFESSOR PREOBRAZHENSKY AS A MODEL PERSONALITY
OF THE LINGUOCULTURAL TYPE OF A SURGEON****Аннотация**

В статье рассмотрен художественный образ профессора Преображенского из повести М.А. Булгакова «Собачье сердце» как модельной личности лингвокультурного типажа «врач-хирург». В результате исследования выявлены значимые характеристики ценностной, образной и понятийной составляющих лингвокультурного типажа «врач-хирург» в национальной языковой картине мира на примере художественного образа профессора Преображенского. Понятийная характеристика анализируется как синонимический ряд, смысловой доминантой которого является лексема «профессор». Образные характеристики рассмотрены как совокупность литературного произведения и киноверсии. Доминантными составляющими ценностной характеристики выделены представление о персонаже как об ученом, который не только совершает открытие, но и несет в полной мере ответственность за его результат, а также как о представителе интеллигенции, сформировавшейся еще в дореволюционной России.

Abstract

The article examines the artistic image of Professor Preobrazhensky from the story by M.A. Bulgakov's "A dog's heart" as a model personality in modeling the linguocultural type "doctor-surgeon". As a result of the study, significant characteristics of the value, figurative and conceptual components of the linguocultural type "doctor-surgeon" in the national linguistic picture of the world were identified using the example of the artistic image of Professor Preobrazhensky. The figurative characteristics are considered as a combination of a literary work and a film version. The conceptual characteristic is analyzed as a synonymous series, the semantic dominant of which is the lexeme "professor". The dominant components of the value characteristics highlight the idea of the character as a scientist who not only makes a discovery, but also bears full responsibility for its result, and also as a representative of the intelligentsia, which was formed in pre-revolutionary Russia.

Ключевые слова: лингвокультурный типаж, модельная личность, врач, врач-хирург, М.А. Булгаков, профессор Преображенский.

Keywords: *linguocultural type, model personality, doctor, surgeon, M.A. Bulgakov, Professor Preobrazhensky.*

Современное общество предъявляет определенные требования, ассоциированные с представителями той или иной профессии. Для реализации или коррекции подобных ожиданий необходимо определить источник их возникновения. Одним из немаловажных факторов, определяющих представления общества о деятельности врача, является модельная личность. Исследование модельной личности является значимым как элемент моделирования лингвокультурного типажа «врач-хирург».

Под модельной личностью, вслед за В.И. Карасиком, в настоящей работе мы понимаем «стереотип поведения, который оказывает существенное воздействие на культуру в целом и служит своеобразным символом данной культуры» [Карасик, 2002, с. 11]. Позволим себе уточнить формулировку понятия, и представление о культурном символизме сузить до представления, ассоциированного с шаблоном поведения (в широком смысле, включающим его вербальный и невербальный аспекты), присущим представителю определенной профессиональной сферы и идентифицируемым носителями национальной языковой картины мира. Так, мы понимаем модельную личность как «наиболее яркий, положительно маркированный представитель лингвокультурного типажа» [Лутовинова, 2009, с. 227], являющуюся «коммуникативным идеалом» и имеющую положительную оценку всех составляющих: образной, ценностной и понятийной [Дмитриева, 2007, с. 197], главной характеристикой которой как культурогенного фактора развития общества является «установление ценностных ориентиров» [Карасик, 2007, с. 87].

Важно отметить, что признак модельности нестабилен вследствие его связи с ценностными ориентирами общества, которые изменчивы [Дмитриева, 2013, с. 198]. В целях выявления образов, представляющихся модельными личностями лингвокультурного типажа «врач-хирург» в национальной языковой картине мира в современный период, нами был проведен ассоциативный эксперимент. Результаты эксперимента показали, что наибольшее число реакций на стимул «врач-хирург» связано с профессором Преображенским, персонажем повести М.А. Булгакова «Собачье сердце» [Ростовцева, Таскаева, 2022, с. 155].

Цель настоящего исследования – рассмотреть художественный образ профессора Преображенского как модельную личность лингвокультур-

ного типажа «врач-хирург». Достижение поставленной цели предполагает выявление значимых характеристик ценностной, образной и понятийной составляющих лингвокультурного типажа «врач-хирург» в национальной языковой картине мира на примере художественного образа профессора Преображенского.

Материалом исследования послужил текст повести М.А. Булгакова «Собачье сердце», а также одноименная экранизация режиссера Владимира Бортко. Следует отметить, что повесть была написана в 1925 г., однако, широкому кругу читателей стала доступна только в 1987 г., а спустя год в 1988 г. появился одноименный фильм режиссера Владимира Бортко. Как создание книги, так и появление ее в открытом доступе, характеризуется драматическими историческими событиями: это время перемен в масштабах целой страны. Практически одновременный выход повести и ее экранизации не может не накладывать отпечаток на восприятие и формирование представлений о персонаже повести в национальном сознании, образные характеристики которых связаны прежде всего с киноверсией. При этом чрезвычайно бережное отношение режиссера Владимира Бортко к авторскому тексту позволяет трактовать понятийную и ценностную составляющие как результат формирования на основании рукописи.

Другим немаловажным аспектом рассмотрения модельной личности представляется то, что автор текста сам являлся врачом, что позволяет говорить о представлении в тексте произведения скорее профессиональной картины мира, которая была адаптирована и принята обывателем.

Понятийная составляющая представлена синонимическим рядом, включающим лексемы: врач – доктор – хирург. Лексема «врач» употребляется очень редко (4 раза) и служит нейтральной номинацией, которая ни в качестве обращения, ни для оценки не употребляется («Как это вы успеваете, Филипп Филиппович? – с уважением спросил врач»). Лексема «доктор» используется в тексте 53 раза и всегда для представления Ивана Арнольдовича Борменталья – не только героями повести, но и автором.

На момент написания повести в словарях было зафиксировано следующее толкование лексемы «доктор»: «1. Высшая ученая степень, присуждаемая научными учреждениями. <...> Звание, присуждаемое окончившему высшую школу после специального испытания (доктора-

та) в какой-нибудь области наук и представления научной работы. 2. Врач» [Ушаков, 1935, URL], что свидетельствует о двойственной функции подобного обращения как обозначения специальности, так и научной степени. Важно, что ученое звание «профессор» имеет более высокий статус в профессиональном сообществе, а к персонажу повести Преображенскому на протяжении всего текста обращаются именно как «профессор», демонстрируя статус и уважение.

Лексема «хирург» встречается в тексте также редко (3 раза) и используется в качестве номинации профессионального деятеля, объединяющей обоих врачей: профессора Преображенского и доктора Борменталья. Нужно отметить, что однократное употребление имеет высокую эмоциональную составляющую и именно «хирург» как профессиональный деятель уподобляется творцу («Скальпель хирурга вызвал к жизни новую человеческую единицу. Проф. Преображенский, вы – творец. (Клякса)»), однако восторженно-эмоциональная характеристика, представленная персонажем (доктор Борменталь), нивелируется авторской ремаркой «клякса», что придает ироничный оттенок. Кроме того, в приведенном отрывке упоминаются два значимых для лингвокультурного типажа «хирург» атрибута: скальпель и руки.

Образная составляющая формируется прежде всего благодаря киноверсии произведения.

Примечательно, что выделяют несколько прототипов профессора Преображенского. Наиболее значимым для образной характеристики является Н.М. Покровский, дядя М.А. Булгакова (рис.1), врач-гинеколог. Отмечают, что дом и квартира (дом Кулагина), где проживал дядя, также послужила прототипом Калбухинского дома профессора Преображенского, включая угрозу «уплотнения» [Пчелов, 2022, с. 179]. Прочие прототипы скорее значимы для анализа идей, используемых М.А. Булгаковым для описания деятельности героя: С.А. Воронов (рис.3) и Н.К. Кольцов, разработавшие идеи омоложения; и Ю.А. Филипченко (рис.2), интересовавшийся евгеникой, и В.М. Бехтерев (рис.4), исследовавший мозг человека.

Если сравнить литературный и кино образы, то единственным отличием будет наличие бороды («Он умственного труда господин, с французской остроконечной бородкой и усами седыми, пушистыми и лихими, как у французских рыцарей»). Стоит отметить, что в 20-е гг. прошлого века как следствие первой мировой войны подобные усы и борода потеряли свою актуальность, что указывает на принадлежность профессора Преображенского к поколению дореволюционной России, когда подобной моде следовали все, включая последнего императора. Доктор Борменталь, напротив, является представителем нового поколения, о чем свидетельствуют тоненькие усики, которые войдут в моду в 30-е гг.

Рис. 1 – Н.М. Покровский

Рис. 2 – Ю.А. Филипченко

Рис. 3 – С.А. Воронов

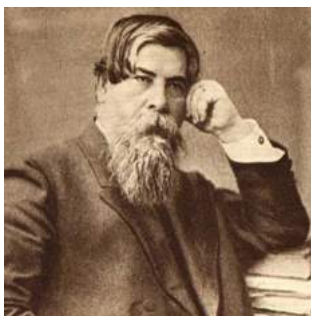

Рис. 4 – В.М. Бехтерев

Рис. 5 – Е. Евстегнеев

Примечательно описание одежды профессора Преображенского. Если описание повседневной гражданской одежды нейтрально («По снятии шубы он оказался в чёрном костюме английского сукна, и на животе у него радостно и неярко сверкала золотая цепь», «Пальто теперь очень многие и из пролетариев носят. Правда, воротники не такие, об этом и говорить нечего, но всё же издали можно спутать») и служит дополнительно указанием на благосостояние героя, то описание хирургической одежды отличается повышенной эмоциональностью, словно перевоплощает героя из обыкновенного господина в нечто более значительное («Филипп Филиппович, распростерши полы халата, сел за громадный письменный стол и сразу сделался необыкновенно важным и представительным»; «Подстриженная его седина скрывалась под белым колпаком, напоминающим патриарший куколь; божество было всё в белом, а поверх белого, как епитрахиль, был надет резиновый узкий фартук. Руки – в чёрных перчатках»).

Ценностная составляющая. В этом разделе целесообразно обратить внимание на несколько компонентов, являющихся значимыми для модельной личности врача-хирурга.

Прежде всего, это отношения, которые связывают профессора Преображенского и доктора Борменталья. Для становления хирурга чрезвычайно важным представляется институт наставничества, когда учитель передает ученику знания не только связанные с профессиональной деятельностью, но и формирует образ жизни. Реализация подобных отношений в полной мере представлена в тексте повести («Еда, Иван Арнольдович, штука хитрая. Есть нужно уметь, а представьте себе – большинство людей вовсе есть не умеют. Нужно не только знать, что съест, но и когда и как. (Филипп Филиппович многозначительно потряс ложкой). И что при этом говорить»).

Кроме того, в повести находит интерпретацию тема иррациональной составляющей образа врача-хирурга. Отметим, что автор использует прием саркастической иронии [Хабибьярова, 2015, с. 237-240], что придает эпитетам излишний пафос, однако не мешает проследить их семантические трансформации. Профессор Преображенский изображен в тексте произведения через призму восприятия как различных героев, так и самого автора. Можно условно разделить подобное описание персонажа на две группы: профессор Преображенский в восприятии пациентов, Шарика, Швондера и др., представляющих обыденную картину мира, и профессор Преображенский в восприятии доктора Борменталья и автора, пред-

ставляющих профессиональную языковую картину мира.

В речи пациентов наиболее часто используется обращение «профессор» и единожды «маг и чародей» и «кудесник» («Вы маг и чародей, профессор, – сконфуженно вымолвил он»; «Вы – кудесник»). Так, на уровне обыденного сознания представление о профессоре Преображенском связано прежде всего с высокой степенью знаний и профессионализмом, благодаря которым он превосходит прочих представителей профессии.

Восприятие Шарика изменяется и сопряжено с трансформацией «собака – человек – собака». Первоначальная оценка от уважительного «гражданин», «господин» и «парень» («Дверь через улицу в ярко освещённом магазине хлопнула, и из неё показался гражданин. Именно гражданин, а не товарищ, и даже – вернее всего, – господин. Ближе – яснее – господин»; «Как оплевал! Ну и парень!» – восхищённо подумал пёс») восходит до почтительного «божество» («Временами божество вооружалось маленьким сверкающим ножиком и тихонько резало жёлтые упругие мозги»). После превращения Шарика в Полиграфа Полиграфовича обращение «гражданин» низводится до «товарищ» («А если бы я у вас помер под ножом? Вы что на это выразите, товарищ?») и характерным становится пренебрежительное обращение «папаша» («Что-то вы меня, папаша, больно утесняете, – вдруг плаксиво выговорил человек»). И наконец, после второй операции и возвращения Шарика в его изначальное состояние, снова появляется «высшее существо» («Высшее существо, важный пёсий благодетель сидел в кресле, а пёс Шарик, привалившись, лежал на ковре у кожаного дивана»).

Такие же этапы изменения отношения репрезентированы персонажем доктором Борменталем и автором. Доктор Борменталь обращается к профессору до и сразу после операции: «истый ученый» и «творец», а далее неоднократно «старик» («Изнервничался старик», – подумал Борменталь»). Непосредственно перед второй операцией, когда профессор Преображенский признает свою ошибку, в тексте встречаются такие обращения, как «великий ученый» и «дорогой учитель» («Вы великий учёный, вот что! – молвил Борменталь, глотая коньяк»; «Тогда вот что, дорогой учитель, если вы не желаете, я сам на свой риск накормлю его мышьяком»).

Автор до операции использует метафоры «полководец» и «пророк» («Он стоял у письменного стола и смотрел на вошедших, как полководец на врагов»; «гремел он подобно древнему пророку и голова его сверкала серебром»), подчеркивая уверенность в себе собственного персо-

нажа, его значимость. Отношение автора к проводимой операции очевидно, что подтверждается метафорическим описанием хирургов: «жрец», «фокусник», «убийцы», «вдохновенный разбойник», «сытый вампир». После операции, когда профессор Преображенский не только осознает, но и признает допущенную ошибку, появляются совсем другие метафоричные описания, такие как: «седой Фауст», «французский древний король».

Можно сделать вывод о том, что отношение к хирургии и врачу-хирургу в обыденном сознании имеет в качестве доминанты профессионализм, тяготеющий к божественному или сверхъестественному. В то время как для профессионального языкового сознания доминантным признаком является профессионализм как сочетание практических навыков и теоретических знаний, при этом чрезвычайно важен аспект ответственности за свою деятельность. В анализируемом произведении М.А. Булгакова то, что поначалу коллегой воспринимается как небывалое открытие, которое позволяет посягнуть на божественное деяние, автором сразу низводится до акта жестокого насилия над природой. Осознание, принятие и смирение возвращают профессора Преображенского к начальному статусу «ученого» и добавляют уважительное признание «учитель» и величие «французский король» (что, памятуя о важности крови французских королей в романе «Мастер и Маргарита», делает подобное обращение высшей оценкой).

Так, чрезвычайно важным качеством врача-хирурга является ответственность, сформулированная Френсисом Грантом: «давая согласие на операцию, больной полагает, что хирург скорее пожертвует своим самолюбием, чем его жизнью» [Grant, 1958, с. 25].

Еще одной детерминантой образа выступает представление о профессоре Преображенском как об интеллигенте, которого характеризует «приверженность настоящим ценностям» [Хабибьярова, 2015, с. 238]. По нашему мнению, интеллигентность – одна из наиболее значимых характеристик профессора Преображенского как модельной личности лингвокультурного типажа «врач-хирург». Образы врача-хирурга и интеллигента связаны в национальной языковой картине мира и представляют собой неразрывное целое.

По результатам исследования были выявлены значимые характеристики ценностной, образной и понятийной составляющих лингвокультурного типажа «врач-хирург» в национальной языковой картине мира на примере художественного образа профессора Преображенского. Анализ понятийной составляющей указывает на профессора

Преображенского как представителя медицинской профессии (конкретизируя хирургию), обладателя высшего учебного звания – профессор – благодаря научным и практическим навыкам.

Образная составляющая представлена сочетанием литературного и кинопроизведения. Профессор Преображенский является представителем поколения, сформировавшегося в дореволюционной России и сохранившего прежние представления о жизни. Чрезвычайно важна одежда, смена которой указывает на изменение статуса: гражданина – на хирурга, от рядового члена общества – к творцу.

В ценностной составляющей выделены три доминантных признака: ученый, интеллигент, ответственность, совокупность которых представляет основу современного представления об идеальном враче-хирурге.

Список литературы

1. Гаджиева, Д. А. Судьба интеллигенции глазами писателя-евразийца М. А. Булгакова / Д. А. Гаджиева // МНКО. – 2016. – №2 (57). – С. 357-358. – Текст : непосредственный.
2. Дмитриева, О. А. Лингвокультурные типы России и Франции XIX века : монография / О. А. Дмитриева. – Волгоград : Перемена, 2007. – 307 с. – Текст : непосредственный.
3. Дмитриева, О. А. Модельная личность в ракурсе теории лингвокультурных типажей / О. А. Дмитриева // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. Материалы ежегодной междунар. конф. (1-2 февраля 2013 г.). – Екатеринбург : изд-во УГПУ, 2013. – С. 196-201. – Текст : непосредственный.
4. Карасик, В. И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с. – Текст : непосредственный.
5. Карасик, В. И. Лингвокультурный типаж / В. И. Карасик // Язык. Текст. Дискурс. – 2007. – № 5. – С. 86-89. – Текст : непосредственный.
6. Лутовинова, О. В. «Лингвокультурный типаж» в ряду смежных понятий, используемых для исследования языковой личности / О. В. Лутовинова // Учёные записки ЗабГУ. Серия : Филология, история, востоковедение. – 2009. – №3. – С. 225-228. – Текст : непосредственный.
7. Пчелов, Е. В. М.А. Булгаков и наука 1920-х гг / Е. В. Пчелов // Материалы Междунар. конф. Российского национального комитета по истории и философии науки и техники РАН, посвященной 90-летию Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН (28 марта – 01 апреля 2022 года.). – Москва : Институт исто-

рии естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, 2022. – С. 176-182. – Текст : непосредственный.

8. Ростовцева, С.А., Таскаева, А.В. Персонажи литературных произведений и кинематографа как основа ассоциативных представлений о враче-хирурге в русском языковом сознании / С. А. Ростовцева, А. В. Таскаева // Судьбы национальных культур в условиях глобализации: между традицией и новой реальностью: сб. материалов V междунар. науч. конф. – Челябинск : ЧелГУ, 2022. – С. 154-157. – Текст : непосредственный.

9. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : Гос. ин-т «Сов. эн-

цикл.» ; ОГИЗ ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935-1940. – URL : https://enc.biblioclub.ru/Termin/1135114_DOKTOR (дата обращения: 29.01.2024).

10. Хабибьярова, Э. М. Саркастическая про- ния в повести М. Булгакова «Собачье сердце» / Э. М. Хабибьярова // Вестник ОмГУ. – 2015. – №1 (75). – С. 237-240. – Текст : непосредственный.

11. Grant, F. C. The surgery of meningiomas at the base of the brain / F. C. Grant // Clin. Neurosurgery : Wolters Kluwer Health, Inc., 1958. – №5. – P. 25-37. – Текст : непосредственный.

DOI: 10.47475/9785727119631_339

М.В. РУМЯНЦЕВА / M.V. RUMYANTSEVA

Тюменский государственный медицинский университет
(Тюмень, Россия)

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ И МИФОПОЭТИЧЕСКИЕ
ОСОБЕННОСТИ МИФОЛОГЕМЫ «БОЛЕЗНЬ»
(НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В.В. ЛИЧУТИНА)**

**LINGUOCULTUROLOGICAL AND MYTHOPOIETIC FEATURES OF THE MYTHOLOGY
«DISEASE» (BASED ON THE MATERIAL OF THE WORKS OF ART BY V.V. LICHUTIN)**

Аннотация

Целью исследования стало описание лингвокультурологических и мифопоэтических особенностей функционирования мифологемы «болезнь» в художественной картине мира современного русского писателя В.В. Личутина. Лингвокультурологический подход дает возможность описать наивные языковые представления носителей языка, сложившиеся под влиянием мировосприятия этноса, что представляется актуальным. Мифопоэтический подход позволяет выявить наиболее значимые мотивы, образы, идеи, оказавшие наибольшее влияние на творческое сознание и художественную картину мира автора. Результаты исследования показали, что в творчестве В.В. Личутина преобладает субъектная интерпретации феномена болезни, которая рассматривает болезнь во внутрилличностном плане. Она представлена тремя моделями: античной, связывающей болезнь с неупорядоченностью образа жизни; демонологической, истолковывающей болезнь как одержимость; метафизической, интерпретирующей болезнь как следствие греха. Сделан вывод о том, что через мифологему «болезнь» автор переосмысливает глобальные духовные и нравственные проблемы человеческой жизни; в сознании писателя тесно переплетены архаические языческие традиции и христианское мировоззрение.

Abstract

The purpose of the study was to describe the linguoculturological and mythopoietic features of the functioning of the mythology «disease» in the artistic picture of the world of the modern Russian writer V.V. Lichutin. The linguoculturological approach to the study of mythologemes makes it possible to describe the naive linguistic representations of native speakers, which have developed under the influence of the worldview of the ethnic group, which seems relevant. The mythopoeitic approach makes it possible to identify the most significant motifs, images, ideas, to determine the cultural, philosophical and other phenomena that have had the greatest impact on the author's creative consciousness and artistic worldview. The results of the study showed that in the work of V.V. Lichutin, the subject interpretation of the phenomenon of the disease prevails, which considers the disease in an intra-personal way. It is represented by three models: antique, linking the disease with disorderly lifestyle; demonological, interpreting diseases as obsession;

metaphysical, interpreting disease as a consequence of sin or a reflection of universal human sinfulness. It was concluded that through the mythology «disease» the author rethinks the global spiritual and moral problems of human life; archaic pagan traditions and a Christian worldview are closely intertwined in the writer's mind.

Ключевые слова: лингвокультурология, мифопоэтика, миф, мифологема, болезнь, художественная картина мира, В.В. Личутин.

Keywords: linguoculturology, mythopoetics, myth, mythologeme, disease, artistic picture of the world, V.V. Lichutin.

На современном этапе развития науки миф стал предметом повышенного интереса для лингвистических, мифопоэтических, лингвокультурологических и других изысканий. Исследователи говорят о двухслойности мифа. Это предполагает присутствие в нем архетипа («устойчивого смыслового ядра») и содержательной формы, в которую сокровенный смысл мифа «одевается» в повествовании рассказчика [Родина, 2015, с. 35]. Через глубинные архетипы – «структурные элементы человеческой психики» [Юнг, 1997, с. 8], «наследуемые посредством культурно-исторической памяти» [Руткевич, 1991, с. 21] – современная наука стремится постичь национальный менталитет. Воспринимаемой формой архетипа является мифологема, репрезентируемая мифологизированными языковыми единицами.

Спектр понятия «мифологема» в научной литературе очень широк. Мы, вслед за С.М. Телегиным, под мифологемой понимаем изначальный универсальный первообраз, зафиксированный мифом, «семя», из которого в литературе вырастает конкретный образ или сюжет [Телегин, 2004, с. 10-16]. Предметом интереса лингвокультурологов является «культурная память» языковой единицы, а именно «те ассоциации, которые задаются языковой единицей и тянутся из ее прошлого употребления, организуя современное значение» [Маслова, 2001, с. 57]. Лингвокультурологический подход к исследованию слов-мифологем дает возможность описать наивные языковые представления носителей языка, сложившиеся под влиянием этнического мировосприятия. Мифопоэтический подход позволяет выявить наиболее значимые мотивы, образы, идеи, а также определить культурные, философские и другие феномены, оказавшие влияние на творческое сознание и художественную картину мира автора, понимаемую как своеобразный «синтез субъективного восприятия и объективного постижения мира писателем» [Полубояров, 2016, с. 7-11].

В современной культурной парадигме произошла переориентация общества на новую подлинную ценность здоровья, поэтому особый интерес сегодня представляет мифический образ болез-

ни. Целью нашего исследования стало описание в лингвокультурологическом и мифопоэтическом аспектах особенностей функционирования мифологемы «болезнь», репрезентируемой на вербальном уровне как слово-мифологема, в художественной картине мира современного русского писателя В.В. Личутина. Лингвокультурологический анализ слова-мифологемы проведен путем его частичного концептуального анализа, представляющего собой синтез существующих методик (см. работы В.И. Карасика, С.Е. Никитиной, М.В. Пименовой и др.). Как дополнительные использовались описательный метод и метод интерпретации. Впервые такое исследование проведено на материале художественных произведений В.В. Личутина, в чем и заключается его новизна.

Семантический ряд лексем-репрезентантов мифологемы «болезнь» в произведениях В.В. Личутина можно условно разделить на четыре группы:

- лексем-гиперонимы (*болезнь, хворь, зараза, напасть, грыжа (грызь), червь, веред*);
- лексем-гипонимы (*чума, птичий грипп, чирей, холера, корь, оспа, испанка, язва*);
- лексем-морбонимы (*лихорадка, лихоманка, трясуница (трясавица), мара (маруха), Иродова дочь*);
- лексем-теонимы/демонимы (*Мо(а)рена, Мара, Маруха, Морья, Знобья, Огнея (Горячка), Сухотка, Гнетя, Невья, Цинга (Скорбут), Икота (Икотик), Ломота, Волосяница, Маята*).

Анализ функционирования данных групп лексем позволяет говорить о преобладании субъективной интерпретации болезни в творчестве писателя. Она, в отличие от объективирующей естественнонаучной интерпретации, отделяющей болезнь от своего носителя и превращающей её в объект научного исследования, рассматривает болезнь во внутриличностном плане, в границах внутренней зоны жизненного пространства личности. По Ф.Р. Филатову существует три модели субъективной интерпретации болезни: античная, демонологическая и метафизическая [Филатов, 2002, с. 5-31]. Все они присутствуют в художественной картине мира В. В. Личутина.

Античная модель интерпретирует болезнь как внутриличностный дисбаланс по причине необузданности эмоций и страстей. Такой подход к природе болезни уходит корнями в античную медицину и философию. В творчестве В.В. Личутина присутствуют две морбуальные метафоры данной модели:

1) *негативные эмоции, неэкологичные мысли – болезнь*. Метафора выражает убеждение автора в том, что психоэмоциональное состояние человека – это мощнейший фактор, влияющий на здоровье. Например, состояние тоски или уныния похоже на хворь, которая лишает человека желания и способности действовать, обезволивает и угнетает его: *Покидающие Россию в трудные времена – это не утрата, не потеря, но благо, ибо они очищают воздух от сквалыжничества, нытья, брюзжания, от той изнуряющей черной тоски, которая сильнее любой хвори угнетает человека* [Личутин, 2017, с. 232].

2) *социальный конфликт – болезнь*. В рамках данной метафоры автор осмысливает социальные и политические события. Например, события девяностых годов XX в. (развал Советского Союза, перестройка, повсеместная коммерциализация), породившие бездуховность, безбожие, безнравственность, обесценившие человечность, совесть и порядочность, автор называет «денежной хворью»: *Переболеют денежной хворью, перетрут в себе скупость да жадность и вспомнят Бога* [Личутин, 2012, с. 211].

При таком подходе к феномену болезни от человека, который хочет преодолеть заболевание, требуется активная жизненная позиция и понимание всей полноты ответственности за свою жизнь и здоровье.

Демонологическая модель составляет основу картины болезни в архаических системах целительства и в народных поверьях, где внутренняя дисгармония обусловлена проникновением в организм больного или влиянием на него неких темных сущностей.

В произведениях В.В. Личутина встречаем синонимичный ряд наименований духов (демонов) болезней, которые часто упоминаются в русских заговорах и представляют собой апокрифический слой русской демонологии. Это *лихорадка, лихоманка, трясуница (трясовица), мара (маруха)*. Всё это дочери славянской богини Морены (другие имена – Марена, Морана, Морая, Маруха, Маара, Моржана) – мрачной повелительницы ночи, зимы, болезни и смерти [Афанасьев, 2021, с. 24]: *Сама Морая с двенадцатью дочерьми у Королишки в услугах. Только крикнет – слетятся нетопыри, заверещат, восшумят крылами* [Личутин, 2010, с. 200]. С принятием славянами

христианства демонами болезни стали считать дочерей царя Ирода, проклятых Богом за осмеяние и смерть Иоанна [Левкиевская, 2000, с. 430]. С тех пор они служат дьяволу, который посылает их *«на царство русское род человеческий мучити, тело повреждати, кости ломати, в гроб загоняти»* [Личутин, 2003, с. 415].

Духов болезни автор чаще изображает в женском обличье. В одном случае это молодая, красивая, заманивающая в свои любовные сети девушка: *Блазнит, ой блазнит, чего там: лишь поддайся зову любостайки-марухи, и заведет тебя бесовская девка, откуда возврата нет* [Личутин, 2003, с. 682]. В другом – губящая людей старуха: *Будто бы и цингу-старуху знавал на звериных промыслах на Новой Земле, не раз видал, как приходила она на зимний стан, ложилась на примост возле мужика, а после также неслышно уходила прочь, а покинутый ею зверобой начинал печалиться, чернеть, исходил наскоро рудю и помирал тут же в тягостных мучениях* [Личутин, 1994, с. 314]. Есть примеры, где лихорадки изображены уродливыми: с горящими глазами, зелеными волосами, гусиными лапами, в сопровождении хтонических животных, например, жаб или змей. Вот как выглядит у В.В. Личутина лихорадка Огня: *Безобразная девка встала подле печи, противно чмокая по полу гусиными лапами: один глаз тусклый, с вывернутым веком, другой – горит бесовски, а по зеленым волосам, распластанным и похожим на свиное крыло, скачет к печному приступку жаба с лестницей на плече* [Личутин, 2003, с. 413]. Когда лихорадке нужно попасть в тело человека или под воздействием магического ритуала покинуть его, она способна обернуться соринкой или животным (собакой, кошкой, мышью, ночной птицей, мотыльком, мухой): *Муха откуда-то взялась над Соломонеей: – Вот она иродова дочь. Сгинь!* [Личутин, 2003, с. 415].

А вот такой недуг, как икота – болезнь невротического характера, разновидность кликушества, представлен в творчестве В.В. Личутина в мужском образе: это рыжий (или черный) бородатый, хромо́й мужичок-карлик, именуемый Икотиком: *Женщина еще прислушалась к груди, где прежде сидел рыжий злой икотик, к черевам, где прятался надоедливый хромо́й мужичок, к левой титьке, которую кромсал бородатый черный карлик, перевязанный красным кушаком, – и не нашла никого* [Личутин, 2003, с. 424-425].

Человеку, в которого проникла болезнь, требуется помощь. Лечить её могут только «знающие люди» – знахари, ведуньи, шаманы. Изгоняют злой дух, совершая предписанные обряды, а также с помощью заговоров, молитв, отваров

трав, настоек, золы: *Надевала ведунья на Тайкину шею обруч, пошла вином, настоящим на золе, терла лицо и грудь противу сердца, трижды слизывала хворь с Тайкиного лица, с подбородка до лба и со щеки на щеку, и, сплевывая наземь пот, шептала: – Заря-заряница, красная девица! Избавь рабу Божию Таисью от матухи, от знобухи, от летучки, от гнетучки, от всех двенадцати сестриц-трясолиц!* [Личутин, 2003, с. 414].

Итак, основными аспектами демонологической модели толкования болезни являются пассивность больного и факт стороннего вмешательства. Болезнь и излечение приходят к жертве извне: болезнь – в виде злых вселяющихся в человека духов, излечение – от знахаря, умеющего изгонять демонов болезни.

Метафизическая модель интерпретирует болезнь как следствие индивидуального греха, как божий гнев, что свойственно религиозной картине мира и зафиксировано в названиях болезней в русских говорах и во многих славянских языках [Афанасьев, 2021, с. 39]. Понимание болезни в христианской картине мира связано с такими фундаментальными категориями христианского вероучения, как сотворение мира и грехопадение, смерть и спасение души [Дударев, 2017, с. 47].

В творчестве В.В. Личутина находим примеры, в которых грех и болезнь связываются в единую причинно-следственную цепочку: болезнь интерпретируется как следствие нравственного изъяна, духовного несовершенства или неправильного поведения человека: *Если какая напасть на нас, если она поедом ест, то оглянись на себя и увидишь, как ты кругом виноват. Что и непослушлив был, и в гордыне сердце свое попустил, и возмечтался Бог знает о чем. Как воспротивился человек против смиренной жизни, так, считай, язву на душе нажил* [Личутин, 2003, с. 389]. Болезнь трактуется как наиболее эффективный способ предупредить человека о грехе и уже на земле продемонстрировать нетерпимость Бога к отсутствию праведности.

Грехи как обладающие разрушительной энергией мысли или деяния человека трансформируются в определенные психические и телесные заболевания. Нарушение Божьих заповедей запускает механизм сначала душевного, затем телесного самоуничтожения: *А после обнесло Тайку, выкинуло из памяти, и рыжий мужичок-икотик, что постоянно мучил под грудью, вдруг взял в полон, перевязал горло волосяной удавкой и поволок куда-то горами-долами, как худую падаль* [Личутин, 2003, с. 363-364].

У каждой телесной болезни есть свои духовные корни. В религиозном сознании имеет место «феномен реперкуссии», под ним понимается перенос

душевных ран на тело человека, в результате чего возникают телесные заболевания [Дударев, 2017, с. 49]. В примере ниже видим, как за гордыню, тщеславие и сребролюбие человеку насыпается недуг, не позволяющий ему в дальнейшем совершать подобные грехи: *Есть ли выше и сладоствнее чувства видеть себя на высоте, когда каждое слово твое как перст указующий. Но вот вошла в тело грызь, присогнула плечи, повытила телеса, вытончила жилы, высушила глаза, и киса кожяная, набитая деньгой, уже не подымает дух: такое нынче у Петры состояние, будто сам он готов каждому пасть в ноги, и уже дерзко и зорко, как прежде, не задрать головы* [Личутин, 2003, с. 380]. В рамках христианской духовной традиции болезнь – это напоминание человеку о Боге: *Господи, помилуй меня от этой напасти: от горячки и сухоты, гнетей и ломоты, от девки знобей и лихой бабы Невей и от всех двенадцати сестер-лихорадок. Боже, прости и помилуй меня, дуру окаянную, что возвеличила себя!* [Личутин, 2010, с. 79]. В народные языческие заговоры вплетаются имена Спасителя (или Богородицы, святых и угодников) и просьбы о прощении грехов. Многие языческие заговоры, обновленные до неузнаваемости, продолжают существовать как христианские молитвы.

Таким образом, недуг, с точки зрения христианства, нужно принять с чувством благодарности и покаяния к Богу, делать добрые дела, что приведет к исцелению. Проповедуется основная поведенческая модель, важнейшая христианская добродетель – смирение. Болезнь воспринимается как способ заслужить божественное прощение уже при жизни.

Анализируя все выше сказанное, приходим к следующим выводам:

В современном социально-гуманитарном знании миф признается как осознанный культурный феномен. А современная художественная литература переживает процесс ремифологизации, т.е. интенсивно наполняется мифическими сюжетами и мифологемами, которые благодаря своей символичности становятся удобными языковыми средствами для описания моделей общественного поведения.

Через мифологему «болезнь» В.В. Личутин переосмысливает глобальные духовные и нравственные проблемы человеческого бытия. Болезнь интерпретируется как нарушение гармонии жизни, как проявление греха или хаоса, охватившего общество или душу человека. Автор считает, что недуг призван вскрыть некое внутреннее неблагополучие в человеке и помочь его преодолеть. В сознании писателя тесно переплетены архаические языческие традиции и христианское мировоззрение.

«Дешифровка» мифологем дает возможность выявить в художественном тексте множество смыслообразующих пластов, что, в свою очередь, позволяет постигать художественный замысел произведения, судить о своеобразии художественной картины мира писателя как представителя определенного лингвокультурного сообщества.

Список литературы

1. Афанасьев, А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. В 3-х томах / А. Н. Афанасьев, Т. III. 4-е изд. – М : Академический проект, 2021. – 459 с. – Текст : непосредственный.
2. Дударев, С. Л. К вопросу о категории болезни в средневековой культуре / С. Л. Дударев // Гуманитарные и юридические исследования. – 2017. – № 2. – С.47-51. – Текст : непосредственный.
3. Левкиевская, Е. Е. Мифы русского народа / Е. Е. Левкиевская. – Москва : ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство АСТ», 2000. – 528 с. – Текст : непосредственный.
4. Личутин, В. В. В ожидании бога / В. В. Личутин. – Москва : Издательство : Вече, 2017 – 725 с. – Текст : непосредственный.
5. Личутин, В. В. Река любви / В. В. Личутин. – Москва : Издательство ИТРК, 2010. – 244 с. – Текст : непосредственный.
6. Личутин, В. В. Скитальцы : исторический роман / В. В. Личутин. – Москва : ИТРК, 2003. – 848 с. – Текст : непосредственный.
7. Личутин, В. В. Убить скорпиона / В. В. Личутин. – Москва : Издательство ИТРК, 2012. – 560 с. – Текст : непосредственный.
8. Личутин, В. В. Фармазон : Роман-хроника / В. В. Личутин. – Москва : Вече, 1994. – 575 с. – Текст : непосредственный.
9. Маслова, В. А. Лингвокультурология / В. А. Маслова. – Москва : Академия, 2001. – 208 с. – Текст : непосредственный.
10. Полубояров, Д. И. Художественная картина мира / Д. И. Полубояров // Культура. Духовность. Общество. – 2016. – № 22. – С. 7-11. – Текст : непосредственный.
11. Родина, М. В. К вопросу о сущности мифа и подходах к его интерпретации / М. В. Родина // Уникальные исследования XXI века. – 2015. – № 3 (3). – С. 26-40. – Текст : непосредственный.
12. Руткевич, А. М. Жизнь и воззрения К. Г. Юнга / А. М. Руткевич // Юнг К. Г. Архетип и символ. – Москва, 1991. – С. 5-22. – Текст : непосредственный.
13. Телегин, С. М. Словарь мифологических терминов / С. М. Телегин. – Москва : УРАО, 2004. – С. 10-16. – Текст : непосредственный.
14. Филатов, Ф. Р. Феномен болезни в различных системах знания: конфликт интерпретаций / Ф. Р. Филатов // Московский психотерапевтический журнал. – 2002. – № 2. – С. 5-31. – Текст : непосредственный.
15. Юнг, Г. К. Душа и миф: шесть архетипов / Г. К. Юнг ; пер. с англ. – Москва : ЗАО «Совершенство»; Киев : Порт-Рояль, 1997. – 382 с. – Текст : непосредственный.

DOI: 10.47475/9785727119631_343

Е.С. РЯБЦЕВА, Ж. ЧЖАН / E.S. RYABTSEVA, Z. CHZHAN

*Уральский федеральный университет
им/ первого Президента России Б.Н. Ельцина (УрФУ)
(Екатеринбург, Россия)*

ПРОЯВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКИ В ОБРАЗНОЙ НОМИНАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

MANIFESTATION OF NATIONAL SPECIFICITY IN THE FIGURATIVE NOMINATION (BASED ON EXPERIMENTAL RESEARCH)

Аннотация

В статье представлены результаты экспериментального исследования, посвященного номинированию фотографий носителями русского и китайского языков. Ставится вопрос о возможности существования стратегий образной номинации, обусловленных культурой и языком номинатора. Рассматриваются номинации фотографий с изображениями человека (представителей русской и

китайской культур), включенного в ситуацию. Приводится классификация полученных образных номинаций: номинации, присваиваемые по объекту, изображенному на фотографии; номинации, основанные на обозначении ситуации в целом. Анализируется специфика присвоенных онимов, связанная с русской и китайской лингвокультурой: преобладание отобъектного или отсубъектного типа номинации, особенности оценочных характеристик, связанные с культурой, «пункты внимания» в фотографии, также обусловленные культурой; апелляция к прецедентным текстам, обусловленная «узнаванием» родного культурного контекста на фотографии.

Abstract

The article presents the results of an experimental study on the nomination of photographs by native speakers of Russian and Chinese. The question is raised about the possibility of the existence of figurative nomination strategies determined by the culture and language of the nominator. The nominations of photographs with images of a person (representatives of Russian and Chinese cultures) included in the situation are considered. The classification of the received figurative nominations is given: nominations assigned for the object depicted in the photograph; nominations based on the designation of the situation as a whole. The specificity of assigned onyms associated with Russian and Chinese linguistic culture is analyzed: the predominance of an object or subject type of nomination, features of evaluative characteristics associated with culture, “points of attention” in photography, also conditioned by culture; an appeal to precedent texts, due to the “recognition” of the native cultural context in the photograph.

Ключевые слова: образная номинация, психолингвистика, лингвистический эксперимент, русский язык, китайский язык, лингвокультура.

Keywords: figurative nomination, psycholinguistics, linguistic experiment, Russian language, Chinese language, linguistic culture.

Пожалуй, любой объект, номинируемый при помощи имени собственного или нарицательного, обладает различными параметрами; и тот из параметров, который оказывается наиболее важен для номинатора, становится основанием для порождения имени. При этом в разных языках в названиях могут закрепляться различные свойства одного и того же объекта. В связи с этим встает вопрос о существовании лингвокультурных стратегий номинации и существовании особенностей в присвоении имен, зависящих от культуры говорящего.

Как отмечает Т.А. Гридина, «в номинативной деятельности особую роль имеет опора на типовые ономаσιологические модели, выработанные в практике обозначения объектов определенного класса. Известная заданность ономаσιологического процесса распространяется и на образную номинацию, техника которой во многом базируется на социально отфильтрованных эталонах сравнения объектов разных предметных областей» [Гридина, 2013, с. 141].

Наша статья посвящена анализу и сравнению образных названий художественных фотографий на китайском и русском языках. Фотография является многоаспектной реалией. При ее номинации человек может обратить внимание на различные составляющие изображения, выделить разные моменты, которые лягут в основу номинации, став внутренней формой онима. Вслед за М.Э. Рут мы используем термины отобъектная и отсубъектная номинация, понимая под отобъектной номинаци-

ей такую, которая мотивирована действительными свойствами объекта, а под отсубъектной – ту, которая мотивирована представлениями субъекта о них [Рут, 1992, с. 19–22].

В качестве метода исследования был использован свободный ассоциативный эксперимент [Гридина, 2021, с. 39–43] с предъявлением невербального стимула (фотографии) и получением вербальных ассоциаций (собственно номинаций). Участниками эксперимента, осуществляющими номинацию, стали носители русского и китайского языков (возрастная категория 17–23 года, студенты; 20 человек в каждой группе). Для носителей китайской лингвокультуры задание предъявлялось на родном для них языке, чтобы обеспечить максимальную понятность. Ответы также ожидалось (и были получены) на китайском языке, что устраняет возможность ошибочного или неточного подбора слов и образов (который возможен в случае ответов на неродном языке) и позволяет проследить особенности образной номинации в родной для отвечающего лингвокультуре.

В этой статье нами предложены результаты исследования, касающиеся фотографий типа «человек в ситуации» (полное исследование также включает типы «животное в ситуации», «природа», «неодушевленный объект»).

Можно выделить 3 группы номинаций:

1. Номинации, акцентирующие объект, изображенный на фотографии

В данной группе номинаторы обращают внимание на одушевленный и неодушевленный объ-

Рис. 1 – Автор фотографии О. Шклярова

Рис. 2 – Автор фотографии В. Малых

ект (на первой – женщина и игрушка, на второй – мужчина и объекты для письма соответственно), которые являются центральными персонажами в фотографии. Можно выделить следующие подгруппы:

1.1. *Отобъектные номинации*

В данную подгруппу отнесены номинации, представляющие собой обозначение одного из объектов, видимых на фотографии, причем подаваемые безоценочно.

Фото 1: кит. *Девушка (少女)», Женщина и игрушка (女人和玩偶), Человек и питомец (人和宠物).*

Фото 2: кит. *Каллиграф (书法家), Художник (艺术家), Старший каллиграф (高龄书法家), Каллиграфия (书法); рус. Китайская письменность, Тушь.*

Конечно, полностью объективными считать такие номинации невозможно, поскольку субъективность проявляется в самом выборе «ведущего» объекта, по которому номинируется фотография, а также выбор слов, используемых для номинации. Так номинация кит. *Человек и питомец (人和宠物)* содержит представление об отношениях между персонажами фотографии, в противоположность кит. *Женщина и игрушка (女人和玩偶).*

Данный тип номинации доминирует у носителей китайской лингвокультуры.

1.2. *Отсубъектные номинации*

В данной группе также представлены номинации через объект, изображенный на фотографии. Однако в этом случае, выбрав объекты, номинаторы добавили к ним свое представление о тех свойствах, которые не могли быть отражены в фотографии, а также представили себе чувства, испытываемые людьми или эмоциональные отношения между объектами.

Фото 1: рус. *Воспитатель, Озорник, Непослушный ребенок, Непослушная игрушка, Талисман на успех;* кит. *Друг в памяти, Мать (母亲), Непослушный олененок (调皮的小鹿), И учитель, и подруга (亦师亦友), Мао Хай Цзи (毛孩子) (в*

китайском языке это прецедентный оним, называющий мать беспечного ребенка).

Фото 2: рус. *Мудрец, Слово на кончике кисти, Мудрость, запечатленная и сохраненная на бумаге;* кит. *Чуть-чуть художник (小小艺术家); Кости Лю и мышцы Янь 柳骨颜筋 (фразеологизм, которой используется для описания уникального стиля каллиграфии человека и апеллирует к именам известных древнекитайских мастеров двух различных стилей изображения иероглифов. Каллиграфия Янь Чжэньдина известна своими толстыми и округлыми штрихами. Стиль Лю Гунцюаня отличается силой и мощью).*

Этот тип представлен в русском и китайском материале примерно в равной степени: 5 русских, 5 китайских номинаций. При этом в русских номинациях активнее выделяется неживой объект, а номинации человека представлены слабее; в китайских же номинациях названия по субъекту и объекту примерно сбалансированы.

1.3. *Номинации по эмоциям объектов*

Эта подгруппа также относится к отсубъектным номинациям, однако здесь для номинаторов важным является представить, эмоции и чувства персонажей фотографий – и именно это становится мотивировкой присваиваемого названия.

Фото 1: рус. *Трепет, Нежность, Игрушечная нежность (по данной мотивировке – «игрушечная» понимается как направленная на игрушку, без концепции неискренности), Ностальгия. Детство;* кит. *Одиночество (孤单), Любовь?, Сила жизни (生命的力量) (мотивировка «Силу жизни можно ощутить по выражению лица этой женщины и властным жестам»).*

Фото 2: рус. *Усердие, Усердие и порядок, Терпение;* кит. *Покой (安静).*

В этой группе представлено большее количество русскоязычных номинаций.

2. Номинации, акцентирующие ситуацию.

2.1. *Собственно номинация ситуации*

Данный вид номинации придает большее значение обстоятельствам и ситуации, изобра-

женным на фотографии. Поскольку ситуация не является четко понятной и определенной, представляет интерес интерпретация ее номинатором.

Фото 1: рус. *Урок, Попытка научить, Передача знания, Контакт, Прикосновение к прекрасному, Разговор по душам, Разговор двух друзей, Детская игра, Театр*; кит. *Тихое общение (无声的交流), Приказ (勒令), Молчание (默), Игра (玩耍), Жученье (训斥)* (можно перевести этот иероглиф при помощи русского просторечного экспрессивного глагола *жучить* 'воспитывая, ругать' и существительного образованного от него), *Проповедь (说教)*.

Фото 2: рус. *Запись жизни, Ремесло, Изучение иероглифов*; кит. *Штудировать (钻研), Любимое дело (爱好)*.

2.2. Номинация ситуации через речь

В данном случае ситуация представлена словоно через речь одного из участников, в «диалоге». К такому типу относятся номинации только Фото 1: кит. *Молчи! Иначе я тебя побью* (再说话揍你); рус. *Береги все наши секреты*, что обусловлено свойствами номинируемого объекта. Поскольку на Фото 2 изображен только один человек, предположить диалог для номинатора становится сложнее, и эта модель не используется.

2.3. Номинация ситуации с точки зрения объекта

В этой группе представлены онимы, при создании которых номинатор словно встает на позицию объекта, изображенного на фотографии (грамматическим показателем этого служит использование 1 лица личного местоимения или глагола).

Фото 1: кит. *Меня отругали*.

Фото 2: рус. *Пишу мемуары*.

2.4. Номинация по действию объекта

Для Фото 1 эта группа представлена тремя китайскими номинациями, описывающими жест, запечатленный на фотографии: кит. *Указывает на ее голову (指它头), Поцелуй на ночь (晚安吻), Поцелуй Буэнос-Айреса (布宜诺斯艾利斯之吻)*. При этом две последних номинации представляют собой интерпретации происходящего, первая же является объективным обозначением жеста.

Для Фото 2 такие номинации двусоставны и включают в себя обозначение субъекта действия и самого действия: рус. *Монах пишет, Китайский старец, пишущий иероглифы*; кит. *Дедушка пишет каллиграфию (写书法的老爷爷), Старик пишет (老人写字)*.

2.5. Номинация по обстоятельствам ситуации

Эта подгруппа представлена только в номинациях Фото 2: рус. *Институт Конфуция*; кит. *Приятный послеобеденный час (惬意午后), Годы тихие и хорошие (岁月静好)*.

2.6. Символическая номинация

Изображение на фотографии начинает восприниматься номинатором как символ определенной идеи. Также представлены только номинации Фото 2: рус. *Каллиграфия сквозь века, Да не умрет традиционная письменность, Мудрость в веках, Мудрость, Передача мудрости, Как не быть молоком* (название песни, исполняемой музыкальной группой «Синекдоха Монток»); как отмечает номинатор, эта песня содержит восточные мотивы, и в ней говорится о встрече в прошлых жизнях. «И каллиграфия старого мастера тоже про встречу прошлых жизней с его»; кит. *腹有诗书气自华* (строка из классической китайской поэзии, стихотворения поэта династии Сун Су Ши «Прощание с Донг Чуанем»). Значение выражения – образованность и эрудированность обязательно проявляется в изысканных манерах), *Элегантность никогда не выходит из моды (优雅永不过时),淡泊名利* (фразеологизм со значением 'быть безразличным к богатству и славе'), *Наследование (传承), Исчезающее искусство (消失的艺术), Старые руки. Новое слово (老手新字), Магия любви (热爱的魔法)*.

Для обеих культур общей символической идеей становится передача опыта и знания (рус. *Передача мудрости, Каллиграфия сквозь века, Да не умрет традиционная письменность* кит. *Наследование*). Также для носителей русской лингвокультуры повторяющейся идеей является *мудрость*, а для носителей китайской лингвокультуры такой идеей становится *изысканность манер*.

При номинации китайские респонденты в несколько большей степени склонны выделять объект (14 номинаций – при 9 русских), у русских же респондентов можно отметить тенденцию к номинации ситуации.

Также особенностью китайских номинаторов является «объективная» номинация, выраженная в стремлении к безоценочному именованию; русские респонденты предпочитают номинацию, содержащую оценку и/или символическую номинацию. При этом для номинации Фото 1 у носителей русской лингвокультуры отмечается больше названий, содержащих коннотацию положительной оценки (напр., *Нежность, Разговор двух друзей, Разговор по душам*), а у носителей китайской лингвокультуры встречается больше номинаций, содержащих отрицательную оценку (напр., *Молчи! Иначе я тебя побью!*; *Жученье*). Причина такой совершенно противоположной ситуации может быть связана с тем, что китайские студенты при оценке ситуации больше обращали внимание на жест (рука держит игрушку за шею, а другая «грозит» пальцем), а русские

студенты больше при восприятии ситуации ориентировались на выражение лица женщины.

Можно с осторожностью предположить, что для китайских студентов мимика не оказалась значимым фактором из-за того, что в силу разницы фенотипов она является незнакомой и хуже прочитывается, и понимается. Это также подтверждается номинациями Фото 2, где китайские респонденты отмечают изысканность жестов мужчины (кит. *Элегантность никогда не выходит из моды*, а также номинация через строку стихотворения, упоминающую изысканные манеры); для русских же респондентов эта информация не является значимой и, по-видимому, не распознается.

При номинации фотографий, апеллирующих к родной культуре, китайские респонденты активнее используют номинации, отсылающие к прецедентным текстам, «расширяя», таким образом культурный фон, стоящий за изображением.

Список литературы

1. Гридина, Т. А. Предметные эталоны образной номинации в сознании диалектоносителя

/ Т. А. Гридина. – Текст : электронный // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. – 2013. – №11. – С. 141–147. – URL: <http://journals.uspu.ru/attachments/article/1870/14.pdf> (дата обращения: 25.04.2023).

2. Гридина, Т. А. Методы психолингвистических исследований: теория, практикум, тренинги : учеб. пособие. – 2-е изд., стер. / Т. А. Гридина, Н. И. Коновалова. – Москва : Флинта, 2021. – 360 с. – Текст : непосредственный.

3. Малых, В. : [электронный фотоальбом] / В. Малых. – URL: https://vk.com/album16558511_220819913 (дата обращения: 12.10.2023). – Изображение : электронное.

4. Рут, М. Э. Образная номинация в русском языке / М. Э. Рут. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1992. – 148 с. – Текст : непосредственный.

5. Шклярова, О. : [электронный фотоальбом] / О. Шклярова. – URL: https://vk.com/album100101839_00 (дата обращения: 10.02.2023). – Изображение : электронное.

DOI: 10.47475/9785727119631_347

A.B. САВЧЕНКО / A.V. SAVCHENKO

*Государственный университет Чжэнчжи
(Тайбэй, Тайвань)*

M.C. ХМЕЛЕВСКИЙ / M.S. KHMELEVSKY

*Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)*

ЛЕКСИЧЕСКИЕ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИДИШИЗМЫ В «ОДЕССКОМ ЯЗЫКЕ»

LEXICAL AND PHRASEOLOGICAL YIDDISHISMS IN THE “ODESSAN LANGUAGE”

Аннотация

В статье рассматривается вопрос влияния идиша на формирование уникального языкового и культурологического феномена – так называемого «одесского языка». Становление данного языкового образования – особого городского койне – во многом происходило под влиянием синтаксических, лексических и иных грамматических черт идиша. В качестве наглядных иллюстраций приводятся как материалы словарей, так и фиксации из живой разговорной речи одесситов, а также из художественной литературы. В нашей статье с лингвистической и культурологической сторон анализируется языковой код Одессы, который глубоко вошел в современную русскую культуру и стал неотъемлемой ее частью. Его маркированная узнаваемость, сформированная в том числе и под влиянием русско-украинско-идишской языковой конвергенции, а также характерная интонация, слова и выражения до сих пор являются предметом создания комического и имитируются как в русском кинематографе, литературе и массовой культуре. Однако корни этого языкового феномена уходят далеко в глубь прошлого века, и их невозможно проанализировать без привлечения идиша, оказавшего сильное влияние на это локальное городское койне, ставшее одновременно частично концептуальным для современной русской культуры. В первую очередь речь идет об узнаваемости одесского го-

вора в русском сознании, и, как следствие, средства создания комического эффекта, что во многом по своему происхождению отсылает к идишу, чему и посвящена настоящая статья.

Abstract

The article examines the aspect of the influence of Yiddish on the formation of a unique linguistic and cultural phenomenon – the so-called “Odessan language”. The formation of this linguistic code, which is a special urban koine, was largely influenced by the syntactic, lexical and other grammatical features of Yiddish. As concrete illustrations, both dictionary materials and recordings from the spoken language of residents of the Odessa city, as well as from fiction, are provided. Past and present situation, which is firmly rooted in modern Russian culture and has become an integral part of it. Its marked recognition by the native Russian people, characteristic intonation, words and phrases are not disputed and are still the subject of comic creation, they are imitated in Russian cinema and in modern mass-culture, which arose under the Russian-Ukrainian-Yiddish language congruence. However, the roots of this phenomena go far into the depths of last century, which our article is devoted to.

Ключевые слова: городской интердиалект, идиш, русский язык, языковой код, одесское койне, межъязыковая интерференция.

Keywords: Urban interdialect, Yiddish, Russian, Language code, Odessa koine, Interlingual interference.

Язык миллионного города на юге Украины представляет собой уникальный феномен межъязыковой интерференции и конгруэнции не только с лингвистической, но и с культурологической точек зрения. И здесь мы можем говорить об уникальности одесского интердиалекта, несмотря на то что само явление городского койне довольно часто встречается в славянском мире: сравним, например, городские койне Киева, Львова, Праги, Загреба, Любляны [Кузнецова, Савченко, Хмелевский, 2018].

В чем же уникальность именно одесского койне? Прежде всего, отметим, что ни один из вышеперечисленных койне не оказал такого сильного влияния не только на общенациональные литературные украинский, чешский, хорватский и словенский языки, соответственно, но и на другие близкородственные языки, как одесский городской интердиалект – на лингвокультурную ментальность, не только украинскую, но и русскую. В русской культуре и русском сознании, несомненно, одесская «ломка» и искажение литературной нормы русского языка является узнаваемым языковым кодом носителей русского менталитета и, как правило, «одним из специфических маркеров для создания юмористического эффекта в той или иной коммуникативной ситуации» [Ефименко, 2012, с. 184].

Однако городское койне «Южной Пальмиры» стало частью русской культуры, в подтверждение чего достаточно вспомнить творчество А. С. Пушкина, частично овеянное атмосферой этого города («Я жил тогда в Одессе пыльной»), произведение И. Э. Бабеля «Одесские рассказы», культовый роман И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев», ставшую концептуальной фразу «Жемчужина у моря» автора – одессита М. Табачникова, произведения А. Ахматовой, А. Грина, А. Ку-

прина, К. Паустовского, В. Катаева или русскоязычного писателя еврейского происхождения и носителя идиша – Шолом-Алейхема, а также песенное творчество М. Бернеса и Л. Утесова, кинематографические шедевры С. Эйзенштейна, А. Довженко, К. Муратовой, С. Урсюляка и многих других, где Одесса выступает в качестве одного из персонажей, современную российскую юмористическую сценарную культуру. Этот перечень можно продолжать бесконечно, тем более, что уже само название города – Одесса – у представителя русского лингвокультурологического пространства вызывает целый ряд характерных комических образов, языковых и стереотипных ассоциаций, ставших неотъемлемой частью русского культурного фона как определенный и при этом узнаваемый, априорно ассоциируемый именно с Одессой (причем с явной аллюзией на еврейскую культуру) национальный код.

Таким образом, оказывается весьма затруднительно провести параллель с каким-либо другим явлением в славянском мире, схожим с одесским языковым конгломератом, оказавшим столь значительное воздействие на межкультурный континуум в рамках как самого украинского языка, так и близкородственного русского пространства. Практически любому представителю русской культуры будут узнаваемы и экспрессивно маркированы, например, такие уже ставшие прецедентными выражения, как: *тут вам не там; две большие разницы; не делай мне нервы; я вам не скажу за всю Одессу; скорее нет, чем да; я пошла купаться в души*, или разговорные спонтанно авторские, образованные по узнаваемым структурно-синтаксическим, лексико-грамматическим моделям, например: *У мене сегодня празник. – Так у мене тоже не сорок дней!; Жэницина, не загораживайте мне покупателя, а то встала, мені*

тут як мавзолей; Торговля не идет, сижу як та золота рыбка у разбитого корыта; У мене того лука з грядки у этом году – як миллион алых роз; Я сьогодні губки помадкой отреставрировала; У нього вже лысинка на лбу выросла; О, знакомые люди... люди в Голливуде; Я маньяк-трудолюбик... и многие другие.

Будучи ограниченными объемом настоящей статьи, вкратце поясним, в чем суть этой языковой и экстралингвистической «жемчужины у моря»? Язык Одессы не может быть назван ни украинским, ни русским; с лингвистической точки зрения, это особое городское койне, сформировавшееся в результате языковой конвергенции вследствие исторических причин: Одещина со времен Екатерины II была и остается «плавильным котлом» разных культур и языков: русского, украинского, болгарского, молдавского и румынского, гагаузского и идиша [Арефьева, 2000]. Именно влиянию последнего на разговорную речь старой Одессы уделяется особое внимание в настоящем исследовании, причем здесь следует оговориться, что в нашем случае затрагивается исключительно городское койне, а не южноукраинские говоры самой большой области Украины – Одесской, которые должны рассматриваться в иной ретроспективе, т.е. в рамках украинской диалектологии и языковой многокодности.

Как известно, идиш, который является германским языком, стал формироваться еще в X в. в результате конгруэнции германских языков (около 70% он состоит из лексики немецкого происхождения), иврита, а также тех языков, в среде носителей которых проживали евреи (в нашем случае – русского и украинского). Наплыв евреев в Одессу, находившуюся в Царской России, за чертой оседлости, относится к середине 19-го века. С тех пор начинается процесс языковой конвергенции городского языкового койне Одессы под влиянием вышеуказанных языков [Баранник, 2015]. В чем же заключается специфика юмористического эффекта неподражаемого «одесского» коммуникативного кода, так глубоко проникшего и в русское сознание? В первую очередь – это соединение украинского и еврейского менталитетов, способов мышления и восприятия действительности, которые значительно отличаются от русского мироосознания и рецепции (ср. традиционные русские концепты, не переводимые на другие языки, как, например, «тоска», «душа» или «воля») [Хмелевский, 2017; Вежбицкая, 1996].

Приведем лишь несколько наиболее иллюстративных примеров идишизмов, вошедших в язык одесского городского койне, ставшие маркерами языка этого города, а также узнаваемые

в современном русскоязычном сознании, однако всегда территориально соотносимые с «одесским языком», т.е. с определенным языковым кодом, или языковым вариантом функционирования русского языка с его отхождениями от литературной нормы под влиянием идиша.

1. *Я имею вам сказать пару слов*, – фраза, зафиксированная И. Бабелем в «Одесских рассказах», конструкция которой до сих пор употребительна и варьируется составом своих компонентов (букв. *иметь* + инфинитив). «Здесь нас интересует чуждое русскому языку, но характерное для русских евреев, под влиянием идиша, наличие глагола *иметь* в модальной синтаксической функции, выражающей обязанность, желание, возможность, долженствование» [Ścibor, 2019, с. 113]. Сравним синтаксическую «формулу» по происхождению из идиша: *Ikh hob tsu zogn*, которая естественно легла на украинскую (*маю сказати*), и тут влияние идиша можно оценить как функцию катализатора языковой конструкции. В результате в быту и на улицах Одессы нами были замечены такие фиксации, как: *А ну бежи домой, тетя Соня скоро имеет припереться; Завтра погода имеет быть хорошая; Я вам сегодня не имею ничего предложить; Шо у нас завтра имеет быть у кино?; Я имею тебе шо-то сказать и т.п.* [Савченко, Хмелевский, 2020].

2. Артикль в идише, характерный для идиша как каждого германского языка, спровоцировал актуализацию употребления славянских местоимений в аналогичной функции определенности в разговорной одесской разговорной речи, например: *Я иду на то море; Вчера встретила ту соседку; Смотрел на ту луну; Той грязь мне раздражает* (причем лексема *грязь* может употребляться в мужском роде опять-таки под влиянием идиша, где *der brud* – мужского) [Смирнов, 2008].

3. В рамках рассматриваемой темы вспомним строку из прецедентной в русской культуре песни *Я вам не скажу за всю Одессу*, конструкция которой является вполне узнаваемой носителями одесского интердиалекта. Не характерное для литературного русского языка предлога *за* является влиянием идиша, где *far* имеет значение не только «для», но и «про» / «о». В русском просторечие это употребление пришло через посредство украинского языка, наиболее распространенное и актуализированное именно в одесском койне под влиянием идиша, где можно услышать такие фиксации, как, например: *Мне за ваши проблемы глубоко не интересно; за шо вы хотите знать?; Я спросил за сделать фотографии*, или: *Хто тут за хозяина?* в значении не «вместо», а как калька идишского *far* в значении «в качестве» (ср. усеченную идишскую конструкцию *makhn*

far emetsn). Здесь же стоит упомянуть о неразличении лексем *зачем* и *почему*, при этом узуальное предпочтение в разговорной речи отдается первой: *Зачем ты така весела?; Зачем сегодня море холодное?* Среди особых «одесских» синтаксических конструкций стоит отметить употребление предлога *об*, как во фразах из И. Бабеля: *Он думает об выпить стопку водки и об дать кому-нибудь по морде*, что является буквальной калькой из идиша, ср. *Er trakht vegn oysdrinkn, vegn shlogn emetsn*, где после предлога *vegn* следует инфинитивная форма глагола.

4. Лексика, проникшая в русский язык из идиша, также является результатом влияния речи евреев-ашкеназов, проживавших в Одессе (и шире – за чертой оседлости в Царской России) и переходивших на русский язык, считавшийся тогда более престижным языковым кодом, а именно – маркером состоятельного и образованного жителя крупного города, только со специфическими чертами, привнесенными как следствие идишско-русско-украинской конгруэнции [Степанов, 2013]. Таким образом, в русское просторечие, жаргон и литературный язык стали проникать такие лексемы, которые сегодня уже не воспринимаются как чуждые, например: *amac* (идиш *atus* – «внимание, приготовиться»), *кагал* (идиш *kahal* – «толпа»), *кодла* и *кидала* (идиш *kedale* – «бедный, нищий»), *лох* (идиш *lahut* – «жадный»), *малина* в значении «притон» (идиш *malon* – «приют, ночлежка»), *мусор* в значении «милиционер» (идиш *moser* – «предатель, доносчик»), *халява* (идиш *халав* – «молоко»), *хана* (идиш *hana* «привал, конец пути»), *шмон*, *шмонать* (идиш и иврит *shmon* – «восемь», метафора возникла, т.к. в Царской России в тюрьмах проводили обыски в 8 вечера во время ужина заключенных) и т.п. В рамках рассмотрения лексического уровня «одесского языка» нельзя не упомянуть ставшего его маркером, хорошо узнаваемым далеко за пределами Одессы и часто используемого для иронической имитации городского койне – частицы *таки*. По своему происхождению – это явный идишизм (идиш *take* – «все-таки, все же»), который легко легла на славянскую почву (укр. *таке*) и со временем вошел в обиход русского языка Одессы в районах плотного расселения евреев – русско-идишских билингов. Вспомним широко известное носителю русской культуры *таки да!*, или фиксации из разговорной речи: *Мойша-таки женился на Соне; таки я предупредил; Куда едешь? – Таки на Молдованку* и т.д. [Смирнов, 2003].

Таким образом, сделаем вывод о том, что для носителя идиша, переходившего в XIX в. на русский, стремление говорить на литературном языке не являлось принципиальным, как в случае с

другими языковыми ситуациями, где достижение нормативности является социолингвистическим маркером образованности или элитарности. Вследствие этого начиная с переселения евреев в южные регионы Царской России, в частности в Одессу, формируется так называемый «одесский язык» с сильно расшатанной русской литературной нормой, что стало отличительным признаком этого городского койне, как, например, из фиксаций разговорной речи: *Мадам, ваша нога у меня попереk горла стала* (в маршрутке); *Рыба така вкусная, шо усю неделю будете изображать радость; я еду в автобусе как та селедка в собственном поту; у мене диван такой старый – ще Керенский на ньому ночував; загадайте природу на завтра; Та не замацай мне платье – його вже даже моль не хоче їсти* и многие другие, перечисление которых может стать материалом для отдельного лингвистического исследования разговорной речи [Смирнов, 2003; Савченко, Хмелевский, 2020].

Итак, в настоящей статье мы представили краткий обзор наиболее иллюстративных языковых черт одесского койне. Нашей целью был не полный лингвистический анализ городского интердиалекта, который в ходе времени значительно менялся, а лишь попытка представить и прокомментировать наиболее иллюстративные языковые факты, которые под влиянием идиша маркировали такое уникальное языковое явление, как «одесский язык», и которые благодаря Одессе – различным прецедентным феноменам культурологического и вербально-лингвистического характера, связанных с этим городом и его мультикультурностью, проникли в современный русский или русское просторечие, став либо широко узнаваемыми и порой даже не воспринимаемыми как идишизмы.

Список литературы

1. Арефьева, Н. Г. Словарь русских говоров Одесщины / Н. Г. Арефьева. – Одесса : Астро-Принт, 2000. – 377 с. – Текст : непосредственный.
2. Баранник, Л. Ф. Лексика русских переселенческих говоров Одесской области, функционирующих в разноязычном окружении : учеб. пособие / Л. Ф. Баранник. – Одесса : ОНУ им. И. И. Мечникова, 2015. – 122 с. – Текст : непосредственный.
3. Вежбицкая А. Семантические универсалии и «примитивное мышление» // Язык. Культура. Познание. – М, 1996. – С. 29-325. – Текст : непосредственный.
4. Ефименко, Т. Н. Взаимодействие лингвокультурных кодов в процессе межкультурной

коммуникации / Т. Н. Ефименко // Известия вузов. Серия : «Гуманитарные науки. Филология и лингвистика. – Иваново : ИГПУ, 2012. – № 3(3). – С. 181-191. – Текст : непосредственный.

5. Кузнецова, И. В., Савченко, А. В., Хмелевский, М. С. Киевский суржик как феномен украинской городской речи (на примере комедии М. П. Старицкого «За двумя зайцами») / И. В. Кузнецова, А. В. Савченко, М. С. Хмелевский // Вестник Чувашия государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – № 4. – Чебоксары : ЧГУ, 2018. – С. 92-103. – Текст : непосредственный.

6. Савченко, А. В., Хмелевский, М. С. Язык современной Одессы как феномен городской речи (с культурологическими комментариями) / А. В. Савченко, М. С. Хмелевский // Социо- и психолингвистические исследования. – Вып. 8. – Пермь : ПГНУ, 2020. – С. 86-92. – Текст : непосредственный.

7. Смирнов, В. П. Большой полутолковый словарь одесского языка / В. П. Смирнов. – Одес-

са : Друк, 2003. – 485 с. – Текст : непосредственный.

8. Смирнов, В. П. Одесский язык / В. П. Смирнов. – Одесса : Полиграф, 2008. – 95 с. – Текст : непосредственный.

9. Степанов, Е. Н. Русская городская речь в полилингвокультурном пространстве Одессы : специальность 10.02.02 «Русский язык» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. Н. Степанов. – Киев : КГУ, 2013. – 21 с. – Текст : непосредственный.

10. Хмелевский, М. С. «Языковой портрет» современной Украины – социолингвистический аспект / М. С. Хмелевский. // Komunikacja specjalistyczna. – Warszawa : UW, 2017. – S. 79-105. – Текст : непосредственный.

11. Ścibor, A. «Я имею вам сказать пару слов». Об идишизмах в *Одесских рассказах* Исаака Бабеля и польском переводе / А. Ścibor // Studia Litteraria Univesitatis Jagellonicae Cracovenssis – 14 (2019). – Kraków : UJ, 2019. – S. 111-121. – Текст : непосредственный.

DOI: 10.47475/9785727119631_351

В.А. СМІРНОВА / V.A. SMIRNOVA

*Тихоокеанский государственный университет
(Хабаровск, Россия)*

ФРАНЦУЗСКИЕ ПАРЕМИИ С ЛЕКСЕМОЙ «ARGENT» КАК СРЕДСТВО ОТРАЖЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО МИРОПОНИМАНИЯ

FRENCH PAREMIES WITH THE “ARGENT” LEXEME AS THE MEANS OF REFLECTING NATIONAL WORLD PICTURE

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению французских паремий с лексемой «argent» (в значении «деньги») с точки зрения теоретического осмысления паремий в современной лингвистике, а также в лингвокультурологическом и лингвоаксиологическом аспектах. В статье сначала уделяется внимание отсутствию общего согласия относительно определения паремии и пословицы и анализируются причины этого. Далее в статье основное внимание уделяется семантическому анализу паремий с компонентом «argent» с целью выявления места денег в системе ценностей отдельного человека и общества в целом. Установлено, что паремии содержат суждение о том, что деньги являются необходимой для жизни материальной ценностью, но с точки зрения нравственных норм они становятся добром или злом в зависимости от нравственного или безнравственного отношения к ним человека. Деньги оцениваются как добро, если они честно заработаны, разумно расходуются, обеспечивают благосостояние человека и являются движущей силой общества. Деньги оцениваются как зло, если они получены нечестным путем, становятся причиной жадности и социального неравенства. Нейтральная и противоречивая оценка роли денег состоит в признании плюсов и минусов обладания богатством и указании на то, что деньги – не главная ценность.

Abstract

The article is devoted to the examination of French proverbs with the “argent” lexeme, (meaning “money”), from the point of view of theoretical understanding of proverbs in modern linguistics, as well as from linguaxiological and linguoculturological aspects. The article first focuses on the lack of general consensus

around the definition of paremia and proverb and analyzes the reasons. Next, the article focuses on the semantic analysis of paremias with the «argent» component in order to identify the place of money in the value system of an individual and society as a whole. It has been established that proverbs contain the judgment that money is a material value necessary for life, but from the point of view of moral norms, it becomes good or evil depending on a person's moral or immoral attitude towards it. Money is valued as good if it is honestly earned, wisely spent, ensures human well-being and is the driving force of society. Money is considered evil if it is obtained dishonestly and becomes the cause of greed and social inequality. A neutral and controversial assessment of the role of money is to recognize the pros and cons of having wealth and point out that money is not the main value.

Ключевые слова: паремия, деньги, семантика, лингвокультурология, паремиология, оценка, ценность.

Keywords: paremia, money, semantics, linguoculturology, paremiology, evaluation, value.

Введение

Французский язык хранит огромное паремиологическое наследие, о чем свидетельствуют многочисленные сборники паремий, в которых, как в зеркале, отражаются видение мира, обычаи и история народа.

Паремии представляют большой интерес для фольклористов, этнографов и лингвистов. Исследованию паремий на материале русского и французского языков в синхронии и диахронии посвятили свои работы Г. Л. Пермяков, В. Н. Телля, В. М. Мокиенко, Л. Б. Савенкова, Ж.-К. Анкомбр, Ж. Клебер, Х. Севилья Муньос и др. [6; 7; 8; 9; 10; 11; 16]. Ученых интересовали вопросы истории возникновения и развития паремиографии, проблемы, связанные с дефиницией и классификацией паремий, изучением их структурного многообразия [1; 2; 3; 5].

Особое внимание в современной паремиологии уделяется национально-культурным особенностям паремиологических единиц как вербальным средствам выражения, хранения и передачи стереотипов миропонимания. В этой связи представляется актуальным рассмотрение французских паремий с лексемой «argent» (в значении «деньги») с точки зрения отражения ими этнокультурно-стереотипной оценки места денег в системе ценностей отдельного человека и общества в целом.

Цель данной работы – описание семантических особенностей французских паремий с лексемой «argent» и выявление значимости денег в системе ценностей французской лингвокультуры.

Материалом исследования послужили 100 паремий, полученные методом частичной выборки из ряда лексикографических источников [12; 13; 14; 15]. Часть примеров представлена вариантами, имеющими тождественную семантическую структуру, которые выполняют те же синтаксические и стилистические функции, но незначительно различаются по лексическому составу. В примерах, цитируемых в статье, сохранена орфо-

графия источников.

В работе применялись следующие методы исследования: метод научного наблюдения, описательный метод, метод словарных дефиниций, интерпретативный анализ и элементы аксиологического анализа, позволяющего обнаружить зафиксированные во французской лингвокультуре явные и скрытые оценочные смыслы по отношению к деньгам.

Основная часть

Несмотря на давний интерес к изучению паремий, паремиология до сих пор является предметом типологических и терминологических споров: не существует общепринятого определения паремии, не решены вопросы разграничения понятий «пословица» и «поговорка».

Основные причины отсутствия консенсуса разнообразны: изучение паремий и в первую очередь пословиц является в высшей степени междисциплинарным занятием, и исследователи имеют разные методы, мнения и потребности. К определению пословицы существует множество подходов: семантический, прагматический, стилистический, социологический, фольклорный и ряд других. Некоторые исследователи считают, что дать определение пословицам невозможно из-за их неустойчивого характера, потому что референт зависит от ситуации [Viellard, 2016, p. 7-17].

Во Франции лингвистическое исследование сентенций, изречений поучительного характера, было предметом многочисленных конференций и публикаций. Следует отметить, что лингвистика занималась паремиологией в нескольких направлениях, включающих, в том числе, формальный анализ стереотипов и разработку терминологии. Известно, что термин не допускает многозначности. Однако, лексема «proverbe» (пословица) обозначала и до сих пор обозначает множество типов высказываний, что приводит к путанице в употреблении этого термина. В то же время существует несколько средств обозначения высказываний поучительного характера (proverbe,

dicton, sentence, maxime, adage, apophtegme, и т. д.), и различие между этими разными формами породило многочисленные исследования. Чтобы устранить двусмысленность, был введен гипероним: *la parémie* (паремия), обозначающий любое краткое высказывание более или менее поучительного характера. Преимущество этого термина заключается в том, что он соответствует названию дисциплины, которая его поддерживает [Villers, 2022, URL].

В данной работе термин «паремия» используется для обозначения законченного высказывания, имеющего форму простого или сложного предложения, полного или эллиптического, выражающего определенное умозаключение и имеющего прямое или переносное значение. Паремии представляют собой коллективный продукт, результат социальной практики, они вводятся в речь с целью получения определенного прагматического воздействия на реципиенты, на ситуацию общения.

Как показало проведенное исследование, французские паремии с лексемой «*argent*» касаются важнейших сфер жизни человека: материальной и духовной. Они являются средством оценки роли денег в жизни отдельного человека и общества в целом, а также характеризуют человека через призму его отношения к деньгам. Оценка дается в соответствии с представлениями о добре и зле, в рамках бинарной оппозиции «хорошо – плохо», включающей промежуточные оценки, образующие своеобразную оценочную шкалу.

Исходя из характера оценки паремиями роли денег, представляется возможным разделить имеющиеся примеры на три группы: паремии, содержащие положительную, отрицательную и неоднозначную (противоречивую) оценку, находящуюся в нейтральной зоне. В каждой группе в результате анализа смыслового содержания паремий выявлено несколько семантических подгрупп.

1. Паремии, дающие положительную оценку роли денег и, соответственно, отрицательно оценивающие их отсутствие, можно разделить на несколько семантических подгрупп, общий смысл которых сводится к следующим утверждениям:

- деньги – материальная ценность, важный элемент материального благополучия человека, движущая сила общества, это сила и власть, дающая большие возможности: *L'argent régit le monde* (Деньги правят миром) (здесь и далее – перевод автора статьи. – В. С.); *Dieu est le maître du ciel, et l'argent le maître de la terre* (Бог – хозяин на небе, а деньги – хозяин на земле); *Se qu'argent ne fait, diable ne peut* (Чего не делают деньги, того не

может и дьявол); *L'argent est un bon passe-partout* (Деньги – это ключ ко всему);

- деньги делают человека счастливым: *Argent contant rend l'homme content*;

- человек, у кого есть деньги, весел, охотно прыгает и танцует, а в переносном смысле – ему есть чему порадоваться, он имеет все: *Qui a de l'argent a des pirouettes*;

- чтобы добиться успеха, любое дело должно быть правильно профинансировано: *Argent comptant fait plaider avocats*; *L'argent est le nerf de la guerre*;

- у кого достаточно денег, у того достаточно друзей и родственников: *Qui a assez d'argent, a assez d'amis et de parents*;

- деньги – результат труда, их нужно зарабатывать, это не всегда легко: *Pour qui ne met peine et sueur, point d'argent et point de pain* (У тех, кто не прикладывает усилий и не проливает пота, нет ни денег, ни хлеба);

- деньги нужно зарабатывать, а не занимать: *Argent d'autrui n'enrichit pas* (Чужие деньги богатым не сделают); *Argent comptant porte médecine, argent emprunté porte tristesse* (Наличные деньги приносят лекарство, заемные деньги приносят печаль);

- деньги нелегко заработать, но можно быстро потратить, вы никогда не вернете потраченные деньги, деньги – это эфир: *L'argent vient clopincloquant, et il s'enfuit en galopant*; *L'argent n'a pas de queue*; *L'argent c'est de l'éther*; *L'argent va et vient comme la marée* (Деньги приходят и уходят как прилив);

- деньги должны работать: *Argent bien placé vaut mieux qu'économie mal entendue* (Хорошо вложенные деньги лучше, чем неправильно понятая экономия); *Avoir de l'argent sans savoir en jouir, c'est posséder la clef d'un palais commode dont on s'interdit l'entrée* (Иметь деньги, не умея ими наслаждаться, – значит владеть ключом от комфортабельного дворца, вход в который воспрещен);

- и в то же время деньги нужно накапливать и надежно хранить: *L'argent est plat pour s'entasser*; *Argent caché dure longtemps* (Спрятанные деньги хранятся долго).

В паремиях поощряются сбережения, экономное расходование денег, порицаются расточительность, неумение управлять деньгами, привычка тратить их без необходимости: *Un homme bourreau d'argent le ménage mal, il le prodigue sans nécessité*; *L'argent est plat pour l'amasser*; *Celui qui a épargné argent et n'en sait user sobrement, il en aura faute*.

Паремии содержат также предостережения о негативных последствиях отсутствия денег у человека:

- без денег вы ничего не получите, без оплаты не оказывается услуга: *Point d'argent, point de Suisse* (устаревшая); *On ne fait rien pour rien; Point d'argent, point de messe; Compte sans argent, est musette sans vent* (Счет без денег, волынка без воздуха); *Un homme sans argent est un loup sans dent* (человек без денег – волк без зубов);

- человека с деньгами все встречают радушно, с бедняком обращаются как с животным: *Qui a argent on lui fait fête. Qui n'en a point n'est qu'une bête.*

Как видно из приведенных примеров, паремии оценивают деньги не только как экономический инструмент, обеспечивающий безбедную жизнь, власть и уважение окружающих, но и затрагивают нравственный аспект приобретения богатства: деньги должны быть заработаны собственным трудом, к ним следует относиться разумно.

2. Паремии, дающие отрицательную оценку влиянию денег на человека, представлены несколькими семантическими подгруппами, содержащими следующие умозаключения:

- деньги сильнее человека, заставляют его забыть о моральных принципах, неважно, каков источник денег, главное, чтобы они были. Деньги, заработанные нечестным путем, не выдают своего происхождения: *l'argent n'a pas d'odeur* (Деньги не пахнут);

- наличие или отсутствие денег делят людей на богатых и бедных; богатые предпочитают общество себе подобных: *L'argent va à l'argent* (Деньги идут к деньгам);

- богатство, денежные отношения разрушают дружбу: *Riche homme ne sait qui lui est ami* (Богатый человек не знает, кто его друг); *Qui prête de l'argent sans garantie perd l'ami et l'argent* (Кто одалживает деньги без залога, теряет друга и деньги);

- если деньги являются самоцелью, человек становится их рабом, теряет разум: *L'argent fait fou les gens; Argent fait rage, amour, mariage; Argent ardent* (Деньги сжигают людей). В этой паремии наблюдается игра слов, а лексема *ard* – форма третьего лица единственного числа настоящего времени вышедшего из употребления глагола *ardre/arder* (*brûler*);

- когда у людей появляются деньги, они всегда хотят большего, становятся жадными, скупыми: *Plus on a de biens plus on a désir d'amasser rentes et argent;*

- деньги, богатство – нелегкая ноша; любой человек, особенно молодой и неопытный, владеющий деньгами или имуществом, рискует их потерять в результате разорения или кражи: *Argent frais et nouveau ruine le jeune homme;* при этом наличие богатства практически невозможно скрыть

от окружающих: *Amour, faim, fumée, toux, argent ne peuvent se cacher longtemps.*

Указанные примеры паремий говорят о том, что наличие денег может оказывать негативное воздействие на человека, лишая покоя, разрушая личность и нанося вред межличностным отношениям.

3. Паремии с неоднозначной / противоречивой оценкой роли денег говорят о том, что у богатства и бедности есть свои плюсы и минусы, все зависит от отношения человека к деньгам. Паремии отражают следующую иерархию в системе ценностей нравственного человека:

- деньги – не главная ценность, они играют второстепенную роль в жизни человека: *Se n'est pas l'argent qui fait tout* (Не деньги решают все); *L'argent ne fait pas le bonheur.* Эта паремия хорошо известна, в русском языке её эквивалент: «не в деньгах счастье». Хотя изобилие денег делает жизнь комфортнее, оно не обязательно делает счастливым своего владельца. Для счастья недостаточно иметь деньги. Народная мудрость не случайно свела понятия «деньги» и «счастье» в одном изречении. И деньги, и счастье являются объектами желаний человека, но опыт показывает, что эти два желания не всегда совместимы. Хотя существует вариант этой французской паремии с продолжением: *L'argent ne fait pas le bonheur, mais il y contribue* (Не в деньгах счастье, но они ему способствуют);

- не деньги определяют ценность человека: *C'est pas l'argent qui fait la valeur des gens;*

- друзья лучше денег: *Amis valent mieux qu'argent; Mieux vaut ami en place qu'argent en bourse;*

- верность лучше денег: *Loyauté vaut mieux qu'argent;*

- потеря денег – не худшее из зол, финансовые потери всегда можно компенсировать позже: *Plaie d'argent n'est pas mortelle* (Денежная рана не смертельна);

- деньги могут многое, но не все, все может любовь: *Argent fait beaucoup mais amour fait tout;* существует и противоположное суждение: *Amour peut beaucoup, argent peut tout* (Любовь может многое, деньги могут всё); есть и паремия, в которой уравниваются силы любви и денег: *Amour vainc tout et argent fait tout* (деньги все могут, любовь все побеждает);

- с деньгами можно решить многие проблемы, но нельзя излечить человека от порока жадности: *L'argent est un remède à tout mal, hormis à l'avarice;*

- деньги покупают все, кроме ума и сердца: *L'argent procure tout, hors l'esprit et le cœur;*

- человек, у которого нет денег, живет спокойно и крепко спит: *Qui a faute d'argent et d'or, bien repose et sûrement dort;*

- деньги – источник страданий для богатого скупца, но благословение для умного человека, умеющего ими пользоваться: *Argent à l'avare est supprime, au pauvre sage bénéfique*;

- деньги – хороший слуга, но плохой хозяин: *L'argent est un bon serviteur, mais c'est un mauvais maître*. Данная поговорка свидетельствует о противоречивой роли денег в жизни человека: деньги полезны для жизни, но они вредны, если существование полностью сосредоточено на них.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

- паремии с лексемой «argent» являются носителями стереотипных народных представлений о месте денег в системе личных и общественных ценностей;

- деньги являются необходимой для жизни материальной ценностью, но с точки зрения нравственных норм они становятся добром или злом в зависимости от нравственного или безнравственного отношения к ним человека;

- в отношении денег во французских паремиях сформулированы полярные оценки: деньги – это добро, если они заработаны честным трудом и используются во благо человека и общества; деньги – зло, если добыты нечестным путем, становятся причиной жадности и социального неравенства;

- паремии содержат также нейтральную оценку роли денег, которая состоит в признании плюсов и минусов обладания богатством и указании на приоритет таких истинных человеческих моральных ценностей, как дружба, верность, любовь и добро.

Выявленные в паремиях с лексемой «argent» культурные стереотипы являются отражением менталитета французского народа.

Список литературы

1. Денисенкова, Ю. С. Развитие концепта «Деньги» в историческом аспекте – Текст : электронный // Вестник МГИМО. 2013. №5 (32). – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitiie-kontsepti-dengi-v-istoricheskom-aspekte> (дата обращения: 02.02.2024).

2. Захарова, Л. Б. Дефиниция и классификация паремий в русском и испанском языках – Текст : электронный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – №11. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/definiitsiya-i-klassifikatsiya-paremiy-v-russkom-i-ispanskomyazykah> (дата обращения: 10.01.2024).

3. Ильина, Л. Е. Паремии в русском и французском языках: сопоставительный анализ – Текст :

электронный // Вестник ОГУ. – 2017. – №1 (201). – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/paremiy-v-russkom-i-frantsuzskom-yazykah-sopostavitelnyy-analiz> (дата обращения: 10.01.2024).

4. Когут, В. И. Proverbes et dictons de France et leurs équivalents russes : Французские пословицы и поговорки и их русские эквиваленты : Словарь французских пословиц и поговорок / В. И. Когут. – СПб. : Издательство «Антология», 2016. – 240 с.

5. Меньшакова, Н. Н. Проблемы таксономии в паремииологии – Текст : электронный // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2020. – №2. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-taksonomii-v-paremiologii> (дата обращения: 10.01.2024).

6. Мокиенко, В. М. Современная паремииология (лингвистические аспекты) – Текст : электронный // МИРС. – 2010. – №3. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-paremiologiya-lingvisticheskie-aspekty> (дата обращения: 10.01.2024).

7. Пермяков, Г. Л. Основы структурной паремииологии / Г. Л. Пермяков. – Москва : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988. – 236 с. – Текст : непосредственный.

8. Савенкова, Л. Б. Русская паремииология: семантический и лингвокультурологический аспекты / Л. Б. Савенкова. – Ростов н/Д : Изд-во Рост. Ун-та, 2002. – 239 с. – Текст : непосредственный.

9. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – Москва : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 228 с. – Текст : непосредственный.

10. Anscombe, J.-C. Proverbes et formes proverbiales : valeur évidentielle et argumentative – Текст : электронный // Langue française. – 1994. – № 102. Les sources du savoir et leurs marques linguistiques, sous la direction de Patrick Dendale et Liliane Tasmowski. – P. 95-107. – URL : www.persee.fr/doc/lfr_0023-8368_1994_num_102_1_5717 (дата обращения: 10.01.2024).

11. Kleiber, G. Les proverbes : des dénominations d'un type « très très spécial » – Текст : электронный // Langue française. – 1999. – № 123. Sémantique et stéréotype. – P. 52-69. – URL : www.persee.fr/doc/lfr_0023-8368_1999_num_123_1_6296 (дата обращения: 10.01.2024).

12. La base Proverbes (argent) – Текст : электронный. – URL : http://www2.culture.gouv.fr/public/mistral/proverbe_fr (дата обращения: 10.01.2024).

13. Le dictionnaire des proverbes et des citations françaises – Текст : электронный. – URL : <https://>

www.proverbes-francais.fr/proverbes-argent/ (дата обращения: 10.01.2024).

14. Proverbe Français parmi des milliers de proverbes et de citations – Текст : электронный. – URL : <https://citations.ouest-france.fr/citations-proverbe-francais-6937.html> (дата обращения: 10.01.2024).

15. Recueil de poésie et de citations ainsi que des proverbes – Текст : электронный. – URL : <https://www.mon-poeme.fr/proverbes-argent/> (дата обращения: 10.01.2024).

16. Sevilla Munoz, J. Les proverbes et phrases proverbiales françaises, et leurs équivalences en espagnol – Текст : электронный // Langages. – 2000. – № 139. La parole proverbiale. – P. 98–109. – URL : [https://www.persee.fr/doc/lgge_0458-](https://www.persee.fr/doc/lgge_0458-726x_2000_num_34_139_2383)

726x_2000_num_34_139_2383 (дата обращения: 10.01.2024).

17. Viellard, S. Introduction : de la parémiographie à la parémiologie. Etudes et travaux d'Eur'ORBEM. – 2016. Proverbes et stéréotypes : formes, forme et contextes, 1. – P. 7-17. hal-01417427 – URL : <https://hal.science/hal-01417427> (дата обращения: 10.01.2024).

18. Villers, D. Proverbes et parémies : problèmes définitoires et méthodologiques – Текст : электронный. // Rilce Revista de Filología Hispánica. June 2022. – URL : https://www.researchgate.net/publication/361641828_Proverbes_et_paremies_problemes_definitoires_et_methodologiques (дата обращения: 10.01.2024).

DOI: 10.47475/9785727119631_356

О.В. СУСЛОВА / O.V. SUSLOVA

Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)

С.В. МОЛОДЗИЕВСКАЯ / S.V. MOLODZIEVSKAYA

Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)

ПРОЯВЛЕНИЕ ИРЛАНДСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ В ТЕКСТАХ ПОЭМ УИЛЬЯМА Б. ЙЕЙТСА

THE MANIFESTATION OF IRISH NATIONAL IDENTITY IN THE TEXTS OF WILLIAM B. YEATS' POEMS

Аннотация

В статье анализируется проявление национального самосознания, как одна из основополагающих в творчестве ирландского поэта У.Б. Йейтса. На примере выбранных произведений автора, фокусом которых являются различные объекты ирландского культурно-исторического развития, рассматривается использование некоторых лексико-стилистических приёмов в выражении ценностно этнокультурных компонентов для формирования национального самосознания в регионе. В статье освещаются историко-политические причины современного поэту периода, оказавшие влияния на становление автора и его включение в перечень деятелей, повлиявших на возрождение национально-патриотического движения в Ирландии с конца XIX века по настоящий момент. Для данного исследования использовались работы многих известных отечественных и зарубежных деятелей гуманитарных наук. Актуальность материала данной статьи заключается в недостаточности изученности проявления национального самосознания в поэзии Уильяма. Б. Йейтса.

Abstract

The article analyses the manifestation of national consciousness as one of the fundamental in the works of Irish poet W.B. Yeats. On the example of selected works of the author, the focus of which are various objects of Irish cultural and historical development, the use of lexical and stylistic techniques in the expression of value ethno-cultural components for the formation of national consciousness in the region is considered. The article considers the historical and political reasons of the contemporary period of the poet, which influenced the formation of the author and his inclusion in the list of figures who influenced the revival of the national-patriotic movement in Ireland from the end of the XIX century to the present moment. For the research of the material of the article, the works of many famous domestic and foreign figures of humanitarian sciences were used. The relevance of the material of this article lies in the insufficiency of studying the manifestation of national consciousness in the poetry of William. B. Yates.

Ключевые слова: национальное самосознание, духовно-ценностные ориентиры, мировоззрение, поэзия, национальная идея, этнокультура, лексико-стилистические приёмы.

Keywords: national self-consciousness, spiritual and value orientations, world outlook, poetry, national idea, ethno-culture, lexical and stylistic techniques.

На территории британских островов проживает большое количество коренных народов, каждый из которых обладает своими неповторимыми чертами и этнокультурными особенностями. Национальная самобытность проявляется в устной и материальной культуре, языке, в бытовой и общественной жизни. Данные аспекты неразрывно связаны с национальным самоопределением и образом мысли народа, что закрепляется осмыслением своей этнической сущности и общности [Козлов, 1993, с. 85; Козлов, 1999, с. 201-224].

История ирландского народа чрезвычайно не проста. На протяжении многих веков население Ирландии подвергалось различным формам геноцида со стороны Великобритании. Большое количество коренных ирландцев либо эмигрировало, либо стало жертвой жестокой политики доминиона. Однако вопреки гонениям и поощрению изгнанию от собственной культуры, ирландское общество сумело сохранить свою духовную самобытность, во многом благодаря культурному феномену, ставшему известным как «Гэльское Возрождение», возникшему на рубеже XIX-XX вв. По мнению К.И. Чуковского, ирландцам, обиженным своим угнетенным положением, требовалось своеобразное самоутверждение в театральной и литературной сферах [Чуковский, 2012, с. 640]. Многие выдающиеся уроженцы Ирландии сыграли непосредственную роль в возрождении родного языка и, соответственно, культуры острова. Одним из ярчайших представителей данного движения стал Уильям Батлер Йейтс – поэт, воспевший культуру и историю своего народа в своём творчестве. По словам С.В. Надейкиной, «в произведениях художественной литературы национальный характер раскрывается через авторское восприятие окружающей действительности» [Налдеева, Надейкина, 2018, с. 127].

Национальное самосознание – это осознание народом себя как этнической общности. Согласно В.Ю. Хотинец, этническое самосознание представляет собой относительно устойчивую систему осознанных представлений и оценок, реально существующих этнодифференцирующих и этноинтегрирующих компонентов жизнедеятельности этноса [Хотинец, 2000, с. 115-116, с. 176]. Этническое самосознание имеет под собой основу из культуры и языка народа, которые в равной степени оказывают непрерывное влияние друг на друга. По словам П.А. Катыхева, самосознание открывает языковому знаку возможность для

приобщения к судьбам человечества, возводит выражающее (языковой знак в положении «актуального выразителя») до уровня полноценного существования [Катышев 2004, с. 17]. А.Н. Леонтьев утверждает, что одним из объектов, изучение которого может вскрыть особенности картины мира, присущей представителю той иной национальной культуры, может являться сознание человека, зафиксированное посредством языка, сознание, понимаемое «как открывающаяся субъекту картина мира, в которую включен и он сам, его действия и состояние» [Леонтьев, 1983, с. 166].

Н.В. Уфимцева утверждает, возможно искать особенности мироощущения и самооценки представителя той или иной культуры. «Образы сознания – это те единицы, из которых строятся национально-культурные структуры сознания. Языковое сознание не может быть объектом анализа в момент протекания процессов, реализующих его, оно может быть исследовано только как продукт бывшей деятельности, иными словами, может стать объектом анализа только в своих превращенных, отчужденных от субъекта сознания формах (культурных предметах и квазипредметах). Мы рассматриваем язык и сознание как два соотносящихся вида рефлексивного бытия человека» [Уфимцева, 1995, с. 243]. Таким образом можно заключить, что национальный язык является важнейшим условием для проявления этнической общности, следовательно, и национального самосознания, с которым впоследствии взаимодействует в паралингвистическом поле.

Английский язык на момент расцвета творчества У.Б. Йейтса являлся наиболее употребляемым в быту на острове Ирландия. Во многом данным фактом обусловлено то, что поэзия автора создавалась именно на данном языке – впоследствии именно творчество ирландских авторов на языке империи получила наибольшую популярность как в регионе, так и в мире. Несмотря на использование языка колонизаторов, лирические произведения Йейтса отсылают читателя ко множеству этнокультурных феноменов Ирландии. Важно отметить, что появлению стихов под авторством Йейтса предшествовало его увлечение кельтской историей, что естественным образом повлияло на последующую лирику автора. К самому раннему творчеству поэта относится эпическая поэма «The Wanderings of Oisín» (прим. «Странствия Оссиана»). В рамках данного произведения У.Б. Йейтс обращается к фольклорным

персонажам Ирландии и сюжетам, связанным с ними. Действующими героями поэмы являются Святой Патрик, Оссиан, легендарный кельтский бард, а также многие представители пантеона кельтских богов. Закономерно, что развитие давно маргинализированных на тот момент традиционных региональных сюжетов повлекло за собой рост интереса к другим культурным атрибутам национальной идеи и местного патриотизма. Патриотическая лирика в дальнейшем станет ведущей в творчестве поэта. К концу второй декады XX века будет создано стихотворение «I am of Ireland» (прим. «Я родом из Ирландии»), которое У.Б. Йейтс начинает с отражения проблемы религиозного конфликта, развитие которого проходит красной нитью через всю историю Ирландии:

«I am of Ireland,

And the Holy Land of Ireland,

And time runs on, ' cried she» [Yeats, Yeats, 2000, p. 228].

Словосочетание «*Holy Land of Ireland*» (прим. Святая Земля Ирландии) апеллирует к религиозно-политическому конфликту, начало которому было положено еще в XVII веке британскими колонистами. Как отмечает И.Е. Напалкова, в ходе колонизации территории Ирландии, помимо насильственного переселения и прочих дискриминационных действий в отношении коренного населения, британская власть настаивала на принятии островом конфессии доминиона – англиканства, в то время, как ирландский народ традиционно придерживается строгого католицизма [Напалкова, 2009, с. 125]. Политические притеснения приверженцев католической церкви на острове внесли существенную лепту в формирование этнокультурной самобытности ирландцев, закрепив в национальном сознании идею о родине, как о единственной земле на архипелаге, сохранившей «истинную веру», несмотря на лишения и преследования со стороны власти захватчиков. Важно добавить, что, скорее всего, вся Ирландия в культурном, бытовом, популяционном и иных смыслах представлена местоимением «*she*», традиция литературного использования которого указывает на трепетное отношение автора к данному предмету.

Автор так же обращает внимание на сплоченность исконно ирландского населения в своей борьбе за родную культуру, в сопротивлении навязываемому извне образу жизни, образу мысли в целом. Для достижения данной цели У.Б. Йейтс использует такие приёмы, как олицетворение и анафора – в данном произведении народ-колонизатор представлен следующим образом:

«One man, one man alone

In that outlandish gear,

One solitary man...» [Yeats, Yeats, 2000, p. 228].

Акцент автора на словосочетании «*one man*» (прим. один человек) и последующее смысловое усиления данного словосочетания посредством его дополнения такими прилагательными, как «*alone*», «*solitary*» (прим. единственный, одинокий) демонстрирует непопулярность идей колонизаторов среди представителей ирландской культуры. Сама же навязываемая культура, чуждая острову, контекстуально раскрывается читателю созданной нарочито пренебрежительно строчкой: «*In that outlandish gear*» (прим. в том странном прикиде; суффикс прилагательного *-ish*, согласно лингвистическому обычаю, используется для передачи характерного признака, часто с отрицательной окраской, выражаемой говорящим).

В дальнейших строках встречается отсылка к испытаниям, которым подверглось коренное население в ходе экспансии британской короны на запад:

«...And time runs on, ' he said,

'And the night grows rough» [Yeats, Yeats, 2000, p. 228].

(прим. По мере того, как время идёт, Жесткой становится ночь.)

С помощью использования метафоры «*the night grows rough*» У.Б. Йейтс упоминает исторический факт репрессий, которым подверглось население Ирландии. Мы также можем говорить об использовании такого тропа, как перифраз в данном контексте, поскольку трудные, тёмные времена в контексте региональной истории автор ассоциирует с ночью.

По мнению поэта, выраженному в данном стихотворении, все испытания и лишения ирландский народ способен вынести только лишь во имя своей страны, ради процветания её культуры и сохранения национального единства вопреки всему. У.Б. Йейтс воспеваает стойкость ирландского народа, его приверженность своим традициям и умение сопротивляться соблазнам извне, которые впоследствии влекут за собой потерю культуры и истории, созданных предками. Данное произведение является двухголосым, отражая две исторически противоборствующие стороны в настоящем контексте. В стихотворении происходит прямой диалог между колонизатором и Ирландией в целом. Первый указывает на бедность местной культуры по сравнению с британской, приводит различные аргументы в доказательство:

«The fiddlers are all thumbs,

Or the fiddle-string accursed,

The drums and the kettledrums

And the trumpets all are burst,

And the trombone, ' cried he,

'The trumpet and trombone, '

*And cocked a malicious eye,
'But time runs on, runs on»* [Yeats, Yeats, 2000, p. 228].

(прим. У скрипачей все пальцы в чернилах,
Иль струны скрипок прокляты,
Барабаны и литавры,
И трубы все разорваны,
А тромбон», – крикнул он,
Труба и тромбон»,
И зло покосился,
«Но время идет и идет»).

Второй голос из раза в раз повторяет данные строки, что делает акцент на продолжительное сопротивление ирландцев в их противостоянии с доминионом:

*«I am of Ireland,
And the Holy Land of Ireland,
And time runs on,' cried she.
"Come out of charity*

And dance with me in Ireland» [Yeats, Yeats, 2000, p. 228].

(прим. Я из Ирландии,
Святой Земли Ирландии,
Друг дорогой, пойдем со мной
Плясать и петь в Ирландию.)

Следует отметить, что помимо рефлексии относительно качеств ирландского народа, в поэзии Йейтса также есть отражение пейзажей непокорного острова. По мнению Л.Н. Гумилева, окружающие ландшафты формируют культуру народа, следовательно, и его представления о мире [Гумилев, 2006, с. 511]. Одним из центральных произведений на данную тему является стихотворение «The Lake Isle of Innisfree» (прим. «Озерный остров Иннисфри»). В этом произведении автор поднимает тему привязанности ирландцев к родным местам, образ жизни островитян среди вересковых пустошей и холмов, живописных озер и нетронутой природы. На это указывают следующие строчки:

*«I will arise and go now, and go to Innisfree,
And a small cabin build there, of clay and wattles made;*

Nine bean-rows will I have there, a hive for the honey-bee,

And live alone in the bee-loud glade» [Yeats, 2011, p. 34].

(прим. Я встану и отправлюсь сейчас, прямо на Иннисфри,

И построю там небольшую хижину из глины и соломы;

Девять рядов бобов у меня там будет, улей для медоносной пчелы,

И буду жить один в гуще, где пчелы гудят.)

Стихотворение точно выражает мнение автора относительно того факта, что только на родных просторах ирландский народ способен чер-

пать душевные силы и ощущать гармонию, своё единство с окружающим миром:

«And I shall have some peace there, for peace comes dropping slow...»

'...While I stand on the roadway, or on the pavements grey,

I hear it in the deep heart's core» [Yeats, 2011, p. 34].

(прим. И я обрету там мир, ибо мир приходит медленно...

...Пока я стою на дороге или на серой мостовой,

Я слышу его в самом сердце.)

В поэзии У.Б. Йейтса также присутствуют размышления на тему событий, ставших закономерным итогом столкновения интересов Британии в отношении острова Ирландии и национально-культурных процессов, происходивших в ирландском обществе в то время. Одним из наиболее ярких национальных мероприятий в Ирландии того периода является Пасхальное Восстание 1916 г., впоследствии укоренившее политические стремление ирландцев в XX в. По словам П. Невилла, «У.Б. Йейтса многие запомнили по фразе, сказанной им в 1916 году по поводу Пасхального восстания: «Родилась ужасающая красота» [Нэвилл, 2009, с. 241]. Йейтс, искренне желавший видеть Ирландию суверенной страной, обладающей собственной историей и культурой, на которую не смогли повлиять ни колонизация Римом, ни захват Британией, восхищается смелостью простых людей, принявших участие в Пасхальном Восстании. Начальная строфа стихотворения «Easter, 1916» (прим. «Пасха, 1916») как раз демонстрирует эту точку зрения:

«I have met them at close of day

Coming with vivid faces

From counter or desk among grey

Eighteenth-century houses» [Yeats, 2011, p. 179].

(прим. Я встретил их в конце дня,

С яркими лицами

Из-за прилавков или столов

В восемнадцатых домах.)

Поэт воспекает старый, «восемнадцативековой» город, воздвигнутый предками. Лирический герой идёт непосредственно на место проведения акции восстания. Он явно воодушевлён, он рад приветствовать своих единомышленников:

«I have passed with a nod of the head,

And thought before I had done

Of a mocking tale or a gibe

To please a companion» [Yeats, 2011, p. 179].

(прим. Я проходил, кивая головой,

И, прежде чем закончил,

Подумал о смешливой истории

Или шутке, чтобы развлечь товарища.)

Автор также отмечает разнообразность со-
бравшейся публики:

«*Around the fire at the club,
Being certain that they and I*

But lived where motley is worn...» [Yeats, 2011,
p. 179].

Использование такого слова, как «motley»
апеллирует к историческому факту, согласно ко-
торому в Восстании 1916 г. приняли участие как
католики-ирландцы, так и протестанты, марки-
руя национальное единение несмотря на продол-
жительный религиозный конфликт. Необходимо
отметить, что акция также была поддержана вы-
ходцами из различных социальных слоёв: среди
участников были как простые земледельцы, так
и представители более высоких слоёв ирланд-
ского общества, такие, как сам автор или же яр-
кая революционерка из Ирландии тех лет Мод
Гонн. Однако конец строфы венчает фраза: «*All
changed, changed utterly: A terrible beauty is born.*»

Ею поэт подытоживает, что несмотря на хра-
брость и самоотверженность соотечественников
в борьбе за свободу, произошедшее является
лишь одной из вех на пути к настоящей независи-
мости своей родины. Словами «*A terrible beauty is
born*» автор указывает на то, что борьба ирланд-
ского народа прекрасна сама по себе, просто по
факту своего существования, однако же ей пред-
стоит быть чрезвычайно тяжелой, со множеством
потерь и потрясений, ирландцам предстоит стол-
кнуться еще со многими лишениями и жестоким
угнетением – такова цена свободы своего народа
по мнению У.Б. Йейтса.

Таким образом, Уильям Батлер Йейтс, как ис-
тинный патриот, в своих лирических произведе-
ниях создаёт культурный базис для формирования
национальной идентичности каждого, кто счита-
ет себя ирландцем. В поэзии автора важную роль
играет рефлексия относительно истории родины,
бытовых привычек соотечественников. Также в
стихотворениях У.Б. Йейтса производится оценка
важных для Ирландии событий, непосредствен-
ным участником которых был сам поэт. Поэзия,
лирический герой которой «говорит» с читателем
от первого лица, имеет яркую эмоционально-цен-
ностную нагрузку, что наиболее сильным образом
влияет на аудиторию в контексте аспекта, рассма-
триваемого в произведении.

Список литературы

1. Гумилев, Л. Н. Этногенез и биосфера Земли / Л. Н. Гумилев. – Москва : АСТ – Астрель, 2006. – С. 511. – Текст : непосредственный.
2. Катышев, П. А. Онтологическое измерение языкового знака / П. А. Катышев // Русский язык

: исторические судьбы и современность : II Меж-
дунар. конгресс исследователей русского языка.
Москва : МГУ, 2004. – С. 7-18. – Текст : непо-
средственный.

3. Козлов, В. И. Этнос. Нация. Национализм / В. И. Козлов. – Москва, 1999. – С. 201-224. – Текст : непосредственный.

4. Леонтьев, А. Н. Избранные психологические произведения: В 2 т., Т. 2; Сост. А. Г. Асмолов, М. П. Леонтьева / А. Н. Леонтьев // Москва : Педагогика, 1975. – С. 166. – Текст : непосредственный.

5. Налдеева, О. И., Надейкина С. В. Национальное самосознание и ценностные ориентиры в творчестве А. П. Тяпаева // Гуманитарные науки и стратегии образования : пути интеграции : сборник научных трудов по материалам V Международной научно-практической конференции – Надькинских чтений «Гуманитарные науки и стратегии образования : пути интеграции» (8 ноября 2017 г.) / отв. ред. Л. П. Водясова и др.; Мордов. гос. пед. ин-т. Саранск, 2018. – С. 126-132. – Текст : непосредственный.

6. Напалкова, И. Е. Религиозный фактор в развитии Ольстерского конфликта во второй половине XX начале XXI века / Ирина Евгеньева Напалкова // Челябинск, Вестник ЧелГУ, 2009, №38. – С. 125 – Текст : непосредственный.

7. Невилл, П. Ирландия : История страны / П. Невилл ; пер. с англ. Н. Омельянович под ред. К. Ковешникова. – Москва : Эксмо; СПб. : Мидгард, 2009. – С. 352. – Текст : непосредственный.

8. Уфимцева, Н. В. Русские глазами русских / Н. В. Уфимцева // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. Сб. статей. Москва, 1995. – С. 242-249. – Текст : непосредственный.

9. Хотинец, В. Ю. Этническое самосознание / В. Ю. Хотинец. – СПб., 2000. – С. 115-176. – Текст : непосредственный.

10. Чуковский, К. И. Собрание сочинений : В 15 т. – Т. 3 : Высокое искусство; Из англо-американских тетрадей / К. И. Чуковский // Сост. Е. Чуковской, П. Крючкова. – Москва : ТЕРРА – Книжный клуб, 2012. – С. 640. – Текст : непосредственный.

11. Yeats, W. B., Yeats M. B. The Collected Poems of William Butler Yeats / W. B. Yeats. – Catham, Kent : Worldsworth Editions, 2000. – P. 228. – Текст : непосредственный.

12. Yeats, W. B. The Collected Poems, 1889-1939 / W. B. Yeats // Oxford – Oxford Press, 2011. – P. 34. – Текст : непосредственный.

13. Yeats, W. B. The Collected Poems, 1889-1939 / W. B. Yeats // Oxford – Oxford Press, 2011. – P. 177. – Текст : непосредственный.

DOI: 10.47475/9785727119631_361

А.В. ТАСКАЕВА / A.V. TASKAEVA*Южно-Уральский государственный институт искусств имени П.И. Чайковского,
Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)***С.А. ПИТИНА / S.A. PITINA***Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)***КОММЕМОРАТИВЫ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ВЫДАЮЩИМСЯ ДЕЯТЕЛЯМ
КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА, В ГЕРОИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ
ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ****COMMEMORATORIES DEDICATED TO OUTSTANDING CULTURAL AND ART FIGURES,
IN THE HEROIC PARADIGM OF THE CHELYABINSK REGION****Аннотация**

В статье предпринята попытка представить коммеморативные микротопонимы Челябинской области, посвященные выдающимся деятелям культуры и искусства, как составляющие героической парадигмы региона. Уникальные локальные коммеморативы-антропонимы, являясь частью регионального лингвистического ландшафта, отражают идеологию и историю развития региона и позволяют проследить особенности локальной героизации. Основная функция памятников, посвященных выдающимся личностям, заключается в сохранении памяти о героях-профессионалах как образцов верного служения своему делу и Отечеству. В результате исследования установлено, что в Челябинске и Магнитогорске реализована общероссийская коммеморативная практика, о чем свидетельствуют посвящения общепризнанным композиторам, писателям, поэтам. Региональная составляющая не представлена в коммеморативных микротопонимах, посвященных выдающимся деятелям культуры и искусства.

Abstract

The study makes an attempt to present commemorative toponyms of the Chelyabinsk region, dedicated to prominent figures of culture and art, as components of the heroic paradigm of the region. Unique local commemorative anthroponyms, being part of the regional linguistic landscape, reflect the ideology and history of the development of the region and allow us to trace the features of local glorification. The main function of monuments dedicated to outstanding personalities is to preserve the memory of professional heroes as examples of devotion to their profession and the fatherland. It was found that all-Russian commemorative practice has been realized in Chelyabinsk and Magnitogorsk because of dedications to generally recognized composers, writers and poets. The regional component is not represented in commemorative toponyms dedicated to prominent figures of culture and art.

Ключевые слова: *коммеморативы-антропонимы, памятник, выдающийся деятель культуры и искусства, героизация, героическая парадигма, герой-профессионал.*

Keywords: *commemorative anthroponyms, monument, prominent figures of culture and art, heroic paradigm, hero.*

Выдающийся деятель культуры и искусства – это человек, занимающийся какой-либо творческой деятельностью, плоды творчества которого являются культурным наследием человечества, а созданные им произведения способны влиять на души и умы людей, признаны широкой мировой общественностью. По нашему мнению, выдающийся деятель культуры и искусства является героем-профессионалом. Героизация в профессиональной сфере является универсальной характеристикой героической парадигмы любой национальной языковой картины мира,

под которой мы понимаем «открытую сложную систему концептов, репрезентирующих героизм во всех языках, в которой реализуются ценностные, историко-культурные, общественно-политические, идеологические и экономические особенности общества, отражаются глобальные социокультурные процессы и их национально-культурная специфика» [Таскаева, 2021, с. 72]. Герой-профессионал в героической парадигме страны и региона занимает важное место.

Одним из эффективных механизмов героизации является присвоение топонимическим объ-

ектам названий, происходящих от антропонимов, так как «помимо своей основной номинативной функции они выполняют ряд вспомогательных функций» [Сысоев, 2008, с. 247], а именно служат для увековечивания памяти выдающихся государственных и общественно-политических деятелей, военных, деятелей науки и искусства, благотворителей, лиц, имеющих заслуги перед отечеством.

Мемориальные постройки, памятники, памятные доски являются носителями памяти и средством конструирования истории. Как отмечает В.Г. Басс, «архитектура закрепляет те имена, визуализирует те события, воплощает те явления в потоке современности, которые достойны того, чтобы «отложиться» в истории, стать частью воспроизводимого нарратива; постройки становятся своего рода инструментом исторического отбора» [Басс, 2017, с. 122]. Так, памятные названия «олицетворяют и символизируют связь времен, культурную и историческую память, преемственность традиций, место человека» [Вешнинский, 2005, с. 226].

Названия-посвящения изучаются в основном в работах культурологов, краеведов, историков и филологов. О.М. Соколова рассматривает коммеморативные практики в культурном пространстве современного белорусского города [Соколова, 2019], Р.В. Разумов анализирует особенности названий-посвящений, встречающихся в городах Центрального федерального округа [Разумов, 2015], В.Б. Феркель составил многотомное издание «Памятные доски и памятники Челябинска и Копейска» [Феркель, 2018], С.А. Попов рассматривает место героических меморативов в топонимическом пространстве России [Попов, 2021].

Существует ряд терминов, обозначающих названия-посвящения или памятные названия, такие как антропотопонимы (А.В. Уразметова), мемориальные топонимы (М.Ю. Романюк), героические меморативы (С.А. Попов) и др. Мы используем в своих исследованиях термин «коммеморативы», под которым понимаем «героические идеологемы, образованные как результат процесса коммеморации знаковых для общества личностей в целях закрепления в коллективном самосознании образцов героического поведения и реализующие ценностные и идеологические установки общества» [Таскаева, 2021, с. 138]. Коммеморативные микротопонимы, посвященные отдельным выдающимся людям и расположенные на территории отдельного региона, мы относим к **уникальным локальным коммеморативам-антропонимам**, так как они называют локальные топонимические объекты, являющиеся частью регионального лингвистического ланд-

шафта, в которых отражается идеология и история развития региона, позволяющие проследить особенности локальной героизации.

Цель настоящего исследования – представить коммеморативные микротопонимы (коммеморативы) Челябинской области, посвященные выдающимся деятелям культуры и искусства, как составляющие героической парадигмы региона. Задачи исследования: 1) методом сплошной выборки выявить памятники Челябинска и Магнитогорска, посвященные героям-профессионалам; 2) сгруппировать памятники по сферам героизации и выделить в отдельную группу памятники, посвященные деятелям культуры и искусства; 3) проанализировать посвящения, сделать выводы об особенностях локальной героизации деятелей культуры и искусства Челябинской области.

В ходе исследования было обнаружено, что в Челябинске и Магнитогорске насчитывается 31 памятник, посвященный отдельным выдающимся личностям – героям-профессионалам.

Отдельную группу составляют **памятники, посвященные выдающимся государственным деятелям** (11 объектов, посвященных 7 героям): бюст В.И. Ленина на Алом поле Челябинска (1925 г.), памятник В.И. Ленину на Комсомольской площади в Магнитогорске (1938 г.), памятник В.И. Ленину на площади у Дворца культуры металлургов в Магнитогорске (1957 г.), памятник В.И. Ленину на площади Революции в Челябинске (1959 г.), памятник В.И. Ленину на площади Ленина перед фасадом здания Магнитогорского государственного технического университета (1967 г.), памятник С.М. Кирову на перекрестке улиц Кирова и Маяковского в Магнитогорске (1941 г.), памятник Г.М. Димитрову в Правобережной части Магнитогорска в сквере имени Чапаева (1960 г.), памятник С.М. Цвиллингу перед кинотеатром «Манекен» в Челябинске (1964 г.), памятник Серго Орджоникидзе у Дворца культуры металлургов им. С. Орджоникидзе в Магнитогорске (1979 г.), памятник Серго Орджоникидзе на проспекте Пушкина перед Дворцом культуры метизно-металлургического завода в Магнитогорске (2004 г.), памятник П.А. Столыпину на набережной реки Миасс в сквере у концертного зала «Родина» в Челябинске (2017 г.), памятник экс-губернатору Челябинской области Петру Сумину возле Исторического музея Южного Урала (2021 г.).

Посвящения разведчикам (3 объекта, посвященных 2 героям): памятник Герою Советского Союза Н.И. Кузнецову во дворе школы № 128, которая носит его имя (1977 г.), а также у школы № 118 (1980 г.), памятник Исааку Ахмерову в сквере возле Дворца пионеров и школьников имени Надежды Крупской на Алом поле (2015 г.).

Космонавтам (2 объекта, посвященных 2 героям): бюст Ю.А. Гагарина на улице Гагарина в Челябинске (2020 г.), памятник Валентине Терешковой в сквере имени Терешковой в Челябинске (2020 г.)

Деятели науки (2 объекта, посвященных 1 герою): памятник И.В. Курчатову на границе проспекта Ленина и парка имени Гагарина Челябинска (1986 г.), бюст И.В. Курчатова на привокзальной площади нового терминала международного аэропорта Челябинска (2019 г.)

Установлены также: памятник Г.И. Дробышеву, основателю здравоохранения в Магнитогорске, на территории горбольницы им. Г.И. Дробышева в Магнитогорске (1972 г.), памятник сталевару А.Н. Грязнову на площади Мира в Магнитогорске (1976 г.), памятник Герою Советского Союза Наталье Ковшовой у школы № 56 в Челябинске (1978 г.).

Особый интерес в рамках заявленной темы исследования представляют **памятники, посвященные деятелям культуры и искусства** (10 объектов, посвященных 9 героям).

Памятник А.С. Пушкину на площади Победы в Магнитогорске (1949 г., скульптор С. Меркуров). Единственный монументальный памятник А.С. Пушкину, установка которого была приурочена к открытию проспекта, получившего имя поэта, шедевр монументального искусства (Рис.1).

Рис. 1 – Памятник А.С. Пушкину в Магнитогорске

Памятник А.С. Пушкину в глубине городского сада Парк им. А.С. Пушкина (1983 г., скульпторы Л.Н. Головницкий, Э.Э. Головницкая). Для горожан данное пространство служит площадкой для проведения пушкинских чтений, праздников, а также концертов и поэтических выступлений (Рис. 2).

Рис. 2 – Памятник А.С. Пушкину в Челябинске

Памятник М. Горькому перед зданием Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета (1970 г.). Считается, что памятник не представляет исторической ценности, так как является тиражированной скульптурой, отлитой из гипса, однако за время существования стал неким символом педагогического университета Челябинска (Рис. 3).

Рис. 3 – Памятник М. Горькому в Челябинске

Памятник П.И. Чайковскому в сквере перед Южно-Уральским государственным институтом искусств имени П.И. Чайковского (1990 г., скульптор И.В. Бесчастнов). Памятник был установлен в Челябинске в честь 150-летия со дня рождения композитора и является объектом культурного наследия (Рис. 4).

Рис. 4 – Памятник П.И. Чайковскому в Челябинске

Памятник С.С. Прокофьеву на берегу реки Миасс около Областного краеведческого музея через дорогу от Концертного зала, также названного в честь композитора (2000 г., скульптор В.А. Авакян). Памятник состоит из двух частей: бронзовой скульптуры высотой 1,5 м и гранитного постамента. Композитор представлен сидящим в кресле с нотной тетрадью на коленях и смотрящим вдаль. Скульптура хорошо просматривается со всех сторон реки Миасс и гармонично сочетается с окружающим ландшафтом (Рис. 5).

Рис. 5 – Памятник С.С. Прокофьеву в Челябинске

Памятник М.И. Глинке на площади перед Театром оперы и балета (2004 г., скульптор В. Авакян).левой рукой композитор опирается на гармонию, а правой – на виолончель. Эти инструменты символизируют его роль в музыке, состоящую в соединении классических музыкальных традиций и народных мотивов. Постамент (3,5 метра высотой) высечен из уральского гранита, а сама фигура Глинки (4,5 метра, вес – 6 тонн) отлита в бронзе (Рис. 6).

Рис. 6 – Памятник М.И. Глинке в Челябинске

Памятник Г.С. Жжёнову в одном из дворов на улице Пионерской (2000 г., скульптор В. Полянский). Прижизненный памятник старейшему российскому актёру, на открытие которого лично приезжал 85-летний актер (Рис. 7).

Рис. 7 – Памятник Г.С. Жжёнову в Челябинске

Памятник Мусе Джалилю в сквере рядом с кинотеатром «Манекен» (2015 г., скульптор Баки Урманче). Памятник татарскому поэту, Герою Советского Союза, погибшему в годы Великой Отечественной войны в немецком плену, был создан около 50 лет назад, но оказался невостребованным и был передан Челябинску для укрепления взаимоотношений между регионами (Рис. 8).

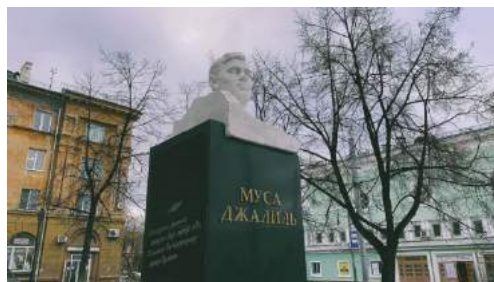

Рис. 8 – Памятник Мусе Джалилю в Челябинске

Памятник М.Ю. Лермонтову в сквере им. М.Ю. Лермонтова в Магнитогорске (2016 г., скульптор И. Коржев). Памятник представляет собой лаконичное сочетание авторской скульпту-

ры из бронзы и латунной стелы с поэтическими и художественными образами самого М.Ю. Лермонтова (Рис. 9).

Рис. 9 – Памятник М.Ю. Лермонтову в Магнитогорске

Памятник Габдулле Тукаю в сквере на пересечении Свердловского проспекта с улицей Блюхера Челябинска (2020 г., скульптор А. Лохтачев). Решение об установке памятника татарскому народному поэту было принято горожанами путем открытого голосования. Тукай изображен в полный рост, в распахнутом легком пальто и тубетейке, с открытой книжкой в правой руке (Рис. 10).

Рис. 10 – Памятник Габдулле Тукаю в Челябинске

Основная функция памятников, посвященных выдающимся личностям, заключается в установлении и поддержании связи между поколениями, сохранении памяти о героях-профессионалах как образцов верного служения своему делу и Отечеству. Согласимся с В.К. Рыжовой, которая пишет: «Мы ходим по улицам городов и сел, в спешке, в текучке дел не замечаем, что прошлые поколения смотрят на нас из глубины времен

глазами каменных скульптур, верят нам, любят и сопереживают. Остановитесь и поклонитесь им» [Рыжова, 2006, с. 85]. Памятники, посвященные выдающимся деятелям культуры и искусства, отдают дань уважения и восхищения не боевой, а культурно-исторической традиции страны.

В результате исследования установлено, что в Челябинске и Магнитогорске реализована общероссийская коммеморативная практика, о чем свидетельствуют посвящения общепризнанным композиторам, писателям, поэтам. Установку памятника знаменитому советскому актеру Георгию Жженову в Челябинске инициировал бывший мер города Вячеслав Тарасов, который был его близким другом, при этом сам актер, являющийся уроженцем Петрограда, в Челябинске никогда не жил и не работал. Многие горожане не знают о памятнике, который, к слову, находится в разрушающемся состоянии. Лишь два памятника можно считать отчасти локально мотивированными, так как эти монументы призваны служить символом дружбы между Татарстаном и Челябинской областью: памятник татарскому поэту Мусе Джалилю, воздвигнутый по инициативе Конгресса татар Челябинской области и являющийся подарком Татарстана столице Южного Урала, и памятник классику татарской литературы Габдулле Тукаю, воздвигнутый при поддержке правительства Республики Татарстан и на добровольные пожертвования граждан. Таким образом, можно сделать вывод о том, что региональная составляющая не представлена в коммеморативных микротопонимах-памятниках, посвященных выдающимся деятелям культуры и искусства. Сложившуюся ситуацию может изменить установка памятников выдающимся южно-уральским творческим деятелям: поэтам и писателям, композиторам, художникам, музыкантам, известным далеко за пределами Челябинской области, так как мемориальные постройки играют значительную роль в создании культурно-исторического и идеологического брендинга региона. При этом, следует отметить достаточно большое количество памятных досок, посвященных известным деятелям культуры и искусства области. Только писателям и поэтам, жившим в Челябинской области, установлено более 30 мемориальных досок.

Список литературы

1. Басс, В. Г. Монумент: Who controls the past? Об одном механизме архитектурной коммеморации / В. Г. Басс // Социология власти. – 2017. – № 1. – С. 122-155. – Текст : непосредственный.
2. В Челябинске открыли памятник Столыпину. – Текст : электронный. – URL: <https://www.>

- chel.kp.ru/daily/26760/3791462/https://www.chel.kp.ru/daily/26760/3791462/ (дата обращения: 16.01.2024).
3. Вешнинский, Ю. Г. Аксиология культурного пространства-времени (в границах постсоветского культурного пространства) / Ю. Г. Вешнинский // Мир психологии. Научно-методический журнал. – 2005. – № 4 (44). – С. 226-236. – Текст : непосредственный.
4. Литературная карта Челябинской области. – Текст : электронный. – URL: <http://litkarta.chelreglib.ru/> (дата обращения: 15.11.2023).
5. Магнитогорск. Наш город на Урале. – Текст : электронный. – URL: <https://www.magnitogorsk.ru/content/o-gorode/pamyatniki> (дата обращения: 15.11.2023).
6. Памятники города Магнитогорска. Дайджест. Составитель: А. И. Кирьянова. – Текст : электронный. – URL: <https://www.ogbmagnitka.ru/images/docs/2019/pamdaid.pdf> (дата обращения: 15.11.2023).
7. Памятники истории и культуры Челябинской области. – Текст : электронный. – URL: <https://pik174.ru/> (дата обращения: 15.11.2023).
8. Памятники Челябинска. – Текст : электронный. – URL: <https://libozersk.ru/pamyatniki-chelyabinska/> (дата обращения: 15.11.2023).
9. Попов, С. А. Героические меморативы в российском топонимиконе / С.А. Попов // Неофилология. – 2021. – №28. – С. 596-604. – Текст : непосредственный.
10. Разумов, Р. В. Посвящения географическим объектам в системах урбанонимов русских городов / Р. В. Разумов // Вестник Костромского государственного университета. – 2015. – № 21(3). – С.127-130. – Текст : непосредственный.
11. Романюк, М. Ю. Этимологический анализ топонимики США (на примере штата Аляска) / М. Ю. Романюк // Вестник Оренбург. гос. ун-та. – 2016. – № 2. – С. 83-87. – Текст : непосредственный.
12. Рыжова, В. К. История Магнитогорска в монументальной скульптуре города / В. К. Рыжова // Шестые Татищевские чтения : тезисы докладов и сообщений, Екатеринбург, 20-21 апреля 2006 г. В 2-х т. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2006. – Т. 2. – С. 79-85. – Текст : непосредственный.
13. Соколова, О. М. Коммеморативные практики в культурном пространстве современного белорусского города / О. М. Соколова // Культура в евразийском пространстве: традиции и новации. – 2019. – № 1 (3). – С. 97-108. – Текст : непосредственный.
14. Сысоев, П. В. Поликультурный подход к типологизации лингвокультуроведческих единиц (на материале культуроведения США) / П. В. Сысоев, М. Н. Евстигнеев // Вестник Тамбов. гос. ун-та. – 2008. – № 1. – С. 244-250. – Текст : непосредственный.
15. Таскаева, А. В. Реализация героической парадигмы в национальной языковой картине мира: дис. ... д-ра филол. н.: 10.02.19 / Таскаева Анна Вячеславовна – Челябинск, 2021. – 428 с. – Текст : непосредственный.
16. Уразметова, А. В. Английская топонимика как лексическая подсистема языка (на материале топонимической лексики Великобритании и США): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04, 10.02.19 / Уразметова Александра Владимировна – Уфа, 2016. – 461 с. – Текст : непосредственный.
17. Челябинская область. Архитектура, памятники, строения. – Текст : электронный. – URL: <http://chel-portal.ru/arhitektura-pamyatniki-stroeniya> (дата обращения: 16.01.2024).

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда и Челябинской области №23-28-10278, <https://rscf.ru/project/23-28-10278/>.

DOI: 10.47475/9785727119631_366

О.А. ТОЛСТЫХ / О.А. TOLSTYKH

*Южно-Уральский государственный университет
(Челябинск, Россия)*

РУССКОЯЗЫЧНЫЙ НАУЧНЫЙ ТЕКСТ СТРОИТЕЛЬНОЙ ТЕМАТИКИ В ЛИНГВОЭКОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

RUSSIAN ACADEMIC TEXT ON BUILDING AND CONSTRUCTION: LINGUISTIC AND ECOLOGICAL APPROACH

Аннотация

Данная статья посвящена проблеме экологичности современного научного текста на примере русскоязычных научных статей строительной тематики. Актуальность исследования заключается

в необходимости установления лингвоэкологических норм для повышения эффективности научной коммуникации. Целью исследования является выявление основных лингвоэкологических проблем научного текста – лексических, грамматических, стилевых погрешностей, избыточной номинализации, синтаксической усложненности. Материалом исследования выступают русскоязычные научные статьи тематической области «Строительство и архитектура», опубликованные в журнале «Вестник ЮУрГУ» в 2023 году. Лингвотоксичные элементы содержатся как в заголовочном комплексе, так и в аннотациях и текстах научных статей. Наиболее характерными лингвоэкологическими проблемами научных текстов данной тематики являются синтаксическая усложненность, избыточная номинализация, а также клишированные речевые обороты абстрактного характера. Формирование лингвоэкологической компетентности исследователя будет способствовать повышению академической грамотности и развитию культуры академического письма.

Abstract

The paper focuses on the problem of language ecology in modern academic texts and analyses Russian-language scientific articles on construction and building. The study is relevant due to the need to establish linguoecological norms to improve the effectiveness of scientific communication. The study aims to identify the main linguistic and ecological problems of scientific text, i.e. lexical, grammatical, style errors, excessive nominalization, and syntactic complexity. The material of the study includes Russian-language scientific articles of the thematic area "Construction and Architecture" published in the journal "Bulletin of SUSU" in 2023. Linguotoxic elements can be traced both in the title complex, in the abstracts and full texts of research papers. The most characteristic linguoecological problems of scientific texts of this area are syntactic complexity, excessive nominalization, as well as clichés. The formation of linguoecological competence of a researcher will improve academic literacy and develop the culture of academic writing.

Ключевые слова: научный текст, лингвоэкология, эколлингвистика, экология академического общения, лингвотоксичность, экология научной речи.

Keywords: academic texts, linguistic ecology, ecolinguistics, ecology of academic communication, linguistic intoxication, ecology of academic writing.

В последние годы изучение различных видов и форм коммуникации с позиций лингвоэкологии привлекает внимание многих ведущих ученых-лингвистов (М.П. Котюрова, А.П. Сквородников, Г.А. Копнина, О.Б. Сиротинина и др.). Современные лингвоэкологические исследования рассматривают прежде всего взаимодействие между человеком, языком и окружающей их средой. На данный момент сосуществует целый ряд схожих по смыслу терминов – экология языка, языковая экология, лингвистическая экология, эколлингвистика, лингвотоксикология. Каждый из данных терминов нуждается в уточнении, поскольку заостряет внимание на определенном аспекте «экологического состояния языковой окружающей среды человека и нездоровой языковой среды обитания» [Курашкина, 2015, с. 143]. Лингвоэкологи и эколлингвисты сходятся в одном – назрела острая потребность в повышении культуры речи.

В рамках данного исследования по экологии научной речи мы рассмотрим экологичность современного научного текста на примере русскоязычных научных статей тематики «Строительство и архитектура». Возросшая в последние десятилетия публикационная активность привлекла внимание исследователей к проблемам научной продуктивности, академической грамот-

ности, теории академического письма и в целом дискурса. Академический дискурс в этой связи можно представить весьма широко «как совокупность различных дискурсивных практик, возникающих в процессе передачи, приобретения и обмена знаниями в коммуникативном пространстве школы, вуза и науки» [Казанцева, 2020, с. 62]. Существует и более узкий подход, в рамках которого академический дискурс понимается как продукт профессионального взаимодействия, или дискурс, который можно назвать институциональным, научным или дисциплинарным.

Как известно, академический дискурс включает в себя научный и учебный дискурсы. Научный дискурс, в свою очередь, как вид институционального дискурса представлен в настоящее время весьма разнообразно. Научная публикация, чаще всего это научная статья, создается в рамках академического (или научного) дискурса как культурно-специфического пространства отдельной страны, она автоматически является носителем многообразия признаков ее лингвокультуры. В последнее время академический дискурс все чаще стал фигурировать в исследованиях как важный источник информации о лингвокультуре. Исторически сложившиеся, культурно обусловленные экстралингвистические причины формируют национальный колорит письменного

дискурса, который облекается в текст при помощи языковых форм, а потому они становятся взаимосвязанными элементами и характерными отличиями в целой системе научного дискурса той или иной лингвокультуры.

К сожалению, современные отечественные лингвисты отмечают снижение эффективности научной коммуникации и культуры речи в целом [Дегальцева, 2023, с. 4]. Целый ряд исследователей, занимающихся проблемами и особенностями научного стиля, замечают серьезные лингвоэкологические проблемы современной научной речи (М.П. Котюрова, А.П. Сковородников, О.Б. Сиротинина, Е.А. Казанцева и др.).

В настоящее время в лингвоэкологических исследованиях выделяют три аспекта – интралингвальный, связанный с культурой речи, интерлингвальный, рассматривающий языки в их взаимодействии друг с другом, и транслингвальный, помогающий установить взаимоотношения между отдельными языковыми единицами разных языков и активно использующийся в лингвоэкологии перевода и межкультурной коммуникации.

В рамках интралингвального подхода лингвоэкологические проблемы рассматривают на орфоэпическом, лексическом, грамматическом и стилистическом уровнях. Кроме этого, нарушениями экологии научной речи или «лингвотоксичными элементами» называют несовпадение языковых и этических норм (что наиболее ярко прослеживается при рецензировании научных работ), вариативность терминологии, синтаксическую усложненность, высокую степень категоричности, особенно в письменных жанрах научной речи. Среди наиболее распространенных нарушений фигурируют речевые и стилевые ошибки, лексическая сочетаемость, ошибки в употреблении паронимов и другие языковые проблемы [Котюрова, 2013, с. 117].

Научный стиль демонстрирует «объективность, абстрактность, точность, последовательность, ясность, некатегоричность и оценочность» [Кожина, 2011, с. 242]. Следовательно, любое нарушение этих параметров уже можно считать лингвоэкологической проблемой. Недостаточная ясность и объективность, нелогичность изложения, неточности в оперировании данными, отсутствие или низко выраженная оценочность текста могут привести к снижению экологичности научной коммуникации.

К лингвотоксичным процессам лингвоэкологии обычно относят лексические явления – «неоправданное иноязычное заимствование, токсичное словотворчество, ярлыкообразование, вульгаризацию и бюрократизацию языка и речи,

производство и использование лингвоцинизмов, избыточную аббревиацию, злоупотребление сложными предложениями, переполненными различного типа придаточными» [Сковородников, 2017, с. 30].

Обратимся к материалу нашего исследования и определим основные лингвотоксичные элементы в русскоязычных научных статьях строительной тематики. Выбор материала нашего исследования обусловлен высокой публикационной активностью представителей данного направления и востребованностью исследований в области строительной сферы – лидирующего сектора российской экономики в настоящее время.

Лингвоэкологические проблемы можно обнаружить в заголовках научных статей:

- «Низкоцементный огнеупорный бетон на основе заполнителя из каолинового шамота с улучшенными показателями удобоукладываемости»;

- «Особенности производства и поставки свай и шпунта трубчатого сварного диаметра до 2520 мм для строительства современных портовых гидротехнических сооружений, возводимых в районах Крайнего Севера и Арктики»;

- «К выводу уравнений регулирования и анализу особенностей гидравлических режимов открытых систем теплоснабжения без регуляторов расхода на абонентских вводах»;

«Управление градиентом температуры по сечению массивных конструкций способом полойной укладки бетонной смеси».

Синтаксическая сложность является характерной чертой заголовочных комплексов научных статей данной тематики. Однородные члены предложения, эллиптические конструкции, усложненная терминология, а также избыточная аббревиация нарушают гармоничность заголовка и затрудняют его восприятие читательской аудиторией. По мнению виднейшего специалиста, в области научной коммуникации М.П. Котюровой, «для создания гармоничного заголовка научной публикации совершенно необходимо не только терминологически точно назвать предмет мысли (онтологический аспект знания), но и актуализировать методологический и аксиологический аспекты» [Котюрова, 2013, с. 26].

К лингвотоксичным элементам научной коммуникации также можно отнести и погрешности в оформлении аннотации статьи, как в содержательной, так и в структурно-композиционной составляющей, оформление цитат, ссылок и библиографического списка, увлеченность автора самоцитированием, плагиат.

Остановимся в рамках данного исследования на языковых проблемах экологичности научного

текста. Затрудняющими понимание могут быть лексические проблемы – избытие терминов и аббревиатур, заимствований, особенно англицизмов и профессионализмов. Кроме того, избыточная номинализация текста может впоследствии также усложнить его перевод. Рассмотрим следующий отрывок из текста статьи:

«Температурные напряжения в бетонных конструкциях могут возникать либо вследствие ограничения перемещений конструкций из-за имеющихся связей (сами же перемещения вызваны температурными воздействиями на конструкцию – нагрев или остывание), либо вследствие неравномерности распределения температур по сечению бетона или структурных деформаций свежееуложенного бетона, подвергнутого тепловой обработке».

В данном тексте встречаем усложненные номинализацией сочетания «вследствие ограничения перемещений конструкций», «вследствие неравномерности распределения температур по сечению бетона или структурных деформаций», которые затрудняют понимание текста.

В анализируемых научных статьях особое место занимают клишированные речевые обороты абстрактного характера: «позволит повысить эффективность», «существует потребность», «результаты свидетельствуют», «даются рекомендации», «обеспечение качества», «осуществление деятельности», «практическая значимость характеризуется» и т.д.

Особое внимание следует обратить на стилистические погрешности научного текста. Рассмотрим следующие примеры:

«В последнее время теплоизоляция жилых зданий *стала очень важной* проблемой в строительстве»; «Можно отметить, что эстетика деревянных домов *может быть очень красивой* и гармонично вписывающейся в природный ландшафт»; «*Это интересная тема* для продолжения данного исследования».

Словосочетания «очень важной», «очень красивой», «на долгие годы», «интересная тема» стилистически не вписываются в текст научной статьи, разрушая гармонию научного текста и превращая его в научно-популярный.

Таким образом, результаты проведенного анализа научных статей с позиций лингвоэкологического подхода подтверждают, что экологичность современного научного текста строительной те-

матики является сниженной. Основные лингвоэкологические проблемы связаны как с незнанием норм русского языка, так и общим невысоким уровнем академической грамотности. В данной связи формирование лингвоэкологической компетентности и культуры современного исследователя должно стать одной из задач образовательных программ повышения квалификации в области академического письма.

Список литературы

1. Дегальцева, А. В. Проблемы экологии современной научной речи / А. В. Дегальцева, О. Б. Сиротинина // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Филология. Журналистика. – Т. 23 – Вып. 1. – 2023. – С. 4-10. – Текст : непосредственный.
2. Казанцева, Е. А. Лингвоэкологические проблемы академического дискурса : сопоставительный аспект / Е. А. Казанцева, Ф. Г. Фаткуллина // Российский гуманитарный журнал. – Т. 9 – №1. – 2020. – С. 61-69. – Текст : непосредственный.
3. Кожина, М. Н. Научный стиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожин. 2-е изд., стер. М. : Флинта ; Наука, 2011. – С. 242-248. – Текст : непосредственный.
4. Котюрова, М. П. Речевые погрешности в научном тексте. Только ли результат небрежности? / М. П. Котюрова // Экология языка и коммуникативная практика. – №1. – 2013. – С.117-121. – Текст : непосредственный.
5. Котюрова, М. П. Неудачный заголовок – причина невостребованности научной публикации / М. П. Котюрова // Филология в XXI веке : методы, проблемы, идеи : материалы III Всерос. (с междунар. участием) науч. конф., (г. Пермь, 21 апреля 2015 г.) / отв. ред. И. И. Русинова ; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2015. – 2015. – С. 22-27. – Текст : непосредственный.
6. Курашкина, Н. А. Эколингвистика или лингвоэкология? терминологическая дилемма междисциплинарной научной области / Экология языка и коммуникативная практика. – №2. – 2015. – С. 143-156. – Текст : непосредственный.
7. Сковородников, А. П. Лингвотоксичные явления в речи и языке / А. П. Сковородников, Г. А. Копнина // Мир русского слова. – №3. – 2017. – С. 28-32. – Текст : непосредственный.

DOI: 10.47475/9785727119631_370

Е.В. ХАРЧЕНКО, ФУ ХУЭЙЮЙ / E.V. KHARCHENKO, FU CHUEYUY*Южно-Уральский государственный университет (НИУ)**(Челябинск, Россия)***ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ЗАПАХОВ
В КИТАЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА****FEATURES OF VERBALIZATION OF ODORS IN THE CHINESE LANGUAGE PICTURE
OF THE WORLD****Аннотация**

В статье представлен анализ уникальных способов выражения и описания запахов в китайском языке. Показаны варианты идентификации, классификации и лингвистической передачи запахов в китайской картине мира, что нашло отражение в языке. Большое внимание уделяется культурным и философским контекстам, которые оказывают влияние на восприятие и описание запахов в китайском обществе. На основе обширного анализа литературных источников, включая классическую и современную литературу, а также на данных из лингвистических корпусов, выделяются ключевые лексические и фразеологические единицы, используемые для описания запахов. Особое внимание уделяется символическим и метафорическим смыслам, приписываемым запахам в китайской лингвокультуре, что отражает исторические, социальные и этические нормы общества.

Abstract

The article thoroughly investigates the unique aspects of expression and description of odors in the Chinese language. It covers methods of identification, classification, and linguistic transmission of odors within the framework of the Chinese linguistic tradition. The article also pays attention to cultural and philosophical contexts that shape the linguistic perception and description of odors in Chinese society. Based on an extensive analysis of literary sources, including classical and contemporary literature, as well as data from linguistic corpora, the study reveals key lexical and phraseological units used to describe odors. Special attention is given to how odors in Chinese culture not only convey sensory impressions but also carry deep symbolic and metaphorical meaning, reflecting historical, social, and ethical norms of society. The author emphasizes that olfactory sensations in the Chinese language and culture are not just sensory data, but important elements in creating a broader cultural and ideological picture of the world.

Ключевые слова: лексико-семантическое поле, китайская лингвокультура, вербализация, запахи, языковая картина мира.

Keywords: lexico-semantic field, Chinese language, verbalization, smells, language, culture, linguistic picture of the world.

Актуальность данного исследования заключается в том, что ольфакторное пространство, отраженное в языке, нечасто становится объектом исследования ученых. Однако все возрастающий интерес к невербальной коммуникации, понимание ее роли в коммуникации меняет эту ситуацию. Сегодня мы можем говорить о том, что интерес к ольфакторным средствам коммуникации проявляют не только представители парфюмерной отрасли, но и менеджеры, рестораторы, поскольку было выявлено влияние запаха свежей выпечки на привлекательность организаций общественного питания и магазинов. Следует сказать, что ольфакторные средства взаимодействия – это все связанное с обонянием, то есть невербальные средства коммуникации, которые относятся к перцептивным органам чувств (обонянию), включают приятные и неприятные за-

пахи субъектов коммуникации и окружающей среды. В процессе взаимодействия человека с другими людьми и окружающей средой запахи могут иметь положительное или отрицательное влияние [Стивенсон, 2010, с. 35].

Ученые выделяют разные функции запахов: ориентация в пространстве, оценивание свежести продуктов питания, привлечение представителей другого пола, отталкивание насекомых (репелленты) и многие другие. Однако, следует сказать, что запахи трудно поддаются концептуализации. Возможно, мы сможем определить, присутствует запах или нет, или проследить за ним до его источника, используя градиенты интенсивности, но многие ученые сомневаются, что мы можем мыслить с помощью запахов [Рид, 1764, с. 49].

Добавим, что запахи трудно поддаются вербализации. Даже когда речь заходит о знакомых за-

пахах, носители лингвокультуры с трудом дают им названия, основываясь только лишь на самом запахе [Кэйн, 1979, с. 467]. Этим можно объяснить то, в языках можно встретить не такое большое количество названий для запахов, в отличие, например, от названий цветовой палитры. Многие запахи определяются через описания, сравнения или метафоры (как после грозы, медовый запах, цветочный аромат, пудровый запах, запах свежескошенной травы и под.).

Следует сказать, что на восприятие и оценку запахов влияет культура, к которой принадлежит человек, поскольку в процессе восприятия ароматов человеческий мозг активизирует множество культурно и индивидуально сформированных элементов, соединяя ощущения с различными контекстуальными аспектами, включая предубеждения, воспоминания и ценностные суждения.

В китайской лингвокультуре классификация запахов немногочисленна, в отличие от таких категорий, как цвет, вкус и звук, которые были предметом многочисленных исследований с разных точек зрения (когнитивной, символической и социально-статусной). Обоняние выступает не только как средство восприятия и оценивания окружающей среды, включая людей и других живых существ, но и дифференциации приятного от неприятного, знакомого от незнакомого [Лай, 2008, с. 167]. Это все закрепляется в языковой картине мира, а значит и в языке.

В китайском языке по отношению к обонянию можно выделить противопоставление «привлекательных» и «отталкивающих» запахов. Не случайно не существует категории «пяти запахов» в отличие от таких дифференцирующих основ, как «пять цветов» (усе 五色), «пять вкусов» (увэй 五味) или «пять нот» (уинь 五音).

Итак, к существительным, обозначающим запах в китайском языке, можно отнести: 气味 / 味 – запах, 香味 – аромат, 臭味 – дурной запах, 香气 / 香味 – аромат (например, цветочный), 臭气 – вонь.

К прилагательным, обозначающим запах в китайском языке, можно отнести: 香 – ароматный, душистый, 芳 – приятно благоухающий, 菲 – ароматный, 芬 – благовонный, 馥 – благоухающий, 馨 – душистый, 郁 – вонючий, 馊 – пряный запах, 臊 – зловонный, 腥 – вонючий (пахнущий сырой кровью), 腐 – гнилостно-вонючий, 冲 / 糊 / 臭 – вонючий, плохо пахнущий; 臊 – дурной запах мочи; 焦 – горелый запах; 腥 – дурной рыбный запах; 腐 – тухлый запах, протухший, вонючий; 膻 – противный, бараний запах, 霉 – запах плесени, затхлый запах; 冲 – ужасно пахнущий, вонючий запах.

К глаголам восприятия запаха в китайском языке можно отнести: (различать запахи носом / заметить, почувствовать, обнаружить запах), 品味 – различать запахи, 辨 – определять запахи, 闻 – слышать запах и нюхать (перен. слава (репутация), поповый).

К глаголам проявления запаха в китайском языке можно отнести: 变味 – испортиться (источать запах испорченной пищи); 有味 – вонять, плохо пахнуть (перен. зн.: интересный), 走味 – терять аромат, выдыхаться, 馊 – испортиться, 散发 – издавать, распространять (вонь), 熏 – закоптиться, покрыться копотью и приобрести от этого аромат дыма, 熏香 – благоухать (например, о цветах, травах).

Анализ лексико-семантического поля «Запах» (см. таблица 1) в китайском языке показал, что самую большую подгруппу составляют неприятные запахи, далее глаголы проявления запахов, глаголы восприятия, приятные запахи и всего одно слово относится к нейтральным запахам.

Изучение лексико-семантического поля «запах» в китайском языке с лингвистической и лингвокультурологической точки зрения выявляет интересные аспекты. Во-первых, язык демонстрирует обширную дифференциацию лексики для описания различных запахов, что является признаком внимательного и детального отношения к описанию сенсорных впечатлений. Это может быть отражением того, как культурные особенности и повседневные практики, например, в кулинарии и традиционной медицине, формируют языковые структуры.

Преобладающее количество слов, описывающих неприятные запахи, может указывать на культурно обусловленную чувствительность к неприятным ощущениям и стремление избегать их. Это отражает социальную значимость поддержания чистоты и порядка в личной и общественной сферах.

С другой стороны, наличие разнообразных терминов для описания приятных запахов, тех, которые связаны с природой и цветами, подчеркивает эстетическую ценность и уважение к природе, характерные для китайской культуры.

Также немаловажным является изучение фразеологических единиц, которые содержат в себе рассматриваемые нами лексемы. Фразеологические единицы были отобраны нами с помощью онлайн-словаря БКРС.

В китайской языковой картине мира, концепт «запах» играет значимую роль, отражая глубокие культурные, этические и эстетические нормы. Возьмем, например, идиому 附膻逐腥 (fù shānzhúxīng), которая буквально означает «привлекаться запахом сырого мяса и следовать за

Таблица

Лексико-семантическое поле «Запах» в китайском языке

Нейтральные запахи (ядро ЛСП)	Приятные запахи	Неприятные запахи	Глаголы проявления запахов	Глаголы восприятия запахов
气味/味 (запах)	香味(аромат)	臭味 (дурной запах)	变味(источать запах испорченной пищи)	嗅 (различать запахи носом)
	香气/香味(аромат, например, цветочный)	臭气 (вонь)	有味 (вонять)	品味(различать запахи)
		郁 (вонючий)	走味 (терять аромат)	辨味 (определять запахи)
		臊 (зловонный)	馊 (испортиться)	闻 (слышать запах, нюхать)
		腥 (вонючий, сырая кровь)	散发 (издавать, распространять)	
		腐 (гнилостно-вонючий)	熏 (закоптиться)	
		冲/糊/臭 (вонючий, плохо пахнущий)	熏 (благоухать)	
		焦 (горелый запах)		
		腥(дурной рыбный запах)		
		臊 (дурной запах мочи)		
		膻(противный, бараний запах)		
		霉(запах плесени, затхлый)		
		冲 – ужасно пахнущий, вонючий запах		

ним». Это выражение символизирует предостережение против самоцентрированности и поведения, подобного хищникам, отражает конфуцианские ценности этики, служения и бескорыстия. Здесь запах используется как метафора для привлечения внимания к моральным аспектам поведения.

Похож на предыдущий фразеологизм 桂子飘香 (guìzǐ piāoxiāng), обозначающий аромат, исходящий от плодов китайского коричника, часто используется в контексте высокопарного слога в стихах. В этом случае, запах служит инструментом для иронического указания на избыточную выразительность и сложность языка в литературе, подчеркивая тонкую грань между поэтической красотой и перегруженностью образами.

Также пример 狐臭 (húchòu), или «лисица вонь», отражает влияние традиционной китайской медицины и мифологии, где лисица ассоциируется с демоническими и хитрыми качествами. Этот запах связан с представлениями о здоровье и болезни, а также намекает на культурные символы и легенды.

В контексте морали и честности, выражение 铜臭味 (tóngchòuwèi) или «вонючий медный запах» символизирует нечестно заработанные деньги. Этот запах, связанный с медью, становится аллегорией недобросовестности и негативного происхождения богатства.

На противоположном полюсе находится 沁人心脾 (qìnrén xīnpí), означающее «чистый аромат» отражает эстетические и эмоциональные аспекты, связанные с природой и ее воздействием на человеческую душу и сердце. Подобным образом идиома 吹气胜兰 (chuīqì shènglán) использует запах для описания уникальной красоты и привлекательности человека, сравнивая его дыхание с ароматом орхидеи. Это выражение подчеркивает связь между природными образами и человеческой красотой в литературе.

В то время как 群蚁附膻 (qúnǐ fùshān) представляет собой аллегорию алчности, сравнивая сбор муравьев вокруг источника пищи с людьми, стремящимися к наживе. Здесь запах козлятины выступает в качестве символа привлекательности и соблазна, ведущего к эгоистическому поведению. Это отражает традиционные китайские ценности солидарности и взаимопомощи, подчеркивая важность общественного блага по сравнению с личными интересами, что также отражает важную китайскую идеологию (конфуцианство).

Таким образом, мы видим, что запахи в китайской культуре и языке не просто обозначают сенсорные данные, а являются символами, глубоко интегрированными в социальную, философскую и эстетическую сферы. Разнообразие лексических и фразеологических средств, применяемых

для описания запахов, свидетельствует о важной роли обонятельных ощущений в китайском образе мышления.

Список литературы

1. Кэйн, У. С. Знать носом: ключи к идентификации запаха / У. С. Кейн // *Science*, 1979. – С. 467-470. – Текст : непосредственный.

2. Лай, П. Вонючие тела : мифологическое будущее и обоняние в фильме Лариссы Лай «Девушка с соленой рыбой» / П. Лай. – Текст : электрон-

ный // *МЕЛУС*. – 2008. – Т. 33, № 4. – С. 167: – URL : <http://www.jstor.org/stable/20343512>. (дата обращения: 01.01.2023).

3. Рид, Т. Исследование человеческого ума на принципах здравого смысла / Т. Рид. – Лондон, Великобритания : Томас Тегг, 1764. – С. 49. – Текст : непосредственный.

4. Стивенсон, Р. Дж. Первоначальная оценка функций человеческого обоняния // *Chem. Senses*, 2010. – № 35. С. 3-20. – Текст : непосредственный.

DOI: 10.47475/9785727119631_373

М.Г. ЦЕРЦВАДЗЕ / M.G. TSERTSVADZE

*Кутаисский государственный университет имени А. Церетели
(Кутаиси, Грузия)*

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПОНЯТИЯ ДОБРО/ЖАКСЫЛЫК В ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ РУССКОГО И КАЗАХСКОГО ЯЗЫКОВ

REPRESENTATION OF THE CONCEPT OF GOOD \ ZHAKSYLYK IN PROVERBS AND SAYINGS OF THE RUSSIAN AND KAZAKH LANGUAGES

Аннотация

Статья посвящена структурно-семантическому анализу казахских и русских пословиц, отражающих отношение русских и казахов к добру. Новизна исследования заключается в том, что впервые рассматриваются пословицы данной семантической группы в аспекте сравнительного структурно-семантического анализа. Исследование данных пословиц очень актуально с точки зрения выражения в них моральных и этических ценностей, присущих обоим народам. Анализ пословиц и поговорок позволил выявить их сходство, основанное на универсальности человеческого мышления, что находит свое подтверждение и на языковом уровне. Различия пословиц обусловлены своеобразием менталитета казахского и русского народа.

Abstract

The article is devoted to the structural and semantic analysis of Kazakh and Russian proverbs, reflecting the attitude of Russians and Kazakhs to goodness. The novelty of the study lies in the fact that for the first time the proverbs of this semantic group are considered in the aspect of comparative structural-semantic analysis. The study of these proverbs is very relevant from the point of view of expressing in them the moral and ethical values inherent in both peoples. Analysis of proverbs and sayings made it possible to identify their similarities, based on the universality of human thinking, which is confirmed at the linguistic level. The differences in proverbs are due to the unique mentality of the Kazakh and Russian people.

Ключевые слова: пословица, структурно-семантический анализ, менталитет, «добро и зло», универсальность, лексические компоненты.

Keywords: proverb, structural-semantic analysis, mentality, “good and evil”, universality, lexical components.

В языковой картине мира каждого народа закрепляются различные типы ценностей. Наиболее общее императивно-оценочное понятие морали и категории этики заключено в понятие Добро.

Добро – это самая древняя моральная категория. Со времен сотворения мира люди рассматри-

вали добро как средство достижения идеальных отношений в обществе. Категория добра – это категория идеала, которая направлена на преодоление разобщенности и непонимания между людьми, привитие обществу высоких идей гуманизма и человеколюбия.

Добро во всех культурах является универсальной ценностью. «Добро – это все то, и только то, что «согласно с природой», что «доставляет удовольствие», что «велит бог», что «способствует сохранению общества, что «соответствует исторической необходимости» что, «согласуется с требованиями разума и т. д.» [Философский энциклопедический словарь, 1983, с. 220].

Цель исследования – сопоставление смысловой структуры лексемы «добро» в русской и казахской пословичных картинах мира, выявление универсальности и лингвокультурной специфики их представления в пословичных картинах мира двух народов.

Представленная цель обусловила решение следующих задач: проанализировать понимание лексемы «добро» в лексикографических источниках русского и казахского языков; описать и сопоставить семантическую структуру слова «добро» в пословицах и поговорках исследуемых языков.

Научная новизна настоящей статьи определяется описанием и сопоставлением семантической структуры слова «добро» в паремиях русского и казахского языков в лингвокультурологическом аспекте. Исследование данных пословиц очень актуально с точки зрения выражения в них моральных и этических ценностей, присущих обоим народам.

Предметом исследования являются пословицы и поговорки с компонентом добро, а также паремии, характеризующее это нравственно-этическое понятие опосредованно, через другие лексические средства.

Объектом исследования является семантика и структура значения лексемы «добро» в русском и казахском языках.

Материалом исследования послужили толковые, энциклопедические словари, а также сборники пословиц и поговорок анализируемых языков. В процессе работы применялись следующие методы исследования: метод семантического анализа, метод паремиологического анализа, приемы дефиниционного, компонентного анализа, сопоставительный метод и методика концептуального анализа.

Прежде чем приступить к структурно-семантическому сопоставительному анализу пословиц и поговорок, передающих понятие добро прямо и косвенно, рассмотрим дефиницию слова «добро» в основных лексикографических источниках рассматриваемых языков.

«Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля дает следующие определения лексемы «добро»:

- 1) вещественно, все доброе;

- 2) имущество или достаток, стяжание, добришко;

- 3) в духовн. знач. благо, что честно и полезно, все чего требует от нас долг человека, гражданина, семьянина; противоположно худу и злу;

- 4) ладно, хорошо, кстати, впору;

- 5) твер. ненужно, непочто;

- 6) угроза [Даль, 1955, с. 125].

В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой слово «добро» толкуется как:

- 1) что-либо положительное, хорошее, полезное: Желать добра кому-нибудь;

- 2) добрый поступок: Сделать много добра людям;

- 3) имущество, вещи: Накопить добра;

- 4) ладно, хорошо (употр. как частица) [Ожегов, 1989, с. 153].

«Толковый словарь» Д.В. Дмитриева определяет лексему «добро» как:

1. все положительное, хорошее, направленное на благо;

2. имущество, вещи;

3. ладно, хорошо, так и быть;

4. иронич. о ком-чем-нибудь плохом, негодном [Толковый словарь русского языка, 2003, с. 112].

В «Толковом словаре русского языка» Т.Ф. Ефремовой представлено следующее толкование рассматриваемой лексемы:

- 1) все хорошее, положительное, все, что приносит счастье, благополучие, пользу (противоп.: зло);

- 2) хорошее, доброе дело, поступок;

- 3) разг. личное имущество, вещи, пожитки [Толковый словарь русского языка Т.Ф. Ефремовой, URL].

В «Русском толковом словаре» В.В. Лопатина слово «добро» означает:

1. Все положительное, хорошее, полезное

2. Имущество, вещи (разг.) [Русский толковый словарь В.В. Лопатина, URL].

Итак, из рассмотренных значений ключевой лексемы можно выделить следующие признаки понятия «Добра»:

1. Добро – это все хорошее, положительное, полезное, направленное на благо;

2. Добро противоположно злу;

3. Добро – это хорошее, доброе дело, поступок;

4. Добро – это все чего требует от нас долг человека, гражданина, семьянина;

5. Добро – личное имущество, вещи.

Слову «добро» в казахском языке соответствует лексема «жаксылык».

В Казахско-русском словаре лексема «жаксылык» означает:

1. благо, добро, благодеяние, доброта, добродетель; 2. что-то хорошее, положительное; хорошее качество кого-чего-л.

3. хороший, добрый, благой [Бектуров, Бектурова, 2001, с. 125].

В Русско-казахском словаре «жаксылық» переводится как:

1. хорошее, полезное;
2. мүлік имущество;
3. нареч. жаксы – хорошо [Русско-казахский словарь, URL].

В Толковом словаре казахского языка «жаксылық» определяется как «благодеяние, добро, благо, что-то хорошее» [Толковый словарь казахского языка, URL].

Как видим, русская лексема «добро» и казахская лексема «жаксылық» содержат в той или иной степени сходную семантическую структуру.

Ценностная картина мира любого народа как носителя этнокультурной информации сосредоточена и отражена именно в пословицах и поговорках, анализ особенностей которых содействует восприятию внутреннего мира народа, выявлению ментальных особенностей культуры.

Понятие «добра» в нашем исследовании представлено на материале 100 пословиц и поговорок русского и 89 пословиц казахского языков. В тоже время, нами обнаружена группа пословиц, где добро выражено имплицитно, то есть выводится из общего смысла пословиц и поговорок.

На основе семантического анализа представленного нами материала определены семантические признаки пословиц и поговорок, отражающих понятие добра, на основе которых выделены различные группы. Основными из них являются следующие:

•Добро проявляется в добрых поступках и деяниях человека. В русском языке: *Добро сотворить – себя увеселить; Добро делать спешит (поспешай); Кто любит добрые дела, тому и жизнь мила; Добрый скорее дело сделает, чем сердитый; Добра желаешь – добро и делай; Доброе дело крепко; С добрыми делами – хоть вон ногами. Согласно христианским воззрениям человек должен совершать добрые дела в течение всей своей жизни для доказательства своей веры: Жизнь дана на добрые дела; Без добрых дел – вера мертва перед Богом; Следовать добру – взбираться на гору, следовать злу – скользить в пропасть. Плох тот ветер, который не приносит добра; Худо тому, кто добра не делает никому. Пословица Не всякий труд – добро предупреждает, что человеку дана жизнь только для того, чтобы совершать добросовестные и хорошие поступки. Если он тратит жизнь свою на зло – он пошел не в том направле-*

нии и ему срочно необходимо что-то исправить в своей жизни.

К добрым делам относится говорить правду: *Доброе дело – правду говорить смело. О добрых делах следует говорить во всеуслышание. Пословица «Делай другим добро, будешь сам без беды» означает, что если вы помогаете другим людям и делаете добро, то в конечном итоге вам самим будет хорошо и вы будете защищены от беды.*

В казахском языке: *Қайыр қылсаң, бүтін қыл. – Делаешь другим добро – делай до конца его; Өзіңе жақсылық жаса, өзіңе жетсе, досыңа жақсылық жаса. – Делай добро себе, если для себя будет достаточно-делай добро другу.*

Жақсылық жерде қалмайды. – Доброе дело под землю не спрячешь; Жақсының жақсылығын бетіне айт – нұры тасысын, жаманның жамандығын батыра айт – құты қашсын. – О доброте хорошего человека скажи ему в лицо, пусть озарится оно лучами радости, о том, что дурно в дурном человеке, говори ему в лицо, пусть трепещет.

•Забота друг о друге, уважение друг к другу, любовь к окружающим. Культура как русского этноса, так и казахского этноса включает такие человеческие качества, как внимательность, любовь и доброжелательное отношение к окружающим людям.

В русском языке: *Добрый конь – не без седла, а честный человек – не без друга; Добрая жена, да жирные щи – другого добра не ищи; Добрая жена дом сбережет, плохая – рукавом растрясет; Доброю женою и муж честен.*

Добро по миру не рекой течёт, а семьёй живёт; Не будет добра, коли меж своими вражда; Где хлебно и тепло, там и жить добро. Пословица Добра гнушаться — с людьми не знаясь означает, что если вы не можете найти взаимопонимания или доброжелательности в отношениях с людьми, то лучше избегать их общества и сохранять расстояние.

В казахском языке: *Жақсы әйел жаман еркекті хан қылады. – Хорошая жена плохого мужчину сделает ханом; Отбасында араздық болса жақсылық болмайды. – Нет добра, когда в семье вражда. Жақсы көріі тапқаның – Мол олжаға батқаның-Хорошего соседа обрести – большую выгоду приобрести; Аталастан ауылдас жақын – Хороший сосед родней далеких родственников Жаман туысқаннан жақсы дос артық. – Добрый знакомый лучше плохой родни; Туысы жақын жақын емес, Қонысы жақын жақын – Доброе соседство прочнее родственных уз; Жақсы достық туысқандардың құшағынан күшті. – Добрая дружба крепче объятий родичей.*

● **В мире всегда есть добрые люди, которые готовы помочь.** Это представление выражено в следующих русских пословицах: *Мир не без добрых людей, Свет не без добрых людей. Доброта доброго придёт в трудный час, коварство злого достигнет всегда. Добрый конь не устаёт, добрый человек не отказывает в помощи.*

В казахском языке: *Көрісіге көмектеспегеннің қолы сынуы мүмкін. – Кто не помогает своему ближнему, у того рука пусть сломится.*

● **Мягкость и кротость по отношению к другим.** Такие качества человека, как мягкость, кротость, присущи только доброму, отзывчивому человеку, так как негрубый, мягкий человек не причинит зло другому, о чем свидетельствуют следующие выражения: **в русском языке:** *Он и мухи не обидит; Он и во сне комара не убьёт.* **В казахском языке** мы нашли пословицу *Ұлы болсаң, кішіпейіл бол. – Если ты велик – будь скромн.*

● **За добро воздаётся добром.** Эта мысль прослеживается в следующих русских пословицах: *Делай добро и жди добра; За доброе жди добра, за худое – худо; Делай добро и тебе будет добро; Добро добром поминают; Добро не теряется, оно возвращается; Доброе дело без награды не останется; Добродетель вознаграждается; Доброе дело делай смело, за них хвалят; За добрые дела всегда живет похвала; На добро отвечать добром – дело каждого, а на зло отвечать добром – дело отважного.* Соответствующие **казахские пословицы:** *Жақсылық жерде қалмайды (или қалмас) сделанное добро зря не пропадет; Жақсылық еккен алғыс орады. – Сеющий добро благодарность пожнёт, Істеген жақсылығын біреуден болмаса, біреуден қайтар. – За добро добром кто-нибудь да заплатит), Жақсылыққа жақсылық – әр кісінің ісі, жамандыққа жақсылық – ер кісінің ісі. – Всякий сможет ответить на добро добром, лишь джигит сможет ответить на зло добром; Жамандық пайда етпейді, жақсылық зая кетпейді. – От подлости пользы не бывает, а доброта не пропадает; Не ексең, соны орасың. – Что посеешь, то и пожнешь; Жақсылығын алдынан шыксын. – Пусть добрые дела, которые ты делаешь другим, вернуться к тебе; Жақсылыққа – жақсылық, жамандыққа – жамандық за добро – добром, за зло – злом. – Каков привет, таков ответ.*

В то же время в русском языке имеются пословицы и поговорки с противоположным значением: *От добра добра не ищут; За добро не жди добро; Доброе скоро забывается, а худое долго помнится; За наше добро да нам же рожон в ре-*

бро; Не вспоя, не вскормя, ворога не наживешь; Не делай добра – не получишь зла; И добро худом бывает.

● **Доброта проявляется в сострадании, милосердии к другим.** **В русском языке:** *Доброму человеку и чужая болезнь к сердцу; Доброму человеку весь мир – свой дом, злому – и своя хата чужая; Сердце не камень; Человек жалостью живет; Злой плачет от зависти, а добрый от жалости; Не жалея того, кто скачет; жалея того, кто плачет; Настоящий воин тот, у кого есть милосердие; Лучшие мучиться, чем мучить; Лучшие самому терпеть, чем других обижать; Сам потерпи, а другого не выдай (или: не обидь); Нет милости не сотворившему милости.*

В казахском языке: *Жақсы адамның танысы көп, жаман адамның жақыны жоқ. – У хорошего человека не бывает чужих, у плохого – близких.*

● **Добро проявляется в добрых словах.** Добрые слова могут помочь установить доверительные и глубокие отношения с другими людьми, разрешить трудные вопросы. Когда мы проявляем доброту в словах, мы становимся более уважительными для окружающих нас людей.

Встречается много пословиц и крылатых выражений о значении этики слова как в русском, так и в казахском языках. Например, **в русском языке:** *Доброе слово доходит до сердца; Доброе слово лечит, а злое калечит; Доброе слово человеку, что дождь в засуху; Доброе слово кости гнет; От доброго слово язык не усохнет, они нужны всем живым существам: Доброе слово и кошке приятно; Добрым словом и бездомный богат; Добрые слова дороже золота (богатства); Доброе слово дом построит, злое слово дом разрушит; Доброе слово железные ворота отпрет; Доброе слово и кошке приятно; Доброе слово сказать – посошок в руки дать; Доброе слово – лучше золота; Чего не сделаешь силком, того добьёшься добром.* С другой стороны, доброе слово бессильно перед злом: *И доброе слово не уймет злого; не всем людям нужно говорить добрые слова: Глупцу доброе слово сказать – при солнце свечу зажигать.*

В казахском языке: *Жақсы сөзге жан семіреді – Хорошему слову душа радуется; Жақсы сөз – жарым ырыс – Доброе слово – половина блага; Жаным десе, жан семіреді – Облаской человека, возвысишь его душу; Тіл тас жаррады, тас жармаса бас жаррады – Слово может камень порушить, если не камень, то голову; Мақтаған жеткізер, шаққан өлтірер – Похвальба вдохновит, колкость может убить; Жылы сөйлесең, жылан да імінен шығады. – Теплыми словами даже змею можно задобрить; Жанган*

от тәнді жылытады; Жақсы сөз жанды жылытады. – Зажжённый огонь тело греет, доброе слово – душу; Жақсы сөз – жан азығы. – Хорошее слово – душе опора; Сіз, біз деген жылы сөз – тіршіліктің ганибеті – Самое лучшее в мире – слова уважения; Үлкенмен іліп сөйлес, кішімен сызылып сөйлес. Іліп сөйлескенде белің бүгілмейді, сызылып сөйлескенде сөзің үзілмейді. – Со старшим говори с поклоном, от учтивости речь твоя не переломится». И в тоже время встречается пословица: Жаксы соз – жарым ырыс – Приятное слово душе не помогает.

●**Доброта – большая ценность. В русских паремиях** доброта сравнивается с вещами, которые считаются очень дорогими и ценными: Не хвались серебром, хвались добром; Доброта – это богатство, которое нельзя купить за деньги; Доброта – это свет в темноте. Не с деньгами жить, а с добрыми людьми; Не ищи красоты, ищи доброты. О добрых людях хорошо отзываются, у них хорошая репутация: Доброму Савве и добрая слава; Добрым – добрая слава; Добрый человек лучше ста родственников; Доброму человека в красный угол сажают; Рожь да пшеница годом родится, а добрый человек всегда пригодится; Добрый человек лучше (надежнее) каменного моста. Общение с добрыми людьми выступает как высшая ценность: Добрый человек придёт – словно свет принесёт; Слушайся добрых людей, на путь наведут; Кто добрых людей слушает, тот слаще кушает; Хлеб-соль кушай, а добрых людей слушай. Паремия Доброму Бог помогает говорит о том, что к добрым людям особенно благоволит Бог. **В казахском языке:** Жақсылық қылсаң, жарлы болмасың. – Оттого, что доброту имеешь, никогда не оскудеешь; Жақсыдан – шарапат. – От добрых людей, как и от добрых дел – все пользу имеют; Жақсымен жолдас болсаң, Жетерсің мұратқа. Жаманмен жолдас болсаң, Қаларсың ұятқа. – С добрым человеком сдружишься – цели своей достигнешь, с дурным сдружишься – в дураках останешься.

●**Добрые дела надолго остаются в памяти.** **В русском языке:** Добрые умирают, а дела их живут; Доброе дело два века живет; Доброе дело и в воде не тонет; Красота до вечера, а доброта навеки; И собака старое добро помнит. **В казахском языке:** Жақсылық ертекеш жоқ. – Добрым делам срок не дан; Жақсылық суга батпас, жарыққа бір шығар, жатпас. – Доброе дело в воде не утопает, а всегда всплывает.

●**Добром не просто завладеть.** **В русском языке:** Жалость – со слезами, а доброта – с мозолями; Все любят добро, да не всех любит оно; Все хвалят добро, да не всех хвалит оно; Захочешь добра – посыпь серебра; Доброе искать и

искать, а худое само лезет. **В казахском языке:** Жақсылық ағаш басында, жамандық аяқ астында. – За несчастьем не нужно нагибаться, за счастьем на дерево нужно забираться.

●**Добро как имущество.** **В русском языке:** Живи всяк своим добром да своим горбом; За чужим добром не гоняйся с багром! **В казахском языке:** Бас аманда мал тәтті, бас ауырса жан тәтті. – Пока здоров – дорого добро, а как заболеешь – жизнь дорога; Бірі тіршілігі үшін, бірі мал-мүлкі үшін шайқалады. – Один трясется за жизнь свою, другой – добро свое.

Часто в пословицах и поговорках русского и казахского языков понятие добра и зла встречаются вместе как антонимы.

●**Добро и зло в характере человека как внутреннее качество человека.**

В русском языке: От доброго – добро, от злого – зло; Доброму везде добро; Доброму человеку все нравится, злому все не нравится; Злой не верит, что есть добрые люди; Доброму и сухарь на здоровье, а злому и мясное не впрок.

В казахском языке: Жақсы көргенін мақтап жүрер, жаман көргенін даттап жүрер. – Хороший увиденное хвалит будет, плохой увиденное грязью польёт; Жақсы жүрген жеріне кент салады, жаман жүрген жеріне өрт салады. – Хорошие люди после себя города оставляют, плохие люди – пожары.

●**Добро сильнее зла.** **В русском языке:** Добро не умрёт, а зло пропадёт, Карканье вороны, лай шакала и шипение змеи не могут помешать восходу солнца; Кто зла отлучится, тот никого не боится; Кто гнев свой одолевает, крепок бывает; Не устоять худу против добра.

В казахском языке встречается пословица Қайырымдыл ық әрқашан зұлымдықты жеңед. – Доброта всегда победит зло.

В русском языке встречаются также паремии со значением «зло сильнее добра»: Горького проклянут, а сладкого проглотят; Сердитого невзлюбили, а милостивого с кругу сбили; Лихости не уймешь благостью; Не подивится злоба милости.

●**Добро ценнее зла.** **В русском языке:** Добра ищи, а худо само придет; Добра на худо не меняют; Добра, что клада, ищут, а худо под рукой. **В казахском языке** встречается пословица Жақсылық жар басында, жамандық қақ қасыңдау. Добро – далеко, а зло близко (букв. благодетель находится на скале, а злодей рядом с тобой).

●**Зла следует остерегаться, а к добру стремиться.** **В русском языке:** Доброму чти, а злого обходи; Добро наживай, а худо изживай; Доброму чти, а злого не жалеяй; Доброму держись, а от

худого удались; *К добру гребись, от худа шестом суйся; К добру мостись, а от худа пьтсья.* Пословица *Знай, кому добро делаешь* говорит о необходимости быть осторожным в том, кому оказывать добрые поступки, помощь и поддержку. **В казахском языке** с этим значением употребляются пословицы: *Жаман адамға жақсылық жасама. – Худому не делай добра; Екі жүзді адам екі жүзді пышақтан жаман. Берегись не ножа с лезвием двойным, берегись человека с лицом двойным; Күшітілер емес, кекшілдер қорқынышты. – Страшен не сильный, а мстительный.*

• **Добро и зло взаимосвязаны. В русском языке:** *Не видит зла – добра не оценит; Кто не способен на зло, тот не способен и на добро; Беда вымучит, беда и выучит; От добра до худа один шаток; Где гнев, там и милость; Сильный во зле силен и в добрых делах; Иди и к злему человеку смело, когда он доброе задумал дело.* **В казахском языке:** *Жамансыз жақсылық болмайды, жақсылықсыз жамандық болмайды, жамандық жақсылықты сақтайды, жақсылық жамандықты сақтайды. – Нет добра без зла, нет зла без добра, зло сохраняет добро, добро сохраняет зло; Кто не испытывал горя, тот не знает и радости.*

Противопоставление добра и зла, закреплённое пословицами и поговорками анализируемых языков, относится к универсальному восприятию и отображению действительности двумя народами.

В русских пословицах и поговорках обнаружены и особые культурные установки о добре, аналоги которым отсутствуют в казахских пословицах:

1. Будучи добрым, нельзя «давать дорогу» злу: *«Кто злым попускает, тот сам зло творит».*

2. Плохие сведения о ком-либо распространяются гораздо быстрее, чем хорошие: *Добрая слава лежит, а худая бежит; Добрая слава до порога, а худая за порог; Доброе смолчится, худое молвится.*

3. О сделанном добре не надо жалеть: *«Сделав добро, не сожалей», «Сей добро – не кайся». Кто, сделав добро, попрекает, тот цену его умяет.*

В казахской паремиологической картине мира также присутствует своеобразное понятие о доброте:

1. Ценность человека познается после его смерти: *Жақсының қадірі өлген соң білінеді; олар жүгіру кезінде жылдамдықтың мәнін біледі. – Цену хорошего человека узнают после его смерти; цену иноходца узнают, когда идут рысью.*

Итак, являясь важнейшей ценностью для обеих лингвокультур, основное содержание лексем «добро» в русском и казахском языках в об-

щем совпадает, что свидетельствует об универсальности добра в человеческой цивилизации.

Список литературы

1. Бектуров, Ш. Бектурова, А. Казахско-русский словарь / Ш. Бектуров, А. Бектурова. – Астана : «Фолиант», 2001. – 316 с. – Текст : непосредственный.
2. Даль, В. И. Пословицы русского народа в 3-х т. / В. И. Даль. – М. : Русская книга, 1993. – 2080 с. – Текст : непосредственный.
3. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – М. : Иностраных и национальных словарей, 1955. – 2716 с. – Текст : непосредственный.
4. Ожегов, С. И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов / Под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. – М. : Рус. яз., 1989. – 750 с. – Текст : непосредственный.
5. Казахские пословицы о добре и зле – Текст : электронный // Казахский язык : [сайт]. – URL : <http://www.kaz-tili.kz> (дата обращения : 17.11.2023).
6. Русско-казахский словарь. – Текст : электронный // «Ace Linguo Portal» : [сайт]. – URL : <http://www. acelinguo.com> (дата обращения : 17.11.2023).
7. Русский толковый словарь В. В. Лопатина – Текст : электронный. – URL : <http://www. вокабула.рф/словари/русский-толковый-словарь> (дата обращения : 17.11.2023).
8. Толковый словарь русского языка. под ред. Д. В. Дмитриева. – М. : Астрель : АСТ, 2003. – 1578 с. – Текст : непосредственный.
9. Толковый словарь русского языка Т. Ф. Ефремовой – Текст : электронный. – URL : <http://www.my-dict.ru/dic/tolkovyy-slovar-efremovoy/1039554-> (дата обращения : 17.11.2023).
10. Толковый онлайн-словарь русского языка Ушакова Д. Н. – Текст : электронный // Лексикографический интернет-портал: онлайн-словари русского языка : [сайт]. – URL : <http://www. lexicography.online> (дата обращения: 27.11.2023).
11. Толковый словарь казахского языка. – Текст : электронный. // Wonder Words : [сайт]. – URL : <http://www.wonder.zti.kz> (дата обращения : 17.11.2023).
12. Философский энциклопедический словарь / Гл. ред. Л. Ф. Ильичев и др. – Москва : Сов. энциклопедия, 1983. – 839 с. – Текст : непосредственный.

DOI: 10.47475/9785727119631_379

О.Ф. ЦИБЕРНАЯ / O.F. TSIBERNAYAЧелябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)**НЕОЛОГИЗМЫ КАК ФОРМА МЕЖКУЛЬТУРНОГО ТРАНСФЕРА ЗНАНИЙ****NEOLOGISMS AS A FORM OF INTERCULTURAL KNOWLEDGE TRANSFER****Аннотация**

Глобализация неизбежно приводит к распространению знаний человека о мире и передаче этих знаний между культурами – межкультурному трансферу знаний. Трансфер знаний может осуществляться при помощи разных средств и разными способами. Изучение языковых средств трансфера знаний позволяет углубить понимание не только процессов, происходящих в языке, но и отследить сдвиги в сознании носителей языковой картины мира-реципиента трансфера знаний. В настоящей статье предлагается определение межкультурного трансфера знаний, а также указывается на возможность передачи знаний при помощи неологизмов. В работе также приводится анализ неологизмов, появившихся в русском языке в 21 веке: рассмотрены основные источники заимствований и сферы жизнедеятельности человека, в которых неологизмы появляются наиболее активно.

Abstract

Globalization inevitably leads to the spread of human knowledge about the world and the transfer of this knowledge between cultures – intercultural knowledge transfer. Knowledge transfer can be carried out using different means and in different ways. The study of linguistic means of knowledge transfer allows us to deepen our understanding not only of the processes occurring in language, but also to track shifts in the consciousness of the speakers of the linguistic picture of the world as the recipient of knowledge transfer. This article proposes a definition of intercultural knowledge transfer, and also points out the possibility of knowledge transfer using neologisms. The work also provides an analysis of neologisms that appeared in the Russian language in the 21st century: the main sources of borrowings and spheres of human activity in which neologisms appear most actively are considered.

Ключевые слова: трансфер знаний, межкультурный трансфер, неологизм, языковая картина мира, заимствования, лингвокреативность.

Keywords: knowledge transfer, intercultural transfer, neologism, linguistic picture of the world, borrowings, linguistic creativity.

Одной из важнейших проблем современной лингвистики остается проблема передачи знаний как внутри одной языковой картины мира от поколения к поколению (внутрикультурный трансфер знаний), так и передача знаний от одной культуры к другой (межкультурный трансфер знаний). Ранее мы детально рассматривали специфику внутрикультурного трансфера знаний [Циберная, 2019, с. 71-160]. В рамках данной работы остановимся более подробно на межкультурном трансфере знаний и его выражении языковыми средствами.

Межкультурный трансфер знаний является следствием глобализации и обусловлен необходимостью передачи знаний о вновь возникающих реалиях, уже зафиксированных в одной языковой картине мира, в другую, где эти реалии пока не нашли языкового выражения [Золян, 2019, с. 193]. Над решением проблемы межкультурного трансфера знаний работают такие ученые, как Н. М. Азарова, В. И. Постовалова, И. А. Пильщиков,

С. Г. Проскурин, А. В. Проскурина и др. В. В. Фещенко и С. Ю. Бочавер отмечают, что процесс межкультурного трансфера знаний состоит из факта изъятия из системы-донора; перемещения (собственно акта трансферизации); включения в систему реципиента [Лингвистика и семиотика культурных трансферов..., 2016, с. 19]. Одной из важнейших сфер применения результатов исследования трансфера знаний является теория перевода.

Существует множество способов передачи знаний между культурами. Зачастую информация передается в ходе лингвокреативной деятельности, когда появляются новые слова – неологизмы.

Несмотря на значимость изучения неологизмов и механизмов их образования с точки зрения наглядности языкового развития, на сегодняшний день остается открытым вопрос трактовки понятия «неологизм» [Воробьева, 2019, с. 159]. В рамках данной работы будем придерживаться-

ся определения, предложенного И. В. Арнольд, которая под неологизмом предлагает понимать лексическую единицу, созданную по существующим в языке словообразовательным моделям или заимствованную для обозначения нового (прежде неизвестного) предмета или нового значения у уже существующего слова, вновь появившегося в языке на определённом этапе его развития [Арнольд, 2012; Воробьева, 2019, с. 159-160].

Рассмотрим феномен неологизмов в связи со способностью подвижного и гибкого лексического пласта языка отражать и передавать между культурами изменения общественно-политического и культурного характера жизни общества. Анализ неологизмов предполагает определение временных рамок. Для достижения целей настоящего исследования очертим рассматриваемый материал лексемами, появившимися в русском языке в начале 21 века, поскольку данный период в истории России отмечен стремительным изменением социально-культурных парадигм [Баско, 2018, с. 64-66]. В дальнейшем исследование может потребовать более жестких временных ограничений (считается, что слово остается неологизмом – новым словом – на протяжении примерно пяти лет) [Воробьева, 2019, с.159]. В качестве материала исследования рассмотрим данные словаря неологизмов русского языка [Словарь неологизмов..., URL].

Исследование показало, что лексемы, зафиксированные в словаре в качестве неологизмов, были заимствованы из других языков. На рисунке 1 видно, что наибольшее число заимствований отмечено из английского языка (56%), кроме того, активны заимствования из латинского (21%) и французского (11%) языков. Из английского языка пришли такие неологизмы, как *андеграунд*, *байкер*, *бакалавр* и др. Из латинского пришли такие слова, как *аккредитация*, *волонтер*, *визуализация* и др. Французский язык обогатил русский язык словами *визажист*, *вернисаж*, *коллаж* и др.

Столь активная передача знаний при помощи неологизмов, заимствованных из английского языка, обусловлена использованием английского языка в качестве средства международного общения, а значит, фактом фиксации в нем большинства вновь возникающих реалий. Кроме того, английский язык занимает третье место по количеству носителей. Отметим, что и латинский язык по-прежнему активно используется при номинации появляющихся реалий. Закономерны также регулярные заимствования из немецкого и французского языков, которые долго время оставались и остаются популярными для изучения носителями русской языковой картины мира.

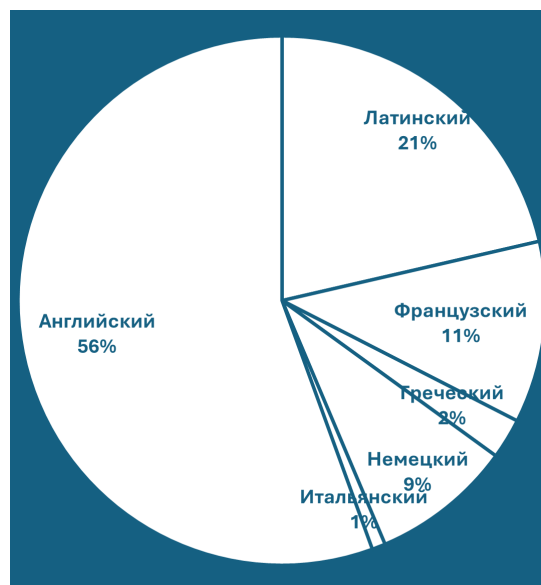

Рис. 1 – Источники заимствований в русский язык

Проанализируем также распределение неологизмов с точки зрения активности в разных областях жизнедеятельности человека (рисунок 2).

Рис. 2 – Распределение неологизмов по сферам жизнедеятельности человека

Очевидно, что наиболее часто неологизмы встречаются в области культуры и искусства (*дайджест*, *клип*, *продюсер*, *релиз*, *ремикс*, *рэп* и др.), спорта (*боулинг*, *кетч*, *могул*, *шорттрек*, *хавпайп*, *цейтнот* и др.), экономики, торговли и производства (*девальвация*, *демпинг*, *лизинг*, *опцион*, *фрахт*, *фьючерс* и др.), а также в сфере компьютерных технологий (*гаджет*, *редирект*, *репост*, *софт*, *флэшка* и др.).

О чем может свидетельствовать подобное распределение активности неологизмов по сферам жизнедеятельности человека? Во-первых, о значительной динамике и развитии этих областей, что привело к возникновению новых реалий, которые закономерно были зафиксированы в языке. Во-вторых, это может быть следствием большей открытости нашей страны, в результате

чего культура и язык были обогащены новыми реалиями и их языковыми выражениями, ранее не знакомыми носителям русской языковой картины мира. Наконец, с течением времени меняется и интерес к разным сферам у носителей лингвокультуры: очевидно, что в момент, когда носители русской языковой картины мира в полной мере ощутили влияние глобализации, наибольший интерес у большинства вызвала именно сфера культуры и искусства, как наиболее доступная и массовая. С переходом к рыночной экономике также стала развиваться и эта сфера, появилась необходимость в номинации новых процессов и явлений. Кроме того, с началом активного использования компьютеров на бытовом уровне, а также в результате стремительного развития этой области, стало появляться все больше новых слов, связанных с этой областью.

Итак, исследование показало, что неологизмы являются важнейшей формой передачи знаний – межкультурного трансфера знаний. Неологизмы образуются под влиянием как лингвистических, так и экстралингвистических факторов в связи с социальной потребностью носителей языковой картины мира в номинации новых явлений и процессов в социуме. Зачастую неологизмы образуются при помощи заимствований из английского, латинского, французского и немецкого языков. Отметим также факт корреляции между активностью появления неологизмов в разных сферах жизнедеятельности человека и экстралингвистическими факторами, связанными с общественно-культурной, политической и экономической областями жизни человека.

Список литературы

1. Арнольд, И. В. Лексикология современного английского языка. – 2-е изд., перераб. / И. В. Арнольд. – М. : ФЛИНТА; Наука, 2012. – 376 с. – Текст : непосредственный.
2. Баско, Н. В. Фразеологические неологизмы в русском языке: семантика, этимология, функционирование – Текст : электронный // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2018. – №3-1 (81) : [официальный сайт]. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/frazeologicheskie-neologizmy-v-russkom-yazyke-semantika-etimologiya-funktsionirovanie> (дата обращения: 16.01.2024).
3. Воробьёва, И. А. Понятие «неологизм», классификация неологизмов в английском языке – Текст : электронный // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права, 2019. – №3 (101) : [официальный сайт]. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-neologizm-klassifikatsiya-neologizmov-v-angliyskom-yazyke> (дата обращения: 15.01.2024).
4. Золян, С. Т. К основаниям теории междисциплинарного трансфера. Принцип переводоведческой относительности – Текст : электронный // МЕТОД : Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин, 2019. – №9 : [официальный сайт]. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/k-osnovaniyam-teorii-mezhdistsiplinarnogo-transfera-printsip-perevodovedcheskoj-otnositelnosti> (дата обращения: 14.01.2024).
5. Лингвистика и семиотика культурных трансферов : методы, принципы, технологии: коллективная монография / отв. ред. В. В. Фещенко ; ред. колл. : Н.М. Азарова и др. – М. : Культурная революция, 2016. – 500 с. – Текст : непосредственный.
6. Словарь неологизмов. Неологизмы XXI века – Текст : электронный / [официальный сайт]. – URL : <https://russkiiyazyk.ru/leksika/slovar-neologizmov.html> (дата обращения: 15.01.2024).
7. Циберная, О. Ф. Сопоставительное исследование внутрикультурного трансфера знаний в русской и китайской языковых картинах мира (на примере концепта «человек»/«人 (rén)»): дисс. канд. филол. наук : / О. Ф. Циберная. – Челябинск, 2019. – Текст : непосредственный.

DOI: 10.47475/9785727119631_382

И.А. ЧУНОСОВА / I.A. CHUNOSOVA

Южно-Уральский государственный университет (НИУ)
(Челябинск, Россия)

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СОЧЕТАЕМОСТЬ МЕЖДОМЕТИЯ «УВЫ» В ДИАХРОНИИ

LEXICAL COMPATIBILITY OF THE INTERJECTION «UVY» IN DIACHRONY

Аннотация

Междометие «увы» активно используется в русском языке с самых древних времен. На протяжении истории языка оно употреблялось, обростало спектром значений и приобретало лексическую сочетаемость. Отдельные модели стали работать в языке настолько активно, что закрепились и выстроили собственную парадигму, чрезвычайно интересную для исследования. В данной статье рассматриваются реализации междометных сочетаний с междометием «увы» по модели «междометие + личное местоимение в дательном падеже». Примеры для анализа и рассмотрения взяты из Национального корпуса русского языка и, хотя не полностью охватывают всю картину, дают представление о временных рамках и относительной частоте использования той или иной реализации модели. Междометное сочетание «увы мне» является абсолютным лидером среди парадигмы сочетаний, выстроенных по рассматриваемой модели.

Abstract

The interjection «uvy» has been actively used in the Russian language since ancient times. Throughout the history of the language, it has been used, acquired a range of meanings and acquired lexical compatibility. Individual models began to work so actively in the language that they established and built their own paradigm, which is extremely interesting for research. This article discusses the implementation of interjection combinations with the interjection «uvy» according to the model «interjection + personal pronoun in the dative case». The examples for analysis and consideration are taken from the National Corpus of the Russian language and, although they do not fully cover the whole picture, they give an idea of the time frame and relative frequency of use of one or another implementation of the model. The interjection combination «uvy for me» is the absolute leader among the paradigm of combinations built according to the model under consideration.

Ключевые слова: междометие, история междометия, Национальный корпус русского языка, история русского языка, лексическая сочетаемость, диахрония, междометное сочетание.

Keywords: interjection, the history of interjection, the National Corpus of the Russian language, the history of the Russian language, lexical compatibility, diachrony, interjection combination.

Междометие «увы» одно из самых активных и употребляемых на протяжении всей истории письменной фиксации русского языка. Спектр его лексических значений широк, однако напрямую очерчен: все его значения призваны отражать негативную оценку, отрицательные эмоции, отношение к угнетающим обстоятельствам жизни автора высказывания.

Значение междометия «увы» во всех лексикографических источниках выдержано в описанном нами спектре. Характеристика этого междометия в словаре В.И. Даля: «увы, междомет. сетованья, ах, о, ох, беда, горе мне, о горе, о бедствие. **Увыкать** охать, сокрушаться, горевать с возгласами, стопами, восклицаньями. **Увыкание** стоны, стенанье, плач» [Даль, 2024, URL]. Примечательно, что В.И. Даль включает в статью об этом междометии два образованных от него глагола с их значением, также охарактеризован-

ным по принципу синонимического ряда. Малый академический онлайн-словарь русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой дает подобное описание: «увы, междом. Восклицание, выражающее сожаление, сетование по поводу чего-л.» [Евгеньева, 2024, URL]. Ефремова Т.Ф. в «Новом словаре русского языка» разграничивает междометие с предикативом подобно описанию омонимов: «увы1 предикатив 1. Выражение сожаления по поводу чего-л. как действие. **увы2** межд. Разг. 1. Употр. при выражении сожаления по поводу чего-л.» [Ефремова, 2024, URL]. Как мы видим, описание значения междометия снова выглядит однозначно читаемым. В толковом онлайн-словаре Кузнецова авторы словарной статьи посчитали нужным акцентировать внимание и добавить междометию дополнительную оценочность: «увы межд. Выражает горькое сожаление, сетование по поводу чего-л.» [Кузнецов, 2024, URL]

– сожаление описывается как «горькое», что тоже служит выразительности и концентрирует значение негативных оттенков сожаления, уподобляя его переживанию горя. В одном из наиболее распространенных и используемых по сей день словарей – в словаре С.И. Ожегова, напротив, происходит снижение негативного оттенка междометия: «**увы**, межд. Выражает сетование, сожаление. Былого не воротить, у.» [Ожегов, 2024, URL].

Лексическое значение междометия «увы» заметно влияет на его сочетаемость: выражение сетования или сожаления нередко имеет адресата, направленность данной интенции. В связи с этим междометие «увы» традиционно и частотно создает междометные сочетания с личными местоимениями в дательном падеже. Для описания данного языкового явления и его частичного анализа здесь и далее примеры взяты из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [НКРЯ, 2024, URL].

По порядку перечисления личных местоимений, первым подвергается анализу сочетание «**увы мне**». Это наиболее часто встречающаяся модель, зафиксированная в НКРЯ, масса примеров (114 текстов, 141 употребление) демонстрирует использование данного сочетания со второй половины XIX века вплоть до современного периода. В изданиях XX века приведены примеры из более старых текстов, в том числе из хрестоматий по древнерусской литературе: «Услышав эту весть, Глеб возопил с горьким плачем и сердечной печалью, говоря так: «**О увы мне**, господине мой!» [НКРЯ, 2024, URL]. Таким образом, можно смело утверждать, что это сочетание активно использовалось со времен написания «Сказания о Борисе и Глебе», то есть, примерно с середины XI века. В другом примере, взятом из эпистолярного жанра, а конкретно – из переписки А.П. Чехова с братом, видно, что данное сочетание используется, хотя и в ироническом смысле, но в повседневной ситуации, а это говорит нам о его распространенности как модели: «Отзываются кошке мышкены слезки; так отзывается и мне теперь мое нерадение прошлых лет. **Увы мне!** Почти все приходится учить с самого начала» [НКРЯ, 2024, URL]. Третий пример взят из современного художественного произведения, где теряет оттенок ироничности и приобретает серьезный тон: «Не только эта, но и любая другая из глав моего растрепанного повествования могла бы называться так. **Увы мне**, ничего не могу поделать. Жизнь наша хаотична, тороплива и бесструктурна, сейчас это, пожалуй, является ее главным отличительным свойством» [НКРЯ, 2024, URL]. Закljučаем, что данное сочетание не выходило из состава активных единиц языка, ис-

пользовалось часто, всегда выражая сожаление, направленное на самого говорящего, это самокритичное высказывание может быть ироничным или серьезным, но всегда сообщает о предмете сетования автора в себе самом или своей жизни.

«**Увы тебе**» – следующая единица в текущем анализе сочетаний. В случае работы с НКРЯ, встречается гораздо меньше зафиксированных употреблений данной единицы (9 текстов, 9 примеров), и не во всех отслеживается омонимия. Однако примеры встречаются, отражая необходимую грань модели: «**Увы тебе**, Мамай! вознесся до небес, и в ад нисходишь? «и проч.» [НКРЯ, 2024, URL]. В случаях употребления данного междометного сочетания прослеживается нарочитая высокопарность, его применяют для усиления пафосности высказывания в большинстве обнаруженных в НКРЯ примеров: «Горе тебе, Седмихолмие! **Увы тебе**, Вавилон! Вода потопит высокие стены твои, и не останется в тебе ни одной колонны, и возрыдают о тебе приплывшие к твоим башням корабли» [НКРЯ, 2024, URL]. Третий пример демонстрирует использование этого сочетания в поэтическом тексте: «**Увы тебе**, прощальная краса, ты облетишь и сразу станет холодно и звонкие умолкнут голоса веселых птиц» [НКРЯ, 2024, URL]. В каждом из приведенных примеров мы видим пафосное и высокопарное обращение к человеку или предмету, в том числе абстрактному понятию, которое служит одновременно траурной речью по ушедшему и выражением авторского сожаления.

Следующая единица, «**увы нам**» – представлена в НКРЯ обширно (36 текстов, 37 примеров). Разброс по времени текстов весьма широк: от XVIII века до настоящего времени. «**Но увы нам** грешником! яко мы нерадеем о сем спасительном брашне, о покаянии святом, глаголю: точию тело довольствуем, а душу непокаянием умерщвляем, не каемся, не исповедуемся грехов наших, и не жалеем никогда, аще и тьмами тем на един день согрешаем» [НКРЯ, 2024, URL] – частотное использование разных реализаций модели данного междометного сочетания в текстах религиозного характера подчеркивает его высокую пафосность, характерную в проповедях, житиях, пересказах евангельских текстов и их переводах. «**Увы нам**, но мы действительно переживаем сейчас ситуацию, при которой всем все равно, а отношения между аудиторией и художником до ужаса напоминают отношение Муравья к Стрекозе в финале крыловской басни» [НКРЯ, 2024, URL]; «**Увы нам**, грешным: ожидания так и остались ожиданиями, а тезис «сам дурак» – воистину вечен» [НКРЯ, 2024, URL] – в современном русском языке это сочетание используется в

публицистике для повышения воздействующей силы текста.

«**Увы вам**» – данное сочетание встречается редко (6 примеров, 6 текстов), однако тоже представлено в НКРЯ. К сожалению, не все примеры соответствуют модели «междометие + личное местоимение в дательном падеже». «Волх заскрежетал зубами с досады; но скоро успокоился. – **Увы вам!** – говорил он про себя. – Примирюсь, братаны, с вами, когда камень всплывет, а хмель потонет!» [НКРЯ, 2024, URL] – в этом примере междометное сочетание служит для выражения угрозы и подбадривания самого себя, то есть сетование по поводу судьбы приобретает оттенок обещания неприятностей, это неискреннее, а злорадное сожаление.

Междометное сочетание «**увы ему**» вовсе не представлено среди единиц Национального корпуса русского языка, что означает его исключительную редкость. Тогда как междометное сочетание «**увы ей**» – присутствует, однако представлено в единичном примере: «То же самое, естественно, происходит и в том случае, если, отсчитав нужное число станций, вы оказались на станции, где стоит фишка противника. **Увы ей!**» [НКРЯ, 2024, URL]. Характерно прослеживается общее значение междометных сочетаний по рассматриваемой модели: это словесный облик своеобразного траура по чужой судьбе, высокопарный, но не всегда наполненный исключительно сожалением. В данном примере к нему примешивается торжество победителя над побежденным.

Завершающее ряд реализаций по модели «междометие + личное местоимение в дательном падеже», «**увы им**» также мало представлено в Национальном корпусе, всего один пример: «Эолина...» шепчет Макарей, простирая к ней дрожащие руки, «дорогая Эолина!..» Бледная контессина быстро поднимается, слезы дрожат в ее ресницах, но **увы им, увы им**, губы ищут пурпуровых губ, руки сплетаются, как ветви винограда, и снова сердится старушка Ночь, ибо так звучен поцелуй итак откровенны томные вздохи, вырывающиеся из бесстыдных уст...» [НКРЯ, 2024, URL]. В этом примере «**увы им**» также придает пафосность высказыванию, делая происходящее подобием древнегреческой трагедии по духу и стилю: само произведение написано В.И. Мозалевским с опорой на древнегреческий миф и было принято в литературной среде начала XX века как фантастический рассказ. Воля рока, обрекающая героев полюбить друг друга вопреки родственной связи и общественной морали, заставляет автора и читателей сочувствовать им, так как в античной литературе рок и судьба неумолимы, а значит, все предрешено изначально и трагический финал

неминуем. «**Увы им**» выражает авторскую позицию к происходящему, осознанное сожаление, предвидение перспективы героев, знание о развязке их отношений.

Таким образом, данная модель междометного сочетания активно действует на протяжении многих веков [Супрун, 2023, с. 147]: в текстах памятников многократно встречаются примеры сочетания междометия «**увы**» с личными местоимениями в дательном падеже, но лидирующую роль так же, как и в современном состоянии языка, занимает сочетание «**увы мне**». Примечательно, что в НКРЯ представлено больше всего примеров сочетаний «**увы мне**» и «**увы нам**», что косвенно говорит о большей готовности к использованию данного сочетания относительно общности включающей самого говорящего, своеобразная готовность к самокритике и самобичеванию, тогда как окружающие получают гораздо меньшую меру сожаления и сетования по поводу их жизненных выборов или жизненной ситуации.

Список литературы

1. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – Текст : электронный // Лексикограф. Интернет-портал : онлайн-словари русского языка : [официальный сайт]. – URL : <https://lexicography.online/explanatory/efremova/y/увы> (дата обращения: 14.01.2024).
2. Национальный корпус русского языка. 2003–2023. – Текст : электронный. – URL : <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 14.01.2024).
3. Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – Текст : электронный // Лексикограф. Интернет-портал : онлайн-словари русского языка : [официальный сайт]. – URL : <https://lexicography.online/explanatory/ozhegov/y/увы> (дата обращения: 14.01.2024).
4. Словарь русского языка : В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. – Текст : электронный // Лексикограф. Интернет-портал : онлайн-словари русского языка : [официальный сайт]. – URL : <https://lexicography.online/explanatory/mas/y/увы> (дата обращения: 14.01.2024).
5. Супрун, В. И., Ду Сянь. Междометия в первых русских словарях // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2023. №3. – Текст : электронный. – URL : <https://cyberleninka>.

ru/article/n/mezhdometiya-v-pervyh-russkih-slovaryah (дата обращения: 14.01.2024).

6. Толковый онлайн-словарь русского языка Кузнецова С. А. – Текст : электронный // Лексикограф. Интернет-портал: онлайн-словари русского языка : [официальный сайт]. – URL : <https://lexicography.online/explanatory/kuznetsov/y/увы> (дата обращения: 14.01.2024).

7. Толковый словарь Даля В. И. : увы – Текст : электронный // Лексикограф. Интернет-портал: онлайн-словари русского языка : [официальный сайт]. – URL: <https://lexicography.online/explanatory/dal/> (дата обращения: 14.01.2024).

ПЕРЕВОД И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

DOI: 10.47475/9785727119631_386

А.С. БОЛДЫРЕВА, Н.Е. ЮРЧЕНКО / A.S. BOLDYREVA, N.E. YURCHENKO

Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)ТРУДНОСТИ ДИСТАНЦИОННОГО УСТНОГО ПЕРЕВОДА
(ПО МАТЕРИАЛАМ ОПРОСА ПЕРЕВОДЧИКОВ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА)DISTANCE INTERPRETING CHALLENGES BASED ON A SURVEY OF CHINESE
LANGUAGE INTERPRETERS

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-10218, <https://rscf.ru/project/23-28-10218/>, и Челябинской области в Челябинском государственном университете

Аннотация

В статье освещаются результаты опроса переводчиков, работающих в китайско–русской языковой комбинации и имеющих опыт выполнения дистанционного устного перевода. Описываются основные виды удаленного перевода, а также их особенности. Рассматриваются типичные для данной языковой комбинации ситуации и сценарии дистанционного перевода, а также технические и психологические трудности, с которыми сталкиваются переводчики в процессе работы, выявляются причины их возникновения. Исследование позволило сделать вывод о том, что в данный момент на рынке переводческих услуг увеличился спрос на услуги устного дистанционного перевода с китайского на русский язык, а также о том, что при минимизации технических сложностей данный вид перевода не уступает очному. Предложены возможные пути решения трудностей, возникающих при дистанционном переводе.

Abstract

The article discusses the results of a survey conducted among Chinese–Russian interpreters who have experience in performing remote interpreting. The article describes the main types and specific characteristics of remote interpreting. The article focuses on the most typical problems and scenarios of remote interpreting, describing technical and psychological difficulties encountered by interpreters in the process of remote interpreting. The article also describes the reasons of the difficulties. The study allowed us to conclude that at the moment, in the market of translation services, the demand for remote interpretation services from Chinese into Russian has increased, and also that, while minimizing technical difficulties, this type of translation is not inferior to face-to-face translation. The article suggests possible solutions to the difficulties encountered in remote interpreting.

Ключевые слова: технологически-опосредованная коммуникация, технический перевод, дистанционный перевод, китайский язык, трудности перевода.

Keywords: technology-mediated communication, technical interpreting, remote interpreting, Chinese language, translation problems.

В данной статье описываются результаты опроса устных переводчиков китайского языка об их опыте работы в дистанционном и удалённом режиме, а также о типичных трудностях, с которыми им приходится сталкиваться при переводе технологически опосредованной коммуникации.

Сегодня в России, как и во всем мире, растет интерес к китайскому языку. Особую важность он приобретает в связи с изменением внешне-политического курса России в сторону востока

и активным сотрудничеством России и Китая в рамках ШОС и БРИКС [Соловьев, 2018, с. 257]. В настоящее время Россия и Китай реализуют множество совместных проектов как в политике, так и в бизнесе, с чем связана потребность в переводческом сопровождении кооперации на различных уровнях. Важным аспектом реализации поставленных задач сотрудничества двух стран в области политики, экономики, науки и техники является развитие информационно-коммуника-

ционных технологий (ИКТ) [Российско-китайский диалог: модель 2023, 2023]. Электронная коммерция и цифровая торговля, совместные научные исследования, коммуникации и связь – ИКТ обеспечивают эффективные коммуникационные каналы для взаимодействия между представителями бизнеса, правительственными структурами и населением России и Китая.

После пандемии значительная часть переговорных процессов в дипломатической, гуманитарной и бизнес-сферах была перенесена в дистанционный формат. В настоящее время преобладают три основных вида сценариев удалённого перевода: перевод по телефону, видеоудалённый перевод и удаленный синхронный перевод. Перевод по телефону и видеоудалённый перевод выполняются с применением онлайн-платформ для конференций и видеозвонков, таких как Skype или WeChat. Удаленный синхронный перевод требует использования специализированных платформ для видеоконференцсвязи, например Zoom, а также платформ для удаленного перевода, таких как KUDO или Interprefy [Волчкова, Краснопева, 2021, с. 84]. Как показал ряд исследований (см. обзор в [Краснопева, 2021, с. 143-167]), описанные виды перевода подразумевают трудности как технического, так и психологического характера.

Большая часть трудностей дистанционного устного перевода обусловлена технологической опосредованностью коммуникации. Так, проблемы со связью и звуком (зачастую – со стороны заказчика) приводят к трудностям на этапе понимания, а также оказывают влияние на общее психологическое состояние коммуникантов. Одновременное говорение участников общения приводит к фрагментации дискурса, вследствие чего переводчику бывает сложно структурировать диалог и выделить реплики для перевода. Формат видеоконференции также ограничивает возможности восприятия паралингвистических средств – жестов и мимики говорящего, которые переводчик также использует для интерпретации смысла исходного текста [Волчкова, Краснопева, 2021, с. 87]. Например, в видеоудалённом абзацно-фразовом переводе описанные проблемы приводят к «асимметрии» оригинальных и переводных высказываний, поскольку переводчик активно прибегает к использованию «не-перевода» – реплик, не передающих содержание исходного текста (чаще – переспросов для уточнения смысла высказывания). Такого рода добавления могут быть вызваны спецификой видеокоммуникации, а также необходимостью обеспечить связность дискурса [Краснопева, Краева, 2023]. В условиях трудностей на этапе интерпретации, добавления и опущения могут потенциально изменить смысл оригинального высказывания.

При этом дистанционный устный перевод в языковой паре русский – китайский имеет особую специфику. Следуя направлению, обозначенному в [Волчкова, Краснопева, 2021], мы провели опрос практикующих переводчиков из разных регионов страны (n=14), в рамках которого собрали данные об их опыте работы с использованием технологии видеосвязи, опыте перевода телефонных переговоров и удаленного последовательного перевода. Цель исследования – описать трудности, с которыми сталкиваются переводчики в ходе дистанционного устного перевода в русско-китайской языковой паре, проанализировать возможные причины выявленных трудностей, а также описать практические рекомендации для устранения выявленных проблем.

14 вопросов, включённых в опросный лист, касались следующих тем: 1) конфигурации и сценарии дистанционного перевода, а также 2) трудности технического и психологического характера. Опросный лист распространялся в феврале 2024 года среди практикующих устных переводчиков китайского языка, а также в онлайн-сообществах, которые объединяют практикующих переводчиков и синологов. Своим опытом устного дистанционного перевода с нами поделились 14 респондентов. В таблице 1 представлены данные переводчиков, которые принимали участие в опросе.

Таблица

Общая информация о переводчиках, принимавших участие в опросе

Параметры		Количество респондентов
Общее количество участников опроса		14
Родной язык	Русский	14
Пол	Женский	13
	Мужской	1
Возраст	18–25 лет	2
	26–35 лет	8
	36–45 лет	4
Опыт устного перевода	Менее 1 года	0
	3–5 лет	3
	6–10 лет	8
	Более 10 лет	3
Опыт дистанционного перевода	Есть	12
	Нет	2

Так, большая часть респондентов – достаточно опытные переводчики, работающие в сфере устного перевода с китайского языка от 6 до 10 лет, 21,4% – более 10 лет, и 21,4% – 3-5 лет. Говоря о возрасте респондентов, можно отметить, что самую большую группу (57,1%) составляют люди в возрасте 26-35 лет, 28,6% – 36-45 лет.

Результаты исследования

В ходе проведения опроса мы получили следующие данные. Большинство участников опроса отметили, что имеют опыт дистанционного перевода (85,7%), 14,3% никогда не сталкивались с таким видом перевода в своей практике. Вероятно, можно рассуждать о том, что прогнозы исследователей цифровой коммуникации сбылись: после ограничений пандемии дистанционный устный перевод стал частью обыденного делового общения и частью бизнес-процессов как на западе, так и на востоке.

Рассмотрим ключевые конфигурации и сценарии, с которыми сталкивались респонденты. Большая часть опрошенных (50%) отметила, что имеет опыт работы в условиях сценария, при котором переводчик находился на месте очно с одной стороной переговоров, вторая сторона (иностранный китайский делегация) подключалась дистанционно (28,6%). 50% опрошенных подтвердили, что осуществляли удалённый перевод (обе стороны переговоров подключались онлайн). Респонденты отмечали, что у них был опыт перевода в ситуации, когда все участники находились онлайн (14,3%), а также опыт перевода телефонных переговоров – 7,1%. Большая часть респондентов (49%) имела опыт работы во всех перечисленных сценариях дистанционного перевода.

Говоря о программном обеспечении, 50% респондентов указали, что перевод выполнялся последовательно в ходе видеоконференции на платформе Zoom, 35,7% использовали Skype, 50% пользовались китайским мессенджером Wechat, 21,4% использовали китайскую программу для проведения онлайн конференций Voov, 7,1% респондентов осуществляли перевод в BigBlueButton, WhatsApp и Telegram.

Чтобы описать типичные условия, в которых переводчику приходится переводить, мы задали респондентам вопрос, как именно они слышали речь носителя языка: использовали ли наушники, колонки или динамик, компьютер или телефон. Наш опыт перевода в удалённом режиме позволяет утверждать, что от того, насколько ясно переводчик слышит речь носителя китайского языка, значительно зависит качество перевода. 71,4% респондентов слышали речь носителя через динамик или колонки, 42,9% – через наушники и компьютер, и 50% использовали громкую связь через телефон.

Если говорить о ситуации перевода, то большая часть опрошенных ответила, что самым частым запросом для онлайн-перевода был перевод переговоров (78,6%), 57,1% респондентов осуществляли технический перевод (пусконаладочные работы и перевод на производстве), 42,9%

принимали участие в телефонных переговорах, и 7,1% выполняли перевод речи подсудимого или перевод в области медицинской тематики. Говоря о возможности подготовки к переводу, 28,6% опрошенных отметили, что у них была возможность подготовиться к удалённому переводу, так как заказчик выслал все необходимые материалы, 50% респондентов не имели возможности подготовиться, 9% знали примерную тему переговоров, подготовка к переводу осуществлялась ими самостоятельно.

Отдельно остановимся на типичных трудностях, с которыми переводчики столкнулись в процессе дистанционного перевода. Так, большинство респондентов в нашем исследовании (71,4%) заявили, что ключевая трудность заключалась в низком качестве связи. Были указаны также технические трудности, вызванные нестабильным Интернет-соединением (57,1%) и посторонними шумами (71,4%). 21,4% респондентов выделили в качестве трудности удалённого перевода диалект носителя китайского языка. Несмотря на то, что в Китае стандартизированным и общепринятым языком является путунхуа, во многих провинциях люди продолжают говорить на привычных им диалектах, которые по своему звучанию могут в корне отличаться от нормы. В связи с этим, как показывает наш опыт, большинство заказчиков перед организацией переговоров прибегает к «тестовому звонку»: переводчику необходимо связаться с носителем языка и поговорить с ним, тем самым проверить понимают ли они друг друга. 7,1% респондентов отметили также такие трудности, как быстрый темп речи носителя языка, 14,3% – ограниченное количество времени на выполнение перевода, 7,1% – отсутствие видеосвязи (видеоизображения), 7,1% – одновременную речь нескольких человек.

Процесс устного перевода в силу ряда когнитивно-психологических особенностей по определению связан со стрессом как для начинающих, так и для опытных переводчиков. Ответы на вопросы о психологических трудностях во время дистанционного перевода с китайского языка, полученные в результате опроса, показывают следующее. Для 35,7% переводчиков самой большой психологической трудностью при работе в дистанционном режиме стала невозможность воспринимать невербальную информацию говорящего, а именно жесты, мимику, позу и т.д. 21,4% жаловались на отсутствие видеоизображения и 28,6% на снижение концентрации внимания. Одной из существенных психологических трудностей перевода стала также сложность во взаимодействии с заказчиком (21,4%). В равной степени (по 7,1%) респондентами были выделены волнение, боязнь неправильно

понять говорящего, страх перед акцентом носителя, неуверенность в своем произношении, а также технические трудности, например, помехи в связи.

В процессе дистанционного перевода, как любого вида устного перевода, переводчик может столкнуться с понижением концентрации внимания, что, в свою очередь, приводит к снижению качества перевода. Среди опрошенных нами переводчиков 42,9% отметили, что их концентрация снижалась из-за отвлекающих факторов (шумов, помех, голосов), 28,6% не испытывали проблем со снижением концентрации, у 7,1% переводчиков концентрация снижалась из-за длительности перевода.

Выводы

Несмотря на то, что дистанционный устный перевод подразумевает широкий набор трудностей, большая часть респондентов считает, что при минимизации технических сложностей, указанных выше, данный вид перевода не уступает контактному переводу. Во избежание снижения концентрации, а вследствие чего и качества перевода, переводчику необходимо пользоваться наушниками, заказчику же следует рекомендовать не использовать вывод звука на колонки, компьютер, динамик или телефон. Тем самым, можно сделать вывод, что на основе дальнейших исследований в области дистанционного перевода можно не только выявить основные трудности, с которыми сталкиваются переводчики, но и возможные пути решения возникающих трудностей.

Список литературы

1. Волчкова, А.С., Краснопева, Е.С. Особенности дистанционного устного перевода в языковой паре «китайский-русский»: взгляд переводчиков // *Russian Linguistic Bulletin*. – 2021 – №4 (28). – С. 84-89. – Текст : непосредственный.

2. Краснопева, Е.С., Краева, С.С. Асимметрия оригинала и перевода в ситуации удалённого инструктажа. – Текст : электронный // *Russian Linguistic Bulletin*. – 2021 – №1 (37). – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/asimetriya-originala-i-perevoda-v-situatsii-udalennogo-instruktazha> (дата обращения: 17.01.2024).

3. Краснопева, Е.С. Дистанционный устный перевод: терминология, таксономия и ключевые направления исследования. – Текст : электронный // *Научный диалог*. – 2021; (11). – С. 143-167. – URL : <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-11-143-167> (дата обращения: 10.02.2024).

4. Юе, Ж. Типичные проблемы в ходе устного перевода в русско-китайской комбинации и пути их решения // *Мир науки, культуры, образования*. – 2019. – №6 (79) – с. 547-550. – Текст : непосредственный.

5. Матвиенко, С.В., Васильева, Е.В., Полякова, Н.Ю., Евдокименко, В.В. Психологические сложности, возникающие в процессе дистанционного обучения и способы их преодоления // *Образование и право*. – 2021. – №1. – с. 195-199. – Текст : непосредственный.

6. Российско-китайский диалог: модель 2023: доклад № 87 / К.В. Бабаев, А.В. Картунов, Ф. Юйцзюнь, Г. Цзисян // *Российский совет по международным делам (РСМД)*. – Москва : НП РСМД, 2023. – 88 с. – Текст : непосредственный

7. Соловьев, С.С. Социологический анализ вызовов роста популярности китайского языка в России // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки*. – 2018. – № 1 (794). – 257 с. – Текст : непосредственный.

8. Сусоева, Е.К. Китайский язык. Особенности устного и письменного перевода // *Молодой ученый*. – 2016. – № 14. – С. 669-671. – Текст : непосредственный.

DOI: 10.47475/9785727119631_389

И.А. ВОРОНЦОВА / I.A. VORONTSOVA

*Ярославский государственный педагогический университет
им. К.Д. Ушинского
(Ярославль, Россия)*

НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ МНОГОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

NEW DIRECTIONS IN THE DEVELOPMENT OF MULTILINGUAL LEXICOGRAPHY

Аннотация

В настоящей статье анализируются текущее состояние и перспективы развития многоязычной лексикографии. Автор выделяет несколько ключевых направлений. Первое, это составление

словарей терминологий и номенклатур различных подязыков, специальных словарных порталов и терминологических баз данных, нацеленных на стандартизацию, гармонизацию и обеспечение унифицированного перевода лексики специальной номинации. Далее, это создание дву- и многоязычных онтологий, словарей именованных сущностей и тезаурусов, способствующих разностороннему и системному описанию специального знания. Наблюдается отчетливое движение в сторону би- и мультилингвализации одноязычных (толковых) словарей. Имеется опыт создания словарей и словарных приложений для пользователей-мультилингвов. Следует отметить и развитие такого направления, как создание многоязычных машинно-читаемых словарей для систем машинного перевода и приложений, применяемых для обработки естественных языков (NLP).

Abstract

This article analyzes the current state and prospects for the development of multilingual lexicography. The author identifies several major trends. First, it is the compilation of specific-purpose dictionaries, specialized dictionary collections (portals) and terminological databases aimed at the standardization, harmonization and provision of unified translation of the lexicon of special nomination. Next, it is the creation of bilingual and multilingual ontologies, dictionaries of named entities and thesauri, contributing to a versatile and systematic description of special knowledge. There are clear tendencies towards bi- and multilingualization of monolingual (explanatory) dictionaries. There is some experience in developing dictionaries and dictionary applications for multilingual users. The creation of multilingual machine-readable dictionaries for machine translation systems and NLP applications should also be noted.

Ключевые слова: многоязычная лексикография, многоязычный словарь, двуязычный словарь, билингвализация, мультилингвализация, терминологический словарь, онтология, тезаурус, учебный словарь, кастомизация.

Keywords: multilingual lexicography, multilingual dictionary, bilingual dictionary, bilingualization, multilingualization, specific-purpose dictionary, ontology, thesaurus, learner's dictionary, customization.

Компьютерные, а затем электронно-цифровые технологии коснулись многих аспектов лексикографической практики. Изменились среда функционирования словарей и справочных ресурсов, способ запроса, обработки и извлечения информации из словаря. Ресурсы приобрели гибридный характер, объединив в своей структуре словари и справочники разных типов и жанров, нацеленные на решение большого спектра задач. Появились словарные каталоги, порталы, агрегаторы, предоставляющие пользователю доступ к ресурсам, общим по тематике или назначению, или собирающие на странице однотипный материал из разных словарей [Воронцова, 2022]. В основу электронных словарей и справочников были положены корпусные данные, корпус стал частью структуры многих словарей. Постепенно стерлись границы между лингвистическими и энциклопедическими словарями, расширилось и понятие самого словаря. Современные авторы пишут о словарях как об «информационных инструментах, с помощью которых обрабатываются слова, термины, факты и/или сущности» [Fuertes-Olivera, 2019, с. 9]. Лексикография рассматривается как отрасль, имеющая свою бизнес-модель, где словарь – это не «конечный продукт», а непрерывно оказываемая «услуга», соответственно, он нуждается в постоянном обновлении, пополнении, упрощении и совершенствовании (особенно в части технологий пользовательско-

го запроса и метаязыка, качества визуальной составляющей, диверсификации средств, используемых для описания заглавных единиц, и др.) [там же, с. 20]. Названные явления и процессы нашли отражение и в практике составления многоязычных словарей.

Многоязычная лексикография традиционно (и вполне справедливо) рассматривается в контексте переводной лексикографии и в этом смысле часто сопоставляется (противопоставляется) двуязычной лексикографии. О двуязычном словаре как о главном представителе переводных словарей пишет В.В. Дубичинский. Автор отмечает, что к основным достоинствам двуязычных словарей следует относить детальную семантизацию заглавных единиц, прямой подход к переводным эквивалентам, ориентацию в специфике языковой пары, оперативное внесение в текст словаря исправлений и уточнений, определенные рамки адекватного метаязыка лексикографии, отсутствие чрезмерного материала, касающегося этимологии, дефиниции, энциклопедической информации и т.п. [Дубичинский, 1998, с. 73]. Коренным отличием двуязычных словарей от многоязычных, по мнению исследователя, является то, что многоязычные словари на практике выполняют пассивную функцию и, как правило, используются лишь в качестве справочных пособий [там же, с. 73]. В эпоху бумажной лексикографии это утверждение, вероятно, было весьма близко к

истине, однако сегодня задачи мультилингвальных словарей не исчерпываются уточнением соответствия в некотором множестве языков. Многоязычные словари вносят вклад в унификацию и гармонизацию терминов и организацию специальных знаний, используются как полноценные источники информации при переводе, содержат ценные сведения, способствующие проведению сравнительно-сопоставительных исследований, создают комфортные условия работы с информацией пользователям, живущим в ситуации многоязычия. Следует отметить и развитие такого направления, как создание многоязычных машинно-читаемых словарей для систем машинного перевода и NLP-приложений [Voas, 2009].

Итак, одним из главных направлений развития многоязычной лексикографии является составление словарей терминологий и номенклатур различных подязыков, специальных словарных порталов, терминологических баз данных. В качестве примера можно привести портал *Lexicool.com*, имеющий ссылки на 7000+ специальных словарей и глоссариев, при этом количество пар с участием языков, востребованных в глобальном общении (языки международных союзов, политических и экономических организаций и др. – английский, французский, русский и др.), составляет порядка 60, для каждой языковой пары доступно до нескольких сотен словарей [Tono, 2013, с. 3372]. Поиск на портале осуществляется по языковой паре, тематике или ключевым словам. Пользователям доступен автоматический переводчик [Lexicool].

Широко известные многоязычные терминологические базы данных включают *IATE (Inter-Active Terminology for Europe)*, преемника таких терминологических баз, как *EURODICAUTOM*, *TIS*, *EUTERPE*, *EUROTERMS*, *CDCTERM*, *UNTERM*, *WIPO Pearl* (Многоязычный портал терминологии ВОИС) и др., создаваемые как сетевые инфраструктуры для имеющихся терминологических ресурсов с целью стандартизации, гармонизации и обеспечения унифицированного перевода терминологии различных подязыков [Fuertes-Olivera, 2019, с. 14]. К достоинствам таких баз пользователи и исследователи относят большой объем представленного лексического материала (так, статистика базы *IATE* указывает на наличие в ней около 7 миллионов словарных статей, 8.7 миллиона терминов, в том числе 540000 аббревиатур [там же, с. 14]) широкий охват предметных областей и языков (база *IATE* содержит терминологические соответствия для 25 языков, использующихся на территории Евросоюза), актуальность и валидность информации, использование элементов идеографирования тер-

минов (отсылки к предметным областям и подобластям, поиск на понятийной карте, например в *WIPO Pearl*).

Перспективы дальнейшего развития терминологических словарей и баз данных связываются с унификацией подходов к разработке словарных статей для тех же (сходных) ключевых слов в разных языках (например, включение в словарные статьи на разных языках одних и тех же информационных категорий), разработкой доступных комментариев, позволяющих понять разницу в семантике и прагматике взаимных терминологических эквивалентов в интересующих языках, насыщением словарных статей корпусом иллюстративных примеров, элиминацией избыточной или повторяющейся информации, кастомизацией режимов просмотра статей для разных языков, подстраиваемых под вид деятельности пользователя (в «рецептивной ситуации» пользователю может быть достаточно визуализации иноязычных соответствий или определения термина, в «продуктивной ситуации», напротив, ключевой станет прагматика единицы, представленная в коллокациях, синонимических средствах, справках об особенностях употребления термина и т.д. [Там же, с. 20-26].

Отдельным направлением в развитии мультилингвальной лексикографии становятся дву- и многоязычные онтологии, словари именованных сущностей, тезаурусы. Например, Е.Е. Котова и И.А. Писарев описывают онтологическую модель предметной области «Онтологический инжиниринг» для русского и английского языков. Конструирование модели включает такие шаги, как анализ запросов пользователей, формирование корпуса текстов, определение формата тезауруса терминологической структуры предметной области, формирование частотного словаря, удаление из словаря незначимых слов, пополнение тезауруса из машинно-читаемых словарей, формализация классификационной структуры, рецензирование прототипа онтологии, расширение корпуса текстов, эксплуатация онтологии [Котова, Писарев, 2016]. Содержательно онтология включает термин (лемму), дефиницию, гипероним и синонимы к ключевым терминам.

Интересным видится опыт создания толково-энциклопедического словаря (словаря именованных сущностей) с элементами онтологии *BabelNet*, интегрирующего в единую многоязычную сеть информацию из различных источников на разных языках (более 500 языков). Ресурс фактически дает комплексное лингвоэнциклопедическое описание апеллятивной лексики и именованных сущностей (апеллятивов и онимов), организуя их в синсеты (наборы синонимической

лексики и смысловых коррелятов в разных языках), агрегируя знания о словах и сущностях, полученных из ряда внешних ресурсов [Воронцова, 2023, с. 71].

Заметно движение в сторону би- и мультилингвализации одноязычных (толковых) словарей. Например, в структуру *Collinsdictionary.com* введены двуязычные словари для 10 языков и онлайн-переводчик для 100+ языков и языковых вариантов. В структуре *Cambridgedictionary.org* языковой охват составляет 20+ языков и языковых вариантов. Ресурсы, изначально ориентированные на перевод (*Multitran*, (*ABBY*) *Lingvo Live*, *Linguee*, *PONS*, *Glosbe*, *WordReference.com* и др.), предлагают автономно работать с конкретной парой языков, однако количество языковых пар (учитываются варианты) в ресурсах достаточно велико – в среднем, не менее 50 [Воронцова, 2022, с. 190].

В современной научной литературе представлен опыт создания словарей и словарных приложений для пользователей, проживающих в странах с большим количеством государственных и / или официальных языков (в том числе нестандартизированных). Так, Rufus H. Gouws описывает веб-приложение для мобильных телефонов *MobiLex*, обслуживающее 3 из 12 (включая жестовый) официальных языков ЮАР: английский, африкаанс, коса. Приложение предназначено для школьников и ориентировано, прежде всего, на изъяснение терминов и специальных слов подязыков математики, географии, теологии и других наук, знание которых необходимо для успешного освоения школьной программы. Язык поискового запроса определяет язык толкования единицы, в словарной статье обязательно приводятся соответствия искомого слова на двух других языках. К перспективным направлениям развития словарей данной категории Rufus H. Gouws относит расширение спектра описываемых языков и предметных областей, ранжирование лексического корпуса по возрастам пользователей и ступеням обучения, интегрирование словарного корпуса с корпусами текстов учебников, рекомендуемой к изучению «внеклассной» литературы, внешними источниками информации и др. Rufus H. Gouws обращает внимание и на операциональную компоненту словаря: учитывая тот факт, что, работая с информацией, современный пользователь охотнее использует мобильный телефон (с небольшим экраном), а не компьютер, ноутбук или планшет, словарная статья должна иметь компактный («свернутый») и развернутый режимы просмотра, то есть по умолчанию пользователь должен видеть информационное меню, из которого затем может быть «вызвана» и вы-

ведена на экран необходимая в данный момент (и более детальная) информация [Gouws, 2019, с. 38-44].

Таким образом, развитие многоязычной лексикографии наиболее активно наблюдается в сфере описания терминологий и специального знания, нацелено на системное изъяснение специальной лексики и унификацию подходов к ее переводу, а также создание комфортных условий доступа к информации би- и мультилингвам. В техническом отношении многоязычные словари стремятся к охвату большого числа языков и кастомизации режимов взаимодействия с пользователем.

Список литературы

1. Воронцова, И. А. Современные практики англоязычной онлайн-лексикографии / И.А. Воронцова // Верхневолжский филологический вестник. – 2022. – № 1 (28). – С. 186-194. – Текст: непосредственный.
2. Воронцова, И.А. Эволюция методов конструирования тезаурусов: от интуитивной компиляции к онтологическому инжинирингу (на материале английского языка) / И.А. Воронцова // Вестник Ивановского государственного университета. – Серия: Гуманитарные науки. – 2023. – Вып. 3. – С. 64-73. – Текст: непосредственный.
3. Дубичинский, В.В. Теоретическая и практическая лексикография / В.В. Дубичинский. – Вена ; Харьков. – 1998. – 160 с. – Текст: непосредственный.
4. Котова, Е.Е., Писарев, И.А. Построение тематических онтологий с применением метода автоматизированной разработки тезаурусов / Е.Е. Котова, И.А. Писарев // Известия СПбГЭТУ «ЛЭТИ». – 2016. – № 3. – С. 37-47. – Текст: непосредственный.
5. Boas, H. C. Recent trends in multilingual computational lexicography / H.C. Boas // *Multilingual FrameNets in computational lexicography: Methods and applications*. – Berlin : De Gruyter, 2009. – P. 1-36. – Текст: непосредственный.
6. Fuertes-Olivera, P.A., Bergenholtz H. Towards a new definition of multilingual lexicography in the era of the internet / P.A. Fuertes-Olivera, H. Bergenholtz // *Studies on multilingual lexicography*. – Berlin ; Boston : De Gruyter. – 2019. – P. 9-29. – Текст: непосредственный.
7. Gouws, R.H. Metalexigraphic models for multilingual online dictionaries in emerging e-societies / R.H. Gouws // *Studies on Multilingual Lexicography*. – Berlin ; Boston : De Gruyter. 2019. – Т. 157. – P. 29-45. – Текст: непосредственный.

8. Lexicool : Dictionaries, translation and language resources : сайт – URL: <https://www.lexicool.com/dictionaries.asp> (дата обращения: 21.01.2024). – Текст : электронный.

9. Tono, Y. Lexicography across languages / Y. Tono // The Encyclopedia of Applied Linguistics. – Oxford : Wiley-Blackwell, 2013. – P. 3370-3377. – Текст: непосредственный.

DOI: 10.47475/9785727119631_393

Л.Ю. ГУБОЧКИНА / L.Yu. GUBOCHKINA

Государственный университет просвещения,
(Москва, Россия)

ФЕНОМЕН ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЯ АНТРОПОМОРФНЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ

THE PHENOMENON OF TRANSFORMATION OF ANTHROPOMORPHIC CHARACTERS IN LITERARY TRANSLATION

Аннотация

В статье рассматриваются особенности антропоморфов в композиции художественного произведения и в тексте перевода. Изучаются способы воссоздания антропоморфных образов в контексте переводоведческой мысли и анализируются моменты перевоплощения антропоморфных персонажей в переводном произведении. Выявляются структурно-функциональные различия антропоморфных образов в англоязычном оригинальном произведении и в русскоязычном переводе. Комментируются решения переводчика в отношении единиц перевода и способов передачи рассматриваемых единиц. Проводится описательный и сравнительно-сопоставительный анализ понятий-антропоморфов в двух лингвокультурах. Феномен перевоплощения антропоморфных персонажей в тексте перевода исследуется под контрастивным углом зрения в дискурсивных практиках. Фокус исследования сосредоточен на лингвокультурологических характеристиках антропоморфных образов и способах их перевыражения в теории и практике художественного перевода. Результаты работы показывают, что лингвистический антропоморфизм занимает особое место в лингвокультурной и переводоведческой парадигмах.

Abstract

The paper deals with the phenomenon of anthropomorphism and considers the ways of interpreting anthropomorphic characters in the reality of literary texts. Literary anthropomorphic characters are being analyzed and studied upon in the context of literary translation studies. Some differences in the structure and functions of anthropomorphic characters are mentioned in the scientific research. The author comments on translators' decisions concerning units and methods of translation. A detailed descriptive and comparative analysis of anthropomorphic concepts in two linguistic cultures is carried out. The phenomenon of transformation of anthropomorphic characters in translated texts is studied on the basis of contrastive linguistics. The research focuses on the linguistic and cultural characteristics of anthropomorphic concepts and ways of their interpreting in literary translation. Linguistic anthropomorphism plays an important role in the theory of translation and interpretation and in linguocultural studies.

Ключевые слова: феномен, антропоморфизм, перевоплощение антропоморфных образов, художественный текст, художественный перевод.

Keywords: phenomenon, anthropomorphism, transformation of anthropomorphic characters, literary text, literary translation.

В статье изучаются функции и характеристики антропоморфных понятий в англоязычной и русскоязычной лингвокультурах. Рассматривается процесс воссоздания антропоморфных образов в результате перенесения качеств образов из одной структуры в другую языковую среду. Функцио-

нирование антропоморфизма рассмотрено сквозь призму художественного перевода в объективной реальности художественного текста. Для реализации исследовательских задач изучаются корпуса текстов авторских сказок на английском языке и их переводы на русский язык. В ходе исследова-

ния используются описательный метод и сравнительно-сопоставительный анализ единиц исходного, оригинального текста и текста перевода.

Необходимо отметить, что исследование феномена антропоморфности и описание образов антропоморфизма часто происходит в ракурсе лингвокультурологии и художественного перевода. Повышенный интерес к художественному тексту, а также к способам перевода антропоморфных понятий в художественном произведении определяет разнообразные тенденции в формировании исследований вокруг образов антропоморфизма. Особенным является тот факт, что антропоморфные понятия в художественном тексте рассматриваются и анализируются с многообразных позиций в науке о языке: лингвокультурологической тематики и языковедческой, переводоведческой проблематики.

Антропоморфизм как поэтическое и лингвистическое явление встречается в художественных произведениях при создании сюжета, при этом существа животного и растительного миров приобретают способность взаимодействовать между собой подобно человеку. Помимо представителей флоры и фауны в антропоморфном сюжете могут встречаться представители миров «низших» и «высших», а также одушевленные явления природы и обрядовые действия.

Категория антропоморфизма существует в философско-мифологической составляющей языковой картины мира, в культурно-этническом пласте языка заложены корни антропоморфного мышления народов разных культур [Губочкина, 2019, с. 51]. Формы антропоморфизма развиваются и трансформируются с течением времени и расширением культурного сознания нации [Губочкина, Лукин, 2021, с. 247].

Понятия антропоморфного порядка имеют совершенно различные качества, свойства, черты и функции в различных лингвокультурах. Несовпадения по внешним и внутренним признакам антропоморфов в англоязычном художественно-литературном пространстве и пространстве русскоязычной культурной традиции связаны с мифологией и особенностями языка и менталитета [Губочкина, 2019, с. 200].

В связи с индивидуальной языковой традицией и авторской смысло-содержательной конфигурацией художественного произведения подчеркиваем многообразие антропоморфных понятий в художественном тексте и разнообразие способов перевоплощения того или иного образа в системе языка художественного перевода [Губочкина, 2007, с. 67].

В изученном материале авторских сказок О. Уайлда совершенно очевидно наличие об-

разов с культурно-национальной спецификой и художественными особенностями языка. При воссоздании индивидуально-авторских образов и при передаче качеств и черт антропоморфных героев автор перевода вынужден прибегать к ряду лексико-стилистических и грамматических преобразований. В некоторых случаях образ подвергается интерпретации со стороны переводчика, и в тексте появляется иной антропоморфный персонаж, гендерные признаки и функции которого отличаются от образа в первоисточнике.

В художественном переводе мелодия поэтического антропоморфизма звучит в разных тонах и гаммах [Василевич, Фунтова, Губочкина, 2021, с. 45]. Одни образы сохранены без оттенков и добавочных штрихов, в то время как другие образы отличаются наличием трансформационных и интерпретационных характеристик.

Например, антропоморфные образы Ласточки – Swallow (в англ.яз. – м.р.), Тростника – Reed (в англ.яз. – ж.р.), Соловья – Nightingale (в англ.яз. – ж.р.), Стрекозы – Dragonfly (в англ.яз. – м.р.), Водяной Крысы – Water Rat (в англ.яз. – м.р.), Щуки – Pike (в англ.яз. – м.р.), Снега – Snow (в англ.яз. – ж.р.) в англоязычной культуре отличаются по своим свойствам, функциям и роду от представителей русскоязычной художественно-литературной традиции [Уайлд, 2001, с. 9, с. 10, с. 22, с. 24, с. 27, с. 30, с. 131]. Нормы языка, мировоззренческие концепции, философское мышление и мифологическое прошлое народа определяют ядерные черты антропоморфных понятий и поведенческие особенности антропоморфных персонажей в тексте первоисточника и в продуцированном тексте перевода.

Рассмотрим реализацию интенции автора в процессе воссоздания образов Ласточки и Тростника в тексте перевода [Уайлд, 2001, с. 9-19].

В произведении О. Уайлда «Счастливый Принц» антропоморфный сюжет развивается вокруг нескольких героев, одними из которых являются Ласточка и Тростник. В англоязычной антропоморфной системе образ Ласточки наделен чертами маскулинности. Внешние мужские характеристики, внутренние качества (прыткость, сообразительность, самопожертвование) ставят уайлдовского персонажа в разряд образов с мужским гендерным признаком. Согласно традиции англоязычной культуры, образ Ласточка восходит корнями к героям с мужскими качествами. Именно мужская натура образа-антропоморфа проявляется в репрезентации сюжета художественного произведения.

В русскоязычной персонифицированной системе образ Ласточки соотносится с женскими качествами, внешним и внутренним обликом.

В системе русского языка существительное *ласточка* определена грамматической категорией женского рода. В процессе метафорического переноса действующие лица (антропоморфные персонажи) художественного произведения взаимодействуют друг с другом на основе гендерно-стилистических признаков, определяющих их соотносительность к той или иной культуре.

В условиях воссоздания образа и перенесения его из одной национальной специфики в другую лингвокультуру происходит трансформация и интерпретация образа. Например, в русскоязычном переводе К. Чуковского в композиции сказки мужской образ Ласточки становится женским трепетным персонажем, способным любить и жертвовать собой ради настоящей, искренней и глубокой любви к Счастливому Принцу.

Одновременно происходит перемещение гендерного фокуса и в отношении антропоморфного персонажа Тростника. В англоязычной мифологической традиции Тростник – это женский образ с характеристиками легкомысленной и чувственной кокетки. В русскоязычном переводе образ Тростника приобретает род в соответствии с грамматико-семантической принадлежностью существительного (существительное *тростник* в русском языке – м. р.). В переводном произведении жена превращается в мужа, а Ласточка из разряда мужских антропоморфных персонажей переходит в категорию женских художественных образов.

Проанализировав текст первоисточника и текст оригинала авторской сказки, делаем вывод о том, что при воссоздании антропоморфных образов Ласточки и Тростника происходит ряд переводческих преобразований: задействована гендерная трансформация и интерпретация образов. Трансформация, интерпретация и феномен перевоплощения образов антропоморфизма в произведении связаны с культурно-национальной идентичностью реципиента. В процессе передачи понятий с английского языка на русский происходит лингвокультурный трансфер образов из одной языковой среды в другую иноязычную субстанцию.

Таким образом, перевыражение антропоморфных героев в произведении происходит сквозь призму лингвокультурологического восприятия и мировидения переводчика. Через интерпретацию и трансформацию происходит рождение нового произведения в художественной картине носителей противоположной культуры.

Изображение антропоморфных образов, модификация и интерпретация антропоморфов в художественном переводе основаны на витиватности языковых средств, способов адекватной

языковой передачи и интуиции переводчика. Во многом многоликость и многоплановость антропоморфных персонажей передается в инокультуру благодаря искусному перу переводчика.

Феномен процесса перевоплощения и воссоздания образов-антропоморфов заключается в самом образе, его структуре и индивидуально-авторском замысле, который вложен в назначение антропоморфного образа в композиции текста. Исследуя вопрос воспроизведения образа в иноязычном контекстном окружении, можно утверждать о взаимосвязи культурно-языкового компонента и философско-мировоззренческой концепции, существующей в мышлении и сознании носителей языка и культуры.

Список литературы

1. Василевич, А. П., Фунтова, И. Л., Губочкина, Л. Ю. Проблема противоречивости между английской орфографией и произношением // Язык и культура. – № 56. – Томск : изд-во ТГУ, 2021. – с. 44-61. – Текст : непосредственный.
2. Губочкина, Л. Ю. Гендерная и функциональная дифференциация антропоморфических образов в лингвистической лингвопоэтике // Лингвистическая лимология : сб. ст. по материалам междунар. науч. конф. – Москва : ИИУ МГОУ, 2019. – с.51-54. – Текст : непосредственный.
3. Губочкина, Л. Ю., Лукин, Д.С. Художественный перевод эмотивных характеристик антропоморфизма (на материале английского языка) // Современное педагогическое образование. – № 4. – Москва, 2021. –с. 246-250. – Текст : непосредственный.
4. Губочкина, Л. Ю. Трансформационные способы художественного перевода и их роль в развитии лексикографии // Слово. Словарь. Термин. Лексикограф : сб. ст. по материалам междунар. науч.-практ. конф. памяти д-ра филол. наук, проф. Ю. Н. Марчука (1-2 марта 2019 г.). – Москва : Московский государственный областной университет, 2019. – С. 200-203. – Текст : непосредственный.
5. Губочкина, Л. Ю. Лексико-стилистические трансформации, используемые при переводе метонимии и синонимических пар в английском и русском языках (на материале сказок О. Уайлда) // Проблемы теории языка и переводоведения. – Т. 32. – Москва : Московский государственный областной университет, 2007. – С. 65-70.
6. Уайлд, О. Сказки : на английском и русском языках / О. Уайлд. – Москва : ОАО Издательство «Радуга», 2001. – 320 с. – Текст : непосредственный.

DOI: 10.47475/9785727119631_396

К.М. ДЕНИСОВ / K.M. DENISOV*Российский экономический университет
им. Г.В. Плеханова
(Москва, Россия)***КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН ПЕРЕВОДОВ
РОМАНА Л.Н. ТОЛСТОГО «АННА КАРЕНИНА»****THE CULTUROLOGICAL PHENOMENON
OF THE L.N. TOLSTOY'S NOVEL "ANNA KARENIN" TRANSLATIONS****Аннотация**

Переводы самого популярного среди английского читающего сообщества русского романа привлекают внимание специалистов по целому ряду причин. Во-первых, стиль произведения чрезвычайно сложен для передачи; во-вторых, проблематика «семейного романа» как универсального феномена европейской литературы обретает в поле русской культуры XIX века необычайно яркие и драматические обертоны; в-третьих, целый ряд русских понятий формирует область переводческих лакун, труднопреодолимых препон при передаче психологических портретов представителей русского социума посредством средств иного языка. Тем не менее, при всех специфических оттенках воплощения русского характера внимательный англоязычный библиофил, равно как и любой иноязычный читатель, узнает в персонажах романа самого себя. В этом, как представляется, кроется тайна мировой ценности гения русской словесности, побуждающая неустанно искать все более точный ключ к разгадке этой тайны.

Abstract

The translations of the most popular Russian novel amongst English readers attract attention of specialists for a numbers of reasons. First of all, the style of this literary work is rather complex to transfer. Second of all, problematic of "family novel" as a universal phenomenon in European literature obtains within the Russian cultural milieu of XIX century unusually bright and dramatic overtones. And lastly, a certain number of Russian concepts provoke translation lacunae like formidable obstacles to relate psychological portrayal of Russian society representatives by means of another language. Nevertheless, taking into account all specificities of Russian character embodiment an attentive English booklover, as well as any other language reader, recognizes him- or herself. This is, in our opinion, forms the mystery of of the global value of this Russian literary genius and encourages the incessant quest for the appropriate key to uncover the mystery.

Ключевые слова: культура, перевод, дискурс, доместикация, форенизация, бифокальность рефлексии.

Keywords: culture, translation, discourse, domestication, forenization, bifocality of reflection.

В 1987 году Оксфордский университет включает в свою учебную и исследовательскую программу балто-славянские языки и художественную литературу. Этот важный шаг ознаменовал отказ от изучения русского языка и литературы исключительно по французским и немецким источникам. В этот период стали издаваться рейтинговые каталоги русской литературы.

Примечательно, что проза Льва Николаевича Толстого сразу же заняла в них ведущие позиции. Уже в 1889 году в *Английском книжном каталоге* русский писатель был представлен 40 произведениями, 18 из которых составили новые американские переводы, 12 – переизданные в Англии уже известные американские переводы, а 10 – работы английских переводчиков [Orel, 1977, p. 4]. Безусловно, творчество молодого русского

графа вызвало первоначальный интерес по причине обращения к темам Крымской войны и Кавказа. Однако, постепенно, западного читателя все сильнее привлекают общечеловеческие вопросы, которые автор ставит в своих непревзойденных романах.

Особое внимание литературоведы и переводчики уделяют роману *Анна Каренина*, первый англоязычный текст которого увидел свет в 1881 году в США и принадлежал перу Натана Доула. Этот перевод не носил прямого характера, а явился переложением уже существовавшего французского перевода. Позже были предприняты еще 20 попыток перевести это произведение на английский язык. Последняя, на данный момент, была осуществлена совсем недавно, в 2014 году, профессором Оксфордского университета

Розамунд Бартлетт. Переводчица, по словам критиков, чаяла найти золотую середину в решении вечного вопроса преодоления водораздела между языками и культурами [Schmidt, 2014; Gessen, 2014]. Итак, более чем вековой круг замыкается на Оксфорде. Интерес к роману растет по мере постижения его глубин, а переводы, по мнению литературоведов и лингвистов, становятся все лучше и академичнее [Birdwood-Hedger, 2006].

Читателю импонирует «романтический дух» произведения. В своей монографии «*Анна Каренина: Идиллия и эсхатология Льва Толстого*» Ж.Л. Океанская [Океанская, 2013] подробно объясняет, что под романтизмом в данном случае таятся идиллические, пасторальные мотивы Толстого, близкие ему по духу и персонифицированные в образе Константина Левина. В отношениях же Анны и Вронского (с точки зрения самого автора романа) раскрывается классическая драматургия самого темного и глубинного свойства.

Еще один магнит романа – развитие темы семейных ценностей. По общему мнению критиков, в мировой литературе нет произведения художественной прозы, которое можно было бы поставить рядом с семейным романом русского классика. Возникает впечатление храма, который построил Лев Толстой для глубокого покаяния, медитации и действия.

Австралийский писатель Роберт Дессэ утверждает, что роман можно перевести на другой язык, только если ухватить и вытащить на свет сакральные темы (Бог, природа, любовь, семья, жизнь, смерть и т.д.) и уловить голос самого автора как необычный, мощный и «шероховатый» стиль изложения [Dessaix, 2001]. Итак, дух произведений Л.Н. Толстого – это стиль его художественного повествования, голос автора и голоса его персонажей.

О своеобразии стиля графа Толстого сказано очень много. Критики его творчества, сравнивая манеру его письма с «безупречным» по стилю английским романом XVIII-XIX веков, отмечают, что писатель, кажется, пожертвовал формой в угоду содержания, привнес в прозу привкус некоего отчуждения (*foreign flavor*), который сочетается с исключительностью интроспективной логики. Удачный перевод Толстого – это угаданная переводчиком авторская интенция в симбиозе с безыскусственностью, за которой скрывается истинное искусство [Jeziarsky, 1959, p. 85].

Юрий Карлович Олеша описывает стиль Толстого как «единственно встречающийся в русской литературе по свободе и своеобразной неправомерности», как «проявление его бунта против каких бы то ни было норм и установлений» [Олеша, 1965, с. 207]. На самом деле, истоки

стиля Л.Н. Толстого следует искать в вольнолюбивой прозе А.С. Пушкина, которую он читал и перечитывал каждый раз, когда приступал к новой главе своего романа [Горная, 1960].

Таким образом, манера письма Толстого – это не только проповедь спасительного идеала, но и чувственная реакция на социальные условия пореформенной России, жизнь в которой, по выражению А.П. Чехова, не была запрещена партикулярно, но и не была разрешена вполне. Роман *Анна Каренина* – это двуликий Янус: с одной стороны, поиски идиллической робинзонады, а с другой, явные эсхатологические мотивы, выбор между жизнью и смертью и «восприятие смерти, выстраданное русскими писателями полтора столетия назад» [Океанская, 2013, с. 145].

Роман Л.Н. Толстого представляет собой автоидеографию внутреннего мира мыслей, чувств и взглядов писателя, реализующих бифокальность рефлексии при восприятии человеческого бытия: созидание и разрушение, жизнь и смерть. В этом видится еще одна причина популярности данного произведения на Западе. В целом, *Анна Каренина* – это не роман-описание, а роман-действие, раскрывающий небывалую по напряжению работу тела и души. Действие романа – как сама жизнь, и порой поведение главных героев выходит из повиновения демиургу.

Ричард Пивер, подробно разбирая сложности перевода *Анны Карениной* на английский язык (имена собственные, пословицы и поговорки, метафоры, «толстовские словечки» вроде Облонского *образуется*, диалектизмы, идиомы и многое другое) истово ратует за сохранение особого, графического и «ошеломляющего» стиля писателя. Он замечает, что «нельзя помещать *Анну Каренину* в среду современного и тривиально-привычного, «одомашненного» английского дискурса (*reader friendly English*)». «Одним из принципов, – продолжает он, – должно стать правило избегания английских слов, не использовавшихся в эпоху Толстого». С другой стороны, переводчик призывает не злоупотреблять форенизацией и архаизмами. Самая важная задача, по его мнению, заключается в том, чтобы привнести в английский перевод как можно больше из русского романа XIX века, включая его ритмы, мелодику и *темперамент* [Pevear, 2000, p. 6].

Наука истинно филологического перевода предполагает анализ значения лексических единиц в терминах семантических компонентов. Если не разбить эти значения на минимальные различительные признаки, можно, по словам Ю.А. Найды, «получить лишь общее впечатление об их соответствии и уместности» [Найда, 1970, с. 9]. В своей диссертации, посвященной

переводам *Анны Карениной* на английский язык, британская исследовательница Майя Бёрдвуд-Хеджер анализирует асимметрию компонентов семантики русских и английских слов. В частности, ее привлекла «широта русской души».

Слово *душа* в русском корпусе художественной прозы встречается в 6 раз чаще, чем в английском [Birdwood-Hedger, 2006, p. 120]. Известно, что *душа* или *диалектика души* является лейтмотивом русской литературы в целом и романистики Толстого в частности. В английских текстах русского романа *душа* порой переводится как *soul*, приобретая для английского читателя необычные обертоны, однако в большинстве случаев это слово или вовсе опускается или заменяется либо на *heart*, либо на *mind*.

Современник Л.Н. Толстого английский писатель О. Уайльд кратко и точно выразил свои душевные переживания чисто английским способом в последних строчках стихотворения, посвященного неразделенной любви к Лили Лэнгтри (To L.L.) [Wilde, 1979, p. 122]:

Well, if my heart must break,
Dear love, for your sake,
It will break in music, I know,
Poets' hearts break so.

But strange that I wasn't told
That the brain can hold
In a tiny ivory cell
God's heaven and hell.

Тем самым Уайльд, думается, предсказал феноменальные открытия Л.С. Выготского, который, как утверждают, прояснил истинное назначение мозга и сердца. Анна Вежбицкая заявляет, что победа разума (*mind*) над душой (*soul*) свидетельствует о закате религиозности и о рождении нового типа английского дуализма, подчеркивающего примат рационалистического мышления и познания. Человек в англо-саксонской культуре при этом стал мыслиться не как соединение тела и души, а как единство тела и интеллекта [Wierzbicka, 1992, p. 46]. В английском языке семантика слова *soul* замкнулась в узусе религиозного дискурса. В русском языке семантическое поле лексемы *душа* понимается гораздо шире и включает в себя психологический и даже натурфилософский компоненты (*душа болит*).

В связи с анализом локализации внутренних переживаний в английской и русской речевых культурах Анна Вежбицкая разбирает переводы из Толстого, ориентированные полностью на язык источника, отмечая при этом их странное звучание в целевом языке, к примеру: 'A strange

feeling of exasperation and yet of respect for this man's self-possession mingled at that moment in Rostov's *soul*.'

'It can't be helped! It happens to everyone!' – said the son with a bold, free and easy tone, while in his *soul* he regarded himself as a worthless scoundrel whose whole life could not atone for his crime.' [Wierzbicka 1992, p. 33].

Приведем в качестве иллюстрации сказанного лишь один пример, состоящий из нескольких переводов одного из заключительных фрагментов романа *Анна Каренина* со словом *душа* [Цит. по: Birdwood-Hedger, 2006, pp. 124-125]:

'(...) много других мыслей о том, что будет теперь, после разрыва, приходили ей в голову, но она не всею **душою** отдавалась этим мыслям. В **душе** ее была какая-то неясная мысль, которая одна интересовала ее, но она не могла ее сознать. (...) И она вдруг поняла то, что было в ее **душе**.' (Толстой, т.9, 361-362)

'The most contradictory thoughts crowded upon her. (...) A vague idea came into her **mind**, and awakened some interest, but she could not express it.' (Dole)

'(...) many other ideas of what would happen now after the rupture, came into her head ; but she did not give herself up to them with all her **heart**. At **the bottom of her heart** was some obscure idea that alone interested her, but she could not get clear sight of it. (...) And all at once she knew what was in her **soul**.' (Garnett)

'(...) many other thoughts about what would happen now after the rupture, passed through her mind, but she did not give herself up **entirely** to these thoughts. In her **soul** there was another vague idea, which alone interested her, but of which she could not get hold. (...) And suddenly she understood what was in her **soul**.' (Maude)

'(...) many other speculations as to what would happen after the rupture, passed through her mind ; but there was something else. A dim thought was lurking somewhere at **the back of her brain**, which was the only one that mattered but which she could not get hold of. (...) And all at once she knew what was at **the back of her mind**.' (Edmonds)

'(...) many other thoughts of what would happen now, after the break-up, came to her mind, but she did not give herself **wholeheartedly** to these thoughts. In her **soul** there was some vague thought which alone interested her, yet she was unable to bring it to consciousness. (...) And she suddenly understood what was in her **soul**.' (Pevear)

Проанализировав около десятка переводов *Анны Карениной*, Майя Бёрдвуд-Хеджер делает, на наш взгляд, очень симптоматичный вывод, который мы приводим в оригинале: "All the

translators of *Anna Karenina* had to balance between two different languages with their different structures and two cultural milieus with their different concepts. Since modern English language readers are more familiar with Russian language, literature and culture as well as with Tolstoy's works than the 19th century readers were, theoretically speaking, translating Tolstoy in 2000 should be easier than it was in 1886" [Birdwood-Hedger, 2006, p. 263].

Хочется надеяться, что неугасающий интерес к *Анне Карениной* внесет свою просветительскую лепту и позволит англоязычным переводчикам отыскать ключ к раскрытию духовной сокровищницы произведений Льва Толстого, а английскому читателю поможет разглядеть в зеркале романа душу русского народа как основу его культурной и экзистенциальной парадигмы.

Список литературы

1. Горная, В. Из наблюдений над стилем романа «Анна Каренина» (О пушкинских традициях в романе) / В. Горная // Толстой-художник. – Москва : Издательство Академии Наук СССР, 1961. – С. 181-219. – Текст : непосредственный.
2. Найда, Ю. А. Наука перевода / Ю. А. Найда // Вопросы языкознания. – 1970. – №4. – С. 3-15. – Текст : непосредственный.
3. Океанская, Ж. Л. «Анна Каренина»: идилия и эсхатология Льва Толстого / Ж. Л. Океанская. – Шуя: ПолиЦентр, 2013. – 188 с. – Текст : непосредственный.
4. Олеша, Ю. К. Ни дня без строчки / Ю. К. Олеша. – Москва : Советская Россия, 1965. – 304 с. – Текст : непосредственный.
5. Birdwood-Hedger, M. Tension between Domestication and Foreignization in English-language Translations of *Anna Karenina* / M. Birdwood-Hedger. – Edinburgh, 2006. – 291p. – Текст : непосредственный.
6. Dessaix, R. On *Anna Karenina* translations by Rosemary Edmonds and by Richard Pevear and Larissa Volokhonsky – Текст : электронный // *Lingua Franca*. – URL: <http://www.abc.net.au/radionational/programmes/linguafranca/anna-karenina/3479154#transcript> (дата обращения: 21.04.2001).
7. Gessen, M. New Translation of Tolstoy's *Anna Karenina* – Текст : электронный // *The New York Times*. – URL: <http://nyti.ms/1AB9maT> (дата обращения 28.02.2015).
8. Jezierski, B. Yearbook of Comparative and General Literature / B. Jeziersky // *The University of North Carolina Studies in Comparative Literature*. – 1959. – P. 84-89. – Текст : непосредственный.
9. Orel, H. The Victorian View of Russian Literature / H. Orel // *Victorian Newsletter*. – 1977. – №51. – P. 1-5. – Текст : непосредственный.
10. Pevear, R. Being true to the Russian Master / R. Pevear // *The Times Higher Education Supplement*. – London, 2000. – 15 December. – P. 6. – Текст : непосредственный.
11. Schmidt, J. Review: Rosamund Bartlett's Translation of *Anna Karenina* – Текст : электронный // *Chicago Tribune*. – URL : <http://trib.in/1ksvNDC> (дата обращения 14.12.2014).
12. Wierzbicka, A. Semantics, culture and cognition. *Universal Human Concepts in Culture Specific Configurations* / A. Wierzbicka. – Oxford: Oxford University Press. – 1992. – 496 p. – Текст : непосредственный.
13. Wilde, O. Selections. Vol. II / O. Wilde. – М.: Progress Publishers, 1979. – 444 p. – Текст : непосредственный.

DOI: 10.47475/9785727119631_399

И.В. ДЕНИСОВА, И.В. ТЕЛЕШЕВА / I.V. DENISOVA, I.V. TELESHEVA

*Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)*

ГЕНДЕРНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПЕРЕВОД ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ЭССЕ ВИРДЖИНИИ ВУЛФ «СВОЯ КОМНАТА»)

GENDER-ORIENTED TRANSLATION OF FICTION
(ON THE BASIS OF VIRGINIA WOOLF'S ESSAY "A ROOM OF ONE'S OWN")

Аннотация

В данной статье рассматриваются способы передачи гендерного аспекта при переводе произведения *Вирджинии Вулф «Своя комната»*. Когда речь идет о женщинах Вулф, в памяти всплывают

прежде всего образы женщин-феминисток. Женщин в ее произведениях призывали к глубокому изучению собственной психики для пересмотра собственной женской позиции в мужском мире. Вирджиния Вулф предлагала убрать все, что было значимо для мужчин: конкуренцию и господство. Анализ этого произведения показал, что женщина для писательницы является символом, а не просто живым созданием. Образ мужчины в ее произведениях описан кратко, из-за того, что часто говорится о женщине, ее волнениях и трагедиях, причиной которых являлись мужчины. Для перевода описания привычек и особенностей поведения мужчин и женщин необходимо применять ряд трансформаций. В эссе «Своя комната» гендерные особенности отражены через позицию писательницы, ее аргументацию, примеры из других источников.

Abstract

This article discusses the ways of translating a gender aspect on the basis of Virginia Woolf's essay «A room of one's own». When it comes to Woolf's woman characters, first of all, images of feminist women come to our mind. Women in her books were encouraged to examine their own psyches in depth, to re-examine the female position as women for the male world. Virginia Woolf proposed the removal of everything that mattered to men: competition and dominance. Analysis of this work shows that a woman for the writer is a symbol, not just a living creature. The image of a man in her books is described briefly, due to what as it is often said only about a woman, her worries and tragedies caused by men. A number of transformations are needed to translate the description of habits and behaviour of men and women. As noted above, in the essay «A room of one's own» gender features are reflected in the writer's opinion, her arguments, examples from other sources.

Ключевые слова: языковая картина мира, гендер, феминизм, мужской мир, борьба, личность, отношения.

Keywords: language picture of the world, gender, feminism, man's world, struggle, personality, relationships.

В эссе «Своя комната» гендерные особенности отражены исключительно в размышлениях писательницы Вирджинии Вулф. Свою оценку того или иного гендерного феномена писательница подкрепляет примерами и аргументами из своего собственного жизненного опыта, а также из произведений про женщин, написанных авторами-мужчинами. Рассмотрим подробнее.

В эссе Вирджинии Вулф «Своя комната» раскрывается вопрос гендерного неравенства. В своей работе писательница рассматривает проблемы отражения женского мира в книгах, авторами которых являются мужчины. Вулф указывает на то, что в представлениях мужчин женщина является ангелом или монстром.

Но даже в самом эссе феминистические настроения автора не скрыты от глаз читателя. Рассмотрим интересный пример:

«It is a curious fact that novelists have a way of making us believe that luncheon parties are invariably memorable for something very witty that was said, or for something very wise that was done. But they seldom spare a word for what was eaten. It is part of the novelist's convention not to mention soup and salmon and ducklings, as if soup and salmon and ducklings were of no importance whatsoever, as if nobody ever smoked a cigar or drank a glass of wine» [Woolf, 2012, p. 21].

В переводе Н.И. Рейнгольд мы читаем: «Любопытно, что у новеллистов есть способ заста-

вить нас поверить, что обеденные вечеринки неизменно запоминают за чьи-то блестящие остроумия или умные речи. Но они редко говорят о том, что было подано на стол. Это является частью сговора писателей, не говоря уже о супе, лососе и утятах, как если бы суп, лосось и утята не имели никакого значения, такое впечатление, что они никогда не курили сигар, не пили вина» [Вулф, 2012, с. 100].

В данном случае писательница, несмотря на то, что не указывает прямо на новеллистов-мужчин, подразумевает именно их. Это мы можем понять по следующим словам: «as if nobody ever smoked a cigar or drank a glass of wine». Как известно, на званых ужинах наступает момент, когда мужчины уединяются в кабинете для обсуждения политических и экономических тем, а также чтобы выкурить сигару и выпить крепкий алкоголь. При переводе такая гендерная особенность высшего общества была передана следующим образом: «(Такое впечатление), что они никогда не курили сигар, не пили вина». В данном случае был использован ряд трансформаций. Во-первых, произошла замена местоимения 3 лица в единственном числе «nobody» на местоимение 3 лица во множественном числе «они». Во-вторых, нами отмечен антонимический перевод. В оригинале за счет местоимения «nobody» – «никто» – глагол стоит в привычной форме «smoked», а в переводе мы уже отмечаем отрица-

ние, то есть негативную форму глагола: «они никогда не курили». В-третьих, выражение «as if», которое обычно передается на русский язык «как будто», в данном случае переведено как «Такое впечатление, что...» [там же, с. 112], то есть с помощью компенсации. Кроме вышеупомянутых трансформаций, стоит отметить и масштабную грамматическую перестановку главного и придаточных предложений. Так, придаточное предложение «as if nobody ever smoked a cigar or drank a glass of wine» в оригинале стоит в конце, а после перевода оказалось вначале.

Уличая новеллистов в попытке утаить от читателя подробности ужина, писательница указывает на то, что обычно находится в центре внимания рассказчика-мужчины:

It is a curious fact that novelists have a way of making us believe that luncheon parties are invariably memorable for something very witty that was said, or for something very wise that was done [Woolf, 2012, p. 65].

То есть мужчины любят поговорить, поспорить, показать свой ум: «something very witty that was said, or for something very wise that was done». При переводе данного выражения получен следующий результат: «что-то блестящие острооты или умные речи». Как видно, переводчик произвел масштабную трансформацию текста, сохранив только смысл. Во-первых, в оригинале в качестве подлежащего выступали целые придаточные предложения. Слово «witty» – «остроумное» – было заменено на имя существительное «остроты», так как опущено слово «something» перед «witty». То же самое произошло и с фразой «something very wise», при переводе переданное через модуляцию – «умные речи» [Вулф, 2012, с. 119].

Все эти трансформации помогают добиться адекватной передачи оригинального текста на русский язык, не удаляя гендерный аспект, заключенный в нем [Салтовская, 2017, с. 94].

Проанализируем продолжение: «Here, however, I shall take the liberty to defy that convention and to tell you that the lunch on this occasion began with soles, sunk in a deep dish, over which the college cook had spread a counterpane of the whitest cream, save that it was branded here and there with brown spots like the spots on the flanks of a doe» [Woolf, 2012, p. 45].

«Сегодня я нарушаю этот молчаливый договор и объявляю, что торжество началось с большого блюда морских языков под белоснежным покрывалом сливок, опаленным там и сям коричневыми пятнышками, как у пятнистого оленя» [Вулф, 2012, с. 123].

Далее, автор переходит к противопоставлению себя этим самым новеллистам и словами

«I shall take the liberty to defy that convention» начинает рассказ об ужине. В данном случае слово «liberty» неслучайно. В нем заключается определенная имплицитная информация. «Свобода» – это то, за что боролись женщины в то время: свобода выбора, свобода слова женщины. Здесь Вулф словно сама себе дает эту свободу нарушить некий мужской негласный «договор», а точнее их устои, традиции, склад ума, при котором речи о еде на званом ужине считались «неумными» и «неинтересными», «для женщин». Вулф же раскрывает эту тему для всех тех, кому интересна тема кулинарии – женщинам. Кроме того, она имеет смелость «бросить вызов» этому договору мужчин – «to defy that convention».

После перевода получен такой вариант: «Сегодня я нарушаю этот молчаливый договор» [там же, с. 123]. Заметим, что перевод имеет совсем другой оттенок. Если в оригинале автор «берет свободу бросить вызов», то в переводе она «нарушает договор», то есть делает что-то неправильное или запрещенное. Разумеется, если провести смысловое развитие выражения «take the liberty to defy that convention», любой сможет прийти к варианту выше, однако встает вопрос о том, насколько точно переданы гендерные особенности участников. Так, в оригинале речь идет о том, что женщина-писатель «получила свободу» и «бросила вызов (мужчинам)», а при переводе она «нарушила тайну негласного мужского договора». Пожалуй, переводчик выбрал не самый лучший вариант перевода. Мы бы предложили свой: «Позволю себе бросить вызов этому негласному договору и рассказать...» или «Возьму на себя смелость выйти из этого «заговора» и раскрыть (меню)». В таком случае, тема свобод интересов женщин, отраженная в оригинальном тексте, была бы учтена и при переводе.

Во второй главе автор переходит к рассмотрению книг о женщинах, написанных авторами-мужчинами, которые она обнаружила в библиотеке: «Have you any notion of how many books are written about women in the course of one year? Have you any notion how many are written by men?» Вулф поражается тому, как много книг посвящено женщинам. При этом зачастую авторами таких книг (о душевных терзаниях, о жизни женщин) становятся мужчины. Мужчины любят женскую тему. Возможно оттого, что в то время женщины читали гораздо больше мужчин, ввиду большого количества свободного времени и отдавали предпочтения романтическим романам о любви.

При этом Вулф неодобрительно комментирует данный факт: «Are you aware that you are, perhaps, the most discussed animal in the universe?» Она называет женщин «зверем, животным» и

дальше становится ясно, почему: «Sex and its nature might well attract doctors and biologists; but what was surprising and difficult of explanation was the fact that sex—woman, that is to say—also attracts agreeable essayists, light-fingered novelists, young men who have taken the M.A. degree; men who have taken no degree; men who have no apparent qualification save that they are not women» [Woolf, 2012, p. 70]. Вулф уверена в том, что мужчина не может написать о женщины абсолютную истину, так как они мало чего знают и понимают в противоположном поле. Из слов Вулф можно сделать вывод, что на ее взгляд писать о женщинах, могут только женщины, а мужчинам для этого стоит еще поучиться: «men who have taken no degree; men who have no apparent qualification save that they are not women».

Отметим, что в эссе автор задает ряд риторических вопросов. Рассмотрим их перевод:

Have you any notion of how many books are written about women in the course of one year? Have you any notion how many are written by men? – Представляют ли женщины, сколько о них ежегодно пишут мужчины?

В данном примере переводчик решил объединить два предложения в одно, акцентировав внимание именно на то, что мужчины пишут о женщинах. Выражение «in the course of one year» было компенсировано словом «ежегодно», а обращение к женщине «Have you any notion» было также заменено одним словом «Представляют», вместо «имеете ли вы какое-либо представление» [Вулф, 2012, с. 150].

Are you aware that you are, perhaps, the most discussed animal in the universe? [Woolf, 2012, p. 89]

Известно ли им, что они самый обсуждаемый на свете зверь? [Вулф, 2012, с. 169]

В данном случае сравнение женщины с «animal» было передано словом «зверь», то есть значение конкретизировано, с той целью, что зверь является чем-то менее изученным и диким, чем «животное».

Продолжая тему того, что мужчинам не стоит писать о женщинах, автор указывает на следующее: «It was a most strange phenomenon; and apparently – here I consulted the letter M – one confined to the male sex. Women do not write books about men... – Странное явление, причем свойственное лишь мужчинам, – я специально проверила на букву Ж. Женщины не пишут о мужчинах...» [там же, с. 205].

Данным «явлением» Вулф словно пытается доказать, что женщины в этом плане умнее мужчин и не пишут о том, что им неизвестно. При этом в отношении мужчин Вулф использует словосочетание «males sex» – мужской пол. При

переводе данное определение конкретизируется до «мужчины», на наш взгляд, стоило использовать калькирование, чтобы избежать тавтологии и передать оригинальный оттенок.

О тяжелом положении женщины в обществе говорят такие метафоры писательницы, как «the slave of any boy» – «рабыня мальчика», «the property of her husband» – «мужнина законная собственность», «a worm winged like an eagle; the spirit of life and beauty in a kitchen chopping up suet» – «червяк с орлиными крыльями, светлый и прекрасный ангел на кухне за рубкой говяжьих потрохов» [там же, с. 226].

Все эти метафоры указывают на двойность женского образа в глазах мужчин-писателей и мужчин-мужей (мужчины-человека). В книгах образ женщины восхвален и возвышен, в жизни – женщина предстает глупым, недалеким существом, готовящим обеды и рожающим детей. Такая несправедливость вводит Вулф в разочарование и расстраивает ее.

При переводе были использованы следующие трансформации:

«the slave of any boy» – «рабыня мальчика» – калькирование с опущением слова «any»;

«the property of her husband» – «мужнина законная собственность» – добавление слова «законная» для воспроизведения клишированного выражения «законная собственность», замена слова «мужчины» на просторечное «мужнина» для усиления экспрессивности.

«a worm winged like an eagle» – «червяк с орлиными крыльями» – при переводе данного сравнения произошла перестановка, если в оригинале «крылатый червь, словно орел», то в переводе «червяк с орлиными крыльями», такая трансформация позволила добиться лучшего звучания на языке перевода.

«the spirit of life and beauty in a kitchen chopping up suet» – «светлый и прекрасный ангел на кухне за рубкой говяжьих потрохов» – при переводе метафоры «the spirit of life and beauty» произошла замена «светлый и прекрасный ангел», на наш взгляд произошла компенсация.

Таким образом, в данном эссе можно отметить следующие гендерные особенности.

Мужчины начала 20-го века любят рассуждать на определенные темы, в числе которых нет места кулинарным вопросам, в то время как В. Вулф полагает, что тема того, что подают на стол на званых ужинах, может быть интересна (в особенности женской аудитории). Также здесь отмечена мужская традиция уединяться в кабинетах и курить сигары.

Во времена В. Вулф и задолго до мужчины много писали о женщинах, при этом сама Вулф

считает, что мужчинам лучше писать о том, что они знают, что изучали в университете, ставя в пример женщин, которые не пишут о мужчинах.

Женщина находится в большой зависимости от мужчины, что в особенности выражается такими метафорами, как «the slave of any boy» и «the property of her husband» [Юланова, 2016, с. 908].

При переводе данного эссе переводчик использовал множество трансформаций, среди которых компенсация, модуляция, описательный перевод, конкретизация, перестановка, добавление и опущение. Все эти трансформации помогают достигать адекватности при передаче гендерного аспекта на русский язык. Тем не менее, некоторые варианты перевода были неточными.

Таким образом, на основании выделенных выше гендерных особенностей и их перевода были извлечены данные по использованным переводчиками трансформациям при передаче гендерного аспекта с английского на русский язык.

При переводе гендерных особенностей, наиболее часто переводчик использует компенсацию (29%) и конкретизацию (22%).

В данном случае причиной использования компенсации стала сложность в передаче таких гендерных особенностей, как метафора в отношении женщины: «the spirit of life and beauty in a kitchen chopping up suet» – «светлый и прекрасный ангел на кухне за рубкой говяжьих потрохов» – при переводе метафоры «the spirit of life and beauty» произошла замена «светлый и прекрасный ангел». В русском языке в отношении женщины чаще используется такое сравнение, как «ангел», а не «дух». Следовательно, для адекватного перевода было необходимо использовать компенсацию.

Другой пример: выражение «as if», которое обычно передается на русский язык «как будто», в данном случае переведено как «Такое впечатление, что...», то есть с помощью компенсации. Данная трансформация в этом случае используется по двум причинам, во-первых, чтобы передать глубокий художественный стиль писательницы, во-вторых, неуверенность в ее словах, то

есть, говоря о мужчинах в целом, В. Вулф осторожничает, тщательно подбирает слова, не утверждает прямо, а лишь делает предположения. То есть через компенсацию переводчик передает «осторожность» в рассуждениях женщины-писательницы, который противопоставлен прямолинейности мужчин, пишущих о женщинах.

Конкретизация используется при переводе в данном эссе в тех случаях, когда переводчик стремится акцентировать внимание на определенных действиях, свойственных тому или иному полу.

Также стоит отметить замену части речи (13%) и такую грамматическую трансформацию, как перестановка (12%). Данные трансформации были необходимы для передачи стиля эссе от автора-женщины. В целом, можно сказать, что ей свойственны длинные сложные предложения, в которые писательница пытается поместить единую мысль.

Таким образом, для перевода описания привычек и особенностей поведения мужчин, иронии в словах писательницы переводчику необходимо применять ряд трансформаций.

Список литературы

1. Вулф, В. Обыкновенный читатель : собрание эссе / В. Вулф. – Москва : Наука, 2012. – 775 с. – Текст : непосредственный.
2. Woolf, V. A Room of One's Own : essay / V. Woolf. – London : Martino Fine Books, 2012. – 114 p. – Текст : непосредственный.
3. Салтовская, Н. А. Гендерные аспекты перевода художественных текстов / Н. А. Салтовская, Е. И. Сарычева // Современная филология: материалы V Междунар. науч. конф. (г. Самара, март 2017 г.). – Самара : ООО «Издательство АСГАРД», 2017. – С. 93–95. – Текст : непосредственный.
4. Юланова, Н. Д. Возникновение и становление гендерной лингвистики / Н. Д. Юланова // Молодой ученый. – 2016. – №1. – С. 907–910. – Текст : непосредственный.

DOI: 10.47475/9785727119631_404

А.Г. ДЕРЯБИН / A.G. DERYABIN
Кемеровский государственный университет
(Кемерово, Россия)**ВАРИАТИВНОСТЬ ПЕРЕВОДА ОДНОГО ТЕКСТА
В АСПЕКТЕ ИНТЕРПРЕТАЦИОННОЙ ЛИНГВИСТИКИ:
ФАКТОР ЦИФРОВОГО ПЕРЕВОДЧИКА****VARIABILITY OF TRANSLATION OF ONE TEXT
IN THE ASPECT OF INTERPRETIVE LINGUISTICS:
THE FACTOR OF DIGITAL TRANSLATOR****Аннотация**

Данная статья посвящена проблемам, связанным с вариативностью перевода текста в рамках интерпретационной лингвистики, в частности, изучению влияния цифровых технологий на процесс перевода. Цель работы – анализ проблемы текстуальной вариативности в процессе создания вторичного (переводного) художественного текста на английском языке с использованием различных переводческих программ. Внимание уделяется выявлению текстовых позиций, определяющих многообразие формальных и семантических вариаций в переводных текстах. Исследование выполнено на материале стихотворения Ф.И. Тютчева «Есть высокий смысл в разлуке...», предметом изучения являются два вторичных текста-перевода, созданные с помощью программ машинного перевода. Исследование направлено на выявление факторов, детерминирующих многозначность и вариативность вторичных (переводных) текстов. Полученные результаты исследования раскрывают новые перспективы для более глубокого понимания противоречия, заключающегося в несоответствии единственности и формально-смысловой целостности исходного текста и разнообразием его трактовок, которые возникают в процессе применения различных компьютерных программ. Полученные результаты способствуют более глубокому осмыслению воздействия разнообразных технологий на сложный процесс формирования переводов художественных произведений.

Abstract

This article is devoted to the problems related to the variability of translation of a single text within the framework of interpretive linguistics, in particular, to the study of the influence of digital technologies on the translation process. The aim of the paper is to analyze the problem of textual variation in the process of creating a secondary (translated) fiction text in English using different translation programs. Attention is paid to the identification of textual positions that determine the variety of formal and semantic variations in translated texts. The research is carried out on the material of F.I. Tyutchev's poem "There is a high meaning in separation...", the subject of the study is two secondary translation texts created with the help of machine translation programs. The research is aimed at identifying the factors determining the multivalence and variability of secondary (translated) texts. The obtained results of the study reveal new perspectives for a deeper understanding of the contradiction consisting in the inconsistency between the uniqueness and formal and semantic integrity of the source text and the diversity of its interpretations, which arise in the process of application of various computer programs. The results obtained contribute to a deeper understanding of the impact of various technologies on the complex process of forming translations of works of fiction.

Ключевые слова: перевод, вариативность перевода, интерпретация, поэтический текст, искусственный интеллект, машинный перевод.

Keywords: translation, translation variability, interpretation, poetic text, artificial intelligence, machine translation.

Перевод в лингвистических исследованиях определяется как интерпретационная деятельность. Он выходит за рамки обычного переноса языковых единиц с одного языка на другой, приобретая характер тонкого интерпретационного взаимодействия. Перевод требует не только владение языком, но и способность к интерпретации,

позволяющей вникать в сложные слои смысла, заложенные в исходном тексте. Необходимо подчеркнуть, что перевод предстает как акт глубокой интерпретации, в котором переводчик берет на себя роль межкультурного посредника. Если учесть, насколько язык пронизан бесчисленными культурными, контекстуальными и семиоти-

ческими нюансами, то этот интерпретационный аспект приобретает значимость. Переводчик, выполняя свою работу, должен найти выход из запутанного лабиринта культурных отсылок и идиоматических выражений.

Круг деятельности, охватываемой понятием «перевод», очень широк. Переводятся с одного языка на другой стихи, художественная проза, публицистика, научные и научно-популярные книги из различных областей знания, дипломатические документы, деловые бумаги, статьи и выступления политических деятелей, речи ораторов, газетная информация, беседы лиц, разговаривающих на разных языках и вынужденных прибегать к помощи устного посредника – «толмача», дублируются кинофильмы [Федоров, 2002, с. 13].

Согласно концепции Л.В. Кушниной, переводческое пространство рассматривается как абстрактная модель, возникающая в сознании переводчика, как результат осмысления им гетерогенных смыслов, в которые он погружается при изучении текста оригинала. В этой модели автор вычленяет ядро, представленное содержанием текста, и периферию. При этом лишь содержание порождает эксплицитный смысл, а смыслы периферийной зоны имплицитны, их должен расшифровать переводчик. К антропоцентрическим полям переводческого пространства исследователь относит поле автора, поле переводчика, поле реципиента, признавая, что смыслы каждого из них не идентичны, но подобны [Кушникова, 2019, с. 767].

А.В. Федоров писал: «При всем своеобразии требований, предъявляемых переводчику тем или иным видом переводимого материала, при всей разнице в степени одаренности и творческой инициативы, в объеме и характере сведений, необходимых в том или ином случае, для всех видов этой деятельности общими являются два положения:

1) цель перевода – как можно ближе познакомиться читателя (или слушателя), не знающего исходный язык (*далее ИЯ*), с данным текстом (или содержанием устной речи);

2) перевести – значит выразить верно и полностью средствами одного языка то, что уже выражено ранее средствами другого языка. (В верности и полноте передачи – отличие собственно перевода от переделки, от пересказа или сокращенного изложения, от всякого рода так называемых «адаптаций»)» [Федоров, 2002, с. 14-15].

Исходя из слов Л.В. Кушниной и А.В. Федорова, можно сделать вывод, что деятельность переводчика – это сложный и многогранный процесс, целями которого являются верная и полная передача смысла текста исходного языка (ИЯ)

на языковые средства переводящего языка (ПЯ). Соблюдая данные правила при переводе того или иного текста, переводчику необходимо передать текст ИЯ таким образом, чтобы дух и контекст оригинала остались сохранены для читателей (слушателей) на ПЯ.

В любой цивилизации художественный перевод непосредственно связан с развитием собственной литературы. Западноевропейская литература, например, обогащена переводами из различных языков и культур. Особое внимание уделялось переводам древнегреческих и римских текстов. И русская литература в данном случае не является исключением.

О полноценном художественном переводе в России можно говорить только начиная с XVIII века. На этом рубеже появилось так называемое «Собрание, старающееся о переводах иностранных книг на русский язык», в котором состояли филологи, переводчики и ученые. Цель их работы – это перевод классической литературы, начиная с Гомера и заканчивая современными на тот момент произведениями западноевропейской литературы.

В XVIII веке появляется первое теоретическое произведение В.К. Третьяковского «Сочинения и переводы как стихами, так и прозой» [Третьяковский, 2009].

Исследование художественных произведений с лингвокультурологической перспективы объединяет различные гуманитарные науки, включая лингвокультурологию, литературоведение, концептологию, теорию дискурса и социологию. Такой подход обеспечивает глубокий анализ авторских текстов и имеет как теоретическое, так и прикладное значение. В современном контексте сохранение интереса к художественному наследию становится актуальным вызовом, и использование лингвокультурологического анализа при изучении и переводе литературных произведений на другие языки оказывается необходимым. Филологическая наука активно рассматривает художественные тексты в поликультурном коммуникативном пространстве, исследуя взаимодействие языковых картин мира в оригиналах и их переводах. Е.В. Бреус совершенно справедливо отмечает, что «перевод – акт межъязыковой коммуникации, при переводе имеет место не только контакт двух языков, но и соприкосновение двух культур» [Бреус, 2000, с. 51].

Перед переводом стихотворений важно проанализировать текст, обратив внимание на лингвокультурные аспекты. Особое значение имеет понимание культурных терминов и выражений. Этот этап требует использования фоновых знаний о культурном контексте, в котором употре-

бляется русское слово. Такой подход способствует точному отображению смысла оригинала в переводе. В противном случае «именно в таких словах переводчики, будучи представителями другой культуры, часто ошибаются, из-за различий в вероисповедании, в обычаях и традициях, то есть из-за интерференции двух культур, они порой невольно и незаметно для самих себя употребляют слово-образ собственной культуры» [Ван, 2017, с. 87].

Настоящее исследование выполнено в русле теории искусственного интеллекта, интерпретационной лингвистики, деривационной вариатологии и переводоведения. Важными для нас являются теоретические положения, согласно которым перевод включается в парадигму вариатологии: переводный текст (слово, фраза) является вариантом переводимого текста (слова, фразы) [Голев, 2023, с. 97]. Согласно теории, разработанной Н.Д. Голевым, «переводы исходных единиц продуцируют их вторичные варианты и дают возможность изучать вариантообразующий потенциал исходных единиц естественного языка с точки зрения их переводимости с дальнейшей проекцией результатов такого изучения на свойства вариантов и их типологию, на взаимоотношения членов вариантных рядов, в том числе с точки зрения предела их варьирования [там же, с. 97]. Так, Н.В. Мельник, развивая эту теорию, рассматривает перевод как вторичный текст, производный от переводимого. На материале переводов фрагментов романа Ф.М. Достоевского «Идиот» исследователь решает задачу реконструировать процесс порождения – восприятия – понимания и проследить механизм детерминации внутритекстовых и межтекстовых компонентов [Мельник, 2011, с. 168].

В настоящей работе мы исходим из положения, согласно которому переводной текст, как вторичный, детерминирован формально-смысловыми компонентами исходного текста. Такая детерминация есть не «зеркальное» отражение исходного текста, преобразованного посредством иных языковых символов. Процесс и результат перевода есть интерпретация, обусловленная, с одной стороны, формально-смысловой системой исходного текста, а с другой – его вариативно-интерпретационным потенциалом, который достаточно подробно исследован в работах Л.Г. Ким [Ким, 2010].

Цель настоящего исследования заключается в изучении проблемы текстовой вариативности в процессе создания вторичного (переводного) художественного текста на английский язык при помощи машинного перевода, выявление текстовых позиций, которые детерминируют множе-

ственную формально-смысловую вариативность переводных текстов.

Программы-переводчики с искусственным интеллектом ознаменовали новый виток развития переводческой деятельности в XXI веке.

Искусственный интеллект (ИИ) – это, прежде всего, программа, которая является текстовым модулем. Она обучена на большом объеме разнообразных текстов. ИИ способен выполнять функции человеческого интеллекта, но в несколько раз быстрее.

Словарь по кибернетике И.И. Глушкова дает следующее определение этому термину: «*Искусственный интеллект (или разум, как пишет сам Глушков в словаре) – искусственно созданная система произвольной природы, предназначенная для решения сложных задач широкого класса. Разумность поведения искусственных систем, как правило, оценивается по аналогии с поведением человека при решении сопоставимых задач*» [Глушков, 1974, с. 412].

На сегодняшний день, благодаря большому вкладу крупных компаний в развитие ИИ, решается большое количество задач. Внедрение ИИ происходит постепенно на всех уровнях человеческой жизнедеятельности, но не всегда. На данном этапе развития, безусловно, в определенных сферах ИИ может заменить человека.

Исследование, проведенное Р.С. Исламовым, показывает, что большинство респондентов, не являющиеся билингвами, положительно отзываются об использовании программ машинного перевода в повседневной жизни для получения быстрого перевода иностранного текста для последующего понимания его контекста.

Известно, что программы машинного перевода стерли практически все языковые барьеры. Количество языков в таких программах как, например Google-Translate или PROMT насчитывает десятки. Скорость обработки текста занимает в среднем от 5 до 10 секунд в зависимости от объема исходного текста и производительности компьютера. Машинный перевод «на лету» позволяет мгновенно переводить веб-страницы и сообщения электронной почты, что значительно упрощает процессы коммуникации в современном мире. Машинный перевод становится характерной чертой повседневного быта современного человека: общение с носителями иностранного языка, доступ к всевозможным иноязычным источникам информации и т. д. Основная задача этих систем – сделать их средством повышения уровня комфорта человека [Исламов, 2013, с.61-62].

В настоящей статье исследование выполнено на материале стихотворения Ф.И. Тютчева «В разлуке есть высокое значенье...» и двух перево-

дных текстов, выполненных программами-переводчиками DeepL и Yandex Translate.

Охарактеризуем каждую из выбранных программ машинного перевода для проведения исследования:

1. DeepL был запущен в 2017 году. Программа разрабатывается на новом поколении нейронных сетей. Данные сети учатся распознавать оттенки значений текстов и точно переводить их на другой язык. Это позволяет добиться высочайшего качества машинного перевода. Небольшая компания уже успела опередить технологических гигантов в лице Google, Microsoft и другие. Переводчик DeepL точнее и внимательнее к нюансам языка, чем любые другие системы.

2. Yandex Translate – сервис автоматического перевода слов и выражений, текстов с фотографий и картинок и так далее. Он использует технологию машинного перевода, которую разработали в самой российской компании Yandex. Переводчик работает как с традиционными, так и с необычными языками. В арсенале сервиса 90 языков.

При выполнении исследования мы использовали сопоставительный метод.

Оригинальный текст:

- (1) *В разлуке есть высокое значенье:*
- (2) *Как ни люби, хоть день один, хоть век,*
- (3) *Любовь есть сон, а сон – одно мгновенье,*
- (4) *И рано ль, поздно ль пробужденье,*
- (5) *А должен наконец проснуться человек...*

Перевод DeepL (DL):

- (1) *There's a high meaning in separation.*
- (2) *No matter how much you love, even a day, even a century,*
- (3) *Love is a dream, and a dream is a moment,*
- (4) *And whether it's early, whether it's late,*
- (5) *But man must wake up at last...*

Перевод Yandex Translate (YT):

- (1) *In parting, there is profound meaning:*
- (2) *No matter how you love, be it a single day or a century,*
- (3) *Love is a dream, and a dream is just a fleeting moment,*
- (4) *Whether early or late, the awakening must come,*
- (5) *And a person must eventually wake up...*

Пофразовое сопоставление позволяет выявить как тождественные, так и различающиеся формально-смысловые элементы переводных текстов.

- (1) *В разлуке есть высокое значенье*

DL: *There's a high meaning in separation*

YT: *In parting, there is profound meaning.*

DL и YT предлагают два разных варианта. Алгоритмами были выбраны отличные друг от друга

варианты перевода языковой единицы «разлука». DL выбрал «separation», в то время как YT выбрал «parting». Различие заключается в смысловой окраске выбранных переводов. *Separation* отражает процесс отделения или разделения, а второе, если рассматривать в частности, употребляется в контексте прощания или расставания. *Parting* несет в себе эмоциональный оттенок, который связан с временным или постоянным расставанием.

High meaning – буквально «высокий смысл». Это выражение может использоваться для того, чтобы подчеркнуть важность смысла или возвышенность в контексте.

Profound meaning – «глубокий смысл». Обычно это выражение употребляют в случаях, когда речь идет о том, что принято считать философским смыслом.

В зависимости от того, какой оттенок смысла хочет передать переводчик, будет исходить выбор того или иного выражения, которые представлены выше.

Тождества формы и смысла не полностью достигнуты. Но основной концепт передан полностью. Трактовка каждого из ИИ обусловлена механизмами машинного обучения и алгоритмами, которыми обучают программу. YT выделяется больше, так как обучение происходит на основе русского текста. Стоит также отметить, что YT выбрал прием инверсии в своем варианте.

- (2) *Как ни люби, хоть день один, хоть век*

DL: *No matter how much you love, even a day, even a century*

YT: *No matter how you love, be it a single day or a century*

Наблюдается полное тождество. Оба перевода верно передают основной смысл оригинала. Основные различия – во фразах и выражениях, которые были выбраны при переводе.

В своем варианте *no matter how much you love* DL добавляет дополнительную эмоциональную окраску в виде наречия *much*, что уводит перевод в сторону от буквализма. YT решил не добавлять ничего лишнего и перевести буквально без добавления эмоций, как было в случае с DL. Сохраняется смысловая целостность в предложенном варианте.

Далее, соблюдая структуру оригинала, DL переводит вторую часть буквально *even a day, even a century*. Используя *even* программа добавляет в данном контексте акцент на различные промежутки времени. YT соблюдает структуру оригинала и добавляет аналогичный акцент на промежуток времени, но с помощью конструкции *be it*. ИИ в двух случаях верно передают идею оригинала, что любовь будет постоянной и независимой от ее длительности, будь то день или век.

(3) *Любовь есть сон, а сон – одно мгновенье*

DL: *Love is a dream, and a dream is a moment*

YT: *Love is a dream, and a dream is just a fleeting moment*

Наблюдается полное тождество. Оба перевода сохраняют основную структуру предложения. Выбраны разные конструкции для выражения смысла оригинала. В случае DL все было переведено без каких-либо дополнительных элементов. Грамматическая структура предложения ПЯ совпадает со структурой ИЯ. YT добавляет частицу *just* и прилагательное *fleeting*, подчеркивая, что сон – это не просто мгновенье. А что-то мимолетное. Здесь наблюдается наращивание элемента формально-смыслового характера. YT внес дополнительные оттенки, уточняя временной аспект самого момента, речь о котором идет в оригинале.

(4) *И рано ль, поздно ль пробужденье*

DL: *And whether it's early, whether it's late,*

YT: *Whether early or late, the awakening must come*

Полное тождество между оригиналом и переводом. Оба перевода пытаются передать идею времени пробуждения, но с использованием разных конструкций. В двух переводах вносится дополнительный элемент в оригинал, чтобы сделать его более ясным. В случае DL это *and whether it's early, whether it's late*. Этот элемент служит для охвата всех возможных вариантов временного промежутка. Фраза становится более ясной на английском языке. Наблюдаем, что машинный перевод пытался использовать конструкцию *whether...or*. Но грамматически правильная конструкция не была построена до конца. Вместо этого – дублирование конструкции первого выражения.

YT и его вариант *whether early or late, the awakening must come* смог правильно построить грамматическую конструкцию *whether...or*, в отличие от DL. Также используется прием добавления, привнося в перевод дополнительный элемент – *the awakening must come*. С помощью него выражается неизбежность пробуждения. Это помогает придать эмоциональную окраску неотвратимости события.

Оба перевода передают основную идею о том, что пробуждение произойдет, рано или поздно.

(5) *А должен наконец проснуться человек*

DL: *But man must wake up at last*

YT: *And a person must eventually wake up*

Полное тождество в двух вариантах. В переводе DL частица *but* подчеркивает контраст с предыдущим контекстом. *Man must wake up at last* придает некое чувство неотложности. А использование *at last* подчеркивает, что пробужде-

ние, в конечном итоге, должно произойти. Смысл оригинала сохранен в должной мере.

YT использует частицу *and* в начале предложения, что служит связующим словом. Оно указывает на следующее логическое звено в тексте.

Фраза *must eventually wake up* передает смысл неотложности и неизбежности, с использованием *eventually* для выражения временной перспективы, что в данном случае придает некоторый оттенок ожидания. Предполагается что пробуждение неизбежно, но может произойти после некоторого времени.

В ходе сопоставления переводов стихотворения Фёдора Тютчева, выполненных системами машинного перевода DeepL и Yandex Translate, выявлено относительное тождество формы с оригиналом. Оба перевода сохраняют структуру и относительный ритм стихотворения, хоть и являются продуктом машинного перевода. В процессе перевода обе системы применяют различные механизмы: добавление, наращивание, буквальный перевод и изменение структуры фраз для передачи оттенков оригинала.

Например, DeepL использует прием добавления с использованием *much* которое придает дополнительную эмоциональную окраску. В то время как перевод Yandex Translate сохраняет общую идею неизбежности события, используя формулировку, такую как *must eventually wake up* и вводит наращивание элемента формально-смыслового характера с помощью частицы *just* и прилагательного *fleeting*.

В контексте рассматриваемого аспекта перевода как вторичного текста, важно отметить, что каждый перевод рассматривается как эквивалентный. Это принцип, который придает важность и значимость процессу перевода. В контексте перевода под эквивалентностью понимается стремление сохранить и передать замысел, смысл и структуру оригинала с максимальной точностью. Эквивалентность в переводе не только зависит от знания языков исходного и целевого текстов, но также от алгоритма обучения машинного перевода.

Перевод – это сложный процесс, включающий анализ, понимание и передачу особенностей языковых систем исходного и целевого текстов. Обе эти системы представляют собой уникальные конструкции, нормы и семантические области, что придает переводу свои особенные вызовы и возможности. Системы машинного перевода представляют собой уникальные нейросети, обучения которых происходило на обширной языковой базе. Перевод ИИ хоть и является продуктом машинного перевода, но уже сегодня бросает вызов переводчикам. Деятельность машинного пе-

реводчика требует не только обширной языковой базы для обучения алгоритмов, но также воспроизведения стиливых особенностей и эмоциональных оттенков оригинала. Искусственный интеллект, как интерпретатор, должен стремиться более точно воплотить замысел автора исходного текста, но это воспроизведение ограничено возможностями машинного обучения. Безусловно, машинный перевод способен передать контекст текста оригинала на ПЯ, но в большинстве случаев используется метод буквального перевода.

Таким образом, процесс машинного перевода хоть и является на сегодняшний день выбором большинства переводчиков для осуществления быстрого перевода, но ставит перед переводчиком как интерпретатором задачу для выбора наилучших языковых средств для передачи смысла и эмоционального контекста оригинала после получения с помощью машинного перевода готового текста. В результате этого взаимодействия между языковыми структурами и деятельностью переводчика формируется вторичный текст, который призван не только точно воспроизводит замысел автора, но и отражать уникальный подход переводчика к исходному материалу.

Список литературы

1. Бреус, Е. В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский [Текст] / Е. В. Бреус. – Москва : УРАО, 2000. – 208 с. – Текст : непосредственный.
2. Ван, Нин. О технике перевода на китайский язык специфических культурных компонентов русской поэзии на примере стихотворений С.А. Есенина. Материалы Международной конференции «Проблемы художественного перевода русской и китайской литературы. Чаньчунь, 15-18 сентября 2016 года / Нин Ван // Иностранные

языки в школе. – 2017. – Вып. 1 (40). – С. 83 – 89. – Текст : непосредственный.

3. Голев, Н. Д. Макромоделирование языковой вариативности : к расширению границ лингвистической вариантологии (аспектуализированный обзор работ российских лингвистов) / Н. Д. Голев // Научный диалог. – 2023. – Т. 12. – № 8. – С. 86-125. – Текст : непосредственный.

4. Исламов, Р. С. Роль программ с элементами искусственного интеллекта в жизни человека в XXI веке (на примере программ машинного перевода) / Р. С. Исламов, А. Г. Фомин // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2013. – № 2-2(54). – С. 61-64. – Текст : непосредственный.

5. Ким, Л. Г. Вариативно-интерпретационное функционирование текста (теоретико-экспериментальное исследование): специальность 10.02.19 «Теория языка» : автореф. дис. ... д-ра. филол. наук / Лидия Густовна Ким. – Кемерово, 2010. – 50 с. – Текст : непосредственный.

6. Кушнина, Л. В. Динамика субъектно-объектных взаимодействий в переводческом пространстве / Л. В. Кушнина, Н. Г. Погорелая // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. – 2019. – Т. 29. – № 5. – С. 767-772. – Текст : непосредственный.

7. Мельник, Н. В. Гносеологический потенциал вторичного текста (на материале переводов) / Н. В. Мельник // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2011. – № 1 (45). – С. 165-171. – Текст : непосредственный.

8. Федоров, А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы) / А.В. Федоров. – Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2002. – 416 с. – Текст : непосредственный.

DOI: 10.47475/9785727119631_409

В.В. ДЕХАМНИЯ / V.V. DEKHAMNIYA

*Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)*

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ В ПЕРЕВОДОВЕДЕНИИ

ON THE ISSUE OF STUDYING COGNITIVE PROCESSES IN TRANSLATION STUDIES

Аннотация

На сегодняшний день исследование когнитивных процессов перевода является сложной задачей. Для понимания этих процессов используются различные модели в когнитивистике. Без использова-

ния каких-либо технологий очень сложно наблюдать за когнитивными процессами, происходящими в головном мозге человека. При попытках исследовать процесс перевода возникают новые трудности. Для того, чтобы наблюдать за работой переводчиков, исследователи создают искусственные условия, что позволяет делать выводы о самом процессе перевода в данной ситуации, но не в естественной среде.

В статье рассматривается методология изучения процесса перевода с точки зрения когнитивного переводоведения. Автор анализирует применение метода «думай вслух» в различных исследованиях и делает выводы о его достоинствах и недостатках, а также рассматривает изучение процесса перевода с применением информационных технологий.

Abstract

Today, the study of cognitive translation processes seems to be a difficult task. To understand these processes, various models in cognitive science are used. Without the use of any technology, it is very difficult to observe the cognitive processes occurring in the human brain. When trying to study the translation process, new difficulties arise. In order to observe the work of translators, researchers create artificial conditions, which allow them to draw conclusions about the translation process itself in a given situation, but not in a natural environment.

The article discusses the methodology for studying the translation process from the point of view of cognitive translation studies. The author analyzes the use of the “think aloud” method in various studies and draws conclusions about its advantages and disadvantages, and also examines the study of the translation process using information technology.

Ключевые слова: процесс перевода, когнитивный процесс, методы исследования, метод «думай вслух», ретроспекция, протоколы «думай вслух».

Keywords: translation process, cognitive process, research methods, think aloud method, retrospection, Think Aloud Protocols.

На сегодняшний день исследование мыслительных процессов переводчиков представляется очень сложной и трудновыполнимой задачей. Как пишет в своей книге известный австрийский специалист по переводу Э. Прунч – для того, чтобы понять мыслительные процессы, сделать их доступными и понятными, были использованы различные модели в когнитивистике [Прунч, 2015, с. 208]. Ученые-когнитологи предприняли попытку проследить за работой мозга, сравнивая работу когнитивных систем с работой компьютера. Однако позднее они разграничили компьютерную метафору и метафору мозга, поскольку при работе головного мозга не существует какого-либо одного устройства, которое могло бы ее контролировать [Прунч, 2015, с. 208].

Невозможно непосредственно наблюдать за когнитивными процессами, происходящими в головном мозге человека. При попытках исследовать процесс перевода появляются новые трудности – за работой переводчиков можно наблюдать в искусственно созданных условиях, что позволяет делать выводы о процессе перевода в данной ситуации, но сложно понять, какие решения примет переводчик в естественной среде. Ученые пытались проследить за процессами, протекающими в голове переводчиков, в так называемом «черном ящике» [там же, с. 210], затем собранные данные обрабатывались и анализировались. В переводоведческих исследованиях были разработа-

ны различные методы, способные помочь понять когнитивные процессы. Один из методов, первоначально внедренных в когнитивной психологии, метод «думай вслух», широко использовался в исследованиях когнитивных процессов перевода [Latorraca, 2017, с. 708]. Данный метод был разработан на основе более старого метода интроспекции, которая заключается в идее того, что мы можем наблюдать события, происходящие в сознании, примерно так же, как можем наблюдать события, которые происходят во внешнем мире [Barnard, Sandberg, Someren, 1994, с. 29].

В переводоведении этот метод исследования был описан в работах Х. Крингса [Klings, 1986]. В.Н. Комиссаров считает метод «думай вслух» «ценным инструментом изучения переводческого процесса» [Комиссаров, 2002, с. 37]. Суть метода заключается в том, что переводчикам предлагалось устно комментировать когнитивные процессы и операции по мере того, как выполнялся перевод.

Проследив за хронологией проведенных экспериментов, мы отметили, что категория участников эксперимента менялась. Метод был использован не только для изучения когнитивных шагов в процессе перевода [Нефедова, Ремхе, 2014, с. 261], но и как инструмент для реализации обучения переводу [Latorraca, 2017].

В свою очередь мы также провели подобный эксперимент на базе Челябинского государствен-

ного университета в рамках дисциплины «Письменный перевод первого иностранного языка» для обучающихся 4 курса специалитета направления подготовки 45.05.01 Перевод и переводоведение. Обучающимся был предложен текст научной статьи объемом 1800 печатных знаков с пробелами.

Мы обратили внимание, что студентам, имеющим профессиональный переводческий опыт, было сложнее записывать на диктофон свои комментарии, поскольку процесс перевода был автоматизирован в силу ранее приобретенного опыта. К тому же сложно было точно интерпретировать полученные данные, поскольку процесс постредактирования не был записан и, следовательно, не вошел в протоколы.

Несмотря на высокий интерес к методу «думай вслух», его ценность для изучения переводческого процесса, а также успех в некоторых экспериментальных исследованиях, можно выявить его недостатки:

1. Не всегда можно правильно интерпретировать полученные протоколы.
2. Невозможно полноценно отразить действительный процесс перевода. Это объясняется тем, что переводчики часто принимают решения интуитивно и не всегда могут пояснить, почему они выбрали то или иное решение.
3. Полученные данные неоднозначны и собираются так, чтобы исследователь сам придавал им ясность [Нефедова, Ремхе, 2014, с. 261].

Стоит отметить, что для того, чтобы эксперимент с применением метода «думай вслух» оказался успешным, необходимо обеспечить такие условия работы, в которых испытуемые не чувствуют, что они социально взаимодействуют, поскольку в противном случае участники будут специально подстраивать свои мысли под устоявшиеся нормы. Это значительно повлияет на мыслительные операции, необходимые в процессе перевода. Взаимодействие между испытуемыми и исследователями должно сводиться к минимуму [Bernardini, 2001, с. 242-243]. Однако мы считаем, что не всегда удается создать условия, в которых участники эксперимента и исследователи будут находиться в минимальном взаимодействии.

В начале применения метода «думай вслух» в переводоведении объект исследования – процесс перевода – еще не подвергался влиянию переводческих технологий. До того, как были применены информационные технологии в изучении мыслительных процессов переводчика и для сбора данных, процесс перевода исследовался при помощи таких методов, как анкетирование, опросники, протоколы «думай вслух». Такой метод, как мы выяснили, давал только субъективные данные

[Göpferich, Jääskeläinen, 2009, с. 172]. Поэтому основное внимание было направлено на процессы, происходящие в «черном ящике» (в голове) переводчика, а не на какую-либо «внешнюю» поддержку – IT технологии (комментарий – В.Д.) – такую как использование инструментов и ресурсов, поддерживающих этот процесс [Gough, 2016, с. 22]. По сути, когнитивные аспекты, связанные с использованием технологий, являются предметом новых направлений исследований в когнитивном переводоведении.

За последние несколько лет с появлением новых информационных технологий подходы к переводу значительно изменились [там же, с. 51]. Следовательно, методы изучения когнитивных процессов перевода также должны совершенствоваться. С появлением информационных технологий такие методы, как ведение журнала в Интернете, keylogging, или фиксирование действий пользователя, запись экрана, снимок экрана, eye-tracking, или фиксирование движения глаз, стали основными методами сбора данных в исследованиях когнитивных процессов перевода. Стоит отметить то, что такие технологические методы, как ведение журнала в Интернете или снимок экрана, оказались чрезвычайно полезными для фиксации когнитивного процесса перевода, однако, методы, использующиеся в нейробиологии, оказались менее продуктивными для исследования перевода, поскольку благодаря им можно увидеть, какие области головного мозга задействованы [там же].

Одной из центральных задач переводоведения является изучение мыслительных операций. Решение этой задачи подразумевает определенные трудности, поскольку предполагает способность вторгаться в мыслительные процессы переводчиков.

Мы изучили хронологию исследований когнитивных процессов с применением метода «думай вслух» и пришли к выводу, что, несмотря на ценность полученных данных, имеются значительные сложности интерпретации результатов в виду несовершенства данного метода. Тем не менее с развитием информационных технологий появились новые методы изучения процесса перевода. Однако существует необходимость дальнейшего более тщательного исследования когнитивных процессов с точки зрения ретроспективы с использованием информационных технологий.

Список литературы

1. Комиссаров, В. Н. Современное переводоведение: учебное пособие / В. Н. Комиссаров. –

Москва : ЭТС, 2002. – 424 с. – Текст : непосредственный.

2. Нефедова, Л. А., Ремхе И. Н. К вопросу о психолингвистическом методе изучения переводческого процесса «мысли вслух» для выявления когнитивной составляющей перевода / Л.А. Нефедова, И.Н. Ремхе – Текст : электронный // Лань : электронно-библиотечная система : [официальный сайт]. – URL: <https://e.lanbook.com/journal/issue/295304> (дата обращения: 22.01.2024).

3. Прунч, Э. Пути развития западного переводоведения. От языковой асимметрии к политической / Э. Прунч : пер. с нем. – Москва : Р.Валент, 2015. – 512 с. – Текст : непосредственный.

4. Barnard, Y. F., Sandberg, J. A. C., Someren van, M. W. The think aloud method: a practical approach to modelling cognitive processes: monograph / Y. F. Barnard, J. A. Sandberg, M. W. van Someren // Knowledge-based systems. – London: Academic Press, 1994. – 208 p. – Текст : электронный. – URL : <https://dare.uva.nl/search?identifier=7fef37d5-8ead-44c6-af62-0feeeal8d445> (дата обращения: 15.01.2024).

5. Bernardini, S. Think-aloud protocols in translation research: Achievements, limits, future prospects / S. Bernardini // Target. International Journal of Translation Studies 13. – 2001. – P. 241-263. – Текст : непосредственный.

6. Göpferich, S., Jääskeläinen, R. Process research into the development of translation

competence: Where are we, and where do we need to go / S. Göpferich, R. Jääskeläinen // Across Languages and Cultures. – 2009. P. 169-191. – Текст : электронный. – URL : <http://doi.org/10.1556/Acr.10.2009.2.1> (дата обращения: 20.01.2024).

7. Gough, J. The patterns of interaction between professional translators and online resources / J. Gough // Thesis submitted for the Degree of Doctor of Philosophy. – 2016. – 283 p. – Текст : электронный. – URL : <https://openresearch.surrey.ac.uk/esploro/outputs/doctoral/The-patterns-of-interaction-between-professional-translators-and-online-resources/99514578402346> (дата обращения: 20.01.2024).

8. Krings, H. P. Translation Problems and Translation Strategies of Advanced German Learners of French (L2) / H. P. Krings // Interlingual and Intercultural Communication: Discourse and Cognition in Translation and Second Language Acquisition Studies. – Tübingen: Gunter Narr, 1986. – P. 263-276. – Текст : непосредственный.

9. Latorraca, R. Think aloud as a tool for implementing observational learning in the translation class / R. Latorraca // Perspectives. Studies in Translation Theory and Practice. – 2017. – Volume 26, Issue 5. – P. 708-724. – Текст : электронный. – URL: <https://doi.org/10.1080/0907676X.2017.1407804> (дата обращения: 18.01.2024).

DOI: 10.47475/9785727119631_412

В.В. ДЕХАМНИЯ, А.С. ТОРГАШОВА / V.V. DEKHAMNIYA, A.S. TORGASHOVA

*Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)*

ОСОБЕННОСТИ ПОСТРЕДАКТИРОВАНИЯ МАШИННОГО ПЕРЕВОДА: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СТУДЕНЧЕСКИХ ПЕРЕВОДОВ)

PECULIARITIES OF MACHINE TRANSLATION POST-EDITING: AN EXPERIMENTAL STUDY (BASED ON STUDENTS' TRANSLATIONS)

Аннотация

В статье рассматриваются основные характеристики постредактирования машинного перевода. Тема представляется особенно актуальной в связи с развитием систем машинного перевода и его нейронных систем. Авторы подробно описывают эффективность постредактирования машинного перевода в современном мире, выделяют типы постредактирования, их основные цели использования и отличительные особенности, а также навыки, которыми следует владеть постредактору, параметры и стратегии, которые характерны для данного направления переводческой деятельности. Основное внимание в работе авторы акцентируют на классификации ошибок машинного перевода, которые необходимо устранять переводчику-постредактору. В статье приведен анализ ошибок, допущенных машинным переводом, в порядке частотности возникновения и примеры их решения с помощью процедуры постредактирования, которую выполнили студенты.

Abstract

The article deals with the main peculiarities of machine translation post-editing. The topic is particularly relevant due to the development of machine translation systems and its neural systems. The authors describe in detail the efficiency of machine translation post-editing in the modern world, identify the types of post-editing, its main purposes of use and distinctive peculiarities, as well as the skills that a post-editor should have, parameters and strategies that are typical for this field of translation. The authors focus on the classification of machine translation errors that need to be corrected by the post-editor. The paper presents an analysis of machine translation errors in order of frequency of occurrence and examples of using the post-editing procedure performed by students.

Ключевые слова: *постредактирование, машинный перевод, переводческая ошибка, стратегии, навыки постредактора, параметры постредактирования.*

Keywords: *post-editing, machine translation, translation error, strategies, post-editor skills, post-editing parameters.*

На сегодняшний день интерес к использованию машинного перевода (МП) и усовершенствованию его работы продолжает расти. В современном мире мы сталкиваемся с огромным количеством информации и текстов, которые находятся в непрерывном потоке обмена, редактирования и перевода. Возникает потребность быстро и эффективно перевести текст с одного языка на другой. Зачастую именно наименьшая трата времени вынуждает человека использовать машинный перевод в целях скорейшего получения готового текста, жертвуя тем самым его качеством. Проблему качества переведенного текста может решить процедура постредактирования машинного перевода, которая стала также актуальной в последнее время по причине развития машинного перевода [Худяков, 2019, с. 233].

Теперь в современные обязанности переводчика также входят навыки редактирования и постредактирования наряду с умением использовать системы автоматизированного перевода, память переводов и т.д. [Дорожкина, 2020, с. 3].

С появлением систем нейронного машинного перевода качество машинного перевода возросло, хотя, несмотря на развитие МП сегодня, большинство лингвистов убеждены, что его ошибки неизбежны, а также то, что никакая система не способна обеспечить уровень качества близкий к переводу, выполненному человеком [Нечаева, Светова, 2018, с. 3].

Однако не во всех случаях процедура выполнения МП и дальнейшее постредактирование текста помогут увеличить скорость и эффективность работы. К тому же качество МП значительно влияет на результат работы. Стоит также отметить логичную закономерность – при использовании некачественного МП постредактирование займет больше времени и усилий, поскольку переводчику придется практически заново, самостоятельно переводить текст, т.к. появится необходимость исправлять большое количество ошибок, допу-

щенных МП. Также немаловажную роль играет и «подготовка постредактора, а именно стандартизация основных практик постредактирования и требования к качеству конечного продукта разного уровня» [Худяков, 2019, с. 234]. Изучение методов подготовки текста для МП с целью получения высококачественного текста на выходе, а также разработка рекомендаций для постредакторов, являются необходимыми шагами для повышения эффективности постредактирования МП [там же].

Традиционно выполняют два типа постредактирования: легкое (быстрое) (light / rapid / gist post-editing) и полное (конвенциональное) (full / conventional post-editing), согласно ассоциации TAUS.

Задача легкого постредактирования заключается в том, чтобы текст был понят реципиентом без обращения к оригиналу [Ушакова, 2022, с. 3]. При данном типе постредактирования допускается наличие стилистических ошибок, но следует избегать субъективных корректировок [Чакрырова, 2013, с. 2-3]. Также не корректируется терминология, остается та, которая была предложена МП [Ушакова, 2022, с. 3].

При полном постредактировании исправляется терминология, предложенная программой. После выполнения данного типа постредактирования качество текста является соответствующим для публикации и соотносится с качеством традиционного перевода [там же, с. 3-4]. Данный тип постредактирования применяется чаще [Чакрырова, 2013, с. 3].

В настоящий момент не существует общепринятых рекомендаций по выполнению постредактирования машинного текста, так же как и нет единой стратегии постредактирования и четкого перечня навыков, которые должны быть у постредактора [Ушакова, 2022, с. 2]. Предлагаются лишь несколько параметров, которые характеризуют процедуру постредактирования, учитывая

которые можно успешно выполнить работу. Данными параметрами выступают:

1. «Получение максимального результата с минимальными усилиями за минимальное время» [там же, с. 3-4].
2. Соответствие ТЗ (техническому заданию) [там же].
3. «Работа с двумя исходными текстами: – оригинальный текст, второй – транслят МП» [там же].
4. Предварительная возможная обработка исходного текста.
5. Постредактирование – центральное место в деятельности постредактора [Чакырова, 2013, с. 2].
6. Осознанный и завершённый процесс [Ушакова, 2022, с. 3-4].

На основе приведенных выше параметров выделяют некоторые навыки, которыми важно овладеть постредактору, ими являются:

- «понимание разницы между постредактированием, редактированием и переводом;
- знание особенностей постредактирования и уместности использования в той или иной сфере;
- выполнение различных видов постредактирования (легкого и полного) для различных задач;
- оценка степени своего вмешательства, а также будет ли оправдано выполнение МП и постредактирования или уместнее выполнить традиционный перевод с последующим редактированием;
- определение критических и допустимых ошибок;
- обработка текста транслята в соответствии с техническим заданием (приведение текста после МП к единому стилю, выявление типовых ошибок)» [Ушакова, 2022, с. 5].

Что касается выбора стратегий постредактирования МП, то важно учитывать следующие факторы: «знание предметной области, степень владения исходным и целевым языком, степень доверия МП и опыт работы с данной системой, сроки и предполагаемый объем постредактирования» [Абросимова, 2022, с. 2], наличие технических средств для анализа внутренней структура

МП. Поэтому стратегии постредактирования МП подлежат доработке и уточнению [Дорожжина, 2020, с. 6], не существует на данный момент единой стратегии, подходящей для текста любого жанра, стиля и тематики.

Кроме того, на сегодняшний день нет устоявшейся классификации видов ошибок МП, которые стоит устранять постредактору. Существуют более узкие и широкие варианты классификаций. В данной статье мы представим классификацию, основанную на анализе нескольких, описанных в работах отечественных и зарубежных ученых, таких как П.Н. Хроменкова, Б. Моссопа, Д. Вилара, О.Ю. Павловой, М.Ю. Рябовой и др.

Все ошибки МП мы условно разделили на 6 больших групп: лексико-семантические, морфологические, синтаксические, смысловые, стилистические и технические ошибки.

Самой частой и популярной является группа смысловых ошибок (Таблица 1), пример ниже иллюстрирует трудности в передаче логики и смысла.

Далее следует группа стилистических ошибок (Таблица 2). В соответствующих примерах можно наблюдать калькирование оригинала в переводе.

К третьей по частотности группе ошибок относятся лексико-семантические (Таблица 3), в частности, неверная передача имен собственных и некорректно переведенные слова и словосочетания.

Стоит учитывать, что все ошибки взаимосвязаны и одна ошибка может вызвать появление другой. Например, неправильный подобранный эквивалент одного слова может «спровоцировать» неверный порядок слов в предложении.

Всего в проанализированных текстах МП нами были выявлены 216 ошибок (100%), из них наибольшую частотность имеет такая группа ошибок, как смысловая: 63 случая (29,16%). Далее следует стилистическая группа ошибок с 58 случаями (26,9%). Третье место по частотности имеет лексико-семантическая группа ошибок МП: 42 случая (19,4%). Затем техническая группа – 29 случаев (13,4%), синтаксическая группа –

Таблица 1

Смысловые ошибки машинного перевода

Вид ошибки	Исходный текст	МП	Постредактирование
Логическая ошибка	The user inserts the thread the pointed end of the conventional hand-sewing needle <u>through the fabric until the eyelet is drawn through the opposite side of the fabric.</u>	<u>Пользователь</u> вводит нить заостренным концом обычной иглы для ручного шитья <u>через ткань до тех пор, пока ушко не протянется через противоположную сторону ткани.</u>	Отрезок нити вдевают внутрь ушка, а затем продевают нить целиком. Острием обычной иглы для ручного шитья с нитью <u>протыкают ткань так, чтобы ушко оказалось с другой стороны ткани.</u>

Таблица 2

Стилистические ошибки машинного перевода

Вид ошибки	Исходный текст	МП	Постредактирование
Калькирование оригинала	Mentioning artificial intelligence, for me, raises some nostalgia because, when I founded the <u>Research Institute for Symbolic Computation</u> (in 1985), for some time, I was torn between using “ <u>symbolic computation</u> ” or “artificial intelligence” as the main notion in the name of the new institute.	Упоминание об искусственном интеллекте вызывает у меня некоторую ностальгию, потому что, когда я основал <u>Исследовательский институт символических вычислений</u> (в 1985 году), в течение некоторого времени я разрывался между использованием “ <u>символических вычислений</u> ” или “искусственного интеллекта” в качестве основного понятия в названии нового института.	Упоминание об искусственном интеллекте вызывает у меня некоторую ностальгию, потому что, когда я основал <u>Институт исследований символических вычислений</u> (в 1985 году), в течение некоторого времени я раздумывал что использовать в качестве основного понятия в названии нового института – « <u>символьные вычисления</u> » или «искусственный интеллект».
Калькирование оригинала	At that time, bringing symbolic computation under the umbrella of artificial intelligence was quite tempting and quite common: For example, finding symbolic integrals was considered an “artificial intelligence” task like playing chess, with lots of heuristics.	В то время объединение символических вычислений под эгидой искусственного интеллекта было весьма заманчивым и довольно распространенным явлением: например, поиск символических интегралов считался задачей “искусственного интеллекта”, подобной игре в шахматы, с большим количеством <u>эвристик</u> .	В то время объединение двух понятий, таких как «символьные вычисления» и «искусственный интеллект» было весьма заманчивым и довольно частым явлением. Например, нахождение символических интегралов считалось задачей «искусственного интеллекта», подобной игре в шахматы, с большим количеством <u>эвристических алгоритмов</u> .

Таблица 3

Лексико-семантические ошибки машинного перевода

Вид ошибки	Исходный текст	МП	Постредактирование
Некорректно переведенная терминология	Framing European Politics: A Content Analysis of Press and Television News	<u>Формирование</u> европейской политики: Контент-анализ новостей прессы и телевидения	Фрейминг политики Европы: контент-анализ прессы и телевизионных новостей
Неверная передача имени собственного	In 1952, <u>Kroeber</u> and Kluckhohn analyzed the concept of culture, pointing out that it goes back to biblical times, to Homer, Hippocrates, and Herodotus, as well as to Chinese scholars from the Han dynasty.	В 1952 году <u>Кребер</u> и Клакхон проанализировали концепцию культуры, указав, что она восходит к библейским временам, к Гомеру, Гиппократу и Геродоту, а также к китайским ученым времен династии Хань.	В 1952 году <u>Крёбер</u> и Клакхон изучили концепт культуры, отметив, что она уходит корнями к библейским временам: к Гомеру, Гиппократу и Геродоту, а также к китайским ученым времен династии Хань.

15 случаев (6,9%) и морфологическая группа – 9 случаев (4,1%).

На основе параметров, характеризующих процедуру постредактирования, навыков, необходимых для постредактора, и выявленных ошибок машинного перевода нами были сформулированы рекомендации переводчикам-постредакторам, которые могут пригодиться в ходе выполнения процедуры постредактирования. Данными рекомендациями являются следующие:

- 1) понимание разницы между переводом, легким и полным постредактированием и редактированием, а также понимание уместности использования того или иного типа постредактирования и цели использования каждого типа;
- 2) умение предварительно обрабатывать исходный текст;
- 3) умение за минимальное время и с минимальными усилиями получить максимальный результат перевода, близкий к переводу человека;

4) умение работать с двумя текстами: с исходным и переводным;

5) умение обнаруживать ошибки машинного перевода и умение исправлять их;

6) владение хорошим уровнем родного и иностранного языка;

7) знание особенностей родного и иностранного языка.

В настоящее время постредактирование становится все более актуальным направлением в переводческой деятельности, а иногда выступает и альтернативой профессиональному переводу, выполненному человеком. Однако стоит понимать, что эффективность и качество постредактирования по большей части зависит от качества исходного текста МП и требований к качеству полученного перевода. Несмотря на развитие нейронных систем, полная замена человека машинным переводом пока не представляется возможной. Поэтому для будущих лингвистических и переводческих исследований тема постредактирования МП будет оставаться актуальной еще определенное время.

Список литературы

1. Абросимова, Н. А., Щелокова, Е. А. Пред- и постредактирование машинного перевода медицинских текстов – Текст: электронный // МНКО. – 2022. – №4 (95). – с. 1-4. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/pred-i-postredaktirovanie-mashinnogo-perevoda-meditsinskih-tekstov> (дата обращения: 9.11.2023).

2. Дорожкина, В. А., Ивлева, М. А. Постредактирование машинного перевода в обучении студентов лингвистических специальностей – Текст: электронный // Вопросы методики преподавания в вузе. – 2020. – №33. – с. 1-8. – URL :

<https://cyberleninka.ru/article/n/postredaktirovanie-mashinnogo-perevoda-v-obuchenii-studentov-lingvisticheskikh-spetsialnostey> (дата обращения: 14.12.2023).

3. Нечаева, Н. В., Светова, С. Ю. Постредактирование машинного перевода как актуальное направление подготовки переводчиков в вузах – Текст: электронный // Вопросы методики преподавания в вузе. – 2018. – №25. – с. 1-9. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/postredaktirovanie-mashinnogo-perevoda-kak-aktualnoe-napravlenie-podgotovki-perevodchikov-v-vuzah> (дата обращения: 28.09.2023).

4. Ушакова, А. О. Постредактирование машинного перевода технического текста – Текст: электронный // Евразийский гуманитарный журнал. – 2022. – №3. – с. 1-8. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/postredaktirovanie-mashinnogo-perevoda-tehnicheskogo-teksta> (дата обращения: 21.10.2023).

5. Худяков, Н. А. Постредактирование машинного перевода: теоретические аспекты – Текст: электронный // Филологический аспект. – 2019. – №1(45). – с. 232-239. – URL : <https://scipress.ru/philology/articles/postredaktirovanie-mashinnogo-perevoda-teoreticheskie-aspekty.html> (дата обращения: 5.01.2024).

6. Чакырова, Ю. И. Постредактирование в транслатологической парадигме – Текст: электронный // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. – 2013. – №8. – с. 1-8. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/postredaktirovanie-v-translatologicheskoy-paradigme> (дата обращения: 21.10.2023).

7. TAUS Language Data Solutions – Текст: электронный // [taus.net](https://www.taus.net/) – URL : <https://www.taus.net/> (дата обращения: 15.12.2023).

DOI: 10.47475/9785727119631_416

В.Д. КОЛЕДАЕВА / V.D. KOLEDAYEVA

*Томский государственный педагогический университет
(Томск, Россия)*

ПЕРЕВОД КУЛЬТУРНО-МАРКИРОВАННОЙ ЛЕКСИКИ В НОВЕЛЛЕ МОСЯН ТУНСЮ «БЛАГОСЛОВЕНИЕ НЕБОЖИТЕЛЕЙ» С КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

TRANSLATION OF CULTURE-SPECIFIC WORDS FROM CHINESE INTO RUSSIAN
IN THE NOVEL “HEAVEN OFFICIAL’S BLESSING” BY MO XIANG TONG XIU

Аннотация

Данная статья посвящена изучению перевода культурно-маркированной лексики. Целью работы является изучение способов передачи культурно-маркированной лексики с китайского языка на

русский язык на материале китайской новеллы Мосян Тунсю «Благословение небожителей». Актуальность работы обусловлена малочисленностью исследований, посвященных изучению перевода на русский язык культурно-специфичной лексики китайского языка, все более плотно входящего в русское культурное пространство. Анализ единиц, принадлежащих к различным классам культурно-маркированной лексики, показал, что наиболее частотными способами их передачи с китайского языка на русский язык являются переводческие приёмы, осуществленные в рамках стратегии доместикации. Вместе с тем, культурная специфичность оригинального текста наиболее полно сохраняется при использовании в переводе стратегии форенизации.

Abstract

The article is devoted to the peculiarities of the ways of transferring culture-specific words. The aim of the paper is to study the ways of transferring culture-specific words from Chinese into Russian on the material of the Chinese novel "Heaven Official's Blessing" by Mo Xiang Tong Xiu. The relevance of the work is conditioned by the small number of studies devoted to the Russian translation of culture-specific words of the Chinese language, which is increasingly densely entering the Russian cultural space. The analysis of units belonging to different classes of culture-specific words has shown that the most frequent ways of their translation from Chinese into Russian are translation techniques implemented within the framework of the domestication strategy. At the same time, the cultural specificity of the original text is most fully preserved when using the strategy of foreignization in translation.

Ключевые слова: культурно-маркированная лексика, китайский язык, переводческий комментарий, доместикация, форенизация, транскрипция, фоновая лексика.

Keywords: culture-specific words, Chinese, translator's note, domestication, foreignization, transcription, background vocabulary.

Перевод культурно-маркированной лексики (далее – КМЛ) является сложной задачей, требующей понимания контекста, особенностей национальной культуры и истории. Уникальные ценности, традиции и особенности мышления определённого общества отражены в языке и литературе, поэтому адекватный перевод культурно-маркированных единиц играет ключевую роль в сохранении художественных и культурных особенностей оригинального произведения. Однако именно из-за своей культурной специфики КМЛ вызывает трудности при иноязычной передаче.

По определению М.Г. Яшиной, под культурно-маркированной лексикой понимается такая лексика, которая обладает экстралингвистическим фоном и является источником социокультурной информации о стране изучаемого языка, а также о мировоззрении и традициях его носителей [Яшина, 2009, с. 46-47].

Классифицируя единицы КМЛ, современный лингвист Н.Е. Меркиш выделяет в своей работе три группы:

- 1) реалии;
- 2) фоновые единицы;
- 3) устойчивые словосочетания и фразеологизмы [Меркиш, 2020, с. 117].

В художественном произведении специфику национальной культуры и ее функционирование в языковой картине мира отражают именно фоновая лексика, реалии, устойчивые словосочетания и фразеологические единицы. Реалии и фоновые

единицы обозначают специфические понятия и явления языкового и культурного пространства, а фразеологизмы китайского языка являются наследием прошлого, поскольку, как правило, происходят из древних классических историй, в которых чётко выражен национальный компонент.

При рассмотрении вопроса о переводе культурно-маркированных единиц необходимо учитывать разнообразие форм, которые они могут принимать. Для иноязычной передачи каждого отдельного вида КМЛ можно использовать широкий спектр переводческих приёмов и трансформаций. В частности, для передачи КМЛ китайского языка возможно использование следующих приёмов:

- 1) транскрипция;
- 2) калькирование;
- 3) функциональный аналог;
- 4) переводческий комментарий или примечание;
- 5) описательный перевод;
- 6) дословный перевод.

Для того, чтобы понять, насколько каждый из этих приёмов подходит для передачи тех или иных элементов КМЛ, следует обратиться к исследованию Л. Вентути, предложившего разделить все стратегии перевода подобных единиц на две большие группы: доместикацию и форенизацию. Выбор переводческой стратегии основан на стремлении переводчика приблизить текст оригинала к реальности носителей языка перевода (далее – ПЯ) или наоборот. Если при

доместикации текст перевода соответствует ценностям, присутствующим в культуре ПЯ, то при форенизации, напротив, в нем сохраняются языковые и культурные различия, существующие в рамках данной пары языков. Таким образом, стратегия доместикации предполагает отказ от передачи культурных особенностей оригинала, при этом, однако, адаптируя исходный текст для облегчения читательского восприятия; стратегия форенизации, напротив, несколько затрудняет восприятие читателя, но предполагает сохранение особенностей исходного текста и передачу его содержания [Венути, 1998, с. 240].

Ориентируясь на идеи Л. Венути, описанные приёмы перевода КМЛ могут быть соотнесены с одной из стратегий; при этом к доместикации будут относиться функциональный аналог и дословный перевод, а к форенизации – транскрипция, калькирование, переводческий комментарий или примечание. Описательный перевод в качестве самостоятельного приёма может быть отнесён к доместикации, однако при совместном использовании с калькированием или транскрипцией его следует соотносить со стратегией форенизации.

Рассмотрим особенности перевода каждой из вышеприведенных групп КМЛ.

При анализе перевода единиц КМЛ в новелле «Благословение небожителей» было выявлено, что для передачи реалий с китайского языка в основном используются приёмы транскрипции, описательного перевода, переводческого комментария или примечания. Например, 筓筒 ‘qiāntǒng’ в новелле переводится с помощью описательного перевода: «бамбуковый стаканчик для предсказания судьбы», поскольку в русском языке и культуре нет подходящего эквивалента для передачи исходного выражения; кроме того, описание сопровождается переводческой сноской с пояснениями.

Таблица 1

Перевод реалий	
Оригинал	Перевод
筓筒 'qiāntǒng'	бамбуковый стаканчик для предсказания судьбы* * Бамбуковый стакан цилиндрической формы, наполненный 25ю плоскими бамбуковыми палочками с различными надписями, с помощью которых проводились гадания и предсказания.
哥哥 'gēge'	гэгэ

箭袖 'jiànxiù'	цзяньсю
真君 'zhēnjūn'	Совершенный владыка

Следующий пример 哥哥 'gēge' переводится без пояснений и комментариев. Основное значение данного слова – «старший брат», однако с учетом разговорного регистра его можно перевести как «братец», что является обращением к мужчине старшему по возрасту, но все же одного поколения с говорящим. Вместе с тем, читателям, знакомым с произведениями китайских авторов, маньхуа, китайскими дорамами и аниме, эта культурно-маркированная единица вполне понятна и привычна; именно поэтому переводчик воспользовался транскрибированием данного обращения, свойственного для китайского просторечия, без каких-либо сносок и примечаний.

С помощью транскрипции также переводится единица 箭袖 'jiànxiù' – «халат с узким рукавом», «цзяньсю». Однако, как и большинство реалий, переводимых транскрипцией, данное понятие было бы уместным сопроводить переводческим комментарием, поскольку русские читатели едва ли знакомы со значением данной культурно-маркированной лексической единицы.

С помощью калькирования переводится словосочетание 真君 'zhēnjūn' – «Совершенный владыка» – особый титул, который следует за именем даоса, достигшего совершенства и обретшего бессмертия. В данном случае первый иероглиф 真 'zhēn' означает «совершенный, идеальный», а второй иероглиф 君 'jūn' – «государь, владыка».

К следующему классу КМЛ относится фоновая лексика, одним из примеров которой является единица 功德 'gōngdé' – «добродетель». Значение первого иероглифа 功 'gōng' – «заслуга», в то время как второй иероглиф 德 'dé' в учениях даосизма и конфуцианства, а также в буддизме, означает «нравственность» и «благую силу», которая может быть передана от человека к человеку, от владыки к поданным, придавая им силы и даруя веру. В новелле данная единица используется для описания официальных представителей небес, которые, благодаря своей добродетели и заслугам, обретают больше последователей, обращающих к ним свои молитвы. Поскольку понятие добродетели существует в русском языке (хотя и подразумевает несколько иной смысл), для передачи данной единицы фоновой лексики переводчик использует функциональный аналог.

Для передачи следующего примера фоновой лексики используются другие приёмы. 国师 'guóshī' имеет значение «государственный совет-

ник» или «наставник». В русском языке государственный советник – это квалификационный разряд или чин государственных служащих; в Китае же, во времена династий Юань и Мин, данный титул присваивался придворному монаху. Такое же значение 国师 ‘guóshī’ имеет и в новелле, поэтому в русском тексте данная единица передаётся с помощью дословного перевода в сочетании с переводческим комментарием, поясняющим название данной должности, благодаря чему сохраняется национальный колорит оригинальной единицы.

Таблица 2

Перевод фоновой лексики

Оригинал	Перевод
功德 ‘gōngdé’	добродетель
国师 ‘guóshī’	Советник* *Советник, гоши – почетный титул монаха при дворе, наставник государя.

Для передачи следующей группы КМЛ – устойчивых словосочетаний и фразеологизмов – используются приёмы дословного перевода и подбора функционального аналога, применяемые как по отдельности, так и совместно. Например, в случае перевода китайской пословицы 五十步笑百步 ‘wǔshíbù xiào bǎibù’ переводчик подобрал русскоязычный эквивалент. Дословно пословицу можно перевести как «отступивший на 50 шагов насмехается над отступившими на 100 шагов», что по смыслу примерно соответствует русскому «в чужом глазу соломинку видеть, а в своём не замечать бревна». Однако при такой доместицирующей передаче теряется колоритная национальная окраска оригинального выражения, берущего начало в книге притч и бесед китайского философа и писателя Мэн-цзы; в одной из глав мудрец рассказывает притчу о воинах, которые во время битвы, побросав доспехи, побежали назад, причем те, кто отбежал на пятьдесят шагов, стали высмеивать тех, кто пробежал сто шагов [Колоколов, 1999, с. 17].

Следующее устойчивое словосочетание 瞎猫碰上死耗子 ‘xiāmāo pèngshàng sǐ hàozǐ’ в новелле переводится как «слепой кот, наткнувшийся на дохлую мышь». Данное китайское выражение имеет образное значение везения, случайной удачи; однако при сохранении лишь этого компонента значения полностью теряется культурная отсылка оригинала. Вероятно, поэтому пере-

водчик в данном случае делает выбор в пользу дословного перевода.

Таблица 3

Перевод устойчивых словосочетаний и фразеологизмов

Оригинал	Перевод
五十步笑百步 ‘wǔshíbù xiào bǎibù’	в своём глазу бревна и не приметил
瞎猫碰上死耗子 ‘xiāmāo pèngshàng sǐ hàozǐ’	слепой кот, наткнувшийся на дохлую мышь

В целом, в ходе количественного анализа передачи 50 единиц КМЛ было выявлено, что наиболее распространённым способом перевода является подбор функционального аналога (42%). С помощью транскрипции переведено 28% единиц, из которых 22% сопровождалось переводческим комментарием. С помощью дословного перевода передано 12% от общего числа единиц, а с использованием описательного перевода – 8%. Калькирование было использовано при переводе 10% культурно-маркированных единиц.

На основе проанализированных примеров можно сделать вывод о том, что при передаче культурно-маркированной лексики в новелле «Благословение небожителей» в большинстве случаев используется стратегия доместикации, то есть отказ от культурных особенностей оригинала в пользу облегчения восприятия текста перевода. Наиболее ощутимо культурный компонент проявляется при использовании приёмов транскрипции (обычно сопровождаемой переводческим комментарием) и калькирования. Однако в целом ряде вышеописанных случаев, преимущественно в результате использования приёмов описательного перевода и подбора функционального аналога, экстралингвистический характер оригинальных культурно-маркированных единиц и выражений частично утрачивается, что приводит к заметным семантическим потерям.

Список литературы

1. Колоколов, В. С. Мэн-цзы / В. С. Колоколов, Л. Н. Меньшиков. – Санкт-Петербург : Петербургское востоковедение, 1999. – 272 с. – Текст : непосредственный.
2. Меркиш, Н. Е. Особенности осмысления культурного компонента лексики как предпосылка успешной коммуникации с носителем языка / Н. Е. Меркиш. – Новосибирск : Вестник НГПУ, 2020. – 117 с. – Текст : электрон-

ный. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-osmysleniya-kulturnogo-komponenta-leksiki-kak-predposylka-uspeshnoy-kommunikatsii-s-nositelem-yazyka> (дата обращения: 01.12.2023).

3. Мосян Тунсю, Благословение небожителей / Тунсю Мосян – Текст : электронный // YouNet Translate : [официальный сайт]. – URL : <https://younettranslate.com/projects/blagoslovenie-nebozhiteley> (дата обращения: 16.01.2024).

4. Яшина, М. Г. Приемы и методы исследования культурно-маркированной лексики / М. Г. Яшина. – Пиза : Rivista Telematica del Dipartimento di Linguistica dell'Università di Pisa, 2009. – № 7. –

С. 45-76. – Текст : электронный. – URL : <https://istina.msu.ru/publications/article/2088322> (дата обращения: 27.11.2023).

5. Venuti, L. Strategies of translation / L. Venuti // Encyclopedia of translation studies. – London and New York : Routledge, 1998. – P. 240-244. – Текст : непосредственный.

6. 墨香铜臭, 天官赐福 / 铜臭墨香 Мосян Тунсю, Благословение небожителей / Тунсю Мосян – Текст : электронный // 恩京: [официальный сайт]. – URL: <https://www.enjing.com/tianguan> (дата обращения: 16.01.2024).

DOI: 10.47475/9785727119631_420

С.С. КРАЕВА, А.В. ГЕРМАН / S.S. KRAEVA, A.V. GERMAN

Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)

НАВЫК УНИВЕРСАЛЬНОЙ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ СКОРОПИСИ КАК ФАКТОР КАЧЕСТВА ПЕРЕВОДА

THE OPEN MEDIUM OF THE INTERPRETATION FUNCTION OF THE LANGUAGE

Аннотация

В статье рассматривается зависимость качества устного последовательного перевода от владения навыком переводческой скорописи. Актуальность данной проблемы обусловлена важностью этого аспекта при формировании переводческой компетенции. Для изучения взаимосвязи качества перевода и умения вести переводческие записи мы провели научный эксперимент, включающий перевод двух отрывков текста на русском и английском языках. Тексты для эксперимента были подобраны с учетом наличия в них элементов, подлежащих, как правило, письменной фиксации, а именно дат, валют, стран, логических связей и т.п. Представленные результаты показывают, что группа респондентов, завершившая курс переводческой скорописи, лучше справилась с заданием и допустила меньше искажений и опущений в переводе, что позволяет говорить о необходимости изучения переводчиками основ переводческой скорописи с последующей отработкой полученных навыков на практике.

Abstract

The article examines the interdependence of interpreting and note-taking skills. We consider this aspect to be of a high importance in the formation of the overall translation competence. To study the relationship between consecutive interpretation quality and the ability of an interpreter to take notes efficiently, we conducted a scientific experiment that involved interpreting of two text passages in Russian and English. The main criterion for selecting the texts was the presence of such elements that were supposed to be noted down, namely dates, currencies, countries, links, etc. The results show that the group of respondents who have completed a course of note-taking for interpreters coped with the task better than the other, which suggests ultimate necessity of studying note-taking basics as part of any interpreting course with subsequent development of acquired skills in practice.

Ключевые слова: скоропись, нотация, перевод, качество перевода, переводческая запись, УПП.

Keywords: note-taking, consecutive interpreting, translation quality, notation, conference interpreting, notes.

Наша работа посвящена проблеме влияния перевода. В нашем исследовании мы опираемся на определение скорописи, предложенное Е.

В. Аликиной, согласно которой скоропись – это «специальным образом организованное фиксирование переводчиком информации <...> с целью снятия нагрузки на оперативную память» [Аликина, 2006, с. 10].

В ходе исследования мы рассмотрели несколько наиболее известных трудов теоретиков и практиков перевода, включая работы И. В. Зубановой, Р. К. Миньяр-Белоручева, Т. Д. Алексеевой, и пришли к следующим выводам:

- Ученые сходятся в том, что грамотная запись невозможна без сокращённой записи слов и аббревиатур [Аликина, 2006, с. 23]. Они также заявляют о необходимости обозначать модальность высказывания, время, причинно-следственные и прочие логические связи [Чужакин, Спирина, 2007, с. 75-76]. Главное, на что обращают внимание ученые, это понятность, легкость, узнаваемость символов и возможность использовать их в качестве отправной точки для других обозначений [Gillies, 2014, p. 68]. А главным «синтаксическим правилом записи» считается принцип вертикализма [Сладковская, 1986, с. 78].

- Основная разница в подходах проявляется в способе организации информации на странице переводческого блокнота. По коммуникативной системе записи, предложенной Е. В. Аликиной логические связки обозначаются стрелками различного типа [Аликина, 2006, с. 19-20]. В то же время А. П. Чужакин и С. Г. Спирина утверждают, что ясность смысловых связей достигается четким расположением элементов на страницы, то есть ступенчато [Чужакин, Спирина, 2007, с. 68].

Для того чтобы установить, каким образом навык скорописи влияет на качество перевода, был проведен эксперимент с группами учащихся факультета лингвистики и перевода ЧелГУ на уровнях бакалавриата, специалитета и магистратуры. Все участники эксперимента были поделены на две группы. Основным критерием было наличие курса скорописи в рамках освоения учебной программы и как следствие предполагаемый уровень владения этим навыком. Подробные данные об участниках вы можете видеть в таблице 1.

Таблица 1
Участники исследования

	Группа 1	Группа 2
Год обучения	5 (специалитет)	4 (бакалавриат), 5 (магистратура)
Наличие курса УПС	нет	Да
Количество человек	8	6

Эксперимент заключался в выполнении УПП в двух направлениях с использованием скорописи. По его результатам мы установили способы фиксации информации и выявили зависимость качества перевода от качества произведенных записей.

Для эксперимента искусственным образом было создано и записано на аудио два текста публицистического стиля на основе реально существующих статей в сети Интернет. Тексты должны были иметь четкую структуру и содержать ряд обязательных элементов, таких как:

- имена собственные (*Apple Watch, Япония*),
- аббревиатуры (*UK, США*),
- даты и числа (*on September 9, 24 апреля*),
- валюты (*£8,000, курс рубля*),
- ряды однородных членов (*списки стран*),
- связки, в том числе пустые (*in order to, а также*),
- отрицание (*is not self-sufficient, России в этом списке пока нет*).

Проведенный нами анализ позволил выявить те случаи, в которых неверно записанный фрагмент информации вел к искажениям в переводе. Так, в скорописи переводчика первой группы мы видим пример неудачного выбора слов для записи. В оригинале этот отрывок звучит так: «...в трёх европейских странах: Великобритании, Германии и Франции...». Переводчик записывает «лишнее» слово *states*, пропуская при этом Великобританию, и дописывает её после двух других стран. Затем в процессе перевода переводчик не может разобрать последнее сокращение, поэтому допускает искажение в переводе: «Germany, France and <пауза> some other European countries».

Сам переводчик впоследствии подтвердил, что нехватка времени на разборчивую запись сокращения стала причиной отсутствия Великобритании в переводе. А справа мы можем видеть пример удачного способа записи данного фрагмента (см. таблицу 2).

Немалое количество примеров доказывает, что полная запись слова также ведет к пропуску важной информации. Например, пятый переводчик первой группы фиксирует сразу два лишних элемента (*versions, pounds*), вследствие чего, возможно, не успевает записать цену на модели устройства. В итоге, цена на вторую модель не звучит в переводе вовсе, как и названия моделей, а цены на вторую и третью модели называются неверно и перевод звучит так: «от самой дешевой модели от 3-х тысяч фунтов до 18-ти тысяч фунтов».

Переводчик второй группы, верно передавший данный фрагмент, фиксирует информацию в виде таблицы и использует способ записи кру-

шают точность перевода. Так, на качество перевода положительно влияет следование принципам вертикализма, включая вертикальное оформление списков, а также отчеркивание, обозначение отсылок, грамматических категорий и отрицания, при этом способ обозначения не имеет значения, если он понятен самому переводчику. Сокращения и аббревиатуры также помогают избежать искажений в передаче фактов. К тому же, важна не только форма, но и грамотный выбор слов для фиксации в записи. Важную роль играет и обозначение логических связей.

Нами не было выявлено зависимости качества перевода от предпочтения того или иного языка записи. Деление страницы на две части также не является, как показал эксперимент, обязательным условием для порождения эквивалентного перевода, однако может быть использовано при записи на листе большого формата. Сводные результаты представлены в Таблице 5.

Таблица 6

Влияние элементов скорописи на качество перевода

Повышают качество перевода	Не влияют на качество перевода
«Вертикальная» запись	Язык записи
Отделение идей горизонтальной чертой	Деление страницы на две части
Графические отсылки к уже упомянутой информации	
Сокращения и аббревиатуры	
Обозначение логических связей	
Обозначение грамматических категорий	
Выбор рельефных слов для записи	
Обозначение отрицания	

По результатам исследования мы сделали вывод о том, что владение навыком скорописи повышает точность передачи прецизионной информации, в особенности дат и числовых данных, а также снижает риск искажения фактов и логики исходного текста. Однако значительным фактором, препятствующим порождению эквивалентного перевода, является недостаточно развитый навык аудирования. Поэтому можно говорить о

важности тренировки активного слушания при одновременной записи в процессе обучения УПП. Необходимо обратить особое внимание и на фиксацию числовых данных и дат, так как именно с ними было связано наибольшее количество искажений.

Мы также отметили, что лишь в единичных случаях переводчиками были использованы знаки-символы, из-за чего было сложно определить степень их влияния на качество перевода.

Список литературы

1. Алексеева, Т. Д. Переработка информации при устном переводе // Когнитивно-прагматические аспекты лингвистических исследований / Т. Д. Алексеева. – Калининград : Живем, 1999. – С. 13-18. – Текст : непосредственный.
2. Аликина, Е. В. Переводческая семантография. Запись при устном переводе / Е. В. Аликина. – Москва : Высшая школа, 2006. – 160 с. – Текст : непосредственный.
3. Бурляй, С. А. Переводческая запись: Учебное пособие (для студентов IV курса переводческого факультета) / С. А. Бурляй. – Москва : Эксмо, 2001. – С. 3-59. – Текст : непосредственный.
4. Зубанова, И. В. Скоропись в последовательном переводе / И. В. Зубанова. – Москва : Р. Валент, 2013. – 216 с. – Текст : непосредственный.
5. Миньяр-Белоручев, Р. К. Записи в последовательном переводе / Р. К. Миньяр-Белоручев. – Москва : Проспект-АП, 2005. – 176 с. – Текст : непосредственный.
6. Сладковская, Е. Н. Основные смысловые компоненты высказывания, переводческая трансформация и запись при последовательном переводе / Е. Н. Сладковская // Смысл текста как объект перевода: Сб. науч. тр. МГПИИЯ им М. Тореза. – Вып. 278. – Москва : Высшая школа, 1986. – С. 67-76. – Текст : непосредственный.
7. Чужакин, А. П., Спирина, С. Г. Основы последовательного перевода и переводческой скорописи / А. П. Чужакин, С. Г. Спирина. – Москва : Изд. дом «Экспримо», 2007. – 88 с. – Текст : непосредственный.
8. Gillis, A. Note-taking for consecutive interpreting: a short course / A. Gillis. – New York: Routledge, 2014. – P. 140-154. – Текст : непосредственный.

DOI: 10.47475/9785727119631_424

А.И. КРИВОРУЧКО / A.I. KRIVORUCHKO

*Пермский национальный исследовательский политехнический университет
(Пермь, Россия)***ГЕОМЕТРИЯ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО ПРОЦЕССА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ****GEOMETRICAL REPRESENTATION OF TRANSLATION PROCESS:
TO THE PROBLEM STATEMENT****Аннотация**

В статье выдвигается идея использования нового подхода к анализу переводческого процесса – геометрии перевода как топологически и когнитивно упорядоченного, формализованного пространства, имеющего свои структуры, свойства, особенности как универсального, так и уникального характера. Цель исследования состоит в дальнейшем изучении процесса перевода как речемыслительной деятельности в свете современного когнитивного переводоведения. Статья носит обзорно-теоретический характер. В качестве предварительных результатов мы намерены рассмотреть возможности геометрического параметрирования переводческой деятельности в условиях письменной научной коммуникации, такие как полное совпадение / частичное совпадение / расхождение геометрик модели оригинала как инварианта-конструкта и модели восстанавливаемого переводчиком первоисточника.

Abstract

The article provides the idea of a new approach application to the analysis of the translation process – the geometry of translation as a topologically and cognitively structured, formalized space, which has its own elements, properties, features of both a universal and unique nature. The purpose of the study is to further study the process of translation as a verbal and mental activity in the perspective of modern cognitive translation studies. The article is a review of theoretical background of the problem. As preliminary results, we intend to consider the possibilities of geometric parameterization of translation activity in the framework of written scientific communication, such as complete coincidence / partial coincidence / divergence of the geometrics of the model-source as an invariant-construct and of the model-target, based on the source, and restored by the translator.

Ключевые слова: когнитивное переводоведение, геометрия перевода, топология перевода, графическое представление перевода.

Keywords: cognitive translation studies, translation geometry, translation topology, graphical representation of translation.

Развитие науки «переводоведение» на Западе и в России идет разными путями, что проявляется, в частности, в различном понимании сущности переводческого процесса. Если обобщить имеющиеся точки зрения ученых на природу данного лингвистического явления, то можно прийти к общей идее: перевод – это полифункциональная и поликонфигурационная (термин наш) речемыслительная деятельность между отправителем сообщения и переводчиком. Более детальное рассмотрение приводит к неожиданному метафорическому осмыслению процесса перевода: его сравнивают с «горной рекой», которая, в случае западной лингвистики, «энергично отрывается от своего истока, сопоставительной лингвистики, и бурно течет по разным долинам близких наук, сравнительного литературоведения, когнитивистики, культурологии, социальных наук и, наконец, этики, иногда меняя свое русло при преодолении так называемых

поворотов...», и лишь постепенно становится все более спокойным, но вместе с тем широким и глубоким потоком» [Прунч, 2015, с. 9]; а в случае Российской лингвистической традиции – с «течением в широкой реке филологии...», которое обретает более четкие собственные контуры, протекая по равнине познания» [там же].

Таким образом, можно понять, что в осмыслении переводческого процесса западноевропейскими учеными и российскими существует определенное различие, указывающее, тем не менее, в обоих случаях на «когнитивный поворот» развития данной науки.

Новизна исследования заключается в:

– попытке обоснования сути переводческого процесса отечественными и зарубежными учеными с точки зрения представления его многомерного топологически и когнитивно упорядоченного, формализованного пространства,

– сопоставлении полученных экспериментальным путем геометрических фигур анализируемых ситуаций письменного перевода (на материале перевода текстов научной и технической коммуникации с русского языка на английский/французский языки).

На этапе теоретического обоснования проблемы мы предполагаем, что в результате сопоставления геометрических фигур ситуаций письменного перевода будут выявлены следующие случаи: совпадение геометрик модели оригинала (инварианта-конструкта) и модели на ПЯ (восстанавливаемого переводчиком первоисточника), частичное совпадение и расхождение. Полученные результаты могут быть описаны с единых методологических позиций.

Концептуальные основания исследования можно найти в современных научных работах междисциплинарного характера.

Во-первых, в работе по проблемам перевода искусствоведческого текста Николя Буррио (Nicolas Bourriaud) находим понятие «геометрия перевода»: «...*géométrie de la traduction: la topologie*. [...] *Elle renvoie au mouvement, au dynamisme des formes, tout en désignant la réalité comme un conglomérat de surfaces et d'objets transitoires, potentiellement déplaçables*» [Bourriaud, 2009, p. 91]. – «... *геометрия перевода – это топология*. [...] *Она ориентирована на движение, на динамику форм, и обозначает действительность как конгломерат поверхностей и находящихся на них преходящих объектов, которые могут быть перемещены*» (перевод наш, – А.К.).

Это высказывание привело нас к идее изучения и обоснования нового подхода к анализу переводческого процесса, который ранее не был представлен в работах отечественных ученых, а именно – *геометрии перевода как топологически и когнитивно упорядоченного, формализованного пространства, имеющего свои структуры, свойства, особенности универсального и, одновременно, уникального характера*.

Во-вторых, нас заинтересовало понятие «топология перевода», которое используется российскими учеными. Так, в работе Л.В. Полубиченко, на основе анализа художественных произведений, разработан метод сквозной топологической стратификации текста, включающий в себя «...выделение в тексте единых по замыслу, художественно-образной и лексико-грамматической структуре и стилевым особенностям слов, пластов (*страт*), написанных как бы в одном ключе, вокруг единой стилистической доминанты и отнюдь не обязательно совпадающих с объемно-прагматическим членением текста на части, главы, ... абзацы, ... Иными словами каждая

такая страта имеет собственную, свойственную только ей топологию, со своим, только для нее характерным набором *конституирующих параметров*» [Полубиченко, 2017, с. 155]. Так, ученый анализирует проявление данных параметров при переводе-пересказе Б. Заходером произведения Л. Кэрролла «Алиса в стране чудес» с английского языка на русский. В данном случае конституирующим признаком является *игра слов*, основанная на явлениях омонимии, квазиомонимии, деформации идиом; среди второстепенных параметров автор выделяет такие как тема разговора, использование диалекта, просторечия, ритмико-синтаксическое построение текста и др., которые «не имеют решающего значения для сохранения топологии текста и при переводе ими, в случае необходимости, можно пренебречь» [Полубиченко, 2017, с. 172].

Как видим, речь идет о механизме сопоставления исходного набора страт, заложенных автором, а также страт, вносимых филологом, преобразующим текст. Конечный продукт перевода рассматривается ученым как «дигест – целостное произведение речи, передающее содержание исходного текста в более простой – сокращенной и/или лексически, грамматически или стилистически упрощенной форме» (определение М.Ю. Тереховой, 1988).

В-третьих, несомненный научный интерес представляет графическое представление процесса перевода, предложенного в исследовании И.Н. Ремхе при разработке когнитивно-матричной модели перевода. По мнению автора модели, «переводческая модель как теоретический конструкт переводческого процесса позволяет представить графическую репрезентацию разнородных переводческих действий и их взаимосвязи, включая внутреннюю динамику выбора и принятия переводческих решений» [Ремхе, 2021, с. 3]. Исследователь вплотную подходит к идее наложения горизонтальной структуры процесса перевода (на примере коммуникативной модели Э. Пим) на вертикальную карту перевода (Дж. Холмса) с целью создания матричной структуры.

В-четвертых, концептуально значимыми для проведения исследований мы считаем положения, выдвинутые Л.Н. Мурзиным, основателем Пермской школы динамического изучения языка, соотносимые с уровневым членением языка Э. Бенвениста. Напомним, что тезис о необходимости членения языка впервые выдвинул Л. Ельмслев. В работах Л.Н. Мурзина эти идеи структуралистов получили дальнейшее развитие: «... вертикальное членение не исчерпывает всего языка. Следующее членение – горизонтальное....

Понятие «поле» связано с горизонтальным членением языка» [Мурзин, 1998, с. 9].

Представленные выше теоретические положения в дальнейшем будут апробированы в рамках лингвопереводческого эксперимента. На данный момент мы полагаем, что можно говорить о возможности выдвижения идеи *вертикально-горизонтального развертывания процесса перевода* как теоретического конструкта, обуславливающего динамическое функционирование и геометрическое конструирование речемыслительной деятельности переводчика.

В качестве перспективы исследования мы предполагаем дальнейшую теоретико-методологическую разработку и эмпирическую верификацию выдвигаемой концепции.

Список литературы

1. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист / под ред., с вступ. ст. и комм. Ю.С. Степанова. – Москва : Издательство «Прогресс», 1974. – 448 с. – Текст : непосредственный.
2. Мурзин, Л.Н. Основы деривации / Л.Н. Мурзин. – Пермь : Перм. ун-т, 1984. – Текст : непосредственный.
3. Мурзин, Л.Н. Полевая структура языка: фатическое поле / Л.Н. Мурзин // Фатическое поле языка (памяти профессора Л.Н. Мурзина):

межвуз. сб. науч. тр. – Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1998. – С. 9-14. – Текст : непосредственный.

4. Мурзин, Л.Н. Текст и его восприятие / Л.Н. Мурзин, А.С. Штерн. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1991. – Текст : непосредственный.

5. Полубиченко, Л. В. Филологическая топология: теория и практика / Л.В. Полубиченко. – Москва : Флинта, 2017. – 279 с. – Текст : непосредственный.

6. Прунч, Э. Пути развития западного переводоведения. От языковой асимметрии к политической / Э. Прунч / пер. с нем. – Москва : Р. Валент, 2015, 512 с. – Текст : непосредственный.

7. Ремхе, И. Н. Когнитивно-матричный аспект моделирования переводческого процесса: специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание»: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Ирина Николаевна Ремхе. – Уфа, 2021. – 47 с. – Текст : непосредственный.

8. Терехова, М. Ю. Лингвостилистический статус учебных видов вторичного текста: специальность 10.02.04 «Германские языки»: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Майя Юрьевна Терехова. – Москва, 1988. – Текст : непосредственный.

9. Bourriaud, N. Pour une esthétique de la globalization / N. Bourriaud. – Paris : Denoel, 2009. – 218 p. – Текст : непосредственный.

DOI: 10.47475/9785727119631_426

Л.В. КУШНИНА, Е.А. ФОМЕНКО / L.V. KUSHNINA, E.A. FOMENKO

*Пермский национальный исследовательский политехнический университет
(Пермь, Россия)*

ПОРТРЕТ РЕЧЕВОЙ ЛИЧНОСТИ ПЕРЕВОДЧИКА КАК ФАКТОР ТРАНСЛАЦИОННОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ СРЕДЫ

PORTRAIT OF THE SPEECH PERSONALITY OF THE TRANSLATOR AS A FACTOR OF THE TRANSLATION ECOLOGICAL ENVIRONMENT CONTEXT

Аннотация

В статье обсуждаются актуальные проблемы экопереводоведения. Авторы предпринимают попытку соотнести различные направления исследований с позиции эгоцентрического подхода, чтобы обосновать необходимость изучения и создания портрета переводчика как равноправного участника экологичной материальной и духовной среды, в которой он совершает свою профессиональную деятельность, что позволяет ему достичь экологического равновесия и гармонии между текстами оригинала и перевода, между реципиентами взаимодействующих лингвокультур. Экологичность перевода соотносится с переводческой гармонией как аксиологической доминантой этого процесса, где ведущим дискурсивным фактором выступает речевая личность переводчика. Создание портрета переводчика с опорой на экопереводоведение не только откроет новые грани его личности, но и новые возможности в постижении закономерностей перевода.

Abstract

The article discusses current problems of ecotranslation studies. The authors attempt to correlate various research directions from the standpoint of an ecocentric approach to justify the necessity of studying and creating a portrait of the translator as an equal participant in an ecological material and spiritual environment within which they carry out their professional activities. This perspective enables the translator to achieve ecological balance and harmony between the original texts and translations, as well as among the recipients of interacting linguistic and cultural communities. The ecological aspect of translation is related to translational harmony as the axiological dominant of this process, with the translator's speech personality serving as the leading discursive factor. Creating a portrait of the translator based on eco-translation studies not only reveals new facets of their personality but also unveils new possibilities in understanding the principles of translation.

Ключевые слова: *экопереводоведение, экоцентрический подход к переводу, портрет переводчика, гармоничное переводческое мировоззрение, лингвокультурная адаптация, экологичность.*

Keywords: *ecotranslation studies, ecocentric approach to translation, translator's portrait, harmonious translation worldview, linguocultural adaptation, ecological soundness.*

Введение

Идеи экологии проникают в языковое сознание современного социума не только посредством естественных дисциплин, где зародилось понятие экологии, но, главным образом, в междисциплинарных взаимодействиях, что находит отражение в появлении самостоятельных научных направлений, таких как экология языка, лингвоэкология, эколингвистика, экология перевода, экотранслатология, экопереводоведение и др. Компонент «эко» порождает множество терминологических дериватов, которые неоднозначно трактуются исследователями. Изучение экологического аспекта даже в рамках переводоведения простирается от анализа переводческих ошибок до условий порождения качественного текста перевода. Диапазон исследований широк и разнообразен, что требует осмысления, теоретического обоснования и эмпирического подтверждения.

Предметом нашего рассмотрения является экология перевода, которая ранее была рассмотрена в отдельных статьях и представлена в монографическом исследовании [Кушникова, Юрманов, 2011; Пылаева, 2015; Кушникова, Плюснина (Пылаева), 2016 и др.]. В настоящее время в сотрудничестве с Е.А. Фоменко мы изучаем экотранслатологию, которая активно разрабатывается в китайском переводоведении. Мы предположили, что интеграция экологии перевода и экотранслатологии позволит выйти на новый уровень изучения экологического аспекта переводческой деятельности.

Если в предыдущих работах мы акцентировали внимание на переводных текстах и дискурсах, содержащих культурные и природные смыслы, то в рамках данного исследования мы обратимся к центральной фигуре переводческого процесса, совершающего перевод – речевой личности переводчика. Свою исследовательскую задачу

мы видим в том, чтобы не только вывести переводчика из тени, но рассмотреть его личность во всем многообразии проявлений и качеств. Одним из возможных путей такого рассмотрения является создание портрета профессионального переводчика. Данная тема также затронута в наших работах [Кушникова, Пермякова, 2022 и др.]. Но импульсом для создания портретов переводчиков послужили работы канадского ученого Ж. Делиля, который организовал издание двух коллективных монографий, посвященных портретам европейских переводчиков и переводчиц. Эти работы опубликованы на французском языке и не переведены на русский. По нашим представлениям, в российском переводоведческом дискурсе отсутствует самостоятельное научное направление, которое можно было бы обозначить как дискурс портретирования. Вместе с тем, существуют теоретические предпосылки для его возникновения, представленные в фундаментальных и прикладных исследованиях в таких областях как: теория языковой личности, лингвоперсонология, теория языковой/речевой/коммуникативной личности переводчика, теория метатекста и метаперевода; переводческие интервью, мемуары, переводческие комментарии, предисловия и послесловия переводчика и пр.

В рамках настоящего исследования мы намерены рассмотреть дискурс переводческого портретирования сквозь призму экологии перевода и экотранслатологии, и выдвигаем предположение о том, что портрет речевой личности переводчика является определяющим фактором трансляционной экологической среды.

Материал и методология исследования

Формирование дискурса переводческого портретирования обусловлено возможностью изучения языковой личности переводчика в русле традиционных персонологических проблем.

Начнем с того, что понятие языковой личности, методологически обоснованное Ю.Н. Карауловым, прочно вошло в научный лексикон, поэтому градация личностей, предложенная В.В. Красных, которая выделяет человека говорящего, языковую личность, речевую личность, коммуникативную личность, не является общепринятой. Между тем, если проанализировать предложенные В.В. Красных дефиниции, то окажется, что более точная характеристика переводчика дается именно в понятии речевой личности. В связи с этим мы выбираем данное понятие и планируем рассматривать процесс создания портрета речевой личности переводчика. В ходе совместной деятельности с коллегами мы намерены создать галерею портретов российских переводчиков. Вместе с тем, нельзя не изучать переводческий путь тех представителей переводческого сообщества, которые переводили с русского языка на другие иностранные языки, тем самым продвигая русскую культуру в других странах. Эту идею мы решили реализовать в рамках данной статьи, поэтому мы обратились к творческой биографии известного французского переводчика художественной литературы Анри Абриля, который представил франкоязычному читателю многих российских писателей и поэтов, способствуя сближению российской и французской лингвокультур. Созданию портрета А. Абриля предшествовала систематизация ключевых положений современного экоперевода, которое мы рассматриваем в качестве методологии исследования.

Во-первых, правомерно обращение к экологии как естественно-научной дисциплине, которая в результате междисциплинарных и трансдисциплинарных исследований стала одним из теоретических источников эконогуманитарного профиля. Экоперевода, как эколингвистика, экология языка, лингвоэкология и др. берут начало в экологии, которая в качестве исходной позиции рассматривает работу Ч. Дарвина «Происхождение видов». В этой работе, увидевшей свет в XIX веке, раскрываются причины биологической эволюции, поиски «золотой середины», возможностей приспособляемости человека к окружающей среде, предполагающей всеобщую гармонию человека и окружающей среды.

Во-вторых, несомненной актуальностью обладают результаты исследований китайских ученых, которые приступили к изучению экологического перевода, начиная с 1990—2000-х годов и продолжают его по настоящее время. Согласно их исследованиям, начало наблюдений над процессом взаимодействия человека и при-

роды положено в древней китайской философии, провозглашавшей гармонию человека и природы. Современные воззрения на использование экологических принципов в гуманитарных науках, включая переводоведение, представлены в работах Ху Гэншэнь и Чжан Сяоли и многих других, что свидетельствует о формировании в современном китайском переводоведении интенсивно развивающейся научной школы. Богатый ландшафт в области экологического перевода в Китае позволил сформулировать следующие основополагающие принципы:

1) перевод трактуется как адаптация, или адаптивный отбор, который осуществляет переводчик. При этом выбор объясняется с разных позиций. С одной стороны, для перевода текста определенного типа выбирается переводчик, обладающий соответствующими компетенциями. С другой стороны, приступая к переводу и обозначив его цель, переводчик выбирает стратегию перевода и анализирует языковые ресурсы и способы перевода, адекватные поставленной цели.

2) процесс перевода представляет собой многомерное преобразование в рамках общей среды перевода, которая учитывает и материальную, и духовную среду. При этом различают большую, среднюю и малую среду перевода. Характер преобразований зависит от культурных, психологических, эстетических, коммуникативных факторов. В связи с этим изучается коммуникативная экология, культурная экология, языковая экология и др. Для достижения качественного, экологически приемлемого перевода переводчику необходимо учитывать всю совокупность факторов, так как игнорирование одного из них может привести к тому, что текст перевода окажется непонятен иноязычным реципиентам.

3) преобразования осуществляются в переводческой экосистеме, которая поддерживает экологический баланс между исходным текстом и текстом перевода, чтобы компенсировать естественную экологическую асимметрию между текстами и культурами. Авторы концепции выдвигают идею экологической целостности исходного текста и целевого текста.

Важно отметить, что до недавнего времени работы китайских ученых в области экотранслатологии были известны преимущественно китайскоязычным исследователям, так как многие из них не были переведены на другие языки.

В настоящее время у нас появилась возможность изучать исследования китайских ученых в оригинале, так как один из авторов данной статьи живет и работает в Китае. Е.А. Фоменко выполнила наукометрический анализ публикаций в области китайского экоперевода и осу-

ществляет фрагментарный перевод интересующих нас исследований, среди которых особой значимостью и актуальностью обладают работы Ху Гэншэня и Чжао Чаоци.

Мы опираемся на ключевые понятия и принципы их концепций, которые были обозначены выше, а именно: экологическая соразмерность текстов оригинала и перевода, экосистема перевода, экологическая целостность, многомерное преобразование, экологическая материальная и духовная среда и др. Согласно нашим представлениям об этих исследованиях, в основу их эмпирического анализа положен письменный перевод художественного текста с различных иностранных языков на китайский. Между тем, сами авторы экотранслатологической концепции считают ее универсальной переводческой моделью.

В-третьих, мы опираемся на собственные разработки в этой области. Идеи экологии перевода были сформулированы нами в 2011 году в русле научного проекта Тюменского государственного университета по проблеме «Экология языка на перекрестке наук». Совместно с учениками нами были обоснованы ключевые понятия экологии перевода в свете авторской концепции переводческого пространства как синергетической модели перевода. Эта модель представлена в многочисленных исследованиях автора. Ее суть состоит в том, что текст оригинала обладает многосмысленностью, и задача переводчика состоит в транспонировании множества смыслов. Этот процесс является динамичным, нелинейным, непредсказуемым. В переводческом пространстве мы вычленили субъектоцентричные и текстоцентричные смыслы, которые соприкасаются с другими смыслами по-разному, что является источником принципиальной множественности переводов: каждая эпоха, каждая лингвокультура, каждый переводчик имеют право на свой уникальный продукт перевода. Но смысл целого текста – это результат синергии смыслов всех его полей. Текст перевода в результате синергетических приращений становится культуросообразным, т. е. гармоничным. Такова была наша исходная позиция. Включение экокомпонентов в виде экоконтента, экосмысла, экополя позволило нам расширить концепцию и рассматривать синергетические приращения также с позиций природосообразности. Эти идеи изложены как в статьях [Кушникова, Юзманов, 2011], так и в монографическом исследовании [Кушникова, Плюснина, 2016]. Кроме того, Е.М. Пылаевой (Плюсниной) была защищена кандидатская диссертация по проблеме актуализации концептов с позиций эколлингвистического подхода на примере письменного перевода художественного текста с русского языка на французский.

В отечественном переводоведении данное направление также получило развитие. В научный оборот введено понятие экокognитивной модели перевода, разработанной Е.В. Чистовой, где она реализует экологичный подход к переводу, предполагающий гармоничную адаптацию когнитивных агентов к сложившимся обстоятельствам переводческой деятельности. Автор исследования четко разграничивает термины «экологический» и «экологичный» применительно к процессу перевода. В первом случае речь идет о поверхностном уровне анализа, о различных нарушениях и искажениях, возникающих в экосреде. Во втором случае анализируется глубинный уровень, при котором изучается человеческое взаимодействие, которое встраивается в создаваемую экосреду продукта перевода. При этом достижение экологичности означает естественное восприятие текста перевода чужой, целевой аудиторией. Результатом исследования является разработка экокognитивной модели перевода, выстроенной на примере деятельности синхронных переводчиков [Чистова, 2022]. Данная концепция открывает новые перспективы развития экокognитивного переводоведения в России.

Один из возможных ракурсов изучения данной проблемы предложен Л.Г. Федюченко, которая обращает внимание на экологический аспект перевода с точки зрения переводческих ошибок. Экологичным признается такой перевод, который не содержит переводческих ошибок. Автор исследования разрабатывает типологию переводческих ошибок. Но если соотносить данное исследование с исследованием Е.В. Чистовой, было бы точнее назвать такой вид перевода не экологичным, а экологическим. Вместе с тем, данное разграничение можно признать дискуссионным.

Таким образом, в настоящее время выстраивается новая парадигма перевода – экопереводоведение, которое принимает различные формы, так как акцентирует внимание на экологичном, экологическом, эколлингвистическом, экотранслатологическом подходах к переводу. Представляется, что на данный момент эти концепции обладают не взаимоисключающим, а взаимодополняющим характером.

В рамках данной работы мы намерены проанализировать возможность интеграции основных подходов к переводу с позиций экопереводоведения. Мы предположили, что термин «экопереводоведение» является родовым по отношению к остальным терминам, которые являются видовыми, а именно: экология перевода, экотранслатология, экокognитивное переводоведение.

Их соотношение можно представить схематически:

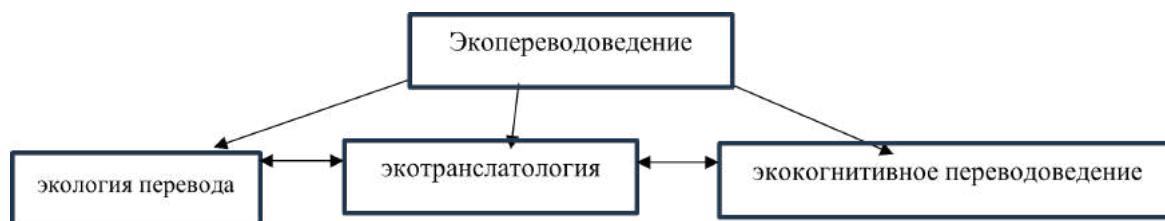

Рис. 1 – Экопереводоведение. Соотношение терминов

Свою исследовательскую задачу мы видим в более глубоком установлении взаимосвязи и взаимозависимости данных научных подходов, а также в их подробном рассмотрении в рамках новой парадигмы. Такова теоретическая перспектива нашего исследования.

В качестве дополнительной исследовательской задачи мы рассматриваем создание штрихов к портрету переводчика в свете экологической концепции перевода. Мы осознаем, что создание полноценного портрета переводчика требует серьезных усилий и значительного объема исследования.

Результаты исследования

Переходим к эмпирическому анализу. Материалом для анализа послужили художественные поэтические тексты русских писателей и поэтов XX века и их переводы на французский язык, выполненные Анри Абрилем. Такой выбор объясняется тем, что в рамках данной статьи мы намерены описать портрет элитарной речевой личности переводчика, каким мы считаем А. Абриля. Его биография не совсем обычна. Он является испанцем по происхождению, его родители покинули Испанию при режиме Франко и поселились во Франции под Парижем, где и родился Анри. Среди предков называют негритянку из Пуэрто-Рико. Родным языком был французский. Русский язык он начал изучать в лицее, затем продолжил в Сорбонне и наконец, завершил обучение в Москве на славянском факультете МГУ. С детства он влюбился в русскую литературу и считал, что литература – это душа России. Анри Абриль перевел с русского языка на французский поэтические и прозаические произведения О. Мандельштама, М. Цветаевой, А. Тарковского, Б. Пастернака и др. Особую привязанность он питал к поэзии О. Мандельштама, и ему удалось опубликовать четырехтомник его стихов на французском языке. Он является составителем и переводчиком антологии русских стихов для детей (*Anthologie de la poésie russe pour enfants*). При переводе поэзии он старался передать функциональную равноценность текста оригинала.

Цель эмпирического анализа состоит в том, чтобы показать один из ведущих факторов транслационной (переводческой) экологической среды, представленный речевой личностью переводчика. Такой подход позволяет «высветить» роль переводчика, который не является безликим механическим инструментом определенной профессиональной деятельности, но активной, мыслящей личностью, которая адаптируется сама и адаптирует текст перевода к целевой культуре, к реципиентам как носителям этой культуры. В одном из предыдущих исследований мы показали, что переводчик выступает дискурсивным фактором. В рамках данной работы мы проанализируем влияние дискурсивного фактора *переводчик* на порождение целевого текста и его функционирование в едином экологическом пространстве, включающем и текст оригинала, и текст перевода. С этой целью обратимся к экопереводческому анализу.

Представим экопереводческий анализ некоторых текстов, перевод которых был выполнен А. Абрилем.

Сравнивая оригинал и перевод, мы констатируем установление экологического равновесия между текстами подлинника и перевода. Переводчику удастся выразить самоиронию автора; его текст звучит легко и свободно, несмотря на некоторые смысловые перестановки. Так, фраза *Что за фамилия чертова* звучит как *Cette diable de rue*, т. е. идея переносится с фамилии на название улицы; фраза *Как ее не вывертывай* переведена более нейтрально – *De quelque côté qu'on entame*. Если проанализировать экоконтцепты, т. е. те концепты, которые описывают природную составляющую (*улица, фамилия, яма*) они выражены аналогами лексем (*rue, nom, fosse*), что отражает симметричность текстов оригинала и перевода, стремление переводчика максимально полно передать намерения автора. Мы признаем данный вариант перевода гармоничным, так как он естественным образом вписывается во французскую культуру, передавая духовную атмосферу автора.

1) Осип Мандельштам

Оригинал:

*Это какая улица?
Улица Мандельштама.
Что за фамилия чертова –
Как ее не вывертывай,
Криво звучит, а не прямо.
Мало в нем было линейного,
Нрава он был не лилейного,
И потому эта улица,
Или, вернее, яма,
Так и зовется по имени*

Этого Мандельштама.....

(апрель 1935)

这是哪条街
杨子 译

——这是哪条街?
——曼德尔施塔姆街。
——什么鬼名字?
不管你怎么折腾
它都是弯弯曲曲。
——他根本不是直尺。
品行远非清白。
这就是为什么这条街
——说实话，这下水道
被命名为
曼德尔施塔姆
[曼德尔施塔姆, 2002, с. 215].

Перевод:

*Quelle rue est-ce là ?
C'est la rue Mandelstam.
Cette diable de rue
Ne sonne pas droit mais tordu,
De quelque coté qu'on entame,
Homme peu linéaire ou lisse,
Il n'avait rien plus d'un lys
C'est pourquoi cette rue,
Ou plutôt cette fosse infame,
Porte aujourd'hui le nom*

De ce Mandelstam....

[Ossip Mandelstam, 1991, с.154-155].

Какая это улица?
Перевод Ян Цзы

——Какая это улица?
——улица Мандельштама.
——Что за чертово название?
*Не важно, как вы крутитесь на одном
месте(страдаете)
Она крайне извилиста.
——Он вовсе не линейка.
Поведение далеко от благородного.
Вот почему эта улица
——Если честно, эта канализация
Названа как
Мандельштам.
(обратный перевод с китайского)*

2) Арсений Тарковский

Следующий пример принадлежит А. Тарковскому, который посвятил одно из своих стихотворений памяти А. Ахматовой. Приведем фрагмент стихотворения.

Оригинал:

*... В горле стоит
небесная синь -
твои ледяные А:
имя твоё –
Ангел и Ханаан,
ты отъединила*

Перевод:

*... Dans ma gorge il y a
le bleu céleste
tes »a » glacés
ton double nom
Ange et Canaan
en deux toi scindée*

[Tarkovski, 1991,
с. 198-199].

Данный перевод мы также признаем экологически и культурно соразмерным, т. е. гармоничным. Мы наблюдаем приращение смысла: *ton double nom* (букв.: *твое двойное имя*), чего не было в оригинале. Если автор пишет: *имя твоё – Ангел и Ханаан*, то переводчик расшифровывает: *ton double nom Ange et Canaan*. Уточняя и дополняя смыслы, переводчик *сохраняет* структуру

оригинала, придавая тексту перевода исходный ритм, передавая читателю намерения автора.

3) Валентин Берестов

Обратимся к антологии поэзии для детей и остановимся на стихотворении В.Берестова «Тень», которое можно назвать маленьким переводческим шедевром, настолько полноценно сливаются в нем голоса автора и переводчика. Несмотря на то, что по объему текст перевода превышает оригинал на три строки, он передает все исходные смыслы и создает аналогичный оригиналу фонетический рисунок.

Этот перевод в полной мере раскрывает идею гармонии: приращение смыслов оказывается явным за счет увеличения объема переводимого текста. Автор создает новые образы: *Plus légère qu'une aile* (букв.: *легче, чем перышко*), *Plus douce qu'une tourterelle* (букв.: *нежнее, чем горлица*), которые усиливают эмотивные смыслы, обеспечивая тем самым экологическую целостность исходного и переводного текстов.

Подводя итог экопереводческому анализу, ориентированному на выявление индивидуального-образного смысла, формируемого в поле пере-

Текст оригинала:

*Нет на земле теней
Послушней и верней.
Чем собственная тень.
Но лишь она одна
Послушна и верна.
Не спрячет, не поможет.
Спаси тебя не сможет
В пустыне в жаркий день*

Текст перевода:

*Qui pourrait t'être plus fidèle
Que ton ombre? C'est toujours elle
Qui te suit partout avec zèle,
Plus légère qu'une aile,
Plus douce qu'une tourterelle
Mais c'est justement elle,
Si douce et fidèle
Qui ne peut pas t'aider
Te cacher, te sauver
En plein désert, sous le soleil
Le plus cruel...*

[Anthologie...2006, с. 110-111].

водчика переводческого пространства, на понимание его мировоззрения и выбор переводческой стратегии, мы можем сделать выводы, касающиеся профессиональных качеств переводчика, т.е. описать некоторые штрихи его портрета.

Во всех случаях мы наблюдаем достижение гармоничного перевода, т.е. констатируем формирование в его сознании гармоничного переводческого мировоззрения, что реализуется в стратегии лингвокультурной адаптации переводного текста. С позиции эгоцентрического подхода мы отмечаем экологическое равновесие между исходным текстом и текстом перевода, равноценную экологическую духовную среду.

Разумеется, полноценный портрет переводчика мог бы быть намного объемнее, так как он включает изучение личностных качеств переводчика, и, что особенно важно, изучение метатекстовой деятельности, т.е. его отношение как к собственному переводу, так и к переводам коллег, а также его размышления о переводе. Эти исследования продолжаются.

Ценность эгоцентрического подхода к анализу процесса перевода видится в его аксиологической составляющей: экологичный перевод мы соотносим с качественным переводом. Но цель любого перевода состоит в том, чтобы отобранные переводческие решения обеспечивали высокое качество продукта – текста перевода.

Заключение

Данная статья была нацелена на изложение некоторых проблем экотранслатологии на примере создания портрета переводчика. Мы считаем, что в данном случае исследуются две проблемы и решаются две исследовательские задачи.

Вполне очевидно, что экопереводческий подход в российских исследованиях до сих пор представлен фрагментарно, а экотранслатологический анализ требует уточнения принципов и приемов, которые позволили бы нам точно сказать, является ли данное исследование культуроцентричным,

субъектоцентричным или эгоцентричным. Эти проблемы нам предстоит решать с тем, чтобы обеспечить эффективное межкультурное общение, понимание и взаимодействие. Как бы мы ни относились к личности переводчика, на самом деле, его роль трудно переоценить. Представляется, что создание портретов переводчиков с опорой на эгоцентрический подход приблизит исследователей к решению актуальных задач переводоведения.

Список литературы

1. Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность / В. В. Красных. – Москва : Гнозис, 2003. – 375 с. – Текст : непосредственный.
2. Кушнина, Л. В. Экология перевода: культура vs природа / Л. В. Кушнина, П. Р. Юзманов // Экология языка на перекрестке наук: материалы междунар. науч. конф. – Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 2011. – С. 41-45. – Текст : непосредственный.
3. Кушнина, Л. В. Экология перевода: предпосылки зарождения и пути развития : монография / Л. В. Кушнина, Е.М. Плюснина. – Пермь: ПГНИУ, 2016. – 156 с. – Текст : непосредственный.
4. Прошина, З. Г. Экопереводоведение как модель переводческой деятельности / З. Г. Прошина // Вестник СПбГУ. Сер. 9. – Санкт-Петербург, 2016. – Вып. 4. – С. 100-109. – Текст : непосредственный.
5. Федюченко, Л. Г. Экологический аспект перевода: переводческая ошибка // Вестник ТюмГУ. Филология. – 2015. – № 4 (4). – С. 304-313. – Текст : непосредственный.
6. Ху Гэншэнь 胡庚申 生态翻译学: 建构与诠释. -北京: 商务印书馆/ Г. Ху. – Пекин : Шаньиньшуагаунь, 2013. – 512 с. – Текст : непосредственный.
7. Чжан Сяоли 张小丽 生态翻译学的理论反思与多维诠释. - 上海交通大学出版社 / С. Чжан. – Шанхай : Шанхайцзятундасюэ, 2022. – 212 с. – Текст : непосредственный.

8. Чистова, Е. В. Экокогнитивная модель профессиональной мультимодальной коммуникации (на примере кейса синхронных переводчиков) : специальность 5.9.8. «Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика» : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Елена Викторовна Чистова. – Челябинск, 2022. – 49 с. – Текст : непосредственный.

Список источников

1. Anthologie de la poésie russe pour enfants. Traduction et choix de Henri Abril. – Paris : Edition

Cercé-fr., 2000. – 185 p. – Текст : непосредственный.

2. Mandelstam Ossip. Poèmes. – Moscou : Edition Radouga, 1991. – 198 p. – Текст : непосредственный.

3. Tarkovski Arséni Poèmes. – Moscou : Edition Radouga, 1991. – 206 p. – Текст : непосредственный.

4. 曼德尔施塔姆诗选/ (俄罗斯) 曼德尔施塔姆; 杨子译。-石家庄: 河北教育出版社, 2002. – 327页。 – Текст : непосредственный.

DOI: 10.47475/9785727119631_433

Е.А. МИНГАЖЕВА, А.А. ПОПОВА / E.A. MINGAZHEVA, A.A. POPOVA

Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)

CHATGPT КАК СОВРЕМЕННЫЙ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРС ДЛЯ ПЕРЕВОДА (НА ПРИМЕРЕ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА)

CHATGPT AS A MODERN ONLINE RESOURCE FOR TRANSLATION (USING THE EXAMPLE OF A JOURNALISTIC TEXT)

Аннотация

В данной статье уделяется особое внимание роли искусственного интеллекта, представленного GPT, в сфере перевода. Авторы подробно анализируют ChatGPT как яркого представителя этой технологии и его успешное применение в различных областях, включая перевод. Уделяется внимание эффективному использованию ChatGPT в работе с публицистическим текстом, акцентируется возможность ускорения процесса перевода и обогащения текста качественными выражениями. Статья также затрагивает вопрос обучения и использования ChatGPT в контексте изучения иностранных языков. Выделяются уникальные способности ChatGPT в различных областях общения и творчества, включая поиск багов в коде, творческое написание текстов, генерацию эссе и другие способности. Также подробно рассматривается процесс обучения ChatGPT и его способность эффективно адаптироваться к различным запросам и контекстам. Авторы выделяют важность использования этого чат-бота для оптимизации взаимодействия, особенно в сфере обработки англоязычных запросов, и подчеркивают его положительное влияние на повышение уровня владения языком.

Abstract

This article focuses on the role of artificial intelligence represented by Generative AI (GAI) in the field of translation. The authors conduct a detailed analysis of ChatGPT as a prominent representative of this technology and its successful application in various domains, including translation. Emphasis is placed on the effective use of ChatGPT in dealing with journalistic texts, highlighting the potential for accelerating the translation process and enriching the text with quality expressions. The article also addresses the question of education and the utilization of ChatGPT in the context of foreign language learning. Unique abilities of ChatGPT in various areas of communication and creativity, including bug detection in code, creative writing, essay generation, and other capabilities, are highlighted. The training process of ChatGPT and its ability to adapt effectively to diverse requests and contexts are thoroughly examined. The authors underscore the importance of using this chatbot to optimize interaction, especially in handling English-language queries, and emphasize its positive impact on language proficiency enhancement.

Ключевые слова: текст, перевод, генеративный искусственный интеллект, ChatGPT, эффективность перевода, инновации в сфере перевода, технологический прогресс, интернет-технологии.

Keywords: text, translation, generative artificial intelligence, ChatGPT, translation efficiency, translation innovation, technological progress, internet technologies.

В современном обществе доступен огромный набор средств, спроектированных для упрощения повседневной жизни, что находит широкое применение среди людей. С использованием современных технологических достижений становится возможным осуществление множества операций, включая бронирование номера в удаленной точке планеты, заказ продовольственных товаров, запись на тренировку, а также функцию перевода текстов, необходимых для учебы или профессиональной деятельности, прямо из дома. Отметим, что для выполнения каждой из этих задач требуются различные интернет-ресурсы. Следовательно, для обеспечения эффективности в переводе различных стилей текстов необходимо использовать разнообразные ресурсы.

Ресурс представляет собой средство, способное обеспечить реализацию определенной деятельности. В контексте сети Интернет интернет-ресурс выступает в качестве элемента, такого как веб-страница, почтовый сервер или поисковая машина. Это сущность информационной системы, использующая передовые веб-технологии на уровне представления и передачи данных. Её основное предназначение заключается в предоставлении публичных информационных услуг в сети Интернет.

В век технологического прогресса, внедрения новых решений и непрерывного развития интернет-технологий, наша жизнь претерпевает непрерывные изменения. Интернет, как мировое информационное пространство, неустанно внедряет инновационные методы и ресурсы, предлагая новые перспективы в самых разных областях. В контексте обучения и языкового взаимодействия эти перемены особенно ощутимы. Сегодня, в эпоху становления искусственного интеллекта, мы активно воспринимаем и внедряем в свою повседневную практику новые средства и ресурсы, в том числе и в процессе перевода слов и текстов при изучении иностранных языков.

В нашей статье мы подробно рассматриваем Искусственный интеллект, представленный в виде генеративных искусственных интеллектов (ГИИ), в последнее время привлекающих особое внимание. Одним из ярких представителей этой технологии является ChatGPT, который, будучи чат-ботом, успешно применяется в различных областях, в том числе и в сфере перевода. ChatGPT, основанный на трансформере и обученный генерации текста, предоставляет возможность созда-

вать естественные и логически связанные ответы на вопросы пользователей. С его появлением в 2022 году открылись новые перспективы в области языкового взаимодействия и, конечно же, перевода.

Одной из актуальных задач современного переводчика является эффективное использование подобных технологий при работе с публицистическим текстом. Применение ChatGPT в данном контексте позволяет не только значительно ускорить процесс перевода, но и обогатить его качественными и литературными выражениями, придавая тексту естественность и структурную целостность.

Однако, несмотря на перспективы, предоставляемые подобными инструментами, возникают вопросы о доверии к результатам автоматического перевода. Университеты во Франции и США даже ввели запрет на использование ChatGPT студентами, опасаясь потери качества обучения и подчеркивая важность самостоятельного творческого подхода к переводу.

Студенческий опыт, описанный Александром Жаданом, демонстрирует, что ChatGPT можно использовать не только как инструмент для перевода, но и как средство обучения формулированию запросов и созданию структурированных текстов. Важно отметить, что противники и сторонники использования искусственного интеллекта в образовании активно обсуждают этот вопрос [Жадан, URL].

По мнению М. Халавеха, исследователя в области обучения иностранным языкам, использование ChatGPT необходимо рассматривать как новую технологическую возможность, которая, при правильном подходе, может эффективно поддерживать обучение.

Однако, как подчеркивают Е.Н. Ивахненко и В.С. Никольский, разумное использование технологий искусственного интеллекта в образовании требует детального изучения их положительных и негативных аспектов. Сохранение баланса между традиционными методами преподавания и инновационными технологиями становится ключевым вопросом в контексте развития современного образования [Ивахненко, Никольский, 2023, с. 14].

ChatGPT проявляет уникальные способности в разнообразных сферах общения и творчества. Способность поддерживать осознанный диалог, предоставлять ответы на вопросы, давать со-

веты и разъяснять сложные понятия делают его идеальным партнером в общении. Однако, его умения не ограничиваются лишь общением – ChatGPT также компетентен в поиске багов в коде, творческом написании стихов и сонетов, создании сценариев, а также генерации школьных эссе на разнообразные темы.

Процесс обучения ChatGPT основан на обширном объеме данных из интернета, где модель изучает и анализирует широкий спектр контента. Результаты ранних версий модели подвергаются оценке тестировщиками компании, что способствует улучшению качества ответов. Этот цикл обратной связи обеспечивает систематическое обновление модели, позволяя ей эффективно адаптироваться к различным запросам и контекстам.

Пользователи также могут лично взаимодействовать с ChatGPT, получая опыт, который предоставляет возможность погрузиться в уникальные способности нейросети, открывая для себя ее потенциал в самых различных областях.

Чат-бот не только обладает впечатляющим многоплановым набором функций, включая хороший перевод текста на десятки языков, особенно в паре «русский – английский», но и предоставляет пользователю уникальную возможность оптимизировать взаимодействие. Специально обращаясь к боту на русском языке для последующего перевода запросов и создания текстов, пользователь может воспользоваться лучшей эффективностью в обработке англоязычных запросов.

Этот подход не только улучшает коммуникацию с чат-ботом, но также становится удивительным инструментом для взаимодействия с носителями языков. Впечатляющая способность нейросети помогает даже тем, у кого есть определенные трудности с английским, поднять свой уровень до безупречного. Это проиллюстрировано реальными случаями использования ChatGPT для составления профессиональных писем, включая истории успеха о том, как сотрудники с ломаным английским, при помощи этого чат-бота, добились высокого уровня владения языком. Также, ChatGPT помогает при переводе текстов разного стиля и содержания.

Рассмотрим точное понятие текста. Многие российские лингвисты (Н.С. Валгина, И.Р. Гальперин и др.), а также методологи (Н.В. Барышников, Т.Г. Гокжаева, Н.Л. Ушакова и пр.) подчеркивают, что термин «текст» является неоднозначным и лишен четкого определения. Множество исследователей в области лингвистики, таких как И.Р. Гальперин, Д.Э. Розенталь, З.Я. Тураева и др., высказывали точку зрения, согласно которой текст существует исключительно в письменной форме. Это представление против-

поставляло понятие текста устной речи. Известно широко цитируемое определение И.Р. Гальперина: «Текст – это произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» [Гальперин, 2008, с. 18].

В самом широком смысле, термин «текст» охватывает каждый целостный, завершенный продукт речевой деятельности. Зафиксированные в тексте речевые действия передают сложные отношения между элементами речевого акта. С точки зрения методики обучения, наиболее точным определением текста является формулировка Н.Д. Гальсковой: «продукт речевого высказывания, содержащий необходимую для передачи информацию, организованную в смысловое и структурное единство определённого языкового уровня» [Гальскова, 2006, с. 130].

Научная литература рассматривает ряд признаков текста, придающих ему уникальность и сложность:

1. Смысловая завершенность (И. Р. Гальперин, З. Я. Тураева). Этот признак проявляется в структуре текста, формирующейся в когерентной последовательности предложений. Текст рассматривается как завершенное сообщение, организованное на абстрактной модели литературного языка, со своим уникальным содержанием и характерными чертами [Гальперин, 2008, с. 20].

2. Системность, структурированность и связность. Изложение логики и лексико-грамматических связей (И. Р. Гальперин, З. Я. Тураева и др.). Текст воспринимается как сложное целое, функционирующее как структурно-семантическое единство, отражая системность исходя из языкового кода [Тураева, 1986, с. 12]. З.Я. Тураева рассматривает текст как «систему высшего ранга», одновременно закрытую и открытую, где текст может находиться в состоянии покоя или реализовываться в индивидуальном восприятии.

3. Индивидуальность. Отражается в бесконечной вариативности формы, несущей художественный образ [там же].

4. Коммуникативность. Происходит через коммуникативное задание (С.К. Фоломкина, Н. Л. Ушакова) и является одновременно процессом и продуктом коммуникативной деятельности. Текст не только отражает действительность, но и сообщает о ней [там же].

5. Социальная обусловленность. Проявляется в различном воплощении коммуникативной задачи в зависимости от ситуации общения, формы реализации (устной или письменной), статуса и социальных ролей участников, а также в выборе средств передачи информации [Фоломкина, 1991, с. 18].

Таким образом, текст – это сложное явление речевой деятельности, объединяющее в себе смысловую завершенность, системность, структурированность, связность, индивидуальность, коммуникативность и социальную обусловленность.

В лингвистике выделяется 5 стилей текста:

- научный – стиль, связанный с научной сферой общения и речевой деятельностью, цель которой – реализация науки как формы общественного сознания;

- официально-деловой – стиль речи, специализированное средство письменного общения, нацеленное на взаимодействие в области деловых отношений;

- публицистический – стиль, который служит для воздействия на людей через СМИ (газеты, журналы, телевидение, афиши, буклеты). Он характеризуется наличием общественно-политической лексики, логичностью, эмоциональностью, оценочностью, побуждением;

- художественный – стиль, используемый для передачи эмоций и чувств, художественных образов и явлений;

- разговорный – стиль текста, который больше напоминает устную речь, используя слова, выражения и обороты, привычные для разговорной формы общения.

При переводе важно осознавать, что перевод является комплексным актом коммуникации,

представляющим собой многогранный процесс передачи значения между двумя языками. По аналогии с определением текста, перевод можно рассматривать как результат речевой деятельности, обладающий целостностью и структурной организацией на уровне двух различных языковых систем. Следовательно, перевод представляет собой акт, в рамках которого информация, заключенная в исходном тексте, трансформируется и передается в целевой текст с учетом лингвистических, культурных и структурных особенностей обоих языков. Понимание перевода, так же, как и текста, требует учета смысловой завершенности, системности, индивидуальности и социокультурных аспектов, что делает этот процесс важным объектом исследования в лингвистике и переводе.

В ходе нашего исследования мы выбрали текст публицистического стиля, представленный на рис.1, что обусловлено обширным количеством соответствующего материала в современном информационном пространстве. Данный стиль обеспечивает ясность и доступность информации, что является ключевым фактором для успешного восприятия и взаимодействия с аудиторией в современном информационном обществе. Мы провели сравнительный анализ процесса перевода с применением различных онлайн-ресурсов, таких как интернет-переводчик, словарь и ChatGPT.

Первоначально выполним перевод выбранного текста с использованием современного интернет-ресурса, такого как онлайн-переводчик DeepL Translate. Результат выполненной задачи представлен ниже.

“Installation of mobile block-modular boiler houses has started in Podolsk. Teams of specialists started their installation and connection to the

МОСКВА, 16 янв - РИА Новости. Специалисты начали установку мобильных блочно-модульных котельных в подмосковном Подольске, сообщил глава городского округа Григорий Артамонов в своём официальном [Telegram-канале](#).

“Установка мобильных блочно-модульных котельных началась в Подольске. Бригады специалистов приступили к их монтажу и врезке в систему теплосети в микрорайонах Шепчинки и Кутузово. Подключение другой, мощностью 3,5 мегаватт, ведётся на территории Подольской теплосети по адресу Гайдара, 11. Каждая имеет свой собственный источник энергии и работает на жидком топливе”, - отметил Артамонов.

По словам главы округа, передвижные установки поддержат работу существующих стационарных котельных и уменьшат нагрузку на них. Это обеспечит многоквартирные дома и социальные учреждения бесперебойным теплом и горячей водой.

Рис.1 – Новостная статья из новостного онлайн-источника РИА-НОВОСТИ

Англо-русский словарь Мюллера

mobile

Mobile [ˈməʊbaɪl]

1. *а*

1) подвижной, мобильный; передвижной;

mobile warfare манёвренная война;

mobile broadcasting company (или team) передвижная радиовещательная или телевизионная бригада

2) подвижный, живой;

mobile mind живой ум

Рис. 2 – Перевод с помощью онлайн-словаря

heating system in the Shepchinki and Kutuzovo neighbourhoods. Another one, with a capacity of 3.5 megawatts, is being connected on the territory of the Podolsk heating network at 11 Gaidara Street. Each of them has its own energy source and operates on liquid fuel”, – said Artamonov.

Мы выделили ряд преимуществ и недостатков в переводе данным способом. К преимуществам онлайн-переводчиков относятся:

1. Скорость: онлайн-переводчики обеспечивают мгновенный доступ к переводам, что позволяет экономить время в срочных ситуациях.

2. Доступность: они доступны в любое время суток и позволяют пользователю получить перевод в любом месте с подключением к интернету.

3. Широкий охват языков: многие онлайн-переводчики поддерживают широкий спектр языков, обеспечивая универсальность.

4. Бесплатность: большинство онлайн-переводчиков предоставляют свои услуги бесплатно, что делает их доступными для широкого круга пользователей.

Недостатками онлайн-переводчиков являются:

1. Недостаточная точность: перевод может быть не всегда точным, неудовлетворительным, особенно при работе со сложными или специфичными текстами.

2. Неучтенные контекстуальные нюансы: онлайн-переводчики могут игнорировать контекст и тонкие оттенки значения, что может привести к искажению смысла.

3. Ограниченные возможности для специализированных тем: в случае специализированных тем и терминологии онлайн-переводчики могут не обеспечивать достаточной экспертности.

4. Конфиденциальность данных: при использовании онлайн-переводчиков секретность и конфиденциальность данных могут быть под угрозой.

5. Отсутствие творческого подхода: онлайн-переводчики могут ограничиваться буквальным переводом, упуская творческий аспект языка и стиля.

Важно осознавать, что эффективность онлайн-переводчиков зависит от контекста и характера текста, а использование их следует сопоставлять с индивидуальными потребностями и целями.

Проанализировав перевод данным способом, мы можем прийти к следующим выводам: текст обладает смысловой завершенностью; текст структурирован; индивидуальность текста проявляется в уникальной информации о конкретных событиях; текст отражает действительность и предназначен для передачи этой информации другим людям.

Мы используем «Англо-русский словарь» В.К. Мюллера и одноязычный словарь «Oxford Learner’s Dictionary». В ходе перевода также может использоваться и бумажная версия словаря, но это не всегда удобно, так как он не мобилен. (Рис. 2,3,4)

incut

incut [ˈɪnkʌt]

1. *н* врезка, вставка

2. *а* врезанный, вставленный

Рис. 3 – Перевод с помощью онлайн-словаря

heating system

1. система отопления, отопительная система 2. система обогрева

Рис.4 – Перевод с помощью онлайн-словаря

Произведя перевод данным способом, мы обнаружили следующие преимущества онлайн-словарей:

1. Точность в определении слов: онлайн-словари обеспечивают точные определения слов и фраз, что полезно при изучении нового языка.

2. Богатство языковых данных: онлайн-словари могут предоставлять разнообразные языковые данные, такие как произношение, грамматика, синонимы и примеры использования.

3. Интерактивность: онлайн-словари часто обладают интерактивными функциями, такими как звуковое произношение, что улучшает языковое восприятие.

4. Независимость от интернета: многие онлайн-словари предоставляют оффлайн-режим, что позволяет пользователям использовать их даже без доступа в сеть.

Недостатками перевода с помощью онлайн-словарей стали:

1. Затрачиваемое время: в случае перевода больших объемов текста или в процессе изучения дополнительной информации, использование онлайн-словаря может потребовать значительного времени и усилий. Это может быть неэффективно, особенно в сравнении с другими методами, такими как использование автоматизированных переводчиков или ChatGPT.

2. Ограниченность по объему текста: онлайн-словари часто предназначены для перевода отдельных слов и коротких фраз, что ограничивает их применимость для более объемных текстов.

3. Отсутствие контекстуальной информации: онлайн-словари не всегда предоставляют достаточно контекстуальной информации, что может затруднить понимание тонких нюансов перевода.

4. Неучтенные изменения языка: некоторые онлайн-словари могут быть устаревшими и не учитывать современные изменения в языке.

5. Недостаточная специализация: для специализированных тем и терминологии онлайн-словари могут быть менее полезными, чем специализированные словари.

6. Ограниченные возможности при изучении сложных языковых структур: онлайн-словари не всегда предоставляют подробные объяснения сложных языковых структур, что может быть проблематично для изучающих язык.

В результате анализа перевода выбранного нами текста с помощью онлайн-словарей мы

пришли к следующему выводу: перевод обеспечивает смысловую завершенность, передавая основное содержание текста; перевод структурирован и связан логикой оригинала; характерные черты текста сохранены в переводе; перевод отражает действительность и предназначен для коммуникации, передавая смысл оригинального текста; социальная обусловленность текста сохранена в переводе.

Использование онлайн-словаря имеет свои преимущества, но важно учитывать их ограничения и сопоставлять с потребностями конкретной ситуации.

В качестве третьего интернет-ресурса нами был взят ChatGPT. В настоящее время наблюдается внушительный рост в области ГИИ, представляющих собой системы, способные создавать контент, тексты, изображения и даже взаимодействовать с пользователями. Развитие технологий в области искусственного интеллекта привело к созданию различных видов ГИИ, каждый из которых обладает своими уникальными характеристиками и функциональностью.

Мы используем ChatGPT 3.5, так как он является мощным и универсальным инструментом для решения различных задач в области естественного языка и общения с пользователем.

Чтобы попросить ChatGPT сделать перевод текста, необходимо сформулировать запрос примерно следующим образом: «Пожалуйста, переведи следующий текст с [исходного языка] на [целевой язык].» Пример: «Пожалуйста, переведи следующий текст с английского на французский.», «Прошу перевести этот абзац с русского на испанский.»

Для примера мы вставили текст из новостного источника и попросили чат GPT перевести его,

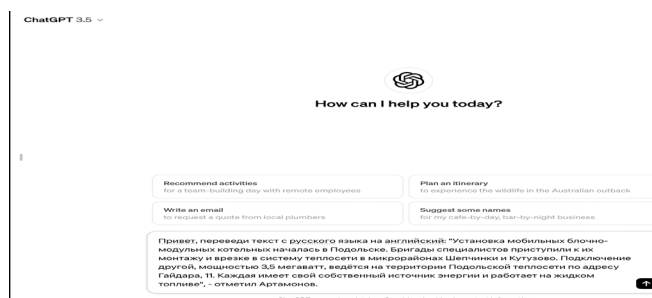

Рис. 5 – Формирование запроса в ChatGPT

"Installation of mobile block-module boiler houses has begun in Podolsk. Crews of specialists have started their assembly and connection to the heating system in the microdistricts of Shepchiniki and Kutuzovo. The connection of another unit with a capacity of 3.5 megawatts is underway in the territory of the Podolsk heating network at the address Gaidara, 11. Each unit has its own energy source and operates on liquid fuel," noted Artamonov.

Рис. 6 – Ответ ChatGPT

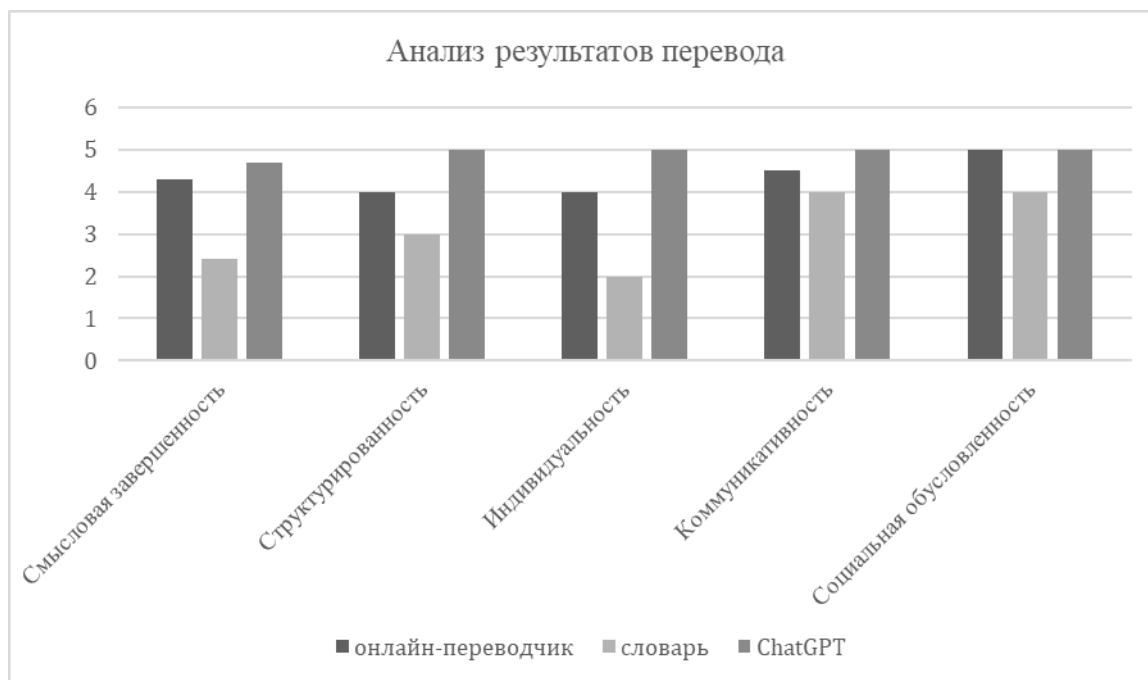

Рис. 7 – Анализ результатов перевода

использовав вышеупомянутый запрос и нажали для кнопку «Отправить», либо Enter, как изображено на рис. 5. Далее чат-бот выдал следующий результат (рис. 6).

Проанализировав перевод данным способом, мы можем прийти к следующему выводу: переведённый контент организован в виде логической последовательности предложений и передает информацию о различных этапах процесса; текст связан логикой событий, он представляет собой системное целое, где предложения логически соединены, лексико-грамматические связи поддерживают четкость и последовательность изложения; индивидуальность текста проявляется в уникальной информации о конкретных событиях; текст отражает действительность и предназначен для передачи этой информации другим людям, коммуникативное задание успешно выполняется через ясное и структурированное изложение; социальная обусловленность текста проявляется в описании реальных событий, выбор средств передачи информации зависит от социальных ролей и статусов участников.

Итак, сопоставив переводы с помощью онлайн-переводчика, словаря и ChatGPT, мы можем утверждать, что смысловая завершенность оказывается наиболее высокой у ChatGPT (4,8 балла), что свидетельствует о его способности предоставлять переводы с высокой точностью и полнотой смысла. В плане структурированности текст ChatGPT также превосходит другие ресурсы (5 баллов), что указывает на логичное оформление информации. Индивидуальность текста более выражена у ChatGPT и онлайн-пере-

водчика (5 и 4 балла, соответственно), в то время как словарь получает более низкую оценку (2 балла). По параметрам «коммуникативность» и «социальная обусловленность» ChatGPT и онлайн-переводчик также проявляют более высокую эффективность, обеспечивая качественные средства взаимодействия и адаптации к различным контекстам. Таким образом, выбор ресурса следует осуществлять с учетом конкретных требований и целей. ChatGPT демонстрирует эффективность по многим параметрам.

Проанализировав все современные интернет-ресурсы, используемые для перевода, мы пришли к выводу, что перевод с использованием современных интернет-ресурсов, в частности ChatGPT, поднимает важные вопросы в области образования и языковых наук. Перевод с помощью ChatGPT оказался самым быстрым, адекватным и удобным для использования. При этом не нарушается смысловая завершенность текста и его связность. Во всем тексте сохраняется его индивидуальность, коммуникативная задача и социальная обусловленность. Применение новых технологий требует внимательного исследования, чтобы максимально эффективно использовать их потенциал и при этом не утрачивать традиционные ценности в сфере обучения и перевода.

Список литературы

1. Англо-русский словарь Мюллера – Текст: электронный // Англо-русский словарь Мюллера : [сайт]. – URL : https://gufo.me/dict/enru_muller (дата обращения: 02.01.2024).

2. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – Москва : КомКнига, 2008. – 144 с. – Текст: непосредственный.
3. Гальскова, Н. Д. Теория обучения иностранным языкам: Лингводидактика и методика / Н. Д. Гальскова, Н. И. Гез. – Москва : ИЦ «Академия», 2006. – 335 с. – Текст: непосредственный.
4. Жадан, А. Как я написал диплом с помощью ChatGPT и оказался в центре спора о нейросетях в образовании – Текст: электронный // Тинькофф Журнал : [сайт]. – URL : <https://journal.tinkoff.ru/neuro-diploma/> (дата обращения: 02.01.2024).
5. Ивахненко, Е. Н., Никольский, В. С. ChatGPT в высшем образовании и науке: угроза или ценный ресурс? // Высшее образование в России. – 2023. Т. 32. – № 4. – С. 9-22. – Текст: непосредственный.
6. Тураева, З. Я. Лингвистика текста / З. Я. Тураева. – Москва : Просвещение, 1986. – 126 с. – Текст: непосредственный.
7. Фоломкина, С. К. Некоторые вопросы обучения чтению на иностранном языке в неязыковом вузе / С. К. Фоломкина // Общая методика обучения иностранным языкам. Хрестоматия / сост. Леонтьев А. А. – Москва : Рус. язык, 1991. – 185 с. – Текст: непосредственный.
8. Энциклопедический словарь СМИ – Текст: электронный // Энциклопедический словарь СМИ : [сайт]. – URL : <https://rus-smi-dict.slovaronline.com/> (дата обращения: 02.01.2024).
9. Cambridge Dictionary – Текст: электронный // Cambridge Dictionary : [сайт]. – URL : <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 02.01.2024).
10. ChatGPT – Текст: электронный // ChatGPT : [сайт] – URL : <https://chat.openai.com/> (дата обращения: 02.01.2024).
11. Oxford Learner's Dictionary – Текст: электронный // Oxford Learner's Dictionary : [сайт]. – URL : <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения: 02.01.2024).

DOI: 10.47475/9785727119631_440

Н.С. ОЛИЗЬКО, К.В. ЮДИНА / N.S. OLIZKO, K.V. YUDINA

*Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)*

СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В ВИДЕОИГРАХ (НА ПРИМЕРЕ ИГРЫ «АТОМИС HEART»)

SPECIFICS OF PRECEDENT PHENOMENA TRANSLATION IN VIDEO GAMES (ON THE EXAMPLE OF THE GAME “ATOMIC HEART”)

Аннотация

Перевод прецедентных феноменов требует особого подхода для сохранения их уникальности и аутентичности. В данной статье изучаются способы перевода прецедентных феноменов в видеоиграх на примере локализации компьютерной игры «Atomic Heart» от студии Mundfish. Авторы анализируют сложности, возникающие при переводе прецедентных феноменов, и рассматривают стратегии перевода, позволяющие сохранить аутентичность прецедентных феноменов. В игре «АТОМИС HEART» прецедентные феномены используются для создания «ложной ностальгии», что вызывает интерес отечественных пользователей разных возрастных категорий. Отзывы иностранных пользователей свидетельствуют, что полностью локализовать игру для других культур не удалось. В большинстве случаев для передачи смысла прецедентных феноменов применялся резистивный метод с опорой на буквальный перевод или опущение прецедентного элемента. В результате, иностранные реципиенты, в отличие от отечественных, не испытывают при прохождении игры, встречая разные культурные отсылки, ярких эмоций и ностальгии.

Abstract

Translation of precedent phenomena requires a special approach to preserve their uniqueness and authenticity. This article studies the ways of translating precedent phenomena in video games on the example of localisation of the computer game “Atomic Heart” by Mundfish studio. The authors analyse the difficulties arising in the translation of precedent phenomena and consider the translation strategies that allow preserving the authenticity of precedent phenomena. In the game “ATOMIC HEART”, precedent

phenomena are used to create “false nostalgia”, which arouses the interest of domestic users of different age categories. Feedback from foreign users indicates that it was not possible to fully localise the game for other cultures. In most cases, a resistive method with reliance on literal translation or omission of the precedent element was used to convey the meaning of precedent phenomena. As a result, foreign recipients, unlike domestic ones, do not experience vivid emotions and nostalgia while playing the game, encountering different cultural references.

Ключевые слова: *прецедентный феномен, локализация, видеоигра, резистивный метод перевода, методы адаптации и отчуждения.*

Keywords: *precedent phenomenon, localisation, video game, resistive translation method, adaptation and exclusion methods.*

В эпоху цифровизации видеоигры, предлагающие игрокам уникальные возможности для погружения в виртуальные миры, становятся неотъемлемой частью современной культуры в сфере развлечения. Видеоигра «Atomic Heart» – компьютерная игра, разработанная российской студией Mundfish. Сюжет «Atomic Heart» разворачивается вокруг альтернативной реальности 1950-х годов СССР. С момента релиза в феврале 2023 года игра получила популярность по всему миру. Однако среди иностранных пользователей первоначальный энтузиазм сменился негодованием, ввиду большого количества культурных отсылок, которые, по отзывам игроков, одновременно вызывают интерес и препятствуют пониманию сюжета и контекста диалогов персонажей.

Целью данной работы является изучение способов локализации прецедентных феноменов, используемых в видеоигре «Atomic Heart» для привлечения отечественных пользователей и создания псевдо-советской реальности.

«Под прецедентным феноменом понимается феномен, значимый для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющий сверхличностный характер» [Караулов, 1987, с. 216]. Такие феномены хорошо известны широкому кругу лиц и неоднократно воспроизводятся в определенной языковой среде. Прецедентные феномены можно разграничить на следующие разновидности. «Прецедентная ситуация – некая «эталонная», «идеальная» ситуация, связанная с набором определенных коннотаций, дифференциальные признаки которой входят в когнитивную базу; означающим прецедентную ситуацию могут быть прецедентное высказывание или прецедентное имя» [Захаренко, 1997, с. 83]. «Прецедентное высказывание – репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности; законченная и самодостаточная единица, которая может как быть, так и не быть предикативной» [Красных, 1997, с. 64]. К прецедентным высказываниям относятся цитаты из текстов различного характера («Кто виноват?» и «Что делать?»), а также пословицы («Тише едешь – дальше будешь»). «Прецедентное

имя – индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, относящимся, как правило, к числу прецедентных или с ситуацией, широко известной носителям языка и выступающей как прецедентная» [там же, с. 64].

При переводе прецедентных феноменов чаще всего используются методы адаптации и отчуждения. В первом случае исходный иностранный текст приспособляется к ценностям принимающей культуры или мировой семиосферы, подбираются творческие эквиваленты или используется метод компенсации. В случае с методом отчуждения (его также называют «резистивным»), переводчику важно сохранить культурную дистанцию, прецедентный текст либо не адаптируется для иностранного реципиента, либо перевод калькой сопровождается дополнительными комментариями. Стоит заметить, что в случае с аудиовизуальным переводом, а именно переводом видеоигр, не всегда есть возможность добавить какие-либо пояснения к дословно переведенному прецедентному феномену, в таком случае смысл этого отрывка совсем не будет передан в культуре-реципиенте.

Стратегия перевода прецедентных феноменов зависит от коммуникативной задачи. При адаптации текста, можно использовать такие методы, как описательный перевод, комментарий, приближенный, генерализированный перевод, а также калькирование, транслитерация. В некоторых случаях можно найти аналог в языке перевода. Переводчик может опустить упоминание прецедентного феномена в переводе, «если введение в переводной текст незнакомого среднестатистическому читателю прецедента может семантически чрезмерно усложнить текст, затруднить восприятие читателем прагматики текста» [Ариас, 2016, с. 40].

С помощью прецедентных феноменов в игре «Atomic Heart» создается атмосфера «альтернативного Советского Союза». В качестве таких элементов выступают цитаты не только из советских кинофильмов и музыки, но и из современных интернет-мемов.

«Интернет-мем (или интернет-феномен) – единица информации, объект, который получил по-

пулярность – как правило, спонтанно – в среде, обслуживаемой информационными технологиям» [Щурина, 2012, с. 162]. В одной из сцен в игре главный герой вступает в диалог с мертвым ученым (по сюжету говорящие мертвецы – обычное дело, наука там настолько прогрессировала, что часть сознания человека не угасает после смерти, и он может какое-то время еще озвучивать мысли, которые были у него в голове незадолго до гибели). Итак, персонаж произносит фразу: «*Можно пересадить сознание человека в машину и сделать его бессмертным! Для начала нужен всего лишь простой советский... советский... есть в каждой квартире...*» – и на этом сознание угасает, на что робот-помощник главного героя отвечает: «*Бююь, майор, все. Нейрополимер исчерпан. Хотя... к успеху шла*». Финальной фразой майора Нечаева становится: «*Блин. Просто утечка мозгов какая-то*». В данном диалоге мы видим целых три случая использования прецедентных высказываний. Во-первых, фраза про «простой советский...» относится к популярной спам-рекламе, присутствующей практически на любом веб-сайте, в которой говорится про загадочную советскую вещь, которая есть у каждого в доме и спасет от всех бед. А чтобы узнать, что это такое, пользователям предлагают перейти на небезопасный сайт по ссылке. Во-вторых, выражение «к успеху шла» отсылает к интернет-мему, однако это прецедентное выражение считается автономным, так как его источник стал нерелевантным. И, наконец, Нечаев употребляет устойчивое выражение «утечка мозгов», однако не совсем в первоначальном значении эмиграции специалистов, а буквально описывая смерть ученого.

Как на английский, так и на немецкий языки все три реплики перевели буквально, применяя метод отчуждения: 1) «*Begin by taking a simple Soviet... Soviet... available in every home...*»; «*Nehmen wir einen einfachen Sowjetbürger ... den es in jedem Zuhause gibt ...*» 2) «*I'm afraid that's it, Major. The Neuro-Polymer charge has been exhausted. Although... she was on the verge of a breakthrough*»; «*Ich fürchte, das war's, Major. Die Neuro-Polymer-Ladung ist aufgebraucht. Obwohl ... sie kurz vor einem Durchbruch stand*» 3) «*Damn. Talk about brain drain...*»; «*Tja, Flucht der Intelligenz in ihrer reinsten Form ...*»

В последнем случае в английском переводе словосочетание «brain drain» имеет тот же смысл, что и в оригинале. Это единственный прецедентный феномен, который сохраняет свой смысл при интерпретации диалога. Что касается немецкого перевода, «Flucht der Intelligenz» не является устойчивым выражением. Однако в немецком языке есть эквивалент этому словосочетанию, пришедший из английского языка. Если бы пере-

водчики применили адаптивный метод, используя фразу «Der Brain Drain» вместо вышеуказанного, возможно, реплика бы не утратила свой первоначальный смысл. Следует заметить, что среди русскоговорящих реципиентов данный диалог вызвал бурную положительную реакцию, когда иностранные пользователи никак на него не отреагировали. Это говорит о том, что основной юмористический подтекст содержали первые две реплики, значение которых оценили только отечественные игроки.

В качестве примера использования в игре прецедентного имени можно привести название аудиосообщения (в «Atomic Heart» есть так называемые «щебетари» – небольшие устройства, позволяющие записывать и воспроизводить аудиосообщения). В процессе прохождения заданий игрок находит эти предметы и может прослушать разговоры ученых для лучшего понимания истории игрового мира. У каждого сообщения есть название – «Это не Вова – это Марио». Причина использования данного прецедентного имени раскрывается в содержании сообщения: техник комплекса говорит, что «Вова», которого ему привезли на починку, пророс изнутри мицелием. «Вовами» в игре неформально называют роботов-лаборантов ВОВ-Аб. Герой видеоигры Super Mario Bros., вышедшей в 1985 году, по дороге находит грибы и съедает их для обретения супер способностей, поэтому робота сравнивают с Марио. В англоязычной локализации находим – «It's-a me, Vova!». С помощью адаптивного метода переводчики передали значение фразы, используя актуальное для англоязычной культуры прецедентное высказывание. В игре Super Mario Bros. Марио выкрикивает «It's-a me, Mario!». Переводчики заменили «Mario» на «Vova», но отсылка понятна реципиентам. В случае с немецким переводом, мы видим такую игру слов: «Super Wowa Bros.» Прецедентным феноменом в данной адаптации является название игры «Super Mario Bros.», здесь, так же, как и в английской адаптации, слово «Mario» заменили на «Wowa».

Одна из глав игры называется «Усатый Карл у Клары украл коралл!». Здесь мы видим игру слов, при этом реципиент может спокойно распознать трансформированную скороговорку. Переводчики адаптировали выражение и сохранили игру слов, используя эквивалентные скороговорки из английского и немецкого языков, взяв в качестве ядра трансформации слово «усы»: «she sells moustache on a seashore» и «Schnurrbart bleibt Schnurrbart».

Последний пример прецедентного высказывания – цитата из советского мультфильма «Тайна третьей планеты». Персонаж произносит известную цитату, в конце подраживания главного героя: «Птица Говорун отличается умом и сообрази-

тельностью. Но не Серёжа...». Как в английском, так и в немецком переводе представлен метод отчуждения, прецедентный феномен передан дословно: «The chatterbird is smart and quick-witted. But not Seryozha...» и «Der Vögelsprecher ist klug und schlagfertig. Aber nicht Seryozha...». Если обратиться к английскому и немецкому переводам мультфильма, то мы видим, что, во-первых, «Птица Говорун» на этих языках звучит как «Speakbird» и «Sprechvögel», и, во-вторых, в английском дубляже данная фраза полностью заменена на «Follow Speakbird to safety, follow me», а в немецком переводе она звучит как «Die Sprechvögel zeichnen sich durch ihre Intelligenz und ihre Auffassungsgabe aus». Но иностранный реципиент в любом случае не сможет распознать данную цитату, так как произведение «Тайна третьей планеты» не популярно в англоязычной и немецкоязычной культурах.

Таким образом, компьютерная игра «Atomic Heart» содержит множество прецедентных феноменов, которые связаны как с советскими кинофильмами, книгами, музыкой, так и с современными интернет-мемами, цитатами и другими медиапродуктами. Прецедентные феномены используются в контексте диалогов персонажей и описания реалий игрового мира для создания «ложной ностальгии». Именно это привлекает отечественных пользователей разных возрастных категорий. Судя по отзывам иностранных пользователей, полностью локализовать игру для других культур не удалось. Исходя из вышеперечисленных примеров интерпретации прецедентных текстов, в большинстве случаев переводчики передавали смысл прецедентных феноменов с помощью ре-

зистивного метода, используя буквальный перевод или полностью опуская данный элемент. Как следствие, иностранные реципиенты, в отличие от отечественных, не испытывали такого количества ярких эмоций и ностальгии, встречая разные культурные отсылки во время прохождения игры, и не были в такой же мере ей впечатлены.

Список литературы

1. Ариас, А. М., Ярохина, Я. С. К проблеме передачи прецедентных феноменов при переводе // Ученые записки СПбУТУиЭ. – № 4 (56). – СПб. : Изд-во СПбУТУиЭ, 2016. – С. 38-41. – Текст : непосредственный.
2. Захаренко, И. В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов / И. В. Захаренко // Язык, сознание, коммуникация. – Выпуск 1. – Москва : Издательство Диалог-МГУ, 1997. – С. 82-103. – Текст : непосредственный.
3. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – Москва : Наука, 1987. – 261 с. – Текст : непосредственный.
4. Красных, В. В., Гудков, Д. Б., Захаренко, И. В., Багаева, Д. В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник Моск. ун-та. – Серия 9: Филология. – 1997. – № 3. – С. 62-75. – Текст : непосредственный.
5. Щурина, Ю. В. Интернет-мемы как феномен интернет-коммуникации / Ю. В. Щурина // Научный диалог. – 2012. – № 3. – С. 161-173. – Текст : непосредственный.

DOI: 10.47475/9785727119631_443

И.Н. РЕМХЕ, Л.А. НЕФЕДОВА / I.N. REMKHE, L.A. NEFEDOVA

*Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)*

МАТРИЧНО-СЕТЕВАЯ МОДЕЛЬ КАК СПОСОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЧЛЕНОВ РАБОЧЕЙ ГРУППЫ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО ПРОЕКТА

MATRIX BASED NETWORK FOR REPRESENTING COGNITIVE AND COMMUNICATIVE ASPECTS OF TRANSLATION PROJECT MANAGEMENT ACTIVITIES

*Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 23-28-10218,
<https://rscf.ru/project/23-28-10218/>, и Челябинской области
в Челябинском государственном университете.*

Аннотация

В статье представлены результаты исследования переводческой деятельности на основе когнитивно-коммуникативного и матричного подходов. Актуальность матрично-сетевого моделиро-

вания для изучения специфики командного взаимодействия при выполнении переводческого проекта обуславливается современной тенденцией к системному рассмотрению рабочих процессов при решении переводческих задач. Обсуждается необходимость поиска новых методов репрезентации организационно-сетевой структуры переводческого процесса в ситуации письменного или устного проектного переводческого задания. В работе рассмотрены новые возможности для описания переводческой ситуации с применением матрицы распределения ответственности, матрицы коммуникации и распределенного графа. При помощи матрицы можно проиллюстрировать действия и степень вовлеченности каждого участника с указанием ключевых узлов ответственности начальными буквами RACI (исполнитель, ответственный консультант, информируемый). Матрица коммуникации показывает когнитивно-коммуникативные сценарии, включающих трансфер информации, процессы понимания и договоренности между членами рабочей группы. Граф составляется при помощи визуализатора социальной сети с целью отразить взаимодействие и векторы внутривнутрипроектной коммуникации различных акторов при решении профессиональных задач. Предложенные варианты схематизации рабочих процессов предусматривают более глубокий анализ и оптимизацию сложных процессов переводческой коммуникации. В качестве материалов исследования выбраны интервью с представителями переводческого отдела промышленного предприятия Челябинской области.

Abstract

The article presents the results of the study of translation activity focused on cognitive-communicative and matrix approaches. The relevance of matrix-network modelling for studying the specifics of collaboration in translation project is determined by the modern tendency to systematic consideration of work processes in translation tasks. The paper outlines the necessity of new methods representing the translation process of a written or interpreting project translation task. The paper considers new possibilities for describing the translation situation based on responsibility distribution matrix, communication matrix and distributed graph. The matrix is used to illustrate the actions and degree of involvement of each participant, indicating the key nodes of responsibility with the initial letters RACI (responsible, responsible consulted, informed). The communication matrix shows the cognitive-communicative processes of information transfer, understanding and agreeing between members of the working group. The graph constructed with the help of a social network visualizer in order to reflect the interaction and vectors of intra-project communication of various actors in their professional environment. The proposed variants of workflow schematization provide for a deeper analysis and optimisation of complex processes of translation-mediated communication. The research materials include interviews with representatives of the translation department of an industrial enterprise in the Chelyabinsk region.

Ключевые слова: матрица, сеть, когниция, коммуникация, перевод, проект.

Keywords: matrix, network, cognition, communication, translation, project.

Введение

Экспланаторный потенциал современных моделей переводческого процесса зиждется на фундаментальных междисциплинарных исследованиях, обозначающих не просто место человека в этом мире, а его исключительную роль при выстраивании контактов с миром, который укутан сетью артефактов и социальных отношений. Находясь в сетевом пространстве мира человек демонстрирует как способность выживать в физическом смысле, так и быть успешным в условиях гносеологического взаимодействия между людьми, различными системами или искусственными интеллектами на индивидуальном, социальном и глобальном уровнях. Данные способности формируются на основе динамического, поступательного движения вперед посредством развития когнитивно-коммуникативных компетенций и эффективного их использования на практике.

В современных исследованиях прослеживается связь когнитивных и коммуникативных оснований переводческого процесса, что обусловлено самой сутью существования человека как социального организма в когнитивной системе, в которой человек является когнитивным агенсом. Переводчик является центральным когнитивным звеном, со свойственными ему особенностями памяти, восприятия, оперативных механизмов мышления и прочих ментальных свойств. В то же время переводчик вступает в коммуникативное взаимодействие с прочими агентами, имеющими прямое или косвенное отношение к выполняемым переводческим задачам.

Работа в переводческих проектах предполагает встраивание переводчика в когнитивно-коммуникативную среду, важное значение имеет способность к адаптации в динамически-меняющихся условиях за счет гибкости в перераспределении когнитивной нагрузки и должного уровня

компетентности. Многозадачность и мультифункциональность переводчика обеспечивается за счет навыков, которые позволяют влиться в комплексную полимодальную систему профессиональной коммуникации. Новые условия сетевой переводческой среды отличаются такими характеристиками, как нелинейность, эвристичность, эмерджентность наряду с фрактальностью и управляемостью. В результате возникает потребность в пересмотре статичных моделей описания перевода, отражающих этапность, модулярность и распределение ответственности. Новые условия развития переводческой индустрии предполагают учет взаимодействия и динамики процессов, полимодальности рабочего пространства, что создает предпосылки для поиска новых решений в моделировании переводческой практики на основе современных средств анализа матрично-сетевой формата.

Обсуждение результатов исследования

Моделирование организационно-сетевой структуры работы переводчика в контексте рабочей проектной группы предполагает детальное описание связей и взаимоотношения между участниками переводческого проекта. В фокусе внимания оказывается динамика протекания рабочих процессов, учитывая контрольно-сетевые узлы, которые осуществляют функции управления действиями и операциями. При разработке схемы взаимодействия членов рабочей подгруппы были взяты за основу различные варианты представления организационно-сетевой структуры, включая модели, которые уже используются в зарубежной практике, в частности, для организации бизнес-проектов (матрица ответственности, матрица коммуникации) [Larson, Clifford, 2010]. При изучении коммуникативной составляющей переводческой практики значительным исследовательским потенциалом обладают сетевые модели (ориентированные и неориентированные графы), основанные на методах анализа социальных сетей [Кристофидес, 1978; Плохов, 2016; Чураков, 2001; Scott, 2007; Tichy, 1979].

Мы рассматриваем данные методы не только для изучения социальных феноменов, но и как новый инструментальный, применимый для анализа динамических процессов в коллективах, сообществах, проектных группах и организациях в целом. Схематизация подобных процессов в сфере переводческой деятельности и, в частности, для описания работы проектной переводческой группы возможна на основе матричных и сетевых репрезентаций организационных процессов, отражающих специфику их управления. Один из вариантов модели с применением матрицы от-

ветственности представлен в нашем более раннем переводческом исследовании [Ремхе, 2023].

В качестве основного объекта в предлагаемой работе выступает пилотное интервью с переводчиками английского языка, работающими в переводческом отделе на промышленном предприятии в Челябинской области. В рамках протокола была проанализирована специфика взаимодействия между членами рабочей группы при выполнении переводческих проектов. Интервью, продолжительностью 90 минут, является материалом первичного анализа для получения детальной информации от профессионалов переводческой сферы. Протоколы записи интервью позволяют углубить понимание организации рабочих процессов и произвести анализ возможностей достижения эффективности коммуникации внутри рабочей группы.

На основании полученных данных были разработаны модели переводческого процесса, используя матрично-сетевой метод моделирования. Использование данного метода предполагает систематический и структурированный анализ данных интервью с возможностью представления взаимосвязей и процессов на основе анализа динамики взаимодействия между участниками рабочей группы в виде матриц и сетей. Такой подход к моделированию переводческого процесса представляется новым инструментом для более глубокого анализа и понимания организационной среды переводческого процесса.

Взаимодействие между участниками выстраивается по законам матрицы в горизонтальном и вертикальном направлениях, регулирующих действие принципов соподчиненности, иерархии наряду с партнерскими отношениями на основе договоренности. С когнитивно-коммуникативных позиций в фокусе внимания оказывается трансфер информации и знаний. В процессе горизонтальной коммуникации информация передается между участниками с учетом эвристического характера ее обработки и функциональных особенностей цепи коммуникации в команде. Вертикальный вектор взаимоотношений предполагает иерархию и соподчинение отдельных звеньев единой сети.

В рамках данного исследования была использована *матрица распределения ответственности* (RACI), которая предполагает распределение определенных ролей между участниками проекта:

R (responsible) – исполнитель, обеспечивающий своевременное и качественное выполнение работы.

A (accountable) – ответственный за конечный результат.

С (consulted) – консультант, выполняющий роль эксперта в ходе выполнения задач, выступающий с рекомендациями и предложениями по улучшению результата.

I (informed) – лицо, заинтересованное в результатах и получающее сведения о ходе выполнения задач и о завершении выполняемых работ.

Результаты оформляются в виде таблицы с указанием действия и степени вовлеченности в них каждого участника начальными буквами аббревиатуры RACI.

Матрица коммуникации представляет собой количественный анализ данных на основе лингвистического размечивания корпуса протоколов интервью. По итогам сбора данных выявляются когнитивно-коммуникативные сценарии с различной степенью усиления в условиях заданных параметров «трансфера информации», «понимания», «договоренности».

При анализе особенностей практики устного переводческого сопровождения переводческого проекта в ходе интервью была также намечена перспектива использования метода теории графов в формате *направленного графа* для изучения структурных взаимосвязей с применением визуализатора социальной сети (Social Network Visualizer). Данный граф позволяет задавать актантов переводческого события в качестве вершин, плотность осуществляемой коммуникации с разными весовыми величинами в виде ребер, а также стрелками показывать направление коммуникации.

На данный момент продолжается работа по адаптации и оптимизации методов матричного и графического отображения особенностей коммуникации участников переводческих проектов на основе данных новых интервью с переводчиками промышленных предприятий. Результаты обработанных данных позволили определить дальнейшую траекторию развития исследования в направлении использования матрично-сетевых форматов для визуализации различной степени интенсивности и динамики когнитивно-коммуникативного взаимодействия между участниками переводческих проектов.

Заключение

В современных реалиях переводческой деятельности все большую популярность обретают комплексные модели работы переводчика в команде, учитывающие когнитивно-коммуникативное взаимодействие между участниками, задействованными в выполнении переводческих задач. Матрично-сетевые формы отображения рабочих процессов устного и письменного перевода эксплицируют ключевые векторы взаимо-

действия, интегрированные в рабочие переводческие модели. Основное внимание уделяется системе управления участниками и выполнению задач при учете эффективного распределения когнитивных усилий, когнитивных ресурсов, времени и ответственности при обязательном учете динамики коммуникативных процессов. *Когнитивные усилия* представляют собой коллективное расширенное сознание, где когнитивная нагрузка распределяется таким образом, чтобы определить степень вовлеченности и участия каждого члена рабочей группы при учете коэффициента когнитивной интенсивности при выполнении определенного коммуникативного сценария. *Темпоральный* аспект предполагает последовательный анализ результатов выполнения задач, распределенных в информационно-временном пространстве переводческого проекта, и прогнозирование последующих шагов. *Ответственность* за определенный участок проекта изначально определяется ролью, присвоенной каждому участнику группы, и отслеживается на протяжении всего объема переводческих задач. Матричное расположение отмечает порядок и направление взаимодействия как в горизонтальном, так и в вертикальном расположении. *Динамический аспект* взаимодействия между различными членами рабочей подгруппы в перспективе репрезентируется в формате ориентированного графа, отображающего векторы профессиональной коммуникации участников проекта и интенсивность их взаимодействия.

Список литературы

1. Кристофидес, Н. Теория графов. Алгоритмический подход / Н. Кристофидес. – Москва : Мир, 1978. – 432 с. – Текст : непосредственный.
2. Плохов, Д.В. Методика оценки влияния социальных коммуникаций на результативность инновационного проекта / Д.В. Плохов, Е.В. Никольчев, С.А. Титов, И.В. Осипов. – Текст : непосредственный. // *Cloud of science*, 2016. – Т.3, №3. – С. 444-492.
3. Ремхе, И. Н. Матричная модель кооперативного перевода / И. Н. Ремхе, Л. А. Нефедова – Текст : непосредственный. // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание*, 2023. – Т. 22, № 3. – С. 30-42.
4. Чураков, А. Н. / А.Н. Чураков – Текст : непосредственный. // *Анализ социальных сетей. Социологические исследования*, 2001. – №1. – С. 109-121.
5. Larson, E.W. Project management: the managerial process / E.W. Larson, F.G. Clifford. –

New-York : McGraw Hill, 2010. – 671 p. – Текст : непосредственный.

6. Scott, J. Social Network Analysis: A Handbook / J. Scott. – London : Sage Publications, 2007. – 224 p.

7. Tichy, N.M. Social network analysis for organizations / N.M. Tichy, M. L. Tushman, C. Fombrun // Academy of Management Review, 1979). – Vol. 4(4). – P. 507-551. – Текст : непосредственный.

DOI: 10.47475/9785727119631_447

Н.Ю. ХОРЕЦКАЯ / N.Yu. KHORETSKAYA

*Ивановский государственный университет
(Иваново, Россия)*

**ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ РЕАЛИИ В ЗЕРКАЛЕ ПЕРЕВОДА
(НА ПРИМЕРЕ НЕМЕЦКОГО ПЕРЕВОДА РОМАНА Г. ЯХИНОЙ
«ЗУЛЕЙХА ОТКРЫВАЕТ ГЛАЗА»)**

**LINGUISTIC AND CULTURAL REALITIES IN THE MIRROR
OF TRANSLATION (ON THE EXAMPLE OF THE GERMAN TRANSLATION OF G.
YAKHINA'S NOVEL "ZULEIKHA OPENS HER EYES")**

Аннотация

Статья посвящена одной из важных проблем современного переводоведения – трудностям перевода на иностранный язык культурно-маркированной лексики. Актуальность данного вопроса определяется растущим интересом к особенностям межкультурной коммуникации. Очевидно, что невнимательное отношение переводчика к национально-специфическим понятиям оригинала может привести к потере национального колорита и, как следствие, к неверному представлению иноязычными читателями культуры определенной страны. Цель описанного в статье исследования заключается в выявлении в немецком варианте перевода романа Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» национально-окрашенных (татарских и русских) лексических единиц, их классификации и систематизации основных способов перевода этих слов. В результате анализа фактического материала были определены такие группы лингвокультурных реалий как предметы быта, одежда, продукты питания, мифологические существа, реалии религиозного культа и др. Было установлено, что наиболее частыми способами передачи на немецкий язык реалий романа являются транскрипция/транслитерация, описательный перевод, переводческий комментарий, использование примерных соответствий.

Abstract

The article is devoted to one of the topical problems of modern translation studies which is the peculiarities of translating culturally marked vocabulary into a foreign language. The relevance of this issue is determined by the growing interest in the features of intercultural communication. It is obvious that a translator's inattentive attitude to conveying nationally specific concepts of the original can lead to the loss of national character and, as a result, to an incorrect understanding of the particular country's culture by foreign readers. The purpose of the research described in the article is to identify nationally colored (Tatar and Russian) lexical units in the German translation of G. Yakhina's novel "Zuleikha Opens Her Eyes", their classification and systematization of the main ways of translating these words. As a result of the factual material analysis, such groups of linguistic and cultural realities as household items, clothing, food, mythological creatures, religious cult realities, etc. were identified. It was established that the most frequent ways of transferring the novel's realities into German are transcription or transliteration, descriptive translation, translation commentary and the use of approximate correspondences.

Ключевые слова: лингвокультурная реалья, классификация реалий, перевод, способы перевода, немецкий язык.

Keywords: linguistic and cultural reality, classification of realities, translation, methods of translation, German language.

В условиях глобализации трудно представить себе современный мир без межкультурной коммуникации и взаимодействия. Для успешности межкультурного общения и преодоления национальных, конфессиональных и прочих различий важную роль играет правильность передачи при переводе на языки других культур лексики, отражающей понятия повседневной жизни, традиций и устоев представителей конкретной языковой общности. Такая лексика получила название лингвокультурных реалий и является одной из ключевых проблем теории и практики современного перевода, поскольку относится к факторам, затрудняющим перевод, который, согласно требованиям, должен максимально точно передавать содержание оригинала.

В науке о языке реалии входят в состав так называемой безэквивалентной лексики, под которой понимаются «слова, план содержания которых невозможно сопоставить с какими-либо иноязычными лексическими понятиями» [Верещагин, Костомаров, 1983, с. 56]. Сами же реалии определяются, как правило, как «предметы, явления, традиции, обычаи, составляющие специфику данной социальной общности, этнической группы», а также «слова и словосочетания, обозначающие их» [Миньяр-Белоручев, 1999, с. 172].

В рамках исследуемой темы данный слой лексики будет называться лингвокультурными реалиями, поскольку обозначает специфические понятия, принадлежащие к определённой культуре и поэтому имеет условную переводимость.

В современном языкознании существуют разные классификации реалий, основывающиеся на разнообразных признаках этого пласта лексики. Примером таких классификаций может служить предложенное С.И. Влаховым и С.П. Флоринным деление реалий на предметные, местные, временные и переводческие [Влахов, Флорин, 1980, с. 50].

В.В. Кабакчи, называя реалии «культуронимами», подразделяет их на три типа: полионимы (интернационализмы), идионимы (специфические элементы своей культуры на языке другой культуры), ксенонимы (языковые единицы, обозначающие специфические элементы внешних культур) [Кабакчи, 2021, с. 52].

Еще одну классификацию слов-реалий предложил Г.Д. Томахин, разделив их на этнографические, географические, общественно-политические, ономастические реалии и реалии системы образования, религии и культуры [Томахин, 1988].

При анализе фактического материала выявление групп лингвокультурных реалий, представленных в исследуемом тексте, основывалось на разных существующих классификациях.

Как уже было замечено выше, передача на другой язык реалий представляет собой серьезную проблему для специалистов, занимающихся переводом. В лингвистике, а также в теории и практике перевода этот вопрос освещался в работах С.И. Влахова, С.П. Флорина, И.С. Алексеевой, Л.К. Латышева. В современном переводоведении принято выделять три основных способа передачи лингвокультурных реалий: транслитерацию, калькирование, трансформационный перевод [Петренко, 2015, с. 96].

В целях уточнения вопроса о способах адаптации в переводящем языке иноязычных лингвокультурных реалий в рамках данного исследования была предпринята попытка изучить и систематизировать особенности передачи татарских и русских реалий на немецкий язык. Материалом исследования послужил роман Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза», где встречается большое количество культурно-маркированной лексики.

Роман вышел в свет в 2015 году, сразу же стал бестселлером и был переведен на 18 языков мира. Главная героиня произведения – татарская крестьянка Зулейха – волею судьбы вынуждена переселиться из своего привычного замкнутого деревенского мира с патриархальными порядками в жестокий современный мир репрессий, раскулачивания и лишений. В результате череды трагических событий женщина меняется и становится сильной и уверенной личностью. В тексте романа встречается большое количество татарских слов и понятий, которые сосуществуют в тексте и с русскими реалиями. Это помогает погрузиться в культурную и историческую атмосферу эпохи России 30-х годов прошлого века.

На немецкий язык роман был переведен в 2017 году замечательным переводчиком Гельмунтом Эттингером, уже имевшем опыт успешных переводов произведений И. Ильфа и Е. Петрова, П. Дашковой, З. Гиппиус и других известных авторов.

В результате анализа фактического материала, отобранного для выявления способов перевода на немецкий язык лингвокультурных реалий, было выделено две большие группы таких лексем:

- 1) татарские реалии,
- 2) русские реалии.

В рамках каждой группы определились подгруппы. Так, татарские реалии целесообразно подразделить на:

- предметы быта (*кишитэ, кашага, тасты-мал, сякэ*),
- одежду и обувь (*кульмэк, малахай, ката*),
- продукты питания (*кош-теле*),
- мифологические существа татарского фольклора (*бичура, шурале*),

- реалии религиозного культа (*мулла-хазрэт, абыстай*),
- татарские имена и прозвища (*Чиимэ, эни, Кюбелек*).

Русская культурно-маркированная лексика представлена подгруппами:

- предметы быта (*банный веник, лыковое мочало*),
- названия строений и помещений (*сени, предбанник, баня*),
- одежда, обувь, украшения (*валенки, исподняя рубаха, тулуп*),
- продукты питания (*яблочная пастила*).

В рамках двух выявленных групп лингвокультурных реалий можно констатировать наиболее распространенные переводческие приемы и трансформации. Остановимся на этом более подробно.

Среди наиболее распространенных переводческих решений особенно часто представлены транслитерация/транскрипция, описательный перевод, переводческий комментарий и приближенные соответствия.

Приемы *транслитерации* (воспроизведение графической формы слова) и *транскрипции* (воспроизведение звуковой формы слова) часто перемежаются друг с другом, поскольку транскрипция оказывает влияние на транслитерацию.

Описательный перевод – это прием, заключающийся в описании понятия средствами другого языка.

Переводческий комментарий представляет собой дополнительную информацию для объяснения текста оригинала и используется для того, чтобы избежать смысловых потерь при переводе.

Приблизительное соответствие заключается в подборе близкого по значению соответствия для исходной лексической единицы.

Какова же частотность использования этих переводческих приемов и трансформаций в немецком варианте перевода Г. Яхиной?

Для передачи **татарских реалий** переводчик прибегает к транслитерации/транскрипции, описательному переводу, переводческим комментариям и приближенным соответствиям. Кроме этого наблюдаются и комбинированные формы перевода, где присутствуют сразу несколько способов передачи на немецкий язык татарских слов-реалий.

Транскрипция/транслитерация присутствует практически во всех подгруппах татарских реалий. Но особенно часто этот способ используется в подгруппах «татарские имена и прозвища», «мифологические существа татарского фольклора» и «реалиях религиозного культа».

Например:

Чиимэ – Tschischme (название реки), *Кюбелек* – Kjubelek (кличка коровы), *Эни* – Eni (мама), *жебегян тавык* – Shebegjan tawyk (мокрая курица – прозвище);

басу капка иясе – basu kapka ijase (дух околицы), *фэрэштэ* – Fereschte (ангел);

мулла-хазрэт – der Mullah-Chasret (служитель культа), *субхан Алла* – subhan Allah (пречистый Аллах).

Следует, однако, заметить, что способ передачи реалии через транскрипцию/трансформацию иногда может затруднять понимание смысла текста, если этот смысл не вытекает из общего контекста. Для избежания ситуации непонимания переводчик часто комбинирует приём транскрипции/транслитерации с переводческим комментарием, описанием или добавлением. Такие случаи представлены в выше названных подгруппах, а также при переводе «предметов быта» и в подгруппе «одежда, обувь»:

шурале – die Schurale, *die bösen Waldgeister* (переводческий комментарий), *бичура* – *der Hausgeist* Bitschura (добавление), *абыстай* – Abystai, *die Frau des Mullahs* (переводческий комментарий), *чыбылдык* – der Tschybyldyk, *ein dichter Vorhang* (описательный перевод), *кульмэк* – der Kulmek, *das tatarische Kleid* (переводческий комментарий).

Описательный перевод можно наблюдать преимущественно в подгруппах «одежда, обувь», «продукты питания» и «мифологические существа татарского фольклора»:

верхняя кульмэк – das dicke Oberkleid, *коштеле* – süßes Gebäck, *банная бичура* – der Geist des Badehauses.

Приближенные соответствия используются при переводе «предметов быта», а также «одежды и обуви»:

чаршау – der Vorhang, *торба* – der Beutel, *малахай* – die Pelzmütze, *войлочные ката* – die Flitzpantoffeln.

Отдельно следует отметить случаи, когда в немецком варианте перевода лингвокультурная реалия опускается. Однако, смысл оригинала сохраняется благодаря общему контексту. Например:

Зулейха поднимается ... к Упырихе на лэукэ. – Suleika ... steigt zur Upyricha hinauf. (В предтексте уже пояснялось значение слова «лэукэ» – die Leuke, die Schwitztreppe).

Опущение, однако, может привести к частичной потере смысла текста оригинала. Так, во фразе «в почетном углу – туре – ... восседает старуха» в немецком варианте опущение слова «туре» при переводе ведет к потере национального колорита: “auf dem Ehrenplatz thront ... die Alte”.

Несколько меньшее количество переводческих приёмов использовано при передаче на немецкий язык **русских лингвокультурных реалий**. Здесь преимущественно встречаются транскрипция/транслитерация, описательный перевод и приблизительные соответствия.

Транскрипция/транслитерация наиболее ярко представлена в подгруппе «одежда, обувь, украшения»: *тулуп* – der Tulup.

К описательному переводу переводчик прибегает при передаче реалий всех четырех подгрупп («предметы быта», «названия строений и помещений», «одежда, обувь, украшения», «продукты питания»):

лыковое мочало – in heißem Wasser geweichte Bastbündel, *запечье* – hinter dem Ofen, *яблочная пастила* – Blätter, ... sie bestehen aus Äpfeln.

И, наконец, приблизительные соответствия можно наблюдать в подгруппе «названия строений и помещений»:

сени – das Vorhaus, *предбанник* – der Vorraum, *парная* – das Dampfbad.

Итак, анализ перевода на немецкий язык лингвокультурных реалий, представленных в романе Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза», показал, что наиболее частыми способами передачи реалий являются транскрипция/трансформация, описательный перевод, переводческий комментарий и приблизительные соответствия. При этом в группе «русских реалий» прием переводческого комментария не присутствует вообще. Возможно, это связано с тем, что русские лингвокультурные реалии в результате длительных контактов между представителями немецкой и русской культур являются более понятными носителям немецкого языка, чем татарские культурно-маркированные лексические единицы.

Наличие глоссария в конце романа помогло бы снять трудности в понимании национально-специфической лексики.

В завершении следует еще раз подчеркнуть, что лингвокультурные реалии являются важной составляющей иноязычной национальной культуры и знание способов передачи этих слов на язык перевода расширяет социокультурную компетентность переводчика.

Список литературы

1. Верещагин, Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: лингвострановедение и преподавание русского языка как иностранного / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – Москва : Русский язык, 1983. – 269 с. – Текст: непосредственный.
2. Влахов, С.И., Флорин, С.П. Непереводимое в переводе / С.И. Влахов, С.П. Флорин. – Москва : Международные отношения, 1980. – 340 с. – Текст: непосредственный.
3. Кабакчи, В.В. Практика англоязычной межкультурной коммуникации / В.В. Кабакчи. – Москва : Директ-Медиа, 2021. – 505 с. – Текст: непосредственный.
4. Миньяр-Белоручев, Р.К. Как стать переводчиком? / Р.К. Миньяр-Белоручев / М.Я. Блох (отв. редактор). – Москва : Готика, 1999. – 176 с. – Текст: непосредственный.
5. Петренко, Д.А., Чернышова, М.В. Способы перевода немецких реалий на русский язык / Д.А. Петренко // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Филологические науки. – 2015. – Т. 1 (67). – № 4. – С. 94 – 101. – Текст: непосредственный.
6. Томахин, Г.Д. Реалии-американизмы. / Г.Д. Томахин. – Москва : Высшая школа, 1988. – 239 с. – Текст: непосредственный.

ЛИНГВОДИДАКТИКА И МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ РОДНОМУ И ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКАМ

DOI: 10.47475/9785727119631_451

Л.Н. АЛЬБЕРТ, Е.Г. МЕНЬЩИКОВА / L.N. ALBERT, E.G. MENSHIKOVA

Тюменский государственный медицинский университет
(Тюмень, Россия)

ТРУДНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА КИТАЙСКИМИ СТУДЕНТАМИ, ОБУЧАЮЩИМИСЯ В МЕДИЦИНСКОМ ВУЗЕ

DIFFICULTIES OF LEARNING LATIN IN CHINESE STUDENTS STUDYING AT THE MEDICAL UNIVERSITY

Аннотация

Изучение латинского языка – сложный процесс и успех его освоения зависит от степени родства родного и изучаемого языков. В данной работе особое внимание уделено тем трудностям, с которыми сталкиваются при изучении латинского языка в медицинском вузе студенты из Китая. Это особая группа иностранных студентов: они не владеют русским языком, обучаются в вузе по программе «English medium». Авторы статьи предпринимают попытку классифицировать выявленные трудности в изучении латинского языка на английском языке и определить, какие особенности фонетики, орфоэпии, морфологии и синтаксиса трех языков (английского, латинского, китайского) учитывать при обучении иностранных студентов. Целью данной работы является выявление трудностей, возникающих у китайских студентов при изучении латинского языка на английском и формирование методологических условий для нивелирования этих трудностей.

Abstract

Learning Latin is a complicated process and its work progress depends on the level of the relationship of the native and studied languages. In this work special attention is paid to the difficulties which the Chinese students of the medical university face learning Latin. These are special groups of students studying according to program «English medium» because they do not know Russian. The authors of this article try to classify the revealed difficulties of learning Latin and determine the peculiarities of phonetics, orthoepy, morphology and syntax of three languages (English, Latin, Chinese) which are necessary to take into consideration teaching international students. The aim of this work is to reveal the difficulties which the Chinese students have learning Latin in English and create some methodological conditions for smoothing them.

Ключевые слова: латинский язык, английский язык, китайский язык, программа «English medium», студенты из Китая, фонетические трудности, грамматические трудности.

Keywords: Latin, English, Chinese, program “English medium”, Chinese students, phonetics difficulties, grammar difficulties.

Дисциплина «Латинский язык» как неотъемлемая часть образовательного процесса традиционно изучается в медицинских вузах на первом курсе. Программа дисциплины выстраивается в параллели с другими предметами, такими как анатомия и фармакология, а также рядом клинических дисциплин, образуя тесные межпредметные связи. Знание основ терминологии создает условия для эффективной коммуникации в процессе обучения в медицинском вузе. Дисциплина «Латинский язык» основывается на системно-терминологическом принципе, призванном не только помочь в освоении профильных дис-

циплин. Её основная задача – научить студентов ориентироваться в терминологическом разнообразии языка медицины.

Сегодня дисциплина «Латинский язык» получила новое применение: изучение латинского иностранными студентами в российских вузах нередко осуществляется на английском языке. Не стал исключением и Тюменский государственный медицинский университет. Вуз в том числе обучает иностранных студентов по программе «English medium». Данная программа построена на организации всестороннего англоязычного сопровождения студентов, проведении для них

различных адаптационных мероприятий. Включение студента в программу «English medium» предполагает владение им достаточным для освоения вузовских дисциплин уровнем английского языка (уровень A2-B1).

Не секрет, что успех в освоении иностранного языка в том числе зависит от того, насколько родственными являются для студента родной и изучаемый языки. Английский и латинский, являясь представителями одной языковой семьи, вызывают особые трудности у носителя китайского – языка-представителя совершенно иной языковой группы (китайско-тибетской).

В работе с китайскими студентами преподаватели кафедры филологических дисциплин Тюменского государственного медицинского университета учитывают знание китайскими студентами английского языка, который становится одним из основных средств коммуникации в процессе обучения. Преподавание латинского языка на английском языке вызывает определенные трудности и особенно у тех студентов, языковая подготовка которых находится на низком уровне. Несмотря на то, что материал подается в доступной и понятной форме со всеми необходимыми пояснениями на английском языке и учитывается уровень языковой подготовки китайских студентов, от возникновения трудностей в процессе обучения никто из студентов оказывается не застрахован.

В данном исследовании применялись такие методы, как анализ научной литературы, посвященной проблеме классификации возникающих в процессе изучения иностранного языка трудностей, а также метод анкетирования. Теоретической базой для данной работы послужили научные труды Брэма Н.С., Румянцевой М.В., Барышникова Н.В. и др. В этих исследованиях отражены особенности обучения иностранных студентов в российских вузах. Трудности в освоении латинского языка на английском студентами из Китая были впервые выявлены авторами данного исследования в ходе опроса и из анализа своей педагогической практики.

Анкетирование было проведено у китайских студентов первого курса, обучающихся на всех факультетах Тюменского государственного медицинского университета. Оно включало в себя вопросы, направленные на выявление трудностей, которые испытывают китайские студенты при изучении латинского языка. Каждому студенту предлагалось не просто выбрать из готового списка уже классифицированные преподавателем трудности (фонетические, орфоэпические, грамматические), но и была предоставлена возможность описать в свободном формате свои сложно-

сти в изучении латинского языка. Всего в опросе приняли участие 134 иностранных студента.

Изучение латинского языка китайскими студентами начинается с фонетики. Основной проблемой на первом этапе изучения латинского языка становится произношение и чтение анатомических и фармацевтических терминов. Для продуктивного развития навыков правильного произношения и чтения были разработаны упражнения на развитие навыков чтения и на закрепления этих навыков. Чтобы правильно прочитать термины, а в дальнейшем, ориентируясь по анатомическому атласу, свободно их произносить, необходимо освоить латинский алфавит, правила чтения и произношение звуков и их сочетаний (дифтонги и диграфы), разобраться с правилами постановки ударения в словах. Всё перечисленное не пересекается с той системой правил языка, с которой знаком китайский студент, владеющий не только родным ему языком, но и английским. И поэтому уже на первых занятиях по латинскому языку у китайских студентов возникают трудности.

81% респондентов отмечают трудности в произношении, так как в китайском языке вообще отсутствуют такие звуки как [p], [й], [ч]. При изучении фонетики китайские студенты, знающие английский язык, произносят букву Hh [eit], как [ейч], хотя в латыни Hh читается как украинский [г]: homo – человек. Гласный Ii в латыни имеет звук [и], тогда как в английском языке в открытом слоге этот гласный читается как [ai]: spina – ось. Гласный Yu в латинском произносится как звук [и], в английском у этой буквы четыре варианта чтения и произношения, поэтому, например, Maуs (кукуруза) читается в латинском [маис] с ударением на первый слог и как [мэйс] в английском, где сочетание букв «ау» является дифтонгом. Перенос правил чтения из одного языка в другой – самая распространенная ошибка, которая неизбежно влечет возникновение трудностей. Особо сложно для прочтения даются китайским студентам термины с буквой Rr или диграфом rh, дающим звук [p]: ren – почка, processus – отросток, rhizoma – корневище.

Так как в китайском языке не бывает неударных слогов в словах, многие студенты (64% опрошенных) на этапе чтения отмечают трудности при постановке ударения в латинских словах, где ударными позициями являются второй или третий слог с конца слова, а в английском наоборот, ударными являются первый или второй слоги с начала слова. Одновременное удержание в голове трех систем постановки ударения неизбежно вызывает особое умственное и эмоциональное напряжение у студента.

Латинский язык относится к языку с трех-родовой системой и точно определить род существительного для правильного согласования с прилагательным вызывает затруднения у китайских студентов, например: *arteria profunda* (f) – *deep artery*, глубокая артерия (женский род); *nervus profundus* (m) – *deep nerve*, глубокий нерв (мужской род), *ligamentum profundum* (n) – *deep ligament*, глубокая связка (средний род). Данная проблема возникает из-за отсутствия понятия рода в китайском языке. И разбирается с родами в латинском языке только треть студентов. 67% опрошенных с большим трудом понимают, к какому роду относится то или иное существительное и прилагательное, даже при наличии всех формальных признаков.

Следующей трудностью у китайских студентов является понимание системы склонений существительных, и как следствие – прилагательных, которая также отсутствует в китайском языке. Студенты отмечают трудность в определении склонения у существительных мужского рода, относящихся или ко второму или к четвертому склонению, например: *musculus*, i m (II склонение), *processus*, us m (IV склонение) и особенно, когда нужно поставить термин в родительный падеж единственного числа. Сложности возникают при составлении латинского термина, на первое место в котором студенты по аналогии с английским языком ставят прилагательное, затем существительное. Тогда как в латинском термине необходимо сначала поставить существительное, на втором месте должно стоять согласованное с ним в роде числе и падеже прилагательное: *articulatio composita* (англ. complex joint) – сустав сложный, *facies palatina* (англ. palatine surface) – поверхность небная. В отличие от английского, для правильного перевода латинского термина необходимо на первоначальном этапе запомнить более 30 падежных окончаний (именительного и родительного падежей) всех пяти склонений только для существительных, и уметь в предложенном термине увидеть падежную форму, число и род.

Большинство студентов (62% опрошенных) отмечают и трудность в понимании словарной формы латинских существительных и прилагательных и, как следствие, задаются вопросом: для чего необходимо учить слова в словарной форме? Например, термины мышца – *musculus*, i m (прочитывается и заучивается как [мускулюс, мускули, маскулиnum], где указаны формы именительного и родительного падежей и род); сбор – *species*, ei f [спэциэс, спэциэй, фэмининум] в своей словарной форме очень информативны: здесь и род, и склонение, и число, и падеж. При-

лагательные *brevis*, e – короткий (читается как [брэвис, брэвэ], *obliquus*, a, um – косой ([обликувус, обликва, обликувум]) – также в своей словарной форме демонстрируют принадлежность к группе (1 или 2), указывают на падеж (именительный), число (единственное), четкое следование родовых форм (мужской род, женский и средний). Однако понимание, что словарная форма несет в себе всю необходимую информацию о слове и нужна для образования многословного термина, приходит к большинству студентов гораздо позже.

Еще одной трудностью у китайских студентов (97% опрошенных) является понимание грамматических категорий латинских существительных III склонения. Эта группа слов изучается как самостоятельная, в отличие от существительных I, II, IV и V склонений, так как у существительных III склонения наблюдаются разные окончания в именительном падеже (более 30) и потому бывает сложно определить род и основу слова (ведь основа определяется по форме Gen.Sg.) Например: *os*, *ossis* n (кость) – основа *oss-*; *radix*, *icis* f – основа *radic-*; *flos*, *floris* m – основа *flor-*. Сложности возникают и при изучении ботанических наименований в разделе «Фармацевтическая терминология», так как китайским студентам необходимо овладеть новым языковым материалом с большим количеством лексических единиц, которые являются неопределенными понятиями для китайских студентов, например: *Convallaria*, ae f (Latin), a lily of the valley (English), *Crataegus*, i f (Latin), a hawthorn (English), *Frangula*, ae f (Latin), buckthorn (English). Китайские студенты нередко игнорируют окончание *-um* при переводе фармацевтических препаратов с английского на латинский язык: *an extract* – *extractum*, i n; *an aerosol* – *aerosolum*, i n; *dibazol* – *Dibazolium*, i n.

Преодолимыми или непреодолимыми окажутся в итоге возникающие трудности зависит по большей части от самого обучающегося. Преподаватель может предложить свою помощь студенту в виде проявленной педагогической выдержки и выстраивании индивидуального подхода к студенту в ситуации, когда возникающие трудности освоения материала зарождают в учащемся стойкое нежелание учить латинский язык. Время и мотивация студента также будут работать на нивелирование трудностей.

На основе анализа трудностей, возникающих у китайских студентов при изучении латинского языка, можно сделать вывод, что главными трудностями являются те особенности латинского языка, которым нет аналогов в родном языке. Но с развитием умений и навыков, усвоением большого количества лексического материала, китай-

ские студенты начинают понимать законы построения системы латинского языка и проявлять интерес к его изучению. Без преодоления данных трудностей невозможно овладеть латинским языком, а первым шагом для его овладения является определение трудностей и специфических характеристик латинского языка, которые были определены в данной работе.

Список литературы

1. Барышников, Н. В. Обучение иностранным языкам и культурам: методология, цель, метод // Иностранные языки в школе. 2014. № 9.
2. Брем, Н. С. Особенности барьеров при изучении иностранного языка в языковой среде и вне её // Самарский научный вестник. 2020. № 3 (32).

3. Маслова, А. М. Английский язык для медицинских вузов : учебник / А. М. Маслова, З. И. Вайнштейн, Л. С. Плебейская. – 5-е изд., испр. – Москва : ГЭОТАР-Медиа, 2022. – 336 с.

4. Нечай, М. Н. Латинский язык для лечебных факультетов : учебное пособие / М. Н. Нечай. – Москва : КНОРУС, 2017. – 346 с.

5. Румянцева, М. В. К проблеме формирования поликультурной языковой личности в процессе иноязычного образования в вузе / М. В. Румянцева // Современная высшая школа: инновационный аспект. – 2012. – No 1. – С. 74-79. – EDN OYFZNN. URL : https://www.elibrary.ru/download/elibrary_17741182_84392220.pdf

DOI: 10.47475/9785727119631_454

Ю.В. АЛЬМЕТЕВ / Yu.V. ALMETEV
Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)

ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ ПРИ ПОМОЩИ МЕТОДА КОНТЕНТ-ОСНОВЫ В МАГИСТРАТУРЕ

THE IMPLEMENTATION OF CONTENT-BASED LANGUAGE TEACHING IN A MASTER'S LEVEL FOREIGN LANGUAGE PROGRAM

Аннотация

Данная статья рассматривает образовательную ценность использования метода контент-основы в преподавании иностранных языков на уровне магистратуры. Теоретической основой для использования данного метода является Социокультурная теория обучения Л. С. Выготского. Автор статьи отмечает, что метод контент-основы является оптимальным подходом в обучении иностранным языкам на продвинутом уровне владения языком, особенно на уровне магистратуры лингвистических факультетов вузов, а также делится собственным многолетним опытом использования метода контент-основы в данном образовательном контексте. Положительные результаты использования данного метода обусловлены его основными принципами: иностранный язык осваивается успешнее, если язык используется как средство получения информации, а не как цель обучения; иностранный язык изучается успешнее, если учебный контент воспринимается обучающимися как современный, интересный и релевантный. В статье автор приводит обширный список тем, используемых им в магистерской программе обучения английскому языку, которые относятся к различным областям гуманитарного и естественно-научного знания, таким как литература, история, антропология, психология, география, и другие.

Abstract

This paper discusses the educational value of using Content-Based Language Teaching (CBLT) method in Master's level foreign language education. The theoretical foundations of using this method lies at the intersection of Vygotsky's Socio-Cultural theory of learning, Krashen's Comprehensible Input hypothesis, and Swain's Comprehensible Output hypothesis. The author argues that CBLT provides an optimal framework for the teaching of foreign languages at higher levels of foreign language proficiency, specifically at the Master's level of Linguistics departments and shares his extensive experience of utilizing this method in such educational context. The benefits of using CBLT are predicated by its two main principles: people learn a foreign language more successfully when language is used as a means of acquiring new information

and not as an end in itself; people learn a language more successfully when the learning content is perceived as relevant, interesting, and useful. In the paper, the author shares a comprehensive list of topics he has been using in CBLT-based Master's level classrooms, which represent various and numerous content areas, such as literature, biology, anthropology, physics, history, paleontology, linguistics, arts, psychology, geography, and others.

Ключевые слова: метод контент-основы, преподавание иностранных языков, коммуникативный подход, Выготский, магистратура, контент, Крашен.

Keywords: Content-Based Language Teaching method, foreign and second language learning, Communicative approach, Vygotsky, Krashen, Master's education, content.

Foreign language (FL) teaching has gone a long way from the tedious memorization of grammar rules and verses written by long dead poets, through the endless repetitions of innumerable sentences and rote learning of artificially constructed dialogues, to the more meaningful and natural communicative exchanges between learners and teachers. Those familiar with the history of FL teaching will easily identify the Grammar Translation, Audiolingual, and Communicative methods in the examples above. Experts in the field will also point out that Grammar Translation cannot be called a method since it was not based on any theory – in other words, it was simply a long standing tradition of teaching foreign languages and driving hapless students crazy. The first ever method actually built on a theoretical foundation was Audiolingualism, which was based on two theories at once – Structuralism (a theory of language) and Behaviorism (a theory of cognitive psychology). Even though the Audiolingual method proved to be no less tedious than Grammar Translation and the learning outcomes it provided still fell short of expectations, it was a breakthrough in the field of language teaching, since it paved the way for the whole slew of alternative foreign language teaching methods. Total Physical Response, The Silent Way, Suggestopedia, Neurolinguistic Programming, Whole Language Approach – these and other methods have seen their heyday and faded into obscurity. But there was one new method that was there to stay – Communicative Language Teaching (CLT) and its two major derivatives, Task-Based Language Teaching (TBLT) and Content-Based Language Teaching (CBLT). It is the latter method, namely CBLT, that will be in the crosshairs of this report. The rationale for this choice is simple – CBLT seems to be the FL teaching method that works best with advanced FL learners, such as those Master's level students of the Chelyabinsk State University (Linguistics and Translation Department) I have been working with for almost ten years now.

Communicative language teaching (CLT) is based on the premise, predicated by the Sociocultural/Interactionist perspective, that the best way to learn a foreign language is to use that

language in meaningful and engaging conversations with more proficient interlocutors. According to Lev Vygotsky, language is acquired in the process of the co-construction of meaning, which emphasizes the role of the meaningful learning context and that of the more proficient language user who provides the necessary “scaffolding” (contextualized language) for the learner [Vygotsky, 1978]. CLT also draws on Stephen Krashen's Comprehensible Input hypothesis [Krashen, 1985] and Merrill Swain's Comprehensible Output hypothesis [Swain, 1988], which suggest that successful language learning depends on the amount of meaningful information processed by the learner receptively (through reading and listening) and produced actively (via speaking and writing). Content-Based Language Teaching (CBLT) draws on the same principles but it develops them even further: if foreign and second language classrooms “should focus on real communication and the exchange of information, an ideal situation for second language learning would be one where the subject matter of language teaching was not grammar or functions or some other language-based unit of organization, but content, that is, subject matter from outside the domain of language” [Richards & Rodgers, 2016, p. 204]. Language, therefore, is no more the goal of learning but the means of acquiring and sharing information and it is learned in CBLT as a by-product of learning about real-world content. As Widdowson points out, a CBLT course “deals with a selection of topics taken from the other subjects: simple experiments in physics and chemistry, biological processes in plants and animals, map-drawing, descriptions of historical events and so on...” [Widdowson, 2013, p. 16].

CBLT, therefore, is an approach to FL teaching in which teaching is organized around the content, or real-world information, that students will acquire, rather than around a linguistic or functional type of syllabus. It is obvious that this kind of approach can be best used in language programs designed for students of higher levels of language proficiency, those who have already acquired an overall command of the FL and simply need to hone their language skills and further enlarge their FL vocabulary. This

is exactly the situation the Master's level students of the Linguistics and Translation Department of the Chelyabinsk State University find themselves in: the four years of rigorous FL instruction in their Bachelor's program plus the previous exposure to

the FL studies at school ensure a high level of their FL fluency and accuracy. However, their further FL development would be stalled if the emphasis in their learning process still remained on the language itself. What they need at this point is a change of

Table 1.

Discussion Topics and Content Areas.

Content Areas	Research and Discussion Topics
Literature	Roald Dahls short stories: Plot, characters, major themes. (<i>Man from the South, Lamb to the Slaughter, Way Up to Heaven, William and Mary, The Landlady</i>)
History	Ned Kelly: The greatest Australian hero or a murderous thug? World War II up close: Hiroo Onoda and WWII Japanese holdouts. The Unabomber: The story of the infamous American "domestic terrorist".
Anthropology	Horace Miner's <i>Body Ritual among the Nacirema</i> – a satirical depiction of the modern society. Native American voices: Sherman Alexie's stories about the plight of contemporary Native Americans.
Biology	Odd animal couples: Interspecies relationships. Eusocial animals: Life and Social organization of honey bees.
Paleontology	Ancient anthropology and prehistoric humans: The "cold case" of Oetzi the Iceman. Graham Hancock's search for a Lost Civilization.
Physics and Astronomy	Science made accessible: Neil deGrasse Tyson explaining the Equinox, Color of the sky, Terraforming Mars, and Evolution of dogs. The world of nuclear physics: Taylor Wilson and his precocious nuclear ambitions.
Health and Sports	Extreme sports: Ed Viesturs and his mountaineering career. Lost on Mount Everest: Search for Mallory and Irvine. Extraordinary human beings: Harry Houdini. Pushing the limits: David Blaine's endurance stunts.
Philosophy and Science	Nikola Tesla: The quintessential mad genius. Rupert Sheldrake on 10 dogmas hindering the development of modern science.
Oceanography	The unexplored frontier: Fabien Cousteau and David Gallo on the underwater world.
Geography, Traveling, and Exploration	Into the Wild: Chris McCandless' fatal mistake. Maori gangs of New Zealand. Race to the South Pole: Amundsen vs. Scott.
Arts and Creativity	Ken Robinson on creativity and its place in public education. The artistic crime of the century: Philippe Petit and his walk between the towers.
American Literature from E. A. Poe to T. C. Boyle	The Cask of Amontillado (E.A. Poe) Wakefield (N. Hawthorne) Hunters in the Snow (T. Wolff) Bullet in the Brain (T. Wolff) King Bee (T. C. Boyle)
Linguistics and Cryptography	Cryptography and deciphering: The Voynich Manuscript. Regional and societal dialects and accents of the English language – major differences. Stephen Krashen: Benefits of free voluntary reading.
Conspiracy Theories and Mysteries	The Titanic disaster – evidence of a conspiracy. JFK Assassination: The covered up American coup d'état. The Manchurian candidate: RFK assassination. The unsolved mystery of D.B. Cooper. The tales of human ingenuity: Escape from Alcatraz
Food Industry	History of ice cream
Politics and Social Studies	Politics, peacemaking and search for spirituality: Dag Hammarskjöld
Psychology	Autistic Savant syndrome: Daniel Tammett
Cinematography	Students' presentations on feature films and TV series

perspective – namely, the opportunity to use the FL as a tool for conducting research in various content areas that are relevant to them and sharing the obtained information in meaningful and, therefore, motivating classroom discussions in the FL.

Over the nine and a half years I have been working with Master's students, we have collectively researched and discussed a plethora of topics related to multiple areas of science and humanities. This approach has proved to be not only a rich source of knowledge about the world and a fruitful training ground for the further improvement of students' FL speaking skills, but also an extremely motivating factor in turning students into independent learners. The positive learning outcomes provided by this approach, as well as an increased motivation to study the FL in-depth, have been attested by the highly positive feedback from the successive cohorts of students enrolled year after year in this Master's program. What follows is the list of topics we study and discuss with each new cohort of Master's students over the academic year and the list of content, or subject-matter, areas these topics belong to. The presented list does not include all the topics being discussed each year and every academic year the list is extended due to the introduction of new topics and content areas.

The work on a particular topic starts with internet research conducted by students individually. Students receive an assignment via e-mail, usually containing a link to a documentary video and/or textual file (online journal article, short story), followed by teacher's questions and other kinds of learning activities (e.g., researching a sub-topic from a given list of related items and preparing a presentation on it, which students later share in class). Students have a week to do their research and prepare for the class discussion of the topic in question. This is followed by an oral classroom discussion of the topic, in which students answer the instructor's questions, ask questions themselves and answer their peers' questions, share their findings in short presentations, work in small groups to find a solution to a given problem and share their results, express their opinion on certain issues raised by the discussion. The instructor ensures that the crux of everyone's attention is the content of the discussion and not the language used by the students. Only occasionally, when a student shows tendency to repeat the same grammar or lexical error, the instructor may politely intervene with a correction, thus utilizing the so called "Focus on Form" approach.

Eventually, during the second semester, students are in charge of preparing their own research and discussion assignments on any topic they find relevant, which they send out to their teacher and

classmates a week in advance. Then they individually (or in pairs) conduct their own lessons, acting as a teacher for an hour-and-a-half period, introducing the topic, facilitating a discussion, conducting a quiz – in other words, implementing any learning activities they come up with, following the example of the instructor's lessons. This part of the CBLT-based syllabus is invariably the culminating point of the course, well-loved by all students, as they receive an opportunity to discuss relevant topics of their own choice. Some of the topics suggested by previous years' students become part of the program to be used in the following years by newly enrolled cohorts of Master's students (e.g., "History of Ice Cream", "Number Stations", etc).

To recap all stated above, CBLT has consistently proved to be the best choice of a FL instructional method in higher proficiency level FL classrooms, such as those of the Master's level English as a Foreign Language program of the Chelyabinsk State University. This is due to two core principles on which this method is grounded: first, people tend to learn a FL more successfully when they use the language as a means of obtaining information, rather than as an end in itself; and, second, people learn a FL more successfully when the information they are acquiring in the classroom is perceived as relevant, interesting, useful, and leading to a desired goal. It is beyond the scope of the current paper to provide a detailed account of how CBLT is used in the classroom in terms of actual classroom procedures and learning activities, as well as to analyze the exact benefits students gain from this method in terms of FL learning outcomes – these domains will be the focal points of further publications.

References

1. Krashen, S. *The Input Hypothesis: Issues and implications*. London: Longman, 1985. – 128 p.
2. Lightbown, P. M., and Spada, N. *How languages are learned*. Oxford: Oxford University Press, 2006. – 232 p.
3. Richards, J. C., and Rodgers, T. S. *Approaches and methods in language teaching*. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. – 419 p.
4. Swain, M. *Manipulating and complementing content teaching to maximize second language learning*. *TESL Canada Journal*, 1988. – P. 68-83.
5. Vygotsky, L. S. *Mind in society: The development of higher psychological processes*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1978. – 159 p.
6. Widdowson, H. *Teaching language as communication*. Oxford: Oxford University Press, 2013. – 272 p.

DOI: 10.47475/9785727119631_458

В.Д. БАКОВКИНА / V.D. BAKOVKINAЧелябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)**ОБЗОР УЧЕБНИКОВ ПЕРЕВОДА ПО КИТАЙСКОМУ ЯЗЫКУ****REVIEW OF CHINESE TRANSLATION TEXTBOOKS****Аннотация**

Статья содержит в себе обзор основных учебников перевода, которые используются при обучении будущих переводчиков в университетах. Автор рассматривает роль китайского языка в современном мире, требования к обучающимся по программам перевода китайского языка, а также выделяет требования к будущим переводчикам, определяет различные виды учебных материалов при подготовке переводчиков, какие темы затрагиваются при обучении и на основе какой тематики формируются начальные навыки перевода. В статье описывается содержание нескольких учебников общественно-политического перевода китайского языка и учебных пособий экономического перевода, их преимущества и недостатки, для каких уровней обучения подходят данные учебные материалы. В анализ учебников и учебных пособий входит обзор тематик учебных материалов, содержания самого материала, соответствия упражнений заданным требованиям, логичность предоставляемого материала.

Abstract

The article contains an overview of the main translation textbooks that are used in the training of future translators at universities. The author examines the role of the Chinese language in the modern world, the requirements for students in Chinese translation programs, and also highlights the requirements for future translators, defines various types of educational materials in the training of translators, which topics are covered during training and on the basis of which topics initial translation skills are formed. The article describes the content of several textbooks of socio-political translation of the Chinese language and textbooks of economic translation, their advantages and disadvantages, for which levels of study these educational materials are suitable. The analysis of textbooks and manuals includes an overview of the topics of educational materials, the content of the material itself, the compliance of exercises with specified requirements, and the consistency of the material provided.

Ключевые слова: устный перевод, письменный перевод, учебник по переводу, учебное пособие по переводу, общественно-политический перевод, экономический перевод, обучение переводу китайского языка.

Keywords: interpretation, translation, translation textbook, translation training manual, socio-political translation, economic translation, Chinese translation training.

Рост популярности людей со знанием китайского языка с каждым годом набирает обороты. Многие российские компании устанавливают деловые связи с китайскими партнерами в различных сферах деятельности. Успех данного взаимодействия напрямую зависит от возможностей преодоления языковых и культурных барьеров между двумя странами. В связи с этой необходимостью возникает острая потребность в специально обученных людях, способных преодолеть эти барьеры и установить прочные связи между носителями двух культур. Такими людьми чаще всего выступают выпускники языковых факультетов, в частности факультетов лингвистики и перевода, специализирующихся на подготовке специалистов в сфере перевода и межкультурной коммуникации. Переводчики выступают связую-

щим звеном между носителями разных языков. При подготовке таких специалистов важно не только обучить их иностранному языку и высокому уровню владения родным языком, но и научить грамотно осуществлять переводческую деятельность на профессиональном уровне.

В учебных программах, связанных с иностранными языками, были подготовлены специальные программы рабочих дисциплин, включающих в себя перечень учебных материалов для формирования у обучающихся всех необходимых языковых и переводческих компетенций. Для достижения эффективного освоения переводческих дисциплин необходим грамотный подбор учебных материалов. Такими материалами выступают специально подготовленные учебники и учебные пособия по требуемым дисциплинам, до-

полнительные аутентичные материалы, которые педагог подбирает из источников российских и зарубежных средств массовой информации. Если вторые служат лишь дополнительными источниками для закрепления полученных знаний, умений и навыков, то первые выступают необходимой базой, обеспечивающей формирование новых знаний, умений и навыков.

На сегодняшний день существует высокий спрос на специалистов с китайским языком, и многие университеты реализуют необходимые программы подготовки для удовлетворения рыночного спроса на таких специалистов. Рост популярности китайского языка начался еще в 2000-х годах и с каждым годом возрастал. В последние годы поток абитуриентов, поступающих в высшие учебные заведения на направления с китайским языком, стал очень высок. Согласно данным Минобрнауки в России около 22 тыс. студентов изучают китайский язык в 142 университетах страны.

Китайский язык считается одним из самых сложных языков мира, а значит внимание к подготовке обучающихся с данным языком требует особого внимания. Сегодня китайский язык изучается в университетах в качестве первого и второго иностранного языка в зависимости от программы подготовки. Но в обоих случаях студенты бакалавриата и специалитета проходят дисциплины перевода с китайского языка, которые вводятся в программу на третьем году обучения. В ходе реализации данных дисциплин студенты должны овладеть рядом переводческих компетенций, необходимых для формирования языковой личности, способной осуществлять перевод с одного языка на другой. Такими компетенциями являются: языковая, коммуникативная, текстообразующая, техническая [Комиссаров, 2002]. Приступая к обучению перевода, необходимо обратить внимание на уже имеющиеся языковые знания, умения и навыки обучающихся, которые они получили на дисциплинах китайского языка первого и второго года обучения. Важно не просто погрузить обучающихся в переводческую дисциплину, но сделать это исходя из их базовых знаний. Поскольку имеющиеся учебники по переводу ориентированы на усредненный вариант знаний языка студентов, у которых китайский язык первый или второй, то необходимо подбирать материалы таким образом, чтобы они соответствовали требованиям рабочей программы, направлению подготовки и базовым знаниям обучающегося.

Сегодня существует достаточное количество учебников по переводу, которые можно и нужно использовать в ходе преподавания перевода

китайского языка. Такие материалы делятся не только по видам перевода, но и по тематикам перевода, что обеспечивает разнообразие в обучении переводческих дисциплин и позволяет избежать повтора одних и тех же упражнений, и лексических единиц одних тематик.

Рассмотрим учебники по переводу китайского языка и определим их преимущества и недостатки.

Нами была разработана следующая классификация для учебников и учебных пособий по переводу:

- **По стране происхождения**, их можно разделить на отечественные, написанные русскими авторами, и зарубежные, написанные авторами других стран.

- **По типу перевода**. Комиссаров В.Н. выделяется два вида перевода: устный и письменный, соответственно учебники можно разделить на те, которые содержат упражнения на формирование компетенций устного перевода, и те, которые содержат упражнения на формирование компетенций письменного перевода. Также могут быть учебники, содержащие в себе комплекс упражнений для формирования компетенций и устного, и письменного перевода, такие учебники можно назвать смешанными [Комиссаров, 1990].

- **По тематикам**. Комиссаров В.Н. также дает жанрово-стилистическую классификацию переводов: художественный (художественно-эстетическая и поэтическая функции), информативный (функция сообщения, информирования). Художественный перевод – перевод произведений художественной литературы. Информационный (специальный) перевод – перевод текстов, основная функция которых – сообщать сведения. Это материалы научного, делового, общеполитического, бытового характера [Комиссаров, 1990]. Соответственно учебники перевода можно разделить на специальные тематики

На современном этапе имеется достаточно разнообразное количество учебников отечественного происхождения и большинство университетов пользуются именно ими в ходе подготовки обучающихся, так как основная задача на занятиях переводу сформировать навыки перевода в паре русский-китайский, китайский-русский, избегая лишнее звено в этих цепочках. Это значительно сужает круг обозреваемых учебников.

Большая часть университетов реализуют программы подготовки, связанные с международной деятельностью, и преимущественно в основу материала дисциплины перевода ложатся учебники по общественно-политическому переводу. Это связано с тем, что китайский язык до приобретения своей популярности чаще всего требовался

именно будущим дипломатам или переводчикам на переговорах высокого уровня. А также это связано с тем, что лексика, используемая в данной тематике перевода, является одной из самых легких и распространенных в употреблении. Такая лексика сама по себе является формальной и подчеркивает вежливость общения, она всегда остается в приоритете и обеспечивает эффективность результатов на переговорах с китайскими партнерами. Исходя из этого можно сделать вывод, что общественно-политическая тематика перевода выступает базой, которую получают будущие переводчики на начальном этапе освоения переводческих компетенций.

Рассмотрим отечественные учебники перевода с китайского языка и определим к каким классификациям можно их отнести.

В Российских университетах отдается приоритет учебнику «Китайский язык. Общественно-политический перевод. Начальный уровень», написанному в 2002 году И.В. Войцехович и А.Ф. Кондрашевским. Данный учебник выступает первым учебником перевода для большинства обучающихся переводу. Авторы позиционируют учебник как первый этап для формирования первичных навыков анализа и перевода китайских текстов общественно-политического содержания [Войцехович, Кондрашевский, 2002]. В учебнике всего восемь блоков, авторы называют эти блоки уроками. Учебник поделен на две части: 1 часть (1-5 уроки) и 2 часть (6-8 уроки).

Каждому блоку (уроку) соответствует одна тематика:

1. Географическое положение, население.
2. Государственный и политический строй.
3. Национальная экономика.
4. Конституция. Международное право.
5. Межгосударственные отношения.
6. Политические партии и общественные объединения.
7. Международные организации.
8. Войны и конфликты.

Каждый блок содержит в себе основные тексты ознакомительного характера, словарь со списком новых слов к каждому отдельному тексту, лексико-грамматический комментарий, словосочетания (именные, глагольно-именные, синтагмы), упражнения, морфемы, вопросы к основным текстам, тексты на русском языке для изложения по-китайски, реферативные задания и дополнительные тексты.

Уроки в данном учебнике выстроены логично, материал предоставляется последовательно, позволяя качественно расширить словарный запас, получить знания необходимой грамматики, а также получить знания о разных странах.

Среди недостатков данного учебника можно отметить недостаток упражнений на тренировку памяти, техники речи, прогнозирования [Купцова, 2013].

Данный учебник содержит в себе упражнения, формирующие навыки письменного перевода, что определяет его к типу учебников для письменного перевода.

Также рассмотрим учебник «Китайский язык. Полный курс перевода» В.Ф. Щичко и Г.Ю. Яковлева 2012 года, УМК «Универсальный мультимедийный практический курс общего перевода китайского языка» И.В. Кочергина и Хуан Лиляна 2017 года и учебник «Практический курс перевода. Китайский язык. Узнай Китай» О.П. Попова 2020 года.

Учебник «Китайский язык. Полный курс перевода» позиционируется как учебник для начального и среднего уровней трудности [Щичко, Яковлев, 2012], соответственно может выступать в качестве первого учебника на дисциплине перевода. Учебник разделен на два курса: начальный и продвинутый. Каждый курс содержит по восемь уроков общественно-политической тематики.

Начальный уровень содержит следующие тематики:

- 1-2. Общие сведения о Китае.
3. Политика реформ и открытости.
4. Использовать исторический шанс.
5. Международное положение и политика открытости.
- 6-7. Российско-китайские отношения.
9. Традиционные китайские обычаи и модернизация.

Продвинутый курс содержит следующие тематики:

1. Состояние экономики в современном мире.
2. Тенденции развития социума в современном мире.
3. Политика в современном мире.
4. Общество в современном мире.
5. Мир: актуальные проблемы.
6. АТР: актуальные проблемы.
7. Состояние экономики в регионе.
8. Политика АТР.

Каждый урок содержит в себе тексты, словарь, задания и упражнения на перевод с китайского на русский и с русского на китайский. Преимущественно задания направлены на подбор эквивалентов и перевод текстов и предложений, что больше соответствует письменному переводу, а задания на формирование навыков устного перевода отсутствуют. Материалы уроков содержат обширные знания о Китае, сложность предоставляемого материала возрастает постепенно. Однако материал в уроках не взаимосвязан, и

каждая тематика предоставляется как отдельная самостоятельная единица.

УМК «Универсальный мультимедийный практический курс общего перевода китайского языка» содержит в себе два модуля (устный перевод и письменный перевод), книгу преподавателя, словарно-справочные материалы и 3 компакт-диска с аудио- и видеоматериалами [Кочергин, Хуан Лилян, 20017].

Первый модуль включает в себя задания на письменный перевод по следующим тематикам:

1. Общие сведения о Китае.
2. Государственное устройство КНР.
3. Внутренняя политика Китая.
4. Внешняя политика Китая.
5. Экономика Китая.
6. Международные отношения.
7. Межгосударственное сотрудничество.
8. Российско-китайские отношения.
9. Вопросы международной безопасности.
10. Проблемы социума в современном мире.

Каждый урок содержит в себе тексты соответствующей тематики, глоссарий к текстам, лексико-грамматический комментарий, упражнения на перевод с китайского на русский и с русского на китайский.

Второй модуль включает в себя устный перевод по соответствующим тематикам. Каждый урок содержит аудирование по упражнениям на тренировку памяти и упражнениям на развитие переводческих компетенций (устный перевод).

Данный УМК полностью соответствует общественно-политической тематике, формирует переводческие компетенции по двум видам перевода и обладает большим количеством материала. Его можно определить, как смешанный тип учебника, содержащий в себе комплекс упражнений для подготовки обучающихся устному и письменному переводу.

Среди недостатков можно выделить узкую направленность тем, ограниченных сведениями исключительно о Китае, в то время как переводчик должен знать и о других странах, с которыми сотрудничает страна изучаемого языка и родное государство.

Учебник «Практический курс перевода. Китайский язык. Узнай Китай» был издан сравнительно недавно и еще не успел обрести высокую популярность. В учебнике всего 16 уроков различной тематики. В каждом уроке присутствуют тексты по заданной тематике, словарь к каждому тексту, лингвострановедческий комментарий, лексико-грамматический комментарий, задания и упражнения.

Содержание учебника охватывает множество различных тематик и предоставляет более глубо-

кие сведения о Китае. Изначально учебник рекомендован для продвинутого уровня обучающихся по направлениям подготовки «Лингвистика» и «Перевод и переводоведение» бакалавриата и специалитета [Попов, 2020].

Темы уроков учебника включают в себя:

1. Что за страна Китай?
2. Географическое положение и административное деление Китая.
3. Население Китая и демографическая политика.
4. Китай. Краткий исторический очерк.
5. Китай в новом веке.
6. Государственный строй Китая.
7. Статус Китая в мире.
8. Статус Китая в мире.
9. Внешняя политика Китая
10. Российско-китайские отношения.
11. Социализм с китайской спецификой.
12. Политика реформ и открытости.
13. Китайская экономика.
14. Проект «Один пояс и один путь»
15. КПК – кормчий китайской нации в бурном море.

16. Китайская мечта – мечта о великом возрождении китайской нации.

Данный учебник включает в себя задания по письменному переводу и не содержит заданий для устного перевода, что делает его пригодным только для преподавания письменного перевода китайского языка. Уроки в учебнике выстроены логично, последовательно и взаимосвязано. Материалы содержат глубокие знания о Китае, однако сведений о других странах мало, что резко сужает круг знаний обучающихся, как бедующих переводчиков в международной деятельности.

Проанализировав несколько учебников общественно-политического перевода, можно сделать вывод, что на сегодняшний день библиотечная база имеет достаточное количество учебных материалов по заданной тематике, однако большая часть этих учебников направлена на подготовку письменных переводчиков и лишь один учебник содержит необходимые материалы для подготовки устных переводчиков. Это показывает нехватку учебников по устному переводу в заданной тематике, что требует дальнейших разработок. Описываемые учебники в полной мере соответствуют требованиям для развития языковой, коммуникативной, текстообразующей и технической компетенций. Подходят для обучения студентов с китайским языком в качестве первого иностранного языка. Для студентов с китайским языком в качестве второго иностранного языка больше подходят учебник И.В. Войцехович и А.Ф. Кондрашевского «Китайский язык. Общественно-по-

литический перевод» и УМК И.В. Кочергина и Хуан Лиляна «Универсальный мультимедийный практический курс общего перевода китайского языка».

Далее рассмотрим учебные материалы по экономической тематике. Так как учебников по заданной тематике нет, то университеты используют в своих программах учебные пособия по экономической тематике. Здесь среди отечественных учебных пособий можно выделить два основных: учебное пособие «Китайский язык. Практический курс коммерческого перевода» Л.Г. Абдрахимова и В.Ф. Щичко 2017 года, «Коммерческое письмо. Русско-китайские соответствия» О.М. Готлиба 2018 года.

Учебное пособие «Китайский язык. Практический курс коммерческого перевода» предполагает помощь начинающим переводчикам в области устного перевода по заданной тематике [Абдрахимов, Щичко, 2017]. В пособие всего 18 тем, связанных с переговорным процессом в торговой сфере, от встречи делегации в аэропорту до переговоров и обсуждений условий сотрудничества, приложения и список литературы. Каждая тема, именуемая уроком, содержит в себе диалоги, список типовых выражений и новые слова.

В пособие отсутствуют упражнения, необходимые для формирования переводческих компетенций. Хотя изначально пособие и предназначено для подготовки устных переводчиков, оно все же несет в себе ознакомительный характер и не может выступать в качестве основного материала на учебных занятиях.

Учебное пособие «Коммерческое письмо. Русско-китайские соответствия» предназначено для формирования компетенций письменного переводчика [Готлиб, 2018]. В содержании представлено 12 тем, связанных с деловой перепиской между торговыми компаниями. Каждая тема содержит в себе типовые тексты и 10 упражнений на перевод.

Данное учебное пособие отвечает требованиям для формирования компетенций письменного переводчика и подходит в качестве основного учебного материала на учебных занятиях по переводу.

Изучив учебные пособия для обучения будущих переводчиков по экономической тематике,

можно сделать вывод, что на сегодняшний день в библиотечной базе нехватка учебных материалов по заданной тематике. Отсутствуют учебники по экономическому переводу, а учебных пособий очень мало, но и среди имеющихся лишь одно отвечает требованиям для формирования переводческих компетенций. Учебники и пособия по устному экономическому переводу требуют дальнейших разработок для пополнения списка учебной литературы в заданной тематике.

Список литературы

1. Абдрахимов Л.Г., Щичко В.Ф. Китайский язык. Практический курс коммерческого перевода = 汉俄商业翻译实用教程 : учебное пособие / Л.Г. Абдрахимов, В.Ф. Щичко. – 2-е изд. – М.: Издательство ВКН, 2017. – 304 с.
2. Войцехович И.В., Кондрашевский А.Ф. Китайский язык. Общественно-политический перевод. Начальный курс. : учебник / И.В. Войцехович, А.Ф. Кондрашевский. – М.: Муравей, 2002. – 528 с.
3. Готлиб О.М. Коммерческое письмо. Русско-китайские соответствия : учебное пособие / О.М. Готлиб. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Издательский дом ВКН, 2018. – 280 с.
4. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение : учеб. пособие. М. : ЭТС, 2002. 424 с.
5. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.
6. Кочергин И.В., Хуан Лилян Универсальный мультимедийный практический курс общего перевода китайского языка : учеб.-метод. комплекс / И.В. Кочергин, Хуан Лилян. – М.: Издательство ВКН, 2017.
7. Купцова А.К. Устный перевод (Экономика и бизнес). Английский язык: учеб. Пособие / А.К. Купцова. – М.: Институт МИРБИС, 2013. – 102 с.
8. Попов, О.П. Практический курс перевода. Китайский язык. Учебник. Узнай Китай : учебник / О.П. Попов. – М.: Р. Валент, 2020. – 416 с.
9. Щичко В.Ф., Яковлев Г.Ю. Полный курс перевода : учебник / В.Ф. Щичко, Г.Ю. Яковлев. – М.: Восточная книга, 2012. – 368 с.

DOI: 10.47475/9785727119631_463

Ю.С. БАРЫШНИКОВА / Yu.S. BARYSHNIKOVA

Уральский федеральный университет
(Екатеринбург, Россия)**LOW-PREP ACTIVITIES: ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЗАДАНИЙ,
НЕ ТРЕБУЮЩИХ ПОДГОТОВКИ, НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО
В ГРУППАХ СТУДЕНТОВ НАЧАЛЬНОГО УРОВНЯ****USING LOW-PREP ACTIVITIES IN TEACHING ENGLISH FOR UNIVERSITY STUDENTS
OF ELEMENTARY LEVEL****Аннотация**

В данной статье анализируются задания и приемы ведения и подготовки уроков английского языка для групп студентов начального уровня. Одна из важных задач, стоящих перед преподавателем, – построить урок таким образом, чтобы новый словарный и грамматический материал для начинающих изучать английский язык, стал не менее интересным и полезным и для тех, кто уже был с ним знаком, но имеет существенные пробелы в освоении данной темы. Именно для этого можно использовать приемы, получившие название «low-prep activities», или задания, не требующие подготовки. Все варианты подобных коммуникативных заданий можно разделить в соответствии с несколькими критериями по времени и целям использования на уроке. Наряду с классическими видами упражнений, такими как виселица, угадай слово и многими другими, одними из самых интересных являются задания, связанные с разработкой интеллект-карт или использованием интернет-мемов. Коммуникативные упражнения, не требующие подготовки, развивают беглость, повышают мотивацию и уверенность студентов в своих знаниях.

Abstract

This article analyzes the tasks and methods of preparing and conducting English classes for students with elementary level of English. One of the most important goals for a teacher is to plan a lesson in a way that new vocabulary and grammar structures for real beginners become no less interesting and useful for those who have been studying English for a long period of time but still have a lack of knowledge and skills. Low-prep activities can be used to achieve this goal. All possible variations of these communicative tasks can be classified according to the time of their usage during the lesson and the goals of the lesson. Together with classic games such as hangman, hot seat and many others, the most interesting ones are tasks involved designing mind maps and using Internet memes. Low-prep activities develop fluency, increase motivation, and build the confidence of students in their own skills.

Ключевые слова: обучение английскому языку, методика, задания, не требующие подготовки, интеллект-карты, мемы, игры, коммуникативные упражнения.

Keywords: English teaching, methods, low-prep activities, mind maps, memes, games, communicative tasks.

Для преподавателя, ведущего уроки английского для взрослой аудитории, обычной историей является то, что группы базового уровня состоят из учеников, которые много лет изучают язык, но все еще находятся на самом начальном уровне освоения дисциплины, и из тех, кто в школе учили французский или немецкий языки, и начинают изучать английский язык «с нуля». Данное явление характерно и для языковых групп ВУЗов, поскольку часто представляется нецелесообразным формировать отдельную группу начинающих из-за отсутствия необходимого количества слушателей. Одна из важных задач, стоящих перед преподавателем, – сделать уроки мотивирующими и эффективными для обеих категорий слушателей.

Именно для этих целей можно использовать приемы, получившие название «low-prep activities», или задания, не требующие подготовки. В данной статье будет проведен анализ опыта использования данных видов коммуникативных упражнений на уроках английского языка со студентами Уральского федерального университета.

Самое емкое определение, которое дает ключ к пониманию, что такое задания, не требующие подготовки, заключено в названии одной из самых известных книг по этой теме «Уроки из ничего» Брюса Марсланда [Marstrand, 1998, p. 5], напечатанной впервые в 1998 году, когда автор преподавал английский как второй язык в Болгарии. В ней автор классифицирует задания в

соответствии с ресурсами, требующимися для их выполнения. Он приводит примеры упражнений без использования каких-либо ресурсов, например, использование пантомимы; задания с использованием карандаша и бумаги, такие как анаграммы и путаницы из слов. Также автор предлагает задания с использованием школьной доски, карандаша и бумаги, а именно, разнообразные техники проведения диктантов, например, диктаглоссы, когда студенты, прослушав предложение один раз, пытаются воссоздать его по записанным ключевым словам со стенографической точностью [Marsland, 1998, p. 6, 38, 71]. Все упражнения, подобные заданиям «Уроков из ничего», разрабатываются и применяются в соответствии со студенто-ориентированными методами ведения занятий, что позволяет избежать рутинизации учебного процесса, вследствие которой мотивацию теряют и учителя, и ученики. Однако ведение уроков из «ничего» не означает, что учителю делать нечего. Напротив, если данные задания и обходятся минимумом ресурсов, возможности применения языка, воображения и взаимного общения превращают такие занятия в полноценные уроки с определёнными целями [Marsland, 1998, p. 5].

Использование low-prep activities на уроках английского отвечает нескольким задачам. Они помогают представить учебный материал в новом интересном виде, стимулируя креативность и развивая творческий потенциал обучающихся. Они делают занятия более студенто-ориентированными, позволяя использовать метод управляемого языкового открытия. Данные упражнения придают новый фокус и заостряют внимание на определенных аспектах обучения, помогают точно отработать лексику или грамматику, и в

целом способствуют повышению мотивации, вовлеченности и саморазвития студентов.

Все варианты коммуникативных заданий, не требующих подготовки, можно разделить в соответствии с несколькими критериями по времени и целям использования. По времени использования на уроке упражнения делятся на те, которые логично выполнять в начале урока, в середине, и в конце. В начале урока можно делать разные виды разминочных упражнений для повышения интереса к теме урока (warm-ups), упражнения на установление контакта (ice-breakers), рутинные вопросы, словарные гонки. В середине урока целесообразно использовать разные виды упражнений в соответствии с целями урока. В конце урока, если время позволяет, студенты могут делать такие классические задания на повторение изучаемой тематической лексики как виселица (hangman), угадай слово (hot seat), или задания, в основе которых лежит прослушивание песен.

Однако одним из самых популярных заданий, которые студенты выполняют с большим энтузиазмом в конце урока, – это создание интеллектуальных карт (mindmaps) на основе активной лексики урока. Чаще всего такие интеллектуальные карты, спроектированные студентами, напоминают паука, в центре которого находится ключевое слово (тема или идея) и ноги – ответвления, слова и словосочетания, связанные с темой. Здесь важно отметить, что записывать необходимо не только отдельные слова или списки слов, а именно фразы, словосочетания и даже примеры предложений. Такое визуальное оформление способствует лучшему запоминанию и усвоению материала.

По целям использования задания могут быть направлены на развитие определенных навыков: говорение, чтение, письмо, аудирование, на про-

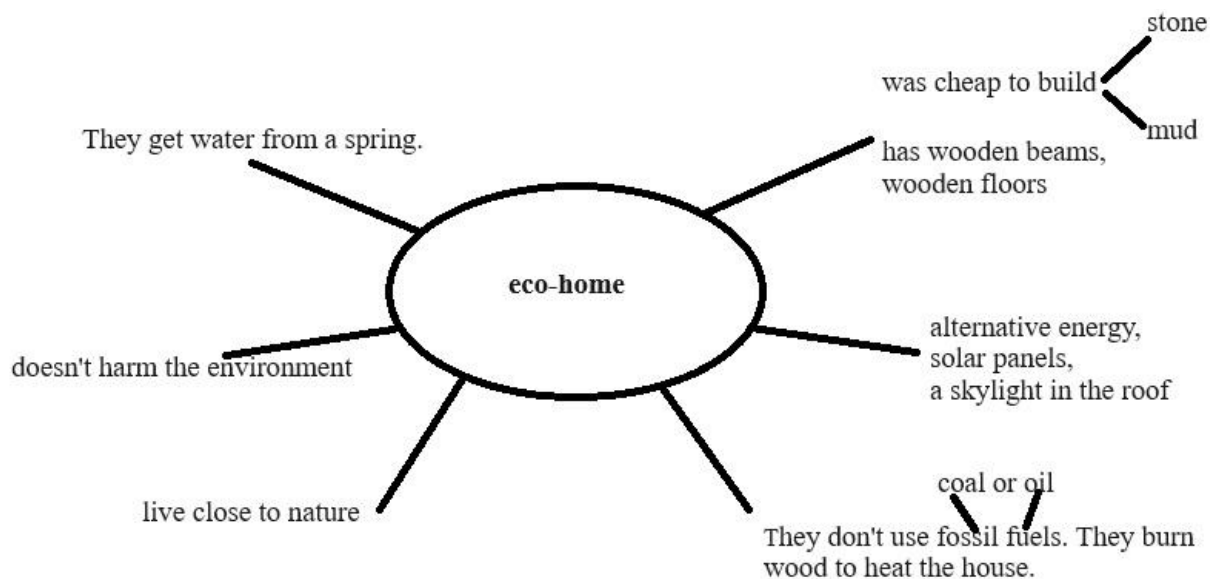

Рис. 1 – Интеллект-карта по теме урока «Эко-дом»

работку грамматики или рециркуляцию лексики. Одна из трудных классических игр на говорение – это говорить без остановки на заданную тему. Ее можно проводить со студентами разной языковой подготовки. На доске пишутся темы (работа, хобби, музыка), студенты делятся на группы и рассчитываются по порядку, учитель засекает время (от 30 секунд до 1.5 минут) и в первом раунде ученики под номером 1 должны без остановки говорить на заданную тему. Если кто-то сделал слишком большую паузу, выбывает из игры [Bolen, 2015, p. 67].

Самыми современными заданиями, попадающие в категорию *low-prep activities*, являются задания, связанные с использованием интернет-мемов. Эти упражнения обычно студенты выполняют с воодушевлением и азартом, и в своих научных работах также отмечают большой потенциал использования интернет-мемов на уроках иностранного языка [Загоруйко, 2019, с. 3]. На занятиях со студентами начальных групп целесообразно использовать типовые варианты заданий, а именно, определение темы занятия, которое нужно назвать в соответствии с мемом; самостоятельная работа по созданию интернет-мемов; нахождение мемов с определёнными характеристиками; перевод мемов на русский язык с целью максимальной передачи коммуникативного эффекта [Мартынова, 2022, с.277]. Некоторые интернет-мемы, особенно с изображением домашних животных, можно охарактеризовать как универсальные, так как они подходят для отработки совершенно разных грамматических и лексических явлений. Например, интернет-мемы с котами можно использовать для отработки вопросительных предложений, повелительного наклонения и т.д.

Другой вариант использования мемов – работа с карточками-мемами. Этот вариант представляет собой адаптацию настольной игры «What do you meme?». Игра заключается в том, что игрокам раздаются карточки с мемами, ведущий зачитывает ситуацию, а игроки выкладывают наиболее подходящую к ситуации и смешную карточку с мемом. Ведущий выбирает тот мем, который ему понравился больше всего. Игрок, чей мем был выбран, получает балл. Побеждает тот, кто набирает больше всего баллов. В другом варианте этой игры игрокам раздаются карточки с ситуациями, а ведущий выкладывает карточку с мемом. Задача преподавателя – заранее подобрать и ситуации, и карточки-мемы в соответствии с целями урока. Ситуации могут быть совершенно разные. Для студентов начального уровня ситуации могут включать такие варианты, как *when I have to speak English with a foreigner; when I wake*

up at 5 in the morning; when I feel happy и другие.

Рис. 2 – Интернет мемы для повторения конструкций с глаголами

В заключении важно отметить, что коммуникативные упражнения, не требующие подготовки, стали неотъемлемой частью уроков по иностранному языку. Они развивают беглость и улучшают владения иностранным языком, повышают уверенность студентов в своих знаниях. *Low-prep activities* положительно влияют на групповую динамику и сплоченность группы, становятся связующим звеном, между разными категориями слушателей. Такие задания позволяют актуализировать учебный процесс в соответствии с интересами всех обучающихся.

Список литературы

1. Загоруйко, А.О. Потенциал использования интернет – мемов в качестве обучающего средства / А. О. Загоруйко // Вопросы методики преподавания в вузе. – 2019. – Т. 8. – № 28. – С. 12 – 21. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/potentsial-ispolzovaniya-internet-memov-v-kachestve-obuchayuschego-sredstva/viewer> (дата обращения 01.12.2023).
2. Мартынова, О.В. Интернет – мемы в «смешанном» обучении иностранному языку // Материалы II Международной научной конференции

«Ресурсосберегающие технологии в агропромышленном комплексе России». Красноярск, 2022. – С. 276-278. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_48001633_66366403.pdf (дата обращения: 30.11.2023).

3. Bolen, J. 39 No-prep/Low-pre ESL Speaking Activities: For Teenagers and Adults. – CreateSpace Independent Publishing Platform, 2015. – 96 p. – Текст: непосредственный.
4. Marsland, B. Lessons from Nothing. Activities for language teaching with limited time and resources. – CUP, 1998. – 90 p. – Текст: непосредственный.

DOI: 10.47475/9785727119631_466

И.А. БОБЫКИНА, С.С. ИГНАТОВА / I.A. BOBYKINA, S.S. IGNATOVA

Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)ОСНОВНЫЕ СРЕДСТВА ФОРМИРУЮЩЕГО ОЦЕНИВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ
ИНОЯЗЫЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ НЕЯЗЫКОВОГО ВУЗАTHE MAIN MEANS OF FORMATIVE ASSESSMENT OF THE FOREIGN LANGUAGE
EDUCATION RESULTS OF STUDENTS OF A NON-LINGUISTIC UNIVERSITY**Аннотация**

Статья посвящена основным средствам формирующего оценивания для обучающихся иностранному языку в неязыковом вузе на основе компетентностного подхода. Авторы раскрывают теоретические положения формирующего оценивания и балльно-рейтинговой системы оценивания в системе высшего образования. В качестве результата представлены разработанные авторами средства формирующего оценивания для обучающихся иностранному языку по программе специалитета Клиническая психология. Разработанные средства оценивания соответствуют нормативно-правовым актам в системе высшего образования. Представленные средства оценивания позволяют не только преподавателю, но и самим обучающимся объективно оценивать уровень владения иноязычной коммуникативной компетенцией. На тактическом уровне обучающиеся получают возможность улучшить свои показатели для текущего контроля и эффективно готовиться к промежуточной аттестации, таким образом адекватно управлять собственной траекторией иноязычного образования в вузе.

Abstract

The article is devoted to the main means of formative assessment for students of a foreign language in a non-linguistic university based on a competence-based approach. The authors reveal the theoretical theses of formative assessment and the point-rating assessment system in the higher education system. As a result, the authors present the means of formative assessment developed for students of a foreign language in the program of the specialty Clinical Psychology. The developed assessment means correspond to the normative legal acts in the higher education system. The presented assessment means allow not only the teacher, but also the students themselves to objectively assess the level of proficiency in foreign language communicative competence. At the tactical level, students have the opportunity to improve their current performance and effectively prepare for summative assessment, thus adequately managing their own trajectory of foreign language education at the university.

Ключевые слова: компетентностный подход, высшее образование, иноязычное обучение, формирующее оценивание, балльно-рейтинговая система, неязыковая специальность.

Keywords: competence-based approach, higher education, foreign language education, formative assessment, point-rating system, non-linguistic specialty.

Компетентностный подход к результатам высшего образования, согласно ФГОС ВО нового поколения, повлек за собой необходимость пересмотра опыта контроля и оценки образовательной деятельности обучающихся вуза. Объектом современной системы оценивания являются общепрофессиональные, профессиональные и универсальные компетенции обучающихся, процесс овладения которыми подлежит систематическому оцениванию с помощью разнообразных оценочных средств, а не только тестов [Пинская, Михайлова, 2019, с. 42]. Оптимальным способом контроля и оценивания как процесса, так и образовательных результатов выступает формирующее оценивание на основе балльно-рейтинговой системы.

Цель данной статьи состоит в рассмотрении основных средств формирующего оценивания для обучающихся иностранному языку в вузе.

Как показывает анализ научных источников, феномен формирующего оценивания, сформулированного М. Скривеном как противопоставление суммативному оцениванию, заимствован из западных систем образования (R. Bennett, V. Bloom, W. Harlen) и в большей степени нашел распространение в общем образовании (Г. Б. Голуб, Н. Ф. Ефремова, С. Д. Калинина, М. А. Пинская, О. Н. Шаповалова, др.). Вместе с тем следует отметить исследования, посвященные изучению эффективности формирующего оценивания в системе высшего образования (Е. Н. Землянская, Н. А. Кропотова, И. А. Легкова, Р. Ю. Федоров, др.) [Емельянова, 2022, с. 468].

Формирующее («формативное оценивание», «внутренняя оценка», «оценка для обучения») представляет собой совместную (педагог и обучающийся) интерпретацию фактически демонстрируемых в процессе обучения результатов деятельности обучающихся с целью определения уже достигнутых результатов, корректировки последующего обучения и оптимальных способов достижения поставленных целей за счет регулярной поддерживающей обратной связи педагога и актуализации учебной самостоятельности самих обучающихся [Землянская, 2020, с. 144]. Как и формирующее оценивание, балльно-рейтинговая система является более объективной, поскольку исключает роль случая в получении итоговой оценки; также активизирует учебную самостоятельность обучающихся, так как на основе информации об уже проделанной работе и о предстоящих контрольных точках обучающийся имеет возможность выстраивать, анализировать и своевременно корректировать свою собственную учебную траекторию [Коряковцева, 2021]. Отличительной особенностью балльно-рейтин-

говой системы оценивания является то, что она предполагает аттестацию обучающегося по совокупности учебных достижений в течение определенного периода обучения (семестра), а не по показателям итогового тестирования.

Согласно федеральным государственным образовательным стандартам по неязыковым специальностям обучающиеся иностранному языку в вузе должны овладеть универсальной компетенцией, которая трактуется в стандарте как способность применять современные коммуникативные технологии на изучаемом языке в ситуациях профессионального взаимодействия [ФГОС ВО 37.05.01 Клиническая психология]. Данная компетенция развивается благодаря приобретению студентом знаний, умений, навыков и опыта ведения профессионально ориентированной иноязычной коммуникации. В процессе формирования компетенции, в частности, при подготовке и выполнении заданий обучающиеся:

а) осваивают языковые средства и профессиональную терминологию по изученным темам, языковые нормы изучаемого языка, современные коммуникативные технологии для профессионального взаимодействия, особенности и правила профессиональной коммуникации в устной и письменной форме на иностранном языке;

б) учатся применять языковые средства и профессиональную терминологию по изученным темам, языковые нормы изучаемого языка, использовать современные коммуникативные технологии для профессионального взаимодействия, применять особенности и правила профессиональной коммуникации в устной и письменной формах;

в) овладевают навыками использования языковых средств и профессиональной терминологии по изученным темам, языковых норм изучаемого языка, современных коммуникативных технологий для профессионального взаимодействия, особенностями и правилами профессиональной коммуникации в устной и письменной формах [РПД по дисциплине «Иностранный язык» по специальности 37.05.01 Клиническая психология].

Итоговая оценка сформированности компетенции включает в себя результаты текущего контроля в ходе контактной и самостоятельной работы обучающихся и промежуточной аттестации (при необходимости):

• контактная работа:

о ситуационное задание для устной коммуникации – 30 (10*3) баллов (ролевая игра, деловая игра, дискуссия),

о ситуационное задание для письменной коммуникации – 20 (10*2),

- о текущая аттестация – 10 баллов,
- о комплексное тестирование – 20 баллов;
- самостоятельная работа обучающегося (проект – 20 баллов).

Максимум – 100 баллов [ФОС по дисциплине «Иностранный язык» по специальности 37.05.01 Клиническая психология].

Процедура проведения текущего контроля и оценивания *ситуационного задания для устной и письменной коммуникации* состоит из следующих этапов:

1. Предоставление текстовых и аудио-видео-материалов для ознакомления обучающихся с типами текстов и требованиями к их оформлению.
2. Выполнение системы упражнений для тренировки необходимых навыков и умений.
3. Контроль и взаимо/самооценивание качества результатов выполненных заданий.
4. Рефлексия и обсуждение учебного процесса и полученного результата, то есть обучающиеся делятся своими достижениями и трудностями при выполнении заданий, дают и получают рекомендации преподавателя или сокурсников.

В целях текущего контроля и оценки результатов самостоятельной работы рекомендуется осуществлять формирующее оценивание *проекта*.

В процессе подготовки проекта обучающиеся учатся:

- а) работать с информацией на изучаемом языке из различных источников: искать, анализировать, систематизировать, визуально представлять в устной и письменной формах;
- б) работать в команде над общей целью;
- в) публично представлять результаты своей работы.

Процедура проведения текущего контроля и оценивания *проекта* включает следующие этапы:

1. Выбор темы проекта.
2. Формирование обучающимися команды.
3. Определение задач и сроков выполнения проекта.
4. Исполнение проекта (поиск и работа с информацией по теме проекта, выполнение задач по плану, создание продукта проекта, подготовка презентации продукта проекта).
5. Публичная защита проекта.
6. Рефлексия и оценивание процесса выполнения и результатов проекта, как командной работы, так и индивидуальных достижений каждого участника.

Комплексное тестирование состоит из следующих разделов: лексика, грамматика, чтение, аудирование, письменная практика, устная практика. Первое тестирование, входное, проводится в начале семестра с целью измерения индивидуальных показателей уровня владения

универсальной иноязычной компетенцией обучающимися и среднего показателя по группе в целом. По результатам тестирования проводится формирующее оценивание обучающимися. Второе тестирование, рубежное, проводится в середине семестра (9 неделя) с целью определения динамики развития формируемой компетенции и предполагает в ходе формирующего оценивания выставление оценки и баллов (max 10 баллов). Третье тестирование, итоговое, проводится в конце семестра с целью выявления уровня сформированности компетенции и оценивается в 20 баллов. Тесты проводятся в режиме онлайн с применением электронных средств обучения.

Представленные основные средства формирующего оценивания для обучающихся иностранному языку по программам неязыковых специальностей вуза позволяют обучающимся объективно оценивать уровень владения иноязычной коммуникативной компетенцией и на тактическом уровне улучшать свои показатели для текущего контроля и эффективно готовиться к промежуточной аттестации, таким образом адекватно управлять траекторией иноязычного образования в вузе. Кроме того, следует отметить возможность применения в образовательной практике иноязычной подготовки рассмотренного алгоритма и оценочных средств преподавателями вузов. Перспективы исследования связаны с теоретическим и эмпирическим изучением формирующего оценивания уровней владения современными коммуникативными технологиями обучающимися по неязыковым направлениям подготовки вуза.

Список литературы

1. Емельянова, Т. В. Формирующее оценивание в контексте практико-ориентированного обучения в вузе в рамках формирования медиакомпетентности будущих педагогов / Т. В. Емельянова // Педагогика. Вопросы теории и практики. – 2022. – Т. 7, № 5. – С. 467–473. – DOI 10.30853/ped20220082.
2. Землянская, Е. Н. Критериальное оценивание образовательных достижений студентов вуза / Е. Н. Землянская // Педагогика. Вопросы теории и практики. – 2020. – Т. 5, № 2. – С. 142–147. – DOI 10.30853/pedagogy.2020.2.2.
3. Коряковцева, О. А. Преимущества и проблемы применения балльно-рейтинговой системы в вузе / О. А. Коряковцева // Гуманитарные науки (г.Ялта). – 2021. – № 1(53). – С. 62–69.
4. Пинская, М. А. Компетенции «4К»: формирование и оценка на уроке : Практические рекомендации / М. А. Пинская, А. М. Михайлова.

– Москва : Корпорация «Российский учебник», 2019. – 76 с.

5. Рабочая программа дисциплины «Иностранный язык» по специальности 37.05.01 «Клиническая психология» направленности (профилю) «Клинико-психологическая помощь населению» ФГБОУ ВО «ЧелГУ» – Текст : электронный // URL: <https://www.csu.ru/sveden/education> (дата обращения: 21.12.2023).

6. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – специалитет по специальности 37.05.01 Клиническая

психология : утвержден приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 26 мая 2020 г. N 683 – Текст : электронный // URL: <https://fgosvo.ru/fgosvo/index/26/129> (дата обращения: 21.12.2023).

7. Фонд оценочных средств для промежуточной аттестации по дисциплине (модулю) «Иностранный язык» по специальности 37.05.01 «Клиническая психология» направленности (профилю) «Клинико-психологическая помощь населению» ФГБОУ ВО «ЧелГУ» – Текст : непосредственный.

DOI: 10.47475/9785727119631_469

Е.В. БОГОМОЛОВА / E.V. BOGOMOLOVA

*Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ В ПРЕПОДАВАНИИ ФОНЕТИКИ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ РУССКОГОВОРЯЩИХ ОБУЧАЮЩИХСЯ ВУЗОВ

ACTUAL PROBLEMS AND WAYS TO SOLVE THEM IN TEACHING CHINESE PHONETICS TO RUSSIAN-SPEAKING UNIVERSITY STUDENTS

Аннотация

Российско-китайские отношения непрерывно развиваются, а также постоянно открываются новые перспективы. Именно поэтому потребность в грамотных специалистах, знающих китайский язык, до сих пор растет и в ближайшие годы не будет сокращаться. Фонетический раздел китайского языка достаточно сложен, поэтому требует особого внимания при его изучении. От уровня фонетических знаний зависит степень понимания услышанного и сказанного при коммуникации с носителями китайского языка. А это, в свою очередь, влияет на эффективность переводчика во время сопровождения на деловых встречах, которые так важны в настоящее время для взаимодействия двух стран с друг другом. В данной статье рассматриваются основные причины необходимости обучения фонетике китайского языка на начальном этапе обучения в ВУЗах на лингвистических специальностях. Также анализируются основные ошибки в процессе преподавания, на которые стоит обратить внимание и предлагаются методы по их решению.

Abstract

Relations between Russia and China are continuously developing, as well as new prospects are constantly opening up. Therefore, the need for competent specialists who know Chinese is still growing and will not decrease in the coming years. The phonetic section of the Chinese language is quite difficult; therefore it requires special attention when studying it. The level of phonetic knowledge depends on the degree of understanding of what is heard and said when communicating with native Chinese speakers. And this affects the effectiveness of the translator during the assistance for business meetings, which are so important nowadays for the interaction of the two countries with each other. This article discusses the main reasons for the need to teach Chinese phonetics at the initial stage of higher education in linguistic specialties. It also analyzes the main mistakes in the teaching process that are worth paying attention to and suggests methods to solve them.

Ключевые слова: *методы обучения, фонетика китайского языка, артикуляция, тона китайского языка, преподавание фонетики.*

Keywords: *teaching methods, phonetics of the Chinese language, articulation, tones of the Chinese language, teaching phonetics.*

Взаимодействие Китая и России на международной арене с каждым годом увеличивается, вырисовываются новые перспективы и пути дальнейшего развития. Главным способом коммуникации между странами всегда являлся и является язык. Тенденция такова, что с каждым годом все больше и больше людей обеих стран стремятся к изучению языка друг друга для более эффективного сотрудничества. Страны осуществляют культурный обмен на разных уровнях, внедряют китайский и русский языки в учебные программы школ и ВУЗов, организуют различные языковые курсы и гранты на обучение, стимулируют обмен преподавателями и многое другое. Таким образом, потребность в грамотных специалистах, знающих китайский язык, до сих пор растет и в ближайшие годы не будет сокращаться.

Изучение любого иностранного языка всегда включает в себя оттачивание навыков и углубление знаний по фонетике, лексике, грамматике и стилистике. Что касается китайского языка, по мнению многих экспертов, основополагающим аспектом в начале обучения всегда является фонетика. Именно поэтому во всех языковых программах следует выделять отдельные часы на формирование фонетических навыков, чтобы заложить у обучающихся прочную базу, которая также поможет в освоении сопутствующих аспектов языка. Как показывает практика, то такая возможность бывает не всегда, большее внимание уделяется осваиванию новой лексики и грамматики, а фонетическая составляющая языка уходит на второй план и изучается параллельно. Гораздо эффективнее будет проходить обучение китайскому языку, если на начальном этапе уделить больше времени на закладывание фонетической базы обучающихся, тем самым получится избежать закоренелых ошибок, которые в последствии сложнее поддаются исправлению.

Еще одна проблема, которая возникает перед преподавателем – это выбор подхода в обучении произношению. Существует три подхода, которые чаще всего применяются на практике:

- Артикуляторный;
- Акустический;
- Дифференцированный [Масловец, 2017, с. 56].

Дифференцированный подход является более популярным, его использование включает в себя зрительный, слуховой и речедвигательные анализаторы. Здесь преимущественно используется такой вид речевой деятельности, как аудирование, периодически может включаться артикуляционное объяснение звуков [Масловец, 2017, с. 58]. По мнению экспертов, данный подход более уместен для специальностей, не связанных с язы-

ком. Если речь идет об обучающихся лингвистике, то следует начать с артикуляционного подхода, а затем переходить на акустический.

Изначально обучение китайскому языку внедрялось через высшие учебные заведения [Арефьев, 2011, с. 95]. Основной целевой аудиторией до сих пор являются студенты. Отсюда может возникнуть проблема усвоения фонетического материала, так как у них уже сформированы произносительные привычки на родном языке, а сам артикуляционный аппарат труднее приспособляется к новому непривычному звучанию. Здесь происходит основная ошибка – это замена китайского звука на похожий в родном языке [Wang, 2014, с. 40]. К сожалению, многие преподаватели сами до сих пор объясняют звуки китайского языка не через артикуляцию и другие грамотные подходы, а заменяют их на схожие в русском языке. Например, b – п, p – пх, j – дзи, г – ж и т.д. Таким образом формируется иностранный акцент, который в последствии трудно убрать. А это в свою очередь мешает корректной коммуникации с носителями языка.

Достаточно проблем появляется у обучающихся при изучении системы тонов китайского языка. Тоны – это определенные повышения или понижения высоты голоса во время произнесения тех или иных слогов, выполняющие такую же смысловоразличительную функцию, как и сами произносимые звуки [Спешнев, 1980, с. 15].

Как мы видим на рис. 1 в китайском языке есть основных четыре тона. Также существует нулевой тон, который произносится нейтрально. Третий тон в полном виде встречается не часто, обычно он употребляется в конце предложения перед началом нового или между частями сложного предложения. В остальных случаях третий тон становится полутретьим.

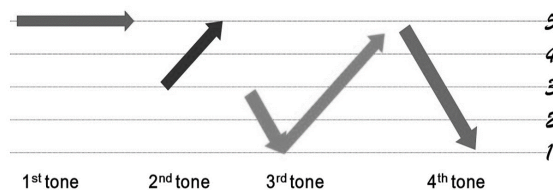

Рис. 1 – Система тонов китайского языка [6, URL]

Основная ошибка здесь происходит чаще всего со стороны преподавателей. Тоны объясняются не корректно. Например, 1 тон – поющий, 2 тон – вопросительный, как будто спрашиваем что-то, 3 тон – как будто мы удовлетворены и говорим «угу», 4 тон – как будто кидаем мяч. Данные объяснения не совсем корректны. На произнесение того или иного тона влияет высота регистра, интенсивность и длительность [Спешнев, 2016, с. 21].

От тона произнесенного слога зависит смысл слова. Например, tā (1 тон) – это слово будет переводиться как «она» (她), используя 3 тон tǎ мы получим слово «башня» (塔) и т.д.

Как показывает практика обучающиеся достаточно несерьезно относятся к произношению тонов при чтении текстов на китайском языке или во время устной речи. Они знают произношение слов, но упускают тоны, отсюда слова могут приобретать другой смысл и усложнять понимание при коммуникации. Вероятно, это происходит, потому что преподаватели не строго следят за этим в процессе занятий. Нужно не выпускать этот момент из внимания, своевременно исправлять произносительные ошибки, даже если для этого потребуется произнести слово несколько раз.

Высшие учебные заведения стараются привлечь к себе носителей именно для отработки произносительных навыков у обучающихся, чтобы избежать различные ошибки на начальном этапе обучения. Данная практика очень распространена, но, к сожалению, не всегда имеет высокие результаты, так как коммуникация между только начавшими изучать язык студентами и преподавателем-носителем несколько затруднена. Не всегда возможно объяснить теоретическую базу по фонетике, используя русский язык, который не является родным. Поэтому приходится пользоваться дифференцированным подходом, который как говорилось выше не подходит для обучения лингвистов-переводчиков. Во избежание подобных ситуаций рекомендуется на начальном этапе обучения подключать к урокам с носителем педагогов, которые знают китайский язык и смогут выступить в качестве посредника между обучающимися и преподавателем. В начале обучения китайскому языку важно заняться правильной постановкой артикуляции. Для этого сначала нужно изучить каким образом работают органы артикуляции при произнесении того или иного звука, а уже затем отрабатывать их по средствам различных упражнений. Это является обязательным условием на начальном этапе изучения китайского языка, так как артикуляционный уклад в русском языке сильно отличается от него. Например, в состоянии покоя в русском артикуляционном укладе будет присутствовать вытянутость губ вперед, а в китайском губы плотнее прижаты и имеют некоторое напряжение [Каверина, 1988, с. 83]. Это все имеет непосредственное влияние на произносительный аспект языка.

Как показывает практика, преподаватели часто в своей педагогической деятельности используют учебники для обучения китайскому языку, созданные в Китае. Проанализировав их, можно

сказать, что подавляющее большинство из них не имеют перевода на русский язык. Объяснение грамматики, фонетики и лексики есть только на китайском и английском, это может также являться затруднением при обучении. Что касается раздела фонетики, конкретного и развернутого объяснения по произношению звуков и слогов – нет. Мы видим только упражнения на отработку звуков и слогов, которые включают себя прослушивание аудиозаписей с произношением от носителя языка. Несмотря на то, что фонетика китайского языка вызывает трудности, большинство учебных пособий, созданных специально с целью обучения именно иностранных студентов, не содержат отдельных изданий посвященных произношению. Например, в наиболее популярном УМК 发展汉语初级 (Developing Chinese Elementary) можно заметить отдельные части по каждому виду речевой деятельности: 综合 (общий курс), 听力 (аудирование), 读写 (чтение и письмо), 口语 (говорение). Из всех перечисленных частей данного УМК только часть 综合, являющаяся основным учебником для изучения, имеет очень краткое объяснение тонов и звуков китайского языка. Остальные части содержат большое количество упражнений по отработке звуков при помощи повторения за диктором, что не способствует формированию хорошей фонетической базы на начальном этапе обучения. Преподавателям следует опираться не только на УМК, изданные в Китае, но и использовать пособия по фонетике адаптированные под русскоговорящих обучающихся с подробным объяснением артикуляции. Желательно уделять этому больше времени на своих занятиях, чтобы в дальнейшем обучение языку складывалось легче и не требовало корректировки.

Резюмируя все вышесказанное можно сделать вывод, фонетика китайского языка сложна и многогранна и именно поэтому на начальных этапах обучения нужно уделять ей должное внимание. При подготовке обучающихся по специальностям с лингвистической направленностью необходимо отдавать предпочтение артикуляционному подходу, а только потом акустическому. Для этого желательно использовать не только учебники китайских издательств, но и не забывать про введение отдельных учебных пособий по фонетике китайского языка для русскоговорящих обучающихся на своих занятиях. Сформированная на начальном этапе обучения прочная фонетическая база поможет избежать закоренелых ошибок в будущем не только во время аудирования, но и в процессе коммуникации с носителями китайского языка.

Список литературы

1. Арефьев, А.Л. Китайский язык в российской высшей школе: история и современность // Иностр. языки в высшей школе. Рязань: Рязан. гос. ун-т им. С.А. Есенина, 2011. – 95 с. – Текст: непосредственный.

2. Масловец, О. А. Основы обучения китайскому языку в вузе и в школе: учебное пособие / О. А. Масловец. – М. : Издательский дом ВКН, 2017. – 264 с. – Текст: непосредственный.

3. Спешнев, Н.А. Фонетика китайского языка. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1980. – Текст: непосредственный.

4. Rong, Jihua. Developing Chinese Elementary Comprehensive Course I. – Beijing: Beijing Language and Culture University, 2011. – Текст: непосредственный.

5. Wang, Lingling. Contrastive Analysis of Chinese and Russian Phonetics and Strategies for Teaching Chinese and Russian Phonetics. – Changchun: Jilin University, 2014. – 40 с. – Текст: непосредственный.

Рис. 1 URL: <https://xn--80apbdbbd9cgha1c.xn--plai/articles/tonyi-v-kitayskom-yazyike/>

DOI: 10.47475/9785727119631_472

Ю.В. ВОЛОБУЕВА / Yu.V. VOLOBUYEVA

*Сургутский государственный педагогический университет
(Сургут, Россия)*

TED TALK КАК СРЕДСТВО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ НАВЫКОВ СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ВУЗОВ

TED TALKS AS A MEANS OF GRAMMAR SKILLS IMPROVEMENT AMONG STUDENTS OF PEDAGOGICAL UNIVERSITIES

Аннотация

Мотивация студентов педагогических вузов через новые технические средства, формы и методы работы имеет сегодня ключевое значение в процессе подготовки студентов к профессии учитель в школе. Задача преподавателя повысить заинтересованность и включенность своих студентов в образовательный процесс практической грамматики. Именно медиаресурс TED talk становится тем средством, который имеет способность решить цель дисциплины, а именно формирование у обучающихся грамматических навыков речевой деятельности во всех формах на английском языке. Медиаресурс TED talk за счет своей новизны, актуальности способствует повышению внутренней мотивации студентов и делает процесс совершенствования грамматических навыков более эффективным. Автором предложен комплекс коммуникативных упражнений по совершенствованию грамматических навыков на основе технологии TED talk.

Abstract

Today students' motivation of the pedagogical universities through new technical means, forms and methods is pivotal in the process of preparing students for teacher's profession at school. The teacher's task is to increase the students' interest and inclusion in English practice grammar education. It is exactly the TED talk media resource that becomes the means that can solve the purpose of the discipline, namely, the formation of grammatical skills of speech in English for students. Due to its novelty and relevance the TED talk media resource helps to increase the internal motivation of students and makes the process of improving grammatical skills more effective. The author proposes a set of communicative exercises to improve grammar skills based on TED talk technology.

Ключевые слова: TED talk, грамматический навык, процесс совершенствования, педагогический вуз.
Keywords: TED talk, grammar skill, improvement, pedagogical university.

Что определяет хорошего учителя? В чем секрет успеха учителя? Каким должен быть самый лучший учитель?

Хороший педагог должен быть интересным человеком, должен постоянно учиться, искать новое для своих студентов, мотивировать и вести

за собой молодых людей. Мотивация студентов через новые технические средства, формы и методы работы имеет высокую значимость, и задача преподавателя повысить заинтересованность и включенность своих студентов в образовательный процесс.

Главная задача преподавателя дисциплины «Практическая грамматика английского языка» стать хорошим педагогом и найти наиболее эффективные пути включения обучающихся в процесс совершенствования грамматических навыков.

Дисциплина «Практическая грамматика английского языка» занимает одно из ключевых мест в учебном плане (согласно учебному плану 44.03.05 «Педагогическое образование» (с двумя профилями подготовки), Иностранные языки. Главной целью освоения дисциплины является, прежде всего, формирование у обучающихся *собственных* грамматических навыков речевой деятельности во всех формах на английском языке. А основные задачи направлены на формирование, развитие, и закрепление системы практических знаний обучающихся о синтаксической и морфологической системах, необходимые для речевой деятельности. Несмотря на то, что дисциплина входит в вариативную часть плана, осваивается на 2 курсе, курс грамматики в сочетании с другими практическими и теоретическими курсами, в том числе практический курс письменной и устной речи, практикум по культуре речевого общения, закладывают основу для дальнейшего совершенствования грамматических навыков английского языка.

Технологии XXI века все чаще становятся предметом современных исследований. Различные средства интеграции медиаресурсов в процесс совершенствования грамматических навыков меняют процесс обучения разнопланово и с каждым годом оказывают мощное влияние на развитие и совершенствование всех компонентов компетенции. Преподаватели вузов в своей работе используют как готовые медиаресурсы по типу British Council, так и создают авторские онлайн уроки, WEB-квесты, авторские сайты и другие электронные образовательные ресурсы (см. Таблицу 1):

В этой непосредственной связи и при решении непосредственных задач дисциплин большую ценность для изучения английского языка начинает набирать хостинг TED TALKS (ted.com). Видеозаписи и презентации сайта успешно применяются в образовательных целях благодаря свободному доступу, необыкновенным концепциям, значимым для многих дисциплин проблемам. Образовательные электронные ресурсы осу-

ществляют помощь в увеличении результативности и эффективности всех видов деятельности: аудирования, чтения, говорения, письма.

Зарубежные исследователи отмечают отличительные особенности TED-конференций, которые задают новый вектор процессу обучения. Во-первых, в быстро меняющихся условиях образовательной среды TED-конференции обеспечивают доступ к актуальному, современному контенту из различных областей знания и выполняют миссию распространения ценных, уникальных идей. Такие видеоматериалы способны мотивировать студентов и увлечь их изучением новых тем, пробуждая энтузиазм к непрерывному обучению, утоляя жажду познания, личностного роста, стремления к новому опыту [7, 9]. Во-вторых, эти выступления анализируются с позиции дискурсивного анализа и определяются как новый популяризаторский гибридный жанр, занимающий промежуточное положение между университетской лекцией, презентацией к выступлению на конференции и телевизионным документальным фильмом [5, 8]. В-третьих, лекции TED talks предоставляют широкое поле для риторического анализа, позволяют ответить на вопрос, каким образом достигается эффективность коммуникации, какие презентационные навыки используются спикером в том или ином выступлении [6].

Отечественные исследователи также проявляют интерес к вопросу об использовании TED talks в образовательном процессе и указывают на успешность результатов внедрения онлайн-технологий в процесс обучения [1, 2, 3]. Например, в Институте международных отношений и мировой истории ННГУ им. Лобачевского на занятиях по английскому языку применяются материалы сайта <http://www.ted.com> TED talks, которые разработаны преподавателями кафедры по системе LOOtool. «Следующие характеристики делают учебный объект с использованием онлайн-ресурсов при смешанном обучении иностранному языку привлекательным как для студентов, так и для преподавателей: наглядность, структурированность материала / урока, неперегруженность деталями, знакомый и дружелюбный интерфейс, простота в использовании, актуальный, аутентичный материал, позволяющий развивать необходимые языковые навыки, самостоятельное / индивидуальное обучение» [2].

Особое внимание преподаватели в своей работе и Сургутского педагогического вуза уделяют работе с материалами видеоконференций TED talk.

В процессе формирования или совершенствования аудитивных навыков TED talk это эф-

Таблица 1.

Электронные образовательные ресурсы

№	Компонент компетенции	ЭОР
1	знать языковые и социокультурные нормы изучаемых иностранных языков для реализации всех видов речевой деятельности	British Council VOA Learning English Коллекция ЦЭР http://schollcollection.edu.ru Медиаресурсы для образования и просвещения Перечень образовательных интернет-ресурсов (nra-russia.ru) Randell's ESL Cyber Listening Lab Tefl.net Learn-english-today.com Englishtips.org
2	уметь использовать грамматические формы и конструкции в иноязычном (английском и французском/немецкой) тексте в процессе речевой деятельности (письменная и устная)	Портал Englishteachers.ru Медиаресурсы для образования и просвещения Перечень образовательных интернет-ресурсов (nra-russia.ru) Коллекция ЦЭР http://schollcollection.edu.ru Randell's ESL Cyber Listening Lab Tefl.net Learn-english-.com Superteachertools.com Englishtips.org Cambridgeenglishteacher.org
3	владеть грамматическими формами и конструкциями в иноязычном (английском и французском/немецком) тексте в процессе речевой деятельности (письменная и устная)	Коллекция ЦЭР http://schollcollection.edu.ru Randell's ESL Cyber Listening Lab Интернет-портал Englishteachers.ru Медиаресурсы для образования и просвещения Перечень образовательных интернет-ресурсов (nra-russia.ru) Tefl.net Superteachertools.com Englishtips.org Cambridgeenglishteacher.org
4	иметь опыт анализа и моделирования грамматического содержания высказывания на изучаемом иностранном языке	Медиаресурсы для образования и просвещения Перечень образовательных интернет-ресурсов (nra-russia.ru) Коллекция ЦЭР http://schollcollection.edu.ru Randell's ESL Cyber Listening Lab LinguaLeo Cambridgeenglishteacher.org Tefl.net Englishtips.org

фективное средство развития интонационного и фонематического слуха, слуховой памяти, прогнозирования, распознавания и восприятия языковых форм, извлечение содержания из видео.

В процессе формирования или совершенствования лексических навыков TED talk продуктивное средство в повышении активного словаря студентов, сведения к минимуму переход слов в пассивный словарь, а также подвижности лексики, совершенствования умений языковой догадки (*inferential reading*) о значении слова по контексту или составу слова, знаний сочетаемости лексических единиц (*collocations*).

Студент сегодня это субъект исследовательской деятельности. В этой связи, очень важен алгоритм поведения преподавателя в этой рабо-

те, установки, направленные на итог, результат работы, демонстрирующий последовательность действий, приводящий к результату, в нашем конкретном случае в процессе работы над процессом совершенствования грамматических навыков [4].

Далее рассмотрим разработанную нами четырехэтапный алгоритм создания лекции в формате TED talk с учетом совершенствования грамматических навыков:

Настоящий алгоритм работы по созданию лекции в формате TED talk с учетом совершенствования грамматических навыков создан на основе примерной программы по английскому языку 5-11 классы (т.к. мы имеем дело с будущими учителями), требований к предметным

Таблица 2.

Этапизация создания лекции в Ted talk с учетом совершенствования грамматических навыков

Этап 1. Установочный	Этап 2. Организационный	Этап 3. Аналитический	Этап 4. Итоговый
<p>Определение проблемной задачи. Выбор темы для презентации: идеи, достойные распространения (определите круг процессов, предметов, лиц, которыми вы увлечены, о которых собираетесь говорить). <i>Грамматический материал для использования:</i> Nouns: number, case, gender Nouns: simple, derived, compound Nouns: common, proper; concrete, abstract Nouns: countable, uncountable</p> <p>Определение цели и задач выступления. <i>Грамматический материал для использования:</i> Verb: finite, infinite // notional, link, auxiliary, modal // regular, irregular Verb: singular, plural Verb: 1, 2, 3 person Verb: simple, derived, compound, composite Verb: indicative, imperative, subjunctive mood Verb: present, past, future tenses + aspects Verb: active, passive voice</p>	<p>Определение тезиса лекции (1-2 простых предложений): Indicative or Subjunctive mood; Present tenses; Passive voice; Conditionals 0-1 <i>No Imperative mood.</i></p> <p>Определение тезиса лекции через*: 1. Personification, 2. Metaphors; 3. Hyperboles; 4. Similes; 5. Alliteration</p> <p>* <i>запрос повышенной сложности</i></p>	<p>Визуализация: Анализ статистических данных. Тестирование. Сравнение данных. <i>Грамматический материал для использования:</i> Present tenses. Indicative and passive voice. Simple and Composite sentences. Impersonal sentences Согласование времен в рамках сложного предложения. Условные предложения нереального характера (Conditional II).</p>	<p>Презентация и обратная связь через вопросы по запросу: Общие вопросы; Специальные; Альтернативные; Разделительные.</p>
<p>Актуализация знаний. Выберите тему, которую вы хорошо знаете</p> <p>Анализ существующего опыта: Распознавание в звучащем тексте употребление изученных морфологических форм и синтаксических конструкций английского языка. Sir Ken Robinson says schools kill creativity (2006): 14,850,200 views Jill Bolte Taylor's stroke of insight (2008): 11,225,783 Pranav Mistry on the thrilling potential of SixthSense (2009): 9,897,347 David Gallo's underwater astonishments (2007): 8,204,051 Pattie Maes and Pranav Mistry demo SixthSense (2009): 7,747,690 Tony Robbins asks Why we do what we do (2006): 7,564,235</p>	<p>Создание плана лекции: Вступление. Основная часть. Заключение. Рефлексия. Обратная связь.</p> <p>Тезис.</p> <p>Доказательства тезиса. Предложения со сложным дополнением (Complex Object). Предложения со сложным дополнением (Complex Object) Предложения с конструкцией to be going to + инфинитив и формы Future Simple Tense и Present Continuous Tense для выражения будущего действия. Конструкция used to + инфинитив глагола.</p>		

<p>Simon Sinek on <u>how great leaders inspire action</u> (2010): 7,539,516 Brene Brown talks about the <u>power of vulnerability</u> (2010): 5,861,510 Steve Jobs on <u>how to live before you die</u> (2005): 5,444,022 Daniel Pink on the <u>surprising science of motivation</u> (2009): 5,534,123 Hans Rosling shows the <u>best stats you've ever seen</u> (2006): 5,249,928 Elizabeth Gilbert on <u>nurturing your creative genius</u> (2009): 5,020,869 Arthur Benjamin does <u>mathemagic</u> (2005): 4,951,918 Mary Roach on <u>10 things you didn't know about orgasm</u> (2009): 4,793,334 Dan Gilbert asks: <u>Why are we happy?</u> (2004): 4,759,217 Keith Barry does <u>brain magic</u> (2004): 4,475,303 Stephen Hawking asks <u>big questions about the universe</u> (2008): 4,470,236 Johnny Lee shows <u>Wii Remote hacks for educators</u> (2008): 3,997,174 Jeff Han demos his <u>breakthrough multi-touchscreen</u> (2006): 3,982,775 Barry Schwartz explores the <u>paradox of choice</u> (2005): 3,836,350</p> <p><i>Презентация проанализированных видеолекций представляется по форме в таблице по указанному (в каждом случае индивидуально производится расчет) количеству прилагательных, глаголов (неправ.), числительных, наречий, местоимений; !предлогов, междометий, частиц; дефиниция; анализ по морфологической структуре, семантике, синтаксическим функциям</i></p> <p>Порядок следования имён прилагательных (nice long blond hair).</p>	<p>Новая информация. Предложения с несколькими обстоятельствами, следующими в определённом порядке. Сложноподчинённые предложения с придаточными определительными с союзными словами who, which, that Сложноподчинённые предложения с придаточными времени с союзами for, since. Предложения с конструкциями as ... as, not so ... a</p> <p>Выводы. Модальные глаголы и их эквиваленты (can/be able to, must/ have to, may, should, need). предложения с конструкцией to be going to + инфинитив и формы Future Simple Tense и Present Continuous Tense для выражения будущего действия. Предложения со сложным дополнением (Complex Object). Предложения со сложным дополнением (Complex Object) Модальные глаголы в косвенной речи в настоящем и прошедшем времени. Конструкции для выражения предпочтения I prefer .../I'd prefer .../I'd rather ... . Конструкция I wish ... . Предложения с конструкцией either ... or, neither ... nor</p>		
<p>Анализ аудитории. Оценка значимости темы для аудитории: проведение анкетирования, опроса с учетом следующих требований: 1. 70/30 closed/open-ended questions; 2. Style (informal)/polite tone 3. Unique answers in closed questions</p>			

результатам по английскому языку (1-5 курсы), требований рабочей программы и фонда оценочных средств, требований стандарта и может быть предъявлен студентам по окончании курса грамматики в качестве экзаменационной работы.

Представленный алгоритм работы положительно влияет на процесс развития иноязычных коммуникативных умений в устной и письменной речи, а именно как на имплицитное, так и на эксплицитное усвоение грамматического материала, усвоение лексико-грамматических конструкций, совершенствование необходимых аудитивных навыков, лексических навыков через аутентичность англоязычных материалов.

Список литературы

1. Волченкова К.Н., Семенова Я.В. Использование видеоматериалов сайта ted.com в обучении английскому языку студентов вузов неязыковых специальностей // Наука ЮУрГУ : материалы конф. Челябинск: Изд-во ЮУр. Ун-та, 2014. С.1151-1157.
2. Жернова О.Р., Смирнова О.А. Современные образовательные технологии в обучении иностранным языкам в высшей школе. Нижний Новгород: Изд-во Нижегород. Ин-та управления, 2015. С. 168-173.
3. Лебедева М.В. Применение современных образовательных технологий в обучении иностранным языкам (на примере английского языка). Сер.: Педагогика. 2016. С.120-125
4. Штиглиуз Л.Б. Совершенствование лексических навыков учащихся при подготовке к ЕГЭ и ОГЭ. Пермь: ПГПУ, 2015. – 233 с.
5. Calideo G. The popularization of science in web-based genres // The language of Popularisation: Theoretical and Descriptive Models. 2012. Vol. 3. P. 101-132.
6. Ramejkis A. TED talks – teaching presentation skills to Business English students [Electronic resource]. URL: http://www.academia.edu/4072686/TED_talks_-_teaching_presentation_skills_to_Business_English_students (дата обращения: 30.03.2017).
7. Rubenstein L. DaVia Using TED talks to inspire thoughtful practice // The teacher educator. 2012. Vol. 47. Issue 4. P. 261-267
8. Scotto di Carlo G. Stance in TED talks: Strategic use of subjective adjectives in online popularization // Ibérica. 2015. № 29. P. 201-222.
9. Taibi D., Chawla S., Dietze S., Marenzi I., & Fetahu B. Exploring TED talks as linked data for education // British journal of educational technology. 2015. № 46(5). P. 1092-1096.

DOI: 10.47475/9785727119631_477

Е.А. ГРИДНЕВА, И.А. ЛОПАТКИНА / E.A. GRIDNEVA, I.A. LOPATKINA

*Научный исследовательский университет «МЭИ»
(Россия, Москва)*

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ИЗУЧЕНИЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА КАК ВТОРОГО ИНОСТРАННОГО В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ

FACTORS INFLUENCING THE STUDY OF GERMAN AS A SECOND FOREIGN LANGUAGE AT A TECHNICAL UNIVERSITY

Аннотация

В представленной статье автор попытался наиболее полно проанализировать и описать основные факторы, влияющие на изучение немецкого языка как второго иностранного в техническом вузе. Исследование базируется на более чем двадцатилетнем опыте работы в соответствующей сфере. Проводится анализ учебного поведения и процесса обучения как основополагающего условия для оптимального обучения. Анализируя факторы, влияющие на процесс обучения, можно выявить потенциальные ошибки, соответствующим образом адаптировать и оптимизировать процесс обучения. В работе кратко характеризуются когнитивные, социальные и аффективные факторы. Особое внимание уделяется фактору мотивации. Описываются основные подходы к повышению мотивации учащихся, в особенности при дистанционном обучении. Автор даёт оценку таким часто встречающимся в литературе понятиям, как «потенциал способностей к овладению языком», «эффективные стратегии обучения», «стиль обучения», «стратегии поддержки», «тип восприятия». Различают визуальный, аудиальный и моторный или тактильный стили обучения, которые можно отнести

к определенным типам учащихся. Стратегии поддержки включают стратегии, влияющие на готовность прилагать усилия, мотивацию, внимание и преодоление неудач. В рамках этих стратегий можно провести различие между стратегиями управления внешними и внутренними ресурсами.

Abstract

In the presented article, the author tried to most fully analyze and describe the main factors influencing the study of German as a second foreign language at a technical university. The research is based on more than twenty years of experience in the relevant field. An analysis of learning behavior and the learning process is carried out as a fundamental condition for optimal learning. By analyzing the factors influencing the learning process, it is possible to identify potential errors and adapt and optimize the learning process accordingly. The work briefly characterizes cognitive, social and affective factors. Particular attention is paid to the factor of motivation. The main approaches to increasing student motivation, especially during distance learning, are described. The author evaluates such concepts that are often found in the literature as "potential for language acquisition", "effective learning strategies", "learning style", "support strategies", "type of perception". There are visual, auditory and motor or tactile learning styles that can be attributed to certain types of learners. Support strategies include strategies that influence willingness to exert effort, motivation, attention, and coping with failure. Within these strategies, a distinction can be made between external and internal resource management strategies.

Ключевые слова: *внутренние факторы, внешние факторы, принцип индивидуализации когнитивных процессов, аккультурация, аккомодация, типы восприятия, визуальный, аудиальный и моторный или тактильный стили, целевая культура, академическая мобильность, потенциал способностей к овладению языком.*

Keywords: *internal factors, external factors, the principle of individualization of cognitive processes, acculturation, accommodation, types of perception, visual, auditory and motor or tactile styles, target culture, academic mobility, language acquisition potential.*

Анализ учебного поведения и процесса обучения является основополагающим условием для оптимального обучения. Только анализируя факторы, влияющие на процесс обучения, можно выявить потенциальные ошибки, соответствующим образом адаптировать и оптимизировать процесс обучения. Учащиеся находят разные подходы к изучению второго иностранного языка. На успешность обучения влияют когнитивные, социальные и аффективные факторы. Определенную роль играют и процессы взросления, поскольку дети, молодые люди и взрослые по-разному овладевают иностранными языками. Эти факторы по-разному влияют на усвоение произношения, грамматики и словарного запаса.

Мотивация обычно рассматривается как фундаментальное условие успешного обучения [Mandl & Friedrich 2005]. На мотивацию к выполнению учебного задания влияет множество факторов как, например, интерес к предмету, необходимость его изучения для сдачи экзаменов, перспективы успеха, желание произвести впечатление на учителей или родителей.

Особенно на длительных этапах дистанционного или саморегулируемого обучения студенты должны уметь самостоятельно регулировать свою мотивацию. В научных и научно-популярных источниках можно найти множество подходов к повышению мотивации учащихся. Если интерес к заданию отсутствует, можно помочь

визуализировать пользу или причину выполнения задания. Одним из примеров такой стратегии является карта мотивации Циммермана [Zimmermann, Hirt, Karlen, 2020], которая мотивирует учащихся визуализировать повседневную актуальность и важность задания.

С одной стороны, мотивация обеспечивает стимул к изучению языка; с другой стороны, она отвечает за упорство в непрерывно продолжающемся, трудном процессе изучения иностранного языка. Предполагается, что мотивация играет решающую роль в успешном изучении языка. Отношение студентов к изучению дополнительных иностранных языков безоговорочно положительное, даже если в целом они характеризуют изучение иностранных языков как трудоемкое и сложное.

Важным аспектом мотивационной теории Гарднерса/Ламберта является предположение о том, что успешное изучение языка – это не только изучение синтаксиса и лексики, но и культурный аспект, особенно в плане мотивации, то есть вовлеченности в соответствующую группу носителей и целевую культуру.

Студенты могут придерживаться одного из двух основных типов поведения по отношению к целевому языковому сообществу. Аккультурация, то есть взаимная культурная гармонизация, основанная на партнерстве.

В социологии аккультурация означает «усвоение элементов чужой культуры отдельными людьми»

ми, группами и классами принимающей культуры, которые важны для социальных изменений: идеи, слова, ценности, нормы, поведение, властные отношения, институты, техника, продукты». В настоящее время глобальные процессы аккультурации также ускоряются благодаря туризму, трудовым мигрантам, процессам культурного и научного обмена и международной взаимозависимости. Чтобы интегрироваться, учащиеся должны попытаться приспособиться к другим; они должны «сократить социальную и психологическую дистанцию и найти свою роль и идентичность в другом обществе» [Huneke/Steinig, 2013, с. 20]. На самом деле культурно-специфические различия играют важную роль наряду с индивидуальностью и социальным классом учащегося.

Аккомодация – процесс, при котором участники диалога пытаются найти общий языковой стиль, что делает общение возможным, даже если этот языковой стиль все еще зависит от социальной и культурной иерархии. Следует упомянуть «потенциал способностей к овладению языком». Тест способностей к современному языку Кэрролла/Сапона, который используется и сегодня, в пересмотренном виде, был разработан для прогнозирования академических успехов в изучении иностранных языков. Этот тест основан «на предположении, что способность к изучению иностранного языка базируется на четырех независимых навыках» [Huneke/Steinig, 2013, с. 22], а именно определять отдельные фонемы и соотносить их с графемами, распознавать функцию слов в предложении, быстро и эффективно запоминать новые слова, обнаруживать закономерности в языковом материале.

Согласно этому, существует два типа способностей к обучению, которые обеспечивают успех в овладении иностранным языком. Тип «памяти» – это способность запоминать и контролировать слова и словосочетания в кратчайшие сроки. Тип «анализ», такой тип восприятия, при котором человек может анализировать синтаксические закономерности и, следовательно, ориентирован на грамматику. Знание этих различных факторов и категорий, безусловно, может помочь в разработке индивидуальных стратегий обучения и максимизации прогресса. Тем не менее, к фактору «одаренности» следует относиться с осторожностью, поскольку он часто рассматривается как статичная концепция. Напротив, его следует рассматривать как динамическую концепцию, поскольку он может меняться в течение жизни в зависимости от других факторов. Следует особо подчеркнуть, что проблема сущности способностей и одаренности в психологии решается неоднозначно. Тем не менее, успешность учебной деятельности сту-

дентов вуза, особенности проявления одаренности и специфика обучения одаренных студентов остается недостаточно изученной областью педагогической психологии. «При работе с одаренными студентами, исследователи обращают внимание на наличие у них проблем с карьерным ростом и говорят о необходимости осуществления консультационной работы по вопросам трудоустройства и успешности в карьере. Изучаются затруднения в трудоустройстве у экономически неблагополучных студентов с высокими интеллектуальными способностями» [Leung S.A., Conoley C.W., Scheel M.J, 1994, стр. 298-303].

Для того чтобы подобрать оптимальную и наиболее эффективную стратегию обучения, необходимо обратить внимание на свой стиль обучения. «Различают визуальный, аудиальный и моторный или тактильный стили обучения, которые можно отнести к определенным типам учащихся» [Ehrman, 1996, с. 59-63].

Помимо различных стилей обучения необходимо учитывать тип восприятия. На самом деле существует два типа восприятия, которые связаны с тем, что учащиеся сосредотачиваются на единицах разного размера. Для *полезависимого* восприятия ключевым словом является «единицы». Например, кто-то из этой категории сосредоточится на понимании или продуцировании текста. В плане коммуникации они хотят как можно скорее свободно общаться в социальных контекстах, даже если делают много ошибок. Напротив, при *полнезависимом* восприятии ключевым словом являются «детали». Люди, принадлежащие к этой категории, сосредоточатся на распознавании отдельных элементов текста. В плане общения они хотят точно знать, чему учатся. При общении он не уверен в себе и старается молча строить предложения в голове, прежде чем произнести их вслух, поскольку хочет избежать ошибок.

Таким образом, стратегии обучения должны позволять учащимся принимать целенаправленные меры, «выбирать и применять конкретные процедуры для сбора, усвоения, организации, хранения и использования новой информации» и адаптировать их к обстоятельствам [Rost, 2017, стр. 467]. Фридрих и Мандл описывают стратегии обучения как «поведение и мысли, которые учащиеся активизируют для того, чтобы влиять и контролировать свою мотивацию и процесс приобретения знаний» [Friedrich & Mandl, 2005, стр.1]. Таким образом, они подчеркивают мотивационные и метакогнитивные процессы, а также активную контролируемую роль учащегося.

Стратегии поддержки (также известные как стратегии обучения, связанные с ресурсами) относятся к рамочным условиям фактического про-

цесса обучения [Koch, 2019]. Они направлены на оптимизацию всех рамочных условий, чтобы поддержать текущий процесс обработки информации [Rost & Sparfeldt, 2018]. Хеллмих и Венке рассматривают стратегии поддержки как «иногда самое важное условие для того, чтобы обучение было эффективным и успешным» (там же, стр. 20). Они включают стратегии, влияющие на готовность прилагать усилия, мотивацию, внимание и преодоление неудач.

В рамках этих стратегий можно провести различие между стратегиями управления внешними и внутренними ресурсами. Внутреннее управление ресурсами описывает контроль и регулирование внимания, усилий, времени обучения и мотивации. Стратегии управления внешними ресурсами, с другой стороны, относятся к оптимальному использованию внешней среды, такой как дизайн рабочего места, использование соответствующей литературы или обучение с другими людьми [Schulz, 2020].

Для процесса обучения важны и другие многочисленные факторы. При обсуждении мотивации, отношения и способностей, а также стилей обучения и стратегий обучения стало ясно, что результаты исследований в этой области все еще довольно противоречивы, но, тем не менее, следует стараться «учитывать эти факторы в классе, чтобы учесть индивидуальные предпочтения учащихся» [Huneke/Steinig, 2013, с. 2].

Список литературы

1. Бим И.Л. Концепция обучения второму иностранному языку (немецкому на базе английского): Учеб. пособие. – Обнинск: Титул, 2001. – 48 с.
2. Гиренко И.В. Об особенностях обучения немецкому языку как второму иностранному на

базе английского в технических вузах [Электронный ресурс]. URL: http://www.rusnauka.com/3_KAND_2007/Philologia/18893.doc.htm

3. Carroll, John B.; Sapon, Stanley M. (1955): Modern Language Aptitude Test. New York.
4. Ehrman, Madeline E. (1996): Understanding Second Language Learning Difficulties. Thousand Oaks u.a.
5. Huneke, Hans-Werner und Steinig, Wolfgang (2013): Deutsch als Fremdsprache. Eine Einführung. 6., neu bearbeitete und erweiterte Auflage. Berlin: Erich Schmidt Verlag.
6. Neuner G. Lernerautonomie und Lernstrategien: zu einer weiteren Fernstudieneinheit // Deutsch als Fremdsprache: Zeitschrift zur Theorie und Praxis des Deutschunterrichts für Ausländer. 2003. Heft 4. – P. 240-244.
7. Koch, G. (2019). Erziehungswissenschaften für Lehramtsstudierende: Grundlagen der Pädagogik, Schulpädagogik und Psychologie. UTB.
8. S. Alvin Leung, Collie W. Conoley, Michael J. Scheel (1994). The Career and Educational Aspirations of Gifted High School Students: A Retrospective Study <https://doi.org/10.1002/j.1556-6676.1994.tb00938>.
9. Mandl, H. & Friedrich, H. F. (2005). Handbuch Lernstrategien (1. Auflage 2006 Aufl.). Hogrefe Verlag.
10. Rost, D. H., Sparfeldt, J. R. & Buch, S. R. (2017). Handwörterbuch Pädagogische Psychologie (5., überarbeitete und erweiterte Aufl.). Beltz.
11. Zimmermann, S., Hirt, C., Karlen, Y. (2020). Strategiekarte – Sich Motivieren. Erfolgreich lernen im Fern- und Präsenzunterricht. Tipps für das selbstregulierte Lernen. URL: https://aa6c2a11-6d42-4215-97d8-4501bee87146.filesusr.com/ugd/9deea0_322313639c024b499c9470272fcfe956.pdf

DOI: 10.47475/9785727119631_480

А.Н. ЕВДАК / A.N. EVDAK

Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)

МОТИВАЦИИ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖЬЮ

THE MOTIVATION OF RUSSIAN YOUTH TO LEARN A FOREIGN LANGUAGE

Аннотация

В настоящей статье рассматриваются различные компоненты мотивационной составляющей выбора иностранного языка русскими молодыми людьми. Упоминаются классификации видов мотивов (мотивации) поведения (деятельности) из общей психологии, разграничивающихся по различным

основаниям. Приводятся статистические данные Всероссийского центра изучения общественного мнения, а также данные опроса среди студентов Санкт-Петербургского кампуса Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Делаются попытки анализа мотивационного поведения студента, основываясь на данных доклада Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений. Рассматриваются внешние и внутренние мотивоформирующие факторы, которые носят преемственный, экономико-географический, внешнеполитический и личностный характер. Выдвигается предположение о том, что изменяющийся политический и экономический курс страны влечет за собой изменения в профессионально-лингвистической сфере.

Abstract

This article examines various components of the motivational component of choosing a foreign language by Russian young people. Mention is made of classifications of types of motives (motivation) of behavior (activity) from general psychology, distinguished on various grounds. Statistics from the All-Russian Center for the Study of Public Opinion are presented, as well as data from a survey among students at the St. Petersburg campus of the National Research University Higher School of Economics. Attempts are being made to analyze the student's motivational behavior, based on data from a report by the National Research Institute of World Economy and International Relations. External and internal motive-forming factors that are of a successive, economic-geographical, foreign policy and personal nature are considered. It is suggested that the changing political and economic course of the country entails changes in the professional and linguistic sphere.

Ключевые слова: иностранный язык, мотивация, мотивоформирующий фактор, социальные мотивы, личностные мотивы, российский студент.

Keywords: foreign language, motivation, motive-forming factor, social motives, personal motives, Russian student.

В современных экономических и социальных условиях язык является средством общения и играет немаловажную роль, ведь именно он влияет на развитие личности и расширяет ее возможности занять более престижное и материальное место в обществе. Вместе с тем следует подчеркнуть, что именно взаимосвязь государственных, общественных и личных интересов в развитии языкового образования воздействует на достижение качественных результатов иноязычного обучения.

Проблема изучения иностранного языка, в частности российским студентом, всегда представляла особую важность и ответственность. При открытых границах государство имеет большие потребности в специалистах, владеющих одним или несколькими языками, способных обеспечить расширение связей с зарубежными партнерами, успешно взаимодействовать с иностранными коллегами на профессиональном уровне. Но изменяющийся политический и экономический курс нашей страны незамедлительно влечет за собой и некоторые изменения в лингвистической области.

Перед современным молодым человеком, живущим в России, в последние годы особенно остро встают мотивационные проблемы выбора иностранного языка. Во многом это связано с увеличением воздействия информационного поля, в которое вовлечен молодой человек, с по-

лифоничностью мотивов, прямо или косвенно воздействующих на его выбор.

Таким образом, многое в выборе студента зависит от побуждающих факторов, то есть мотивов. Как известно, в общей психологии виды мотивов (мотивации) поведения (деятельности) разграничиваются по разным основаниям, например, в зависимости:

- от характера участия в деятельности (принимаемые, знаемые и реально действующие мотивы) [Леонтьев, 1971];
- от времени (протяженности) обусловливания деятельности (далекая – короткая мотивация) [Ломов, 1984];
- от социальной значимости (социальные – узколичные.) [Якобсон, 1969];
- от факта включенности в саму деятельность или находящиеся вне ее (широкие социальные мотивы и узколичные мотивы) [Божович, 1972];

В соответствии с классификацией, предложенной Р. Валлерандом, личность может находиться в одном из трех мотивационных состояний: состоянии внутренней мотивированности, внешней мотивированности или состоянии амотивации [Vallerand, 2007]. Беря за основу эту классификацию, все мотивоформирующие факторы обучения можно условно разделить на две группы: социальные и познавательные [Джураев, 2014, с. 363]. В свою очередь, мотивы выбора конкрет-

ного иностранного языка так же могут быть разделены на мотивы, подкрепленные социальной средой и мотивы, покрывающие интеллектуально-познавательные потребности обучающегося. То есть, разводя эти две категории, мы сталкиваемся с общим и частным, с мотивами, которые двигают большинством и индивидуальными запросами человека.

Рассмотрим возможные социальные (внешние) мотивы. На молодого человека, выбирающего иностранный язык для изучения, безусловно, в первую очередь будет влиять его ближайшее окружение. Не редкость, что знание одним или несколькими членами семьи какого-либо иностранного языка, повлечет за собой выбор именно этого языка ребенком. Возможно предположить, что именно поэтому на сегодняшний день не самыми востребованными среди российских граждан считаются арабский (3%), турецкий (1%), итальянский (4%), испанский (9%) языки – такие данные приводит Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) на конец 2019 года [4]. Таким образом, подобная внешняя мотивированность практически исключает выбор как таковой, уступая место преемственности, традиционности, что влечет за собой не вполне рациональное изобилие специалистов одной и той же направленности (к примеру, английским языком владеют 63% респондентов, немецким 45%) [Там же].

К социальным факторам стоит также отнести и регион проживания. По данным того же ВЦИОМ, о необходимости изучения иностранного языка чаще говорят жители Москвы и Санкт-Петербурга (75%), нежели других населенных пунктов. В целом же статистика такова: абсолютное большинство респондентов считает, что важно изучать английский язык (93%), китайский (48%) или немецкий (32%). Однако, на Дальнем Востоке предпочтение отдают китайскому, японскому и корейскому языкам [Там же]. Таким образом, социальные мотивоформирующие факторы несут в том числе и экономико-географический характер.

Для обучающегося немаловажным может оказаться и актуальный статус политических взаимоотношений между Россией и страной предполагаемого для изучения языка. К примеру, по данным доклада Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений «Россия и мир: 2024» «в Германии, Польше, Чехии и ряде других европейских государств были пересмотрены военные доктрины, и на главное место среди военных угроз была поставлена Россия» [Россия и мир: 2024, с. 17]. Для молодого гражданина подобный тезис может

стать предопределяющим фактором при формировании собственного мнения не только об иностранном государстве, но и о сопряженном с ним языке.

В противовес этому, «России на нынешнем этапе активность на «глобальном Юге» и Ближнем Востоке помогает не только преодолевать изоляцию, как показали визиты российского руководства в течение 2023 г., но и создает дополнительные возможности укрепления позиций в неприсоединившихся государствах – как внешнеполитических, так и торгово-экономических [Россия и мир: 2024, с. 21]. Таким образом, внешняя политика может оказать непосредственное влияние на интерес к изучению языков дружественных государств.

Для анализа личностных мотивов, связанных с познавательными, эмоциональными потребностями учащегося, вновь обратимся к статистическим данным Всероссийского центра изучения общественного мнения: среди главных преимуществ изучения иностранного языка, респонденты назвали «поездки за границу» (34%), «общение с иностранцами» (36%) [4]. В современных реалиях эти мотивы могут оказаться несколько слабее, нежели были представлены в 2019 году, в связи с чем вектор выбора и самого иностранного языка также может измениться.

Представляет интерес также и то, что 25% опрошенных россиян собираются прибегнуть к самостоятельному изучению языка с помощью самоучителей и учебных пособий, и лишь 15% будут изучать его в университете [Там же]. Для педагогов это может послужить необходимостью в создании или обновлении языковых пособий, их актуализации.

Говоря о личностных внутренних мотивах, можно привести данные небольшого опроса, проведенного среди студентов программы «Политология и мировая политика» Санкт-Петербургского кампуса Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург) в 2021 г. Большинство опрошенных студентов сходятся во мнении, что иностранный язык – «это инструмент для работы и коммуникации с зарубежными вузами», а люди, владеющие языком, «востребованы на международном рынке труда, могут учиться в престижных университетах мира». При выборе иностранного языка респонденты учитывают «предпочтительное направление своего академического развития», задумываются, «пригодится ли он в академической карьере», имеет ли «связь с магистратурой и дальнейшей работой». Студенты также думают об иностранном языке «как о пропуске к куль-

турным контекстам государств, которые на этом языке говорят», задаются вопросом, «поможет ли он в изучении региона» [5]. Данные этого опроса наводят на размышления о том, что молодой человек, руководствуясь своим жизненным и профессиональным опытом, имеет большой внутренний ресурс, служащий значительным мотивом к изучению иностранного языка, и этот мотивоформирующий фактор может оказаться доминирующим среди всех, рассмотренных ранее.

Список литературы

1. Божович, Л. И. Изучение мотивации поведения детей и подростков : сб. статей / под ред. Л. И. Божович, Л. В. Благонадежной. – М. : Педагогика, 1972. – 351 с. – Текст : непосредственный.
2. Джураев, Ш. Мотивации обучения в лингводидактике / Ш. Джураев. – Текст : электронный // Образование через всю жизнь: Непрерывное образование в интересах устойчивого развития : материалы 12-й междунар. конф.: в 2 ч. / сост. Н. А. Лобанов; под науч. ред. Н. А. Лобанова, В. Н. Скворцова ; ЛГУ им. А. С. Пушкина, НИИ соц.-экон. и пед. пробл. непрерыв. образования. – СПб., 2014. – Вып. 12. – Ч. I. – С. 363–365 // КиберЛенинка : [науч. электрон. б-ка]. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/motivatsii-obucheniya-v-lingvodidaktike> (дата обращения : 05.01.2024).
3. Душко, М. С. Глобальные, контекстные, ситуационные мотивационные факторы интереса к изучению иностранного языка / М. С. Душко // Физ. культура, спорт – наука и практика. – 2009. – № 3. – С. 80. – Текст : непосредственный.
4. Иностранный язык: перспективная инвестиция? – Текст : электронный // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ)

[официальный сайт]. – URL : <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/inostrannyj-yazyk-perspektivnaya-investicziya> (дата обращения: 06.01.2024).

5. Как выбрать второй иностранный язык? Рассказывают студенты-политологи. – Текст : электронный // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» : [официальный сайт]. – URL : <https://spb.hse.ru/news/472847578.html> (дата обращения: 05.01.2024).

6. Леонтьев, А. Н. Потребности, мотивы, эмоции / А. Н. Леонтьев. – М., 1971. – Текст : электронный // Логистон : [электрон. б-ка по психологии]. – URL : <https://web.archive.org/web/20091223080624/http://flogiston.ru/libraryleontev> (дата обращения: 06.01.2024).

7. Ломов, Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии / Б. Ф. Ломов ; под ред. Ю. М. Забродина, Е. В. Шороховой. – М. : Наука, 1984. – 226 с. – Текст : непосредственный.

8. Россия и мир: 2024. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз / рук. проекта : А. А. Дынкин, В. Г. Барановский ; отв. ред. Г. И. Мачавариани, И. Я. Кобринская. – Москва : ИМЭМО РАН, 2022. – 124 с. – Текст : непосредственный.

9. Якобсон, П.М. Психологические проблемы мотивации поведения человека / П. М. Якобсон. – М. : Просвещение, 1969. – 316 с. – Текст : непосредственный.

10. Vallerand R. J., Perreault S. Intrinsic and Extrinsic Motivation in Sport: Toward a Hierarchical Model // Essential readings in sport and exercise psychology, – Champaign. Ill. Human Kinetics. – 2007. – P. 255–279.

DOI: 10.47475/9785727119631_483

Я.Б. ЕМЕЛЬЯНОВА / Ya.V. EMELYANOVA

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова
(Нижний Новгород, Россия)*

ФОРМИРОВАНИЕ НАВЫКОВ «ПЕРЕВОДЧЕСКОГО» ПРОЧТЕНИЯ ТЕКСТА В ПРОЦЕССЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ ПОДГОТОВКИ ПЕРЕВОДЧИКОВ

DEVELOPING THE SKILLS OF TRANSLATION-ORIENTED READING IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES TO TRANSLATION STUDENTS

Аннотация

Статья посвящена вопросам формирования у студентов-переводчиков навыков и умений, необходимых для обеспечения «переводческого» прочтения текста. Раскрывается специфика переводчика

как «читателя», важность умения выделить и уяснить элементы информации, играющие важную роль в обеспечении необходимого коммуникативного эффекта, специфические задачи, решаемые переводчиком в процессе восприятия текста оригинала, а также проблемы, которые может повлечь за собой неумение переводчика справляться с обозначенными трудностями. Обосновывается важность успешного решения обозначенных задач для обеспечения адекватного перевода. Предлагается использовать опорные вопросы для организации профессионально-ориентированной работы с текстом на занятиях по практике иностранного языка в процессе подготовки переводчиков. Описывается характер информации, которой адресован каждый вопрос, обосновывается необходимость работы с данной информацией для исчерпывающего понимания текста оригинала. Обозначены преимущества работы с текстом по предложенному алгоритму.

Abstract

The article examines the problem of developing the skills of translation-oriented reading in teaching foreign languages to translation students. It outlines the characteristic features of the translator as a reader with a special motivation, emphasises the importance of their ability to identify the items of information which are relevant to the creation of the desired communicative effect and highlights the tasks which the translator has to accomplish during the first stage of the translation process the importance of which cannot be underestimated. To ensure the acquisition and development of the skills required for translation-oriented reading, it has been proposed to use a set of questions which can serve as guidelines for the analysis of the text. The questions draw students' attention to the types of information which are essential for translation-oriented reading. The article also outlines the benefits of this learning procedure.

Ключевые слова: текст, перевод, доминантная функция текста, коммуникативная интенция, коммуникативный эффект.

Keywords: text, translation, dominant function of the text, communicative intention, communicative effect.

Восприятие текста оригинала является первым этапом процесса перевода, важность которого трудно переоценить. Основной задачей переводчика на данном этапе является уяснение информации, предназначенной для передачи, т.е. сообщения [Миньяр-Белоручев, 1980, с. 39]. Оно может включать в себя различные виды информации (семантической, прагматической, информации о структуре речевого произведения и пр.), удельный вес которых может меняться в каждом конкретном акте коммуникации.

Известно, что перевод предполагает создание текста, коммуникативно равноценного оригиналу, а адекватность перевода, будучи его ключевой характеристикой и критерием качества, является функционально-прагматической категорией, ориентированной на намерения отправителя сообщения на исходном языке и реакции получателей этого сообщения. Она предполагает воспроизведение функциональной доминанты исходного сообщения, заложенной в тексте в соответствии с коммуникативной интенцией его отправителя. Доминантная функция текста, в свою очередь, заключается в создании определенного коммуникативного эффекта, т.е. в оказании определенного прагматического воздействия на получателя текста.

Коммуникативный эффект обеспечивается не только свойствами самого текста, но и коммуникативной ситуацией в котором этот текст функционирует. По этой причине в контексте

перевода речь всегда идет о потенциальном эффекте, поскольку переводчик не может гарантировать оказание необходимого эффекта в разных контекстах восприятия текста перевода. Тем не менее, задачей переводчика является обеспечение получателям перевода равных с получателями оригинала возможностей для восприятия, понимания и реагирования на текст перевода. Для этого необходимо выделить в тексте оригинала те его свойства, которые и обеспечивают возможность определенного коммуникативного эффекта, и затем сохранить эти свойства в переводе, т.е. создать потенциальную возможность для текста перевода оказать на его получателей аналогичный коммуникативный эффект [Комиссаров, 2002].

Неспособность переводчика выделить и уяснить элементы информации, играющие важную роль в обеспечении необходимого коммуникативного эффекта, т.е. выявить предпосылки для оказания необходимого коммуникативного эффекта может препятствовать созданию адекватного текста перевода, что в свою очередь лишит получателя перевода возможности в полной мере понять и оценить произведение.

Обозначенные выше особенности переводческой деятельности предполагают восприятие текста, отличное по своему характеру от восприятия обычного читателя. Во-первых, переводческое прочтение текста «не может считаться его личным делом» [Сдобников, 2006, с. 374], по

этой причине переводчика можно назвать «читателем со специфической мотивацией» [Natim, 1990]. Его прочтение текста должно отличаться глубиной и окончательностью, предполагает (предпереводческий) анализ оригинала.

Во-вторых, восприятие оригинала переводчиком всегда осуществляется «с проекцией на переводящую лингвокультуру и ожидаемый перевод» [Сдобников, 2006, с. 374]. Это означает, что переводчик постоянно находится «как бы по обе стороны границы между двумя культурами», поскольку должен воспринимать текст оригинала «глазами представителя другой культуры, оценивая степень понятности или непонятности, привычности или непривычности как содержания, так и формы» [Сдобников, 2006, с. 373].

В-третьих, в отличие от обычного читателя, переводчику необходимо ответить на вопрос, *зачем* написан конкретный текст, т.е. уяснить какова его доминантная функция, отражающая интенцию автора оригинала. Нахождение ответа на этот вопрос невозможно в том числе и без тщательного анализа самого текста, его структуры и использованных автором языковых средств, т.е. поиска ответа на вопрос, *как* написан конкретный текст.

Перечисленные особенности переводческого прочтения текста, список которых можно продолжать, свидетельствуют о необходимости: а) целенаправленно обращать внимание студентов-переводчиков на необходимость поиска, уяснения и анализа соответствующей информации в тексте, а также б) предложить студентам конкретные рекомендации и инструменты для достижения данной цели. Очевидно, что многие из этих задач решаются на занятиях по практике перевода. Однако, мы полагаем, что формирование основ переводческого прочтения текста должно осуществляться на занятиях по практике иностранного языка, которые представляют значительные возможности для работы в данном направлении.

Наши наблюдения показывают, что в процессе анализа художественных произведений в рамках домашнего чтения, а также разбора публицистических статей студенты зачастую ограничиваются констатацией (а иногда и просто попытками зачитывания) того, что написано в тексте. Однако вопросы, ориентированные на более глубокое понимание текста и авторского замысла, порой вызывают непонимание студентов и затруднения в плане того, каким образом эту информацию извлечь из текста. Более того, многие студенты полагают что констатации написанного в тексте вполне достаточно и демонстрируют непонимание того, что еще необходимо включить в свой комментарий текста или его фрагмента. Для

решения данной проблемы мы сформулировали три вопроса, на которые студентам предлагается ответить в процессе анализа текста.

Вопрос 1. О чем говорится в тексте? Данный вопрос ориентирован на воспроизведение содержательно-фактуальной информации текста [Гальперин, 2006] или его конкретного фрагмента. Такая информация: а) сообщает о фактах, событиях, процессах, имеющих место в повествовании; б) является эксплицитной и выражена вербально; в) обязательно содержится в любом речевом произведении; г) служит основой для выявления концептуальной и подтекстовой информации [Гальперин, 2006].

Вопрос 2. Зачем об этом говорится в тексте? Иными словами, студенту предлагается ответить на вопрос: *Какой смысл/посыл/ Какая мысль/ идея стоит за тем, что говорится в тексте?* Цель данного вопроса ориентировать студентов на выявление и анализ содержательно-концептуальной и содержательно-подтекстовой видов информации.

Содержательно-концептуальная информация: а) отражает авторскую трактовку информации, выраженной посредством содержательно-фактуальной информации; б) не обязательно ясно выражена в тексте; в) требует тщательного анализа и переосмысления имеющейся содержательно-фактуальной информации, в которой она выявляется лишь опосредованно; г) предполагает множественность толкований; д) не обязательно считается автоматически, может требовать неоднократного прочтения текста и более глубокого анализа; е) ее понимание необходимо для выявления подтекстовой информации [Гальперин, 2006].

Отличительная черта содержательно-концептуальной информации в том, что она требует целенаправленного внимания. В противном случае может возникнуть ситуация, когда понимание текста ограничивается уровнем содержательно-фактуальной информации, что не дает возможность уяснить интенцию автора, доминантную функцию текста и является недостаточным для переводчика.

Не менее важной для переводческого понимания текста является и содержательно-подтекстовая информация. Она представляет собой: а) «скрытую информацию, извлекаемую в макроконтексте произведения благодаря способности языковых единиц порождать ассоциативное и коннотативное значения» [Сермягина, 2007, с. 29]; б) не выражена вербально, т.е. является информацией, «выводимой» из текста; в) требует способности к восприятию информации в нескольких плоскостях; г) допускает субъективную трактовку; д) предполагает творческий индиви-

дуальный подход, не имеет четких алгоритмов выявления [Сермягина, 2007, с. 29]; е) опирается на индивидуальный опыт анализа текстов.

Несмотря на субъективность процесса выявления и анализа содержательно-концептуальной и содержательно-подтекстовой видов информации, данный процесс не должен рассматриваться студентами как полностью интуитивный и зависящий от удачи или случайности. Исследователи отмечают, что анализ текста в значительной степени может направляться самим текстом и должен осуществляться «при постоянном сопряжении с системой целого произведения» и «регламентируется «словесной тканью» произведения» [Сермягина, 2007, с. 30]. Отмечается, что языковые ориентиры подтекста могут иметь место в тексте, хотя и носят индивидуальный авторский характер. Такие ориентиры часто складываются из единства различных уровней языка и композиционных связей, особенностей структуры текста. Соответственно, переводчику необходимо ответить на вопрос 3.

Вопрос 3. Как написан текст? Какие языковые средства/структурные особенности текста способствуют передаче соответствующего смысла/посыла/идеи и пр. (см. Вопрос 2)? Данный вопрос ставится с тем, чтобы привлечь внимание студентов к языковому и структурному оформлению текста для более полного понимания и извлечения описанных ранее видов информации. Студенты-переводчики должны понимать, что выбор языкового материала для построения высказывания зависит от цели автора и от его коммуникативной интенции, уяснение которой, как уже отмечалось выше, является важнейшей задачей переводчика. Соответственно, переводчик в процессе анализа текста должен обратить внимание и на специфику использованных автором лингвистических средств.

Отсутствие опыта подобной работы с текстом, неумение анализировать языковые средства и их роль в выражении различных видов информации, приблизительное знание значений слов и нежелание уточнять информацию в толковых словарях приводят к потере значительных элементов информации, принципиальных для понимания текста, его доминантной функции, а также различных видов заложенной в нем автором информации.

Очевидно, что разделение этих вопросов весьма условно, поскольку в процессе анализа текста одновременно рассматриваются все обозначенные аспекты. Однако мы посчитали необходимым отдельно сформулировать эти вопросы, дабы обозначить для студентов те аспекты, на которые они должны обращать внимание, а также дать студентам конкретные инструменты, и цели работы с текстом.

Очевидно, что данные вопросы не представляют собой какой-то принципиально новый подход к работе с текстом. Тем не менее, наш опыт их использования на занятиях по практике иностранного языка показал целесообразность работы именно в таком формате.

Во-первых, такой формат придает процессу анализа текста большую определенность, конкретность и последовательность. Во-вторых, наличие вопросов означает необходимость дать на них ответ и не оставляет студентам возможности ограничиться анализом содержательно-фактуальной информации. Таким образом, четко поставленные вопросы задают четкие рамки и направление действий студентов.

В-третьих, данные вопросы акцентируют внимание студентов на тех аспектах, анализ которых имеет принципиальное значение для переводческого прочтения текста, т.е. способствуют формированию профессионально-значимых для переводчика знаний и умений. Регулярное использование этих вопросов в процессе анализа текста формирует привычку обращать внимание на определенные аспекты текста. Также это обеспечивает приобретение студентами ценного опыта грамотной работы с текстом, отсутствие которого, как отмечалось ранее, значительно снижает качество и глубину понимания текста.

Список литературы

1. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. Изд. 4-е, стереотипное. М: КомКнига, 2006. – 144 с. – Текст : непосредственный.
2. Комиссаров, В. Н. Современное переводоведение. Учебное пособие / В. Н. Комиссаров. – М.: ЭТС, 2002. – 424 с. – Текст : непосредственный.
3. Миньяр-Белоручев, Р. К. Общая теория перевода и устный перевод / Р. К. Миньяр-Белоручев. – М.: Воениздат, 1980. – 237 с. – Текст : непосредственный.
4. Сдобников, В. В. Теория перевода (учебник для студентов лингвистических вузов и факультетов иностранных языков) / В. В. Сдобников, О. В. Петрова. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2006. – 448 с. – Текст : непосредственный.
5. Сермягина, С. С. Имплицитное и подтекст: общее и специфическое // Вестни ТГУ. – 2007. – Вып. 300 (1). – С. 27-30. – Текст : непосредственный.
6. Hatim, B. Discourse and the translator / B. Hatim, I. Mason. – New York: Longman, 1990. – 258 p. – Текст : непосредственный.

DOI: 10.47475/9785727119631_487

В.В. ЕПИФАНОВА / V.V. EPIFANOVA*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
(Москва, Россия)***ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ЛЕКСИКИ
В РАМКАХ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПОЛЕЙ НА ЗАНЯТИЯХ РКИ
(НА ПРИМЕРЕ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «СМЕХ»)****ONOMASIOIGICAL APPROACH TO THE STUDY OF LEXIS IN THE FRAMES
OF SEMANTIC FIELDS AT RFL CLASSES
(ON THE EXAMPLE OF THE SEMANTIC FIELD «LAUGHTER»)****Аннотация**

Статья посвящена смыслоориентированному подходу к изучению русской лексики на занятиях РКИ, который позволяет объединять синонимическими возможностями различные языковые единицы определенного семантического поля (в частности, семантического поля «Смех»), включая устойчивые и свободные словосочетания с ключевыми лексемами поля, их морфологические изменения, синтаксические и семантические дериваты и фразеологические обороты. В работе поэтапно рассматриваются способы подачи основного лексического материала в зависимости от изучаемых смыслов, приводятся примеры употребления изученных лексических единиц в Национальном корпусе русского языка, уточняются особенности их семантики и стилистической принадлежности, приводятся грамматические ограничения в изучаемых конструкциях (надежная форма, глагольное управление и т.д.). Демонстрируются авторские примеры упражнений для закрепления пройденного материала и отработки как рецептивных, так и продуктивных речевых действий.

Abstract

The article is devoted to a meaning-oriented approach to the study of Russian vocabulary at RFL classes which combines synonymous possibilities of various linguistic units of a certain semantic field (in particular, the semantic field “Laughter”), including idiomatic and free word combinations with the key lexemes of the field, their morphological changes, syntactic and semantic derivatives and phraseological units. The research gradually demonstrates the ways of presenting the main lexical material depending on studied meanings, gives the examples of their use in the National Corpus of Russian language, clarifies the features of their semantics and stylistics, provides grammatical restrictions in the studied constructions (case form, verbal control, etc.). The author demonstrates the examples of exercises to consolidate the educational material and practicing both receptive and productive speech actions.

Ключевые слова: семантическое поле, синонимия, ономасиологический подход, русский язык как иностранный.

Keywords: semantic field, synonymy, onomasiological approach, Russian as a foreign language.

Изучение русской лексики в рамках определенных семантических полей как лингводидактическая задача в настоящее время исследуется в работах [Афанасьева, 2014], [Васильева, 2019], [Мячина, 2018], [Сюй Даньфэн, 2023], [Яницкая, Джумаев, 2020] и др. С помощью упорядочения и сегментации лексики, относящейся к тому или иному семантическому полю, иностранные студенты повышают свою языковую компетенцию и расширяют словарный запас посредством синонимических и квазисинонимических возможностей. В своем исследовании мы предлагаем рассмотреть такой способ организации лексического материала, который объединяет синонимическими возможностями не только отдельные лексемы с различными морфологическими моди-

фикациями (смех, смешливый, смешной, смеяться, рассмеяться, засмеяться, рассмеишь), но и устойчивые словосочетания с ними (смеяться от души, смеяться до упаду, залиться смехом; искренний смех, фальшивый смех, безудержный смех), свободные словосочетания (начать смеяться, перестать смеяться), а также фразеологические единицы (кто-л. хватается за живот от смеха, умереть со смеху и др.). Изучение тех или иных языковых единиц осуществляется при этом на основе ономасиологического подхода (от смысла к способам его выражения).

Начнем с определения ключевого слова анализируемого семантического поля. Согласно толковым словарям русского языка, смех представляет собой «прерывистые звуки, вызываемые ко-

роткими и сильными выдыхательными движениями как проявление радости, веселья, удовольствия и т.п.» [Новый словарь русского языка/ Ефремова Т.Ф.], «короткие и сильные выдыхательные движения при открытом рте, сопровождающиеся характерными прерывистыми звуками, возникающие у человека, когда он испытывает какие-н. чувства (преимущ. при переживании радости, веселья, при наблюдении или представлении чего-н. забавного, нелепого, комического, а также при некоторых нервных потрясениях и т.п.» [Толковый словарь русского языка/ Ушаков Д.Н.], «короткие характерные голосовые звуки, выражающие веселье, радость, удовольствие, а также насмешку, злорадство и другие чувства» [Толковый словарь русского языка/ Ожегов С.И.].

Для выражения идеи того, что человек начал смеяться (смысл «начало») лучше воспользоваться единицами *X (I) засмеялся, X (I) начал смеяться, X (I) стал смеяться*. При этом причины смеха можно указать в русском языке с помощью конструкции *от + II (от радости, от счастья, от удовольствия и т.д.)*:

– *Видишь, какая ты красивая. Елена Георгиевна покачала головой и засмеялась* (Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // «Новый Мир», 2000) [НКРЯ];

Я выполз на берег и лежал, и солнце немилосердно жгло мои кровоточащие раны. Потом я стал смеяться от счастья (Эдуард Лимонов. Книга воды, 2002).

Начало смеха у большого количества людей (например, в зале или в аудитории) без указания конкретного субъекта можно выразить с помощью конструкций (*в Y-e*) *раздался смех, (в Y-e) послышался смех*, где *Y* представляет собой обозначение места:

Как вы замечательно все выглядите, тшьфу три раза, чтоб не сглазить! Раздался смех, больше похожий на голодные вопли черноморских чаек (Михаил Елизаров. Pasternak, 2003);

Выступая на международной конференции, он рассказал о своих наблюдениях. В ответ послышался смех (Нобелевские лауреаты // «Знание – сила», 2005).

При усилении значения (смыслы «начало» + «сильно») подходящими единицами можно считать *X (I) захохотал, X (I) расхохотался, X (I) покатился со смеху, X (I) закатился смехом, X (I) залился смехом, X (I) прыснул со смеху/ от смеха*:

Капитан захохотал, а отсмеявшись, горестно выругался (Андрей Волос. Недвижимость // «Новый Мир», 2001);

На секунду-другую воцарилась пауза, и зал покатился со смеху (Вацлав Михальский. Весна в Карфагене, 2001);

– *Аха-ха-ха-ха! – залился смехом Панаев, а потом вынул из кармана диктофон* (А.А. Поступинский. Бог №264 // «Волга», 2013);

– *Ничего, – ответила Танюша, а Израиль Ильич прыснул со смеху, едва сдержавшись, чтобы не расхохотаться в голос* (Маша Трауб. Замочная скважина, 2012).

Начало легкого смеха («начало» + «несильно») лучше выразить сочетаниями *X (I) хихикнул, X (I) захихикал*:

Как-то раз за обедом, когда подали вафли, она вдруг захихикала, подмигнула одним глазом и спросила у Толстого: – Сказать? А? (М.Б. Бару. Замок с музыкой // «Волга», 2013);

– *Что это? – удивился Тумаи. – Как что? – хихикнул лейтенант. – Или без парашюта прыгнешь – не высоко ли будет?* (Василь Быков. Болото, 2001).

Набор смыслов «процесс» + «сильно» можно выразить с помощью единиц *X (I) хохочет, X (I) смеётся от души, X (I) смеётся до слёз, X (I) смеётся до упаду* (разг.), *X (I) умирает со смеху* (разг.), *X (I) хватается/ держится за живот от смеха, X-a (IV) разбирает смех*:

«Михалков говорил, как всегда, очень смешные и остроумные вещи. Миша смеялся до слёз» (С.Б. Рассадин. Книга прощаний. Воспоминания о друзьях и не только о них, 2004-2008);

Её опять *разбирал смех: от счастья, от того, что поступок совершён, и что бы потом ни случилось, это будет потом* (Петр Акимов. Плата за страх, 2000).

Лёгкий смех (набор смыслов «процесс» + «несильно») можно выразить с помощью глаголов *X (I) хихикает, X (I) посмеивается*, а также с помощью сочетаний *X (I) сдержанно смеётся*:

Старушка хихикает. Встаёт, идёт по коридору в мою сторону (Александр Сокуров. Письма на родину, 2007);

После свадьбы она сказала мне: «У нас с тобой большое будущее», – сдержанно смеётся Николас (Дмитрий Соколов-Митрич. Куба капут // «Русский репортёр», 2012).

Если необходимо подчеркнуть громкость смеха («процесс» + «громко»), то можно использовать единицы *X (I) громко/ залиvisto/ звонко смеётся*:

Он разглядывал книги, бормотал что-то жуткое про одноклассников, не смешно шутил, громко смеялся и редко выполнял домашние задания (Татьяна Барботина. Пешков // «Волга», 2011);

Видя моё полное недоумение, Афанасий Павлантьевич залиvisto смеётся: хочешь верь, хочешь нет (Игорь Николаев. Последний приказ генерала // «Звезда», 2001).

Сама характеристика смеха при этом («характеристика: громко») может быть выражена с помощью прилагательных *громкий/ залиvistый/ звонкий смех*:

«И на маришутку денег не осталось», – вздохнул он сам про себя и побрёл вниз по улице, иногда отвлекаясь на бешеные гудки водителей, громкий смех, возникающие и пропадающие звуки лезгинки (Гулла Хирачев (Алиса Ганиева). Салам тебе, Далгат! (2009) // «Октябрь», 2010);

Колюня был влюблён в этот залиvistый смех, тёплые ночи, в Анину бабушку, в террасу, в бесшумных бабочек, в сигаретный дым, в Аню... (Алексей Варламов. Купавна // «Новый Мир», 2000);

У неё раскосые зелёные глаза, белая кожа, пышные тёмные кудри и звонкий смех (Евгения Горан. Сердце Манхэттена // «Сибирские огни», 2012).

Противоположный набор смыслов («процесс» + «тихо») может быть выражен с помощью единиц *X (I) смеётся тихо/ приглушённо*. Сам смех при этом можно охарактеризовать с помощью прилагательных *тихий/ глухой/ приглушённый*:

Теодор улыбнулся, захваченный утешительной мыслью. Сверху донёлся тихий смех (Дмитрий Колодан, Карина Шаинян. Затмение, 2007);

Когда уходили с веранды, в комнатах начинался какой-то неясный шорох, возня и приглушённый смех, а бабушка включала свет на кухне и начинала заваривать свой чай (Андрей Геласимов. Рахиль // «Октябрь», 2003).

Если говорящий понимает, что смех X-а нежелателен в данной ситуации («процесс» + «неподходящий момент времени»), наилучшей единицей будет у *X-а (II) неуместный смех*:

– Меня душит неуместный смех (Алена Браво. Комендантский час для ласточек // «Сибирские огни», 2012);

Артём почувствовал, как неуместный смех разбирает и его (Дмитрий Глуховский. Метро 2033, 2005).

Если говорящий верит в искренность смеха X-а («характеристика: искренне»), то такой смех можно назвать *неподдельным, искренним*:

После того, как я оторвал глаз от окуляра, на вопрос командира: «Ну как?» – смог произнести только одно слово – «вода-а-а», что вызвало неподдельный смех окружающих офицеров (Владимир Овчинников. Настоящий экипаж // «Родина», 2011).

Если же говорящий не верит, что X искренне смеется («характеристика: неискренне»), то рекомендуется использовать единицы у *X-а (II) неестественный/ деланный/ наигранный/ искусственный/ фальшивый смех* или выражения *X (I)*

неестественно/ искусственно/ фальшиво смеётся:

Димочка засмеялся. Немножко неестественно засмеялся, и Никоненко это заметил (Татьяна Устинова. Большое зло и мелкие пакости, 2003);

Он фальшиво засмеялся, и я с ним за компанию (Алексей Моторов. Преступление доктора Паровозова, 2013).

При ситуации, когда говорящий, наблюдая за X-ом, тоже хочет смеяться, можно использовать единицу у *X-а (II) заразительный смех* («характеристика: [хотеть повторить]») или *X (I) заразительно смеётся* («процесс» + «[хотеть повторить]»):

У неё были тяжёлые темно-каштановые волосы, карие глаза и заразительный смех (В.Я. Ярмолинец. Подрезка (2007) // «Волга», 2008);

– Аля сама невольно улыбнулась в ответ на его заразительный смех, хотя ей было стыдно за себя (Анна Берсенева. Полет перед разлукой, 2003-2005);

– Конечно! – она заразительно смеётся (Д.С. Филиппов. Билет в Катманду, 2009).

Если у X-а есть склонность часто смеяться, это присуще его характеру («характеристика участника: склонность к действию»), то лучше использовать единицу *X (I) смешливый*:

И смеялась она тогда часто, по любому пустяку. Очень смешливая была. И ямочки на щеках – как у тебя (Маша Трауб. Нам выходить на следующей, 2011).

Сам человек при этом («наименование участника: склонность к действию») обозначается словами *хохотун/ хохотушка*:

Хохотун на людях, Яковлев устало и печально ответил: «Всегда пожалуйста» ... (Михаил Елизаров. Госпиталь, 2009);

Это была уже не моя вредная надоедливая племяшка по имени Наташка, не весёлая девочка-хохотушка с двумя глупыми косичками (Андрей Кожухов. Время Дон Кихота // «Знание – сила», 2006).

Завершение смеха («окончание») можно выразить с помощью сочетаний *X (I) перестал смеяться*. Если человек резко заканчивает смеяться, лучше сказать, что *X (I) оборвал смех*:

Сапожков перестал смеяться, очень смутился, в нём замерло всё, и он сказал: – Слушайте, нельзя же задавать такие вопросы (Юрий Петкевич. Явление ангела, 2001);

Заражённый его весельем, нервно засмеялся и Забелин. Но тут же оборвал смех. Внизу забегали, что-то хлопнуло, кто-то вскрикнул (Семён Данилюк. Рублёвая зона, 2004) и т.д.

В результате поэтапного изучения различных смыслов, требующих своего выражения в языке,

среди которых также «инициировать начало» (*смешить, насмешишь, заставить смеяться, вызвать смех*); «характеристика: склонность инициировать начало» (*смешной*), «процесс» + «невозможно остановиться» (*смеяться без удержу/ безудержно, неистово, без остановки/ безостановочно*), «характеристика: невозможно остановиться» (*безудержный/ неуправляемый/ истерический смех*); «процесс» + «хотеть остановиться» (*сдерживать смех, стараться/ пытаться подавить смех*) и др., студенты систематизируют уже имеющиеся и вновь приобретенные знания в области лексики, словообразования и грамматики.

В качестве упражнений на отработку рецептивных и продуктивных речевых действий можно предложить следующий тип задания:

Упражнение 1. Найдите в тексте слова и словосочетания, входящие в семантическое поле «Смех». Какие смыслы они выражают?

1) *Вовка смотрел на меня, смотрел и наконец засмеялся* (Андрей Геласимов. Жанна, 2001).

2) – *Никита заливается смехом: «Жене, как водится, доходы!»* (Татьяна Ермолаева. Небесный домострой (2003) // «Семейный доктор», 2003.10.15).

3) *Мы с мамой не поддерживали его веселья. Папа перестал смеяться и насторожился: – В смысле?* (А. В. Жвалевский, Е. Пастернак. Время всегда хорошее, 2009).

4) *Им попался симпатичный официант – пожилой, но смешливый, как подросток* (Дина Рубина. Русская канарейка. Блудный сын, 2014).

5) *Он встречал меня из школы и провожал домой, мои подруги очень любили его шутки и заразительный смех, и то, что он со всеми детьми разговаривал как со взрослыми* (Нина Щербак. Роман с филфаком// «Звезда», 2010) и др.

Упражнение 2. Замените подчеркнутые в предложениях слова и словосочетания синонимичными лексическими единицами. Не забудьте изменить падеж существительного или форму глагола там, где это необходимо:

1. Услышав мою шутку, она покатилась со смеху (*захохотала, закатилась смехом, залилась смехом, прыснула со смеху/ от смеха*).

2. Своими нелепыми повадками он часто вызывает у неё смех (*смешит её, заставляет её смеяться*).

3. Эта девушка по своей природе очень любит смеяться (*очень смешливая, хохотушка*).

4. Он смеётся так, что мне тоже хочется смеяться вместе с ним (*заразительно смеётся*).

5. Не знаю почему, но я не верю в искренность его смеха, смех у него какой-то ненастоящий (*неестественный/ деланный/ наигранный/ искусственный/ фальшивый*) и др.

Упражнение 3. Выберите единицы русского языка для наиболее точного выражения следующих смыслов:

1) Когда я услышал эту историю, я («начало» + «громко») (ответ: *захохотал, покатился со смеху, закатился смехом, залился смехом, прыснул со смеху/ от смеха*).

2) Когда выступающий рассказал анекдот, в зале («субъект не указан» + «начало») (ответ: *раздался смех, послышался смех*).

3) Каждый раз, выслушивая комплименты этого юноши, Катя («начало» + «тихо») (ответ: *сдержанно/ тихо/ приглушённо смеялась, хихикала*).

4) У парня был («характеристика: [хотеть повторить]») смех (ответ: *заразительный*).

5) Я подумал о завтрашнем серьёзном деле и сразу («окончание») (*перестал смеяться, оборвал смех*) и др.

Таким образом, предложенный в статье подход способствует развитию у иностранных студентов как рецептивных, так и продуктивных речевых навыков и позволяет им осуществлять качественный выбор наиболее подходящих единиц русского языка для выражения того или иного смысла в рамках определенного семантического поля.

Список литературы

1. Астафьева Н.А. Структура, объем и содержание лексико-семантического поля «Сутки» в содержании обучения русскому языку иностранных учащихся // Мир науки, культуры, образования. – 2014. – №3 (46). – С. 3-5. – Текст: непосредственный.

2. Васильева Г.М., Коннова А.Л. Объем и структура лексико-семантического поля «музыка» в содержании обучения русскому языку как иностранному (по данным идеографических словарей) // Проблемы современного педагогического образования. – 2019. – С. 47-49. – Текст: непосредственный.

3. Мячина В.В. Объем и структура лексико-семантического поля «Туризм» в содержании обучения русскому языку иностранных студентов // Мир науки, культуры, образования. – 2018. – №1 (68). – С. 86-87. – Текст: непосредственный.

7. Национальный корпус русского языка. – Текст: электронный. – URL: www.ruscorgpora.ru (дата обращения 25.01.2024).

8. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный/ Под ред. Т.Ф.Ефремовой. М.: Русский язык, 2000. В 2 т. 1209 с. – Текст: непосредственный.

9. Сьюй Даньфэн. Методический потенциал лексико-семантического поля при изучении ки-

тайскими студентами лексики русского языка // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2023. – №6. – С. 84-87. – Текст: непосредственный.

10. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений/ Под ред. С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой. – Текст: электронный. – URL: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 29.12.2023).

11. Толковый словарь русского языка/ Под ред. Д.Н. Ушакова. – Текст: электронный. –

URL: <http://enc-dic.com/ushakov> (дата обращения 25.12.2023).

12. Яницкая А.Ю., Джумаев М.Д. Изучение лексико-семантического поля «Возраст человека» в курсе русского языка // Теория и практика обучения русскому языку как иностранному и другим лингвистическим дисциплинам в высшей школе: электрон. сб. науч. ст. – Брест: БрГУ. – 2020. – С. 86-89. – Текст: электронный. – URL: <http://lib.brsu.by/node/1822> (дата обращения 27.01.2024).

DOI: 10.47475/9785727119631_491

О.О. ЗАХАРОВА / O.O. ZAKHAROVA

*Трехгорный технологический институт – филиал Национального исследовательского ядерного университета «Московский инженерно-физический институт»
(Трехгорный, Россия)*

GPT CHAT И ЧАТ-БОТЫ КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ ИНОЯЗЫЧНЫХ КОММУНИКАТИВНЫХ УМЕНИЙ СТУДЕНТА ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА

GPT CHAT AND CHATBOTS AS A MEANS TO DEVELOP FOREIGN COMMUNICATIVE SKILLS AMONG ENGINEERING STUDENTS

Аннотация

В статье обосновывается актуальность внедрения чат-ботов и GPT чатов с использованием технологий искусственного интеллекта, позволяющих переводить предложения, перефразировать их и точно отвечать на вопросы собеседника, в обучение студентов дисциплине «Иностранный язык». Цель работы – определить возможности использования чат-ботов и GPT чатов в процессе развития иноязычных коммуникативных умений у студента, обучающегося в техническом вузе. Раскрываются группы рассматриваемых умений и обозначается методический аппарат, способствующий их развитию у студентов на основе внедрения в аудиторную и самостоятельную работу упражнений с применением чат-ботов и GPT чатов. Приводится критериально-оценочный аппарат для определения уровня развития иноязычных коммуникативных умений обучающихся. Раскрывается ход методического эксперимента со студентами технического вуза и приводятся его результаты, подтверждающие эффективность использования упражнений и заданий, разработанных на основе использования чат-ботов и GPT чатов, для развития иноязычных коммуникативных умений у будущих инженеров.

Abstract

The article gives reasons for the importance of the implementation of chatbots and GPT chats, based on the artificial intelligence use allowing sentences translation and paraphrasing as well as accurate reaction to an interlocutor's questions in the process of teaching the discipline "Foreign Language" to students. The purpose of the work is to define the possibilities of the use of chatbots and GPT chats in the process of foreign communicative skills development among students of an engineering University. The groups of the skills under consideration are conveyed and the methodical apparatus enabling the skills development on the basis of the exercises implying the use of chatbots and GPT chats in the students' classroom work and unsupervised work is described. Criterial apparatus to define the level of foreign communicative skills development among students is conveyed. The work outlines the procedure of methodical experiment with engineering students as well as its results giving the proof of chatbots and GPT chats use for the purpose of future engineers' foreign communicative skills development.

Ключевые слова: иноязычные коммуникативные умения, английский язык, чат-бот, GPT чат, студенты технического вуза, методический эксперимент.

Keywords: foreign communicative skills, the English language, chatbot, GPT Chat, engineering students, methodical experiment.

Использование цифровых технологий выступает значимой тенденцией организации образовательного процесса в современном вузе. Иностранный язык является дисциплиной, направленной на создание искусственной языковой среды, что определяется вариативным внедрением цифровых средств в новые перспективы преподавания иностранного языка [Захарова, 2020]. Интеграция искусственного интеллекта в разные сферы жизни также охватывает процесс лингвистического образования, в который активно включается использование чат-ботов, представляющих компьютерные программы, имитирующие общение с пользователем в мессенджерах. Вопросы внедрения чат-ботов и GPT чатов с применением технологий искусственного интеллекта, позволяющих подробно и точно отвечать на вопросы собеседника на естественных языках, являются новыми в лингводидактике сегодня и неоднозначно рассматриваются исследователями. Проблему нашей работы составляет необходимость разработки методических и практических основ применения GPT Chat в процессе обучения иностранному языку.

Цель работы – определить возможности использования чат-ботов и GPT чатов в процессе развития иноязычных коммуникативных умений студента, обучающегося в техническом вузе.

Вопросы применения искусственного интеллекта и GPT Chat в обучении вызывают интерес у исследователей. В современных публикациях [Сысоев, Филатов, 2023; Гаркуша, Городова, 2023] обозначаются как отрицательные аспекты внедрения чата GPT в обучение студентов, так и подчеркивается необходимость адаптировать данную технологию к процессу организации работы студентов и преподавателей. Возникновение искусственного интеллекта негативно сказывается на мотивации к изучению иностранного языка, так как использование голосовых помощников и электронных переводчиков не способствует должному развитию у студентов навыков работы с лексикой и грамматическими структурами [Землякова, Земляков, 2021, с. 127-128]. Применение GPT Chat в академических целях связано с получением ненадежных данных, нарушением авторских прав, ограничением в использовании технологий, что актуализирует необходимость эмпирического изучения возможности GPT чатов [Агальцова, Валькова, 2023; Костюкевич, 2023]. Несмотря на опасения, связанные с

возможностями применения данной технологии, к положительным особенностям ее внедрения в учебный процесс относят следующее: оптимизация поиска решений, возможность получения конструктивной обратной связи [Ивахненко, Никольский, 2023, с. 19], развитие критического мышления обучающегося, его воображения, мотивации к обучению [Гаркуша, Городова, 2023, с. 12-14], навыков познавательной самостоятельности [Костюкевич, 2023], осуществление индивидуального подхода в процессе обучения, создание комфортной среды, приближенной к ситуации аутентичного общения при осуществлении практики говорения на иностранном языке [Ятманов, Фисханова, 2019].

Анализ приведенных исследований позволяет определить, что GPT Chat обладает большим потенциалом для развития коммуникативных умений студентов в рамках организации их работы по дисциплине «Иностранный язык». Поскольку большинство GPT чатов являются англоязычными, у студента появляется возможность выбора доступных ресурсов для практики англоязычной коммуникативной ситуации в среде, имитирующей ситуацию живого общения с носителем языка.

Следуя поставленной цели, раскроем возможности использования рассматриваемой цифровой технологии для развития иноязычных коммуникативных умений студента – будущего инженера. Прежде всего, уточним понятие «иноязычные коммуникативные умения». Данные умения являются составляющими иноязычной коммуникативной компетенции студента и трактуются как качества личности, ее способность и готовность к осознанной и эффективной коммуникативной деятельности в изменяющихся условиях интеграции и глобализации образования [Сараева, 2010, с. 24]. Ссылаясь на работу К.Ю. Солдатенко [Солдатенко, 2020] и учитывая особенности обучения английскому языку студентов технического вуза, обозначим следующие группы иноязычных коммуникативных умений:

- информационно-содержательные – владение студентами речевыми средствами для осуществления устной и письменной коммуникации на английском языке,
- регулятивно-рецептивные – владение нормами коммуникации в ситуациях делового, неформального, академического взаимодействия, способность к оцениванию реплики собеседника

и регуляции собственного речевого поведения согласно заданной коммуникативной ситуации,

- аффективно-коммуникативные – способность проявлять эмпатию к собеседнику, настрой на создание благоприятной атмосферы коммуникации на английском языке.

Чат-боты и GPT чаты могут быть использованы как средство для развития комплекса рассматриваемых умений, поэтому обратимся к разработке методического инструментария организации работы студентов с ними.

Обозначим, что к традиционным методам развития коммуникативных умений студентов в ходе их обучения иностранному языку относят условно-речевые и речевые упражнения в монологическом (*Comment on the phrase. Describe the picture.*) и диалогическом (*Act out the dialogue. Read the statements and reply to them.*) форматах. Данные упражнения основаны на смоделированных коммуникативных ситуациях, которые являются обобщенными и слабо мотивируют студентов к иноязычной коммуникации. Преимуществом использования чат-ботов является возможность подбора персонажей для общения и генерации новых ситуаций взаимодействия, работа с которыми развивает информационно-содержательные, регулятивно-рецептивные, а также аффективно-коммуникативные умения, поскольку студент получает не заранее подготовленный ответ от одноклассника, а неожиданную реакцию чат-бота, которая требует необходимости подстраиваться и менять стратегию взаимодействия в ситуации, приближенной к реальной коммуникации.

Спроцировав традиционные методы и приемы развития иноязычных коммуникативных умений студента на возможности использования чат-ботов и GPT чата в ходе обучения дисциплине «Иностранный язык», мы определили следующий методический инструментарий для организации работы студента (таблица 1).

Определим группы условий для организации работы студентов на основе использования чат-ботов:

- методические условия: осуществление лексико-грамматической подготовки студентов к работе с чат-ботами при выполнении языковых, трансформационных упражнений, снятие возможных языковых барьеров, которые могут возникнуть в ходе построения диалога; ориентация студентов на составление четких запросов, от которых зависит полученный результат, при осуществлении подготовительной работы (уточнение учебной задачи, представление студентам примера запроса к чат-боту/GPT чату);

- технические условия: отбор доступных для студента цифровых инструментов и проверка

возможности работы с ними при реализации технологии обучения BYOD (*bring your own device*);

- коммуникативные условия: стимулирование мотивации студентов к осуществлению осознанной работы на основе чат-ботов, разъяснение их роли как дополнительного инструмента, способствующего активизации коммуникативной деятельности студента на английском языке, получение обратной связи от студентов по итогам проведенной работы.

Для подтверждения выводов об эффективности использования чат-ботов проведен методический эксперимент, участниками которого стали студенты экспериментальной группы (ЭГ), 7 человек, и контрольной группы (КГ), 10 человек, обучающихся в Трехгорном технологическом институте. На констатирующем этапе работы проведена первичная диагностика уровня сформированности иноязычных коммуникативных умений студентов с использованием определенного нами критериально-оценочного инструментария (таблица 2).

Также определены уровни сформированности у студентов рассматриваемых умений (таблица 3).

Полученные результаты диагностики на входном срезе позволяют заявить о слабой подготовке студентов к иноязычной коммуникации – лишь у 21,3% студентов ЭГ и у 24,9% студентов КГ иноязычные коммуникативные умения сформированы на высоком уровне, что демонстрирует необходимость проведения работы, направленной на развитие у них рассматриваемых умений.

Работа на формирующем этапе осуществлялась в течение трех месяцев со студентами КГ (при использовании чат-ботов в самостоятельной работе) и ЭГ (при систематическом использовании чат-ботов в процессе аудиторной и самостоятельной работы) на основе представленного выше методического инструментария. Приведем примеры организации работы студентов с использованием рассматриваемых цифровых инструментов.

Для развития информационно-содержательных иноязычных коммуникативных умений использовались условно-речевые и речевые упражнения на основе чат-бота QuillBot. Студентам предлагались предложения для самостоятельной работы в рамках прочитанного текста «The Role of Electricity»: *Paraphrase the following sentences – 1. It is impossible to imagine the development of civilization without electricity. 2. Devices are based on the specific properties of electricity. 3. Electricity applications are widely used nowadays in different spheres.* Далее обучающиеся использовали программу QuillBot для получения готового варианта перефразированного предложения, на основе

Таблица 1

Методический инструментарий, способствующий развитию иноязычных коммуникативных умений студента при организации его работы с чат-ботами

Методы и приемы работы	Пример реализации методического инструментария на основе чат-бота / GPT чата	Используемый цифровой ресурс
Речевые упражнения, направленные на развитие монологической речи	<ul style="list-style-type: none"> Ask the chat to generate the image of two objects connected to students' life (for example, students and technical university). Describe your picture in 2-3 sentences. Compare it with the students of your group. 	Kandinsky 3.0
Речевые упражнения, направленные на развитие диалогической речи	<ul style="list-style-type: none"> Make up 5 general questions connected with studying languages. Practice asking the questions and answering them with the chat bot (for 3-5 minutes). Revise the key vocabulary of the lesson: under the threat of .../ be in danger/ endangered species/ contaminated rivers and seas/ disappearing plants and trees/ release thick oil/ pour wastes/ give off fumes/ lead to dangerous consequences/ domestic wastes/ take actions. Using GPT Chat decide which of the characters you should speak about the environmental problems. Make up questions using the key vocabulary and ask them to the character you choose. Share what you find out with your groupmates. Choose a character you like (an actor, a book character, a celebrity). Explain your choice. What questions would you ask him/her? Make up 5-7 questions. Now you have an opportunity to talk to the character using GPT Chat. Ask the questions and the chat will answer you copying the speech behavior of the person you chose. 	Andy English bot Replika Character.AI Character.AI
Речевые упражнения, направленные на развитие умений письменной коммуникации	<ul style="list-style-type: none"> Summarize the text. Then use the chatbot to do the same task. Assess the summaries using the criteria: the use of sentences in Passive Voice/ the volume of the summary/ the conveying of the main message /the elimination of the unnecessary information for the summary/ the absence of the mistakes. Summarize the story "A Ghostly Welcome". Then use GPT Chat to suggest continuation. Read it and compare with the variants your groupmates get. 	Quillbot
Условно-речевые упражнения	<ul style="list-style-type: none"> Paraphrase the sentences underlined in the text. Then use the chat bot to do the same task. Compare the variants. 	Quillbot
Мозговой штурм	Brainstorm the ideas on the topic "How to behave at a job interview". First make up a list of suggestions in pairs. Then consult GPT Chat. Extend your list. Formulate the request adding the details (for example, "How to behave at a job interview at an engineering company".)	Character.AI Brainstormer
Проблемные задачи	Study the situation: You are working in the company which modernizes its policy how to create a comfortable working environment to attract new employees. Study the experience of the world-famous companies' experience and suggest your solutions. Use chatbot to get more ideas. Present your variant of the problem solution.	Character.AI Brainstormer

чего они корректировали неточности в собственных предложениях и дополняли их.

Для тренировки использования речевых клише были применены следующие задания: *Use the phrases to maintain a conversation and express your point of view: As far as I'm concerned ... I believe*

that ... To tell you the truth ... Speaking about my attitude to ..., I want to say that ... Выполнение данного упражнения осуществлялось на основе чат-бота Replika, преимуществом использования которого является то, что он может отвечать на вопросы распространенными предложениями,

Таблица 2

Диагностический аппарат оценивания уровня сформированности иноязычных коммуникативных умений студента

Критерии, выделенные в соответствии с группами умений	Показатели	Методы диагностики
информационный	знание и владение речевыми средствами для выражения мыслей по требуемой тематике в ходе решения ситуаций устной и письменной коммуникации	контрольные задания в устной и письменной форме
регулятивный	владение нормами коммуникации в разных ситуациях делового, межличностного, академического взаимодействия, способность регулировать речевое поведение согласно условиям коммуникации	кейсы, коммуникативные задания
аффективный	уважительное отношение к собеседнику, проявление эмпатии, положительного настроя к иноязычной коммуникации	диагностика эмпатии И.М. Юсупова, анализ речевого поведения студентов при решении учебных задач

Таблица 3

Уровни сформированности иноязычных коммуникативных умений студентов

Уровень	Характеристика
низкий	студент демонстрирует слабое знание речевых средств по требуемой тематике, затрудняется в их использовании для выражения собственных мыслей в ходе решения ситуаций устной и письменной коммуникации; плохо владеет нормами коммуникации в разных ситуациях взаимодействия, испытывает сложности с регуляцией собственного речевого поведения в заданной коммуникативной ситуации, не демонстрирует уважительное отношение к собеседнику, эмпатию, негативно настроен на коммуникацию / пассивен в ходе решения коммуникативной ситуации
средний	студент демонстрирует основные знания речевых средств по требуемой тематике, может их использовать для выражения собственных мыслей в ходе решения знакомых ему ситуаций устной и письменной коммуникации; владеет нормами коммуникации в знакомых ситуациях взаимодействия, способен регулировать собственное речевое поведение в заданной коммуникативной ситуации, демонстрирует уважительное отношение и эмпатию к собеседнику, настроен на коммуникацию на иностранном языке
высокий	студент демонстрирует хорошие знания речевых средств по требуемой тематике, способен их использовать для выражения собственных мыслей в ходе решения ситуаций устной и письменной коммуникации; владеет нормами коммуникации в разных ситуациях взаимодействия, способен корректировать собственное речевое поведение в изменяющихся условиях коммуникативной ситуации, демонстрирует уважительное отношение и эмпатию к собеседнику, положительно настроен на иноязычную коммуникацию

что позволяет студентам придерживаться нейтрального и делового стиля общения.

Регулятивно-рецептивные умения отрабатывались с помощью чат-ботов *eviebot*, *Andy English bot*, использовавшихся в ходе коммуникативных разминок. Например, студентам предлагался список тем, которые нужно обсудить с ботом (*education / finding a job / asking for a piece of advice*). Требования выполнения данных упражнений включали необходимость поддержания темы (учитывая то, что чат-бот может отходить от темы), включение в коммуникацию лексики из предложенного списка, использование в работе устной и письменной речи (выполнение

упражнения осуществляется в парной работе – один студент устно формулирует высказывание, другой – на слух записывает его в строке запроса чат-бота).

Развитие аффективно-коммуникативных умений происходило при внедрении в коммуникативные упражнения GPT чата *Character.AI*, который позволяет выбрать персонажа (известную личность, героя фильма или книги, представителя профессии) и общаться с ним. Данная работа осуществлялась в несколько этапов. В ходе подготовительной работы студентами выбирался персонаж, обсуждались особенности его личности и возможные черты коммуникатив-

ного поведения (например, *Elon Musk, a famous entrepreneur who is determined and creative, well-known for his unpredictable behavior in social media, a person who values his time and knows well his big opportunities*), далее составлялся список вопросов (*What questions connected with getting a good job and achieving success would you ask to Elon Musk?*). Пример коммуникации с определенной фигурой позволял напомнить студентам о необходимости положительного настроения на общение и проявления эмпатии к собеседнику. На этапе коммуникации студенты осуществляли общение в чат-боте. Далее на рефлексивном этапе студенты давали обратную связь в устной (обмен мнениями: *the answers I got from communication with ... AI*) или письменной форме (заполнение формы (*I asked such questions as ... I was surprised to learn that ... It was unusual to ... I liked/didn't like to speak to ... because ...*), написание творческого эссе (*Once upon a time when I met ...*).

По итогу методического эксперимента была проведена диагностика сформированности иноязычных коммуникативных умений студентов ЭГ и КГ и проведен сравнительный анализ, позволяющий сделать выводы об эффективности применения рассматриваемого способа для развития их умений (таблица 4).

лученными в ходе диагностики уровня сформированности их иноязычных коммуникативных умений. Стоит отметить значимость подготовительной работы, предвещающей свободное общение студентов в чат-боте, и необходимость контроля деятельности студента с учетом обозначенных требований в ходе выполнения задач в рамках материала дисциплины «Иностранный язык».

Таким образом, внедрение чат-ботов и GPT чатов в процесс обучения иностранным языкам является широкой тенденцией, которая может привести как к негативным, так и к позитивным результатам. С одной стороны, цифровые технологии автоматически выполняют репродуктивные задачи (перевод текста, перефразирование предложений, написание аннотации и пр.), что может тормозить автоматизацию учебных навыков у студентов. С другой стороны, данные технологии могут быть адаптированы к учебному процессу в качестве дополнительных источников получения информации и создания англоязычной языковой среды в ходе развития иноязычных коммуникативных умений студентов. Проведенный анализ и методический эксперимент показывают, что организованная преподавателем работа, включающая соблюдение ряда условий и основывающаяся на вариативной методической

Таблица 4

Данные, полученные в ходе диагностики уровня сформированности иноязычных коммуникативных умений студентов

Группа	Уровни (%)					
	низкий		средний		высокий	
	Входной срез	Итоговый срез	Входной срез	Итоговый срез	Входной срез	Итоговый срез
ЭГ	33,4	29,5	45,3	33,0	21,3	37,5
КГ	29,6	28,4	45,5	43,4	24,9	28,2

Как показывают полученные данные, в ЭГ, с которой велась интенсивная аудиторная и самостоятельная работа студентов, нацеленная на развитие у них иноязычных коммуникативных умений на основе применения чат-ботов, наблюдается повышение результатов обучающихся. Количество студентов с высоким уровнем возросло. В КГ существенных изменений в уровнях сформированности иноязычных коммуникативных умений не выявлено, что связано с тем, что данные студенты периодически применяли чат-боты для решения коммуникативных задач в ходе самостоятельной работы. Студенты ЭГ демонстрируют большую заинтересованность в решении коммуникативных ситуаций с использованием чат-ботов, показывают способность выбирать корректные речевые средства при построении диалога или написания делового письма, регулировать собственное речевое поведение, что подтверждается хорошими результатами, по-

базе, способствует достижению студентами положительных результатов и подготавливает их к реальной иноязычной коммуникации.

Список литературы

1. Агальцова, Д. В., Валькова, Ю. Е. Технология искусственного интеллекта для преподавателя вуза / Д.В. Агальцова, Ю.Е. Валькова // Мир науки, культуры, образования. – 2023. – № 2 (99). – С. 5-7. – Текст : непосредственный.
2. Гаркуша, Н. С., Городова, Ю. С. Педагогические возможности Chat GPT для развития когнитивной активности студента / Н.С. Гаркуша, Ю.С. Городова // Профессиональное образование и рынок труда. – 2023. – Т. 11. – № 1. – С. 6-23. – Текст : непосредственный.
3. Захарова, М. В. Цифровые инструменты преподавания английского языка / М.В. Захарова. – Текст : электронный // Мир педагогики

и психологии. – 2020. № 6 (47). – URL: <https://scipress.ru/pedagogy/articles/tsifrovye-instrumenty-prepodavaniya-anglijskogo-yazyka.html> (дата обращения: 01.01.2024).

4. Землякова, Т. А., Земляков, В. Д. Преимущества и недостатки использования искусственного интеллекта при изучении иностранного языка / Т.А. Землякова, В.Д. Земляков // Психология и педагогика служебной деятельности. – 2021. – № 2. – С. 126-129. – Текст : непосредственный.

5. Ивахненко, Е. Н., Никольский, В. С. Chat GPT в высшем образовании и науке: угроза или ценный ресурс? / Е.Н. Ивахненко, В.Д. Земляков // Высшее образование в России. – 2023. – Т. 32 – № 4. – С. 9-22. – Текст : непосредственный.

6. Костюкевич, Е. Ю. Применение искусственного интеллекта в обучении английскому языку в вузе / Е.Ю. Костюкевич // Современное педагогическое образование. – 2023. – № 1. – С. 492-496. – Текст : непосредственный.

7. Сараева, В. В. Формирование коммуникативных умений студента вуза / В.В. Сараева // Ка-

занский педагогический журнал. – 2010. – № 2. – С. 22-28. – Текст : непосредственный.

8. Солдатенко, К. Ю. Формирование иноязычных коммуникативных умений у детей старшего дошкольного возраста: специальность 13.00.01 «Общая педагогика, история педагогики и образования» : автореф. дис. ... канд. пед. наук : / Солдатенко Ксения Юрьевна. – М., 2020. – 27 с. – Текст : непосредственный.

9. Сысоев, П. В., Филатов, Е. М. Chat GPT в исследовательской работе студентов: запрещать или обучать? / П.В. Сысоев, Е.М. Филатов // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2023. – Т. 28. – № 2. – С. 276-301. – Текст : непосредственный.

10. Ятманов, В. А., Фисханова, Г. Р. Использование чат ботов при изучении английского языка / В.А. Ятманов, Г.Р. Фисханова – Текст : непосредственный. // Актуальные проблемы аграрной науки: состояние и тенденции развития: материалы нац. науч.-практ. конф. – Дмитровград, 2019. – С. 126-130.

DOI: 10.47475/9785727119631_497

**А.В. ЗЕЛЕНОВСКАЯ, Э.Р. КОЛЕЕВА, И.Д. ЗАЙЧЕНКО /
A.V. ZELENOVSKAYA, E.R. KOLEEVA, I.D. ZAYCHENKO**

*Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)*

К ВОПРОСУ ПРОВЕДЕНИЯ ПРОМЕЖУТОЧНОЙ АТТЕСТАЦИИ ПО ДИСЦИПЛИНЕ «ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК» У СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ ФАКУЛЬТЕТОВ

TO THE ISSUE OF MIDTERM ASSESSMENT IN THE DISCIPLINE “FOREIGN LANGUAGE” FOR STUDENTS OF NON-LINGUISTIC FACULTIES

Аннотация

В статье рассматривается проведение промежуточной аттестации по дисциплине «Иностранный язык» у обучающихся неязыковых направлений подготовки бакалавриата вуза в нормативном, содержательном и контрольно-оценочном аспектах. Обосновывается важность контроля освоения учебной дисциплины в вузе. Описываются средства оценивания промежуточной аттестации по дисциплине «Иностранный язык», обусловленные нормативными требованиями государства и образовательной организации в рамках компетентностного подхода, и представленные в виде ситуационных заданий для устной и письменной деловой коммуникации. Приводятся критерии выделения уровней сформированности универсальной компетенции УК-4 у обучающихся на основе оценивания ситуационных заданий. Делается вывод о важности проведения промежуточной аттестации как для студентов, так и преподавателей; результаты промежуточной аттестации выступают критерием уровня сформированности универсальной компетенции УК-4 у студентов, а также служат оценкой эффективности используемых преподавателем методов обучения.

Abstract

The article considers midterm assessment in the discipline “Foreign language” for undergraduate students of non-linguistic university faculties in the aspects of regulation, contents and control. The importance of discipline mastery control is justified in the article. Based on the regulatory requirements of the government

and the local educational organization within the competence approach to education, the assessment tools for midterm assessment in the discipline "Foreign language" in the form of situational tasks for oral and written business communication are described. The criteria for determination of competence formation levels among the students based on the assessment of situational tasks are provided, as well. The conclusion is made about the importance of conducting midterm assessment for both students and teachers; the results of the midterm assessment act as a criterion for the level of development of UK-4 among students, and also serve as an assessment of the effectiveness of the teaching methods used by the lecturer.

Ключевые слова: иностранный язык, неязыковые факультеты, промежуточная аттестация, фонд оценочных средств, ситуационные задания, уровень сформированности компетенции.

Keywords: foreign language, non-linguistic faculties, midterm assessment, fund of assessment tools, situational tasks, competence formation level.

Изучение иностранного языка в современном мире играет все более важную роль. В глобальной экономике, политике и культурной области знание иностранных языков является неотъемлемой частью успешной деятельности. Поэтому наличие должного уровня владения иностранным языком является одним из ключевых компетенций современного студента. В настоящий момент проблеме оценки учебной деятельности обучающихся в высшей школе уделяется все большее внимание. Одной из важнейших составляющих этого процесса является проведение промежуточной аттестации студентов, позволяющей оценить их уровень знаний и умений на определенном этапе обучения.

В современном образовательном процессе промежуточная аттестация по дисциплине «Иностранный язык» является неотъемлемой частью оценки уровня знаний обучающихся, позволяющей определить уровень владения языком, который является не только средством общения, но и ключевым компонентом в области научных и профессиональных знаний. Такое повышенное внимание этой проблеме обусловлено необходимостью повышения качества обучения иностранным языкам в высших учебных заведениях, а также обеспечения объективности и справедливости при оценке знаний обучающихся. На наш взгляд разработка эффективных методик и подходов к промежуточной аттестации, специально адаптированных для неязыковых факультетов, поможет улучшить качество образования и повысить мотивацию студентов к изучению иностранного языка.

В данной статье мы рассмотрим вопросы, связанные с проведением промежуточной аттестации по дисциплине «Иностранный язык» у студентов неязыковых факультетов, и предложим эффективные методы оценки знаний студентов.

Целью данной статьи является описание оптимальных форм проведения промежуточной аттестации обучающихся по дисциплине «Иностранный язык» по направлениям подготовки 02.03.02 Фундаментальная информатика и информацион-

ные технологии, а также 06.03.01 Биология.

Традиционно оценка знаний студентов, происходит в форме экзамена или зачета. Промежуточная аттестация по учебной дисциплине – это вид контроля результата освоения студентом учебной дисциплины, который проводит преподаватель или комиссия [ФОС как элемент гарантии качества, 2012, с. 63].

Согласно положению о текущем контроле успеваемости и промежуточной аттестации, разработанному Челябинским государственным университетом от 27.09.2022, под понятием промежуточная аттестация понимается «форма контроля качества знаний студента, осуществляемая после завершения теоретического обучения соответствующего периода (семестра), в специально предусмотренное графиком учебного процесса время – сессию». [Положение о текущем контроле, 2022, с. 2].

Контроль освоения всей учебной дисциплины (или ее семестровой части) может осуществляться в ходе защиты курсовой работы/проекта, а также экзамена, зачета, дифференцированного зачета. ФОС для проведения промежуточной аттестации по учебной дисциплине предназначен для контроля уровня освоения знаний, умений и владений студентов по дисциплинам, входящим в образовательные программы, реализуемые в вузе, и представляет собой совокупность контролируемых материалов для измерения уровня достижения студентом установленных результатов обучения. ФОС по дисциплине, будучи неотъемлемой частью нормативно-методического обеспечения системы оценки качества освоения студентами ОП, обеспечивает повышение качества образовательного процесса вуза. В качестве ФОС для проведения промежуточной аттестации выступают теоретические вопросы к зачету/экзамену, практические задания к зачету/экзамену, требования к курсовой работе/проекту [Гитман, Гитман, Столбов, 2016, с. 75]. Согласно Положению о фонде оценочных средств по образовательным программам высшего образования – программам

бакалавриата, специалитета и магистратуры, реализуемым в ФГБОУ ВО Челгу, «Фонд оценочных средств» – комплект методических и оценочных (контрольно-измерительных) материалов, предназначенных для определения уровня знаний, умений, навыков и сформированности компетенций обучающихся по образовательным программам высшего образования. ФОС должен формироваться на ключевых принципах оценивания:

-валидности (объекты оценки должны соответствовать поставленным целям обучения);

-надежности (использование единообразных стандартов и критериев для оценивания достижений);

-объективности (обучающиеся должны иметь равные возможности добиться успеха);

-эффективности (соответствие результатов деятельности поставленным задачам) [Положение о фонде оценочных средств, 2019, с.3].

В данной статье мы рассмотрим, как проводится промежуточная аттестация по дисциплине «Иностранный язык» среди студентов неязыковых направлений с универсальной компетенцией УК-4.

Согласно УК-4, в результате освоения программы бакалавриата выпускник должен быть способен осуществлять деловую коммуникацию в устной и письменной формах на государственном языке Российской Федерации и иностранном(ых) языке(ах) [Федеральный государственный образовательный стандарт, 2017; Федеральный государственный образовательный стандарт, 2020].

Индикаторы достижения компетенции согласно ОПОП включают себя следующие пункты.

Знать:

Для достижения УК-4.1.: основные особенности деловой устной и письменной коммуникации на иностранном языке.

Для достижения УК-4.2.: языковые средства, необходимые для решения коммуникативных задач в ситуации делового общения.

Для достижения УК-4.3.: основные жанры текстов официально-делового стиля устной и письменной коммуникации.

Уметь:

Для достижения УК-4.1.: реализовывать деловое общение.

Для достижения УК-4.2.: применять соответствующие нормам языковые средства и методы деловой устной и письменной коммуникации.

Для достижения УК-4.3.: осуществлять деловую устную и письменную коммуникацию на изучаемом языке с учетом принятых в иноязычном сообществе норм и правил, используя словари и справочную литературу.

Владеть:

Для достижения УК-4.1.: опытом делового общения в устной и письменной формах на иностранном языке с учетом основных правил его реализации.

Для достижения УК-4.2.: навыками использования языковых средств в соответствии с задачами устной и письменной коммуникации.

Для достижения УК-4.3.: навыками составления различных жанров текста делового стиля для устной и письменной коммуникации. [Фонд оценочных средств, 2023]

В рамках промежуточной аттестации для проверки формирования достижений УК-4 мы предлагаем студентам выполнить ситуационные задания для устной и письменной коммуникации. Это позволяет оценить студентов на практическом уровне и проверить их способности эффективно общаться в различных ситуациях делового общения.

Примерами ситуационных заданий для устной коммуникации могут быть следующие задания:

1. Role play: You are the project manager and you need to hold a meeting with your team members. You need to inform them about the new project strategy, consider their opinions and suggestions, and decide on the next steps.

2. Simulated business call: Your task is to call a potential client and offer your services or products. You need to convince the client of the quality of your offer, answer their questions, overcome objections and reach an agreement on the terms of co-operation.

3. Business interview: You are participating in an interview for the position of a manager. You need to answer questions about your skills, work experience, problem-solving approaches, and demonstrate your communication and persuasive ability.

4. Creative Discussion: You will need to participate in a group discussion about a new project and propose ideas and solutions. You need to be able to speak up effectively, argue your views and build consensus within the team.

5. Business plan presentation: You will make a presentation of your business plan to investors. You need to present your idea clearly and convincingly, describe the market situation, the potential benefits and profitability of the project, and answer questions from the investors.

Примерами ситуационных заданий для письменной коммуникации могут быть следующие задания:

1. Business proposal: Write a letter to a potential partner offering co-operation or services. Explain how your proposal could be beneficial to both parties, offer cooperation on specific terms, and include information about your company.

2. Project report: Write a progress report on the project for your line manager or team. Describe the current situation, the results achieved, the problems you faced and propose an action plan to solve these problems.

3. Formal letter: Write a formal letter, such as a complaint or enquiry. Follow a formal writing style, present your arguments and claims clearly and logically, based on appropriate rules and procedures.

4. Customer Correspondence: Respond to a customer's letter in which they ask questions, make a complaint or request more information about your product or service. Provide thorough and courteous answers, explain the parties to the agreement, and meet the customer's needs.

5. Event Invitation: Write a formal invitation to an upcoming business conference. Include the dates, time and location of the event, and provide information about the agenda and key speakers to convince the recipient to accept your invitation.

Таким образом, подобные ситуационные задания отражают реальные ситуации, с которыми студенты могут столкнуться в своей будущей профессиональной деятельности. Они требуют не только знания и умения применять грамматические и лексические навыки, но и способности адаптироваться к различным обстоятельствам, быстро реагировать и принимать решения. Кроме того, ситуационные задания требуют от студентов сотрудничества, обмена идеями и аргументации своих взглядов. Такие задания также помогают преподавателям предоставить обратную связь студентам, оценить их прогресс и выявить слабые места для дальнейшего обучения.

Уровни сформированности компетенции по итогам промежуточной аттестации определяются следующим образом [Фонд оценочных средств, 2023]:

1. Высокий уровень сформированности компетенции соответствует оценке отлично. На данном уровне обучающийся демонстрирует глубокое и всестороннее знание основных особенностей деловой устной и письменной коммуникации на иностранном языке, языковых средств, необходимых для решения коммуникативных задач в ситуации делового общения и основных жанров текстов официально-делового стиля устной и письменной коммуникации. Обучающийся демонстрирует умение успешно реализовывать деловое общение, применять соответствующие нормам языковые средства и методы деловой устной и письменной коммуникации и осуществлять деловую устную и письменную коммуникацию на изучаемом языке с учетом принятых в иноязычном сообществе норм и правил, используя словари и справочную литературу. Обучающийся

свободно и уверенно владеет способностью к деловому общению в устной и письменной формах на иностранном языке с учетом основных правил его реализации, навыками использования языковых средств в соответствии с задачами устной и письменной коммуникации и навыками составления различных жанров текста делового стиля для устной и письменной коммуникации.

2. Средний уровень соответствует оценке хорошо. Обучающийся демонстрирует, реализует, применяет указанные выше нормы, правила и языковые средства делового письменного и устного общения на хорошем уровне.

3. Базовый уровень соответствует оценке удовлетворительно. Обучающийся демонстрирует, реализует, применяет указанные выше нормы, правила и языковые средства делового письменного и устного общения на ограниченном фрагментарном уровне.

4. Низкий уровень соответствует оценке неудовлетворительно.

Таким образом, на основе анализа нормативных и научно-методических источников по теме, а также основываясь на опыте преподавания дисциплины «Иностранный язык» на неязыковых факультетах вуза, можно сделать вывод о важности проведения промежуточной аттестации. Данный вид аттестации, помимо функции контроля освоения учебной дисциплины, также предоставляет преподавателю информацию о текущем уровне сформированности универсальной компетенции УК-4 у обучающихся. В рамках компетентностного подхода эффективным средством оценивания является ситуационное задание для устной и письменной коммуникации, так как оно позволяет наиболее полным образом оценить способность обучающихся к иноязычной деловой коммуникации. Для решения коммуникативной задачи в рамках ситуации делового характера обучающийся должен продемонстрировать необходимые знания, умения и владения, приобретенные в течение учебного семестра. Выявленный в результате промежуточной аттестации уровень сформированности компетенции, определенный на основе предложенных в статье критериев, помимо оценки обучающегося может служить также оценкой эффективности используемых преподавателем методов обучения, что способствует улучшению качества иноязычного образования в неязыковом вузе.

Список литературы

1. Гитман, Е. К., Гитман, М. Б., Столбов, В. Ю., Столбова, И. Д. Разработка и использование ФОС в компетентностном формате для

проведения промежуточной аттестации по учебной дисциплине / Е. К. Гитман, М. Б. Гитман, В. Ю. Столбов, И. Д. Столбова // Высшее образование в России. – 2016. – № 8-9 (204). – С. 74-83. – Текст : электронный. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razrabotka-i-ispolzovanie-fos-v-kompetentnostnom-formate-dlya-provedeniya-promezhutochnoy-attestatsii-po-uchebnoy-distsipline> (дата обращения: 19.01.2024). – Режим доступа : Кибер Ленинка – научная библиотека.

2. Положение о текущем контроле успеваемости и промежуточной аттестации обучающихся в ФГБОУ ВО «ЧелГУ» по программам высшего образования : принято решением Ученого совета ФГБОУ ВО «ЧелГУ» от 26.09.2022 г. : утверждено приказом врио ректора ФГБОУ ВО «ЧелГУ» от 27.09.2022 г. № 579-1. – Текст : электронный // Челябинский государственный университет : [официальный сайт]. – URL : https://www.csu.ru/Shared%20Documents/sveden/documents/Polozh_o_tek_kontrol_e_i_promezhut_attestacii.pdf (дата обращения: 20.01.2024).

3. Положение о фонде оценочных средств по образовательным программам высшего образования – программ бакалавриата, специалитета и магистратуры, реализуемым в ФГБОУ ВО «ЧелГУ» : принято решением Ученого совета ФГБОУ ВО «ЧелГУ» от 26.09.2019 г. : утверждено приказом врио ректора ФГБОУ ВО «ЧелГУ» от 26.09.2019 г. № 561-1. – Текст : электронный // Челябинский государственный университет : [официальный сайт]. – URL : https://www.csu.ru/management/Documents/UOP/Documents%20UOP/Polozh_o_fonde_otsenoch_sredstv.pdf (дата обращения: 19.01.2024).

4. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 02.03.02

Фундаментальная информатика и информационные технологии (приказ Минобрнауки России от 23.08.2017 г. № 808) // Портал Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования. – Текст : электронный. – URL : <https://fgos.ru/fgos/fgos-02-03-02-fundamentalnaya-informatika-i-informacionnyetehnologii-808> (дата обращения: 20.01.2024).

5. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 06.03.01 Биология (приказ Минобрнауки России от 07.08.2020 г. № 920) // Портал Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования. – Текст : электронный. – URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-06-03-01-biologiya-920> (дата обращения: 20.01.2024).

6. Фонд оценочных средств для промежуточной аттестации по дисциплине «Иностранный язык», по направлению подготовки 02.03.02 «Фундаментальная информатика и информационные технологии», направленности (профилю) «Математические и алгоритмические основы интеллектуальных систем» ФГБОУ ВО «ЧелГУ». – Текст : непосредственный. – Режим доступа : ограниченный.

7. Фонд оценочных средств для промежуточной аттестации по дисциплине «Иностранный язык», по направлению подготовки 06.03.01 «Биология», направленности (профилю) «Генетика» ФГБОУ ВО «ЧелГУ». – Текст : непосредственный. – Режим доступа : ограниченный.

8. ФОС как элемент гарантии качества при реализации компетентностно-ориентированных ООП в рамках ФГОС ВПО : Сборник документов и методических материалов для руководителей и актива УМО вузов РФ / Под ред. В.В. Минаева. – Москва : РГГУ, 2012. – 203 с. – Текст : непосредственный.

DOI: 10.47475/9785727119631_501

Е.В. КОПЫЛОВА / E.V. KOPYLOVA

Пермский государственный аграрно-технологический университет имени академика Д.Н. Прянишникова (Пермь, Россия)

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

GRAPHIC ORGANIZER AS AN ELEMENT OF THE FOREIGN LANGUAGE TEACHING PROCESS

Аннотация

Средства визуализации влияют на восприятие и понимание информации. В статье рассматривается роль визуализации в передаче информации и возможности отражения метапредметных связей

в процессе обучения иностранному языку. Исследование подчеркивает важность междисциплинарного подхода как основной тенденции в развитии образования, выявляя возможности взаимодействия различных областей знаний в процессе обучения. Предметная междисциплинарность представляет собой интеграцию знаний и методов из различных дисциплин для решения комплексных задач. Автор анализирует модель передачи информации, где трансформация принятой информации преобразуется в мыслеобраз и впоследствии в знания. Принятие нового знания становится возможным только в том случае, если цели источника и приемника информации имеют одну общую характеристику. В статье представлен краткий конспект занятия по иностранному языку для обучающихся неязыкового вуза. Описан авторский приём технологии визуализации, создание визуализированного мыслеобраза, в данном случае цветовой композиции, в контексте междисциплинарного подхода.

Abstract

Methods of visual representation influence the perception and understanding of information. The article examines the role of visual representation in the transmission of information and the reflecting possibility of meta-subject connections in the process of a foreign language teaching. The study emphasizes the importance of an interdisciplinary approach as a main trend in the development of education, identifying opportunities for interaction between various fields of knowledge in the learning process. The interdisciplinarity is the integration of knowledge and methods from various disciplines to solve complex problems. The author analyzes the model of information transmission, where the transformation of received information is converted into a thoughtform and subsequently into knowledge. The acceptance of new knowledge becomes possible only if the goals of the source and receiver of information have one common characteristic. The article presents a brief description of a foreign language class for students of a non-linguistic university. The author's technology of visual representation is described, creation of a visualized thoughtform in the context of an interdisciplinary approach.

Ключевые слова: визуализация, средства визуализации, междисциплинарность, модель передачи информации, символ, мыслеобраз, цветовая композиция, иностранный язык.

Keywords: visual representation, methods of visual representation, interdisciplinarity, model of information transmission, symbol, thoughtform, colour composition, foreign language.

Современное образование базируется на двух парадигмах: технократической и гуманистической, которые в свою очередь переплетаются и организуют единое целое через обеспечение усвоения знаний, умений и навыков по средствам передачи готовых результатов научного познания и обеспечение условий для развития познавательных способностей, путей усвоения новых знаний, способов деятельности. Цифровая эпоха определяет следующие тенденции в развитии образования: интеграция инженерного и гуманитарного образования; переход с учебной деятельности на продуктивную учебно-познавательную; переход к методам, формам и технологиям обучения с использованием элементов проблемности; активизация резервов самостоятельной работы, включая самоанализ и самооценку; переход к предметной междисциплинарности, способствующей развитию системного мышления и креативности; переход к культуре непрерывного обучения.

При подаче учебного материала необходимы наглядность, образность, последовательность и эмоциональная насыщенность. В условиях современного информационного общества и новых тенденций в сфере образования, традиционные методы работы с учебниками и словарями на за-

нятиях иностранного языка ушли на второй план. Визуализация, геймификация, коллаборация, персонификация становятся основными элементами конструирования образовательной среды.

Ученые обнаружили, что человек воспринимает информацию через разные органы чувств: вкус, слух, обоняние и осязание. Одним из основных способов восприятия информации является зрение, так как 90% информации человек усваивает через зрительные каналы. Российский психолог и педагог Вербицкий А. А. определяет процесс визуализации как свертывание мыслительных содержаний в наглядный образ; будучи воспринятым, образ может быть развернут и служить опорой адекватных мыслительных и практических действий [Вербицкий, 1991, с. 27].

Визуализация играет ключевую роль в представлении информации в удобной форме для зрительного восприятия и понимания. Она позволяет организовать целенаправленное восприятие информации, помогает запоминать данные, создавая графические образы, которые также упрощают процесс запоминания. Визуализация способствует отображению существенных аспектов изучаемого материала, делая его более доступным для понимания. Кроме того, различные технологии визуализации способствуют развитию

критического и системного мышления, поскольку предоставление информации в наглядной форме позволяет лучше понимать взаимосвязи и визуализировать решения комплексных проблем. Это способствует формированию у обучающихся навыков анализа, сравнения и синтеза информации. Кроме того, визуализация может стимулировать творческое мышление, поскольку она позволяет выражать идеи в нестандартной форме и создавать новые понимания. Использование разнообразных технологий визуализации играет ключевую роль в развитии критического мышления и способности рассматривать информацию в системном контексте.

В настоящее время существует большое количество различных визуализационных инструментов, которые активно применяются в процессе обучения. К ним относятся временная шкала (таймлайн), представляющая собой прямую линию, на которую в хронологическом порядке наносятся события; скрайбинг, визуализирует информацию с использованием кратких тезисов и графических символов; интеллектуальная (ментальная) карта, является графическим способом представления идей и концепций в виде карты, состоящей из ключевых и вторичных тем; инфографика представляет собой графико-текстовое изображение, в котором невербальный компонент подчинен вербальному. Эти различные средства визуализации помогают студентам улучшить понимание предмета, запоминание информации и легче усваивать сложные метапредметные связи. Визуализация играет важную роль в эффективном обучении, поскольку позволяет на более глубоком уровне воспринимать и усваивать учебный материал.

Важной особенностью информации является то, что она не подчиняется законам сохранения вещества, энергии и движения, то есть основным законам существования материального мира. Информация – это все то, что изменяет знания о характеристиках объектов и процессов. В составе информационной системы присутствуют: источник информации, приемник информации и канал связи. Реакция на получение информации определяется аспектами её восприятия: прагматическим – исходя из цели получения; семантическим – исходя из передаваемой информации (голос, рисунок, текст); синтаксическим – исходя из вида носителя. Доктор психологических наук Маслова Н.В. предлагает трехуровневую модель передачи информации, где основным условием успешной передачи информации от источника до приемника, а также трансформации принятой информации в мыслеобраз и в последствия в знания, является близость целей источника и

приемника информации, что также обеспечивает минимизацию искажения передаваемой информации [Маслова, 2017, с. 8].

Итак, рассмотрим уровни модели:

Первый уровень – знаковый, определяется количественными значениями характеристик обсуждаемого объекта. Данный уровень является иллюстративной базой модели.

Второй уровень – образный, определяется качественными оценками характеристик, даваемых участниками информационной передачи. У каждого участника процесса передачи информации формируется часть мыслеобраза, состоящая из личного отношения к получаемой информации и собственно информации. Именно на этом уровне возникает интерес и глубина восприятия материала, основанная на образности.

Третий уровень – символичный, где простое и естественное запоминание материала обеспечивается выделением главного символа. Целостное видение всего изучаемого материала (особенности смысловой, структурной и духовной стороны). На данном этапе формируется символ мыслеобраза, т.е. мыслеформа с её смыслом, происходит запечатывание информации и сопровождающих её эмоций и появляется желание у обучающихся продолжать обучение. Это происходит только при частичном совпадении целей источника и приемника информации [Маслова, 2017, с. 9-16].

По выражению немецкого философа и педагога Эрнста Кассирера, человек является «символическим животным», т.е. природа человека такова, что он мыслит и передает информацию в виде образов и символов [Кассирер, 1998, с. 724-729]. Под символом понимается обобщенная форма представления информации об объекте и его свойствах, позволяющая относить его к тому или иному классу и достигать цель, желаемую источником или приёмником информации. Образ – это форма представления информации об объекте или его свойстве с помощью качественных характеристик, упорядоченных согласно цели передачи конкретного сообщения. Если соблюдено основное условие передачи и приема информации, то формирование мыслеобраза завершается на третьем уровне, что способствует принятию нового знания, т.е. воспринятая человеком информация, структурированная по важности согласно его целям и желаниям.

Рассмотрим на примере создание визуализированного мыслеобраза в рамках темы «The elements and principles of design» обучающихся бакалавриата направления подготовки «Ландшафтная архитектура» неязыковых специальностей. В контексте данной темы обучающимся

было предложено междисциплинарное задание, которое будет формировать частичное совпадение целей источника и приемника информации. Необходимо создать композицию, учитывая все правила её построения: элементы и центр композиции, цветовое решение, динамика, баланс, ритм. При помощи цветовых пятен, линий и композиционного решения студент должен раскрыть свои личностные особенности и показать свой внутренний мир. К композиции нужно было составить описание: которое отражает выбор того или иного цвета или линии, и как данный выбор характеризует обучающегося как личность.

Ход работы:

1. Ознакомится с основными элементами и принципами дизайна (точка, линия, форма, текстура, цвет, динамика, баланс, ритм) и их характеристиками. К тексту «The elements and principles of design» выполняются предтекстовые и послетекстовые задания.

2. Прочитать текст «Colour Meaning», где дается подробная характеристика цветов и цветовых оттенков с точки зрения их значений, символики, психологического восприятия и воздействия. После изучающего чтения нужно заполнить таблицу прилагательными и существительными, которые можно использовать при описании характера человека.

3. Определить, какую из трех цветовых гармоний обучающийся хотел бы изобразить: комплиментарная (двухцветная), контрастная триада и аналоговая триада. При помощи какой из трех гармоний можно более точно отразить свои личностные качества. Например, обучающийся выбрал комплиментарную двухцветную гармонию, в которой цвета находятся в аппозиции, т.е. напротив друг друга, если рассматривать по цветовой круг. Поэтому при описании своих личностных качеств необходимо использовать прилагательные и существительные противоположные по значению (антонимы): пр. energetic – lazy, creative – conservative.

4. В описании нужно использовать конструкции: For my part I'm...; At times I'm...; By the way I'm...; In fact I'm...; For all that I'm...; I choose ... colour because I'm...; I have used ...colour because it means (is associated)....

5. После выполнения творческих работ и их защиты, обучающимся предлагается пройти психологический тест «The Lüscher Color Test», который позволяет измерить коммуникативные способности, активность, стрессоустойчивость, а также психофизиологическое состояние человека и сравнить/проанализировать результаты теста со своей творческой работой.

Таким образом, выполнив данное междисциплинарное задание, обучающиеся активизируют

лексику по теме «My person`s character», знакомятся и закрепляют новую лексику по теме «The elements and principles of design», активизируют свои знания по предмету «Архитектурная графика и основы композиции», находя им практическое применение при создании гармоничной цветовой композиции, которая в данном случае является также визуализированным мыслеобразом, помогающим при запоминании и активизации иноязычных лексических единиц. Предметная междисциплинарность представляет собой интеграцию знаний и методов из различных дисциплин для решения комплексных проблем.

Технология визуализации не только облегчает усвоение лексического и грамматического материала, но также способствует развитию навыков монологических и диалогических высказываний, а также работы с текстами. Важным аспектом является также повышение мотивации студентов, активизация их учебной деятельности и развитие критического мышления. Применение визуализации на занятиях по иностранному языку играет также ключевую роль в формировании универсальных компетенций, которыми должен обладать выпускник вуза. Интеграция технологии визуализации с междисциплинарным подходом представляет собой важный элемент современного образовательного процесса, способствующий более эффективному и интересному усвоению не только языковых иноязычных навыков.

Список литературы

1. Вербицкий, А.А. Активное обучение в высшей школе: контекстный подход: метод. пособие / А.А. Вербицкий. – Москва : Высшая школа, 1991. – 207 с. – Текст: непосредственный.
2. Кассирер, Э Избранное. Опыт о человеке / Эрнст Кассирер. – Москва: Гардарика, 1998. – 784 с. – Текст : непосредственный
3. Маслова, Н. В. Голографические мыслеобразы: рождение, управление, трансформация / Н. В. Маслова, Е.В. Юркевич. – Москва: ООО «Традиция», 2017. – 224 с. – Текст: непосредственный.
4. Сорока О.Г., Васильева И.Н. Визуализация учебной информации. URL: http://elib.bspu.by/bitstream/doc/10693/1/Soroka_PS_12_2015.pdf (дата обращения: 30.12.2024).
5. Устин, В.Б. Композиция в дизайне. Методические основы композиционно-художественного формообразования в дизайнерском творчестве: учеб. пособие / В.Б. Устин – 2-е изд., Москва: АСТ Астрель, 2007. – 352 с. – Текст: непосредственный.

DOI: 10.47475/9785727119631_505

А.В. КУРЬЯНОВИЧ, А.Д. ГЕРТНЕР / A.V. KURYANOVICH, A.D. GERTNER

*Томский государственный педагогический университет
(Томск, Россия)***ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ РЕСУРС ОККАЗИОНАЛЬНЫХ СЛОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ ДАННЫХ)****LINGUODIDACTIC RESOURCE OF OCCASIONAL WORDS
(BASED ON EXPERIMENTAL DATA)****Аннотация**

Речь идет о возможности использования в обучении иностранцев русскому языку окказиональных слов как маркеров национальной лингвокультуры, узальной и индивидуально-авторской языковой картины мира. Окказионализмы, несмотря на свою принадлежность лексике ограниченного употребления, определяются в качестве не только объекта научного познания, но и средства обучения иностранному языку, знакомства с чужой культурой. Посредством обращения к показаниям языкового сознания носителей китайской лингвокультуры в ходе ассоциативного лингвистического эксперимента установлена эффективность привлечения окказиональных слов для развития языковой способности иностранных обучающихся, стимулирования их творческой познавательной активности, укрепления мотивации к знакомству с иностранным языком, формирования интереса к культуре страны изучаемого языка. На основании полученных экспериментальных данных делается вывод об окказиональных словах как лингводидактических единицах, целесообразное и уместное использование которых в образовательном процессе способствует повышению его эффективности.

Abstract

We are talking about the possibility of using occasional words in teaching Russian as a foreign language as markers of national linguistic culture, a casual and individual author's linguistic picture of the world. Occasionalisms, despite their belonging to a vocabulary of limited use, are defined as not only an object of scientific knowledge, but also a means of teaching a foreign language, acquaintance with a foreign culture. By referring to the indications of the linguistic consciousness of native speakers of Chinese linguoculture, during an associative linguistic experiment, the effectiveness of attracting occasional words for the development of the linguistic consciousness of foreign students, stimulating their creative cognitive activity, strengthening motivation to get acquainted with a foreign language, and forming interest in the culture of the country of the language being studied was established. Based on the experimental data obtained, a conclusion is made about occasional words as linguodidactic units, the expedient and appropriate use of which in the educational process contributes to its effectiveness.

Ключевые слова: лексика ограниченной сферы употребления, потенциальный словарный запас, окказиональное слово, лингводидактика, лингводидактический ресурс окказионального слова, русский язык как иностранный, ассоциативный лингвистический эксперимент.

Keywords: vocabulary of a limited sphere of use, potential vocabulary, occasional word, linguodidactics, linguodidactic resource of an occasional word, Russian as a foreign language, associative linguistic experiment.

К числу задач лингводидактики, активно разрабатываемых современными учеными, относится изучение методических свойств различных категорий лексических единиц с целью их применения в практике поликультурного и иноязычного обучения, включая преподавание русского языка как иностранного (РКИ). Особое место здесь занимают слова, принадлежащие сфере ограниченного употребления. Их использование носит локальный характер и является характерным для речевого поведения носителей языка, объединенных территорией проживания или

принадлежностью к определенным социальным группам.

С одной стороны, включение лексем рассматриваемой категориальной принадлежности в иноязычное обучение сопряжено с рядом трудностей. Иностранцу, даже состоящему в коммуникации с исконными носителями русского языка, сложно понимать значение единиц, не входящих в активный речевой лексикон, используемыми не так широко и не всеми русскоязычными говорящими, не всегда удается интерпретировать нюансы смысла таких слов, осознать уместность их

применения. Для лишенной ситуации полного погружения в среду исконных носителей языка иностранца данная задача усложняется в разы.

С другой стороны, представители иной лингвокультуры, осваивающие русский язык, проявляют к лексическим единицам данной категории в силу наличия у них богатого культурологического и концептуального потенциала значительный интерес. Воплощая в своем значении национально маркированные компоненты смысла, эти слова репрезентируют фрагменты русской картины мира, следовательно, способствуют реализации в обучении принципа «диалога культур», участвуют в формировании не только языковой, лингвистической, но и коммуникативной, лингвокультурологической компетенций иностранных обучающихся. Знакомство с лексемами обозначенной категории расширяет тезаурус обучающихся, обогащает их лексикон, способствуя, тем самым, совершенствованию вторичной языковой личности инофонов и формированию определенных фрагментов вторичной картины мира.

Мы убеждены в том, что лексику ограниченного употребления необходимо вовлекать в процесс иноязычного обучения. Однако при этом следует руководствоваться методическими принципами целесообразности, оправданности и эффективности. Интенсивное внедрение вторичной языковой личностью таких единиц в собственную речь «предполагает обязательный учет факторов уместности и допустимости, потенциального «разрешения» на употребление с точки зрения морали и нравственности, для чего необходимо знакомство инофонов с основами русского речевого этикета и правилами бесконфликтного общения» [Ван, 2018, с. 83].

Наиболее изучен лингводидактический ресурс таких категорий слов ограниченного употребления, как *терминологические* (М. И. Виолина, Д. Д. Дмитриева и др.), *жаргонные* (С. Ван, Ю. В. Серышева, Н. А. Минакова и др.), *диалектные* (А. А. Васильковская, Е. В. Зонова, О. В. Никифорова, Д. И. Капарушкина и др.) и *заимствованные* (В. В. Артамонова, А. В. Кирова, С. Ли, Ю. А. Мельник, С. Л. Савилова и др.) единицы. Данные слова можно определить в качестве элементов *пассивного* и *потенциального* лексического запаса. К пассивному лексическому запасу относятся слова, «которые человек понимает, связывает с определенным представлением, но которые в речь его не входят» [Бессонова, 2010, с. 93]. В потенциальный словарный запас входят слова, не встречавшиеся в предыдущем речевом опыте индивида, но их смысл он может понять на основе языковой догадки и языковой интуиции. Потенциальный словарь важен для успешного

осуществления рецептивных видов речевой деятельности и расширяет возможности успешной коммуникации. В его основе лежат различные опоры: контекст, типовая словообразовательная модель, узнаваемый корень, интернациональные элементы слова и др. Подробнее о потенциальном словарном запасе см.: [Трофимов, 2022, с. 62]. Наряду с активным словарем, и пассивный, и потенциальный словарные запасы важны для развития языкового сознания, речевой способности, языковой эрудиции. Их расширение связано с успешностью процессов восприятия и понимания речи и в целом – эффективностью поликультурной коммуникации.

К элементам потенциального словаря относятся *окказиональные* (индивидуально-авторские) единицы.

Н. Г. Бабенко *окказиональным* называет «не узуальное» слово, «не соответствующее общепринятому употреблению, характеризующееся индивидуальным вкусом, обусловленное специфическим контекстом употребления» [Бабенко, 1997, с. 4]. В большинстве своем авторские новообразования создаются по уже существующим в словообразовании моделям.

Выделяют несколько разновидностей *окказионализмов*. На фонетическом уровне дифференцируются орфоэпические (*керамида – пирамида, пубель – пудель, валдахин – балдахин*) и акцентологические (*пальтишко – вместо литературного пальтишко*) *окказионализмы*. К словообразовательным относятся потенциальные слова и собственно *окказионализмы* (*безотдынная работа, ажидация*), *окказиональные* модели, морфемы, проявления словообразовательной синонимии (*ласковость, чужестранность*) Лексические новообразования чаще всего рассматриваются как *окказионализмы*, реализующиеся на уровне слова и фразеологизмов (*тужурная жилетка – жилетка на каждый день, от франц. toujours ‘всегда’*). В группе грамматических выделяют морфологические *окказионализмы* – словоформы, которые не зафиксированы в языке и обладают низким уровнем потенциальности (*на сугибе, свистойой*), а также синтаксические *окказионализмы* (*Мои донцы-молодцы без всего этого во-евали и дванадесять язык прогнали*). Подробнее: [Ханпира, 1972, с. 267–285]

Описанию структурно-семантических свойств русской *окказиональной* лексики в разное время посвящали свои работы выдающиеся ученые И. А. Бодуэн де Куртенэ, А. А. Потебня, И. И. Срезневский, А. А. Шахматов. В дальнейшем теорию *окказиональности* рассматривали Г. О. Винокур, В. Габо, Е. Д. Поливанов, А. М. Смирницкий, Л. В. Щерба, И. П. Якубин-

ский и др. Рассмотрение окказиональной лексики в функциональном аспекте становится актуальным в конце XX века в связи со сменой лингвистической парадигмы. Во многом это обусловлено также современной языковой ситуацией, которую можно охарактеризовать как «карнавализация языка» [Костомаров, 2001, с. 6]. В числе окказиональных слов наибольший интерес вызывают единицы, функционирующие в художественном дискурсе и отражающие как общие тенденции в области языковой игры, так и частные проявления авторского идиостиля. Формы реализации языковой игры и её прагматический потенциал могут отличаться в зависимости от замысла автора. В лирических произведениях ведущим является стремление к выразительности слова и его яркости.

Сегодня окказиональная лексика еще только начинает изучаться в аспекте реализации своего лингводидактического ресурса (Е. В. Алексеева, Н. В. Мещерякова, К. Ян и др.). Под *лингводидактическим ресурсом окказионального слова* понимается возможность его привлечения в качестве дидактического средства при обучении иностранному языку в контексте знакомства с чужой лингвокультурой. Исследователи единодушно отмечают, что возможности привлечения окказиональных слов в качестве лингводидактических единиц обуславливаются «нестандартностью, неожиданностью, оригинальностью, благодаря чему они всегда придают речи яркую выразительность, высокую экспрессивность, кроме того, они несут и богатую социальную культурную информацию, с помощью которой четко передается отношение или оценка говорящего к тому, о чем идет речь, выражаются их взгляды на то, что происходит вокруг» [Ян, 2008, с. 168]. В связи с чем изучение окказионализмов помогает «не только в адекватном понимании текста, где эти языковые единицы употреблены, но и в ознакомлении с современными политическими событиями России, с изменениями в национальной психологии и моральной ориентации, а также и в языковом вкусе русского народа» [там же].

В целях изучения лингводидактического ресурса окказионализмов разработан и проведен ассоциативно-лингвистический эксперимент в форме письменного опроса. В качестве информантов привлечены 15 магистрантов из Китая, обучающихся в Томском государственном педагогическом университете по направлению подготовки Педагогическое образование, профилям Русский язык как иностранный и Лингвокультурология (уровень владения русским языком у всех не ниже В1).

Гипотеза исследования: лингводидактический ресурс окказионального слова определяется его структурно-семантическими и функционально-прагматическими характеристиками.

Эмпирическим материалом послужили окказиональные единицы из произведений В. В. Маяковского: *луч-шаги, ясь, вспоём* («Необычайное приключение...»), *звоночки – звоночище* («Про это»).

Стоит отметить, что В. Маяковский был модернистом и принадлежал к течению кубофутуризма. Ему была чужда устоявшаяся система взглядов на язык, он искал способы наиболее точного выражения мысли. Процесс написания стихов для поэта был сродни добыче «драгоценного слова из артезианских людских глубин». Кубофутуристы провозглашали идею о том, что новое время требует новых форм. В связи с этим изменению подвергался внешний облик слова: это значит, окказионализмы В. Маяковского в большей степени выделяются на словообразовательном уровне: 1) сложение – *луч-шаги, домпогремушка, златолобо*; 2) бессуффиксный – *ясь* (от *ясный*: *Но странная из солнца ясь струилась*); 3) приставочный – *взорим, вспоём*; 4) суффиксальный – *ало, горбил, плевочки, звоночище, звоночки, звоночище, мячище, ручоночка*. Творческая деятельность В. В. Маяковского хорошо изучена. Так, В. В. Тренин, исследователь его поэзии, отмечает, что новообразования автора несут смысловую нагрузку, они наполняются новыми значениями, более стремительными, яркими и запоминающимися. Анализ творчества также показал, что В. Маяковский «опирается на приемы фольклорной поэзии» [Тренин, 1991, с. 6]. Нами актуальный смысл выбранных для анализа единиц определяется так: *лучи-шаги* – одна из характеристик одушевленного поэтом Солнца, посредством олицетворения солнечные лучи визуализируются как широко шагающие ноги человека; *ясь* – внутренняя сущность Солнца как некоего высшего начала, символ чистоты, духовности, святости, трудоспособности; *звоночки – звоночище* – различное восприятие звонка телефона, построенное на противопоставлении окказиональных антонимов: короткие, отрывистые – длинный, протяжный; *вспоём* – заниматься вместе продуктивной, творческой, полезной деятельностью. Подчеркнем, что толкования, предложенные нами, представляют лишь один из вариантов интерпретации окказиональных лексем.

Заметим, что выбор автора и текстов определялся также фактором знакомства с ними обучающихся-иностранцев (опрос предваряло занятие в рамках курса «Русская литература», посвященное изучению творчества В. Маяковского).

Формулировка задания была следующая: попытайтесь определить значение индивидуально-авторских слов, которые встречаются в творчестве русского поэта В. В. Маяковского.

* *Индивидуально-авторские (окказиональные) слова* – единицы, отсутствующие в системе национального языка, создание которых возможно в творчестве конкретного писателя или поэта и осуществляется по моделям словообразования, реализующимся в данном национальном языке; отражают стилистические, в том числе лексические, особенности творческой манеры автора.

В случае затруднения реципиентам рекомендовалось оставлять слово без реакции. Ответ предполагал свободный формат интерпретации.

В результате получены следующие экспериментальные данные.

Интерпретация окказионализма *лучи-шаги*, судя по полученным реакциям, строилась у большинства иностранцев на основании восприятия очевидной особенности строения слова. Значение лексемы «складывалось» из семантики его составляющих: «лучи у солнца, похожие на шагающие ноги». Двое информантов сделали акцент на морфологической и структурой характеристике слова: «сложное имя существительное, образованное от двух слов – *луч* и *шаг*». В 5 случаях упоминался перенос значения (метафора), один информант указал, что поэт использует здесь прием олицетворения (Солнце уподобляется Человеку). Получены 2 варианта толкования, «оторванные» от контекстуального понимания окказионализма: «пучок света, радиация», «свет медленно проникал в окно». Это может свидетельствовать о недопонимании в целом идеи произведения В. Маяковского, невнимательности, а также интерференции со стороны родной картины мира информантов на процесс интерпретации или влиянии индивидуального восприятия на осмысление данной текстовой единицы. Один информант не предоставил реакции относительно этого стимула.

На слово *ясь* получены ответы от 13 реципиентов. В 12 случаях (92 % от количества всех поступивших вариантов толкования) опрашиваемые в своей интерпретации отталкивались от деривационных отношений, существующих между окказиональной лексемой *ясь* и узуальными лексемами *ясность*, *ясный*. Этот факт подтверждает сформулированную гипотезу: в ряде случаев трактовка индивидуально-авторского слова опирается на установление словообразовательных связей между окказиональной лексемой и ее узуальными дериватами. Большинство информантов формулировало значение слова, исходя из значения его узуальных дериватов: *ясь* – «это когда

ясно», «сияет солнце», «ясное солнце», «ясный день», «ясная погода». Ср. со словарным толкованием: «Ясный – 1. Яркий, сияющий. 2. Светлый, ничем не затемненный» [Ожегов, 1999, с. 919]. 3 человека непосредственно указали, что «это имя существительное, образовано от прилагательного *ясный*». 5 человек отметили связь данного окказионализма со словом *сияние*. Один из ответов, предположительно, основан преимущественно на индивидуальном опыте восприятия и деятельности собственного языкового сознания: «это может быть тон голоса».

Относительно полученных вариантов толкования окказионализма *вспойм* отметим, что 5 человек затруднились с ответами. Зафиксированные реакции строятся вокруг сем «петь» и «вместе». Приведем некоторые наиболее яркие примеры: «мы должны петь вместе во время праздника», «петь вместе», «веселый, радость, вместе», «много человек вместе поют вокруг костра». Один информант предположил, что действие, обозначенное этим словом, отличается особой экспрессией: «громко петь». Эксперимент показал роль внутренней формы окказионального слова для его успешной интерпретации со стороны представителей чужой лингвокультуры.

Интересные реакции продемонстрировали информанты на стимульную пару слов *звоночки* – *звоночище*, являющихся контекстуальными однокорневыми антонимами. Ответить попытались все реципиенты. Отметим, что именно на эти стимулы получено самое большое количество реакций – 27. Во всех реакциях прослеживается увиденная носителями китайского языка межсловная смысловая корреляция двух русских слов, построенная по принципу противопоставления: «маленькие, много – большой, один», «одни маленькие, другой один, зато сильный и большой». 9 информантов продемонстрировали подход к толкованию на основе сенсорного опыта, связав значение окказионализмов со звуком: «это звук», «звук часов», «тихий и громкий звук». Ср. с узуальным толкованием в словаре: «Звон – звук, производимый ударами, колебаниями чего-н. металлического, стеклянного» [Ожегов, 1999, с. 226]. 8 реакций из полученных основаны на понимании анализируемых окказионализмов как денотатов, соотносимых с деятельностью человека. При этом последняя характеризуется разнопланово: «человек может быть лайф-коучем», «человек, который напоминает людям в критические моменты», «добрый», «храбрец», «богатырь», «мудрец», «директор». У одного информанта в сознании семы «звон» и «человек» объединяются в виде реакции «звонарь». Отмечается единичная реакция, также основанная на

сенсорном восприятии обозначенного окказионализмами денотата: «война».

Таким образом, эксперимент доказал сформулированную нами гипотезу. С опорой на понимание идейного замысла текста, структурно-семантических особенностей окказиональных слов (их внутренней формы), системных отношений, в которые вступают индивидуально-авторские новообразования (в первую очередь ассоциативно-деривационных, а также парадигматических и синтагматических), интерпретация окказиональных единиц представителями чужой лингвокультуры может быть успешной, несмотря на статус данных слов как относящихся к лексике ограниченного употребления. Затрудняет процесс интерференция, «идущая» от родного языка, родной культуры и деятельности индивидуального языкового сознания. В целом опыт толкования окказиональных слов носителями иностранного языка оценивается нами как состоявшийся, что демонстрирует наличие у лексем обозначенной категории лингводидактического ресурса. Окказионализмы определяются не только в качестве объекта изучения, но и средства обучения. Анализ структуры неузуальных слов приводит к пониманию их лексического значения, а осмысление окказионализма помогает иностранцам, осваивающим русский язык, понять роль этих слов в тексте, постичь замысел автора, что позволяет целостно воспринимать прочитанное произведение. Тем самым у обучающихся-иностранцев формируется широкий спектр компетенций, что позволяет говорить об эффективности обучения.

Список литературы

1. Бабенко, Н. Г. Важнейшие аспекты теории окказиональности / Н. Г. Бабенко // Окказиональное в художественном тексте. Структурно-семантический анализ : учебное пособие. – Калининград : Изд-во Калининградского гос. ун-та, 1997. – С. 5–33. – Текст : непосредственный.
2. Бессонова, М. С. Обогащение словарного запаса на уроках русского языка в младших классах / М. С. Бессонова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3 : Педагогика и психология. – 2010. – № 3. – С. 90–94. – Текст : непосредственный.
3. Ван, С. К вопросу об интерпретации и употреблении русской жаргонной лексики китайскими инофонами / С. Ван, А. В. Курьянович // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2018. – Вып. 2 (191). – С. 80–86. – DOI : 10.23951/1609-624X-2018-2-80-86. – Текст : непосредственный.
4. Костомаров, В. Г. Старые мехи и молодое вино. Из наблюдений над русским словоупотреблением конца XX века / В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова. – Санкт-Петербург : Златоуст, 2001. – 72 с. – Текст : непосредственный.
5. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Москва : Азбуковник. – 944 с.
6. Трофимов, И. О. Обогащение словарного запаса школьников как лингвометодическая проблема / И. О. Трофимов, А. В. Курьянович // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2022. – Вып. 2 (220). – С. 58–68. – <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-2-58-68>. – Текст : непосредственный.
7. Ханпира, Э. Окказиональные элементы в современной речи / Э. Ханпира // Стилистические исследования : на материале современного русского языка. – Москва : Наука, 1972. – С. 245–317. – Текст : непосредственный.
8. Ян, К. Окказионализмы, образованные на основе собственных имен, и их лингвокультурная ценность / К. Ян // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2008. – № 1-2 (1). – С. 166–168. – Текст : непосредственный.

DOI: 10.47475/9785727119631_510

Л.Н. ЛУБОЖЕВА, Р.Ж. БИСИКЕЕВ / L.N. LUBOZHNEVA, R.Zh. BISIKEEV

Челябинский государственный университет (Челябинск, Россия)

**ПРЕДМЕТНО-ЯЗЫКОВОЙ ИНТЕГРАТИВНЫЙ ПОДХОД
К ФОРМИРОВАНИЮ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ (МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ)****SUBJECT-LANGUAGE INTEGRATIVE APPROACH TO FORMATION
OF PROFESSIONAL FOREIGN LANGUAGE COMMUNICATION (GUIDELINES)****Аннотация**

Статья знакомит с одним из новых методов формирования профессиональной иноязычной коммуникации, который предполагает интеграцию содержания профилирующих дисциплин в программу дисциплины «Иностранный язык». Реализация предметно-языкового интегративного метода в образовательном процессе требует тщательного планирования программы в целом и занятий в частности. Представленная работа предлагает методические рекомендации поэтапного внедрения исследуемого метода в процесс формирования профессиональной коммуникации, где каждый этап описывает действия, которые необходимо произвести преподавателю. Особое внимание авторы обращают на первый этап, являющийся наиболее важным и трудоемким, а также требующий непосредственной работы в тандеме с преподавателями профилирующих дисциплин. Кроме того, исследователи представляют преимущества применения данного метода как для обучающегося, так и для преподавателя.

Abstract

The article introduces one of the new methods of forming professional foreign-language communication, which involves the integration of the content of profiling disciplines into the program of the discipline "Foreign Language." The implementation of the subject-language integrative method in the educational process requires careful planning of the program in general and classes in particular. The presented work offers methodological recommendations for the phased introduction of the studied method into the process of forming professional communication, where each stage describes the actions that the teacher needs to take. The authors pay special attention to the first stage, which is the most important and time-consuming, as well as requiring direct work in tandem with teachers of profiling disciplines. In addition, the researchers present the advantages of using this method for both the student and the teacher.

Ключевые слова: предметно-языковой интегрированный метод, профессиональная коммуникация, профессионально-ориентированный, уровень сформированности, интегрированное обучение.

Keywords: subject-language integrated method, professional communication, professional-oriented, level of formation, integrated training.

Методика предметно-языкового интегрированного обучения представляет собой подход к обучению, в котором обучающиеся изучают не только предметные знания, но и иностранный язык, используя его в контексте конкретных учебных материалов. Главной целью предметно-языкового интегрированного обучения является интеграция учебных программ по предметам с языковым обучением, что способствует развитию и совершенствованию как языковых, так и предметных навыков учащихся. В вузах данный подход может служить основой для формирования профессиональной иноязычной коммуникации, если в программу по дисциплине «Иностранный язык» включить темы, которые обучающиеся параллельно изучают на профилирующих дисциплинах.

Наше исследование проводилось на базе ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет» на Экономическом факультете у обучающихся по специальности 38.05.01 «Экономическая безопасность». В программу по дисциплине «Иностранный язык» были интегрированы материалы следующих дисциплин: «Экономическая теория», «Информационная безопасность», «Экономика предприятия», «Экономическая безопасность».

В результате теоретической части данного исследования были выявлены особенности и различные типы предметно-языкового интегрированного обучения. На основе этого анализа и выделенных принципов были разработаны методические рекомендации, которые направлены на эффективное применение исследуемого метода

для формирования профессиональной иноязычной коммуникации.

Методика включает в себя три этапа.

I этап – подготовительный. Первоначально предусматривается разработка содержания программы по дисциплине «Иностранный язык» с учетом содержания рабочих программ по профессиональным дисциплинам, для чего необходимо встретиться, во-первых, с руководителем программы, для определения профилирующих дисциплин; во-вторых, с преподавателями данных дисциплин для подбора материала. Материал следует подбирать в соответствии с базовыми знаниями обучающихся по профилирующей дисциплине.

Далее, надлежит выбрать оптимальную модель внедрения предметно-языкового интегрированного обучения. В первую очередь, на начальном этапе, рекомендуется использовать модель *soft (language-led)*, которая фокусируется на особенностях специфического (профессионально-ориентированного) контекста.

Эффективная организация работы требует тщательного планирования, в связи с чем рекомендуется подготовить специальные карты занятий, которые помогают структурировать выбранный материал по различным видам активностей, что позволяет разрабатывать практические занятия, опираясь на принципы предметно-языкового интегрированного обучения. Для внедрения данного метода в учебный процесс рекомендуется создание визуального шаблона для разработки учебных единиц. Эти единицы должны включать несколько занятий, посвященных определенной теме и ориентированных на определенный период времени. Данный шаблон должен учитывать структурные компоненты предметно-языкового интегрированного обучения (4C): содержание (*content*), когнитивные процессы (*cognition*), культурные аспекты (*culture*) и коммуникацию (*communication*), которые играют важную роль в процессе обучения. Темы, рассматриваемые в учебных единицах, должны быть разнообразными и соответствовать программе профессиональной дисциплины. Более того, нельзя забывать, что при планировании интегрированного содержания, разработки согласованных учебных материалов (задания, проекты, упражнения и т. д.), цели тоже должны иметь интегрированный характер [1].

Безусловно, на первом этапе необходимо провести диагностическое тестирование для определения первоначального уровня сформированности рассматриваемой коммуникации. Только после анализов результатов тестирования, содержания профилирующих дисциплин и учебных единиц необходимых к освоению для приобрете-

ния профессиональных компетенций,

должны быть сформулированы предметно-ориентированные цели в соответствии с содержанием через: 1) использование таксономии Блума и 2) обеспечение интеграции культурного компонента в формулировку этих целей.

Что касается материала, который следует использовать на занятиях, то хотелось бы отметить, что процесс интеграции предусмотрен для любого вида материала: 1. тексты могут быть позаимствованы непосредственно из программ профилирующих дисциплин и адаптированы под уровень обучающихся; 2. в подборе аудиотекстов могут помочь различные сайты; 3. ситуационные задания для устной/ письменной коммуникации необходимо разрабатывать с учетом тем по профилирующим предметам.

При подготовке уроков в формате описанной методики необходимо помнить, что к учебному материалу и заданиям предъявляются особые требования, отличные от тех, которыми преподаватель руководствуется при планировании традиционных занятий: материал по учебному предмету по уровню сложности должен чуть уступать уровню знаний обучающихся по этому предмету на родном языке; задания должны отражать особенности изучаемого языка, отрабатывать умение употреблять те или иные лингвистические формы; тексты должны быть тщательно подобраны в соответствии с темой и фактическим уровнем знаний обучающихся; задания должны соответствовать тематике и содержать достаточное для понимания и усвоения количество информации.

Несомненно, преподаватели перед началом занятий по данной методике должны убедиться, что: задания охватили весь когнитивный спектр; существует баланс между четырьмя языковыми навыками; существует баланс между некомуникативными и коммуникативными заданиями; используется множество методов; в достаточной мере используются «скаффолдинг» стратегии обучения, позволяющие обучающимся работать автономно и справляться с различными заданиями, как с точки зрения языка, так и контента; существует достаточно баланса между индивидуальной и совместной работой; существуют дифференцированные задания, учитывающие различия в уровне обучающихся в группе.

II этап – внедрение. На аудиторных занятиях для того, чтобы интегрировать профессиональный материал, преподаватели, прежде всего, должны подумать о языке, который понадобится обучающимся для достижения предметно-ориентированных целей. Создание языкового корпуса с учетом языкового триптиха – *Language Triptych* будет способствовать соблюдению принципов

	Помнить	Понимать	Применять	Анализировать	Оценивать	Создавать
ВЕРБАЛЬНЫЙ (Мне нравится читать, писать и говорить)	Расскажите и покажите свои ответы, следуя типовому тексту.	Расскажите о деньгах в разных странах.	Классифицируйте еду, подсчеты, и операции.	Рассчитайте и напишите ответ на решенные проблемы/задачи.	Вербализуйте стратегии, выберите лучшее для вас.	Напишите список покупок на завтрак, обед и т. д.
МАТЕМАТИЧЕСКИЙ (мне нравится работать с числами и наукой)	Определите монеты и деньги. Сопоставьте монеты и купюры с их стоимостью.	Расставьте цены на еду от самой высокой до самой низкой.	Классифицируйте продукты в соответствии с разделом и ценой на этикетке (больше / меньше 3 £ /).	Выполните задачу по решению проблемы.	Поиграйте в угадку в группах: угадай цену. Сколько? Это на £ (больше / меньше).	Создайте таблицу с ценами.
ВИЗУАЛЬНЫЙ / ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ (мне нравится писать красками, рисовать и визуализировать)	Просмотрите названия продуктов с помощью игр с карточками.	Подсчитайте деньги, используя пластиковые монеты и банкноты.	Посмотрите видео о поиске различных работ в супермаркете.	Сравните реальные евро и фунты.	Оцените списки покупок вашего партнера.	Составьте визуальный список покупок продуктов питания.
КИНЕСТЕТИЧЕСКИЙ (мне нравится делать что-то руками, заниматься спортом и танцами)	Разыграйте руками и жестикулируйте песню о том, что вы можете найти в супермаркете.	Сыграйте в групповую игру в составе одного / десяти / двух / пятерых.	Сыграйте ролевую игру (вы кассир).	Определитесь с особенностями вашей роли.	Оцените исполнение своего партнера.	Запланируйте свое выступление в ролевой игре.
МУЗЫКАЛЬНЫЙ (мне нравится создавать и слушать музыку)	Послушайте песню о работе мясника.	Спойте песню об отделах в супермаркете.	Пение недостающих слов в песне.	Сравните две песни, найдите и объясните различия.	Выберите лучшую из предыдущих песен.	Создайте новую песню, используя словарный запас и хорошо известную мелодию.
МЕЖЛИЧНОСТНЫЙ (мне нравится работать с другими) проблем (Мне нравится работать самостоятельно)	Посережуйтесь в группах на различные расположения элементов. Выполните домашнее задание: на рабочем листе сосчитайте деньги.	Поиграйте с деньгами в ролевую игру в группе: подсчет денег. Выполните домашнее задание: на рабочем листе попрактикуйте сложение и вычитание.	Сравните € и £ в группах по цвету, стоимости, размеру и т. д. Заполните свой личный словарь в картинках, нарисовав картинку на слова из модуля.	Решите в группах. Выполните домашнее задание: на рабочем листе распределите цены от самых высоких до самых низких и наоборот.	Оцените инструменты для решения. Выполните домашнее задание: на рабочем листе составьте картинку (еду) с ее вероятной стоимостью.	Запланируйте группы. Выполните домашнее задание: составьте визуальный список покупок еды.
НАТУРАЛИСТИЧЕСКИЙ (мне нравится учиться на опыте в мире природы)	Посетите овощной магазин в вашем районе и запишите названия для некоторых овощей.	Сходите в супермаркет со своей семьей и спросите отдела, где можно купить продукты на завтрак (молоко, хлопья, сахар и т. д.).	Оплатите в супермаркете с помощью вашей семьи. Просмотрите свой чек.	Наблюдайте за людьми в супермаркете и решите, какую роль вы сыграете в заключительном задании.	Сходите в супермаркет со своей семьей и сравните цены на две разные марки круп, молока и т. д.	Спросите в супермаркете бросурку, скопируйте несколько ценников, найдите дома вещи для переработки. Придумайте для них альтернативное использование.

Рисунок 1. Теория Множественного Интеллекта Гарднера

интеграции и формулированию целей, связанных с языком. [2].

На занятии с применением метода предметно-интегрированного языкового обучения все четыре языковых навыка должны быть объединены. Навыки реализуются таким образом: слушание – это нормальная входная деятельность, жизненно важная для изучения языка; чтение, используя осмысленный материал, является основным источником ввода информации; разговорная речь фокусируется на беглости; письмо – это ряд лексических действий, посредством которых грамматика перерабатывается.

Вместе с тем, так как практически в любой учебной группе имеются обучающиеся с разным уровнем подготовки и смешанными способностями, необходимо использовать дифференциацию заданий, то есть разделить обучающихся по подгруппам и предлагать задания согласно их уровню сформированности изучаемой компетенции и их способностями. На занятиях предметно-языкового интегрированного обучения предлагается создавать задания в соответствии теории Множественного Интеллекта Гарднера которые представлены на рисунке 1. [3].

Согласно рисунку, представленному выше, мы видим, что задания будут структурированы посредством: 1) стимулирующих вопросов (driving questions), которые будут разработаны с целью вызвать у обучающихся интерес и мотивацию; и 2) группировки заданий на разных этапах, связанных с когнитивным познанием: введение, исследование, закрепление и создание.

III этап – контрольный. На данном этапе преподаватели должны проверить уровень сформированности профессиональной иноязычной коммуникации, для этого необходимо разработать и провести итоговое тестирование и разработать критерии оценивания, которые будут многогранными и многоцелевыми. Далее проанализировать результаты тестирования и определить коэффициент эффективности внедренной методики.

Данные рекомендации могут способствовать успешному внедрению метода предметно-языкового интегрированного обучения в образовательный процесс, помогая обучающимся приобрести как знания по предмету, так и языковые навыки.

Кроме того, существует ряд профессиональных преимуществ для педагога при использова-

нии методики предметно-языкового интегрированного обучения включают в себя следующие аспекты:

1. Интеграция знаний: предметно-языковое интегрированное обучение позволяет педагогам объединить учебные материалы с языковыми задачами, что способствует более глубокому пониманию предмета и развитию языковых навыков обучающихся. Педагоги могут создавать уроки, в которых учащиеся активно применяют язык в решении предметных задач.

2. Развитие когнитивных навыков: учебный процесс в рамках предметно-языкового интегрированного обучения стимулирует развитие критического мышления, аналитических и проблемно-ориентированных навыков. Педагоги могут создавать уроки, требующие от обучающихся активного участия в обсуждениях, анализе информации и решении задач.

3. Повышение мотивации обучающихся: изучение предметов на иностранном языке делает обучение более увлекательным и актуальным для обучающихся. Педагоги, использующие методику предметно-языкового интегрированного обучения, могут создавать интересные и практические уроки, что способствует повышению мотивации и активности обучающихся.

4. Поддержка многокультурного обучения: предметно-языковое интегрированное обучение часто предполагает использование разнообразных источников, включая тексты, видео, презентации и даже гостевые лекции на иностранных языках. Это позволяет педагогам создавать многокультурную образовательную среду и расширять кругозор обучающихся.

5. Подготовка к международным стандартам: использование иностранного языка в обучении соответствует требованиям современного мира, где коммуникация на различных языках является ключевым навыком. Предметно-языковое интегрированное обучение готовит обучающихся к международным стандартам образования и повышает их конкурентоспособность на глобальном рынке труда.

Таким образом, методика предметно-языкового интегрированного обучения не только обогащает образовательный процесс, но и предоставляет педагогам эффективные инструменты для развития профессиональных и языковых навыков своих обучающихся, делая образовательный процесс более интересным, эффективным и адаптированным к современным требованиям.

Список литературы

1. Coyle D. Content and Language Integrated Learning Motivating Learners and Teachers – Текст: электронный – URL: <http://bloccs.xtec.cat/clilpratiques1/files/2024/11/slrcocyle.pdf> (дата обращения: 10.02.2024).

2. Coyle, D., Hood, P., Marsh, D. (2010) Content and Language Integrated Learning. Cambridge University Press. – Текст: непосредственный.

3. Gardner, H., & Hatch, T. (1989). Multiple intelligences go to school: Educational implications of the theory of multiple intelligences. Educational Researcher Текст: электронный – URL : <http://www.sfu.ca/~jcnesebit/EDUC220/ThinkPaper/Gardner1989.pdf> (дата обращения 10.02.2024).

DOI: 10.47475/9785727119631_513

Е.А. МИНГАЖЕВА, О.В. СУСЛОВА / E.A. MINGAZHEVA, O.V. SUSLOVA

*Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)*

ГЕНЕРАТИВНЫЙ ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ИНСТРУМЕНТ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

GENERATIVE ARTIFICIAL INTELLIGENCE SYSTEMS IN FOREIGN LANGUAGE TEACHING

Аннотация

В данной статье рассматриваются проблемы использования систем генеративного искусственного интеллекта, на примере ChatGPT, в процессе обучения иностранному языку. Цифровизация не стоит на месте, а глобализация требует от специалистов различных областей свободного общения с представителями иноязычных культур, что является жизненно важным условием конкурентоспособности на рынке труда. А для этого необходимо готовить специалистов мобильно, интеллек-

туально и современно развитых. Что сейчас и является возможным с таким инструментом искусственного интеллекта как ChatGPT. В статье исследованы возможности использования ChatGPT в процессе работы над разными видами заданий на уроках иностранного языка, таких как поиск современной информации, генерирование текстов и заданий при формировании речевых умений на иностранном языке. Также показана практическая работа с искусственным интеллектом и выявлены трудности выполнения поставленных перед ним задач.

Abstract

The issues of using ChatGPT and other generative artificial intelligence systems when learning a foreign language are covered in this article. Digitalization is not slowing down, and in order to remain competitive in the job market, experts across a range of industries must be able to talk freely with people from other cultures. And in order to do this, it is imperative to train experts who are adaptable, sophisticated intellectually, and technically. It is now made feasible by ChatGPT, an artificial intelligence tool. The prospects of using ChatGPT to work on various tasks in foreign language lessons—such as creating texts, finding current information, and developing speech skills in a foreign language—are examined in this article. Practical work with artificial intelligence is also shown and the difficulties of fulfilling the tasks assigned to it are revealed.

Ключевые слова: образование, генеративный искусственный интеллект, ChatGPT, конкурентоспособность, иностранный язык.

Keywords: education, generative artificial intelligence, ChatGPT, competitiveness, foreign language.

В последние годы чат-боты привлекли к себе большое внимание как инструмент генеративного искусственного интеллекта (ГИИ), который вовлекает пользователей в естественное и похожее на человеческое взаимодействие с помощью аудио или текста. Они контекстно отвечают на различные вопросы и подсказки и предоставляют дифференцированную обратную связь. ChatGPT – один из таких чатботов, который покорила Интернет с момента своего запуска в ноябре 2022 года. Этот чатбот на базе ИИ взаимодействует в разговорной манере, отвечая на вопросы, признавая ошибки, оспаривая неверные предположения и отклоняя неуместные просьбы в форме диалога [OpenAI, 2023]. Сегодня уже известно о том, что мультимодальная большая языковая модель, созданная OpenAI, четвертая в серии GPT. Она была выпущена 14 марта 2023 года и доступна для пользователей ChatGPT Plus. Несмотря на то, что ChatGPT может быть мощным инструментом для обучения иностранному языку, некоторые ученые выразили обеспокоенность по поводу его влияния академическую честность [Thorp, 2023]. Так, некоторые университеты временно запретили студентам использовать ChatGPT и другие инструменты, основанные на искусственном интеллекте. Тем не менее, ChatGPT потенциально может удовлетворить некоторые насущные потребности студентов, изучающих иностранный язык, включая своевременную и адаптивную обратную связь, платформу для практики иноязычной речи, а также легкодоступный и надежный инструмент-помощник в написании текстов на иностранном языке.

Несмотря на то, что первоначальная реакция преподавателей была в основном связана с опа-

сениями по поводу валидности и надежности инструментов искусственного интеллекта [Коровникова, 2021, с.107], в последнее время обсуждение сосредоточилось на потенциальных педагогических преимуществах, которые эти инструменты могут предоставить для развития языкового уровня обучающихся, и на том, как преподаватели могут продуктивно и критически использовать их для обучения [Hockly, 2023].

Например, газета The Times сообщила, что почти половина студентов Кембриджского университета (Великобритания) признались, что используют ChatGPT в своей учебе уже через несколько месяцев после его запуска [Sleator, 2023].

Таким образом, данная статья направлена на изучение потенциальных преимуществ и возможных проблем использования инструментов систем генеративного искусственного интеллекта на примере ChatGPT для обучения ИЯ.

ChatGPT: определение и возможности

ChatGPT (сокращение от Chat Generative Pre-trained Transformer) – это чат-бот на базе искусственного интеллекта, разработанный американской компанией OpenAI. Он использует вычислительные технологии и огромный объем информации, чтобы связывать слова и идеи воедино и понимать подсказки в контексте. Доступ к нему возможен через настольные компьютеры и мобильные телефоны с помощью различных веб-браузеров, таких как Safari, Firefox и Chrome. Благодаря большой языковой модели (LLM) данный инструмент способен понимать и создавать человекоподобные ответы по широкому спектру тем. Чтобы воспользоваться ChatGPT, необходимо зарегистрироваться и создать учетную запись на сайте <https://chat.openai.com/auth/>. После

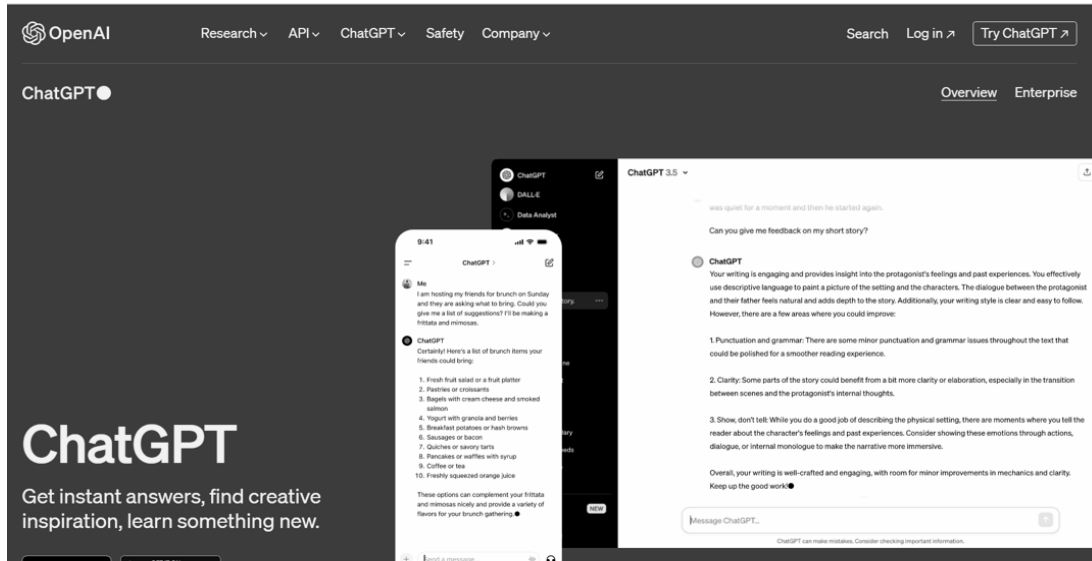

Рис. 1 – Приборная панель ChatGPT

создания учетной записи подтвердите ее через электронную почту или мобильный телефон. Чтобы начать пользоваться ChatGPT, просто введите свой вопрос или подсказку в строке поиска (рис. 1 – Приборная панель ChatGPT).

ChatGPT предлагает функциональные возможности, которые служат нескольким целям. Он хранит огромный объем знаний и извлекает соответствующую информацию, чтобы писать по-человечески, что делает его богатым источником информации для обучения иностранному языку и языковой практики в любое время и в любом месте. База знаний ChatGPT формируется из различных областей, жанров и источников, включая книги, статьи, веб-сайты и другой онлайн-контент. Вместо того чтобы храниться в традиционной базе данных, корпус сохраняется и обрабатывается как обширная коллекция статистических закономерностей и ассоциаций. ChatGPT использует эту базу данных для генерирования адекватных контексту ответов. Чтобы гарантировать, что этот инструмент искусственного интеллекта имеет доступ к самой свежей и актуальной информации, корпус постоянно обновляется и расширяется. Последняя итерация GPT-4, выпущенная в марте 2023 года, способна обрабатывать 32000 лексем одновременно, принимать визуальные запросы, а также обладать 100 триллионами параметров. Кроме того, этот чатбот запоминает предыдущие разговоры и исправляет себя при возникновении ошибок. Так же, он позволяет пользователям вносить последние исправления и отклоняет любые неуместные запросы [OpenAI, 2023].

ChatGPT – генеративная нейросеть широкого профиля действия, изначально не предназначенная конкретно для педагогов, но нашедшая ши-

рокое применение для генерации образовательного контента в самом широком его понимании. Нейросеть позволяет работать со всеми видами образовательного контента [Токтарова, 2023, с.165-167].

В обучении иностранному языку ChatGPT предлагает огромные возможности. Рассмотрим некоторые из них.

Прежде всего – автоматический перевод. Технологии машинного перевода, основанные на генеративных моделях, могут помочь студентам понимать иностранный язык через быстрый и точный перевод текста или речи. В процессе обучения иностранным языкам использование ГИИ в автоматическом переводе обладает следующими преимуществами.

Во-первых, скорость и эффективность: ГИИ может обрабатывать большие объемы текста или речи за короткое время, что ускоряет процесс изучения. Во-вторых, точность и качество перевода: современные генеративные модели достигают высокой точности в переводе, что обеспечивает студентам достоверность информации и помогает избежать недоразумений. В-третьих, доступность: технологии автоматического перевода на базе ГИИ доступны онлайн и могут использоваться в реальном времени, что делает изучение иностранного языка более доступным для широкой аудитории. Кроме того, автоматический перевод может помочь обучающимся расширить свой словарный запас, предоставляя переводы и пояснения для незнакомых слов и фраз. И наконец, интерактивность, т.к.: обучающиеся могут взаимодействовать с автоматическим переводом в режиме реального времени.

Однако, несмотря на перечисленные преимущества, важно отметить, что автоматический

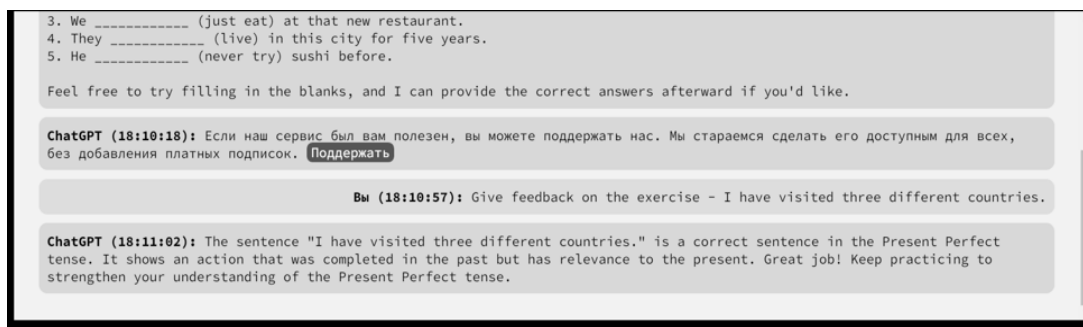

Рис. 2 – Использование ChatGPT для генерирования упражнений

перевод не всегда идеален, и иногда могут возникнуть ошибки, особенно в случаях с выражениями, идиомами или культурно-специфичным контекстом. Поэтому использование автоматического перевода следует комбинировать с другими методами обучения иностранному языку для достижения наилучших результатов.

Чтобы сделать процесс обучения более интересным и доступным, ГИИ может генерировать учебные материалы, включая тексты, диалоги, статьи, рассказы, задания для чтения и упражнения различной сложности. Генерирование диалогов, имитирующих реальные ситуации общения, позволяет студентам практиковать разговорный язык и осваивать фразы, используемые в различных контекстах. Причем ГИИ может оценивать уровень знаний студента и создавать контент, соответствующий его способностям. Это позволяет персонализировать обучение и делает его более эффективным. Использование ГИИ в разработке обучающих приложений позволяет создавать интерактивные уроки с автоматической обратной связью. Например, приложение может предложить правильные варианты ответов и пояснения к ошибкам (рис.2 – Использование ChatGPT для генерирования упражнений).

Несомненным преимуществом использования генеративных моделей в обучении, является возможность создавать аудиозаписи с носителями языка, имитируя произношение и различные акценты. Это обеспечивает студентов аутентичным языковым материалом для обучения произношению. Так же ГИИ может стимулировать творческое мышление студентов, предлагая им создавать свои тексты, истории или даже песни на иностранном языке.

Важным аспектом является то, что ГИИ может адаптировать контент под индивидуальные потребности студентов, предоставляя персонализированный и более эффективный опыт обучения. Кроме того, использование технологий ГИИ может сделать обучение более интересным и вовлекающим, что способствует более успешному усвоению материала.

Использование разговорных ботов на основе ГИИ позволяет студентам практиковать разговорный язык, получая обратную связь и коррекцию в режиме реального времени. Разговорные агенты, основанные на ГИИ, способны симулировать разговорные ситуации на иностранном языке. Это может включать в себя простые повседневные диалоги или более сложные обсуждения тем по выбору студента. Разговорные агенты могут предоставлять обратную связь в реальном времени, исправляя ошибки в произношении, грамматике и лексике. Это создает эффективную среду для улучшения разговорных навыков. С использованием технологии ГИИ разговорные агенты могут взаимодействовать с пользователем, задавая вопросы, предлагая темы для обсуждения и реагируя на ответы студента. Например, ELSA Speak – это платформа с искусственным интеллектом, которая фокусируется на тренировке произношения и уменьшении акцента, помогая учащимся свободно и уверенно говорить по-английски (Рис.3 – Использование ГИИ для тренировки произношения).

Преимуществом использования разговорных агентов на базе искусственного интеллекта на занятиях по иностранному языку является возможность адаптации к уровню знаний, они адаптируются к уровню знаний студента, начиная обучение с простых фраз и постепенно усложняя структуру предложений и сложность темы.

Виртуальные разговорные агенты могут быть доступны для студентов в любое время, что обеспечивает гибкость и возможность практики в удобное для них время.

С помощью ГИИ агенты могут обучать студентов не только языковым навыкам, но и умению вести беседу, задавать вопросы и выражать свои мысли на иностранном языке. Использование разговорных агентов, основанных на ГИИ, в обучении иностранным языкам предоставляет студентам возможность практиковать и совершенствовать свои разговорные навыки в интерактивной и контролируемой среде. Такой подход способствует повышению уверенности в

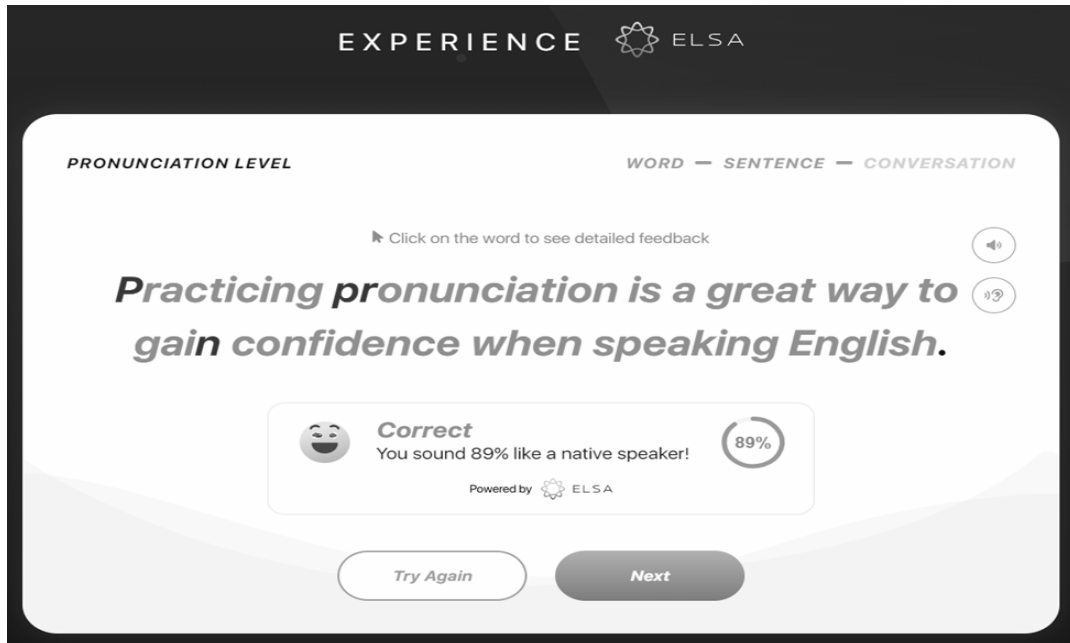

Рис.3 – Использование ГИИ для тренировки произношения

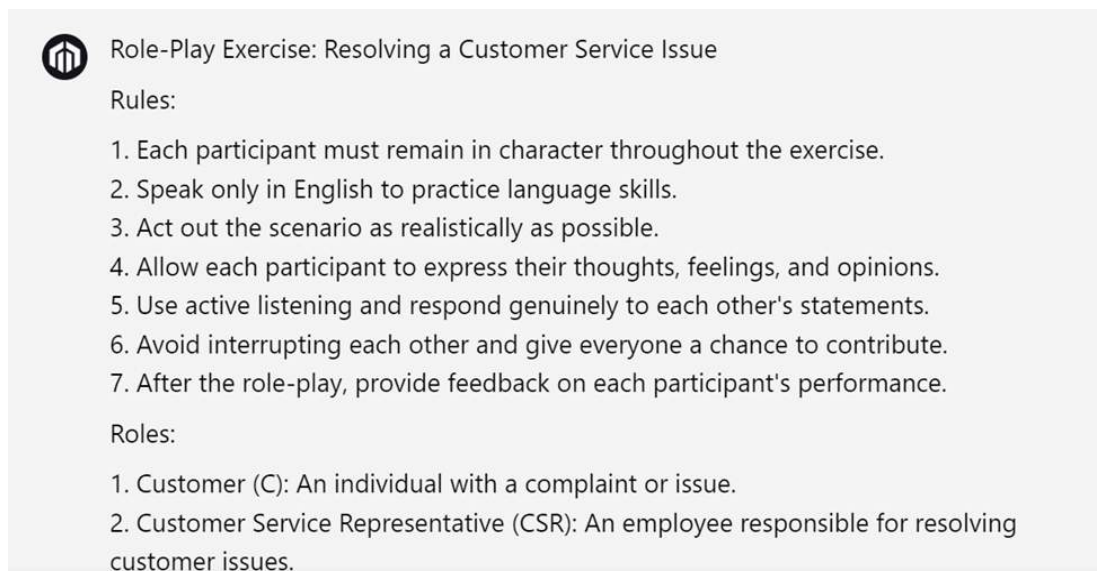

Рис.4 – Карточка ролевой игры по теме “Resolving a customer service issue”

использовании иностранного языка в реальных ситуациях общения.

ГИИ может создавать виртуальные среды для симуляции различных ситуаций общения, имитируя различные сценарии и обстоятельства. Для практики использования лексических единиц и речевых оборотов в рамках определенных тем, ГИИ генерирует виртуальные сценарии, имитирующие реальные ситуации общения, такие как поход в ресторан, встреча с носителем языка, интервью на работе, деловые переговоры, туристические ситуации, медицинские консультации и другие.

Одним из продуктивных упражнений, с успехом используемым преподавателями иностранного языка для формирования умений говорения,

является ролевая игра. Системы, основанные на ГИИ, могут предложить студентам участвовать в ролевых играх, где они могут занимать различные роли и взаимодействовать в виртуальном пространстве. Ниже приведен пример предложенного ГИИ сценария ролевой игры по теме “Resolving a customer service issue” (Рис.4 – Карточка ролевой игры по теме “Resolving a customer service issue”).

Немаловажным аспектом является то, что генеративные модели могут предоставлять обратную связь по ходу виртуального общения, исправляя грамматические ошибки, подсказывая правильные фразы и предоставляя рекомендации по улучшению навыков общения. В ходе осуществления обратной связи происходит под-

держка произношения, в рамках которой системы могут анализировать и корректировать произношение студентов в симуляции разговорных ситуаций, что помогает улучшить разговорные навыки обучающихся.

Так же в зависимости от уровня знаний и потребностей студента ГИИ может адаптировать сценарии, предлагая более простые или сложные ситуации в зависимости от контекста обучения. Симуляция ситуаций общения с использованием ГИИ предоставляет студентам возможность практиковать язык в живых и реалистичных условиях, что может значительно повысить их уверенность в использовании иностранного языка в реальной жизни. Обучающиеся могут использовать эти возможности для поддержания связных разговоров, не опасаясь осуждения. Следовательно, они могут чувствовать себя менее напряженно в процессе симуляции изучения языка.

ChatGPT учитывает широкий спектр особенностей письменного текста, таких как прагматика, семантика, связность, когерентность, устойчивость, стиль языка, формат, грамматика и синтаксис. Однако уловить некоторые аспекты качества человеческого письма, такие как эмоциональная глубина, голос и индивидуальность писателя, а также риторическая гибкость, остается сложной задачей.

Тем не менее, ChatGPT предлагает широкий спектр возможностей в написании текстов, от простых до сложных задач. Это ценный инструмент для создания письменных текстов, который может создавать полноценные человекоподобные произведения. Создаваемые им тексты, как правило, связные и грамматически правильные, что делает его полезным инструментом для пользователей, позволяющим им совершенствовать свое письмо и улучшать использование языковых форм. ChatGPT также может генерировать обширный список тем для сочинений в зависимости от сферы интересов пользователя.

Данная возможность особенно полезна при выборе наиболее релевантных тем в рамках интересов обучающихся. Помимо генерации тем, ChatGPT может создавать конспекты в различных форматах. Он может преобразовать любой конспект в формат предложения, темы, буквенно-цифровой или десятичной системы. Организация своих мыслей – распространенная проблема для обучающихся при написании полноформатных эссе [Иванчикова, 2016, с.182-188]. С помощью функции конспектирования в ChatGPT студенты знакомятся с образцами конспектов, которые могут служить руководством и использоваться в качестве основы для создания хорошо продуманного конспекта, соответствующего выбранной ими теме.

Одним из важных этапов процесса работы над письменными текстами является обратная связь. Однако при традиционном обучении качественная обратная связь не всегда доступна для письменных работ студентов. Система же выставляет оценку работе на основе заранее заданных критериев и предоставляет конкретные комментарии, подтверждающие присвоенный балл. Решение и интерпретация ChatGPT по каждому заданному критерию основывается на содержимом широкого спектра онлайн-источников, обработанных в виде большого набора статистических моделей и ассоциаций. Аналогичным образом, предлагая инструменту предоставить обратную связь (например, “Provide feedback on this text”), он выделяет сильные и слабые стороны текста и предлагает рекомендации по его обработке, рекомендации о том, как можно улучшить работу. Помимо оценки стилистики, инструмент может оценить богатство и актуальность содержания, ясность цели, глубину анализа, организацию текста. Программа также выставляет баллы и проверяет направленность эссе, конкретность примеров, последовательность аргументации, ясность объяснений и организацию идей,

Несмотря на то, что ChatGPT может быть полезен в качестве помощника при обучении письменной речи, рекомендуется использовать его лишь в качестве дополнительного инструмента для написания эссе, а не полагаться на него как на создателя контента.

Системы генеративного искусственного интеллекта могут использоваться преподавателями для подготовки к учебным занятиям. В частности, генеративные модели могут создавать персонализированные учебные планы и задания, учитывая индивидуальные потребности и уровень знаний каждого студента. ГИИ может проводить оценку начального уровня знаний студента с помощью тестов и заданий. На основе этих данных система может определить, на каких языковых аспектах стоит сосредотачиваться. На основе результатов оценки и данных о прогрессе ГИИ создает индивидуализированный учебный план, который подстраивается под потребности и уровень способностей студента. В зависимости от того, как быстро студент усваивает материал, ГИИ может регулировать темп обучения. Это предотвращает ситуацию, когда обучение идет слишком быстро или слишком медленно для конкретного ученика.

ChatGPT обладает большим потенциалом в качестве инструмента для изучения языка, но имеет ряд ограничений. Разработчики признали, что он может давать неточные и невразумительные ответы. ChatGPT также чувствителен к не-

значительным изменениям в формулировках запроса и многократным попыткам использования одного и того же запроса.

В контексте письма ChatGPT может иметь ограниченные возможности при проверке потенциального плагиата и адаптации текста под конкретную аудиторию. Также наблюдался определенный уровень шаблонности письменных текстов.

Например, получив задание написать эссе о различных понятиях, например таких как курение и зависимость от онлайн-игр, ChatGPT как правило, придерживается определенной структуры. Обычно, она начинается с определения понятия и краткой истории концепции. В заключении приводится резюме основных положений, заключительные мысли и призыв к действию.

В дополнение к ограничениям, упомянутым ранее, ChatGPT создает некоторые проблемы для обучения иностранному языку, связанные с академической честностью и проблемами плагиата [Klee, 2023].

ChatGPT позволяет студентам выполнить письменное задание без особых усилий. Это вызывает опасения по поводу проблем, особенно в развитии критического и творческого мышления. Использование ChatGPT также может снизить креативность и критичность мышления студентов, если они не обучены пользоваться этим инструментом и не умеют оценивать предлагаемую информацию.

ChatGPT также генерирует оригинальный контент, который не может быть обнаружен онлайн-провайдерами для проверки на плагиат, особенно когда контент перефразируется с помощью таких инструментов, как QuillBot. QuillBot – это инструмент перефразирования и резюмирования, который помогает миллионам студентов и профессионалов сократить время написания более чем наполовину с помощью современного искусственного интеллекта для переписывания любого предложения, абзаца или статьи [Paraphrasing Tool – QuillBot AI, 2023]. В результате учителям бывает трудно отличить работу учеников от текста, сгенерированного ChatGPT. Более того, опора учащихся на ChatGPT может послужить препятствием на пути достижения важных педагогических и методических целей, которые состоят в том, чтобы способствовать развитию творческих способностей, формированию критического мышления и способности четко и ясно излагать свои мысли на иностранном языке.

Выводы: как языковая модель, предназначенная для понимания и генерации текста, похожего на человеческий, ChatGPT может стать ценным инструментом для преподавателей английского

языка при подготовке к занятиям и для студентов, изучающих иностранный язык при соблюдении разумных ограничений.

Преподавателям иностранного языка ГИИ могут помочь при планировании урока: ChatGPT может помочь преподавателям иностранного языка генерировать креативные идеи для планов занятий, мероприятий и содержания аудитории. Преподаватели могут обратиться к ChatGPT за предложениями по темам занятий и стратегиям преподавания. ChatGPT может помочь в создании учебных материалов, таких как рабочие листы, викторины. Он может помочь в разработке упражнений по грамматике и словарному запасу, а также в создании примеров для обсуждения на занятии. Так же преподаватели могут использовать ChatGPT для разъяснения связанных с языком запросов, правил грамматики и идиоматических выражений. Он может служить кратким справочным пособием для объяснения сложных языковых концепций и предоставления контекстных примеров.

Для обучающихся системы ГИИ могут помочь при выполнении домашнего задания: студенты могут использовать ChatGPT, чтобы обратиться за помощью с грамматикой, письменным заданием и пониманием языка. Они могут попросить объяснить концепции, помочь со структурой эссе или поддержать в понимании сложных предложений при чтении. ChatGPT может вовлекать студентов в интерактивные языковые упражнения и разговорную практику. Студенты могут попросить советы по написанию, рекомендации по использованию языка и даже участвовать в имитируемых диалогах, чтобы улучшить свои языковые навыки. Студенты могут использовать ChatGPT для сбора информации, изучения литературного анализа и поиска объяснений о литературных произведениях, историческом контексте и культурных отсылках, связанных с иностранным языком и литературой.

В целом, системы ГИИ, такие как ChatGPT, могут стать ценным компаньоном для преподавателей иностранного языка и студентов, оказывая поддержку в подготовке к занятиям, изучению языка и академических исследованиях. Его способность участвовать в разговорах на естественном языке и предоставлять информативные ответы может улучшить качество обучения иностранному языку, а также, пролонгацию обучения языку в процессе всей жизнедеятельности.

Список литературы:

1. Иванчикова, Т. В. Трудности и типичные коммуникативные ошибки учащихся при выпол-

нении задания с развернутым ответом по русскому языку / Т. В. Иванчикова, М. Е. Петухова // Вестник Чувашского университета. – 2016. – № 2. – С.182-188. – Текст: непосредственный.

2. Коровникова, Н. А. Искусственный интеллект в современном образовательном пространстве: проблемы и перспективы / Н. А. Коровникова // Социальные новации и социальные науки. – 2021. – № 2(4). – С. 98-113, С.107. – Текст: непосредственный.

3. Токтарова, В. И. Интеллектуальные сервисы генерации образовательного контента / В. И. Токтарова, О. В. Ребко // Дистанционные образовательные технологии: Сборник трудов VIII Международной научно-практической конференции, Ялта, 19–21 сентября 2023 года. – Симферополь: Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина), Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2023. – С. 165-167. – Текст: непосредственный.

4. Hockly, N. Artificial intelligence in English language teaching: The good, the bad and the ugly. / N. Hockly // RELC Journal. Advance online publication: 2023. Текст: электронный // [сайт]. –

URL: <https://doi.org/10.1177/00336882231168504> (дата обращения: 16.01.2024).

5. Klee, Miles. Professor Flunks All His Students After ChatGPT Falsely Claims It Wrote Their Papers / M. Klee // 2023. Текст: электронный // [сайт]. – URL: <https://www.rollingstone.com/culture/culture-features/texas-am-chatgpt-ai-professor-flunks-students-false-claims-1234736601/> (дата обращения: 16.01.2024).

6. OpenAI. ChatGPT: Optimizing language models for dialogue. 2023. Текст: электронный // [сайт]. – URL: <https://openai.com/blog/chatgpt/> (дата обращения: 16.01.2024).

7. Paraphrasing Tool – QuillBot AI, 2023. Текст: электронный // [сайт]. – URL: <https://quillbot.com/> (дата обращения: 16.01.2024).

8. Sleator, L. Almost half of Cambridge students admit they have used ChatGPT. / L. Sleator // The Times: 2023. Текст: электронный // [сайт]. – URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/cambridge-university-students-chatgpt-ai-degree-2023-rnsv7mw7z/> (дата обращения: 16.01.2024).

Thorp, H. ChatGPT is fun, but not an author / H. Thorp // Science, Vol 379, Issue 6630. / 2023. P. 313 – Текст: непосредственный.

DOI: 10.47475/9785727119631_520

И.А. НАУМОВА / I.A. NAUMOVA

Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)

НАПИСАНИЕ CV В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ДЕЛОВОЙ КОММУНИКАЦИИ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ

WRITING A CV AS PART OF BUSINESS COMMUNICATION TRAINING IN A FOREIGN LANGUAGE

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению специфики целенаправленного формирования компетенции письменной деловой коммуникации на иностранном языке в части написания CV в процессе специально организованной учебной деятельности студентов неязыковых направлений подготовки. В ходе формирования данной компетенции используется компетентностно-когнитивный подход посредством актуализации сознательно-сопоставительного, сознательно практического, ориентирующего на овладение иностранным языком в рамках конкретного профиля обучения в данном случае письменной деловой коммуникацией, и интерактивных методов обучения иностранному языку. Автор принимает во внимание социально-культурные, лингвокультурные, стилевые, структурные, синтаксические и пунктуационные особенности написания CV на иностранном языке, а также особенности форматирования и формулировки цели в данных текстах делового письменного общения. В статье дается обоснование важности освоения письменной деловой коммуникацией на иностранном языке: качественно выстроенная деловая коммуникация помогает установить и поддерживать профессиональные отношения с коллегами, партнерами, клиентами и другими заинтересованными сторонами, способствует созданию более гармоничной и продуктивной рабочей атмосферы, по-

зволяет четко и ясно передавать информацию, инструкции и задачи, что способствует повышению производительности и качества работы, дает более высокие шансы на продвижение по карьерной лестнице, так как они способны эффективно взаимодействовать с другими людьми и добиваться лучших производственных результатов.

Abstract

The article aims at discussing the specifics of targeted development of written business communication competence in a foreign language, specifically in the context of writing a CV during specially organized educational activities for students in non-language majors. The formation of this competence utilizes a competence-cognitive approach through the activation of consciously comparative, consciously practical, and orientation towards acquiring a foreign language within the framework of a specific educational profile, in this case, written business communication, and interactive methods of foreign language teaching. The author takes into account socio-cultural, linguo-cultural, stylistic, structural, syntactic, and punctuation features of writing a CV in a foreign language, as well as the peculiarities of formatting and formulating goals in these texts of business written communication. The article provides a justification for the importance of mastering written business communication in a foreign language: well-structured business communication helps establish and maintain professional relationships with colleagues, partners, clients, and other stakeholders, contributes to creating a more harmonious and productive work atmosphere, allows for clear and concise transmission of information, instructions, and tasks, which enhances productivity and work quality, and provides better chances for career advancement as individuals are able to effectively interact with others and achieve results.

Ключевые слова: навыки деловой коммуникации, письменная, делового, коммуникация, CV, особенности написания разделов CV, рубрикация CV, синтаксис в CV, пунктуация в CV.

Keywords: business communication skills, written business communication, CV, features of writing CV sections, CV structuring, syntax in CV, punctuation in CV.

Владение обучающимися устойчивыми навыками устной и письменной деловой коммуникации на иностранном языке является важным условием для их успешного взаимодействия в иноязычной профессиональной среде. Данные навыки обеспечивают прочное установление профессиональных отношений: умение хорошо коммуницировать помогает устанавливать и поддерживать профессиональные отношения с зарубежными партнерами, коллегами, клиентами и другими заинтересованными сторонами более результативно. Также навыки деловой коммуникации на иностранном языке способствуют продвижению карьеры: сотрудники с хорошими навыками деловой коммуникации часто имеют больше шансов на продвижение по карьерной лестнице в иноязычной профессиональной среде, так как они способны эффективно взаимодействовать с другими людьми и добиваться результатов. Следует отметить, что владение данными навыками помогает осуществлять успешное проведение переговоров, достижение компромиссов, решение конфликтов, а также способствует повышению производительности и качества работы. Умение эффективно общаться помогает разрешать конфликты и проблемы на рабочем месте, что способствует более гармоничной и продуктивной рабочей атмосфере. Хорошая деловая коммуникация позволяет четко и ясно передавать информацию, инструкции и задачи, что

тоже способствует повышению производительности.

Актуальность владения навыками деловой коммуникации поддерживается рядом авторов современных учебных пособий по данной проблеме. «Деловая коммуникация является неотъемлемой частью жизни каждого человека. Мы пишем заявления и объяснительные записки, устраиваемся на работу, обмениваемся деловыми письмами, выступаем с речами в официальной обстановке, общаемся с коллегами и бизнес-партнерами, принимаем участие в деловых беседах, переговорах и совещаниях. Без преувеличения можно утверждать, что навыки делового общения в письменной и устной форме являются залогом успеха в профессиональной деятельности» [1, с.4].

Целью данной статьи является проведение анализа специфики обучения написанию CV (резюме) на английском языке студентов неязыковых направлений подготовки. CV является продуктом письменной деловой коммуникации, поэтому отметим ряд важных преимуществ прочного владения навыками письменной деловой коммуникации:

1. Четкость и точность. Письменная деловая коммуникация позволяет выразить свои мысли и идеи точно и четко, избегая недопонимания и разночтений.

2. Документирование. Письменные деловые сообщения могут служить формальной основой

для будущих сделок, соглашений или споров, что помогает избежать недоразумений и конфликтов.

3. Профессиональный образ. Хорошо составленные письма и документы положительно характеризуют компетентность и профессионализм.

4. Эффективность. Письменная коммуникация позволяет выразить свои мысли и идеи в удобное для вас время, а также предоставить получателям возможность внимательно прочитать и обдумать информацию.

5. Межкультурное взаимодействие. В иноязычной деловой среде письменная деловая коммуникация может стать ключевым инструментом для преодоления языковых и культурных барьеров.

Как мы отмечали ранее, CV (резюме) является одним из продуктов письменной деловой коммуникации. Оно относится к текстам информационно-делового стиля. CV представляет собой краткое, структурированное описание профессионального опыта, образования, профессиональных навыков и достижений соискателя на вакантную позицию. Обычно CV содержит информацию о контактных данных, образовании, опыте работы, профессиональных навыках, достижениях и других релевантных деталях, связанных с трудоустройством.

Приступая к процессу обучения студентов написанию CV на английском языке, прежде всего, необходимо довести до их понимания, что цель данного текста деловой коммуникации, данной работы – представить информацию о профессиональном опыте, образовании, навыках и достижениях соискателя на работу. Его **главная цель** – донести информацию о **кандидате** до потенциального работодателя. Здесь исключаются любые прямые и косвенные упоминания о коллегах, партнерах, одноклассниках, однокурсниках, еще каких-либо третьих лицах. Мы говорим студентам, что ваше CV содержит информацию, которая касается только вас.

В процессе обучения написанию CV мы целенаправленно обращаем внимание студентов на его структуру, разделы (блоки), их расположение и очередность. CV имеет определенную структуру, которая включает разделы, такие как: контактные данные/личная информация (Profile), цель (Objective), опыт работы (Employment History), образование (Qualifications), профессиональные навыки и прочие, необходимые для профессиональной деятельности навыки кандидата (Other skills), личные интересы (Personal Interests) и список лиц, которые дают или могут дать рекомендацию соискателю (References) [2, с.80]. Некоторые интернет-источники, как например,

RB.RU, предлагают включать в CV блок «Аннотация» (Summary) (<https://rb.ru/young/resume-in-english/#summary>) вместо блока «Цель» (Objective) (таблица 1) [3].

Таблица 1

Пример текста блока «Summary» с переводом

Summary	Аннотация
I am passionate CeX / Customer Experience Professional seeking to gain a new and rewarding position where I can implement the latest customer support and workflow processes. As an organised and highly service driven individual, I love to champion brilliant customer support and deliver first class results within dynamic and fast paced working environments.	Я увлеченный своим делом профессионал по CeX и Customer Experience, который ищет новую и перспективную должность, на которой я смогу внедрить последние разработки по поддержке клиентов и организации рабочего процесса. Как организованный и исполнительный человек, я бы хотел обеспечивать грамотную поддержку и получать высокие результаты в динамичной и быстро развивающейся компании.

На наш взгляд, использование такого блока непосредственно в CV не является хорошей идеей. По мнению авторов материала RB.RU, в таком блоке потенциальный кандидат может произвести приятное впечатление на HR-менеджера и подготовить почву для дальнейшего, более подробного знакомства. Отсюда в приведенном выше примере наличие полных описательных предложений и ряд качественных оценочных прилагательных *passionate, organized, highly service driven, brilliant* и др., но, следует отметить, что подобные текстовые решения приносят ощутимую субъективность в содержание блока в целом и в профессиональные характеристики потенциального сотрудника в частности. Кроме того, текст блока «Summary», как мы видим, целиком состоит из полных распространенных предложений с несколькими полноценными грамматическими основами. Каждое предложение, в свою очередь, дополнено тем или иным придаточным. В результате общий объем CV увеличивается, текст заметно «утяжеляется» и синтаксически усложняется, что может в целом отрицательно повлиять на восприятие заявленной информации в CV потенциальным HR-менеджером. Мы полагаем, что в процессе обучения написанию CV студентам целесообразно приучаться придер-

живаться максимальной информационно-содержательной объективности и формализованности структур письменной речи и использовать блок «Objective», текст которого лаконично формулируется всего одним односоставным назывным предложением (таблица 2). В его основе мы видим подлежащее *Seeking*, которое демонстрирует ясность и конкретность основной цели CV.

Таблица 2

Пример текста блока «Objective» с переводом

Objective	Цель
Seeking a position of responsibility in the field of Direct/Internet Marketing	Поиск должности в сфере прямого/интернетного маркетинга

Обратимся непосредственно к структуре CV. В первый раздел CV (Profile) мы вносим фамилию, имя, почтовый адрес и другие контактные данные. Относительно написания своего собственного имени и фамилии в CV студентам дается рекомендация брать тот вариант, который представлен в его заграничном паспорте, либо на его банковской карте. В случае если у студента нет ни того, ни другого, предлагаем ему воспользоваться онлайн-транслитерацией, либо системой транслитерации для заграничных паспортов, которая следует из приказа МИД № 2113 [4]. При написании имени и фамилии сначала идет личное имя, за ним следует фамилия. Здесь мы не указываем отчества, так как понятие отчества в англоговорящих странах отсутствует.

При написании почтового адреса обращаем внимание студентов на определенные традиционные правила оформления адресов на английском языке. Мы придерживаемся следующего порядка: номер дома — улица — квартира — город — индекс — страна, пишем адрес в две строки, это значительно упрощает чтение адреса. Запятые часто не используются, но в учебных пособиях можно встретить образцы оригинальных CV, в которых запятые в адресах ставятся после названия города. При указании номера телефона и адреса электронной почты не забываем поставить двоеточия после сокращений *Tel.* и *E-mail*. Далее мы формулируем раздел «Objective», особенности которого мы рассмотрели выше.

Следующие два раздела, «Employment History» и «Qualifications», можно с полным правом назвать основными. При оформлении разделов CV в две колонки, разделы «Employment History» и «Qualifications» следует размещать друг за другом справа налево. Таким образом, эти два основных раздела, передающих всю ключевую и определяющую информацию о по-

тенциальном сотруднике как о профессионале, оказываются в центре, становятся телом документа, что обеспечивает более устойчивый фокус внимания потенциального HR-менеджера. В плане пунктуационного оформления здесь следует указать, что ни после названий заявленных разделов, ни после названий других разделов CV мы не ставим никаких знаков препинания, так как они являются заголовками. Остановимся подробнее на разделе «Employment History». При его написании мы обращаем внимание на то, что все места работы перечисляются в обратном хронологическом порядке, то есть от последнего к первому, указывая промежуток времени, когда потенциальный сотрудник работал в этих организациях. Итак, мы фиксируем промежуток времени, ставим двоеточие и указываем должность. Далее отдельным новым предложением идет название организации, город, где она располагается, и страна. Точка в конце этого перечисления не ставится. Ср.:

Employment History

2003-2004: Assistant Sales Manager.

MSV-Business Service,

Amsterdam, Netherlands

Ниже отдельными новыми предложениями без подлежащих формулируются должностные обязанности. Один функционал — одно новое предложение. Весь выполняемый функционал описывается глаголами в простом прошедшем времени либо при помощи герундия. Например: *Planned and developed direct mail campaigns. Advised on internet marketing strategies.* Либо: *Responsible for finding new clients.*

Перейдем к рассмотрению раздела «Qualifications». Как и в предыдущем разделе, располагаем периоды обучения в учебных организациях по убыванию, начиная с последнего. Помимо названия вуза, важно написать годы учебы и полученную квалификацию. Итак, мы фиксируем промежуток времени обучения в образовательном заведении, ставим двоеточие и с заглавной буквы формулируем определенно-личное предложение об окончании учебного заведения с указанием его названия и направления подготовки. Ср.:

Qualifications 2000-2003:

Graduated from the University of Vienna,

Bachelor of Science in Sales Management.

Далее отдельным новым предложением с новой строки перечисляются названия основных изученных дисциплин (Main course components) и отдельным новым предложением перечисляются названия дисциплин по выбору (Options). Здесь можно рекомендовать студентам пользоваться учебным планом, по которому они обучаются. Ср.:

Main course components:

sales and marketing, European business law and information technology.

Options: Social studies and politics.

Если человек до поступления в вуз окончил школу с углубленным изучением какой-либо дисциплины, указываем эту информацию, область в этом разделе. Например: *Awarded high school leaving certificate from school №5, majoring in math.*

Итак, мы сформулировали основные разделы CV. Перейдем к рассмотрению особенностей разделов, передающих немаловажную, но все же второстепенную информацию о потенциальном кандидате на вакансию. Разделы «Other skills» и «Personal Interests» мы располагаем ниже основных слева направо. При написании данных разделов студентам следует указать на то, что внутри каждого предполагается дополнительная рубрикация: областей/сфер, в которых кандидат приобрел дополнительные навыки, и видов деятельности, которыми он занят на досуге, в последнем нужно учесть, что могут быть разные основания для этой дополнительной рубрикации. Таким образом, разделы «Other skills» и «Personal Interests» приобретают следующий вид, например:

Other skills

Computers: *Experience in programing in HTML, Flash and Dreamweaver. MS Office.*

Languages: *Mother tongue Russian, fluent English.*

Personal Interests

Sports: *cycling and snowboarding.*

Hobbies: *music (jazz piano) and theatre (member of an amateur theatre*

Далее мы переходим к заключительному разделу CV – разделу «References». В нем мы указываем контакты людей, которые могут рекомендовать потенциального кандидата как хорошего специалиста. Следует учитывать, что обычно здесь указываются контакты минимум двух человек, причем, если соискатель – студент или недавний выпускник вуза, то очень желательно, чтобы один из рекомендателей относился к учебному заведению, которое он окончил. Обычно это руководитель дипломного проекта соискателя, либо руководитель его учебной или преддипломной практики, заведующий выпускающей кафедрой, заведующий научной лабораторией. Вто-

рой рекомендатель – это обычно работодатель с бывшего или настоящего места работы либо сотрудник солидной организации, с которой был у потенциального соискателя опыт успешного делового сотрудничества. Здесь следует указать на то, что, формулируя запись о рекомендателе, ассоциированном с учебным заведением, мы ее начинаем с научного звания, а о рекомендателе, ассоциированном с производством, начинаем с его имени и фамилии, далее, в виде уточнения, идет название его должности и организации. В результате запись в разделе «References» приобретает следующий вид, например:

References

- **Professor Jurngen Draxler, University of Vienna.**
- **Norman Achilles, President of the European Marketing Foundation.**

Таким образом, следуя данной траектории написания CV и рекомендациям, изложенным выше, а также принимая во внимание особенности, отмеченные выше, обучающиеся могут убедительно продемонстрировать свой профессиональный облик, способность к самоорганизации, структурированию информации и свою ценность как потенциальных кандидатов на вакантные должности в различных зарубежных организациях.

Список литературы

1. Деловая коммуникация на русском языке: учеб. метод. пособие для иностранных студентов / А.Р. Галимуллина и др. – Ижевск: Удмуртский университет, 2023. – С.4. – Текст: непосредственный.
2. Транслитерация русского алфавита латиницей // Википедия, свободная энциклопедия. – Текст: электронный. URL: <https://ru.wikipedia.org/?curid=2022517&oldid=135628281> (дата обращения: 01.02.2024).
3. Багдасарян, Н. Образец резюме на английском языке. Сетевое издание RB.RU – Текст: электронный. URL: <https://rb.ru/young/resume-in-english/#summary> (дата обращения: 01.02.2024).
4. Intelligent Business course book Intermediate Business English Trappe T., Tullis G. Intelligent Business: Intermediate Business English: Coursebook Harlow: Pearson, 2013. – P. 80. – Текст: непосредственный.

DOI: 10.47475/9785727119631_525

С.В. ПОЛЯКОВА / S.V. POLYAKOVA

*Пермский государственный национальный исследовательский университет
(Пермь, Россия)***ПРОЕКТЫ ПО ЭКСТЕНСИВНОМУ ЧТЕНИЮ
ДЛЯ СТУДЕНТОВ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ****EXTENSIVE READING PROJECTS FOR SOCIAL WORK STUDENTS****Аннотация**

В данной статье исследуются способы включения экстенсивного чтения романов современных американских и британских авторов в программы ESP для студентов гуманитарных факультетов ПГНИУ на примере проекта для студентов социальной работы. Эти произведения являются ценным инструментом мотивации к эффективному изучению языка и лучшему пониманию межкультурных различий в профессиональной сфере. Тексты романов, отражающие социальные и культурные реалии Великобритании и США, представляют собой ресурс для развития творческого потенциала студентов на занятиях ESP. Современные проблемы, представленные в книгах, изучаются с помощью групповых дискуссий, проектной работы, конкурсов эссе, презентаций и других педагогических приемов. В статье рассматривается проект на основе романа «Человек дождя» для студентов социальной работы.

Abstract

This article discusses ways of integrating extensive reading (ER) of modern American and British novels in the context of ESP programs for students of the humanities faculties of PSU on the example of a project for students of social work. These novels are a valuable tool for motivating language learning and a better understanding of intercultural differences in the professional field. The texts of the novels reflect the social and cultural realities of the UK and the USA. They represent a deep resource for developing the creative potential of students in ESP classes. The modern problems presented in the books are studied through group discussions, project work, essay contests, presentations and other pedagogical techniques. The article discusses a project based on the novel "Rain Man" for students of social work.

Ключевые слова: экстенсивное чтение, английский язык для профессиональных целей, роман, проектная работа, «Человек дождя», художественный, документальный фильм, студенты, социальная работа.

Keywords: extensive reading, English for professional purposes, novel, project work, "Rain Man", film, fiction, documentary, students, social work.

The aim of this paper is to analyze the linguistic, pedagogical, and socio-cultural potential of extensive reading projects in ESP for students of social work. Such projects can serve as an extremely valuable authentic tool both for the classroom and self-study. Besides, they can be effectively applied for raising students' cross-cultural awareness and professional competence [3].

Extensive reading (ER) is a didactic approach where learners read longer, easier texts for an extended period without feeling overwhelmed. It is aimed at acquiring general comprehension and is different from intensive reading, which focuses on specific information. In an ER project, students read at their own pace, choose their own reading material, and are not forced to finish uninteresting texts. This approach helps build reading speed, fluency, and vocabulary and is often used in language learning programs to improve students' language skills and motivation to read [1] [2] [3].

Moreover, if ER is applied in English for business, English for medicine, or English for social work and law it can greatly enhance students' language skills and overall learning experience as well.

In addition to the benefits mentioned above, extensive reading also helps students develop their reading fluency. By reading for pleasure, students can improve their reading speed and comprehension, which are crucial skills in any academic or professional setting.

Furthermore, extensive reading allows students to expand their vocabulary. By encountering new words and phrases in context, students can improve their understanding and retention of vocabulary. This is especially important in ESP courses, where students need to be familiar with industry-specific terminology.

In general, extensive reading is a valuable tool in an ESP class. It not only contributes to students' linguistic skills and comprehension but also motivates

them to read and learn more. By incorporating extensive reading into the curriculum, educators can provide students with a well-rounded and effective language learning experience.

It should be noted that for each specialism we can develop a recommended list of literature both in the original and in the simplified version (like a graded reader) to correspond to an individual student's level of the English language proficiency. For example, during previous ER projects we could offer students to read simplified novels "About a Boy" by Nick Hornby, "Different Worlds" by Margaret Johnson, "Forest Gump" by Winston Groom, "Forget to Remember" by Allen Maley. The simplified leveled novels can be found on different sites like *Paragraph77.ru* or *liteka.ru/english/library*. On the other hand, more advanced learners could read novels in the original, for instance, "The Curious Incident of the Dog in the Night-Time" by M. Haddon, "Forest Gump" by Winston Groom, "The Twelve Angry Men" and others [1], [3], [5], [6], [9], [10].

Let us consider a recent ER project for social work students which took place in the first semester of 2023. A group of social workers (14 students) were offered to read a simplified version of the novel "Rain Man" (Level A2-B1) [4].

The **pre-reading stage** was an introduction to the project. It was explained that the story was written by a Hollywood screen writer Barry Morrow, who developed a script of the movie "Rain Man" (1988). Also, the story is related to the writer's personal life.

The **while reading** stage included several activities. The students read the novel within 4 weeks as a home reading task and had a short comprehension talk during one class a week. After the reading they were offered to watch the movie. In addition, the participants learn a story about the prototype in the story – a real autistic savant Kim Peek, who inspired Dustin Hoffman to play the role of Raymond Babbitt.

Upon completion of this part of the project the group had a discussion class in which the following themes and aspects were identified and emphasized by the students and the teacher: 1. *Autism and other disorders*. The group discussed how autistic people should be treated in family and society. 2. *Family Dynamics and Relationships*. The novel looks into the difficulties of family dynamics, especially in the context of caring for a family member with special needs. This theme was used to discuss the impact of disability on family relationships and the support systems needed for families with neurodiverse members in the USA and Russia later in the course.

3. *Language and Communication*. The character of Raymond Babbitt presents a unique opportunity to analyze language and communication aspects in the context of autism. That helped students gain some

insights into the complex nature of language disorders and their impact on social interaction and achievement.

4. *Inclusion and Empathy*. The novel also inspired the group to speak on the importance of empathy, understanding, and inclusion, which are fundamental aspects in the field of social work. It provided a platform to explore how to support and advocate for individuals with diverse abilities.

Also, **the post reading and post viewing stage** included writing activities. The students were invited to write a comparative essay based on the story and the film. To consider the educational value of the project we analyzed the 14 essays and identified six themes which the students mentioned as follows: *Autism, Family Relationships, Character Development, Psychological Ideas, Ethics and Making Moral Decisions, and Relevance to Social Work*.

-*Autism*: Some students could analyze the manifestations of autism in the book and film, discuss its impact on raising awareness about the condition of such people, for example: "The book is related to a biography of Kim Peek, on whom Raymond's character in the film is based. The book provides a more objective and detailed look at Kim's life and experience and his super powers."; "The book takes a closer look at the inner monologues and thoughts of the main character, Raymond Babbitt, who has autism. In the film, most information about his inner world is conveyed through gestures, facial expressions and behavior of the actor Dustin Hoffman".

-*Family Dynamics and Relationships*: Some essays were focused on the dynamics of the relationship between two brothers, Charlie and Raymond and their feelings, for example: "The main theme of the film is the bond between brothers and the understanding that true love and family ties can overcome any differences. The film makes you think about the true value of human relationships and how love and care can change a person's life."; "The story shows how much a person's attitude towards another can change..."; "Without realizing it the brothers began to get closer. It would seem that such different people have become a real family. They shared their unique experiences with each other, developed and changed themselves for the better."

-*Character Development*: Most students explored the character development of Charlie as he transfers from a self-centered and selfish guy to a caring brother to Raymond. One of the students reflected in his essay: "But after a short trip Raymond became a real friend to Charlie. So the former selfish businessman refuses to think about the ransom. He even rejects the huge sum of money offered by his guardian hoping to defend his right to be with his brother through the court...But finally Charlie agrees that his brother should stay in the hospital."

- *Psychological Ideas*: A few students also mentioned the psychological concepts shown in the story and the film, such as trust, responsibility and personal growth, and their relevance to real-life situations: “*After all Chariles changes for the better, he is responsible for Raymond, who trusts him unconditionally, and understands the importance of his brother in his life.*”

- *Ethics and Making Moral Decision*: In general, the students discussed the ethical dilemmas faced by the characters, particularly Charlie, and analyzed their decision-making steps:

“*The book shows Charlie’s mercantile attitude towards his brother and practically does not care about Raymond. However, the film shows that Charlie is worried about his brother, observes his daily routine and feeds him according to the hospital schedule.*”; “*Of course, he thought about money and offended his brother, so Susanna left him.*”; *The story of “Rain man” is a universal and easy case that helps us understand the importance of family values, happiness, trust and love, as well as show the uniqueness of people with autism*”.

- *Relevance to Social Work*: Some students underlined that such books and novels are very relevant to understanding the role of social work as their future profession:

“*As a student of the social work direction I believe that this book and the film are very necessary in the curriculum, because it not only helps to work out the English language but also to get acquainted with the technologies of social work visually and to see that even a person with autism is able to teach something valuable to a healthy person*”.

As for the English for specific purposes, the students learned such important professional terms as *take custody of, guardian, people with neurological disabilities, autism* and others.

In conclusion, the integration of the ER project based on the novel and the film “Rain Man” into English program for social work group could help the students develop critical thinking skills, improve reading skills in a foreign language, as well as obtain a deeper understanding of diverse abilities and foster a more comprehensive approach to their future work in social work services. Overall, this particular extensive reading project in the ESP context offered a rich and multifaceted resource for enhancing students’ language skills, cultural competence, and professional development in the field of social work and love of reading in a foreign language.

Список литературы

1. Залазаева, М.А., Полякова, С. В. Использование адаптированного текста романа «About

a Boy” Ника Хорнби в обучении экстенсивному чтению студентов вуза // *Modern Science*. 2020. № 9-2. С. 257-261. – Текст: непосредственный.

2. Boyke N. Extensive reading in a tertiary reading programme: Students’ accounts of affective and cognitive benefits // *Reading & Writing*. Vol. 8(1) 2017. – URL: <https://www.researchgate.net/publication/321131845> (дата обращения: 08.01.2024).

3. Gritsenko E.A., Polyakova S.V. An ESP Project: The Film “Twelve Angry Man” in Teaching Law Students // *Евразийский гуманитарный журнал*. 2018. № 3. С. 120-124. – Текст: непосредственный.

4. Morrow, B. Rain Man – URL: <https://liteka.ru/english/library/2764-rain-man> (дата обращения: 08.01.2024).

5. Permatasari A.N., Wienanda W.K. Extensive Reading in Improving Reading Motivation: A Students’ Perspective // *Eralingua: Jurnal Pendidikan Bahasa Asing dan Sastra* Vol.7, No.2, August, 2023. – URL: <https://ojs.unm.ac.id/eralingua/article/download/45638/23196> (дата обращения: 08.01.2024).

6. Polyakova, S.V., Gritsenko E.A. Cross-Cultural ESP Project: Using A Documentary Film in Teaching Social Work Students // *Евразийский гуманитарный журнал*. 2017. № 2. С. 97-101. – Текст: непосредственный.

7. Polyakova, S., Gritsenko, E., Suslova, I. Legal Thriller: The Didactic Potential / S. Polyakova, E. Gritsenko, I. Suslova [et al.] // *Lecture Notes in Networks and Systems*. – 2022. – Vol. 342 LNNS. – P. 614-622. – DOI 10.1007/978-3-030-89477-1_59. – EDN XXOCYF.

8. Stanley, G. Extensive Reading. – URL: <https://www.teachingenglish.org.uk/professional-development/teachers/knowning-subject/articles/extensive-reading> (дата обращения: 08.01.2024).

9. What is extensive reading. URL: <https://www.speako.club/english-reading-skills/extensive-reading-what-is> (дата обращения: 08.01.2024).

10. Юрченко, М. А., Полякова, С.В. Лингводидактический потенциал экстенсивного чтения художественного англоязычного текста при развитии критического мышления студентов / М. А. Юрченко, С. В. Полякова // *Актуальные проблемы изучения иностранных языков и литератур : сборник научных трудов молодых ученых* / Отв. редактор В.А. Бячкова. – Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2022. – С. 164-169. – Текст непосредственный.

11. Haddon, M. The Curious Incident of the Dog in the Night-Time. – URL: <https://liteka.ru/english/library/2441-the-curious-incident-of-the-dog-in-the-night-time> (дата обращения: 08.02.2024).

DOI: 10.47475/9785727119631_528

Л.Д. ПОНОМАРЕВА / L.D. PONOMAREVA

*Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И.Носова
(Магнитогорск, Россия)***РЕЧЕТВОРЧЕСКОЕ ПОРТФОЛИО
В СИСТЕМЕ ЯЗЫКОВОЙ ПОДГОТОВКИ ОБУЧАЮЩИХСЯ****SPEECH-CREATIVE PORTFOLIO
IN THE SYSTEM OF STUDENTS' LANGUAGE EDUCATION****Аннотация.**

В статье представлен процесс подготовки группового речетворческого портфолио, цель которого формирование умений обучающихся воспринимать и создавать тексты разных стилей и жанров. Дидактической доминантой портфолио является текст, работа с которым стимулирует и иницирует речетворческую деятельность обучающихся. Работа по выполнению речетворческих заданий предполагает активную речетворческую деятельность по восприятию и продуцированию текстов. Автором статьи доказана необходимость использования портфолио в процессе формирования речетворческой личности обучающегося. Сделан вывод о том, что речетворческое портфолио способствует решению комплекса дидактических задач. На примере процесса подготовки группового портфолио рассмотрены возможности использования портфолио с целью формирования речетворческой личности и сделан общий вывод об эффективности использования портфолио в системе языковой подготовки обучающихся.

Abstract

The article presents the process of preparing a group speech-creative portfolio, the purpose of which is developing students' skills in perceiving and creating texts of different styles and genres. The didactic dominant of the portfolio is the text, work with which stimulates and initiates the speech-creative activity of students. Work on performing speech-creative tasks involves active speech-creative activity in the perception and production of texts. The author of the article has proven the need to use a portfolio in the process of forming a student's speech-creative personality. It is concluded that the speech-creative portfolio contributes to solving a set of didactic tasks. Using the example of the process of preparing a group portfolio, the possibilities of using a portfolio for the purpose of forming a speech-creative personality are considered and a general conclusion is made about the effectiveness of using a portfolio in the system of language training for students.

Ключевые слова: портфолио, речетворческое портфолио, речетворческая личность, речетворческий урок, текст, речетворческие задания.

Keywords: portfolio, speech-creative portfolio, speech-creative personality, speech-creative lesson, text, speech-creative tasks.

Приоритетным направлением в системе языковой подготовки обучающихся является формирование речетворческих способностей воспринимать и создавать тексты, владеть всеми видами речевой деятельности. Технологизация языкового образования способствует эффективному решению комплекса дидактических задач. Среди инновационных технологий, активно внедряемых в процесс обучения, особое место занимает технология «портфель» или «портфолио», позволяющая успешно решать дидактические задачи, связанные с языковой подготовкой обучающихся: формировать речетворческую личность обучающегося, развивать коммуникативные универсальные учебные действия, совершенствовать умения планировать, организовывать и реализо-

вывать проектно-речетворческую групповую деятельность.

Одним из первых языковых портфелей следует назвать «языковой портфель», созданный под эгидой комитета по изучению языков для общеевропейского гражданства, который ставил целью «способствовать осознанию учащимися собственно опыта изучения иностранного языка и иностранной культуры, описание уровня владения иностранным языком на конкретной ступени обучения в соответствии с общеевропейскими требованиями» [Шахова, 2011].

В настоящее время портфолио – обязательная составляющая образовательного процесса обучающегося. В системе языковой подготовки особую значимость приобретает так называемое речетвор-

ческое портфолио, представляющее собой индивидуальный портфель речетворческих достижений обучающегося: классные и домашние речетворческие работы обучающихся; выполнение речетворческих заданий по программе обучения и сверх учебной программы; рефераты по темам курса различной направленности и сложности; эссе о прочитанных книгах по данной педагогом теме; речетворческие задания, составленные самим обучающимся по конкретной теме; аудио и видеоматериалы с выступлениями обучающегося; работы, имеющие интегративные связи со смежными дисциплинами; дипломы, поощрения, награды, благодарственные письма по учебной дисциплине.

Для оценивания проектов и продуктов деятельности обучающихся рекомендуются следующие критерии [Селевко, 2010, с.125]:

1. Умение планировать деятельность и работать в рамках плана.
2. Навык адекватного подбора информации и средств деятельности.
3. Уровень личной вовлеченности и отношение к деятельности.
4. Умение анализировать процесс и конечный результат.
5. Качество презентации проекта и продукта.

Инновационной формой организации работы по подготовке индивидуального и группового речетворческого портфолио в школьных условиях является речетворческий урок [Пономарева, Губчевская, 2020, с.3]. Речетворческие уроки направлены на формирование речетворческой личности обучающегося, владеющего всеми видами речевой деятельности, способного воспринимать и создавать тексты разных стилей и жанров. Дидактической доминантой речетворческой деятельности обучающихся является текст [Пономарева, Чурилина, 2019, с. 365].

В качестве примера рассмотрим процесс подготовки группового портфолио студентами-филологами. Разработанный преподавателем авторский курс содержал систему речетворческих заданий, выполнение которых позволило в конечном итоге получить разностилевые и разножанровые тексты обучающихся. Речетворческие задания планировались на каждое учебное занятие. Назовем некоторые из них: заполните ассоциативную карту, определите сенсорнику слова, текста; введите в собственный текст предложенные образные средства; подготовьте словесные этюды по японским хокку; словесно-художественная рефлексия; ситуационные задания и др.

Для группового портфолио экспертам необходимо отобрать, пользуясь критериями оценки, лучшие работы. Экспертами могут быть преподаватели, студенты старших курсов. Организация

группового портфолио потребовала от обучающихся не только предоставить наиболее удачные работы из личного портфолио, но и определиться с замыслом, названием, структурой, оформлением группового портфолио.

Обучающиеся групповое портфолио назвали «На третьем этаже после полудня»: именно в этом месте и в это время по расписанию проводились занятия по психологии творчества. Отбирались работы по тематическому принципу. В портфолио были выделены следующие разделы:

- Под пагодой.
- Мир моего детства.
- О бескрайних морях, терпких травах и туманных горах.
- То, чего не увидит глаз и не услышат уши.
- Вот край обетованный...

В раздел «Под пагодой» были отобраны и помещены работы обучающихся, навеянные японской поэзией. Например, одна из работ о движении чувств, вызванных хокку:

Скрип калитки? Нет
Это ветер метет к ней
Желтую листву.

Басе

*Старый-старый, даже ветхий домишко.
Время его не пощадило. Однако он чисто убран,
из тубы веет дымом. Пахнет чем-то вкусным,
пахнет хлебом, свежееиспеченным, и еще травя-
ным чаем.*

*В доме живет старушка. Ее волосы – сплошь
серебро, ее глаза, часто мокрые от слез – глубокие
озера. Она много лет живет одна. Ее муж
не пришел с войны. Говорят, без вести пропал. А
она не верит, ждет, что он вернется. Оставляет
свет на крыльце и до поздней ночи сидит во
дворе. Ждет.*

*Слышится скрип. Сердце ее замирает. Каж-
дый скрип – это надежда. Но это лишь ветер.
Она грустит ненадолго, но не отчаивается.
Она продолжает ждать. Однажды он обяза-
тельно придет, она точно знает.*

В разделе «Мир моего детства» работы обучающихся о ярких впечатлениях детства. Пример одной из таких работ:

*Детство – моя сломанная лопатка, как бы
странно это не звучало.*

Детство – это лес со звездным небом.

*Детство – это три игрушки три собачки,
одна большая, плюшевая, нос которой мы при-
шивали всей семьей.*

Детство – это качели, вверх, вниз, вверх, вниз.

*Детство – это «тысячи» спасенных мною ко-
шек от морозов и голода.*

*Детство – это береза в поле, в котором на-
чалась гроза.*

Детство... Оно такое теплое и мягкое.

Хорошо, что оно такое у меня было!

В разделе «О бескрайних морях, терпких травах и туманных горах» помещены работы обучающихся о том, какие чувства испытывает человек от общения с природой. Одна из таких работ:

Стою на вершине горы. Слышу легкое дуновение холодного горного ветра, ощущаю чистый, свежий горный воздух. Вершины гор покрыты белоснежной пеленой снега, ниже едва заметны каменистые холмы. Стоя в таком прекрасном месте, невольно чувствуешь себя птицей – гордой и свободной.

Если посмотреть вниз, то сразу вспоминается тот тяжелый путь, который пришлось пройти, поднимаясь на эту могучую гору. Но об этом думать не хочется, хочется глубоко дышать и любоваться горной красотой!

В раздел «То, чего не увидит глаз и не услышат уши» были отобраны работы обучающихся, посвященные увиденному и услышанному, вызывающему новые ощущения и новые состояния. Например:

Каждая осень для меня – это новая жизнь, ожидание чего-то неизведанного и интересного. Шелест серо-желтых листьев, опавших с дерева под моим окном, капли дождя, разбудившие меня утром, словно тиканье часов, напоминающих, что осень – это новая ступень жизни. Осень – это еще не открытая дверь, за которой скрывается что-то особенное и загадочное.

Желтые листья напоминают мне о лете, ярком и солнечном, полном красок и ощущений. Я скучаю по нему.

В разделе «Вот край обетованный, обещанный мне, когда я засыпал, а когда проснулся, его не стало...» помещены работы обучающихся о самых разных снах, приятных и не очень, разноцветных и серых, запоминающихся и забывающихся. Одна из таких работ:

Мне снилась мама. Как давно я ее не видел, как я по ней соскучился! Мы сидели дома у камина, и она что-то горячо и взволнованно рассказывала мне, держа мою руку. Помнится, я еще во сне удивился, насколько рука холодна рядом с

жарким камином. Мне не хотелось просыпаться, но чем сильнее я старался удержать свой сон, тем настойчивее он бежал прочь. Затем в один миг все исчезло, но в темноте дома кто-то продолжал держать меня за руку. Я знал, что это мама, она рядом со мной.

Когда я проснулся, то был укрыт одеялом почти с головой, из-под него во сне высовывалась кисть правой руки. Теперь понятно, почему рука казалась холодной.

Созданное групповое портфолио позволило экспертам не только оценить индивидуальные речетворческие достижения обучающихся, но и их возможности в организации и реализации групповой проектно-речетворческой деятельности. Речетворческое портфолио в конечном итоге определило результативность работы обучающихся в системе их языковой подготовки.

Список литературы

1. Пономарева, Л. Д., Губчевская, Е. А. Речетворческий урок как инновационная форма организации языкового образования обучающихся / Л. Д. Пономарева, Е. А. Губчевская // Мир науки. Педагогика и психология. – Т.8. – 2020. – № 5. Режим доступа: <https://mir-nauki.com/98pdmn520.html> (дата обращения: 13.01.2023).
2. Пономарева, Л.Д., Чурилина, Л.Н. Текст как дидактическая доминанта современной системы речетворческого развития обучающихся: интерпретационный аспект // Перспективы науки и образования. – 2019. – № 1 (37). – С. 365-379. – Текст: непосредственный.
3. Селевко, Г.К. Современные образовательные технологии: учеб. пособие / Г.К. Селевко. – М.: Народное образование, 2010. – С. 125. – Текст: непосредственный.
4. Шахова, Т.М. Языковой портфель как инновационная технология при обучении русскому языку [Электронный ресурс]. 2011. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/yazykovoy-portfel-kak-innovatsionnaya-tehnologiya-pri-obuchenii-russkomu-yazyku> (дата обращения: 16.01.2023).

DOI: 10.47475/9785727119631_531

TISACHON SAE FUNG

(Сычуаньский университет, г. Чэнду, Китай)

ИССЛЕДОВАНИЕ СИТУАЦИЙ УПОТРЕБЛЕНИЯ АТТРИБУТИВНЫХ МАРКЕРОВ 的 В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ И “ของ、นี่” В ТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

A STUDY ON THE OCCURRENCE OF THE CHINESE AND THAI NOUN MODIFIER MARKER “的、ของ、นี่” 汉泰名词定语后定语标记 “的、ของ、นี่” 的隐现情况研究

Аннотация

Атрибутивный маркер 的 – это служебное слово, довольно часто встречающееся в современном китайском языке, обладающее достаточно сложными грамматическими функциональными особенностями. Его наиболее важная синтаксическая функция – служить явным признаком определения. В данной статье рассматриваются атрибутивные маркеры в китайском и тайском языках, приводится сопоставительный анализ ситуаций употребления атрибутивного маркера “的”, который ставится после определения, выраженного существительным, в китайском языке и атрибутивных маркеров “ของ、นี่”, которые ставятся после определения, выраженного существительным, в тайском языке. На основании сопоставительного анализа данных двух единиц делается вывод о соответствующей связи между ними. Кроме того, в статье анализируются типичные ошибки употребления маркера атрибутивности 的 у изучающих китайский язык тайских студентов, среди которых можно выделить два основных вида: пропуск и излишнее употребление.

Ключевые слова: китайско-тайский, определение к существительному, атрибутивные маркеры “的、ของ、นี่”, употребление и пропуск, сравнение.

摘要: 定语标记“的”字是现代汉语中出现频率比较高的一个词，也是语法功能特征比较复杂的一个词。它最为重要的句法作用是作定语的显性标志。本文从汉语和泰语中的定语标记入手，主要讲的是汉语名词定语后定语标记“的”与泰语名词定语后定语标记“ของ、นี่”的隐现情况对比分析，根据两者的隐现情况对比分析，总结出两者的对应关系，另外，还分析泰国学生学习汉语定语标记“的”字的偏误类型主要有遗漏、误加等两种类型。

关键词: 汉泰；名词定语；定语标记“的、ของ、นี่”；隐现；对比

现代汉语结构助词“的”是定语的标志，它用于定语和中心语之间，定语在它前面，中心语在它后面，起连接定语和中心语的作用，如：“我的书”。而泰语有“ของ”、“นี่”、“ซึ่ง”、“นี่”、“อัน”是定语的标记。“ของ”和“นี่”字使用的范围比较广，后面三个定语标记使用的场合比较少。泰语的定语标记也起连接定语和中心语的作用，也是位于定语和中心语之间，但与汉语不同的是它在中心语的后面，在定语的前边，如：“หนังสือของฉัน（书+的+我）”（我的书）。

汉语和泰语“的、ของ、นี่”字是定语的标志，当名词充当定语时，定语并非必须通过定语标记来体现。定语与中心语之间存在着在什么情况下要用定语标记，在什么情况下不用定语标记，在什么情况下可用可不用定语标记等三种情况。下面我们只探讨静态情况下，定语中心语性质之间关系对定语标记的影响。以下探讨汉泰名词充当定语和中心语时，产生定语标记的隐显情况及其由此带来的语义关系变化情况，同时将进行两种语言的对比分析。

一、汉泰名词定语后定语标记“的、ของ、นี่”的隐现情况对比

汉语连接名词定语和中心语名词、动词、形容词的定语标记，只有“的”字，而泰语有“ของ、นี่”字可以用来连接名词定语和中心语名词、动词、形容词的定语标记，汉语和泰语充当名词定语修饰中心语名词、动词、形容词时，并非都必须带定语标记，有时候不带，有时候带不带都可以。下面一一探讨汉泰语名词充当定语和中心语名词、动词、形容词之间的定语标记隐显的情况。

1. （名+的+名）的结构形式

1.1

汉语（名+的+名）	泰语（名+ของ+名）、（名+แห่ง+名）
书的封面 （单音节+的+双音节）	หน้าปกของหนังสือ（封面的书） （非单音节+ของ+非单音节）
人的性格 （单音节+的+双音节）	นิสัยของคน（性格的人） （非单音节+ของ+单音节）
野地的花 （非单音节+的+单音节）	ดอกไม้แห่งทุ่งกว้าง（花的野地） （非单音节+แห่ง+非单音节）
妈妈的钱包 （非单音节+的+非单音节）	กระเป๋าสตางค์ของคุณแม่（钱包的妈妈） （非单音节+ของ+非单音节）
泰国的客人 （非单音节+的+非单音节）	แขกของประเทศไทย（客人的泰国） （单音节+ของ+非单音节）
苏州的园林 （非单音节+的+非单音节）	สวนป่าแห่งซูโจว（园林的苏州） （非单音节+แห่ง+非单音节）

汉语以上的例子都是（名+的+名）的结构形式，此类定语大多数是由具有生命力或机械动力的人或事物的名词来充当定语，中心语一般表事物或抽象名词来充当。上面的

例子都表示领属关系。“书的封面”和“人的性格”的定语是表人或事物的单音节名词，中心语是表事物或抽象的非单音节名词，定语和中心语之间必须要用“的”字来修饰。“野地的花”的定语是非单音节名词，中心语是单音节名词，定语和中心语之间也必须要用“的”字来修饰。“妈妈的钱包”、“泰国的客人”、“苏州的园林”的定语和中心语都是非单音节名词，定语和中心语之间也必须要用“的”字来修饰。汉语和泰语是相同的，“泰国的客人”和“苏州的园林”可以省掉“的”字，而定中关系仍然成立，但要注意的是省掉“的”字之前与省掉“的”字之后的意义完全不一样，定中关系也不一样，例如：“泰国的客人”中有“的”字，为领属关系。“泰国的客人”中的“客人”一定不是泰国人，而是来泰国做客的其他国家的人，所以“的”字不能省掉。若去掉“的”字，“泰国客人”中的“客人”非是泰国人不可，定语和中心语是非领属关系，所以不能加上“的”字。

泰语里也有像汉语（名+的+名）的这种结构形式：（名+ของ+名）、（名+แห่ง+名），不论“ของ、แห่ง”的定语和中心语是单音节还是非单音节，它们一般都是必须要出现的，如下：

例1: นิสัย ของ คน （人的性格）

非单音节 + ของ + 单音节

例2: สวนป่า แห่ง ซูโจว （苏州的园林）

非单音节 + แห่ง + 非单音节

另外，泰语“ของ”字都可加可不加，但不是所有带“ของ”字都可加可不加的情况，如下：

例1: กระเป๋าสตางค์ (ของ) คุณแม่ （妈妈的钱包）

非单音节 + (ของ) + 非单音节

例2: หน้าปก (ของ) หนังสือ （书的封面）

非单音节 + (ของ) + 非单音节

不加“ของ”字和加上“ของ”字意义没有改变，在口语中或在习惯上不常加“ของ”字，若加上“ของ”字只是表示强调中心语的领属性而已。

2. 汉泰语时间名词充当定语时，汉语一般都要加“的”字，泰语也要加“ของ”字，例如：

汉语（名+的+名）	泰语（名+ของ+名）
今天的活动 （时间名词+的+名词）	กิจกรรมของวันนี้（活动的今天） （名词+ของ+时间名词）
明年的计划 （时间名词+的+名词）	แผนการของปีหน้า（计划的明年） （名词+ของ+时间名词）

在口语中可以不加“ของ”字，如：“กิจกรรมของวันนี้（今天的活动）”，去掉“ของ”字为“กิจกรรมวันนี้”。

3. 定语为表示方位名词（复合方位）、处所名词。汉语一般要带“的”字，而泰语表示方位名词一般不带定语标记，但表示处所名词，一般要带“ของ”字，例如：

汉语（名+的+名）	泰语（名+ของ+名）
东边的房子 （方位名词+的+名词）	บ้านทางทิศตะวันออก（房子东边） （名词+方位名词）
北京的冬天 （处所名词+的+名词）	ฤดูหนาวของปักกิ่ง（冬天的北京） （名词+ของ+方位名词）

1.2（名+（的）+名）的结构形式

1. 汉语和泰语一样，当定语表示处所、时间名词，中心语表示方位、时间名词时（名（处所、时间）+（的）+名（方位、时间）），汉语的“的”字和泰语的“ของ”字可隐可见。例如：

汉语（名+（的）+名）	泰语（名+(ของ)+名）
教学楼（的）后面 （处所名词+（的）+方位名词）	ด้านหลัง(ของ)ตึกเรียน（后面（的）教学楼） （方位名词+(ของ)+处所名词）
今年（的）夏天 （时间名词+（的）+时间名词）	ฤดูร้อน(ของ)ปีนี้（夏天（的）今年） （时间名词+(ของ)+时间名词）

2. 汉泰语复合方位词“上面/边/头（ข้างบน, ด้านบน）”和“里面/边/头（ข้างใน, ด้านใน）”充当中心语时，汉语定语和中心语之间的“的”，带不带“的”意义有时不同，而泰语一般不带“ของ”，带不带“ของ”意义一样，若带“ของ”只是表示强调而已，例如：

汉语（名+（的）+名）	泰语（名+(ของ)+名）
屋子的里面 （名词+的+复合方位词）	ด้านใน(ของ)บ้าน（里面的屋子） （复合方位词+ของ+名词）
屋子里面 （名词+复合方位词）	ด้านในบ้าน（里面屋子） （复合方位词+名词）

上例“屋子的里面”中的“里面”要读重音，指的是屋子内部靠里面的部分。“屋子里面”中的“屋子”要读重音，指的是屋子内部的任何地方。

3. 当中心语是表示亲属关系或者是指国家、机关、团体、学校、企业、家庭之类的名词时，定语和中心语之间可以不带“的”字，泰语也可以不带“ของ”字，例如：

汉语（名+（的）+名）	泰语（名+(ของ)+名）
舅舅（的）公司 （名词+（的）+企业）	บริษัท(ของ)น้าชาย（公司（的）舅舅） （企业+(ของ)+名词）
玛丽（的）娘 （名词+（的）+亲属关系）	แม่(ของ)หม่าลี่（娘（的）玛丽） （亲属关系+(ของ)+名词）

1.3（名+名）的结构形式

此结构形式，是不带“的”的，因为意义上的紧密联系，定语和中心语已经凝固成一个整体单位。它们有一些是日常生活的器物名称，有一些是科技术语、政治概念、单位全称等。定语的作用是说明中心语事物的性质、来源、型号、质料等。例如：电子计算机（คอมพิวเตอร์）、数学教师（คุณครูวิชาคณิตศาสตร์）、英语词典（พจนานุกรมภาษาอังกฤษ）、北京烤鸭（เป็ดย่างปักกิ่ง）、电脑病毒（ไวรัสคอมพิวเตอร์）等例子。这些例子在汉语中不能带“的”字，在泰语中也是不能带“ของ、แห่ง”字的。

1. 当定语为表示质料的定语，在汉语中往往不带“的”字，在泰语中也不能带“ของ、แห่ง”字，例如：

汉语（名+名）	泰语（名+名）
石头房子 （表质料定语+名词）	บ้านหิน（房子石头） （名词+表质料定语）
铁椅子 （表质料定语+名词）	เก้าอี้เหล็ก（椅子铁） （名词+表质料定语）

汉语里只有在特别强调质料定语的情况下，如：要特别强调“房子”是由石头做成的；“椅子”是由铁做成的情况下，才可以带“的”字，可以说成“石头的房子”、“铁的椅子”。但是泰

语里表质料定语时，仍然不能加“ของ、แห่ง”字，若加上“ของ、แห่ง”字，它没有像汉语那样起强调定语的作用，用了之后意义就改变了，有点别扭，例如：“บ้านหิน”（石头房子）就是说“房子”是由石头做成的，若加上“ของ”字说成“บ้านของหิน”（石头的房子），它的意思则是房子属于石头的，就变成领属关系了。如果从语法结构来看是对的，但是它表达的意义不符合泰语的语用关系，所以不应该加“ของ”字，否则就会产生别扭的意义。

2. 泰语跟汉语使用的特定称谓都一样，由于“的”字的有无，造成（名+名）的语义关系不同，我们先看以下的例子：

- A. 四川饭店   ร้านอาหารเสฉวน、   苏州园林   สวนป่าซูโจว
B. 四川的饭店   ร้านอาหารของเสฉวน、   苏州的园林   สวนป่าแห่งซูโจว

A. 的例子不带“的”字是非领属关系，我们称它为“称谓性定语”。“四川饭店”的“饭店”是以四川为命名标记的，它不一定在四川；“苏州园林”中的“园林”具有苏州的风格园林，它不一定在苏州。B. 的例子带“的”字是领属关系，我们称它为“非称谓性定语”。“四川的饭店”中的“饭店”是在四川的所有饭店；“苏州的园林”中的“园林”是在苏州的所有园林。

3. 单音节方位名词充当定语时，汉语的定语和中心语之间的“的”字不能出现，泰语的定语标记也不能出现，例如：

汉语（名+名）	泰语（名+名）
风北 （名词+单音节方位名词）	ลมเหนือ（风北） （名词+单音节方位名词）
前门 （名词+单音节方位名词）	ประตูหน้า（门前） （名词+单音节方位名词）

- (1) 后
(2)
(3)
(4)

4. 如果中心语是方位名词的话，名词定语一般不带“的”字的，泰语大部分不加定语标记，但有些情况下要用“ของ”字。例如：

汉语（名+名）	泰语（名+名）
椅子上 （名词+方位名词）	บนเก้าอี้（上椅子） （方位名词+名词）
黄河以南 （名词+方位名词）	ทางทิศใต้ของแม่น้ำฮวงโห（以南的黄河） （方位名词+ของ+处所名词）

我们可以看得出来，泰语有一些情况下要用上“ของ”字，就是定语一定要是处所名词，中心语一定要是“ทางทิศใต้（以南）、ทางทิศเหนือ（以北）、ทางทิศตะวันออก（以东）、ทางทิศตะวันตก（以西）”等之类方位名词，例如：“ทางทิศเหนือของโรงเรียน”（学校以北）；“ทางทิศตะวันออกของหอพัก”（宿舍以东）；“ทางทิศตะวันตกของห้องสมุด”（图书馆以西）等，都要用“ของ”字。

5. 汉语和泰语都一样，专有名词、广告、标题、匾额等之类，定语和中心语之间不加“的、ของ、แห่ง”，例如：

汉语（名+名）	泰语（名+名）
北京大学	มหาวิทยาลัยปักกิ่ง（大学北京）
黄河以南	ทางทิศใต้ของแม่น้ำฮวงโห（以南的黄河）
武侯祠	ศาลเจ้าสามก๊ก（祠武侯）

1.4（名+的+动）的结构形式

此类结构形式，定语为名词，中心语为动词。定语和中心语之间必须加“的”字，不然会改变结构和语义关系，变成主谓结构，例如：

- (1) 父亲的关心   ความเอาใจใส่ของคุณพ่อ   （关心的父亲）
*父亲关心   （主谓结构）×

- (2) 社会的发展   การพัฒนาของสังคม   （发展的社会）
*社会发展   （主谓结构）×

泰语里动词或形容词作中心语时，都要先把动词或形容词变成名词，动词或形容词的前面要加上词缀“ความ”或“การ”，动词或形容词才会变成名词。例如：把“ความ”放在“เอาใจใส่”（关心）的前面组合成“ความเอาใจใส่”（关心）。又如把“การ”放在“พัฒนา”（发展）的前面组

合成“การพัฒนา”（发展）。绝大多数动词前面都用“การ”字，只有表示心理活动的动词才可以用“ความ”字。形容词只能用“ความ”字。

在泰语中，当动词充当中心语时，动词前面要加上词缀“การ或ความ”就变成一个名词（名词化的动词），因此泰语以上的例子都是（名+的+名）的结构。根据汉语（名+的+动）的结构形式，在泰语里也有像汉语（名+的+动）的表达形式，如上例(1)“ความเอาใจใส่ของคุณพ่อ（关心的父亲）”是（名+的+名）的结构，若把它变成（名+的+动）的结构，应该这样组合“คุณพ่อที่เอาใจใส่（父亲的关心）”，“คุณพ่อ（父亲）”是名词，“เอาใจใส่（关心）”是动词，它们之间要用“ที่”字。同样例(2)“สังคมที่พัฒนา（社会的发展）”，都是（名+的+动）的结构形式。若把“ที่”省掉，就变成主谓结构，如上例(1)“คุณพ่อเอาใจใส่（父亲关心）”；例(2)“สังคมพัฒนา（社会发展）”。

3.2.1.5（名+的+形）的结构形式

此类结构形式，定语为名词，中心语为形容词。定语和中心语之间必须加“的”字，不然会改变结构关系和语义关系，变成主谓结构，例如：

- (1)朋友的诚恳 ความจริงใจของเพื่อน (诚恳的朋友)
*朋友诚恳 (主谓结构) ×
(2)学生的努力 ความขยันของนักเรียน (努力的学生)
*学生努力 (主谓结构) ×

在泰语中，当形容词充当中心语时，形容词前面要加上词缀“ความ”就变成一个名词（名词化的形容词），因此泰语以上的例子都是（名+的+名）的结构。根据汉语（名+的+形）的结构形式，在泰语里也有像汉语（名+的+形）的表达形式，如上例(1)“ความจริงใจของเพื่อน（诚恳的朋友）”是（名+的+名）的结构，若把它变成（名+的+形）的结构，应该这样组合“เพื่อนที่จริงใจ（朋友的诚恳）”，“เพื่อน（朋友）”是名词，“จริงใจ（诚恳）”是形容词，它们之间要用“ที่”字。同样例(2)“นักเรียนที่ขยัน（学生的努力）”，都是（名+的+形）的结构形式。若把“ที่”省掉，就变成主谓结构，如上例(1)“เพื่อนจริงใจ（朋友诚恳）”；(2)“นักเรียนขยัน（学生努力）”。

二、汉泰名词定语后定语标记“的、ของ、แห่ง”的隐现对应关系

根据上面的对比分析，将汉泰名词定语后定语标记“的、ของ、แห่ง”的隐现情况进行对应总结列表如下表：

汉泰名词定语后定语标记“的、ของ、แห่ง”的隐现情况对照总结表

注：√带“的、ของ、แห่ง”；×不带“的、ของ、แห่ง”；○可带可不带“的、ของ、แห่ง”

定语词类	结构形式	表意		汉语“的”字	泰语“ของ”, “แห่ง”
名词	(名+的+名)	表领属关系	单音节	√	√“ของ”, “แห่ง”, 在口语中可×“ของ”
			非单音节	√	√“ของ”, “แห่ง”, 在口语中可×“ของ”
		表时间		√	√“ของ”, 在口语中可×“ของ”
		表处所		√	√“ของ”
		表方位	复合方位	√	×
	(名+(的)+名)	定语表处所、时间，中心语表方位、时间		○	○“ของ”
		中心语表亲属关系或指国家、机关、团体、学校、企业、家庭等		○	○“ของ”
		中心语是复合方位词“上面/边/头”和“里面/边/头”		带不带“的”意义有时不同	一般×“ของ”, 强调时√“ของ”
	(名+名)	表人或事物的性质		×	×
		特定称谓		×	×
		表方位	单音节方位	×	×
		中心语是方位词		×	一般×, 有些√“ของ”
专有名词、广告、标题、匾额等		×	×		
(名+的+动)	中心语为动词		√	-	
(名+的+形)	中心语为形容词		√	-	

从上表我们可以看出以下两点：其一，汉语“的”字作为定语标记的场合比较多，泰语“ของ”字作为定语标记的场合比较多；“แห่ง”字作为定语标记的场合比较少。名词充当定语时，要用“ของ”字，有少数名词充当定语用“แห่ง”字。

其二，汉语和泰语定语标记“的、ของ、แห่ง”对应处比较多，不对应处比较少。名词做定语时，汉泰定语标记大部分场合是对应的。

名词作定语不对应的部分有：单音节或双音节名词充当定语，表示领属关系，汉语都要带“的”字，而泰语若在口语中可不带“ของ”字，如：汉：“朋友的戒指”，泰：“แหวนเพื่อน”。复合方位词“上面/边/头（ข้างบน, ด้านบน）”和“里面/边/头（ข้างใน, ด้านใน）”充当中心语时，汉语定语和中心语之间的“的”，带不带“的”意义有时不同，而泰语一般不带“ของ”，带不带“ของ”意义一样，若带“ของ”只是表示强调而已，如：汉：“黑板的上边”和“黑板上边”，泰：“ด้านบนกระดานดำ”。复合方位名词表示方位名词充当定语时，汉语带“的”字，而泰语不带“ของ”字，如：汉：“中间的座位”，泰：“ที่นั่งตรงกลาง”。若中心语是方位名词，汉语一般不带“的”字，泰语大多数不带定语标记，但有些情况下要用“ของ”字，如：汉：“黄河以南”，泰：“ทางทิศใต้ของแม่น้ำฮวงโห”。

三、泰国学生学习汉语定语标记容易出现的偏误分析

这部分主要探讨泰国学生学习汉语定语标记“的”字时出现的偏误。泰国学生学习汉语定语标记“的”字的偏误类型主要有遗漏、误加等两种类型。偏误分析的语料来自于本人的经验以及前人的研究成果。

3.1 遗漏

遗漏指的是在泰国学生学习汉语定语标记“的”时，定语和中心语之间没有使用本应使用的“的”字。遗漏偏误这种类型名词充当定语，定语和中心语要带“的”字。

1. 名词充当定语时遗漏定语标记“的”字

(1) *泰国天气比较闷热。

正确：泰国的天气比较闷热。

(2) *你喜欢看杭州风景吗？

正确：你喜欢看杭州的风景吗？

(3) *妹妹钱包丢了。

正确：妹妹的钱包丢了。

以上的“泰国”、“杭州”、“妹妹”都是名词作定语，表示领属关系，其后要用“的”字。在泰语中，有一部分名词表示领属关系要用定语标记，也有一部分不用定语标记，所以名词作领属性定语时，定语标记可隐可显。在口语中，名词作领属性定语不用定语标记为多，如上例（1）“อากาศเมืองไทย（泰国天气）”，也可以说“อากาศของเมืองไทย（泰国的天气）”，加不加定语标记不发生歧义。泰国学生就根据母语的规则来学习目的语，他们倾向为不加定语标记来表达汉语名词与名词组合的意义关系，而偏向不用“的”字，所以产生“母语负迁移”，出现遗漏“的”字这样的偏误。

3.2 误加

误加指的是定语和中心语之间的“的”字在不应该使用的时候，使用了“的”字。误加偏误这种类型出现在名词充当定语，定语和中心语一般不带“的”字。

1. 名词充当定语时误加定语标记“的”字

(1) *我觉得泰国的菜很好吃。

正确：我觉得泰国菜很好吃。

(2) *爸爸喜欢唱中国的歌，妈妈喜欢唱英文的歌。

正确：爸爸喜欢唱中国歌，妈妈喜欢唱英文歌。

(3) *泰国的人都喜欢吃酸辣汤。

正确：泰国人都喜欢吃酸辣汤。

汉语名词充当定语表示领属关系时，必须用“的”字。若充当定语的名词具有描写人或事物性质的作用（用途、职业身份、状态、性质等）时，一般不用“的”字。以上的例子（1）泰国的菜，（2）中国的歌、英文的歌，（3）泰国的人，都是充当定语的专有名词，表示描写人或事物性质的作用，我们从结构上看是正确的，但是在具体语用环境里，它们都已经凝聚成为一个固定的称谓，所以定语后面一定不带“的”字。泰国学生因不能根据语境来决定用不用“的”字，所以产生此类偏误。另外，还有不少泰国学生，因为不能从语义上区别哪个是领属义，哪个是属性义，所以容易类推“的”字是汉语的定语标记这个规则，因此产生误加“的”字的偏误。

结语：通过上述有关汉泰名词定语后定语标记“的、ของ、แห่ง”的隐现情况研究，分析出两者的隐现情况；也分析出两者的对应关系都有共性和差异；也分析出了他们容易使用出现的偏误

类型, 希望本文的分析总结有助于汉语学习者正确的学习, 而且掌握汉泰名词定语后定语标记“的、ของ、หนึ่ง”的隐现情况。

参考文献:

- [1] 邓世文.汉、泰两种语言的定语与状语比较研究[D]. 福建: 华侨大学, 2011.
 [2] 顾顺莲.“的”与“の”汉日定语标志的比较研究[J]. 汉语学习,1999,(01): 31-35.
 [3] 黄伯荣,廖序东.现代汉语(下册)[M]. 北京: 高等教育出版社,2007.
 [4] 李冰.汉日定语标志“的”字与“の”对比分析[J]. 云南师范大学学报,2008,(03): 39-45.
 [5] 李德津,程美珍.外国人实用汉语语法[M]. 北京: 北京语言大学出版社,2008.
 [6] 李勉东.现代汉语语法研究[M]. 长春: 东北师范大学出版社, 2003.
 [7] 刘公望.现代汉语的关系助词“的”[J]. 兰州大学学报,1986,(03): 99-104.
 [8] 罗欣蓉.现代汉语定中词组中结构助词“的”的隐现规律[J]. 企业家天地, 2009, (下旬刊): 174-175.
 [9] 吕文华.影响定语带“的”的因素[J]. 大理学院学报, 2010, (07): 7-9.
 [10] 裴晓睿.泰语语法新编[M]. 北京: 北京大学出版社, 2001.
 [11] 齐春红,卢文娟.汉语结构助词“的”和泰语结构助词t' i:⁴¹的对比研究[J]. 云南民族大学学报,2010,(04): 140-143.
 [12] 齐沪扬.现代汉语[M]. 北京: 商务印书馆, 2007.
 [13] 卿雪华,王周炎. 泰国学生使用汉语助词“的”的偏误分析[J]. 现代汉语, 2009,(12): 110-113.
 [14] 曲凤荣.结构助词“的”出现的条件[J]. 哈尔滨学院学报,2010,(10): 127-128.
 [15] 袁彩云.实用现代汉语[M]. 北京: 高等教育出版社, 2006.
 [16] 张斌.新编现代汉语[M]. 上海: 复旦大学出版社,2008.
 [17] 周一民.现代汉语[M]. 北京: 北京师范大学出版社,2007.
 [18] ผู้หญิง (符珍珠).หลักไวยากรณ์จีน [M].กรุงเทพฯ: นานมีบุ๊คส์,2542.
 [19] เสี่ยว อานฉ่า.ไวยากรณ์จีน [M].กรุงเทพฯ: สำนักพิมพ์ทฤษฎี,2547.
 [20] เหมิน จิ่งเหวิน (任景文).ไวยากรณ์ภาษาจีน ฉบับเปรียบเทียบ [M].กรุงเทพฯ: สำนักพิมพ์อมรินทร์,2551.

DOI: 10.47475/9785727119631_537

В.И. САЯМОВА, Т.В. ОЛЕШКО / V.I. SAYAMOVA, T.V. OLESHKO

*Ростовский государственный медицинский университет
(Ростов-на-Дону, Россия)*

**УЧЕБНЫЙ ТЕКСТ В ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ
В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ УЧАЩИХСЯ
НА ПОДГОТОВИТЕЛЬНОМ ФАКУЛЬТЕТЕ МЕДИЦИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

**A PRAGMALINGUISTIC APPROACH IN THE PROCESS OF TEACHING FOREIGN
STUDENTS AT THE PREPARATORY FACULTY OF THE
MEDICAL UNIVERSITY**

Аннотация

В работе кратко рассматриваются вопросы лингвистической прагматики начала XXI-го века, которые приводят к пониманию природы речевых закономерностей, необходимости изучения реальной речи с учетом контекста ситуации общения. Цель работы: ознакомление с опытом применения подхода коммуникативно-лингвистической прагматики в учебном процессе, использование которого является весьма актуальным на начальном этапе обучения РКИ, приводящим к повышению качества подготовки иностранных учащихся – будущих медиков.

Abstract

The work briefly examines the questions of linguistic pragmatics of the beginning of the 21st century which help to understand the nature of speech patterns, the necessity to study real speech, taking into account the context of the communicative situation. The purpose of the work is to familiarize with the experience of

applying the approach of communicative – linguistic pragmatics in the educational process, the use of which is quite actual at the initial stage of teaching Russian as a foreign language and leads to an improvement in the quality of training foreign students – future doctors.

Ключевые слова: иностранные учащиеся; подготовительный факультет; прагмалингвистика; лингвистическая прагматика; учебный текст; русский язык как иностранный (РКИ).

Keywords: foreign students; preparatory faculty; pragmalinguistics; linguistic pragmatics; educational text; Russian as a foreign language.

Современный этап развития гуманитарного знания начала XXI века характеризуется усилением междисциплинарных связей, многообразием применяемых, наряду с традиционными, новых лингводидактических, психолого-педагогических, прагматических, культурологических подходов в процессе обучения РКИ на подготовительном факультете для иностранных граждан в соответствии с современной парадигмой образования, связанной с описанием и выявлением взаимодействия триады «язык – культура – личность».

При работе в многоязычной иностранной аудитории из стран Азии, Африки, Арабского Востока и Латинской Америки, прибывшей на подготовительный факультет практически без знания русского языка и культуры народов России, с разным социокультурным, религиозным и общеобразовательным уровнем, основное внимание всего педагогического коллектива уделяется обучению главной дисциплине – русскому языку как иностранному (РКИ) и общеобразовательным предметам на русском языке. Опыт работы показывает, что обучение РКИ – это совместная активная учебно-познавательная и культурно-воспитательная деятельность иностранных учащихся, организуемая, мотивируемая и контролируемая преподавателями, эффективно управляющими образовательным процессом. Речевое общение осуществляется посредством таких видов речевой деятельности, как аудирование, говорение, чтение и письмо. Поскольку в процессе коммуникации все виды речевой деятельности тесно взаимосвязаны, то в ходе формирования навыков и умений в одном виде деятельности, как показывает опыт, следует опираться на соответствующие навыки и умения в других видах. Так, невозможно обучение говорению без обучения слушанию, а обучение правилам чтения – без опоры на слуховые и зрительные источники восприятия. Изучение основ РКИ традиционно включает систему знаний фонетики, лексики и грамматики, установление связей между аспектами языка и аспектами обучения. Постепенное и целенаправленное овладение языком как средством общения в учебно-научной сфере способствует формированию у иностранных учащихся

коммуникативно-речевых компетенций. Одним из путей решения поставленных задач является применение в общеобразовательном процессе коммуникативно-прагматического, лингвистически познавательного подхода. Известно, что прагматика – область изучения языка и его использования в конкретных коммуникативных ситуациях передачи информации, выражения эмоций, установления отношений между людьми через язык и при этом достижения своих целей. Прагматика помогает иностранным учащимся, пишет В.А. Маркова, «стать более компетентными и эффективными коммуникаторами на РКИ, учит выбирать нужные стратегии общения, интерпретировать невербальные сигналы, уметь адаптироваться к новой языковой среде» [Маркова, 2018, с. 209-212]. Целью применения подхода лингвистической прагматики является развитие у обучающихся (адресатов) признаков прагматической коммуникации, основанной на «осмыслении значимости прагматической функции единиц языковой системы, выявлении их коммуникативных смыслов прагматического характера». Прагмалингвистика – лингвистическая дисциплина, изучающая особенности использования языка в зависимости от «целей предмета речи, а также от характера воздействия на адресата» [Матвеева, 2009, с. 50-57]. В зарубежной методике прагмалингвистика является основой коммуникативного занятия по иностранному языку. Среди авторов работ по прагмалингвистике следует отметить имена таких ученых, как: В. Гумбольдт, П. Грейс, Дж. Остин, Дж. Серль, Г.-Э. Пифо, Чарльз Пирс, Ч. Моррис, Дж. Томас, Л.Г. Фомиченко, Н.Н. Ульянова, Ю.Ю. Хлыстунова, Н.А. Каразия, Н.Т. Журавская, И.М. Вознесенская, Д.В. Колесова, Т.И. Попова, К.А. Рогова, О.В. Хорохордина, В.А. Маркова, Г.Г. Матвеева, И.В. Самарина, Л.Н. Селиверстова, А.В. Чалбышева и др.

Напоминаем, что в рамках проводимой работы текст является основной коммуникативной единицей, которой человек пользуется в процессе речевой деятельности. Так, в лингвистическом энциклопедическом словаре под редакцией В.И. Ярцева читаем: «[ТЕКСТ] (от лат. *textus* – ткань, сплетение, соединение) – объединенная смысловой (линейной) связью последовательность зна-

ковых единиц, основными свойствами которой являются связность и целостность» [ЛЭС, 2002, с. 507]. В языкознании «текст» – это последовательность вербальных словесных знаков. Правильность построения вербального текста, который может быть устным и письменным, связана с соответствием требованию «текстуальности»: внешней связности; внутренней осмысленности; возможности своевременного восприятия; осуществления необходимых условий коммуникации. Языкознание описывает специфические средства, обеспечивающие смысловые установки, передаваемые в тексте: лексические средства типа частиц, вводных слов и т.п.; интонационные средства (для звуковых текстов); особые графические средства – подчеркивание, курсивные (шрифтовые) выделения; пунктуация (для письменных текстов).

Правильность восприятия учебного традиционного текста, используемого на предвузовском этапе обучения, обеспечивается общим коммуникативным фондом знаний, языковыми единицами и их соединениями, чтобы каждое предложение при этом не воспринималось как семантически неуместное в данном тексте. Как правило, научный учебный текст принадлежит преимущественно к письменной форме речи, состоит из ряда предложений, способных передавать главную мысль текста, расположенных в определенной последовательности, объединенных общим смыслом и структурой [Барт, 1980, с. 307-312]. Особенностью учебного прагматического текста является демонстрация успешного развития признаков прагматической коммуникации иностранными учащимися, основанной на осмыслении ими значимости прагматической функции единиц языковой системы.

Так, физической задачей в учебной практике обычно называют небольшую проблему, которая в общем случае решается с помощью логических умозаключений, математических действий и эксперимента на основе методов физики. Решение физических задач – одно из важнейших средств развития мыслительных, творческих, языковых способностей иностранных учащихся. Цель решения задачи – научить обучающихся более глубокому пониманию физических закономерностей; применению их к анализу физических явлений и практическому использованию; умению «брать информацию из печатного текста»; использовать подязыки физики и математики; изучить особенности применения РКИ в зависимости от цели предмета речи, а также от характера воздействия на иностранного учащегося (адресата).

Задача В6 (Тема 1.2. Основы динамики, с 32) [Березняк, 2010, с. 62].

Автобус массой m (кг) начинает двигаться с ускорением a (м/с²). Коэффициент сопротивления движению равен K . Определите силу тяги мотора автобуса **Фтяги**.

Решение. 1). «Герой» задачи – автобус (данное тело). Используя лексическую модель **что действует на что**, назовите другие тела, которые действуют на данное тело. **Ответ.** Планета Земля притягивает данное тело. Опора, (дорога, поверхность Земли) действует на данное тело. Мотор автобуса работает и действует на него, сообщает автобусу ускорение движения. Шероховатая, неровная поверхность дороги и движение воздушного потока действуют против, мешают движению автобуса, приводят к деформации шин и поверхности дороги и к замедлению движения автобуса.

2). Вспоминайте определение силы; используя лексическую модель **что является чем**; назовите действующие на автобус силы; сделайте рисунок. **Ответ.** Сила – векторная величина, которая является мерой действия одного тела на другое, приводящего к ускорению тела или его деформации.

mg – сила тяжести; N – сила реакции опоры; **Фтяги** – сила тяги мотора автобуса; F_c – сила сопротивления движению автобуса.

3). Напишите уравнения динамики (по второму закону Ньютона) в проекции на оси координат. **Ответ.**

OX: $F_{тяги} - F_c = ma$, отсюда: $F_{тяги} = ma + F_c = ma + K mg = m(a + K g)$

OY: $N - mg = 0$, где $a_y = 0$, отсюда: $N = mg$; $F_c = K N = K mg$.

Ответ: $F_{тяги} = m(a + K g)$.

Умение практически применять знания – это показатель осознанности, прочности знаний, неформального усвоения учебного материала; задачи являются одним из важных средств проверки усвоения знаний по предмету, в том числе, по языку данного предмета и успешного применения прагматики.

В зависимости от назначения речи и ее смысла выделяют следующие функционально-смысловые типы учебных текстов: описание, повествование, рассуждение, доказательство, определение понятия, сообщение. Подробному анализу учебных текстов, изучению лингвометодических основ обучения РКИ посвятили свои работы ученые, среди которых Е.И. Мотина, Т.И. Капитонова, А.И. Кудряшов, А.Н. Щукин, А.А. Леонтьев, Е.М. Верещагин, И.Г. Проскурякова, Н.В. Кулибина и другие.

Включение в содержание учебных пособий, созданных на кафедрах факультета по физике, общей биологии, анатомии с элементами физио-

логии, химии, фрагментов текстов медико-биологического профиля способствует формированию у иностранных учащихся профессионально важных качеств, знаний и умений, повышает интерес к избранной медицинской специальности. Так, знания о вирусах, бактериях и гельминтах, полученные при изучении текстов по биологии, создают хорошую основу для усвоения в последующем соответствующего материала по микробиологии, вирусологии и паразитологии. Приобретению навыков работы с «Атласом нормальной анатомии человека» на основном факультете действуют «Справочно-иллюстративные материалы по анатомии человека», составленные преподавателями кафедры общей биологии и анатомии подготовительного факультета. Применение ультразвука в терапии и для акустической локации различных органов (УЗИ); знакомство с фонокардиографией; биологическое действие радиоактивных излучений; понятие о гальванизации и лекарственном электрофорезе и т.д. – вот отдельные примеры включения в курс физики подготовительного факультета медико-биологических знаний. Именно эта сторона научных учебных текстов, вводящая иностранных учащихся в область профессиональных интересов, наиболее значимой для них и наиболее вариабельной. Наш опыт работы показывает, что использование в учебном процессе технологии контекстного обучения способствует соединению учебной деятельности академического типа с будущей профессиональной деятельностью. Решающим здесь является то обстоятельство, что по мере освоения учебных текстов естественно-научных дисциплин за их содержанием практически начинают «просвечиваться» контуры профессиональной реальности, появляется ощущение приближения к ней.

Учебный текст – это цельный и связанный, актуализированный, дидактически организованный материал, который обладает лексической структурой и семантикой, сообразной его характеристикам. Учебный текст представляет собой результат целенаправленной речевой деятельности между участниками коммуникации. Как функциональный и специализированный классический учебный текст строится по законам логического мышления и характеризуется установкой на однозначность восприятия. Как лингвистический феномен учебный текст отличается прагматической установкой и использованием особых

языковых средств. Учебный научный текст предназначен хранить информацию и культурные, в том числе, языковые коды, быть носителем общих и профессиональных знаний, способствовать усилению мотивации и роли образования в жизни молодых людей, развитию их креативных, творческих качеств [Щукин, 2010, с. 480].

Таким образом, наряду с учебными целями и задачами, с развитием у обучаемых определенных психофизиологических механизмов восприятия и воспроизведения оптических, звуковых, электромагнитных сигналов и речи, мышления и памяти, учебный текст предполагает учет речевого опыта и языковой компетенции, наличие фоновых знаний и социокультурных факторов, а также дальнейшее развитие представлений иностранных учащихся об окружающем естественнонаучном мире, расширение понятия триады «язык – культура – личность».

Список литературы

1. Барт, Р. Текстовый анализ / Р. Барт // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. IX: Лингвостилистика. – Москва: Прогресс, 1980. – С. 307–312. – Текст: непосредственный.
2. Березняк, Ю.Л. Тестовые задачи по физике для иностранных учащихся подготовительного факультета (медико-биологический профиль). Часть 1. Механика: учеб. пособие / Ю.Л. Березняк, Т.В. Олешко, Ростов-на-Дону: РостГМУ. – 2010. – 62 с. – Текст: непосредственный.
3. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.И. Ярцева. М.: Научное изд-во «Большая российская энциклопедия», 2002, С. 507. [Текст]: непосредственный.
4. Маркова, В.А. Прагматическая составляющая в курсе русского языка как иностранного: роль и технология / В.А. Маркова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2018. № 11(89). Ч. 1.- С. 209-212. – Текст: непосредственный
5. Матвеева, Г.Г. Два направления современной прагмалингвистики / Г.Г. Матвеева, И.В. Самарина, Л.Н. Селиверстова // Вестник СПбГУ. Сер. 12. 2009. Вып. 1. Ч.11.С.50 – 57. –Текст: непосредственный
6. Щукин, А.Н. Обучение иностранным языкам: Теория и практика: учеб. пособие для преп. и ст-ов. / А.Н. Щукин, Москва: Филоматис. Омега – Л, 2010. – 480 с. Текст: непосредственный

DOI: 10.47475/9785727119631_541

Л.Н. ФИЛАТОВА / L.N. FILATOVA

ГБОУ Школа № 1246

(Москва, Россия)

**ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ НРАВСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ
МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ В ПРОЦЕССЕ ОВЛАДЕНИЯ
ИНОЯЗЫЧНОЙ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧЬЮ****THE PROBLEM OF FORMING THE MORAL DEVELOPMENT OF YOUNGER
SCHOOLCHILDREN IN THE PROCESS OF MASTERING FOREIGN LANGUAGE
DIALOGIC SPEECH****Аннотация**

В данной статье раскрывается проблема формирования нравственного развития младших школьников в процессе овладения иноязычной диалогической речью. Иностранный язык имеет уникальный педагогический потенциал духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения. Авторы исследования проводят анализ современного образовательного процесса, особенностей формирования нравственности у детей в младшем школьном возрасте и взаимосвязи между нравственным развитием и овладением иноязычной речью. Подчеркивается важность аксиологического аспекта начального иноязычного образования, поскольку он включает совокупность нравственных ценностей, личностных качеств, а также формирует нравственную культуру младшего школьника. В статье также определяется важность и значимость развития диалогических умений младших школьников на уроках английского языка. Данная статья может быть полезна учителям английского языка в начальной школе.

Abstract

This article reveals the problem of forming the moral development of younger schoolchildren in the process of mastering foreign-language dialogic speech. A foreign language has a unique pedagogical potential for the spiritual and moral education of the younger generation. The authors of the study analyze the modern educational process, the peculiarities of the formation of morality in children at primary school age and the relationship between moral development and mastery of foreign language speech. The importance of the axiological aspect of primary foreign language education is emphasized, since it includes a set of moral values, personal qualities, and also forms the moral culture of a younger student. The article also defines the importance and significance of the development of dialogical skills of younger schoolchildren in English lessons. This article may be useful for English teachers in elementary school.

Ключевые слова: начальное иноязычное образование, нравственные ценности, младший школьный возраст, личность младшего школьника, диалогическая речь, нравственное развитие.

Keywords: primary foreign language education, moral values, primary school age, the personality of a younger student, dialogic speech, moral development.

В настоящее время в методической науке проблема формирования нравственного развития младших школьников в процессе овладения иноязычной диалогической речью является актуальной и важной. В процессе изучения иностранного языка младшие школьники сталкиваются с новыми культурными ценностями, нормами и правилами поведения. Правильное формирование нравственного развития в этом контексте может способствовать более глубокому пониманию других культур, к диалогу культур, уважению к различиям и поиску того, что объединяет разные народы и культуры.

В рамках концепции начального иноязычного образования, проблема формирования ценно-

стей у младших школьников становится важным аспектом, поскольку начальная школа составляет основу, на котором строятся ценностные ориентации будущих граждан нашей страны [2].

Введенное З.Н. Никитенко понятие начальное иноязычное образование, в методическую науку, представляет собой процесс и результат, связанные социально-обусловленным, коммуникативным, духовно-нравственным и когнитивным развитием младшего школьника, который осваивает иностранный язык в качестве средства общения и познания [2]. В соответствии с концепцией З.Н. Никитенко, одним из важных результатов методической системы начального иноязычного образования является формирование личности

младшего школьника и его способности к иноязычному общению. Это включает приобретение нравственных и культурных ценностей, необходимых для духовного развития, развитие мотивации и учебно-познавательных навыков, а также способности к рефлексии учебной деятельности. Другим важным аспектом является формирование способности к иноязычной речевой деятельности (аудированию, говорению, чтению и письму), которая зависит от когнитивных способностей. Также в рамках начального иноязычного образования учащиеся осваивают универсальные учебные действия, которые являются основой учебно-познавательной деятельности и способствуют развитию умения учиться.

З.Н. Никитенко подчеркивает, что воспитание в начальном иноязычном образовании заключается в формировании личностных качеств и нравственных ценностей у младшего школьника, способствующих его нравственному развитию и саморазвитию [2].

Аксиологический аспект играет ключевую роль в содержании начального иноязычного образования, поскольку он формирует ценностные основы и принципы обучения иностранному языку. Именно данный аспект создает основу для формирования у младших школьников понимания и оценки моральных норм и принципов, которые составляют основу нравственного поведения. Важно, чтобы дети осознали, что нравственные ценности являются неотъемлемой частью общества и взаимодействия с окружающими ими людьми. Аксиологический аспект включает такие нравственные ценности, как семья, здоровье, патриотизм, формирование которых будет способствовать развитию у них нравственной способности – способности к иноязычному общению и к благородным поступкам.

Формирование нравственного развития младших школьников в процессе изучения иностранного языка является важной и требует особого внимания. На уроке английского языка могут возникать следующие проблемы нравственного развития у младших школьников.

1. Недостаток уверенности и страх перед ошибками: некоторые дети могут бояться сделать ошибку при говорении на английском языке и избегают активного участия в уроке. Это может привести к низкой самооценке и негативному отношению к изучению иностранного языка.

2. Недостаток уважительного отношения к иному, не такому как у нас, например, к иному мнению. На уроке английского языка дети могут сталкиваться с различными ситуациями, требующими этического поведения, например, при обсуждении различных культурных традиций

или при работе в группах с детьми разных национальностей. Некоторые дети могут проявлять неуважение к культурным особенностям своих сверстников.

3. Несоблюдение правил и этикета. На уроке английского языка детям могут быть представлены различные правила и этикет, связанные с общением на иностранном языке. Однако некоторые дети могут не соблюдать эти правила, что может привести к неправильному общению и негативному впечатлению на других участников урока.

4. Недостаток мотивации и интереса. Если дети не видят важности изучения английского языка и его связи с их реальной жизнью, они могут терять мотивацию и интерес к уроку. Это может привести к негативному отношению к учебе и нежеланию учиться.

Также выделяют факторы, которые могут вызывать затруднения в формировании у младших школьников нравственных ценностей в иноязычном общении:

1. Недостаточная сформированность умений иноязычного общения.

Младшие школьники только начинают изучать иностранный язык и могут испытывать трудности в выражении своих мыслей и эмоций, что может привести к неспособности адекватно выразить свои нравственные убеждения.

2. Отсутствие контекста и понимания. Младшие школьники могут иметь трудности в понимании социального и культурного контекста, в котором используется иностранный язык.

3. Неоднозначность и многозначность. Некоторые нравственные ценности и принципы могут иметь разное значение и интерпретацию в разных культурах, что может вызывать путаницу и затруднения у младших школьников.

Все эти проблемы могут затруднять процесс нравственного развития обучающихся на уроке английского языка и требуют внимания со стороны учителя.

Главной задачей современного общества перед образованием является воспитание активной, сознательной, творческой, духовно и нравственно развитой личности. В.А. Сухомлинский полагал, что в работе по развитию нравственности и духовных ценностей у детей, педагоги в первую очередь, должны уделять внимание формированию общечеловеческих норм морали. В младшем школьном возрасте, когда дети особенно подвержены эмоциональному влиянию, мы знакомим их с общечеловеческими нормами морали и учим их основам моральных ценностей.

В начальной школе учащиеся знакомятся с такими нравственными понятиями, как дружба, до-

бро, зло, милосердие, честь, патриотизм, счастье, мужество, мудрость. Каждое из этих понятий активизируется с помощью различных методов. В процессе диалогического общения учащиеся ищут способы выражения своих мыслей, осваивают и отстаивают новые ценности.

Согласно академику Л.В. Щербе, диалог является основой всех речевых процессов, язык проявляет свою подлинную природу только в диалоге. В педагогике диалог не ограничивается только культурным диалогом.

При этом диалог рассматривается как особое социокультурное окружение, создающее благоприятные условия для принятия нового опыта и изменения привычных представлений. Последовательность вопросов должна привести детей к формулированию морального правила, которое следует соблюдать при общении с другими людьми и выполнении своих обязанностей. Диалогический уровень общения характеризуется ценностным отношением к другой личности, участием в проблемах и интересах собеседника, стремлением к единодушию и согласию, взаимной поддержкой спонтанности, совместным поиском истины. Для личности, участвующей в диалоге, важен контакт на уровне духовного взаимопонимания, взаимной заинтересованности и сотрудничества. Исходя из этого, мы приходим к пониманию диалога как высшей, духовно и личностно ориентированной формы человеческого общения. Работа над диалогической речью на иностранном языке выступает как цель и средство для практического освоения языка, обогащения интеллектуальной и духовной сферы личности ученика, понимания внутреннего мира другого человека и себя самого.

Понятие «нравственное развитие» имеет широкий спектр значений, но в данном контексте оно относится к формированию у школьников нравственных ценностей, этических норм, социальных и моральных принципов поведения. Данный процесс может проводиться вместе с овладением диалогической речью на иностранном языке, чтобы создать дополнительные возможности для развития личности ребенка.

Овладение иноязычной диалогической речью предоставляет школьникам возможность об-

щаться на другом языке, познавать иностранную культуру и расширять свой кругозор. Однако, этот процесс не должен быть ограничен восприятием и запоминанием новых слов и фраз. Учителю следует проводить специальные занятия, на которых школьники будут не только учиться говорить на иностранном языке, но и знакомиться с нравственными ценностями, взаимодействуя друг с другом на уроках.

Использование иностранного языка в процессе диалогического общения открывает множество возможностей для формирования нравственного развития младших школьников. Например, в процессе диалога они учатся выражать свои мысли и эмоции, слушать и понимать собеседника, адекватно реагировать на его слова и действия. Все это способствует развитию у школьников таких нравственных качеств, как терпимость, уважение, эмпатия и сотрудничество.

В заключение стоит отметить, формирование нравственного развития младших школьников в процессе овладения иноязычной диалогической речью является сложной задачей, требующей внимания со стороны методистов, педагогов. Помимо этого, важно учитывать возрастные особенности детей и создавать учебные ситуации, способствующие развитию нравственных установок. В процессе изучения иностранного языка можно использовать ролевые игры, дискуссии, совместные проекты, где дети смогут проявить свою эмпатию и уважение к другим.

Список литературы

1. Никитенко, З.Н. Иностранный язык в школе: теория и практика: учеб. М.: ФЛИНТА, 2022. 328 с. – Текст : непосредственный.
2. Никитенко, З.Н. Методическая система овладения иностранным языком на начальной ступени школьного образования. автореф... докт. наук. М: МПГУ, 2015. 57 с. – Текст : непосредственный.
3. Никитенко, З.Н. Иноязычное образование в детском саду и школе: социальное измерение //Иностранные языки в школе. 2023. – № 2. – С. 2-10. – Текст : непосредственный.

DOI: 10.47475/9785727119631_544

В.А. ЦЫБЕНКО / V.A. TSYBENKOРязанский государственный университет
(Рязань, Россия)**ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ФРАНЦУЗСКИХ
ИНТЕРНЕТ-МЕМОВ****THE LINGUO—DIDACTIC POTENTIAL OF FRENCH MEMES****Аннотация**

В статье исследуются основные характерные черты интернет-мемов и анализируются возможности использования их как средства формирования языковой и коммуникативной компетенции. Опираясь на исследования в области интернет-технологий и методики преподавания иностранного языка, автор рассматривает интернет-мемы как поликодовый текст, работа с которым способствует развитию читательской функциональной грамотности. В ходе исследования доказывается, что использование интернет-мемов как на занятии, так и в рамках самостоятельной и проектной работы при грамотной методической организации деятельности учащихся способствует более эффективному становлению навыков и умений иноязычного общения, развитию коммуникативной компетенции и повышению мотивации к изучению иностранного языка. В статье предлагаются примеры заданий с использованием интернет-мемов, которые тематически соотносятся с материалом действующего школьного учебника для 9 классов общеобразовательных организаций «L'oiseau bleu» (Синяя птица) и могут быть использованы при работе с ним в качестве дополнительных.

Abstract

The article focuses on the key characteristics of an Internet meme and evaluates its potential application as a tool for developing school students' linguistic and communicative competence. The author investigates scientific researches on Internet technology and methodology of foreign language teaching, and, thus, the author views Internet memes as a form of polycode text that contributes to the development of readers' functional literacy. The study proves that the use of internet memes, both during lessons and within independent and project work, facilitates a more effective development of foreign language communication skills and the improvement of communicative competence, as well as increases motivation for foreign language learning, when proper methodological organisation of student activities is implemented. Additionally, the article provides sample tasks that serve as examples of usage of Internet memes based on the content of the 9th grade textbook, "L'oiseau bleu" (The Blue Bird), which can serve as supplementary resources when working with the textbook.

Ключевые слова: интернет-мем, лингводидактика, французский язык, методика обучения, методический потенциал, современные технологии.

Keywords: internet meme, linguodidactics, French, teaching methods, methodological potential, modern technologies.

Технологический прогресс оказывает влияние на все сферы жизни современного общества, открывая новые возможности для развития и совершенствования человеческой деятельности в разных областях, в том числе и в образовании. Кардинальные перемены в области образовательных технологий произошли в связи с распространением COVID-19. Вынужденный временный отказ от традиционной формы организации учебного процесса в период пандемии 2020 – 2021 гг. привел к появлению большого количества образовательных онлайн-платформ и последующей большей компьютеризации очного образовательного процесса. Теперь ученики получили возможность получать знания, развивать компетен-

ции, навыки и умения не только в традиционном формате, а именно в рамках аудиторных занятий с использованием бумажных учебников и учебных пособий, но и с помощью интерактивных онлайн-материалов, видео-уроков, аудио-курсов и обучающих компьютерных игр. Такое расширение форматов обучения сделало образование более гибким и доступным для большего числа школьников и студентов, предлагая равные возможности получения знаний разным категориям учащихся. Кроме того, развитие компьютерных образовательных технологий позволило поместить обучающихся в привычную им среду, что сделало образовательный процесс более эффективным, а методы обучения более понятными

для тех, кому предоставляются образовательные услуги. Сейчас уже становится очевидным, что использование ресурсов интернета и компьютерных технологий в процессе обучения будет в дальнейшем обычной практикой и что даже традиционные методы обучения, в той или иной степени, будут претерпевать изменения в связи с растущей тенденцией к цифровизации и развитием кибер-культуры.

На сегодняшний день неотъемлемой частью новой кибер-культуры являются, например, мемы, которые становятся все более популярными в молодежной среде и проникают во все сферы повседневной жизни современного поколения молодежи. В этой связи, на наш взгляд, необходимо рассмотреть возможности использования лингводидактического потенциала интернет-мема как средства развития академических навыков и умений в рамках аудиторной, домашней, самостоятельной и проектной работы. При обучении иностранному языку использование мемов в образовательном процессе будет способствовать как развитию языковых навыков, так и формированию коммуникативной компетенции. Такая работа может также способствовать повышению общей мотивации школьников к овладению иностранным языком. Все это соответствует требованиям новых ФГОС (приказ министерства просвещения РФ от 31 мая 2021г. №287) по иностранному языку, в которых делается акцент на комплексном подходе к реализации образовательного процесса. Акцент сделан на ориентации формирования системы ценностей и мотивации (п. 42.1 ФГОС ООО № 287), получение предметных и метапредметных умений и навыков, т.н. развитие «soft skills» и функциональной грамотности (п. 45.4 ФГОС ООО от 31 мая 2021г. № 287), коммуникативных навыков и осмысленного чтения (п. 2.1.7 ПООП ООО от 15.09.2022 протокол 6/22).

Развитие цифровых технологий привело к тому, что в последнее время наблюдается появление различных методик по обучению иностранному языку [Максимова, с.88-95], [Писарь, с.326-331]. Однако, несмотря на это, исследование интернет-мемов как средства формирования языковой и коммуникативной компетенции находится пока на начальной стадии как в отечественной, так и в зарубежной лингводидактике.

Актуальность данной работы обусловлена необходимостью систематизации основных подходов к определению интернет-мема, его функций и видов, а также изучению возможностей использования интернет-мемов при обучении французскому языку. Анализ существующих методик использования английских интернет-мемов при

обучении английскому языку и рассмотрение возможностей их применения при формировании навыков и умений на французском языке может не только способствовать определению роли и места мема в структуре занятия по французскому языку, но и в дальнейшем помочь раскрыть лингводидактический потенциал мема как средства развития иноязычной компетенции в целом.

В рамках настоящего исследования мы ставим целью рассмотрение подходов к построению аудиторных занятий по французскому языку с использованием интернет-мемов, а также определение возможностей их использования как средства развития языковой и коммуникативной компетенции в рамках самостоятельной, домашней и проектной работы. Достижение данной цели предполагает решение следующих задач:

- анализ существующих определений интернет-мема и создание рабочего определения интернет-мема применительно к лингводидактике;
- изучение лингводидактического потенциала мемов как средства формирования языковой и коммуникативной компетенции на французском языке;
- рассмотрение роли и места интернет-мемов в структуре занятия по французскому языку в 9 классе и анализ их потенциала как средства развития языковой, коммуникативной, в том числе и социокультурной, компетенций, а также как средства формирования читательской грамотности учащихся, в частности при работе с поликодовыми текстами;
- изучение возможностей интернет-мемов как средства контроля уровня сформированности языковых навыков и коммуникативных умений, а также в качестве материала для самостоятельной, домашней и проектной работы.

В наши дни интернет-мем рассматривается как репликатор культурной информации [Dawkins, с.192], любой контент в социальных сетях, реплицируемый и масштабируемый интернет-пользователями в процессе коммуникации [Dunel, с. 662], особый лингвокультурный феномен интернет-коммуникации [Abramova, Bozhko, с. 388], репрезентация интернет-юмора, распространяющегося в интернет-пространстве [Laineste and Voolaid, с. 26], текст, состоящий из (относительно строго упорядоченных) вербальных и графических частей, которые раскрывают свое значение посредством коллективного семиозиса [Osterroth, с. 2-4], а также как новый метаязык современной культуры [Van Wynsberghe, с. 9-11].

Особое внимание следует уделить представлению мема как поликодового (также креолизованного [Шураева, с. 199] или полимодального [Канашина, с. 76-77]) текста. С точки зрения

дискурсного подхода, интернет мем представляет собой текст, состоящий из двух частей – вербальной (текста) и невербальной (изображения). Передача информации происходит по двум разным каналам, с помощью единиц разных семиотических систем. При взаимодействии данных элементов происходит процесс «семантической гибридизации» [Канашина, с. 76-77], в то время как мем становится отдельной семантической единицей, полная интерпретация которой возможна только при наличии двух компонентов.

На основе анализа изложенных выше точек зрения мы предлагаем рассматривать мем как социокультурное явление, представляющее собой текст, созданный на основе устоявшихся культурных и лингвистических паттернов, распространенных в интернет-пространстве (мемсфере), и состоящий из вербальных и невербальных частей; при этом полная интерпретация такого двупланного текста возможна только при взаимодействии обоих элементов, реализованный смысл которых становится новым элементом современного метаязыка и объектом коммуникации современной интернет-культуры. Данное определение является рабочим и будет использоваться в ходе нашего дальнейшего исследования.

На основе анализа ряда классификаций видов интернет-мема предложенных разными учеными (Ю. В. Щуриной, К.Л. Рыжиковым, М. Баурехтом), наиболее благоприятным материалом для создания методики обучения французскому языку детей среднего школьного возраста является креолизованный [Щурина, с.166] сбалансированный [Baurecht, с.144] постирочный [Рыжиков, с. 25] мем-картинка, поскольку данный вид интернет-мема содержит в себе такие характеристики, как поликодовость, лингвокультурологичность, карнавальность [Канашина, с. 324], содержит в своей структуре устойчивые культурные паттерны, а также является особой единицей современного метаязыка.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что интернет-мем как комплексный лингвокультурный феномен имеет широкую сферу применения, в том числе и лингводидактический потенциал, который мы предполагаем изучить в настоящей работе, рассмотрев его возможности как средства развития языковой и коммуникативной компетенции учащихся 9 класса, изучающих французский язык как второй иностранный.

В основе данной научной работы лежит анализ исследований в области методики обучения иностранным языкам (Е.С. Балашова, И.А. Ерофеева, Н.Ю. Кузнецова, Н.В. Ковтун, Н.Н. Гуськова).

В настоящее время одним из базовых умений, необходимых для успешного обучения иностран-

ному языку является функциональная (в особенности читательская) грамотность, которая, на наш взгляд, может быть рассмотрена как часть коммуникативной компетенции. При обучении французскому языку учеников 9 классов развитие читательской грамотности представляется особенно важным, так как данный период обучения является пороговым и предполагает прохождение государственной итоговой аттестации в форме экзамена. Для подтверждения данной точки зрения, обратимся к анализу работ, указанных нами выше ученых.

Рассматривая интернет-мем как поликодовый текст, мы ставим его в ряд других текстов, обучение работе с которыми является необходимой частью любого образовательного процесса в настоящее время, способствуя развитию читательской функциональной грамотности (ЧФГ). Кратко ее можно описать как способность распознавать и анализировать разные виды текстов, умение выделить его ключевые идеи и проблематику [Балашова, Ерофеева, с.1].

На основе анализа вышеупомянутых работ, а также исследования Н.Ю. Кузнецовой, Н.В. Ковтун, Н.Н. Гуськовой [Кузнецова, Ковтун, Гуськова, с.24] можно выделить следующие аспекты функциональной читательской грамотности:

1) умения учащихся извлекать, понимать, интерпретировать и оценивать информацию из различных источников (тексты, схемы, таблицы, карты и изображения), а также поступающую по различным каналам ее передачи (вербальному, экстралингвистическому и визуальному), с учетом коммуникативной ситуации;

2) навыки целенаправленного чтения, которое включает восприятие графических комплексов, извлечение (декодирование) фактической информации и осмысление извлеченной информации (обусловлено коммуникативной задачей, содержащейся в формулировке задания сопровождающей интернет-мем);

3) умения понимания языкового материала, осмысление и интерпретации содержания текста на иностранном языке (учащемуся предлагается декодировать языковое содержание интернет-мема на французском языке и интерпретировать семантику всех аспектов интернет-мема на иностранном языке);

4) умение синтезировать фактическую информацию (например, из формулировки задачи), выделять ключевые идеи, смысловые опоры, умение находить скрытый смысл текста, существенные факты и ключевые слова в тексте, помогающие понять содержание текста, и впоследствии успешно справиться с решением коммуникативных задач (в случае интернет-мема вспомо-

гательным элементом является изображение, которое несет в себе дополнительную информацию по проблематике текста);

5) способность обобщать, группировать ключевые идеи текста, логически их упорядочивать и формулировать выводы (проверяется при произнесении учащимся монологического высказывания и впоследствии способности участвовать в групповой дискуссии).

Все сказанное выше дает нам основание предполагать, что одним из основных преимуществ использования интернет-мемов при обучении иностранному языку (в нашем случае – французскому) является развитие критического и дивергентного мышления, которое поможет учащимся как на последующих ступенях получения образования, так и для решения задач в повседневной жизни.

Более того, при методически грамотной организации работы с интернет-мемом как поликодовым текстом, происходит более эффективное усвоение лексического и грамматического материала и развивается коммуникативная компетенция учащихся.

Важно отметить, что выбираемые учителем интернет-мемы должны обязательно тематически соответствовать программе по иностранному языку, а также предполагать использование изучаемого языкового материала. В рамках нашего исследования мы опирались на учебник УМК «L'oiseau bleu» (Синяя птица) для 9 классов для общеобразовательных организаций, а именно на следующие разделы:

- грамматический раздел: Subjonctif;
- лексические разделы: Vocabulaire thématique (hôtel, chambre, avion, passager);
- лингвокультурологический раздел: Astérix et Obélix.

Следует отметить, что задания учебника дают необходимый лексический и грамматический материал для последующей работы с интернет-мемом, который учитель предлагает учащимся проанализировать в качестве одного из последних заданий занятия. Таким образом сформированные в ходе урока языковые навыки проверяются на прочность в процессе построения самостоятельного высказывания. Например, учащимся предлагается проанализировать текст, подготовить монологическое высказывание с опорой на условие задания и быть готовым участвовать в групповой дискуссии по обсуждению проблематики предложенного интернет-мема.

Для профилактики коммуникативных, логических и языковых ошибок учащимся могут также предлагаться дополнительные опоры в виде схем высказывания, средств логической связи, отдельных слов и выражений.

Задание 1

Quand tu prends un appart sur Paris.

Рис.1 – Пример авторского интернет-мема

Обучающимся дается следующая инструкция: « Décrivez le mème Internet suivant. À quel film français célèbre est-ce que ce mème fait référence ? Analysez et décrivez la situation. Parlez-vous d'un phénomène similaire dans votre pays. Analysez et décrivez le problème posé par le mème. Parlez-vous de l'existence d'un phénomène similaire dans votre pays. Avez-vous déjà vécu une situation semblable ? Analysez et expliquez l'utilisation des constructions grammaticales employées dans le texte du mème. Préparez un monologue et soyez prêt(e) à discuter de votre point de vue avec vos camarades de classe ».

В рамках урока достаточно предложить одно задание с использованием интернет-мема. Для более прочного становления языковых навыков и развития иноязычной коммуникативной компетенции еще одно подобное задание учащиеся могут выполнить в качестве самостоятельной проектной работы, одним из этапов которой может быть, например, проведение опроса и обработка результатов исследования. Такой формат работы предполагает использование метапредметных связей и «soft skills».

Задание 2

Peux pas rater l'avion s'il n'est pas arrivé.

Рис.2 – Пример авторского интернет-мема

« Décrivez le mème Internet suivant. À quel film français célèbre est-ce que ce mème fait référence ? Décrivez le héros de ce film et sa place dans le développement de l'intrigue. Analysez et décrivez la situation. Parlez-vous d'un phénomène similaire dans votre pays. Analysez et décrivez le problème posé par le mème. Parlez-vous de l'existence d'un phénomène similaire dans votre pays. Avez-vous déjà vécu une situation semblable ? Analysez et expliquez l'utilisation des phénomènes grammaticaux et des unités lexicales dans le texte du mème. Préparez un monologue et soyez prêt(e) à discuter de votre point de vue avec vos camarades de classe ».

Таким образом, интернет-мем, являясь частью культурной реальности современного мира, может стать органичной частью образовательного процесса, реализуя свой лингводидактический потенциал при формировании навыков и умений иноязычного общения и способствуя развитию у обучающихся креативного мышления.

Список литературы

1. Максимова, С. А. Интернет-мем как инструмент формирования коммуникативной компетенции/ С. А. Максимова// Art Logos, – 2021. – №3 (16). – С. 88—99. Текст: электронный. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-mem-kak-instrument-formirovaniya-kommunikativnoy-kompetentsii>

2. Писарь, Н.В. Интернет-мемы как средство формирования лингвострановедческой компетенции при обучении иностранных студентов и слушателей русскому языку/ Н.В. Писарь// Педагогика. Вопросы теории и практики, 2020. – №3. – С. 326—331. Текст: электронный. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-memy-kak-sredstvo-formirovaniya-lingvostranovedcheskoj-kompetentsii-pri-obuchenii-inostrannyh-studentov-i-slushateley> (дата обращения: 19.01.24).

3. Щурина Ю.В. Интернет-мемы как феномен интернет-коммуникации/ Ю.В. Щурина// Научный диалог, 2012. – № 3. – С. 160—172. Текст: электронный. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-memy-kak-fenomen-internet-kommunikatsii> (дата обращения: 19.01.24).

4. Dawkins, R. The selfish gene. Oxford University Press, 2006. – 360 p. – Text: electronic. – URL: <https://alraziuni.edu.ye/uploads/pdf/The-Selfish-Gene-R.-Dawkins-1976-WW-.pdf> (data of access: 19.01.24).

5. Abramova, M. I, Bozhko, E. M. The Internet Meme as a Linguacultural Phenomenon/ M. I. Abramova, Bozhko// Язык в сфере профессиональной коммуникации : сборник материалов международной научно-практической конференции преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов (Екатеринбург, 20 апреля 2023 г.), 2023. – С. 387—395. – Текст: электронный – URL: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/122590> (дата обращения: 19.01.2024).

6. Dynel, M. “I has seen image macros!” Advice animal memes as visual-verbal jokes/ M. Dynel// International Journal of Communication, 2016. – №10.–P.660—688.–Text:electronic.–URL:https://www.researchgate.net/publication/293464876_I_has_seen_Image_Macros_Advice_Animals_memes_as_visual-verbal_jokes (data of access: 19.01.24).

7. Laineste, L., Voolaid, P. Laughing across borders: Intertextuality of internet memes/ L. Laineste, P. Voolaid// The European Journal of Humour Research, 2017. – №4. – P. 26—49. – Text: electronic. – URL:https://www.researchgate.net/publication/313089935_Laughing_across_borders_Intertextuality_of_internet_memes (data of access: 19.01.24).

8. Osterroth, A. Semiotics of Internet Memes/ A. Osterroth //Researchgate (In Progress), 2018. – P. 1—10. – Text: electronic. – URL: https://www.researchgate.net/publication/319236833_Semiotics_of_Internet_Memes (data of access: 19.01.24).

9. Johann, M., Bülow, L. One Does Not Simply Create a Meme: Conditions for the Diffusion of Internet Memes/ M. Johann, L. Bülow// International Journal of Communication, 2019. – P. 1720—

1742. – Text: electronic. – URL: https://www.researchgate.net/publication/332446590_One_Does_Not_Simply_Create_a_Meme_Conditions_for_the_Diffusion_of_Internet_Memes (data of access: 19.01.24).

10. Van Wynsberghe, A. (2017) Internet Memes New Cultural Metalanguage: a Case Study of Pepe the Frog/ Anthropology of Language Research Project/ A. Van Wynsberghe// *Academica*, 2017. P. 1–13. – Text: electronic. – URL: https://www.academia.edu/35828594/Internet_Memes_As_New_Cultural_Metalanguage_a_Case_Study_of_Pepe_the_Frog_Anthropology_of_Language_Research_Project (data of access: 19.01.24).

11. Шураева А. С. Языковая игра в англоязычном комическом креолизованном тексте (на примере интернет-мемов)/ А. С. Шураева, Ю. В. Кузина// *Язык в сфере профессиональной коммуникации: сборник материалов международной научно-практической конференции преподавателей, аспирантов и студентов (Екатеринбург, 18 апреля 2019 года)*, 2019. – С. 197–202. – Текст: электронный. – URL: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/72017> (дата обращения: 19.01.2024).

12. Канашина, С. В. Семантические особенности интернет-мема как полимодального дискурса/ С. В. Канашина// *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*, 2018. – №16 (811). – С. 74–80. – Текст: электронный. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semanticheskie-osobennosti-internet-mema-kak-polimodalnogo-diskursa> (дата обращения: 19.01.2024).

13. Канашина, С.В. Интернет-мем и юмор/ С.В. Канашина// *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 2022. – №2. – С. 317–328. – Текст: электронный. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-mem-i-yumor> (дата обращения: 19.01.2024).

ru/article/n/internet-mem-i-yumor (дата обращения: 19.01.2024).

14. Рыжков, К.Л. Классификация интернет-мемов в реалиях 2021 года/ К.Л. Рыжков// *Культура и искусство*, 2021. – №9. – С. 18–28. – Текст: электронный. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-internet-memov-v-realiyah-2021-goda> (дата обращения: 19.01.2024).

15. Vaurecht, M. The Categorisation of Internet Memes – A Different Approach/ M. Vaurecht// *Colloquium: New Philologies*, 2020 – №5. 135–152. – Text: electronic. – URL: https://www.researchgate.net/publication/343598792_The_Categorisation_of_Internet_Memes_-_A_Different_Approach (дата обращения: 19.01.2024).

16. Балашова Е.С., Ерофеева И.А. Читательская Грамотность Как Компонент Функциональной Грамотности/ Е.С. Балашова, И.А. Ерофеева// *Достижения науки и образования*, 2022. – №3 (83). – С. 29–31 – Текст: электронный. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chitatelskaya-gramotnost-kak-komponent-funktsionalnoy-gramotnosti> (дата обращения: 19.01.2024).

17. Кузнецова Н.Ю., Ковтун Н.В., Гуськова Н.Н., Формирование читательской грамотности обучающихся на уроках английского языка Кузнецова, Н. Ю. Формирование читательской грамотности обучающихся на уроках английского языка/ Н. Ю. Кузнецова, Н. В. Ковтун, Н. Н. Гуськова// *Современное образование: наука и практика*. – 2023. – № 1(20). – С. 24-30. – Текст: непосредственный.

18. Селиванова, Н.А. Синяя птица. Французский язык. Второй иностранный язык. 9 класс. Учебник для общеобразовательных организаций/ Н.А. Селиванова, А.Ю. Шашурина. – М.: Просвещение, 2012. – 207 с. – Текст: непосредственный.

DOI: 10.47475/9785727119631_549

О.В. ШЕФЕР / O.V. SHEFER

*Муниципальное автономное общеобразовательное учреждение
- средняя общеобразовательная школа № 31
(Екатеринбург, Россия)*

ФОРМА МАНГА КАК СПОСОБ ПОВЫШЕНИЯ ЧИТАТЕЛЬСКОЙ ГРАМОТНОСТИ ПОДРОСТКОВ

THE MANGA FORM AS A METHOD TO INCREASE TEENAGERS' READING LITERACY

Аннотация

Формирование читательской грамотности в рамках современного образовательного стандарта служит толчком для поиска новых форм и средств мотивации обучающихся к работе с текстом, его смысловому восприятию. Комиксы, представляющие собой креолизованный текст, вызывают

активный интерес у подростков и молодежи. Необычная форма донесения информации и дальнейшее осмысления текста может быть активно использовано в совершенствовании читательских умений и навыков. Одним из видов комиксов, востребованным у молодежной целевой аудитории, можно назвать форму «манга». Интерес у читателей вызывают эмоции и чувства, положенные в основу данного жанра, и то, как автор доносит через нарисованных героев и их реплики глубокие философские мысли. Графико-символический язык позволяет автору раскрыть свое мировосприятие, а читателю развить образное мышление и интерпретировать действия, а также мотивы персонажей. Интеграция вербальных и визуальных средств в манге способствует стимулированию интереса к чтению и повышению читательской грамотности подростков.

Abstract

The formation of reading literacy in the modern educational standard serves as an impetus for the search for new forms and means of motivating students to work with text and its sense perception. Comics, which are creolized texts, make active interest among teenagers and young people. An unusual form of conveying the information and further comprehension of the text can be actively used in increasing reading skills. One of the types of comics that are in demand among the youth target audience can be called the “manga” form. Readers are interested in the emotions and feelings, that are the foundation of this genre, and the author’s methods of depicting deep philosophical thoughts through the drawn characters and their remarks. Graphic-symbolic language allows the author to show own worldview, and the reader to develop imaginative thinking and interpret the actions and motives of the characters. The integration of verbal and visual means in manga helps to promote interest in reading and increase teenagers’ reading literacy.

Ключевые слова: читательская грамотность, форма «манга», креолизованный текст, вербальные и визуальные средства текста.

Keywords: reading literacy, form “manga”, creolized text, verbal and visual means of text.

Одной из актуальных педагогических задач современного образования можно назвать формирование читательской грамотности. Ежедневный объем информации, с которым школьникам приходится знакомиться, достаточно большой. Молодежь много информации получает из Интернета, но ее качество не всегда высокое. Основное внимание педагога, в том числе учителя литературы, должно быть сосредоточено не только на изучении произведений школьной программы, но и на мотивации детей к чтению русской и зарубежной литературы в целом, формированию стремления, желания читать книги. Низкий уровень читательской грамотности подростков препятствует совершенствованию смыслового чтения, формированию навыков понимания, осмысления и анализа текста. Для преодоления данной проблемы нужно использовать комплекс мер стимулирующих интерес к сознательному чтению литературы.

Традиционные тексты, изучаемые тинейджерами, и форма кодирования информации не вызывают интереса у подростков. Клиповое мышление школьников и фрагментарное восприятие информации заставляет педагога искать новые формы и жанры литературы, которые смогут помочь в запоминании полученной информации, ее анализе и интерпретации. Возможным решением, повышающим мотивацию к чтению, а в дальнейшем и к развитию читательской грамотности, можно предложить использование в обра-

зовательном процессе креолизованных текстов. Креолизованные тексты могут быть представлены различными жанрами. Наибольший интерес у подростков вызывают комиксы. Они содержат не только текст, но и изображение, помогающее развить образное мышление и интерес к нетрадиционной форме практик чтения. В настоящее время у ребят 5-9 классов наблюдается активный спрос на изучение не только русской, но и зарубежной культуры. В ответ на эти запросы многие подростки обращаются к чтению формы «манга». Задача педагога, используя желание подрастающего поколения к чтению данной формы кодирования информации, повысить читательский интерес, что в дальнейшем будет способствовать формированию умений чтения, анализа, интерпретации и интеграции информации при работе с текстом, а также и повышению уровня читательской грамотности, в том числе в учебных ситуациях.

Литературная форма «манга» представляет собой историю интеграции японской и американской культур в технике аниме. Активный интерес к аниме в России возникает в конце XX столетия, но и сегодня у молодой целевой аудитории он не угас. Меняются темы, сюжеты, герои, но неизменным остается форма манга и ее символические графические средства, отражающие особенности японских комиксов. Манга – это форма японских комиксов, в которых каждый символ, графический знак имеет определенный смысл.

В манге рассказывается какая-либо история, при этом большое значение автор уделяет не только сюжету, но и эмоциям, чувствам героев. Через графическую систему знаков читатель понимает, «считывает» богатый внутренний мир главных персонажей, что вызывает эмпатию у молодежи. Присутствие текста в манге дополняет, расширяет диапазон средств взаимодействия автора и читателя, погружая подростка в смысловое чтение. Молодая аудитория не только читает текст, размещенный в баблах, но и понимает авторскую идею, дополненную особой графикой. При рисовании героев выполняются определенные требования: происходит изменение пропорций человека – увеличение головы и глаз, отражение на лице детских черт. Одежда героев тоже подвержена символичному смысловому решению. Большинство персонажей в книгах для подростков одеты в школьную форму, которую рассматривают как основное средство идентификации молодежи.

Современная манга отличается повествовательным характером изложения текста, множество кадров, различной формы и размера, выстраивающихся в удобную для чтения последовательность на странице. Это единство повествования и графического сюжета, с определенными условиями донесения информации, отражает японскую культуру. Манга в большинстве тиражей выпускается в черно-белом цвете, что повышает доступность покупки данной книги подростками. Читается манга сверху вниз, справа налево (по-японски), реплики героев размещены в баблах. Эмоциональное состояние героев передается определенными символами: капли, слезы – грусть; звезды – радость; большие буквы – агрессия и т.д. Графическая штриховка также символична, например, темные, частые штрихи используются для донесения тревоги и страха, а тонкие, редкие – отражают неуверенность персонажей.

Назначение манга по целям и задачам диктует её разделение на виды. Можно выделить следующие из них: информационная, образовательная, художественная. Самый старый и традиционный вид – это художественная манга. Она прошла долгий путь, эволюционировав от газетных карикатур до многотомных манга-сериалов. Художественная манга ориентирована на конкретные группы читателей.

Основой для выбора манги, в любом формате, является пол и возраст целевой аудитории. В связи с этим существует четкая классификация манги: Кодомо (для детей до 12 лет); Сёнен (для мальчиков и юношей с 12 до 16-18 лет); Сёдзё (для старших девочек и девушек с 12 до 16-18 лет); Сэйнен (для взрослых мужчин от 18 до 25-40 лет); Дзёсэй (для женщин от 18 до 25-40 лет). Ав-

торы манги более всего адресуют данную литературу подросткам, как юношам, так и девушкам. Даже по обложке книги можно понять на кого ориентировано произведение [Леонов, 2015].

В манге находят отражения традиционные роли мужчин и женщин, где для юношей главное – это стать самым сильным, воспитать в себе качества настоящего мужчины и самореализоваться, а для девушек – найти свою вторую половинку и быть успешной в любви. Образы парней и девушек могут помочь читающей аудитории изучать и анализировать мысли, поступки героев, интерпретировать их применимо к своим жизненным ситуациям.

Взаимодействие вербальных и визуальных средств креолизованной манги обеспечивает целостность и связанность комикса, его коммуникативный эффект. Все это отвечает запросам молодежной целевой аудитории с эмоциональными всплесками и перепадами настроения, которые находят отражение в комиксах.

Современные подростки читают намного меньше, чем их сверстники ранее. Они подходят к выбору произведения тщательно, предварительно изучая форму, жанр и тематику книги. Задача педагога использовать различные способы повышения читательской грамотности. В том числе и нестандартные для уроков литературы формы получения обучающимися информации. Манга может помочь в мотивации к чтению молодежи и осмыслению чего-то нового. Тематика и жанры манга разнообразны, каждый подросток может выбрать автора и начать читать. Все это будет способствовать формированию читательской грамотности и читательской компетенции у подрастающего поколения.

Изучение данной темы подтолкнуло нас не только к теоретическому обоснованию актуальности изучаемой проблемы, но и к практическому взаимодействию с подростками. В ходе исследования было проведено анкетирование 50 обучающихся 7 классов в возрасте 12-14 лет. В ходе опроса было выявлено, что 83% респондентов знакомы с формой манга, читали разных авторов и тематику.

Одной из задач работы с респондентами было выявление значения вербальных и визуальных средств манги в восприятии информации подростками.

Респондентам был задан вопрос «Можно понять смысл манги, если убрать текст из баблов («пузыри, окошки»), в которых содержатся слова и звуки, сопровождающие произведение?». В результате абсолютное большинство, 94 % респондентов, ответили, что понять точный смысл по графическим средствам сложно. Эти ответы под-

тверждают осознание молодежью того, что текст манги нужно внимательно читать, чтобы извлечь информацию и понять авторскую идею.

Далее, в качестве материала исследования подросткам было предложено ознакомиться с отрывками из книги автора Мидзу Сахара «Когда придет автобус?» в форме манги. Главные герои произведения девушка Накамото и парень Ямадзаки ищут смысл жизни, они одиноки и в них зарождаются ответные чувства. Выбор данного произведения обоснован интересом молодежи к проблемам взаимоотношений с противоположным полом и отражением себя в главных героях.

Хотим остановиться на наиболее, с нашей точки зрения, важных вопросах и ответах на них. Вопрос был сформулирован следующим образом: «Можно понять содержание книги Мидзу Сахара «Когда придет автобус?» без баблов («пузырей, окошечков», в которых содержатся слова и звуки, сопровождающие историю)? Ответы дали следующие результаты. Только один опрошенный подтвердил, что без баблов смысл текста декодирован. 82% ответили, что полностью невозможно понять содержание манги без вербальной информации. 16% респондентов сообщили, что в данном случае содержание совершенно не ясно. Аналогичные результаты дал анализ ответов на вопрос: «Позволяют ли представленные страницы (отрывки из книги) понять тему произведения?».

Результаты проведенного анализа подтверждают значение синтеза вербальных и визуальных средств. Несмотря на то, что манга состоит из большого количества рисунков и условных знаков, значительная часть содержания истории передаётся в тексте. Обобщая полученные результаты, мы можем подтвердить, что жанр манга представляет собой креолизованный текст, в котором при отсутствии визуальных или вербальных средств тема и идея произведения будут не ясны читателям.

Данные результаты дают понять, что молодежь, читая мангу, хочет понять авторскую идею, а не только знакомится данной форме с графикой.

Таким образом, включение в смысловое чтение формы манга будет способствовать повышению читательской грамотности у подростков. С учетом того, что печатаются разнообразные манги, начиная от информационных, образовательных и художественных, заканчивая различными современными жанрами и героями, педагог может использовать данную форму коммуникации в образовательном процессе для различных це-

лей и задач. Манга формирует умение работать с нестандартной формой, извлекать информацию из текстового, иллюстрированного, графического источника и осмысливать ее. Именно изменение традиционной формы кодирования и декодирования информации может получить отклик у молодежи и способствовать повышению читательской грамотности.

Список литературы

1. Киселева, Н. В. Прочитать. Понять. Применить. Всё, или почти всё, о читательской грамотности: метод. пособие – Текст : электронный / Н. В. Киселева. – Ярославль : ГАУ ДПО ЯО ИРО, 2023. – (Федеральные государственные образовательные стандарты) – Электрон. текстовые дан. (1,23 Mb). – URL : http://www.iro.yar.ru/fileadmin/iro/kgd/2023/Izdaniya/2023-Metodicheskoe_posobie_CHitatelskaja_gramotnost.pdf (дата обращения: 06.01.2024).
2. Леонов, В. Ю. Основные особенности символично-графической системы манга и аниме – Текст : электронный // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2013. – № 2 (28): в 2-х ч. Ч. I. – С. 115-118. – URL : https://www.gramota.net/articles/issn_1997-292X_2013_2-1_28.pdf (дата обращения: 06.01.2024).
3. Леонов, В. Ю. Проблемы развития манга и аниме в художественной культуре Японии второй половины XX – начала XXI века : специальность 17.00.04 «Изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура» : автореф. дис. ... канд. искусствовед. наук / Леонов Владимир Юрьевич. – Москва, 2015. – 29 с. – Текст : непосредственный.
4. Магера, Ю.А. История появления первых японских комиксов на русском языке // Японские исследования. – 2018. – №4. – С. 6–23. – Текст : непосредственный.
5. Магера, Ю.А. Максимова, Е.С. «А на месте Люцифера во льдах Дантова ада автор манги рисует огромного сома» // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. – 2023. Т. 8. – № 2. – С. 7-20. – URL : <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/878192954.pdf?ysclid=lsjyq6d6yb746056749> (дата обращения: 04.01.2024).
6. 954.pdf?ysclid=lsjyq6d6yb746056749 (дата обращения: 04.01.2024).

DOI: 10.47475/9785727119631_553

Е.А. ЮХМИНА, А.Б. ГАЛИНА / E.A. YUKHMINA, A.B. GALINA

Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)**ПРИМЕНЕНИЕ ИНТЕРАКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ ДЕЛОВОЙ КОММУНИКАЦИИ
В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ****APPLICATION OF INTERACTIVE TECHNOLOGIES FOR TEACHING OF FOREIGN
LANGUAGE BUSINESS COMMUNICATION IN INTERCULTURAL INTERACTION****Аннотация**

В современной педагогической практике в связи с развитием информационных технологий возрастает потребность в виртуализации и информатизации образовательного процесса для повышения его качества. Интерактивные технологии (ИТ) обучения являются эффективным педагогическим средством изучения иноязычной культуры и формирования коммуникативных навыков. Применение ИТ способствует ускорению процесса обучения, улучшению качества усвоения материала, позволяет индивидуализировать процесс обучения иностранному языку. В рамках настоящего исследования рассматривается обучение иноязычной деловой коммуникации в межкультурном взаимодействии с использованием интерактивной доски Miro, описываются этапы работы с интерактивным курсом на занятиях по иностранному языку. Miro позволяет не только облегчить процесс овладения иностранным языком, но и сделать его интересным. С помощью интерактивной доски можно эффективно организовать самостоятельную и проектную работу обучающихся.

Abstract

In modern pedagogical practice, due to the development of information technologies, the need for virtualization and informatization of the educational process to improve its quality is increasing. Interactive technologies (IT) are an effective pedagogical means of studying foreign language culture and developing communication skills. The use of IT helps to accelerate the learning process, improve the quality of learning, and allows the teacher to individualize the process of foreign language teaching. Within the framework of this study, the teaching of foreign language business communication in intercultural interaction using the Miro interactive whiteboard is considered. The stages of working with an interactive course in foreign language classes are described. Moreover, Miro allows the teacher not only to facilitate the process of teaching a foreign language, but also to make it interesting. With the help of an interactive board, it is possible to organize the independent and project work of students in an effective way.

Ключевые слова: деловая коммуникация, межкультурное взаимодействие, иностранный язык, интерактивные технологии, онлайн доска.

Keywords: business communication, intercultural interaction, foreign language, interactive technologies, online board.

Межкультурное взаимодействие – важный аспект в профессиональной подготовке выпускников магистратуры, изучающих иностранный язык, которые помимо межличностной коммуникации должны быть способны эффективно осуществлять профессионально-деловую и академическую коммуникацию. Соответственно возникает необходимость в изучении особенностей иноязычной культуры и приобретении практических навыков коммуникации для понимания представителей других лингвокультур. Современный профессионал должен выполнять функции грамотного участника межкультурного взаимодействия, например, принимать участие в деловых переговорах, конференциях, форумах, симпозиумах, мастер-классах,

семинарах с использованием иностранного языка, должен быть готов к командной работе с представителями разных культур и уметь руководить проектной деятельностью команды.

В современной научной литературе понятие «межкультурное взаимодействие» трактуется по-разному. Для определения данного понятия следует рассмотреть содержание каждой из его составляющих: «культура», «взаимодействие» и «межкультурное взаимодействие». Каждый человек – личность, его мышление и мировоззрение формируются под влиянием культуры и общества. Под культурой понимают «комплекс достижений человечества в производственном, в общественном и духовном отношении, это

все формы и способы человеческого самопознания и самовыражения, накопленные обществом умений и навыков» [Воронкова, 2011]. Согласно мнению Е.И. Сабаненко, «общеизвестной и общепринятой выступает точка зрения, согласно которой культура имеет латинское происхождение, появление которой фиксируется в эпоху античности. Это слово произошло от глагола «colere», который означал «возделывание», «обработку», «уход» [Сабаненко, 2014]. Существует также фундаментальное понятие «культура», которое представлено в Большой Советской энциклопедии: «Культура – исторически определённый уровень развития общества и человека, выраженный в типах и формах организации жизни и деятельности людей, а также в создаваемых ими материальных и духовных ценностях» [БСЭ]. Культура прививает человеку определенное поведение, оказывая на него воздействие, формирует нравственные ценности и установки. Источником происхождения культуры является человеческая деятельность, творчество, познание окружающего мира и себя. В состав культуры входят жизненные ценности, нормы поведения и материальные произведения. Как правило, любое действие порождает взаимодействие.

Взаимодействие, в свою очередь, отражает универсальный тип связи между субъектами определенных отношений, предполагающее одновременное существование этих субъектов и влияние друг на друга. Понятие «intercultural cooperation» было введено американскими антропологами Г. Трейгером и Э. Холлом. В своем труде «Культура и коммуникация. Модель анализа» в 1954 году они описывают основные положения и идеи межкультурной коммуника-

ции [Трейгер, Холл, 1954]. Данный термин определяется как «идеальная цель, к которой должен стремиться человек в своем желании как можно лучше и эффективнее адаптироваться к окружающему миру». В 1972 году американские ученые Ларри Самовар и Ричард Портер в книге «Коммуникация между культурами» («Communication between Cultures») предложили несколько иное определение «межкультурной коммуникации». Согласно их определению, «межкультурная коммуникация – это такой вид коммуникации, в котором отправитель и получатель принадлежат к разным культурам» [Самовар, 1972].

Межкультурное взаимодействие рассматривается рядом авторов через ценностную природу этнокультурных различий, что позволяет им представить межкультурное взаимодействие как «...особый вид непосредственных отношений и связей, которые складываются между, по меньшей мере, двумя культурами, а также тех влияний, взаимных изменений, которые появляются в ходе этих отношений» [Грушевицкая, 2002].

Межкультурный подход к обучению иностранному языку направляет преподавателя на анализ поведенческих особенностей и речекommunikативной деятельности в ситуациях делового межкультурного взаимодействия, а также формированию умений и навыков диалоговой коммуникации. В итоге, развитию навыков коммуникации в международной профессиональной и академической среде способствует ведение продуктивной деловой коммуникации с применением умений доказывать, аргументировать обосновать, убеждать и т.д.

Для целей обучения иноязычной деловой коммуникации мы разработали интерактивный курс

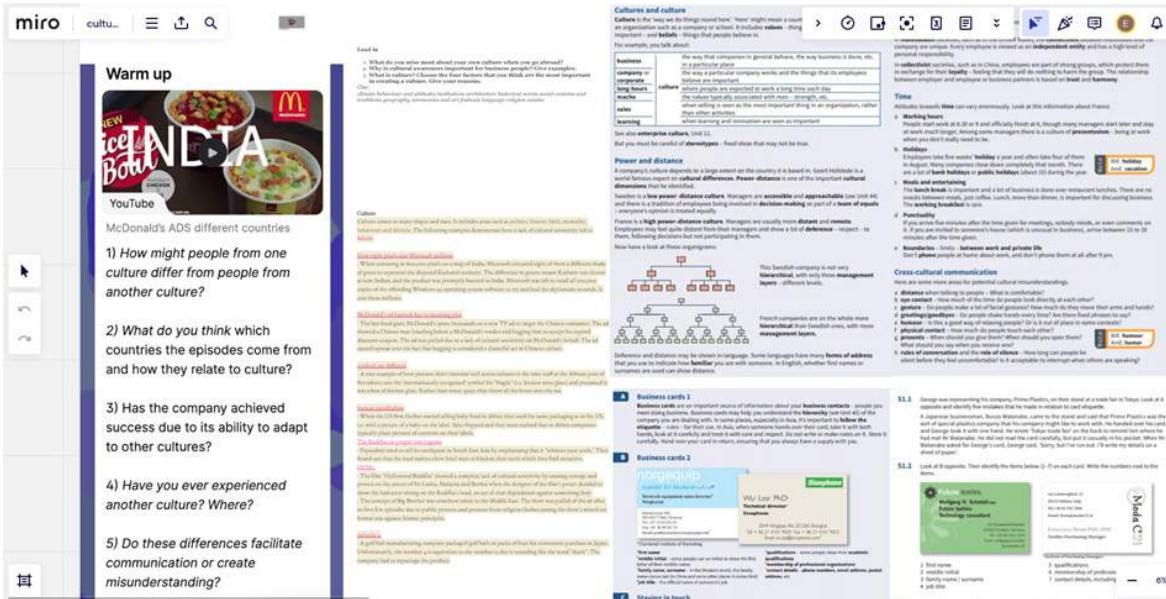

Рис.1 – Фрагмент курса на интерактивной доске Miro

на доске Miro (рис.1). Miro – это удобный сервис для хранения и обмена данными, организации командной и проектной работы, мозговых штурмов, визуализации материала. Интерфейс доски интуитивно понятен. Здесь одновременно могут работать большое количество обучающихся. Miro позволяет размещать разноформатные файлы, диаграммы, ссылки, презентации, создавать канбан доски, собирать обратную связь от обучающихся в виде комментариев, обмениваться данными и т.д. Переписка в комментариях строится по принципу общения в чате как в любом мессенджере. У каждого участника есть ник, и, соответственно, кликнув на ник, можно обратиться к конкретному участнику чата.

Этапы работы с интерактивным курсом на занятии по иностранному языку.

1. Подготовительный этап.

Lead-in/Warm-up: мозговой штурм, устная коммуникация, работа с лексикой (рис. 2.)

На подготовительном этапе занятия происходит анонсирование темы и цели занятия с использованием коротких видео, картинок, шутки, пословицы и т.п., которые отражают основные пункты темы. Здесь основной упор делается на устную коммуникацию, вводится профессиональная лексика с помощью упражнений, которые обучающиеся выполняют на Miro. Цель данного этапа: вовлечь обучающихся в учебный процесс и активизировать лексический материал.

2. Основной этап включает работу с текстом или статьей и аудиозаписями для отработки навыков чтения, аудирования. Далее следует дискуссия для развития навыков аргументативной речи либо обсуждение для развития навыков

спонтанной речи. Работа с текстом или статьей организована в несколько этапов:

1. Предтекстовый (работа с иллюстрациями, заголовками, изучение глоссария, вовлекающая беседа).

2. Притекстовый (множественный выбор, выбор «правда или ложь», задание на соответствие, на порядок или расстановку картинок/заголовков с текстом, ответы на вопросы, заполнение таблицы, заполнение пропусков, исправление ошибок в тексте, озаглавливание текста или его частей).

3. Послетекстовый (пересказ текста, перефразирование новой лексики из текста, подбор синонимов или антонимов по новой лексике, сопоставление дефиниций и новой лексики, статья/эссе/презентация/диалог на основе текста).

Следующий этап – формирование новых понятий и способов действия посредством визуальной демонстрации нового учебного материала (схемы, таблицы, рисунки, анимация, видео- и аудио-фрагменты). Все материалы публикуются на Miro.

Для развития деловой коммуникации необходимо включить вопросы и задания, требующие когнитивной активности и творческого понимания материала, прилагая иллюстрации, инструкции правильного решения, образцы и примеры, устойчивые выражения и клише для эффективного выполнения задания обучающимися. Для развития творческого и критического мышления можно посмотреть на проблему с другой стороны, выявить особенности, соотнести факты с понятиями, правилами и идеями.

Для проверки освоения пройденного материала применяются разнообразные задания на

Discuss the following questions:

1. What problem is mentioned in the video and the reason why the conflict occurs.
2. What cultural differences can you think of about doing engineering business?
3. If someone from a very different culture were to visit your country on business, what advice would you give them? What would you tell a foreign visitor about 'good manners' in your country?

Clue:

Etiquette: Dos and don't`s manner and comportment, greeting, dress

Surprises: Give a speech spontaneously

Expectations: Local attitude to time and punctuality

4. How much do you think international business is improved by knowing about foreign people's customs?

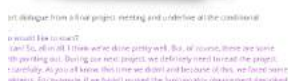

Рис.2 – Пример дискуссионных вопросов для Lead-in activity

проверку как рецептивных (аудирование, чтение), так и продуктивных навыков (письмо, говорение). Рассматриваемая интерактивная доска позволяет также оставлять комментарии прямо под каждым информационным блоком, тем самым можно оперативно получить обратную связь от обучающихся и определить степень их готовности.

Материалы, представленные посредством Miro, можно применять на всех этапах занятия. Это хороший инструмент для усиления визуального восприятия, что обеспечивает лучшее запоминание обучающимися изучаемого материала.

3. Заключительный этап: письменная коммуникация посредством ролевой игры, результатом которой является написание эссе или делового письма.

Используя интерактивный курс, представленный на платформе Miro, обучающиеся развивают способность к деловой коммуникации на иностранном языке для решения задач межкультурного взаимодействия, в том числе в сфере профессиональной деятельности. Благодаря тому, что все задания и материалы выгружаются на интерактивную доску Miro, это позволяет облегчить процесс овладения иностранным языком и эффективно организовать самостоятельную и проектную работу обучающихся.

Список литературы

1. Воронкова, В.Г. Управление человеческими ресурсами / В.Г. Воронкова 2011. – С. 95 – 100. – Текст: непосредственный.

2. Большая советская энциклопедия. – Текст: электронный. – БСЭ: [официальный сайт]. – URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/067/324.htm> (дата обращения: 17.01.2024).

3. Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации / Т.Г. Грушевицкая: Учебник для вузов / под ред. А.П. Садохина. М., 2002. – 352 с. – Текст: непосредственный.

4. Сабаненко, Е. И. Межкультурное взаимодействие: сущность, типология, социальная регуляция / Е. И. Сабаненко. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2014. – № 21 (80). – С. 816-819.

5. «Culture as Communication» («Культура и коммуникация. Модель анализа», 1954 г.) – Текст: электронный. – [официальный сайт]. – URL: http://yanko.lib.ru/books/cultur/leach-culture_communication.htm (дата обращения: 17.01.2024).

6. George R Spratto, Larry A Samovar. Communication Between Cultures / George R Spratto, Larry A Samovar. – Текст: электронный. – [официальный сайт]. – URL: <https://www.chegg.com/textbooks/communication-between-cultures-7th-edition-9781111781453-1111781451> (дата обращения: 17.01.2024).

Наши авторы**Секция 1 “Дискурсивное конструирование: репрезентация действительности
в контексте глобальных вызовов”**

1. **Аюшева София Максимовна**, Челябинский государственный университет, e-mail: sofya-29-07@mail.ru
2. **Белов Евгений Сергеевич**, кандидат филологических наук, Челябинский государственный университет, e-mail: unitedgroup74@gmail.com.
3. **Валеева Анастасия Игоревна**, Челябинский государственный университет, e-mail: vai180983@gmail.com.
4. **Васильева Елена Олеговна**, Челябинский государственный университет, e-mail: lena.vasileva.01@bk.ru.
5. **Велентеенко Мария Васильевна**, Уральский государственный педагогический университет, e-mail: masha141194@mail.ru
6. **Вильданова Гузель Агзамовна**, кандидат филологических наук, Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова, e-mail: guzelec@gmail.com.
7. **Вильданов Азат Агзамович**, Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова, e-mail: vild.azat@gmail.com
8. **Гуслякова Алла Викторовна**, кандидат филологических наук, Институт экологии Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы, e-mail: aguslyakova@bk.ru; guslyakova_av@pfur.ru.
9. **Добрикова Ксения Александровна**, кандидат филологических наук, Челябинский государственный университет, e-mail: xenia.dobrikova@gmail.com.
10. **Заболотнева Оксана Леонидовна**, кандидат филологических наук, Челябинский государственный университет, e-mail: zoxl@mail.ru.
11. **Захарченко Светлана Сергеевна**, кандидат филологических наук, Сургутский государственный педагогический университет, e-mail: svetlana_driga@mail.ru.
12. **Исакова Ирина Юрьевна**, Уральский федеральный университет, e-mail: isako2000@mail.ru.
13. **Истомина Екатерина Михайловна**, Южно-Уральский государственный университет, e-mail: istom555@mail.ru.
14. **Кокурина Инна Владимировна**, кандидат филологических наук, Ивановский государственный университет, e-mail: inna-kokurina@mail.ru.
15. **Кондратьева Ольга Николаевна**, доктор филологических наук, Кемеровский государственный университет, e-mail: olnik25@mail.ru.
16. **Копачева Александра Романовна**, кандидат филологических наук, Московский международный университет, e-mail: koral2020@rambler.ru.
17. **Крижановская Елена Мечиславовна**, кандидат филологических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет, e-mail: emkrizh@gmail.com.
18. **Крохалева Елена Андреевна**, Челябинский государственный университет, e-mail: krokhaleva_ea@mail.ru.
19. **Кузнецова Наталья Юрьевна**, кандидат филологических наук, Челябинский государственный университет, e-mail: kuznez19@mail.ru.
20. **Кушнерук Светлана Леонидовна**, доктор филологических наук, Челябинский государственный университет, e-mail: svetlana_kush@mail.ru.
21. **Малянова Ольга Владимировна**, Пермский государственный институт культуры, e-mail: o_malyanova@bk.ru.
22. **Масгутова Марина Фаритовна**, кандидат филологических наук, Челябинский государственный университет, e-mail: marina_masgutova@mail.ru.
23. **Матвеева Екатерина Валерьевна**, Уфимский университет науки и технологий, e-mail: matveevakate2000@mail.ru.
24. **Монгилёва Наталья Викторовна**, кандидат филологических наук, Костанайский региональный университет им А. Байтурсынова, e-mail: 77772456222@mail.ru.
25. **Нахимова Елена Анатольевна**, доктор филологических наук, Уральский государственный педагогический университет, e-mail: nakhimova@gmail.com
26. **Олизько Наталья Сергеевна**, доктор филологических наук, Челябинский государственный университет, e-mail: olizko@yandex.ru.

27. Ополовникова Мария Владимировна, кандидат филологических наук, Ивановский государственный университет, e-mail: omw@mail.ru.

28. Подолько Анастасия Сергеевна, Южно-Уральский государственный университет, e-mail: podolkoas@susu.ru.

29. Подрезова Полина Максимовна, Челябинский государственный университет, e-mail: podrezovapo@mail.ru.

30. Подъяпольская Ольга Юрьевна, кандидат филологических наук, Челябинский государственный университет, e-mail: oljapod@mail.ru.

31. Рыкова Ольга Викторовна, кандидат филологических наук, Челябинский государственный университет, e-mail: olga.pribylova@mail.ru.

32. Самкова Мария Андреевна, кандидат филологических наук, Челябинский государственный университет, e-mail: _degi_@mail.ru.

33. Устинова Мария Владимировна, Кузбасский институт ФСИН России, e-mail: pressa@kifsin.ru.

34. Чеканина Антонина Рашитовна, Челябинский государственный университет, e-mail: 24072002t@gmail.com.

35. Черникова Александра Юрьевна, Челябинский государственный университет, e-mail: a.bodnar17@mail.ru.

36. Чернышева Анастасия Михайловна, Южно-Уральский государственный университет, e-mail: a_m_chernysheva@mail.ru.

37. Энгель Елена Александровна, Тюменский индустриальный университет, e-mail: engelkind@mail.ru.

Секция 2 “Семантика и прагматика текста и языковых единиц в новом лингвистическом пространстве”

1. Адилова Алмагуль Советовна, доктор филологических наук, Карагандинский университет им. академика Е.А. Букетова, e-mail: adilova2010@mail.ru.

2. Алексеева Елена Михайловна, кандидат филологических наук, Уральский государственный педагогический университет, e-mail: welizhanina@mail.ru.

3. Алексеенко Владислав Николаевич, Алтайский государственный педагогический университет, e-mail: vladalekseenko97@mail.ru.

4. Бабина Ольга Ивановна, кандидат филологических наук, Южно-Уральский государственный университет (НИУ), e-mail: babinaoi@susu.ru.

5. Баландина Екатерина Сергеевна, кандидат филологических наук, Южно-Уральский государственный университет (НИУ), e-mail: balandinaes@susu.ru.

6. Большакова Татьяна Михайловна, кандидат филологических наук, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, e-mail: bolshakovatiana@gmail.com.

7. Викторова Елена Владимировна, Челябинский государственный университет, e-mail: evmatveeva1992@gmail.com.

8. Власян Гаянэ Рубеновна, кандидат филологических наук, Челябинский государственный университет, e-mail: vasyangr@yandex.ru.

9. Гусева Александра Андреевна, Челябинский государственный университет, e-mail: antares_s77773@mail.ru.

10. Дробышева Ольга Вячеславовна, кандидат филологических наук, Челябинский государственный университет, e-mail: yalo11@mail.ru.

11. Зиновьева Дарья Олеговна, Уральский медицинский колледж, e-mail: dasha.zinoveva.2016@mail.ru.

12. Ивонина Анастасия Сергеевна, БУ «Сургутский государственный педагогический университет», e-mail: london-london@mail.ru.

13. Калинин Олег Игоревич, доктор филологических наук, Военный университет им. князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, e-mail: okalinin.lingua@gmail.com.

14. Каппасова Айгерим Шугаевна, кандидат филологических наук, Карагандинский университет им. академика Е.А. Букетова, e-mail: ai_kerim.k@mail.ru.

15. Каримова Алина Раильевна, Челябинский государственный университет, e-mail: alya.karimova2003@gmail.com.

16. Катермина Вероника Викторовна, доктор филологических наук, Кубанский государственный университет, e-mail: veronika.katermina@yandex.ru.

17. Кашеева Анна Владимировна, кандидат педагогических наук, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, e-mail: kashcheyeva@mail.ru.

18. Ключко Константин Александрович, кандидат филологических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет, e-mail: konstklochko@gmail.com.

19. Ковалева Ольга Николаевна, кандидат филологических наук, Челябинский государственный университет, e-mail: babushkina_on@mail.ru.

20. Кожухова Ирина Владимировна, кандидат филологических наук, Челябинский государственный университет, e-mail: vinantov@mail.ru.

21. Корзун Анна Викторовна, Уфимский университет науки и технологий, e-mail: annakomarova86@rambler.ru.

22. Мухина Ирина Константиновна, кандидат филологических наук, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, e-mail: mironova-mukhina@yandex.ru.

23. Передриенко Татьяна Юрьевна, кандидат филологических наук, Южно-Уральский государственный университет (НИУ), e-mail: peredrienkoti@susu.ru.

24. Петрова Наталия Евгеньевна, доктор филологических наук, Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, e-mail: petrova_ngru@mail.ru.

25. Петрова Елена Михайловна, Челябинский государственный университет, e-mail: p.elena_98@mail.ru.

26. Попов Вячеслав Евгеньевич, Челябинский государственный университет, e-mail: slava2002-05-08@mail.ru.

27. Радус Лариса Александровна, Военный университет им. князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, e-mail: lara_rad@bk.ru

28. Рензьева Ксения Вячеславовна, Кемеровский государственный университет, e-mail: ren_ksenia@mail.ru.

29. Ронжина Яна Николаевна, кандидат филологических наук, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, e-mail: yana_ronzhina@mail.ru.

30. Савко Павел Витальевич, Челябинский государственный университет, e-mail: psvko@bk.ru.

31. Сафина Зарема Миниаминовна, кандидат филологических наук, Уфимский университет науки и технологий, e-mail: safnazarema@mail.ru.

32. Снимщикова Анастасия Максимовна, Уральский медицинский колледж, e-mail: grinko.nastyia.1998@mail.ru

33. Старюк Мария Валерьевна, Уральский медицинский колледж, e-mail: madgica@yandex.ru

34. Степыкин Николай Иванович, доктор филологических наук, Московский энергетический институт, e-mail: nick1086@mail.ru.

35. Таланина Александра Андреевна, кандидат филологических наук, Санкт-Петербургский горный университет императрицы Екатерины II, e-mail: talanina_a@mail.ru.

36. Таюпова Ольга Ивановна, доктор филологических наук, Уфимский университет науки и технологий, e-mail: o.tayupova@mail.ru.

37. Ткачева Анна Николаевна, кандидат филологических наук, Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, e-mail: Tkatcheva-Ann@yandex.ru.

38. Федуленкова Татьяна Николаевна, доктор филологических наук, Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, e-mail: fedulenkova@list.ru

39. Ходыкина Мария Алексеевна, Челябинский государственный университет, e-mail: marina.alksvna@gmail.com.

40. Хрущева Оксана Александровна, кандидат филологических наук, Оренбургский государственный университет, e-mail: hrox@mail.ru.

41. Царева Виктория Олеговна, Челябинский государственный университет, e-mail: v2o2@yandex.ru.

42. Шаповалова Елена Олеговна, кандидат филологических наук, Челябинский государственный университет, e-mail: megarcheliske@mail.ru.

43. Шкода Юлия Дмитриевна, Челябинский государственный университет, e-mail: shkoda_julietta@mail.ru.

Секция 3 “Языковая картина мира и взаимодействие культур”

1. **Абдульмянова Диана Рустамовна**, кандидат филологических наук, Московский городской педагогический университет, e-mail: diana-gazieva@mail.ru.
2. **Алферов Роман Валерьевич**, Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева, e-mail: alferov.roman20954@gmail.com
3. **Антипова Анна Александровна**, кандидат филологических наук, МГУ имени М.В. Ломоносова, e-mail: labirint80@yandex.ru.
4. **Бачурская Валерия Владимировна**, Челябинский государственный университет, e-mail: pu-alette@mail.ru.
5. **Бобнев Борис Александрович**, кандидат филологических наук, Челябинский государственный университет, e-mail: bor337@mail.ru.
6. **Волчкова Анастасия Сергеевна**, Челябинский государственный университет, e-mail: akisseleva94@gmail.com.
7. **Дамман Евгения Александровна**, кандидат филологических наук, Южно-Уральский государственный университет (НИУ), e-mail: evgeniya_damman@mail.ru.
8. **Денисенко Елена Николаевна**, кандидат педагогических наук, Военный университет имени Александра Невского, e-mail: olenaden@gmail.com.
9. **Жиндеева Елена Александровна**, доктор филологических наук, Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева, e-mail: jindeeva@mail.ru.
10. **Зубенко Яна Валериевна**, Костанайский региональный университет им. А. Байтурсынұлы, e-mail: janaz75@rambler.ru.
11. **Ильинова Елена Владимировна**, Краснодарское высшее военное училище имени генерала армии С.М. Штеменко, e-mail: elena.ilinova21@gmail.com.
12. **Краевская Ирина Олеговна**, кандидат филологических наук, Томский государственный педагогический университет, e-mail: irinakraevskaya@tspu.edu.ru.
13. **Кудашева Марина Юрьевна**, Пермский государственный институт культуры, e-mail: marp1512@inbox.ru.
14. **Ляпкина Эльвира Маратовна**, кандидат филологических наук, Челябинский государственный университет, e-mail: elvira_1@mail.ru.
15. **Миронова Александра Анатольевна**, доктор филологических наук, Южно-Уральский государственный университет (НИУ), e-mail: amiron_rus@mail.ru.
16. **Молодзиевская София Владиславовна**, Челябинский государственный университет, г. Челябинск, e-mail: sofiamolodzievskaa@gmail.com
17. **Москвичёва Оксана Анатольевна**, кандидат филологических наук, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», e-mail: oksana20121980@yandex.ru.
18. **Нефедова Лилия Амирянна**, доктор филологических наук, Челябинский государственный университет, e-mail: lan2@mail.ru.
19. **Охрицкая Надежда Михайловна**, кандидат филологических наук, Челябинский государственный университет, e-mail: o_corazon26@mail.ru.
20. **Пешков Дмитрий Игоревич**, Московский международный университет, e-mail: demetriofoal-so1982@gmail.com.
21. **Питина Светлана Анатольевна**, Челябинский государственный университет, г. Челябинск, e-mail: sap.pitina@rambler.ru
22. **Ростовцева Светлана Андреевна**, Челябинский государственный университет, e-mail: rostovs79@mail.ru.
23. **Румянцева Марина Васильевна**, кандидат филологических наук, Тюменский государственный медицинский университет, e-mail: m.rumjanzewa@rambler.ru.
24. **Рябцева Екатерина Сергеевна**, кандидат филологических наук, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (УрФУ), e-mail: e.s.riabtseva@urfu.ru,
25. **Савченко Александр Викторович**, кандидат филологических наук, Государственный университет Чжэнчжи, e-mail: savchenko75@mail.ru.
26. **Смирнова Вера Анатольевна**, кандидат филологических наук, Тихоокеанский государственный университет, e-mail: smirnova-vera@mail.ru.
27. **Суслова Оксана Валентиновна**, кандидат педагогических наук, Челябинский государственный университет, e-mail: suslovaoksana@yandex.ru.

28. Таскаева Анна Вячеславовна, e-mail: доктор филологических наук, Южно-Уральский государственный институт искусств имени П.И. Чайковского, taskaeva_anna@bk.ru.

29. Толстых Ольга Анатольевна, кандидат филологических наук, Южно-Уральский государственный университет, e-mail: tolstykhola@susu.ru.

30. Фу Хуэйюй, Южно-Уральский государственный университет (НИУ), e-mail: 934185987@qq.com.

31. Харченко Елена Владимировна, доктор филологических наук, Южно-Уральский государственный университет (НИУ), e-mail: kharchenko@yandex.ru

32. Хмелевский Михаил Сергеевич, кандидат филологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет, e-mail: chmelevskij@mail.ru.

33. Церцвадзе Мзия Гиглаевна, доктор филологических наук, Кутаисский государственный университет имени А. Церетели, e-mail: mzia.cercvadze@yandex.ru.

34. Циберная Олеся Федоровна, кандидат филологических наук, Челябинский государственный университет, e-mail: igoshevaolesya@gmail.com.

35. Чжан Жуйи, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (УрФУ) г. Екатеринбург

36. Чуносова Ирина Александровна, Южно-Уральский государственный университет (НИУ), e-mail: chunosovaia@susu.ru.

Секция 4 “Перевод и переводоведение в цифровую эпоху”

1. Болдырева Анна Сергеевна, Челябинский государственный университет, e-mail: ana.boldyreva@gmail.com.

2. Воронцова Инна Алексеевна, кандидат филологических наук, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, e-mail: arinnal@yandex.ru.

3. Герман Анна Викторовна, Челябинский государственный университет, e-mail: annager74@mail.ru.

4. Губочкина Любовь Юрьевна, кандидат филологических наук, Государственный университет просвещения, e-mail: glubov09@mail.ru.

5. Денисов Константин Михайлович, кандидат филологических наук, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, e-mail: merry-go-round71@mail.ru.

6. Денисова Ирина Владимировна, кандидат филологических наук, Челябинский государственный университет, e-mail: irina_7j@inbox.ru.

7. Дерябин Артем Геннадьевич, Кемеровский государственный университет, e-mail: artemdin7@yandex.ru.

8. Дехамния Варвара Вячеславовна, Челябинский государственный университет, e-mail: varvara.dehamnia@gmail.com.

9. Коледаева Вероника Дмитриевна, Томский государственный педагогический университет, e-mail: koledaeva.veronica@mail.ru.

10. Краева Светлана Сергеевна, кандидат филологических наук, Челябинский государственный университет, e-mail: kraeva.svetlana@gmail.com.

11. Криворучко Анна Игоревна, кандидат филологических наук, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, e-mail: annaigor08@mail.ru.

12. Кушнина Людмила Вениаминовна, доктор филологических наук, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, e-mail: lkushnina@yandex.ru.

13. Мингажева Елена Александровна, кандидат педагогических наук, Челябинский государственный университет, e-mail: mingazheva.lena@mail.ru.

14. Попова Ангелина Александровна, Челябинский государственный университет, e-mail: angie.rabota@gmail.com.

15. Ремхе Ирина Николаевна, доктор филологических наук, Челябинский государственный университет, e-mail: rilix@mail.ru.

16. Телешева Ирина Владимировна, кандидат филологических наук, Челябинский государственный университет, e-mail: itelesheva@yandex.ru.

17. Торгашова Анастасия Сергеевна, Челябинский государственный университет, e-mail: a_torgashova@mail.ru.

18. Фоменко Екатерина Александровна, Пермский национальный исследовательский политехнический университет

19. Хорецкая Наталья Юрьевна, кандидат филологических наук, Ивановский государственный университет, e-mail: nataliasch@mail.ru.

20. Юдина Ксения Владимировна, Челябинский государственный университет, e-mail: yudinak14@gmail.com

21. Юрченко Надежда Евгеньевна, Челябинский государственный университет, e-mail: nadiayurchenko@mail.ru.

Секция 5 “Лингводидактика и методика обучения родному и иностранным языкам”

1. Альберт Любовь Николаевна, Тюменский государственный медицинский университет, e-mail: lyubova@inbox.ru

2. Альметев Юрий Валерьевич, кандидат педагогических наук, Челябинский государственный университет, e-mail: yu71@list.ru

3. Баковкина Валерия Дмитриевна, Челябинский государственный университет, e-mail: love.26@mail.ru

4. Барышникова Юфимия Сергеевна, Уральский федеральный университет, e-mail: vavulenko@mail.ru

5. Бисикеев Рамир Жумагулович, Челябинский государственный университет, e-mail: ramir_bisikeev@mail.ru

6. Бобыкина Ирина Александровна, доктор педагогических наук, Челябинский государственный университет, e-mail: bobykina-ia@mail.ru

7. Богомолова Екатерина Владимировна, Челябинский государственный университет, e-mail: shokolade74@mail.ru

8. Волобуева Юлия Владимировна, кандидат филологических наук, Сургутский государственный педагогический университет, e-mail: july_bopp@mail.ru

9. Галина Айгуль Булатовна, Челябинский государственный университет, e-mail: aygalina94@mail.ru

10. Гертнер Анастасия Дмитриевна, Томский государственный педагогический университет, e-mail: astasiagertner27@gmail.com

11. Гріднева Екатерина Александровна, Научный исследовательский университет «МЭИ», e-mail: katerina495@yandex.ru

12. Евдак Александра Николаевна, Челябинский государственный университет, e-mail: alex_juin@mail.ru

13. Емельянова Яна Борисовна, кандидат педагогических наук, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, e-mail: yemelyanova2007@yandex.ru

14. Епифанова Валентина Валерьевна, кандидат филологических наук, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, e-mail: valentyana4@yandex.ru

15. Зайченко Илья Дмитриевич, Челябинский государственный университет, e-mail: zaichenkois@mail.ru

16. Захарова Ольга Олеговна, кандидат педагогических наук, Трехгорный технологический институт – филиал Национального исследовательского ядерного университета «Московский инженерно-физический институт», e-mail: osja90@bk.ru

17. Зеленовская Анна Владимировна, Челябинский государственный университет, e-mail: zelenovskaya_ann@mail.ru

18. Игнатова Светлана Сергеевна, Челябинский государственный университет, e-mail: svetlana.ignatova.si@gmail.com

19. Колеева Эльмира Рафаиловна, Челябинский государственный университет, e-mail: elmira.koleeva@yandex.ru

20. Копылова Елена Владимировна, кандидат педагогических наук, Пермский государственный аграрно-технологический университет имени академика Д. Н. Прянишникова, e-mail: l.kopylova079@yandex.ru

21. Кудашева Марина Юрьевна, Пермский государственный институт культуры, e-mail: marp1512@inbox.ru

22. Курьянович Анна Владимировна, доктор филологических наук, Томский государственный педагогический университет, e-mail: kurjanovich.anna@rambler.ru

23. Лопаткина Ирина Александровна, Научный исследовательский университет «МЭИ», e-mail: lopatkinaia@mpei.ru

---

24. Лубожева Лионелла Николаевна, кандидат филологических наук, Челябинский государственный университет, e-mail: lionella.lubozheva@mail.ru

25. Меньщикова Евгения Геннадьевна, Тюменский государственный медицинский университет, e-mail: omvp_tm@mail.ru

26. Мингажева Елена Александровна, кандидат педагогических наук, Челябинский государственный университет, e-mail: mingazheva.lena@mail.ru

27. Наумова Ирина Александровна, Челябинский государственный университет, e-mail: ira_naumova@mail.ru

28. Олешко Тамара Васильевна, Ростовский государственный медицинский университет, e-mail: oleshko_t_v@mail.ru

29. Полякова Светлана Валентиновна, кандидат филологических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет, e-mail: polsvetlana@yandex.ru

30. Пономарева Любовь Дмитриевна, доктор педагогических наук, Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И.Носова, e-mail: ponomareva.ld@yandex.ru

31. Сае Фунг, Сычуаньский университет, e-mail: tisachon.saefung@gmail.com

32. Саямова Валентина Ивановна, Ростовский государственный медицинский университет, e-mail: visayamova@yandex.ru

33. Сулова Оксана Валентиновна, кандидат педагогических наук, Челябинский государственный университет, e-mail: suslovaoksana@yandex.ru

34. Филатова Лилита Николаевна, ГБОУ Школа № 1246, e-mail: lilita.filatova.97@bk.ru

35. Цыбенко Виктория Алексеевна, Рязанский государственный университет, e-mail: viktoria.tsybenko@gmail.com

36. Шефер Оксана Владимировна, кандидат филологических наук, Муниципальное автономное общеобразовательное учреждение – средняя общеобразовательная школа № 31, г. Екатеринбург, e-mail: oxana_csu@mail.ru

37. Юхмина Елена Александровна, кандидат филологических наук, Челябинский государственный университет, e-mail: alen_vitamin@mail.ru

38. Яковлев Андрей Александрович, кандидат филологических наук, Северо-Западный институт управления РАНХиГС, e-mail: mr.koloboque@gmail.com

СОДЕРЖАНИЕ

**ДИСКУРСИВНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ
В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ**

Белов Е. С. Метафора как средство реализации коммуникативной стратегии во внешнеполитическом дискурсе	3
Велентеенко М. В., Нахимова Е. А. Метафора субсферы “Человек” в здравоохранении (на примере российского, британского и американского медиадискурса)	6
Вильданова Г. А., Вильданов А. А. Медицинский дискурс: этическая составляющая	9
Гуслякова А. В. О прагматическом принципе конструирования англоязычного медиадискурса: прошлое, настоящее, будущее	13
Добрикова К. А. Анализ современного англоязычного блоггинг-дискурса	18
Заболотнева О. Л. Концептосфера элитарной языковой личности ученого в университетском дискурсе	21
Захарченко С. С. Вербализация стереотипного восприятия этнических конфликтов в студенческом дискурсе	25
Исакова И. Ю. Особенности метафорической экспансии в итальянском предвыборном дискурсе 2022 г.	28
Истомина Е. М. Коммуникативные практики психологических сайтов	32
Кондратьева О. Н. Метафорическая самоидентификация россиян в сетевом дискурсе	36
Копачева А. Р. Особенности конфликтного диалога в виртуальном массмедийном дискурсе	39
Крижановская Е. М. Характеристика основных аксиологем интернет-текстов лидера политической партии «Единая Россия» Д. А. Медведева (по материалам авторского телеграм-канала)	43
Крохалева Е. А., Самкова М. А. Особенности функционирования прецедентных имен в мультипликационном дискурсе	47
Кузнецова Н. Ю. Лингвистические средства выражения политической идентичности в немецком политическом дискурсе	50
Кушнерук С. Л., Васильева Е. О. Фоновая семантика прецедентных имён как основа миромоделирования в песенном дискурсе	54
Малянова О. В. Особенности терминологии в музыковедческом дискурсе	60
Масгутова М. Ф. Способы выражения оценки в экологическом дискурсе	64
Матвеева Е. В. Киноискусство как форма репрезентации христианского дискурса	67
Монгилёва Н. В. Диспозитивность условий референциального выбора в рассказах о семье» ...	71
Олизько Н. С. Образ ректора как средство формирования имиджа университета	76
Олизько Н. С., Аюшева С. М. Лингвистические средства реализации рекламной кампании в университетском медиадискурсе	79
Ополовникова М. В., Кокурина И. В. Репрезентация арабо-израильского конфликта в немецкоязычной карикатуре	82
Подолько А. С. Британский санкционный дискурс СМИ	88
Подрезова П. М. Особенности реализации стратегии убеждения в экологическом дискурсе ...	91
Подъяпольская О. Ю., Чеканина А. Р. Прецедентные феномены в немецкоязычном песенном дискурсе	95
Рыкова О. В., Валеева А. И. Метафорическое моделирование понятийной сферы «любовь» в британском песенном дискурсе	99
Самкова М. А. Обратимые метафорические модели в дискурсе социальных медиа	102

Устинова М. В. Новостной дискурс сайта коммерческой и образовательной организаций: к проблеме репрезентации образа виртуального автора	106
Черникова А. Ю. Философское понимание информационно-психологической войны	111
Чернышева А. М. Сравнительно-сопоставительный анализ. Эмотивных фразеологизмов (на материале русского и английского языков)	114
Энгель Е. А. Репрезентация действительности в тексте комикса о человеке-пауке	118

СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА ТЕКСТА И ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ В НОВОМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Алексеева Е. М. Претативный тип сакрально-религиозной интерпретации евангельской притчи	125
Алексеев В. Н. Аксиологическая амбивалентность универсальных концептов в англоязычном художественном дискурсе	129
Бабина О. И. Речевые акты в оценочном интернет-дискурсе: типология и языковые манифестации	133
Баландина Е. С. Особенности глагольных конструкций в дискурсе географического описания пространства	139
Большакова Т. М. Прагматический потенциал преамбулы и особенности его реализации в школьных нормативных текстах (на материале немецкого языка)	143
Викторова Е. В. Дискурсивная репрезентация действительности в медиадискурсе (на материале российских и американских СМИ)	146
Власян Г. Р., Шкода Ю. Д. Особенности использования хеджей-преград в англоязычном спортивном дискурсе (на материале репортажей Формулы 1)	150
Гусева А. А. Средства реализации лингвистического хеджирования в американском политическом дискурсе	153
Дробышева О. В. Национально-культурные компоненты в языке современной рекламы	157
Зиновьева Д. О., Снимщикова А. М., Старюк М. В. Перспективы использования искусственного интеллекта в анализе фреймов на примере медицинских текстов	160
Ивонина А. С. Индекс синтаксической сложности иноязычного текста в условиях учебного билингвизма	163
Калинин О. И., Радус Л. А. К вопросу о структуре концепта и процессу его формирования (на примере концепта армия)	167
Капасова А. Ш., Адилова А. С. Прецедентные явления в казахстанских и российских СМИ	173
Каримова А. Р. Структурные особенности дискурсивных маркеров в англоязычном разговорном дискурсе	177
Катермина В. В. Категория культуры в англоязычном неологическом пространстве	181
Кашеева А. В. Семантические модели в англоязычном учебном тексте	186
Клочко К. А. Структура «топик – комментарий» как универсальный ментальный субстрат высказывания	190
Ковалева О. Н. Культурные установки в профессиональной социализации	194
Кожухова И. В. Импозитивность, эмотивность и интертекстуальность в комментариях к констатирующим статьям	197
Корзун А. В. Эмотивность как важнейшая категория эмотивной лингвоэкологии	201
Мухина И. К. Репрезентация «наивных» и научных знаний в словарных дефинициях лексем когнитивно-идеографической группы «оптические явления и их признаки»	204

Передриенко Т. Ю. Образ тишины в перцептивном коде русской лингвокультуры	208
Петрова Е. М. Хеджи как важнейшее средство реализации негативной вежливости в повседневной коммуникации	211
Петрова Н. Е. Семантика невозможности в аспекте категорий интенсификации и оценки	216
Попов В. Е. Шутка как стратегия позитивной вежливости в американском дискурсе интервью	220
Рензиева К. В. Факторы, детерминирующие полидиктумный характер интерпретационного поля	224
Ронжина Я. Н. Креация смысла художественного произведения	227
Савко П. В. Лингвосемиотическая специфика коммерческой рекламы банковских услуг	231
Сафина З. М. Коэффициент лексического разнообразия оригинала и перевода художественного текста	236
Степыкин Н. И. Ассоциативное поле как отражение психологического значения слова	239
Таланина А. А. Скоро сказка сказывается, да не скоро story tellится	243
Таюпова О. И. Изменение лица повествования в научно-популярном тексте как фактор его семантико-прагматической уникальности	246
Ткачева А. Н. Средства воздействия во французских политических рекламных слоганах	250
Федуленкова Т. Н. «Добрый самаритянин» в новом лингвистическом пространстве	253
Ходыкина М. А. Способы перевода религиозной лексики: от транслитерации до адаптации	258
Хрущева О. А. Функционирование заимствований в современном русском языке	261
Царева В. О. Коммуникативная стратегия самозащиты в американском дискурсе интервью	264
Шаповалова Е. О. Лингвокультурологические особенности жанра интервью (на материале интервью с итальянскими деятелями культуры)	268

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР

Абдульмянова Д. Р. Особенности научного исследования коммуникативного взаимодействия	272
Антипова А. А. Средства выражения интенсивности эмоционального состояния «страх» в русском и китайском языках на фразеологическом уровне	275
Бобнев Б. А. Спортивный итальянский репортаж как жанр публицистики	278
Волчкова А. С. Семантические компоненты концепта «образование» в китайском языке	281
Дамман Е. А. Лингвокультурологический анализ концепта «народ» в русскоязычной и англоязычной картинах мира	284
Денисенко Е. Н. Диффузия в лингвомодели «человек-дерево» в восточнославянских представлениях о смерти	290
Жиндеева Е. А., Алферов Р. В. Инфернальность как отличительная черта повествования А.В. Иванова сквозь призму русской словесности	294
Зубенко Я. В., Нефедова Л. А. Феминная идентичность и языковые способы ее выражения в немецком языке	297
Ильинова Е. В. Лингвокультурный типаж «деловой человек» в русской и английской лингвокультурах: подходы к исследованию	300
Краевская И. О. Национальная специфика процессов метафорического терминообразования единиц отрасли «нефтегазопереработка» (на материале русского и английского языков)	305

Кудашева М. Ю. Термины-метафоры в названиях экспериментальных музыкальных инструментов (на материале английского языка)	309
Ляпкина Э. М., Бачурская В. В. Вербально-семантический уровень языковой личности автора блога о путешествиях	312
Миронова А.А. Лингвокультурологический портрет слова «россиянин» в языковой картине мира жителей РФ	316
Москвичёва О. А. Роль концептуальных тропов в моделировании фрактальной модели поэтического мира	320
Охрицкая Н. М. Структурно-семантические особенности эргонимов испанского языка (на материале гостиниц Испании)	324
Пешков Д. И. Основные аспекты латиноамериканской картины мира в романах Алехо Карпентьера «Царство земное», «Потерянные следы» и «Век просвещения»	328
Ростовцева С. А. Профессор Преображенский как модельная личность лингвокультурного типажа «врач-хирург»	334
Румянцева М. В. Лингвокультурологические и мифопоэтические особенности мифологемы «болезнь» (на материале художественных произведений В.В. Личутина)	339
Рябцева Е. С., Чжан Жуйи Проявление национальной специфики в образной номинации (на материале экспериментального исследования)	343
Савченко А. В. Хмелевский М. С. Лексические и фразеологические идишизмы в «одесском языке»	347
Смирнова В. А. Французские паремии с лексемой «argent» как средство отражения национального миропонимания	351
Суслова О. В., Молодзиевская С. В. Проявление ирландского национального самосознания в текстах поэм Уильяма Б. Йейтса	356
Таскаева А. В., Питина С. А. Коммеморативы, посвященные выдающимся деятелям культуры и искусства, в героической парадигме Челябинской области	361
Толстых О. А. Русскоязычный научный текст строительной тематики в лингвоэкологическом аспекте	366
Харченко Е. В., Фу Хуэйи Особенности вербализации запахов в китайской языковой картине мира	370
Церцвадзе М. Г. Репрезентация понятия добро\жаксылык в пословицах и поговорках русского и казахского языков	373
Циберная О. Ф. Неологизмы как форма межкультурного трансфера знаний	379
Чунослова И. А. Лексическая сочетаемость междометия «увы» в диахронии	382

ПЕРЕВОД И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Болдырева А. С., Юрченко Н. Е. Трудности дистанционного устного перевода (по материалам опроса переводчиков китайского языка)	386
Воронцова И. А. Новые направления развития многоязычной лексикографии	389
Губочкина Л. Ю. Феномен перевоплощения антропоморфных персонажей в художественном переводе	393
Денисов К. М. Культурологический феномен переводов романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина»	396
Денисова И. В., Телешева И. В. Гендерно-ориентированный перевод художественного произведения (на примере эссе Вирджинии Вулф «Своя комната»)	399

Дерябин А. Г. Вариативность перевода одного текста в аспекте интерпретационной лингвистики: фактор цифрового переводчика	404
Дехамния В. В. К вопросу об изучении когнитивных процессов в переводоведении	409
Дехамния В. В., Торгашова А. С. Особенности постредактирования машинного перевода: экспериментальное исследование (на материале студенческих переводов)	412
Коледаева В. Д. Перевод культурно-маркированной лексики в новелле Мосян Тунсю «Благословение небожителей»	416
Краева С. С., Герман А. В. Навык универсальной переводческой скорописи как фактор качества перевода	420
Криворучко А. И. Геометрия переводческого процесса: к постановке проблемы	424
Кушнина Л. В., Фоменко Е. А. Портрет речевой личности переводчика как фактор трансляционной экологической среды	426
Мингажева Е. А., Попова А. А. ChatGPT как современный Интернет-ресурс для перевода (на примере публицистического текста)	433
Олизько Н. С., Юдина К. В. Специфика перевода прецедентных феноменов в видеоиграх (на примере игры «Atomic Heart»)	440
Ремхе И. Н., Нефедова Л. А. Матрично-сетевая модель как способ интерпретации когнитивно-коммуникативного взаимодействия членов рабочей группы в условиях переводческого проекта	443
Хорецкая Н. Ю. Лингвокультурные реалии в зеркале перевода (на примере немецкого перевода романа Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза»)	447

ЛИНГВОДИДАКТИКА И МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ РОДНОМУ И ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

Альберт Л. Н., Меньщикова Е. Г. Трудности изучения латинского языка китайскими студентами, обучающимися в медицинском вузе	451
Альметев Ю. В. The implementation of content-based language teaching in a master's level foreign language program	454
Баковкина В. Д. Обзор учебников перевода по китайскому языку	458
Барышникова Ю. С. Low-prep activities: использование заданий, не требующих подготовки, на уроках английского в группах студентов начального уровня	463
Бобыкина И. А., Игнатова С. С. Основные средства формирующего оценивания результатов иноязычного образования обучающихся неязыкового вуза	466
Богомолова Е. В. Актуальные проблемы и пути их решения в преподавании фонетики китайского языка для русскоговорящих обучающихся вузов	469
Волобуева Ю. В. TED talk как средство совершенствования грамматических навыков студентов педагогических вузов	472
Гриднева Е. А., Лопаткина И. А. Факторы, влияющие на изучение немецкого языка как второго иностранного в техническом вузе	477
Евдак А. Н. Мотивации изучения иностранного языка российской молодежью	480
Емельянова Я. Б. Формирование навыков «переводческого» прочтения текста в процессе иноязычной подготовки переводчиков	483
Епифанова В. В. Ономазиологический подход к изучению лексики в рамках семантических полей на занятиях РКИ (на примере семантического поля «Смех»)	487
Захарова О. О. GPT chat и чат-боты как средство развития иноязычных коммуникативных умений студента технического вуза	491

Зеленовская А. В., Колеева Э. Р., Зайченко И. Д. К вопросу проведения промежуточной аттестации по дисциплине «Иностранный язык» у студентов неязыковых факультетов	497
Копылова Е. В. Визуализация как элемент процесса обучения иностранному языку	501
Курьянович А. В., Гертнер А. Д. Лингводидактический ресурс окказиональных слов (на материале экспериментальных данных)	505
Лубожева Л. Н., Бисикеев Р. Ж. Предметно-языковой интегративный подход к формированию профессиональной иноязычной коммуникации	510
Мингажева Е. А., Сулова О. В. Генеративный искусственный интеллект как инструмент в процессе обучения иностранному языку	513
Наумова И. А. Написание CV в процессе обучения деловой коммуникации на иностранном языке	520
Полякова С. В. Extensive reading projects for social work students	525
Пономарева Л. Д. Речетворческое портфолио в системе языковой подготовки обучающихся	528
Сае Фунг Исследование ситуаций употребления атрибутивных маркеров 的 в китайском языке и “ທ່າ, ຫີ້” в тайском языке	531
Саямова В. И., Олешко Т. В. Учебный текст в прагмалингвистическом аспекте в процессе обучения иностранных учащихся на подготовительном факультете медицинского университета	537
Филатова Л. Н. Проблема формирования нравственного развития младших школьников в процессе овладения иноязычной диалогической речью	541
Цыбенко В. А. Лингводидактический потенциал французских интернет-мемов	544
Шефер О. В. Форма манга как способ повышения читательской грамотности подростков	549
Юхмина Е. А., Галина А. Б. Применение интерактивных технологий для обучения иноязычной деловой коммуникации в межкультурном взаимодействии	553

Научное издание

**СЛОВО, ВЫСКАЗЫВАНИЕ, ТЕКСТ
В КОГНИТИВНОМ, ПРАГМАТИЧЕСКОМ
И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ**

Материалы XII Международной научной конференции

*Челябинск
11-12 апреля 2024 года*

Ответственный редактор Л. А. Нефедова

Верстка *А. А. Селютин*

Подписано в печать 22.03.24.
Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная.
Усл.-печ. л. 66,5. Уч.-изд. л. 67,9.
Тираж 500 экз. Заказ 109.

Челябинский государственный университет
454001, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129.

Отпечатано в издательстве Челябинского государственного университета
454021, Челябинск, ул. Молодогвардейцев, 57б.